

Untitled

Хуан Льоренте. Критическая история испанской инквизиции

С.Лозинский. Хуан Антонио Льоренте и его книга.

Предисловие Льоренте. - объяснение слов и выражений, свойственных языку святого трибунала

Том первый

Глава I Порядок и преемственность идей католической церкви до учреждения инквизиции в деле розыска и наказания еретиков.

Глава II Учреждение всеобщей инквизиции против еретиков в XIII веке

Глава III О прежней инквизиции в Испании

Глава IV Об управлении прежней инквизиции

Глава V Учреждение теперешней инквизиции в Испании

Глава VI Установление должности великого главного инквизитора, королевского совета инквизиции, подчиненных трибуналов и органических законов.

Учреждение святого трибунала в арагонском королевстве

Глава VII Дополнительные акты к первым основным законам святого трибунала, вытекающие из них последствия и апелляции в рим против злоупотребления ими

Глава VIII Изгнание евреев. Процессы, возбужденные против епископов. столкновение юрисдикции. Смерть Торквемады; исчисление его жертв. Его характер, влияние его на поведение и дела инквизиции

Глава IX Судопроизводство теперешней инквизиции

Глава X О важнейших событиях, происшедших при главных

Untitled

инквизиторах десе и сиснеросе

Глава XI Попытка реформы святого трибунала, сделанная кортесами Кастилии и Арагона. О важнейших событиях, происшедших при кардинале Адриане, четвертом главном инквизиторе

Глава XII Поведение инквизиторов в отношении морисков

Глава XIII О запрещении книг и некоторых других предметов этого рода

Глава XIV Частные процессы, возбужденные по подозрению в лютеранстве и по некоторым другим преступлениям

Глава XV Процессы, возбужденные инквизицией против колдунов, чернокнижников, волшебников, некромантов и др.

Глава XVI Процесс лженунция Португалии и некоторые другие важные дела эпохи кардинала Таверы, шестого главного инквизитора

Глава XVII Инквизиции Неаполя, Сицилии и Мальты и события эпохи КАРДИНАЛА Лоайсы, седьмого главного инквизитора

Глава XVIII Важные дела, происшедшие в течение первых лет службы восьмого главного инквизитора. Религия Карла V в последние годы его жизни

Глава XIX Процессы, возбужденные против Карла V и Филиппа II как покровителей еретиков и схизматиков.

Преуспевание инквизицш при последнем из этих государей. Последствия его особенной благосклонности к ней

Глава XX Инквизиция торжественно справляет в

Вальядолиде в 1559 году два аутодафе против лютеран.

На них присутствуют некоторые члены королевской семьи

Untitled

Глава XXI История двух аутодафе, справленных против лютеран в Севилье

Глава XXII Указы 1561 года, служившие до наших дней правилом в процессах инквизиции

Глава XXIII Подробности нескольких аутодафе, справленных в Мурсии

Глава XXIV Аутодафе, справленные против протестантов и других обвиняемых инквизиторами Толедо, Сарагосы, Валенсии, Логроньо, Гранады, Куэнсы и Сардинии в царствование Филиппа II

Глава XXV Ученые, ставшие жертвами инквизиции

Глава XXVI Покушения, совершенные инквизиторами против королевской власти и должностных лиц

Примечания к первому тому. (только до 712).

Книга на русском языке впервые вышла: Москва, Соцэкгиз, 1936. 2 тт.

Второе издание: В основу данного издания положен перевод 1936 года. Главы, пропущенные в предыдущей публикации, восстановлены. (Примеч. ред.) [Речь идет об одной главе - 46, в защиту веротерпимости - прим. Я.Кротова]

Хуан-Антонио Льоренте и его книга

Хуан Антонио Льоренте родился в 1756 г. в маленьком городке близ Калаоры в обедневшей старинной дворянской семье и, рано потеряв родителей, воспитывался в доме дяди-священника. С 14 лет он с тонзурой на макушке поступил учиться в монастырь и спустя три года в присутствии калаорского епископа и

Untitled

других духовных особ защищал на латинском языке диссертацию из области метафизики и логики и поступил в Сарагосский университет, чтобы изучать римское право. Три года он на варварской латыни упражнялся в римском праве и в 1776 г. получил степень бакалавра юридических наук. Через год мы уже видим его субдьяконом и каноником в Калаоре, обеспеченным ежегодным твердым доходом от бенефиции. По старому испанскому обычаю молодому духовенству разрешалось развлекаться составлением театральных пьес, и Льоренте решил отдавать свободные часы драматической литературе. Так, на театральной сцене Калаоры появилось "Отвращение к браку" - топорная мелодрама, не пришедшаяся по вкусу даже неизбалованной и непритязательной публике захолустного городишка Старой Кастилии. В 1778 г. Льоренте поступил в Валенсийский университет, чтобы специализироваться в каноническом праве. Вскоре Льоренте стал доктором канонического права, и молодому священнику дано было право исповедовать не только мужчин, но и женщин. В 1782 г. калаорский епископ назначил его генеральным викарием своей епархии, и Льоренте нужно было лишь терпеливо ждать смерти своего непосредственного почти семидесятилетнего начальника, чтобы самому стать епископом Калаоры и тем завершить свою карьеру. Не добившись успеха в области драматической литературы, Льоренте взялся за составление религиозно-философских статей, столь же плоских и безвкусных, как огромное множество схоластических упражнений испанских монахов и священников. Но "философия" не удовлетворяла

Untitled

Льоренте, и он перешел к истории. Его исторические монографии зачастую строились на архивном материале и свидетельствовали о значительной начитанности автора и умении классифицировать обрабатываемый им материал. Но темы его работ были жалки и ничтожны; главным образом это были жизнеописания местных святых, чудотворная слава которых никогда не выходила за пределы маленькой Калаоры. В 1784 г. Королевская академия святых канонов, литургии и церковной испанской истории, находившаяся в Мадриде, избрала Льоренте своим действительным членом, и молодой заместитель епископа имел основание мечтать уже не только о Калаоре, но и о крупном испанском центре. В это же время Льоренте встретился с каким-то образованным иностранцем, который стал ему доказывать, что при оценке того или иного религиозного и философского положения, равно как поэтических и моральных указаний, следует прежде всего руководствоваться собственным разумом и ни в коем случае не полагаться на чужой авторитет и вековой опыт, ибо зачастую высокие авторитеты и старинные традиции оказываются рассадниками всяких предрассудков и суеверий и ведут не к истине и правде, а к вреднейшим заблуждениям и опаснейшим ошибкам. Единственным мерилom истины, убеждал Льоренте случайно очутившийся в Калаоре иностранец, является наш собственный разум, а потому не следует воспринимать ничего, что ему противоречит и с чем он не мирится. К ссылкам на ежедневные факты следует точно так же относиться с недоверием, пока они лично не проверены на практике.

Untitled

Иностранец, который, вероятно, был французом-рационалистом, советовал Льоренте тщательно изучать сочинения Декарта, много и подробно беседовал с ним по поводу прочитанного, и, по словам Льоренте, эти частые собеседования производили на него особенно большое впечатление, которого даже и время не могло изгладить. Как ни велико было влияние этой случайной встречи, однако нельзя исключительно ею объяснить тот умственный перелом, который произошел в уме Льоренте в 80-х годах. Самое это влияние могло иметь место и быть благотворным только потому, что в XVIII в. в Испании происходила сильнейшая борьба между загнивавшим средневековым феодализмом, доведшим страну до полного истощения и гибели, и шедшей ему на смену буржуазией, богатой энергией и инициативой и представлявшей в тот исторический отрезок времени прогрессивную силу.

Значительный социальный сдвиг, совершившийся в Испании в XVIII в., надломивший старую, традиционную политику испанского папистского духовенства, не мог не быть предметом продолжительных бесед Льоренте с тем иностранцем, который на многое открыл ему глаза и который в качестве рационалиста, естественно, поддерживал новое течение внутри испанской Церкви, всячески борясь с ультрамонтанскими тенденциями огромного большинства авторитетных представителей Церкви в Испании. В разгаре борьбы внутри самой Церкви каждый обмен мнений между Льоренте и рационалистом, каждая новая прочитанная антипапистская книга, философское произведение, политический трактат и

Untitled

публицистический памфлет находили отклик в душе Льоренте, будили его мысль, тревожили его и все дальше отталкивали от старого, папистского пути. В 1785 г. Льоренте, показав, что ни прадед, ни дед, ни отец его не привлекались к суду никаким инквизиционным трибуналом и никем не были заподозрены ни в какой ереси, засвидетельствовав чистоту своей крови и доказав, что в его жилах нет ни одной капли еврейской и арабской крови, получил должность комиссара инквизиционного трибунала в Логроньо. Кровавая хроника этого трибунала свидетельствует о значительном падении числа жертв в годы службы Льоренте в Логроньо (1785 - 1789) и об отсутствии смертных приговоров за этот короткий промежуток времени. Начавшаяся во Франции буржуазная революция вызвала на первых порах замешательство даже среди руководителей инквизиции, и главный инквизитор Рубин де Севальос в поисках нового человека, способного взять на себя ответственность за те или иные действия инквизиционных трибуналов, назначил Льоренте главным секретарем инквизиции. Льоренте все больше укреплялся в своей позиции практического смягчения инквизиционных приговоров и считал, что необходимо реорганизовать инквизицию, тем более что и министр Флорида-Бланка, авторитет которого в глазах Льоренте стоял очень высоко, склонился к мнению, что "дикому фанатизму не должно быть места в просвещенный век" и что можно крепко держать в руках руль государства без помощи ненавистного всей стране учреждения. Однако Флорида-Бланка вскоре должен был подать в отставку, и почти одновременно с ним ушел и генеральный секретарь

Untitled

инквизиции, пробыв на этом посту менее двух лет. Льоренте оказался в опале как заподозренный в снисходительности к религиозным преступникам и даже в скрытом сочувствии просветительным идеям, которыми он будто заразился от престарелого Флорида-Бланки. С 1791 г. Льоренте снова жил в Калаоре, занимая пост каноника и посвящая много времени научным работам, преимущественно в области церковной истории. Здесь же ему пришлось встретиться с бежавшими из Франции представителями контрреволюционного, так называемого неприсяжного духовенства. Судя по тому, что Льоренте собирал средства для этих эмигрантов, ненавидевших революцию, можно утверждать, что симпатии Льоренте не были на стороне революционной Франции и что он, подобно Флорида-Бланке, относился враждебно к деятельности французского Законодательного собрания и Конвента. Насколько близки ему были неприсяжные священники, видно из того, что он написал специальную книгу о французских представителях духовенства, эмигрировавших в Испанию. Книга эта не увидела света, она затерялась в лабиринте разных церковных комиссий по делам печати, и один из цензоров заявил Льоренте, что в настоящий момент (дело относится к концу 1792 г.) подобная книга была бы и неполитична и нецелесообразна; то был канун решительного присоединения Испании к антифранцузской коалиции. Имеется, однако, основание утверждать, что и в Калаоре в эти годы Льоренте продолжал стоять за необходимость реорганизации инквизиции и за смягчение налагаемых ею кар. Только этим можно объяснить, что Мануэль

Untitled

Абад-и-ла-Сьерра, назначенный 11 мая 1793 г. главным инквизитором, предложил Льоренте приступить к выработке плана реорганизации инквизиции путем введения в ее судопроизводство принципов, применявшихся в гражданских и уголовных процессах. Написанный рукою Льоренте план реорганизации испанской инквизиции был передан министру юстиции Ховельяносу, который благодаря своим публицистическим и экономическим работам пользовался славой решительного сторонника переустройства полуфеодальной Испании на буржуазных началах. Но общая неустойчивость правительственной политики тормозила всякие начинания, и план Льоренте задержался в своем странствовании из одного министерства в другое. В 1794 г. главный инквизитор Абад-и-ла-Сьерра должен был уйти со своего поста, вскоре в опале оказался и министр юстиции Ховельянос. Перед отправлением его в ссылку у него был сделан тщательный обыск, и на основании найденных у него бумаг начались аресты заподозренных в янсенизме лиц. Вовлечена была в дело принцесса Монтихо, у которой было найдено письмо Льоренте. Последний немедленно был задержан, удален в 1801 г. с поста секретаря инквизиции, а потом оштрафован на 50 дукатов и заточен на месяц в монастырь. Его богатейшая библиотека была конфискована в пользу инквизиции. Вещественным же доказательством его виновности были некоторые его рукописи о необходимости установления в Испании "свободной" Церкви, о чрезмерности папских притязаний и о предстоящем неотложном изменении инквизиционного судопроизводства. После отбытия своего наказания

Untitled

Льоренте в течение свыше четырех лет (1801 - 1805 гг.) был совершенно не у дел и много занимался историческими науками и философией. В это именно время он, по-видимому, ближе стал присматриваться к жизни, познакомился с реальными нуждами родной страны и внимательно следил за тем, что происходило по ту сторону Пиренейских гор. Однако тяжелое наследство церковно-инквизиционной деятельности тяготело над ним, и, когда ему в 1806 г. было предложено место каноника в Толедо, а потом должность инспектора школы и даже канцлера Толедского университета, Льоренте пошел на работу не только за страх, но и за совесть.

Совершенно неожиданно мы находим его в 1808 г. среди приверженцев Мюрата. Отныне Льоренте - сторонник Франции. По распоряжению Мюрата он отправляется на собрание нотаблей в Байонну, где нотаблям предстоит принять начертанную Наполеоном испанскую конституцию и принести присягу в верности как конституции, так и новому испанскому королю Жозефу, родному брату Наполеона Бонапарта, императора французов. Льоренте принес требовавшуюся присягу, и его имя красовалось под конституционным актом нового Испанского королевства. В ответ на провозглашение Жозефа королем Испании в ней начались народные волнения, быстро превратившиеся в настоящую войну, подавить которую оказались не в силах французские войска, тем более что на помощь поднявшимся испанцам пришли англичане, которые и нанесли ряд тяжелых поражений французской армии. После несчастной для французов битвы 21 июня 1813 г. при Виттории часть армии вынуждена была покинуть

Untitled

испанскую территорию вместе с королем Жозефом и его приближенными, в числе которых находился и Льоренте, очутившийся в начале 1814 г. в Париже в качестве политического эмигранта. Дело в том, что за годы господства французов в Испании с именем Льоренте были связаны важные события в области религиозной политики, за которые он подлежал суровому наказанию со стороны восторжествовавшей в Испании реакции в лице короля Фердинанда VII Бурбона. Так, 4 декабря 1808 г. была уничтожена инквизиция как "противоречащее суверенитету светской власти учреждение", и Льоренте в 1809 г. было поручено стать во главе всего инквизиционного архива и приступить к работе по истории инквизиции в Испании. В течение свыше двух лет непосредственно Льоренте и множеством подчиненных ему лиц велась огромная работа по изучению, разбору и переписке бесчисленных документов различных инквизиционных трибуналов и высшего совета инквизиции. Льоренте обнаружил невероятную энергию в деле организации и изучения архивов инквизиции и в 1812 г. опубликовал на испанском языке небольшой очерк по истории испанской инквизиции, который лег в основу его будущей знаменитой "Критической истории испанской инквизиции". В то же время Льоренте поручено было провести в жизнь изданный правительством Жозефа декрет о закрытии монастырей, которых насчитывалось до трех тысяч с почти сотней тысяч монахов и монахинь, и составить подробный инвентарь имущества закрытых монастырей. Льоренте удалось найти в монастырях массу интересного материала как по истории Церкви, так и связанной с ней истории

Untitled

инквизиции. Правда, во время бегства из Испании Льоренте потерял многое из собранных материалов, и ему в Париже нередко приходилось по памяти восстанавливать то, что он в подлиннике читал во время обследования переходившего к государству имущества монастырей. Тренировка памяти, столь усердно практиковавшаяся религиозно-философскими факультетами католического мира, сослужила теперь Льоренте большую услугу, и он оказался в состоянии цитировать наизусть целые протоколы инквизиционных трибуналов с точным указанием имен обвиняемых и свидетелей, а также даты всевозможных допросов и доносов.

Эмигрировавшего во Францию Льоренте реакционное правительство Фердинанда VII лишило всех должностей, имущества, гражданских прав и права вернуться обратно в Испанию. Льоренте остался жить в Париже, где перебивался уроками испанского языка, и в течение почти трех лет работал над материалами для своей истории инквизиции. Она и была им опубликована в Париже в 1817 г. на французском языке в четырех томах под названием "Критическая история испанской инквизиции". Книга произвела огромное впечатление, была переведена на голландский, английский, итальянский и немецкий языки и в короткое время выдержала ряд изданий. Появились и краткие ее изложения, ставшие необходимой принадлежностью любой общественной библиотеки. Этим успехом книга меньше всего обязана литературному таланту Льоренте или яркой характеристике действующих лиц в многовековой драме, пережитой Испанией; с внешней стороны Льоренте - посредственный писатель;

Untitled

язык, слог и манера его письма носят явные следы серых и нудных церковно-философских произведений, над которыми он корпел в течение трех-четырёх десятков лет и от которых полностью не освободился даже тогда, когда идейно отошел от них сравнительно очень далеко.

Причина громкой известности и широкой популярности "Критической истории" лежала в ее невероятном богатстве документов. Они с фотографической точностью воспроизводили сугубо сложную и крайне запутанную процессуальную систему инквизиционных трибуналов. Они вводили читателя в самые потаенные уголки инквизиционных застенков, до того времени герметически закрытых и тщательно замурованных от постороннего глаза; эта таинственность особенно остро возбуждала людскую любознательность, не находившую удовлетворения ни в фантастических измышлениях противников инквизиции, ни в цинично-лживой апологии ее друзей. Теперь перед читателем предстала правдивая картина, поразившая его своим реализмом и увлекшая его глубиной и искренностью убеждений автора, одновременно соучастника и жертвы кровавых деяний только теперь раскрытого сфинкса.

Книга Льоренте вызвала возмущение духовенства и реакционных кругов Франции, и правительство Людовика XVIII лишило нашего автора права преподавать испанский язык в школах, а также церковной службы, которую Льоренте до того нес в одной из церквей Парижа. Эти репрессии, однако, не остановили Льоренте, и он решительно выступил против реакционного депутата Клозеля де Кусерги, заявившего, что после 1680 г.

Untitled

инквизиционные трибуналы Испании не вынесли ни одного смертного приговора. Льоренте с приведением чуть ли не всех имен доказал, что за период от 1700 до 1808 г. в Испании было сожжено живьем 1578 человек. Цифра эта, достоверность которой подтверждалась подлинными документами, ошеломила широкие круги французского общества, и либерально настроенный депутат Александр де Лаборд заявил в парламенте, что эта "чудовищная цифра была бы еще чудовищнее", если бы в годы секретарства Льоренте число жертв инквизиции не равнялось нулю. Слова де Лаборда не могли не произвести тем более сильного впечатления на палату депутатов, что отец де Лаборда, испанский крупный финансист, был во Франции гильотинирован революционерами в 1794 г. Тем ярче прозвучали слова сына казненного, что нет трибунала, который по жестокости и кровожадности мог бы сравниться с трибуналом святой инквизиции. В 1822 г. Льоренте опубликовал двухтомник "Политические портреты пап", в котором дана была крайне резкая характеристика многих пап с приведением различных скандальных событий из жизни римской курии. Написанная с большим подъемом, книга страдала местами некоторыми преувеличениями и подала повод к обвинению Льоренте в искажении фактов и в умышленном оскорблении памяти многих пап. Льоренте был выслан сначала из Парижа, а вскоре и из Франции; в три дня он должен был покинуть страну, которую любил и которой отдал свои лучшие произведения. Спешным порядком в зимнюю стужу шестидесятилетнему старику пришлось переходить через Пиренейские горы. На

Untitled

этот раз Испания встретила его радушно. Здесь в 1820 г. временно восторжествовала революция и была провозглашена либеральная конституция. В день ее провозглашения толпа бросилась на здание инквизиции, ее мрачные тюрьмы были разбиты, орудия пытки сломаны, огромный архив пущен по ветру. То была, как казалось, последняя минута жизни ужасного судилища. В тот же день инквизиция была отменена королевским указом.

Общественная радость проявилась во множестве картин, стихов и памфлетов, прославлявших кончину "дамы с зелеными свечами". Для увековечения позорной памяти была издана на испанском языке в 1822 г. в 11 небольших томах "Критическая история испанской инквизиции" Льоренте. Переработать ее с привлечением новых документов, рассеянных в огромном количестве в разных городах Испании, Льоренте уже не суждено было - он умер 5 февраля 1823 г., через пять недель после перехода через Пиренейские горы. И книге его пришлось недолго пребывать на свободе в Испании; в том же 1823 г. снова восторжествовала реакция, и Фердинанд VII одним росчерком пера 1 октября отменил все распоряжения "так называемого конституционного правительства". Хотя инквизиция не была восстановлена с "должной торжественностью", как того требовала апостолическая партия, она скромно продолжала существовать под именем религиозных судов хунт веры (Juntas da fe). 29 сентября 1824 г. валенсийская хунта арестовала учителя Кайетано Риполя по обвинению в иудаизме; Риполь утверждал, что суть религии заключается в изречении: "Не делай другому того, что не желаешь, чтобы делали тебе". В

Untitled

течение почти двух лет томился Риполь в инквизиционной тюрьме, а 1 августа 1826 г. состоялось в Валенсии торжественное сожжение "несчастливого еврея". Описание этого сожжения было дано на основании подлинных документов приблизительно через 55 лет парижским журналом "Revue des Etudes Juives".

Сожжение 1826 г. вызвало в Европе огромное возмущение, и испанское правительство одновременно с папой Пием VIII приступило к обсуждению вопроса о судьбе инквизиционных трибуналов. 1 июля 1835 г. религиозным судам было приказано немедленно прекратить их деятельность. На этот раз отмена инквизиции была действительно окончательной. В историографии инквизиции Льоренте принадлежит исключительно большое место; по существу, он является первым по времени историком инквизиции Испании, так как все предшествующие труды в этой области лишь с большими оговорками можно считать историческими исследованиями. В Испании в течение долгого времени ничего вообще не писали об инквизиции и строго придерживались правила: молчи о короле и инквизиции. Но когда в годы Реформации появилось в Германии, Нидерландах и несколько позже в Швейцарии и Франции много резких памфлетов против "кровавых деяний страшного изуверства" инквизиционных трибуналов, на сцену выступили некоторые апологеты инквизиции, пытавшиеся аргументами от религии опровергнуть "клевету" протестантов. Последние в своих нападках точно так же редко пользовались фактическими данными и обычно лишь изливали свои чувства по поводу

Untitled

существования вообще такого "чудовища", каким была в их глазах испанская инквизиция. Наиболее значительным протестантским произведением XVI в., вызвавшим огромный к себе интерес, была книга Монтануса (псевдоним), опубликованная на латинском языке в 1567 г. в Гейдельберге под названием "Практические приемы святой испанской инквизиции". Монтанус был лютеранином и вместе с целым рядом единомышленников был привлечен к суду севильским инквизиционным трибуналом, вероятно, в 1564 г. Ему удалось бежать из тюрьмы, а в 1565 г. он был сожжен в изображении на торжественном аутодафе. В "Практических приемах" он описывает все, что он узнал, видел, слышал и пережил в застенках трибунала, а также злоключения ряда выдающихся лютеран, либо содержавшихся вместе с ним в тюрьме, либо хорошо известных по их общественной деятельности.

Нидерландская революция, религиозные войны во Франции, восстание католиков в Англии и папская булла отлучения английской королевы Елизаветы придали книге Монтануса особенно актуальный характер, и она уже в 1568 г. была переведена на французский и немецкий языки, а в следующие годы выдержала много изданий и переводилась на разные языки. Быть может, в видах ослабления впечатления от книги Монтануса сицилийский инквизитор Людовик Парамо выпустил в 1598 г. в Мадриде книгу на латинском языке "О происхождении и развитии святой инквизиции" - первый исторический труд, написанный в духе ортодоксального католицизма. Парамо начинает историю инквизиции с Адама и Евы и их считает первыми еретиками; первым же инквизитором был Бог:

Untitled

"Statim igitur Deus... primus magister et maximus". На Адама и Еву было надето и первое санбенито, а изгнание из рая означало первую конфискацию имущества еретиков. "Историческая" книга Парамо превращается в тем более смелую апологию инквизиции, что дело идет, по его словам, о строгом подражании действиям самого Бога, а потому всякое уклонение от них уже является неопишным преступлением. Прошло почти целых сто лет, прежде чем появилось серьезное исследование голландского протестанта Филиппа Лимборха, давшего в своей латинской "Истории инквизиции" (Амстердам, 1692) научно разработанный и обширный материал по истории деятельности различных инквизиционных трибуналов. Но Лимборх лишь вскользь говорит об испанской инквизиции; все его внимание было сосредоточено на южнофранцузском движении альбигойцев, на его подавлении только что призванной к жизни инквизицией. Как ни важен был труд Лимборха в области историографии инквизиции вообще, для испанской он существенного значения не мог иметь, тем более что Лимборх, разумеется, не располагал правом доступа к богатейшим испанским архивам, и ему приходилось пользоваться случайными материалами, а не достоверными и подлинными, какие характеризовали его исследования по истории южнофранцузской инквизиции. Невозможность использования испанских архивов лицами, не принадлежавшими к числу служителей инквизиции, лишала значения и дальнейшие работы протестантских историков, и даже поздняя (Лейпциг, 1784) двухтомная немецкая книга Крамера страдала обычными

Untitled

недостатками антиинквизиционных работ, вышедших в свет до появления "Критической истории" Льоренте с легшими в ее основу двумя томами материалов, напечатанными в 1812 - 1813 гг. Льоренте в Мадриде. Для борьбы с влиянием книги Льоренте католический мир выдвинул знаменитого реакционного писателя Жозефа де Местра. Но, несмотря на резкий и победоносный тон и на смелость, с которой его памфлет "Lettres a un gentilhomme russe sur l'inquisition espagnole" защищал костры в делах веры, он не мог затмить книги Льоренте, и в течение свыше полувека "Критическая история" оставалась единственной авторитетной книгой в области испанской инквизиции. Все попытки бенедиктинца Гамса и епископа Геделе развенчать славу книги Льоренте путем указания на отдельные ее ошибки и промахи не имели успеха. Если теперь книга Льоренте потеряла часть своего значения, то причина лежит в обширной научной разработке, которой подверглись с 90-х годов прошлого века отдельные моменты деятельности испанской инквизиции. В Бельгии, Голландии и Германии было опубликовано большое количество архивных документов, проливших новый свет как на преследование нидерландских протестантов в царствование Карла V и Филиппа II, так и на искоренение лютеранства в течение 50 - 70-х годов XVI в. на Пиренейском полуострове. В этом отношении особенно ценны многочисленные работы школы гентского профессора Пауля Фредерика. Отдельные монографии, написанные на основании архивных данных, равно как опубликование многих протоколов инквизиционных трибуналов подготовили почву для создания и общей

Untitled

новой картины деятельности инквизиции. В 1906 - 1907 гг. и вышла четырехтомная "История испанской инквизиции" на английском языке американского ученого Генри Чарльза Ли, составившая новую веху в историографии инквизиции благодаря строго проведенному и научному подбору материала и обилию архивных данных. На русском языке в 1914 г. вышла "История инквизиции в Испании" С. Г. Лозинского; в 1927 г. - переработанное сокращенное издание этой книги под названием "Святая инквизиция". Как ни велико историографическое значение "Критической истории" Льоренте, с научной точки зрения эта книга страдает очень существенными недостатками. Несмотря на крики клерикалов и реакционеров о ренегатстве Льоренте, о его безбожии и измене делу религии, Льоренте в действительности был и оставался всю жизнь религиозно настроенным, верующим католиком, и "Критическая история" целиком проникнута религиозным чувством. Автор ее подходит к католицизму и инквизиции не с атеистической точки зрения, а с определенно католической, которая сводится к требованию предоставления "национальной" Церкви "свободы и независимости" путем устранения постоянного вмешательства во все дела римской курии и поддерживающих ее доминиканцев, францисканцев и иезуитов. Эта точка зрения Льоренте вполне совпадала с тем, что во Франции определенная часть духовенства отстаивала под названием галликанизма. То же явление имело место в Германии, где под однородным, по существу, лозунгом фебронизма шли архиепископы и крупнейшие епископы. Этот лозунг о свободе и

Untitled

независимости Церкви был своеобразным "анархизмом" верхушки епископата, желавшей самостоятельно вершить свои церковные и иные дела; он встретил отпор одновременно со стороны Рима, материально и морально заинтересованного в бдительном надзоре над деятельностью Церкви, и со стороны все усиливавшегося светского государства, не допускавшего мысли о неподчинении ему какого-либо сословия или "чина" в государстве. И Рим, и светский абсолютизм, исходя из разных интересов, одинаково отвергали "свободную" Церковь, но в ее требовании не было ничего антикатолического, а тем более безбожного. Наоборот, сторонники "свободной" Церкви ссылались на старину, на далекое прошлое, когда епископальная Церковь не знала над собою никакой власти, кроме Вселенского собора. Эту точку зрения разделял и Льоренте. Независимая от контроля Рима и иезуитов испанская Церковь не знала бы, по его убеждению, того страшного кошмара, в который ввергла Испанию римская курия, опирающаяся на ненавистные Льоренте монашеские и полумонашеские ордена. Льоренте не стоит даже на точке зрения обычной веротерпимости и уверен, что епископальная инквизиция, в противоположность папистской, римско-иезуитской, без особенного ущерба для страны и с пользой для католической религии искоренила бы в Испании всякие еретические учения, в том числе и протестантизм. Эта точка зрения была устарелой и в дни, когда жил Льоренте; она была преодолена не только в протестантских странах, но в значительной степени и в католических, и с этой стороны Льоренте был реакционно мыслящим церковным

Untitled

деятелем, а не передовым, прогрессивным. Эти взгляды Льоренте подверглись справедливой критике уже давно со стороны известного немецкого историка Леопольда Ранке. Ранке рядом примеров показал, как тесно связаны были между собою инквизиция и реакционный испанский деспотизм и как трудно зачастую провести грань между сферой влияния одного и другого органа. Сами факты, приводимые Льоренте в "Критической истории", находятся в резком противоречии с его утверждением о непричастности государственной власти к преступлениям инквизиционных трибуналов. Чем больше мы приближаемся к эпохе буржуазной революции во Франции, тем чаще пестреют страницы инквизиционных протоколов именами политических преступников и тем сильнее религиозная ересь оттесняется политической. Так, в отчете о деятельности инквизиционных трибуналов за период от 1780 до 1820 г. указывается более чем о пяти тысячах случаев привлечения к суду, но среди них едва одна треть падает на долю религиозных преступлений, огромное же большинство составляют так называемые "враги политического устройства Испании". Несмотря на то, что Льоренте была совершенно чужда мысль, что инквизиция, как и религия вообще, является орудием господствующего класса, его книга ценна как памятник одного из этапов того долгого пути, который прошло человечество в борьбе против господства Церкви.

Проф. С. Г. Лозинский

Том первый

Untitled

HISTOIRE CRITIQUE
DE L'INQUISITION D'ESPAGNE

depuis l'époque de son établissement par Ferdinand V,
jusqu'au règne de Ferdinand VII,
TIRÉE des pièces originales des archives du Conseil de la
Suprême et de celles
des Tribunaux subalternes du Saint-Office.

PAR D. JEAN-ANTOINE LLORENTE, ancien Secrétaire de
l'Inquisition de la Cour; Dignitaire-Ecolâtre et Chanoine d'Eglise
prima tiale de Tolède; Chancelier de l'Université de cette ville;
Chevalier de l'Ordre de Charles III; Membre des Académies
royales de l'Histoire et de la Langue espagnole, de Madrid; de
celle de Belles-Lettres de Seville; des Sociétés patriotiques de
la Rioja, des Provinces Basques, de l'Aragon, de la ville de
Tudèle de Navarre, etc. traduite de l'espagnol sur le manuscrit
et sous les yeux de l'auteur

PAR ALEXIS PELLIER.

TOME PREMIER

A PARIS,

Truttel et Wurtz, rue de Bourbon, no 17; Ches & Delaunay,
Palais Royal, Galerie de bois;

Mongie aîné, Boulevard Poissonnière, no 18.

1817

КРИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ИСПАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

со времени ее учреждения Фердинандом V до
царствования Фердинанда VII,

ИЗВЛЧЕННАЯ

из подлинных архивных документов верховного совета

Untitled

и подчиненных трибуналов инквизиции
ДОН ХУАНОМ-АНТОНИО ЛЬОРЕНТЕ
бывшим секретарем инквизиции двора;
сановником-инспектором школ и каноником
первосвятительской церкви города Толедо; канцлером
университета этого города; кавалером ордена Карла III;
членом королевских
академий испанской истории и испанского языка в
Мадриде; членом
академии изящных искусств в Севилье; членом
патриотических обществ Риохи, баскских провинций,
Арагона, города Туделы в Наварре и пр.,
переведенная с испанского по рукописи и под
наблюдением автора
АЛЕКСИСОМ ПЕЛЛЬЕ
ТОМ ПЕРВЫЙ

В ПАРИЖЕ Трейтеля и Вюрца книгопродавцев, Бурбонская
улица, N 17; у Делонэ, Пале Ройяль, Галери де Буа; П.
Монжи старший, Бульвар Пуассоньер, N 18.
1817

Еретика после первого и второго вразумления отвращайся,

зная, что таковой развратился и грешит, будучи
самоосужден.

Послание Павла к Титу. Гл.3. Ст. 10-11 ОТ АВТОРА.

Несмотря на то, что уже более трех веков в Испании
существует трибунал, преследующий еретиков
{Напоминаем, что эта книга была написана еще во

Untitled

времена существования так называемого трибунала веры. (Примеч. исп. ред.)), у нас все еще нет подробной истории его происхождения, становления и развития.

Многие отечественные и зарубежные писатели говорили об учреждениях инквизиции в разных уголках земли, подвластных католической Церкви, в особенности об инквизиции в Испании, но никто не написал об этом достаточно полно.

Это замечание относится в равной мере и к труду французского автора XVII века "История инквизиции", и к "Истории религиозных преследований в Италии, Испании и Португалии" г-на Лавалье, изданной в Париже в 1819 году. Предполагается, что материал для этой работы он нашел в Сарагосе. Об испанской инквизиции речь идет в 4-й, 6-й и 10-й книгах, в том числе упоминаются шесть вальядолидских процессов, но они неинтересны ни содержанием, ни составом участников, что дает мне право утверждать (хотя и с сожалением), что г-н Лавалье лишь умножил уже существующие заблуждения.

Ошибок не избежали и испанские историки. Маканас, ученый весьма трудный для понимания, в своей бессмысленной "Апологии инквизиции"; отец Монтэйро в "Истории португальской инквизиции"; анонимный автор в "Историческом рассуждении о происхождении, развитии и пользе святой инквизиции в Испании", опубликованном в Мадриде в 1803 году, - все они, в сущности, обошли молчанием правдивую историю инквизиции.

Таким образом, сами испанцы не пришли к единому мнению ни по поводу года начала существования инквизиции, ни относительно других важных обстоятельств

Untitled

ее возникновение. Даже современники - Бернальдес, настоятель храма в Лос-Паласиосе, и Эрнандо дель Пульгар - не были вполне единодушны в своих хрониках времен правления католических королей {Эрнандо дель Пульгар. Хроника католических королей. - Гл. 17; Бернальдес, священник из Лос-Паласиоса. Хроника католических королей. - Гл. 43, 44.}, и, следовательно, еще менее согласуются между собой Гонсало де Ильескас {Ильескас. Папская история. Т. II. Кн. 6, о католических королях.}, Херонимо Сурита {Сурита. Летописи Арагона. Т. IV. Кн. 20. Гл. 49, год 1485.}, Херонимо Роман {Роман. Республики мира. О христианской республике. Т. I. Кн. 5. Гл. 20.}, Эстефан де Гарибай {Гарибай. Исторический компендий Испании. Т. II. Кн. 17. Гл. 29; кн. 18. Гл. 12 и 17; кн. 19. Гл. 1.}, Луис де Парамо {Парамо. О происхождении и успехах инквизиции. Кн. 2. Гл. 4.}, Диего Ортис {Ортис. Летописи Севильи. Кн. 12, год 1478.}, Хуан Феррерас {Феррерас. История Испании. Век XV - ч. II.} и другие. Полагая, что святая инквизиция возникла между 1477 и 1484 годами, они, однако, не называют единого, по мнению всех, года основания.

Как ни странно, все они правы, каждый со своим взглядом на инквизицию. Один исследователь справедливо предложил считать годом основания трибунала 1484, поскольку к этому году учреждения инквизиции уже вполне оформились. Для другого ориентиром послужила булла 1483 года, в которой папа назначил инквизитором Томаса де Торквемаду. Третьи же, изучая хронологию событий предшествующих лет и находя в ней каждый раз все новые подробности, предлагали, соответственно, более ранние

Untitled

даты возникновения инквизиционного суда.

Испанская инквизиция не являлась новшеством королей Кастилии, Фердинанда V и Изабеллы, а возникла в результате расширения и переустройства старого управления надзора за чистотой веры, известного еще с XIII века (это обстоятельство также повлияло на разброс мнений по поводу действительной даты основания инквизиции), и даже притом, что не было написано ее правдивой истории, инквизиция тем не менее более трех веков давала всей Европе такую обильную пищу для злословия, какой никакое другое учреждение не могло бы дать. Полагаю, она заслуживает того, чтобы ее история была изучена отдельно, с тщательным изложением фактов и без сокрытия важных истин, ибо так поступали пишущие со стороны инквизиции, но и без преувеличения в изложении иных событий, что позволяли себе в порыве возмущения некоторые враждебно настроенные писатели; а также без заблуждений насчет тайного кодекса внутреннего управления трибунала, подобно многим исследователям, обманутым злонамеренно.

Чтобы написать подробную историю, необходимо быть либо судьей, либо секретарем инквизиции. Только так можно изучить папские буллы, королевские указы, решения инквизиционного суда, процессы в подлиннике и другие архивные документы. Возможно, я единственный на сегодняшний день человек, имеющий все это в своем распоряжении.

Я был секретарем мадридской инквизиции в 1789, 1790, 1791 годах, и достаточно глубоко изучил ее устройство и методы, поэтому позволю себе расценивать их как

Untitled

изначально порочные, несмотря на множество оправдательных речей в ее пользу. С тех пор я занялся сбором данных, выписок и заметок с дословным переписыванием всего самого важного. Мое постоянство как в этом труде, так и в приобретении, ценою все более растущих расходов, рукописей некоторых книг и документов из архивов инквизиторов и других лиц, ныне почивших, позволили мне иметь в своем распоряжении целое собрание ценных материалов. Особенно много документов попало ко мне за последние 1809, 1810 и 1811 годы в связи с упразднением инквизиционного трибунала. С ними я смог опубликовать в Мадриде в 1812 и 1813 годах два тома Анналов инквизиции и написать Памятную записку о мнении испанцев относительно установления инквизиции, а Королевская Академия истории (членом которой я имею честь состоять) выпустила ее в серии своих Памятных записок {Была недавно трижды переиздана под заглавием "Инквизиция и испанцы" (La Inquisition y los espanoles); в 1967 и 1968 годах в Мадриде, издательством "Ciencia Nueva", и в 1973 году Мигелем Кастельоте. (Примеч. исп. ред.)}. И этими документами я надеюсь заполнить пробел, существующий в литературе такого рода, и удовлетворить любопытство публики". {В 1816 году в Мадриде была опубликована одна книжонка Хосе Карнисеро под заглавием La Inquisition restablecida con razon (О пользе восстановления инквизиции). Она даже не заслуживает опровержения, ибо является абсурдным сборищем оскорблений, направленных против меня и других испанцев, разделяющих мои взгляды, кто публиковался в Кадисе в 1813 и 1814 годах; эти

Untitled

оскорбления направлены также против членов кортесов, объявивших об упразднении святого трибунала.

(Примечание французской редакции 1817 года, опущенное в последующих испанских переизданиях.) (Примеч. исп. ред.)}

Никто из заключенных или обвиненных никогда не видел своего дела, не говоря уже о делах других узников. Никто ничего не знал о своем процессе, кроме вопросов и обвинений, требующих ответа, отрывков из признаний свидетелей, зачитываемых без упоминания имени, места и времени и других обстоятельств, которые могли способствовать узнаванию этих лиц; скрывалось также все, что могло послужить в оправдание обвиняемого; ибо осужденному полагалось до конца испытать все тяготы следствия, а судья затем в меру своего благоразумия мог изменить ответы в пользу подсудимого. Так что Филипп Лимборх и другие писатели при всем их искреннем стремлении не могли написать правдивой истории инквизиции, ибо руководствовались в своих работах рассказами заключенных, не знающих внутренней стороны своих собственных дел, и тем небольшим, что они нашли в книгах Эймерича, Парамы, Пеньи, Кавены и других инквизиторов.

Поэтому, надеюсь, вы не посчитаете излишней нескромностью заявление о том, что лишь я могу удовлетворить любопытство желающих знать истинную историю инквизиции в Испании. Повторюсь, что только в моем распоряжении имеются необходимые для этого материалы, изобилие которых восполнит во многом скудость моего дарования. Я осмеливаюсь писать эту

Untitled

историю потому, что, прочтя описания самых известных процессов, нахожу мои комментарии существенно отличающимися от комментариев других историков, в том числе и Филиппа Лимборха, наилучшего и наиточнейшего из всех. У меня получили значительное освещение процессы дона Карлоса де Австрия, принца Астурийского {Принц Астурийский - наследный принц испанского престола, как, например, принц Уэльский в Великобритании. (Примеч. перев.)}, дона Бартоломео Каррансы, архиепископа Толедо, и Антонио Переса, первого государственного секретаря в правление Филиппа II; я также пролил свет на процессы Карла V, императора Германии и испанского короля; Хуанны де Альбрет, королевы Наварры, Генриха IV, короля Франции, ее сына; Маргариты де Бурбон, герцогини Барской и королевской наместницы, его дочери; дона Хаиме Наваррского, сына дона Карлоса, принца Вианы, известного под именем инфанта Туделы; Хуана Пико, принца де ла Мирандола; дона Хуана Австрийского, сына нашего короля Филиппа IV; Алессандро Фарнезио, герцога Пармского, внука Карла V; дона Филиппа Арагонского, сына императора Марокко; Чезаре Борджиа, сына папы Александра VI, зятя короля Наварры; Хуана Альбрета, графа Валентинуа и пэра Франции; дона Педро Луиса де Борхи, последнего великого магистра рыцарского ордена Монтеса, и других особ высокого происхождения, которые испытали на себе жестокое воздействие инквизиционного трибунала. Те, кто интересуется историей, без сомнения встречали в ней упоминания о процессах против епископов и богословов, отцов Тридентского собора, осужденных на

Untitled

смерть по подозрению в лютеранстве и других ересь; в особенности известны среди них Герреро, архиепископ Гранады; Бланке, епископ Оренсе и Малаги и архиепископ Сант-Яго; Дельгадо, епископ Луго и Хаэна, избранный также архиепископом Сант-Яго; Куэста, епископ Леона; Горрионесо, епископ Альмерии; Фраго, епископ Хаки и Уэски; Кано, епископ Канарских островов; Лаинес, генерал ордена иезуитов; Педро Сото и Хуан Регла, духовники императора Карла V; Луденья и Доминго Сото, профессора университета Саламанки; Собаньос и Мансио дель Корпус, также профессор университета Алькалы, и Медина, плодотворный писатель той эпохи. Итак, речь идет о семи архиепископах, двадцати пяти епископах и о бесчисленном количестве университетских профессоров.

Также в этой истории вы найдете сведения о преследованиях некоторых святых и других весьма досточтимых мужей, как, например: св. Игнатио де Лойола, св. Франсиско де Борха, св. Хуан де Диос, св. Тереза Иисусова, св. Хуан де ла Крус, св. Хосе де Каласанса, св. Хуан де Рибера, Фернандо де Талавера, епископ Авилы, первый архиепископ Гранады, апостол мавров и духовник католической королевы; Хуан де Авила, апостол Андалусии; монах Луис де Гранада и дон Хуан де Палафокс, епископ Пуэблы и Осмы, архиепископ и вице-король Мексики.

Также вы узнаете о многих испанских ученых, достойных всеобщего признания, но наказанных за лютеранство, из-за того, что они проявили излишнее рвение при исправлении и уточнении переводов Библии на латынь, сверяя их с греческим и древнееврейским вариантами, как,

Untitled

например: Антонио де Лебриха, Бенито Ариас Монтано, Педро де Лерма, Луис де ла Кадена, папские представители в университете Алькалы и профессора Парижского университета; дон Альфонсо де Вируэс, епископ Канарских островов; Хуан де Вергара, каноник в Толедо; его брат Бернардино де Товар; Мартин Мартинес де Канта-ла-Пьедра; Франсиско Санчес де лас Бросас; Луис де Леон, Фернандо дель Кастильо и другие, названные лжефилософами лишь за то, что они выразили желание покончить с предрассудками и фанатизмом в Испании, такие, как: Асара, Каньюэло, Сентено, Клавихо, Фейхоо, Исла, Ириарте, Олавиде; Палафокс, епископ Куэнки; Гонсало, епископ Мурсии; Табрива, епископ Канарских островов, Осмы и Саламанки; Винсент, профессор Вальядолидского университета, и Йереги, наставник испанских инфантов.

Из этой истории вы узнаете о преследованиях многих судей, тех, кто защищал королевскую судебную власть от посягательств инквизиции и Рима, узнаете о процессах против маркиза де Роды, графов Флорида-Бланки и Кампоманеса, знаменитых Чумасеро, первого графа Гуаро, Рамоса де Мансано, первого графа Франкоса, Маканаса, Мура, Сальседо, Сальгадо, Сесе, Солорсано и прочих защитников королевских регалий, тех, кто публиковал труды об истинных основах законности; также увидите, как у советников инквизиции хватало наглости отрицать, что свои обязанности они лишь временно выполняют по королевской милости, или называть дерзкими и подозрительными еретиками всех членов совета Кастилии за то, что участники этого высокого собрания указали

Untitled

королю на вторжение инквизиции в его полномочия. Вы узнаете, как инквизиторы, пользуясь плохой организацией и слабостью испанских министров, зачастую не считались с титулами вице-королей Арагона, Каталонии, Валенсии, Сардинии и Сицилии и, унижая их до крайности, вынуждали просить снятия епитимьи, налагаемой за защиту их собственных высоких привилегий и королевской судебной власти от посягательств инквизиции. Снималась же эта епитимья лишь через публичное покаяние, что было весьма позорно.

Мы увидим, как инквизиторы, порицая часто совершенно противоположные воззрения в угоду Риму, всемогущему испанскому духовенству и монастырям, преследуя магистратов и ученых за их взгляды, способствовали тем самым падению вкусов в испанской литературе с эпохи Филиппа II до Филиппа V и в итоге сами оказались на грани полного невежества относительно подлинных норм католического права; как они, чрезмерно раболепствуя перед схоластической цензурой, бросающейся в своих изысканиях из одной крайности в другую, от доктрины Лютера к ей противоположной, не были способны задержаться где-то посередине, где открывается истина, а осуждали всякую правду как ересь и лютеранство.

Узнаем также, как много способствовала святая инквизиция запустению испанской земли, в разные эпохи, вынудив эмигрировать многие семьи, изгнав евреев, мавров и морисков, предав огню около четырехсот тысяч человек и именем религии преградив путь расцвету искусств, ремесел и торговли, в коих преуспевали в то время Англия, Франция, Голландия и другие страны,

Untitled

несмотря на их протестантизм.

Вы узнаете о процессах против герцогов: де Альба, де Альмодовар, де Ихар, де Нахера, де Оливарес и де Вильяэрмоса; против маркизов: де Авилес, Альканисес, Ариса, Наррос, Поза, Приего, Съетеиглесиас и Терранова; против графов: де Аранда, Атарес, Беналькасар, Кабра, Ласи, Монтеррей, Монтихо, Мората, О'Рейли, Рикла, Састаго и Трульяс, против баронов и сеньоров: де Альбатена, Агравьесо, Аррайо, Айербе, Барболес, Бьескас, Кадрейта, Кастели, Кларавалье, Конкас, Лагуна, Лартоса, Лусеник, Монклус, Пинилья, Пуррой, Съетамо и Сисамон, и против многих других детей, братьев и близких родственников испанских грандов, как, например, дон Педро Кардона, губернатор и капитан-генерал Каталонии, сын герцога Кардовского; дон Хуан де Арагон, правнук католического короля; дон Хуан Понсе де Леон, сын графа де Байлена; дон Луис де Рохас, наследник маркиза де Позы; дон Альваро и дон Бернадино де Мендоса, из рода герцогов Астурийских; дон Мигель де Гурреа, близкий родственник герцога де Вильяэрмоса; дон Хаиме Палафокс; маркиз де Ариса; дон Фадрике Энрикес де Рибера, брат герцога де Алькалы; дон Хуан Фернандес де Эредиа, сын графа де Фуэнтеса, и других, осужденных в большинстве своем из-за юридических споров.

Вам станет известно, как инквизиторы дерзнули отлучить от Церкви епископа Мурсии и безвинно бросить его вместе с одним каноником в тюрьму за то, что оба чтили короля в лице его прелата. Подобно этому был осужден епископ Картахены в Америке, который, весьма прозорливо, отказал им в судебной власти. Они оскорбили епископа

Untitled

Толедо в самом его соборе и увели оттуда в свои застенки кантора хора и одного каноника прямо в облачении; а в другой раз в архиепископском соборе Севильи отлучили от Церкви регента и судей Королевского суда за отказ уступить в нем главенствующее место святому трибуналу. Кроме уже сказанного вы узнаете о том, что великий инквизитор и инквизиционный трибунал не подчинялись буллам Его Святейшества, когда те шли в разрез с их интересами, ссылаясь на противоречие папских приказов законам испанского королевства и указам правительства. При этом трибунал, когда хотел, не подчинялся и королю, грозя несогласным буллами с отлучениями; и, наконец, иногда инквизиция не подчинялась ни королю, ни папе, и дело втайне предавалось забвению, как это произошло с буллой Бенедикта XIV, *Sollidta et provida*, и указом Карла III, запрещающим объявлять вне закона литературный труд любого католика без слушания дела в суде под наблюдением короля или, в случае его смерти или отсутствия, какого-либо иного защитника. Под видом неразглашения тайны ничего из этого выполнено не было. Эта тайна и есть душа и суть инквизиционного трибунала, она дает жизнь, поддерживает и укрепляет его судебную власть; с ней инквизиторы осмеливаются, скрывая необходимые бумаги, пренебрегать многими судебными соглашениями Кастилии, Арагона, Каталонии, Валенсии, Майорки, Сардинии и Сицилии; с ней они возбуждают и поощряют множество скандальных споров лишь для того, чтобы после снять богатый урожай: аресты и отлучения дворцовых советников, алькальдов, председателей суда, регентов, судей, прокуроров и алькальдов королевского

Untitled

апелляционного и окружного судов, главных алькальдов и коррехидоров городов и районов; с ней же они обманывают (ибо истина - это часть их тайны) пап, королей, министров, советников, вице-королей, капитан-генералов и разного рода других должностных лиц, извлекая из дела бумаги, добавляя, уничтожая и исправляя процессуальные документы перед тем, как им попасть в руки папы или короля (поэтому из предосторожности их не нумеровали, как в документах архиепископа Толедо, главного нотариуса Арагона, и других), что в конце концов привело к неповиновению внутри самой инквизиции, ведь если великий инквизитор не повинуется королю и не исполняет его приказы, трибунал инквизиции, в свою очередь, поступает также и с ним, действуя по своему усмотрению в спорных случаях, а трибуналы провинций в своих внутренних делах не подчиняются центральному трибуналу. Но в одном они единодушны - все это делается в атмосфере строгой секретности, ибо без нее развалилось бы все здание. Вам станет очевидно, что Фердинанд V использовал иудаизм лишь как предлог для введения инквизиции, действительной же его целью было узаконить конфискации, а папа стремился, как обычно, расширить папскую вотчину Рима, желание, с которым Карл V не расстался по причине своего фанатизма, полагая что только так можно избежать вторжения лютеранства в Испанию; Филипп II сохранил его из-за предрассудков и деспотизма, превратив инквизицию в министерство полиции, вопреки Антонио Лопесу, и в главное таможенное управление по борьбе с контрабандой лошадей во

Untitled

Францию, приравнивая это преступление к ереси; Филипп III, Филипп IV и Карл II - из-за тех же предрассудков, опасаясь множества еврейских семей, вернувшихся в Испанию после объединения португальского королевства; а Филипп V - из-за ошибочной политики, унаследованной от деда, Людовика XIV, короля Франции, который полагал, что имея подле себя сорок церковников, можно считать, что корона в безопасности, ибо отсутствие религиозного единства - дурное знамение для трона; Фердинанд VI и Карл III - по той же причине, услышанной ими от отца, и Карл IV - потому, что революция во Франции послужила для него наглядным подтверждением этого суждения, чему также способствовали великие инквизиторы, которые не переставали упрочивать свои позиции и расширять влияние, как будто нет средства лучше и надежнее для укрепления королевской власти, чем террор.

Беседуя в Париже и Лондоне с некоторыми правоверными католиками, я много раз слышал от них, что инквизиция полезна Испании для сохранения чистоты католического вероисповедания и что Франция только выиграла бы, имей она у себя что-либо подобное. Так они и живут в заблуждении, полагая, что достаточно быть добрым католиком, чтобы не оказаться в застенках инквизиции, в то время как из-за существования тайной системы уведомления девять из десяти осужденных были ревностные католики, по невежеству или злему умыслу своих доносчиков преследуемые за еретические взгляды. Заключение же об этом делал какой-нибудь малограмотный монах, слышущий в простонародье ученым лишь потому, что он когда-то изучал схоластику.

Untitled

Инквизиция лелеет и питает лицемерие, карая не умеющих лгать, но будучи бессильной обратит в свою веру, как мы наблюдали на примере евреев и мавров, которые крестились лишь для того, чтобы остаться в Испании. Первые погибли в огне, а вторые ушли в Африку, оставаясь такими же магометанами, как и их деды до крещения. Чтобы сохранить чистоту католицизма в Испании, бросив в огонь и выслав из страны более трех миллионов человек, представителей всех трех сословий, достаточно иметь лишь палачей, свод законов и судей, которые бы их применяли, и вовсе не обязательно, чтобы эти судьи были, по милости папы, служителями апостольской Церкви. Надеюсь, прочитав эту Историю, вы прозреете и выйдете из заблуждения, узнав об инквизиции еще неизвестное. Я сам принадлежу к римской католической апостольской Церкви и не уступлю ни одному инквизитору ни в чистоте веры, ни в желании видеть Испанию процветающей, но я все-таки искренне верю в то, что для моей родины было бы лучше, если инквизиция снова вернулась бы под опеку епископата, как было много веков назад; полагаю, что это более соответствует Священному Писанию, которое гласит нам устами апостола Павла, что Дух Святой, а не апостол Петр и не папа, "повелел епископам управлять Церковью, ее же стяжал честною своею кровию Господь наш Иисус Христос".

Обо всем этом вы узнаете из моей Истории. Поскольку она совершенно оригинальна и исключительна по сути изложенных в ней фактов, я цитирую только уже опубликованных авторов, там, где опираюсь на них, а все остальные исходные данные взяты из рукописных

Untitled

первоисточников, и здесь я уже полагаюсь на доверие ко мне публики, впрочем, сомневающиеся могут проверить правдивость их изложения. И поскольку цитирование раздуло бы мое исследование до невероятных размеров, я счел более полезным дать в конце каждого тома каталог использованных мною рукописей. Если инквизиторы (или какое-либо уполномоченное ими лицо) захотят сопоставить цитируемые отрывки с документами инквизиционного трибунала, они увидят, что я был честен, как перед высшим Судом.

Вам представится возможность оценить мою беспристрастность и в других случаях, когда я признаю наличие у инквизиторов доброты и человеколюбия и списываю их неблагоприятные деяния на счет изначальной порочности законов святого трибунала, не относя их к конкретным личностям. Особенно это видно в последних четырех главах, где мною руководит принцип первичного отрицания виновности; так у меня выходит, что инквизиторы времен правления Фердинанда VI, Карла III и Карла IV настолько отличаются от своих предшественников, что нам подобает смотреть на них как на образец учености, добросердечия, умеренности и благодушия, судя по небольшому количеству или вовсе отсутствию жертв, хотя это и не спасло от многих других зол, ибо последователи не могут избежать пороков системы.

Так как История инквизиции потребует использования специальных слов, фраз, без которых пришлось бы сильно удлинить предложения, я счел необходимым предложить вниманию моих читателей комментарий, находящийся за

Untitled

каталогом рукописей.

Ввиду того, что способности и характеры у людей рознятся, кто-то может не согласиться, из-за господствующих предрассудков, с определением жертвы инквизиции; поэтому я счел необходимым сделать кое-какие пояснения по этому поводу. Прежде всего, необходимо знать, что я называю лицо жертвой только после того, как лично видел его дело в виде напечатанных документов или в виде рукописей, имеющих хождение в большом количестве среди историков и известных также и в более широких кругах. Но важно помнить, что честь и достоинство какой-либо фамилии ни в коей мере не могут и не должны быть унижены ни из-за того, что один из ее членов был осужден инквизицией, ни из-за еврейского происхождения. Благороднее происходить от евреев, чем из дворян, ибо среди последних были те, кто приносил идолам человеческие жертвы, и испанцы только стараниями инквизиции стали презирать евреев, отказываясь верить им свои судьбы. В Испании по мужской линии имеют еврейское происхождение род Ариаса Давиды, род графов де Пуньонростро и другие испанские гранды, по женской линии почти все. И, поднимаясь еще выше, скажу то же самое об испанских королях и обо всех правящих монархах Европы, связанных с династиями, известными в истории Испании и Португалии. Не вина, а достоинство является причиной поношений. Сам инквизиционный суд признавал невиновность некоторых приговоренных после их сожжения, и мы предполагаем, что эти случаи не единичны, но невозможно найти тому подтверждения из-за отсутствия заинтересованных лиц и доказательств или по

Untitled

причине сокрытия процессуальных бумаг. Нет стыда быть жертвой инквизиции, есть много случаев, когда слава семьи возрастала, если один из ее членов по злему навету должен был взойти на костер, как это случилось с детьми несчастного Антонио Переса.

Возможно, такие размышления несвойственны инквизиторам, и я предвижу судьбу моей книги, но вдруг кто-нибудь из судей или цензоров страшного трибунала возьмет на себя труд прочесть этот пролог, который я завершу цитатой из Анналов Корнелия Тацита, когда он пишет об императоре Тиберии и о его первом министре Сеяне, пользовавшемся поддержкой римского сената. "Во времена консульства Корнелия Косса и Асиния Агриппы предстал перед судом Кремуций Корд за восхваление в своей недавно вышедшей книге Марка Брута (преступление до сих пор неслыханно), а также за утверждение, что Гай Кассий был последним римлянином. Его обвинители, Сатрий Второй и Пинарий Нат, были под покровительством Сеяна. Это обстоятельство было не в пользу обвиняемого, несчастье его усугублялось еще и тем мрачным видом, с каким Тиберии выслушал выступление перед сенатом защиты, в лице самого автора книги, уже готового умереть. Кремуций Корд сказал так: "Отцы сенаторы, мне ставят в вину то, что я написал; но нет книги, за которую меня можно было бы упрекнуть. Даже в этой книге не к чему придраться, ибо я не написал и не сказал ничего порочащего императора или его мать, единственных людей, хранимых законом от всякого оскорбления. Если моя вина только в том, что я хорошо отозвался о Бруте и Кассии, так нет историка, кто написал

Untitled

о жизни этих двух римлян и не восхвалял бы их. Тит Ливий, чья искренность соперничает с красноречием, так славословил Энка Помпея, что Август прозвал его Помпейцем, но не перестал из-за этого относиться к нему с прежним дружелюбием. Тот же писатель, многократно цитируя Сципиона Африканского, Брута и Кассия, не называл их ни ворами, ни отцеубийцами, как это делают сейчас, а всегда отзывался о них как о выдающихся мужах. Антоний Поллион всегда писал о них весьма достойно, а Мессала Корвин почитал для себя честью служить под началом Кассия, которого называл не иначе как мой генерал, несмотря на то, что оба в равной мере обладали почестями и богатствами. Диктатор Цезарь, как он ответил на книгу Цицерона, превознесшего до небес заслуги Катона? Он написал в ответ на это другую книгу, предоставив народу право рассудить. Письма Антония и приветственные речи Брута полны выпадов против Августа, конечно, неискренних, но весьма колких и обидных. Все читают стихи Бибакула и Катулла, несмотря на оскорбления в них памяти Цезарей. Див Юлий и Див Август проявляли терпимость к этим авторам и их произведениям, обнаружив тем самым мудрость и умеренность взглядов, ибо презрение к сплетням и слухам - это лучший способ их задушить, придавать же им значение - значит признать их обоснованность. Многие труды греков, написанные часто не от свободы, а по распушенности, оставались всегда без отмщения или кары, если же кто-либо из оскорбленных хотел наказать обидчика, то он мог написать ответную книгу, полную ругательств и брани. Никогда не считалось уголовно

Untitled

наказуемым говорить об уже покойных лицах, которые, будучи мертвыми, уже не могли причинить никакого вреда своим биографам. Может быть, я взял на себя смелость возмутить народ речами и поднять его на защиту Кассия и Брута, что стоят лагерем на Филиппских равнинах? Разве не хотел я, подобно другим летописцам, рассказать потомкам об этих двух римлянах, расставшихся с жизнью семьдесят лет назад, рассказать так, как иные это делали рисунками и скульптурой, и даже победитель не мог запретить эти изображения? Грядущие века каждому вынесут свой приговор. Пусть я осужден, но будут историки, которые, говоря о Кассии и Бруте, вспомнят обо мне! Так сказал Кремуций Корд и, выйдя из Сената, уморил себя голодом. Сенаторы приказали эдилам сжечь книги Корда; но были люди, которые взяли на себя труд сокрыть их, и они вновь попали в руки народа в эпоху последователей Тиберия. Мы видим в этом подтверждение того, что, стараясь своей нынешней властью запретить и предать забвению труды одаренных людей, правители иных держав только способствуют большей известности последних: жестоко обращаясь с ними, лишь обещивают себя и прославляют авторов и их творения" {Корнелий Тацит. Римские анналы. Царствование Тиберия. - Кн. IV.}.

Каталог еще не напечатанных рукописей, послуживших для составления "Критической истории испанской инквизиции"
1) Собрание папских булл и бреве, касающихся испанской инквизиции со времени ее учреждения. Эти подлинники составляют четыре очень объемистых тома на пергаменте, с восковыми или свинцовыми печатями. Я велел их

Untitled

перенести из архива верховного совета инквизиции в собственную библиотеку короля. Существуют копии почти всех этих документов в четырех больших томах в лист. Первый том содержит копии, сделанные в 1566 году священником Франсиско Гонсалесом де Лумбрерасом в силу распоряжения великого инквизитора Фернандо Вальдеса; второй - копии, сделанные по распоряжению великого инквизитора Видаля Марина - доном Доминго де ла Кантольей, кавалером ордена Сант-Яго, вице-секретарем совета инквизиции; третий и четвертый - копии, сделанные позднее в секретариате совета разными лицами.

2) Сто два тома в лист, относящиеся к двум секретариатам совета, к секретариату по делам королевств кастильской короны и секретариату по делам арагонской короны. Тома распределены в порядке материалов, каковы: королевские указы; консультации королевского совета; инструкции провинциальным трибуналам; результаты голосований; постановления судебных решений.

3) Обзор булл: один том в лист, написанный Кантольей в 1709 году, для великого инквизитора Марина.

4) Краткое изложение инструкций совета инквизиции провинциальным трибуналам, составленное Кантольей для великого инквизитора Марина.

5) Заметки относительно того, что содержится в книгах совета инквизиции, составленные доном Мигуэлем де Чайде, экспедитором совета, в царствование Филиппа II и Филиппа III, для своего дяди, инквизитора Луиса де Парамо; два тома в лист.

6) Ведомости дел, о которых говорится в книгах совета

Untitled

инквизиции, составленные доном Гаспаром Исидором д'Аргуэльо, экспедитором секретариата упомянутого совета, в 1650 году; один том в лист.

7) Компиляция из всех инструкций святого трибунала, сделанная в царствование Филиппа II; один том в лист.

8) Компиляция указов совета инквизиции провинциальным трибуналам, сделанная в то же царствование; два тома в лист.

9) Обзор указов совета инквизиции, составленный в царствование Филиппа IV экспедитором секретариата названного совета; один том в лист.

10) Ведомости дел святого трибунала, составленные инквизитором доном Кристовалом д'Инестросой в 1707 году; один том в лист.

11) Компиляция бумаг, касающихся дел святого трибунала, составленная инквизитором доном Хуаном де Лоайсой в 1761 году; три тома в лист.

12) Ведомость бумаг, находящихся в архивах святого трибунала Валенсии, составленная инквизитором доном Мануэлем Харамильо де Контрерасом в царствование Карла III; один том в лист.

13) Обзор процессов, возбужденных трибуналом инквизиции Валенсии, того же автора; один том в лист.

14) Золотая книга, в которой находятся извлечения судебных решений святого трибунала Валенсии и некоторых судебных решений инквизиции, того же автора; один том в лист.

15) Собрание бумаг, относящихся к делам инквизиции, сделанное одним инквизитором в царствование Филиппа V, шестнадцать томов в лист.

Untitled

16) Зеленая книга Арагона, составленная Мисером Манен-те, ассессором-инквизитором епархий Уэски и Лериды, в 1507 году; содержит генеалогию многих фамилий, происходящих от обращенных в христианство евреев; один том в лист.

17) Собрание бумаг, касающихся дел инквизиции; двадцать больших томов в лист и десять томов в четвертку, содержащих несколько кратких извлечений из процессов, обсуждавшихся в совете инквизиции.

18) Документы процессов, возбужденных разными провинциальными трибуналами, обсуждавшиеся советом в последней инстанции и содержащиеся в его архивах. Количество их столь значительно, что я не могу определить с точностью их число.

19) Копии, обзоры и заметки, составляющие собрание бумаг, касающихся инквизиции, которое содержится в пятнадцати томах в лист и в тридцати шести томах в четвертку и сделано мною самим последовательно с 1789 по 1812 год.

20) Извлечение из приказов совета инквизиции провинциальным трибуналам; один том в лист, находящийся в королевской библиотеке под сиглой D. 144.

21) Решения святого трибунала Мурсии; собраны одним инквизитором в царствование Филиппа IV; один том в лист в той же библиотеке под сиглой X. 135.

22) Ведомость процессов, возбужденных и обсуждавшихся в суде святого трибунала Толедо, составленная анонимным автором в царствование Фердинанда V и дополненная Сева-стианом д'Ороско в царствование Филиппа II; один том в лист, в той же библиотеке; у меня

Untitled

есть копия.

23) Обзор нескольких аутодафе испанских инквизиций в царствование Филиппа II, составленный свидетелями-очевидцами; один том в лист, в той же библиотеке под сиглой AA. 105.

24) Донесение о мученической смерти святого младенца Инносенсио де ла Гуардиа, составленное анонимным автором времени Карла V; брошюра в лист, в той же библиотеке под сиглой R. 29.

25) Собрание исторических и политических бумаг времени Филиппа II; связка в той же библиотеке, в рукописном отделении под сиглой H. 1.

26) Несколько писем Фердинанда V, Филиппа II и Филиппа III и другие бумаги, касающиеся инквизиции; в той же библиотеке под сиглами D. 118, 144, 153; H. 5; R. 29; X. 157 и в других местах в разных связках.

27) Исторические заметки эпохи Фердинанда V и Карла V, составленные Педро де Торресом, жившим в это время. Брошюра в той же королевской библиотеке; я приказал сделать с нее копию.

28) История католических королей, составленная Андресом Бернальдесом, капелланом великого инквизитора Десы, в конце XV века. Один том в лист, в той же библиотеке; я велел ее скопировать.

29) Хроника католических королей, составленная Лоренсо Галиндесом де Карбахалом, советником этих королей; один том в лист, в той же библиотеке; я велел ее скопировать.

30) Рассуждение о происхождении испанской инквизиции, составленное доном Хосе де Риберой, секретарем совета

Untitled

инквизиции, в царствование Филиппа IV; брошюра, находящаяся в библиотеке Королевской Академии истории; я велел снять с нее копию.

31) Донесение об убийстве, совершенном над особой первого инквизитора Арагона Педро Арбуеса, и об аутодафе, состоявшемся над убийцами и другими еретиками, написанное анонимным автором времени Карла V; один том в четвертку, принадлежавший г-ну Луго, бывшему члену государственного совета Испании.

32) Трактат о правлении государей, посвященный Карлу V, при жизни его деда, Фердинанда V; составлен анонимным автором; один том в четвертку, в котором много говорится о неудобствах способа судопроизводства в процессах инквизиции. Королевская библиотека Мадридского дома наук имени св. Исидора.

33) Замечания о том, что содержится в некоторых книгах совета инквизиции относительно запрещения книг; составлены одним секретарем в 1633 году. Полагают, что то был упомянутый выше дон Хосе де Рибера. Эта брошюра принадлежит дону Району де Кабрере, члену Королевской Академии испанского языка.

34) О прославлениях и триумфах Общества Иисуса, достигнутых при преследованиях; составил Педро де Рибаденей-ра, один том в четвертку, принадлежащий тому же г-ну Кабрере.

35) Замечания о некоторых событиях, происшедших на Тридентском соборе; составлены домом Педро Гонсалесом де Мендосой, епископом Саламанки, одним из членов собора; один том в четвертку, также принадлежащий г-ну Кабрере.

Untitled

- 36) Донесение о том, что произошло в тюрьме принца Астурийского дона Карлоса Австрийского, сына короля Филиппа II; составлено присутствовавшим при этом приставом камеры этого принца; брошюра, находящаяся в первом государственном секретариате испанского короля; с нее была сделана для дона Хуана д'Ириарте, первого библиотекаря короля, копия, принадлежащая в настоящее время госпоже Ириарте, рожденной Техада, вдове дона Бернардо Ириарте, члена государственного совета.
- 37) Собрание писем испанских королей капитулу толедской Церкви, первосвятительскоп в Испании; один том в лист, с которого равным образом была сделана копия для упомянутого дона Хуана д'Ириарте в 1755 году; она также принадлежит госпоже Ириарте.
- 38) Мадридская летопись; составлена Леоном Пиннелью; один том в лист, в королевской библиотеке; я велел снять с него копию.
- 39) Собрание любопытных бумаг, относящихся к различным предметам; составил дон Херонимо Гаскон де Торквемада, секретарь короля; три тома в лист, принадлежащие мне, как и последующие.
- 40) Апология испанской истории, изданной Николаем Иисусовым Бельяндю, написанная доном Мельхиором де Мака-насом для представления в совет инквизиции; один том в лист.
- 41) История Бургоса и его епархии, составленная доном Мельхиором Приэто, епископом города Дуранго в Америке; два тома в лист; оригинал написан собственноручно автором, по особому разрешению короля Филиппа IV, для его издания, которое не осуществилось из-за смерти

Untitled

автора.

42) История города Херес-де-ла-Фронтеры, составленная доном Томасом Молеро; один том в лист.

43) История принцев Астурийских, начатая с первого до Карла IV, составленная доном Франсиском де Риберой; один том в лист.

44) Донесение о делах королевства Арагона в царствование Филиппа II, составленное Леонардом д'Аргенсолой; один том в четвертку.

45) Хроника наваррских королей, составленная Диего Рамиресом Давалосом де ла Писсиной, в 1534 году; один том в лист.

46) Общая хроника Бискайи, составленная доном Хуаном Раймондом д'Итурриса-и-Сабалой; один том в лист.

47) Сборник сведений о событиях, происшедших в Мадриде до 1695 года, составленный доном Ласаро Кобос-и-Мирандой; один том в лист.

48) Значительное число делопроизводств подлинных процессов, проверенных автором, из которых им самим были сделаны извлечения в архивах инквизиции, преимущественно в Мадриде, Сарагосе и Вальядолиде. Объяснение слов и выражений, свойственных языку святого трибунала, которые следовало сохранить в этой истории

1) Аутильо (Autillo) = малое аутодафе. Виновный приводится в залы инквизиции. Заседание может быть при открытых дверях, чтобы лица, желающие на нем присутствовать, могли войти, или при закрытых дверях, и тогда допускаются лишь лица, имеющие право присутствовать там.

Untitled

2) Аутодафе. Публичное и торжественное прочтение извлечения из судебных дел и приговоров, которые инквизиторы объявляют в присутствии виновных или перед их изображениями, в присутствии властей и наиболее уважаемых городских корпораций, в особенности светского королевского судьи, которому передают в это время осужденных или их изображения, чтобы он тотчас же объявил смертную казнь через сожжение, согласно законам государства касательно еретиков, и приказал привести ее в исполнение после того, как, на основании предварительного и секретного сообщения инквизиторов, он распорядится приготовить эшафот, дрова, машину для удушения и обычных исполнителей.

3) Аутодафе единичное. Устраивается для одного виновного в церкви или на публичной площади, смотря по обстоятельствам.

4) Аутодафе общее. На нем появляется большое количество виновных всех разрядов: лица, сжигаемые после удушения, как еретики-рецидивисты, хотя и раскаивающиеся; такие, которые представлены в изображениях, с их выкопанными из могил костями, как умершие нераскаянными; такие, от которых имеются только одни изображения, как приговоренные заочно. Бывают также еретики, примирившиеся с Церковью, исповедавшиеся и раскаивающиеся; отбывающие епитимью, уголовные преступники; лица, заподозренные в ереси, которые произносят отречение и освобождаются от наказания условно (*ad cautelam*), с предупреждением.

5) Аутодафе частное. Оно бывает, когда выставляют на позор осужденных без приготовлений и торжественности

Untitled

общего аутодафе. На нем не присутствуют ни власти, ни корпорации города: там присутствует один только святой трибунал, а светский судья бывает каждый раз, когда появляется какой-нибудь виновный, подлежащий казни.

6) Богословская отметка. Оценка, которую богословы делают поступкам и речам, составляющим содержание процесса, квалифицируя одни как формально еретические, другие как близкие к ереси, наводящие на ересь, благоприятные для ереси, дерзновенные, позорные, оскорбляющие благочестивый слух, антихристианские, противные Евангелию, католической вере и т. п. См.: Квалификация.

7) Быть по сему (*somo parece*). Формула, которую короли Испании имеют обыкновение писать собственноручно на полях запросов совета инквизиции и других королевских советов, когда они одобряют представленные им декреты или приговоры.

8) Верховная (*suprema*), или верховный совет. Титул главной испанской инквизиции, руководимой главным великим инквизителем и королевским советом учреждения. Она управляет провинциальными инквизициями.

9) Верховное отлучение от Церкви. Оно постановляется папою или инквизиторами против того, кто делает запрещенное или не делает то, что приказано; оно получает полное действие по отношению к нарушителю без необходимости, чтобы судья отлучил его от Церкви, когда преступление совершено.

10) Вины (*merita*). Этим выражением имеют обыкновение обозначать извлечение из процесса инквизиции, читаемое секретарем перед аутодафе каждый раз, когда на

Untitled

основании окончательного судебного решения виновный должен выслушать свой обоснованный приговор.

11) Внесудебная информация. Это собрание нескольких показаний, сделанных секретно, без присяги, лицами, которые были опрошены инквизиторами или комиссарами святого трибунала о поведении и религиозных воззрениях того, против кого сделан донос.

12) Вызов в суд - см.: Повестка о вызове в суд.

13) Вызов судебного разбирательства - см.: Требование дознания.

14) Голосования. Мнения провинциальных инквизиторов и юрисконсультов о приговоре, который следует вынести. Они адресуются в совет, чтобы там подвергнуться обсуждению. Если совет высказывает свое мнение в противоположном смысле, он указывает трибуналу, какого поведения он должен держаться. Тогда инквизиторы видоизменяют, утверждают и произносят от своего имени окончательный приговор, который может быть противен их собственному убеждению и который они выносят под воздействием мнения членов верховного совета.

15) Грамота всеобщая. Это указ, который посылается королевским верховным советом, состоящим под председательством главного инквизитора, провинциальным трибуналам с предписанием или запрещением мер, относящихся к тому, что происходит в святом трибунале; она обязательна, как внутренний и специальный закон учреждения.

16) Грамота частная. Приказание главного инквизитора или верховного совета, адресованное провинциальным инквизиторам в форме официального письма по частным

Untitled

указанным делам. Иногда это название дается также приказанию, хотя бы оно было отправлено в виде извещения в обыкновенном порядке, или приказа, или предварительного решения.

17) Добровольное сознание. Его делает человек, обвиняющий сам себя пред святым трибуналом в действиях и разговорах, прямо или косвенно противных католической вере, за которые он просит прощения и освобождения от церковных наказаний, которые он мог навлечь на себя.

18) Донос. Сообщение, сделанное святому трибуналу о действиях или разговорах, которые противны или кажутся противными католической вере, судопроизводству или правам этого трибунала.

19) Допрос с пристрастием. Допрос судьи, сопровождаемый пыткой.

20) Заслушание улики. Декрет, которым после рассмотрения подготовительной информации (*summaria*) инквизиторы вместо приказания заключить обвиняемого в секретную тюрьму инквизиции объявляют ему приказ явиться лично в зал судебного заседания для ответа на улики, которые фискал может выставить против него в продолжение процесса.

21) Запретительный индекс (*index librorum prohibitorum*) - см.: Список запрещенных книг.

22) Защитительная записка. Письменное прошение, в котором обвиняемый излагает статью за статьей в форме протокола допроса, факты, которые он считает полезными для своей защиты против прокурорского обвинения; оно содержит также имена лиц, которые могут удостоверить

Untitled

истину каждого приводимого факта.

23) Инструкции. Это указы, данные главным великим инквизитором и советом инквизиции, утвержденные королем и обращенные к подчиненным трибуналам инквизиции, чтобы они исполнялись на местах как особые предписания их внутреннего управления при ведении процессов и решении дел их круга ведения.

24) Интердикт. Это род церковного запрещения, объявляемого епископами и инквизиторами; сила его такова, что влечет за собою закрытие церквей и прекращение богослужения. Преподание последнего напутствия и соборование больных могут происходить только тайно, как и погребение мертвых, до тех пор, пока церковный судья не снимет интердикта.

25) Каноническое доказательство. Отзыв двенадцати заслуживающих доверия свидетелей, которые заявляют под присягой, что они верят, что обвиняемый говорит правду, отрицая свою виновность в ереси или в приписываемом ему преступлении.

26) Каноническое оправдание - см.: Каноническое доказательство.

27) Камера пыток - см.: Пыточный застенок.

28) Кара светской власти. Это кара, которою правительство и высшие трибуналы угрожают духовным лицам, злоупотребляющим своими привилегиями, чтобы отказать судьям в повиновении, которое они должны им оказывать. Она состоит в изгнании виновных из отечества и в секвестре их имущества и доходов.

29) Карцер, или застенок. Подземная тюрьма, неудобная, темная и нездоровая.

Untitled

30) Квалификаторы. Это богословы, которые оценивают действия и речи, выражая свое мнение о внутреннем убеждении их авторов.

31) Квалификация. Оценка действий и речей, произведенная богословами в делах, которые подлежат компетенции инквизиции. См. Богословская отметка.

32) Квалификация объекта. Это оценка приписываемых обвиняемому поступков и слов, рассматриваемых без обсуждения намерения, которое обвиняемый мог при этом иметь.

33) Квалификация субъекта. Мнение, которое квалификаторы устанавливают относительно внутреннего убеждения обвиняемого: они его квалифицируют не заподозренным в причастности к ереси, о которой идет речь, на основании разобранных ими поступков и слов; или подозреваемым в ереси в малой степени, или в высокой степени, очень серьезно, весьма сильно, или, наконец, формально еретическим.

34) Кемадеро (quemadero), то есть площадь огня. Это площадь, где осужденные сжигаются живьем или фигурально в их изображениях. Она всегда отводилась в поле, вне города.

35) Книга голосований. В нее заносятся и записываются, в оригиналах, мнения инквизиторов и юрисконсультов провинциальных трибуналов; из нее секретарь берет заверенную копию для пользования трибуналом. См.: Голосования.

36) Краткий обзор. Собрание показаний нескольких свидетелей, которые были допрошены после данной ими перед началом процесса присяги и обещания хранить

Untitled

тайну относительно статей доноса.

37) Лжекающийся. Это человек, признавшийся в своих преступлениях и просивший примирения с Церковью, но которого инквизиторы подозревают в неискренности раскаяния и в том, что он сделал признание только для того, чтобы избежать уголовной кары.

38) Мантета (manteta, т. е. накидка). Это продолговатый кусок полотна, на нижней части которого написаны имя, звание, общественное положение и преступление осужденного, а также год судебного приговора; на верхней части виднеются нарисованные языки пламени или крест санбенито, смотря по свойству судебного приговора. Это одеяние вешают в приходской церкви осужденного, чтобы сохранить навсегда память о его осуждении.

39) Мориски (moriscos). Это название давали маврам, сделавшимся христианами, а также их потомкам.

40) Насилие. Смысл этого термина тот же, что и слов: насилие на деле и против права, в чем судьи иногда бывают повинны, злоупотребляя своей властью. См.: Обжалование против насилия.

41) Недостаточное сознание. Оно имеет место, когда обвиняемый признается в части поступков и речей, в которых он обвиняется, отрицая другие, в то же время установленные судопроизводством или считаемые инквизиторами за таковые по предположению, вопреки отрицанию обвиняемого.

42) Неимение препятствий. Это удостоверение, выдаваемое в святом трибунале лицам, оправданным или объявленным в подозрении, которое должно им служить доказательством всюду, где придется это сделать, что их

Untitled

арест и предание суду по делу религии не должны быть для них препятствием к достижению почестей, высоких званий, почетных мест и должностей, так как они не подверглись ни замечанию, ни наказанию судебного позора.

43) Обжалование против насилия. Чрезвычайная апелляция к королю против злоупотребления, которое делают инквизиторы из своей независимости и из запрещения светским судам принимать жалобы на судебные приговоры, вынесенные инквизиторами. Человеку, находящемуся в секретной тюрьме, невозможно было прибегнуть к этому, так как он не мог ни с кем сообщаться. Бывали случаи, когда это средство было употребляемо родственниками заключенных.

44) Оглашение свидетельских показаний. Такое название дают в святом трибунале неполной копии свидетельских показаний, в которой опущены: 1) то, что было показано в защиту обвиняемого как могущее дать возможность узнать свидетелей; 2) ответы тех, которые говорили, что ничего не знают; 3) те ответы, которые были вполне благоприятны для обвиняемого, вплоть до сообщения, что свидетелей было заслушано больше, чем приводится свидетельских показаний.

45) Оговор - см.: Донос.

46) Окончательное оправдание. Это оправдание происходит, когда трибунал объявляет обвиняемого невинным. Оправдание по суду инквизиторы выносят, когда они не находят в документах мотивов, достаточных для продолжения судопроизводства, хотя и думают, что подсудимый не невиновен.

Untitled

47) Опорочение или отвод свидетелей. Ссылка на факты, которые перед законом уменьшают доверие к показанию свидетелей.

48) Освобождение от церковных наказаний. Инквизиторы даруют его тому, кто окончательно объявлен еретиком и произнес формальное отречение, обещаясь выполнить наложенные на него епитимий. Освобождение условное (*absolutio ad cautelam*), с предупреждением, инквизиторы даруют тому, кто объявлен подозреваемым в ереси. В последнем случае дело иногда происходит в присутствии некоторого числа свидетелей или зрителей, чуждых трибуналу и указанных деканом инквизиторов, или только под наблюдением хранителей секретного архива и секретарей святого трибунала.

49) Откладывать. Это значит приостанавливать ведение процесса до тех пор, пока не явятся новые причины для его продолжения.

50) Отмена. Она имеет место со стороны обвиняемого, когда он после заявления о своей виновности в каком-либо преступлении отрицает его и берет назад свое первое признание, говоря, что факты, в которых он сознался, не верны, и когда он излагает побудительные причины, заставившие его дать ложное показание.

51) Отречение (*abjuratio*). Это проклятие ереси.

Формальное отречение (*abjuratio de formal!*) произносит лицо, объявленное еретиком в окончательном приговоре. Сильное отречение (*abjuratio de vehementi*) касается того, кто тяжело или сильно заподозрен в ереси. Легкое отречение (*abjuratio de levi*) относится в человеку, объявленному находящимся в легком подозрении.

Untitled

52) Передать в руки светской власти (*relaxatio*). Это выражение употребляется, когда инквизиторы передают преступника в распоряжение светского судьи, чтобы он был судим на основании законов, установленных против проступка, за который он должен быть осужден светским судьей.

53) Повестка о вызове в суд. Это распоряжение, извещение или письменное сообщение инквизиторов, которым они приказывают обвиняемому - отсутствующему, но не бежавшему - явиться лично для ответа на обвинение, направленное против него прокурором святого трибунала по делам, относящимся к католической вере. Образчик ее находится в процессе архиепископа Каррансы.

54) Подготовительный краткий обзор. Подготовительное расследование. Секретная процедура или предварительное следствие, которое производится после доноса и до прокурорского обвинения и ответа обвиняемого.

55) Покаянная одежда. Это старинное и первоначальное название того, что потом называлось "санбенито". См.: Санбенито, Самарра и Мантета.

56) Положения (или тезисы). В уголовном праве этим словом обозначают вопросы, установленные прокурором и предъявленные обвиняемому для ответа на них. Они составляют содержание уголовного процесса перед святым трибуналом. Так называют статьи протокола прокурорского допроса.

57) Пособник ереси. Тот, кто покровительствует или поддерживает ересь, равно как и те, которые разделяют

Untitled

эту ересь или следуют ей. Инквизиторы усматривают это преступление у тех, кто не повинуется их распоряжениям, в особенности у тех лиц, которые противятся прямо или косвенно исполнению этих распоряжений.

58) Появление других свидетелей. Это случай, когда неожиданно появляются новые доносы против обвиняемого после того, как ему был сообщен его обвинительный акт; также случаи, когда другие трибуналы предъявляют улики, которые еще не были известны. Говорят также, что имеется совпадение или новая улика, когда после прекращения или отсрочки дела возникает новое дело, которое отягчает первое.

59) Предание суду, или инстанция. Состояние процесса с момента, когда обвиняемый ответил на главные пункты обвинения прокурора, до окончательного приговора.

60) Прекращение. Мера, посредством которой епископы или инквизиторы прекращают божественную службу и требоисправление католической религии в церквях какой-нибудь страны до тех пор, пока эта мера не будет совершенно отменена или не будет разрешено временно ее приостановить.

61) Приговор - см.: Голосования.

62) Приготовительное показание. Это показание, которое трибунал получает от того человека, который оговорен или против которого начинают вести дело, но который, не будучи еще рассматриваем как виновный, допрашивается лишь в качестве свидетеля на предварительном следствии в видах установления истины фактов сообразно с выводами из его показания. Это средство иногда бывает полезно обвиняемому, что доказывает история св. Терезы

Untitled

и ее монахинь.

63) Примирение с Церковью. Освобождение от церковных наказаний, которые навлек на себя еретик, исповедовавшийся и покаявшийся.

64) Приостановка краткого обзора. Состояние, в котором находится процесс, когда после получения под присягой показаний доносчика и свидетелей дело как бы прерывается, потому что не считают обстоятельство преступления и его улики достаточными для издания приказа о заключении в тюрьму и о заслушании улик.

65) Производить розыск. Это значит допрашивать лиц, о которых думают, что они были свидетелями поступков и слов, за которые человек оговорен перед святым трибуналом. Это слово иногда означает также секретную справку, переданную комиссаром святого трибунала инквизиторам во исполнение приказа, полученного на этот предмет.

66) Противящийся судопроизводству святого трибунала. Тот, кто препятствует или содействует препятствию для исполнения распоряжений инквизиторов; он квалифицируется как пособник ереси и подозреваемый в ереси в более или менее высокой степени, сообразно важности обстоятельств.

67) пытка. Чрезмерное мучение, могущее иметь губительные последствия, как, например, переломы, раздробления разных частей тела, и даже смерть. Есть несколько способов ее применения. Различные авторы постарались их объяснить и изобразить в гравюрах. Цель, которой инквизиторы задаются, применяя ее, это добиться сознания в некоторых преступлениях, которые в процессе

Untitled

были приняты за вероятные.

68) *Пытка по чужому делу (in caput alienum)*. Ей подвергают заключенного, чтобы он показал в качестве свидетеля об обстоятельствах дела другого обвиняемого, в котором он обозначен как сосвидетель. Эта пытка применяется лишь тогда, когда трибунал допрашивал сосвидетеля и не мог ничего от него добиться и когда судьи предполагают, что он отказывается говорить то, что знает.

69) *Пытка по личному делу (in caput proprium)*. Ей подвергают обвиняемого для того, чтобы он показал то, что касается его лично.

70) *Пыточный застенок*. Тюрьма, более глубокая, чем обычная инквизиционная, для того чтобы крики, вырывающиеся у обвиняемого от свирепости пытки, не были услышаны никем, даже в остальной части тюрьмы.

71) *Реабилитация*. Это акт, восстанавливающий обвиняемого во всех правах, которыми он пользовался до того, как попал на замечание инквизиторов.

72) *Реестры*. Это книги, где записывают имена и приметы лиц, о которых инквизиторы провинциального трибунала сообщают, что на них поступил донос; иногда там бывают секретные заметки касательно обвиняемого.

73) *Релаксация (relaxatio)*. Акт, которым инквизиторы передают преступника светскому королевскому судье для присуждения к уголовной каре согласно гражданским законам; это единственный случай, когда судьи святого трибунала предписывают эту меру.

74) *Рецидивист (relapsus)*. Человек, который, будучи объявлен еретиком или сильно подозреваемым в ереси, освобожден от наказания и вновь затем арестован за те же

Untitled

деяния и те же речи.

75) Самарра (zamarra, т. е. баранья шкура, овчина). Этим именем обозначают иногда нарамник, санбенито. См.: Санбенито.

76) Санбенито (sambenito, sanbenito). Это нарамник из желтого сукна, который надевают на осужденных еретиков, на сильно подозреваемых и в некоторых других особенных случаях. Санбенито бывают различного вида.

77) Саори (zahori, т. е. ясновидящий). Это имя дают тому, кто уверяет, что видит предметы, спрятанные в земле, как, например, клады и проч.

78) Свидетельское показание. Заявление свидетеля. Это понятие иногда означает также собрание показаний нескольких свидетелей на предварительном следствии; таким образом, говорят: имеются сильные показания против такого-то. Когда хотят дать понять, что против обвиняемого имеется много свидетелей, употребляют следующую формулу: такой-то был достаточно уличен; против него имеется достаточно показаний.

79) Секрет. Название архива секретариата судебных дел по обвинению в ереси; поэтому секретарю святого трибунала, служащему там, присвоено название секретаря секрета, которым никогда не называются секретари секвестра или других комиссий.

80) Совет инквизиции. Верховная судебная инстанция святого трибунала, обязанная помогать главному великому инквизитору, который является ее председателем, во всех делах учреждения. Он известен под именем верховного совета, то есть совета верховной инквизиции.

81) Сокращенное дознание. Это данное под присягой

Untitled

показание свидетелей, опрошенных в начале процесса, прежде чем получено признание подсудимого и дан ход его делу.

82) Сосвидетель. Это слово понимается в двух смыслах: 1) лицо, бывшее свидетелем факта, заявленного другим свидетелем; 2) лицо, заявляющее то же, что и другой. В последнем случае обыкновенно говорят: имеется согласие в показаниях; свидетели согласны; они показывают одно и то же.

83) Список запрещенных книг. Это книга, содержащая каталог (рукописных) сочинений и (печатных) произведений, которые должны быть исправлены или запрещены.

84) Справка в текущих делах. Просмотр записей текущих дел во всех инквизиционных трибуналах королевства, чтобы узнать, нет ли чего против обвиняемого, которого какой-нибудь из трибуналов только что привлек в суду.

85) Требование дознания. Предложение судебного разбирательства, сделанное добровольно тем, кто, узнав, что кто-нибудь приписывает ему преступление против веры в частных разговорах, обращается к святому трибуналу с просьбой, чтобы его доносчик был принужден доказать свое обвинение, а сам он обязуется установить свою невиновность, под условием подвергнуться наказанию, в случае если он потерпит неудачу в этой попытке.

86) Тюрьма обыкновенная. Посторонние лица могут там бывать и беседовать с узниками. Туда помещают лиц, обвиняемых в обыкновенных проступках, судимость коих принадлежит святому трибуналу по его привилегии.

87) Тюрьма посредствующая, или переходная. Она

Untitled

предназначена для тех, кто подсуден святому трибуналу и был арестован за обыкновенные проступки.

88) Тюрьма секретная. Такая тюрьма, где никто не может сообщаться с заключенными.

89) Тюрьма сострадания. Тюрьма, в которую заключаются на известный срок люди, приговоренные к епитимий. Ее называют иногда также Тюрьмой епитимий или милосердия; она находится вне помещения, где собирается трибунал, но поблизости его.

90) Увещания (admonitiones) - см. под N 91.

91) Увещевания (monitiones). Так в святом трибунале называются три предостережения, которые инквизиторы делают обвиняемому на трех первых аудиенциях, следующих за его арестом, чтобы побудить его старательно припомнить прошлое, испытать свою совесть и добровольно признаться во всем, что он помнит о сказанном или сделанном против католической веры, давая ему при этом понять, что никто не арестовывается без того, чтобы против него не было улики в проступке, что, если его сознание будет искренне и если он действительно раскается, по отношению к нему будет применено снисхождение; но что в противном случае с ним будет поступлено "со всей строгостью закона".

92) Указ о вызове в суд. Это указ, который инквизиторы опубликовывают против обвиняемого, находящегося в отсутствии или в бегах, чтобы он явился на суд в определенный срок, под угрозой быть объявленным убежденным еретиком, строптивым, упорствующим и нераскаянным. Таков был указ, направленный против первого министра, статс-секретаря, Антонио Переса.

Untitled

93) Указ о доносах. Он обнародуется ежегодно в первое воскресенье Великого поста в одной из церквей того города, где существует трибунал инквизиции, в присутствии инквизиторов. Он обязывает доносить святому трибуналу в шестидневный срок на всех, кто совершил проступок или вел разговоры против веры или святой инквизиции, был ли кто лично свидетелем этого или узнал об этом через других лиц.

94) Указ об отлучениях от Церкви (анафемах). Он читается ежегодно в церкви в воскресенье вслед за обнародованием указа о доносах. Он провозглашает наказание верховным, предоставленным в распоряжение инквизиторов отлучением от Церкви тех, кто не донес на лиц, обозначенных в указе о доносах, и возобновляет приказание это сделать, с угрозой тягчайших наказаний и проклятий ослушникам.

95) Указ о помиловании. Его публикуют, чтобы объявить, что тайно помилуют того, кто добровольно донесет на самого себя инквизиторам, как на раскаивающегося еретика, прося прощения, без обязательства подвергнуться публичному покаянию.

96) Цензура - см.: Квалификация и Богословская отметка.

97) Чистота крови. На языке инквизиции принадлежать к чистой крови значит не происходить ни от евреев, ни от мавров, ни от еретиков, ни от предков, осужденных инквизицией.

Глава I Порядок и преемственность идей католической церкви до учреждения инквизиции в деле розыска и наказания еретиков

Статья первая Первая эпоха церкви до обращения

Untitled

императора Константина

I. Едва основалась христианская религия на земле, как среди ее чад зародились ереси. Апостол Павел дает наставление своему ученику Титу, епископу Крита, какого поведения он должен держаться по отношению к еретику, советуя ему предупреждать его один и другой раз и, если тот не обратится, избегать в будущем его присутствия.

{Послание ап. Павла к Титу. Гл. 3.}

II. Это правило, установленное языком апостолов, указывает нам на различие, какое надо делать между ересью и другими грехами, за которые Иисус Христос хочет, чтобы согрешившего призывали к обращению три раза, прежде чем прекратить с ним всякое общение, потому что только тогда, когда было сделано три предупреждения тем способом, какой предписан в Евангелии, позволено смотреть на него как на язычника и мытаря, то есть как на отлученного от единения с верными [1].

III. Св. Павел хочет, чтобы еретика предупреждали всего два раза; быть может, потому, что ересь - заблуждение ума, и надо полагать, что, если он не окажется убежденным после того, как ему дважды показали истину, благоразумие не позволяет надеяться на то, что он убедится после третьего увещания, так как он дважды показал себя непослушным голосу своего брата, что заставляет отлучить его от Церкви. Налагая на него это наказание, Церковь надеется, что позор, к которому его приводит упорство, и скорбь об отлучении по своей вине от соборного общения приведут его к раскаянию [2]. Но св. Павел не говорит, что еретика надо лишать жизни; а Иисус Христос, говоря св.

Untitled

Петру, выражает желание, чтобы падшего вновь прощали и воссоединяли с Церковью не семь, а семьдесят семь раз [3], то есть так часто, как он будет раскаиваться; это предполагает, что его никогда не должно карать смертью по суду Церкви.

IV. Такова была неизменная доктрина Церкви во время первой эпохи, то есть в первые три века, вплоть до примирения с Константином. Еретиков никогда не отлучали иначе, как после бесполезно пущенных в ход увещаний.

Ввиду усвоения этой системы естественно, что писали против ересей, чтобы препятствовать их распространению. Это делали св. Игнатий [4], Кастор, Агриппа, св. Ириней [5], Климент Александрийский [6], св. Остин [7], св. Дионисий Коринфский, Тертулиан [8], Ориген [9] и многие другие.

V. Были вообще убеждены, что по отношению к еретикам следует соблюдать это гуманное и снисходительное поведение, внушаемое милосердием, всегда долготерпеливым. Св. Дионисий, епископ Коринфский, говорил, что если еретик показывает себя послушным и расположенным вернуться к церковной вере, то следует с ним обращаться с кротостью, тщательно избегая подавать какой-либо повод к страданию, из опасения его раздражить и сделать упорствующим. {См.: Евсевий. Церковная история. Кн. 4; св. Епифаний, в трактате О еreseх; се. Иероним, О церковных писателях. Гл. 39 и 40.} Ориген предписывает для того, чтобы обратить и вернуть еретика в лоно Церкви, делать вид незнания о выдвинутых им положениях, которых нельзя одобрить, лишь бы они по существу не затрагивали уже установленных догматов {Ориген в толковании на послание св. Павла к римлянам.

Untitled

См.: Тиллемон. Церковная история. Т. II. Ч 3.}. До тех пор, пока было возможно беседовать с еретиками, прежде чем объявлять против них анафему, пробовали приводить их обратно к вере либо посредством частных споров, как это видим из истории Феодота Византийского {Епифаний. О ересях. 54; Феодот. Еретические басни. Кн. 2. Гл. 5.}, либо путем собеседований, например: св. Юстина с Трифоном {См, этот Разговор в творениях св. Юстина}; Родона с Апеллесом, последователем Маркиона [10] и затем ересиархом; {Евсевий. Церковная история. Кн. 5. Гл. 13.} Кая [11] с Проклом, римским еретиком-монтанистом; {Там же. Кн. 6. Гл. 20.} Оригена с ересиархом Берилом, епископом Бокары [12] в Аравии, о божестве слова, и того же Оригена с арабами, отрицавшими бессмертие души; {Евсевий. Церковная история. Кн. 6. Гл. 33; Флери. Церковная история. Т. II. Кн. 6.} Архелая, епископа Каскара в Месопотамии, с Манесом, главою манихеев {Епифаний. О ересях. 66; Св. Кирилл Иерусалимский. Катехизис. 6; Евсевий. Летопись; Флери. Церковная история. Кн. 8. П 10.}, - так же, как и большое число других, о которых упоминается в истории соборов и в творениях Отцов Церкви. Например, известно, что в 235 году еретик Аммоний был обращен собеседованиями, которые с ним вели на Александрийском соборе.

VI. Эти верные подражатели благости Иисуса Христа были врагами принципов угнетения. Хотя зло, причиняемое религии нечестивым Манесом, было столь велико, что епископ Архелай, о котором мы только что говорили, счел необходимым подумать о мерах к его аресту, однако он отказался от этого намерения, когда Маркелл, которому

Untitled

Манес только что написал, предложил ему еще раз побеседовать с Манесом. Архелаю удалось убедить ересиарха, и он не только не настаивал более на его задержании, но, когда спустя некоторое время народ хотел побить Манеса камнями и он убежал в одно селение, где продолжал еще спорить с Трифоном, Архелай прибежал к нему на помощь и спас ему жизнь. {Епифании и Флери в цитированных местах.}

VII. Возможно, что такое поведение Церкви было до известной степени обусловлено невозможностью в ее тогдашнем положении употреблять против этих еретиков принудительные средства светской власти при государях, остававшихся еще язычниками. Но это не было единственной побудительной причиной ее терпимости, так как известно, что, когда не существовало указа о гонениях на христиан, императоры принимали жалобы от епископов, как и от прочих подданных. Это доказывается историей еретика Павла Самосатского [13], епископа Антиохийского. Собор этого города, собравшийся в 272 году, видя, что Павел снова впал в ересь, после того как отрекся от нее на соборе 266 года, низложил его и избрал на его место Домна. Низложенный епископ продолжал занимать епископский дом; ему предложили его покинуть, чтобы его преемник мог вступить в обладание им. Так как Павел отказался повиноваться, епископы обратились к императору Аврелиану, который еще не отдавал приказа преследовать Церковь; тот принял их жалобу и ответил: ввиду того, что неизвестно, которая из двух сторон права, следует сообразоваться с решением римского епископа и его Церкви. Святой престол тогда занимал св. Феликс I

Untitled

[14], который подтвердил решение собора, и император Аврелиан приказал привести его в исполнение. {Евсевий. Церковная история. Кн. 7. Гл. 24.}

VIII. Это событие доказывает, что, если бы намерение Церкви было преследовать еретиков, епископы имели бы к этому возможности, пользуясь властью императоров, которых они могли легко расположить к этому, доказывая им, что еретики умножают секты, что большинство этих сект было причиной изданного в 296 году императорами Диоклетианом [15] и Максимианом [16] эдикта, присуждавшего к сожжению манихейских вождей и к разным наказаниям тех из этих сектантов, которые не отрекутся от их учения {Там же. Кн. 8. Гл. 25.}.

IX. Церковь, далекая в то время от мысли об установлении физического воздействия, разрешала распространение еретических сочинений, не содержащих никакого заблуждения, и не запрещала их чтения из-за ненависти к их авторам, как это делалось во времена менее отдаленные и менее безупречные. Сочинения Тертулиана служат тому доказательством, а особенно греческая Библия, переведенная с еврейского Феодотионом Ефесским [17] при императоре Коммодe [18], в промежуток времени от 180-го до 193 года. Хотя Церковь и осудила Феодотиона, она сохранила и разрешила читать его перевод и в частности перевод книги Даниила, как мы узнаем о том от св. Иринейя, современника этого отступника. {Св. Ириней. Против ересей.}

X. Так как подобное отношение представляло общий дух Христианской Церкви, то нельзя думать, чтоб испанская Церковь следовала иным принципам; это доказывают

Untitled

многие факты, которые мы обнаруживаем в ее летописях. Василид и Марциал, епископы Асторги и Мерида [19], впадают в преступление отступничества; их примирили с Церковью без какого бы то ни было наказания, кроме низложения, которому они подчинились перед 253 годом, когда они подали на это апелляцию папе св. Стефану {Собрание соборов. Т. 1, второй Карфагенский собор 258 года.} [20].

XI. Эльвирский собор [21], бывший в 303 году, издал правило, гласящее, что, если еретик попросит о возвращении его в лоно Церкви, он будет допущен к примирению и на него не будет возложено иного наказания, кроме канонической десятилетней епитимии {Там же. Т. 1, собор Эльвирский, канон 22.}. Эта мягкость тем более замечательна, что собор этот установил более строгие наказания за многие преступления, кажущиеся менее тяжкими; это меня приводит к уверенности, что испанские епископы, составлявшие этот собор, среди которых мы отмечаем великого Осия Кордовского, Сабина Севильского, Валерия Сарагосского и Мелантия Толедского, были убеждены, по примеру Оригена, что следует применять лишь кротость для возвращения еретиков, чтобы не ввергать их в упорство. Пока Церковь сохраняла свой первоначальный дух, она никогда не занималась расследованием того, где находятся еретики, чтобы арестовывать их и карать. Когда сами еретики давали о себе знать, старались их убеждать и обращать средствами кроткого внушения; если же этого было недостаточно, довольствовались тем, что отлучали их от Церкви, никогда не простирая дальше каноническую

Untitled

строгость по отношению к ним.

XII. Папы и епископы в эти века не думали, что исповедание религиозных мнений, противных общеимперской вере, составляет преступление, которое надо наказывать различными карами, если только они не нарушают общественного спокойствия. Поэтому, когда языческие жрецы побуждали императоров и правителей провинций преследовать христиан, верные публиковали большое число апологий и настойчиво просили покровительства властей, доказывая, что они не действуют против гражданских законов, что они с покорностью повинуются императорским указам во всем, что не противоречит их религии, и что на своих собраниях они считают долгом молиться о благополучии государя и о благоденствии империи.

Статья вторая Вторая эпоха от IV до VIII века

I. Если бы после примирения с Константином точно следовали первоначальной системе Церкви по отношению к еретикам, как это должно бы быть, никогда не существовало бы трибунала инквизиции против ересей и, быть может, число ересей было бы тогда меньше и длительность их короче. Но папы и епископы IV века, пользуясь тем, что императоры приняли христианство, начали до некоторой степени подражать поведению, за которое они упрекали языческих жрецов. Эти первосвященники, достойные уважения за святость их жизни, иногда слишком далеко простирали одушевлявшую их ревность к торжеству вселенской веры и искоренению ересей и вообразили, что для успеха следует склонить Константина и его преемников к установлению гражданских

Untitled

законов против лиц, впавших в ересь.

II. Этот первый шаг, сделанный папами и епископами вопреки учению св. Павла, был началом и возникновением инквизиции. Раз установился обычай подвергать телесной казни еретика, даже если он был верный и послушный законам подданный, то увидели себя вынужденными разнообразить эти наказания, увеличивать их число, делать их более или менее строгими, сообразно с более или менее суровым характером каждого государя, и установить подходящий способ преследования виновных, согласно с обстоятельствами. Особенно старались представить ересь преступлением против гражданских законов, за которое надо подвергать смертной казни, установленной государями; остальное было лишь побочным обстоятельством и естественным последствием этой меры.

III. Я не буду останавливаться на законах против еретиков, изданных восточными и западными императорами; о них можно справиться в Кодексах Феодосия [22] и Юстиниана [23], где они сопровождаются дополнениями Жака Годефруа [24] и работами некоторых других компиляторов. Я скажу только, что в числе других наказаний они устанавливали бесчестие, лишение должностей и почестей, конфискацию имущества, запрещение делать завещание, получать наследство по дарственной записи, осуждение на изгнание, а иногда ссылку, но никогда смертную казнь, если только дело не касалось манихеев, и то лишь в некоторых исключительных случаях. Однако по политическим соображениям находили нужным увеличивать число подобных случаев, потому что

Untitled

неоднократно императоров уверяли, что спокойствие империи было бы нарушено, если бы опасность не устранялась мерами, способными устрашать.

IV. Император Феодосия [25] обнародовал в 382 году закон против манихеев; [26] этот закон повелевал подвергать их высшей мере наказания, конфисковать их имущество в пользу государства и поручал префекту претории учредить инквизиторов и доносчиков, чтобы обнаруживать потайных манихеев {Кодекс Феодосия. 9-й закон против еретиков.}. Здесь, говорит справедливо Гodefруа, выплывает в первый раз вопрос об инквизиции и доносе в деле ереси, потому что до того времени подобные меры применялись лишь в случаях величайших преступлений, на которые было дозволено доносить публично, как на деяния, вредящие безопасности империи. Преемники Феодосия видоизменяли эти репрессивные законы сообразно с обстоятельствами времени и личностями. Бывали эдикты, обязывавшие еретиков обратиться и угрожавшие им преследованием со стороны императорских судей, если они не отрекутся добровольно от ереси {2-й и 3-й законы о вселенской вере; последний закон - против нападающих на вселенскую веру, 6-й и 38-й законы - про шв еретиков, 3-й закон - о запрете повторять крещение.}. Что касается тех, о которых знали, что они еретики, и которые не делали добровольного отречения, несмотря на постановление указов, то их предавали суду; но, прежде чем прибегнуть к этой крайности, их предупреждали, что они будут допущены к примирению с церковью и потерпят лишь каноническое наказание, если в определенный срок они пожелают обратиться. Сообразно с ответом этих еретиков

Untitled

с ними устраивались правильные конференции в виде наставления и приведения их вновь к здоровому учению {Законы о еретиках, 40, 41, 52, 55, 62, 64. - Закон 4-й отдела Пусть святое крещение не... (Ne sanctum bap­ tisma) и последний закон о религии.}.

V. Когда эти примирительные средства оказывались недостаточными, прибегали к наказаниям, которые были очень разнообразны. Ученые, которые вопреки законам преподавали свои вредные доктрины, платили иногда значительные денежные штрафы {Закон 3-й о еретиках.}, изгонялись из городов и даже подвергались ссылке {Законы о еретиках, 2,3,13, 14,19,30,31,32,33,34,45,46,52,54,57,58.}. В некоторых случаях их присуждали к лишению имущества {Там же. 34, 54. Последний закон отдела Пусть святое крещение не... Ne sanctum bap­ tisma)}. В других случаях они были обязаны платить в казну сумму в десять фунтов золота {Там же. 21, 39, 65.}, или их пороли кожаными ремнями и ссылали на острова, откуда они не могли вернуться {Там же. 32, 53,54, 63.}. Помимо этих наказаний им было запрещено устраивать собрания, и законы объявляли против нарушителей про­ скрипцию, изгнание, ссылку и даже смертную казнь, сообразно с обстоятельствами, точно определенными в законах {Там же. 4, 34, 36, 45, 51, 52, 58, 63. Последний закон отдела Пусть святое крещение не... (Ne sanctum bap­ tisma).}.

VI. Исполнение вышеупомянутых императорских декретов было поручено правителям провинций, магистратам, на обязанности которых было отправление правосудия, комендантам городов, городским декурионам [27] и

Untitled

высшим должностным лицам; в случае их небрежности или потворства все они должны были понести различные наказания {Там же. 4, 11, 12, 24, 30, 40, 45, 48, 52, 65. Закон 4-й отдела Пусть святое крещение не... (Ne sanctum baptismum).}.

VII. Хотя большинство законов против еретиков было установлено папами и епископами, известными своей святостью, как замечает Гodefруа, надо согласиться, что в их намерение не входило применение законов, которые заключали смертную казнь: они желали лишь того, чтобы их обнародование обуздало страхом смелость новаторов. Бывало даже, что они предупреждали их действие, когда совершение казни казалось неизбежным. Здесь уместно напомнить то милосердное рвение, с которым св. Мартин [28], епископ Турский, старался спасти Присциллиана [29] и его приверженцев от высшей меры наказания, к которой в 383 году решил их присудить император Максим; с этой целью св. Мартин приезжал в Трир, где усердно просил о помиловании Присциллиана и добился обещания, что этот еретик не будет казнен. Это обещание, однако, не было исполнено. Когда св. Мартин, полный доверия к слову Максима, отлучился, враги Присциллиана удвоили свои старания и сделали рвение святого епископа бесполезным.

Св. Мартин говорил, что низложение и изгнание являются достаточным наказанием {Флери. Церковная история. Кн. 18. N29 и 30.}.

VIII. Св. Августин [30] усвоил те же принципы. Когда император Гонорий [31] в 408 году приказал казнить смертью донатистов [32] вследствие смут, возбужденных

Untitled

ими в Африке и Риме, епископ Гиппонский [33] написал донату, проконсулу Африки, что правоверные далеки от желания, чтобы виновных наказывали особенно строго, что для них достаточно, чтобы донатисты подверглись умеренным наказаниям, способным их обратить, и умолял доната применить по отношению к ним кротость и милость {Св. Августин. Письмо 127, соное в издании бенедиктинцев конгрегации св. Мавра.}.

IX. Испанская церковь была во всем верна общей дисциплине при владычестве римских императоров; затем при готах она увидела установление среди нее могущества ариан [34], но с тех пор, как готские короли приняли вселенскую религию, законы и постановления испанских соборов знакомят нас с тем, как испанская церковь пользовалась ими применительно к еретикам.

X. На четвертом Толедском соборе, созванном в 633 году, на котором присутствовал св. Исидор, архиепископ Севильский [35], занялись еретиками иудействующими; с согласия короля Сисенанда [36] было издано постановление о том, что они будут отданы в распоряжение епископов для наказания и принуждения, по крайней мере страхом, вторично отказаться от иудаизма: у них должны были отнимать детей и освобождать их рабов {Толедский собор. Канон 59, у Агирре в третьем томе.}.

XI. В 655 году девятый Толедский собор более подробно установил способ, которым подобало карать еретиков. Он издал канон о том, что крещеные евреи обязаны праздновать христианские праздники вместе с епископами и что те, которые не подчинятся этому правилу, будут присуждены к наказанию кнутом или к посту, смотря по

Untitled

возрасту виновных {Канон 17 у Агирре.}.

XII. Гораздо более суровости было проявлено по отношению к тем, кто вернулся от христианства к язычеству, и мы видим, что король Рекаред I [37] предложил на третьем Толедском соборе 589 года поручить священникам и светским судьям разыскивать и искоренять этот род ереси, наказывая виновных соразмерно с их преступлением, не применяя, однако, смертной казни {Третий Толедский собор. Канон 16.}.

XIII. Эта мера строгости показалась недостаточной, и двенадцатый Толедский собор 681 года, на котором присутствовал король Эрбигий, решил, что виновный дворянин подвергнется отлучению от Церкви и изгнанию, а раб должен подвергнуться наказанию кнутом и быть отдан своему господину закованным в цепи; а если его господин не сможет за него отвечать, то он делается собственностью короля, чтобы получить назначение, которое будет сочтено надлежащим {Канон 11 в собрании Агирре.}.

XIV. В 693 году шестнадцатый Толедский собор, собранный в присутствии короля Эгики [38], прибавил к уже установленным мерам закон, согласно которому сопротивляющийся усилиям епископов и судей уничтожить идолопоклонство и покарать идолопоклонников должен быть отлучен от церкви и наказан штрафом в три фунта золотом, если он дворянин; а если он человек низкого происхождения, то должен получить сто ударов кнутом, быть обрит и лишен половины своего имущества {Канон 2 в собрании Агирре.}.

XV. Рецесвинт, царствовавший от 663 до 672 года, установил против еретиков особый закон, который

Untitled

безразлично лишал их почестей, должностей и имуществ, которыми они пользовались, если это были священники, и прибавлял к этим наказаниям пожизненное изгнание для светских людей, если они отказывались отречься от ереси {Закон 2 в Собрании готских законов. Кн. 2. Отд. II, О еретиках.}.

Статья третья

Третья эпоха - от VIII века до первосвященничества Григория VII

I. В IV, V, VI и VII веках духовенство получило от императоров и королей множество привилегий, и в некоторых особых случаях судебная власть стала правом епископата. Эти приобретения и лжедекреталии, появившиеся в VIII веке [39], освященные, так сказать, почти всеобщим невежеством, последовавшим за вторжением варваров, доставили римским первосвященникам такое влияние на христианские народы, что все вообразили, будто папский авторитет безграничен и звание наместника Иисуса Христа дает ему право повсюду приказывать все, что ему заблагорассудится, не только в делах церкви, но и в делах исключительно светских.

II. В 726 году, когда римляне выгнали своего последнего герцога Василия, папа Григорий II [40] завладел гражданским управлением Рима и получил помощь от палатного мэра [41] Карла Мартелла [42] против лангобардского короля [43], который хотел владычествовать в этой столице. Его преемник Григорий III [44], который также нуждался в помощи Мартелла, думал получить ее, предложив ему звание римского патриция, как

Untitled

будто бы он имел право раздавать это звание. Захария [45], вступивший на престол св. Петра в 741 году, в трактатах, заключенных им с лангобардским королем, держал себя как светский владыка. Узнав о событиях, происходивших во Франции, он в силу власти, которой считал себя облеченным, разрешил Пипину [46], сыну Карла Мартелла, принять титул короля Франции, лишив этого титула Хильдерика III, законного государя [47]. Он послал к Пипину и его брату Карломану [48] священника Сергия, чтобы запретить им войну против Одилона [49], герцога Баварии. Стефан II [50], избранный папою в 752 году, поехал во Францию, короновал там Пипина как законного государя монархии и употребил помощь, оказанную этим государем, на сохранение своей светской власти над Римом против лангобардского короля Астольфа [51], намеревавшегося лишить его этой власти. Наконец, Лев III [52] в день Рождества 800 года восстановил Западную Римскую империю, возложив императорскую корону на голову Карла Великого [53]. При этом торжестве, происходившем в Риме, Карл был провозглашен первым императором восстановленной монархии.

III. Когда папы почувствовали себя в состоянии оказывать столь большое влияние на общественное мнение, они стали употреблять его, смотря по обстоятельствам, для сохранения и расширения своего владычества. Пипин и Карл Великий, которые так превосходно служили папской политике, не предвидели, как пагубен будет для их преемников пример, который они давали, склоняя Стефана II освободить французов от присяги в верности Хильдерiku III и короновать Пипина. Эта церемония

Untitled

состоялась 28 июля 754 года в Сен-Дени [54]. После установления доктрины, что папам принадлежит право освобождать подданных от присяги в верности, все короли, очевидно, должны были оказаться в необходимости угождать папам, чтобы не подвергнуться опасности в один прекрасный день разделить участь Хильдерика III.

Последующие события нам покажут, насколько доктрина была благоприятна для учреждения инквизиции.

IV. Другое мнение, утвердившееся в эти времена невежества, не меньше повлияло на усиление папского могущества и на судьбы инквизиции. Создалось убеждение, что отлучение от Церкви само по себе производит все последствия, связанные с бесчестием, не только для христианина, которого оно поражает, но и для всех, кто с ним имеет какое-либо общение. До этой поры отлучение от Церкви направлялось лишь против еретиков; теперь сами гражданские законы стали подвергать виновных бесчестию, и христиане поверили, что каждый отлученный - опозоренный человек. Большинство людей принадлежало к тем варварам, у которых сохранилось учение друидов [55], по которому галлам запрещалось приходить на помощь тому, кого эти жрецы отлучили как нечестивого и ненавистного богам; даже запрещалось иметь с ним общение под страхом считаться согрешившим перед небом и недостойным общества людей {Цезарь. О галльской войне. Кн. 6. Гл. 13.}. Христианские священники, заставшие этот взгляд установившимся, сочли ненужным бороться с ним, потому что он давал особую силу церковным отлучениям. Таким образом, соединяя это верование с верой в свою власть освобождать народы от

Untitled

присяги на верность государям, папы в результате получали в свое распоряжение самые могущественные средства для низвержения королей, когда те отказывались слепо повиноваться их велениям. К счастью, папы средневековья не додумались еще до установления особых лиц, на которых бы возлагалась обязанность удостоверяться в правоверии христиан. Вследствие этого продолжали следовать прежнему правилу церкви по отношению к еретикам, прилагая усилия к их обращению либо путем частных собеседований, либо чтением и сообщением сочинений, в которых излагалось здоровое учение; но когда эти средства оказывались недостаточны, еретики осуждались то соборами, то властью епископов. V. Феликс, епископ города Урхеля [56] в Испании, вместе с Элипандом, архиепископом Толедским, впали в ересь, утверждая, что Иисус Христос как человек является сыном Божиим лишь по усыновлению. Феликс вернулся к церковной вере, но спустя некоторое время впал вновь в ту же ересь, хотя и произнес свое отречение на Регенсбургском соборе в 792 году и в Риме перед папой Адрианом [57]. Франкфуртский [58] собор 794 года осудил его; его взгляды были опровергнуты разными испанскими богословами, между прочим Этерием из Осмы и Беатом де Льеваной. Такое поведение Феликса, как это видно, заслуживало большого порицания; однако на соборе 799 года в Риме к нему было выказано такое уважение, что папа Лев III не захотел отлучить его от Церкви безусловно и произнес против него анафему лишь на тот случай, если бы он отказался вторично отречься от ереси. В том же году Карл Великий поручил нескольким епископам и аббатам

Untitled

вернуть Феликса к церковному единению. Богословам удалось это предприятие, и епископ Феликс вторично отрекся от ереси на соборе в Ахене [59], не понеся другого наказания, кроме низложения и лишения епископского сана {См.: Общее собрание; Флери. Церковная история. Кн. 45.}.

VI. Император Михаил [60], вступив в 811 году на престол Восточной империи, в первый год своего царствования возобновил все законы, присуждавшие к смертной казни еретиков-манихеев. Патриарх Никифор [61] указал ему, что более приличествовало бы попытаться обратить их кротостью. Император последовал совету Никифора; но дух, царствовавший тогда в церкви, был настолько противоположен системе умеренности, предложенной патриархом, что игумен Феофан [62], ученость и благочестие которого прославили его, давая в своей греческой истории отчет об этом событии, не колеблется называть Никифора и прочих советников государя невеждами и злонамеренными людьми. Он прибавляет, что сожжение еретиков согласуется с правилами Евангелия, потому что не следует надеяться, чтобы они когда-нибудь раскаялись и наложили на себя епитимью {Флери. Церковная история. Кн. 45. N 53.}.

VII. В IX веке Готескальк [63] огласил ложную доктрину о предопределении. Гинкмар [64], архиепископ Реймский [65], Рабан Мавр [66] и многие другие попытались показать ему его заблуждение, но это им не удалось; и он был осужден как упорный еретик на соборе тринадцати епископов, двух хореепископов [67] и трех аббатов, который собрался в 849 году во Франции, в Кьерси-сюр-Уаз [68]. На

Untitled

этом соборе Готескальк был лишен священства и на основании статуты ордену св. Бенедикта [69] и канонув Агдского [70] собора присужден к тюремному заключению и к ста ударам кнута. Он подвергся этому наказанию в присутствии короля Франции Карла Лысого [71], который велел сжечь его книги и заключить его самого в аббатство Овиле, Реймской епархии {Флери. Церковная история. Кн. 48. N 49.}.

VIII. Феодор Кринит, глава иконоборцев [72], был вызван на седьмой [73] Вселенский собор, созванный в 869 году в Константинополе. Убедившись, что его мнения противоположны убеждениям Церкви, он отрекся от своей ереси вместе с несколькими другими своими сторонниками и был примирен с Церковью без наказания. Император Василий [74], македонянин, присутствовавший на соборе, почтил его даже лобзанием мира {Там же. Кн. 51. N40.}. Из этого позволительно заключить: если бы церковь всегда подражала этому поведению, ересь, вероятно, не произвела бы таких опустошений среди христиан.

IX. В 1022 году в Орлеане [75] и в некоторых других городах Франции обнаружили еретиков, которые, по-видимому, исповедовали учение манихеев. Этого было достаточно, чтобы смотреть на них как на таковых. В их числе был Этьен, духовник королевы Констанции [76], супруги Роберта [77]. Этот государь созвал в Орлеане собор под председательством архиепископа Санса [78]. Этьен был вызван; с ним вели несколько бесед, чтобы вернуть его к истинным убеждениям церкви. Старания епископов оказались тщетными; тогда решили покарать этих еретиков, и те из них, которые были облечены саном

Untitled

священства, были лишены его, а затем их отлучили от Церкви вместе со всеми остальными. Король, прибывший в Орлеан, решил непосредственно после этого предать их сожжению. До какой крайней свирепости может довести людей слепое рвение, показывает королева, которая исповедовалась в своих грехах у ног священника Этьена, а теперь не побоялась поднять на него руку и жестоко ударить его по голове палкой в тот момент, когда он выходил из собора, чтоб отправиться на место казни. Осужденные уже были охвачены пламенем, как вдруг многие из них закричали, что заблуждались и желают подчиниться Церкви; но было уже поздно: все сердца были закрыты для жалости {Там же. Кн. 58. № 54.}. Эти и другие примеры, которые я считаю бесполезным передавать, показывают мнение Церкви о способе обхождения с еретиками, а также то различие, которое делали между ними и манихеями, так как последние предавались в руки светской власти для сожжения, в то время как не доказано, что другие карались тою же казнью; довольствовались тем, что держали их на примете и отбирали у них их имущество или посылали их в изгнание. Подвергали их также тюремному заключению и наказанию кнутом, которое считалось самым тяжелым, что и было причиной его применения к Готескальку.

Х. Я считаю полезным для плана этого труда напомнить здесь о некоторых принципах, которые также проникли в церковное управление и в то время считались неопровержимыми истинами вследствие старания, которое некоторые папы и епископы прилагали для их поддержания, распространения и повсеместного их

Untitled

принятия. Первый принцип гласил, что следовало карать отлучением от Церкви не только упорных еретиков, как это делалось в первые века Церкви, но также пускать в ход это средство против всякого рода проступков, которые считались тяжкими в глазах епископов или пап.

Злоупотребление это зашло так далеко, что сам кардинал св. Петр Дамиан упрекал в нем папу Александра {Св. Петр Дамиан. Письмо 20.}.

XI. Согласно второму принципу отлученный от Церкви христианин, более года упорствовавший в своем отказе смириться и просить прощения, после канонической епитимьи считался еретиком в силу декрета, изданного папой Захарией в IX [79] веке против тех, кто удерживал поместья церковных владений {Письмо папы Адриана I Карлу Великому о втором Никейском соборе.}.

XII. Третий принцип, утвержденный политикой римской курии, заставлял смотреть на преследование еретиков как на похвальное действие до такой степени, что жаловались апостолические индульгенции за этот род преданности делу религии как следствие доктрины, которую Иоанн VIII [80] открыто исповедовал к концу IX века, объявляя, что умершие на войне с неверными получают полное отпущение всех своих грехов {Письмо 144 папы Иоанна VIII. См.: Бараний. Церковная летопись, под 882 годом. N 3.}.

XIII. Эти принципы вместе с другими, царившими издавна, образовали сущность доктрины, приготовившей умы в течение четвертой эпохи к принятию учреждения инквизиции, предназначенной для преследования еретиков и отступников.

Untitled

Статья четвертая

Четвертая эпоха - от Григория VII до Иннокентия III

I. Знаменитый Гильдебранд занял папский престол в 1073 году под именем Григория VII [81] в то время, когда его предшественник Александр II [82] потребовал от императора Генриха III [83] прибытия в Рим на суд собора. Этот государь был оговорен саксонцами, возмущенными им как еретиком и повинным в симонии. Так как император не явился, папа отлучил его от Церкви, освободил его подданных от присяги на верность и заставил их избрать государем Рудольфа, герцога Швабского [84]. Авторитет этого папы над христианскими государями превзошел все, что было видано при его предшественниках. Хотя формально это было противно духу Евангелия, его преемники ничем не пренебрегли, чтобы его сохранить, так что римская курия и ее приверженцы постоянно защищали этот авторитет как законный.

II. Мрак невежества был в эти несчастные времена так непрогляден, что ни короли, ни епископы не были в состоянии сговориться, чтобы противодействовать злоупотреблению, которое этот папа и его преемники делали в течение всего двенадцатого столетия из отлучения от Церкви. Наоборот, они трепетали перед духовными громами до такой степени, что признавали свою зависимость от верховного первосвященника. Троны имели прочность лишь постольку, поскольку это было угодно допустить папам. Такое унижительное положение светской власти было следствием своего рода наваждения, которое произвело в христианском мире учение об абсолютном верховенстве заместников Иисуса

Untitled

Христа. Они освобождали подданных от их присяги, и эта мера, которую они применяли с торжественностью, сопровождалась анафемой против государей; вскоре представитель Иисуса Христа на земле начал подстрекать некоторых государей завладеть тронами, с которых он принудил сойти других королей, под условием, что они признают, что получили их от святого престола и что будут честно уплачивать лепту св. Петра [85].

III. Это состояние слабости государей ясно показывает, что папы достигли того, что сделались всемирными монархами и что они повелевали царями неограниченным образом, с уверенностью в их повиновении, с каким бы отвращением эти цари ни подчинялись, потому что всякое сопротивление возбудило бы мщение Рима и заставило бы скипетр выпасть из их рук.

IV. Папы приобрели эту громадную власть постепенно, заручаясь благоприятным мнением народов при помощи горячего усердия, которое они прилагали к делу сохранения чистоты догмата и к искоренению ересей.

Доведя государей до положения, так сказать, своих вассалов, они дерзнули запретить им допускать в своих государствах еретиков и приказать им выгнать их без возврата. Какая пропасть между нижайшими просьбами, с которыми папы обращались к римским императорам, и повелительными буллами [86] двенадцатого столетия, которые налагали на императоров наказание в виде отлучения от Церкви, потери трона и многих других нестерпимых строгостей! Как бы ни был велик промежуток, отделяющий эти две крайности, мы видели, какими способами папы дошли от одной к другой.

Untitled

V. Все, казалось, было готово для установления инквизиции, и идеи, пущенные в ход в эпоху крестовых походов [87], обеспечивали ей блестящий успех. Мы видели, как папа Иоанн VIII изобрел к концу восьмого столетия [88] полные индульгенции для тех, кто умирал, сражаясь с неверными.

VI. Знаменитый французский монах Герберт, будучи избран в 999 году папой под именем Сильвестра II [89], обратился ко всем христианам с посланием, которое Бароний [90] поместил в свою Летопись. В послании он заставляет говорить иерусалимскую Церковь: из глубины своих развалин она призывает всех христиан взяться за оружие ради Иисуса Христа и мужественно сражаться, чтобы освободить ее от угнетения, которое ее удручает {Бароний. Церковная летопись, под 1003 годом. N 5.}. Григорий VII, несмотря на смуты, существовавшие на Западе, предпринял в 1074 году организацию крестового похода против турок в пользу восточного императора Михаила {См. призывы этого папы и другие подробности по этому вопросу у Барония, под 1074 годом. N 50 и сл.} [91]. Так как смерть не позволила ему исполнить свое намерение, то его преемник Урбан II [92] велел огласить его в 1095 году на Клермонском соборе [93]. Христианское войско должно было идти на завоевание Палестины [94] и изгнать оттуда турок. Воззвания папы имели невероятный успех: вскоре из Европы отправилась многочисленная армия, которая завладела сперва Антиохией [95], а затем, в 1099 году, Иерусалимом. Эта экспедиция была названа крестовым походом, и добровольно вступившие в нее были названы крестоносцами, потому что все носили на груди крест для

Untitled

обозначения, что они войны распятого Иисуса Христа. VII. Эта война и другие последовавшие за ней походы того же рода возмутили бы всю Европу своей несправедливостью, так как завоеватели не имели никакого справедливого побуждения их предпринимать, если бы народы не были уже одурманены нелепой идеей, что для возвышения и славы христианства позволительно вести войну, что такая война настолько достойна награды, что все те, кто примет в ней участие, получают отпущение всех своих грехов и что христианам, которые потеряют в ней жизнь, обеспечен мученический венец. Это заявление не преминуло бы оказать свое действие, если бы сами папы не устыдились держать свои обещания при виде столь громадного количества беспрестанно совершавшихся крестоносцами чудовищных преступлений всякого рода, которые составляли предмет скандала как для христианской Европы, так и для неверной Азии. Если папы не осмелились канонизовать крестоносцев, они тем не менее щедро раздавали индульгенции [96] вербуемым для освобождения Святой земли [97], потому что конечным результатом этих предприятий было предоставление в распоряжение пап грозных армий, которыми они могли располагать против создавших их государей в случае, если бы последние отказались выполнить приказы, исходящие от святого престола [98]. Отлучая от Церкви непокорного монарха, называя его схизматиком и пособником ереси, объявляя, что он отказывается признать власть наместника Христа, обещая его государство тому, кто пожелал бы им завладеть и предпринять для этого войну, которую в этом случае называли законной, верховные

Untitled

первосвященники достигали всего, что могло льстить их властолюбию, не касаясь своих сокровищ и не теряя ни одного человека из собственных владений: до такой степени в те времена христиане стремились получить обещанные им индульгенции, которые были столь мало похожи на индульгенции, жалованные церковью в первые века!

VIII. Последствия столь пагубной для светской власти системы сказались во Франции на примере отношения к катарам [99], патариям и некоторым другим последователям Манеса. Папа Александр III [100] послал в Тулузу [101] к графу Раймонду V [102] Петра, епископа Мо [103], кардинала церкви Св. Хрисогона. Этот легат в 1178 году заставил его, а также дворян государства обещать под присягой, что они не будут покровительствовать еретикам, которые взялись за оружие, чтобы отстаивать свои права {Флери. Церковная история. Кн. 73. N 13} и свое существование. На открывшемся в следующем году Латеранском соборе [104] святые отцы объявили: хотя церковь не одобряет, как говорит св. Лев [105], обычая наказаний, при которых проливается кровь еретиков, она не отказывается от предлагаемой ей христианскими государями помощи для их наказания, потому что страх смертной казни является иногда душеполезным средством. Поэтому Александр не довольствуется отлучением от Церкви еретиков, их приверженцев и защитников; он объявляет, кроме того, всех, имеющих с ними дела, свободными от всех своих обязательств, увещевает их взяться за оружие для уничтожения этих еретиков и дарует им отпущение грехов. Он выражает желание, чтобы

Untitled

государи, имеющие в числе своих вассалов еретиков, если последние будут упорствовать в ереси, привели бы их в состояние рабства и завладели их имуществом; он обещает, что те, кто умрет в этой войне, получат непременно отпущение грехов и вечную награду. Он предлагает отныне на два года индульгенции тем, кто возьмется за оружие, а епископы сообразно с обстоятельствами могут даровать более широкие индульгенции. Короче говоря, собор хочет, чтобы крестоносцы считались под покровительством Церкви в такой же степени, как и участвующие в походе в Святую землю {Третий Латеранский собор, при папе Александре Ш. Канон 27.}.

IX. В 1181 году кардинал Анри, епископ Альби, раньше бывший аббатом в Клерво [106], был послан папою Александром III во Францию в качестве легата [107] с тем, чтобы добиться войны против еретиков-альбигойцев [108]. Этот прелат, став во главе значительного войска, овладел замком Лавор [109] и заставил Рожера, графа Безье [110] и других государей отречься от ереси {Флери. Церковная история. Кн. 73. N35.}. Однако этой экспедиции оказалось недостаточно для полного уничтожения ереси, и папа Луций III [111] собрал в 1184 году в Вероне новый собор, на котором пожелал присутствовать император Фридрих I [112]. На нем среди прочих мер постановили ввиду распространившегося большого равнодушия к церковной дисциплине передавать в руки светского правосудия всех, кого епископы объявят еретиками и кто не сознается в своем преступлении. Собор в то же время предлагал епископам лично посещать, один или два раза в год, свои

Untitled

епархии или доверять эту заботу своим архидиаконам [113] или другим членам своего клира, в особенности следить за теми городами, деревнями и прочими местами, где предполагается существование еретиков; обязывать некоторых наиболее известных жителей, даже всех, если они сочтут это необходимым, давать клятвенное обещание, что в случае обнаружения ими еретиков или лиц, которые образуют тайные собрания и жизнь коих отличается от жизни общины верующих, они донесут на них епископу или архидиакону, которые привлекут их к суду для наказания, если они не очистят себя от подозрения в ереси, согласно обычаям страны. Надлежало также обязать их доносить на тех, которые вторично впадут в ересь; если бы они отказались это делать, то обращаться с ними самими как с еретиками. Собор определил также, чтобы графы, бароны и другие сеньоры, как и их уполномоченные, поклялись оказать вооруженную помощь Церкви для отыскания и наказания еретиков под страхом отлучения от Церкви и потери своих земель и должностей; чтобы епископские города, которые не будут считаться с этой мерой, переставали быть резиденцией епископа, а другие города лишались приобретенных их торговлей привилегий; чтобы пособники ереси были объявлены опозоренными навсегда и лишены занимаемых ими общественных должностей; чтобы они не могли быть ни свидетелями, ни адвокатами и чтобы те, которые оказались бы изъятыми от действия светского правосудия, не могли воспользоваться этим обстоятельством, так как в этом случае епископы получают от папы полномочие, необходимое для их преследования {Веронский собор, в

Untitled

10-м томе Собрания соборов.}.

X. Умный Флери [114] думал, что в этом соборе он открыл начало инквизиции; он не ошибся по существу, потому что главная мысль этого канона составила основу для устава это-то учреждения. Однако не в эту эпоху последовало действительное создание церковной корпорации инквизиции, так как епископы оставались тогда еще единственными лицами, уполномоченными охранять веру, как это было и до того времени, и собор лишь привел в порядок те меры, которые он считал необходимыми для преследования еретиков {Флери. Церковная история. Кн. 73. N54.}.

XI. В Испании кардинал Грегорио де Сант-Анджело, прибывший туда в качестве легата папы Целестина [115], созвал а Лериде собор. История не говорит о нем почти ничего, и его нельзя найти в Собраниях соборов; но о нем имеется упоминание в архивах Калаоры. На этом соборе кардинал убеждал Альфонса II [116], короля Арагона, маркиза Прованса [117], государя нескольких графств, расположенных к северу от Пиренеев, обнародовать против еретиков своих государств декрет, принятый на Веронском соборе. Этот государь в 1194 году последовал совету легата и приказал выгнать из своих владений Вальденсов [118] (Vaudois), Лионских нищих [119] (Pauvres de Lyon) и других еретиков, какой бы то ни было секты без различия, и запретил своим подданным давать им убежище под страхом наказания за оскорбление величества и лишения имущества. Епископам и губернаторам городов было предписано оглашать этот указ в церквах в воскресные дни; те, которые этого не сделали

Untitled

бы, должны были подвергнуться тем же наказаниям. Отсрочка, данная еретикам для выселения, должна была продолжаться до первого ноября; если после этого срока оказалось бы, что кто-нибудь не повиновался, то относительно таких лиц было позволено употреблять все виды дурного обращения, за исключением смерти и изувечения {Франсиско Пенья опубликовал этот указ в Комментариях к Руководству для инквизиторов Николая Эймерика, во второй части, комментарий 39, заимствовав его из процесса, происходившего в Риме по поводу разделения епархий Хаки и Уэски и учреждения епархии в Барбастро; он отнесен к статье Хака, лист 75.}.

XII. Сын Альфонса, король Арагона Педро II [120], приказал в 1197 году архиепископу Таррагоны и епископам Хероны, Барселоны, Вика и Эльны собраться в Хероне. Там вынесли декрет, который кардинал Агирре поместил в своем Собрании испанских соборов. Декрет этот содержит те же распоряжения, что и декрет Альфонса, и он был одобрен всеми грандами [122] провинции Каталонии. Эта новая мера доказывает, что прежний декрет не оказал почти никакого действия. Поэтому в новом указе было добавлено, что наместники короля, бальи и судьи должны понудить еретиков покинуть места их юрисдикции до воскресенья Страстной недели; что у оставшихся после этого срока в стране будет конфисковано имущество, треть которого поступит в пользу тех, кто на них донесет; что те, которые окажут им приют или покровительство, сами потеряют свое имущество и с ними будет поступлено, как с виновными в оскорблении величества; что губернаторы и судьи в течение недели обязуются присягою перед

Untitled

епископами употребить все свои старания для обнаружения еретиков и наказания их; если они будут уличены в небрежности в этом отношении, то сами подвергнутся той же каре и будут лишены своего имущества {Агирре. Собрание соборов. Т. IV.}.

XIII. После того как была определена эта каноническая дисциплина, по-видимому, ничего более не оставалось, как учредить церковную корпорацию, отдельную от епископов и зависящую непосредственно от пап, которой было бы поручено обнаруживать и преследовать еретиков и организация которой была бы такова, что короли и другие государи были бы обязаны, по ее требованию, покровительствовать исполнению приказов римской курии [123], под страхом быть отлученными от церкви, и должны были лишиться своих государств, пример чего вскоре увидели в судьбе несчастного Раймонда VI, графа Тулузы. Это происшествие относится к началу XIII века. Оно имеет несомненную связь с инквизицией, история которой составит предмет следующей главы.

Глава II Учреждение всеобщей инквизиции против еретиков В XIII веке

Статья первая Настроение умов в первосвященничестве Иннокентия III

I. В XIII веке вкус к аллегорическому толкованию Священного Писания развился до такой степени, что буквальный смысл его почитался почти ни за что. Точное правило, данное Церкви относительно обхождения с еретиками, ограничивающееся запрещением общаться с ними после первого и второго их предупреждения, было признано недостаточным. Появилось убеждение, что

Untitled

еретиков следует преследовать, установив корпорацию людей, специально назначенных, чтобы их обнаруживать всеми возможными средствами, доносить на них, не предупреждая их лично, подвергать их ужасным наказаниям. Назначать эти наказания, по установившемуся обычаю, церковная власть не имела права, но она всячески понуждала светскую власть применять их, угрожая ей самой громами и проклятиями Церкви, которые не один раз заставляли законных государей терять корону. Представители Церкви совсем не думали о том, что такое поведение их противно духу Евангелия; наоборот, они видели его оправдание в аллегории о двух мечях св. Петра [124], о смерти Анании и Сапфиры [125], в некоторых других событиях этого рода, которые не имели никакого отношения к новому учению в глазах того, кто читал Священное Писание с чистосердечием христианина первых трех веков церкви.

II. В 1198 году, когда Иннокентий III [126] вступил на папский престол, такая перемена в мыслях была всеобщей. Иннокентий III был способен поддерживать эту новую систему идей, даже дать ей распространение, так как он был не только одним из первых юристов своего времени, но, кроме того, царствовал в качестве светского государя над Папской областью [127], обладание которой послужило его предшественникам для торжества их политики. Эта же побудительная причина заставила его самого в продолжение всего своего понтификата присоединять к наследию св. Петра [128] новые земли. Он обладал слишком большой проницательностью, чтобы не видеть, как важно было для успеха его замыслов умножать

Untitled

религиозные корпорации, которые все исповедывали преданность святому престолу и повиновались только его приказаниям; поэтому он утвердил несколько монашеских орденов. Он замечал, что, вопреки канонам Веронского собора и указам королей Арагона, маркизов Прованса, в Нарбоннской Галлии [129] и соседних с ней странах альбигойская ересь торжествует над папскими буллами благодаря покровительству, оказываемому еретикам графом Тулузы и другими сеньорами. Он предположил, что страх, внушаемый епископам графами Тулузы, Фуа [130] и некоторых других областей, и другие человеческие побуждения препятствовали строгому исполнению тех мер, которые были утверждены против еретиков Веронским собором. Поэтому он воспользовался правом, которое, по-видимому, ему давало такое положение дела, чтобы послать на места комиссаров с поручением исправить зло, которому епископы не оказали противодействия.

III. Между тем папа не решился лишить самих епископов руководства этими делами, так как он знал, что оно принадлежало им по божественному праву. Но действие средств, изобретенных его политикой, было таково, что с течением времени епископская власть впала в состояние почти полного ничтожества, как это мы увидим в дальнейшем изложении этой Истории.

IV. Иннокентий III не желал давать учреждаемой им инквизиции форму и устойчивость постоянной и непрерывной корпорации из боязни, чтобы она не была плохо принята и чтобы основные положения, которые он хотел установить, не встретили слишком большого сопротивления. Он удовольствовался образованием

Untitled

особой комиссии, будучи убежден, что время поможет завершить и упрочить его дело. Мы видим здесь, что глава Церкви вел себя с большой осторожностью и искусно устанавливал основы инквизиции, чтобы его преемники были в состоянии продолжать воздвигать начатое им здание, если смерть помешает ему его докончить, что и случилось как раз в середине его предприятия.

Статья вторая Созданная Иннокентием III комиссия для преследования и наказания еретиков нарбоннской Галлии I. В 1203 году папа поручил цистерцианским [131] монахам монастыря Фонфруад в Нарбоннской Галлии Пьеру де Кастельно [132] и Раулю проповедовать против ереси альбигойцев.

Их проповеди не оказались бесполезными, как это доказывает один подлинный документ, который Гильом Катель [133] включил в свою Историю графов Тулузы и который был подписан 11 марта 1203 года, что соответствует 1204 году, так как в то время во Франции стали обозначать начало года со дня Пасхи. Из этого документа видно, что на обращенную к двум посланным папы просьбу жителей города Тулузы подтвердить его именем некоторые приобретенные ими привилегии Пьер и Рауль обещали это сделать только в том случае, если жители клятвенно обязуются всеми силами поддерживать католическую религию и бороться с ересью. Этот обет должен был доказать папе незапятнанность их веры; если же они отказались бы его дать, то они должны были подвергнуться наказанию как еретики {Этот документ можно видеть в Летописи цистерцианского ордена, составленной Манрике, под 1204 годом. Гл. 2. N 4.}.

Untitled

II. Успехи, достигнутые Пьером и Раулем в их миссии, показали папе благоприятной предпосылкой для приведения в исполнение составленного им плана учредить в католической Церкви независимых от епископата инквизиторов, которые имели бы право преследовать еретиков как делегаты святого престола. 4 июня седьмого года своего папства (что соответствует 29 мая 1204 года) он назначил в качестве апостолических легатов аббата цистерцианцев и двух монахов, Пьера и Рауля. Изложив в своей учредительной булле, под видом аллегии, несчастья, причиненные беспечностью епископов, и признав, что в цистерцианском ордене имеется несколько духовных лиц, образованных и полных рвеня, Иннокентий III объявлял аббату, что после совещания с кардиналами решил поручить ему труд по искоренению ереси, и повелевал ему принять все необходимые меры, чтобы еретики были приведены вновь в католическую веру, а те, кто откажется подчиниться, по отлучении их от Церкви были преданы в руки светской власти. Это наказание должно было сопровождаться конфискацией имущества и объявлением их самих вне закона. Для облегчения выполнения приказов святого престола комиссары должны были обязать именем папы короля Франции Филиппа II [134] и его старшего сына Людовика [135], графов, виконтов и баронов королевства преследовать еретиков и обещать им в награду за их рвение к святому учению, что им будут дарованы святым престолом полные индульгенции, подобные тем, которые получали христиане, лично отправлявшиеся в Святую землю сражаться с неверными. Чтобы поставить этих трех

Untitled

монахов в возможность выполнить с успехом поручаемую им миссию, папа облек их всеми необходимыми полномочиями в церковных провинциях Экса [136], Арля [137], Нарбонны [138] и в других епархиях, где находились еретики, и дал им право упразднять или учреждать то, что они найдут нужным для своей цели, а также для наказания по церковным канонам тех, кто будет этому противиться. Он только рекомендовал в случаях важных и сомнительных обращаться к святому престолу и действовать по меньшей мере вдвоем, когда окажется невозможным действовать всем сообща.

III. Облекая аббата и двух других цистерцианских монахов столь широкими полномочиями, папа предписывал Филиппу II помогать его уполномоченным в их предприятии. Он приглашал его конфисковать имущество графов, виконтов, баронов и других жителей, о которых составилось убеждение, что они покровительствуют ереси или не прилагают усилий для ее уничтожения, и даже, если это будет необходимо, послать предполагаемого наследника своей короны, во главе войска, против еретиков, чтобы устрашить их по крайней мере светским оружием, если церковные анафемы окажутся бессильными для их обращения {Бреве, изданные папой по этому случаю, можно видеть у Манрике под 1204 годом. Кн. 2. N 6 и сл.}.

IV. Папские легаты испытали довольно большие затруднения, потому что их поручение не понравилось епископам. Король Франции не принял в этом деле участия; графы Тулузы, Фуа, Безье, Комменжа [139], Каркассона [140] и другие сеньоры этих провинций, видя,

Untitled

что альбигойцы необыкновенно умножились, и будучи убеждены, что лишь небольшое их число согласится добровольно обратиться, отказались изгнать людей, потеря которых должна была ослабить населенность их государств и, следовательно, повредить их собственным интересам. Эта причина тем более способна была удержать их, что эти еретики были в общем спокойные и покорные подданные.

V. Когда главный легат цистерцианский аббат Арно (потом бывший архиепископом Нарбонны) был принужден отлучиться и оставить Пьера и Рауля в Тулузе одних, последние вскоре заметили, что миссия их не имеет того успеха, которого они хотели и обещали достигнуть. Пьер, отказавшийся от архидиаконства в Магелоне [141] для принятия монашества, любил уединение; он написал папе, прося позволения вернуться в свой монастырь Фонфруад. Иннокентий III ему отказал в этом и в письме от 26 января 1205 года даже увещевал его продолжать порученное ему дело с новым рвением. В то же время он отправил новые бреве: [142] Филиппу II, чтобы упрекнуть его в равнодушии, и архиепископу Нарбонны и епископу Безье, чтобы клеймить позором их поведение, которого они держались по отношению к его легатам {Эти бреве приведены Манрике под 1205 годом. Гл. 1 и 2.}.

VI. Пьер де Кастельно и Рауль начали поучать еретиков; они имели также совещание с главарями этих фанатиков, известными под именем совершенных; но число тех, кого они обратили, было незначительно. Арно, пользуясь полномочиями, полученными им от святого престола, приказал явиться в нему двенадцати аббатам своего

Untitled

ордена, выбранным капитулом в 1206 году. Во время своего пребывания в Монпелье [143] они допустили также к своим работам двух испанцев, рвение которых побуждало их проповедовать еретикам и которые впоследствии сделались знаменитыми. Первый, известный под именем Диего Асевес, был епископом Осмы, возвращавшимся из Рима в свою епархию, а другой был Доминго де Гусман [144], каноник-монах ордена св. Августина [145] и помощник приора [146] в кафедральном соборе той же епархии, сопровождавший епископа в его путешествии. Те и другие обратили нескольких альбигойцев. Когда испанский епископ решил переправиться через границу, он позволил св. Доминику остаться во Франции. Диего Асевес умер в Осме 30 декабря 1207 года, как это значится в его эпитафии {Лоперраэс. Описание епархии Осмы Т. 1. Статья о Диего; Манрике, под 1206 годом Гл. 1 и сл.; Райнальди. Продолжение Летописи Барония. Т. I, под годом 1205 и сл.; Флери. Церковная история. Кн. 76. N12 и 27.}.

VII. Крупные феодалы Прованса и Нарбоннской Галлии были тогда почти постоянно в войне друг с другом. Когда папские легаты потребовали от них преследования в их владениях упорных еретиков, эти сеньоры им возразили, что они не могут выполнить приказаний папы вследствие войны, которую они должны вести против своих соседей. Иннокентий III, осведомленный о происходящем, послал своим легатам формальное приказание прекратить своим посредничеством разногласия, приведшие государей и сеньоров этой страны к вооруженному столкновению, и заставить их всех клятвенно обещаться искоренить ересь и

Untitled

истребить еретиков в своих владениях. Легаты, верные приказам римской курии, пригрозили, что отлучат от Церкви тех, кто не будет повиняться, объявят интердикт [147] в их владениях, освободят вассалов от присяги на верность и, наконец, накажут их всеми теми способами, которые Церковь вправе употребить против непокорных. Действие этой меры устрасило государей, которые, боясь несчастий более тяжких, чем бедствия войны, отказались на время от обоюдных претензий и согласились заключить мир.

VIII. Наиболее могущественным из этих государей был Раймонд VI [148], граф Тулузы. Пьер де Кастельно угрожал ему несколько раз, так как он не исполнял своих обещаний. Обращение Раймонда с папским посланником было таково, что подстрекнуло его подданных, еретиков-альбигойцев, убить этого легата, который 9 марта 1208 года был возведен в блаженные и причислен в лику мучеников церкви. Папа написал в то же время всем графам, баронам, сеньорам и дворянам провинций Нарбонны, Арля, Амбрана [149], Экса и Вьенны [150] в Дофине [151], понуждая их соединить свои силы и выступить против еретиков; при этом он обещал им те же индульгенции, как если бы они сражались с сарацинами [152]. В этой экспедиции Иннокентий III назначил своим легатом епископа Кузеранского [153], которого цистерцианский аббат должен был сопровождать {См.: папское бреве в Летописи Манрике. Т. III, под 1208 годом. Гл. 2; Райнальди. Продолжение Летописи Барония; Флери. Церковная история.}.

Статья третья Начало инквизиции в нарбоннской Галлии

Untitled

I. Война, предпринятая против еретиков-альбигойцев и их покровителя Раймонда VI, графа Тулузы, совпала с началом инквизиции в 1208 году. Смерть Пьера де Кастельно возбудила против его убийц пыл большинства католиков Нарбоннской Галлии. Арно сумел извлечь выгоду из этого момента, чтобы заставить выполнить приказания, полученные им от папы. Он поручил двенадцати монахам своего ордена, которые были ему даны в помощь, св. Доминику и, вероятно, несколькими другим священникам проповедовать крестовый поход против еретиков; обещать индульгенции тем, кто примет участие в этой войне; взять на примету тех, кто откажется участвовать в ней; осведомиться, каковы их верования; примирять с Церковью тех, которые обратятся, а упорствующих передавать в распоряжение Симона, графа Монфора [154], стоявшего во главе крестоносцев.

II. Подлинный акт, которым цистерцианский аббат приказывал выполнить все эти меры, до нас не дошел. Но его существование тем не менее доказывается как событиями того времени, так и удостоверением о примирении с Церковью, которое св. Доминик де Гусман выдал одному еретику по имени Понс Роже и в котором этот святой объявляет, что он действует как делегат аббата Арно. Мы вернемся к этому документу, когда будем говорить о способах действия первой инквизиции. Здесь я ограничусь лишь замечанием, что на копии не имеется даты, извлеченной из книги доминиканского монастыря Св. Екатерины в Барселоне, в которую инквизитор Николас Росельи (впоследствии кардинал римской Церкви) поместил ее около половины XIV века. Но епископ

Untitled

Бадахоса дом Анхело Манрике, который был цистерцианским монахом, думает не без основания, что это примирение с Церковью произошло в 1209 году {Манрике. Цистерцианская летопись. Т. III, под 1210 годом. Гл. 4.}.

III. Нелегко определить число несчастных альбигойцев, погибших на кострах с 1208 года, который был годом начала инквизиции. Но нельзя не проникнуться живым состраданием при чтении повествований того времени. Они изображают гибель нескольких миллионов [155] людей среди самых ужасных мучений, как торжество религии, на которой ее божественный основатель напечатлел характер кротости, человеколюбия, доброжелательства и милосердия. Апостолы однажды просили своего божественного учителя низвести с неба огонь на самаритян [156], бывших еретиками и схизматиками еврейского исповедания. Он не только упрекнул их за эту мысль, но и дал понять, что она ему ненавистна, обойдясь с ними при этом с такой суровостью, другого примера которой мы не встречаем в Евангелии. В XIII веке этот урок пропал даром, потому что были уверены, что история Самарии не имеет ничего общего с тем поведением, которого надо было держаться по отношению к еретикам тогдашней эпохи.

IV. Причины, объяснение которых не входит в план моего труда, заставили в 1214 году папу Иннокентия III послать в качестве легата во Францию Пьетро из Беневента [157], кардинала церкви Св. Марии д'Аквила [158], с письмами к архиепископам Амбрена, Арля, Экса и Нарбонны, их викариям, аббатам и священникам всех этих провинций.

Untitled

Он велел им повиноваться легату и оказывать ему помощь во всем, что он найдет нужным предпринять против еретиков-альбигойцев {Флери. Церковная история. Кн. 77. N 32 и сл.}. По-видимому, с прибытием этого кардинала у цистерцианского аббата, бывшего с начала 1212 года архиепископом Нар бонны, полномочия не были отняты {Манрике. Цистерцианская летопись. Т. III, под 1212 годом. Гл. 1.}. Но ему было предписано, как и другим, повиноваться новому легату; из этого, по крайней мере, вытекает, что он не был более главою инквизиции. Мы видим поэтому, что св. Доминик в разрешении не носить покаянной одежды, дарованном одному примиренному с Церковью, заявляет, что это разрешение имеет силу, лишь пока кардинал-легат не даст об этом иного повеления. Нет даты на копии этого документа, извлеченного из старинной книги барселонского монастыря, о которой я уже говорил. Но последующие события указывают, что он относится к 1214 или к началу 1215 года, потому что кардинал Пьетро возвратился в Рим около июля {Флери. Церковная история. Кн. 77. N 36.}, а немного спустя св. Доминик совершил то же путешествие, чтобы испросить у папы утверждения ордена, который он подготовлял с тех пор для проповеди против ереси и в который он уже принял нескольких духовных лиц, причисленных к его ведомству. Один из них, Тома Селлан, принял их в своем доме, откуда они ходили для совершения богослужения в церковь Св. Романа в Тулузе, уступленную им в пользование епископом Фульконом, бывшим цистерцианским монахом, другом и ревностным покровителем св. Доминика {Там же. N 54.}. V. В 1215 году Иннокентий III торжественно открыл десятый

Untitled

[159] Вселенский собор, который был четвертым Латеранским, и приказал постановить по отношению к еретикам Лангедока [160] следующее: 1) те, что будут осуждены епископами как нераскаянные еретики, должны передаваться в руки светской власти для понесения справедливо заслуженного ими наказания после лишения сана священства, если это были священники; 2) имущество мирян будет конфисковано, а имущество священников будет употреблено в пользу их церквей; 3) жители, заподозренные в ереси, будут принуждены оправдаться каноническим путем; не желающие подчиниться этой мере подвергнутся отлучению от Церкви; если они останутся отлученными в течение года, не прибегая к помилованию Церкви, с ними поступят как с еретиками; 4) сеньоры будут предупреждены и даже понуждены посредством церковных наказаний клятвенно обязаться изгнать из своих владений всех жителей, объявленных еретиками; 5) сеньоры, уличенные в небрежном исполнении этой меры, будут отлучены от Церкви митрополитом или его викариями; если к концу года они не исполнят возлагаемой на них обязанности, о них будет доложено папе, чтобы Его Святейшество мог объявить их подданных свободными от присяги на верность и предложить их земли тем католикам, которые пожелают ими завладеть; последние по изгнании оттуда еретиков будут пользоваться ими спокойно, в силу решения собора; они будут хранить старательно католическую веру и нести ту же службу по отношению к своему сюзерену, если только он не ставил никакого препятствия для исполнения соборного декрета; 6) католики, участвующие в крестовом походе для

Untitled

истребления еретиков, получают индульгенции, даруемые отправляющимся в Святую землю; 7) отлучение от Церкви, постановленное собором, распространяется не только на еретиков, но также на всех тех, кто будет им покровительствовать или принимать их в своих домах; они будут объявлены лишенными чести, если к концу года не выполнят своих обязанностей, и, как таковые, будут сняты с общественных должностей и лишены права избирать своих должностных лиц; они будут объявлены неспособными для дачи показаний на суде, составлять завещания и получать наследство; никто не будет обязан являться в суд ответчиком, если он будет истцом; если это судьи, то их приговоры будут объявлены недействительными и ни одно дело не может поступить к ним на судебный разбор; если это адвокаты, они не будут иметь права защиты; акты нотариусов, подвергшихся действию этого декрета, перестанут считаться подлинными; священники будут присуждаемы к снятию сана и лишению церковных доходов; все те, кто стал бы общаться с этими отлученными от Церкви после объявления их таковыми Церковью, будут под анафемой: им не могут преподаваться церковные таинства, даже в смертный час; они будут лишены церковного погребения; их дары и приношения не будут приняты; священники, которые не станут сообразоваться с этим последним распоряжением, будут отрешаемы, если они принадлежат к белому духовенству, и лишены привилегий, если они монахи; 8) никто не имеет права проповедовать, не получив на это полномочия от святого престола или от католического епископа; те, кто не будет считаться с этим

Untitled

декретом, должны быть отлучены от Церкви и подвергнуться прочим наказаниям, если не подчинятся тотчас же; 9) ежегодно каждый епископ должен посещать лично ту часть своей епархии, где предполагается существование еретиков, или поручать это дело опытному человеку; призвав трех наиболее уважаемых жителей (или даже больше, если сочтет это нужным), он должен обязать их обнаружить мест-: ных еретиков - лиц, собирающихся на тайные сходки, или тех, кто ведет жизнь странную и отличную от жизни остальных христиан; он должен распорядиться о приводе к себе тех* на кого поступит донос, и наказать их по каноническим правилам, если они не докажут своей невиновности или если после отречения от ереси снова впадут в нее; если кто-либо из жителей откажется повиноваться епископу в том, что ему поручено, и дать клятвенное обещание объявлять обо всем, что ему станет известным, он должен сам быть тотчас же объявлен еретиком; наконец, с епископами, уличенными в допущенной небрежности по очищению своих епархий от еретиков, будет поступлено как с виновными, и они будут низложены со своих кафедр{13-й канон 28-го тома королевского Собрания соборов.}.

VI. Буквальный смысл этого декрета четвертого Латеранского собора доказывает вполне, что Иннокентий III в то время не установил еще апостолического трибунала уполномоченной инквизиции, потому что он предоставил ее обязанности епархиальным епископам как обычным судьям в делах веры со времени апостолов. Но это совмещалось с мерою, которой папа создавал уполномоченных инквизиторов и разрешал им действовать

Untitled

против еретиков заодно с епископами или без них, как это уже происходило и как это увидим впоследствии. Если декрет не говорит об этом, то надо думать, что, когда Иннокентий поручил цистерцианскому аббату и его двум товарищам преследование еретиков-альбигойцев, он еще не думал об основании постоянного учреждения, предоставив себе сделать это, когда обстоятельства докажут его необходимость.

VII. Доминиканские монахи и авторы, которые с них списывали, заставили думать, что в 1215 году-после Латеранского собора папа пожаловал св. Доминику де Гусману титул апостолического инквизитора для искоренения ересей и преследования еретиков во всех частях христианского мира, и они заключили из этого, что св. Доминик был первым великим инквизитором. Но не существует никакого документа, который доказывал бы правильность этого мнения и достоверность декларации папы Сикста V [161] в его булле о канонизации св. Петра-мученика [162], инквизитора Вероны, потому что она почти на четыре века позже этих событий. Этот исторический вопрос был выяснен епископом Бадахоса домом Анхело Манрике { Манрике. Цистерцианская летопись. Т. III, под 1204 годом. Гл. 5.}, и не следует придавать никакого значения противоположным доводам, выдвинутым Монтэйро, автором Истории португальской инквизиции {Монтэйро. История португальской инквизиции. Т. I Ч. 1. Кв. 1. Гл. 57 и сл.}.

Статья четвертая Установление инквизиции при папе Гонории III в Италии

I. Папа Иннокентий III умер 16 июля 1216 года, не успев

Untitled

дать устойчивой формы уполномоченной инквизиции, которая была отлична от инквизиции епископов. Быть может, причиной тому было продолжение войны, которую вели против альбигойцев: можно также видеть другую причину в оппозиции, встреченной этим папой в среде Латеранского собора со стороны большинства епископов. Гонорий III [163] наследовал ему 18 июля и приготовился продолжать дело, которое начал его предшественник.

II. Иннокентий III отправил св. Доминика де Гусмана обратно в Тулузу с тем, чтобы он совместно со своими товарищами избрал один из одобренных Церковью уставов для монашеского ордена, который он собирался учредить. Св. Доминик выбрал устав ордена св. Августина, к которому он принадлежал уже давно в качестве каноника Осмы. По возвращении св. Доминика в Рим 22 декабря 1216 года Гонорий утвердил его орден; назначением ордена была проповедь против ересей.

III. 26 января 1217 года Гонорий написал св. Доминику и его товарищам, чтобы похвалить их рвение и поощрить продолжать с тем же жаром предприятие, начатое ими для славы католической религии. Св. Доминик послал несколько своих монархов в Париж, в Испанию, Италию и в другие королевства. Неизвестно, были ли они облечены необходимыми полномочиями для отпущения преступления ереси и для примирения еретиков с Церковью; еще менее известно, было ли им дано звание уполномоченных инквизиторов святого престола для борьбы с учениями, противными вере. Историки ордена предполагают это, но не приводят в подтверждение своего мнения ни одной буллы и ни одного бреве. Я принимаю их

Untitled

предположение, несмотря на недостаток прямых доказательств, основываясь на событиях, которые произошли впоследствии и о которых я сообщу в свое время.

IV. В том же 1217 году папа послал в провинцию Лангедок и Прованс в звании легата кардинала-священника церкви Св. Иоанна и Св. Павла [164] Бертрана (а не Бернарда, как его называли многие испанские историки). Он прибыл с письмами к архиепископам Амбрена, Экса, Нарбонны, Оша и к их викариям. В этих письмах папа предлагал им точно выполнять то, что предпишет им легат. Главной целью его миссии было продолжение с новой силой войны против альбигойцев, поддержание рвения миссионеров, проповедовавших против ересей, проверка примирения с Церковью обращенных еретиков и наказание упорствующих. Правдоподобно, что легат был согласен с св. Домиником относительно посылки в эти провинции монахов его ордена и что он одобрил решение основателя ордена самому приехать в Рим для ходатайства пред папой о даровании этим монахам власти уполномоченных инквизиторов и о рекомендации их епископам и королям.

V. Брат Эрнандо де Кастильо, правдивый историк происхождения и основания монастырей ордена св. Доминика, приводит письма папы Гонория св. Фердинанду [165], королю Кастилии [166] и Леона [167] {Кастильо. История св. Доминика. Ч. 1. Гл. 41.}. Райнальди, продолжатель Церковной летописи Барония, включил в них бреве, направленное Гонорием 8 декабря 1219 года ко всем христианским епископам. Папа очень горячо рекомендует им братьев проповедников, вспоминая

Untitled

важные заслуги, оказанные ими католической вере, и обязывает епископов помогать им всей своей властью, чтобы они могли выполнить поручение, для которого посланы. Этот документ еще не доказывает, что они были апостолическими инквизиторами. Однако возможно, что папа их облек полномочиями посредством особого бреве, так как мы видим четыре года спустя, что монахи, проповедовавшие в Ломбардии, имели подобное бреве. VI. Св. Доминик, бывший тогда в Риме, основал уже второй орден, для женщин: они должны были вести в уединении религиозную жизнь и молить Бога о торжестве католической веры и об истреблении ересей. Св. Доминик установил в Риме еще третий орден, для светских лиц, живших в миру. Он предписал всем его членам обязанность молиться о том же, помогать, поскольку это для них возможно, проповедникам против ереси и преследовать еретиков. Этот третий орден обозначался иногда названием третьего ордена покаяния, но чаще назывался милицией Христа, потому что его члены боролись с еретиками и помогали инквизиторам исполнять их обязанности. На них смотрели как на членов семьи инквизиции, и поэтому они носили имя близких (*famihares*). Эта ассоциация породила впоследствии другую, известную под именем Конгрегации Св. Петра-мученика. Она была одобрена Гонорием; его преемник Григорий IX ее утвердил. Ввиду того, что она была учреждена св. Домиником в 1219 году (время, когда его монахи разошлись по разным местам для проповеди), правдоподобно, что доминиканские монахи имели уже характер инквизиторов {Кастильо История св. Доминика Ч. 1. Гл 49; Монтэйро

Untitled

История португальской инквизиции. Ч 1. Гл. 36; Парамо. О происхождении инквизиции Кн. 2. Отд. 1.Гл 3.}

VII. Гонорий декретировал устав против еретиков, который получил силу гражданского закона через императора Фридриха II [168] в день его коронации, то есть 22 ноября 1221 года. Это историческое событие подробно передано продолжателем Барония {Райнальди, под 1221 годом. N 19 и сл.}. В том же году папа послал в Нарбоннскую Галлию, в качестве нового легата, Конрада, епископа Порто [169], для дел инквизиции и войны против альбигойцев. Именно тогда решили основать в этой стране новый рыцарский орден, назначенный для преследования еретиков, по образцу ордена тамплиеров (храмовников) [170], под названием милиции Христа. Гонорий дал свое одобрение этому проекту и приказал выбрать один из монашеских уставов для основания религиозного ордена {Там же. N41.}.

По-видимому, именно этому ордену милиции Христа папа Григорий IX [171] написал поздравительное письмо за рвение, оказанное им в помощи епископам и инквизиторам, и употребление полученного ими вооружения в защиту католической религии и для преследования гибели ее врагов {Там же, под 1233 годом, заметка Манрике.}. Эта ассоциация почти тотчас же слилась с милицией Христа третьего ордена св. Доминика и с ассоциацией "близких" к инквизиции.

VIII. В 1224 году инквизиция существовала уже в Италии под ведением доминиканских монахов. Это подтверждается узаконением Фридриха II, опубликованным в Падуе [172] против еретиков 22 февраля двенадцатого индикта, что соответствует указанному выше году. Закон

Untitled

этого императора гласил, что еретики, осужденные Церковью и преданные ею светскому правосудию, будут наказаны соответственно их преступлению; если боязнь казни приведет кого-либо из них к воссоединению с Церковью, он будет подвергнут канонической епитимий и заключен пожизненно в тюрьму; если в какой-либо части империи окажутся еретики, учрежденные папой инквизиторы или ревностные к вере католики могут требовать от судей хватать их и сажать в тюрьму до тех пор, пока, после отлучения от Церкви, они не будут осуждены и казнены; поддерживающие их или покровительствующие им подвергнутся той же казни; еретики, вернувшиеся в лоно Церкви, обязуются отправляться на розыски виновных, пока их не обнаружат; произнесший отречение от ереси в смертный час и затем вторично впавший в нее по выздоровлении одинаково будет подвергнут смертной казни; преступление оскорбления Божия величества сильнее преступления оскорбления величества человеческого; так как Бог наказывает детей за грехи отцов, чтобы научить их не подражать своим родителям, то и дети еретиков, до второго поколения, будут объявлены неспособными к занятию общественной должности и пользованию почетом, исключая детей, сделавших донос на своих отцов, которые в силу этого должны считаться невинными. "Мы хотим также, - прибавляет император, - чтобы все знали, что мы взяли под свое особое покровительство монахов ордена проповедников, посланных в наши владения для защиты веры против еретиков, также и тех, кто будет им помогать в суде над виновными, будут ли эти монахи жить в одном из

Untitled

городов нашей империи, или переходить из одного города в другой, или сочтут нужным возвращаться на прежнее место; и мы повелеваем, чтобы все наши подданные оказывали им помощь и содействие. Поэтому мы желаем, чтоб их принимали всюду с благорасположением и охраняли от покушений, которые еретики могли бы против них совершить; чтобы та помощь, в которой они нуждаются для выполнения своего дела в миссии, порученной им ради веры, была им оказана нашими подданными, которые должны арестовывать еретиков, когда они будут указаны в местах их жительства, и держать их в надежных тюрьмах до тех пор, пока они, осужденные церковным трибуналом, не подвергнутся заслуженному наказанию. Делать это надо в убеждении, что содействием этим монахам в освобождении империи от заразы новой установившейся в ней ереси совершается служба Богу и польза государству". {См. этот устав в булле папы Иннокентия IV, в приложении к Комментариям Пеньи на руководство для инквизиторов, составленное Эймериком.}

IX. Усилия инквизиции в Нарбоннской Галлии не имели еще достаточного успеха, на который рассчитывал папа, потому что военные события не всегда были благоприятны для крестоносцев. Гонорий, приписывая это небрежности кардинала Конрада, отозвал его и послал на его место Романа, кардинала-диакона церкви Св. Ангела [173]. Новый легат должен был отправиться в провинции Тарантеса [174], Безансон [175], Амбрен, Экс, Арль и Вьенна. Это новое распоряжение Гонория относится к 1225 году. Настояния нового легата заставили Людовика VIII, короля Франции, решиться стать во главе армии

Untitled

крестоносцев, чтобы выступить против графов Тулузы, Фуа, Безье, Беарна [176], Каркассона и против многих других сеньоров, поддерживавших альбигойцев. Между тем дела не подвигались: Людовик умер 8 ноября того же года, и папа последовал за ним 18 марта 1227 года, раньше, чем успел дать прочную форму и устав для судебного порядка нового трибунала инквизиции, который вводился во Франции {Райнальди, под 1225 годом. N 29; под 1227 годом. N 12; Флери. Церковная история. Кн. 79. N 8, 18 и 28.}.

Статья пятая Закрепление Григорием IX учреждения инквизиции в форме трибунала и данный им ей устав I. Григорий IX вступил на первосвященнический трон 13 марта 1227 года. Он с таким старанием занялся инквизицией, что успел дать ей прочную форму. Он был горячим покровителем св. Доминика Гусмана и близким другом св. Франциска Ассизского [177]. Поэтому не следует удивляться, что он сохранил за доминиканскими монахами функции инквизиторов и поручил их также францисканцам, посылая их в те провинции, где не было доминиканцев, и приобщая их к работам последних во многих провинциях, где они утвердились.

II. Кардинал Роман имел во Франции больше успеха, чем предшествующие ему легаты. Государи, истощенные двадцатилетней войной и боявшиеся полного разорения своих государств, мечтали об окончании бедствий, постигших их народы. Такое настроение и вступление на престол Франции Людовика IX [178], под регентством королевы Бланки [179], воодушевленной величайшим рвением к религии, изменили в корне положение дела.

Untitled

III. Граф Тулузы, Раймонд VII [180], решил окончить войну, которую он вел в пользу альбигойцев. После смерти своего отца, начавшего ее, он примирился с св. Людовиком и с Церковью на Нарбоннском соборе, возглавляемом архиепископом этой митрополии, преемником Арно, Пьером Амьеном, в присутствии папского легата. Раймонд, между прочим, обещал изгнать из своих владений всех еретиков, которые откажутся вернуться в лоно Церкви {См.: Нарбоннский собор в королевском Собрании соборов. Т. 28; Флери. Церковная история. Кн. 79. N 8, 18, 28.}.

IV. В 1229 году в Тулузе состоялся новый собор, на котором присутствовали граф Раймонд, архиепископы Нарбонны, Бордо, Оша, много епископов и депутаты Тулузы и многих других городов. На нем установили с посланным папой способ поведения по отношению к еретикам. Принятые там меры в сущности были те же, что и постановленные на Веронском и Латеранском соборах. Я отмечу лишь меру, которая поручала епископам в каждом приходе их епархии назначить одного, двух или нескольких священников и клятвенно обязать их производить исправные и частые розыски еретиков, в какие бы места они ни скрылись, арестовывать их, принимать все необходимые предосторожности, чтобы помешать их побегу, и извещать епископа и местного сеньора или губернатора об их аресте. Это распоряжение гласит также, что никто не может быть наказан как еретик иначе, как после объявления его таковым со стороны епископа; еретики, добровольно обратившиеся, не могут оставаться на учительстве в той же стране, потому что они

Untitled

подозреваются в заражении ересью; для улики в уклонении в заблуждение, в которое впали, они будут носить на своих одеждах по кресту на каждой стороне груди; те, кого приведет к обращению страх смерти, будут подвергнуты заключению под юрисдикцией епископа. В каждом приходе будет выставлен список всех жителей; из него все мужчины, достигшие четырнадцатилетнего возраста, и женщины, достигшие двенадцатилетнего возраста, дадут под присягой обещание исповедовать католическую веру, проклинать ересь, какого бы рода она ни была, и преследовать еретиков. Они будут обязаны возобновлять эту присягу через два года; отказавшиеся это сделать будут заподозрены в ереси. Все жители, внесенные в список, должны являться к исповеди в своих приходах трижды в год - на Рождество, Пасху и Троицын день; отсутствующий будет равным образом состоять на подозрении в религиозном заблуждении. Наконец, запрещается светским лицам чтение Священного Писания на народном языке. Я встречаю подобное запрещение в истории Церкви в первый раз {Тулузский собор в королевском Собрании соборов. Т. 28; Флери. Церковная история. Кн. 79. N 58.}.

V. Кардинала Романа в его обязанностях легата сменил епископ Турне [181] Вальтер. В 1233 году он собрал в Мелене собор, на котором присутствовали граф Тулузы и архиепископ Нарбонны со своими викариями. На этом соборе было постановлено относительно преследования еретиков несколько канонов, схожих с предшествовавшими. В особенности же на нем было предписано, чтобы все бароны, рыцари, коменданты

Untitled

городов и прочие вассалы графа были принуждены принять все необходимые меры для розыска, ареста и наказания еретиков; чтобы каждый город, где окажутся еретики, платил доносчику, способствовавшему их аресту, марку серебра за каждого; чтобы все дома, служившие им убежищем, были снесены с лица земли, подобно тем, где они проповедовали, и чтоб имущества владельцев этих домов были конфискованы; чтобы выжигали все пещеры, где можно было предполагать их убежище; чтобы вся собственность еретиков была секвестрована, без права для их детей требовать хотя бы самую малую долю; чтобы их пособники, укрыватели и защитники присуждались к тому же наказанию; чтобы каждый подозреваемый в ереси житель был обязан исповедовать свою веру, дав под присягой обещание говорить правду, под страхом быть наказанным как еретик; чтобы примиренные с Церковью носили два креста на груди таким способом, чтоб все могли их видеть; чтоб они были лишены всего своего имущества или подвергались другим наказаниям, если откажутся считаться с этим распоряжением: конфискация должна включать и то имущество, которое было бы обманным образом продано с целью сокрытия его от действия закона; все те, кто после отлучения от Церкви по истечении года не будут ходатайствовать об отпущении, будут принуждаться к тому секвестром, налагаемым на их имущество {Королевское Собрание соборов. Т. 28; Флери. Церковная история. кн. 80. N 25; Райнальди, под 1233 годом. N 58.}.

VI. В том же году легат провел другой собор в Безье. Здесь он заставил издать новый регламент о розыске и преследовании еретиков, который был разделен на

Untitled

несколько статей, подобных прежним. Приказывалось каждому арестовывать еретиков; священникам повелевалось, под страхом присуждения их самих к потере их церковных доходов, после однократного предупреждения составить список всех тех из их прихожан, которые подозревались в ереси, и заставлять их каждое воскресенье и праздник присутствовать при церковной службе. Другая статья обязывала примиренных с Церковью еретиков носить два креста на верхней одежде, один на груди, другой на плече; они должны быть сделаны из желтого сукна, иметь три пальца в ширину, две с половиной ладони в высоту и две ладони в поперечнике; если одежда с капюшоном, то на нем тоже должен быть крест. Не соблюдающие с этими статьями должны считаться еретиками-рецидивистами и быть лишены своего имущества {Бэйль. Обзор соборов. Т. I, в соборах Франции под 1246 годом; Пенья. Комментарий 42 к Руководству Эймерика. N175; Флери. Церковная история. Кн. 80. N 26.}.

VII. В то время как это происходило во Франции, альбигойская ересь проникла в самую столицу католического мира. Если бы мнения, получившие начало в IV веке, в эпоху обращения в христианство Константина [183], не приобретали от столетия к столетию новой силы, дойдя до того, что они открыли в Евангелии достаточные основания для наказания еретиков смертью, то можно думать, что Григорий IX, видя, что крайние средства, применяемые против еретиков, не имеют большого действия, отказался бы от системы принятых им репрессий. Хотя их упорное применение погубило

Untitled

несколько тысяч еретиков на кострах Франции и Италии, он не только не добился того, что предполагал, но эти еретики, как бы желая сделать вызов его авторитету, принесли свои ошибочные доктрины в сердце его столицы и доказывали этим дерзновенным поведением, как мало они были чувствительны к церковным анафемам и угрозам страшных мучений, которые Григорий мог применить против них как глава Церкви и как светский государь Рима. К несчастью, умы были подавлены предрассудками и неспособны видеть вещи с истинной точки зрения. Поэтому Григорий IX, далекий от изменения системы и принятия за правило духа благоволения кротости, отличавшего первые три века христианства, в 1231 году разразился против еретиков буллой, начало которой его духовник, доминиканец св. Раймонд де Пеньяфорте [184], включил в главу "Отлучаем" (Excommunicamus) в разделе о еретиках (de hereticis) сборника декреталий этого папы; остальная часть была переписана Райнальдом вместе со статутами правителей Рима, утвержденными Григорием IX.

VIII. В этой булле папа отлучал от Церкви всех еретиков, в особенности те их разряды, которые были в ней обозначены. Он приказывал, чтобы осужденные предавались в руки светских судей для получения справедливого наказания за их преступление, после лишения сана, если они находились в церковном звании; чтобы просивший об обращении подвергался епитимье и наказанию пожизненным заключением; чтобы принявшие их учение были считаемы еретиками; чтобы жители, которые приняли бы их в свои дома, покровительствовали им и защищали их, были отлучены от Церкви и объявлены

Untitled

бесчестными и лишенными права занимать общественную должность, голосовать, давать показания на суде, делать завещание, принимать участие в каком-либо наследстве, предъявлять пред судом какой-либо иск, если после их отлучения они будут пренебрегать просьбой о примирении с католической Церковью. Булла гласила также, что, если виновные были судьями, никакой процесс не должен был вестись в их суде и вынесенные ими решения должны считаться недействительными; если они были адвокатами, им не должно позволять выступать с защитой на суде; если они были нотариусами, их акты не должны иметь никакой силы; если они были священниками, они должны быть лишены своего сана и своих церковных доходов. Лица, не избегающие иметь дела с этими отлученными, должны быть сами присуждены к отлучению и подвергнуться другим наказаниям; заподозренные в ереси, если не поспешат рассеять этого подозрения путем канонического испытания или каким-нибудь иным способом, соответствующим их званию и причинам подозрения, должны быть отлучены от Церкви и признаны еретиками, если в течение года не удовлетворят требованиям Церкви; было запрещено принимать их заявления и апелляции; ни нотариусы, ни адвокаты не могли им оказывать содействия ни в какой сделке, ни в каком процессе, под страхом вечного интердикта; священникам было запрещено допускать их к участию в таинствах, получать от них милостыню и приношения; то же запрещение по отношению к этой последней статье было сделано иоаннитам [185], тамплиерам (храмовникам) и другим монашеским орденам [186]. Кто не будет сообразоваться с

Untitled

этим запрещением, должен быть лишен своего звания и мог быть восстановлен в нем лишь с разрешения святого престола. Кто предоставлял этим преступникам церковное погребение, тот подвергался каре отлучения, от коего он мог избавиться, только вырыв из земли их трупы своими собственными руками, причем это место навсегда переставало служить местом погребения христиан. Никто из мирян не может рассуждать о предметах веры ни публично, ни в частной беседе, под страхом быть отлученным от Церкви. Знающий, что где-нибудь находятся еретики или лица, устраивающие тайные собрания, или образ жизни которых отличается от других, обязывался довести об этом до сведения своего духовника или кого-нибудь другого, кто об этом сообщил бы епископу, а в случае недонесения он сам подвергался анафеме. Наконец, дети еретиков и тех, кто их укрывал и защищал, не могли быть допускаемы ни к какой должности, ни пользоваться никакими доходными местами до второго поколения, под страхом аннулирования всего того, что было бы противно этой мере {Райнальди, под 1231 годом. N 14; Пенья, в приложении к Комментариям на Эймерика. Руководство для инквизиторов.}.

IX. Сенатор Аннибал и другие члены управления Рима с целью содействовать папе, их светскому государю, во исполнение постановленных им мероприятий издали разные муниципальные законы о розыске и наказании еретиков. Они были почти те же, что и узаконения императора Фридриха II. Замечу, что один из этих законов обязывал римского сенатора приказывать хватать находящихся в городе еретиков, в особенности тех, кто

Untitled

будет обнаружен инквизиторами святого престола или иными католиками, держать их в тюрьме до их осуждения Церковью и казнить их через неделю после осуждения. Тот же закон предоставлял треть имущества преступника доносчику, другую треть сенатору-судье, а третья часть должна была поступить на расходы по ремонту стен Рима. В этом кодексе римского муниципального правосудия было сказано также, что дома, служившие местом тайных сборищ еретиков, будут снесены с лица земли навсегда; точно так же и дома тех жителей, которые получили от еретиков рукоположение. Знающий сторонников ереси и не донесший на них присуждался к штрафу в двадцать ливров; если он был не в состоянии их уплатить, он подвергался проскрипции до тех пор, пока не удовлетворит требованию закона. Если кто-либо покровительствовал, защищал или укрывал еретиков, то лишался третьей части своего имущества, которая поступала на те же муниципальные нужды; если эта кара оказывалась недостаточной для обращения еретиков к вере, они должны были изгоняться из Рима навсегда. Выбранный сенатором перед вступлением в свою должность должен был дать под присягой обещание соблюдать и выполнять все законы, направленные против ереси; если он отказывался подчиниться этому условию, все документы, подписанные им как сенатором, вследствие его отказа теряли свою силу и никто не был обязан ему повиноваться, даже после присяги на подчинение ему и верность; если же, взяв на себя указанное обязательство, он изменил бы ему, с ним следовало поступать как с клятвопреступником, он должен был заплатить двести марок (которые шли на те

Untitled

же расходы, что и другие штрафные деньги) и объявлялся неспособным занимать какую-либо общественную должность. Судьи св. Мартины [187] должны были наблюдать за исполнением этих постановлений, которые включались в их акты; и ни одно из этих разных наказаний не могло быть отменено, ни в силу народного голосования, ни единогласно народом, ни при каком-либо другом обстоятельстве.

X. Григорий IX послал узаконения римского управления вместе с теми, которые он издал сам, архиепископу Миланскому [188] с тем, чтобы тот приказал строго исполнять их в своей епархии, в епархиях своих викариев и в некоторых других частях Цизальпинской Галлии [189], где ересь сделала уже внушающие тревогу успехи {Райнальди, под 1231 годом. N 18.}. Это мероприятие папы заставило императора Фридриха II возобновить узаконения, которые он опубликовал в 1224 году против еретиков, и в частности закон против богохульников, присуждавший всех без различия еретиков к сожжению или отрезанию языка, если бы епископы нашли уместным даровать им эту милость, для того чтобы им было невозможно в будущем порочить святое имя Божие. Император написал об этом папе и известил его, что еретические учения проникли в Неаполь [190] и Сицилию [191], что он решил преследовать их с величайшей строгостью и что множество виновных попало уже в руки правосудия. Действительно, он послал в Неаполь архиепископа Регина с подобным поручением, и многие из еретиков были обнаружены и казнены {Райнальди, под 1231 годом. N 19 и 20.}.

XI. Такова была форма, которую инквизиция приняла уже

Untitled

во Франции и Италии, когда Григорий IX ввел ее в Испании. Я прослежу ее в различных частях этого королевства, потому что она является главным предметом взятого мною на себя труда и предпринятых исследований.

Глава III О прежней инквизиции в Испании

Статья первая УЧРЕЖДЕНИЕ СВЯТОГО ТРИБУНАЛА В ИСПАНИИ ПАПОЙ ГРИГОРИЕМ IX

I. В 1233 году французская инквизиция получила устойчивую форму, данную ей св. Людовиком на основании определений соборов в Тулузе, Нарбонне и Безье. В это время Испания, не считая магометанских государств, была разделена на четыре христианских королевства: Кастилию, Наварру [192], Арагон [193] и Португалию [194]. Кастилия находилась под властью св. Фердинанда, который не замедлил присоединить к ней королевства Севилья [195], Кордова [196] и Хаэна. Хайме I [197] правил Арагоном. Этот государь вскоре оказался владыкой королевства Валенсия [198] и Майорка [199]. Наварра подчинялась Санчо VIII [200], который в следующем году умер, оставив свою корону Теобальду I [201], графу Шампаньи [202] и Бри [203], Санчо II [204] царствовал в Португалии.

II. В этих четырех католических королевствах Испании находились доминиканские монастыри со времени учреждения этого ордена; поэтому, вероятно, там была учреждена инквизиция, как уверяют в этом многие авторы, между прочим, монах Педро Монтэйро {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 5.}. Между тем ни один подлинный документ не подтверждает ее существования в этих государствах до 1232 года, когда папа Григорий IX обратился к архиепископу Таррагоны

Untitled

дому Эспараго и к его викариям с буллой от 26 мая, в которой, после пышного вступления, извещает их, что до него дошли сведения о проникновении ереси во многие города их епархий. Он увещевает их, чтобы они противодействовали ее успехам, самолично разыскивая еретиков и распространителей ереси или приказывая это делать монахам-проповедникам [205] и другим лицам, согласно тому, как он уже повелел в 1231 году в своей булле против еретиков и их сообщников. Извлечение из этого документа мы видели в предшествующей главе. Папа прибавляет: если какой-либо еретик захочет вернуться в лоно Церкви, можно ему дать отпущение согласно формам, предписанным канонами, после наложения на него обычной епитимьи. Но он усиленно советует не оказывать этой милости иначе, как уверившись в искренности обращения виновных способами, диктуемыми благоразумием и согласными со всеми постановлениями на этот счет, дабы избежать скандала вторичного отпадения.

III. Автор Истории португальской инквизиции утверждает, что архиепископ Таррагоны сообщил полученное им папское брeve брату Суэро Гомесу, первому провинциалу [206] испанских доминиканцев, уроженцу Португалии, одному из первых учеников св. Доминика, поручая ему определить монахов своего ордена, которых он сочтет наиболее подходящими для исполнения обязанностей уполномоченных папою инквизиторов и поставить их именем Его Святейшества. Утверждение этого историка не основано ни на каком свидетельстве; однако я далек от того, чтобы оспаривать его истинность, Суэро умер 7

Untitled

апреля 1233 года, и архиепископ обратился к брату Хилу Родригесу де Вальядаресу, который его сменил и функции которого простирались на четыре христианских королевства полуострова вследствие небольшого числа монастырей его ордена, тогда существовавших. Он послал папскую буллу также дому Бельтрандо, епископу Лериды, который приказал ее исполнить в своей епархии, где была основана первая испанская инквизиция {Фр. Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 4. Гл. 3}.

IV. 8 ноября 1235 года Григорий IX возобновил и сделал общим для всего христианства узаконение, изданное им в 1231 году против римских еретиков. Видя, что доминиканцы справляются успешно с порученной им обязанностью, он доверил им исполнение своей буллы, выпустив 20 мая 1233 года бреве с поручением приору и монахам-доминиканцам Ломбардской провинции. Этот документ находится в Собрании соборов {Том 28 королевского Собрания соборов.}.

V. По смерти архиепископа Эспараго его заместил дом Гильерме Монгриу. Не зная, как держаться в отношении некоторых пунктов последней папской буллы, он запросил римскую курию. Григорий IX ему ответил 30 апреля 1235 года, послав при этом для руководства инквизиторов примечания, которые были отредактированы его духовником св. Раймондом де Пеньяфорте, испанцем, доминиканским монахом {Фр. Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон.}. Новому архиепископу было предложено доставить их инквизиторам и с точностью их выполнять.

Untitled

VI. Гильерме Монгриу с помощью инквизитора доминиканского монаха Педро де Планедиса и епископа Урхеля приступил к исполнению папской буллы против еретиков своей епархии. Это стоило жизни монаху Педро, почитаемому ныне за святого в Урхельском соборе. Архиепископ овладел крепостью Кастельбон, которая принадлежала Гильому Раймонду, графу Форкалькье [207], сыну Раймонда, графа Форкалькье, и его супруги Тимборозы {Фр. Диего. История ордена... Кн. 1. Гл. 4.}.

VII. После того как епископ Барселоны, дом Беренгер де Палау, принявший также в свою епархию инквизицию, умер в 1241 году, не успев дать ей правильное устройство, его дело закончил тот, кому было поручено управление вдовствующей епархией {Там же. Гл. 3.}.

VIII. В 1242 году дом Педро Альбалате, архиепископ Таррагоны, преемник дома Гильерме Монгриу, собрал в этом городе поместный собор. На нем определили способ, каким инквизиторы должны были действовать против еретиков, и канонические епитимий, которым примиренные с Церковью должны были подвергаться и которые, несомненно, были гораздо суровее, чем епитимьи теперешней испанской инквизиции. Одна из этих епитимий состояла в том, что примиренный должен был в течение десяти лет каждое воскресенье Великого поста стоять у церковных дверей в одежде кающегося, на которую нашивались два креста из материи отличного от одежды цвета, чтобы все могли их заметить. Было постановлено также, чтобы нераскаянные передавались светскому правосудию для смертной казни {Таррагонский собор в собрании Агирре и др. IV}.

Untitled

IX. Папа Иннокентий IV [208] покровительствовал инквизиции и умел ценить услуги, которые ей оказывали доминиканцы. 9 июня 1246 года он отправил генералу и монахам ордена бреве. В нем он позволял генералу и его преемникам не признавать монахов, которые явились бы от святого престола для проповеди крестового похода или для борьбы с ересью; посылать этих инквизиторов куда ему заблагорассудится и заменять их другими по выбору. В случае отказа этих делегатов римской курии доминиканцы были уполномочены принуждать их посредством церковных наказаний. Каждый провинциал мог это делать по отношению к монахам своей провинции {Монтэйро. Ч. I. Кн. 2.Гл. 7.}.

X. Особое доверие, которое папа оказывал испанским доминиканцам, доказывает бреве от 22 октября 1248 года, адресованное провинциальному приору братьев проповедников королевства и монаху этого ордена св. Раймонду де Пенья-форте. Папа заявляет, что эти монахи особенно отличились в деле обращения еретиков; это заставляет его счесть уместным уполномочить приора и св. Раймонда выбрать и назначить некоторых из их среды в качестве инквизиторов той части Нарбоннской Галлии, которая находится под властью арагонского короля Хаиме I, и обязать их взять за правило своего поведения узаконения папы Григория IX { Там же.}.

XI. 21 июня 1253 года тот же папа отправил доминиканским монахам, инквизиторам Ломбардии и Генуи [209], новое бреве, распоряжения которого относились также и к инквизиторам Испании. Он им давал власть истолковывать регламенты и права городов таким способом, чтобы

Untitled

считать их недействительными во всех тех случаях, когда они могли бы повредить интересам инквизиции; лишать должностей, почестей и звания тех, кого сочтут достойными этого наказания, и вести судебные дела, не сообщая обвиняемым имен свидетелей. Даруя эти новые привилегии и преимущества, папа повелевал инквизиторам распорядиться, чтобы показания подтверждались свидетелями в присутствии уважаемых особ, дабы не возникало никакого сомнения в их подлинности {Книга бреве в совете главной испанской инквизиции.}.

XII. 9 марта 1254 года папа подтвердил свои распоряжения новым бреве. Права инквизиторов получили новое расширение, так как им было позволено лишать почестей, должностей и званий не только еретиков, но и их пособников, сообщников и укрывателей. Бреве гласило также, что свидетельские показания будут иметь силу в судопроизводстве, хотя имена свидетелей и оставались неизвестными" { Там же.}.

XIII. 7 апреля того же 1254 года папа адресовал частное бреве приорам доминиканских монастырей Лериды, Барселоны и Перпиньяна [210], чтобы они, когда того потребует арагонский король Хаиме I, предоставляли ему монахов своего ордена для исполнения обязанностей инквизиторов в тех владениях этого государя, где их еще не было {Фр. Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1. Гл. 3.}.

XIV. Доминиканцы, назначенные при этом, были, вероятно, брат Педро де Тоненес и брат Педро де Кадирета, так как они произнесли 11 января 1257 года вместе с Арнольдо, епископом Барселоны, окончательное осуждение памяти

Untitled

умершего Раймонда, графа Форкалькье и Урхеля, объявили его еретиком, вновь впавшим в ересь после отречения от ереси при кардинале Пьетро Беневентском, перед епископом Урхеля домом Понсе, и приказали выкопать из земли его кости и лишить их церковного погребения {Фр. Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1. Гл. 3.}.

В то же время они привели к примирению с церковью его вдову Тимборозу и его сына графа Гильома, которому оставили имущество и суверенитет его отца {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 1.}.

XV. Папа Урбан IV [211], видя, с каким рвением доминиканцы преследуют еретиков, выпустил бреве, в котором заявлял, что отныне в королевстве не будет иных инквизиторов, кроме доминиканских монахов-проповедников. Он уполномочивал их вытребовать к себе все процессы, начатые каким-либо другим инквизитором, кто бы он ни был, за исключением тех дел, которые должны разбираться епархиальным епископом. В то же время он даровал им власть арестовывать в согласии с епископом не только еретиков, но и их пособников, сообщников и укрывателей; лишать их церковных доходов, если они ими обладают, отлучать их от Церкви и привлекать к суду всех тех, кто воспротивится мерам, которые инквизиция сочтет нужным принять {См.: Эймерик. Руководство для инквизиторов. Рубрика 2. О десяти апостолических посланиях. С. 129, mihi.}.

XVI. 1 августа того же года [212] Урбан IV предоставил всем провинциалам доминиканцев Испании право назначать двух инквизиторов, смещать их, если ими останутся

Untitled

недовольны, и выбирать на их место других. 4 августа он прибавил к этому праву привилегию, состоящую в том, что инквизиторы не могут быть никем отлучаемы от Церкви или отрешаемы от священнослужения, кроме папы или по специальному апостолическому поручению, и что они могут освобождать друг друга взаимно от всякого рода отлучения {См. в числе бреве, приведенных у Эймерика.}. Бреве 28 июля было возобновлено папою Климентом IV [213] 2 октября 1265 года, как это можно видеть у Эймерика {С. 133 той же рубрики.}.

XVII. Инквизиторы Барселоны Педро Тоненес и Педро де Кадирета во время своего пребывания в этом городе судили Арно, виконта Кастельбона и Серданы [214], и его дочь Эрмензину, графиню Фуа, которая вышла замуж за графа Роже Бернара II. Приговором от 2 ноября 1269 года их присудили обоим - отца и дочь - к бесчестию, как умерших в ереси, и распорядились выкопать их кости из земли, если окажется возможным их распознать на месте общего погребения {Фр. Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Гл. 5.}. Они умерли оба до 1241 года, когда умер Роже, женившийся вторично и оставивший нескольких детей. До какого фанатизма надо дойти, чтобы начать и вести процесс против государей, уже давно умерших, несмотря на опасение, что в убежище мертвых нельзя найти следов их погребения! Но поведение инквизиторов было принято с одобрением и рассматривалось как следствие их ревности по вере. Между тем реальным побуждением была жажда мести, потому что доказано, что в 1237 году инквизиторы Тулузы велели Роже явиться к ним на суд в качестве

Untitled

обвиняемого в ереси. Роже не только отнесся с презрением к этому требованию, но приказал инквизиторам своего графства Фуа лично явиться к нему в качестве его вассалов и подданных. Этот властный поступок заставил непокорных инквизиторов отлучить графа от Церкви, а после его смерти они предали память его бесчестию. Этот акт мести не воспрепятствовал историкам дать Роже имя Великого, которое он сумел заслужить своими военными успехами и своими общественными и личными добродетелями. Инквизиторы Барселоны унаследовали дух инквизиторов Тулузы и Фуа {Искусство проверять даты. О графах Фуа и Форкальке.}. Монах Педро де Кадирета был побит камнями, и его считают в Урхельском округе мучеником {Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Гл. 5.}.

20 июля 1263 года брат Пабло Кристиано из ордена св. Доминика в присутствии короля Хаиме I вел диспут со знаменитым евреем Хероны, раввином Моисеем, а 12 апреля 1265 года с другим евреем того же города в присутствии епископа Арнольдо. Мы имеем сведения об этих двух происшествиях в письме короля от 29 августа того же года, адресованном всем евреям королевства, в котором он им приказывает уплатить издержки, сделанные братом Пабло во время его путешествия, за счет государственных податей, которые они должны внести в этом году, и быть спокойными относительно спора, который с ними вели об их книгах именно для того, чтобы дать им возможность узнать истину {Диего. История графов Барселоны. Ст. о короле Хаиме.}.

Untitled

XVIII. 27 января 1267 года папа Климент IV утвердил за провинциалом Испании дарованное его предшественником право назначать инквизиторов и дозволил в его отсутствии делать то же его наместнику. {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 12.}

Причина этого, без сомнения, заключалась в следующем: так как на четыре королевства Испании была только одна провинция доминиканцев, то, естественно, каждый государь обязывал провинциала иметь в его государстве наместника, способного быть его представителем в тех случаях, когда сам приор бывал обязан переезжать из одного королевства в другое.

XIX. Короли Арагона продолжали покровительствовать инквизиции, и Хаиме II [215] 22 апреля 1292 года объявил королевский указ, которым предписывалось всем еретикам, к какой бы секте они ни принадлежали, покинуть его владения, а всем судебным трибуналам - оказывать полную поддержку доминиканским монахам - апостолическим инквизиторам: сажать в тюрьму тех, на которых ими будет указано; исполнять приговоры, выносимые этими монахами; устранять все препятствия, которые могли бы повредить свободному исполнению их функций, и облегчать их путешествия, доставляя им лошадей и необходимые съестные припасы {Там же. Ч. I. Кн. 11. Гл. 11.}. Ненависть, которую в первый век инквизиции повсюду внушало ремесло инквизиторов, была причиной смерти множества монахов-доминиканцев и некоторых францисканцев. В хрониках этих двух орденов находятся их имена, название их родины и обозначение места и времени их насильственной смерти, которая им

Untitled

стяжала честь мученичества. Однако я замечу, что из них лишь св. Петр Веронский был канонизован папами после смерти, последовавшей в 1252 году, хотя брат Пенсе д'Эспира, отравленный в 1242 году, является объектом культа, принятого в каталонском Урхеле, точно так же, как и брат Педро де Кадирета, побитый камнями в 1277 году {Кастильо. История ордена св. Доминика. Т. I. Кн. 2. Гл. 28.}.

XX. Инквизиция не замедлила проникнуть также в На-варрское королевство, потому что известно, что 23 апреля 1238 года Григорий IX назначил там инквизиторами настоятеля францисканского монастыря Памплоны и брата Педро де Леодегария, доминиканского монаха {Парома О происхождении святой инквизиции. Кн. 2. Отд. II. Гл. 2.}.

XXI. Как кажется, папа вознамерился ввести инквизицию в Кастилию посредством бреше, выпущенного в 1236 году и адресованного епископу Паленсии {Реестр писем Григория IX. Кн. 10. Письмо 182; Райнальди. Церковная летопись, продолжение Барония под 1233 годом. N 59.}. Дом Лука из Туи сообщает, что св. Фердинанд III носил лично дрова, назначенные для сожжения еретиков {Дом Лука из Туи. Всемирная летопись, о св. Фердинанде; Пульгар. История Паленсии. Т. II. Кн. 2, у дона Тельо.}. До такой степени общий дух этого века извратил наиболее чистые евангельские мысли у людей выдающегося благочестия, каковы святые короли Фердинанд кастильский и Людовик IX французский. Эти государи, являвшиеся честью трона и религии, повелевали эти поступки, увлекаемые избытком своей добродетели и горячею ревностью по вере.

XXII. Мы не знаем ничего верного о происходившем тогда в

Untitled

Португалии; по-видимому, в течение XIII века там не было постоянной инквизиции, кроме епархий Таррагоны, Барселоны, Урхеля, Лериды и Хероны, которые были смежны с Южной Францией, где это учреждение было во всей своей силе.

Статья вторая Успехи прежней испанской инквизиции в течение XIV века

I. Когда доминиканские монастыри в Испании размножились, главный капитул ордена издал в 1301 году указ о разделении их на две провинции: первая в честь имени и загробной памяти будет называться Испанской провинцией и будет заключать Кастилию и Португалию; вторая получит название Арагонской и будет составлена из королевств Валенсия, Каталония, Руссильон [216], Серданья, Майорка, Минорка [217] и Ивиса [218]. Эрнандо де Кастильо говорит, что наименование Испании было дано преимущественно Кастилии из уважения к памяти святого первоначальника инквизиции Доминика де Гусмана, родившегося в Калеруэге, в епархии Осмы в Кастилии. Этот автор не говорит, к какой провинции принадлежала Наварра; но мы узнаем от Монтэйро, что она зависела от Арагонской провинции. {Кастильо. История ордена св. Доминика. Ч. II Гл. 2; Монтэйро. Ч. I. Кн. 2. Гл. 23.}

II. Небесполезно было решить, какой из двух провинций будет принадлежать имя и достоинство Испанской провинции, потому что обозначившийся этим именем провинциал до того времени обладал множеством апостолических и королевских привилегий, и надо было знать, на чью долю выпадет это могущество. Одним из

Untitled

этих прав была власть испанского провинциала назначать монахов своего ордена на должность инквизиторов. Этой должности настойчиво домогались, несмотря на множество инквизиторов, убитых при исполнении своих обязанностей, так как эта опасность компенсировалась очень широкой властью, которою они пользовались, тем уважением, которым они были окружены, а также теми привилегиями, которые были присвоены их должности, и тем вниманием, которое оказывали их личности государи, епископы и должностные лица. Такое отношение к ним было основано на многих папских бреве и некоторых королевских указах, опубликованных Эймериком и Франсиско Пеньей, его комментатором.

III. Таким образом, право назначать апостолических инквизиторов, которые должны быть отправляемы в провинции, было присвоено или, вернее, сохранено именно за провинциалом доминиканцев Кастилии, которому было дано имя провинциала Испании. Тем не менее провинциал Арагона также претендовал на право назначения инквизиторов в города своей провинции; надо признать, что его претензия имела основание, потому что бреве папы Иннокентия IV от 9 июня 1246 года, о котором я говорил в предыдущей статье, даровав генералу ордена доминиканцев власть назначать инквизиторов, удалять и даже устранять тех, которые назначены папой, прибавляет, что то же право принадлежит провинциалам и что они могут пользоваться им в своих провинциях.

IV. В 1302 году брат Бернардо был инквизитором Арагонской провинции; он был назначен братом Ромео Алеманом, последним провинциалом всей Испании. В 1267

Untitled

году папа Климент IV объявил, что должность инквизитора не прекращается со смертью того, кто его назначил {См.: гл. 10 О еретиках шестой книге декреталий.}, вследствие чего Бернардо в этом году справил несколько аутодафе, приведя к примирению с церковью многих еретиков и передав других в руки светского правосудия {Фонтана. Доминиканские документы. Гл. II.}.

V. В 1304 году монах Доминго Перегрино, инквизитор Арагона и Валенсии, приказал устроить другое аутодафе; опираясь на власть короля Хаиме II, он изгнал из владений этого государя тех, которых не счел удобным предать в руки светского правосудия {Там же. Гл. 12; Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1.}.

VI. В 1308 году папа Климент V [219] предписал арагонскому королю и инквизиторам-доминиканцам арестовать как заподозренных в ереси рыцарей-тамплиеров этого королевства, которые до того не подвергались преследованию; завладеть их имуществом и удержать его в пользу святого престола. В силу этого брат Хуан Лотеро, главный инквизитор Арагона, и брат Гильерме, духовник короля, 3 декабря того же года решили собрать тамплиеров в монастыре Валенсии для рассмотрения их веры и поведения {См. двух авторов, цитированных выше.}.

VII. Занялись также и в Кастилии розыском тамплиеров согласно распоряжениям, данным архиепископами Толедо и Сант-Яго [220] и братом Эймериком, монахом ордена св. Доминика. Эта мера была указана Климентом V, который 31 июля 1308 года дал им на этот предмет особое

Untitled

поручение, как это утверждает в своих исторических рассуждениях о тамплиерах граф Кампоманес, хотя Парамо и другие авторы писали, что инквизиторы не принимали в этом деле никакого участия.

VIII. 30 декабря 1308 года тот же папа писал португальскому королю, предлагая ему принять по отношению к тамплиерам те же меры, если в его владениях имеются такие рыцари, которые еще не арестованы {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 16.}.

IX. В 1314 году в Арагонском королевстве открыли других еретиков; брат Бернардо Пуигсеркос, главный инквизитор этого королевства, присудил многих из них к изгнанию, а прочие были сожжены {Фонтана. Доминиканские документы. Гл. 13; Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1.}. Между тем он примирил с церковью ересиарха брата Бонато, а также некоего Педро д'Олерио, учившего ереси, и, кроме того, множество соблазненных ими лиц, которые потом отреклись от ереси {Там же. Ч. 2. Гл.1 Диего. Кн. 1.}.

X. Брат Арнольдо Бургете, исполнявший должность главного инквизитора в королевстве, приказал арестовать и предать королевскому правосудию для сожжения как вновь впавшего в ересь Педро Дурандо де Бальдах; эта казнь происходила в присутствии короля Хаиме, его двух сыновей и двух епископов 12 июля 1325 года {Фонтана и Диего, в тех же местах.}.

XI. В 1334 году главный инквизитор брат Гильерме де Коста велел осудить и предать сожжению вновь впавшего в ересь несчастного брата Бонато и примирил с Церковью

Untitled

большое число тех, которые, по его мнению, были соращены этим монахом {Фонтана. Доминиканские документы. Ч. 2. Гл. 3; Диего, в указ, месте.}.

XII. В 1350 году брат Николас Росельи (достигший впоследствии звания кардинала) был главным инквизитором Арагона. Он осведомил папу о распространявшейся вредной доктрине относительно реального присутствия тела Христова в причастии и добился ее осуждения. Он обнаружил в Валенсии нескольких еретиков, называемых бегардами [221], имевших во главе Иакова Юста. Росельи приказал их судить и справил аутодафе, где эти еретики были примирены с Церковью. Иаков был приговорен к вечному заключению; в силу этого суда вырыли из земли для предания их пламени кости трех еретиков, которые умерли нераскаянными и упорствующими {Там же. Гл. 7 и 8.}.

XIII. По-видимому, провинциалы Кастилии с неудовольствием смотрели на назначение инквизиторов провинциалом Арагона, потому что последний жаловался Клименту VI [222], который 10 апреля 1351 года направил к Росельи бреве, коим он утверждал навсегда за провинциалами Арагона право делать в их провинции все то, что делал провинциал всей Испании до разделения ее территории относительно назначения инквизиторов и всего, что из этого вытекало {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. 1. Кн. 2. Гл. 14.}.

XIV. В 1352 году Росельи обнаружил в Каталонии несколько еретиков и приказал казнить их {Фонтана. Ч. 2 Гл. 8; Диего. Кн. 1.}.

XV. В 1356 году инквизиторы брат Николай Эймерик и брат

Untitled

Хуан Гомир арестовали и присудили к разным епитимьям многих жителей Арагона и Валенсии; второй приказал казнить знаменитого еретика из города Эмпуриаса [223] по имени Раймонд Кастельи.

XVI. В том же году Росельи был возведен в достоинство кардинала, и Иннокентий VI [224] сделал его преемником брата Николая Эймерика, который вскоре допустил к примирению с Церковью калабрийского еретика по имени Николай, наложив на него епитимью пожизненного ношения санбенито; обнаружив вскоре, что его отречение от ереси было лишь притворно, он велел 30 мая 1357 года сжечь его живьем, после снятия сана {Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1.}.

XVII. В 1359 году Бартоломео Генуэзец проповедовал и писал, что в 1360 году, в Пятидесятницу, появится Антихрист, что совершение церковных таинств прекратится, что католическое вероисповедание прервется и что те, кто присоединится к этому врагу Бога, больше не могут ни обратиться, ни надеяться на прощение. Ввиду того, что его учение соблазнило множество лиц, он был арестован, раскаялся и был примирен с Церковью Эймериком, который приказал сжечь все его книги {Там же. N 4}.

XVIII. Брат Бернардо Эрменголо, инквизитор Валенсии, устроил в 1360 году аутодафе в этом городе. Он разобрал очень большое количество процессов. Многие обвиняемые были примирены с церковью, выполнив назначенные им епитимьи. Большое число других было изгнано из королевства, а некоторые преданы в руки светского

Untitled

правосудия, которое приказало их сжечь. {Фонтана. Доминиканские документы. Ч. 2. Гл. 8; Диего. Там же. Кн. I.}

XIX. Главный инквизитор Николай Эймерик составил сочинение под заглавием Руководство для инквизиторов ("Directorium inquisitorum"), для пользования членов первой инквизиции. Он соединил в одном томе гражданские законы Кодекса Юстиниана, касающиеся еретиков, и все папские повеления из свода канонического права, помещенные в Сексте [225], в Клементинах [226] и в Экстравагантах [227] всех разрядов, с толкованиями, которые были опубликованы до того времени. В этом руководстве он с достаточной ясностью разбирает все возникавшие вопросы о способе суда и наказания еретиков и кончает свою книгу примерами тех случаев, которые могут представиться инквизиции. В 1578 году это сочинение попечением Франсиско Пеньи было переиздано с комментариями и посвящено папе Григорию XIII [228]. В 1587 году появилось новое издание его в самом Риме.

XX. В вопросе 46 второй части этого сочинения (где идет дело о том, могут ли подвергаться суду инквизиции не получившие крещения) автор рассказывает, что епископ Барселоны и он сам заключили в тюрьму святой инквизиции одного иудействующего, по имени Астручо де Пиера, за то, что тот, желая оправдаться в совершении особого культа демонам и в вызывании их, утверждал, что и то и другое принадлежит им не меньше, чем самому Богу. Когда светская власть хотела воспротивиться этому посягательству инквизиторов и освободить узника, он был путем секвестра передан в руки епископа Лериды. На

Untitled

запрос об этом папа Григорий XI [229], через кардиналов Гвидо, епископа Порто, и Эгидия, епископа Тускулума [230], приказал 10 апреля 1371 года епископу Лериды передать заключенного в распоряжение епископа Барселоны и инквизитора. Означенные лица примирили с Церковью виновного, который произнес отречение от ереси 1 января 1372 года в Барселонском соборе и был тотчас же присужден к вечному заточению.

XXI. Эймерик в течение всей своей жизни исполнял должность главного инквизитора королевств арагонской короны. В качестве доминиканского провинциала он назначил особых инквизиторов в Арагон, Каталонию, Валенсию, Майорку и графства Руссильон и Серданью. В его Руководстве для инквизиторов находятся наибольшие подробности относительно судебных приговоров, произнесенных им самим или другими арагонскими инквизиторами.

XXII. Мы не знаем, пользовался ли своим правом главного инквизитора и назначал ли особых инквизиторов провинциал Кастилии, которому было дано звание провинциала Испании, потому что мы не нашли ни одного самого незначительного исторического документа, который доказывал бы, что эти провинциалы использовали полномочия, которыми, они должны были обладать в силу бреве Иннокентия IV и его преемников. Быть может, им было нечего делать в кастильских государствах, так как туда ересь не проникала, или потому, что, если время от времени обнаруживали какого-либо еретика, его судили епископы по указаниям канонического права, а государи не считали для этого необходимым прибегать к

Untitled

доминиканским монахам.

XXIII. Одной из вероятных причин такого бездействия кастильских провинциалов было то случайное обстоятельство, что в течение XIV века на место провинциалов призывалось большое число португальцев; действительно, в числе их мы встречаем брата Лопе из Лиссабона [231], брата Эстевана, брата Лоренсо, брата Гонсало де Кальсаду и брата Висенте. В истории Португалии не находится ни одного акта инквизиторской юрисдикции, совершенного провинциалами в этом королевстве. По-видимому, наоборот, они от нее отказались, потому что папа Григорий XI отправил 17 января 1376 года бреве Агапиту, епископу Лиссабона, в котором он поручает ему, за недостатком инквизитора, назначить, только на этот раз, для исполнения его обязанностей монаха из ордена миноритов [232] св. Франциска Ассизского. Другим бреве от того же дня он жалует этому уполномоченному ежегодную пенсию в двести золотых флоринов из доходов епархий Браги, Лиссабона и нескольких других епархий королевства. Епископ Агапит во исполнение папского приказа назначил брата Мартина Веласкеса {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл.35.}.

XXIV. Когда папа Григорий XI умер 27 марта 1378 года, римляне 8 апреля того же года выбрали в преемники ему Урбана VI [233], но несколько кардиналов собрались вне Рима и 20 сентября избрали другого папу, под именем Климента VII [234]. Это было началом великой западной схизмы, продолжавшейся до избрания Мартина V [235] на Вселенском Констанцском соборе [236] 11 ноября 1417

Untitled

года или, согласно другим, до 1429 года, когда дом Хиль Муньос, каноник Барселоны (которого избрали папой под именем Климента VIII [237], отказался от папства. Этот переворот должен был повлиять на положение инквизиции, как и на другие стороны церковной дисциплины. Кастилия признала Климента VII, а Португалия Урбана VI. Орден доминиканцев также разделился: монахи, жившие в монастырях провинций, признававших Урбана, имели одного генерала, а те, которые повиновались Клименту, другого. По этой причине португальские доминиканцы, стоявшие за Урбана, избрали генерального викария, юрисдикцию которого они признали, чтобы освободиться от юрисдикции их кастильского провинциала.

XXV. Урбан VI умер 15 октября 1389 года, и его партия 4 ноября того же года избрала Бонифация IX [238]. Узнав, что в Португалии нет апостолического инквизитора, Бонифаций IX назначил 4 ноября 1394 года на эту должность брата Родриго из Синтры, францисканского монаха, духовника короля Хуана I { Там же. Гл. 37.} [239]. 2 декабря того же года он дал полномочия инквизитора королевств Португалия и Альгарвия [240] брату Висенте из Лиссабона, доминиканскому монаху, который должен был исполнять должность инквизитора до тех пор, пока это будет угодно папе; его назначение не сопровождалось ущербом привилегиям, дарованным его ордену и инквизиторам. Наконец 14 июля 1401 года он назначил его главным инквизитором Испании {Там же. Гл. 35.}, без сомнения, чтобы в нем иметь лицо по своему выбору для всех стран королевства, которые его признали, точно так же, как имелся один главный инквизитор для Кастилии,

Untitled

Арагона и Наварры, подчиненных тогда Бенедикту XIII²⁴¹, избранному папой в 1393 году, после смерти Климента VII. Таково было положение инквизиции в Испании к концу XIV века.

Статья третья Состояние прежней испанской инквизиции в течении XV века

I. Неизвестно, существовала ли в начале XV века инквизиция в Кастилии. В самом деле, хотя Бонифаций IX 14 июля 1401 года назначил брата Висенте из Лиссабона главным инквизитором Испанской провинции, а по смерти его своим бреве от 1 февраля 1402 года поручил обязанности главных инквизиторов провинциалам-доминиканцам Испанской провинции, власть его не признавалась в королевствах Кастилии, подчиненных тогда Бенедикту XIII [241], которого после Констанцского собора не называли иначе, как антипапой Педро де Луноу. Возможно, что, будучи сам арагонцем и видя, что в его стране инквизиция находится в силе, он хотел, чтобы провинциал доминиканцев Кастилии пользовался полномочиями, предоставленными ему бреве Иннокентия IV, если даже и не считал удобным их возобновить {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 36.}.

II. В 1406 году надо было разобрать дело, в котором ризничий прихода Св. Факунда в Сеговии был замешан в дело евреев этого города по случаю похищения освященной гостии [242]. Историю этого дела можно прочесть у Кольменареса {Кольменарес. История Сеговии. Гл. 28.}. Парамо утверждает, что епископ дом Хуан де Тордесильяс единолично приказал преследовать

Untitled

виновных, получив о том приказ короля Энрико III [243]; но Кольменарес вводит в этот процесс приора [244] доминиканского монастыря Св. Креста в этом городе; он прибавляет, что этот монах получил от еврея чудотворную гостию и осведомил об этом епископа. Видя, что этот еврей обращается к приору, и вспоминая, что доминиканские монахи считались инквизиторами во всем христианском мире, можно думать, что евреи Сеговии признавали инквизитора в лице приора.

III. Булла Бонифация IX от 1402 года не оказала почти никакого действия в Португалии, потому что доминиканские монахи этого королевства во все время схизмы не имели никаких сношений с кастильским провинциалом, будучи подчинены генеральному викарию. Быть может, по этой причине Иоанн XXIII [245] (признанный в этих провинциях) на третий год своего первосвященничества, 1 июня 1412 года, отправил бреве, которым он назначал брата Альфонсо д'Афраона, монаха-францисканца, на должность инквизитора королевств Португалия и Альгарвия, но с оговоркою, что это распоряжение не должно причинить никакого ущерба правам тех монахов, которые были инквизиторами {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 37.}.

IV. Город Перпиньян был резиденцией одной из провинциальных инквизиций королевства Арагона, юрисдикция которого распространялась на графства Руссильон и Сер-данью и на три Балеарских острова - Майорку, Минорку и Ивису. Бенедикт XIII (который был признан в этой части Испании) счел целесообразным

Untitled

внести реформу в это положение вещей. Он разделил эту провинцию, создал особую инквизицию для трех островов и назначил первым инквизитором Майорки брата Гильерме Сегарру, оставив во главе инквизиции Руссильона брата Бернара Паже {Парома. О происхождении святой инквизиции. Кн. 2. Гл. 8.}. Эти два инквизитора, которые были доминиканцами, справили несколько аутодафе, допустили к примирению с Церковью многих обвиняемых и предали довольно большое количество лиц в руки светской власти, которая приговорила их к сожжению {Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1.}.

V. Избрание Констанцским собором Мартина V (происшедшее 11 ноября 1417 года) положило конец великой западной схизме. Португальские монахи должны были подчиниться власти провинциала Испанской провинции, которым тогда был монах их национальности, по имени брат Хуан де Сант-Юст. Но доминиканцы, бывшие на Констанц-ском соборе, убедили папу, что юрисдикция Сант-Юста слишком обширна; это побудило верховного первосвященника бреве от 5 февраля 1418 года определить, чтобы Испанская провинция была разделена на три провинции. Первая из них, под названием провинции Испания, включала Кастилию, Толедо, Мурсию, Эстремадуру, Андалусию [246] и Бискайю [247] с Сантильянской Астурией [248]. Вторая, провинция Сант-Яго, была составлена из королевств Леон, Галисия [249] и Овиедской Астурии [250]. Третья провинция, или Португалия, простиралась на ее королевство и на все земли, подчиненные законам ее государя {См. копию этого

Untitled

брене у Монтэйро. Ч. Г. Кн. 2. Гл. 38.}.

VI. С этого времени португальские провинциалы стали главными инквизиторами королевства и имели право назначать особых инквизиторов в свои провинции, в силу брене Иннокентия VI [251]. Впрочем, по-видимому, они на это получили особое разрешение, подобное тому, которое было направлено арагонским провинциалам, когда они отделялись от кастильской короны {Там же и гл. 39}.

VII. Король Арагона Альфонс V [252], видя, что Каталония, Руссильон и Майорка имеют провинциальные инквизиции, счел малочетным для королевства Валенсии не иметь своей. Если таково было мнение о сущности инквизиции столь мудрого короля, каким был Альфонс, то что думать о происшедшей в умах революции? Мартин V, в удовлетворение желания этого государя, 27 марта 1420 года отправил буллу, которою предписывалось провинциалу Арагона учредить, в силу данных ему полномочий, провинциальную инквизицию в городе Валенсии, а не довольствоваться посылкой туда комиссаров, как это делали его предшественники и он сам.

VIII. Провинциал исполнил папское приказание и назначил первым инквизитором брата Андрея Роса, который начал свою деятельность преследованием нескольких мавров и евреев, пытавшихся совратить христиан. Преемником его был брат Доминго Корте в 1425 году, а после него брат Антонио из Кремоны, духовник королевы. В то время как эти три инквизитора стояли во главе инквизиции, они покарали множество жителей, принявших учение вальденсов. То же, по-видимому, произошло на острове Майорка во время управления брата Педро Мурта, который

Untitled

заступил место брата Бернара Паже {Монтэйро, История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 30.}.

IX. В 1434 году в Мадриде умер знаменитый дон Энрико Арагонский, граф де Тинео, маркиз де Вильена. Так как его образованность ставила его выше современников, то он приобрел репутацию некроманта [253]. Король Кастилии Хуан II [254] (который не менее своих подданных был предубежден против маркиза де Вильены) приказал брату Лопе де Барриентосу, доминиканскому монаху, преподавателю его сына, принца Астурийского [255], разыскать книги маркиза и сжечь их, что в действительности и произошло, но не в такой полноте, чтобы некоторые из них, по признанию самого монаха комиссара, не ускользнули от проскрипции {См. заметки дона Висенте Ногары, сделанные на полях Истории Испании, соч. Марианы, изд. в Валенсии. Т. VII. Кн. 20. Гл. 6.}.

X. Писатели приводили этот факт, чтобы установить, что тогда не было еще в Кастилии инквизиции, и они полагали, что это дело было проведено епископом Куэнсы {Парома. О происхождении святой инквизиции. Кн. 2. Отд. II. Гл. 1.}. Это обстоятельство, вместо доказательства их мнения, совершенно ему противоречит: брат Лопе не был тогда еще епископом Куэнсы и стал им лишь гораздо позже. В 1438 году он был назначен на епископскую кафедру Сеговии; в 1442 году он перешел в Авилу [256], обменявшись местом с кардиналом домом Педро Сервантесом, и только в 1444 году по смерти дома Альваро д'Исориа" {Кольменарес. История Сеювии. Гл. 30; Хуан Мартир Риссо. История Куэнсы. Гл. 9.} он занял

Untitled

епархию Куэнсы. Итак, брат Лопе был лишь доминиканским монахом, когда король поручил ему разыскать книги Энрико Арагонского, и можно думать, что он был послан в качестве инквизитора провинциалом Кастилии или Испании. Может быть, в одном месте толкования на Паралипоменоны, составленного Альфонсом Тостадо, епископом Авилы, идет речь именно о брате Лопе и других доминиканцах, когда он говорит: "В настоящее время между нами находятся инквизиторы, посланные для преследования ереси и старающиеся обнаружить виновных" {Л'Абуленсе. Т. VIII его сочинений. - Книги Паралипоменон. Гл. 17. Вопр. 14.}. Во всяком случае, это положение означает, что при жизни этого автора в Кастилии были инквизиторы.

XI. Инквизитором Арагона в 1441 году был брат Мигуэль Феррис, а инквизитором Валенсии брат Мартин Трильес. Мы знаем, что они, каждый в своей провинции, примирили с церковью некоторых сторонников заблуждения Виклефа [257] и передали огромное количество их в руки светской власти, приказавшей сжечь их {Диего. История ордена проповедников или доминиканцев в провинции Арагон. Кн. 1; Фернандес. Проповеднические состязания. 1440.}.

XII. В 1442 году секта бегардов сделала некоторые успехи в Дуранго, в Бискайе, в епархии Калаоры. Обвиняли брата Альфонсо Мелью в том, что он перешел в эту секту и защищал ее; это был монах-францисканец, брат епископа Саморы [258], дом Хуана де Мелья, который был впоследствии кардиналом. Узнав об успехах, которыми пользовались еретики, король Кастилии Хуан II послал из Вальядолида в Бискайю Франсиско де Сория и своего

Untitled

советника дома Хуана Альфонса Черино, аббата монастыря Королевская Алькала, чтобы удостовериться в положении вещей. Мелья, бывший главным вождем еретиков, бежал с несколькими женщинами в королевство Гранаду [259] и окончил свои дни в нищете среди мавров. Из еретиков очень многие были арестованы; одни были сожжены в Вальядолиде, а другие в Сан-Доминго-де-Кальсада {Хроника дона Хуана II, под 1442 годом. Гл.6; Мариана. История Испании, с примечаниями в валенсийском издании. Т. VII. Кн. 21. Гл. 17.}.

XIII. Это событие заставило также предполагать, что в Кастилии в то время еще не было инквизиции; но мнение это необоснованно, потому что нам неизвестно, не был ли брат Франсиско де Сориа доминиканским инквизитором. Помимо того, что хроника Хуана II не сообщает никаких подробностей об этом событии, правдоподобно, что король, осведомившись о деле, поручил епископу Калаоры и Кальсады преследование еретиков как относящееся по праву к его юрисдикции. В результате этой судебной процедуры обвиняемые были отправлены в город Сан-Доминго, который был ближе к Дуранго, чем Калаора. Я отмечу, что, вероятно, из желания вознаградить рвение, показанное в этом деле епископом домом Диего де Суньигой, братом герцога Пласенсии, король назначил его архиепископом Толедо по смерти дома Хуана де Сересуэлы, единоутробного брата коннетабля [260] дона Альваро де Луны. Дом Диего не занял епископской кафедры в Толедо, потому что он умер в 1444 году. Если бы, ввиду того, что не было никакого вопроса об

Untitled

инквизиторах, позволительно было из этого заключить, что их не было тогда в Кастилии, тогда следовало бы вывести отсюда и другое заключение, что епископ не вмешивался в это дело, что, конечно, неправдоподобно, потому что расследование этих дел ему принадлежало по праву и более специально, чем кому-либо другому.

XIV. В 1452 году брат Кривовал Гальвес был арагонским инквизитором; он продолжал исполнять свои обязанности до времен новой инквизиции. Так как Сикст IV [261] был недоволен им, он должен был покинуть свой пост, как мы увидим это далее.

XV. Брат Мигуэль Юст стоял во главе инквизиции Валенсии. Историки ордена св. Доминика уверяют, что он очистил это королевство от яда ереси; между тем мы видим, что он имел преемника в лице брата Арнольдо Коиро, который в 1454 году примирил с церковью нескольких иудействующих еретиков { Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кн. 2. Гл. 32.}.

XVI. В 1460 году брат Альфонсо Эспина, францисканский монах, составил книгу, озаглавленную "Fortalicium fidei" (Укрепление веры), в которой находят самое положительное доказательство, что в его время в Кастильском королевстве не было уполномоченных папой инквизиторов, потому что, обращаясь к королю Энрико IV [262], он жалуется на бедствия, испытываемые религией вследствие отсутствия защищающих ее инквизиторов, и прибавляет, что она подвергается оскорблениям со стороны евреев и еретиков, не имеющих никакого страха ни в отношении королей, ни священников.

XVII. Этот монах (которого воодушевляло самое горячее

Untitled

рвение ко всему, что было важно для религии) сам предлагал себя многим епископам для розыска и преследования еретиков от их имени, и его услуги были приняты в некоторых епархиях {Парома. О происхождении святой инквизиции. Кн. 2. Отд. II. Гл. 2.}. Историки ордена св. Доминика говорят, что немного спустя, при папе Павле II [263], брат Антонио Риччо, провинциал Кастильского королевства, был назначен инквизитором этой страны и исполнял эту должность в течение семи лет {Фернандес. Проповеднический состязания. 1460; Фонтана. Teatro Domini. с. 583. (Ссылка у Монтэйро. Ч. I. Кн. 2. Гл. 40).}. XVIII. Наиболее достоверно, что, когда Педро из Осмы был преследуем за богословские заблуждения, допущенные им в своих сочинениях, его осудил архиепископ Толедо дом Альфонсо Каррильо, который запросил мнение пятидесяти двух богословов, собранных им в 1479 году в Алькала-де-Энаресе [264]. В силу этого приговора Педро отрекся от всех заблуждений, замеченных в его книгах. Их было восемь; осуждение, произнесенное архиепископом, было подтверждено папой. В этом деле не видно, чтобы появлялся какой-либо инквизитор; {Агирре. Собрание испанских соборов. Т. V, под 1479 годом.} вероятно, его и не было. Заставляет это предполагать еще и то, что, когда папа в 1474 году поручил генералу доминиканцев назначить инквизиторов для всех областей, тот послал в Арагон брата Хуана Франко, в Каталонию брата Франсиско Видаля, в Валенсию брата Хаиме, на Майорку брата Николая Мерулу, духовника арагонского короля, в Руссильон брата Матиаса из Валенсии, в Барселону брата Хуана и в Наваррское королевство (где царствовал тогда

Untitled

гонский король Хуан II [265]) доминиканца, известного в истории также под именем брата Хуана; но не видно, чтобы кто-нибудь был назначен в Кастилию {Монтэйро. История португальской инквизиции. Ч. I. Кв. 2. Гл. 31.}.

XIX. Таково было состояние испанской инквизиции в 1474 году, когда Изабелла I [266], супруга Фердинанда V [267] Арагонского, короля Сицилии, по смерти своего брата Энрико IV вступила на кастильский трон. Когда царствовавший в Арагонии Хуан II умер, сын его Фердинанд соединил в 1479 году эту корону с короной Сицилии; вскоре он присоединил к Кастилии королевство Гранада, отвоеванное им в 1492 году у мавров, и, наконец, отнятую у Жана д'Альбре [268] Наварру, которая была обеспечена за ним вследствие капитуляции жителей. Таким образом своей дочери Хуанне [269] он оставил во владение всю Испанию, за исключением Португалии.

Глава IV Об управлении прежней инквизиции

Статья первая Преступления, расследование коих она предпринимала

i. Хотя папы, учреждая инквизицию, предполагали только розыск и наказание за преступление ереси [270] (причем отступничество от веры рассматривалось как частный случай), однако с самого ее начала инквизиторам рекомендовалось старательно преследовать христиан просто подозреваемых, потому что это было единственным средством, которое могло привести к открытию настоящих еретиков. Плохая репутация в этом отношении служила достаточным прецедентом для обоснования дознания и обыкновенно давала повод к доносам; вовсе не являясь уликой проступка, она устанавливала лишь простое

Untitled

подозрение. Это подозрение вытекало из действий или слов, указывавших на вредные убеждения и ошибочные мнения насчет католических догматов; оно допускалось лишь в том случае, когда преступное поведение и разговоры были вполне доказаны. Преступления, не имеющие никакого отношения к верованию, не могли сделать совершителей их подозреваемыми в ереси, и расследование этих преступлений принадлежало по праву светским судьям. Однако в числе этих преступлений были такие, о которых папы думали, что нельзя в них быть виновными без проникновения вредных учений; поэтому, хотя светские судьи преследовали совершителей их согласно обыкновенным законам, инквизиторам было вменено в обязанность рассматривать этих обвиняемых как заподозренных в ереси и действовать против них, чтобы удостовериться, совершили ли они эти преступления по свойственной человеку склонности ко злу или потому, что они не считали этих деяний преступными. Последнее обстоятельство позволяло думать, что они заблуждались в догматах. К этому разряду проступков принадлежит род богохульств, известных под именем еретических. Они произносились против Бога и его святых, что указывало у виновных на ошибочное представление о всемогуществе Божиим или о каком-либо другом свойстве божества. А это давало повод к подозрению в ереси, хотя бы эти богохульства и были произнесены в запальчивости, во время спора или в опьянении, потому что инквизиторы могли смотреть на них как на доказательство того, что привычные убеждения богохульников были противны вере {Эймерик. Руководство

Untitled

для инквизиторов. Ч. II. Вопр. 1.}.

II. Вторым родом проступков, вызывавших подозрение в ереси, были колдовство и ворожба. Эймерик признает, что эти проступки всецело принадлежат компетенции светского суда, когда виновные стараются открыть будущее простыми, естественными средствами, как, например, посредством чтения линий на ладонях рук или чего-нибудь в этом роде; но он прибавляет, на основании апостольских правил, что всякий гадатель и всякий человек, предающийся колдовству, становится подозреваемым в ереси и должен быть караем инквизицией как еретик, когда он для прорицания будущего совершает крещение умершего, вновь крестит ребенка, употребляет святую воду от таинства крещения, святое миро от таинства миропомазания, масло от оглашения [271] или масло от соборования [272], освященные гостии, пелены и священные богослужебные сосуды или другие предметы, что доказывает его пренебрежение к ним или злоупотребление таинствами, религиозными тайнами и обрядами.

III. То же подозрение тяготело над лицами, обращавшимися в своей суеверной деятельности к демонам или употреблявшими какую-либо другую процедуру в этом роде для целей, о которых идет речь {Там же. Вопр. 52.}. По мере возрастания в Европе просвещения мы видим исчезновение глупой доверчивости к этим и тому подобным суеверным средствам, употребляемым для отгадывания будущего. Но ввиду того, что в средние века этого рода преступления были очень обыкновенны, сочли важным для политики римской курии

Untitled

подчинить их ее юрисдикции.

IV. Третьим родом проступков, влекших за собою подозрение в ереси, было вызывание демонов. Это преступление может быть совершаемо при тех же обстоятельствах, как и богохульство, потому что люди призывают злых духов в гневе, запальчивости, буйстве, ярости или скуке, и это в силу частого употребления становится привычкой, конечно, преступной, но не имеющей ни малейшего отношения к ереси. В XIII и последующих веках ложные мнения (возникшие в эпоху, когда не было здоровой критики) сделали очень обыкновенным преступление вызывания демонов, от которых надеялись получить милости. Николай Эймерик во всех своих сочинениях кажется добросовестным писателем, и, когда он рассказывает факты, которые для него являются необыкновенными, на него можно положиться. Он сообщает нам, что в бытность свою инквизитором он достал и затем сжег по прочтении две книги о вызывании демонов, одну под заглавием Ключ Соломона и другую - Сокровище некромантии. И в той и в другой шла речь о могуществе демонов (причем оно было изображено очень широким), о культе, который им следует воздавать, и о молитвах, с которыми к ним обращаться для получения их покровительства. Верившие учению этих книг имели обыкновение, когда хотели взаимно связать себя относительно чего-либо клятвою, клясться на словах книги Ключ Соломона, как это делают христиане, клянясь на Евангелии.

Тот же автор прибавляет, что в его время в Каталонии было очень много процессов о преступлении вызывания

Untitled

демонов и что многие обвиняемые доходили то того, что воздавали сатане поклонение [273] со всеми знаками, обрядами и словами, которыми католики сопровождают свое обращение к самому Богу, потому что они почитали сатану божеством, враждебным Богу и облеченным могуществом, равным или даже большим, чем могущество Бога {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Ч. II. Вопр. 43.}. Другие верили лишь в то, что злые духи равны добрым ангелам и христианским святым, и поэтому воздавали им почитание [274]. Среди злых духов они различали их главу, Люцифера, которого считали самым могущественным. Существовал также и третий сорт людей, преданных тому же культу; они прибегали к помощи заклинаний для вызывания теней, подобно Саулу, прибегшему к помощи волшебницы для вызова тени Самуила {Там же.} [275]. Благодаря прогрессу просвещения человеческий ум может не бояться возвращения подобных сумасбродств.

V. Существовал четвертый род преступлений, дававший повод к заподозрению в ереси: это был тот случай, когда отлученный от Церкви пребывал год или дольше без ходатайства о снятии отлучения, не исполняя при этом наложенной на него епитимьи. Папы уверяли, что ни один безупречный в вере католик не может жить под тяжестью церковного наказания с таким равнодушием, и, соединив такого рода пренебрежение с подозрением в ереси, приказали инквизиторам считать еретиком каждого, кто пропустит год без просьбы о снятии отлучения {Там же. Вопр. 47.}."

VI. Схизма [276] была пятым поводом к подозрению в

Untitled

ереси. Она может существовать без этого подозрения или же сопровождать его. К первому разряду принадлежат схизматики, признающие все догматы веры, но отрицающие долг послушания римскому епископу как видимому главе Церкви и наместнику Иисуса Христа на земле. Второй состоит из тех, кто думает подобно этим схизматикам и, кроме того, отказывается верить в какой-либо один из установленных догматов. Таковы греки, которые верят в исхождение Святого Духа не от Отца и Сына, а только от одного Отца [277]. Инквизиция должна поступать сурово с первыми, потому что они находятся на подозрении в исповедании дурных чувств к главе Церкви и определенно враждебны к чистоте догмата {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Ч. II. Вопр. 48.}.

VII. Инквизиция должна была также действовать против укрывателей, пособников и приверженцев еретиков как оскорбляющих католическую Церковь и разжигающих ереси; это делало их подозрительными в смысле исповедания осужденных и противных догмату мнений, если только они не выставят мотивов, оправдывающих их поведение, и таким образом не уничтожат тяготеющее над ними подозрение {Там же. Вопр. 50 - 53.}. Седьмой разряд подозреваемых состоял из противодействовавших инквизиции или мешавших инквизиторам исполнять их обязанности. Расследование этого проступка было предоставлено папами трибуналу инквизиции, потому что они предполагали, что нельзя быть хорошим католиком и в то же время ставить препятствия распознаванию истины касательно религиозных верований подданных государя, который не позволял ни одному еретiku оставаться в

Untitled

пределах своих владений {Там же. Ч. III. Вопр. 33 и 35.}.

VIII. К восьмому разряду относились сеньоры, которые, по требованию должностных лиц инквизиции клятвенно обещавшись изгнать еретиков из своих владений, потом отказывались это исполнить: такое сопротивление делало этих сеньоров подозреваемыми в ереси и до некоторой степени пособниками ее. Читатель видел уже несколько соборных и папских постановлений, которые давали повеление об этой мере. Девятый разряд состоял из правителей королевств, провинций и городов, которые не защищали церкви от еретиков, когда этого требовали инквизиторы. Такое поведение было достаточной причиной для подозрения в ереси {Там же. Вопр. 32.}.

IX. Десятый разряд подозрительных жителей состоял из тех, кто не соглашался отменять действовавшие в городах статуты и узаконения, когда они были противны мерам, применяемым инквизиторами; такие люди должны были рассматриваться как препятствующие действиям святой инквизиции и, следовательно, подозреваемые в ереси {Там же. Вопр. 34 и 36.}.

X. Одиннадцатый случай для подобного подозрения являлся, когда адвокаты, нотариусы и другие представители закона покровительствовали делу еретиков, помогая им своими советами и другими способами ускользнуть из рук инквизиторов; когда они скрывали бумаги, документы процесса или деловые акты, из которых можно узнать заблуждения еретиков, место их жительства и их положение или которые могли каким-либо другим способом послужить к обнаружению ересей. Такое поведение ставило их в разряд пособников и защитников

Untitled

еретиков {Там же. Ч. III. Вопр. 33.}.

XI. В двенадцатом разряде подозреваемых находились лица, дававшие церковное погребение еретикам, публично признанным за таковых, по их собственному признанию или в силу окончательного приговора; если каноническое запрещение было известно, оно являлось причиной подозрения нарушителей его в ереси {Там же. Вопр. 40.}.

XII. Тот, кто во время судебного разбирательства по делу вероучения отказывался давать присягу относительно какого-либо пункта, когда этого у него требовали, тоже становился подозреваемым в заблуждениях в вере. Такое упорство заставляло смотреть на него как на виновного в сопротивлении режиму святой инквизиции {Там же. Вопр. 41 и 118.}.

XIII. В четырнадцатый разряд подозреваемых надо поставить умерших, на которых поступил донос как на еретиков. Такое распоряжение могло быть основано на многих папских декреталях, которые с целью сделать ересь еще ненавистнее приказали, чтобы производилось расследование об ославленных умерших, их трупы вырывались из земли и сжигались рукой палача. Их имущество также конфисковалось, а память их предавалась бесчестью {Там же. Вопр. 63, с комментарием Пеньи.}.

XIV. То же подозрение падало на сочинения, содержащие еретическое учение или могущие к нему привести, и на их авторов. Эймерик приводит различные судебные приговоры с осуждением книг, постановленные им самим или иногда епископом той епархии, в которой он выполнял свои обязанности. Между прочим он приводит сочинения:

Untitled

Раймонда Лудлия [278], знаменитого францисканского монаха Майорки; Раймонда Тарраги, доминиканского монаха, недавно обращенного из иудаизма, в которых говорилось о некромантии и вызывании демонов; Арно де Вильнева, каталонского медика; Гонсало из Куэнсы и Николая из Калабрии [279]; еретиков-виргилиан [280], эти сочинения содержали учение, которое, по уверению Гонсало, он узнал от самого демона, являвшегося ему несколько раз лично, как об этом передается в его процессе; наконец, книги Бартоломее Генуэзца о пришествии антихриста {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Ч. II. Вопр. 9,26,27,28.}.

XV. Кроме того, считали за подозреваемых в преступлении ереси тех, кто, не принадлежа ни к одному из предыдущих разрядов, тем не менее заслуживал той же квалификации своими деяниями, своими разговорами или своими сочинениями {Там же.}.

XVI. Наконец, евреи и мавры также считались подсудными святой инквизиции, когда они склоняли католиков своими словами или сочинениями принимать их веру. На самом деле они не были подчинены законам Церкви, потому что не получили крещения; но папы пришли к убеждению, что они становились, так сказать, под каноническую юрисдикцию самим актом своего преступления. Государи, без сомнения, одобряли такую политику, потому что папы не могли применять свою духовную власть к подобным вассалам иначе, как с их согласия.

XVII. Эймерик не ставит в число особых преступлений, которые инквизиция имела право преследовать, магию и колдовство, потому что, согласно его системе, они

Untitled

принадлежали к вызыванию демонов и к ворожбе посредством некромантии, пиромантии [281] и другим подобным операциям, предполагавшим договор с дьяволом. Этот проступок становился с каждым днем все реже, по мере уменьшения легковерия публики, что легковерие является единственной опорой этой профессии, адепты которой стараются вытянуть деньги одураченных ими людей и обеспечить себе преступную наживу посредством мошенничества и приманки суеверий. XVIII. Хотя лиц, виновных в только что названных преступлениях, подчиняло юрисдикции инквизиторов общее узаконение, но существовали обстоятельства, когда такие лица оставались от нее независимыми. Так, папа, его легаты, его нунции [282], его должностные лица и приближенные были изъяты из ее компетенции. Хотя бы на них поступил донос как на формальных еретиков, инквизитор имел право получить только секретную информацию и направить ее к папе. То же изъятие существовало по отношению к епископам; короли не пользовались этим правом {Там же. Ч. V. Вопр. 25,26,27 и 31.}.

XIX. Ввиду того, что епископы были обычными инквизиторами по божественному праву, казалось справедливым, чтобы их не лишали права получать осведомления и доносы, направленные против апостолических инквизиторов в отношении веры; между тем папы сделали своих делегатов независимыми от обычной юрисдикции, постановив, что лишь один апостолический инквизитор имеет право преследовать другого {Там же. Вопр. 30.}.

Untitled

XX. Инквизитор и епископ действовали с общего согласия; в то же время каждый из них имел право преследовать обвиняемых единолично. Приказы о заключении в тюрьму могли выноситься только одновременно; то же имело силу и по отношению к пытке и к окончательному приговору, для которых соучастие того и другого лица было необходимо. Когда они не были согласны, то обращались к папе. Если каждый постановлял свое решение отдельно, они сообщали его друг другу, чтобы прийти к соглашению об окончательных мероприятиях, которые следовало предпринять {Там же. Ч. III. Вопр. 47 и 53.}.

XXI. Инквизиторы могли потребовать содействия светской власти для поднятия их авторитета, и в нем нельзя было отказать без того, чтобы не навлечь на себя кары в виде отлучения от Церкви и преследования по подозрению в ереси; впрочем, чтобы не попасть впросак, инквизиторы умели окружать себя достаточным числом альгвасилов [283] и вооруженных людей для защиты себя, своих секретарей и чиновников {Там же. Ч. III. Вопр. 56 и 57.}.

XXII. Епископ был обязан предоставлять свою тюрьму для заключения в ней привлекаемых к суду; помимо этого инквизиторы имели особую тюрьму, чтобы обеспечить сохранность обвиняемых {Там же. Вопр. 58.}.

XXIII. Если процесс представлял сомнения или трудности применении канонов, декреталий, булл, апостольских бреве и гражданских законов, инквизитор мог созвать собрание Юрисконсультов, чтобы осведомиться об их мнении. Когда это случалось, он сообщал им документы процесса, иногда в виде копии, где были опущены имена обвиняемых, доносчица и свидетелей, а также

Untitled

обстоятельства, которые могли бы их обнаружить; иногда показывали подлинные документы, взяв юрисконсультов клятвенное обещание хранить тайну. Этот обычай впоследствии создал институт советников святой инквизиции, должность которых была сведена к нулю, потому что инквизиторы были сами канонистами и считали себя достаточно образованными, чтобы обходиться без постороннего вмешательства {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Вопр. с 77 по 81.}.

XXIV. Первые инквизиторы не получали никакого определенного жалованья. Святая инквизиция была создана набожностью и ревностью по вере. Исполнявшие обязанности инквизиторов были монахами и почти все давали обет бедности. Священники, которые иногда участвовали в их трудах, рыли каноники [284] или духовные лица, пользующиеся доходами от прихода [285], и поэтому не думали об ассигновании им жалованья. Но такое положение вещей должно было измеряться, когда инквизиторы начали совершать путешествия в Сопровождении секретарей, альгвасилов и вооруженной свиты. Тогда все их расходы были возложены папами на епископов под тем предлогом, что инквизиторы трудились над уничтожением ересей и преследованием еретиков в их епархиях. Это мероприятие римской курии не понравилось епископам; оно показалось им тем более несправедливым, что лишало их части авторитета. Обращались также к сеньорам с намерением побудить их принять на себя эти издержки, основываясь на том, что на них было возложено обязательство не терпеть в своих владениях ни одного еретика. Однако этого основания было недостаточно,

Untitled

чтобы помешать общему ропоту и недовольству. Наконец настало время, когда на расходы инквизиции были предоставлены средства от продажи имущества или из доходов конфискованных у еретиков имений. На это употребляли также штрафные деньги, налагаемые на еретиков в некоторых случаях, когда не было постановления о конфискации имущества. Эти ресурсы составляли единственный фонд, на котором инквизиция могла основывать свои расходы, и она никогда не имела ни прочной дотации, ни определенной на этот предмет суммы, как это согласно утверждают Эймерик и его комментатор Пенья {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Вопр. 108.}.

Статья вторая О способе производства дел в трибуналах прежней инквизиции

I. Когда в 1232 году в силу буллы Григория IX в Испании была принята первая инквизиция, там начали преследовать еретиков на основании общих узаконений уголовного права, которые были применены к частному преступлению ереси на Веронском, Римском и Тулузском соборах, согласно с другой буллой того же папы и с гражданскими законами государства. В следующем 1233 году к этому кодексу были прибавлены новые статьи на соборах в Мелене и Безье, и на этой базе Таррагонский собор 1242 года установил для испанских инквизиторов особые правила, которые мы могли бы вполне верно назвать первоначальной и подлинной инструкцией святого трибунала испанской инквизиции.

II. Папы, не терявшие из виду нового учреждения, посылали установившимся в разных частях католического

Untitled

мира инквизициям декреталий для разрешения затруднений, встречавшихся в судебной практике как до, так и после постановления приговоров. Эта корреспонденция существовала в особенности с Арагоном, Сицилией и Ломбардией. Хотя многие из этих апостолических посланий противоречили уголовному праву, они приобрели такой авторитет, что даже в сомнительных случаях доходили до того, что давали им самое узкое толкование. Напрасно возражали против этой системы, столь способной делать закон ненавистным; инквизиция утверждала, что такое применение закона не только не губительно для обвиняемых, но благоприятно, потому что обеспечивает торжество религии. Станный способ толковать законы, делать добро и заглушать враждебные чувства!

III. Декреталии, посланные ломбардской инквизиции, были одинаковыми с посланными в Арагон, чтобы служить там правилом поведения в сходных случаях. Арагонская инквизиция с блыпим основанием получала декреталии, посланные сицилийской инквизиции, так как это королевство почти как раз в это время перешло во владение арагонских королей, которым оно было подчинено в течение нескольких столетий. Это дало возможность Николаю Эймерику около середины XIV века собрать значительное количество декреталий, касающихся святой инквизиции. Это собрание в XVI веке особенно увеличил его комментатор Франсиско Пенья. Если бы в наши дни понадобилось прибавить к нему все те декреталии, которые были изданы при новой инквизиции, с трудом хватило бы толстого тома, чтобы все их вместить.

Untitled

IV. Так как главным предметом этого сочинения не является изложение полной истории прежней испанской инквизиции, я не стану останавливаться на сообщении подробностей о способе судопроизводства первых инквизиторов. Но чтобы представить более методично и ясно учреждение новой инквизиции, мне кажется уместным наперед сосредоточить внимание читателя на некоторых фактах, вызванных появлением только что указанных декреталий и судебных форм, сохраненных инквизитором Эймериком, воздерживаясь, однако, от того, что удалялось от практики церковных уголовных трибуналов, и говоря лишь о том, что заслуживает особого внимания.

V. Когда священник получал от папы или какого-нибудь делегата святого престола назначение на должность инквизитора, он писал об этом королю. Государь выдавал ему вспомогательную королевскую грамоту, обязывающую все трибуналы городов, через которые инквизитор должен был проезжать для выполнения своих обязанностей под страхом строжайших наказаний, доставлять ему всякую помощь, в которой он имел нужду: арестовывать всех лиц, на которых он укажет как на еретиков или подозреваемых в ереси; посылать их в назначенные им для них места и подвергать наказаниям, к которым он их приговорит. Тот же указ предписывал трибуналам или магистратам предоставлять инквизитору помещение, доставлять нужные удобства для путешествия, так же как и его коллеге, секретарю и чиновникам, и не допускать нанесения им хотя бы малейшего оскорбления или ущерба.

VI. Когда инквизитор прибывал в город, где предполагал

Untitled

приступить к деятельности (и где обыкновенно было местопребывание епископа), он официально извещал об этом начальника города и приглашал его к себе явиться, назначая день и час аудиенции, для того чтобы тот мог осведомиться о цели его миссии. Нам не надо другого обстоятельства, кроме этого, чтобы получить представление о королевской власти в то время, потому что представители ее признавали себя обязанными лично являться к инквизитору на основании полученного о том извещения. Какая извращенность в мыслях!

Комендант города представлялся посланному инквизицией и давал клятвенное обещание - держа свои руки в его руках [286], - выполнять все законы против еретиков и в особенности доставлять все необходимые средства для их открытия и ареста. Если этот чиновник государя, или должностное лицо, отказывался повиноваться, инквизитор прибегал к отлучению его от Церкви и объявлял его устранимым от исполнения должности до тех пор, пока с него не будет снято это отлучение. Если этой меры оказывалось недостаточно, отлучение от Церкви объявлялось публично, и тому же наказанию подвергались те, которые соучаствовали в его ослушании. Этого сопротивления со стороны королевских должностных лиц инквизитору было достаточно, чтобы на город был наложен интердикт и в нем было прекращено совершение божественной службы. Если губернатор и магистрат не делали никакого затруднения в выполнении данных им инквизитором приказаний, он назначал им праздничный день, когда им вместе с народом явиться в церковь, где он должен был проповедовать и объявить жителям

Untitled

налагаемое на них обязательство доносить на еретиков, а затем прочесть указ, которым повелевалось, под страхом отлучения от Церкви, сделать в предписанный срок указанные доносы. После этого оповещения инквизитор объявлял, что лица, виновные в ереси, которые до предания их суду и до истечения льготного срока сами явятся для обвинения себя, получат отпущение и должны будут подвергнуться лишь легкой канонической епитимьи; но, если по истечении этого срока (обыкновенно месячного) они дождутся, что на них поступит донос, они будут преследуемы по всей строгости законов.

VII. Если в этот льготный промежуток поступали доносы, они записывались в особую книгу. Им, однако, не давался ход до тех пор, пока не видно будет, не явится ли оговоренный по собственному почину. По истечении дарованного срока вызывали доносчика; ему объявляли, что для открытия истины имеются три способа судопроизводства: обвинение, донос и инквизиция; его спрашивали, какому он отдает предпочтение. Если он указывал на первый, его приглашали для обвинения оговоренного, но предупреждали, чтобы он подумал о грозящем ему возмездии, если он окажется клеветником. Этот способ был удобен лишь для очень небольшого числа доносчиков; им пользовался только смельчак, который думал, что может погубить своего недруга, не подвергаясь такой же опасности. Большинство объявляло, что побуждение, которое толкало их делать доносы, было не чем иным, как боязнью подвергнуться карам, которыми закон угрожал тем, кто не предаст еретиков святому трибуналу. Они выражали желание, чтоб их донос

Untitled

сохранялся в тайне, вследствие смертельной опасности, которой они подвергаются, если он будет известен, и они называли лиц, которых считали более способными свидетельствовать против оговоренного. Бывали даже такие, которые заявляли, что их намерение состояло не в том, чтобы выдать оговоренного за еретика, так как они об этом ничего не знают, а только сообщить о составившемся от общей молвы впечатлении, что, по-видимому, эти люди подозрительны в отношении веры. В последнем случае против подсудимых возбуждалось дело официально.

VIII. Инквизитор допрашивал свидетелей в присутствии секретаря и двух священников, которым было поручено наблюдать, чтобы показания верно записывались, или, по крайней мере, присутствовать, когда они были даны, чтобы выслушивать их при чтении полностью. Это чтение происходило в присутствии свидетелей, у которых спрашивали, признают ли они то, что сейчас им было прочитано. Если преступление или подозрение в ереси было доказано на предварительном следствии, то оговоренного арестовывали и сажали в церковную тюрьму, в случае если в городе не было доминиканского монастыря, который обыкновенно заменял ее. После ареста подсудимый подвергался допросу, и против него тотчас же начиналось дело согласно правилам, причем делалось сравнение его ответов с показаниями предварительного следствия.

IX. В первые времена инквизиции не существовало прокурора, обязанного обвинять подозреваемых лиц; эта формальность судопроизводства выполнялась словесно инквизитором после заслушания свидетелей; сознание

Untitled

обвиняемого служило обвинением и ответом. Если обвиняемый признавал себя виновным в одной ереси, напрасно уверял он, что он не виновен по отношению к другим; ему не разрешалось защищаться, потому что преступление, за которое он был предан суду, было уже доказано. Его спрашивали только, расположен ли он сделать отречение от ереси, в которой признавал себя виновным. Если он соглашался, то его примиряли с Церковью, накладывая на него каноническую епитимью одновременно с каким-нибудь другим наказанием. В противном случае он объявлялся упорным еретиком, и его предавали в руки светской власти с копией приговора.

X. Если обвиняемый отрицал обвинения и предпринимал свою защиту, ему выдавали копию судебного дела; но этот документ был неполным: в нем были опущены имена доносчиков и свидетелей, а также те обстоятельства, которые помогли бы ему их обнаружить. Вначале папы предоставляли на усмотрение инквизиторов допускать или отказывать в этом сообщении обвиняемым; но большое количество досадных случайностей, бывших последствием таких сообщений, заставило верховных первосвященников запретить их раз навсегда. Впрочем, обвиняемые ходатайствовали об этом весьма редко, потому что при этом не допускалось отвода ни по какому другому мотиву, кроме случая самой сильной вражды. Для того чтобы узнать, действительно ли она имеет тут место, обвиняемого спрашивали, не имеет ли он врагов, с какого времени они проявились и каковы были мотивы их нерасположения. Ему позволялось также заявить, не опасается ли он, что кто-нибудь имеет намерение ему

Untitled

вредить. Во всех таких случаях допускалась улика, и инквизитор считался с ней при постановлении судебного приговора. Инквизиторы спрашивали иногда обвиняемого, после его первого показания, не знает ли он таких-то: эти лица были доносчик и свидетель, что от него скрывалось; если ответ был отрицательный, он не имел более права их отводить как врагов. С течением времени всем стало понятно, что эти лица были доносчики и свидетели, и этого было достаточно, чтобы инквизиторы отказались от этого средства. Обвиняемый мог отвести самого инквизитора, изложив свои мотивы; если последний признавал их справедливыми и достаточными, он поручал продолжать судебное дело третьему лицу; в противном случае суд происходил, вопреки этому инциденту, согласно обыкновенным правилам.

XI. Обвиняемому равным образом позволялось апеллировать к папе относительно действий трибунала и принятых инквизитором мер. Папа признавал или отвергал апелляции, сообразуясь при этом с правилами закона. Инквизиторы имели право приезжать в Рим, когда считали это нужным, и защищать там свое поведение. Эймерик, однако, показал, что это имело много неудобств и что гораздо лучше было вести себя благоразумно и с уважением к правосудию, чтобы судьи не были поставлены в положение тяжущейся стороны. С этого времени обычай, о котором я говорю, перестал существовать.

XII. В инквизиционном трибунале не было правильного ведения дела, и судьи не определяли срока для установления улики. После ответа и защиты обвиняемого приступали без отсрочки и без всякой формальности к

Untitled

разбору дела инквизитором и епархиальным епископом или их уполномоченными. Если обвиняемый отрицал преступление, хотя и был в нем уличен или сильно скомпрометирован, его подвергали пытке, чтобы вынудить признание его вины. Если не находили причин для назначения пытки, судьи выносили судебный приговор на основании данных процесса.

XIII. Если преступление, вменяемое обвиняемому, не было констатировано, это объявлялось в приговоре и обвиняемого оправдывали, выдавая ему копию этого приговора. Тем не менее он продолжал оставаться в неведении относительно имени своего доносчика, которое от него старательно скрывали потому, что предполагали, что в этом доносе ненависть не играла никакой роли и что доносчик не претендовал на гарантию верности своего обвинения, но доносил просто то, что видел и слышал, следуя указу, касающемуся еретиков. Если ересь осталась недоказанною, а была налицо только дурная слава обвиняемого, он должен был очиститься от нее каноническим путем в том самом городе, где она была распространена; затем он произносил отречение от всех ересей и получал условное освобождение от церковных наказаний, которые он мог навлечь на себя.

XIV. Самый обыкновенный случай во всех этих процессах был тот, когда не было установлено, что обвиняемый был еретиком, и он казался только подозреваемым в этом преступлении, вследствие совершенных им поступков или некоторых писаний или разговоров, в которых обвинялся. Так как хотели распределить наказания пропорционально тяжести подозрения, то его разделили на три степени:

Untitled

легкое, тяжелое и очень сильное. Таким образом судебный приговор гласил, что осужденный виновен в том, что вел себя относительно религии предосудительно, давая основание смотреть на него как на еретика или заподозренного в этом преступлении в такой-то и такой-то степени.

XV. Обвиняемому, объявленному заподозренным, хотя бы он был таким в самой малой степени, предъявляли требование отвечать, согласен ли он на отречение от всех ересей и в частности от той, в которой подозревался; если он отвечал утвердительно, то с него снимали отлучение от церкви условно и его примиряли с Церковью, наложив на него наказания и епитимьи; если он отказывался взять на себя обязательство отречься, его отлучали от Церкви; если в конце года он не просил прощения и не давал обещания отречься от ереси, на него смотрели как на упорного еретика и поступали с ним как с таковым.

XVI. Трибунал, признав, что оговоренный был формальным еретиком, готовым сделать отречение и несколько не виновным в преступлении вторичного впадения в ересь, разрешал ему примирение с Церковью, наложив на него наказания и епитимьи. Как на рецидивиста смотрели на того, кто был уже осужден как формальный еретик или как очень сильно заподозренный в тех же самых заблуждениях. Хотя бы он и не был в таком положении, но при отказе его отречься от ереси он передавался в руки светской власти, не только когда признавал себя за формального еретика или когда это преступление было ему вменено по справедливости, согласно положительным уликам, несмотря на его отрицания, но также и тогда, когда

Untitled

просто был на подозрении по третьей категории. XVII. Отречения происходили в том самом месте, где инквизитор устроил свою резиденцию, иногда в епископском дворце, в монастыре доминиканцев или в самом помещении, занимаемом инквизитором. Но обыкновенно это происходило в церквах, служивших для аутодафе. Отречения сопровождались церемониями, которые видоизменялись согласно с обстоятельствами. В воскресенье, предшествующее этому своего рода торжеству, во всех церквах города объявляли день, когда оно должно было состояться, и предлагали жителям присутствовать на проповеди, которую инквизитор должен был произнести о католическом учении. В назначенный день духовенство и народ собирались вокруг эстрады, где обвиняемый в легком подозрении помещался стоя, с обнаженной головой, чтобы быть у всех на виду. Служили мессу, и инквизитор, прервав божественную службу после чтения апостола, произносил проповедь против ересей, которые были причиной церемонии этого дня. После сильного их порицания он заявлял, что тот, кого видят на эшафоте, находится в легком подозрении во впадении в эту ересь; чтобы доказать это всем, инквизитор сообщал о действиях, словах и писаниях, составлявших содержание процесса, и кончал свое сообщение словами, что виновный готов сделать отречение и что для этого отданы все нужные распоряжения. После этого обвиняемому подносили крест и Евангелие и заставляли его читать свое отречение, которое он должен был подписать, если был грамотен; затем инквизитор давал ему отпущение, примирял его с Церковью, прочитывал принесенный

Untitled

приговор (а в приговоре изложена была кратко ересь, подозрение в которой навлек на себя осужденный) и накладывал на обвиняемого наказания и епитимьи, которые считал полезными.

XVIII. Когда подозрение в ереси было очень сильное, в воскресенье или в праздничный день устраивалось аутодафе. В этот день не позволялось произносить проповеди ни в одной церкви, чтобы стечение народа было наибольшим в той церкви, где происходила церемония.

Виновного предупреждали, что в будущем он должен вести себя не только как хороший католик, но и с осторожностью, необходимой, чтобы не быть обвиненным вторично, имея в виду, что в случае нового впадения в ту же ересь он потерпит кару релаксации и может подвергнуться смерти, хотя он и отречется от ереси и получит примирение с Церковью. Отчет о вменяемых ему действиях и словах читался секретарем, а инквизитор возвещал, что осужденный расположен просить примирения с Церковью.

XIX. Если виновный был заподозрен в крайней степени, с ним обращались как с еретиком; его заставляли носить в церкви одежду кающегося, сделанную из обыкновенной материи темного цвета, с нарамником без капюшона и двумя нашитыми крестами из желтого сукна; каждый крест имел три ладони в длину и две в поперечнике; сукно, из которого они были сделаны, имело пол-ладони ширины во всех своих частях. При этом соблюдались те же церемонии, какие совершались при допущении к примирению формального еретика.

XX. Когда подсудимый должен был пройти через каноническое оправдание, то о дне этой церемонии также

Untitled

оповещалось заранее. Она происходила в соборе или в другой главной церкви в воскресенье или в один из больших праздников. Секретарь читал изложение удостоверенных фактов, которые подтверждали подозрение в ереси, и отзывов о репутации, которую составил себе обвиняемый. Затем подымался на кафедру инквизитор для произнесения проповеди и для извещения, что подозреваемому приказано опровергнуть дурную славу, которая над ним тяготеет, посредством собственной присяги и присяги двенадцати достойных доверия свидетелей, которые его знали и посещали в течение последних десяти лет. После его присяги в том, что он не был еретиком, свидетели под присягой объявляли, что они верят правдивости его заявления. После того как эта двойная формальность была исполнена, обвиняемый делал отречение от всех ересей вообще и в частности от той, в которой стал заподозренным и подвергся диффамации.

XXI. Если обвиняемый раскаивался и просил о примирении с Церковью, но находился в разряде рецидивистов, его следовало передавать в распоряжение светской власти, и было известно, что он предназначен для смертной казни. Вследствие этого инквизитор, постановив приговор обвиняемого, поручал доверенным священникам осведомить обвиняемого о положении, в котором он находится, и о том, чего он может ожидать от папских булл и гражданских законов, и побудить его ходатайствовать пред инквизитором о милости быть допущенным к таинствам исповеди и причастия. После того как эти священнослужители проводили с осужденным два или три

Untitled

дня, по всей стране объявлялось об аутодафе, которое справлялось посреди городской площади, на таком же эшафоте, о каком я уже говорил. Читался приговор, в силу которого осужденный должен быть передан в руки светской власти, причем последним словом этого приговора была просьба к судьям обращаться с осужденным человеколюбиво. Затем он передавался им после лишения сана епископом, если это был священник.

XXII. Если обвиняемый был нераскаянным еретиком, не рецидивистом, он присуждался к релаксации [287]. Но никогда не доводили дела до аутодафе, не попробовав в течение долгого времени обратить его и привести к единению с католической Церковью всеми средствами, которые могла внушить опытность в этом деле. Обеспечив надежность его тюремного заключения, позволяли и даже в некотором роде побуждали его родных, друзей, соотечественников, духовных лиц и всех людей, известных своим образованием, посещать его в тюрьме и беседовать с ним. Сам епископ и инквизитор приходили к обвиняемому и убеждали его вернуться в лоно Церкви. Хотя он выражал в своем упорстве самое сильное желание быть поскорее сожженным (что случалось часто, потому что эти люди считали себя мучениками и выказывали свойственную им твердость), инквизитор на это никогда не соглашался; наоборот, он удваивал доброту и кротость, удалял все, что осужденному могло внушать ужас, и старался уверить его, что, обратившись, он избегнет смерти, лишь бы только он снова не впал в ересь, что и бывало в действительности, так как накануне аутодафе релаксация заменялась пожизненным тюремным заключением.

Untitled

XXIII. Эти меры, имевшие целью обращение осужденного, не мешали оповещению об аутодафе во всех окрестностях, чтобы жители их стеклись для присутствия на нем. Если обращение не состоялось, воздвигали на площади эшафот; секретарь читал перед собравшимся народом изложение вин и приговор осужденного; затем инквизитор произносил проповедь. По окончании ее присужденный к релаксации передавался в руки королевского судьи, который отправлял его на костер, где он погибал в пламени, по прочтении приговора, вынесенного во исполнение предписаний гражданского закона.

XXIV. Если несчастный еретик был рецидивистом, то напрасно он объявлял о своем решении вернуться к вере; ему было невозможно избежать смертной казни; единственной милостью, которую ему оказывали, было избавление от мук костра: после исповеди и причастия его удушали руками палача и бросали в огонь его труп.

XXV. Заочно присуждали тех подсудимых, которые бежали из тюрьмы или раньше, до ареста, обратились в бегство. Справляли их аутодафе, выставляя их статую, и ее предавали пламени вместо приговоренного заочно (*contumax*), который в нем погиб бы сам, если б не бежал и был бы уличен в ереси и упорстве.

XXVI. Я обхожу молчанием другие частности способа судопроизводства прежней инквизиции, потому что, мне кажется, я сказал достаточно, чтобы показать, до какой степени она отличалась от других трибуналов. Читатели, которые пожелают детальнее удовлетворить свою любознательность, могут прочесть Руководство, составленное инквизитором Николаем Эймериком.

Untitled

Статья третья О свойстве наказаний и епитимий, налагавшихся прежней инквизицией

I. Трибунал уполномоченной инквизиции, будучи церковным учреждением, мог сам по себе присуждать только духовные наказания: отлучение от Церкви, лишение сана, запрещение в священнослужении, отрешение от должности и снятие монашества по отношению к лицам, а по отношению к городам и селениям - интердикт и прекращение божественной службы. Однако законы христианских императоров IV и последующих веков; мнения, установившиеся в течение и после VIII века; общее извращение канонических идей и принципов в течение XI века (чудовищно возросшее в последующие века); опасение, внушаемое государям косвенным средством церковных наказаний, за целостность их корон; всеобщее полное неведение истинных границ церковного могущества и светской власти, гораздо более древней, чем ее соперница, - все эти обстоятельства послужили причиной того, что инквизиторы XIII века сочли себя вправе налагать чисто светские наказания, за исключением смертной казни. Поэтому можно наблюдать, что, если объявление смертной казни не было во власти инквизиторов, они установили в виде своего рода компенсации пытку и релаксацию, в полной уверенности, что светский судья не посмеет не послать отпущенного ими на смертную казнь, так как по государственному закону для составления смертного приговора ему нужно было иметь только выписку из приговора инквизиторов, которые предоставляли ему преступника как еретика. Нельзя не удивляться при виде того, как инквизиторы заканчивали

Untitled

свои приговоры формулой, в которой они просили судью не применять к еретика смертной казни, тогда как несколькими примерами было доказано, что если судья, сообразуясь с просьбою инквизитора, не посылал преступника на казнь, то сам предавался суду как заподозренный в ереси, на основании распоряжения статьи IX регламента, гласившей, что подозрение являлось естественным следствием небрежения судьи в исполнении гражданских законов, направленных против еретиков, хотя бы он был обязан присягой их соблюдать. Эта просьба была, следовательно, пустой формальностью, диктуемой лицемерием, которого одного было бы достаточно для опозорения трибунала святой инквизиции.

II. Приговоры, выносимые инквизиторами, налагали на виновных штрафы и личные наказания, которые разнообразились в зависимости от обстоятельств и свойства судебного дела. Таковыми были: полная или частичная конфискация имущества, пожизненное или временное тюремное заключение, изгнание или ссылка, бесчестие, потеря должностей, почестей и званий и лишение права на них претендовать; наконец, все, установленное декретами святого престола и соборов или гражданскими законами. Светский судья не имел права расследовать преступление, за исключением только случаев, когда виновный предавался в руки светской власти; в других случаях инквизитор исполнял должность церковного судьи, назначая кару отлучения от Церкви, снятия монашества, запрещения священнослужения, лишения сана или отнятия церковных доходов, и, кроме того, исполнял функции судьи светского, присуждая к

Untitled

наказаниям гражданским и светским. Эта вторая часть приговора имела силу лишь с согласия светской власти, которая редко противилась его исполнению и, молчаливо одобряя его, дала укорениться обычаю, сделавшемуся в конце концов обычным правом трибунала инквизиции.

III. Виновные, которые делали отречение как тяжко заподозренные в ереси, никогда не приговаривались к пожизненному заключению; срок этого наказания был ограничен, и проступки, которые им вменялись, должны были быть важными и многочисленными {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Ч. III, о пятом способе вершения суда.}.

IV. Если подозрение было очень сильно, обвиняемый присуждался к тюрьме до конца своих дней или, по крайней мере, на значительный срок. Однако инквизиторы могли сократить этот срок, когда опытность их позволяла им верить, что узник воодушевлен истинным раскаянием. Эта мера основана на том, что во всех случаях окончательного приговора за судьями сохранялось право усилить или смягчить наказание. Это доказывает, что их полномочия простирались за пределы приговора, вопреки принципам уголовного права, по крайней мере в первой инстанции {Там же, о шестом способе вершения суда.}. Если предметом отречения была формальная ересь, то назначалось непременно пожизненное заключение, несмотря на право судей смягчать наказание или избавлять от него {Там же, о восьмом способе вершения суда.}.

V. Среди наказаний, налагаемых на осужденных, надо считать наказанием ношение одежды кающегося,

Untitled

известной в Испании под названием санбенито [288], что является искажением слова *saco bendito* (благословенный мешок). Настоящее его название по-испански было самарра. Первое название сделалось общенародным, потому что со времен евреев мешком называли покаянную одежду, как мы это видим в истории царя Ахава и некоторых других лиц в Библии [289]. До XIII века обычно освящали мешок, который должны были носить лица, присужденные к публичному покаянию, и это дало мешку название благословенного. Это был кафтан, застегнутый подобно священнической сутане; он был принят инквизицией со времени ее учреждения, до того как соборы в Безье, Тулузе и Таррагоне сделали о ней постановление. Так, св. Доминик де Гусман обрядил в него еретиков, примиренных с Церковью, как это доказывает документ, привести который здесь я считаю полезным, чтобы дать понятие об обычае того времени. В этом документе говорится:

VI. "Всем верным христианам, которые будут осведомлены о настоящем послании, брат Доминик, каноник Осмы, самый малый из проповедников, шлет привет во Иисусе Христе.

VII. В силу власти господина аббата цистерцианцев, апостолического легата святого престола (которого нам поручено представлять), мы примирили с Церковью предъявителя этого послания Понса Роже, который милостию Божией оставил общество еретиков; и мы ему приказали (после того, как он клятвенно обещался исполнять наши повеления) позволять водить себя безо всякой одежды три воскресенья подряд от ворот города до

Untitled

дверей церкви священнику, который будет его бить розгами. Мы предписываем ему равным образом ввиду епитимьи не есть ни мяса, ни яиц, ни сыра и никакой другой пищи из животного царства в течение всей жизни, исключая дней Пасхи, Пятидесятницы и Рождества нашего Господа, в каковые дни мы приказываем ему ее есть, в знак отвращения к его прежней ереси; держать три поста в году, не вкушая в это время рыбы; поститься, воздерживаясь от рыбы, масла и вина, три дня в неделю в течение всей своей жизни, за исключением случаев болезни или усиленных полевых работ; носить монашескую одежду, как по форме, так и по цвету, с двумя небольшими крестами, нашитыми по обе стороны груди; слушать мессу ежедневно, когда на это имеется возможность, и присутствовать на вечерне по воскресеньям и праздникам; вычитывать аккуратно дневную и ночную службу, Отче наш [290] читать семь раз днем, десять раз вечером и двадцать раз в полночь; жить целомудренно и предьявлять настоящее послание раз в месяц священнику местечка Серери в его приходе, которому мы приказываем наблюдать за поведением Роже, который должен верно исполнять все ему приказанное до тех пор, пока господин легат не осведомит нас о своей воле. А если указанный Понс нарушит данное слово, мы приказываем рассматривать его как клятвopеступника, еретика и отлученного от Церкви и удалить его из общества верных, и т. д." {Парома. О происхождении святой инквизиции. Кн. 1, Отд. II. Гл. 2.}.

VIII. Этот драгоценный документ второго года учреждения инквизиции знакомит нас с тем, какие тогда накладывались

Untitled

епитимьи. Особенно следует заметить, что Понсу Роже не было велено исповедоваться три раза в год, что установилось как обычай лишь впоследствии, ибо все это происходило до третьего Вселенского Латеранского собора, состоявшегося в 1215 году, который вынес посредством формального канона приказ исповедоваться своему приходскому священнику по меньшей мере один раз в году, а именно на Пасхе. Из этого не следует заключать, что исповедь началась с того времени; она была известна с первых веков христианства, но она не являлась предметом соборного предписания.

IX. Заслуживает также замечания наложенная на Понса Роже епитимья появления без одежды в течение трех воскресений подряд к воротам города и шествия до церковных дверей, при получении от священника ударов розгами; эта практика восходит к восьмому веку Церкви, когда христиане, приговоренные к публичному покаянию, получали из рук священника удары розгами, как рабы из рук своих господ. Об этом наказании мы можем составить себе верное представление, если справимся с Историей испанских соборов, которую я привел в первой части этого сочинения. Мы читаем также у некоторых авторов, что наказание это иногда исполнялось епископом, потому что оно состояло не столько в причинении кающемуся физической боли от ударов розгами, сколько в намерении смирить его и покрыть спасительным смущением.

X. Собор в Безье 1233 года внес некоторые изменения в эту дисциплину, издав указ, чтобы еретик, присужденный к произнесению отречения, являлся публично в церковь каждое воскресенье и каждый праздник в одежде

Untitled

кающегося и с розгами в руках и чтобы между чтением Апостола и Евангелия священник бил его ими, сообщая всему народу то прегрешение, за которое кающийся был приговорен к этому наказанию {Собор в Безье. Гл. 27; Пенья, в его Комментариях на Эймерика. Ч. 111, о шестом способе вершения суда,}.

XI. Третий предмет, который следует отметить в епитимье Роже, это строгость наложенных на него постов и воздержания, потому что его не только лишили употребления мяса и всех прочих животных продуктов в течение остатка его дней, но и обязали соблюдать три раза в год посты, не позволяя питаться рыбой, но только травами и овощами, помимо тех трех дней в неделю, в которые он должен был в течение всей жизни обходиться без рыбы, мяса и вина. Таким образом питание его было сведено почти на хлеб, воду и фрукты, потому что без масла не легко было питаться растениями и овощами. Все эти правила показывают, что новая инквизиция на этот счет была гораздо умереннее, чем прежняя.

XII. Четвертая особенность, замечательная в этой епитимье, это возложенная на Роже обязанность повторять столь часто Отче наш в ночные и дневные часы, а особенно делать это двадцать раз в полночь, потому что это равносильно обязанности читать утреннюю службу, как будто он был каноником XIII века или членом какого-нибудь монашеского ордена. Это обстоятельство и обязательство присутствовать все праздники на вечерне и находиться под наблюдением своего приходского священника делало положение кающегося очень неудобным, потому что если бы он этого не исполнил, то был бы рассматриваем и

Untitled

наказан как еретик, клятвопреступник и отлученный от Церкви, согласно акту его отречения от ереси, и это наказание было бы тем более страшно, что оно делало его рецидивистом и приводило к смертной казни.

XIII. Пятое важное обстоятельство, которое следует заметить в этой епитимье, относится к одежде кающегося; вид одежды уже описан. Я считаю полезным прибавить лишь некоторые подробности, чтобы лучше дать понять тот обычай, который был впоследствии принят теперешней инквизицией.

XIV. Мы видим, что в первые годы инквизиции не назначали ни цвета, ни формы этой одежды, потому что св. Доминик удовольствовался приказанием, чтобы она была и в том и в другом отношении монашеской. Сначала думали, что форма одежды должна быть формой застегнутого кафтана, как мешок (или вместище) кающихся первых веков церкви. Позднее было установлено, чтобы на обыкновенной одежде носили монашеский нарамник и чтобы в нем было сделано посредине отверстие для просовывания головы, но не было капюшона. Во времена св. Доминика было безразлично, какого цвета эта одежда: достаточно было цвета монашеских одежд, то есть темного и скромного; но потом не замедлили предписать, чтобы она была синеватого или фиолетового цветов {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Ч. III, рубрика о шестом способе вершить процесс веры.}.

XV. Что касается двух крестов, которые должны были нашиваться на одежду кающегося, то в этом отношении произошли разные перемены. Ввиду того, что инквизиция началась во времена альбигойцев и эти еретики были

Untitled

очень многочисленны в Нарбоннской Галлии, не было почти ни одного католика, не взявшего креста, чтоб идти с ними сражаться или, по крайней мере, быть полезным религии в братстве, принявшем название милиции Христа или семьи инквизиции. Среди католиков были такие жестокие люди, что убивали всех, кто был известен как еретик, даже когда встречали их безоружными. Этого было достаточно, чтобы заставить большинство сектантов взять крест, который они прикрепляли к груди для обозначения, что они католики, надеясь этим способом избежать смерти, которая постоянно им угрожала. Вот причина, почему св. Доминик и другие инквизиторы приказывали примиренным еретикам носить крест для безопасности их личности. Чтобы, однако, не смешать их с настоящими католиками (к этому мера эта могла бы привести), их обязали носить два креста. Но для того, чтобы два креста были заметны и выполняли свое назначение, то есть унижали примиренного еретика, который был подвергнут епитимье, Тулузский собор приказал в 1229 году, чтобы эти два креста отличались по цвету от одежды; собор в Безье, бывший в 1233 году, повелел, чтобы эти кресты были желтого цвета. Что касается места, где эти кресты должны были пришиваться, то св. Доминик хотел, чтобы это были две стороны груди. Это правило было одобрено Тулузским собором. Вскоре собор в Безье, быть может, по особым, непредвиденным соображениям, захотел еще полнее определить употребление и заметность этого отличительного знака и вынес декрет, изложенный в таких выражениях:

XVI. "Обращенные еретики будут носить на своей верхней

Untitled

одежде, в знак отвращения к их прежним заблуждениям, два креста желтого цвета длиною в две с половиной ладони, шириной в две ладони, сделанные из полос материи в три пальца шириною; один из этих крестов будет находиться на груди, а другой на плечах. Одежда, на которой эти два креста должны быть нашиты, будет отличаться по цвету от двух крестов, и кающиеся не могут носить никакой другой верхней одежды ни вне дома, ни у себя дома. Если они приговорены к ношению одежды, покрывающей их голову, то на капюшоне, если это мужчина (и на вуали, если это женщина), должен быть нашит третий крест величины, пропорциональной этой части одеяния. Если идет речь об отступнике или человеке, который старался вовлечь других в отступничество, он будет носить на верхней части двух крестов, нагрудного и наплечного, поперечную полосу длиною в ладонь или около того и того же цвета. Если они предпримут путешествие морем, они будут носить их, пока не прибудут в иностранную землю, и там могут их скинуть до тех пор, пока снова не пустятся в море, чтобы вернуться в свое отечество. Тогда они снова их возьмут и не перестанут носить ни во время плавания, ни во время пребывания на островах" {Собор в Безье. Гл. 26.}.

XVII. Таррагонский собор, состоявшийся в 1242 году, предпочел распоряжения, постановленные Тулузским собором, тем, которые были сделаны на соборе в Безье. Речь шла лишь о двух крестах, которые должны были носить на груди. Но испанские инквизиторы Каталонии не замедлили принять меру, предписанную собором в Безье, и ею руководствовались, согласно тому, что нам сообщает

Untitled

Эймерик в XIV веке {Эймерик. Руководство для инквизиторов. Ч. III, о шестом способе вершить процесс веры.}. В это же время был введен обычай вместо старинных крестов употреблять кресты, скрещенные наискось, и мы видим, что обычай этот сохранился и при теперешней инквизиции { Паромо. О происхождении святой инквизиции. Кн. 1. Отд. II. Гл. 5.}.

XVIII. Что епитимьи, налагавшиеся прежней инквизицией, были гораздо суровее в отношении позора, который должен был из них вытекать для примиренных, чем те, которые постановлялись теперешней инквизицией, показывает самый текст резолюции, принятой в 1242 году испанскими епископами на вышеупомянутом Таррагонском соборе. В ней сказано: "Если формальные еретики и учителя ереси попросят обращения, они будут заключены в тюрьму и останутся в ней до смерти после того, как отрекутся от ереси и получают отпущение".

XIX. "Что касается тех, кто одобряет ошибочные мнения еретиков, они выполняют следующую епитимью: в день Всех Святых, в первое воскресенье рождественского поста, в праздник Рождества, обрезания, Богоявления, Сретения Господня, Благовещения и во все воскресенья Великого поста они будут отправляться в собор и присутствовать при процессии, в рубашке, с босыми ногами, с руками, сложенными крестом, и там будут бичуемы епископом или священником, за исключением дней Благовещения и Вербного воскресенья, когда они будут принимать примирение в приходской церкви. В первый день Великого поста они также отправятся в собор, в рубашке, с босыми ногами, с руками, сложенными крестом, согласно

Untitled

постановлению; они будут выгнаны из церкви на все время Великого поста и принуждены стоять в ее дверях и оттуда слушать божественную службу. Они будут занимать это же место и в Великий четверг. В этот же день получают они примирение в самой церкви по способу, предписанному святыми канонами. Кроме того, постановляется, что епитимья, наложенная на них в первый день Великого поста и в Великий четверг, а также епитимья, которая предписывает держаться вне церкви в течение остальных дней Великого поста, будет возобновляться ежегодно до самой смерти примиренных. В воскресные дни Великого поста они будут входить в церковь и после принятия примирения пойдут на свои места у двери и там будут оставаться до Великого четверга, Они будут всегда носить на груди два креста цвета, различного с цветом их одежды, чтобы все могли легко узнать в них кающихся. Запрещение входить в церковь во время Великого поста будет продолжаться лишь на протяжении десяти лет".

XX. "Епитимья вновь впавших в ересь как пособников ереси будет столь же торжественна, как и епитимья христиан, впавших в ересь, и будет происходить в те же дни; но от них не будут требовать ношения двух крестов, и церемонии первого дня Великого поста и Великого четверга будут возобновляться лишь в течение десяти лет".

XXI. "Та же епитимья будет наложена на пособников ереси, которые не впадут вновь в ересь, но будут только подозреваемы в ереси в высшей степени; она будет происходить в дни Всех Святых, Рождества, Богоявления, Сретения Господня и в течение всего Великого поста, на

Untitled

протяжении семи лет; церемонии первого дня Великого поста и Великого четверга будут повторены, и примиренные должны также держаться в дверях церкви во все дни Великого поста".

XXII. "Епитимья пособников ереси, находящихся в сильном подозрении, будет продолжаться пять лет и будет такой же, как и епитимья подозреваемых в высшей степени".

XXIII. "Епитимья пособников ереси, находящихся в легком подозрении, будет продолжаться три года и будет такой же, как и предыдущая".

XXIV. "Эти епитимьи будут исполняться в соборе, предназначенном для жителей города, а для других - в их приходских церквях, если только не последует льгота со стороны епископа или его викария".

XXV. "Если епископ или его викарий позволит им подвергаться наложенной на них епитимьи в другом месте, они должны заpastись удостоверительными письмами, которыми эти должностные лица церкви засвидетельствуют положение их епитимьи. Эти письма будут переданы епископу или его викарию нового местожительства, и кающиеся будут продолжать епитимью, которую они должны были выполнять в их прежнем приходе. Когда же они захотят вернуться домой, они должны попросить у того прихода, где они временно проживали, новые письма, с точным указанием, что им остается еще сделать, чтобы их епитимья была окончена".

XXVI. "Если произойдет случайно и без малейшего подозрения в обмане или надувательстве со стороны кающихся, что они не смогут явиться вовремя в церковь, чтобы там подчиниться осуждающему их приговору и

Untitled

выполнить назначенную им епитимью в первый день Великого поста и в Великий четверг, эта церемония будет совершена над ними в другие торжественные дни, назначенные епископом, и они подвергнутся епитимье в соборе, перед лицом народа, с церемониями, соблюдаемыми в эти обязательные два дня" {Таррагонский собор 1242 года, в 28-м томе королевского Собрания соборов.}.

XXVII. Это распоряжение Таррагонского собора неопровержимо доказывает строгость смирительных епитимий, которые налагались на отрекавшихся от ереси еретиков как примиренных, так и заподозренных. Во всяком случае, следует заметить, что они не продолжались всегда так долго, как это было назначено в приговоре, потому что обычай допускал частичное или полное снисхождение и потому что с первого же времени социальное положение личностей и другие причины заставляли отменять их вполне или по меньшей мере частично. Существовало освобождение от ношения одежды кающегося, установленной св. Домиником. Этот дошедший до нас документ вследствие его древности показался мне заслуживающим того, чтобы он стал общеизвестным. Вот его текст:

XXVIII. "Всем верным христианам, которые будут читать настоящее послание, брат Доминик, каноник Осмы, смиренный слуга проповедования, шлет поклон и желает искренней любви во Христе Иисусе. Настоящим мы вас уведомляем, что мы дали Раймонду Гильельмесу из Альтарипы позволение носить дома те же одежды, какие носят и другие христиане, так же как и Гильерме Угунья,

Untitled

который, согласно тому, что до нас дошло, носит в настоящее время одежду кающегося как примиренный и еретик; эта мера продлится, пока господин кардинал не сделает другого приказания либо нам, либо вышесказанному Раймонду. Кроме того, объявляем, что эта перемена не должна причинить вышеназванному Гильерме ни бесчестия, ни какого-либо иного рода вреда {Паромо. О происхождении святой инквизиции. Кн. 2. Отд. I. Гл. 2. N 8.}

XXIX. Кардинал, о котором говорит св. Доминик, был Пиетро из Беневента, легат папы Иннокентия III, прибывший в Тулузу в 1214 году.

XXX. Я не мог найти, и мне кажется, что это не легко узнать, каков был гербовый щит или печать инквизиции. Я склонен думать, что он был тот же, что у ордена св. Доминика, потому что служил для конгрегации Приближенных или милиции Христа, которая существует еще и теперь под названием Конгрегации Св. Петра-мученика.

Я думаю, что дал достаточно верное представление о прежней инквизиции и о способе ее судопроизводства. Теперь мне остается сказать о новой инквизиции, уничтоженной во время последней испанской революции.
Глава V Учреждение теперешней инквизиции в Испании
Статья первая Положение евреев в начале царствования Фердинанда V и Изабеллы

I. В главе III мы видели, каково было положение инквизиции в королевстве Арагонском, когда эта страна была соединена с Кастилией через брак Фердинанда с Изабеллой, по смерти Энрико IV. Трибунал инквизиции был

Untitled

тогда введен в эту монархию, подвергшись предварительно реформе посредством статутов и регламентов столь суровых, что арагонцы сильно воспротивились новому ярму, которое хотели на них наложить, хотя они давно привыкли переносить старое иго.

II. Это была та самая инквизиция, которая господствовала в Испании с 1481 года до нашего века; та самая, уничтожение которой во удовлетворение всей Европы мы видели; та самая, наконец, которая только что восстановлена, к великому сожалению всех испанцев, друзей просвещения, и историю которой я предпринял писать на основании документов, доставленных мне ее собственными архивами и переданными в мое распоряжение правительственным приказом.

III. Война с альбигойцами была предлогом, послужившим папам для учреждения прежней инквизиции. Что касается теперешней, то для введения ее послужила якобы необходимость наказать отступничество новообращенных испанских евреев.

IV. Важно заметить, что огромная торговля, которую вели испанские евреи, передала в течение XIV века в их руки наибольшую часть богатств полуострова и что они приобрели благодаря этому большую силу и влияние на управление в Кастилии в царствование Альфонса XI [291], Педро I [292] и Генриха II [293] и в Арагоне при Педро II [294] и Хуане I [295].

V. Христиане, которые не могли с ними соперничать в промышленности, почти все стали их должниками, и зависть не замедлила сделать их врагами своих заимодавцев. Такое настроение было подстрекаемо и

Untitled

старательно поддерживаемо людьми, проникнутыми плохими, своекорыстными намерениями; в результате часто происходили ожесточенные споры, перебранки и народные волнения почти во всех городах двух королевств вплоть до Наварры.

VI. В 1391 году народная ярость умертвила в городах более пяти тысяч евреев. Было известно, что некоторые из них избегли смерти, сделавшись христианами. Другие в большом количестве искали спасения, подражая им, и церкви наполнились евреями обоего пола, всякого возраста и положения, которые спешили принять крещение. В короткое время более ста тысяч семейств, то есть, быть может, миллион человек, отказались от закона Моисеева, чтобы принять веру Иисуса Христа.

VII. Число обращений значительно возросло в течение первого десятилетия XV века благодаря рвению св. Висенте Ферреры и некоторых других миссионеров, которые в момент вышеупомянутого возмущения начали произносить проповеди против иудейского закона, чтобы побудить следовавших ему оставить его.

VIII. Им помогли происходившие в 1413 году знаменитые диспуты между некоторыми раввинами и обращенным евреем Иеронимо де Санта-Фе [296], врачом антипапы Педро де Луны, называвшего себя Бенедиктом XIII, в присутствии этого первосвященника, приехавшего в Тортосу.

IX. Все эти новообращенные евреи обозначались названием новых христиан, или новохристиан, потому что они лишь недавно приняли христианство. Народ звал их также обращенными, как переменивших веру, и

Untitled

исповедниками, потому что, делаясь христианами, они исповедали упразднение закона Моисеева.

X. Евреи между собою как бранное слово употребляли еврейское выражение мараны (marranos), происходящее от искажения слов маран-афа (maran-atha), что значит Господь наш пришел [297]. Вследствие этого не новохристиане (коренные христиане) из презрения называли новых христиан поколением маранов или проклятой расой.

XI. Наконец, им давали также имя евреев, потому что их смешивали еще с теми, которые не переставали быть евреями, и это обыкновение сделалось тем более всеобщим, чем число крещеных евреев, возвращавшихся к иудаизму, было более значительным.

XII. Ввиду того, что страх смерти являлся более побудительной причиной обращения этих новохристиан, чем истинное убеждение, а надежда разделить с христианами общественные места и должности также привела большое число их к просьбе о крещении, многие из них раскаялись в отречении от прежней веры и вернулись к иудаизму тайно, сообразуя тем не менее свое внешнее поведение с поведением остальных христиан.

XIII. Принуждение, которому их заставляли подчиняться, было для них слишком тягостно. Многие из них были опознаны; это послужило мотивом, по видимости религиозным, который побудил Фердинанда V приказать учредить трибунал, дававший ему возможность конфисковать многие имущества. Сикст IV не мог его не одобрить, потому что введение его должно было увеличить влияние ультрамонтанских принципов, то есть власти

Untitled

святого престола. Этому двойному замыслу, скрытому под видимостью рвения к защите веры, испанская инквизиция обязана своим происхождением.

XIV. Вопреки мнению некоторых историков, достоверно известно, что ни кардиналы Хименес де Сиснерос [298] и Мендоса [299], ни даже сам Томас Торквемада [300] (ставший впоследствии столь знаменитым как великий инквизитор) не принимали участия в этом предприятии, и римская курия и Фердинанд V воспользовались для этого некоторыми другими учениками св. Доминика.

Статья вторая Проект учреждения инквизиции

I. Брат Филипп де Барберис, инквизитор королевства Сицилии, прибыл в Севилью в 1477 году, чтобы получить от Фердинанда и Изабеллы подтверждение дарованной в 1233 году императором и королем Фридрихом II сицилийской инквизиции привилегии, в силу которой инквизиторы вступали в обладание трети имущества осужденных еретиков. Изабелла подтвердила эту привилегию в Севилье 2 сентября 1477 года, а Фердинанд сделал это в Херес-де-ла-Фронтере [301] 18 октября того же года.

II. Барберис из рвения к интересам папы и в качестве должностного лица инквизиции постарался убедить короля, что христианская религия извлечет большие выгоды из святого трибунала благодаря страху, который внушали ее судебные приговоры.

III. Альфонсо де Охеда, приор доминиканского монастыря в Севилье, горячо советовал учредить в Испании святую инквизицию против христиан, которые отпадали от веры, чтобы вернуться к иудаизму.

Untitled

IV. Никколо Франко, епископ Тревизо, папский нунций при испанском дворе, приложил все свои силы для исполнения проекта, который не мог не быть полезным и приятным его владыке.

V. Тогда начали распространять молву, что во многих местах королевства новохристиане вместе с некрещеными евреями издеваются над иконами Иисуса Христа и даже распинают христианских детей, чтобы представить страдания и смерть, которым был подвергнут спаситель мира.

VI. Альфонсо де Охеда рассказал Фердинанду и Изабелле, что один рыцарь из семьи де Гусман, тайно спрятавшись в семье одного еврея, дочь которого он любил, видел там совершение этого преступления в день, когда христиане празднуют установление евхаристии [302].

VII. Фердинанд V был особенно расположен принять в свои владения инквизицию. Она ему предоставляла легкую возможность увеличить свои сокровища посредством конфискации громадных богатств, принадлежащих евреям, и тем самым получить преимущество перед другими королями для исполнения своего намерения о помощи папе. Единственным препятствием, которое надо было преодолеть, был отказ королевы Изабеллы в согласии на то, что предполагалось совершить в Кастилии.

VIII. Эта превосходная королева не могла одобрить того средства, которое открыто претило мягкости ее характера; но, если потревожить ее совесть, все были уверены в получении ее согласия, и ей дали понять, что при сложившихся обстоятельствах мера эта была для нее религиозным долгом.

Untitled

IX. Изабелла поддалась представлениям своего совета и поручила своему послу дому Франсиско де Сантьягу, епископу Осмы, ходатайствовать от ее имени перед римской курией о булле для учреждения в Кастильском королевстве трибунала инквизиции.

X. Этот документ был выпущен 1 ноября 1478 года. Он уполномочивал Фердинанда и Изабеллу назначить двух или трех архиепископов и епископов или других церковных сановников, известных своей мудростью и добродетелью, из белых священников [303] или монахов в возрасте не моложе сорока лет и безупречного поведения, магистров или бакалавров богословия, докторов или лиценциатов канонического права [304], после того как они выдержат полный экзамен. Этим священнослужителям во всех королевствах и государствах Фердинанда и Изабеллы должно быть поручено обнаружение еретиков, вероотступников и пособников этих преступлений. Папа присвоил им необходимую юрисдикцию, чтобы действовать против виновных согласно с правом и обычаями, и позволял обоим государям отзывать их и назначать на их место других лиц, с особой оговоркой, что булла не может быть аннулирована без специального упоминания о ее содержании.

XI. Ввиду того, что вводимая мера не нравилась Изабелле, совет этой королевы, по ее приказанию, велел отсрочить исполнение этой буллы: пробовали прекратить зло, на которое жаловались, другими, менее суровыми мерами.

XII. Кардинал Мендоса, архиепископ Севильи, составил катехизис, приспособленный к существовавшим обстоятельствам, для употребления его новохристианами.

Untitled

Этот прелат опубликовал его в своем дворце в 1478 году и особенно рекомендовал всем приходским священникам пользоваться им, чтобы часто и с величайшим старанием объяснять неопитам на особых собраниях христианское учение.

XIII. В 1480 году один еврей обнародовал сочинение, в котором нападал на управление Фердинанда и Изабеллы и говорил много дурного о христианской религии. Фернандо де Талавера, иеронимитский монах [305], духовник королевы, известный одинаково как своей ученостью, так и своими добродетелями, опубликовал в следующем году сочинение под заглавием Католическое опровержение еретического пасквиля, вышедшего в Севилье в 1480 году.

XIV. Королева поручила дому Диего Альфонсо де Солису, епископу Кадиса, управлявшему за кардинала Севильской епархией, Диего де Мерло, префекту Севильи, и брату Альфонсо Охеде, приору доминиканского монастыря, проследить за действием этих мер кротости и дать об этом верный отчет. Их донесения были такими, каких можно было ожидать при том положении вещей, и отцы доминиканцы, папский нунций и сам король желали, чтобы средство, выбранное Изабеллой, было признано недостаточным.

XV. Тем временем пришлось заняться ересью, приписанной Педро д'Осме, доктору Саламанки, который выставил и обнародовал некоторые богословские положения, противные догматам. Дом Альфонсо Каррильо, архиепископ Толедо (которому донесли об учении доктора д'Осмы), созвал несколько богословов, которые рассмотрели это учение и объявили его ошибочным.

Untitled

Архиепископ вызвал автора на суд перед этим собранием и укорял его за его дурные принципы. Педро д'Осма обещал отказаться от них тотчас же, если ему докажут его заблуждение. Богословы выполнили это с успехом, и дело это не только не имело последствий, но поведение архиепископа было одобрено папою.

XVI. Если бы следовали такому способу воздействия на обвиняемых в ереси, несчастья, созданные инквизицией, не составили бы позора для Испании; это происшествие достаточно доказывало, что было бесполезно создавать в Кастилии трибунал инквизиции.

XVII. Впрочем, события этого года не позволяют сомневаться, что это учреждение не понравилось кастильянкам. В начале 1480 года в Толедо состоялось общее собрание кортесов³⁰⁶ королевства. На нем занялись делами религии и особенно средствами воспрепятствовать злу, которое может быть причинено католической вере общением евреев с христианами. Были возобновлены старинные узаконения, между прочим то, которое обязывало некрещеных евреев носить на одежде отличительный знак, помогавший их распознавать, жить в отдельных кварталах, называемых еврейскими (juderia), и возвращаться в них до полуночи, и запрещало им профессии медика, хирурга, купца, цирюльника и кабатчика. Между тем кортесы [306] нисколько не помышляли ни просить, ни одобрять учреждения в королевстве инквизиции.

XVIII. Но так как король и папа хотели, чтобы трибунал был принят, то стало возможным получить на это согласие королевы. Папский нунций и доминиканцы ничем не

Untitled

пренебрегали для успеха в этом деле. Оба государя, будучи в Медина-дель-Кампо, назначили 17 сентября 1480 года первыми инквизиторами брата Мигуэля Морильо и брата Хуана де Сан-Мартино, доминиканцев (первый был инквизитором в арагонской провинции Руссильон), а в качестве советника и ассессора этих двух монахов доктора Хуана Руиса де Медину, светского аббата [307] коллегиальной церкви в Медина-де-Рио-Секо, советника королевы, который впоследствии достиг последовательно звания епископа Асторги, Бадахоса, Картахены, Сеговии и посла в Риме. В качестве прокурора двум инквизиторам дали Хуана Лопеса дель Барко, капеллана Изабеллы.

XIX. 9 октября от имени короля и королевы был послан всем губернаторам провинций приказ снабдить инквизиторов и их свиту дорожными вещами и провизией, в которых они будут нуждаться при своем проезде в Севилью, - странное для того времени распоряжение, доказывающее степень влияния, которое доминиканцы уже приобрели в инквизиции! Их привилегии были одинаковы с теми, которые даровал в 1223 году император Фридрих II в качестве короля Сицилии.

XX. Население королевства Кастилия с таким недовольством встретило учреждение у них инквизиции, что, когда, инквизиторы прибыли в Севилью и показали свои мандаты и королевский приказ, им оказалось невозможно собрать небольшое число людей и получить другие средства, в которых они нуждались для того, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей.

XXI. Совету Фердинанда и Изабеллы, которые находились еще в Медина-дель-Кампо, понадобилось послать 27

Untitled

декабря новый приказ, чтобы префект и другие власти Севильи и епархии Кадиса помогли инквизиторам водвориться и вступить в должность; при этом королевский приказ был истолкован в том смысле, что он относится только к жителям городов и местечек, которые непосредственно принадлежали владениям королевы. Тогда почти все новохристиане переселились на земли герцога Медина-Сидонии, маркиза Кадиса, графа д'Аркосы и некоторых других частных владельцев.

XXII. Это добровольное выселение было причиной того, что инквизиторы получили королевский указ против переселенцев. Новый трибунал объявил их почти уличенными в ереси в силу факта их переселения и желания бегством избавиться от наблюдения и власти инквизиции.

Статья третья Учреждение инквизиции

I. Инквизиторы учредили свой трибунал в доминиканском монастыре Св. Павла в Севилье, и 2 января 1481 года был обнародован первый акт их юрисдикции в виде эдикта, объявлявшего, что на основании дошедшего до них сведения об эмиграции новохристиан они повелевают маркизу Кадиса, графу Аркосе и герцогам, маркизам, графам, рыцарям, грандам Испании и другим дворянам Кастильского королевства схватить их в двухнедельный срок, выслать беглецов под конвоем в Севилью и наложить секвестр на их имущество, под страхом отлучения от Церкви тех, кто не выполнит этого приказания, сверх тех наказаний, которые они навлекут на себя по справедливости как пособники еретиков, а именно: конфискацию их собственного имущества, потерю званий и

Untitled

должностей и владетельных прав. Инквизиторы оставляли за собою или предоставляли папе право освобождать виновных от церковных наказаний. Здесь ясно видно начало первых поползновений нового трибунала против светской власти под влиянием ультрамонтанских принципов.

II. Число пленников вскоре сделалось столь значительным, что монастырь, назначенный инквизиторам, не мог более их вместить, и трибунал устроился в замке Триана, расположенном в предместье Севильи. О плохом вкусе, царившем тогда в литературе, можно судить на основании варварской надписи, которую инквизиторы выгравировали там спустя некоторое время. Вот она:

III. "Sanctum Inquisitionis officium contra hereticorum pravitatem in Hispaniae regnis initiatum est Hispali anno MCCCCLXXXI, sedente in trono apostolico Sixto IV, a quo fuit concessum, et regnantibus in Hispania Ferdinando V et Isabellae, a quibus fuit imprecatum. Generalis inquisitor primus fuit Fr. Thomas de Torquemada, prior conventus Sanctae-Crucis Segoveensis, Ordinis praedicatorum. Facit Deus ut in fidei tutelam et augementum in fmem usque saeculi permancat, etc... Exurge, Domine; judica causam tuam. Capite nobis vulpes" {См.: Ортис де Суньига. Летопись Севильи. Кн. 12.}.

IV. Перевод ее: "Святой трибунал инквизиции, учрежденный против нечестия еретиков в королевствах Испании, начался в Севилье в 1481 году, в бытность папою Сикста IV, которым он разрешен, и в царствование Фердинанда V и Изабеллы, которыми он испрошен. Первым главным инквизитором был брат Томас

Untitled

Торквемада, приор монастыря Святого Креста в Сеговии, ордена братьев проповедников. Бог да устроит, ради распространения и поддержания веры, чтобы он продолжался до скончания века и т. д. Воскресни, Господи. Суди свое дело. Ловите для нас лисиц".

V. Заблуждение и предрассудки до такой степени ослепили современных испанских авторов, что, не зная или забыв о недовольстве, сопротивлении и даже восстаниях, сопровождавших учреждение в Испании инквизиции в XV веке, они поздравляли свое отечество с возвращением в него инквизиции и прилагали столько старания, чтобы открыть, в какой стране она получила начало, как будто вопрос шел о родине Гомера. Город Сеговия был одним из претендовавших на эту честь, и историки серьезно разделились на два лагеря по вопросу о том, имела ли святая инквизиция свои заседания в доме майората Касереса или в доме маркиза де Мойи {Кольменарес. История Сеговии. Гл. 34; Пинель де Монрой. Жизнь первого маркиза де Мойи. Кн. 12. Гл. 16.}. Что можно думать о народе, который черпает тщеславие из своих несчастий и занимается серьезно подобными вопросами?

VI. Инквизиторы вскоре обнародовали второй указ, который они назвали льготным указом, для побуждения тех, кто отступил в вере, добровольно отдаться в их руки. Они обещали тем отступникам, которые придут к ним с истинной скорбью о своих грехах и твердым намерением отбыть епитимью, даровать прощение и не конфисковать имущества. Если кто пропустит льготный срок и будет оговорен другими, то будет преследуем согласно строгости закона.

Untitled

VII. Нашлось немало людей, которые попались на эту удочку. Инквизиторы дали им отпущение только тогда, когда они под присягой сообщили имена, положение, местожительство и приметы всех тех, о которых знали как о вероотступниках, все равно, были ли они заведомо таковыми или о них шла только такая молва. Их заставили также дать обещание сохранять обо всех этих сообщениях тайну, и инквизиторы успели этим путем уловить в свои сети бесконечное множество новохристиан, которые не хотели открыть своего вероотступничества.

VIII. Когда льготный срок, дарованный инквизиторами, истек, они опубликовали новый указ, который повелевал под угрозой смертного греха и верховного отлучения от Церкви донести в трехдневный срок о лицах, известных тем, что они приняли иудейскую ересь. Легко понять, до какой степени эта мера противоречит закону Христа, который повелевает увещевать согрешившего трижды и еретика дважды, прежде чем их наказывать. Пагубные последствия этого постановления были таковы, что еретик узнавал о своем предании суду лишь в момент своего ареста и заключения в тюрьму инквизиции.

IX. Та же участь ожидала обращенного еврея, если он, не впадая обратно в иудаизм, сохранял некоторые привычки своего детства, которые вовсе не были противны христианству, но при зложелательстве могли быть приняты за явные признаки отступничества. Это дало инквизиторам повод установить в их указе различные случаи, когда донос становился обязательным. Он должен был последовать: 1. Когда еврей, ставший христианином, ожидает Мессию или говорит, что он еще не пришел; что он придет для

Untitled

искупления людей его народа, освободит от пленения, в котором они стонут, приведет их в землю обетованную.

2. Когда возродившийся в крещении снова принимает иудейскую религию.

3. Если он говорит, что закон Моисея в настоящее время так же действителен для нашего спасения, как и закон Иисуса Христа.

4. Если он соблюдает субботу из уважения к покинутому им закону, что достаточно доказывается тем, что он в этот день носит рубашку и платье более чистые, чем обыкновенно, что покрывает чистой скатертью свой стол и воздерживается зажигать в своем доме огонь с вечера предыдущего дня [308].

5. Если он выбирает из мяса животных, которыми питается, сало или жир; если выпускает всю кровь, моя его в воде, или отрезает некоторые части, как, например, железу или ядро из ляжки барана или какого-либо другого убитого для еды животного.

6. Если перед тем, как его зарезать, как и овец, которыми он хочет питаться, он смотрит, нет ли на лезвии ножа, которым он должен воспользоваться, какой-либо зазубрины, проводя им по ногтю пальца; если он покрывает кровь землею, произнося по еврейскому обычаю известные слова.

7. Если он ест мясо в дни Великого поста или в назначенное для воздержания время без необходимости и думая, что это можно делать, не оскорбляя Бога.

8. Если он соблюдает еврейский Великий пост, известный под разными названиями - пост покаяния, искупления, кипурим или йом-кипурт [309], падающий на десятый

Untitled

еврейский месяц, называющийся тишри [310]. Это доказывается, если он ходит во время этого поста босым, наподобие настоящих евреев; если он читает их молитвы или находится в то время с евреями, чтобы следовать их образу действий, в особенности обычаю, просить ночью друг у друга прощения; если отец кладет руку на голову своих детей, не делая крестного знамения и не произнося других слов, кроме следующих: "Будь благословен Господом и мною". Все эти обряды принадлежат закону Моисееву.

9. Если он держит пост царицы Эсфири [311], который евреи соблюдают в месяце адаре в память поста, соблюдавшегося их отцами во времена их пленения в царствование Ассура [312].

10. Если он держит пост ребиаш [313], называемый постом гибели святого дома, который бывает в девятый день месяца аба, в память разрушения храма, происходившего два раза - один раз при Навуходоносоре [314], а другой - при Тите [315].

11. Если он соблюдает предписанные Моисеевым законом посты в понедельник и четверг каждой недели, что можно предположить, если он воздерживается в эти дни от еды до восхода первой звезды ночи; если он лишает себя употребления мяса; если моется накануне; если стрижет ногти и концы волос и хранит их или бросает их в огонь; если произносит некоторые еврейские молитвы, попеременно опуская и подымая голову, с лицом, обращенным к стене, вымыв предварительно руки водой и землей, одевшись в саржу, власяницу или льняное полотно и туго подпоясавшись нитяным шнуром или кожаным

Untitled

ремнем.

12. Если празднует Пасху опресноков, поедая в эти дни утром сельдерей, салат-латук или другие овощи и огородные растения.

13. Если соблюдает праздник Кущей, начинающийся в десятый [316] день месяца тишри; это можно узнать, если он воздвигает перед своим домом ветки зеленых деревьев, предлагает какое-либо угощение или принимает на него приглашение и если посылает или принимает подарки к столу во время этого еврейского торжества.

14. Если соблюдает праздник Светильников, который евреи празднуют в двадцать пятый день месяца кислева, в память восстановления храма при Маккавеях; [317]если он в эти дни зажигает свечи с часа до десяти и если он их тушит, читая молитвы, как делают евреи в таком же случае.

15. Если он благословляет стол тем же способом, как и евреи.

16. Если он пьет вино кошер, что значит законный, считая таковым то вино, которое приготовлено лицами, исповедующими иудейскую веру.

17. Если он произносит бахору [318], то есть благословение, беря в свои руки наполненную вином чашу и произнося над нею некоторые слова перед тем, как дать ее каждому из присутствующих. - Словом Сераха, откуда происходит слово бахара, евреи обозначают всякий род молитвы, употребляемой для благодарения Бога и для прославления его. После празднования субботы, которое оканчивается некоторыми обычными в синагогах молитвами, евреи возвращаются к себе домой и садятся за

Untitled

стол. На нем они ставят солонку, два хлеба, покрытые скатертью, и чашу, полную вина. Отец семейства берет чашу и, прочитав молитву, отпивает глоток и тотчас же передает чашу присутствующим, которые пьют из нее один за другим.

18. Если он ест мясо какого-либо животного, зарезанного евреями.

19. Если он съел то же мясо, что и евреи, и сидел за их столом.

20. Если он читал псалмы Давида, не говоря в конце: слава Отцу и т. д. [319].

21. Если из уважения к закону Моисееву женщина не явилась в церковь на сороковой день после родов.

22. Если кто-нибудь совершил обрезание [320] или распорядился совершить его над своим сыном.

23. Если он дал ему еврейское имя, выбранное из тех имен, которые носят евреи.

24. Если после крещения своих детей новохристианин обмывает ту часть их головы, которая была помазана святым миром.

25. Если через семь дней после рождения он погружает своих детей в таз, где положены в воду, по обычаю евреев, золото, серебро, зерна жемчуга, пшеницы, ячменя и другие вещества, в то же время произнося некоторые слова.

26. Если он составляет гороскоп [321] своих детей в момент их рождения и объявляет, что должно с ними в жизни случиться, на основании наблюдения светил, что является особым суеверием фаталистов.

27. Если он женится, соблюдая обычаи, предписываемые законом Моисея.

Untitled

28. Если он совершает руайа - обряд, состоящий в приглашении на обед своих родственников и друзей накануне дня отъезда; его называют обедом разлуки. - Какое широкое поле для личной злобы! Это правило заставило бы в наши дни принять за евреев множество христиан, которые следуют этому обычаю, совсем не думая о Моисеевом законе.

29. Если он носит на себе ладанки, употребительные у евреев. - У христиан встречается своего рода подражание этому в привычке, общей многим, носить самим и заставлять своих детей носить модель санбенито и другие предметы подобного рода, с тем же намерением.

30. Если при выпекании хлеба он берет часть теста и сжигает ее в знак жертвы, по примеру евреев, которые приносят Богу в жертву кусок теста, как начатки им принадлежащих благ.

31. Если в смертный час он повертывает лицо к стене или если его кто-нибудь другой кладет в такое положение раньше, чем он испустит дух. - Этот обычай был свойствен евреям, как доказывает пример царя Езекии. Но если это действие есть признак иудаизма, мы можем узнать у докторов, а также у больных и находящихся в агонии, каким образом приходится умирать большинству христиан.

32. Если он вымыл или велел вымыть теплою водою тело умершего человека; если он приказал побрить его лицо, подмышки и другие части тела; если он распорядился похоронить его в новом саване, в штанах, рубашке и накидке; если он положил под его голову подушку из свежей земли или вложил монету в рот.

33. Если он обращался к мертвым со словами похвалы или

Untitled

читал над ними печальные стихи. Это напоминает обычай евреев произносить речь или стихи в похвалу умерших. - Можно ли это счесть за ересь? Что думать тогда о надгробных речах и о речах академических?

34. Если он разливал из кувшинов или другой посуды воду в доме умершего и в соседних с ним домах, чтобы согласоваться с обычаем евреев.

35. Если он садился позади двери покойника в знак траура; если он ел рыбу и оливки вместо мяса, чтобы почтить его память.

36. Если он остается дома в течение года после похорон кого-либо, чтобы доказать свою скорбь. - Это, по-видимому, не должно было доставить инквизиции много жертв.

37. Если он велел похоронить умершего в нетронутой земле или на еврейском кладбище.

X. Легко усмотреть, насколько многие из этих статей смешны и нелепы, другие несправедливы и почти все дышат произволом. Факты, обозначенные как улики иудаизма в статьях 4, 5, 6, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35 и 36, до такой степени двусмысленны, что, собранные вместе, они с трудом составили бы в наше время простую презумпцию; взятые отдельно, они не могут быть законно вменены никому, потому что по своей сущности они ничего не означают.

XI. Все эти статьи доказывают искусство, с которым инквизиторы принялись за дело, чтобы породить обстоятельства, способные убедить королеву Изабеллу, что в Испании, в особенности в епархиях Севильи и Кадикса, действительно существует очень большое число

Untitled

иудействующих еретиков. Если бы все новохристиане после совершения столь невинных самих по себе вещей с достаточным основанием могли быть признаны за еретиков, то инквизиторам было бы легко принять свои преувеличения за неопровержимые истины. Но здравая критика нашего века далека от того, чтобы извинить личный интерес и лицемерие, которые двигали пружинами этой жестокой политики. Какой пользы можно было ожидать от учреждения, которое началось таким образом? Легко было предвидеть последствия этого; история их изложит, а вместе с ними и всю правду об инквизиции, которую важно знать людям.

Статья четвертая Первые казни и их последствия

I. Средства, столь пригодные для умножения числа жертв, не могли не произвести ожидаемого от них эффекта.

Поэтому трибунал начал вскоре свои жестокие экзекуции. 6 января 1481 года он приказал сжечь шесть осужденных, 26 марта того же года семнадцать, а месяцем позже еще большее число. 4 ноября того же года двести девяносто восемь новохристиан уже подверглись казни сожжения, семьдесят девять обвиняемых были ввергнуты в ужасы пожизненного заключения, и все это произошло в одном городе Севилье, на жителей которой пали первые удары кровавого трибунала. В других частях провинции и в епархии Кадикса, по сообщению Марианы, две тысячи этих несчастных были преданы огню в 1481 году; другие в большом числе, за отсутствием их, были казнены фигурально [322], и семнадцать тысяч подверглись различным каноническим карам {Мариона. История Испании. Кн. 24. Гл. 17.}. Среди тех, кто погиб в пламени,

Untitled

мы встречаем значительных людей и много богачей, состояние коих стало добычей казны.

II. Большое количество осужденных, подвергавшихся сожжению, вынудило префекта Севильи построить на поле, называемом Таблада [323], постоянный каменный эшафот, который сохранился до наших дней под именем Кемадеро [324] и на котором воздвигались четыре большие каменные статуи четырех пророков. Новохристиане, отпавшие от веры и закоренелые в отступничестве, замуровывались в этих изображениях заживо и там погибали, поджариваясь от пламени общего костра {После опубликования этого тома меня уверяли, что лица, присужденные к сожжению, только привязывались к статуям четырех пророков, а не замуровывались внутри их. Андрее Бернальдес, современный писатель и очевидец, от которого я почерпнул этот факт, не выражается достаточно ясно, чтобы рассеять все наши сомнения. Однако я очень охотно допускаю новое сообщенное мне мнение как менее противоречащее законам гуманности.}, постепенно нагревавшего каменные изваяния пророков.

Кто из людей осмелится объявить, что это наказание, наложенное за простое заблуждение разума, соответствовало духу Евангелия?

III. Страх, внушаемый подобными казнями новохристианам, заставил бесчисленное множество их эмигрировать во Францию, в Португалию и даже в Африку. Многие, осужденные заочно, спаслись в Рим и там просили у папы правосудия против своих судей. Верховный первосвященник писал об этом 29 января Фердинанду и Изабелле. Он жаловался на то, что два инквизитора,

Untitled

Мигуэль Морильо и Хуан де Сан-Мартино, не следуют правилам закона, объявляя еретиками тех, кто ими не был. Его святейшество прибавлял, что он отрешил бы их от должности, если бы не имел уважения к королевскому декрету, который их поставил на место; тем не менее он отменяет данное им полномочие на назначение других лиц, за исключением того случая, когда найдутся люди, способные к этим обязанностям, среди назначенных генералом и провинциалом доминиканцев, которым одним принадлежит эта привилегия; привилегия, посланная королю и королеве, относилась лишь к отправлявшим ее лицам {Писатель, скопировавший эту буллу из сборника, составленного в 1566 году Франциском Гонсалесом де Лумбрерасом, ошибся насчет даты этого бреве, проставив 1481 год - время менее всего верное, потому что приводимые в нем факты не могли иметь место с тех пор, как инквизиторы вступили в должность. Эти ошибки в дате иногда зависят от способа исчисления годов понтификата, которые начинались с самого дня избрания пап. Бреве, о котором идет речь, было отправлено на одиннадцатом году папства Сикста IV, которое началось 9 августа 1471 года, и, следовательно, истинную дату этого документа надлежит отнести к 29 января 1482 года. Та же двусмысленность наблюдается во многих других бреве, которые я буду иметь случай цитировать; я предупреждаю об этом читателя, чтобы он не удивлялся разнице, которую заметит между датами этой Истории и датами собрания Лумбрераса, которым я пользовался.}

IV. Поразительно, как Фердинанд и Изабелла могли стерпеть оскорбление, сделанное им римской курией,

Untitled

решение которой, вопреки их власти, благопритствовало генералу и провинциалу доминиканцев. Как ни был этот поступок возмутителен, папа пошел еще дальше. 11 февраля следующего года он отправил новое бреве, в котором, не упоминая о первом бреве, он говорил, что так как генерал доминиканцев Альфонсо де Сан-Себриано доказал ему необходимость увеличить число инквизиторов, он счел необходимым призвать к этим обязанностям самого дома Альфонсо и других монахов его ордена, Педро де Оканью, Педро Марильо, Хуана де Сан-Доминго, Хуана де Сан-Эспириту, Родриго де Сегарру, Томаса Торквемаду и Бернардо де Санта-Мариа, и что он отправил этим монахам мандаты, чтобы они немедленно вступили в исполнение своих обязанностей вместе с епархиальными епископами [325] при соблюдении процедуры согласно с другим специально на этот предмет данным бреве.

V. Я не мог найти этого другого документа; но вероятно, что он был подписан, как и первый, 17 апреля и послан в одно и то же время инквизиторам Арагона. Эта процедура нарушала так открыто законы уголовного права, что тотчас же дала повод к бесконечному количеству жалоб. Король счел себя даже вынужденным написать об этом папе. Ответ папы гласил, что булла была послана на основании мнений нескольких кардиналов, которые из страха чумы принуждены были уехать из Рима; что дело будет передано им для пересмотра после их возвращения и что пока он разрешает приостановить исполнение бреве от 17 апреля, лишь бы инквизиторы сообразовались при исполнении своей должности с уголовным правом и

Untitled

апостолическими буллами, в согласии с епархиальным епископом.

VI. В это именно время королева Изабелла просила папу дать новому трибуналу устойчивую форму, способную удовлетворить всех. Она просила, чтобы судебные решения, вынесенные в Испании, были окончательными и не допускали апелляции в Рим; в то же время она жаловалась, что многие усиленно распространяют про нее слух, будто все сделанное ею для трибунала имело в виду лишь овладение имуществом осужденных.

VII. Когда Сикст IV получил письмо Изабеллы, он узнал, что буллы, посланные им в Сицилию по делам инквизиции, встретили там сопротивление со стороны вице-короля и высших должностных лиц королевства. Папа сумел ловко извлечь выгоду для обеспечения своей власти в Сицилии из просьбы Изабеллы, с которой она только что обратилась. 23 февраля 1483 года он ответил королеве. Он похвалил ее рвение к инквизиции и утишил угрызения ее совести по вопросу о конфискациях. Он уверял ее, что исполнил бы все, о чем она его просила, если бы кардинал и мудрые люди, управляющие делами, не находили для этого непреодолимых препятствий. Папа умолял королеву продолжать поддерживать инквизицию в своих владениях и в особенности сделать нужные распоряжения для принятия и исполнения апостолических булл в Сицилии.

VIII. Среди параграфов этого письма особенно замечателен тот, где папа заявляет, что он сильно желает видеть учреждение инквизиции в Кастильском королевстве. Такое желание папы не вызывает удивления, когда изучаешь в истории церкви обычную систему

Untitled

римской курии. Но важно знать, что Сикст IV делает в этом признание, потому что оно подтверждает сказанное нами о старании апостолического легата Никколо Франко покровительствовать, как он делал это пять лет тому назад, учреждению этого трибунала в Кастилии.

IX. Папа, верный обещанию, данному им Изабелле, передал предложение этой государыни на рассмотрение многих важных особ Испании, которые были тогда в Риме, и особенно кардинала Родриго де Борхи (который был потом папой под именем Александра VI Борджиа); [326] кардинала церкви Св. Пракседы [327] дома Хуана де Мельи (брата еретика Альфонсо де Мельи, о котором мы говорили и который был сожжен в изображении после того, как убежал в Гранаду к маврам); кардинала дома Ауксиаса Деспуига из Майорки, архиепископа Монреалья в Сицилии; кардинала дома Рафаэле Галеото-и-Риарио, племянника папы и епископа Осмы, в Испании; епископа Хероны дома Хуана де Молеса Маргарита (который потом был кардиналом) и Гонсало де Вильядиего, испанского капеллана [328] папы, а позднее епископа Овиедо.

X. Все эти советники одобрили создание должности апостолического апелляционного судьи для Испании, которому будет поручено выносить решения на все апелляции против судебных приговоров, сделанных инквизицией. Одновременно они постановили не допускать в среду судей и к делам святого трибунала ни одного епископа, ни заместника или генерального викария, происходящих от евреев, все равно по мужской или по женской линии, и, наконец, при помощи разных форменных бреве установить другие пункты, относящиеся к тому же

Untitled

делу.

XI. Первое из этих брeve было адресовано Фердинанду и Изабелле. Папа говорил, что вопрос этот был зрело обсужден им самим и его советниками, что он решил назначить дома Иньиго Манрике, архиепископа Севильи, единственным апелляционным судьей по делам веры, и он дал повеления, позволяющие ему надеяться, что поведение инквизиции не даст более повода ни к какой жалобе. Он убедительно просил обоих государей продолжать с рвением начатое ими дело, напоминая им, что Иисус Христос укрепил свое царство на земле разрушением идолопоклонства, и уверял их, что победа, одержанная ими над маврами, являлась наградой за их любовь к чистоте веры и что в настоящих условиях им предстоят не менее славные успехи. Папа прибавлял, что дурное поведение Кривовала Гальвеса, инквизитора Валенсии, известно всем, что его бесстыдство и его нечестие заслуживают примерного наказания; однако он удовольствовался лишением его должности, поручая Фердинанду и Изабелле назначить ему преемника, которому он с момента его назначения дарует юрисдикцию и необходимые полномочия.

XII. Что касается инквизитора Гальвеса, то Сурита рассказывает в своей Летописи Арагона, что Фердинанд написал уже папе 20 мая того же года через своего посла в Риме дону Гонсало Бетета на него жалобу и просьбу о лишении его должности. Таким образом оба государя были осведомлены в то же время о намерениях папы по отношению к инквизитору. Что думать о таком человеке, как Гальвес, когда видишь, что его называют нечестивым

Untitled

те самые лица, которые одобряют жестокость порученной ему обязанности?

XIII. Второе папское бреше датировано 25 мая. Оно было адресовано архиепископу Севильи Манрике, которого Его Святейшество назначил апелляционным судьей по делам испанской инквизиции. Это бреше предлагало ему просить Фердинанда и Изабеллу одобрить отставку Гальвеса. Это доказывает старание Сикста IV щадить расположение обоих государей. В этой политике папы нет ничего такого, что могло бы нас поразить. Ввиду того, что он был заинтересован в удаче дела инквизиции в Испании и Сицилии и предвидел не без основания, что оно явится для него обильным источником богатств, он и применял крайнюю осторожность по отношению к королю и королеве, чтобы сохранить свой авторитет.

XIV. Третьим бреше, адресованным дому Альфонсо де Фонсеке, архиепископу Сант-Яго, папа указывал этому прелату, что в интересах успешной деятельности инквизиции и во избежание всякого рода жалоб следовало бы всякому епископу, происходящему от предков евреев, воздерживаться от обязанностей судьи в процессах, касающихся веры, которые будут предприняты в его епархии, и назначать епархиальным инквизитором своего главного официального заместителя и генерального викария, если они сами не подлежат вышеуказанному отводу. В противном случае его выбор должен пасть на другое духовное лицо, против которого не существует никакого повода для подобного отвода. Затем папа поручал архиепископу сообщить это решение всем епископам церковной провинции Кампостело, чтобы они с

Untitled

этим сообразовались в своих епархиях. Если же кто-нибудь воспротивится этой мере, папа уполномочивает его самого назначить епархиального инквизитора, которому он своим бреве давал необходимые полномочия, чтобы епископ не мог воспользоваться своею властью назначить другое лицо.

XV. Папа направил кардиналу архиепископу Толедо дому Педро Гонсалесу де Мендосе четвертое бреве, предписывающее ему держаться того же поведения, как с епископами, и относительно высших духовных лиц Толедо и Сарагосы. Можно думать, что подобные же бреве были разосланы архиепископам Севильи и Таррагоны, хотя история и не говорит ничего определенного об этом. Быть может, покажется странным, что это поручение в части, касающейся епархии Сарагосы, было дано кардиналу Мендосе; но надо знать, что архиепископством этого города обладал тогда под названием пожизненного администратора четырнадцатилетний мальчик дон Альфонсо Арагонский, внебрачный сын Фердинанда.

XVI. Назначение дома Иньиго Манрике, архиепископа Севильи, на должность апелляционного судьи казалось полезным, потому что оно препятствовало жителям и деньгам Испании утекать из королевства. Поэтому римская курия вскоре собралась сделать его недействительным. Она продолжала принимать апелляции, с которыми к ней обращалось множество испанцев, как будто булла, поставившая Манрике на должность, была уже объявлена потерявшей силу.

XVII. 2 августа этого года папа отправил другое послание, по собственному побуждению для постоянного

Untitled

напоминания (*motu proprio ad perpetuam rei memoriam*), которое доказывает одновременно несправедливость, с какой велись дела инквизиции, а также и то, как мало можно было доверять заявлениям римской курии. Ибо мы видим, что в течение двух месяцев, прошедших между обнаружением этих двух документов, в апостолическом секретариате были приняты все испрашиваемые апелляции, как будто буллы от 25 мая, запрещающей их, не существовало. Его Святейшество говорил в этом новом послании, что он принял многих севильских испанцев, которые доложили ему, что не могут предстать перед апелляционным судьей, который не преминул бы поступить с ними еще суровее, чем сам закон, и что они не осмеливаются вернуться в Севилью из опасения, что их арестуют и посадят в тюрьму. Папа писал далее, что некоторые из них получили отпущение в апостолическом пенитенциарном суде, а другие были готовы его получить; что он осведомлен, что милости, дарованные недавно святым престолом, были сочтены в Севилье недействительными и что там продолжают процессы некоторых из этих испанцев, тогда как другие уже сожжены фигурально и были бы сожжены живьем, если бы вернулись в Испанию. Принимая все происшедшее во внимание, он поручил аудиторам апостолического дворца обсудить апелляции обвиняемых, невзирая на право, предоставленное архиепископу Севильи, и сверх того приказал, чтобы данные пенитенциарным судом отпущения имели силу наравне с выданными им мандатами. Папа объявлял, что начатые против этих лиц процессы должны считаться законченными, и повелевал

Untitled

архиепископу Севильи и другим прелатам Испании и тем испанским прелатам, которые жили в Риме, допустить к частному примирению с Церковью (наложив тайную епитимью) всех, кто его будет испрашивать, хотя бы они были обещены, преданы суду, уличены и присуждены окончательно к сожжению. Они должны были также оправдать виновных, которые явятся с мандатами на этот предмет, смотреть как на оправданных на всех, уже получивших отпущение от апостолического пенитенциарного суда, и охранять их от всех властей, которые стали бы их преследовать. Папа говорил Фердинанду и Изабелле, что сострадание к виновным более приятно Богу, чем строгость, которую хотели к ним применить, как это доказывает пример доброго пастыря в Евангелии, который бежит искать заблудшую овцу. Вследствие этого он обязывает их обращаться благосклонно с теми из их подданных, которые сделали бы добровольные признания, позволяя им оставаться в Севилье или в других местах их владений и пользоваться там всем своим имуществом, как если бы они никогда не впадали в ересь.

XVIII. Последняя булла, очевидно, противоречила всему тому, что папа установил, по совету кардиналов, буллой от 25 мая. Однако подобное соображение не могло удержать римскую курию. Обстоятельства жизни позволяли все более обогащаться через новохристиан Испании, и эта выгода казалась папе слишком ценной, чтобы продолжать держаться своих собственных декретов. Тем не менее, не будучи в состоянии скрыть от себя дурное впечатление, которое произвела эта булла, и предвидя, что Фердинанд

Untitled

не преминет на нее пожаловаться, он написал ему 13 августа, что, признав отправку буллы слишком поспешной, он счел уместным ее взять обратно. Но при каких обстоятельствах папа принял это решение? Когда несчастные новохристиане, ограбленные и обманутые римской курией, безуспешно требовали возврата стоимости тех отпущений, которые им были ею дарованы.

XIX. Хуан из Севильи, один из тех, кто содействовал получению этой буллы, представил ее 7 января 1484 года дому Гарсии де Менесесу, архиепископу Эворы [329] в Португалии, прося, чтобы, согласно находящейся в ней статье, с нее была бы снята заверенная копия, которая могла бы служить оригиналом для всех тех, кто хотел бы заставить признать ее силу перед судьями инквизиции в Севилье или в других городах королевства. Архиепископ поручил Нуньо Льоренте, священнику Эворы, нотариусу своей епархии, предоставлять заверенные копии с этой буллы всем, кто будет их спрашивать, признавая их имеющими силу, удостоверив, что в подлиннике нет никакой ошибки и никакого указания, которое могло бы заставить считать его фальшивым или поддельным.

XX. Этот поступок архиепископа оказался бесполезным. Хуан из Севильи и другие осужденные заочно были вынуждены явиться к апелляционному судье дому Иньиго Манрике и подверглись роковой судьбе, которую легко было предвидеть на основании царившего тогда духа. Фердинанд был очень доволен при виде упрочения системы конфискаций, а инквизиторы, со своей стороны, были слишком заинтересованы, чтобы их способ судопроизводства не казался неправильным. Один папа

Untitled

мог исправить это столь великое дело, подтвердив распоряжения последней буллы; но он боялся не угодить Фердинанду в таком щекотливом деле, хотя и признал несколько раз несправедливость и жестокость инквизиторов. Он подумал лишь о том, чтобы дать испанской инквизиции устойчивую форму, и достиг этого в том же году, как мы вскоре увидим.

Глава VI установление должности великого главного инквизитора, королевского совета инквизиции, подчиненных трибуналов и органических законов.

Учреждение святого трибунала в арагонском королевстве
Статья первая Главный инквизитор. Совет инквизиции.
органические законы

I. Среди мероприятий, к которым привело новое рассмотрение буллы от 2 августа 1483 года, надо считать декрет, предписавший инквизиции принять форму постоянного трибунала, с главой, которому были подчинены все инквизиторы вообще и каждый из них в отдельности. Должность главного инквизитора Кастильского королевства лишь в эту эпоху была предоставлена Томасу Торквемаде, имя которого, до тех пор было известно не иначе, как в числе многих других имен, означенных в февральской булле 1482 года.

II. Второе бреве, от 17 октября 1483 года, поставило его главным инквизитором Арагонского королевства, и огромные полномочия его должности были подтверждены 11 февраля 1486 года Иннокентием VIII [330] и двумя преемниками этого папы. Торквемада вполне оправдал сделанный выбор. Было почти что невозможно найти человека, более способного выполнить намерения

Untitled

Фердинанда в отношении умножения конфискаций, римской курии - в смысле пропаганды ее властолюбивых и фискальных принципов, и, наконец, самой инквизиции - в поставленной ею задаче казнями установить систему террора, в котором она нуждалась.

III. Торквемада создал сначала четыре подчиненных трибунала - для Севильи, Кордовы, Хаэна и Вилья-Реалья, называемого в настоящее время Сьюдад-Реаль [331].

Четвертый трибунал был вскоре перенесен в Толедо.

Затем Торквемада позволил доминиканцам приступить к исполнению их обязанностей в различных епархиях кастильской короны.

IV. Эти монахи, получившие мандаты от святого престола, подчинились не без некоторого сопротивления приказаниям Торквемады под тем предлогом, что они не являлись его уполномоченными. Торквемада, чтобы не повредить начатому им делу, не решился уволить их в отставку; но, будучи убежден в необходимости для своих видов единства действия, приготовился установить основные положения, без которых, как он хорошо видел, нельзя было обойтись. В качестве ассессоров и советников он избрал юрисконсультов Хуана Гутьерреса де Чавеса и Тристана де Медину.

V. Тем временем Фердинанд, не терявший из вида, сколь важно было в интересах фиска организовать трибунал надлежащим образом, создал королевский совет инквизиции, законным и пожизненным председателем его назначил главного инквизитора, а советниками дома Альфонсо Карильо, который был в то же время епископом Мазары в Сицилии, но пребывал тогда в Испании, Санчо

Untitled

Веласкеса де Куэльяра и Понса из Валенсии. Оба последних были докторами права.

VI. Эта организация предоставляла советникам право решающего голоса во всех делах, подсудных гражданскому праву, и только совещательного голоса в делах, принадлежавших церковной власти, которую, в силу апостолических булл, был облечен один Торквемада.

VII. Это обстоятельство часто приводило к большим пререканиям между главными инквизиторами и членами верховного совета [332], так как обе стороны горячо поддерживали свои обоюдные претензии. Однако вопрос остался нерешенным, потому что он не был поставлен как следует, причем авторы его не умели различить двух видов дел, которыми занимался совет, и потому что его члены принадлежали к духовенству, а это, естественно, заставляло их относить многие вопросы, подсудные гражданской власти, к канонической юрисдикции.

VIII. Такое управление сильно уменьшило число дел, которые королевская светская власть имела право разбирать, и она вскоре заметила, как сильно ее соперница вредила интересам и прибылям фиска. Если бы контрагенты светской власти хорошо изучили цель и организацию совета и истинные принципы гражданской и церковной юрисдикции, этот противозаконный захват никогда не произошел бы, потому что случаи необходимости прибегать к духовной власти главных инквизиторов были бы сведены к небольшому числу.

IX. Торквемада поручил своим двум ассессорам составить основные законы для управления нового трибунала, предварительно ознакомившись с тем, что было по этому

Untitled

предмету опубликовано в XIV веке Николаем Эймериком, и воспользовавшись советами сведущих людей. Он созвал общее собрание, составленное из инквизиторов четырех учрежденных им трибуналов, из своих двух ассессоров и из королевских советников. Эта хунта [333] произошла в Севилье, и 29 октября 1484 года под именем инструкций на ней обнародовали первые законы испанской инквизиции.

X. У меня имеется их копия, содержащая также инструкции, последовательно обнародованные вплоть до 1561 года, помимо большого количества отдельных узаконений, которые еще не устарели. Я не сомневаюсь, что друзья истории встретят с удовольствием обнародование этого собрания жестоких законов, порожденных фанатизмом и суеверием, Но в план этого сочинения не входит передача буквальной копии статей первоначальной инструкции. Я ограничусь предоставлением моим читателям их общей идеи совокупности, чтобы познакомить с тем духом, который царил в инквизиции и управлял ее действиями.

XI. Первая статья устанавливала способ, которым учреждение трибунала будет оповещено в стране, где он должен быть установлен. - Распоряжения об этом соответствовали тому, что происходило в Севилье, когда инквизиция была там установлена. В них можно уже заметить захват прав государя и злоупотребления, которые являются естественным следствием этого.

Вторая статья предписывала обнародование в местной церкви указа, сопровождаемого угрозой церковных кар тем, кто, совершив преступление ереси или вероотступничества, не донесет на себя добровольно до

Untitled

истечения дарованного им льготного срока, и тем, кто воспротивится исполнению мероприятий, предписанных святым трибуналом.

Третьей статьей был определен месячный срок еретикам для объявления самих себя и для предупреждения этим конфискации их имущества, однако без ущерба для денежных штрафов, к которым они могли быть приговорены.

В четвертой статье было сказано, чтобы добровольные признания, заявляемые во время льготного срока, делались письменно, в присутствии инквизиторов и секретаря так, чтобы виновные давали ответы на все вопросы и интерpellации, обращенные к ним инквизитором по вопросу об их исповедании и насчет их соучастников и тех, вероотступничество коих они знают или подозревают. - Эта статья оказывала человеку милость лишь для того, чтобы предать других преследованию.

Пятая статья запрещала давать тайно отпущение тому, кто сделает добровольное сознание, за исключением единственного случая, когда никто не знает о его преступлении и следует опасаться его огласки. - Легко видеть, насколько эта мера была жестока, потому что она предавала позору публичного аутодафе даже того, кто по свободному и добровольному душевному движению признавался в своем грехе. Какая разница между этим поведением инквизиторов и поведением Иисуса Христа относительно блудницы, самарянки и грешницы! [334]

Указанная мера передала в руки римской курии громадные суммы: тысячи новохристиан обратились к папе и предложили принести искреннее сознание в прошлом и

Untitled

обещание быть в будущем верными своему долгу христианами, если им пожелают тайно дать отпущение: римская курия извлекла выгоду из готовности этих перепуганных людей и даровала им за деньги апостолические бреве, которые должны были предоставить им безопасность.

Шестая статья устанавливала, что часть епитимьи того, кто примирится с Церковью, будет состоять в лишении его пользования всякой почетной должностью, употребления золота, серебра, жемчуга, шелка и тонкого полотна. -

Посредством этой отвратительной комбинации все оповещались о бесчестии, к которому данное лицо присуждалось за преступление ереси. Ужасное распоряжение это послужило лишь к обогащению римской курии в силу умножившихся просьб о получении папского бреве о реабилитации. Они выдавались до тех пор, пока Александр VI, по ходатайству испанских государей, своим бреве от 17 сентября 1498 года не предоставил главному инквизитору право реабилитировать осужденных, но с несправедливой оговоркой, которая аннулировала все пожалования, сделанные раньше в Риме.

Седьмая статья налагала денежные штрафы на всех, кто сделал добровольное признание. - Говорили, что основанием этой меры была бдительность к охране католической веры; но она указывает еще более ясно на ту цель, которую задался Фердинанд, учреждая инквизицию.

Восьмая статья гласила, что добровольно кающийся, который явится со своим признанием по истечении льготного срока, не может быть избавлен от конфискации своего имущества, которая будет объявлена и которой он

Untitled

подвергнется по праву со дня своего вероотступничества или своей ереси. - Это распоряжение еще раз доказывает жадность короля и то, чего он ожидал для себя от инквизиции.

В девятой статье сказано, что если лица моложе двадцати лет явятся по собственному побуждению, чтобы заявить свое сознание, по истечении льготного срока, и если будет доказано, что они вовлечены в заблуждение своими родителями, то достаточно наложить на них легкую епитимью. - Но что эти люди, хладнокровно жестокие, понимают под этого рода епитимьей? Это публичное ношение в течение года или двух лет санбенито и присутствие под этой вывеской в праздничные дни на торжественной мессе и в процессиях или пребывание в другом более или менее унижительном положении.

Десятая статья налагала на инквизиторов обязанность объявлять в их акте примирения время, когда примиренный впал в ересь, чтобы знать, какая часть его имущества принадлежит фиску. - Суровость этой статьи заставила многих зятьев потерять приданое их жен, потому что оно было им выплачено после преступления их тестей. Это привело в семьях еретиков к громадным убыткам, последствия которых были неисчислимы.

Одиннадцатая статья гласила, что если содержащийся в секретной тюрьме святого трибунала еретик, движимый истинным раскаянием, попросит отпущения, то ему можно его даровать, наложив на него в виде епитимьи кару пожизненного заключения. - Я предоставляю своим читателям труд судить, находятся ли в этом случае преступление и наказание в правильном соотношении.

Untitled

Двенадцатой статьей указывалось, что, если инквизиторы думают, что в случае, указанном в предыдущей статье, признание кающегося притворно, они должны отказать ему в отпущении, объявить его лжекающимся и присудить его, как такового, к релаксации и преданию в руки светского правосудия для сожжения на костре. - Из этого видно, что жизнь узника зависела от произвольного усмотрения инквизиторов, даже в том случае, если он настаивал на искренности своего раскаяния.

Тринадцатой статьей было постановлено, что если человек, получивший отпущение после своего добровольного признания, хвастает, что скрыл разные преступления, или из собранных сведений вытекает, что он совершил их большее количество, чем то, в котором покаялся, он будет арестован и судим как лжекающийся. - Вторая часть этой статьи носит очевидный характер жестокости, потому что вполне возможно, что обвиняемый просто забыл многие из своих прегрешений.

Четырнадцатая статья гласила, что, если уличенный обвиняемый упорствует в своих отрицаниях даже после оглашения свидетельских показаний, он должен быть осужден как нераскаянный. - Это распоряжение привело на костер тысячи жертв. Во-первых, потому, что считали уличенными тех, которые не были ими, а публичными и подлинными свидетельствами - урезанные свидетельские показания, авторы которых оставались неизвестны. Во-вторых, потому, что если и было соответствие в показаниях двух или трех свидетелей, то клевета (а еще чаще ложное толкование) могла скомпрометировать участь подсудимого, несчастного уже тем, что он не мог ни

Untitled

доказать, ни убедить своих судей, отказывающих в сообщении ему документов его процесса.

На основании пятнадцатой статьи, когда против отрицающего свое преступление обвиняемого существовала полуулика, он должен был подвергнуться пытке. Если во время пытки он признает себя виновным и затем подтвердит свое сознание, то его наказывали как уличенного; если он отказывался от подтверждения, его подвергали вторично, по праву, той же пытке или присуждали к чрезвычайному наказанию. - Привод к пытке во второй раз спустя некоторое время был запрещен советом инквизиции. Однако были инквизиторы столь жестокие, что они все-таки применяли его к заключенным святого трибунала. Они говорили при этом, что подвергают пытке заключенного только один раз, потому что после первого сеанса на относящихся к процессу бумагах они писали, что откладывают пытку, чтобы продолжать ее, когда это им понадобится и захочется сделать.

Шестнадцатой статьей было запрещено сообщать обвиняемым полную копию свидетельских показаний; можно было только давать им понятие о том, что на них было донесено, оставляя их в неведении об обстоятельствах, которые могли бы им помочь узнать свидетелей. - Одна эта статья была бы способна внушить отвращение к трибуналу инквизиции. В том, что обвиняемому отказывали в сообщении результатов предварительного следствия, не было ничего противозаконного. Но отказывать ему в ознакомлении с документами его процесса во время самого суда - не означает ли это сделать для подсудимого невозможным

Untitled

пользоваться правом самозащиты?

Семнадцатая статья предписывает инквизиторам самим допрашивать свидетелей, когда это для них не невозможно. - Это распоряжение справедливо, но его делает иллюзорным то обстоятельство, что его редко было возможно осуществить, так как свидетели и судьи почти всегда находились в разных местах государства.

Приходилось комиссару трибунала рассматривать и принимать показания при помощи нотариуса, исполнявшего обязанности секретаря. Так как оба они присягают в сохранении тайны, то можно видеть, какой может произойти беспорядок, граничащий с преступлением, от распоряжения, заставляющего подначальных людей уголовного трибунала удостоверять преступность скорее, чем невиновность, чтобы этим быть приятным для лиц, приказывающих им свидетельствовать. Кроме того, разве не следует признать, что ничего не может быть опаснее истолкования ответов, данных свидетелями, которые не получили ни воспитания, ни образования?

Восемнадцатая статья велит одному или двум инквизиторам присутствовать при пытке, которой должен подвергнуться подсудимый, кроме случая, когда, будучи заняты в другом месте, они должны обращаться к комиссару для получения показаний, если пытка все-таки должна быть применена. - Не лучше ли было бы ее совсем отменить?!

На основании девятнадцатой статьи, если после вызова в суд согласно предписанным формам обвиняемый не явится, он должен быть осужден как уличенный еретик. -

Untitled

Мера бесконечно несправедливая, потому что тысяча обстоятельств может помешать человеку, вызванному в суд, быть осведомленным о своем вызове; если предположить даже, что он это знает, уклонение его от явки может быть вызвано боязнью быть посаженным в тюрьму, что далеко до молчаливого признания своего преступления.

Двадцатая статья гласит, что, если доказано книгами или поведением умершего человека, что он был еретиком, он должен быть судим и осужден как таковой; его труп должен быть вырыт из земли, все его имущество конфисковано в пользу государства, в ущерб его законным наследникам. - Кто мог бы поверить, что подобная мера против умершего, которого невозможно уже обратить, продиктована ревностью по вере? Поэтому надо искать другую правдоподобную причину такого поступка - в жадности, в желании внушить ужас и стать страшным. Однако примеров столь великой жестокости встречается немного, кроме, быть может, истории папы Стефана [335], который заставил выкопать из земли труп своего предшественника Формоза [336], чтобы обречь его память на бесславие. Двадцать первой статьей инквизиторам было приказано распространить свою юрисдикцию на сеньориальных вассалов; если сеньоры откажутся ее признать, то применить к ним церковные кары и другие наказания. - Это дало инквизиторам случай удовлетворять свое тщеславие, унижая этот надменный класс людей епитимьями, к которым они их присуждали как сопротивляющихся декретам трибунала.

В двадцать второй статье было сказано, что если человек,

Untitled

присужденный к выдаче в руки светского суда, оставляет несовершеннолетних детей, то им даруется государством, в виде милостыни, небольшая часть конфискованного имущества их отца, и что инквизиторы обязаны доверить надежным лицам заботу об их воспитании и христианском просвещении. - Хотя я прочел большое количество старинных процессов, но нигде не встретил, чтоб инквизиторы занимались судьбою несчастных детей осужденного. Нищета и позор были их единственным наследием, и такова была судьба (в течение последнего десятилетия XV века и в начале следующего века) бесчисленного множества испанских семейств.

На основании двадцать третьей статьи, если еретик, примиренный в течение льготного срока, без конфискации имущества, имел собственность, происходящую от лица, которое было присуждено к этой каре, то эта собственность не должна была включаться в закон прощения. - Постыдный расчет, подтверждающий мысль, что инквизиция получила свое возникновение не из чего иного, как из жадности своих основателей.

Двадцать четвертая статья обязывала давать свободу христианским рабам примиренного, когда не было конфискации, ввиду того что король даровал свою милость только на этом условии.

Двадцать пятой статьей запрещалось инквизиторам и другим лицам, причастным к трибуналу, получать подарки под страхом верховного отлучения и лишения должности, присуждения к возврату и к штрафу в размере двойной стоимости полученных вещей.

Двадцать шестая статья предлагает должностным лицам

Untitled

инквизиции жить друг с другом в мире, без стремления к превосходству, даже со стороны того, кто облечен властью епархиального епископа; в случае какого-либо раздора главному инквизитору поручалось прекращать его без огласки. - Это распоряжение доказывает, что были епископы, которые предоставляли свои полномочия одному из инквизиторов, что было явной несправедливостью, потому что тогда сокращалось число судей, и эта мера удаляла из трибунала, к несчастью обвиняемых, единственного человека, который обыкновенно был беспристрастным, другом справедливости, гуманным, просвещенным среди этих апостолических судей, которым, по-видимому, нравилось во время процесса подтверждать дурное мнение, которое установило против подсудимого тайное следствие. Двадцать седьмой статьей было горячо рекомендовано инквизиторам старательно следить за своими подчиненными, чтобы они были точными в исполнении своих обязанностей.

Наконец, двадцать восьмая статья предоставляет мудрости инквизиторов рассмотрение и обсуждение всех пунктов, не предусмотренных в основных законах, с которыми читатель только что познакомился.

XII. Будем ли мы рассматривать в отдельности двадцать восемь статей кодекса инквизиции или возьмем их в целом, мы видим, что судебные решения и приговоры зависят от способа, каким велось следствие, и от личного взгляда судей, высказывающихся за ересь или правоверие обвиняемого, на основании индукций, аналогий и результатов, извлеченных из отдельных фактов или

Untitled

разговоров, переданных часто с большим или меньшим преувеличением и неверностью. Что можно было ожидать от таких людей, ставших распорядителями жизни и смерти себе подобных, видя их полное ослепление предубеждением против беззащитных обвиняемых? Бесхитростный человек должен был погибнуть, торжествовал только лицемер.

XIII. Изложенный выше устав несколько раз пополнялся, даже в первые времена. К нему прибавили особо инструкции, которые были установлены в Севилье 2 января 1484 года, в Вальядолиде 7 октября 1488 года, в Толедо и в Авиле в 1498 году и, наконец, в Вальядолиде в 1561 году. Несмотря на все эти изменения, не видно, чтобы формы судопроизводства когда-либо переменились или чтобы отказались от произвола, составляющего основу этого ненавистного и жестокого правосудия. Для подсудимого было невозможно установить надлежащим образом свою защиту. Поставленные между альтернативой признания его невинности или подозрения в виновности, судьи постоянно давали увлекать себя в это последнее решение и не нуждались более в уликах. Это варварское учреждение под предлогом ревности по вере укрепляло с тех пор свою власть, чтобы преследовать невинного и слабого и освобождать только лицемеров.

Статья вторая Учреждение теперешней инквизиции в Арагоне. Мятежи в сарагосе

I. Кодекс и несправедливый, и жестокий, доверенный людям, которые думали угодить Богу, сжигая тысячи себе подобных (подражатели тех, о которых говорит св. Павел), мог только сделать инквизицию ненавистной во всем

Untitled

королевстве. Поэтому она возбудила самое сильное недовольство, как утверждают это в своей истории Хуан де Мариана на основании очень старинных мемуаров, особенно Лоренсо Галиндес де Карбахал, советник, историограф и современник Фердинанда и Изабеллы, и даже такие слепые и фанатические приверженцы этого трибунала, как Андрее Бернальдес, капеллан главного инквизитора Десы [337]. Но это доказывает лучше всего то, что произошло в Арагонском королевстве. Для того чтобы судить, насколько учреждение инквизиции должно было не нравиться подданным Фердинанда, достаточно видеть оказанное ей сопротивление и даже преступления, совершенные с целью отразить ее в этом королевстве и в провинциях Каталония, Валенсия, Майорка и Руссильон, Сардиния [338] и Сицилия.

II. Инквизиция была учреждена во всех этих странах с XIII века; хотя она была тогда менее сурова, она не оставалась праздной. Я видел в 1813 году в Сарагосе несколько процессов того времени, особенно один, относящийся к 1482 году, против Франсиско де Клементе, протонотария королевства [339]. Мисер Маненте, ассессор инквизиторов Уэски, Барбастро и Лериды, приводит несколько других в своей книге Генеалогия новых христиан Арагона, написанной в 1507 году. Можно было предполагать, что арагонцы, привыкшие к этому трибуналу с давних пор, без труда подчинятся его реформе и новым уставам. Однако события показали обратное.

III. Конфискация имущества не производилась благодаря привилегиям, которыми пользовалось население Арагона. Тайна, облакавшая имена и показания свидетелей, не

Untitled

была всеобщей, кроме случаев, когда на основании буллы папы Урбана IV от 28 июля 1262 года им угрожала смертная казнь. Эти условия давали возможность в достаточной степени предчувствовать тот ужас, который должно было внушить учреждение новых уставов.

IV. Тем не менее Фердинанд, созвав в апреле 1484 года в Тарасоне кортесы Арагонского королевства, на тайном совете, состоявшем из призванных им лиц, решил вопрос о реформе. Вследствие этого решения Томас Торквемада назначил инквизиторами Сарагосской епархии брата Гаспара Хуглара, доминиканского монаха, и доктора Педро Арбуеса д'Эпилу, каноника митрополичьей церкви.

V. Королевский указ предписывал провинциальным властям оказывать им помощь, и 19 сентября того же года магистрат, известный под названием великого законника Арагона [340] (*justitia major*), и несколько других должностных лиц обещали это под присягой. Эта мера не прекратила сопротивления, которое хотели оказать трибуналу. Наоборот, она только его увеличивала и даже расширила настолько, что его можно назвать национальным.

VI. Тому, что оно приняло такой характер, много содействовало то обстоятельство, что главные чиновники арагонского двора были сыновьями новохристиан. В числе их были: Луис Гонсалес, королевский секретарь по делам королевства; Фелипе де Клементе, протонотарий; Альфонсо де ла Кавалье-риа, вице-канцлер, и Габриэль Санчес, главный казначей. Все они были в свите короля и происходили от евреев, в свое время осужденных инквизицией. Эти люди и многие другие, обладавшие при

Untitled

дворе значительным весом, имели дочерей, сестер, племянниц и кузин, которые сделались женами первых вельмож королевства, и таким образом являются предками многих современных грандов Испании. Указанные лица воспользовались преимуществами, которые им давало их влияние, чтобы побудить представителей нации протестовать пред папой и королем против введения нового инквизиционного кодекса. Были отправлены уполномоченные в Рим и ко двору. Они должны были просить, чтобы инквизиторам Арагона было приказано приостановить по крайней мере исполнение статей, касающихся конфискации имущества, как противных законам королевства. Были убеждены, что, если эта мера будет отменена, трибунал не замедлит развалиться сам собою.

VII. В то время как депутаты арагонских кортесов были в Риме у короля, новые инквизиторы Арбуес и Хуглар, вместе с Хуаном де Гомедесом, генеральным викарием [341]Сарагосы и епархиальным инквизитором (вместо архиепископа этого города, дона Альфонсо Арагонского, которому в то время было всего шестнадцать лет), осудили нескольких новохристиан как иудействующих еретиков. Известно из подлинных процессов, просмотренных мною в Сарагосе в 1813 году, что в течение мая и июня они справили несколько публичных и торжественных аутодафе и передали светскому суду несчастных обвиняемых, которые и были сожжены. Эти казни все более и более раздражали новохристиан Арагонского королевства, которые ожидали вскоре увидеть возобновление среди них сцен, происходивших в Кастилии,

Untitled

где трибунал, установленный всего три года назад, погубил уже под управлением фанатичных монахов и священников тысячи жертв.

VIII. Тем временем депутаты, посланные к испанскому двору, убедившись, что успех их предприятия зависит от короля и королевы (решения коих папа не преминет подтвердить), писали, что они не удовлетворены положением вещей. В этом деле были заинтересованы казначей Габриэль Санчес, его брат Франсиско, расходчик короля, и другие высшие чиновники, упомянутые мною раньше. Они поддерживали тайную переписку с Педро Серданом, Гильеном Руисом де Моросом, Мартином Готором, заместителем супрефекта Сарагосы, Галасианом Серданом, Луисом де Сантанхелом и Мигуэлем Косконом, которые все были рыцарями, но в то же время были потомками евреев. Им покровительствовали: дон Хуан Хименес де Урреа, владетель Аранды; дон Лопе, его сын; дон Бласко д'Алагон, владетель Састаго, и некоторые другие, которые вскоре составили заговор против жизни инквизитора Арбуеса и были судимы инквизицией.

Статья третья Убийство первого инквизитора Арагона I. Когда арагонцы увидели, что все их усилия воспрепятствовать учреждению среди них инквизиции тщетны, они решили пожертвовать одним или двумя инквизиторами, чтобы устрашить других. Они были убеждены, что после этого события более не будет сомнений насчет народного настроения, что никто не дерзнет стать инквизитором и что сам король откажется от своего первоначального намерения из боязни мятежных движений, могущих разразиться в Кастилии и Арагоне.

Untitled

II. Заговорщики плохо знали своего государя и кастильский народ. Этот последний, от природы терпеливый и покорный, разбивает удерживающие его в повиновении цепи лишь тогда, когда он сильно возбужден к восстанию главарями значительных партий. Фердинанд, не имевший почти никакой доблести, обладал, однако, своего рода политической энергией, которая, поддерживаемая его макиавеллистической мудростью, заставляла его друзей, врагов и подданных уважать и бояться его. Когда проект убийства заговорщиками был одобрен, стали искать убийц, чтоб отделаться от доктора Педро Арбуеса д'Эпилы, главного инквизитора Сарагосы, и от многих других лиц, каковы, например, ассессор Мартин де ла Рага и Педро Франсес, депутат королевства.

III. С целью вовлечь в заговор всех новохристиан стоявшие во главе его решили, в то время как они были в Сарагосе, обложить добровольным налогом всех арагонцев еврейского происхождения. В самом деле доказано (на основании процессов Санчо де Патерноя, Хуана д'Абадиа и многих других, осужденных в Сарагосе), что дон Бласко д'Алагон, владетель Састаго, получил из этой контрибуции десять тысяч реалов, назначенных для оплаты убийц Маэстро Эпилы. Таким именем тогда называли инквизитора Арбуеса.

IV. Равным образом известно из процесса государственного секретаря короля Филиппа II, знаменитого Антонио Переса [342] (судимого в 1592 году и документы которого я читал), что фискал, предпринявший попытку доказать его происхождение от евреев, выставил приговор о релаксации, произнесенный 13 ноября 1489

Untitled

года против Хуана Переса, уроженца города Арисы. В приговоре было сказано, что этот человек участвовал с новохристианами Калатаюда [343] в расходах на это убийство.

V. В деле Хуана Педро Санчеса, сожженного фигурально 30 июня 1486 года, было доказано не только то, что он был душою заговора, но и что он имел в своих руках пятьсот флоринов для оплаты убийств.

VI. Хуан де ла Абадиа, арагонский дворянин, но потомок евреев по женской линии, взялся руководить выполнением убийства. Оно было поручено Хуану д'Эспераиндео, Видалю д'Урансо, его слуге, уроженцу Гаскони [344], Матиасу Раму, Тристану де Леонису, Антонио Грану и Бернардо Леофанте. Их покушения несколько раз не удавались. Педро Арбуес, извещенный об этом намерении, принял предосторожности, чтобы менее подвергаться опасности.

VII. Из признаний некоторых преступников и особенно Видаля д'Урансо (который сообщил старательно все подробности заговора) выясняется, что инквизитор, чтобы обезопасить себя от ударов убийц, носил кольчугу под одеждой и нечто вроде железного шлема, прикрытого круглым колпаком. В момент убийства в митрополичьей церкви он стоял на коленях у одной из церковных колонн, где теперь находится аналой для апостола; рядом с ним стоял его фонарь, а толстая палка была прислонена к колонне. 15 сентября 1485 года после одиннадцати часов вечера, в то время как каноники в алтарной части церкви [345] читали утренние молитвы, Хуан д'Эспераиндео, вооруженный шпагой, приблизившись к нему, нанес ему

Untitled

сильный удар лезвием по левой руке. Видадь д'Урансо, предупрежденный Хуаном д'Абадиа, что надо бить в шею (потому что он знал, что голова защищена), нанес ему сзади удар, разорвавший закрепу головной брони, и сделал такую глубокую рану на голове, что инквизитор умер от нее спустя два дня, то есть 17 сентября.

VIII. Слух о его смерти распространился по городу уже накануне. Но произведенное им впечатление весьма отличалось от того, на которое авторы его рассчитывали. Все старинные христиане, то есть не происходившие от евреев, будучи убеждены, что убийство совершено новохристианами, сбегались вместе и, разделившись на несколько частей, бросились преследовать новохристиан, чтобы отомстить за смерть инквизитора. Возбуждение было очень сильное, и оно имело бы ужасные последствия, если бы молодой архиепископ Альфонс Арагонский не сел на коня и не сдержал толпу, обещая ей, что преступники будут обнаружены и казнены смертью, которую они вполне заслужили.

Статья четвертая

История Беатификации [346] первого инквизитора Арагона I. Страх обуял население, и инквизитор со своими сторонниками воспользовался этим, чтобы произвести реакцию и испросить учреждение святого трибунала как полезного и даже необходимого против новохристиан. Фердинанд равным образом сумел извлечь выгоду из этого события для исполнения своих намерений. Политический расчет внушил ему, как и Изабелле, мысль почтить память Арбуеса с некоторого рода торжественностью, что сильно способствовало тому, чтобы выдать его за святого и

Untitled

окружить его особым культом в церквах. Это случилось гораздо позже, когда папа Александр VII [347] 17 августа 1664 года причислил Арбуеса к лику блаженных как мученика за веру. А в свое время ему воздвигли великолепную гробницу, и его тело было в нее положено 8 декабря 1487 года. На гробнице высекли следующую надпись:

"Quis jacet hoc tumulo? Alter fortissimus lapis

Qui arcet virtute cunctos a se Iudaeos:

Est enim Petrus sacer firmissima petra,

Supra quam Deus edificavit opus;

Caesar Augusta, gaude beata quae

Martirum decus ibi sepultum habes.

Fugite hinc retro, fugite cito Iudaei.

Nam fugat pretiosus pestem hyacinthus lapis".

"Кто покоится в этой гробнице? Второй сильнейший камень, который своею силою удаляет отсюда всех евреев: ибо священный Петр - крепчайший камень, на котором Бог основал свое дело [т. е. инквизицию]. Счастливая Сарагоса! Радуйся, что хранишь здесь погребенным того, кто составляет украшение мучеников. Бегите отсюда, бегите поспешно, иудеи, потому что драгоценный камень гиацинт прогоняет чуму".

II. Каменная статуя, которую Фердинанд и Изабелла воздвигли Арбуесу, имеет следующую надпись:

"Reverendus magister Petrus de Epila, hujus sedis canonicus, dum in haereticos ex officio constanter inquit, hic ab eisdem confossus est ubi tumulatus anno Domini 1485, die 15 Septembris.

Ex imperio Ferdinandi et Elisabeth in utraque Hispania

Untitled

regnantium".

"Достопочтенный магистр Педро де Эпила, каноник этой церкви, в то время как он с настойчивостью выполнял свою обязанность инквизитора против еретиков, был убит ими на этом месте [где находится его гробница] 15 сентября 1485 года. [Этот памятник воздвигнут] по повелению Фердинанда и Изабеллы, государей обеих Испаний".

III. Внизу статуи поместили барельеф, изображавший часть события. В часовне, устроенной во имя этого святого рядом с его гробницей, видна еще другая надпись, следующего содержания:

"Eadem Elisabeth Hispaniarum regina singulari in perpetuum pietate, ejus confessori (vel potius martiri) Petro de Arbues sua mpena construere mandavit".

"Та же испанская королева Изабелла приказала воздвигнуть [этот памятник] своему духовнику (или скорее мученику) Петру Арбуесу".

IV. Здесь Арбуесу присвоено звание духовника королевы (хотя он им не был), потому что оба государя, чтобы сделать особу инквизиторов более почтенной, сочли уместным даровать им звание, связанное с почестями, коими пользовались настоящие королевские духовники. Это объясняет, почему Томас Торквемада часто называется духовником государей.

V. Когда состоялась беатификация Педро и прах его был перенесен в его часовню, на прежнем месте его погребения был положен большой камень со следующей надписью, которую я, несмотря на ее длину, считаю должным привести как исторический документ:

"Siste viator: locum adoras ubi beatus Petrus de Arbues

Untitled

duobus fere jaculis jacuit; cui Epila ortum, haec metropolis canonicatum dedit. Sedes apostolica primum inquisitorem fidei patrem elegit; ob cuius ardorem Iudaeis exosus ab ipsis jaculatus hic martyr occubuit anno 1485. Serenissimus Ferdinandus et Elisabeth mar-moreum extruxere mausoleum ubi miraculis claruit Alexander VII, pontifex maximus numero sanctorum martirum et beatorum adscripsit, die 17 aprilis, anno 1664. Reserato sarcophago sacri cineres sub altari capellae (sexaginta quinque dierum spatio ex eodem tumulo fabricatae a Capitulo) solemni ritu et veneratione translati fuerunt die vigesima tertia septembris, anni millesimi sexcentissimi sexagesimi quarti".

"Прохожий, остановись. Ты поклоняешься месту, где упал под двумя ударами блаженный Педро Арбуес, жизнь которому дала Эпила, а эта церковь - звание каноника. Апостолический престол избрал его первым отцом инквизитором веры; за свою ревность возненавиденный евреями, ими убитый, здесь пал он, как мученик, в 1485 году. Светлейший Фердинанд и Изабелла воздвигли ему мраморный мавзолей, где он прославился чудесами. Верховный первосвященник Александр VII причислил его к лику святых мучеников и блаженных 17 апреля 1664 года. По открытии саркофага священный прах его был перенесен под алтарь часовни (выстроенной из материалов его гробницы в шестьдесят пять дней капитулом) с большой торжественностью и с почестями 23 сентября 1664 года".

VI. Беатификация Педро Арбуеса была делом инквизиторов в ту эпоху, когда уже потеряли память о справедливых побуждениях, заставлявших народ бороться

Untitled

против учреждения трибунала инквизиции. Шесть поколений прошло, и заступивший их место народ, с детства пропитанный идеями, противоположными тем, которые одушевляли людей XV века, почитал святым все связанное с инквизицией. Тогда никто не имел бы мужества бороться с общим настроением, ни достаточного авторитета, чтобы говорить против того, что обнародовали инквизиторы, потому что не знали истины о событиях, погребенной в архивах трибунала Сарагосы; а те, кто ее знал из читаемых тайно рукописей того времени, не осмелились бы ее обнародовать из страха подвергнуться преследованию.

VII. Инквизиторы представили себе, что наступил так долго желанный момент канонизации Педро д'Арбуеса. Они знали, что одним из обстоятельств, наиболее способных увеличить могущество инквизиции и почет, которого они для нее добивались, было бы видеть лик одного из первых испанских инквизиторов воздвигнутым над алтарями церкви. Такая попытка не была новостью. Французские инквизиторы имели такое же намерение по отношению к Пьеру де Кастельно, цистерцианскому аббату, убитому в 1204 году альбигойцами в Нарбонне, и мы видим, что несколько лет спустя равным образом итальянские инквизиторы-доминиканцы просят об этой чести для их собрата Пьетро Веронского {Мимоходом я обращаю внимание, что имя Петр было именем всех трех инквизиторов, канонизованных как мученики во Франции, Испании и Италии.}.

VIII. Для этого великого дела было все готово уже с давнего времени. Инквизитор дом Диего Гарсия да Трасмиера

Untitled

опубликовал житие св. Педро Арбуеса немного времени спустя после его беатификации. Он присоединил к нему в виде приложения документ, представляющий, по его словам, копию показания, данного под присягой Бласко Гальвесом, викарием прихода деревни Агилон в Арагоне и капелланом доктора Мартина де Гарсии, генерального викария Сарагосской епархии вместо архиепископа дома Альфонсо Арагонского (потом он был советником инквизиции и епископом Барселоны). Инквизитор Трасмиера засвидетельствовал, что это показание было дано в 1490 году доктору Оропесу, генеральному викарию Сарагосы. Однако ничего нет менее достоверного, чем этот документ, потому что в нем говорится о 1490 годе как уже о прошедшем. Предполагая даже, что Бласко Гальвес сделал какое-нибудь заявление, касающееся этого дела, все-таки копия в передаче Трасмиеры неверна и была искажена во многих местах, чтобы сильнее убедить в справедливости канонизации инквизитора Эпилы. Эта вставка была сделана так неловко и с таким отсутствием критики, что могла ускользнуть от внимания лишь людей, в высшей степени невежественных.

IX. Этот милый кюре рассказывает (или, вернее, его заставили рассказывать), что инквизитор Педро Арбуес являлся ему несколько раз в 1487 году и после и вел те сумасбродные речи, которые составляют показание Гальвеса; некоторые из них стоит отметить.

X. Мы видим там, что Педро Арбуес называет королеву Изабеллу матерью архиепископа дома Альфонсо, что не заслуживает никакого доверия, потому что этот ребенок родился у Фердинанда до его женитьбы на этой принцессе.

Untitled

XI. В этом пресловутом показании Арбуес поручал Бласко Гальвесу побудить архиепископа сказать королю и королеве, чтобы они не уничтожали инквизиции. Он возвещал им, что за одно учреждение ее они приобрели на небесах место среди мучеников, как и некоторые гранды Испании, бывшие при дворе Их Величеств. Не буду останавливаться на том промахе, который сделал автор этого документа, употребив слово Величество для обозначения Фердинанда и Изабеллы, которые никогда не имели другого титула, кроме Высочества. Но я не могу и не должен оставлять без разоблачения того мошенничества, которым воспользовались для уверения в вечном спасении короля Фердинанда V и в его принадлежности к мученикам, потому что он никогда не испытывал других мучений, кроме мук честолюбия. Здесь очень ясно видна цель этой басни, потому что выставляется делом, достойным вечного спасения, учреждение кровавого трибунала, систематически враждебного человеческому роду, противоречащего кротости и милосердию Иисуса Христа, его заповедям и примеру, и диаметрально противоположного Евангелию, если сравнить текст этой книги с духом преследования, воодушевляющим трибунал святой инквизиции.

XII. Блаженный Педро Арбуес поручал, кроме того, капеллану Гальвесу сказать архиепископу, что он должен помогать инквизиции, хотя бы все были против него, потому что Бог некогда вознаградит любовью того, кого он страшился тогда в сердце. По-видимому, лицо, обозначенное этими словами, был сам король, отец

Untitled

архиепископа. Но почему герой инквизиции не являлся обоим государям и архиепископу, чтобы рассказать им все это? Для чего выбирать в качестве посредника капеллана генерального викария, не имевшего никакого доступа к королю и королеве и, может быть, никогда даже не видавшего их?

XIII. По-видимому, новый святой не лучше расположен к своим коллегам-инквизиторам. Однако он предложил капеллану им сказать, что их места на небесах приготовлены среди мучеников за то постоянство, с которым они поддерживали инквизицию, и что они не должны сомневаться в том, что хорошо сделали, предав огню большое число лиц, ими судимых, так как все, исключая одного, осуждены на адские муки. Какая потеря для истории, что имя неосужденного ускользнуло! Мы знали бы человека, который, несмотря на приговор инквизиции, смог попасть на небо. Но среди каких мучеников можно поместить инквизиторов того времени?

XIV. Педро Арбуес поручил также капеллану передать инквизиторам, чтобы они приказали убрать с публичных дорог члены и другие части трупов его убийц и даже не оставляли пепла тех, которых они прикажут сжечь; чтобы они повелели палачам их убрать и бросить в Эбро, из опасения, как бы присутствие их не навлекло на королевство какого-нибудь большого несчастья.

XV. Было бы трудно довести до больших пределов тупоумие и суеверие. Без сомнения, святой не знал, что было бы более уместно поручить это дело городским властям, так как одни были преданы пламени, другие четвертованы, и их пепел и члены были выставлены на

Untitled

дорогах в силу приговора светского судьи после того, как осужденные были ему переданы инквизицией. Но кажется еще более странною уверенность, что после того, как они будут убраны со своих мест и брошены в реку, в Испании будет меньше гроз, молнии которых падают на урожаи. Какой химик или какой физик захотел бы взяться за открытие посредством анализа малейшего сродства между пеплом несчастного, сожженного инквизицией, и веществом туч, молний, грома и града? Это вроде того, как колдуны и чародеи употребляли для своих колдований и чар трупы людей, погибших от рук палача. К счастью, прогресс просвещения сильно уменьшил число тех, кто верит в эти глупости. Автор показания капеллана Гальвеса довольствуется мыслью, что блаженный Педро Арбуес не получил на небесах наставления, отрицающего учение о влиянии пепла сожженных людей на образование гроз и града.

XVI. Педро Арбуес говорит еще капеллану Гальвесу, что каждый мужчина и каждая женщина должны поручить себя Богу, Святой Деве и св. Севастиану, к которому он всегда имел самую большую преданность. Мне как историку нечего сказать против такого приятного поручения. Однако не видно, для какой цели появилась эта статья в показании. Не потому ли, что тогда хотели учредить в Агилоне братство, которое было уже распространено в Испании и было посвящено св. Севастиану, чье заступничество, как говорили, заставило прекратиться повсеместную чуму. Хотели сохранить память об этом событии посредством процессии, совершаемой во многих городах, во время которой носили хоругвь святого.

Untitled

XVII. Точно так же не видно смирения в другом поручении, которое, как уверяют, было дано блаженным. Согласно рассказу Гальвеса, Педро Арбуес объявил себя защитником народа против ламдры, рода эпидемической болезни, очень распространенной в конце XV века {Эта болезнь гнездилась в железах.}. Гальвес (или тот, кто выдумал его показания) рассказывает, что Педро Арбуес сообщил ему, что для исцеления от этой болезни надо приблизиться к его гробнице и, став на колени, перекреститься, молясь Иисусу Христу и Святой Деве и прибавляя следующую молитву: "Святой Педро Арбуес, молись обо мне, чтобы я удостоился обетовании Иисуса Христа!"

XVIII. Ясно, что тогда уже готовили чудеса для дела беа-тификации. Поэтому священник Гальвес прибавляет, что, страдая в течение многих лет грыжей и испытав тщетно все лекарства, он поручил себя особо и со смиренной преданностью молитвам блаженного Педро Арбуеса и получил через его заступничество исцеление от своей болезни. Остается пожалеть, что в процессе канонизации инквизитора нет - во свидетельство чудесных исцелений - удостоверений врачей и хирургов, лечивших больных. Их показания, без сомнения, дали бы нам подробности, достойные, чтоб о них узнали.

XIX. Наконец настал день, назначенный для прославления Арбуеса, и испанские инквизиторы уже считали себя покрытыми славой за то, что на алтарь Бога живого и истинного поместили человека своей нации и своего коллегу. Тогда они простерли свои виды дальше и задумали заставить также освятить свое учреждение,

Untitled

попробовав добиться, чтобы ежегодно во всех церквях Испании с церковной службой и мессой праздновался торжественный праздник основания святого трибунала инквизиции, наподобие праздников кафедры св. Петра в Антиохии и Рима, обретения и воздвижения Святого креста, основания культа св. Марии Высшей или Снежной, св. Марии Гваделупы, Богородицы Колонны (del Pilar) в Сарагосе, Богородицы Лореттской [349], Милостивой [350], Кармельской [351], Спаса словущего [352] и многих других. XX. Дело было продвинуто так далеко, что в архивах Алька-ла-де-Энареса нашли экземпляр мессы и церковной службы, составленных для этого торжества, которыми собирались воспользоваться, когда конгрегация обрядов одобрит проект инквизиторов. Но события не оправдали их ожидания, вероятно, потому, что они не послали в Рим достаточного количества денег, чтобы уладить все могущие представиться затруднения.

XXI. Здесь мы видим, что Испания избегла опасности воздать богослужебные почести учреждению, самому ужасному и наиболее противному духу кротости и благодати Евангелия, которое одухотворено любовью, терпимостью, братством, терпением и умеренностью по отношению как к злым, так и к добрым, которое позволяет смотреть на человека как на еретика лишь после второго предупреждения и которое, если он уличен в заблуждении, не причиняет ему другого наказания, кроме отлучения от Церкви. Для оправдания излишней строгости к еретикам из Евангелия берут некоторые аллегории, плохо понятые и еще хуже примененные.

XXII. Должно показаться странным, что испанские

Untitled

инквизиторы не признали Педро Арбуеса патроном инквизиции и покровителем слуг святого трибунала. Вероятно, этому помешали доминиканцы, указав, что они находятся под патронатом другого святого инквизитора, мученика Пьетро Веронского. Старинного французского мученика для этой роли не пожелали, потому что он был не доминиканцем, но просто цистерцианским аббатом, а эти монахи отказались от поручения преследовать еретиков. То же самое было и с Педро Арбуесом, который был не кем иным, как белым священником, сословие которого состояло из отдельных чуждых друг другу личностей. Второй упомянутый святой был членом всемогущей у пап конгрегации, которая доказывала свою великую ревность в поисках еретиков, как будто это качество являлось геройской добродетелью, унаследованной от св. Доминика де Гусмана.

XXIII. Настойчивость доминиканцев заставила слиться рыцарский военный орден, учрежденный в Нарбонне под названием милиции Христа, с третьим орденом покаяния, основанным св. Домиником, и оба с конгрегацией приближенных к святой инквизиции, называемой Конгрегацией Св. Петра-мученика. Все вместе эти обстоятельства были причиной, что знак отличия инквизиторов и их подчиненных оказался тем же самым, который носили тогда доминиканцы и который в настоящее время представляет одну из частей гербового щита инквизиции.

Статья пятая Наказание убийц как заподозренных в ереси I. В то время как Фердинанд и Изабелла были заняты воздаянием памяти Педро Арбуеса почестей

Untitled

прославления, может быть, без надежды на это, инквизиторы Сарагосы работали без усталы, чтобы открыть зачинщиков и соучастников его убийства и наказать их как еретиков, иудействующих или подозреваемых в этом, и как врагов святой инквизиции. Было бы трудно перечислить все семейства, которые их мстительность повергла в пучину несчастий, - они вскоре умертвили более двухсот жертв. Видадь д'Урансо, один из убийц, открыл все, что знал о заговоре, и его показания дали нити для всех розысков, которые были сделаны против зачинщиков убийства.

II. Жестокая смерть такого количества лиц повергла Арагон в траур, который увеличился зрелищем еще большего числа несчастных, медленно умирающих внутри застенков. В трех первых рядах знати едва было одно семейство, которое не имело бы позора видеть кого-нибудь из своих членов, выставленным на аутодафе в одежде кающегося. Самый легкий намек принимался за доказательство соучастия, и не меньшим преступлением считалось оказание гостеприимства беглецу.

III. Дон Хаиме Диес д'Оз Армендарикс, владетель города Кадрейты, знаменитый рыцарь Наварры и предок герцогов Альбукерке по женской линии, был присужден к публичной епитимье за то, что укрыл на одну ночь в своем доме в Кадрейте Гарсию де Мороса, Гаспара де Санта-Круса, Мартина де Сантанхела и некоторых других, которых это событие заставило покинуть Сарагосу. То же наказание постигло некоторых знаменитых рыцарей города Туделы [353] в Наварре, принявших Хуана де Педро Санчеса и других беглецов, а именно: Фернандо де Монтеса, Хуана

Untitled

де Магальяна, Хуана де Карриасо, Фернандо Гомеса, Гильерме Форбаса, Хуана Васкеса, Хуана и Мартина де Агуаса.

IV. Эта жестокость, проявленная со стороны инквизиции к людям, столь почтенным по своему происхождению, нисколько не кажется удивительной, когда знаешь, что с племянником короля Фердинанда ею было поступлено с не меньшей строгостью. В самом деле, дон Хаиме Наваррский (сын Элеоноры [354], королевы Наваррской, и Гастона де Фуа [355]), иногда называемый инфантом Наваррским или инфантом Туделы, был заключен в тюрьму инквизиции в Сарагосе, из которой он вышел только для того, чтобы подвергнуться публичной епитимье, будучи уличен в пособничестве бегству нескольких соучастников заговора.

V. Как Фердинанд V решился это позволить? Быть может, потому, что имел основание жаловаться на своего племянника. Он был двоюродным братом Катарины, королевы Наваррской [356], и хотя он не был законным, но всегда внушал опасения и был нелюбим Фердинандом. Инквизиторы знали это, когда решились посягнуть на его свободу.

VI. После такого смелого поступка нельзя удивляться, что они присудили к тому же наказанию дона Лопе Хименеса де Вреа, первого графа д'Аранду; дона Бласко д'Алагона, владельца Састаго; дона Лопе де Ребольедо, владельца Монклуса; дона Педро Хордана де Урриэса, владельца Айэрбы; Хуана де Бардахи; Беатрису Сантанхел, жену дона Хуана де Вильялпан-до, владельца Сисамона; дона Луиса Гонсалеса, королевского секретаря; дона Альфонсо

Untitled

де ла Кавальериа, вице-канцлера королевства; дона Фелипе де Клементе, протонотария Арагона; дона Габриэля Санчеса, главного казначея короля; Санчо де Патерноя, Альфонсо Дара и Педро ла Кабра, земли которых были в соседстве с Сарагосой; Фернандо де Толедо, духовника митрополичьей церкви, дома Луиса де ла Кавалье-риа, каноника и камерария той же церкви; Иларию Рам, жену Альфонсо Линьяна; Луиса де Сантанхела; Хуана Доса; Педро де Силоса; Галасиана Сердана и многих других значительных сеньоров Сарагосы, Тарасовы, Калатаюда, Уэски и Барбастро.

VII. Хуан де Педро Санчес был сожжен фигурально за то, что бежал во Францию. Антонио д'Агостино, сарагосский дворянин (тот самый, который сделался вице-канцлером Арагона, отец бессмертного дома Антонио д'Агостино, архи* епископа Таррагоны, дома Педро, епископа Уэски, и тесть герцога Кардоны, дона Фернандо Фолько) был также в то же время в Тулузе. Это привело к тому, что его брат Педро д'Агостино был присужден инквизицией к епитимье. Вот как это произошло. Одушевленный неблагоразумным рвением, этот молодой человек, учившийся в Тулузе, присоединился к другим испанцам, чтобы требовать ареста Педро Санчеса. Он добыл себе удостоверение и послал его своему брату Педро д'Агостино с письмом для инквизиторов Сарагосы. Педро сказал об этом Гильерме, брату беглеца, и трем другим его друзьям, Хуану де Фатасу, нотариусу Сарагосы Педро Сельдрану и Бернардо Бернарди. Те стали порицать поведение Антонио д'Агостино и уговорились пока не отдавать инквизиторам ни письма, ни удостоверения, а написать в Тулузу, чтобы

Untitled

побудить Антонио д'Агостино отказаться от жалобы, поданной на Хуана де Педро Санчеса, и согласиться, чтобы тот был выпущен на свободу. Антонио последовал этому совету и известил своего брата Педро, что Санчес скоро будет освобожден. Тогда Педро передал инквизиторам письмо и удостоверение, о котором мы говорили. Святой трибунал, предполагая, что Санчес находится еще в тюрьме, отправил приказ о его переводе в Сарагосу. Суд Тулузы ответил, что Санчес выпущен на свободу и неизвестно, что с ним случилось. Инквизиторы навели справки о случившемся и арестовали пятерых друзей, которые были запрятаны в секретную тюрьму и присуждены 6 мая 1487 года к публичной епитимье, то есть к присутствию стоя во время публичной и торжественной мессы, как враги святой инквизиции и подозреваемые в самой малой степени в иудаизме, причем было объявлено, что они не могут занимать никакой почетной должности, ни обладать какой-нибудь церковной привилегией до тех пор, пока это будет угодно инквизиторам. Какие, спрашивается, обстоятельства происшествия, о котором идет речь, могли подать повод для подозрений в иудаизме?

VIII. То, что произошло с Гаспаром де Санта-Крусом, было еще более позорно для инквизиции. Этот испанец также убежал в Тулузу, где умер, после того как его изображение было сожжено в Сарагосе. По приказанию инквизиции был арестован один из его сыновей как способствовавший бегству отца. Он подвергся наказанию публичного аутодафе и был присужден взять копию приговора над его отцом, поехать в Тулузу, передать там этот документ доминиканцам с просьбой, чтобы труп его отца был вырыт

Untitled

для сожжения, и затем вернуться в Сарагосу для передачи инквизиторам протокола этой экзекуции. Осужденный подчинился без жалобы на распоряжение своих судей, и я содрогаюсь от ужаса, описывая это, одинаково возмущенный как варварством инквизиторов, так и низостью этого сына, долг которого был предать публичному проклятию и инквизицию, и его приговор и не возвращаться назад в Испанию.

IX. Хуана д'Эспераиндео и других главных виновников убийства Арбуеса влачили по улицам Сарагосы. Им отрезали руки и затем повесили. Трупы их были четвертованы, а части их тел были выставлены на публичных дорогах. Хуан д'Абадиа умертвил себя в тюрьме накануне своей казни, но с ним поступили после его смерти так же, как и с другими осужденными. Что касается Видаля д'Урансо, то вследствие объявленного ему снисхождения за обнаружение заговорщиков ему отрезали руки уже после того, как он испустил дух. К этому лишь свелось данное ему обещание помилования, потому что инквизиция в таких обстоятельствах добивается лишь сознания виновного в своем отступничестве и разоблачения его соучастников.

X. Оружие, послужившее убийцам, было развешано в кафедральной церкви Сарагосы, где оно оставалось в течение долгого времени, вместе с именами лиц, которые были сожжены или подверглись публичной епитимье за это дело. Эти надписи были сделаны крупными буквами на полотняной ткани, наверху которой были нарисованы огненные языки, если осужденный был сожжен, или крест огненного цвета, если он был подвергнут только

Untitled

епитимье. Такие полотнища обыкновенно обозначались названием мантета [358] или санбенито. Многие из них некоторое время спустя были сняты в силу апостолических булл, исполнение коих Фердинанд V разрешил в виде милости. Их приказано было убрать по ходатайству семейств осужденных, занимавших видное положение в городе. Это особенно не понравилось инквизиторам; своими фанатическими жалобами они раздражили наиболее невежественные слои старинных христиан, объявив, что это является оскорблением чистоты католической религии. Их возвания привели к волнению, которое грозило стать всеобщим. До такой степени ужасно влияние фанатизма на людей, облеченных священным саном и заинтересованных в сокрытии истины или искажении идей!

XI. Другие санбенито были подняты выше, чтобы было трудно различить имена и чтоб воспрепятствовать неделикатным и недоброжелательным людям сделать попытку, обнародовав их, обесчестить заинтересованные семейства. Хотя это и было противно принципам строгой справедливости, однако приходилось этого страшиться, потому что народные предубеждения имели тогда крайне серьезные последствия. Поэтому старались заставить думать, что эти надписи касались семейств, не имевших с осужденными ничего общего кроме имени, или что они напоминали, вопреки интересам настоящих родственников, события, вполне забытые и достойные на самом деле полного и вечного забвения.

XII. Нельзя считать справедливым ни одного побуждения, чтобы семья была обещена за то, что один из ее

Untitled

членов был осужден инквизицией. Обвиняемый часто мог быть наказан как виновный (хотя и был невинен) вследствие судопроизводства, которое велось против всех правил естественного и божеского права. Я прочел более тридцати процессов, касающихся этого знаменитого дела. Из них нет ни одного, обнаружение которого не было бы способно увеличить ужас, внушаемый инквизицией у всех цивилизованных народов и даже в Испании, где эта чудовищная гидра только что возродилась. Наконец даже при предположении, что осужденный действительно виновен, ни здравый смысл, ни правильная политика не могут одобрить того, чтобы его несчастье падало на невинных членов его семейства.

XIII. Не менее несправедливо и жестоко, чтобы семья была лишена уважения, которым она пользуется, лишь потому, что она имела евреев среди своих предков. Все испанцы происходят или от язычников-идолопоклонников, или от мавров-магометан, или от евреев. Наименее почетно из этих происхождений, конечно, то, которое причудливость нашего духа предпочитает другим. Я хочу сказать о первом. Разве не известно, что язычники, не довольствуясь поклонением ложным богам, приносили им человеческие жертвы, вопреки разуму и гуманности, тогда как магометане и евреи признают единого Бога, истинного творца вселенной, и никогда не принижали природы человека, принося себе подобных в жертву ложным богам? Надо было иметь такое учреждение, каким была инквизиция, чтобы до такой степени извратить свет здравого смысла, власть и действие коего имеют столь неоспоримую пользу в управлении человеческих обществ.

Untitled

Статья шестая Сопротивление всех провинций арагонской короны учреждению инквизиции

I. Сопротивление учреждению инквизиции почти всех прочих провинций Арагонского королевства было не меньше того, которое было оказано жителями Сарагосы. В Теруэле были большие народные волнения, и для усмирения их потребовалась вся твердость короля. Спокойствие восстановилось не раньше марта 1485 года, после крайне суровых мер, которые Фердинанд приказал принять месяцем раньше, когда сам был в Севилье. Подобные же вспышки разразились в том же году в Валенсии и в других частях этой епархии, и для подавления их пришлось прибегнуть к тем же мерам строгости. Во главе мятежников этой последней провинции мы видим сеньоров, имевших своих вассалов, потому что жестокость инквизиции заставляла их бояться, что они покинут их земли. Подобный же мотив заставил их противиться изгнанию морисков в царствование Филиппа III [359].

II. Город и епископство Лерида, а по его примеру и другие города Каталонии упорно противились установлению реформы инквизиции, и королю удалось их вполне укротить лишь в 1487 году.

III. Особенно отличалась своим сопротивлением Барселона. Она сделала представление, что ее нельзя обязать признать ни Торквемаду, ни кого-либо из его делегатов, невзирая на буллы Сикста IV и Иннокентия VIII, вследствие имевшейся у нее привилегии не допускать никакого другого инквизитора, кроме получившего специальную грамоту для одной Барселоны. Король для

Untitled

уничтожения этого сопротивления обратился за помощью к Риму. Булла 11 февраля 1486 года подтвердила назначение главного инквизитора, сделанное Сикстом IV. Другой буллой, опубликованной 6 февраля 1487 года, папа удостоверяет звание, данное Торквемаде для королевств Кастилия, Леон, Арагон и Валенсия, княжества Каталония и других владений Фердинанда и Изабеллы. Та же булла учреждала специального инквизитора города и епископства Барселоны и давала ему право доверять свои обязанности своим делегатам по своему выбору, после отмены полномочий, данных прежним, в особенности тем, которые были обозначены в булле. Папа уполномочивал в то же время епископов Кордовы и Леона и аббата монастыря Св. Эмилиана в Бургосе приказать исполнить эту меру, невзирая ни на какие протесты со стороны прежних делегатов.

IV. Король был вынужден употребить те же средства по отношению к жителям острова Майорка, куда инквизиция проникла лишь в 1490 году, по отношению к жителям Сардинии, которые ее получили лишь в 1492 году, и, наконец, Сицилии, где она установилась еще позднее, после многих восстаний и других очевидных знаков всеобщего сопротивления.

V. Самым неопровержимым фактом в истории инквизиции Испании является тот, что этот трибунал был введен в этом государстве против воли всех провинций, при одобрении единственно со стороны доминиканцев и некоторых других священников, заинтересованных или фанатичных.

VI. Число последних особенно возросло с этой несчастной эпохи. Это вообще усиливает доверие к мнению,

Untitled

противоположное высказываемому в этой истории. Но истина не страшится ни их голосов, ни их одобрения, - мы увидим новые доказательства выдвинутого мною мнения во времена, менее отдаленные от нашего века.

Глава VII Дополнительные акты к первым основным законам святого трибунала, вытекающие из них последствия и апелляции в Рим против злоупотребления ими

Статья первая Дополнительные акты

I. Главный инквизитор Торквемада, сочтя необходимым увеличить количество основных законов, управлявших до тех пор святым трибуналом, прибавил к ним новые статьи. Их было одиннадцать, и по существу они гласили следующее:

1. Каждый подчиненный трибунал должен иметь двух инквизиторов-юрисконсультов, с хорошей репутацией и признанной честностью, из которых по крайней мере один должен быть занят своею обязанностью по должности; один фискал, один альгвасил, секретари, или редакторы, и прочие служащие, в зависимости от надобности, которые оплачиваются определенным жалованьем, чтобы они не требовали ничего от лиц, заинтересованных в делах инквизиции, под страхом лишения занимаемых ими должностей. - Та же статья запрещала допускать к какой-либо должности в трибунале прислугу или креатур инквизиторов.

2. Всякий служащий, принявший подарки от обвиняемых или от родственников, немедленно будет смещен со своей должности.

3. Инквизиция должна содержать в Риме опытного

Untitled

юрисконсульта в качестве своего агента для всех дел ее компетенции, и этот расход должен покрываться имуществом, конфискованным у осужденных. - Статья эта ясно доказывает, что в Рим поступали многочисленные и, может быть, постоянные жалобы на судебные решения инквизиции.

4. Договоры, подписанные до 1479 года лицами, имущество которых впоследствии было конфисковано, считаются действительными; но если найдутся доказательства подложности или в самих сделках, или в их датах, то виновные из числа примиренных с Церковью подвергаются наказанию ста ударами кнута и получают клеймо на лице каленым железом; не примиренные с Церковью лишаются всего своего имущества в пользу казны и передаются в руки светской власти.

5. Сеньоры, давшие на своей земле приют беглецам, должны быть готовы предоставить в распоряжение правительства все вещи, которые им были доверены. Если они будут ссылаться на закладные или расписки, подписанные обвиняемыми в их пользу, как на имеющие силу, то фискал должен вчинить к ним иск, требуя собственность от имени казны, как представляющую такое имущество, о котором можно подозревать, что они не хотят дать декларации.

6. Нотариусы инквизиции должны вести ведомость имущества осужденных.

7. Приемщики святой инквизиции могут продавать то из конфискованного имущества, управление коим обременительно, и получать доходы с той недвижимости, которая отдана в аренду.

Untitled

8. Каждый приемщик должен наблюдать за имуществом, принадлежащим его трибуналу инквизиции; если в его округе окажется имущество, составляющее собственность другого трибунала инквизиции, он обязан известить об этом приемщика этого трибунала.

9. Приемщики не могут распорядиться секвестром имущества осужденных без ордера инквизиции, и даже в этом случае они обязаны являться в сопровождении альгвасила и передавать вверенное им имущество и его опись в руки третьего лица.

10. Приемщик должен делать выдачи вперед инквизиторам и служащим их жалованья по третям года, чтобы они были в состоянии удовлетворять свои нужды без необходимости принимать подарки; равным образом они должны оплачивать расходы инквизиции из доходов с конфискованного имущества, потому что так благоугодно было Фердинанду и Изабелле.

11. Что касается обстоятельств, не предусмотренных в новых узаконениях, инквизиторы должны вести себя с присущей им мудростью, а в делах наиболее важных прибегать за помощью к правительству.

II. Сущность вышеизложенных статей ясно доказывает, сколь значительно в то время было число конфискованного имущества: вынуждены были установить правила для управления им и договорными обязательствами, ставшими собственностью государства. Я замечу, что тогда занимались гораздо менее устройством способа ведения судебных дел, чем управлением имуществом, конфискованным в пользу государя и инквизиции. Этот предмет был достаточно важен, чтобы

Untitled

поглотить внимание инквизиторов. Фердинанд и Изабелла несколько раз оставляли имущество осужденных их женам и их детям; иногда они им назначали из этого имущества пенсию или даже боны на определенные суммы, выплачиваемые предьявителю главным приемщиком.

III. Так как все эти вычеты, в соединении с плохим управлением святого трибунала и старанием робких людей запрятать свои вещи, сильно уменьшали фонды этого поступления, притом новохристиане в большинстве своем состояли из коммерсантов и ремесленников, редко из владельцев недвижимостью, то приемщики, оплачивающие королевские боны, вскоре оказались не в состоянии уплачивать жалованье служащим инквизиции.

IV. Торквемада (распоряжением от 27 октября 1488 года) в виде временной меры приказал кассирам оплачивать королевские боны только по уплате жалованья служащих и по покрытии расходов трибунала. Он послал в то же время Фердинанду просьбу об утверждении этого распоряжения, но получил отказ. Вследствие этого главный инквизитор был принужден в 1498 году издать приказ, который (ввиду печального состояния, в каком находилась касса инквизиции) разрешал инквизиторам накладывать денежные штрафы на лиц, примиренных с Церковью и подвергшихся публичной епитимье. Это распоряжение вскоре было отменено самим инквизитором. Опыт показал, что доходы не достигали уровня потребностей вследствие большого числа неимущих заключенных, которых инквизиция была принуждена кормить, и больших расходов, которые производил в Риме ее представитель.

V. Ввиду этих обстоятельств Фердинанд и Изабелла

Untitled

просили у папы, чтобы в распоряжение святого трибунала был отдан церковный доход, присвоенный канонику (пребенда) [360] в каждой кафедральной церкви королевства. Папа буллой от 24 ноября 1501 года выразил на это согласие; несмотря на усилия капитулов аннулировать эту буллу, она была подтверждена несколькими бреве и осталась в силе до нашего времени. Приемщики, видя, что они не в состоянии оплатить все расходы администрации, беспрестанно требовали у большого числа лиц вернуть вещи; они обвиняли их в удержании вещей, принадлежащих по праву конфискации святому трибуналу, которые, по их уверению, могли быть отчуждены лишь в ущерб ему.

VI. Такое поведение приемщиков возбудило столько жалоб, что сам совет инквизиции был принужден запретить, на основании королевского указа от 27 мая 1491 года, беспокоить владельцев имущества, проданного до 1479 года, без нарушения предписаний прежнего устава. Однако этого повеления было недостаточно, чтобы прекратить преследования со стороны агентов фиска; пришлось возобновить запрещение посредством другого королевского указа, опубликованного 4 июня 1502 года.

VII. Такие притеснения со стороны приемщиков инквизиции для обогащения казны не покажутся удивительными, когда узнаешь, что сами инквизиторы старались ее истощать, распоряжаясь (по своей прихоти и без позволения государей) своими собственными доходами.

Злоупотребление это было так нетерпимо, что Фердинанд и Изабелла сочли нужным пожаловаться на него папе.

Последний своим бреве от 18 февраля 1495 года

Untitled

воспретил инквизиторам на будущее время пользоваться этими доходами без королевского приказа, под страхом верховного отлучения. Такая строгость римской курии побудила Фердинанда установить актив сумм, которыми завладели инквизиторы; так как они оказались значительными, то об этом осведомили папу, который 29 марта 1496 года отправил новое бреше, поручавшее Франсиско Хименесу де Сиснеросу, архиепископу Толедо, проверить эту сумму в точности и потребовать ее возврата.

VIII. Досадно видеть, что король Испании обращается к папе, чтобы заставить своих собственных подданных вернуть суммы, которыми они завладели. Правда, это дело имело, по крайней мере, результатом то, что увидели, ввиду стиль быстрого злоупотребления властью со стороны инквизиторов, насколько учреждение инквизиции было ошибочно в политическом отношении, с какой бы точки зрения на нее ни смотреть.

IX. Поведение инквизиторов было тем более предосудительно, что Фердинанд щедро снабдил их средствами для их расходов, и даже на случай невозможности их оплачивать он выхлопотал буллу от 6 февраля 1486 года, которая разрешила инквизиторам и служащим инквизиции пользоваться церковными пребендами и бенефициями без обязательства находиться при своих церквах. Установление этой привилегии встретило сильное противодействие со стороны некоторых соборных капитулов, но государь добился подтверждения посредством нескольких булл, сгладивших все затруднения. Единственное ограничение, которое было

Untitled

включено, состояло в сокращении срока пользования этой привилегией до пяти лет и в обязательстве ее держателей хлопотать о ее возобновлении; мера эта обогатила римскую курию, потому что отправка булл производилась за деньги. Такое положение сохранялось еще и в 1808 году.

X. Ввиду того, что оба указа, от 1484 и 1485 годов, оказались недостаточными для внутреннего распорядка в порученной Торквемаде администрации, он после совещания с верховным советом обнародовал новый указ, который появился 27 октября 1488 года и заключал в себе пятнадцать статей.

XI. Первая статья повелевала следовать точно основным законам 1484 года, за исключением всего, что касалось конфискованных имуществ, по отношению к которым достаточно держаться правовых норм. - Мы видели, во что это вылилось.

Вторая статья предписывала всем инквизиторам поступать в делах однообразным способом, ввиду тех злоупотреблений, к которым привела противоположная система. - Побудительной причиной для установления этой меры было, что инквизиторы Арагонского королевства, следовавшие старинным формам судопроизводства, принимали часто решения, противные действующему режиму.

На основании третьей статьи инквизиторы не могли более, как это делалось прежде, откладывать произнесение приговора над обвиняемыми под тем предлогом, что они дожидаются полной улики доказательства их преступления, потому что процесс по делу ереси по

Untitled

существовавшим, что позволяет даже выпущенного на свободу обвиняемого вновь привлечь к ответу, если явятся другие улики. - Это распоряжение показывает злоупотребления, которые инквизиторы делали из своей должности, откладывая произнесение судебного решения над несчастными узниками в ожидании новых улик. Раз они их не имели, к чему держать обвиняемого в тюрьме? Как ни мудро было это распоряжение, я видел процесс узника мадридской инквизиции, остававшийся нерешенным в течение трех лет, потому что трибунал ждал подтверждения со стороны одного свидетеля предварительного следствия, который находился в Америке. Узник, жертва такой жестокой отсрочки (причины которой он не мог подозревать), несколько раз просил суда над собой, но не получал его и не знал причины такого долгого промедления. Его несчастье, увеличиваясь каждый день, могло повергнуть его в отчаяние, что и случилось не один раз в подобных описываемому обстоятельствах. Четвертая статья гласит, что, так как не во всех инквизициях имеются доверенные юрисконсульты, с которыми можно посоветоваться для вынесения окончательного решения, велют сделать засвидетельствованные копии с окончанных процессов и направлять их через посредство прокурора к главному инквизитору, чтобы он отдал их для разбора юрисконсультам совета инквизиции или другим лицам, способным это выполнить. - Со времени этого распоряжения установился обычай иметь при святом трибунале адвокатов или докторов-юрисконсультов, называемых консультантами. Их призывали в совет до

Untitled

голосования окончательного решения; но так как они обладали лишь совещательным голосом и инквизиторы одерживали над ними верх всякий раз, когда их мнения не совпадали, мера эта сделалась почти бесполезной.

Последнее злоупотребление было отчасти исправлено тем, что инквизиторы не могли ни сажать в тюрьму, ни постановлять окончательного приговора, не посоветовавшись с главным инквизитором и с верховным советом, которым они должны были направлять подлинные документы судебного дела. Там совершался последний подготовительный акт к судебному приговору, против которого не было более ни апелляции, ни повода к ней прибегнуть.

Пятая статья запрещает допускать общение посторонних лиц с узниками. Исключение составляют священники, потому что инквизиторы могут счесть необходимым их присутствие для утешения обвиняемых и для очищения их совести. - Та же статья обязывает инквизиторов посещать один раз в неделю тюрьмы или поручать выполнение этой обязанности доверенному лицу, чтобы быть осведомленным о нуждах узников и позаботиться о них. Это распоряжение, довольно само по себе суровое, могло бы быть сносным, если бы служители культа имели право разговаривать с заключенными. Но время создало в этом отношении величайшие препятствия. Зло, которое тюрьмы святого трибунала причиняют заключенным, состоит в содержании их в постоянном одиночестве, которое становится невыносимым и может привести даже к смерти от ипохондрии, частой причины отчаяния и исступления. Почему воспрещать заключенным общаться со

Untitled

священником за исключением случаев исповеди? Такое разрешение разве не является правом других обвиняемых, даже тех, которые арестованы за государственное преступление?

Шестая статья гласит, что свидетельские показания следует заслушивать в присутствии возможно меньшего числа лиц, чтобы тайна не была нарушена. - Эта мера является душою всей системы. Без тайны инквизиция не была бы столь ужасной, и в ней не торжествовали бы произвол, суеверие, фанатизм, страсти судей и их подчиненных. Без тайны процессы святого трибунала были бы такими же, как и судебные дела, возбуждаемые иногда епископами или их генеральными викариями против священников, находящихся в их ведомстве и обвиняемых в каком-либо преступлении. Без тайны почти все подсудимые избегли бы диффамации юридической или фактической, которою они клеймятся при секретном судопроизводстве. Без тайны сами инквизиторы пользовались бы в свете, как и остальные люди, всеми преимуществами, которые предоставляет людям общество, а не внушали бы страх как шпионы и гонители, что является их обычным уделом и служит поводом к осторожности при разговорах в их присутствии.

Седьмая статья предписывает, чтобы деловые бумаги и документы инквизиции хранились в том самом месте, где инквизиторы имеют свое пребывание, и чтобы они были заперты в сундуке, ключ от которого доверяется секретарю суда, который не может выпустить его из своих рук под угрозой потери своей должности. - Эти деловые бумаги не что иное, как сами процессы. Если бы инквизиция вела

Untitled

процессы согласно установленным правилам и формам, какой сундук мог бы содержать судебные дела стольких тысяч жертв, загубленных до 1488 года? Это обстоятельство требует особого внимания, потому что оно доказывает (по крайней мере до некоторой степени), как коротки были процессы этого трибунала. В самом деле, в 1813 году я видел в Сарагосе процессы более трехсот лиц, осужденных по делу убийства Педро Арбуеса. Почти все они были написаны на четвертушках, и тем не менее большинство не содержало даже восьмидесяти страниц. И какие процессы! Донос, протокол о взятии под стражу, сознание обвиняемого, обвинительный акт прокурора, словесная защита заключенного и приговор. Таково состояние большинства этих якобы уголовных дел. В некоторых встречаются в подтверждение доноса свидетельские показания; больше и не требовалось, чтобы располагать жизнью, честью и имуществом часто знаменитых людей и полезных граждан.

Восьмая статья гласит, что в случае ареста инквизитором одного округа человека, уже преследуемого другим трибуналом, все документы, находящиеся в руках первого трибунала, должны быть переданы второму. - Эта мера всегда достигала своего действия и служила поводом в последнее время, даже и до ареста оговоренного человека, к тому, что трибунал, уже составивший протокол предварительного следствия, важность коего считал достаточно серьезной для обоснования ареста, писал другим трибуналам, чтобы узнать, не имеется ли в их архивах каких-либо документов против подсудимого, и в случае утвердительного ответа требовал их к себе без

Untitled

дальнейших формальностей, потому что ни один другой трибунал не мог сделать того же затребования.

Девятая статья предписывает, что в случае наличия в архивах какого-либо трибунала святой инквизиции документов, могущих послужить другому трибуналу, посылка ему документов производится за его счет.

В десятой статье сказано, что ввиду отсутствия достаточного количества тюрем для всех, кто должен отбывать пожизненное заключение, можно позволить этой категории осужденных оставаться в своих домах с формальным запрещением выходить из них под страхом наказания по всей строгости законов. - Пусть судят, не должно ли было число узников быть огромно, если инквизиция прибегла к такому средству? Вскоре я найду случай их перечислить; но, думаю, вывод из этого перечня возбудит столько же сочувствия, сколько обнаружит позора и ужаса.

Одиннадцатой статьей инквизиторам предлагается строго исполнять предписания свода законов, запрещающие детям и внукам осужденных занимать какую-либо почетную должность и носить одежду, где имеются украшения из золота, серебра и драгоценных камней, или сотканную из шелка или тонкого полотна. - Трудно в такого рода рвении признать характер христианской любви к ближнему, потому что им по обязанности приносятся в жертву дети и потомство жертв кровавого трибунала.

Двенадцатой статьей запрещается допускать до примирения с Церковью и отречения от ереси мальчиков до четырнадцатилетнего и девочек до двенадцатилетнего возраста. Если же они сделали отречение до этого

Untitled

времени, то их подвергают ратификации. - Такая побудительная причина этого закона заключалась в том, что инквизиторы берегли возможность поступать с детьми, вновь впавшими в ересь, как с таковыми. Ужасно подумать, что все мероприятия инквизиции клонились лишь к тому, чтобы умножать число виновных.

Тринадцатой статьей приемщикам приказывается оплачивать королевские боны, выданные под конфискованное имущество, не иначе как лишь в том случае, когда жалованье служащих и расходы святой инквизиции уже уплачены. - Я уже сказал в другом месте, каковы были последствия этой меры.

Четырнадцатая статья гласит, что инквизиция обратится к государям с челобитной о благоволении повелеть, чтобы в каждом городе, где она учреждена, была выстроена квадратная ограда с маленькими кельями, предназначенными быть тюремной камерой для тех, кто к ней приговорен; здесь же должна быть устроена часовня для узников, чтоб их не приходилось более оставлять в своих собственных домах. Статья эта предлагает в то же время агентам инквизиции наблюдать, чтобы этого рода помещения были расположены таким образом, чтобы узники могли там заниматься своей профессией и зарабатывать средства к жизни, чтобы расход их не шел более за счет святой инквизиции, как это было до настоящего времени. - Это распоряжение Торквемады повело к учреждению мастерских, известных в провинции под названием домов Покаяния; они примыкали к зданиям трибунала. Их назначение обнаруживает мало гуманности у людей, которые приняли новые основные законы,

Untitled

разрешающие осужденным отбывать епитимью у себя дома. Лишь только была принята мера, внушенная милосердием, как в ней раскаиваются и спешат свести ее фактически к нулю. Это доказывает их заботу избавиться от расхода, который они должны были делать для заключенных.

Пятнадцатая, и последняя, статья налагает на нотариусов, фискалов, альгвасилов и других должностных лиц обязательство выполнять свою должность лично и запрещает доверять ее другим лицам.

XII. Эти указы, равно как и те, которые были изданы раньше для предупреждения злоупотребления или их исправления, не достигли полностью цели, поставленной главным инквизитором. Для упорядочения своей администрации Торквемада созвал в Толедо новую общую хунту инквизиторов. Декреты этого собрания были опубликованы в Авиле 25 мая 1498 года. Они образуют четыре новых узаконения, разделенных на шестнадцать статей, и гласят:

1. При каждом трибунале должны состоять два инквизитора, из которых один юрисконсульт, а другой богослов. Им запрещается делать постановления одному без другого о тюрьме, пытке и сообщении обвинений, сделанных свидетелями, ввиду того, что эти вещи имеют слишком большое значение. - Предосторожность в установлении второго инквизитора-богослова вызвана побуждением избежать помощи квалификаторов. Время, однако, показало, что было важно, чтобы оба они были осведомлены в юриспруденции для правильного начала и ведения судебных дел. Квалификаторы нужны лишь для

Untitled

того, чтобы определить (способом, свойственным богословам-догматистам), носит ли еретический характер или нет тот или другой опороченный тезис; указывают ли обстоятельства, соответствующие лицу, времени, месту и особому случаю и способу произнесения или напечатания еретического положения, был ли автор его еретиком или нет и знал ли он, что наша святая мать католическая Церковь учит в противоположном смысле. Квалификаторы дают свое заключение два раза. Во-первых, после предварительного следствия, по ознакомлении с опросом; их суждение имеет большое влияние на приказ об аресте. Во-вторых, во время самого процесса, до произнесения судебного приговора, то есть в конце судебного дела. Они решают, следует ли изменить квалификацию, данную после предварительного следствия, на основании ответов обвиняемых и всего того, что произошло; их заявление заметно предопределяет характер окончательного приговора. Поэтому не следовало ли допускать в качестве квалификаторов лишь опытных догматических богословов, глубоко изучивших соборные определения, мнения Отцов Церкви, литургию и всю историю церковной дисциплины? К несчастью, почти все квалификаторы были только схоластическими богословами, не прочитавшими ни одной хорошей книги и зачастую квалифицировавшими как еретические положения, которые были извлечены буквально из Отцов Церкви и, следовательно, никогда не должны были бы считаться опасными. Такой порядок, столь пагубный для обвиняемых, доказывает невежество этих богословов и необходимость, которую они считали для себя обязательной, приспособляться к мнениям и

Untitled

обычаям своего века.

2. Инквизиторы не должны позволять своим подчиненным носить никакого запрещенного оружия, кроме тех случаев, когда на это уполномочивает их исполнение обязанностей; инквизиторы ни в каком случае не должны вмешиваться в гражданские дела и должны допускать свое участие только в уголовных процессах. - Эта статья была почти бесполезна. Инквизиторы продолжали поддерживать приспешников святого трибунала, и в результате происходили убийства, драки, гнусные процессы, раздоры в семействах, опозорение должностных лиц и бесконечное количество других бедствий, часть которых я буду иметь случай сообщить в ходе этой Истории. Эти безобразия не мешали их гнусной системе поддерживать друг друга, и инквизиторы (верные составленному ими плану расширения своего владычества) злоупотребляли церковными наказаниями, тайной своих архивов и легкостью, с какой они распространяли всюду террор, чтобы обеспечить торжество своего деспотизма. Этот результат всегда оказывался безошибочным благодаря протекции монарха, даже в тех случаях, когда было неизвестно, на чьей стороне правосудие, и когда слуги этого монарха бывали унижены. Главные инквизиторы были убеждены, что честь святого трибунала требовала, чтобы народ питал полное доверие к решениям его членов. Так как главный инквизитор был всемогущим лицом у короля, то он ловко пользовался благоприятными моментами, чтобы обмануть его доверие и заставить его санкционировать злоупотребления администрации.

3. Никто не должен подвергаться заключению в тюрьме,

Untitled

если его преступление не доказано достаточными уликами; в случае ареста следует немедленно приступить к разбору его дела, без ожидания новых улик, более решительных, чем первые. - Это распоряжение существовало с давнего времени; если Торквемада его предлагает, значит, оно было забыто или плохо исполнялось. Эти меры, однако, не воспрепятствовали возобновлению злоупотреблений.

Может казаться странным запрещение Торквемады производить арест кого-либо без улик его преступления, тогда как в 1498 году (когда это распоряжение было возобновлено) было погублено уже сто четырнадцать тысяч четыреста восемьдесят человек, а следовательно, столько же семейств. Из этого числа десять тысяч двести двадцать были сожжены живьем, шесть тысяч восемьсот шестьдесят - фигурально как осужденные заочно и девяносто семь тысяч четыреста подверглись публичной епитимье и были лишены своего имущества в громадном большинстве без улики, на основании лишь одного оговора недоброжелателя или доноса несчастного, которого подвергли пытке, чтобы вырвать имена тех, отступничество коих он знал или предполагал; самое большее против этой массы людей было два или три показания в этом роде, различавшиеся между собой в изложении фактов или времени, места и других обстоятельств. Приведенные мною данные об осужденных далеко не исчерпывают всех жертв инквизиции, как я это покажу в другом месте, приведя соответствующие доказательства.

4. В процессах, начатых против умерших, инквизиция не должна уклоняться от их ликвидации за недостатком улик, ни делать постановления об отсрочке в ожидании новых

Untitled

улик, потому что из этого может произойти значительный вред для детей, устройство которых останавливается из боязни неблагоприятного исхода судебного дела. - В побуждении, продиктовавшем эту меру, можно видеть некоторую человечность, но инквизиторы были слишком фанатичны, чтобы предаваться гуманным чувствам. Если бы они почитали святыне законы, то никогда не стали бы возбуждать процессов против людей, умерших с напутствием [361] и погребенных с церковными обрядами. Надо было иметь душу людоедов и быть более жадными, чем евангельский скупец, чтобы вырывать из земли мертвых, обещивать их память, сжигая их останки с их изображением, и конфисковать имущество, которым спокойно пользовались невинные потомки или которое было законно приобретено лицами, никогда не подозревавшимися ни в отступничестве, ни в ереси.

5. Нельзя накладывать большого количества денежных взысканий даже тогда, когда не хватает фондов на жалованье служащим. - Это правило было старинное; но ловушка была всегда расставлена, и распоряжение оставалось без действия всякий раз, когда инквизиторы могли придать своим решениям видимость справедливости.

6. Инквизиторы не могут заменять ни тюремное заключение, ни какое другое физическое воздействие денежным штрафом, но только постом, милостыней, паломничеством и другими епитимьями в этом роде. Та же статья сохраняла за главным инквизитором право освобождать от санбенито и разрешать детям и внукам осужденных одеваться, как и другие люди. - Это

Untitled

узаконение предполагает, что инквизиторы были повинны в том, что так строго запрещалось, хотя они и были наделены церковными бенефициями в целях обеспечения своего содержания. Однако я покажу, что замены и изъятия наказаний впоследствии составляли часть преимуществ главного инквизитора.

7. Инквизиторы должны тщательно рассматривать, следует ли допускать к примирению с Церковью тех, кто признался в своем преступлении после ареста. - Ведь многолетнее существование дает возможность смотреть на этих людей как на уклонившихся от суда. Это распоряжение принадлежит к тем, которые лучше всего доказывают дух святого трибунала и пристрастие его приспешников к сжиганию людей, так как в нем нельзя не признать бесчеловечности. Разве Бог не допускает обращения грешников, раскаивающихся в час смерти?

8. Инквизиторы должны публично наказывать свидетелей, уличенных в даче ложных показаний. - Чтобы это хорошо понять, следует знать, что на основании кодекса инквизиции можно быть ложным свидетелем двумя способами: во-первых, клеветца; во-вторых, заявляя, что не знаешь ни одного разговора и ни одного преступного действия, о котором спрашивают по делу человека, обвиняемого перед инквизицией. В продолжение моих изысканий я часто находил свидетелей этого второго рода, наказанных за отрицание фактов, показанных другими свидетелями, чего не случилось почти никогда с теми, которые принадлежали к первого рода лжесвидетелям, потому что было почти невозможно установить клевету свидетельскими показаниями в условиях, когда

Untitled

заклученный не был в состоянии назвать свидетеля и когда даже при предположении, что он догадался о нем, с этим не хотели соглашаться.

9. Ни в одной инквизиции не могут быть допущены в качестве служащих два лица, находящиеся в какой-либо степени родства, ни господин и его слуга, даже в тех случаях, когда их должности различны и отдельные.

10. В каждом трибунале святой инквизиции должно быть хранилище архивов, запирающееся на три ключа, из которых два должны находиться в руках двух секретарей, а третий в руках фискала; если секретарь сделает упущение в своей обязанности, он будет отрешен от должности и присужден к наказанию по закону. - По-видимому, эту статью постановили, чтобы заставить забыть прежнее распоряжение, предписывавшее держать бумаги в сундуке. В самом деле, после восемнадцати лет судопроизводства не без основания подумали об установлении архивов, как бы они ни были ничтожны по объему, как это можно предположить. Положение осужденных, как мы его изложили, достаточно это доказывает.

11. Секретарь должен получать свидетельские показания не иначе, как в присутствии инквизитора, причем должны быть приглашены для проверки первоначальных показаний два священника, не входящие в число служащих трибунала. - Эта статья могла быть исполнена только такими свидетелями, которые жили в месте, где имел свою резиденцию инквизитор; это было невозможно осуществить даже в Мадриде, потому что в часы, когда собирался трибунал, инквизиторы разбирали судебные дела, а остальное время дня употребляли на особые

Untitled

порученные им работы, каждый в своем ведомстве. Это было причиной, почему заслушивание и разбор свидетельских показаний поручили особым комиссарам.

12. Инквизиторы должны озаботиться учреждением общей инквизиции в тех городах, где ее еще не существует.

13. В затруднительных делах они должны совещаться с советом, посылая ему документы, лишь только они будут потребованы.

14. Для женщин должна быть устроена отдельная от мужчин тюрьма. - Эта предосторожность заставляет предполагать, что в этом отношении были допущены злоупотребления, и одной этой предосторожности недостаточно, чтобы вполне им помешать. Время от времени происходили вещи, делавшие мало чести трибуналу.

15. Работа должностных лиц трибуналов должна длиться шесть часов в день, из них три часа утром и три часа вечером, причем должностные лица собираются у инквизиторов, по их требованию. - В течение восемнадцатого столетия служащие работали всего три часа в день и их работа происходила утром.

16. После того как инквизиторы получают от свидетелей присягу в присутствии фискала, последний должен быть удален и не допускаться к заслушанию показаний.

XIII. Помимо этих указов Торквемада установил некоторые распоряжения отдельно для каждого чиновника святого трибунала, чтобы в совершенстве выполнить предначертания правительства. Так, он определил, чтобы каждый служащий давал присягу ничего не укрывать из того, что он мог видеть или слышать; чтобы инквизитор не

Untitled

оставался никогда наедине с заключенным; чтобы тюремщик никому не позволял с ним говорить и смотрел тщательно, чтобы в приносимой еде не было спрятано каких-либо писем или документов.

XIV. Эти распоряжения были последними, которые установил Торквемада. Но его преемник доминго Диэго Деса 17 июня 1500 года опубликовал в Севилье пятую инструкцию. Она была разделена на семь статей. Четвертая из них запрещает аресты за легкие проступки, вроде богохульств, произнесенных в раздражении. Пятая гласит, что в случае, если сочтут возможным допустить каноническое оправдание, обвиняемый присягнет в присутствии двенадцати свидетелей, которые, в свою очередь, заявят, что они верят в истину его слов. Шестой статьей постановлено, что, когда кто-либо, схваченный по приказу трибунала, как сильно заподозренный, будет допущен к оправданию присягой, он должен обещать не иметь более общения с еретиками, преследовать их всеми способами, какие только в его власти, доносить на них инквизиции и точно отбывать свою епитимью, давая согласие на то, что в противном случае он будет наказан как рецидивист. Седьмая статья предписывает то же по отношению к тому, кто произносит отречение как формальный еретик. Нет надобности давать комментарий для доказательства бесчеловечности этих двух последних распоряжений, потому что известно, что вторично впавший в ересь присуждался к передаче светскому судье, то есть к сожжению, даже в том случае, если он раскаивался. Статья вторая Мнения современных писателей

I. Таковы законы, обосновавшие святую инквизицию в

Untitled

Испанском королевстве. Кодекс, истолковываемый и применяемый на практике людьми, привыкшими спокойно и хладнокровно смотреть, как погибают им подобные среди пламени, причинил королевству больше бедствий в течение первых лет своего существования, чем несколько войн, взятых вместе. Он заставил эмигрировать более ста тысяч семейств полезных граждан, и Испания потеряла много миллионов франков в пользу римской курии, в вознаграждение за посланные ею буллы или в виде расходов, которые заинтересованные стороны принуждены были делать, приезжая к папе с ходатайствами об отпущении грехов. Крайняя суровость законов заставляла содрогаться даже самих христиан (т. е. не новохристиан). Однако, хотя боязнь преследования положила на них печать молчания, некоторые факты, переданные нам историей, доказывают, что нация осуждала этот способ обращения с делами, столь важными, как человеческая жизнь, честь и имущество родных, - словом, благополучие и несчастья целой монархии.

II. Фернандо де Пульгар, автор-современник, в хронике королей-основателей инквизиции выразил свой взгляд на то, что происходило тогда в Испании. Он говорит, что родственники многих узников и других осужденных лиц протестовали против поведения трибуналов святой инквизиции, заявляя, что она была более сурова, чем следует, и что способ судопроизводства и приведения приговора в исполнение был внушен лишь ненавистью. Он выразился еще яснее в частных письмах, кардиналу Мендосе, тогда архиепископу Севильи, в которых он утверждал, что грех ереси не заслуживает смертной казни

Untitled

и за него следует подвергать всего лишь денежным штрафам. Он основывал свое мнение на авторитете св. Августина, высказавшегося по поводу донатистов, и на законах, изданных против этих еретиков императорами Феодосием I и Гонорием I, его сыном {Пульгар. Хроника католических королей. Ч. II. Гл. 77; 21-е письмо, напечатанное в труде Знаменитые люди Кастилии, см.: св. Августина, письма 50-е и 100-е старинных изданий, или 127-е и 128-е в издании бенедиктинцев Конгрегации св. Мавра.}.

III. Хуан де Мариана, писатель очень точный, признает в своей Истории Испании, что способ наказания виновных казался жителям Испании слишком суровым и что нередко люди удивлялись, что детей наказывали за преступления их отцов; что доносчики и свидетели оставались неизвестными, вместо того чтобы быть поставленными на очную ставку с обвиняемыми; что судопроизводство не было публичным и не велось согласно правовым нормам и обычаям других судов и что была установлена смертная казнь за проступки против религии. Мариана говорит, что везде жаловались на невозможность свободно говорить ввиду множества шпионов, рассеянных по городам, местечкам и деревням для осведомления инквизиции обо всем происходящем. Это внушало всем и каждому страх и приводило жителей страны в жалкое, рабское состояние {Мариана. История Испании. Кн. 24. Гл. 17.}.

IV. Поэтому не приходится удивляться, как число жертв увеличилось до такой степени (это легко доказать самым неопровержимым образом), что у трибуналов не хватало времени ни на возбуждение процессов, ни на их ведение

Untitled

согласно установленным формам правосудия. Для доказательства достаточно изложить здесь события, имевшие место в момент учреждения инквизиции в Толедо. Трибунал города Вилья-Реалья, переименованного впоследствии в Сьюдад-Реаль, был перенесен в Толедо, и был опубликован льготный эдикт сроком в сорок дней. Множество новохристиан поспешило принести добровольное признание, назвав себя повинными в иудаизме.

По истечении сорока дней инквизиторы даровали второй срок в шестьдесят дней для виновных, не успевших явиться; и, наконец, был дан и третий срок в тридцать дней; ослушникам угрожали самыми суровыми карами. В течение последних тридцати дней инквизиторы вызвали к себе всех раввинов толедской синагоги и вырвали у них обещание именем Моисея назвать всех, кто после принятия крещения все еще исповедовал иудейскую веру; в случае отказа это сделать раввины должны были подвергнуться различным наказаниям, вплоть до смертной казни. В то же время инквизиторы приказали раввинам проклясть по обряду древнего закона всех тех евреев, которые откажутся доносить на виновных.

V. Эта мера чрезвычайно увеличила число доносов. По истечении девяноста дней второго и третьего сроков инквизиторы так рьяно приступили к своим судебным преследованиям, что в воскресенье 12 февраля 1486 года они справили аутодафе примирения с Церковью семисот пятидесяти осужденных обоего пола, подвергшихся публичной епитимье, с босыми ногами, в одной сорочке, со свечой в руке.

Untitled

VI. Современный историк-очевидец, передающий подробности этой первой экзекуции, прибавляет: в то время как осужденные направлялись в собор для выслушивания приговора, воздух был полон их криками и стонами, потому что они со скорбью видели, что окружены огромной толпой народа, оповещенной об этой церемонии за две недели по всем соседним местностям. Многие из осужденных носили высокое звание или занимали почетную должность. В воскресенье 2 апреля было второе аутодафе с девятьюстами жертвами. 7 мая было третье аутодафе из семисот пятидесяти человек. В среду 16 августа инквизиторы сожгли двадцать пять осужденных, а на другой день та же участь постигла двух священников. 10 декабря девятьсот пятьдесят человек подверглись публичной епитимье.

VII. Итак, в течение одного только этого года толедская инквизиция сожгла двадцать семь человек и принудила к публичной епитимье три тысячи триста человек [362]. Это доводит число предпринятых и разобранных дел (после трех сроков в сорок, шестьдесят и тридцать дней, т. е. с середины октября предшествующего года) до трех тысяч трехсот двадцати семи [363]. Можно ли после этого утверждать, будто ведение этих процессов было правильно и обвиняемые имели возможность защищаться, если принять во внимание, что для труда, который показался бы громадным для всякого другого суда, было в наличии всего лишь два инквизитора и два секретаря?

VIII. По этому началу деятельности толедской инквизиции можно судить, как она поступала и впоследствии.

Припомним одновременно, что передает Мариана о

Untitled

севильской инквизиции, которая в 1482 году сожгла живьем две тысячи осужденных, фигурально более двух тысяч, а семнадцать тысяч принудила к епитимье, - не будет места сомнению в поспешности и жестокости, с которыми инквизиция распоряжалась жизнью, честью и имуществом жертв и их семейств.

Статья третья Обжалования в Рим. Поведение римской курии

1. Неудивительно, что множество людей апеллировали в Рим и, потерпев неудачу в первой попытке, подавало жалобы вторично под вымышленными именами. Римская курия была этим очень довольна, так как выдача бреве приносила ей большой доход. Мы видели, что произошло с этими апелляциями и как недобросовестно бреве были объявлены недействительными после огромных издержек, произведенных челобитчиками.

II. Римская курия не обнаружила никаких затруднений в вопросе о прощении отдельных лиц за преступление отступничества. Всякий, кто являлся в апостолический пенитенциарный суд с деньгами, получал просимое прощение или поручение другому лицу даровать ему это прощение. Это разрешение в то же время воспрещало кому-либо тревожить того, кто его получил.

III. Этот образ действий пришелся не по вкусу инквизиторам. Сильные покровительством Фердинанда и Изабеллы, они жаловались и предъявляли свои возражения папе. И часто новые бреве аннулировали прежние или ограничивали их действие судом совести. Несчастные, пожертвовавшие частью своего имущества, видели себя обманутыми. В то же время для поддержания

Untitled

в них настроения, побуждавшего обращаться в Рим, папа (находивший в этом обращении обильный источник доходов) обещал новые милости на новых условиях, нарушая таким образом данное им Фердинанду обязательство закрыть дорогу для апелляций в Рим. С одной стороны, он дает обещание Фердинанду и инквизиторам и нарушает их; с другой стороны, он жалует напуганным христианам прощения, действию которых препятствует. Такова была постоянная Практика римской курии в течение первых тридцати лет, следовавших за учреждением инквизиции в Испанском королевстве. Я постараюсь обосновать это несколькими происшествиями, относящимися к предмету моей книги.

IV. Зрелище такого великого множества осужденных, преданных огню в течение первых четырех лет инквизиции, породило у многих новохристиан желание снискать примирение с церковью, так как, исходатайствовав его, они могли не страшиться ни за свою честь, ни за свое имущество. Они оповестили о своем решении Иннокентия VIII, который 15 июля 1485 года и выдал бреве. Он облакал этим бреве инквизиторов полномочиями, необходимыми для допущения к тайному примирению тех, кто явится по собственному побуждению до привлечения к суду. Это было постановлено папой вопреки общим нормам церковного и гражданского права, определяющим наказания и епитимьи для еретиков {Райнальди. Церковная летопись, под 1485 годом.}.

V. Это новое папское мероприятие не понравилось Фердинанду, который запретил исполнение его как противоречащего политическим соображениям, которые не

Untitled

имели, вероятно, иного мотива, кроме жадности. Папа разрешил, чтобы декрет исполнялся только относительно лиц, указанных Фердинандом и Изабеллой, и 11 февраля 1486 года даровал инквизиторам разрешение на тайное прощение пятидесяти еретиков. Церемония прощения произошла в присутствии Фердинанда и Изабеллы, без сомнения, потому, что этим подчеркивалась готовность папы идти навстречу королевской чете.

VI. 30 мая папа пожаловал второе разрешение для прощения того же числа лиц. На другой день, оказав ту же милость другим пятидесяти новохристианам, он не поставил необходимым условием присутствие Фердинанда и Изабеллы на этом примирении, но только велел сообщить им имена и звания примиренных. 30 июня появилось четвертое бреше о примирении пятидесяти еретиков, а 30 июля новое, с оговоркой, что государи могут применить эту новую милость к лицам по собственному выбору и что они будут ею пользоваться даже в том случае, если инквизиция уже получила неблагоприятные сведения. Кроме того, отречение от ереси примиренных с церковью не помешает их детям получать должности и не повлечет за собой обычного лишения чести. Эта милость может быть применена даже к умершим: инквизиторы, велев вырыть их трупы, произнесут над ними разрешение от церковных наказаний, даруют им церковное погребение и реабилитируют таким образом их память.

VII. Эти буллы впоследствии сильно умножились в Испании, хотя их исполнение часто испытывало помехи со стороны инквизиторов, которые даже возражали против претворения решений в жизнь.

Untitled

VIII. Я согласен, что пользование ими противоречило обязательству римской курии по отношению к испанскому королю и инквизиции и что папы так легко жаловали их лишь для привлечения в Рим испанского золота. Но пусть бы папы никогда иным путем не злоупотребляли своей властью. В этом случае результат их политики клонился по крайней мере к выгоде человечества, потому что просившим милости святого престола и их детям сохраняли честь и имущество.

IX. Ни папы, ни инквизиторы не были настолько благоразумны, чтобы видеть, что справедливый повод в умеренному обхождению с лицами, получившими подобные бреве, хотя они и были осуждены инквизицией, должен был побудить трибунал снисходительно относиться также к лицам, которым -недоставало только буллы для получения этой милости. Почему им отказывали в ней? Не очевидно ли, что такой образ действий имел совершенно иной мотив, нежели ревность к чистоте веры, которую любили выставлять напоказ? Об этом свидетельствует способ, которым вынуждены были пользоваться против другого злоупотребления римской курии, во всей своей политике всегда преследовавшей лишь собственное обогащение и не помышлявшей о благе других даже тогда, когда ее политика вела в отдельных случаях к добру.

X. Многие из новохристиан, опасавшиеся преследования за преступление отступничества, прибегли к папе. Они доложили, что исповедали свой грех на тайной исповеди и получили отпущение от своих духовников и что показывали эти удостоверения инквизиторам, чтобы избежать преследования. Инквизиция запросила папу Сикста IV,

Untitled

который послал бреве дону Иньиго Манрике, архиепископу Севильи, и апелляционному судье по делам инквизиции. Его Святейшество говорил, что предмет запроса был предусмотрен и урегулирован его предшественниками; они определили, что следовало освобождать от преследования только сделавших признания и произнесших отречение перед секретарем с обещанием не впасть вторично в ересь под страхом наказаний, установленных законом для рецидивистов.

XI. Осведомившись о папском решении, многие из новохристиан, бывших иудействующими, сделали формальное признание перед секретарем святого трибунала и обратились затем в римский пенитенциарный суд для получения отпущения от папы, или от председателя суда, или от какого-либо другого церковного судьи, назначенного на этот предмет Его Святейшеством. Они были хорошо приняты, и римская курия послала бреве испанским инквизиторам с запрещением тревожить и преследовать иудействующих христиан, получивших отпущение.

XII. Инквизиция протестовала против папского бреве, будучи убеждена, что в случае признания за ним силы закона не останется никого, кто бы не последовал его указанию, и при помощи этого косвенного пособия даже еретик достиг бы обеспечения своей безнаказанности. Иннокентий VIII ответил 10 ноября 1487 года, что отпущение, жалуемое в подобном случае, касается только суда совести.

XIII. Невольно спрашивается, что, собственно, запрещал испанским инквизиторам римский пенитенциарный суд? И

Untitled

зачем так обманывать доверие просителей, которые отдали свои деньги за бесполезные буллы? Это обстоятельство вызывает в памяти то зло, которое римская курия причинила религии своей жадностью; без этой ужасной жадности Европа, может быть, была бы вся католической.

XIV. Устрашенные угрожавшей опасностью, многие испанцы решили для избежания ее отправиться в Рим; здесь они были милостиво приняты, потому что привезли с собой деньги. Двести тридцать из них получили отпущение при условии, что вернутся в Испанию лишь с разрешения Фердинанда и Изабеллы. Папские комиссары известили об этом главного инквизитора Испании 10 сентября 1488 года, чтобы он сообщил это инквизиторам королевства.

XV. Нельзя видеть без полного удовлетворения благополучия этих испанцев; но возмущает непоследовательность римской курии и старание окольными путями притянуть к себе золото чужеземцев, не показывая вида, что она не исполняет своих обещаний.

XVI. Политика Александра VI, оставаясь такой же несправедливой, была более согласована с усвоенными принципами. Этот папа 12 августа 1493 года подписал бреве, в котором заявлял о полученном им сведении, что Педро, присяжный и палач Севильи, его жена Франсиска и некоторые другие жители города и окрестностей были привлечены к суду и юридически изобличены в ереси и отступничестве; что они получили от его предшественника Сикста IV бреве на отпущение и тайное примирение с церковью апостолическими комиссарами, которые были взяты не из среды инквизиторов, и что вследствие этого

Untitled

один из исполнителей бреве довел свое безрассудство до того, что возбудил процесс против самих инквизиторов, запрещая им, под страхом законной кары, нарушать бреве без предварительного заключения прокурора. Это вызвало большой скандал и в высокой степени скомпрометировало честь и интересы инквизиции. Папа прибавлял, что для исправления этого великого зла он приказывает инквизиторам, не обращая внимания на буллу Сикста IV и на отпущения, примирения с Церковью и воспрещения, являющиеся ее последствием, вести судебное дело против Педро, Франсиски и их сообщников.

XVII. Эта декларация была недостаточна для успокоения и полного удовлетворения инквизиторов. Поэтому 12 марта 1494 года папа Александр VI писал Фердинанду и Изабелле. Изложив вышеупомянутые происшествия, он говорил, что бреве Сикста IV было исполнено стараниями архиепископа Эворы, что инквизиторы произнесли окончательный приговор против виновных, объявляя их беглыми еретиками и принуждая к выдаче в руки светской власти; вследствие этого они были сожжены фигурально и их имущество было конфисковано в пользу государства; некоторые из обвиняемых, придавая отпущению архиепископа Эворы больше значения, чем оно имело по закону, претендовали на отклонение юрисдикции инквизиторов и на ввод во владение своим имуществом; все обстоятельства этого дела склонили Иннокентия VIII, его непосредственного предшественника, к аннулированию всех бреве, подписанных им самим и Сикстом IV по делу об отпущениях и воспрещениях в частной форме, отличной от той, которая свойственна инквизиторам и епархиальным

Untitled

епископам. Ввиду всего этого он, Александр VI, желая держаться образа действий Иннокентия VIII, приказывает, чтобы все приговоры, вынесенные против указанных преступников, имели силу, как того требует закон, и строго исполнялись как в отношении наследников осужденных и их имущества, так и в отношении самих преступников.

XVIII. Таков был выход, к которому прибегла римская курия, чтобы выпутаться из затруднительного положения, возникшего вследствие ее жадности. Он был совершен за счет несчастных, которые потратили значительную долю своего наследства при прохождении через множество инстанций, в которые они были направлены буллою от 2 августа 1483 года, адресованной в январе 1484 года архиепископу Эворы.

XIX. Все это не помешало, однако, римской курии впоследствии даровать новые отпущения или передать комиссарам право даровать их тайно тем, кто явится с просьбой о них, как будто курия не знала, что эти отпущения будут аннулированы, если инквизиторам будет угодно их отклонить. Действительно, инквизиторы жаловались испанскому двору и для уничтожения навсегда обычая, столь часто ставившего помехи их деспотизму, умоляли Фердинанда и Изабеллу не покидать инквизиции на произвол судьбы.

XX. Оба монарха писали папе, делая ему представления о том, что было бы полезно предоставить инквизиторам полное и свободное отправление их юрисдикции и не допускать больше, чтобы оно задерживалось косвенным путем тайных отпущений и восстановлением таких отпущений, которые уже были отменены, или другими

Untitled

привилегиями, которые с некоторого времени имели силу изъять виновных из-под власти инквизиции. Александр VI ответил Фердинанду и Изабелле своим бреве от 23 августа 1497 года, в котором он пошел навстречу их просьбе и аннулировал все отпущения, которые не имели обычной формы, кроме отпущений, данных духовниками на исповеди.

XXI. Исключения, о которых говорилось в последней булле Александра VI, то есть привилегии, которые ставили некоторых обвиняемых вне юрисдикции инквизиторов, были одними из многочисленных золотых копей, открытых среди испанской нации и эксплуатируемых с величайшим успехом папской политикой, делавшей вид, что она имеет целью лишь установление инквизиции и пользу, которую последняя может принести делу религии. С самого начала многие христиане обращались к римской курии, заявляя о своей верности католической религии; признавая, однако, что несчастное обстоятельство происхождения от еврейских предков заставляет их опасаться доносов со стороны злонамеренных людей, они просили Его Святейшество во избежание всякой опасности изъять их из юрисдикции инквизиторов.

XXII. Римская курия, постоянная в своей политике, долго заставляла ожидать привилегий, хотя выручала за них много денег; в конце концов она все-таки их жаловала. Некоторые такие привилегии были дарованы Сикстом IV и Иннокентием VIII. Инквизиторы жаловались на это, и 27 ноября 1487 года папа приказал давать отсрочку представившему буллу с привилегией в смысле приведения в исполнение наказания, чтобы доложить об

Untitled

этом Его Святейшеству и дождаться ответа последнего до начала наказания обвиняемого.

XXIII. Трибунал инквизиции не был удовлетворен этим решением папы. Тогда появилось новое бреве от 17 мая 1488 года.

Принимая во внимание затруднение, испытываемое инквизицией от применения привилегий и тайных отпущений, Его Святейшество приказывал оповестить во всех соборных церквах, что все получившие привилегии обязываются в тридцатидневный срок, в спешном порядке, исполнить формальности, предписанные законом, в присутствии инквизиторов, под страхом преследования по суду, как будто они никогда не получали привилегий; а если будет доказано, что они впали в ересь после испрошения этих изъятий, они подлежат наказанию в качестве рецидивистов.

XXIV. Несмотря на эту резолюцию, римская курия продолжала жаловать за деньги привилегии, от которых отказалась лишь внешним образом, хотя хорошо понимала, что с ними не будут считаться. Инквизиция должна же была одержать верх, если бы пользовалась даже лишь одним тем правом, какое ей было даровано буллами.

XXV. Хуан де Лу Сена, советник короля Фердинанда по Арагонскому королевству, жаловался на это в 1502 году по поводу своего личного дела и дела своего брата. Его письмо к королю от 26 декабря 1503 года при всей его обширности заслуживает полного внимания как сообщающее подробности относительно инквизиции.

XXVI. Так как крайняя суровость инквизиторов всегда

Untitled

внушала сильные опасения, а римская курия, увековечивая установленную ею систему поборов, продолжала показывать себя снисходительной, то неудивительно, что к ней обращались все, кто имел какие-либо козырные средства на руках, казавшиеся хорошими и не запрещенные общим правилом. Одним из этих средств были отводы. Многие указывали папе, что, вопреки апостолическим буллам, их преследует инквизиция и что этот трибунал все меньше расположен к признанию их невиновности, а его мстительность, ненависть и озлобление являются фактами, действие которых каждый испытал на собственной шкуре.

XXVII. Дон Альфонсо де ла Кавальерия [364], вице-канцлер Арагона, принадлежавший к одной из знатных фамилий Сарагосы и пользовавшийся большим расположением короля, происходил из еврейской семьи. Он был предан суду инквизицией как заподозренный в иудаизме и в соучастии в убийстве Педро Арбуеса д'Эпилы. Кавальерия обратился к папе и отклонил юрисдикцию инквизиторов Сарагосы, главного инквизитора и архиепископа, апелляционного судьи. Папа отправил на их имя 28 августа 1488 года бреве с запретом судить этого испанца и с переносом дела в Рим.

XXVIII. Инквизиторы опротестовали мотивы отвода, представленные доном Альфонсо. Это ничуть не помешало папе повторить в следующем бреве от 20 октября 1488 года свою прежнюю резолюцию. Несомненно, этот испанец был обязан покровительством папы своему большому богатству и расположению короля. Я прочел его процесс в 1813 году. Легко заметить, что инквизиторы

Untitled

руководствовались серьезными соображениями, ибо было доказано, что этот господин принимал большое участие в убийстве Арбуеса, входя в сообщество со злоумышленниками и жертвуя деньги для найма убийц. Случай составляет иногда счастье людей; ему обязан своим благополучием дон Альфонсо де Кавальериа [364].

XXIX. Он не только выпутался из этого затруднительного положения, но прославил свое имя до такой степени, что мог породниться с королевским домом. Потомок еврейских предков, внук женщины, сожженной за вероотступничество, муж особы, которая была присуждена к публичному покаянию сарагосской инквизицией, сам примиренный с Церковью и прощенный условно, Альфонсо женился вторым браком на донье Изабелле де Аро, от которой он имел двух сыновей и двух дочерей, вступивших в брак с лицами из знатных фамилий королевства Арагон. Старший из его сыновей, дон Санчо де ла Кавальериа, притянутый к суду сарагосскими инквизиторами за содомию [365], женился на Маргарите Сердан, дочери владельца Кастелара; а его сын дон Франсиско де ла Кавальериа вступил в брак, несмотря на позор своего отца, с Хуанной Арагонской, внучкой короля, сестрой графа де Рибаторсы и кузиной императора Карла V [366].

XXX. Дон Педро д'Аранда, епископ Калаоры, также прибег к чрезвычайной помощи Рима для защиты памяти, чести, репутации, христианского погребения и имущества своего покойного отца, Гонсало д'Альфонсо, уроженца Бургоса, которого вальядолидские инквизиторы привлекли к суду. Так как у них не получилось между собой согласия при разборе дела, папа своим бреве от 15 августа 1493 года

Untitled

поручил дому Иньиго Манрике, епископу Кордовы, и Хуану де Сан-Хуану, приору вальядолидских бенедиктинцев, судить обвиняемого и привести в исполнение приговор над ним, с запрещением инквизиторам и епархиальному епископу заниматься дальше этим делом.

XXXI. Не могли инквизиторы равнодушно снести этих и других подобных властных поступков. Они обратились в тайный совет государя. Тогда 15 мая 1502 года появилась булла Александра VI, гласящая, что Его Святейшество извещен королем, что множество обвиняемых останавливает ход правосудия при помощи отводов, предъявляемых святому престолу для переноса дел в Рим и для получения поручений по рассмотрению этих дел другими лицами, а не инквизиторами, хотя поведение инквизиторов и было справедливо и бескорыстно, так как они даровали обвиняемым время, необходимое для организации защиты, и судили скорее сострадательно, чем строго. Булла далее говорила о том, что подобные действия приводили к большим неудобствам, потому что многие этим путем добивались устранения из-под юрисдикции святого трибунала; для прекращения этих злоупотреблений папа приказывает нынешнему главному инквизитору и его приемникам расследовать лично подобные дела, как уже поступившие, так и могущие появиться в будущем и касающиеся отвода суда инквизиторов; кроме того, папа требует запретить всем другим судьям вмешиваться в судопроизводство инквизиции в силу апостолических поручений, которые он формально отменяет настоящей буллой.

XXXII. Таков был ответ Александра VI на возражения

Untitled

Фердинанда и Изабеллы. Однако он не ограничился этим. Считая как бы недостаточным последний апостолический декрет, он опубликовал новый от 31 августа 1502 года, уполномочивая главного инквизитора разбирать все апелляционные дела через доверенных лиц по его выбору, чтобы избежать отправки судебных дел в Рим и перемещения узников, арестованных и содержащихся на островах или в других местностях, удаленных от курии, которая тогда не имела постоянной резиденции.

XXXIII. Не трудно видеть несправедливость закона, делавшего бесполезными произведенные затраты и потерянное время обвиняемых, старавшихся получить передачу дел и отводы по своим процессам, подчиненным для разбора уполномоченным судьям, назначенным самим папой. Но это ничуть не останавливало папу: ему нужно было во что бы то ни стало угодить испанскому двору. Уже были получены значительные суммы за выпуск двух брелев, и папа с удовольствием видел, что его последняя мера не помешает апелляциям по-прежнему в большом количестве притекать в Рим. Действительно, дело приняло такой оборот, что, невзирая на две буллы Александра VI, эти два вида апелляций продолжали с успехом употребляться под различными предлогами.

XXXIV. Среди жалоб, поступавших в римскую курию, надо считать и просьбы о реабилитации. Так как бесчестие, являясь одним из наказаний за ересь, делало недоступными для осужденных государственные и общественные должности, то множество людей обращалось в Рим с просьбой о милости и об освобождении их от этой части наказаний. Верная своему

Untitled

намерению исполнять за деньги все просьбы такого рода, курия не отказывала ни в одной просьбе, мало беспокоясь тем, что такое поведение Рима не нравилось инквизиторам и вызывало их недовольство. По своей безнравственности курия стояла выше этих соображений; она и нисколько не сомневалась, что эти новые милости будут точно так же плохо встречены инквизиторами и королевским двором и будут столь же бесполезны, как и прежние привилегии и милости.

XXXV. На самом деле Фердинанд и Изабелла (которых инквизиторы не замедлили уведомить о происшедшем) просили папу аннулировать новые реабилитации и пожалованные папою льготы. Александр, жертвуя честью святого престола и участью множества жертв, желая понравиться монархам, буллой от 17 сентября 1498 года отменил все буллы, выпущенные его предшественниками и им самим, с особой оговоркой, что при получении кем-либо в будущем подобной буллы он уполномочивает инквизиторов смотреть на них как на случайно вырванные у власти и отклонять их как недействительные и не имеющие силы.

XXXVI. Хотя политика испанского двора имела своей целью, по существенному мотиву, поставить всех испанцев, обвиняемых в ереси, под исключительную юрисдикцию инквизиторов полуострова, случилось однако, что римская курия в этом же году приняла вторично множество беглецов, ходатайствовавших об апостолическом примирении. Они устроились в Риме, и это привело к привлечению их впоследствии к суду инквизицией; 29 июля 1498 года перед базиликой Св. Петра [367] произошло

Untitled

аутодафе двухсот пятидесяти испанцев, изобличенных в возврате к иудаизму, подобное тому, которое было совершено в 1488 году, в присутствии архиепископа Реджио [368], римского губернатора, Хуана де Картахены, испанского посла, Октавиано, епископа Мазары, референдария [369] папы, Доменико де Якобачиса и Джакомо де Драгати, членов апостолического суда, и Пабло де Монелио, испанца, францисканского монаха, папского пенитенциарного судьи по делам испанской нации. Александр VI присутствовал на возвышенной трибуне при исполнении приговора. Осужденных, кроме других епитимий, подвергли обязательству появиться в униженной одежде санбенито. Получив отпущение и примирение с католической Церковью, они попарно вошли в Ватиканскую базилику для молебна и вернулись в том же порядке в церковь Св. Марии Sopra Minerva [370]. Там они скинули санбенито и вернулись к себе, не нося более никаких знаков позорящего их приговора.

XXXVII. 5 октября 1498 года папа известил испанскую инквизицию о случившемся в Риме и в то же время объявил, что одним из наказаний, наложенных на осужденных, является невозможность вернуться в Испанию без специального разрешения Фердинанда. Нельзя было думать, что оно будет когда-либо ими получено, так как Фердинанд и Изабелла (находившиеся тогда в Сарагосе) 2 августа 1498 года воспретили всем испанцам, скрывшимся в Рим, возвращаться в Испанию под страхом смерти.

XXXVIII. Наконец, для доказательства того, как римская курия пользовалась всякими обстоятельствами для своего

Untitled

обогащения путем злоупотребления своей властью и господствовавшими тогда мнениями, достаточно сказать, что она принимала апелляции на приговоры, лишавшие права управления землями и другим имуществом церквей и религиозных корпораций. Чтобы понять это, следует знать, что приговор истолковывали таким образом, что осужденные с позором лишались права управлять имениями и брать их в аренду. В собрании булл инквизиции имеется папское бреве, запрещающее новохристианам, подвергшимся епитимьям, брать в аренду имущество или доходы церквей.

XXXIX. Таково было поведение римской курии по отношению к испанским государям, инквизиторам и новохристианам королевства. Никогда она не отказывала в буллах просителям, но никогда и не принимала на себя защиты слабых, которыми обыкновенно жертвовала. Не исполняя данных обещаний как обвиняемым, так и инквизиторам, она отменой пожалованных милостей и привилегий показала себя страшно несправедливой по отношению к обвиняемым.

XL. Искусная в создании предлогов для апелляций, дотоле неизвестных, римская курия сумела умножить число просьб об епитимийных отпущениях, как о тех, которые жаловались тайно в присутствии секретаря, так и о тех, которые получались только в Риме. Точно таким же образом обстоит дело с судебными изъятиями, с отводами судей, с переносом дел, с реабилитацией чести и памяти, со льготами от наказаний, наложенных в качестве епитимий, и со множеством подобных случаев.

Безнравственная и вероломная даже в пожалованиях,

Untitled

курия поджидала только протеста испанских государей, чтобы аннулировать свои милости, довольная обладанием уплаченными за них сокровищами.

Можно ли было ожидать подобных поступков от духовного главы католической Церкви?

XLI. Чтение булл не оставляет никакого сомнения насчет цели, какую имела римская курия при учреждении инквизиции и при даровании ей особого покровительства.

Вместо просвещенного усердия к чистоте католической веры, ее важнейшей целью было открыть и

эксплуатировать тот золотой рудник, который должен был обогащать ее, а Испанию превратить в нищую страну.

Глава VIII изгнание евреев. Процессы, возбужденные против епископов. Столкновение юрисдикции. Смерть

Торквемады; исчисление его жертв. Его характер, влияние его на поведение и дела инквизиции

Статья первая Изгнание евреев

I. В 1492 году Фердинанд и Изабелла завоевали королевство Гранада. Это событие доставило новые жертвы инквизиции: огромное множество мавров приняло христианскую веру притворно или совершенно поверхностно; в основе их обращения в новую религию лежало желание снискать уважение победителей; крестившись, они вновь стали исповедовать магометанство.

II. Джованни де Наваджьеро, посол Венецианской республики [371] при Карле V, говорит в своем

Путешествии по Испании, будто Фердинанд и Изабелла обещали, что в течение сорока лет инквизиция не будет вмешиваться в дела морисков, то есть новохристиан,

Untitled

покинувших магометанство. Однако инквизиция все-таки была учреждена в Гранаде под тем предлогом, что туда скрылось много прежних евреев, подозреваемых в отступничестве. Джованни де Наваджьеро неточно передает обстоятельства дела. Известно, что Фердинанд и Изабелла обещали только не преследовать новохристиан морисков, за исключением серьезных случаев. И действительно, преследование не носило постоянного характера, так что у морисков не было основания напоминать о данном обещании преследовать их лишь в исключительных случаях. Главный инквизитор не осмеливался ни оспаривать, ни обходить королевский указ, запрещавший инквизиторам Кордовы расширять их юрисдикцию в королевстве Гранада, и указ этот исполнялся до 1526 года, когда трибунал инквизиции появился и в этой области по мотивам, о которых я вскоре расскажу.

III. В 1492 году некрещеные евреи были изгнаны из Испанского королевства. Участие в этом деле Торквемады и других инквизиторов обязывает меня войти в некоторые подробности. Евреев обвиняли в подстрекательстве к вероотступничеству тех, кто стал христианином; им приписывали много преступлений, совершенных не только против христиан, но и против религии и спокойствия государства. Вспоминали закон из так называемого Свода частей [372], изданный в 1255 году Альфонсом X, в котором говорится об обычае евреев похищать христианских детей и распинать их в Великую пятницу для осмеяния воспоминаний о Спасителе мира. Рассказывали историю св. Доминика де Валя, ребенка из Сарагосы,

Untitled

который был распят в 1250 году [373]. Толковали о краже священной гостии в Сеговии в 1406 году и об издевательствах евреев над ней. Говорили о заговоре, организованном в Толедо в 1445 году, причем должны были последовать пороховые взрывы на улицах города во время процессии в праздник Святого таинства; [374] о заговоре в Таваре, местечке между Саморой и Бенавенте [375], где видели, как евреи разбрасывали железные капканы [376] по улицам, по которым жители должны были бежать без обуви среди пожара, охватившего их дома. Вспоминали мученическую смерть других детей, похищенных и умерщвленных ими подобно Сыну Божию: в 1452 году в Вальядолиде; в 1454 году на земле маркиза д'Альмарса близ Саморы; в 1468 году в Сепульведе, в епархии Сеговии. Припоминали издевательства над крестом в 1488 году на поле Убежище лани (Puerto del gato), между местечками Касар и Гранадипья, в епархии Корин; [377] похищение ребенка из города Ла-Гуардия [378], в провинции Ла-Манча [379], в 1489 году и его распятие в 1490 году; попытку подобного же преступления в Валенсии, которому помешало совершиться правосудие. К этим обвинениям прибавляли еще другие в том же роде. Обвиняли врачей, хирургов и аптекарей из евреев в злоупотреблении профессией для причинения смерти множеству христиан; между прочим, смерть короля Энрике III приписывали его врачу Маиру.

IV. Я не знаю, какого доверия заслуживают приводившиеся доказательства этих преступлений. Но если даже допустить, что имелись основания считать их истинными, то отсюда никоим образом не вытекала необходимость

Untitled

изгнания всех евреев из королевства. Религия и политика обязывали обращаться с ними с кротостью и отдавать их хорошему поведению уважение, в котором не отказывали христианам, и карать лишь тех, кто был виновен в каком-нибудь преступлении, как в таком случае поступили бы с испанцами, изобличенными в убийстве или каком-либо другом преступлении. Презрение и дурное обращение христиан естественно вызывали чувство мести со стороны евреев и заставляли их проникаться страшной ненавистью к гонителям. Если бы Испания проводила в отношении евреев иную политику, она превратила бы их в новых людей, похожих на тех потомков испанских евреев, которые, поселившись в разных европейских странах, считаются ныне там полезными, хорошими и спокойными гражданами, потому что их там не унижают и никто их оттуда не изгоняет.

V. Испанские евреи знали об угрожавшей им опасности. Будучи убеждены, что для предотвращения ее достаточно предложить Фердинанду деньги, они обязались доставить тридцать тысяч дукатов на издержки по войне с Гранадой, которая как раз в это время была предпринята Испанией; кроме того, евреи взяли на себя обязанность не давать никакого повода к тревоге правительства и сообразоваться с предписаниями закона о них, жить в отдельных от христиан кварталах, возвращаться до ночи в свои дома и воздерживаться от некоторых профессий, предоставленных только христианам. Фердинанд и Изабелла готовы были отнестись благожелательно к этим предложениям, но Торквемада был извещен обо всем. Этот фанатик имел дерзость явиться с распятием в руке к

Untitled

государям и сказать им: "Иуда первый продал своего Господа за тридцать сребреников; Ваши Высочества думают продать его вторично за тридцать тысяч монет. Вот он, возьмите его и поторопитесь продать". Фанатизм доминиканца произвел внезапный поворот в душе Фердинанда и Изабеллы. 31 марта 1492 года они издали декрет, которым все евреи, мужского и женского пола, обязывались покинуть Испанию до 31 июля того же года под угрозой смерти и потери имущества. Декрет запрещал христианам укрывать кого-либо в своих домах после этого срока под угрозой тех же наказаний. Евреям было разрешено продавать свои земельные угодья, брать с собой движимое имущество и другие вещи, кроме золота и серебра, вместо которых они должны были получать векселя или незапрещенные товары {Сборник булл и законов, напечатанный в Толедо в 1550 году. Закон 3-й.}. VI. Торквемада поручил проповедникам увещевать евреев принимать крещение и не покидать королевства; он опубликовал даже эдикт для побуждения их к этому. Меньшинство дало себя убедить и приняло христианство. Другие продавали свое имущество и отдавали его по такой низкой цене, что Андрее Бернальдес, священник из Лос-Паласиоса, деревни, соседней с Севильей, передает в своей Истории католических королей, что евреи отдавали дом за осла и виноградник за малое количество сукна и полотна. Этому нечего удивляться, если принять в соображение данный им короткий срок для оставления королевства.

VII. Эта мера, внушенная жестокостью, а не усердием к религии, заставила покинуть Испанию до восьмисот тысяч,

Untitled

евреев, по подсчету Марианы {Мариона. История Испании. Кн. 26. Гл. I.}. Если сюда присоединить выселение мавров из Гранады в Африку и эмиграцию множества христиан Испании в Новый Свет, мы найдем, что Фердинанд и Изабелла потеряли два миллиона подданных и что для теперешнего народонаселения Испании это равняется потере по крайней мере шести миллионов людей.

VIII. Бернальдес уверяет, что, несмотря на запрещение, евреи унесли с собой большое количество золота, запрятанного во вьюках, седлах и других потайных местах, даже в собственных кишках. Это было засвидетельствовано при вскрытии трупов некоторых евреев, которые, превратив в порошок золотые монеты, известные под именем дукатов и крестовиков (cruzados), проглотили их, чтобы получить их обратно по ту сторону границы.

IX. Несколько судов, перевозивших евреев в Африку, были захвачены бурей и принуждены были причалить у Картахены. Полтораста изгнанников высадились здесь и решили принять крещение. Когда же эти корабли пришли в Малагу [380], четыреста евреев там приняли христианство. Прибыв в порт Арсилья в Африке, подвластный Португалии, многие из изгнанных евреев просили и получили крещение. Некоторые вернулись в Андалусию и здесь проявили тоже желание стать христианами. Историк Бернальдес крестил сотню их. Они вернулись из королевства Фец [381], где мавры отняли у них вещи и деньги, даже убивали женщин, так как думали найти в их внутренностях золото.

X. Эти ужасные покушения на божественный закон и

Untitled

последовавшие несчастья могут быть приписаны только фанатизму Торквемады, жадности и суеверию Фердинанда, ложным идеям и неразумному усердию, внушенным Изабелле, которой история не может отказать в душевной мягкости и просвещенном уме.

XI. Другие европейские дворы сумели воспротивиться фанатизму и не придали никакого значения булле от 3 апреля 1487 года, испрошенной у Иннокентия VIII Фердинандом и Изабеллой. Этой буллой приказывалось правительствам арестовать, по простому указанию Торквемады, всех беглецов, обозначенных им, и отослать их к инквизиторам, под угрозой верховного отлучения ослушников; только государь не подвергался анафеме. Кто дерзнет дать имя ревности по вере преследованию, отыскивающему свои жертвы на далеком расстоянии среди людей, подвергшихся путем изгнания столь жестокой каре, какой является отказ от надежды когда-либо вернуться на родину? Подобные меры могла диктовать только жестокость.

XII. Это видно из обхождения Фердинанда с двенадцатью евреями, найденными в Малаге, когда этот город был отнят у мавров 18 августа 1487 года. Государь приказал их забить до смерти заостренными палками. Мавры подвергали этому наказанию виновных в оскорблении величества, как самому ужасному по медленности, с которой умирали обреченные. Некоторые из этих несчастных были сожжены {Лаленья. История Малаги. Т. III, беседа 26; Сурита. Летопись Арагона. Кн. 20. Гл. 71.}.
Статья вторая Процессы, возбужденные против епископов
I. Булла от 25 сентября 1487 года лишила митрополитов

Untitled

права принимать апелляции на приговоры епархиальных епископов, их викариев и апостолических инквизиторов и облекла этим правом главного инквизитора. Эта новая привилегия внушила столько тщеславия Торквемаде и его делегатам, что с этого времени они стали считать себя выше епископов. Эта смешная претензия, защищаемая Парамо, Кареной и другими писателями, живет до наших дней в душе каждого инквизитора вместе с желанием и надеждой достигнуть епископства. Эта претензия заслуживала бы только презрения, если бы опыт не доказал, что она является источником унижений для епископов, сан которых она стремится принизить. На протяжении трех веков едва ли видели одного епископа из тех городов, где была учреждена инквизиция, который не жаловался бы на заносчивость инквизиторов в отношении ранга, предпочтения, этикета, юрисдикции или авторитета. Но это еще ничто по сравнению с обнаруженной ими в разное время наглостью, с какою они притязали судить за ересь епископов, которые в делах веры являются законными и компетентными судьями по божественному праву, и никто, даже папа, не может отнять у них того, что они получили от Святого Духа, а не от св. Петра, по свидетельству св. Павла, его собрата в служении слову.

II. Заносчивый и фанатичный Торквемада, делая вид, что отказывается из скромности от почестей епископства, первый подал пагубный пример привлечения к суду епископов. Не довольствуясь получением от Сикста IV бреве от 25 мая 1483 года, запрещавшего епископам, происходящим от еврейских предков, братья за расследование дел инквизиции, он решил привлечь к суду

Untitled

двух епископов, именно: дома Хуана Ариаса д'Авилу, епископа Сеговии, и дома Педро де Аран-ду, епископа Калаоры. Он известил о своем решении папу, который написал ему 25 сентября 1487 года, что его предшественник Бонифаций VIII [382] запретил прежним инквизиторам судить епископов (без полномочия в силу специального апостолического поручения), архиепископов и кардиналов. Он приказывал Торквемаде сообразоваться с этим законом. Если бы какой-либо процесс в этом роде открыл преступление прелата [383] или дал бы довод в диффамации, подозрению в ереси епископа, архиепископа или кардинала, папа поручал послать в Рим копию дела, чтобы решить, какие меры следует предпринять в подобном случае.

III. Последняя часть папского письма побудила Торквемаду начать тайно следить за епископами; он распорядился даже производить предварительное следствие. Папа, со своей стороны, с радостью видел, что рождается благоприятный случай вмешаться в испанские дела, и позволял преследования, которые перекачивали в Рим значительные суммы. Он послал в Испанию, с титулом чрезвычайного апостолического нунция, Антонио Палавичини, епископа Турне, который затем был епископом Оренсе [384] и Пренесте [385] и достиг впоследствии звания кардинала римской Церкви. Прибыв в Испанию, Палавичини получил информацию и соединил ее с имевшейся в руках у Торквемады. После этого он вернулся в Рим, где шел процесс двух епископов, которых папа вызвал в Рим для предъявления обвинения, и они должны были предпринять защиту.

Untitled

IV. Дом Хуан Ариас д'Авила был сыном Диего Ариаса д'Авилы, еврея по происхождению, который, крестившись вследствие проповеди св. Висенте Ферреры [386], стал главным счетоводом финансов королей Хуана II и Энрике IV. Последний возвел его в дворянское достоинство - дал ему во владение замок Пуньонростро близ Сеговии и некоторые другие местности, которые теперь образуют графство Пуньонростро, а также титул гранда Испании, которым владели его потомки начиная с Педро Ариаса д'Авилы, первого графа, брата епископа, также главного счетовода финансов Энрике IV и Фердинанда V, мужа доньи Марины де Мендоса, сестры герцога Инфантадо. Все это нисколько не импонировало Торквемаде. По его приказу были произведены дознания, из которых можно было заключить, что Диего Ариас д'Авила умер в ереси иудаизма. Цель главного инквизитора состояла в осуждении его памяти, в конфискации имущества, в извлечении из могилы останков и в сожжении их вместе с его изображением.

V. Так как в подобных делах вызываются на суд дети покойного, дом Хуан Ариас д'Авила был обязан явиться для защиты своего отца и себя. В 1490 году он отправился в Рим, несмотря на свой преклонный возраст, после тридцатилетнего служения на епископской кафедре Сеговии. Он был очень хорошо принят папой Александром VI, который в 1494 году даже избрал его для сопровождения своего племянника, кардинала Монреальского, в Неаполь, куда он отправлялся для коронации короля Фердинанда II [387]. Д'Авила вернулся в Рим и умер там 28 октября 1497 года, оправдав память

Untitled

своего отца и не дав случая Торквемаде произвести покушение на его собственную свободу.

VI. Дом Педро Аранда, епископ Калаоры, не был так счастлив. Он был сыном Гонсало Алонсо, еврея, крестившегося при св. Висенте Феррере, бывшего затем регентом капеллы св. Варфоломея в приходской церкви Св. Лаврентия в городе Бургосе. Гонсало имел удовольствие видеть назначение епископами двоих своих сыновей. Второй сын дома Альфонсо был епископом Бургоса, потом архиепископом Монреалья в Сицилии и был погребен в вышеупомянутой капелле, хотя историк Хиль Гонсалес д'Авила пишет, что погребенный там епископ не он, а Педро Аранда. Между тем Педро умер в Риме в 1498 году. Епископом Калаоры он был назначен в 1478 году, а в 1482 году председателем совета Кастилии. И все-таки в 1488 году он явился предметом тайного следствия, руководимого Торквемадой, что не помешало ему, впрочем, созвать синод в городе Логроньо в 1492 году.

VII. Между тем Торквемада и инквизиторы Вальядолида предприняли процесс Гонсало Алонсо, его отца, стараясь доказать, что он умер иудействующим еретиком.

Достаточно было, чтобы какой-либо обращенный еврей умер богатым и счастливым - тотчас пытались породить сомнения в его правочности. Зложелательство по отношению к потомкам евреев было так же велико, как и стремление их преследовать и обогащать государственную казну их достоянием. Инквизиторы Вальядолида и епархиальный епископ (им был тогда епископ Паленсии) не были согласны между собой относительно приговора над обвиняемым. Его сын, епископ Калаоры, дом Педро

Untitled

Аранда, был в Риме в 1493 году и получил от Александра VI бреше от 13 августа этого года, которым это дело передавалось в руки дома Иньиго Манрике, епископа Кордовы, и Хуана де Сан-Хуана, приора бенедиктинского монастыря в Вальядолиде. Они должны были произнести приговор об участи Гонсало и велеть исполнить его, причем инквизиторы и епархиальный епископ не имели права этому противодействовать или апеллировать против вынесенного приговора. Последствия этого решения были благоприятны для Гонсало.

VIII. Епископ, его сын, достиг такой степени уважения со стороны папы, что был назначен главным мажордомом [388] папского дворца. Папа отправил его в 1494 году в Венецию в качестве посла и назначил апостолическим протонотарием Хуана де Аранду, внебрачного сына епископа, который сопровождал отца в этом посольстве. Эта исключительная милость не остановила пыла инквизиции, которая продолжала начатый против него процесс по делу ереси; судьями были архиепископ, губернатор Рима и два епископа, аудиторы апостолического дворца. Дом Педро представил сто одного свидетеля, но так неудачно, что каждый имел что-либо показать против него в том или другом пункте. Судьи сделали доклад папе в тайной консистории [389] в пятницу 14 сентября 1498 года, и верховный первосвященник присудил епископа Педро к лишению должности и бенефиций, к снятию епископского сана и к возвращению в первобытное состояние мирянина. Он был заключен в замок Св. Ангела [390] и умер там несколько времени спустя {Бурхард. Римский дневник, цитируемый Райнальди

Untitled

в его Церковной летописи, под 1498 годом. N 22.}

IX. Несмотря на это формальное осуждение, я не думаю, чтобы дом Педро Аранда был повинен в преступлении, в котором его обвиняли, потому что мне кажется невероятным, как он мог в противном случае так долго пользоваться репутацией хорошего католика и исключительным образом стяжать такое всеобщее уважение, что королева Изабелла назначила его председателем совета Кастилии. Его забота по созыву синодального съезда в епархии доказывает ревность Аранды к чистоте веры и догмата. Хотя свидетели указали на некоторые положения или факты, противоречащие догмату, последствия этого не так важны, как это может показаться с первого взгляда, потому что известно, что пост в воскресенье, отдых в субботу, воздержание от свиного мяса и от крови животных и другие подобные обыкновения являлись достаточными мотивами для объявления человека виновным в иудаизме, хотя теперь всем известно, что все это совмещается с нерушимой привязанностью к догматам католической веры.

Статья третья Столкновение юрисдикции

I. Это торжество святого трибунала и другие преимущества, которые его система преследования давала над сильными людьми, настолько вскружили головы испанских инквизиторов, что они не боялись больше в вопросе юрисдикции затевать все, что могло еще сильнее укрепить их деспотизм. Постоянно уверенные в поддержке государя, они сочиняли апологию [391] своего поведения, доказывая, что неодобрение его приведет к полной невозможности успешно преследовать еретиков и

Untitled

очищать от них королевство. Отсюда возникло множество столкновений юрисдикции между инквизиторами и вице-королями, генерал-губернаторами провинций, королевскими судебными палатами и другими светскими судьями, архиепископами, епископами, генеральными викариями и другими церковными судьями.

II. Почти всегда интрига обеспечивала инквизиторам успех в их предприятиях. Это злоупотребление продолжалось до нашего века. В бесконечном количестве случаев святой трибунал публично унижал магистратов и обязывал их давать удовлетворение по мнимым обидам, принуждал стоять на коленях за торжественной мессой, со свечой в руке, в одежде кающегося, просить прощения и освобождения от церковных кар, которыми он их поражал, принимать наложенную на них епитимью и обещать ее исполнение. Все это - акты, унижительные для магистратов, которые были виновны только в том, что хотели защищать честь королевской власти, но еще более постыдные для монарха, который позволял так унижать своих министров, судей, губернаторов. Факты, о которых я говорю и которые относятся к эпохе Торквемады, послужили основанием, на котором инквизиторы установили свои заносчивые принципы, касающиеся сущности их авторитета и их власти.

III. В 1498 году генерал-губернатор Валенсии велел выпустить на свободу Доминго де Санта-Круса, который был арестован по приказу инквизиторов как враг святого трибунала. Побуждение, заставившее губернатора показать свою власть, заключалось в том, что преступление, в котором обвиняли узника, могло быть

Untitled

судимо только военным судом, хотя бы и предполагалось, что он уже давно осужден как еретик. Инквизиторы обратились с жалобой к государю, который (вместо того чтобы принять сторону своего наместника) подчинил дело решению верховного совета инквизиции, что было равносильно согласию с инквизицией. Верховный совет никогда не терял из виду принципа, по которому, даже если поведение инквизиторов достойно порицания и заслуживает наказания, нельзя публично выставлять их виновными из страха, что ослабит уважение и пострадает их авторитет. Совет решил, что генерал-губернатор Валенсии должен прибыть в Мадрид, чтобы дать отчет в своем поведении, и все те, которые подчинились и употребили силу для освобождения узника, должны быть заключены в тюрьму святого трибунала. Король уведомил генерал-губернатора о принятом решении, и генерал-губернатор, несмотря на свой высокий ранг, принужден был получить освобождение от церковных наказаний, которые, предполагалось, он навлек на себя.

IV. Я не знаю, этот ли Доминго де Санта-Крус или одноименный испанец послужил причиной подобного происшествия, случившегося в Кальяри [392], в Сардинии, десять лет спустя, то есть в 1498 году. Архиепископ выпустил его из тюрьмы святого трибунала при помощи королевского наместника. По этому делу был вчинен процесс о компетенции прелата; все окончилось, как можно было, впрочем, предвидеть, к выгоде инквизиции {Парамо. О происхождении инквизиции. Кн. 2. Отд. II. Гл. 13.}.

Статья четвертая Подсчет жертв Торквемады
{Окончательный подсчет жертв находится в главе XLVI 2-го

Untitled

тома. Я предпочитаю тот подсчет этому только потому, что он умереннее, но я не могу утверждать, что он более точен.}

I. Томас де Торквемада, первый главный инквизитор Испании, умер 16 сентября 1498 года. Его злоупотребление своими безмерными полномочиями должно было бы заставить отказаться от мысли дать ему преемника и даже уничтожить кровавый трибунал, столь несовместимый с евангельской кротостью. Надо согласиться, что число жертв за восемнадцать лет с его утверждения достаточно оправдывало эту меру. Я думаю, что не выйду из границ намеченной цели, установив здесь их подсчет.

II. Образ действий некоторых инквизиций, в частности толедской и сарагосской, и предположение, что точно так же дело происходило и в других местах, приводит к мысли, что каждый трибунал должен был справлять ежегодно по крайней мере четыре аутодафе, чтобы уменьшить расходы по содержанию неимущих узников. Однако эти данные недостаточны для точного определения числа несчастных, которых погубил Торквемада. Надо прибегнуть к методу приближения.

III. Хуан де Мариана утверждает на основании старинных рукописей, что в первый год инквизиции в Севилье сожгли две тысячи человек, что такое же число было сожжено фигурально и что семнадцать тысяч человек подверглись публичному покаянию. Я мог бы говорить без боязни преувеличения, что другие трибуналы осудили столько же лиц в первый год своего учреждения; но я уменьшу это число в десять раз, потому что доносы свирепствовали в Севилье сильнее, чем в других местах.

Untitled

IV. Андрее Бернальдес, историк этой эпохи, говорит, что с начала 1482 года включительно по 1489 год в Севилье было сожжено семьсот человек и более пяти тысяч подверглись епитимьям, не считая фигуральных сожжений. Я предположу, что число последних равнялось половине сожженных живьем, хотя иногда оно бывало значительно больше.

V. По этому предположению в каждый год отмеченного периода восемьдесят восемь человек осуждалось на сожжение живьем, сорок четыре сжигалось фигурально и шестьсот двадцать пять подвергалось публичному покаянию в одном только городе Севилье. Этот расчет доводит итог жертв инквизиции до семисот пятидесяти семи человек.

VI. Я думаю, что такое число их было и во второй и в последующие годы во всех других инквизициях. Я основываю свое мнение на том, что не встречаю ничего противоречащего этому утверждению. Во всяком случае, я уменьшу число наполовину.

VII. В 1524 году на здании севильской инквизиции поместили надпись, из которой явствует, что со времени изгнания евреев, происшедшего в 1492 году, до этого года было сожжено около тысячи человек и более двадцати тысяч было присуждено к епитимьям. Вот текст этой надписи:

"Anno Domini millesimo quadringentessimo octogessimo primo, Sixto IV pontifice maximo, Ferdinando V et Elisabeth, Hispaniarum et utriusque Siciliae regibus catholicis, Sacrum Inquisitionis Officium contra haereticos judaizantes ad fidei exaltationem hie exordium sumpsit. Ubi post Judaeorum et

Untitled

Saracenorum expulsionem ad annum usque millesimum quingentessimum vigessimum quartum, divo Carolo Romanorum imperatore ex materna hereditate eorumdem regum catholicorum successore tunc regnante, ac reverendissimo domino Alfonso Manrico archiepiscopo Hispalensi; fidei officio praefecto, viginti millia hereticorum et ULTRA nefandum haerescos crimen abjurarunt; nee non hominum FERE MILLIA in suis haeresibus obstinatorum postea jure praevio ignibus tradita sunt et combusta, Innocentio VIII, Alexandra VI, Pio III, Julio II, Leone X, Adriano VI (qui etiam dum cardinalis Hispaniarum gubernator ac generalis inquisitor esset, in summum pontificatum assumptus est) et Clemente VII annuentibus et faventibus. Domini nostri imperatoris jussu et impensis, licenciatus de la Cueva poni jussit, dictante Domino Didaco a Carthagera archidiacono Hispalensi, anno Domini millesimo quingentissimo vigesimo quarto".

Это значит: "В 1481 году, при папе Сиксте IV, в царствование Фердинанда V и Изабеллы, католических королей Испании и Обеих Сицилии, здесь получил начало священный трибунал инквизиции против иудействующих еретиков для возвышения веры. Со времени изгнания евреев и сарацин до 1524 года, в царствование Карла, римского императора, наследника по матери этих двух католических королей, и в правление этим трибуналом веры преподобнейшего господина Альфонсо Манрике, архиепископа Севильского, двадцать тысяч еретиков и более отреклись от гнусного преступления ереси, и почти тысяча человек, упорных в своей ереси, после предварительного суда были преданы пламени и сожжены,

Untitled

с согласия и одобрения Иннокентия VIII, Александра VI, Пия III [393], Юлия II [394], Льва X [395], Адриана VI [396] (который получил верховное первосвященничество, будучи кардиналом, правителем Испании и главным инквизитором) и Климента VII [397].

По повелению и на счет нашего владыки императора [эта надпись] поставлена здесь по приказанию лиценциата де ла Куэвы под руководством Диего из Картахены, архидиакона Севильи, в 1524 году".

VIII. Я ограничусь предположением, что только одна тысяча осужденных была сожжена живьем, что только пятьсот были сожжены фигурально. Этот расчет даст на каждый год тридцать два человека сожженных живьем, шестнадцать сожженных фигурально и шестьсот двадцать пять приговоренных к публичному покаянию; в целом это составит итог жертв инквизиции в шестьсот семьдесят три человека. Я наполовину уменьшаю это число для каждой из других инквизиций, чтобы не оспаривали моих выводов, несмотря на имеющиеся у меня причины полагать, что число жертв, за исключением небольшой разницы, было так же велико, как в самой Севилье.

IX. Для трех лет, 1490, 1491 и 1492, протекших между повествованием Бернальдеса и севильской надписью, можно установить тот же порядок, что и для восьми лет этого историка. Во всяком случае, для доказательства, что я не стремлюсь к преувеличениям, я буду придерживаться числа, выставленного надписью, как более умеренного. По этим данным я представляю подсчет жертв, умерщвленных Торквемадой, первым главным инквизитором, за восемнадцать лет его кровавой администрации.

Untitled

X. В 1481 году инквизицией Севильи были сожжены живьем две тысячи человек, две тысячи сожжены фигурально и семнадцать тысяч подвергнуты различным карам, что в итоге составляет цифру в двадцать одну тысячу осужденных. За этот год я не стану подсчитывать жертв в других провинциях, потому что, хотя вероятно, что были казни в Арагонском королевстве, они не касаются нового учреждения, которое существовало только в Севилье и Кадисе.

XI. В 1482 году в Севилье были сожжены живьем восемьдесят восемь человек, сожжены фигурально сорок четыре и приговорены к другим наказаниям шестьсот двадцать пять, что в итоге за этот год дает цифру семьсот пятьдесят семь человек. Я не говорю о других инквизициях, которые еще не были организованы.

XII. 1483 год представляет подобное же число жертв в Севилье, по скромному расчету, положенному мною в основание. В эту эпоху приступили в отправлению своих обязанностей инквизиционные трибуналы Кордовы, Хаэна и Толедо, учрежденные тогда в Сьюдад-Реале. Согласно принятому предположению мы имеем для каждого из этих трибуналов двести человек сожженных живьем, двести сожженных фигурально и тысячу семьсот подвергшихся публичному покаянию, что доводит число всех осужденных до двух тысяч ста человек. Для трех трибуналов число это будет равняться шести тысячам тремстам. Прибавим сюда число осужденных в Севилье, получим: шестьсот восемьдесят восемь сожженных живьем, шестьсот сорок четыре сожженных фигурально как осужденные заочно или умершие раньше и пять тысяч семьсот двадцать пять

Untitled

понесших другие кары, а всего в общем семь тысяч пятьдесят семь человек, присужденных к различным наказаниям.

XIII. В 1484 году в Севилье все происходило по-прежнему. В Кордове, Хаэне и Толедо мы насчитываем сорок четыре жертвы, сожженные живьем, двадцать две - фигурально и триста двенадцать, подвергшихся другим наказаниям; всего двести двадцать жертв первого разряда, сто десять второго и тысячу пятьсот шестьдесят одну третьего, в итоге: тысячу восемьсот девяносто одну жертву,

XIV. В 1485 году образ действий инквизиторов Севильи, Кордовы, Хаэна и Толедо был одинаков. Трибуналы, учрежденные в этом году в Эстремадуре, Вальядолиде, Калаоре, Мурсии, Куэнсе, Сарагосе и Валенсии, представляют нам каждый двести осужденных первого разряда, двести - второго и тысячу семьсот - третьего, в итоге тысячу шестьсот двадцать - первого разряда, тысячу пятьсот десять - второго и тринадцать тысяч четыреста шестьдесят одного - третьего, всего шестнадцать тысяч пятьсот девяносто одного человека.

XV. Для 1486 года тот же результат получается в Севилье, Кордове, Хаэне и Толедо. Шесть других трибуналов дают нам, из расчета сорока четырех человек первого разряда, двадцати двух - второго и трехсот двенадцати - третьего, итог в пятьсот двадцать восемь человек, сожженных живьем, в двести шестьдесят четыре, сожженных фигурально, и в три тысячи семьсот сорок пять, подвергшихся другим карам; общий, итог равняется четырем тысячам пятистам тридцати семи осужденным.

XVI. В 1487 году одиннадцать уже существовавших

Untitled

инквизиций осудили то же количество людей, что и в предыдущем году. Инквизиции Барселоны и Майорки, начавшие свою деятельность в этом году, сожгли живьем двести человек, фигурально - двести и присудили к другим карам одну тысячу семьсот человек. Все тринадцать инквизиций осудили в этот год восемь тысяч семьсот тридцать семь человек, из них к первому разряду принадлежали девятьсот двадцать восемь, ко второму - шестьсот шестьдесят четыре и к третьему - семь тысяч сто пятьдесят пять человек.

XVII. В 1488 году одиннадцать старейших инквизиций действовали по-прежнему; в счет инквизиций Барселоны и Майорки мы ставим сорок четыре жертвы первого разряда, двадцать две - второго и триста двенадцать - третьего. В общем для тринадцати трибуналов мы насчитываем шестьсот шестнадцать жертв первого разряда, триста восемь - второго, четыре тысячи триста шестьдесят девять - третьего, а в итоге пять тысяч двести девяносто три человека.

XVIII. Тот же результат для следующего 1489 года дают тринадцать трибуналов, и здесь кончаются вычисления, которые я счел возможным установить на основании свидетельств Марианы и Бернальдеса.

XIX. С 1490 года мы начинаем пользоваться для продолжения нашего подсчета севильской надписью, помещенной в замке Триана. В этом году в Севилье было сожжено тридцать два человека живьем, шестнадцать фигурально и шестьсот двадцать пять присуждено к различным наказаниям, что в общем равняется шестистам семидесяти трем осужденным. В каждом из двенадцати

Untitled

других городов было осуждено половинное число. Итог тринадцати трибуналов даст нам триста двадцать четыре человека осужденных первого разряда, сто двенадцать - второго и четыре тысячи триста шестьдесят девять - третьего, а всего четыре тысячи восемьсот пять приговоренных.

XX. В 1491 и в последующие годы до 1498 года включительно мы считаем то же число жертв для каждого года и находим в итоге: в первом разряде две тысячи пятьсот девяносто две жертвы, во втором - восемьсот девяносто шесть и в третьем - тридцать четыре тысячи девятьсот пятьдесят две. Все вместе это составляет тридцать восемь тысяч четыреста сорок человек, которые в эти восемь лет были судимы и присуждены инквизицией к сожжению живьем или фигурально или к другим наказаниям, каковы: пожизненное тюремное заключение, конфискация имущества, опозорение и прочее.

XXI. Отсюда следует, что Торквемада за восемнадцать лет, которые продолжалась его инквизиционная служба, десять тысяч двести двадцать жертв сжег живьем, шесть тысяч восемьсот шестьдесят сжег фигурально после их смерти или по случаю их отсутствия и девяносто семь тысяч триста двадцать одного человека подверг опозоренью, конфискации имущества, пожизненному тюремному заключению и исключению из службы на общественных и почетных должностях. Общий итог этих варварских казней доводит число навсегда погибших семейств до ста четырнадцати тысяч четырехсот одного. Сюда не включены те лица, которые по своим связям с осужденными разделяли более или менее их несчастье и

Untitled

горевали, как друзья или родственники, о строгостях, постигших несчастные жертвы.

XXII. Если сделанный мною подсчет покажется преувеличенным, пусть составят новый по числу жертв, отмеченному на некоторых аутодафе толедской инквизиции за 1485, 1486, 1487, 1488, 1490, 1492 и 1494 годы. Увидят, что за это время толедской инквизицией был осужден шесть тысяч триста сорок один человек, кроме тех, число коих не определено в годы, не занесенные в эту серию. В среднем число это представляет семьсот девяносто два человека в год. Пусть умножат это число на тринадцать по количеству инквизиционных трибуналов; тогда получат для каждого года десять тысяч двести девяносто шесть осужденных, то есть за восемнадцать лет - сто восемьдесят пять тысяч триста двадцать восемь жертв.

XXIII. Если бы число жертв в каждом из других инквизиционных трибуналов я сравнивал с числом жертв в трибунале Севильи, то получил бы четыреста с лишним тысяч человек, потерпевших кары от святого трибунала за такой короткий срок.

XXIV. Я не принял в расчет лиц, осужденных в Сардинии, чтобы меня не обвинили в преувеличении. Однако известно, что деятельность Торквемады там тоже вызвала немало жертв и что его примеру подражали впоследствии, осуждая бесчисленное множество людей.

XXV. Я не упоминал об инквизиции в Галисии (где инквизиции тогда еще не существовало), о трибуналах на Канарских островах [398] и в Новом Свете, ни даже о трибунале Сицилии, где продолжала существовать

Untitled

прежняя система, несмотря на усилия ввести новую. Это очевидно доказывает, что суровость новой системы внушала опасения и что труднее было от нее найти защиту. Если мы будем считать жертвами Торквемады всех тех, кто был судим после смерти в трибуналах, основанных его преемниками, - кто может счесть их число?

Статья пятая. Гонение Торквемады на книги

I. Пылкое усердие Торквемады не ограничивалось преследованием людей; он гнал и книги. В 1490 году он велел сжечь несколько еврейских Библий, а впоследствии более шести тысяч книг на аутодафе в Саламанке, на площади Св. Стефана, под предлогом, что они были заражены заблуждениями иудаизма или пропитаны колдовством, магией, волшебством и другими суевериями. Сколько ценных произведений при этом погибло! Единственным их преступлением было, что их не могли понять.

II. Почти за сорок лет до этого происшествия другой доминиканец, по имени брат Лопе де Барриентос, духовник кастильского короля Хуана II, подверг уничтожению библиотеку дона Энрике Арагонского, маркиза де Вильены, принца королевской крови, невзирая на высокое положение этого вельможи, который был родственником короля. Этот неистовый священник в награду за издевательство над кузеном своего государя и за обнаруженную им фанатическую ревность был назначен епископом Куэнсы.

III. Инквизиция охотно пользовалась всеми представлявшимися случаями для распространения на этот пункт своего права и юрисдикции. Уже прежние

Untitled

инквизиторы Арагонского королевства осудили на сожжение разные произведения; но они решались это делать только в силу апостолического поручения, которое нисколько не касалось Кастилии. В 1490 году Торквемада подал пример подобной казни по указу, полученному от самого Фердинанда, так же как Барриентос поступил из повиновения кастильскому королю Хуану II, тестю этого государя.

IV. Было хорошо известно, что власть инквизиции вовсе не простиралась на книги, и 8 июля 1502 года Фердинанд и Изабелла опубликовали в Толедо королевский указ, которым поручалось председателям апелляционных судов [399] в Валья-долиде и Сьюдад-Реале (ныне в Гранаде), архиепископам Толедо, Севильи и Гранады, а также епископам Бургоса, Сала-манки и Саморы рассматривать дела, связанные с разбором, цензурой, печатанием, ввозом и продажей книг.

V. Это доказывает, что оба монарха нисколько не думали поручать инквизиции подобные дела; хорошо бы, если бы такому примеру подражали их преемники. Но Карл V в 1550 году приказал дому Фернандо Вальдесу [400], главному инквизитору, запретить некоторые книги, отвергнутые университетом Лувена [401]. Его сын Филипп II [402] дал ему подобное же поручение для всей Испании. Святой трибунал долго пользовался этим полномочием и наконец осмелился утверждать, что оно было первоначальным и естественным правом трибунала, который инквизиторы называли трибуналом веры.

VI. Поэтому-то мы видели, как они жаловались и протестовали, как будто было произведено покушение на

Untitled

их права, когда в 1767 и 1768 годах король Карл III [403] и совет Кастилии решили прекратить злоупотребления, которые делал святой трибунал из данного поручения, запрещая многие хорошие книги, защищавшие права и прерогативы короны, не желая выслушать ни живых католических авторов подобных книг, ни защитников умерших, вопреки постановлению папы Бенедикта XIV [404].

Карл III и его совет думали пресечь это беззаконие, повелевая исполнять папскую буллу и воспрещая публиковать какой-либо запрет на книги до получения одобрения короля через государственного министра. Но я лично мог убедиться, находясь в лоне трибунала, как ошиблось правительство в своих расчетах.

VII. Инквизиторы злоупотребляют тайной, которая окружает их совещания, и постоянно находят средства для цензуры книг, с учением коих частично или в целом их ознакомил донос. Они не только не сообразовались ни с папской буллой, ни с королевскими указами, они даже пренебрегли обращением к епархиальному епископу. Совет инквизиции решал все самолично, следуя оценкам богословов, называемых квалификаторами, которые в общем были люди предубежденные, незнакомые с церковной историей, не сведущие в истинных убеждениях Отцов Церкви, вселенских и поместных соборов тех веков, когда лжедекреталии еще не появились на свет и когда юрисдикция пап не простиралась дальше Рима, кроме редких дел, касающихся общецерковной дисциплины.

VIII. Сведения, даваемые государям об этого рода приговорах, быстро выродились в пустую формальность:

Untitled

печатали указ о запрете до оповещения короля и давали сообщение о запрете, ничего не прибавляя к тому, что читалось в напечатанном декрете, не объявляя, были ли выслушаны авторы, и не объясняя также, почему цензоры квалифицировали содержание книг.

Статья шестая Личные свойства Торквемады и их последствия

I. Все эти несчастья и множество других, которые я обхожу молчанием, явились следствием системы, принятой Торквемадой и рекомендованной им при смерти своим преемникам. Они оправдывают общую ненависть, сопровождавшую его до гроба и носившую столь ужасный характер на протяжении всех восемнадцати лет его деятельности, что он должен был принимать различные предосторожности для охраны своей жизни. Фердинанд и Изабелла позволили ему окружать себя во время путешествий свитой из пятидесяти конных и двухсот пеших чиновников инквизиции. Это охраняло его от ударов, которые могли быть нанесены ему врагами открыто; он принял другие меры против своих тайных врагов.

Торквемада постоянно имел у себя на столе клык нарвала [405], которому придавали тогда силу открывать и нейтрализовать яды. Неудивительно, что многие точили на него зубы, если вспомнить, как он поступал во времена своего жестокого управления. Мы прибавим, что сам папа был утрашен такой жестокостью ввиду ежедневно поступавших к нему жалоб; поэтому Торквемада принужден был трижды посылать в Рим брата Альфонсо Бадаху, своего коллегу, с поручением защитить его перед папой против обвинений врагов.

Untitled

II. Наконец дело зашло так далеко, что Александр VI, которому стали в тягость постоянные вопли против него, решил лишить Торквемаду власти, которой его облек; он отказался от этого намерения только по политическим соображениям, а также под влиянием желания сохранить добрые отношения с испанским двором. Александр ограничился тем, что опубликовал 23 июня 1494 года бреве, в котором говорил, что, ввиду преклонного возраста Торквемады и его страдания от разных недугов, он назначает главных инквизиторов для ведения дел совместно с ним и облакает равную с ним властью дома Мартина Понсе де Леона, архиепископа Мессины в Сицилии, пребывавшего в Испании; дома Иньиго Манрике, епископа Кордовы (племянника одноименного архиепископа Севильи); дома Франсиско Санчеса де ла Фуэнте, епископа Авилы, и дома Альфонсо Суареса де Фуэнтельсаса, епископа Мондоньедо [406] (оба последние были инквизиторами). Каждый из них был уполномочен папою делать единолично все, что сочтет нужным, и заканчивать дела, начатые другим, потому что они были облечены одинаковой властью. Из этих четырех помощников Торквемады один, а именно Манрике, пребывал в своей епархии в Кордове, не следуя за двором, и поэтому не достоверно, чтобы он исполнял обязанности главного инквизитора. Епископ Мондоньедо, по-видимому, вскоре отказался от этого назначения. Епископ Авилы и архиепископ Мессины тотчас после своего назначения вступили в должность. Епископ Авилы был даже назначен 4 ноября того же года апелляционным судьей по делам веры, хотя уже было установлено, что все дела должны

Untitled

зависеть от главных инквизиторов, что, по-видимому, делало бесполезными распоряжения папского бреве.

Статья седьмая О чиновниках святого трибунала

I. Чиновники [407] святого трибунала, исполнявшие обязанность телохранителей Торквемады, первого главного инквизитора, были преемниками приближенных прежней инквизиции, о которых мы говорили в четвертой статье второй главы. Они должны были преследовать еретиков и подозреваемых в ереси, содействовать заключению их в тюрьму стражникам и сыщикам трибунала и исполнять все, что прикажут им инквизиторы для наказания обвиняемых.

II. Мы видели, что испанцы с отвращением приняли трибунал инквизиции; но так как надо было его терпеть, раз он был учрежден, нашлись благоразумные люди, которые сочли полезным показаться преданными этому учреждению, чтобы оградить себя от клеветы, которая, ставя их в разряд подозреваемых, могла рано или поздно привести к гибели. Это соображение заставило вступить в Конгрегацию Св. Петра несколько знатных дворян королевства, которые добровольно предложили себя в приближенные святого трибунала. Их пример увлек людей низших классов, и этому движению покровительствовала политика короля. Фердинанд и Изабелла даровали этим чиновникам различные прерогативы и привилегии.

III. Эти льготы увеличили их число чудовищным и неполитичным образом: были города, где привилегированных было больше, чем обычных жителей, обязанных муниципальной службой. Поэтому принуждены были, как мы увидим дальше, уменьшить их численность

Untitled

на общем собрании кортесов королевства.

IV. Достаточно будет заметить здесь, что главный инквизитор имел эскорт в двести пехотинцев и в пятьдесят всадников; правдоподобно, что в первое время отдельные инквизиторы также имели их на своей службе, по тем же причинам, по сорока пехотинцев и по десяти всадников, при посещении ими епархий. Армия на службе и на жалованье инквизиции достаточно объясняет, почему огромные конфискации, совершенные по приказу святого трибуналами другие средства, которые он умел себе добывать, не могли покрыть всех расходов, как мы это видели из текста разных указов и как будем иметь случай убедиться впоследствии. Если к этому отряду лучников прибавить множество узников, которых надо было кормить, легко будет понять объем подобных издержек и трудности, связанные с отысканием необходимых средств.

Глава IX Судопроизводство теперешней инквизиции

Статья первая Донос

I. По смерти главного инквизитора Торквемады, происшедшей в 1498 году, Фердинанд и Изабелла предложили папе назначить ему преемником дома Диего Десу, доминиканского монаха, бывшего наставником донна Хуана, принца Астурийского. Деса был тогда епископом Хаэна, до этого последовательно занимал кафедры Саморы и Саламанки; вскоре он был назначен епископом Паленсии и, наконец, архиепископом Севильи. Папа подписал его утвердительные буллы 1 декабря 1498 года, но ограничил его власть делами королевства Кастилия. Деса был недоволен ограничением, лишившим его влияния на Арагонское королевство, потому что этого не

Untitled

было в буллах двух его помощников, дома Мартина Понсе де Леона и дома Альфонсо Суареса де Фуэнтельсаса. Он отказался принять назначение до тех пор, пока папа облечет его теми же правами и для Арагона. Новая булла была дана 1 сентября 1499 года, когда Суарес де Фуэнтельсас (который перешел из Мондоньедо на епископство в Луга) был призван на кафедру Паленсии. 25 ноября 1501 года Александр VI заявил в своем бреве, что все права, которыми пользовался Торквемада, даруются его преемнику, а другим бреве от 15 мая 1502 года Деса был уполномочен расследовать все процессы, где требование отвода предъявлено обвиняемыми против инквизиторов. Наконец Александр 31 августа разрешил ему поручать уполномоченным по его выбору эту часть службы.

II. Деса не менее своего предшественника обнаружил суровость в отпращивании своих обязанностей.

Доминиканские монахи считали себя тем более праведными и тем более продвинувшимися по пути святости, чем точнее подражали поведению их основателя св. Доминика в Нарбоннской Галлии, в графствах Тулузы и Безье, а также в соседних странах. Эта строгость имела тот результат, какого следовало ожидать, как мы скоро увидим. Но прежде чем входить в детали, чего требует эта часть предмета моей книги, я должен познакомить читателей с трибуналом инквизиции в отношении способа судопроизводства в подведомственных ему делах, потому что, будучи созданием Торквемады и результатом установленных им узаконений, этот способ по необходимости относится к его истории. Когда этот

Untitled

предмет станет ясен, можно будет не удивляться множеству страшных происшествий, причиною коих во все эпохи инквизиции была форма инквизиционного судопроизводства. Эти события происходили и в нашем веке, когда плохо осведомленные люди полагали, что обязанность святого трибунала состоит только в службе политике испанского правительства.

III. Процессы святого трибунала начинаются с доноса или с какого-либо уведомления, заменяющего донос, каково, например, открытие, вытекающее случайно из показания, данного перед трибуналом по другому делу. Если бы инквизиторы не обращали никакого внимания на анонимные сообщения, а авторы подписанных доносов подвергались наказанию, назначенным для клеветников, трибуналы инквизиции имели бы гораздо меньше дел для разбора. Но не было ни одного доноса, который не был бы принят с радостью.

IV. Если донос подписан, он принимает форму заявления, в котором доносчик, поклявшись говорить правду, означает поименно или другим способом лиц, которые, как он думает или предполагает, могут показать против оговоренного. Они выслушиваются, и их показания, присоединенные к показанию первого свидетеля, составляют краткое осведомление, или предварительное следствие. Как решаются пользоваться, особенно в священническом суде, анонимным заявлением? Я несколько раз высказывал свое изумление мадридским инквизиторам, когда был секретарем инквизиции, и я видел, что их душа была спокойна и не испытывала угрызений совести, потому что они принимали анонимный

Untitled

донос лишь для конфиденциального ознакомления с религиозными убеждениями оговоренного и рассматривали свидетельские показания, когда из секретного осведомления вытекало, что манера мыслить оговоренного считается слишком свободной. Как бы то ни было, этот случай становится очень важным, потому что секретари затрачивают на него много времени и бывают принуждены приостанавливать процессы многих других лиц, сидящих в тюрьмах, которые следовало бы закончить в кратчайший срок.

V. Если краткое осведомление представит достаточные мотивы для продолжения дела, я спрашиваю, кто является ответственным за последствия клеветы, если человек, привлеченный к суду, докажет, что она была пущена против него? Никто не предавался преследованию в порядке публичного обвинения, а в случае доноса, сделанного под присягою, его автора даже не уведомляли об ответственности.

VI. Доносы никогда не сыпались так часто, как во время приближения пасхальных причастий, потому что духовники ставили доносы в обязанность кающимся, которые видели, слышали или узнали вещи, которые были или казались противными католической вере или правам инквизиции. Эта эпидемия доносов являлась следствием чтения предписаний, производившегося в течение двух воскресений Великого поста в церквах. Одно предписание обязывало доносить в шестидневный срок, под страхом смертного греха и верховного отлучения, на лиц, замеченных в проступках против веры или инквизиции. Другое объявляло анафему на тех, кто пропустит этот срок,

Untitled

не являясь в трибунал для подачи заявлений; и все ослушники обрекались на страшные канонические кары, противные месту, где они слушались, и евангельскому духу.

VII. Находились христиане, которые, послушав некоторые разговоры, начинали мучиться совестью, что не разоблачили их, потому что невежество заставляло их смотреть на эти разговоры как на подозрительные в смысле ереси. Они сообщали о своей тревоге своим духовникам, которые принимали крайнее решение сообщать инквизиции признания кающихся. Если имевший сказать что-либо умел писать, он письменно излагал свое заявление; в противном случае это делал духовник от его имени. Эта мера была так строго предписана, что простиралась до ближайших родственников оговоренного. Поэтому отец и сын, муж и жена являлись доносчиками одни на других, так как духовник не давал им разрешения в грехах ранее обещания сообразоваться в шестидневный срок с приказом инквизиции. Так сильно властвовали над душами суеверие и фанатизм.

Статья вторая Дознание

I. Когда трибунал инквизиторов решал, что действия или речи, являвшиеся предметом доноса, заслуживают дознания для установления улики, и когда показание, данное доносчиком под присягою, принято при обстоятельствах, упомянутых мною, начинали заниматься лицами, на которых указывалось как на знающих объект доноса, их заставляли под присягою давать обещание хранить тайну относительно того, о чем их будут спрашивать.

Untitled

II. Но было бы грубою ошибкою думать, что все происходило, как в светских судах. Ни одного из этих свидетелей не осведомляли насчет предмета, по которому он вызван давать показания. Его опрашивали в общих выражениях, не видел ли и не слышал ли он чего-либо, что было или казалось противным католической вере или правам инквизиции.

III. Личный опыт доказал мне, что неоднократно свидетель, не знавший, с какою целью его вызвали, вспоминал о фактах, посторонних для этого дела и касающихся других лиц, которых он указывал, и потом был допрашиваем насчет их, как будто допрос не имел другого мотива. К первому делу возвращались лишь после того, как не оставалось места для вопросов по поводу неожиданного случая. Это случайное показание заменяло донос; о нем составляли протокол в секретариате трибунала и начинали новый процесс, которого не ожидали. В этой манере допроса свидетелей заметна хитрость.

IV. Последствия этого были очень важны в ходе процесса, если свидетель не умел ни читать, ни писать, потому что показания редактировались тогда по желанию и рукою комиссара или секретаря, который обыкновенно проделывал это таким образом, что отягчал донос, по крайней мере насколько позволяло произвольное толкование неточных или двусмысленных выражений, употребленных малограмотными людьми. Правда, свидетелям прочитывали сделанные ими показания; через четыре дня это чтение повторялось в присутствии двух священников, не принадлежащих к инквизиции, хотя обязанных клятвою хранить тайну. Но эта мера не

Untitled

улучшала положения оговоренного, потому что невежественные и грубые свидетели не упускали случая одобрить как надлежащее и верное все написанное, -хотя не понимали смысла, будучи уверены, что прочтенные им слова имеют тот же смысл, что и сказанное ими.

V. Зло становилось еще больше, когда три человека замышляли погубить кого-либо одного. После того как один сделал свой донос, двое других, о которых он упоминал как о сосвидетелях, были допрашиваемы для подтверждения доноса - и тогда оговоренный беспомощно погибал.

Соединение трех свидетелей устанавливало полную улику, даже против невинного, по причине тайны, окутывавшей судопроизводство, действию которой никто не мог воспрепятствовать, если только ему не покровительствовало чрезвычайное обстоятельство.

VI. Добросовестность, о которой я заявляю и которую считаю первым долгом историка, обязывает меня признать, что это злоупотребление случалось не часто. Но даже без наличия клеветы дело иногда принимало очень плачевный оборот и носило крайне несправедливый характер вследствие невежества свидетелей или отсутствия у них рассудительности. Ведь понятно, что тезисы, представляющие вполне правоверный смысл, когда они находятся в тесной связи с предыдущим и с последующим, могут показаться еретическими, если они взяты разобщенно. Поэтому щепетильные невежды, услышав их вне связи с другими, легко сочтут их за еретические, не обращая внимания на то, что при соединении с другими они получают благоприятный католический смысл.

Untitled

VII. Можно было бы избежать большей части этих злоупотреблений, если бы комиссары прониклись важностью своих обязанностей. Но эти случаи всегда были очень редки; обычно комиссары, не стоящие на достаточно высоком уровне, исполняли обязанности судей в процессах, имевших крайне важные последствия. Следовало избирать в качестве комиссаров святого трибунала священников-юристов или мирян, докторов и лиценциатов права, которые были бы в состоянии взвешивать затруднения, встречающиеся при рассмотрении разрозненных тезисов, и задавать свидетелям согласно с законом вопросы, способные определить истинный смысл статей доноса. К сожалению, почти все комиссары были несведущи в праве. Эти должности были без жалованья, и они обыкновенно занимались духовными лицами, которые имели целью узнать тайны инквизиции или уклониться от юрисдикции своих епископов. Это обстоятельство особенно благоприятствовало распущенности некоторых комиссаров и нотариусов святого трибунала и доставило автору романа Жиль Блаз де Сантильяна [408] и другим писателям того же рода материал для многих скандальных эпизодов, куда они вставляли в качестве персонажей инквизиторов и комиссаров святого трибунала или выдававших себя за них, то есть людей, принимавших это звание для того, чтобы было легче осуществлять планы кражи или сластолюбия. Ни один автор не дерзнул бы допустить подобные вымышленные сцены в произведениях, если бы он не нашел их оригиналов в истории, что напоминает нам выражение поэта, друга

Untitled

Августа: что смеешься? [409]

VIII. Автор Корнелии Борорквиа [410] только клеветал, кик я это доказываю в моей Летописи испанской инквизиции.

Еще с большим правом должно сказать то же о французском авторе Гусманады по поводу его обвинений св. Доминика. Однако ни тот, ни другой не дошли бы до такой степени преувеличения, если бы не было доказано архивными документами верховного совета, что беспорядки и злоупотребления этого рода совершались неоднократно в лоне самой инквизиции.

Статья третья Оценка квалификаторами

I. Когда трибунал разбирает предварительное следствие и находит в нем доводы, достаточные для продолжения дела, то посылает циркуляр в другие провинциальные трибуналы, чтобы оттуда были отправлены к нему в качестве материала для процесса обвинения против оговоренного, если они находятся в их реестрах. Эта операция известна под именем ревизии реестров.

Извлекают из реестров подозрительные тезисы, приписанные свидетелями обвиняемому; если каждый свидетель передавал их в различных выражениях, как это случается почти постоянно, они посылаются как несколько тезисов, высказанных при разных обстоятельствах. Этот документ передается инквизиторами богословам-квалификаторам святого трибунала, которые должны написать под строкой, заслуживают ли тезисы богословской оценки как еретические, как отзывающиеся ересью или как способные к ней привести; позволяют ли они думать, что произнесший их одобряет ересь, или его можно только подозревать в этом преступлении, и будет ли

Untitled

в этом случае подозрение легким, тяжелым или сильным.

II. Заявление квалификаторов определяет способ, каким следует производить дело против обвиняемого до момента, когда процесс будет готов для окончательного приговора и когда сообщат тем же квалификаторам об обнаруженных новых сведениях, способных усилить или ослабить суждение, составленное по предварительному следствию. Квалификаторы обязываются присягою хранить тайну; следовательно, не произошло бы большого затруднения доверить им подлинные документы, чтение которых им лучше помогло бы узнать состояние тезисов, смысл, который, по мнению свидетелей, был придан им автором, а также форму показаний. Несомненно, что они зачастую признали бы, что тезисы, зарегистрированные в качестве различных, не принадлежали в действительности оговоренному, но являются результатом манеры каждого свидетеля выражаться по-своему. Это соображение чудесно выставляет на вид другую сторону убеждения, то есть суждение о внутренних и тайных помышлениях обвиняемого. Но инквизиторы, привыкшие делать тайну из своего поведения, воображают, что они сделают свою власть более внушительной, скрывая от всех основание процесса и имя подсудимого; они думают оправдать себя в этом случае, говоря, что квалификаторы имеют больше свободы для вынесения беспристрастного решения, когда они не знают ни имени, ни звания обвиняемого и его свидетелей.

III. Это зло, как бы велико оно ни было, является еще не самым страшным. Есть другое, гораздо более способное повергнуть человечество в скорбь. Оно состоит в том, что

Untitled

квалификаторами главным образом бывают монахи, схоластические богословы, почти совершенно незнакомые с догматическим богословием; люди, пропитанные ложными идеями, простирающие в большинстве случаев свое суеверие и фанатизм до того, что усматривают ересь или видимость ереси во всем, чего они не изучали. Это часто приводит их к тому, что они поражают богословскими отметками тезисы, находящиеся у первых Отцов Церкви.

IV. В результате такого губительного порядка эти люди, недоступные угрызням совести, без колебания квалифицируют как еретика или сильно заподозренного в ереси - просвещенного католика, который, обладая эрудицией в тысячу раз обширнее и цельнее, чем у них, может выставить положения, правда, несогласные с учением новых веков, но утверждаемые отцами и древними соборами. Эта мрачная политика явилась обильным и слишком действенным источником несправедливостей, в которых стала повинна инквизиция в массе частных дел.

Статья четвертая Тюрьмы

I. Когда квалификация произведена, прокурор требует перевести оговоренного в секретную тюрьму святого трибунала. У трибунала имеется три рода тюрем: публичные, переходные и секретные. В первые инквизиция заключает лиц, которые, не будучи виновны ни в каком преступлении против веры, обвиняются в каком-либо проступке, суд над которым принадлежит, по привилегии, инквизиции; это обстоятельство часто давало повод к неприятным происшествиям. Второй род тюрьмы предназначен для служащих святого трибунала, которые

Untitled

совершили какое-либо преступление или ошибку при исполнении своих обязанностей, без примеси ереси или подозрения в ней. Содержащиеся в тюрьмах этих двух родов имеют право общаться с посторонними людьми, кроме случаев, когда по праву, общему для всех судов, инквизиторы приказывают изолировать осужденного. Секретные тюрьмы устроены для заключения еретиков и заподозренных в ереси; здесь можно иметь сообщение только с судьями трибунала в предусмотренных случаях и с принятием мер, рекомендованных уставом.

II. Трудно представить себе что-либо более ужасное, чем эти застенки. Не то чтобы они были теперь таковы, как их описывали, то есть глубокие, сырые, грязные и нездоровые; по этим чертам легче распознать неточные и преувеличенные описания жертв инквизиции, чем изложение подлинной правды. Я не буду говорить, каковы они были некогда. Известно, что теперь эти места представляют хорошие сводчатые камеры, хорошо освещенные, с отсутствием сырости; в них позволяется и немного заниматься. Но пребывание в тюрьме становится действительно страшным потому, что вступление в нее немедленно влечет за собою позор в общественном мнении. Такому бесчестию узника не подвергает никакая другая тюрьма, светская или церковная.

Поэтому сидящий в ней впадает в невыразимую скорбь, неизбежную спутницу глубокого и постоянного одиночества. Здесь подсудимый никогда не знает состояния своего процесса; нет здесь утешения в свидании и беседе с защитником. Зимой все погружается здесь ежедневно в пятнадцатичасовой мрак, потому что узнику

Untitled

не дозволяется пользоваться огнем после четырех часов вечера и раньше семи часов утра. В этот довольно длинный промежуток смертельная ипохондрия овладевает заключенным среди охватившего его холода, потому что помещение не отапливается.

III. Некоторые авторы утверждали также, что узник стонал под тяжестью цепей, ручных кандалов, железных ошейников и других подобных приспособлений. В этих сообщениях не меньше неточности, чем в других. Эти средства употреблялись в редких случаях и по особенным причинам. В 1790 году я видел, как заковали в ручные и ножные кандалы одного француза из Марселя; [411] но к этой мере прибегли лишь для того, чтобы помешать ему лишиться себя жизни, что он уже пытался сделать. Были приняты эти и другие предосторожности, но они только отдалили на несколько дней минуту его смерти: в конце концов он привел в исполнение свое намерение. Дальше я расскажу подробнее об этом трагическом случае.

IV. Трибунал имеет право переводить оговоренного в тюрьму, однако решает это совет, обсудив и одоблив принятое определение. Этот обычай получил начало при Филиппе II; он был неизвестен до этого царствования, и беспорядки при этом были очень велики. Нельзя отрицать, что время и более рассудительный взгляд на вещи прекратили часть злоупотреблений и жестокостей, жертвами коих стало такое множество людей.

Статья пятая Первые судебные заседания

I. Через три дня после заключения подсудимого в тюрьму ему дают три аудиенции увещаний, или убеждений, чтобы уговорить его сказать правду, всю правду, не позволяя себе

Untitled

ни лгать, ни скрывать что-либо из того, что сделал или сказал противное вере, а также из того, что он может поставить в вину другим в том же противном вере смысле. Ему обещают помилование, если он точно будет сообразоваться с предписаниями; в противном случае с ним будут обращаться по всей суровости закона.

II. До сих пор узник не знает мотива своего ареста; ему отвечают: никого не заключают в тюрьму святого трибунала без достаточных улик в том, что он говорил против католической веры, и в его интересах сознаться по собственному побуждению, до составления обвинительного акта, в совершенных преступлениях этого рода. Находятся узники, которые соглашаются и признают себя виновными в том, что содержится в предварительном следствии; другие говорят более этого, третьи - менее. Обыкновенно подсудимые заявляют, что совесть не упрекает их ни в чем, но что они припомнят и признаются в совершенных прегрешениях, если им прочитают показания свидетелей.

III. Преимущество, доставляемое этим признанием, состоит в сокращении хода судопроизводства и в назначении обвиняемому менее сильных наказаний в окончательном приговоре, когда должно иметь место примирение с Церковью. Какие бы обещания ни давали узникам, они не должны надеяться избежать позора санбенито и аутодафе или спасти свое имущество и честь, если признали себя формальными еретиками. Опыт дал уразуметь, насколько эти обещания лживы и иллюзорны.

IV. Другой обычай инквизиции состоял в допросе подсудимых об их генеалогии [412] и родстве, чтобы

Untitled

просмотреть потом в реестрах трибунала, не было ли в их семье лица, наказанного за преступление ереси. Все это укрепляло подозрения: предполагалось, что обвиняемый в душе одобряет вменяемое ему заблуждение, поскольку он мог унаследовать ошибочные учения от своих предков. Его заставляли прочитывать Отче наш, Верую, члены Символа веры [413], заповеди Десятословия [414] и некоторые другие формулы христианского учения; если бы он их не знал, забыл, ошибся при чтении, то презумпция, что он заблуждается в деле веры, приобретает новую силу. Инквизиция все приводит в движение и не пренебрегает ничем, чтобы показать обвиняемых действительно виновными против католической религии. И все это проделывается под личиной сострадания и любви и во имя Иисуса Христа.

Статья шестая Обвинения

I. По исполнении формальности трех аудиенций увещаний прокурор формулирует свое требование обвинения узника на основании обвинений, вытекающих из следствия. Хотя бы существовала полуулика, он передает факты показаний, как будто они вполне доказаны. Еще более незаконным является то обстоятельство, что прокурор (чтобы не трудиться над методичным разбором результата осведомления и всего материала, относящегося к делу) не сводит статьи своего обвинительного акта к числу фактов, отмеченных показаниями, и освобождает себя от приложения к каждому пункту обвинения характеристики или особой отметки, которая бы его отличала; подражая тому, что практиковалось, когда делали экстракт тезисов для подготовки к акту квалификации, он умножает их

Untitled

согласно различиям, существующим в этом труде. Таким образом встречаются процессы, где обвинение, которое должно было сводиться к одному пункту (например, в ведении такого-то разговора против догмата), содержит пять или шесть обвинений, которые, по-видимому, указывают, что обвиняемый высказал столько же еретических или подозрительных положений в различных случаях. Единственным основанием для возбуждения процесса таким образом является передача свидетелями на разные лады одного разговора, давшего пищу всему делу.

II. Этот способ ведения дела производит самое пагубное действие. Он вызывает смятение в душе обвиняемого, когда ему прочитывают обвинения. Если у него нет ловкости, спокойствия, самообладания, он ошеломлен, и ему кажется, что ему вменяют сразу несколько преступлений; он отвечает, например, на третий пункт, рассказывая факты, которые ему приписывают при обстоятельствах и в выражениях совсем других, чем употребленные им во втором случае; это различие замечается в каждом пункте, и обвиняемый часто находится в противоречии с самим собою, чем доставляет прокурору оружие против себя. Новые обвинения начинают отягчать прежние, так как его обвиняют в том, что он уклоняется от правды в своих ответах.

III. Если за приговором следует аутодафе, чтение экстракта из процесса импонирует публике и заставляет ее верить, что осужденный совершил множество преступлений. В приговоре, мотивированном столькими прегрешениями, публика видит акт милосердия, который карает

Untitled

преступника не так сурово, как он заслуживает.

Статья седьмая пытка

I. Хотя узник на трех аудиенциях увещаний признал факты некоторых свидетельских показаний и даже большее их число, прокурор в заключении своего обвинительного акта говорит, что подсудимый, несмотря на совет говорить правду и на обещание кроткого обращения с ним, стал виновным в заперательстве и умолчании, откуда вытекает, что он нераскаянный и упорный; вследствие этого требуется применить к обвиняемому пытку. В таком заявлении прокурора нельзя не видеть ужасного зла инквизиционного суда.

II. Известно, что пытка с давнего времени не назначается инквизиторами, так что теперь можно смотреть на нее как на фактически уничтоженную. Сам прокурор был бы раздосадован, если бы ее назначили; если он требует ее, то в этом случае он следует примеру своих предшественников. Во всяком случае, не меньше жестокости в том, что заставляют ее бояться. Я видел, как марселец, о котором я упоминал, затрепетал и задрожал, когда услышал от прокурора требование пытки, так как марселец откровенно сознался на первом же допросе, что принял религиозную систему натурализма и не верит в откровение ни Моисеева закона, ни Евангелия.

III. Этот изъян происходит от другого злоупотребления. А именно: хотя речь идет о требовании в обвинительном акте, этот акт, строго говоря, имеет предметом допрос, и поэтому прокурор ставит это требование, не зная, должен или не должен узник признать сущность обвинительных пунктов. Нелепый метод, противный общей практике других

Untitled

судов, где начинают с допроса, чтобы получить признание обвиняемого и, сличив его с результатом предварительного следствия, составить обвинительный акт; обыкновенный суд следует таким образом порядку, указанному разумом и естественной справедливостью.

IV. Когда в прежнее время инквизиторы находили, что обвиняемый не сделал полного признания, они назначали пытку, и ни один последующий закон не упразднил ее до нашего времени. Целью пытки было понуждение узника признать все, что составляет содержание процесса. Я не буду останавливаться на описании различных видов мучительства, которому подвергались обвиняемые по приказу инквизиции. Эта задача уже выполнена с большой точностью множеством историков. Я заявляю, что ни один из них не может быть обвинен в преувеличении. Я прочел много процессов, от которых меня охватил и пронизал ужас, - и в инквизиторах, прибежавших к этому средству, я могу видеть лишь холодно жестоких людей. Я скажу только, что верховный совет часто был принужден запрещать употребление пытки более одного раза в одном и том же процессе; но это запрещение было почти бесполезно, потому что инквизиторы, пользуясь самым отвратительным софизмом, начали тогда давать название отсрочки прекращению пытки, которое диктовалось опасностью, угрожавшей жизни жертв. Этот момент объявлялся врачом, присутствовавшим при мучительстве. Если несчастный не умирал на своем ложе от последствий пытки (что случалось, однако, очень часто), мучения возобновлялись, как только он начинал несколько лучше себя чувствовать. На языке святого трибунала это была не

Untitled

новая пытка, но просто продолжение первой. Историк не имеет нужды диктовать приговор, который следует вынести такому образу действий.

V. Легко понять, насколько пытка была несправедлива, если мы примем во внимание, что даже тогда, когда обвиняемый имел достаточно сил для сопротивления боли и упорствовал в своем отрицании, он не получал от этого никакого решительного выигрыша, так как судьи иногда придавали характер улики показаниям. Подвергавшийся пытке рассматривался как недобросовестный еретик, нераскаянный, и в качестве такового приговаривался к релаксации, будучи предварительно объявлен изобличенным и упорным. Презумпция этого последнего случая, соединенная с полууликой в ереси, приобретала вес полной улики. К чему тогда служила пытка? Только к тому, чтобы заставить несчастных признать все, в чем инквизиция имела нужду для их осуждения как изобличенных собственным признанием.

VI. В самом деле, неоднократно замечали, что подвергающиеся пытке делали ложные показания, чтобы положить конец своим мучениям, часто даже не дожидаясь их начала. Это случалось особенно в процессах по обвинению в магии, колдовстве, волшебстве, чародействе или в договорах с дьяволом. В этих случаях в большинстве женщины, но и много мужчин заявляли о таких вещах, которым никто, одаренный здравым смыслом, не может и не должен верить, особенно с тех пор, как время и опыт так просветили людей на этот счет, что даже простой народ отрицает теперь существование подобных химер. Такое настроение повело к исчезновению мошенников, которые

Untitled

извлекали выгоду из этих обманов, так что они встречаются очень редко и почти никого не одурачивают ввиду неизбежного почти общего неверия, к которому пришли люди в этом отношении.

VII. Когда обвиняемые частично или целиком признавали под пытку приписываемые им поступки, на другой день принимали их показания под присягой, чтобы они или подтвердили свои признания, или взяли их обратно. Почти все подтверждали свои первые признания, потому что их подвергли бы вторично пытке, если бы они осмелились взять их обратно. Отказ от раз сказанных слов не имел бы никакого действия.

VIII. Время от времени встречались, однако, крепкие субъекты, которые протестовали против своего прежнего показания, уверяя, с большой видимостью откровенности, что они сделали эти показания лишь для избавления от мучений. Безуспешное мужество, в котором им приходилось скоро раскаиваться среди новых пыток. Мое перо отказывается нарисовать картину этих ужасов, ибо я не знаю ничего более позорного, чем это поведение инквизиторов; оно ведь противоречит духу любви и сострадания, которые Иисус Христос так часто рекомендует людям в Евангелии. Однако, несмотря на это чудовищное противоречие, не существует спустя целых восемнадцать веков ни одного закона, ни одного декрета, который уничтожил бы пытку.

Статья восьмая Обвинительный акт

I. Обвинительный акт прокурора никогда не сообщается текстуально письменным путем обвиняемому, чтобы он не мог обдумать его пункты в тишине своей темницы и

Untitled

приготовиться победоносно отвечать на них. Узник приводится в залу судебных заседаний. Здесь секретарь в его присутствии читает обвинения одно за другим перед инквизиторами и прокурором. Он останавливается на каждом пункте и требует от обвиняемого сейчас же ответа, согласен ли он с истиной или нет.

II. Разве это не значит расставлять ловушку тому, кого будут судить? Не очевидно ли, что, оставляя его в неведении о других частях обвинения, надеются сбить его с толку внезапным ответом, который он должен дать (в тот момент, когда остальные части ему будут сообщены) и для которого ему нельзя обратиться ни к размышлению, ни к памяти?

III. Пусть в других судах стараются таким образом захватить врасплох подсудимых по делам убийства, кражи и других покушений антиобщественного характера - это можно одобрить. Но употреблять подобные хитрости, когда, по-видимому, мотивом всего происходящего являются милосердие, сострадание, любовь к Богу, ревность по вере и спасение души, - это значит действовать против сущности христианства и унижать достоинство священства, которым облечены инквизиторы.

IV. Разум говорит каждому человеку, что было бы справедливо давать обвинительный акт в распоряжение обвиняемого по крайней мере на три дня, чтобы он был в состоянии припомнить прошлые события и отвечать с полным доверием, которое обвинитель и судьи внушили бы ему своей добросовестностью и любовью к правде.

Статья девятая Защита

I. После чтения обвинений и обвинительного акта

Untitled

инквизиторы спрашивают у обвиняемого, желает ли он защищаться. Если он отвечает утвердительно, то приказывают сделать копию с обвинительного акта и с ответа обвиняемого. Его приглашают избрать адвоката, которому он желает поручить свою защиту, по предлагаемому списку святого трибунала.

Были обвиняемые, требовавшие, чтобы им было разрешено отыскать адвоката вне инквизиционного списка. Это требование не противоречит никакому закону, особенно ввиду того, что приглашенный защитник обязывается присягою хранить тайну. Однако это право, столь простое, справедливое и естественное, редко даровалось инквизиторами, если только не было очень настойчивого требования.

II. Впрочем, для обвиняемого имеет мало значения защита искусного человека, потому что адвокату не позволено видеть подлинный процесс и он не может беседовать со своим клиентом наедине. Один из секретарей составляет копию результата предварительного следствия, где передает показания свидетелей, не упоминая ни их имен, ни обстоятельств времени, места и других показаний, ни даже (что особенно странно) того, что сказано в защиту обвиняемого. Он опускает целиком показания (вплоть до обозначения) лиц, которые, будучи вызваны в суд, допрошены и понуждаемы трибуналом, упорно говорили, что они ничего не знают о том, что у них спрашивают. Этот экстракт сопровождается оценкой квалификаторов, требованием прокурора касательно допроса и обвинения и ответами обвиняемого. Вот все, что передается защитнику в зале, куда инквизиторы велят ему пройти. Его заставляют

Untitled

обещать, что он будет, ознакомившись с делом, защищать обвиняемого, если он полагает, что справедливо предпринять защиту; в противном случае он воспользуется всеми находящимися в его распоряжении средствами, чтобы открыть ему глаза, убеждая просить милости у трибунала путем откровенного признания своих прегрешений, с искренним раскаянием в их совершении и с просьбой о примирении с церковью.

III. К чему могли служить подобные документы защитнику? Как он мог доказать ошибку, клевету, ложное толкование, забвение свидетеля? Он не мог достигнуть этого через показания других свидетелей, на основании которых иной раз было даже трудно распознать, что речь идет об одном и том же, когда скорее казалось (по употребленным ими выражениям), что каждый рассказывал о своем особом факте. Это злоупотребление было бы легко устранить, сообщив адвокату если не подлинник, то, по крайней мере, полную копию, хорошо сличенную со всеми документами.

IV. Молчание других свидетелей о факте послужило бы для доказательства неточности или лживости того, кто о нем показал. Но об этом нет даже вопроса в экстракте, сообщенном защитнику; в нем нет и следа свидетелей защиты. Люди, стяжавшие известную опытность в уголовном судопроизводстве, хорошо знают, какое большое преимущество можно извлечь для защиты обвиняемых в процессах по обвинению в убийстве, краже и других проступках подобного рода из сравнения и анализа свидетельских показаний на предварительном следствии.

V. Я не буду останавливаться на доказательстве этого. Но из направления, данного процессу, вытекало, что адвокат,

Untitled

назначенный инквизицией, редко находил другое средство защиты, кроме того, какое получается в результате различия и пестроты свидетельских показаний о каждом действии или речи, вменяемых обвиняемому.

VI. Так как эти свидетельские показания были недостаточны (ведь существует еще полуулика преступления), то защитник просил обыкновенно разрешения беседовать с обвиняемым, чтобы узнать, не имеет ли он намерения сделать отвод свидетелей для полного или частичного уничтожения установленной против него улики. Если он ответит утвердительно, инквизиторы (приказав секретарю составить протокол об этом инциденте) велят приступить к проверке неправильности по части свидетельских показаний.

Статья десятая Проверка

I. Эта мера обязывает выделить из процесса все подлинные показания свидетелей, содержащиеся в предварительном следствии, и послать их туда, где живут свидетели, чтобы подвергнуть их ратификации. Эти вещи происходят так, что обвиняемый ничего не знает. Так как он никем не представлен при исполнении этой формальности, то нельзя добиться отвода свидетеля, хотя бы он был смертельным врагом несчастного узника. Если свидетель был в Мадриде [415] во время предварительного следствия, а затем отправился на Филиппинские острова [416], нет определенного срока, по истечении которого прокурор был бы обязан представить подлинное показание. Течение процесса приостанавливается, и обвиняемый, лишенный поддержки и утешения, принужден ждать, пока ратификация будет получена из глубины Азии.

Untitled

II. В одном процессе я видел, что показания свидетелей были посланы в Картахену в Вест-Индии; [417] только спустя пять лет узнали, что они не дошли по своему назначению, потому ли, что погибли при перевозе, или потому, что были перехвачены. Представьте, в каком положении должен был находиться узник! Если он просил выслушать его, чтобы пожаловаться на промедление в суде, то получал двусмысленный ответ: ему заявляли, что трибунал не может действовать быстрее вследствие некоторых мероприятий, которыми он занят. Если бы он знал, в чем дело, вероятно, он согласился бы отказаться от отвода, чтобы не рисковать грозившей ужасающей отсрочкой.

III. Обвиняемый устанавливает поводы к отводу, называет лиц, на которых он смотрит как на своих недругов, излагая доводы своего недоверия по отношению к каждому в отдельности и приписывая на полях каждого пункта имена лиц, которые могут удостоверить факты, являющиеся мотивом отвода. Инквизиторы решают, что они будут расспрошены, если только какой-либо довод не заставит их устранить.

IV. Так как обвиняемый в этом случае действует наобум, ему часто приходится отводить лиц, не бывших свидетелями.

Этот пункт обходят молчанием; так же поступают с теми лицами, которые ничего не показали против обвиняемого или говорили в его пользу. Наконец, только случайно он намечает своих доносчиков.

V. Если его преследует клевета, его истинный враг остается скрытым во мраке, избрав орудием своего

Untitled

постыдного поступка людей, незнакомых с обвиняемым. Последний, со своей стороны, не может думать об их отводе в качестве свидетелей, потому что не имел с ними сношений, которые натолкнули бы на мысль, что они могли донести на него.

VI. Если донос явился следствием фанатизма, суеверия, угрызений совести или заблуждения, на сцену появляются лица, которых обвиняемый не может ни в чем упрекнуть. Они, конечно, ввергают его в беду без формального намерения ему повредить, но убедили себя, что уступают повелительному голосу своей совести. По неведению, по недостатку логики или потому, что истолковали в дурную сторону виденное и слышанное, они причиняют гибель несчастным, об участи которых сами жалеют. Хотя факты подобного рода не часты, все-таки некоторое число их во всяком случае имеет место.

VII. Я видел, как одна молодая женщина донесла на своего любовника из-за угрызений совести, сообщив ранее свое намерение священнику, который, будучи другом этого молодого человека, должен был уведомить его и дать совет. Она думала, что этим поступком одновременно удовлетворяет и свои добродетели, и свои нежные чувства к молодому человеку. Я видел письмо, написанное ею священнику; оно представляет контраст необычайных чувствований. Я не без основания полагаю, что оно было полезно, потому что молодой человек поспешил сделать добровольное признание и прекратить дело, которое привело бы его в тюрьму святого трибунала, а оттуда к позору частного аутодафе внутри трибунала.

VIII. Иногда случается, что прокурор устанавливает

Untitled

секретную проверку нравственности свидетелей, чтобы уничтожить действие отвода. Разумеется, это легче, чем мера, принятая обвиняемым; последняя поэтому почти всегда становится бесполезною: в сомнительных случаях инквизиторы всегда расположены сослаться на свидетеля, если он не признан заклятым врагом узника.

Статья одиннадцатая Оглашение улик

I. Когда улика установлена, трибунал дает знать о состоянии процесса и декретирует оглашение улик и переход к приговору. Но эти термины не должны быть понимаемы в их обыкновенном смысле, потому что все дело заключается в неверной копии показаний и других фактов, содержащихся в экстракте, отредактированном для употребления защитником. Секретарь читает его обвиняемому в присутствии инквизиторов. Он останавливается в конце каждой статьи и спрашивает обвиняемого, признает ли он истинным и верным все прослушанное или только часть его. Он продолжает сообщать ему показания, одно за другим. По окончании этого чтения, если подсудимый еще ничего не возразил против свидетелей, ему предоставляют возможность воспользоваться этим правом, потому что часто бывает, что во время слушания он в состоянии назвать уверенно свидетеля, давшего это показание.

II. Однако это чтение в сущности есть только новая ловушка, расставленная обвиняемому, потому что ему не напоминают его ответов на допросе прокурора, или вместо сообщения полного показания свидетелей довольствуются представлением каждого пункта изолированно. Так как не легко припомнить по прошествии некоторого времени все

Untitled

слышанное среди смятения, сопровождавшего внутреннее состояние несчастного, обвиняемый рискует противоречить себе и причинить неисчислимое зло.

Действительно, как бы ни было слабо противоречие, оно рождает подозрение в двуличности, в заипирательстве или в ложном признании и может послужить мотивом для отказа трибунала в примирении узника с Церковью, хотя бы он просил о нем, а часто даже для присуждения его к релаксации.

Статья двенадцатая Окончательная оценка квалификаторами

I. За

описанною

мерой

следует

другая.

Приглашают богослововквалификаторов, которым передают подлинник решения, вынесенного ими во время сокращенного следствия, а также экстракт ответов, сделанных обвиняемым при последнем допросе и данных им на сообщенные ему показания свидетелей. Им поручают вторично квалифицировать тезисы, рассмотреть объяснение, данное обвиняемым, и высказаться: уничтожил ли обвиняемый своими ответами подозрение в ереси, в которой он обвиняется, устранил ли он эту презумпцию целиком или частично или, наоборот, усилил ее своими ответами и следует ли смотреть на него как на формального еретика.

II. Нет никого, кто не был бы поражен важностью этой оценки квалификаторов, так как она подготовляет

Untitled

окончательный приговор. Это соображение должно было бы заставить чувствовать необходимость старательного продолжительного обдумывания оценки и даже приостановки, чтобы разобраться в вопросе, не есть ли обвиняемый глубокий ученый или искусный критик, который, следовательно, говорил, может быть, о догмате после изучения его по чистейшим источникам богословия, которые квалификаторам незнакомы. Однако ничего подобного не замечается. Квалификаторы едва дают себе время на выслушивание быстрого прочтения обстоятельств дела. Они торопятся установить свое мнение - и в этом состоит последний важный акт процедуры, потому что все остальное представляет простую формальность.

Статья тринадцатая Приговор

I. Когда дело достигло этого пункта, его считают оконченным. Призывают тогда епархиального епископа, чтобы он и инквизиторы (после заслушания чтения) приняли решение относительно того, как следует поступать в дальнейшем. В первые времена инквизиции эти функции поручались советчикам. Это были доктора права, которые давали свои заключения. Но так как они имели только совещательный голос, а инквизиторы произносили окончательный приговор, то при разногласии последние постоянно одерживали верх. Обвиняемый имел право апеллировать на их приговор в верховный совет согласно постановлению папских булл, хотя, впрочем, были обстоятельства, когда обжалования в Рим были нередки, несмотря на упомянутое правило.

II. Затем было предписано провинциальным инквизиторам

Untitled

представлять их мнение в совет до произнесения окончательного приговора. Совет должен был одобрить его, видоизменить или преобразовать и указать решение, которое следует принять. Когда решение доходило до инквизитора И епископа, они устанавливали окончательный приговор от своего имени, согласно акту верховного совета, хотя бы он противоречил индивидуальному судебному решению, вынесенному против обвиняемого.

III. Этот способ судопроизводства вскоре сделал бесполезной службу советчиков, и к ним перестали прибегать. Если некоторые получили впоследствии звания, данные им главным инквизитором, то это было сделано по их ходатайству. Служба была почетной и поручалась только людям чистой крови, как и все другие должности инквизиции. Этим качеством обладали те, кто не происходил ни от евреев, ни от мавров и не имел в своем восходящем родстве ни одного человека, отмеченного инквизицией в качестве подозрительного; точно так же от представителя чистой крови требовалось, чтобы никто из его предков не занимался низкой или ремесленной профессией. Прекратился также обычай обвиняемых обращаться к верховному судье, так как эта мера стала иллюзорной после того, как верховный совет фактически овладел делами и стал диктовать приговоры и единолично ведать ими в высшей инстанции.

IV. Оправдательные приговоры так редки в святом трибунале до царствования Филиппа III, что иногда не встречается ни одного на тысячу или на две тысячи приговоров, потому что малейшее подозрение в полной

Untitled

невинности обвиняемого заставляет квалификаторов объявлять его слегка заподозренным, то есть в меньшей степени. Этого достаточно инквизиторам для присуждения его к более или менее тяжким карам, смотря по обстоятельствам, и к произнесению им отречения от всех видов ереси, в частности от той, подозрение в коей витает над ним. Затем ему дают условное освобождение от церковных наказаний. Если дело происходит в зале трибунала, виновный становится на колени, просит прощения, произносит формулу отречения, подписывает ее и изъявляет свое согласие на самое суровое обращение с ним, если вторично будет привлечен к суду.

V. Большинство приговоров, вынесенных инквизиторами за последние пятьдесят лет, принадлежат к этому разряду.

Надо отдать справедливость инквизиторам нашего времени, что, кроме некоторых очень редких случаев, они следовали делающей им честь системе умеренности, прочтя множество сочинений, в которых другие народы мира выразили ужас, внушаемый им первыми веками инквизиции. Хорошо, если бы они имели мужество отбросить с презрением квалификацию легкого подозрения. По поводу ее еще теперь существует не без основания сочиненная поговорка: если в здании инквизиции подойти к солее, выйдешь оттуда если не изжаренным, то опаленным.

VI. Если даже обвиняемый оправдан, ему тем не менее остается неизвестным имя доносчика и свидетеля обвинения. Редко получает он другое публичное удовлетворение, кроме права вернуться к себе домой с удостоверением в оправдании. Слабое возмещение

Untitled

ущерба, нанесенного его чести, личности и имуществу! Оправдание позволяло зложелательству неистовствовать против него и возбуждать сомнение в оправдательном приговоре.

Статья четырнадцатая Чтение и исполнение судебного решения

I. Мы видели в узаконениях святого трибунала, какого свойства бывают приговоры, выносимые против обвиняемых, сообразно сущности преступления, в котором их считают виновными, если их присуждают как формальных еретиков или как сильно заподозренных в принятии ереси. Следовательно, я не стану повторять сказанного мною по этому поводу; я только замечу, что в довершение чудовищных безобразий, пятнающих инквизиционное судопроизводство, приговоры сообщаются жертвам, когда уже началось их исполнение. Осужденного отправляют на аутодафе для примирения с Церковью или для выдачи в руки светской власти, нарядив его в санбенито и картонную митру на голове, с дроковой веревкой [418] на шее и со светильником из зеленого воска [419] в руке. При выходе из тюрьмы он получает из рук чиновников все эти знаки бесчестия, и он облечен в них, пока его ведут на аутодафе.

II. Когда он туда придет, ему читают приговор, за которым следует или примирение с церковью, или релаксация, то есть выдача его светскому судье, иначе говоря, осуждение на сожжение по королевскому гражданскому закону. Этот ужасный образ действий, противный законности других судов, разуму и естественному праву, иной раз производил страшное действие на несчастных осужденных, которые

Untitled

воображали, что их ведут на эшафот, и которых неожиданность сразу повергала в полное помешательство. Много подобных примеров можно было наблюдать среди заключенных в королевских тюрьмах, когда им объявляли смертный приговор. В 1791 году я был свидетелем скандальной и ужасной сцены, которая наполнила мою душу горечью и заслуживает передачи.

Статья пятнадцатая История одного француза

I. Марселец, о котором я имел уже случай говорить {См. статью четвертую этой главы.}, по имени Мишель Мафр де Рье, с первого допроса упорно утверждал, что воспитан в католической религии и что был тверд в своей вере за пять лет до дня своего ареста; чтение произведений Руссо, Вольтера и других философов убедило его тогда, что есть только одна истинная религия - естественная, а другие - лишь человеческое изобретение; во всех поступках он добросовестно задавался целью достижения истины, и поэтому он готов снова подчиниться католической вере, если кто-либо возьмет на себя труд доказать ее истинность. Магистр Махи, монах ордена милосердия [420] (впоследствии епископ Альмерии), взялся за это дело и несколько раз беседовал с ним. Он сумел ему доказать пользу и до известной степени необходимость откровения; затем он доказал, что в основе религии Моисея и Иисуса Христа лежит откровение и наконец довел его до признания, что он побежден, - "либо потому, что вы правы [говорил он магистру], либо потому, что ваши познания превосходят мои".

II. Такое настроение привело к тому, что во все время процесса марселец обнаруживал расположение к

Untitled

примирению с католической церковью. Единственным условием, которое он ставил для своего возвращения к религиозным принципам, было освобождение и право вернуться домой. Он не только не признавал себя виновным, хотя и оставил христианскую религию для принятия естественной религии, но и думал, что совершает дело, похвальное в очах Творца, следуя указанному ему разумом решению для достижения блаженства в будущей жизни [421] таким образом, как делает это теперь, возвращаясь к прежним принципам религии после того, как сознал, что удалился от верного пути. Наконец, он не может думать, что подвластен инквизиции, которая имеет дело только с теми, кто при отсутствии чистосердечия усвоил ересь из упорства.

III. Трибунал привык обещать на каждой аудиенции, что с узником будут обходиться снисходительно и сострадательно, если будет признано, что он сделал полное и откровенное признание. Откровенность марсельца была так велика, что множество косвенных улик не позволяло в этом сомневаться. Он заявил, что в его системе ложь является одним из величайших грехов против естественной религии. Поэтому он никогда не отрицал ничего, что было верного, хотя должен был бы опасаться последствий своей добросовестности, но и радовался, что его называют человеком природы (*homme de la nature*). Полный доверия, он ожидал, что будет примирен с Церковью тайно и без епитимьи или, по крайней мере, подвергнется очень легкой епитимьи, которую он мог отбыть наедине. Он был счастлив мыслью уведомить своих друзей, что вышел из инквизиции с

Untitled

честью и ничто не препятствует ему быть принятым в фламандскую роту королевских телохранителей, где он надеялся получить должность.

IV. Однажды утром смотритель тюрьмы входит в его камеру в сопровождении шести или семи чиновников. Ему приказывают скинуть платье, штаны и чулки и надеть фуфайку, короткие штаны из серого сукна, чулки из той же материи и большой гнусный нарамник санбенито, получить дроковую веревку на шею, взять светильник из зеленого воска в руку и отправиться в таком виде в залу заседаний, где он должен выслушать чтение своего приговора.

Несчастный устрашается, раздражается, впадает в ярость, но не может ничего поделать с насилием и после долгого сопротивления покоряется. Несмотря на приготовления, поражающие его взор, он думал, что, войдя в залу заседаний, встретит там только инквизиторов и служащих трибунала, которым определено запрещено оповещать публику о том, что там происходит. Но едва он показался в дверях, как заметил многочисленное собрание кавалеров, дам и других лиц, которые, узнав, что в этот день должно происходить частное аутодафе примирения в залах святого трибунала при открытых дверях, сбегались, чтобы быть свидетелями этого зрелища.

V. Подавленный происходящим, он более не владеет собой. В припадке гнева он изрыгает тысячи проклятий против варварства, бесчеловечности и низкого коварства инквизиторов; среди выражений, вырвавшихся у него от отчаяния, раздаются следующие его слова: "Если правда, что католическая религия повелевает делать то, что вы делаете, я снова отвергаю ее с омерзением, потому что

Untitled

недопустимо, чтобы религия, позорящая искренних людей, была истинной".

VI. Дело зашло так далеко, что принуждены были употребить силу, чтобы вернуть его в тюрьму. Он пробыл в тюрьме тридцать часов, не принимая никакой пищи и требуя немедленно быть отведенным на костер, угрожая лишиться себя жизни, если его заставят ждать. На пятый день несчастный исполнил свое губительное решение, несмотря на предосторожности, принятые для того, чтобы ему помешать. Он повесился в тюрьме, проглотив обрывок белья, чтобы скорее задохнуться. Накануне он потребовал чернил и бумаги и написал несколько французских александрийских стихов [422] в виде молитвы, сущность коей такова:

"Боже, создатель человеческой породы, чистейшее существо, любящее искренность душ, прими мою, которая скоро соединится с твоим Божеством, откуда она проистекла. Я отсылаю ее к тебе, Господи, раньше срока, чтобы прерываю пребывание с дикими зверями, присвоившими себе имя людей. Прими ее милостиво, так как ты видишь чистоту чувств, одушевляющих меня. Возьми с земли ужасное чудовище, трибунал, который позорит человечество и тебя самого, поскольку ты это попускаешь. Человек природы".

VII. Я не предамся никаким размышлениям по поводу этого происшествия. Прибавлю только, что я не затруднился сказать декану инквизиторов, что страшный отчет будет потребован на суде Божиим от тех, кто отказал этому несчастному в просимой им милости. Я ему напомнил историю донатистских епископов, которые поставили

Untitled

более тяжелые условия в ответ на предложение соединиться с Церковью; однако эти условия были приняты. Одно, из них состояло в том, чтобы каждая епархия была разделена на две части, подчиненные двум епископам - донатистскому и вселенскому. Св. Августин похвалил это поведение христианской древности, говоря, что в интересах любви не следует затрудняться временным отказом от канонической дисциплины.

Статья шестнадцатая Санбенито

I. Исполнение приговора начинается, как я сказал, на том же аутодафе, где он прочтен и объявлен. Я не стану останавливаться на описании частных публичного и общего аутодафе, потому что все эти подробности находятся во многих трудах и даже изображены там в гравюрах. Я скажу только о санбенито.

II. Время производит величайшие изменения в костюмах народов вследствие нововведений, появляющихся на свет, и поэтому бывает, что, хотя никакой специальный закон не устанавливал реформ в этом отношении, мы не находим более никакого сходства между прежними и новыми формами одежды. Поэтому, когда теперешняя инквизиция была учреждена в Испании, одежда кающегося не имела формы кафтана, застегнутого спереди, хотя он и носил имя освященного мешка (*saco bendito*).

III. Эта одежда была вроде нарамника, тесно облегавшего тело и спускавшегося до колен, чтобы его не смешивали с платьем, которое носили многие монахи. Последнее обстоятельство побудило инквизиторов предпочесть для санбенито шерстяную ткань желтого цвета и рыжий цвет для крестов, что вскоре уничтожило всякое сходство между

Untitled

инквизиционной одеждой кающихся и одеждой, принятой в некоторых монашеских орденах. Таково было положение санбенито в 1514 году, когда кардинал Хименес де Сиснерос заменил обыкновенные кресты крестами св. Андрея [423]. Впоследствии инквизиторы постарались умножить типы санбенито, чтобы предоставить отдельный вид каждому разряду кающихся. Я укажу самые заурядные.

IV. Когда какое-либо лицо объявлено слегка заподозренным в ереси и присуждено к произнесению отречения, если оно просит условного освобождения от церковных наказаний, на него надевали санбенито, которое испанцы XV века называли самарра (zamarra) и которое было нарамником из желтой шерстяной ткани без андреевских крестов. Если осужденный произносил отречение как сильно заподозренный, он носил половину этого креста. Если он произносил отречение как формальный еретик, то носил целый андреевский крест. Все это относилось к тем, кто после примирения с Церковью сохранял жизнь.

V. Но были другие санбенито - для осужденных на смертную казнь. Тот, кто, будучи однажды прощен в преступлении формальной ереси и примирен с Церковью, снова впадал в ересь, назывался рецидивистом (relapsus) и подлежал смертной казни. Участь его была неизбежна, как бы сильно ни было раскаяние и несмотря на примирение. Единственное преимущество, доставляемое этим последним актом, состояло в том, что его не сжигали живьем: его удушали или заставляли погибнуть менее ужасным образом, чем в пламени, а затем предавали огню

Untitled

труп.

VI. И подобно тому, как было три типа санбенито для трех разрядов осужденных, которых не следовало передавать в руки светской власти, инквизиторы придумали три вида для тех, которым была предназначена смерть.

VII. Первый вид назначался для обвиняемых, которые покаяться до суда. Он состоял из простого желтого нарамника, полного андреевского креста рыжего цвета и круглого пирамидального колпака, известного под именем короса (coroza), из той же ткани, что и санбенито, и с одинаковыми крестами, но без всякого изображения языков пламени, потому что раскаяние, вовремя обнаруженное этими обвиняемыми, позволило получить амнистию от огненной казни.

VIII. Второй вид предназначался для тех, которые окончательно были присуждены к выдаче в руки светской власти для огненной казни и которые покаяться после осуждения, до того, как были приведены на аутодафе. Санбенито и короса были сделаны из той же ткани. На нижней части нарамника был изображен человеческий бюст над пылающим костром, остальная часть вся была разрисована огненными языками с обращенными вниз острыми верхушками, чтобы показать, что они не сжигают осужденного, потому что он не должен подвергаться сожжению, но будет брошен в огонь после удушения. Те же изображения были на коросе.

IX. Третий вид санбенито был предназначен для тех, кого считали виновными в окончательной нераскаянности. Он был из той же ткани, что и другие. Внизу был нарисован бюст среди костра, окруженный пламенем. Остальная

Untitled

часть одеяния была усеяна огненными языками в их естественном направлении, чтобы дать понять, что носитель такого санбенито должен быть действительно сожжен. На нем были также нарисованы причудливые и карикатурные фигуры чертей, чтобы показать, что эти духи лжи вошли и овладели душой виновного. Короса была снабжена подобными же изображениями.

X. В большом числе произведений можно видеть изображения шести видов санбенито. В первое время их сохраняли в церквах, где осужденные подвергались епитимьям. Впоследствии, заметив, что они изнашивались и раздирались, их заменили разрисованными лоскутами полотна, носившими обозначение имени, страны, вида ереси, наказания и времени осуждения виновного. Надпись сопровождалась андреевским крестом или огненными языками, смотря по обстоятельствам.

XI. Мне кажется, ничто не доказывает лучше, до какого безумия может довести фанатизм, чем это извращение понятий, зашедшее так далеко, что одежда, придуманная для засвидетельствования огорчения раскаявшихся грешников и освящаемая епископским благословением в первые века Церкви, могла сделаться знаком позора, даже вечного мучения, по воле и решению инквизиторов. Так страшно влияние суеверия, когда ему покровительствуют невежество и лживая политика.

Глава X О важнейших событиях, происшедших при главных инквизиторах Десе и Сиснеросе

Статья первая Учреждение инквизиции в сицилии. усилия для учреждения ее в Неаполе

I. Едва новый главный инквизитор дом Диего Деса начал

Untitled

исполнять свои обязанности, как задумал установить новые правила, чтобы усилить деятельность трибунала инквизиции, будто суровость Торквемады была не достаточной и будто не хватало чего-то именно с этой стороны инквизиционной системы. 17 июня 1500 года, в то время когда двор был в Севилье, он опубликовал узаконение в семи статьях, гласивших:

- 1) главная инквизиция будет учреждена в тех местах, где ее доселе не было;
- 2) будет обнародован указ, обязывающий доносить на еретиков;
- 3) инквизиторы старательно рассмотрят реестр лиц, отмеченных инквизицией, чтобы возбудить против них процессы;
- 4) никто не может быть арестован по маловажным мотивам, каковы богохульства, произнесенные в раздражении, и в сомнительных обстоятельствах инквизиторы обратятся в совет;
- 5) когда кто-либо подвергнется каноническому испытанию, двенадцать свидетелей заявят под присягой, что они полагают, будто подвергшийся этому испытанию говорит правду;
- 6) когда кто-либо сильно заподозренной будет произносить отречение, он должен дать обязательство не посещать более еретиков и доносить на них, под страхом наказания в качестве рецидивиста;
- 7) то же относится к тому, кто произносит отречение как формальный и положительный еретик после своего осуждения в качестве такового.

15 ноября 1504 года Деса опубликовал четыре новые

Untitled

статьи касательно конфискованного имущества.

II. Для доказательства активности своего усердия Деса предложил королю Фердинанду учредить инквизицию в Сицилии и в Неаполе по новому плану и подчинить ее в этих двух странах власти главного инквизитора Испании вместо того, чтобы оставлять ее в зависимости от римской курии. Монарх действительно предпринял ее учреждение в Сицилии декретом от 27 июля 1500 года. Но жители оказали сильное сопротивление, что принудило его принять в отношении сицилийцев систему, удавшуюся в провинциях Арагонского королевства. 10 июня 1503 года он выпустил королевский указ, которым повелевалось вице-королю острова и другим властям оказывать вооруженную помощь инквизиторам в их деле. Надо было усмирить ряд волнений, прежде чем до Пьетро Велорадо, архиепископ Мессины, мог начать исполнение обязанностей главного инквизитора по передоверию.

III. В 1512 году инквизиторы стали здесь так же заносчивы, как в Испании. Вице-король писал в сентябре, что они противятся захвату нескольких воров, которые, скрываясь от вооруженной стражи, спрятались в дачном доме одного инквизитора. Он и другие члены трибунала стали угрожать отлучением капитану и солдатам, если они не вернут пленников в дом, откуда их взяли, под тем предлогом, что эти люди искали убежища в доме одного из инквизиторов и поэтому-де инквизиция должна их судить. Здесь видна исключительная дерзость, свойственная инквизиторам: если им поверить, их фермы должны считаться священными местами.

IV. Жители Сицилии, раздосадованные выходками

Untitled

инквизиции, восстали в 1516 году и выпустили на свободу всех узников. Инквизитор Мельхиор де Сервера спасся от смерти только по стечению необычайных обстоятельств. Вице-король дон Уго де Монкада подвергался также большой опасности. Остров освободился от ига омерзительного трибунала. Но он не долго пользовался плодами победы, потому что, не будучи в состоянии сопротивляться страшному могуществу Карла V, покровительствовавшего инквизиции, был принужден принять ее вторично.

V. Неаполь был счастливее. Фердинанд предписал 30 июня 1504 года вице-королю Гонсальво Фернандесу Кордуанскому, известному под именем главнокомандующего, помочь всей своей властью архиепископу Мессины, о котором я упоминал и который был послан в качестве делегата главным инквизитором Десой для учреждения инквизиции в этом городе. В другом письме он приказывал всем главным властям королевства поступать точно таким же образом. Через своего посла в Риме он ходатайствовал о буллах, покровительствующих исполнению его намерения. Однако сопротивление неополитанцев было так упорно, что вице-король счел благоразумным отсрочить дело и уведомить монарха о крайней опасности борьбы со столь определенной оппозицией.

VI. В 1510 году Фердинанд решил исполнить то, что ему не удалось сделать несколько лет назад. Но его усилия оказались опять бесплодными; он даже счел долгом заявить, что будет удовлетворен, если неаполитанцы выгонят из своих городов новохристиан, которые бежали

Untitled

туда, покинув Испанию {Парамо. О происхождении инквизиции. Кн. 2. Отд. II. Гл. 10.}.

Херонимо Сурита, историк очень точный и вне всякого подозрения (так как он был секретарем совета инквизиции), говорит, что неаполитанцы были в ужасе от испанской инквизиции, хотя у них существовала папская инквизиция, потому что в последней епископы принимали больше участия, чем в первой, и судопроизводство велось не так тайно, и это позволяло легче прибегать к апелляции против произнесенных приговоров {Сурита. Летопись Арагона. Кн. 8. Гл. 34; кн. 9. Гл. 26.}.

Статья вторая Изгнание мавров. Новые гонения на евреев I. Деса убедил Фердинанда и Изабеллу в необходимости учредить инквизицию в королевстве Гранада, несмотря на обещания, данные крещеным маврам, потому что многие из обращенных, не опасаясь ее, стали возвращаться в магометанство. Королева отвергла это предложение; но от нее получили нечто, что мало отличалось от согласия. Это было полномочие инквизиторам Кордовы распространить свою юрисдикцию на территорию королевства Гранада с запрещением тревожить морисков по маловажным поводам и с разрешением преследовать их только в случаях формального отступничества. Начиная с этого времени эти мавры известны в истории под именем морисков (moriscos), как и другие потомки мавров. II. Старшим инквизитором Кордовы был дом Диего Родригес де Лусеро. Педро Мартир д'Англерия [424] (бывший членом совета Индии и, вероятно, не любивший Диего) дает ему, по противопоставлению, имя Мрачного [425] (Tenebroso) {См.: письма 333,334, 342,344 и 345.}. Он

Untitled

был инспектором школ и профессором при кафедральном соборе Альмерии. Исключительная жестокость его характера причинила большие бедствия в королевстве Кордова, как мы это вскоре увидим.

III. Сказанного мною здесь достаточно, чтобы видеть, насколько эта мера была неприятна жителям Гранады, если сравнить ее с мерой от 31 октября 1499 года. Та давала свободу всем маврам-рабам, принимавшим крещение, после выкупа их на счет королевской казны. Она устанавливала, что, если сын хотел принять крещение, его отец (если он оставался некрещеным) обязан был выделить законную часть, и сын получал часть угодий, ставших собственностью государства вследствие завоевания королевства и города Гранады {Собрание законов 1550 года. 10-й закон.}. Эта умеренность и увещания Хименеса де Сиснероса, архиепископа Толедо, и дома Фернандо де Талаверы первого архиепископа Гранады (который был монахом-иеронимитом, духовником королевы и епископом Авилы), обратили в христианство множество мавров. Пятьдесят тысяч их приняли тогда крещение; обращения были бы еще многочисленнее, если бы некоторые священники, посланные Талаверою, не предприняли ложных шагов, жестоко обращаясь с маврами и тем возбуждая среди них возмущение, сильно обеспокоившее Фердинанда и Изабеллу, у которых, однако, хватило сил для их подчинения.

IV. 20 июля 1501 года государи объявили указом, что Бог благоволил дать им милость, чтобы не было более неверных в королевстве Гранада. Вследствие этого для упрочения обращений они запрещали въезд в королевство

Untitled

всем маврам. Если оставалось еще несколько рабов этой народности, никто из них не имел права говорить ни с другими маврами из опасения, чтобы не замедлилось их обращение, ни с крещеными, чтобы не увлечь их в вероотступничество. Для придания большей действенности принятой государями мере было сказано, что не сообразующиеся с этим распоряжением будут подлежать смертной казни, а их имущество будет конфисковано в пользу государства {Там же. 11-й закон.}. V. 12 февраля 1502 года Фердинанд и Изабелла повелели всем свободным маврам обоюго пола, свыше четырнадцати лет для мужчин и свыше двенадцати лет для женщин, выехать из Испанского королевства до мая месяца; им предоставили право располагать своим имуществом, как евреям в 1492 году. В то же время им было запрещено, под страхом смертной казни и конфискации имущества, переходить в Африку, государями которой были тогда в войне с Испанией; местом нового поселения им были назначены земли турецкого султана и другие страны, с которыми Испания была в мире, и, что касается рабов, то им должно было надевать железную цепь на ногу, как только они будут распознаны {Собрание законов 1550 года. 12-й закон.}. Впоследствии, когда увидели, что многие из крещеных мавров распродавали свое имущество и переезжали в Африку, был опубликован королевский указ от 17 сентября 1502 года, гласивший, что никто ранее двухлетнего срока не может продавать своего имущества и выезжать из королевства Кастилии, исключение составляли Арагон и Португалия; разрешение на въезд даже в эти места давалось только тем, которые

Untitled

дадут поруку, гарантирующую их возвращение, как только они окончат свои дела, имущество их поручителей будет конфисковано, если они не выполнят этого условия {Торрес. Исторические заметки}.

VI. Деса не удовольствовался возбуждением усердия Фердинанда и Изабеллы против мавров. Он счел должным предложить меры строгости против евреев по случаю прибытия в Испанию разных чужеземцев, не бывших в числе изгнанных в 1492 году {Парамо. О происхождении инквизиции. Кн. 1. Отд. II. Гл. 6; Собрание законов 1550 года. 6-й закон.}. Он получил королевский указ от 5 сентября 1499 года, применявший к ним меры, установленные для других. В том же году, 14 августа, совет инквизиции распорядился, чтобы крещеные евреи обязаны были доказать, что они крещены и живут попеременно со старинными христианами; чтобы те, что были раввинами или учителями веры, перенесли свое жилье в места, удаленные от тех, где они жили раньше; чтобы по праздникам и воскресеньям они бывали в церкви и получали старательные наставления в христианском учении.

VII. Деса не менее своего предшественника Торквемады был настроен против евреев. Его редкая ревность не должна изумлять, если события, о которых говорили в его время, действительно происходили. Среди тридцати восьми человек, которых толедская инквизиция должна была сжечь 22 февраля 1501 года и которые жили в местечках Эррера и Пуэбла-де-Алькосер, находилась молодая девушка; ее признание, подтвержденное некоторыми из обвиняемых, доказывало, что, по совету

Untitled

своего отца и одного из дядей, она выдавала себя за пророчицу. Она вложила столько искусства в свою игру, что все евреи из окрестностей Толедо признали ее вдохновенной, а это повело к тому, что множество крещеных отступили от веры. Она выявляла притворные восторги, видения, экстазы; утверждала, будто видела Моисея и ангелов, которые сказали ей, что Христос не был истинным Мессией [426], обещанным в законе; говорила, что, когда явится истинный Мессия, он поведет в обетованную землю [427] тех, кто потерпит гонение, одинаковое с теперешним.

VIII. В том же году инквизиция Валенсии примирила с Церковью, с покаянием на публичном и общем аутодафе, Хуана Бивеса. Одна из статей его приговора гласила, что будет сровнен с землей дом его, расположенный в городском квартале, называемом Старый еврейский квартал (*juderia anciana*) в приходе Св. Андрея, за то, что он служил синагогой и что в Великую пятницу прошлого 1500 года там слышались крики ребенка и туда входили люди, возобновившие над этим невинным созданием страдания, некогда причиненные Спасителю мира.

Фердинанд написал инквизиторам, выражая сожаление, что не открыли этой синагоги раньше, и 23 мая 1501 года опубликовал указ, по которому место, занимавшееся этим домом, должно было обратиться в публичную площадь. Однако инквизиторы со временем получили разрешение выстроить из остатков этого дома часовню для членов Конгрегации Св. Петра-мученика. Она существует и теперь под именем Новый крест (*Cruz nueva*).

IX. В Барселоне в ноябре 1506 года инквизиция велела

Untitled

казнить человека, изобличенного в иудаизме и называвшего себя учеником пресловутого Якова Барбы. Он хвастал, что он бог в трех лицах; утверждал, что папские решения недействительны без его одобрения, что он будет предан смерти в Риме и воскреснет на третий день, что все уверовавшие в него будут спасены. Мне кажется, что сумасбродства этого человека не имели никакого отношения к заблуждениям евреев и что несчастный был скорее помешанным, чем еретиком.

X. В провинции Эстремадура также был процесс по делу веры, против человека, который похитил освященную гостию 24 апреля 1506 года в местности, называемой Новый поселок Пласенсия (aldea nueva de Plasencia), и продал ее недавно обратившимся евреям. История передает, что добывший гостию, присутствуя на другой день на процессии св. Марка в местечке Эрбас, видел чудо, всем явленное Богом: на главном престоле церкви он узрел образ Иисуса Христа, с которого капал пот.

Изумленный и смущенный этим зрелищем, виновник святотатства привлек к себе внимание, а предпринятые поиски открыли преступление.

XI. Я считаю бесполезным отмечать, сколько было ослепления и хитрости в предположении чуда и какое решение должна принять критика по отношению к другим подробностям этой истории. Но достоверно, что главный инквизитор Деса искусно воспользовался всеми фактами подобного рода перед католическим королем.

Действительно, под предлогом, что святой трибунал разыскивает с большим старанием и успехом преступления, совершаемые против веры, и что его усилия

Untitled

препятствуют им или уменьшают их число благодаря страху, который он умеет внушить лучше, чем другие суды, он достиг расширения юрисдикции инквизиции на многие проступки, которые имели только такую связь с подозрением в ереси, которую он выдумал для более легкого получения просимого им.

Статья третья Чрезвычайное покровительство, оказанное королем инквизиторам. Процесс первого архиепископа гранады и знаменитого ученого Антонио Лебрихи [428]

I. Король Фердинанд разрешил инквизиторам Арагона расследовать дела о ростовщичестве, вопреки данной им присяге соблюдать статуты королевства, одна статья которых предоставляла светскому судье ведать этот проступок. Король пошел на эту меру, так как получил из Рима льготу 14 января 1505 года. Вопреки тому же принципу инквизиторы присвоили себе право расследования греха содомии в силу королевского указа от 22 августа 1497 года, который гласил, что эти дела следует разбирать подобно делам, касающимся веры, с той только разницей, чтобы в них сообщались имена свидетелей и все улики. Облеченные новой привилегией, инквизиторы Севильи сожгли в 1506 году десять человек, повинных в содомии. Со временем они добились подчинения своей юрисдикции дел о двоеженстве, о преступной связи мужчины с двумя женщинами или женщины с двумя мужчинами. То же случилось и со множеством других проступков, доказательство чего можно найти в истории.

II. Эти узурпации объясняют, почему столкновения по делу о подсудности были так часты между инквизиторами и другими властями. Такие конфликты происходили в 1499

Untitled

году, во время Десы, между инквизицией и муниципалитетом Валенсии; в 1500 году между инквизиторами, графом Беналькасаром и судьей первой инстанции Кордовы; в 1501 году с супрефектом того же города; позднее с другими гражданскими властями. Результат этих пререканий всегда был позорен для магистратуры, потому что совет инквизиции имел право произносить окончательный приговор, не подлежащий обжалованию, что он постоянно и делал, как легко понять, в пользу своих членов.

III. Последствия скандальных триумфов, получаемых инквизиторами при этих обстоятельствах, были губительны для человечества, и число аутодафе не уменьшалось. Деса стоял во главе инквизиции восемь лет. Если мы установим подсчет ее жертв согласно севильской надписи, то найдем, что она покарала за это время тридцать восемь тысяч четыреста сорок человек, из которых две тысячи пятьсот девяносто два были сожжены живьем, восемьсот девяносто шесть фигурально и тридцать четыре тысячи девятьсот пятьдесят два человека присуждены к разным епитимьям. Если это исчисление покажется преувеличенным, я отсылаю читателя к расчету, помещенному в восьмой главе этой Истории.

IV. Среди множества лиц, испытавших преследование инквизиции, находились известные по своему происхождению, учености, богатству, должностям и просвещению; в их числе были советники и секретари короля и королевы. Я не могу не войти в некоторые подробности по поводу преследования кровавым инквизитором Лусеро достопочтенного дома Фернандо де

Untitled

Талаверы, первого архиепископа Гранады. Завидуя репутации святости, которую составили мавры этому восьмидесятилетнему апостолу за его великую любовь и мягкость характера, этот варвар удовлетворился только тем, что вызвал подозрения насчет его веры. Для этого он употребил два средства. Во-первых, он напомнил, что в 1478 и последующих годах Талавера противился учреждению инквизиции и говорил об этом королеве Изабелле, духовником которой он был. Во-вторых, он опубликовал, что Талавера по мужской линии принадлежал к дворянам и к одной из знаменитейших фамилий Испании, известной под именем Контерас, что он должен быть отнесен к еврейской расе по матери, хотя и в отдаленной степени. Из этого инквизитор заключал, что он может назначить секретное следствие над святым человеком. Архиепископ, главный инквизитор, почтил своим доверием жестокого Лусеро, который обманывал его, как в этом убедились в других делах, о которых я расскажу.

V. Деса поручил архиепископу Толедо Хименесу де Сиснеросу получить предварительное осведомление относительно веры архиепископа Гранады. Сиснерос уведомил папу о данном ему поручении, и папа приказал своему апостолическому нунцию Джованни Руфо, епископу Бристоля, взять в свои руки это дело и запретить Десе и инквизиторам продолжать его. Вследствие этого нунций отослал документы процесса в Рим. Папа Юлий II приказал их прочесть в своем присутствии на собрании кардиналов и епископов, среди которых был епископ Бургоса дом Паскале де ла Фуэнте, доминиканец, который случайно был тогда в Риме. Мнение этого совета было единодушно,

Untitled

и папа оправдал архиепископа Гранады, который почил в мире 14 мая 1507 года, несколько месяцев спустя после этого почетного приговора, вслед за тремя годами тем более сильной тревоги, что Лусеро велел во время его процесса арестовать и привлечь к суду нескольких из его родственников, между прочим его племянника дома Франсиско Эрреру, декана митрополичьей церкви Гранады, хотя все они были невинны {Вермудес де Педраса. История Гранады. Ч. IV; Педро Мартир д'Англериа. Книга писем. Письма 333,334,342,344,345.}.

VI. В крайне трогательном письме архиепископ жаловался королю на преследование, которому подвергся. Он объяснял, что после обращения им множества мавров сомнения, возникшие насчет его веры, должны принести большой вред религии, так как можно было бы подумать, что вместо католического учения он проповедовал им ересь. Он давал понять королю, как жестоко с ним обращались, чего нельзя было допустить, даже если бы он был заподозренным, а между тем этого нельзя о нем сказать.

Фердинанд остался нечувствителен к мольбам архиепископа и в этом случае забыл о его больших заслугах: королевы Изабеллы не было более на свете, и он женился на Жермене Фуа.

VII. Государь выставлял напоказ такое большое усердие к вере, что, замечая множество апелляций, направлявшихся в Рим, несмотря на вышеупомянутые буллы, писал папе 14 ноября 1505 года, желая побудить его не принимать их, потому что без этой меры испанские еретики станут так же многочисленны и так же могущественны, какариане.

Untitled

VIII. Не менее жестоко было преследование, от которого пострадал умный Антонио де Лебриха. Он был учителем королевы Изабеллы. Архиепископ Толедо Хименес де Сиснерос питал к нему особенное уважение и почтил его своим покровительством. Глубоко сведущий в еврейском и греческом языках, он открыл и исправил в латинском тексте Вульгаты [429] много ошибок, которые попали туда по вине переписчиков до изобретения удивительного искусства книгопечатания [430]. Он был обвинен схоластическими богословами [431]. Арестовали его бумаги; с ним самим обращались жестоко, и вскоре он со скорбью увидел, что заподозрен в ереси. В этой своеобразной опале он дожил до момента, когда Деса перестал быть главным инквизитором, и мог написать свою апологию при покровительстве кардинала Хименеса де Сиснероса. Между прочим он писал там следующее: "Если целью законодателя должны быть награда людей честных и ученых и наказание злых, которые покинули путь добродетели, - что сказать, когда награды даются тем, кто искажает Священное Писание, между тем как бесчестят, отлучают от Церкви и осуждают на позорную смерть тех, кто восстанавливает текст, замечая в нем ошибки, если они упорно защищают свои мнения? Разве не довольно, что я подчиняю свой разум по послушанию воле Иисуса Христа в том, что повелевает моя религия? Надо ли еще, чтобы я отбросил как ложное то, что во всех пунктах кажется мне так ясно, так истинно, так очевидно, как свет и сама истина? Надо ли, чтобы я решился на это относительно вещей, которые считаю возможным утверждать не как безумно озаренный свыше, не по каким-то выкладкам, но

Untitled

как человек, убежденный непреоборимыми доводами, непреклонными аргументами и математическими доказательствами? О, преступное торжество! Что же означает этот род рабства? Какой несправедливый деспотизм, при помощи жестокостей препятствующий говорить, что думаешь, хотя можно это сделать без пренебрежения и без насмешки над религией! Что мне сказать? Этот деспотизм запрещает даже писать одному и без свидетелей, в одиночестве тюрьмы, как говорить и мыслить. Для какой же цели нужно нам иметь мысли, если нам запрещается размышлять о книгах христианской религии? Не сказал ли псалмопевец, что в этом должно состоять важнейшее занятие праведного? В законе Господа воля его, и о законе его размышляет он день и ночь" [432] {Альвар Гомес де Кастро. О деятельности кардинала Франсиско Хименеса де Сиснероса. Кн. 4; Николас Антонио. Испанская библиотека. Литера А. Статья Антонио.}.

Статья четвертая Жестокость инквизитора Лусеро.
Скандалные процессы в кордове, бывшие ее
последствием

I. Бесчеловечность инквизитора Лусеро имела самые тяжелые последствия. Так как он объявлял почти всех обвиняемых виновными в заперательстве и так как он осуждал их как лжекающихся, случилось, к сожалению, что некоторые не удовлетворились объявлением правды, но еще прибавили к своим показаниям вымышленные подробности фактов и обстоятельств. Некоторые, усвоившие эту систему, ложно уверяли, что в Кордове, Гранаде и других городах Андалусии имеются синагоги в

Untitled

названных ими домах. Они говорили, что многие, даже монахи и монахини, совершают туда паломничества из всех частей Кастилии для отравления праздников иудейской религии и произнесения проповедей в торжественной обстановке. По их словам, дело дошло до того, что испанские семейства старинных христиан присутствовали при этом; они поименовывали их, чтобы запутать в эту клевету большое количество уважаемых людей, будучи убеждены, что в результате последует общее прощение для всех, а в особенности для доносчика, или, по крайней мере, они при помощи этого средства могут отомстить своим врагам.

II. Лусеро приказал арестовать такое большое количество людей вследствие этих показаний, что город Кордова дошел до возмущения против инквизиции. Муниципалитет, епископ, капитул кафедрального собора и высшая знать, во главе с маркизом де Приэго и графом де Каброй (которые были близкими родственниками главнокомандующего Фернандеса Кордуанского), отправили депутатов к главному инквизитору с требованием отозвать Лусеро. Деса отказался уважить эти протесты до тех пор, пока ему не докажут жестокостей, в которых укоряли инквизитора. Только монах был способен дать подобный ответ, ибо Деса менял ежедневно по своей прихоти инквизиторов и заставлял их переходить с одного места на другое.

III. Узнав о положении вещей, Лусеро имел дерзость отметить пособниками иудаизма кавалеров, дам, каноников, монахов, монахинь и уважаемых лиц из всех классов.

Untitled

IV. Между тем 27 июня 1506 года Филипп I [433] принял бразды правления Кастилией. Епископ Кордовы дом Хуан Деса уведомил его о положении дел, а родственники многочисленных узников, с своей стороны, потребовали, чтобы процессы обвиняемых были отосланы в другой трибунал. Филипп приказал дому Диего Десе удалиться в свою Севиль-скую епархию и передать полномочия главного инквизитора дому Диего Рамиресу де Гусману, епископу Катаны [434] в Сицилии, который был тогда при дворе. В то же время он велел передать все документы, относящиеся к этому делу, на просмотр верховному королевскому совету Кастилии. Рамирес де Гусман отрешил от должности Лусеро и других судей кордовского трибунала. Дело окончилось бы счастливо, если бы не смерть короля, происшедшая 25 сентября 1506 года.

V. Едва архиепископ Севильи узнал об этом событии, как аннулировал передачу полномочий и снова приступил к отправлению обязанностей главного инквизитора, кассировав все сделанное во время его удаления. Тем не менее он не замедлил передать полномочия по делам об апелляции дому Альфонсо Суаресу де Фуэнтельсасу, бывшему тогда епископом Хаэна и председателем совета Кастилии, который некогда разделял вместе с ним функции главного инквизитора. Он поручил Суаресу действовать в согласии с советом инквизиции, который ничего не делал в прошлое царствование.

VI. Фердинанд V воспринял управление королевством как отец королевы Хуаны, вдовы Филиппа I, которая помешалась. Прошло, однако, еще несколько времени, прежде чем этот государь начал управлять, потому что он

Untitled

был в Неаполе, когда узнал о смерти короля Испании. Между тем все жители Кордовы и многие члены совета Кастилии высказались против Десы и опубликовали, что он происходит из расы маранов (marranos), то есть от евреев.

VII. Маркиз де Приэго поднял население Кордовы, которое 6 октября 1506 года разбило тюрьмы святого трибунала и выпустило на свободу узников, количество коих было неисчислимо. Схватили прокурора, одного из двух секретарей и нескольких второстепенных служащих трибунала. Приэго велел бы арестовать и инквизитора Лусеро, если бы счастливая случайность не помогла ему вовремя скрыться на великолепном муле. Все-таки он внушил такой страх архиепископу Севильи, что тот, видя перед собой смерть, отказался от должности главного инквизитора и удалился с бесчисленными предосторожностями в свою епархию. Это решение привело к быстрому успокоению Кордовы. Но так как он не окончил процессов обвиняемых, я расскажу их продолжение, хотя оно относится к истории его преемника.

VIII. Когда регент королевства Испании прибыл из Неаполя, он назначил главным инквизитором кастильской короны дома Франсиско Хименеса де Сиснероса, архиепископа Толедо, а главным инквизитором Арагона дома Хуана Энгера, епископа Вика, доминиканца. Папа послал ему буллы 4 июня 1507 года, а на другой день его коллеге Хименесу, которого он в первый раз назвал кардиналом, потому что дал ему это звание на последнем заседании консистории 17 мая.

IX. Хименес де Сиснерос вступил в свою новую должность 1 октября, в момент, когда возмущение против святого

Untitled

трибунала стало почти всеобщим по причине события в Кордове, расследование коего принял на себя совет Кастилии. Те из его членов, которые стояли на стороне Филиппа I, питали ненависть против инквизиции, особенно дом Альфонсо Энрикес, епископ Осмы, внебрачный сын адмирала Кастильи; дом Хуан Родригес де Фонсека, бывший последовательно епископом Бадахоса, Кордовы и Паленсии, архиепископом Россано [435] в Неаполитанском королевстве и Бургоса и председателем совета Индий; дом Хуан де Мануэль, владетель Бельмонте, происходивший из королевского дома Кастильи, посол при папе; кроме того, многие гранды королевства. Это столь глубокое отвращение к инквизиции внушило Хименесу де Сиснеросу необходимость вести себя крайне благоразумно, чтобы не подать повода к общему созыву кортесов, где его лишили бы высокой должности регента королевства, которою он был облечен.

Х. После всего сказанного мы не должны удивляться тому, что писал в своих латинских письмах (напечатанных вне Испании) Педро Мартир д'Англериа, член совета Индий, а также кавалер из Кордовы Гонсальво де Айора в письме от 16 июля 1507 года, адресованном Мигуэлю Пересу д'Альмасану, первому секретарю короля Фердинанда. "Что касается ведения дел инквизиции, решено было отделаться совершенно от архиепископа Севильи Лусеро и Хуана де ла Фуэнте, которые опозорили все эти провинции и агенты которых в большинстве случаев не признавали ни Бога, ни правосудия, убивая, воруя, оскорбляя девушек и женщин, к стыду и великому позору религии. Убытки и бедствия, причиненные дурными слугами инквизиции моей

Untitled

стране, так велики и многочисленны, что нельзя не быть удрученным всякому, кто бы он не был" {Это неизданное письмо находится в рукописях королевской библиотеки в Мадриде, где я снял с него полную копию, находящуюся в моих руках. Его нет среди напечатанных писем Гонсальво Айоры.}.

XI. Кордовские события вынудили огромное количество лиц обратиться в Рим. Папа решил разобрать дело маркиза де Приэго, узников и собственников домов, которые Лусеро велел разрушить, как служившие помещением для синагог. Вследствие этого он выпустил бреве с поручением дому Франсиско де Майорке, епископу Тагасты [436] и коадьютору [437] архиепископа Толедо, расследовать все излишества, которые позволили себе Лусеро и другие должностные лица инквизиции Кордовы. В то же время папа отдельным бреве поручил дому Педро Суаресу Десе, избранному архиепископом Сан-Доминго [438] в Америке, разобрать процесс, начатый вследствие передачи полномочий главным инквизитором Севильи против тех, кто принимал участие в возмущении, вызвавшем побег узников святого трибунала, а также арест и заключение в тюрьму прокурора, секретаря и двух канцелярских служащих кордовской инквизиции. Однако, назначив 8 ноября 1507 года кардинала Сиснероса апелляционным судьей, папа уполномочил его перенести к нему все дела, начатые апостолическими комиссарами.

XII. Кардинал тотчас занялся кордовским делом, продолжение коего было поручено двум прелатам. Он отрешил от должности Лусеро и велел заключить его в Бургосе. Ту же меру он употребил относительно двух

Untitled

свидетелей, которые были сильно заподозрены в даче ложных показаний, потому что часть обвинений была так нелепа, что ей нельзя было верить на основании здравого смысла.

"Едва ли можно представить себе столь важное дело, - писал в 1508 году член совета Индий Педро Мартир д'Англериа, - как эта мнимая история о молодых девушках, которые никогда не покидали отцовского дома и которые, как уверяют, отправились из глубины Кастилии в город Кордову через большую часть Испании, чтобы поработать в синагогах над восстановлением еврейской религии. Какие основы просвещения и учености можно найти у робких девственниц, которые видели только внутренний уют семьи? Какую выгоду рассчитывали они найти, покидая свой дом для путешествия, лишенного всяких элементарных удобств и приятности? Я понимаю, что их обвиняют в магии, исходя из того, что они совершили свое путешествие на козлах, вместо лошадей, и в состоянии опьянения; но кто кроме Лусеро мог обратить внимание на эти показания, более достойные адской злобы, чем ребячьего легковерия? Кто другой, кроме него, дерзнул бы воспользоваться такими показаниями для осуждения кого-либо и покрытия позором всей Испании? Ведь совет занимается открытием источника зла; его члены читают все процессы и тщательно проверяют приговоры стольких людей, сожженных или подвергшихся епитимьям" {Педро Мартир д'Англериа. Книга писем. Письмо 375.}.

XIII. Чтение процессов убедило кардинала Хименеса, что дело, произведшее столько шума и задевавшее столько знатных фамилий Испании, должно быть разобрано с

Untitled

большой сдержанностью и благоразумием, чтобы прилично закончиться. Поэтому он просил и получил от короля разрешение созвать хунту, названную им католической конгрегацией и составленную из двадцати двух самых уважаемых лиц. В нее входили: главный инквизитор (ее председатель); епископ Вика, главный инквизитор Арагона; епископ Сьюдад-Родриго; [439] епископы Калаоры и Барселоны; митрофорный аббат бенедиктинского монастыря в Вальядолиде; председатель совета Кастилии и восемь его членов; вице-канцлер и председатель апелляционного суда королевства Арагонского; два члена верховного совета инквизиции, два провинциальных инквизитора и один аудитор апелляционного суда в Вальядолиде.

XIV. Первое заседание их происходило в Бургосе, в день Вознесения 1508 года, а 9 июля они вынесли приговор, объявлявший свидетелей, давших показания в кордовском деле, по их низкому и презренному характеру недостойными никакого доверия. Принимая во внимание, что свидетели расходились в своих показаниях, показания были противоречивы, необычайны и справедливо вызывают подозрения в лживости, потому что содержат вещи невероятные, недостойные доверия, противоречащие здравому смыслу и, наконец, такие, что ни один разумный человек не осмелится никого осуждать на основании подобных свидетельств, католическая конгрегация постановила, что узники будут выпущены на свободу, их честь и память умерших будут реабилитированы, разрушенные дома выстроены вновь и будут вычеркнуты из реестров приговоры и отметки,

Untitled

направленные против заинтересованных лиц.

XV. Это решение католической хунты было провозглашено в Вальядолиде 1 августа того же года с большой пышностью и торжественностью, в присутствии короля, многих грандов Испании, большого количества прелатов королевства, председателя и всех членов апелляционного суда города и множества дворян и других жителей всех классов {Гомес Bravo. Список епископов Кордовы. Т. I. Гл. 18.}. Спустя четыре дня после этого обнародования Педро Мартир писал из Вальядолида графу Тендилье, что был отдан приказ содержать в тесной тюрьме инквизитора Лусеро "за то, что он измучил столько тел, смутил столько душ и покрыл позором множество семейств. О, несчастная Испания, родина стольких великих людей, ныне незаслуженно опозоренная и преданная бесчестью!.. Как голова этого нового Терсита [440] (Мрачного) может одна искупить преступления, составившие несчастье стольких Гекторов? [441] Наконец, опубликование незаслуженного осуждения жертв несправедного судьи, может быть принесет какое-либо утешение и облегчение душам пострадавших!" {Педро Мартир. Книга писем. Письмо 333.}. Лусеро был затем выслан в свою епархию в Альмерию, и это явилось немалым скандалом во всем этом

XVI. В более просвещенный век кордовского происшествия было бы достаточно для упразднения трибунала, устав которого допускает столь частое впадение в такое варварство вследствие злоупотребления тайною судопроизводства. Публичность открыла бы предохранительное средство против тирании и деспотизма в законной апелляции против злоупотребления;

Untitled

публичность следовало бы установить с самого начала, раз уже осмеливались организовать этот позорный трибунал.

Статья пятая Поведение великого главного инквизитора Хименесаде Сиснероса

I. Кардинал Хименес де Сиснерос, третий главный инквизитор Испании, был талантлив, учен и справедлив. Он доказал это в кордовском деле своим покровительством Лебрихе и многим другим ученым, а также при некоторых других случаях. Рожденный для великих предприятий, он получил от природы ту степень честолюбия, без которой великие люди были бы, может быть, неизвестны на земле. Этот душевный импульс призвал его стать во главе учреждения, коего он был врагом. Я отмечу здесь ошибку, в которую впали многие писатели, обвиняя Хименеса в принятии большого участия в создании трибунала, между тем как доказано, что он вступил в соглашение с кардиналом Мендосой и с Талаверой, архиепископом Гранады, чтобы помешать его учреждению. Будучи избран главою учреждения, которое приказывало и которому повиновались больше, чем многим государям, Хименес в силу обстоятельств должен был в некотором роде поддерживать и защищать это учреждение. Он должен был противиться всякому нововведению в судопроизводстве, хотя кордовское происшествие и показало ему неудобства пагубной тайны инквизиции и злоупотребление, которое делали из этой тайны в потемках провинциальных трибуналов.

II. Я не могу вполне извинить кардинала Хименеса, даже предполагая, что он был автором (как я думаю)

Untitled

драгоценного труда, сохранявшегося в рукописи в королевской научной библиотеке св. Исидора в Мадриде. Я дал о нем заметку и копию его двенадцатой книги во втором томе моей Летописи испанской инквизиции. Это сочинение анонимно и посвящено принцу Астурийскому, Карлу австрийскому, который был потом испанским королем и германским императором. Это сочинение озаглавлено: О правлении государей. Оно имеет целью наставление принца, увещевая его подражать тому, что, по его словам, он видел в царстве Истины, управление коего он описывает, а также поведению короля, которого Хименес называет Пруденцианом. Текст книги показывает, что речь идет об Испанском королевстве и что под покровом истории автор хотел изложить пагубные последствия некоторых мероприятий и обычаев, существовавших там, которые поведение мнимого Пруденциана должно было упразднить. Двенадцатая книга, содержащая главы с 271 до 292 включительно, целиком посвящена рассказу о том, как поступает Пруденциан в царстве Истины для уврачевания зол, причиненных инквизицией.

III. Он говорит, что этот государь, узнав, что среди инквизиторов имеется несколько добросовестных людей, велел им явиться и приказал рассказать, ничего не утаивая, все, что происходит в королевстве. Он изложил известные всем несправедливость и неудобства некоторых законов и высказал изумление, что, вопреки своей честности и любви к правде, они не имеют об этом никакого понятия или, зная все, не противятся этим безобразиям. Они ответили, что все, что передали королю,

Untitled

действительно верно; они осознают необходимость противиться злу, но не осмеливаются ничего предложить из страха преследования со стороны других инквизиторов. Пруденциан созвал тогда общее собрание, состоявшее из главного инквизитора, членов совета, ординарных инквизиторов и других справедливых и известных с хорошей стороны людей. На нескольких заседаниях король рассказал собранию о беспорядках, порождаемых законами учреждения, и предложил новые, чтобы помирить честь семейств, разумную свободу и подавление клеветы с чистотою католической религии в королевстве. Предложения государя подали повод к большим спорам; наконец большинство голосующих признало справедливость и необходимость реформы, которую хотел ввести король. Было решено привести ее в исполнение. С этого момента царство Истины управлялось согласно желанию народа, и никто более не мог жаловаться ни на клевету, ни на насилие.

IV. Я не стану останавливаться на подробном пересказе бедствий, описанных в аллегорическом романе Хименеса, являющихся последствием инквизиционного способа судопроизводства, потому что читатель легко заметит, что они не должны отличаться от тех, которые я изложил в этой Истории. Что касается средств преобразования, то прежде всего были названы уничтожение тайны, публичность судопроизводства, течение его в согласии с законами королевства и запрещение инквизиторам вмешиваться в дела, не касающиеся ереси, расследование коих принадлежит судам, разбиравшим их до учреждения инквизиции. Может быть, кардинал Хименес поручил

Untitled

какому-нибудь ученому из числа тех, кому он покровительствовал, составить этот труд и послать его в Германию, чтобы его чтение могло расположить к реформе трибунала внука и наследника государя, который был основателем инквизиции.

V. Действительно, Карл обещал реформу инквизиционных трибуналов кортесам, которые просили его об этом, как мы это увидим дальше; но достоверно, что Хименес оставил свою систему либо потому, что наслаждение властью стало для него неотразимо привлекательным, либо потому, что общение и беседы с инквизиторами изменили его настроение. Поэтому в самые критические моменты он воспротивился с привычным ему упорством реформе, которую хотели ввести, и употребил даже подкуп, чтобы ее провалить. Это я докажу еще до окончания этой главы. Поэтому труд Хименеса остался ненапечатанным - такую силу имеют страсти над людьми, которых безумное преклонение украшает именем великих.

VI. Разделение королевств Кастилия и Арагон, происшедшее в это время, и мысль, что более не нужно иметь столько трибуналов инквизиции, сколько есть епархий, привели к тому, что Хименес распределил их по провинциям. Он учредил инквизицию в Севилье, Кордове, Хаэне, Толедо, Эстремадуре, Мурсии, Вальядолиде и Калаоре. Он определил для каждого трибунала территорию, на которую должна простираться его юрисдикция. В то же время он отправил инквизиторов на Канарские острова, чтобы учредить там святой трибунал. В 1513 году инквизиция была введена в Куэнсе, в 1524 году в Гранаде; при Филиппе II в городе Сант-Яго, в Галисии; при

Untitled

Филиппе IV [442] в Мадриде. Хименес в 1516 году счел также нужным учредить инквизицию в Оране [443], вскоре он применил ту же меру к Америке. Эта страна была известна под именем Твердой Земли (Tierra firma); она и получила этот первый подарок от Хименеса, который снабдил полномочиями главного инквизитора дома Хуана де Кеведо, епископа Кубы [444], чтобы он назначил инквизиторов во все епархии материка. Со временем учредили провинциальные инквизиции в Мексике [445], Лиме [446] и Картахене Американской.

VII. Главный инквизитор Арагона принял систему Хименеса и установил инквизиторов в Сарагосе, Барселоне, Валенсии, Майорке, Сардинии и Сицилии, а потом в Памплоне, со времени завоевания Наварры. В 1515 году это королевство было соединено с Кастилией кортесами, бывшими в Бургосе, и его трибунал был подчинен главному инквизитору Кастилии, который вскоре упразднил его и соединил его территорию с территорией калаорской инквизиции, позже перенесенной в Логроньо.

VIII. Кордовские происшествия дали почувствовать Хименесу необходимость весьма тщательным образом рассмотреть поведение инквизиторов и других служащих святого трибунала; некоторых он отрешил от должности. Назначенные его предшественниками оспаривали его власть; он запросил папу, и папа утвердил Хименеса в правах особым бреве от 28 июля 1509 года.

IX. Хименес узнал, что скандальные беспорядки были учинены в толедской инквизиции помощником тюремного смотрителя и несколькими женщинами, содержащимися в тюрьме. Это побудило его, по совещании с советом, издать

Untitled

декрет, которым определялась смертная казнь для всех служащих инквизиции, повинных в подобных преступлениях. Были случаи, которые вызвали применение этого закона; но он не дал надлежащих результатов. Может быть, проступки были бы менее обычны при менее суровом наказании.

Х. Хименес был уведомлен, что провинциальные инквизиторы заменяли епитимьи и даже освобождали от них, как и от ношения санбенито. Он вооружился против вольности этого рода и осудил их, в согласии с советом, 2 декабря 1513 года, объявив, что один главный инквизитор имеет право дозволять подобные льготы. В разные времена этот декрет был отменяем и возобновляем. Ставши по смерти Фердинанда в 1516 году регентом-правителем королевства, Хименес отрешил от должности члена совета инквизиции Ортуньо Ибаньеса д'Агирре (который был одновременно членом совета Кастилии) за то, что он никогда не был на его стороне и был назначен на эту должность вопреки ему. В самом деле, Хименес представлял Фердинанду, что Агирре, будучи мирянином, не может быть членом совета инквизиции, но 11 февраля 1509 года государь ответил ему, что не одобряет мотива его оппозиции, потому что совет получил юрисдикцию от короля, как и совет Кастилии, членом коего был Агирре, в силу избрания его на этот пост им, Фердинандом, и покойной королевой Изабеллой. По этому решительному доводу Карл V восстановил Агирре в должности члена совета инквизиции.

XI. Хименес отрешил также от должности секретаря совета Антонио Руиса де Кальсена, который занимал ее с 1502

Untitled

года, после того как был секретарем короля Фердинанда и сохранил все почести этой должности. Итак, Хименес показал себя доступным для страстей, всегда пагубных в лицах, имеющих в руках власть.

XII. 10 июля 1514 года Хименес велел заменить на санбенито андреевскими крестами обыкновенные под предлогом, что способ ношения их осужденными позорит этот знак нашего искупления.

XIII. В течение одиннадцати лет своего управления (которое окончилось с его смертью 8 ноября 1517 года) Хименес допустил осуждение пятидесяти двух тысяч восьмисот пятидесяти пяти человек, из которых три тысячи пятьсот шестьдесят четыре были сожжены живьем, тысяча двести тридцать два фигурально и сорок восемь тысяч пятьдесят девять человек подверглись разным епитимьям. Таким образом среднее число осужденных в каждом году составляет триста двадцать четыре человека первого разряда, сто двенадцать - второго и четыре тысячи триста шестьдесят девять - третьего, по расчету, установленному для фактов, имевших место в 1490 и последующих годах до 1524 года. Этот подсчет можно найти в восьмой главе моей Истории и в севильской надписи.

XIV. Несмотря на ужасающее число казней, надо сознаться, что Хименес принял меры к ослаблению деятельности инквизиции. Самой важной было назначение для новохристиан отдельной церкви в городах, где было много приходов, и обязательство приходского священника удвоить усердие для их наставления и более частого посещения их домов {Кинтанья. Жизнь кардинала Хименеса де Сиснероса. Кн. 9. Гл. 17.}.

Untitled

Статья шестая Процесс одной святоши и некоторых других лиц

I. Среди множества процессов, разбиравшихся в правление Хименеса, некоторые заслуживают отдельного упоминания. В 1511 году наделал много шума процесс одной женщины, известной под именем Святоши (Beata). Отец ее был хлебопашцем в Пьедраите, в епархии Авилы. Воспитанная в Саламанке, она с таким жаром предалась подвигам молитвы и покаяния, что ее разум, ослабленный лишениями, помутился, и она стала галлюцинировать. Ей представлялось, что она постоянно видит Иисуса Христа и Святую Деву, и она разговаривала с ними при всех, как будто бы они были налицо. Она носила платье святоши или монахини третьего ордена св. Доминика и называла себя супругой Иисуса Христа [447]. Будучи убеждена, что Святая Дева сопровождает ее повсюду, она останавливалась во всех дверях, в которые ей надо было входить, выпрямлялась, как бы давая пройти тому, кто шел рядом с ней, и уверяла, что Богородица заставляет ее идти впереди в качестве супруги Бога, ее сына. Она со смирением отказывалась от этой чести, громко говоря во всеуслышание: "О Дева, если бы ты не родила Христа, я не могла бы быть его супругою. Матери моего супруга подобает идти впереди меня". Она постоянно была в экстатическом состоянии. Ее руки и лицо утрачивали свой естественный цвет, а напряженность ее членов и нервов была так велика, что казалось, ее пальцы не имели суставов и тело не способно ни к какому движению. Народ верил, что она творит чудеса. Король, узнав обо всем, вызвал ее в Мадрид. Он и главный инквизитор говорили с

Untitled

нею. Богословы всех орденов были запрошены, но оказались несогласны во мнениях. Одни считали ее святою, исполненною духа Божия и любви к Богу; другие говорили, что она находится в "прелести" (самообмане) и одержима фанатизмом. Никто не обвинял ее ни в лицемерии, ни во лжи. Обратились в Рим, чтобы узнать, как поступить с нею, и папа приказал своему нунцию и епископам Вика и Бургоса открыть истину и прекратить скандал в его источнике, если будет доказано, что в состоянии этой девицы нет никакого участия Святого Духа. Король и главный инквизитор составили хорошее мнение о Святоше и считали ее вдохновленной. Папские комиссары не нашли ничего, в чем можно было упрекнуть ее поведение и речи; они сочли нужным выждать, пока само провидение покажет, одушевляет ли ее дух Бога или дьявола. Инквизиторы предприняли процесс, исследуя, нет ли налицо элементов, дающих повод к подозрению и обвинению в ереси иллюминатов [448]. Так как король и главный инквизитор Кастилии, по-видимому, ей покровительствовали, то она благополучно вышла из испытания, а ее состояние продолжало быть загадкой. Множество людей приписывало его бессилию ее воображения, между прочим, и член совета Индий Педро Мартин д'Англериа {Педро Мартин д'Англериа. Книга писем. Письма 428 и 429.}. Этот счастливый конец дела (имевшего своей причиной обман или безумие) составляет исключительный контраст с сожжением, которому подверглись многие тысячи людей за отказ работать по субботам или за подобные незначительные поступки, которые были сочтены за улику того, что они впали в

Untitled

иудаизм.

II. В 1517 году инквизиторы Куэнсы затеяли процесс против памяти, доброго имени и имущества Хуана Энрикеса де Медины по обвинению в ереси, хотя перед смертью этот испанец принял напутствие и соборование. Объявив его еретиком, нераскаянным лжехристианином, они осудили его память и доброе имя, велели вырыть останки, чтобы сжечь их без санбенито, и конфисковать имущество.

Наследники апеллировали к главному инквизитору, который назначил уполномоченных судей. Но инквизиторы отказались сообщить документы процесса и имена свидетелей, и это заставило наследников обратиться к папе. Тот поручил 8 февраля 1517 года настоятелю монастыря ордена милосердия в Святом источнике (Fuente Santa) и двум каноникам кафедрального собора Куэнсы сообщить наследникам документы процесса, если они поручатся, что не сделают никакого зла свидетелям.

Уполномоченные отказались принять поручение папы. Лев X настоял в своем бреве от 19 мая и пригрозил им отлучением как виновным в непослушании, если они не выскажутся по этому делу как справедливые судьи.

Напуганные комиссары не ставили более никаких затруднений; расследовав улики, они оправдали память обвиняемого. Если такая католическая кончина, как кончина Хуана Энрикеса де Медины, не могла помешать преследованию его памяти, какое иное доказательство католичности можно привести, которое было бы более убедительным?

III. Однако мы находим еще более скандальную историю; она произошла с Хуаном де Коваррувиасом, уроженцем

Untitled

Бургоса. После его смерти против него начался процесс, и Хуан был оправдан. Но несколько времени спустя судьи переменялись, и прокурор имел жестокость представить новый обвинительный акт против него, злоупотребляя тем, что оправдательные приговоры инквизиции не имели силы окончательного и вечного приговора. Заинтересованные стороны апеллировали к Льву X. Возмущенный таким скандальным преследованием и взволнованный тем, что так обращались с человеком, который в детстве был его товарищем по учению, Лев X поручил епископу Бургоса дому Паскале, своему другу, поговорить об этом от его имени, как следует, с кардиналом Хименесом. Не удовлетворяясь этой мерой, 15 февраля 1517 года Лев X сам написал главному инквизитору и рекомендовал вести себя рассудительно в столь странном предприятии и прилично закончить процесс, уже оставленный много лет назад и так некстати возобновленный. Так как эта мера не оказалась достаточной, папа вытребовал дело в Рим. Хименес протестовал перед главою Церкви, но бесполезно; Карл V отправил протест через своего посла. Большие споры возникли между двумя дворами по этому вопросу и по некоторым другим, которые скоро представились. Наконец папа прекратил споры своим бреве от 20 января 1521 года, адресованным новому главному инквизитору кардиналу Адриану [449], поручая закончить совместно с апостолическим нунцием эту скандальную борьбу безапелляционным окончательным приговором.

IV. Способ, которым закончился спор, побудил генерала ордена августинцев обратиться к папе с требованием по

Untitled

отношению к некоторым монахам его ордена, которые были обесславлены как повинные в ереси, ввиду того, что имели несчастье считаться потомками евреев или магометан, невзирая на то, что сами были хорошего поведения. Августинский генерал указывал папе, что вследствие этой диффамации инквизиторы привлекли их к суду, вопреки всякой справедливости, потому что непосредственные монастырские начальники старательно наблюдали за хранилищем веры и не допустили бы, чтобы чистота учения была искажена в уроках, которые они давали своим ученикам. Лев X издал 13 мая 1517 года бреве, которым приказал инквизиторам, под страхом верховного отлучения, передать без оттяжки генеральному викарию августинского ордена документы всех процессов, начатых против монахов и монахинь этого ордена. В то же время папа поручил архиепископам и епископам Испании поддерживать всей своей властью обвиняемых против всякого посягательства инквизиторов.

V. Это чрезвычайное покровительство послужило к тому, что впоследствии другие монашеские ордена стали ходатайствовать о той же милости перед святым престолом, утверждая, что они достойны ее не только по причине прочности и значительности своего учения, по твердости в вере и по усердию к чистоте католической религии, но и по своей преданности святому престолу и по оказанным ему услугам. Некоторые получили просимое; но даже это обстоятельство было фатально для всех, потому что инквизиция воспользовалась этим, чтобы провести упразднение всех привилегий.

Статья седьмая Предложение, сделанное королю,

Untitled

добиться публичности разбирательств

I. Среди новохристиан распространился слух, будто Фердинанд готовится начать войну со своим племянником, королем Наварры [450]. Они предложили Фердинанду в 1512 году шестьсот тысяч золотых дукатов на издержки этого предприятия с условием, чтобы новый государственный закон установил публичность для всех процессов инквизиции. Король готов был вступить в переговоры с новохристианами, когда уведомленный об этом Хименес предоставил в его распоряжение большую сумму денег. Король принял ее, хотя она была значительно меньше первой, и отбросил всякий проект реформы. Хименес, отсылая деньги Фердинанду, указал, что в случае проведения изменения, о котором хлопочут новохристиане, не будет больше никого, кто захотел бы быть доносчиком или свидетелем, и это обстоятельство не преминет подвергнуть опасности интересы религии {Парамо. О происхождении инквизиции. Кн. 2. Тит. 2. Гл. 5.}.

II. По смерти Фердинанда, когда его преемник Карл V был еще во Фландрии [451], то есть в 1517 году, новохристиане опять предложили на тех же условиях восемьсот тысяч золотых экю на расходы по путешествию, которое Карл собирался предпринять в Испанию. Гильом де Круа, владетель Шевра, герцог д'Ариско, любимый гувернер юного монарха, убедил его запросить коллегии, университеты и ученых людей Испании и Фландрии по поводу предложения о реформе инквизиционного судопроизводства. Все ответили, что сообщение имен и полных показаний свидетелей во время процесса сообразно с естественным, божеским и человеческим

Untitled

правом. Кардинал-инквизитор, узнав об этих ответах, послал к королю депутатов и писал ему с целью опровергнуть план реформы инквизиции. Он напомнил королю, что подобная попытка не имела успеха у его деда, но оставил короля в неведении относительно самого важного обстоятельства, то есть что он сам содействовал отклонению предложения новохристиан, посулив его деду денежную сумму. Он приписывал мудрости Фердинанда и его убеждению в необходимости отказа то, что в действительности было делом ловкой политики самого Хименеса. Он ссылаясь на некоторые примеры личной мести, истину которых ничто не гарантировало; и эти ссылки, вероятно, были бы признаны ложными, если бы можно было серьезно их разобрать. Карл V оставил дело реформы инквизиции не решенным до своего приезда в Испанию {Кинтанилья. Жизнь кардинала Хименеса де Сиснероса. Кн. 3.}, где закончил его по смерти Хименеса способом, сообразным с общим желанием, на собрании кортесов в Вальядолиде в 1518 году. Скоро мы увидим доводы, которые помешали действию этой резолюции.

III. Особенное расположение, которым Фердинанд жаловал инквизицию, не помешало ему поддерживать права короны. 31 августа 1509 года он опубликовал закон, запрещающий, под страхом смерти, кому бы то ни было представлять инквизиторам и другим служащим святого трибунала буллу или другой документ в этом роде, полученный от папы или от его легатов и способный нанести прямой или косвенный ущерб правам трибунала, не предъявив его раньше королю, чтобы совет зрело рассмотрел, не является ли такой документ чем-то

Untitled

случайным, неожиданным.

IV. Это, по моему мнению, первый пример употребления короною своей прерогативы в отношении приостановки и рассмотрения булл через применение принципа королевской разрешительной надписи: исполнить (*regium ehequatur*). По этому вопросу Сальгадо написал целый трактат, вызвавший большой шум в Риме, как будто то, что основано на естественном праве, нуждается еще в доказательствах. Наказание, определенное для тех, кто не исполнил бы этого закона, было несправедливо и несоизмеримо с преступлением, но продиктовавший его принцип должен бы всегда составлять часть политики государей. Он прекратил бы узурпации римской курии. Последняя не приобрела бы такого влияния на предметы чисто церковной дисциплины. Это право испанской короны на папские решения было недавно восстановлено законом Карла III. Однако достоверно, вопреки жалобам римской курии, что вышеупомянутый закон не определил тесных границ, которых требовало общественное благо, и часто он оказывался бессильным против папских посягательств, бреве и решений.

V. В том же году Фердинанд сумел снова использовать достойным государя способом права короны, решив стать владыкой крепости Орана в Африке. Хименес хотел ввязаться в это предприятие и принять в нем личное участие; но король велел ему доверить свои полномочия главного инквизитора дому Антонио де Рохасу, архиепископу Гранады. Кардинал повиновался, и дело осталось в этом положении до его возвращения из экспедиции.

Untitled

VI. Пример Фердинанда V и пример Филиппа I относительно Десы в 1506 году ясно доказывают, что в Испании знали, какое косвенное право принадлежало гражданской власти в духовных делах. Хотя государи не имеют никакой церковной власти, которой могли бы пользоваться, они, однако, как светские владыки могут приказывать епископам, чтобы они употребляли церковную власть, доверенную им, согласно обстоятельствам и надлежащим образом. Это право может принадлежать только тому, кто держит в руках пружины политической машины и видит ее нужды и средства, как облеченный верховной светской властью наблюдающий за всем в государстве. Эту основную истину я, полагаю, достаточно доказал на основании однообразного поведения испанской Церкви в течение первых одиннадцати веков в труде, напечатанном в Мадриде в 1810 году под заглавием Рассуждение о власти испанских королей относительно распределения епархий.

VII. Фердинанд назначил на пост епископа Тортосы главного инквизитора королевства Арагон дома Хуана Энгера, который был епископом Лериды и раньше занимал кафедру Вика. Этот прелат умер до вступления в должность в своей новой епархии, и король в 1513 году назначил его преемником дома Луиса Меркадера, картезианца [452], который заместил его также в звании главного инквизитора Арагона и Наварры. Папа послал ему буллы 15 июля с особенной оговоркой, которая давала ему равного по власти коллегу в лице брата Педро Хуана де Пабло; но доказано, что он не исполнял этих обязанностей. Меркадер умер 1 июня 1516 года, когда управление было в

Untitled

руках Карла Австрийского, внука Фердинанда, умершего 23 января этого года и не оставившего детей от своего второго брака. Этот государь пребывал во Фландрии; но он послал в Испанию нескольких человек, пользовавшихся его доверием, между прочим своего гувернера, маркиза д'Ариско, и Адриана де Флоренсио, уроженца Утрехта [453], который был деканом Лувена и одним из любимцев Карла. Так как два государства, Кастилия и Арагон, составляли теперь одно, то казалось вполне естественным, чтобы был и один главный инквизитор для всей монархии, особенно когда занимавший эту должность был кардиналом римской Церкви и в то же время правителем королевства. Но Хименес обладал слишком большой претенциозностью, чтобы покоряться общим правилам и не воспользоваться представившимся ему случаем овладеть душою фаворита Карла, то есть фактически самим государем. Поэтому вместо просьбы об объединении в руках Адриана функций правителя королевства и главного инквизитора Хименес сделал королю представление о том, что ему кажется более приличным дать декану Лувена епархию Тортосы и должность главного инквизитора короны Арагона, а его звание иностранца легко устранить путем выдачи документа о натурализации [454]. Все это было исполнено согласно предложению Хименеса; в Рим отправили сообщение об этом двойном назначении. Папа послал буллы на епископство Тортосы, а 14 ноября того же года другие на должность главного инквизитора Арагона и Наварры. Адриан вступил в должность на Майорке 7 февраля 1517 года в присутствии секретаря инквизиции

Untitled

Хуана Гарсии, который сопровождал двор. Это назначение должно было привести к месту, занимаемому Хименесом, который умер 6 ноября 1517 года. Оно было поручено Адриану королем Карлом, и он получил буллы из Рима 4 марта 1518 года, когда был уже кардиналом. Адриан сохранил за собою должность главного инквизитора не только до 9 января 1522 года, когда он был избран папою, но до 10 сентября 1523 года, когда он подписал буллы своего преемника дома Альфонсо Манрике де Лары, архиепископа Севильи.

Статья восьмая Протест национального собрания кортесов Арагона против судопроизводства святого трибунала I. Пока арагонская инквизиция оставалась отделенной от кастильской, ей приходилось терпеть сильные нападки, и временами казалось, что возможно ее упразднение, или, по крайней мере, она должна будет подвергнуться реформе, которая поставит ее в такое положение, когда у нее будет отнята возможность дальше возбуждать в народе ужас. Когда король Фердинанд собрал кортесы королевства в Монсоне, в епархии Лериды, в 1510 году, депутаты городов и местечек громко жаловались на злоупотребления со стороны инквизиторов властью не только в делах веры, но и относительно разных вопросов, посторонних догмату, каковы ростовщичество, богохульство, содомия, двоеженство, некромантия и другие дела, которые им неподсудны. Они жаловались также на то, что инквизиторы вмешивались в упорядочение дела обложения, умножали число льгот, дарованных им и их чиновникам, так что скандальным образом уменьшался сбор налогов через сокращения, производимые в списках

Untitled

плательщиков, что крайне увеличивало тяжесть платежей, падающих на тех, кому приходится выплачивать обложение. Власть, которую инквизиторы себе присвоили, сделала их настолько заносчивыми и дерзкими, что они сами превращали себя в судей в сомнительных случаях и, когда хотели отвести их компетенцию, угрожали отлучением от Церкви и всячески везде теснили магистратов, которые опасались, что будут ими подведены под публичное покаяние на более или менее торжественных аутодафе. Это несчастье произошло со многими людьми, среди которых можно назвать вице-королей и генерал-губернаторов Барселоны, Валенсии, Майорки, Сардинии и Сицилии, с детьми и братьями грандов Испании и даже с некоторыми особами высокого ранга. Вследствие этого кортесы просили Его Величество соизволить обеспечить сохранение особых обычаев и исполнение законов и статуты короны Арагона и деклараций кортесов, которые король дал присягу уважать; обязать должностных лиц святого трибунала ограничиться расследованием дел, имеющих предметом вопросы веры, и судить их по нормам уголовного права, сохраняя публичность уголовного судопроизводства согласно законам и обычаям королевства.

II. Кортесы присовокупили, что этой меры будет достаточно для предотвращения массы бедствий и разорения множества семейств, так как причиной несчастий являются пагубная тайна и клевета, находящаяся под ее покровом. Система эта тем более заслуживает народного проклятия, что, хотя честь и доброе имя осужденных вопиют о реабилитации и их родственники настоятельно требуют ее,

Untitled

редко все-таки удается спасти честь осужденных и дать справедливости восторжествовать. Но даже тогда, когда реабилитация дается, она происходит с такой задержкой, что никогда не позволяет целиком загладить зло. Само промедление вытекает из процедуры инквизиционных трибуналов.

III. Это выступление кортесов дало понять королю настроение умов. Однако он избежал прямого ответа, говоря, что нельзя ничего решать в таком важном деле, не получив точного и углубленного познания фактов; он поручает кортесам собрать все факты, которые дошли до их сведения, и представить ему на следующем же собрании. Это собрание произошло в том же городе в 1512 году. Принятые на нем резолюции образуют договор между государем и народом; они содержат двадцать пять статей, почти целиком направленных к сужению юрисдикции инквизиторов и к прекращению изъятий от податей и налогов, которыми они так злоупотребляли.

IV. В договоре было сказано, что инквизиторы более не могут вмешиваться в процессы по обвинению в двоеженстве и ростовщичестве, если только виновные не впали в ересь, утверждая, что эти преступления не являются грехом, ни в процессы светских судов против богохульников, если богохульства не содержат ереси. Одновременно инквизиторам запрещалось вести процессы по делам веры без участия епархиального епископа, а главному инквизитору произносить приговор по апелляциям без согласия членов совета инквизиции; в противном случае исполнение произнесенного им приговора должно быть отложено. Также было узаконено,

Untitled

что трибуналу следует сообразоваться с постановлением буллы Иоанна XXII [455] "На гадания того" ("Super specula illius"), если он должен высказаться по какому-либо делу о некромантии. Кортесы не приняли никакой резолюции относительно публичности инквизиционного судопроизводства и почти ничего относительно конфискаций. Впрочем, было условлено, что продажные сделки, обмены и приданое, условленные или назначенные тем, кто пользовался репутацией хорошего католика, имели полную и совершенную силу, даже если бы было объявлено впоследствии по приговору, что договаривающийся был уже еретиком, когда вступал в сделку, только бы ересь его была скрытою.

V. Король вскоре пожалел, что связал себя словом по отношению к кортесам. При содействии инквизиторов он хлопотал и получил от папы 30 апреля 1513 года освобождение от присяги, данной кортесам в исполнении статей конвенции. Одна из оговорок этого освобождения специально гласила, что трибуналы инквизиции вступают во все права, которыми пользовались раньше. Это поведение короля навело ужас на все королевство. Народ всюду восстал, и государь принужден был отвергнуть вышеупомянутое брeve и просить папу утвердить распоряжения кортесов, причем папа должен был угрожать церковными наказаниями всем ослушникам этого папского повеления. Папа признал необходимость разрешить то, о чем его просили, и исполнил это буллой от 12 мая 1515 года. Только боязнь общего мятежа была способна принудить короля к этой мере, столь же позорной, сколь и чрезвычайной. Он был расположен действовать иначе,

Untitled

хотя ему и говорили, что инквизиторы лишь с явным нарушением закона могут вмешиваться в процессы по обвинению в содомии, потому что они карают виновных смертной казнью, хотя они и не повинны в ереси; но инквизиторы превращают это преступление в грех и присваивают себе право судить его. Король думал, однако, исправить свою политику, вводя в силу папское бреше от 28 января 1515 года, объявлявшее, что инквизиторы не подпадают под обвинение в каноническом беззаконии, присуждая к релаксации виновников этого проступка или всякого другого, постороннего ереси. Какую сообразность можно найти между подобным учением и учением, объявляющим виновным в беззаконии за отсутствие кротости священника, который даже в случае справедливой и сдержанной самозащиты законно убивает своего обидчика?

Глава XI Попытка реформы святого трибунала, сделанная кортесами Кастилии и Арагона. О важнейших событиях, происшедших при кардинале адриане, четвертом главном инквизиторе

Статья первая Требование реформы Кастилией

I. Никогда испанская инквизиция столько не рисковала быть упраздненной, как при главном инквизиторе Адриане, кардинале, епископе Тортосы, в первые годы царствования Карла V.

II. Когда этот юный монарх прибыл в Испанию, он склонялся упразднить инквизицию и был убежден, что, по крайней мере, следовало организовать ее судопроизводство, согласно нормам естественного права и по образцу всех остальных судов. Его наставник Гильом де

Untitled

Круа, герцог де Сора, маркиз д'Ариско, владетель Шевра (под этим именем он более известен), его великий канцлер Хуан Сельвахио и другие ученые юрисконсульты, пользовавшиеся его доверием, внушили ему это решение, получившее новую силу благодаря мнению нескольких коллегий и университетов Испании и Фландрии, с которыми молодой государь советовался.

III. В феврале 1518 года в Вальядолиде состоялось общее собрание кортесов королевства Кастилия, на котором представители нации заявили государю: "Мы умоляем Ваше Высочество {Титул Величество стали давать испанским королям с тех пор, как Карл V стал германским императором.} повелеть трибуналу святой инквизиции вести себя таким образом, чтобы соблюдалась справедливость; чтобы дурные люди наказывались, а невинные, охранялись от всякой несправедливости, сообразно святым канонам и нормам уголовного права, установленным для этой цели; чтобы избираемые судьи происходили из благородной расы, были людьми совестливыми, с хорошей репутацией и в возрасте, требуемом законами, и верными своему долгу, и чтобы епархиальным епископам было разрешено разделять их обязанности в пределах предоставленных им прав" {Королевская библиотека в Мадриде. Полка D. N 153, и реестр кортес В.}.

IV. Кортесы не ограничились этими средствами. Они послали канцлеру Сельвахио десять тысяч золотых дукатов и обязались подарить такую же сумму, когда просимый декрет будет приведен в исполнение {Сандовал. История Карла V. Т. I. Кн. 3. 10; Педро Мартир д'Англерш.

Untitled

Книга писем. Письмо 620.}. Король ответил, что будет наблюдать за точным соблюдением справедливости и примет нужные меры для уврачевания зла, на которое жаловались кортесы. Вследствие этого король обязал кортесы расследовать подробно все происшедшие злоупотребления и наметить средства, которые, по мнению кортесов, более всего годны для их прекращения.

V. Когда вальядолидское собрание закончило свои труды, Карл созвал собрание кортесов Арагона в Сарагосе, куда он отправился в сопровождении канцлера Сельвахио. Тот заготовил проект королевского указа, который должен был быть опубликован по просьбе кортесов королевства Кастилия. Он состоял из тридцати девяти статей. В них были урегулированы организация святого трибунала, возраст, качества, жалованье судей и второстепенных служащих и формы судопроизводства.

VI. Результат нового кодекса был таков:

1. Более не будет происходить ни одного судебного преследования в порядке службы, и свидетелям, приглашенным для дачи показаний по делу, не будут предлагаться общие вопросы для получения ответов насчет других лиц.
2. Каждый доносчик будет подвергнут критическому рассмотрению по правилам, установленным в указе, чтобы узнать мотив доноса и понять, как следует поступить с доносом.
3. Приказ о заключении в тюрьму может быть дан лишь при участии епархиального епископа и юрисконсультов, и только после того, как последние сами подвергнут новому допросу каждого свидетеля.

Untitled

4. Тюремны будут доступны для посетителей, чисты и удобны, одним словом, они будут домами предварительного заключения, а не застенками, как места, предназначенные для наказания преступников.
5. Узники будут иметь возможность свидания со своими родственниками, друзьями, защитниками и всеми интересующимися их участью.
6. Узники могут избрать себе адвоката и доверенного попечителя.
7. Обвинение будет им сообщаться быстро, с обозначением времени и места, когда свидетели дали свое показание относительно совершения узниками преступления, для того чтобы арестованные имели ясное представление о своем деле.
8. Если обвиняемые потребуют копию осведомления с именами свидетелей, она будет выдана им, как и допрос прокурора.
9. Когда улики и все показания будут получены, их сообщат обвиняемым в полном виде, без всякого изъятия, ввиду того, что в настоящее время нет лиц достаточно могущественных, которые могли бы внушать страх свидетелям, кроме случаев, когда к суду будут привлечены герцог, маркиз, граф, епископ или лицо, облеченное каким-либо другим церковным саном.
10. В указанных в предыдущей статье случаях, когда понадобится скрыть от обвиняемых имена свидетелей, будет составлен особый акт, в котором судья заявит под присягою, что он в душе и перед Богом считает это средство необходимым для устранения смертельной опасности, которая угрожает свидетелям, что, однако, не

Untitled

должно повлечь за собою ущерба для права обвиняемого апеллировать против этой меры.

11. Если будет сочтено необходимым употребить пытку, она будет применена умеренно, не прибегая ни к одному из жестоких изобретений, какими пользовались до сих пор.

12. Она будет применяться только один раз в том, что лично касается обвиняемого; никогда она не будет употребляться для получения от него сообщений о других лицах, привлеченных к суду, причем пытка допускается только в тех случаях и относительно тех лиц, о которых упомянуто в законе.

13. Окончательные приговоры и даже частные определения суда подлежат праву апелляции в том, что касается их двойного действия.

14. Когда приступят к предварительному судебному разбирательству, стороны и их защитники могут присутствовать при пересмотре процесса и требовать, чтобы он был зачитан в их присутствии.

15. Если улика преступления окажется неустановленной, узники будут освобождены и не будут подвергнуты наказанию как заподозренные.

16. Если обвиняемый потребует своего оправдания присягой, ему предоставят свободу избрать свидетелей и говорить с ними наедине, причем происхождение от евреев не будет служить препятствием к их допущению.

17. Отвод свидетелей будет дозволен; если кто-либо из свидетелей обвинения будет изобличен в даче ложного показания, он будет наказан по закону возмездия (*loi de talion*), согласно узаконению, изданному Фердинандом и Изабеллой в начале их царствования.

Untitled

18. Когда обвиняемый будет примирен с Церковью, нельзя будет более ни арестовывать, ни преследовать его по делам, в которых он в свое время не сознался, потому что следует исходить из того, что он забыл то, о чем не упомянул в свое время.

- 19. Никто не может быть потревожен и заключен в тюрьму по простой презумпции о ереси, имеющей основанием лишь то, что он воспитан среди евреев или еретиков.

20. Из церквей выбросят все санбенито, и эти одежды не будут более носиться на улицах.

21. Кара пожизненного заключения (В тюрьме будет упразднена, потому что там умирают с голоду и не могут служить Богу.

22. Статуты, недавно установленные некоторыми монахами и монахинями, о недопущении в их монастыри мужчины или женщины, происходящих от новохристиан, будут считаться недействительными, так как Бог не делает никакого различия по рождению; эта мера открыто оскорбляет божеский и человеческий закон.

23. Когда будет решено заключить в тюрьму оговоренного, то составляется опись его имущества; оно не будет ни секвестровано, ни продано.

24. Заключенному предоставляется право пользования имуществом во время задержания, точно так же его жене и детям; заключенный может распоряжаться имуществом для подготовки средств защиты перед инквизицией.

25. Когда человек будет осужден, его дети наследуют имущество согласно предписаниям свода Семи частей (Las Siete Partidas) Альфонса Мудрого.

26. Никакого дарения за счет его имущества не может

Untitled

производиться до тех пор, пока оно не будет окончательно конфисковано, чтобы воспрепятствовать получившим дар выступать против обвиняемых для их осуждения и ограбления.

27. Во всем будут сообразоваться с духом и буквою святых канонов, с уголовным правом Церкви, как при способах ведения дел против обвиняемых, так и при окончательном приговоре, не обращая внимания ни на какой другой обычай, инструкцию или частную форму, соблюдавшуюся доселе.

28. Короля буду просить о получении от папы буллы для облегчения исполнения этих мероприятий.

29. В ожидании изготовления этого документа король благоволит повелеть инквизиторам сообразоваться со всеми этими постановлениями в тех процессах, которые уже начаты, а также в тех, которые могут случиться до этого времени, ввиду того, что все, здесь принятое, справедливо и согласно с законом {В Летописи испанской инквизиции, т. II, гл. 12, под 1518 годом, Я поместил полную буквальную копию этого проекта указа.}.

VII. Этот превосходный закон не был приведен в исполнение, потому что до его опубликования канцлер Сельвахио умер в Сарагосе в самый решительный момент своего торжества, а кардинал Адриан настолько переменил образ мыслей и настроения Карла V, что король стал страстным покровителем инквизиции, как это показывают многие события его царствования, которые я изложу впоследствии.

Статья вторая Требование реформы Арагоном

I. 9 мая 1518 года в Сарагосе Карл V присягнул уважать

Untitled

привилегии и соблюдать обычаи арагонцев, в частности резолюции, принятые кортесами Сарагосы, Тарасоны и Монсона, и, следовательно, не разрешать инквизиторам начинать никакого дела по обвинению в ростовщичестве.

II. Новое собрание кортесов было созвано в Сарагосе в конце 1518 года и в начале следующего. Здесь кортесы Арагона доложили королю, что конкордат кортесов Монсона от 1512 года (подтвержденный папою 1 декабря 1515 года) не достаточен для устранения всех злоупотреблений, чинимых инквизиторами. Поэтому они просили Его Величество прибавить к нему тридцать одну новую статью, принятую и представленную ими. Эти статьи почти ничем не отличались от статей королевского указа, заготовленного для инквизиции Кастилии.

III. Король, обсудив их представление в своем совете, ответил, что "он желает, чтобы в отношении всех представленных ему пунктов согласовались со святыми канонами, указами и декретами святого престола, не позволяя себе ничего противного им. Если представятся затруднения, сомнения или соображения, требующие разъяснения, то для получения их пусть обратятся к папе. Если кто-нибудь решит привлечь к ответу инквизитора, обвинить и донести на него как на повинного в злоупотреблении при исполнении обязанностей, он может это сделать, обратившись к главному инквизитору, который выскажется по всей справедливости, посоветовавшись с незаподозренными судьями и членами совета и выслушав заинтересованные стороны. Если расследование и наказание преступления, на которое поступил донос, будут исходить от светского судьи, король примет меры, чтобы

Untitled

правосудие было хорошо и быстро совершено и чтобы виновные подверглись справедливому наказанию за их проступки, для того чтобы их наказание удержало других в границах долга. Он обязуется присягой заставить соблюдать и самому соблюдать приказание и заявление, обращенное им к собранию, а также и статьи, которые папе угодно будет присовокупить к предложенному уже кортесами. Он обещает также под присягою никогда не просить, чтобы его освободили от данного им обещания; а если подобное освобождение будет дано, он не сделает из этой льготы никакого употребления, потому что он отныне отрекается от всех прав, которые могут быть ее последствием".

IV. Этот ответ Карла V уверил кортесы Арагона, что он даровал им все, о чем они просили; во всяком случае, это обозначало, по-видимому, обещание заставить соблюдать святые каноны. По их мнению, этого было совершенно достаточно, для того чтобы все процессы впредь производились, согласно этой резолюции государя, как в других церковных судах.

V. Убежденные, что такова была мысль короля, кортесы решили засвидетельствовать ему свою признательность добровольным денежным даром, схожим с тем, который предлагали государю в других случаях. Способ добыть эту сумму состоял в разрешении продавцам съестных припасов обвешивать покупателей, чтобы передать стоимость недovesков деньгами агентам государственной казны. Эта мера была введена позднее в Кастилии, где принесла много огорчений мелким потребителям.

VI. Много событий произошло, прежде чем конкордат был

Untitled

одобрен папой. Император написал, наконец, из Короньи 22 апреля 1520 года следующее письмо своему послу в Риме дону Хуану де Мануэлю, владельцу Бельмонте: "Относительно происшедшего на собрании кортесов Арагона будет достаточно, если Его Святейшество соизволит одобрить акт, посланный Луису Карросу, а потом Херонимо Вику, и написанный собственноручно достопочтенным кардиналом Тортосы и великим канцлером, - без всякого толкования и расширения, о чем я много раз писал и о чем настойчиво просил".

VII. Арагонцы, не веря уже в возможность получения одобрения конкордата, просили главного инквизитора приказать инквизиторам Сарагосы немедленно согласовать свои действия с постановлениями конкордата, следуя письменному обещанию и присяге, данным со стороны короля кортесам. Им вовсе не следовало ждать подтверждения или особой декларации от папы, потому что эти постановления почти целиком содержатся в конвенции 1512 года, которую папа одобрил 12 мая 1515 года; не было поэтому надобности в новой булле для подтверждения того, что исполнение обещаний и клятв короля имеет полную силу.

VIII. С этим можно было согласиться. Поэтому кардинал Адриан не встретил никакого затруднения в исполнении этой просьбы и 6 июля 1520 года написал об этом инквизиторам. Они ответили, что, прежде чем повиноваться, они должны получить приказ короля. Карл послал 3 августа указ, в котором заявлял, что обещал и присягнул исполнить все, содержащееся в конкордате кортесов Сарагосы предшествующего года, и приказывает

Untitled

исполнение его, согласно своему обещанию, подтвержденному присягою, чтобы устранить известные злоупотребления и беспорядки, породившие серьезные жалобы.

I.. Наконец булла, подтверждающая все действия кортесов, появилась 1 декабря 1520 года. В ней были помещены установленные статьи, вместе с ответом Карла V. Булла оканчивалась такими словами: "Нам заявлено, что все предложения основаны на достоверных актах; это побудило государя смиренно умолять нас об одобрении и подтверждении его приказа и декларации, его обещания и самоотречения, и о содействии силою нашей апостольской власти всему, что следует еще сделать. Вследствие этого, признавая находящееся здесь и буквально выраженное содержание помянутых актов, помещенных здесь нами, и желая удовлетворить обращенную к нам просьбу, мы одобряем и подтверждаем этим посланием, в силу нашей апостольской власти и точного ознакомления с предметом, означенные повеление, декларацию, обещание и привилегию в отношении как того, что они содержат по существу, так и того, что из них вытекает, добавляя также, чего им может не хватать, во избежание могущих произойти неправильностей юридических и фактических; мы постановляем относительно предложенных статей в целом и каждой статьи в частности, что нерушимо должны быть соблюдаемы святые каноны, указы и декреты святого престола и что, если главный инквизитор, или назначенные инквизиторы, или даже прочие служащие трибунала, теперешние и будущие, поступят вопреки установленному в означенных статьях или откажутся, когда от них

Untitled

потребуется, отменить то, что сделали вопреки их смыслу, они по справедливости подвергнутся отлучению, отрешению от должности и будут объявлены навсегда неспособными к занятию их".

X. Король 18 января 1521 года велел опубликовать папскую буллу и привести ее в исполнение. Депутаты представительной хунты королевства потребовали 13 февраля от инквизиторов согласовать свое поведение с приказаниями папы и с большой пышностью обнародовали буллу.

XI. Тем не менее вскоре оказалось, что эта публикация не может иметь никакого действия, потому что обещание короля сводилось к тому, чтобы в отношении каждой статьи точно соблюдались святые каноны и апостолические указы, но, соблюдая в точности каноны и указы, тем самым уже исполняли буллу 1515 года, которая была самым недавним указом.

XII. 21 января 1521 года император приказал выпустить на свободу секретаря кортесов. Хотя главный инквизитор постановил 21 апреля 1520 года, что он подвергается релаксации, и инквизиторы Сарагосы уведомили об этом узника, последний не захотел выйти из тюрьмы и утверждал, что декрет, повелевающий выпустить его на свободу и содержащий слово *relajado* (*relaxatus*, ослабленный, освобожденный), клонится скорее к тому, чтобы выдать его за виновного, чем доказать его невинность. Ответ, достойный арагонца, исполненного чувства чести и мужества.

Статья третья Требование реформы каталонией

I. В то время как это происходило в период заседаний

Untitled

кортесов Арагона, собравшихся в Сарагосе, подобные же дебаты имели место и в Каталонии. Король созвал особое собрание кортесов княжества Каталония, чтобы дать присягу в соблюдении привилегий провинции. Эта формальность была исполнена в Барселоне в 1519 году. Каталонцы, осведомленные о действии, произведенном требованиями кортесов Арагона" также пожелали потребовать устранения некоторых злоупотреблений, совершавшихся в их инквизиции, в отношении налогов и общественных повинностей, а также в делах ростовщичества, содомии, двоеженства, некромантии и некоторых других проступков в этом роде. Они представили, что меры, принятые генеральными кортесами Монсона и Лериды в 1510 и 1512 годах, были недостаточными для их уничтожения, хотя резолюции этих собраний были подтверждены папой не только в булле от 12 мая 1515 года, полученной ара-гонцами, но и в другой особой булле в августе 1516 года, которой папа повелевал, чтобы булла, данная Арагону, имела силу закона и в Каталонии.

II. Король, выслушав требования кортесов Барселоны, ответил почти то же, что и кортесам Сарагосы, и написал папе, прося подтверждения статей, на которые он согласился. Папа одобрил их буллой от 1 сентября 1520 года, в которой говорил, что "по всем пунктам, касающимся предприятий инквизиции, впредь необходимо сообразовываться со святыми канонами и указами святого престола, не позволяя себе ничего противного им; если относительно статей конкордата представится какое-либо затруднение, которое потребует толкования и разъяснения,

Untitled

обратятся к Его Святейшеству, который их даст; король Карл одобрит апостолическую декларацию и употребит всю свою власть для ее соблюдения; относительно беззаконий, совершенных некоторыми слугами инквизиции, на которых ему жаловались на собрании в Каталонии и которые государь приказал устранить, главный инквизитор имеет право расследовать их самолично с незаподозренными членами совета и, выслушав стороны, воздать каждому должное. Для предупреждения, насколько возможно, подобных беспорядков заявляется, что человек, связанный с другим в каком-нибудь деле, гражданском или уголовном, и назначенный потом членом инквизиции, не будет из-за этого изъят из церковной или светской юрисдикции своего прежнего судьи по делам, которые неподсудны инквизиции, а тем более он не может на этом основании отклонять светскую или церковную юрисдикцию и обращаться к судьям трибунала инквизиции; наоборот, по всякого рода проступкам, совершенным до получения должности в инквизиции или после этого и ничуть не задевающим область веры, он будет судим светскими судами, перед которыми заинтересованные стороны будут вести тяжбу до окончательного приговора, причем никакой протест и никакой отклоняющий акт не может остановить обычного хода правосудия". Папа прибавлял: "Король обещал под присягой, при полном знакомстве с делом, соблюдать и заставить соблюдать все статьи конкордата в общем и каждую из них в частности, как и все другие пункты, постановленные кортесами относительно срока давности имущества еретиков и по другим вопросам; кардинал дал такое же обещание и принес такую же

Untitled

присягу во всем, относящемся к этим вопросам, с одобрения и соизволения святого престола, доказательство чего имеется в нескольких письмах и достоверных документах. Согласно всем этим доводам, король Карл и королева Хуанна смиренно умоляли нас соблаговолить одобрить и подтвердить, в силу нашей апостольской власти, пункты, заявленные, решенные, постановленные, прибавленные, условленные и обещанные, как необходимые для спокойствия их государств, и благостно повелеть все мероприятия, которые покажутся нам подходящими при теперешних обстоятельствах. Так как мы принимаем близко к сердцу спокойствие всех королевств, признав содержание вышеупомянутых деклараций, декретов, указов, привилегий и обещаний и намереваясь удовлетворить просьбу короля и королевы, мы одобряем и подтверждаем, с полным знанием дела, в силу апостольской власти, настоящим посланием все пункты в общем и в частности, которые главный инквизитор, а затем король Карл заявили, решили, постановили, прибавили, условились и обещали, каким бы то ни было образом, в делах, о которых идет здесь речь, сообразно тому, поскольку они относятся к каждому из вопросов, высказанных в означенных актах или обязательствах, а также и то, что следует из них, заменяя то, что могло в них попасть из юридических и фактических неправильностей".

III. Так говорил папа в своей булле. Но Карл не дожидался, пока она появится; он уже думал о приказании исполнить все, что обещал под присягой. Это доказывает приказ, отправленный им 9 апреля 1520 года дону Диего де

Untitled

Мендосе, своему наместнику в Каталонии. Вопреки этому распоряжению король заявляет в письме к наместнику, что он дал эти обещания вследствие назойливости некоторых людей и представителей городов, находившихся среди кортесов.

IV. 22 апреля он писал своему послу дону Хуану де Мануэлю, что он никогда не подписался бы под резолюциями собраний Сарагосы и Барселоны, если бы не торопился уехать в Германию.

V. Однако известно, что впоследствии он несколько раз отдельными указами рекомендовал исполнение всех этих мероприятий, в частности указом от 16 января 1554 года.

Статья четвертая Интриги в Риме

I. В то время как ожидалось подтверждение конкордатов Арагона и Каталонии, среди арагонцев произошли столь ужасные события, что папа был готов нанести смертельный удар инквизиции. Они заслуживают изложения, хотя слабость Льва X, уstraшенного политикой Карла V, оставила гидру такой же страшной и сильной, какой она была прежде.

II. Хуан Прат, секретарь кортесов Арагона, редактировал протокол предложения представителей и ответа короля, чтобы послать их папе и просить у него подтверждения условленных статей, а также требуемые декларации.

Канцлер короля сделал со своей стороны то же.

III. Это выступление особенно не понравилось инквизиторам Сарагосы. Они думали, что их авторитет погибнет, если резолюции кортесов будут поддержаны и если папа коротко и ясно повелит исполнить предложенные статьи.

Untitled

IV. Для устранения опасности, которая, как они думали, им угрожает, инквизиторы начали интриговать перед королем, и им вскоре удалось восстановить его против депутатов Арагона. Это несогласие существовало в течение четырех или пяти лет; пока оно продолжалось, ни одна резолюция кортесов не была исполнена.

V. Инквизиторы разузнали, что секретарь собрания Арагона Хуан Прат редактировал акт, который он должен был послать в Рим, чтобы представить ответ короля обязательным не только по буквальному смыслу слов, но и в предположении, что он принял предложенные статьи как согласные с уголовным правом. Таким образом, нужны были только подтверждение и декларация папы, в которых они не позволяли себе сомневаться, так как знали, что кортесы Арагона открыто поддерживаются в Риме несколькими кардиналами, которым кортесы вручили значительные денежные суммы.

VI. Карл собирался покинуть Сарагосу, чтобы отправиться; в Барселону в сопровождении кардинала Адриана, когда инквизиторы послали кардиналу с нарочным курьером бумаги, в которых были рассказаны все эти подробности. Инквизитор сообщил их королю и получил от него разрешение послать инквизиторам Сарагосы приказ произвести дознание, чтобы увериться в действительности рассказанных фактов; в случае утвердительного ответа они были уполномочены арестовать секретаря Прата и привлечь его к суду. Все вышло так, как желали инквизиторы, и Карл предписал своему послу, отправляя ему достоверную копию изложения фактов, составленного канцлером, остановить выпуск буллы или, по крайней

Untitled

мере, замедлить окончание этого дела насколько возможно, а особенно постараться, чтобы папские буллы были отредактированы в смысле изложения канцлера, а не секретаря арагонских кортесов Прата.

VII. Прат был арестован 5 мая 1519 года по приказу инквизиторов Сарагосы. На другой день король написал папе, прося не выпускать буллы; он писал также нескольким кардиналам, чтобы они сооблаговостили послужить ему в этом деле. Был вопрос о переводе узника в Барселону.

Постоянная депутация (она представляла тогда арагонский народ в промежутке от одного собрания кортесов до другого) написала королю, что эта мера противоречит статутам, которые он присягнул охранять. Она не ограничилась этим протестом, а сочла необходимым созвать новые кортесы или, по крайней мере, третье сословие [456] и, в согласии с теми членами, которые представляли дворянство, написала королю, излагая опасные последствия от перевода секретаря Прата, верность и порядочность которого всем известны и были особенно отмечены на нескольких собраниях кортесов в царствование Фердинанда; для предупреждения их депутация говорила с инквизиторами, которые, признавая опасность, угрожавшую им и трибуналу инквизиции, обещали приостановить исполнение полученного приказа об отправке секретаря кортесов в Барселону. Депутация умоляла соизволить вернуть Прату свободу не только потому, что считала его невиновным, справедливым, верным и лояльным, но также и потому, что без этой меры нельзя было осуществить сбор налога, декретированного

Untitled

напоследок в качестве подарка, подносимого королю, обеспечить вычет из него на приданое португальской королеве, а также на расходы по ее бракосочетанию и коронации. Король велел приостановить перевод узника, но не пожелал разрешить выпустить его на свободу.

VIII. Депутация кортесов послала уполномоченных в Барселону, чтобы дать понять, что поднесение королю денежного подарка носит условный характер. В то же время она созвала третье сословие. Когда Карл узнал об этом, то приказал распустить собрание. Последнее ответило, что короли Арагона не имеют права применять эту насильственную меру без согласия народа. Оно декретировало в качестве репрессивной меры, что налог не будет собираться, и 30 июня того же года <нова потребовало от римской курии подтверждения статей, постановленных на собрании Сарагосы.

IX. Лев X был тогда не в ладах с испанской инквизицией вследствие ее отказа принять некоторые запретительные бреве в трибуналах Толедо, Севильи, Валенсии и Сицилии. Забывая, что он должен быть особенно предупредителен и внимателен к Карлу (который 28 июня того же года был избран в германские императоры), папа решил преобразовать инквизицию, обязывая ее подчиниться всем нормам и распоряжкам уголовного права.

X. Вследствие этого он выпустил три бреве: одно для короля, другое для кардинала - великого инквизитора, третье для инквизиторов Арагона. Сказав несколько слов о главной цели бреве, папа повелевал отрешить инквизиторов от должности, а епископам и их капитулам

Untitled

представить главному инквизитору двух каноников, из которых главный инквизитор выберет одного. Папа прибавил, что выбор будет подтвержден святым престолом и что эти новые инквизиторы через каждые два года будут подвергаться судебной проверке по формам обычного права.

XI. Депутаты получили папское бреве 1 августа и тотчас потребовали от инквизиторов, чтобы они сообразовались с тем, что к ним относится. Те отвечали, что подождут распоряжения своего непосредственного начальника.

Король написал своему дяде дому Альфонсо Арагонскому, архиепископу Сарагосы, чтобы он вошел в соглашение с депутатами, и в то же время отправил чрезвычайного посла в Рим просить об отмене бреве. Арагонцы обещали тогда выплатить налог, обещанный королю, если он даст свободу секретарю Прату, чтобы их не обвиняли, будто они более скупы, чем верны своему слову. По существу же дела они заявили, что не допустят никакого предложения, которое противоречило бы тому, что было обещано королем под присягою.

XII. Карл наметил подробно своему послу предметы, о которых надлежало говорить с папой. Он поручил послу, например, сообщить папе, что произошло на собрании кортесов в Кастилии, но хранить абсолютное молчание о важнейших обстоятельствах и уверить Его Святейшество, что с момента вступления кардинала Адриана в должность главного инквизитора инквизиция не подавала повода ни к одному протесту. Однако в Риме было хорошо известно, что в действительности дело обстояло вовсе не так, ибо много жалоб доходило до папы. Карл приказал также

Untitled

своему послу просить, чтобы не издавалось более бреве об изъятии из церквей санбенито и о запрещении носить их на улицах, потому что его деду предлагали за это триста тысяч золотых дукатов, но тот отказался; а в прошлом 1518 году сильно роптали на Его Святейшество за то, что он приказал удалить санбенито одного из убийц Арбуеса из соседства с его гробницей, где оно висело рядом с санбенито других убийц, причем исполнитель этого приказания через несколько дней умер. Народ увидел в этом небесное наказание.

XIII. Видя, какую важность император придавал этому делу и какую он проявлял настойчивость, папа прибег к столь знакомым и столь часто употребляемым римской курией средствам: он запутал самые простые вопросы и лишил истину ее очевидности. 21 октября папа писал кардиналу Адриану, что, хотя он вполне осведомлен обо всем и действительно решил удовлетворить требования кортесов, он не поведет дела дальше без согласия короля, которому обещал не вводить новшеств. Папа поручил кардиналу наблюдать тщательно за событиями, потому что до него ежедневно доходят из всех частей королевства серьезные жалобы на жадность и несправедливость инквизиторов.

XIV. Папское брeве сильно не понравилось (как и следовало думать) депутатам Арагона. Однако они продолжали свои настояния в Риме с такой энергией, что их кредит заставил колебаться даже могущество Карла V. Если кортесам не удалось получить от папы резолюций, благоприятных для расширения, которое они желали дать статьям, принятым на собрании кортесов, они, по крайней мере, воспрепятствовали отмене (о чем так сильно

Untitled

хлопотал император) трех папских бреве, преобразовавших инквизицию, так что Карл принужден был удовольствоваться тем, которое было адресовано кардиналу Адриану 21 октября, вопреки много раз дававшемуся папой обещанию отменить бреве, имеющие своим содержанием реформу.

XV. Об этом деле у меня имеется собрание писем испанского посла к Карлу V и некоторых других испанских агентов короля и инквизиции. В них раскрывается масса интриг обоих дворов.

Из писем видно, каким образом велись переговоры в Риме и какую выгоду умели извлекать из дел, не находившихся ни в какой связи одно с другим, для достижения цели, которой не могли бы добиться без этих непредвиденных обстоятельств. Я ограничусь приведением некоторых из них, чтобы не выйти из предначертанных себе границ.

XVI. Дон Хуан де Мануэль, владетель Бельмонте, посол Карла V при папе, пишет государю 12 мая 1520 года, что Его Величеству следовало бы отправиться в Германию и оказать благосклонность некоему брату Мартину Лютеру, пребывающему при саксонском дворе, потому что он внушает сильнейшую тревогу верховному первосвященнику необычайными вещами, которые он проповедует и публикует против папской власти; этот монах слывет очень ученым и причиняет много затруднений папе.

XVII. В другом письме, от 31 мая, он говорит: "Что касается дел Льежа [457], то папа, по-видимому, очень сильно недоволен, потому что ему донесли, что епископ благоприятствует брату Мартину Лютеру, который

Untitled

проповедует в Германии против папской власти; он также настроен против Эразма [458], который находится в Голландии, и по той же причине... Я говорил, что здесь жалуются на епископа Льежа по поводу Лютера, который представляет больше затруднений, чем было бы желательно". Немного далее, говоря о делах инквизиции, посол выражается следующим образом: "Папе адресуют доклады, неблагоприятные для инквизиции; он говорит, что там творится страшное зло. Я ему дал понять, что Его Святейшество осведомлено врагами инквизиции о происходящем, но что не следует ни верить им, ни одобрять их. Папа возразил: все, что ему известно, было сообщено ему испанцами, достойными доверия. Я отвечал, что здесь находятся люди, о которых говорят, будто они дали деньги придворным особам Его Святейшества и считаются важными лицами, потому что сорят деньгами, но что я убежден, что добросовестные и образованные испанцы будут говорить Его Святейшеству в противоположном смысле. Наконец, ему кажется, что инквизиторы творят много зла и что Ваше Величество не должны этого позволять. Я полагаю, что здесь не думают, чтобы государи прилагали столько усердия к учреждению инквизиции из ревности по вере, такой чистой, как у Вашего Величества".

XVIII. Эта частность заслуживает сопоставления с другой, которую я читаю в письме от 5 июня 1522 года, в котором тот же министр (отдав отчет королю в попытке, сделанной Арагоном и Кастилией для получения от церковного суда [459] приговора против конфискации имущества обвиняемых, которые сознались или сознаются

Untitled

добровольно в ереси и будут оправданы) прибавляет: "Мне говорят, что, если эта мера пройдет, как надеются, Вашему Величеству придется выплатить более миллиона дукатов, полученных таким образом. Я имею об этом сведения от епископа Алжира {Этим епископом Алжира был дом Хуан де Лойаса, испанец, пребывавший тогда в Риме в качестве главного агента испанской инквизиции, которая платила ему значительное жалованье.} и от некоторых других слуг Вашего Величества; я очень старался, чтобы подождали возвращения папы, и добился этого с огромным трудом". XIX. В письме от 12 мая 1520 года, о котором я говорил, посол дает знать королю, какие кардиналы имеют влияние на дела, и между прочим отмечает, что "кардинал Сантискватро - человек очень искусный в извлечении выгод в интересах своего господина, в выпуске булл и других актов этого рода" - и это дало ему возможность снискать большое благоволение Его Святейшества". Лицо, названное здесь кардиналом Сантискватро, есть Лоренцо Поцци, уроженец Флоренции [460], кардинал церкви Четырех святых мучеников [461]. XX. 27 июня он писал об этом кардинале: "Сантискватро хорошо понимает исполнение церковных дел; он многое может сделать, потому что он вытягивает денег, сколько может, для своего господина и для самого себя; но он уполномочен папой действовать только на этом условии, и он умеет пользоваться им, как ловкий человек. Король Португалии ежегодно платит ему, и за это (хотя он полагает, что ему нечего получить для себя в этом королевстве) он готов сделать все, что захочет государь. Дела государя здесь на хорошем счету, и мне кажется, что

Untitled

Ваше Величество поступили бы правильно, если бы тоже использовали этого кардинала. Кардинал Анконы {Пьетро де Акольтис, из Ареццо [462], епископ Анконы, кардинал-диакон церкви Св. Марии за Тибром [463].} человек очень ученый и враг Сантискватро; ему поручены дела правосудия. Он может быть полезен, будучи весьма расположен к службе Вашему Величеству; но он слывет за такого же большого вора, как и его собрат".

XXI. В другой депеше, от 2 октября 1520 года, в связи с медлительностью римской курии в деле отмены, согласно ее обещанию {См. бреве от 12 октября 1519 года.}, трех бреве о реформе посол уверяет короля, что "деньги многое могут".

XXII. 12 октября он писал королю о том же деле: "Все-таки мне передают, что в делах, касающихся инквизиции, деньги есть то средство, с помощью которого можно влиять на кардиналов... Добрый человек мне сказал, что папа держит в своих руках буллы, относящиеся к делам Арагона и Каталонии, потому что Его Святейшество надеется, что Луис Каррос достигнет у Вашего Величества того, что вы соблагovolите удовлетвориться буллою, полученною в этих двух странах против инквизиции; если дело пойдет так, папа получит сорок шесть или сорок семь тысяч дукатов и более не будет речи о других буллах".

XXIII. Предвидели последствия, какие могли произойти по делу о трех буллах, от избрания нового папы в случае смерти Льва X. Дон Хуан де Мануэль (который писал королю 27 июня 1520 года, что не следует оставлять дольше в Риме дона Херонимо Вика де Валенсия, бывшего посла, брата кардинала Вика) говорил: "Дон

Untitled

Херонимо Вик не думает уезжать отсюда. Я передаю Вашему Величеству странное известие: этот человек остается в Риме (согласно тому, что он говорил своим друзьям) для содействия избранию своего брата по смерти Льва X. Я вижу здесь больше, чем необдуманность, и должен обратить внимание Вашего Величества на то, что кардинал имеет репутацию честного человека, но неспособного к исполнению великих замыслов; если бы Херонимо уехал отсюда, ему можно было бы оказать услугу, когда произойдет то, чего он ожидает, потому что его брат подходит для кардиналов, которые будут им располагать по своему желанию; если же Херонимо останется здесь, все будут против него, потому что он слывет за большого лгуна и за человека, не заслуживающего никакого доверия".

XXIV. Карл V думал тогда казнить главных зачинщиков восстаний и гражданской войны, разразившейся в Кастилии, и поручить инквизиции наказать виновных. Он просил папу уполномочить кардинала Адриана на преследование судом принимавших участие в восстаниях священников, а в особенности епископа Саморы. Посол писал 31 мая 1520 года, что папа согласился на его просьбу, но что вместо суровых мер, которые Его Величество хотел употребить, "он просто поручил кардиналу наказать этих священников отлучением и гражданскими наказаниями, не разрешая ему ни арестовывать их, ни судить судом инквизиции; эта политика одобряется в Риме, и на выдачу их святому трибуналу посмотрели бы как на беззаконие". Папское бреве датировано 11 октября.

Untitled

XXV. В нем говорится о том, что главная забота пастырского служения состоит в возвещении мира людям и в установлении согласия между ними; узнав, что некоторые испанские священники, не будучи верны этому принципу и не делая его правилом своего поведения, возбуждают мятежи и доводят народ до междоусобной войны, папа поручает главному инквизитору Адриану наказать их.

XXVI. В другом письме посла, от 16 марта 1521 года, находится следующее: "Я уже заметил Вашему Величеству, что папа нисколько не сомневается, что епископ Саморы заслуживает лишения своей епархии; но он полагает, что необходимо его судить и для этого выслушать свидетелей-очевидцев. Это побудило меня просить (как я писал Вашему Величеству), чтобы это дело было поручено одному или двум кардиналам, которых я поименую, чтобы кардинал Тортосы [464] и нунций были назначены для принятия наказаний". 19 июля 1521 года кардиналу было послано брeve по предмету, о котором говорило это письмо; но дон Франсиско Ронкильо, королевский и придворный судья, рассматривая епископа как уже лишённого привилегий, присудил его к смертной казни как виновного в измене и велел казнить так скоро, что о его смерти узнали одновременно с его процессом. Правда, что судья был отлучен кардиналом Сантискватро, апостолическим комиссаром по этому делу, но потом разрешительное брeve все это дело уладило. Следует заметить, что этот документ снимал также анафему с императора, как будто он подвергался отлучению, одобряя поведение судьи.

XXVII. В другом письме, от 25 сентября 1520 года, в

Untitled

котором идет речь о буллах на некоторые бенефиции, которые Карл V просил для сына Хуана Гарсии, секретаря инквизиции, он сообщал государю, что (согласно словам кардинала Анконы) дело может состояться лишь после предварительного аннулирования булл, выданных в пользу одного монаха, жившего тогда в Венеции, против которого можно действовать, когда он вернется в Рим и ответит на выставленные против него обвинения по приказу Его Величества. Посол продолжал так: "Я не знаю, что ответит монах; все говорят, что он еврей. Но если это даже правда, то это не так существенно; здесь на подобное не смотрят особенно строго". Довольно пикантно, что римская курия совсем не считается с тем, что монах еврей, тогда как испанская инквизиция получает приказ действовать с такой суровостью против подобных случаев.

XXVIII. Наконец почти смешно видеть, какие средства употребляет папа, чтобы обойти отмену трех бреве и отвлечь внимание Карла V. Его посол говорит в письме от 31 мая 1520 года, что папа на этот счет дал понять, будто согласится на отмену, вопреки противоположному мнению некоторых членов совета.

XXIX. 28 июля император писал Его Святейшеству, снова прося об отмене: "Я ходатайствую о ней со всем возможным стремлением и желанием заставить прекратить ропот и подозрение некоторых людей, которые вопреки всякой истине верят и рассказывают по свету, что Ваше Святейшество и я в союзе между собою, чтобы извлечь побольше денег из этой буллы". 25 сентября дон Хуан де Мануэль сообщал ему: "Хотя Его Святейшество более двадцати раз обещал мне буллу, он теперь говорит,

Untitled

что не может выпустить ее, потому что его уведомили, что император будет доволен, если будет проведена реформа святого трибунала, хотя, судя по его письмам, можно прийти к противоположному мнению. Это объясняется тем, что в письмах говорит голос религии, так как некоторым лицам удалось породить в его совести совершенно необоснованные угрызения". По-видимому, действительно дон Луис Каррос, бывший до дон Хуана де Мануэля послом Карла V в Риме, распустил этот слух и конфиденциально условился с папою Львом X, что отмены булл не будет, пока он не известит Его Святейшество о принятии этой меры по возвращении из Испании. Кажется, что для улаживания этого соглашения сорок семь тысяч дукатов были обещаны Льву X этим министром, который тайно покровительствовал претензиям кортесов Арагона. Новый посол имел в виду этот договор, когда в письме от 2 октября говорил императору: "Мне кажется, дон Луис Каррос должен написать папе, каково истинное намерение Вашего Величества в этом деле, чтобы было очевидно, что вы имели и имеете желание, о котором я заявил от вашего имени. Было бы также удобно, чтобы было адресовано мне письмо в незапечатанном виде: все это и еще нечто другое необходимо, потому что здесь деньги могут многое сделать".

XXX. 12 декабря римская курия выставила новый предлог, чтобы мотивировать свой отказ. Дон Хуан де Мануэль пишет, что Его Святейшество сказал ему, что, так как булла о реформе не опубликована, бесполезно выпускать буллу об отмене ее и что он хочет объявить новым бреве в общих выражениях, что все, постановленное против

Untitled

инквизиции, не имеет силы и недействительно.

XXXI. 16 января 1521 года посол заявлял то же и более того, а именно, что папа обязался (если булла упразднена приказом короля) объявить о ее недействительности; если же она послана в Рим, как он об этом просил, то упразднить ее целиком и навсегда. Несмотря на эти торжественные уверения папы, ни новое бреве, обещанное им, ни какое-либо другое не появились. Лев X умер 10 декабря 1521 года. Булла о реформе, однако, не была исполнена, потому что император не разрешил ее опубликовать, как это видно из письма, написанного им из Гента инквизиторам Арагона 21 августа 1521 года, и потому, что сам папа сделал подобное же запрещение в бреве, адресованном главному инквизитору 12 октября 1519 года.

Статья пятая Громкие процессы и подсчет жертв

I. В то время как эти распри занимали умы, кардинал Адриан одобрил суровый образ действий провинциальных инквизиторов против лиц, привлеченных к суду, так как папа жаловался в бреве от 12 октября 1519 года, что они злоупотребляли исключительной добротой Адриана, к их позору и к стыду короля, кардинала и самого верховного первосвященника.

II. Согласно подсчету, установленному в четвертой статье восьмой главы на основании данных, представляемых севильской надписью, ограничиваясь самым умеренным результатом, мы увидим, что за пять лет управления Адриана в Испании было осуждено и наказано инквизицией двадцать четыре тысячи двадцать пять человек, а именно: одна тысяча шестьсот двадцать

Untitled

человек сожжено живьем, пятьсот шестьдесят фигурально и двадцать одна тысяча восемьсот сорок пять человек подверглись разным епитимьям. Это дает на каждый год триста двадцать четыре человека первого разряда, сто двенадцать - второго и четыре тысячи триста шестьдесят девять - третьего.

III. Если к этому периоду мы прибавим 1523 год, который можно считать междуцарствием до севильской надписи 1524 года, мы сможем установить, что в течение сорока трех лет службы четырех первых главных инквизиторов инквизиция погубила двести тридцать четыре тысячи пятьсот двадцать шесть жертв, из коих восемнадцать тысяч триста двадцать были сожжены живьем, девять тысяч шестьсот фигурально и двести шесть тысяч пятьсот сорок шесть были присуждены к епитимьям. Чудовищное количество, хотя оно уменьшено и значительно ниже истинного.

IV. Нельзя сомневаться, что среди этого множества осужденных были люди, имена и процессы которых заслуживали бы помещения в этой Истории. Но мне казалось более подводящим выбрать из массы несчастных жертв и передать только те процессы, которые прямее доказывают упорство инквизиторов в сокрытии от людского взора их поведения в тайне трибунала, а также постоянство римской курии в покровительстве апелляциям осужденных, являвшимся для нее изобильным источником богатств даже в тех случаях, когда эта мера была бесплодной.

V. Бернарде Кастелис, ассессор барселонской инквизиции, был убит; подозрения падали на Франсиско Бедерену,

Untitled

женатого клирика Урхельской епархии, который был арестован и заключен в секретную тюрьму святого трибунала. Считая себя обиженным инквизиторами, он обратился к папе, который поручил разобрать его дело Джироламо де Лымучиису, епископу Асколи, аудитору апостолической камеры [465]. Этот судья предписал инквизиторам отправить к нему обвиняемого; так как инквизиторы не подчинились этому, то он приказал архидиакону Барселоны и другим духовным лицам принудить их к этому путем церковных наказаний. В то же время инквизиторы просили папу отменить поручение Джироламо и разрешить отправить обвиняемого к кардиналу Адриану, чего они и достигли через бреве от 5 мая 1517 года.

VI. Небезынтересно знать, что в частном письме, адресованном кардиналу Адриану, папа говорил, что осведомлен, будто улики против Бедерены крайне несерьезны, подсудимый достаточно наказан пребыванием в тюрьме и было бы справедливо его освободить, потому что улики уголовного преступления должны быть яснее дневного света; если кардинал Адриан думает об этом иначе, то было бы хорошо, если бы он послал в Рим извлечение из процесса с приложением печати до обсуждения приговора. Между тем комиссары апостолического аудитора отлучили инквизиторов; те прибегли к папе, который аннулировал отлучение своим бреве от 9 августа, так как поручение аудитора было уже отменено, когда его делегаты произнесли отлучение. Главный инквизитор был извещен агентами обо всем этом и велел выпустить Бедерену на свободу после долгого и

Untitled

жестокого заточения.

VII. Поведение инквизиторов Валенсии по отношению к Бланкине, вдове Гонсальво Руиса, представляет картину, полную ужасов. Этой испанке шел восьмидесятый год; она всегда слыла за хорошую католичку. На нее, в столь преклонном возрасте, донесли инквизиции, что в детстве она делала нечто, заставляющее подозревать ее в иудаизме. Ее заключили в секретную тюрьму. Некоторые из ее родственников обратились к папе и пожаловались на медленное ведение процесса. Папа приказал немедленно приступить к следствию и к окончательному приговору. Его приказ не был исполнен; тогда он 4 марта 1518 года перевел дело в Рим и поручил разбор его дому Луису, епископу Лавальи, коадьютору епархии Валенсии, и Ольфио де Проепте, канонику его церкви, рекомендуя выпустить из тюрьмы эту почтенную женщину и поместить ее в монастыре, где она будет пользоваться уходом, снова расспросить свидетелей, взять себе писцов и прокурора, избрав их вне инквизиции, разрешить Бланкине выбрать себе попечителя и доверенного адвоката и судить обвиняемую. Узнав об этом, инквизиторы не стали терять времени и осудили Бланкину как заподозренную раньше получения папского декрета. 18 мая 1518 года они получили от Карла V письмо к послу дону Луису Карросу. Министр должен был просить папу от имени императора одобрить поступок инквизиторов, говоря, что приговор был крайне мягок, так как судьи приговорили Бланкину только к пожизненной тюрьме и к конфискации имущества. Почти в тех же выражениях он писал кардиналам Арагона, Сантискватро, Анконы и Лавальи. В Карле V можно было бы

Untitled

видеть чудовище жестокости, если бы мы не знали, что он считал законом для себя подтверждать во всех делах этого рода резолюции своего наставника кардинала Адриана.

VIII. Папа принял решение предоставить все на усмотрение главного инквизитора и своим брeве от 5 июля уполномочил его высказаться относительно недействительности или правильности приговора, осудившего Бланкину. Тем не менее через два дня он послал кардиналу новое брeве, которым уведомлял, что узнал, будто до восьмидесятилетнего возраста (хотя в Валенсии были инквизиторы) Бланкина никогда не была предметом доноса; вследствие этого справедливо восстановить положение, в каком она была 4 марта, когда Его Святейшество отнял у инквизиторов расследование ее дела и разбор сущности процесса; все, произведенное и решенное ими, начиная с этого времени и даже раньше, должно считаться недействительным; для того чтобы не допустить несчастную восьмидесятилетнюю старуху умереть с горя при виде себя в санбенито и в тюремном заключении, Его Святейшество приказал снять с нее этот знак бесчестия и поместить ее в доме какого-либо родственника или всякого другого лица, какое укажет Бланкина.

IX. Кроме названных предосторожностей Лев X решил еще смягчить участь этой уважаемой жертвы. 7 октября он послал кардиналу частное брeве, в котором говорил, что видел извлечение из признания Бланкины и нашел недостаточность и несерьезность улики, приведших к обвинению; опорочивающие ее поступки были совершены в детстве, и на них надо смотреть как на игры, правда,

Untitled

неосторожные, но обыкновенные в этом возрасте, а не как на признаки иудаизма; вследствие этого, для предохранения ее от смерти, которой заставляет бояться продолжительное заключение в тюрьме, он возобновляет приказ выпустить ее на свободу; в то же время он поручает кардиналу (если его мнение согласно с мнением Его Святейшества) оправдать Бланкину и вознаградить ее за убытки; если, напротив, он полагает, что она должна быть осуждена, - приостановить приговор и посоветоваться с ним. В результате этого дела инквизитор объявил Бланкину слегка заподозренною в ереси и дал ей условное оправдание, не обрекая на ношение санбенито и не декретируя ни тюремного заключения, ни конфискации имущества.

X. Частые жалобы родственников этой женщины, направляемые в Рим, и обнаруженное инквизиторами крайнее желание лишить ее имущества, заставляют меня думать, что она имела значительное состояние. Но каким образом Лев X (который основательно знал это дело, как и все, что происходило до него, по материалам для апелляции) находил в душе доводы, достаточные, чтобы оставить по-прежнему функционировать трибунал, о котором он говорил столько дурного в своих апостольских бреве?

XI. Диего де Варгас из города Талавера-де-ла-Рейны и один из его дядей были привлечены толедской инквизицией. Первый из этих испанцев обратился с жалобой в Рим и получил от папы бреве, которое поручало Луису де Карбахалу, канонику кафедрального собора Пласенсии, расследование его дела. Главный инквизитор

Untitled

пожаловался Карлу V на то, что комиссар начал работу с нового допроса свидетелей. Карл предписал ему 10 сентября 1518 года отказаться от данного им поручения под угрозой подвергнуться немилости и понести суровое наказание. С удивлением читаешь в письме Карла V, I что Карбахал вводил такие новшества, подобных которым не видели в Испании со времени учреждения святого трибунала инквизиции. Все эти новшества сводились к испытанию свидетелей и к требованию от инквизиторов выдачи им документов процесса и самих обвиняемых, что требовалось во множестве других случаев. Устрашенный угрозой государя, Карбахал отказался от своего поручения. Несчастные узники были осуждены в Толедо.

XII. Бернардино Диас, оговоренный, был арестован и заключен в секретную тюрьму инквизиции вследствие показания лжесвидетелей. Он доказал свою невинность, был оправдан, выпущен на свободу и восстановлен в пользовании имуществом. Он узнал, что некий Бартоломео Мартинес, его враг, был доносчиком на него. Так как инквизиторы не наказали его за клевету, Бернардино сам вступился за себя и убил его. Он скрылся в Рим и добровольно сознался в преступлении, чрезмерность которого полагал уменьшить, говоря, что совершил его не по злобе, а вследствие горя, причиненного ему преследованием, и раздражения на несправедливость инквизиторов.

XIII. Между тем последние начали против него новый процесс в Толедо; они велели арестовать его жену, которую они подозревали в пособничестве к его бегству, мать и шесть или семь друзей, помогавших ему убежать.

Untitled

Бернардино представил папе, что имел низшее посвящение, что женился на девственнице, следовательно, под суден церковной юрисдикции, и просил, чтобы его дело рассматривалось в Риме. Папа решил, что в случае согласия родственников убитого оказать ему милость он будет оправдан и возвращен. В то же время папа предписал толедским инквизиторам не вмешиваться в процесс и выпустить на свободу узников, для которых он назначил комиссаров. Буллы были перехвачены инквизиторами. Тогда Бернардино представил папе, что в Испании не найдется никого, кто посмел бы противиться инквизиторам, и что с этой поры ему кажется неотложным перенос в Рим всех процессов и окончательное решение их.

XIV. Его Святейшество приказал оформить этот доклад; сообщенное оказалось так верно, что папа запретил кардиналу Адриану и инквизиторам заниматься процессом Бернардино. Джироламо де Лымучиис, епископ Асколи, аудитор апостолической камеры, 19 июля 1519 года выпустил послание, предписывающее толедским инквизиторам тотчас же выпустить на свободу узников и восстановить их в правах владения имуществом, а в случае неисполнения приказывал явиться к нему на суд в двухмесячный срок под угрозой отлучения, отрешения от должности и лишения бенефиций.

XV. Инквизиторы отказались повиноваться. Тогда Джироламо де Лымучиис отлучил их, и они лишились должности в силу папской буллы, которая была еще действительной 22 апреля 1522 года, когда Карл V, говоря об этом деле своему послу, уверял, что они с давнего

Untitled

времени находятся под бременем анафемы за исполнение своего долга, как он об этом хорошо осведомлен, и, какие бы усилия они ни прилагали для достижения суда над собою через комиссию, папа постоянно отвечал отказом, что срамило святой трибунал. Он поручал послу поговорить об этом с Его Святейшеством и просить покончить со злоупотреблением. Посол говорил об этом с папою и 31 мая писал своему государю, что ничего не добился, и Его Святейшество жалуется, что инквизиторы совершают несправедливости. Посол возобновил свои настояния, и папа согласился через год освободить инквизиторов от всякой вины; дон Хуан де Мануэль уведомил об этом Карла V 25 сентября того же года.

XVI. Бернардино Диас получил прощение от родственников убитого, и свобода была возвращена ему, как и другим узникам. Это дело принадлежит к числу немногих, в коих римская курия показала свою твердость; немало поспособствовало этому решение отправиться в Рим, принятое обвиняемым. Другие обвиняемые также обратились к покровительству святого престола. О некоторых из них я расскажу.

XVII. Севильские инквизиторы начали процесс Диего де Лас Касаса, его братьев Франсиско и Хуана, их жен, отцов этих жен и других родственников. Они все были арестованы, кроме Диего, который бежал в Рим и принес жалобу на судей. Папа запретил инквизиторам Севильи расследовать дело Диего и его семьи. Он поручил кардиналу Адриану самому разобраться его при помощи епископа Канарских островов, который был тогда в Севилье, и не прибегать к содействию других лиц. В то же

Untitled

время он решил выпустить на свободу Франсиско и Хуана де Лас Касаса по представлении ими поручительства в явке к кардиналу и к епископу, которые должны разрешить избрать себе адвокатов и попечителей для занятия их защитой.

XVIII. Король, узнав об этом, велел приостановить исполнение бреве, как будто оно должно было компрометировать доверие к инквизиции. 30 апреля 1519 года он предписал Карросу, тогдашнему своему послу, просить папу вернуть инквизиции пользование ее правами, потому что Диэго де Лас Касас менее кого бы то ни было может жаловаться: ведь он добился покровительства кардинала и достиг того, что инквизиторам Севильи был дан в помощь в качестве судьи епископ Канарских островов и что, в случае сомнения или разногласия в мнениях, процессы будут разбираться в верховном совете. Каррос не мог добиться того, о чем просил от имени императора.

XIX. 22 апреля 1520 года он поручил своему преемнику дону Хуану де Мануэлю, владельцу Бельмонте, просить у папы тайного приказа, обязывающего Лас Касаса покинуть Рим и запрещающего ему вмешиваться, как он это делал, в не касающиеся его дела, под угрозой сурового наказания, потому что известно, что он был агентом арагонцев и каталонцев и употреблял подарки и значительные денежные суммы для подкупа тех членов римской курии, которым были поручены дела инквизиции. Этот инцидент дал повод ко многим дебатам. Наконец было решено, что кардинал Адриан и апостолический нунций возьмутся за расследование процесса Лас Касаса и других членов его

Untitled

семьи без вмешательства инквизиторов Севильи, потому что они совершили великие несправедливости. Дон Хуан де Мануэль уведомил Карла V, это обстоятельство изложено также в бреве от 20 января 1521 года.

Результатом процесса явился приговор, объявлявший подсудимых заподозренными в ереси в малейшей степени.

XX. Педро де Вильясис, приемщик имущества инквизиции, неоднократно грубо обращался с Франсиско де Кармоной из Севильи. Последний представил жалобу кардиналу, который наказал обидчика. Вильясис, которому все пути инквизиции были хорошо знакомы, тайно замыслил его гибель и велел арестовать не только Франсиско де Кармону, но и его мать Беатрису Мартинес и некоторых других родственников как вознамерившихся его убить и следивших за ним для исполнения своего намерения. Кардинал Тортосы, узнав, что севильские инквизиторы были врагами Франсиско де Кармоны и что этот мотив привел их к аресту братьев и сестер Беатрисы, его матери, перенес дело в свой трибунал. Когда Франсиско вскоре стало известно, что кардинал должен сопровождать императора в Германию, он просил папу запретить инквизиторам завладеть его процессом. Папа заявил в своем бреве от 26 сентября 1520 года, что в случае отъезда в путешествие кардинала он назначит лицо по своему выбору для исполнения обязанностей главного инквизитора. Это предположение не осуществилось, и подсудимые были оправданы.

XXI. Луис Альварес де Сан-Педро из Гвадалахары, не владеющий своими членами, был ввергнут в секретную

Untitled

тюрьму инквизиции и апеллировал оттуда к папе. Он говорил, что толедские инквизиторы, ослепленные ненавистью, вняли клевете, чтобы преследовать его. Он просил папу отнять у них расследование дела, поручить его главному инквизитору, а пока приказать, чтобы его перевели в монастырь или в какое-нибудь приличное место, пребывание в коем не было бы для него так тягостно, как тюрьма святого трибунала, куда его заключили, и которое было бы просто домом предварительного заключения. Папа даровал Альваресу просимое бреве от 28 декабря 1520 года; он был примирен с Церковью в силу приговора кардинала. Несколько времени спустя, снова преследуемый инквизиторами, Альварес был вынужден бежать в Рим. Папа перенес к себе дело обвиняемого. Хотя Карл V поручил послу в Риме просить выдачи Альвареса инквизиторам, папа настоял на своем решении; Альварес вывернулся из этого дела так же удачно, как и в первый раз. Какой жестокостью было заключение в тюрьму паралитика! Какой контраст между этой суровостью, которую ничто не может оправдать, и выставлением напоказ человечности и сострадания, которые встречаешь на каждой странице в истории этого трибунала!

XXII. Эта политика не ускользнула от внимания Льва X. Поэтому он постоянно отказывал в согласии на просьбу Карла V о перенесении дела Фернандо Арагонского, своего врача, и его жены, а также другого процесса, возбужденного против памяти и доброго имени Хуана де Коваррувиаса, который был его товарищем по учению. Он отлично знал, как легко отыскать в Испании

Untitled

лжесвидетелей, когда имеют в виду привести в исполнение какой-либо план мести. Это побудило его поручить кардиналу-инквизитору в бреве от 14 декабря 1518 года преследовать их уголовным судом и выдавать светским судьям, чтобы покарать виновных смертной казнью.

Несмотря на этот папский приказ и несмотря на то, что случаи пользования этой мерой представлялись неоднократно, к ней, кажется, никогда не прибегали.

XXIII. Столь же основательно могли тогда жаловаться на злоупотребления, совершавшиеся в инквизиции Майорки по вине некоторых из ее слуг. Впрочем, везде и повсюду происходило одно и то же. На острове Майорка дело зашло так далеко, что в 1521 году составил заговор против прокурора. Один житель, знавший об этом намерении, сообщил священнику, получив обещание скрыть его имя; но священник, желая предупредить ютовящееся преступление, известил дома Арнольдо Альбертино, декана инквизиторов. Когда незнакомец явился к прокурору, как бы для того, чтобы пригласить его пойти вместе по делу тайной благотворительности, в котором он должен дать отчет, прокурор принял его в своем доме в присутствии других лиц и отказался идти с ним.

XXIV. Инквизитор Альбертино захотел обязать священника назвать человека, открывшего заговор, и дважды требовал этого. Не желая вступать на путь церковных наказаний, Альбертино по поводу его отказа запросил кардинала Адриана и установил свое мнение насчет мотивов запроса, которое затем напечатал вместе с ответом главы святого трибунала, сущность которого состояла в том, что

Untitled

естественная тайна, хотя она была обещана и принята, не связывает, когда она может вредить третьему лицу; это в настоящем случае обязывало священника открыть ее, хотя судье запрещалось пользоваться ею против кого бы то ни было, если только общественная молва или какой-нибудь другой новый случай не установит улики проступка.

XXV. Вторая часть ответа не кажется мне справедливой, так как вреда для третьего лица нечего было более бояться; впрочем, решение изменить доверию должно было устранить впредь желание делать другие разоблачения. Альбертино, удерживаясь от применения церковных наказаний, повел себя благоразумно, но ударился в противоположность, стараясь открыть то, чего не следовало говорить. Этот декан инквизиции был впоследствии епископом Пати и даже временным (*par interim*) вице-королем Сицилии. В 1524 году он составил комментарии под заглавием О еретиках и напечатал их в 1534 году вместе с вышеупомянутым запросом. Они были посвящены дому Альфонсо Манрике, главному инквизитору.

XXVI. Неудивительно, что инквизитор писал против еретиков, как сделал это Альбертино. Этот предмет занимал умы со времени проникновения лютеранства [466], уже осужденного в Испании с 1521 года, так как 20 марта этого года папа адресовал два бреве - одно главнокомандующему, а другое адмиралу Кастилии, которые управляли королевством во время отсутствия Карла V, чтобы посоветовать им не допускать к ввозу в страну ни одного сочинения Лютера и его защитников. 7 апреля кардинал Адриан поручил инквизиторам

Untitled

арестовывать все сочинения, какие только можно было найти. Эта мера была затем принята в 1523 году, и коррехидор [467] Гипускоа [468] получил приказ помогать в этом случае вооруженной силой должностным лицам инквизиции.

XXVII. Лев X умер 10 декабря 1521 года, и кардинал Адриан стал его преемником 9 января 1522 года. Он сохранил звание инквизитора Испании до 10 сентября 1523 года, когда облек этим титулом и правами дома Альфонсо Манрике, бывшего епископа Кордовы и Бадахоса, а тогда архиепископа Севильи, со смерти второго главного инквизитора дома Диего Десы, происшедшей 9 июня 1522 года.

XXVIII. Адриан учредил в Америке второй трибунал инквизиции и распространил его юрисдикцию на Вест-Индию и океанские острова.

XXIX. Испанцы очень далеки от мысли воздавать похвалу главному инквизитору Адриану, как это делал Лев X, говоря, будто он был добр до такой степени, что позволял инквизиторам злоупотреблять его слабостью для совершения кучи несправедливостей {См. бреве от 12 октября 1519 года.}, так как такое положение причинило величайшие бедствия Испании. Если бы он не оказывал им безграничного доверия и не обманывал Карла V насчет поведения инквизиторов, император преобразовал бы трибунал, как он обещал это кастильцам и арагонцам на собраниях кортесов в Вальядолиде и Сарагосе, и оба королевства избегли бы страшных бедствий. Так опять подтверждается, что участь нации зависит часто от комбинаций самых непредвиденных и нисколько не

Untitled

зависящих от человеческой мудрости!

Глава XII Поведение инквизиторов в отношении морисков

Статья первая Указ о доносах на еретиков-магометан

I. Дом Альфонсо Манрике [469], архиепископ Севильи (вскоре облеченный саном кардинала), наследовал Адриану в должности главного инквизитора.

Новохристиане еврейского происхождения в начале его служения льстили себя надеждою увидеть вскоре спасительную перемену в форме судопроизводства инквизиции. Они ждали этого с тем большим доверием, - что в 1516 и 1517 годах возник вопрос о рассмотрении поданной ими просьбы об оглашении имен и показаний свидетелей, и тогда Манрике (который был в то время во Фландрии при Филиппе I, отце Карла V) [470] поддержал жалобу, уверяя государя, что она справедлива. Однако дело вышло не так, как они надеялись.

II. Инквизиторы изменили настроение Манрике, убедив его, что просимое новшество клонится к уничтожению самого святого трибунала и к торжеству врагов веры; было признано, прибавляли они, что число иудействующих значительно уменьшилось через эмиграцию одних и через страх, внушаемый инквизицией другим; но следовало опасаться, что в случае ослабления системы тайных доносов и особенного судопроизводства они вернутся к своим прежним верованиям; к тому же появление двух новых сект - морисков и лютеран - делает еще более необходимой суровость, которую употребляли до сих пор III. На самом деле несколько времени спустя была речь о расширении области объектов и предметов доносов, как это явствует из указа, который читали ежегодно в первое

Untitled

воскресенье Великого поста, чтобы напомнить обязательство, налагаемое на каждого христианина, доносить в шестидневный срок о том, что он увидит или услышит противного вере, под страхом отлучения, разрешаемого только епископом, и смертного греха.

IV. Относительно морисков, возвращавшихся в магометанство, было повелено каждому верному объявлять, если он услышит от них, что религия Магомета [471] хороша и нет другой, которая могла бы привести ко спасению; что Иисус Христос просто пророк, а не Бог, и что качество и имя Девы не приличествуют его матери. Повелено было также объявлять, если он был свидетелем или узнал, что мориски соблюдают некоторые обычаи магометан, например, едят мясо по пятницам, думая, что это позволительно; проводят этот день как праздник, одеваясь чище, чем обыкновенно; оборачивают лицо к востоку, произнося Висмилей [472], связывают ноги животным, которых будут есть, перед тем как их зарезать; отказываются есть мясо тех животных, которые не были зарезаны или же были зарезаны женщиной; обрезают своих детей, давая им арабские имена, или высказывают желание, чтобы этот обычай соблюдался другими; утверждают, что надо верить в Бога и его пророка [473] Магомета; произносят клятвы Корана или соблюдают пост рамазан, и свою Пасху, творя милостыню и принимая пищу в питье только при восходе первой звезды; делают зохор, поднимаясь до света, чтобы поесть, и, выполоскав рот, снова ложатся в постель; соблюдают гвадок, моя себе руки от кистей до локтей, лицо, рот, ноздри, уши, ноги и половые части, или делают сала, оборачиваясь лицом к востоку

Untitled

[474], садясь на циновку или ковер, поднимая и опуская попеременно голову, произнося некоторые арабские молитвы и вычитывая андулилей, коль, алагухат и другие формулы магометанского обряда; справляют пасху барана, убивая это животное после обряда гвадок; женятся по магометанскому обычаю; поют песни мавров и исполняют замбры, или танцы, и леилы, или концерты, при помощи запрещенных инструментов; соблюдают святые заповеди Магомета и возлагают руку на голову своих детей или других лиц в качестве обряда, предписанного законом; моют мертвецов и хоронят их в новом саване; погребают их в девственной земле или кладут в каменные гробницы лежащими на боку, с головой на камне; покрывают могилу зелеными ветвями, поливают медом, молоком и другими напитками; призывают Магомета в своих нуждах, называя его пророком и посланником Божиим и говоря, что святилище Мекки (где, по их уверению, погребен Магомет) есть главный храм Бога; заявляют, что они крестились не по вере в нашу святую религию; что их отцы и их предки наслаждаются вечным блаженством в награду за устойчивость в религии мавров; что можно спастись, оставаясь мавром (или в Моисеевом законе, если говорящий принадлежит к евреям). Наконец, христиане обязывались указом о доносах объявлять, если слышали о переселении кого-нибудь в Варварию [475] или другие страны, чтобы отступить от христианства или по другому подобному мотиву.

V. Нетрудно видеть, что среди действий и слов, переданных мною, есть много таких, которые настоящий добросовестный католик не поколеблется сделать или

Untitled

сказать как безразличные по существу и которые становятся еретическими или навлекающими подозрение в ереси в соединении с обстоятельствами, придающими им этот характер. Это новое предписание инквизиционного кодекса и презрение, которое вообще питали к морискам в Испанском королевстве, открывали путь клевете, которую возбуждали дух ненависти и мести и другие столь же свирепые настроения.

VI. Надо, впрочем, отдать справедливость Манрике, что он жалел о положении, до которого были доведены мориски, и противился, насколько мог, преследованию, помня обещание, данное Фердинандом и Изабеллой, что они не будут подчинены инквизиции и не будут ею наказываться по маловажным делам. 28 апреля 1524 года Манрике был в Бургосе, когда мориски доложили ему, что получили от его предшественников гарантии, что инквизиция не будет их привлекать к суду и преследовать по маловажным мотивам; однако вскоре инквизиторы начали сурово с ними обращаться, арестовывая и предавая суду без достаточных оснований для такого обхождения; поэтому они умоляют о милости, чтобы при его служении им было оказано не меньше покровительства, чем при его предшественниках.

VII. Манрике передал их просьбу на обсуждение верховного совета и снова велел опубликовать и подтвердил благоприятные для них распоряжения. Он приказал быстро закончить начатые процессы к выгоде обвиняемых, если только не будет констатирована приписываемая им ересь; в таком случае до произнесения приговора должны были запросить верховный совет.

Статья вторая Мориски королевства Валенсии

Untitled

I. Мы видели, что приказ Фердинанда и Изабеллы обязал в 1502 году мавров, не желавших принимать христианскую религию, покинуть Испанию. Хотя этот закон получил силу в Кастилии, он нисколько не задел мавров Арагона, потому что король счел нужным уступить настояниям частных владельцев, представивших ему громадный урон, который следовал бы для них от ослабления населения в их владениях, где почти не было крещеных жителей. Оба государя возобновили свое обещание в Монсоне в 1510 году [476], а Карл V на собрании кортесов в Сарагосе в 1519 году обязался присягою не делать на этот счет никаких нововведений.

II. Вскоре гражданская война разразилась в королевстве Валенсия. Началось восстание, подобное тому, которым в то время была охвачена Кастилия. Мятежники были почти все люди из народа, питавшие величайшую ненависть к дворянам, а особенно к сеньорам, пользовавшимся некоторой властью над жителями. Повстанцы старались причинить им как можно больше ущерба. Они знали, что для сеньоров будет огромным бедствием, если сделают их мавров-вассалов христианами, так как различие в религии обязывало мавров уплачивать своим сеньорам более обременительные повинности, чем платили лица христианского вероисповедания.

III. Вследствие этого повстанцы заставляли креститься всех мавров, попадавших к ним в руки; таким способом было крещено более шестнадцати тысяч. Так как насилие более, чем убеждение, принимало участие в этой перемене, они не замедлили вернуться к своему прежнему верованию. Император велел казнить главных вожаков

Untitled

восстания. Много мавров (которых эта суровость заставила опасаться подобного же обращения с ними) уехало из Испании и удалилось в королевство Алжирское [477], так что в 1523 году более пяти тысяч домов осталось без жителей {Сауяс. Летопись Арагона. Гл. 100; Сандовал. История Карла V. Кн. 13. п. 28.}.

IV. Раздраженный этим, Карл V убедил себя, что не следует терпеть мавров в государстве, и попросил папу освободить его от присяги, данной на собрании кортесов в Сарагосе. Папа сначала ответил, что подобная уступка будет скандалом. Император настаивал, и она была ему дана 12 марта 1524 года. Папа только обязал его своим отдельным бреве поручить инквизиторам ускорить обращение мавров, объявив им, что в случае отказа перейти в христианскую веру их обяжут выехать из королевства под страхом быть обращенными в пожизненное рабство. Они подпадут под исполнение этой угрозы, если пропустят предоставленный им срок, не крестившись или не выехав из Испании.

V. В то же время папа другим бреве рекомендовал обратить в церкви все мечети и решил, что десятина, получаемая с земель, обрабатывавшихся раньше маврами, будет отдаваться владельцам этих земель как возмещение двойных повинностей, платеж которых прекратится, когда мавры станут христианами. Он поручил также сборщикам десятин выплачивать расходы по католическому богослужению, для которого будут основаны бенефиции с доходом от земель, принадлежавших мечетям {Там же. Гл. 110.}.

VI. Историки, приводившие буллу 1524 года, думали, что эта мысль принадлежит самому папе. Однако письмо,

Untitled

которое герцог Сесо, посол в Риме, писал 7 июня, отправляя этот документ, и декрет, узаконивший способ действия инквизиторов относительно мавров, доказывают не только то, что папа долго отказывался дать эту буллу из опасения скандала, который она должна произвести, но и то, что, отправив ее, он отказывался вручить оба бреве, предвидя их последствия. Надо сознаться, что сомнения папы были вполне обоснованны, так как он освобождал Карла V от присяги, чтобы принять меры, клонившиеся к уменьшению населения королевства в ущерб интересам сеньоров; это было также не в интересах епископов, которые не могли равнодушно смотреть, что инквизиторы исполняют новые функции в их епархиях.

VII. Появились сомнения насчет действительности крещения, совершенного над маврами в королевстве Валенсия повстанцами; эти сомнения следовало разрешить до приведения в исполнение папской буллы. Карл собрал совет под председательством главного инквизитора, составленный из членов совета Кастилии, Арагона, инквизиции Индий и военных орденов, из нескольких епископов и богословов. Это собрание имело двадцать два заседания в церкви францисканского монастыря в Мадриде. После долгих обсуждений было объявлено, что крещение мавров должно считаться достаточным ввиду того, что неверные не оказали никакого, сопротивления, а, напротив, горячо желали его принять, чтобы избежать того, что считали величайшим несчастьем; это настроение позволяет думать, что они пользовались полной свободой, необходимой для признания действительности таинства. Император, узнав

Untitled

об этом, присутствовал на последнем заседании собрания, происходившем 23 марта 1525 года, и приказал на основании этой декларации, чтобы крещеные мавры были принуждены остаться в Испании в качестве христиан, жить как таковые, крестить тех из своих детей, которые еще не получили крещения; для исполнения этой двойной цели и для наставления их в истинах религии были назначены священники, которым будет поручена эта забота, Монах-иеронимит Яго Бенедет заявил императору, что он видит в каждом крещеном мавре отступника. События доказали, что он не ошибался.

VIII. Франциск I, король Франции [478] (который жил тогда пленником в Мадриде), сказал Карлу V, что спокойствие будет установлено в государстве только тогда, когда он выгонит всех мавров и морисков. Таково было тогда в Европе состояние познаний в области политики.

IX. Дом Альфонсо Манрике передал свои полномочия главного инквизитора для королевства Валенсии дому Гаспару д'Авалосу, епископу Кадиса, который потом был архиепископом Гранады. Этот прелат опубликовал несколько указов, чтобы дать знать жителям о данном ему поручении, и приказал всем крещеным маврам явиться в кафедральный собор Валенсии для примирения с католической церковью и разрешения от двойного греха ереси и отступничества, без всякого наказания и епитимьи, но с увещанием, что если они еще раз откажутся от христианской веры, то подвергнутся смертной казни и будут лишены имущества.

Королевский указ от 4 апреля гласил, что мечети, в коих уже была принесена святая жертва литургии, не могут

Untitled

более служить для магометанского культа.

X. Большинство мавров бежали в горы и в Сьерру-де-Берниа. Они подняли там восстание против Карла V и до августа сопротивлялись могуществу его оружия; они капитулировали, получив амнистию.

XI. Император писал 13 сентября главным вождям мавров в королевстве Валенсия, чтобы побудить их принять христианство. Он обещал им свое покровительство и пользование всеми правами наравне с христианами и уверял их, что его слово будет нерушимо, вопреки возможным советам о мерах, которые следовало принять относительно их.

XII. 16 июня папа послал буллу главному инквизитору, чтобы он приказал дать безусловное разрешение всем морискам, и уполномочил его принять на себя расследование всех дел, которые могут их коснуться.

Вследствие этого епископ Кадиса и множество катехизаторов [479] и проповедников отправились в Валенсию в сентябре для выполнения своей миссии. Среди них находился брат Антонио де Гевара, который вскоре стал епископом Мондоньедо. Для того чтобы побудить морисков жить, как следует хорошим христианам, он говорил, что они все, как и прочие жители, происходят от испанских христиан. Когда мавры вступили во владение городом Валенсией по смерти Сида (храброго Родриго Диаса де Вивара [480]), они будто бы забрали себе всех христианских женщин, которых нашли в городе, и от них якобы происходят все мориски. Я не знаю, как доказывал проповедник этот факт.

XIII. 21 октября был опубликован указ, запрещающий

Untitled

морискам продавать золото, серебро, шелк, украшения, драгоценности, животных и другие виды товаров. 18 ноября был опубликован приказ доносить святому трибуналу на морисков-рецидивистов.

XIV. Указ 16 ноября обязывал мавров отправиться в города и местечки, наиболее близкие к их местопребыванию, чтобы получить там наставление, которое хотели им дать; впредь носить на шляпах полумесяц из синего сукна величиною с апельсин (это было знаком их будущего рабства); выдать все оружие с запрещением впредь им пользоваться под угрозой получения ста ударов кнута; становиться на колени на улицах во время перенесения причастия умирающим; не совершать публичных религиозных обрядов, закрыть все мечети. Христианские сеньоры, имевшие мавров в числе своих вассалов, были ответственны за исполнение этих мер.

XV. 25 ноября появилась папская булла, которая обязывала всех христиан, под угрозой отлучения, разрешаемого только епископом, оказывать помощь, если потребуется, для успешного исполнения этих решений.

Этим не ограничились. Королевским указом было предписано всем маврам креститься до 8 декабря, и объявлено, что они будут изгнаны из королевства через данный им короткий срок и будут считаться рабами, если не станут повиноваться.

XVI. По истечении льготного срока было обнародовано при звуке труб приказание всем маврам удалиться из Испании до 31 января 1526 года по путям, которые им будут назначены, до порта Короньи через обе Кастилии и Галисию. В то же время было запрещено сеньорам

Untitled

удерживать их на землях после этого срока, под угрозой штрафа в пять тысяч дукатов. Инквизиторы угрожали предоставленными их власти церковными наказаниями жителям, которые стали бы помогать маврам в их сопротивлении {Сапатер. Летопись Арагона. Кн. 3. Гл. 35.}. XVII. Мавры Альмонасида [481] с октября месяца отказались креститься и сопротивлялись вооруженной рукой воле монарха до февраля. Город был взят; многие из них были преданы смерти, остальные стали христианами. Можно ли придумать для распространения христианства меры, более противоположные апостольским, чем принятые в этом случае?

XVIII. В местечке Корреа мавры убили местного сеньора и семнадцать христиан, которые с его согласия принуждали их принимать крещение. Наконец, вспыхнул общий мятеж среди мавров королевства Валенсия, где их было не менее двадцати шести тысяч семейств; мавры укрепились в местечках Сьерры-д'Эспадан, где королевская армия спустя долгое время одолела их {Сандовал. История Карла V. Кн. 13. п. 28 и сл.}. Оставшиеся в местечках или удалившиеся оттуда при приближении рокового срока умоляли о покровительстве управлявшую Валенсию королеву Жермену де Фуа, вторую жену Фердинанда V, вышедшую тогда замуж за дона Фернандо Арагонского, герцога Калабрии, который лишился прав на Неаполитанское королевство. Она дала охранную грамоту двенадцати депутатам, которых они посылали ко двору, чтобы в точности узнать намерения императора, в принудительном характере коих они сомневались. Они просили у государя отсрочки в пять лет для того, чтобы

Untitled

стать христианами или выехать из королевства через порт Аликанте. Обе эти просьбы были отвергнуты. Они согласились на принятие крещения при условии, что инквизиторы будут их преследовать лишь по истечении сорока лет, - но и в этом им было сурово отказано.

XIX. Они обратились к главному инквизитору Манрике. Тот принял их любезно. Предполагая, что они легко согласятся на принятие крещения, он предложил им, как и всем исповедующим их религию, свое содействие у императора и в то же время посоветовал изложить письменно свою просьбу. 16 января 1526 года они вручили ему докладную записку, в которой просили:

- 1) чтобы в течение сорока лет они не были подсудны инквизиции;
- 2) чтобы в течение этого времени они могли сохранять свою одежду и свой язык;
- 3) чтобы им разрешили иметь особое от старинных христиан кладбище;
- 4) чтобы в этот промежуток они могли жениться на своих родственницах, даже на двоюродных сестрах, и не испытывать никаких неприятностей в отношении брачных союзов, заключенных до сей поры;
- 5) чтобы все их бывшие служители культа остались и получали доходы от мечетей, ставших церквями;
- 6) чтобы употребление оружия было разрешено им, как и прочим христианам;
- 7) чтобы оброки и повинности, которые они платили сеньорам, были уменьшены и не превышали степени обложения прочих христиан;
- 8) чтобы в королевских городах их не обязывали платить

Untitled

сборы на муниципальные расходы, если только им не дадут права на общественные должности и на пользование почестями, как и старинным христианам.

XX. Эти статьи были представлены на рассмотрение императорского совета, который ответил:

1) что относительно морисков Валенсии и королевства Арагон ограничатся мерами, принятыми для морисков Гранады:

2) что им будет разрешено сохранить в течение десяти лет употребление их одежды и их языка;

3) что их будут хоронить согласно их просьбе, при условии, что их кладбища будут находиться по соседству с церквями, и что старинные коренные христиане могут также здесь погребаться;

4) что не будет никаких нововведений насчет заключенных уже браков, но что они должны согласоваться с обычаем старинных христиан;

5) что обратившиеся магометанские служители культа будут пользоваться более или менее значительным доходом, по степени усердия, которое они употребят для того, чтобы сделать более искренним обращение остальных мавров;

6) что разрешение носить оружие будет им дано, как и прочим христианам;

7) что оброки, которые они обязаны платить своим сеньорам, будут уменьшены, насколько позволят буква и оговорки договоров, и что они не будут платить больше других жителей;

8) что в отношении королевских городов все остается по-прежнему и не будет установлено никакого налога на

Untitled

мавров там, где они до этого времени ничего не платили. XXI. Получив эти условия, мавры крестились, за исключением нескольких тысяч человек, которые бежали в горы. Против них пришлось отправить военный отряд, употребивший весь 1526 год для покорения беглецов. Когда дело дошло до конца, они приняли крещение, и угрожавшее им рабство было заменено штрафом в двенадцать тысяч дукатов {Сапатер. Летопись Арагона. Кн. 3. Гл. 38; кн. 4. Гл. 9 и 14.}.

Статья третья Мориски Арагона и Гранады

I. Опасаясь, как бы рассеянные среди них мавры не были подчинены тому же закону, что и мавры Валенсии, арагойцы сделали императору через графа Рибаторсу, его родственника, представление, что мавры этой страны всегда были спокойны и никогда не причиняли ни политической смуты, ни религиозного скандала; их нельзя упрекнуть в совращении к отступничеству ни одного христианина, и, наоборот, они так хорошо настроены, что помогают трудом своих рук поддержке многих священников и мирян; они рабы или прикреплены к земле короля и сеньоров королевства, и нет никаких опасений насчет какой-либо связи их с африканскими маврами, потому что они живут на большом расстоянии от моря; среди них имеется множество отличных рабочих для выделки оружия, что доставляет государству выгоду, потеря которой была бы очень чувствительна, если бы их принудили покинуть Арагонское королевство; хотя они и приняли крещение, чтобы избежать угрожавшего изгнания, они не стали христианами более, чем прежде, и, напротив, если их оставят жить в покое, они не преминут сами собою

Untitled

обратиться к христианской вере, как доказал это опыт, от счастливого влияния их сношений с христианами; легко предвидеть неисчислимыя бедствия, если Его Величество не сдержит обещания, данного кортесам, и не будет подражать поведению своего деда, который верно исполнил свое обещание {Там же. Гл. 36; Сауяс. Летопись Арагона. Гл. 130.}.

II. Представления арагонцев были тщетны. Когда соглашение с маврами королевства Валенсия было исполнено, император приказал инквизиции подчиниться условиям этого соглашения и мабров Арагона, в результате чего они без сопротивления были крещены в 1526 году.

III. В 1528 году Карл созвал в Монсоне генеральные кортесы королевства Арагон. Депутаты этой страны, Каталонии и Валенсии жаловались, что инквизиторы не соблюдают статей конкордата 1512и1519 годов и судят за ростовщичество и за многие другие проступки вопреки запрещению, сделанному им. Они просили императора повелеть -устранить эти злоупотребления и одновременно запретить инквизиторам преследование морисков, даже при предположении, что их видели совершающими обряды магометанской религии, до тех пор, пока их не наставят в достаточной степени истинам христианской религии.

IV. На первый пункт император ответил, что он наблюдает за тем, чтобы справедливость была удовлетворена, а на второй - что приняты уже меры для удовлетворения их просьбы. Для успокоения угрызений совести Карл получил от папы буллу от 2 декабря 1530 года, которой Его Святейшество давал главному инквизитору необходимые полномочия для разрешения им самим и через духовников

Untitled

преступлений ереси и отступничества как внешнего характера, так и внутреннего, причем, сколько бы раз мавры королевства Арагон ни впадали в ересь и раскаивались в этом, на них не налагалось ни публичного покаяния, ни какого-либо другого позорящего наказания, хотя бы они заслуживали его вплоть до конфискации имущества и смертной казни. Невежеством, говорят, более всего объяснялось их возвращение к ереси, и достигнуть их обращения в христианство легче всего при помощи мягкости и милосердия, а не средствами строгости. Таковы были побуждения, выраженные в булле, не замедлившей дать благоприятные результаты.

V. Почему относительно евреев следовали другой политике? Потому, что это были богатые торговцы, между тем как среди мавров едва можно было встретить одного богача на пять тысяч жителей. Прикрепленные к обработке полей или занятые уходом за своими стадами, они всегда были очень бедны. Среди них встречались только ремесленники, обладавшие удивительной ловкостью и умением.

VI. Мориски Гранады вызывали не менее сильные заботы императора, хотя причины волнений среди этих морисков были, по-видимому, маловажны. Я говорил, какие обещания давали Фердинанд и Изабелла во время покорения королевства и в последующие годы тем из них, которые примут крещение; мы теперь знаем, что вышло из этих обещаний при некоторых особенных обстоятельствах.

VII. Однако когда император в 1526 году приехал в Гранаду, ему представили докладную записку о морисках дон Фернандо Бенегас, дон Мигуэль Арагонский и Диего Лопес

Untitled

Бенехара. Все трое были членами муниципалитета и очень знатными дворянами, так как происходили по прямой мужской линии от мавританских королей Гранады. Они были крещены после завоевания, и их крестным отцом был Фердинанд V. Они представили Карлу, что мориски много терпят от священников, судей, нотариусов, альгвасилов и прочих коренных (старинных) христиан. Король сочувственно встретил их рассказ и, справившись с мнением своего совета, приказал дому Гаспару д'Авалосу, епископу Кадиса, объехать местности, населенные морисками, в сопровождении комиссаров, бывших с ним по этому же делу в Валенсии, и трех каноников Гранады, чтобы удостовериться в действительности сообщенных ему фактов и ознакомиться с положением религии у этого народа.

VIII. Епископ посетил все королевство Гранада и признал, что жалобы морисков обоснованны. Но в то же время он признал, что среди этого народа едва можно насчитать семь католиков; прочие вновь стали магометанами, потому ли, что они не были как следует наставлены в христианской религии, или потому, что им дозволили публично отправлять обряды прежней религии.

IX. Такое положение вещей побудило императора созвать чрезвычайный совет под председательством архиепископа Севильи, главного инквизитора, в составе членов: архиепископа Сант-Яго, председателя королевского совета, королевского великого подателя милостыни; избранного архиепископа Гранады; епископа Осмы, духовника государя; епископов Альмерии и Кадиса, викариев Гранады; трех членов совета Кастилии, одного

Untitled

члена совета инквизиции, одного члена государственного совета, великого командора военного ордена Калатравы [482] и заместника, генерального викария епархии Малаги.

X. Это собрание имело несколько заседаний в королевской капелле. В результате совещаний трибунал инквизиции был перенесен из Хаэна в Гранаду; его юрисдикция распространялась на все королевство Гранада; круг ведения хаэнского трибунала объединялся с кордовским. Было постановлено несколько мероприятий, которые были объявлены 7 декабря 1528 года после одобрения короля. Важнейшим из них было обещание прощения морискам всего прошлого и предупреждение, что, если они снова впадут в ересь, они будут преследоваться по всей строгости законов инквизиции {Королевский указ напечатан в книге Указов королевской канцелярии Гранады. Кн. 4. Отд. III. Лист 368.}. Мориски подчинились всему и получили от Карла за восемьдесят тысяч дукатов право носить свой национальный костюм, пока государю будет угодно это позволить, и согласие на то, что, если мавры впадут в отступничество, инквизиция не будет захватывать их имущество. Эту двойную милость распространили и на морисков короны Арагона {Сандовал. История Карла V. Кн. 14. 28; Сапатер. Летопись Арагона. Кн. 3. Гл. 38.}.

XI. Климент VII одобрил эти меры в июле 1527 года, когда был еще пленником вместе с семнадцатью кардиналами в замке Св. Ангела, со времени знаменитого вступления в Рим коннетабля Франции, Шарля Бурбона [483].

XII. Инквизиторы королевства Гранада в 1528 году справили торжественное аутодафе со всей возможной пышностью, чтобы внушить морискам больше уважения,

Untitled

страха и ужаса. Однако, к сожалению, были присуждены не мавры, а только крещеные евреи, вернувшиеся к иудаизму.

XIII. Мориски с давних пор жили в отдельных кварталах, обозначавшихся именем морерия (moregia); они жили здесь отдельно от старинных (коренных) христиан. Этот обычай был установлен королями и имел целью предупреждение соращений маврами христиан, если бы между ними были более частые сношения. Тогдашние обстоятельства были не похожи на прежние, и Карл V, по совету Манрике, приказал 12 января 1529 года морискам оставить их отдельные кварталы и поселиться в самом центре городов, чтобы жить здесь попеременно со старинными (коренными) христианами и таким образом получить больше удобства для присутствия при церковных обрядах и для наставлений, которые предполагали им давать. В то же время было предписано супрефектам и судьям первой инстанции согласоваться с инквизиторами для исполнения нового закона. Если бы какой-нибудь мориск пожаловался, следовало его выслушать и уведомить верховный совет. Статья четвертая Замечательный процесс одного Мориска I. Какой бы умеренной ни казалась эта политика, без труда можно открыть здесь намерение наблюдать за морисками вблизи, среди народа, где святой трибунал должен был иметь многочисленных шпионов. Слуги его с тем большей горячностью ухватились за эту мысль, что число жертв среди евреев ежедневно уменьшалось и их приходилось отыскивать среди морисков. В самом деле, я докажу, что ни человечность, ни какой другой мотив подобного рода не входили в виды страшного трибунала; для этой цели я

Untitled

расскажу происшествие следующего 1530 года.

II. Я выбрал эту историю из многих других и пользуюсь извлечением из подлинного процесса. Я должен особо отметить достоверность, чтобы не оставалось никакого сомнения в огромном злоупотреблении, которое делалось из тайны в среде инквизиторов, в видах обойти самые уставы святого трибунала, римские буллы,

государственные законы и правительственные приказы, а также указы главного инквизитора и верховного совета.

III. 8 декабря 1528 года некая Катарина, прислуга Педро Фернандеса, управляющего графа де Бенавенте, донесла на одного мориска по имени Хуан Медина, медника, жителя местечка Бенавенте, уроженца Сеговии, старика семидесяти одного года. Она сказала, что около 1510 года, то есть восемнадцать лет назад, она жила в течение года и пяти недель в том же доме, где жил и оговоренный с Педро, Луисом и Беатрисой де Медина, своими детьми, и с другим Педро, своим зятем. Она заметила, что ни Хуан, ни его дети не ели никогда свинины и воздерживались от употребления вина; они мыли ноги и туловище по субботам и воскресеньям, по обычаю мавров. Она прибавила, что видела, как делал это Хуан, и никогда не видала за этим занятием его детей, потому что они запирались в комнате для мытья.

IV. Безо всякого осведомления и других улик инквизиторы Вальядолида потребовали 7 сентября 1529 года, чтобы Хуан предоставил себя в распоряжение трибунала. 24 и 25 сентября они поставили ему обычные общие вопросы. Хуан заявил, что крестился в 1502 году, в эпоху изгнания мавров, и не помнит, чтобы он совершал или видел, как

Untitled

совершают другие, предписания закона Магомета.

V. 28 сентября прокурор представил свой обвинительный акт. Хуан признавал в своем ответе, что он никогда не ел свиного мяса и не пил вина, может быть, потому, что он крестился в сорокапятилетнем возрасте, не имел никакого желания есть свинину и пить вино и не хотел заводить эту привычку после того, как столь продолжительное время обходился без нее; равным образом достоверно, что он по субботам вечером и по воскресеньям утром мылся, потому что это заставляло его делать ремесло медника; тот, кто придал дурной смысл всем этим действиям, конечно, виновен в преступном намерении.

VI. Инквизиторы допустили улику в деяниях и 30 сентября сообщили меднику результат, который был не что иное, как самый донос. Обвиняемый защищался теми же доводами, которые приводил раньше. Он установил анкету из пяти статей. Первые две клонились к доказательству его католичества, три других - к оправданию отвода обозначенных лиц, среди них и доносчицы, которая была прачкой и стала, по его словам, его заклятым врагом после сильной ссоры между ними, вследствие которой он перестал отдавать ей в стирку белье; кроме того, она пользовалась дурной репутацией и вообще было известно, что она имеет привычку обманывать и лгать. Он назвал нескольких лиц, могущих доказать правду его пяти статей. Но инквизиторы, узнав, что они принадлежат к новохристианам, отказались их допрашивать об основательности отвода со стороны оговоренного. Они приняли это решение, хотя немного ранее, а именно 31 мая того же года, верховный совет предписал

Untitled

противоположную меру.

VII. Нужно, однако, сказать, что правило совета было новым средством нападения, направленным против обвиняемых, вместо того чтобы быть им благоприятным. Оно гласило, что будут выслушиваться свидетели, намеченные обвиняемым, чтобы доказать справедливость отвода с его стороны, и также те, кого он отведет, если они не давали показаний на предварительном следствии. Это решение было принято, поскольку предполагалось, что раз обвиняемый поименовывает или отводит свидетелей, они, вероятно, имеют нечто показать против него. Вот истинный мотив этого воображаемого милосердия, хвастать которым стоило так мало. Эта мера была возобновлена верховным советом 16 июня 1531 года под тем же видом мнимого интереса и благосклонного отношения к обвиняемым.

VIII. 1 октября было разрешено Хуану вернуться в Бенавенте; этот город и его территорию ему назначили местом ссылки. Он доказал через показания шести свидетелей, что его поступки и обычное поведение были такими же, как у хорошего католика. Но он потерпел неудачу в отводе доносчиков, потому что свидетели, намеченные им, не были допрошены.

IX. 18 марта 1530 года было постановлено, что Хуану будет угрожать пытка и что поэтому он будет заключен в застенки. Если он признает себя еретиком, следует пересмотреть процесс, а если будет упорствовать в отрицании всего, то должен быть наказан лишь легким денежным штрафом. Он был вызван на суд вторично и получил приказание отправиться в тюрьму святого трибунала. 31 августа страшная угроза пытки была

Untitled

приведена в исполнение. Для того чтобы ее действие сделать более верным, с него сняли всю одежду и привязали к кобыле [484]. Почтенный старец сохранил твердость и заявил, что не может сказать ничего другого, не солгав, и что все, что он прибавит, будет вырвано у него страхом мучений. Его удалили из этого места страданий и заключили в тюрьму. Наконец он был оттуда выведен, чтобы 18 декабря 1530 года появиться на публичном аутодафе со свечой в руке. Он услышал чтение своего приговора, гласившего, что он освобожден от суда, но что инквизиция присуждает его к уплате четырех дукатов судебных издержек за подозрение в ереси, к которой он был всегда предрасположен.

Х. Сущность и способ этого судопроизводства устрашают своей несправедливостью, и воображение не может представить себе суда, схожего с этим. Инквизиторы нарушили в этом случае все свои уставы. Но они умерли, и никто не заподозрил их в несправедливости. Хорошо было бы, если бы эта неполитическая тайна была предосторожностью, редко употребляемой. Но когда вспомнишь о почти бесчисленном множестве жертв инквизиции, можно ли думать, что злоупотребление тайною не было частым? 17 декабря 1537 года верховный совет постановил, что мориски не будут предаваться пытке, чтобы вынудить их признаться в воздержании от вина и свиного мяса, если не было других поступков, за которые было бы позволительно подвергать их пытке.

Противопоставим этой позорной картине людской несправедливости любопытный акт чистосердечия и правосудия.

Untitled

Статья пятая Меры, принятые для обращения мавров и Морисков

1. 15 июля 1531 года папа адресовал дому Альфонсо Манрике (который был уже тогда кардиналом римской Церкви) бреве, в котором он говорил, что император просил его принять надлежащие меры к тому, чтобы с морисками королевства Арагон обращались как со старинными (коренными) христианами, вассалами дворян и баронов этой страны.

Для того чтобы это понять, надобно знать, что в эпоху обращения морисков дворянам и баронам королевства дано было право получать начатки и десятины с продуктов, извлекаемых этим народом с земельных угодий, в возмещение аренд и доходов, потерянных через обращение их вассалов. Эта привилегия не вполне удовлетворила их; они требовали от морисков еще личных услуг или барщины, подати, известной под именем асофрас (azofras), и других повинностей, уплачивавшихся жителями до их обращения. Мориски, отягощенные оброками и исстрадавшиеся от стольких мучений, стали питать отвращение к христианской религии и вернулись к практике и обрядам магометанства, что требовало быстрого и энергичного врачевания. Вследствие этого папа поручил главному инквизитору принять на себя расследование этого дела. Если положение таково, как ему сообщили, пусть он прикажет дворянам и баронам получать с новохристиан, их вассалов, только то, что они получают со старинных (коренных) христиан, под угрозой отлучения и других канонических наказаний, апеллировать против коих им запрещается.

Untitled

II. Достоверно, что Карл V не нуждался в папской булле для прекращения злоупотреблений, на которые жаловались, особенно после того, как он (по обращении морисков Валенсии) обязался исполнить все, чего просили тогда для морисков. Но государь был рад пользоваться инквизицией, потому что не сомневался, что эта мера будет точно исполнена, если она будет поддержана страхом, который инквизиция так хорошо умела всем внушать.

III. Гораздо меньше справедливости (несмотря на способ изложения) мы встречаем в другом бреве, от 13 декабря 1532 года, в котором папа говорит, что он узнал из донесений кардинала Манрике о плохом положении религии у морисков Арагона по вине епархиальных епископов, пренебрегших их наставлением. Вследствие этого он приказывает кардиналу-инквизитору построить и освятить церкви во всех епархиях и городах Арагона, где живут мориски; учредить при них приходы; наделить их десятинами, начатками и другими доходами; основать должности приходских настоятелей и викариев, бенефиции и капеллы; назначить туда лиц, способных занимать эти должности, и наблюдать, чтобы их главнейшей заботой было преподавание морискам таинств и обучение их Катехизису.

IV. Можно ли допустить, что все епископы небрежно относились к наставлению морисков, чтобы в результате без протеста лишиться естественных прав епископата, к стыду их личного сана? Этого нельзя думать. Истинной причиной возвращения морисков к культу магометанства была любовь к религии отцов, существовавшая в их душе,

Untitled

и ненависть к христианству, которое их насильно заставили принять. Папа признал справедливость жалоб епископов и 11 июня 1533 года объявил своим бреве, что поручение Манрике действительно только на один год и что оно отменяется в той части, которая касается устройства приходо́в и назначения пастырей. Вопреки этому решению римская курия новым бреве, от 26 ноября 1540 года, уполномочила кардинала, архиепископа Толедо дома Хуана Пардо де Таверу [485], преемника Манрике, продолжать начатое дело, которое смерть помешала выполнить.

V. 12 января 1534 года император запретил инквизиторам Валенсии постановлять конфискацию имущества осужденных ими морисков ввиду того, что было справедливо оставить его в пользовании их наследников {Маянс. Жизнь Хуана Луиса Вивеса, в начале сочинений Вивеса.}. Так как распоряжения, отданные государем на этот счет, были (или должны были быть) известны инквизиторам, может показаться удивительным, что пришлось напоминать их. Но это неведение не должно изумлять в новом инквизиторе, потому что обыкновенно новые не знали (или делали вид, что не знают) указов государя, предшествовавших их назначению и противоположных обычаям и принятому течению дел святого трибунала.

VI. В начале 1535 года верховный совет положил правилом для инквизиторов никогда не присуждать морисков к релаксации, даже в случае вторичного впадения в ересь. Когда Карл V был в Алжире, он велел опубликовать, что испанцы-ренегаты в случае желанья вернуться в Испанию

Untitled

и войти в лоно католической Церкви будут освобождены от преступления без суда и позора и восстановлены в правах имущества. Однако не видно было, чтобы обещание монарха побудило многих беглых испанцев к возврату в Испанию, потому что они не сомневались, что инквизиторы сумеют сделать тайно то, что открыто запрещалось государем.

VII. В апреле 1543 года Карл велел опубликовать, что он даровал льготный срок морискам округов местечек Ольмедо и Аревало; если они попросят примирения с Церковью, оно будет тайным и они останутся владельцами своих угодий. Такая же декларация была сделана главным инквизитором 2 июля 1545 года для побуждения находившихся в Феце и Марокко вернуться в Испанию. Этот государь получил от Павла III [486] брeve от 2 августа 1546 года, гласившее, что мориски Гранады, даже несколько раз впадавшие в ересь, а равно их дети и потомки должны допускаться ко всем гражданским должностям и церковным бенефициям. Это брeve аннулировало все процессы, начатые против рецидивистов.

VIII. В 1548 году Карл приказал главному инквизитору составить специальный регламент для морисков и установить, что они будут примиряемы с Церковью без публичных церемоний; каждый из них должен иметь свое жилье между двух домов старинных христиан; они не могут брать в качестве прислуги новообращенных; их сыновья должны жениться на дочерях христиан старинной расы; если мориска выйдет замуж за одного из старинных христиан, то, хотя бы имущество того лица, которое дало

Untitled

приданое, было конфисковано за преступление ереси, совершенное раньше, чем она была сосватана или отдана замуж, на нее не распространяется закон о конфискации; то же правило будет соблюдаться относительно мориска, принесшего имущество при браке в семейство старинных христиан, в случае когда будет постановлена конфискация у того, кто его дал; новохристиане удостоиваются того же погребения, что и остальные христиане.

IX. Как бы мягки и сдержанны ни были эти новые правила, было замечено, что мориски продолжали эмигрировать в Африку. Филипп II, думая прекратить это зло установлением обычая тайных разрешений, получил от папы Павла IV [487] бреве от 23 июня 1556 года и другое, от Пия IV [488], от 6 ноября 1561 года, которыми духовники уполномочивались тайно разрешать морисков, в порядке внешнего суда и суда совести, безо всякого наказания или денежного штрафа, даже в случае, если отступничество происходило несколько раз, при условии, однако, что они явятся по собственному побуждению просить разрешения. Эта милость должна была длиться во все время службы главного инквизитора Вальдеса.

X. Принятая система снисхождения не помешала Луису Альборасину, мориску из Альмуньекара, быть приговоренным к сожжению. Бежав в Африку, он вернулся с несколькими другими ренегатами в королевство Валенсия, чтобы побудить всех морисков к восстанию. Заговор был открыт и все заговорщики обезоружены. Луиса приговорили к сожжению в 1562 году. Однако гуманный план, который, по-видимому, преобладал, был удержан.

XI. 6 сентября 1567 года папа выпустил бреве, согласное с

Untitled

предыдущим, в пользу морисков, уезжавших из королевства Валенсия. Все-таки мориски Гранады не воспользовались предложенным благодеянием. Они восстали во всех частях королевства и избрали королем дона Фернандо Валора, одного из потомков их прежних государей из династии Абенумейя [489]. Восстание длилось несколько времени, и Филипп II пытался усмирить его, опубликовав указы об амнистии даже за все проступки, подлежавшие ведению инквизиции. Морискам обещали амнистию при условии, что они явятся просить о ней. Некоторые, действительно, явились и не только в королевстве Гранада, но и в королевствах Мурсия и Валенсия. К сожалению, инквизиторы все испортили примерными наказаниями, которым подвергали нераскаянных рецидивистов.

XII. 20 марта 1563 года инквизиторы Мурсии приговорили к позору публичного аутодафе и к получению ста ударов кнута, с угрозой четырех лет галер [490], мориска Хуана Уртадо. Все его преступление состояло в нарушении сделанного инквизиторами запрещения говорить по-арабски под угрозой штрафа в два дуката и в том, что он сказал, что инквизиторы грабят, налагая этот штраф. Новый пример, доказывающий (даже при допущении действительности факта), как наказания, налагаемые инквизицией, были непропорциональны проступкам.

XIII. В 1560 году инквизиторы королевства Мурсия сожгли в изображении (фигурально) одного мориска семидесяти лет, который умер в тайной тюрьме. Он уже был однажды разрешен без наказания и покаяния, после сделанного им добровольно признания. Светский суд открыл случайно,

Untitled

что он читал арабские книги по религии Магомета. Инквизиторы, узнав об этом, велели его арестовать и начали процесс. Обвиняемый признал факт, но оспаривал данное ему толкование, чтобы доказать, что он не рецидивист. Он был присужден к релаксации, и верховный совет утвердил приговор. Мориск, заболевший в тюрьме, умер, не прося об исповеди. Поэтому сожгли его изображение на первом аутодафе, которое справляли. Там прочитали приговор. Он гласил, что его труп будет вырыт, чтобы быть преданным пламени; память будет объявлена лишенной чести, семья будет отмечена в реестре, а имущество конфисковано.

XIV. На какие же результаты могли рассчитывать инквизиторы для чести религии от подобных мер и от еще худших? Как они не замечали, что эти меры годились только на возбуждение народа к восстанию и на то, чтобы вызвать стремление тысяч обитателей всей Испании избавиться от их жестокой политики путем эмиграции?

XV. 6 августа 1574 года Григорий XIII дал в пользу морисков новое бреве того же свойства, что и предыдущие. Но эта попытка имела не большее значение, чем первые, вследствие влияния, которое постоянно оказывала инквизиционная система. Таким образом, многие мориски Гранады, удалившиеся в Старую Кастилию во время последних смут, явились к своим пастырям, чтобы исповедаться в качестве еретиков-магометан и получить разрешение; но священники впали в сомнение, имеют ли они полномочия, достаточные для разрешения их, потому что апостолические бреве никогда не опубликовывались, но быстро запрятывались в архивах инквизиции. Поэтому

Untitled

кастильское духовенство не имело об этом никакого понятия. Священники посоветовались с епархиальными епископами; те обратились к инквизиторам своих округов, которые предоставили этот вопрос на усмотрение Эспиносы [491]. Этот начальник после обсуждения в верховном совете опубликовал 30 января 1571 года указ, который поручал всем трибуналам инквизиции уведомить епископов, что главный инквизитор уполномочивает всех духовников давать каноническое разрешение морискам в течение года; в то же время он рекомендовал инквизиторам предоставлять верный отчет в последствиях этой новой резолюции.

XVI. Значило ли это согласоваться с намерениями папы и короля и исполнять данные ими приказы? Почему кардинал Эспиноса ограничил судом совести действие власти разрешать кающихся, данной папой, и пользование этой властью годичным сроком? Какую выгоду извлекала религия из предосторожности слуг святого трибунала, с какою они скрывали римские бреве, предписывавшие противоположный образ действий? Разве не наступил наконец момент для отказа от этой системы устрашения и конфискации?

XVII. В 1575 году эта система привела к роковому костру в городе Логроньо одну мориску, по имени Мария, которая, получив в 1571 году каноническое разрешение, была затем оговорена и заключена в секретную тюрьму. Она признала свое новое уклонение в ересь, но вскоре взяла назад свое признание, говоря, что только по безумию она могла заявить о том, чего не было в действительности, так как не после своего разрешения, а раньше его получения она

Untitled

впала в ересь. Инквизиторы сочли ее безумие притворным и присудили ее к релаксации. Приговор был утвержден верховным советом, и Мария погибла в пламени.

XVIII. Эта система господствовала и приводила к одинаковым результатам в течение остальной части XVI века. Король получал из Рима брeve, одобряющие тайные разрешения при вступлении каждого нового папы на первосвященнический престол и при назначении преемника умершему главному инквизитору. Это причиняло расходы и денежные жертвы, которыми римская курия умела пользоваться.

XIX. Король для воспрепятствования эмиграции давал амнистию присужденным к секвестру их имущества. Но инквизиторы всегда, оставаясь господами положения вследствие самой непроницаемой тайны их действий, делали ничего не значащими эти благодетельные распоряжения государя. Они не опубликовывали снисходительных брeve, даваемых римской курией, потому что хорошо знали, что множество вновь впавших в ересь пожелает просить разрешения для самих себя. Не используя права, о котором они ничего не знали, они были оговариваемы, судимы и присуждаемы к сожжению.

XX. Примеры такой страшной жестокости увеличивали ужас морисков перед кровавым трибуналом, таким образом вершившим дела. Вместо того чтобы привязаться к христианству, как они сделали бы, если бы с ними обходились человечнее, они все более и более ненавидели религию, которую одно принуждение заставило их принять. Такова была причина мятежей, которые привели в 1609 году к совершенному изгнанию

Untitled

этого народа в количестве миллиона душ. Это была огромная потеря для Испании, кроме понесенных ею уже ранее. Таким образом, в сто тридцать девять лет инквизиция лишила испанскую монархию трех миллионов жителей евреев, мавров и морисков, потомство коих образовало бы прирост в девять миллионов душ ее населения.

Глава XIII О запрещении книг и некоторых других предметов этого рода

Статья первая КНИГИ

I. При пятом главном инквизиторе доме Альфонсо Манрике, кардинале и архиепископе Севильи, начали распространяться мнения Лютера, Цвингли [492], Эколампадия [493], Меланхтона [494], Кальвина [495] и Мюнцера [496]. Эти реформаторы обозначались именем протестантов со времени имперского сейма в Шпейере [497] в 1529 году.

II. Лев X уже осудил как еретические некоторые тезисы Лютера. Это побудило Манрике воспротивиться проникновению нового учения в Испанию, и он установил суровые наказания против всякого, кто осмелился бы поддерживать это учение устно или посредством сочинений, благоприятных системе новаторов.

III. Обращение книг - одно из вернейших средств пропаганды какого-либо учения. Поэтому в то время и в другие эпохи применялись различные меры с целью помешать этому. В этой главе я представляю общий обзор их.

IV. В 1490 году в Севилье сожгли несколько еврейских Библий и разные книги, написанные евреями. В Саламанке

Untitled

подобную участь потерпели более шести тысяч томов по магии, колдовству и суеверию, имевшие то же происхождение. Фердинанд и Изабелла приказали 8 июля 1502 года председателям апелляционных судов в Вальядолиде и Сьюдад-Реале, архиепископам Толедо, Севильи и Гранады и епископам Бургоса, Саламанки и Саморы постановлять приговоры по всем делам, касающимся разбора, цензуры, печатания, ввоза и продажи книг. 21 марта 1521 года папа писал губернаторам провинций Кастилии во время отсутствия Карла V, рекомендуя им препятствовать ввозу сочинений Лютера в королевство. Кардинал Адриан в качестве главного инквизитора направил 7 апреля того же года к отдельным инквизиторам указ об аресте всех ввезенных произведений этого рода. Верный усвоенной им системе репрессий, кардинал возобновил в 1523 году изданный им указ и поручил губернатору Гипускоа оказывать всяческую помощь должностным лицам инквизиций, в которой они будут нуждаться при исполнении своих обязанностей. V. 11 августа 1530 года верховный совет снова предписал инквизиторам во время отсутствия кардинала Манрике быть готовыми к исполнению намеченных в указе мер, прибавляя, что ему стало известно, будто сочинения Лютера проникают в королевство или под ложными заголовками, или как произведения, совершенно отличающиеся от них и составленные католическими авторами; что, несомненно, заблуждения Лютера проскользнули в форме примечаний в разные католические труды с намерением выдать их за учение авторов; для подавления этого нетерпимого

Untitled

злоупотребления инквизиторы должны отправиться во все публичные библиотеки и произвести там внимательный поиск произведений, попорченных рукою новых сектантов, и присовокупить к ежегодному указу о доносах особую статью, чтобы обязать католиков доносить инквизиции на всех лиц, которые читали эти книги или хранили их у себя дома.

VI. Верховный совет уже отнял у инквизиторов право разрешать печатание книг. Это обстоятельство, в связи с первым, показывает нам, что совет и инквизиторы пользовались властью, не полученною ими ни от папы, ни от короля. В то же время это доказывает, что в очень отдаленные эпохи существуют примеры домашних обысков, предпринимаемых для захвата запрещенных правительством книг. На самом деле совет приказал инквизиторам вести себя благоразумно и сдержанно. Но с 17 апреля 1531 года он уполномочил их поражать отлучением всякого, кто воспротивится мерам святого трибунала; всех, кто имеет эти книги в своих библиотеках или сознается, что имел их у себя, равно как и тех, кто, зная виновных, не донесет на них.

VII. Суровость декрета простиралась даже на приходских священников, которые отказались бы читать в своих церквах указы инквизиции, касающиеся этого предмета. Мы видим, что их обнародовали в городах, в мертечках и в деревнях и что даже обратились к прелатам монашеских орденов, к духовникам и проповедникам, чтобы они в своих проповедях или при исповеди напоминали верным о наложенном на них обязательстве.

VIII. Кардинал Манрике, считавший отыскание книг с новым

Untitled

учением делом величайшей важности для своего служения, послал инквизиторам в феврале 1535 года новый приказ, объявляя, что только что начавшийся Великий пост показался ему самым благоприятным временем для распространения этого приказа в народе. Действительно, я мог убедиться, занимая должность секретаря придворной инквизиции, что за одну пасхальную неделю число доносов бывало больше, чем в три других месяца года: неоспоримое доказательство старания духовников рекомендовать кающимся сообразоваться с этим законом.

IX. Другим указом, от 15 июля того же года, главный инквизитор запретил излагать в университетах королевства, читать и даже продавать где бы то ни было Беседы ("Colloquia") Эразма. В 1538 году он поразил той же анафемой Похвалу Глупости, Нелепость (Moria) и Пересказ Нового Завета ("Paraphrasis") того же автора. Это доказывает, что он переменял мнение насчет роттердамского богослова [498], к которому он до сих пор имел особое пристрастие и которого даже защищал на собрании ученых, бывшем в Мадриде в 1527 году для рассмотрения его трудов.

X. Эразма считали в Испании опорой католической веры против учения Лютера, и его врагами являлось меньшинство схоластических богословов, которые не знали ни еврейского, ни греческого языков, хорошо знакомых Эразму. Испанские богословы, письменно выступившие против него, были: Диего Лопес де Суньига и Санчо де Карранса, профессора богословия в университете в Алькала-де-Энаресе; брат Луис де

Untitled

Карбахал, францисканский монах; Эдуард Ли, посол английского короля, и Педро Витториа, богослов из Саламанки.

XI. В результате первого нападения на Эразма Великим постом 1527 года два доминиканских монаха донесли, как на еретические, на несколько тезисов, почерпнутых из книг Эразма. Альфонсо Манрике (друг голландского богослова) не мог избавиться от представления тезисов на суд квалификаторов, но он назначил судьями самых просвещенных богословов королевства.

XII. Будучи по праву председателем собрания, он заместил себя епископом Канарских островов, который был тогда в Испании, и написал 14 апреля множеству богословов из разных частей полуострова, чтобы они приехали в Мадрид в день Вознесения для присутствия на конференциях. Сандовал [499] уверяет, что их прибыло тридцать два человека. Я нахожу только одиннадцать, заслуживающих упоминания: Альфонсо Кордуанский, августинский монах, доктор Сорбонны [500], помощник профессора в Саламанке; Франсиско де Витториа, профессор в том же городе (брат Педро де Витториа, одного из противников Эразма); Альфонсо де Оропеса, профессор того же университета, бывший потом инквизитором; Хуан Мартинес Силисео, знаменитый богослов Саламанки, член великой коллегии св. Варфоломея (он был потом кардиналом и архиепископом Толедо); Педро де Лерма, также доктор Сорбонны, первый канцлер университета Алькалы, впоследствии ставший профессором в Париже, после того как он покинул родину, чтобы избежать тюрьмы святого трибунала и преследований некоторых школьных

Untitled

богословов, которые его не понимали; Педро Сируэло из Сорбонны, член королевской коллегии св. Ильдефонса [501] в Алькале, первый каноник-богослов Сеговии и каноник-преподаватель Саламанки; Альфонса Вируссе, бенедиктинский монах, который потом стал епископом Канарских островов и был жестоко преследуем инквизицией за то, что мужественно восстал против нее, как мы увидим это в статье о его процессе; Денис Васкез, августинский монах, доктор Сорбонны, профессор в университете Алькалы и папский проповедник (его смирение было так велико, что он отказался от сана архиепископа Мексики и епископа Паленсии); Николас Кастильо, монах-францисканец; Луис Нуньес Коронель, учившийся в Париже, в коллегии Монтегю [502], доктор Сорбонны, проповедник Карла V, великий богослов, по суждению Эразма, который говорит о нем в своем Пересказе Евангелия от Матфея, опубликованном раньше этого времени; Мигуэль Карраско, доктор Алькалы, из королевской коллегии Св. Ильдефонса, духовник архиепископа Толедо; Луис Кавеса де Бака, один из учителей Карла V, тогда епископ Канарских островов и вице-председатель комиссии. Этот прелат был последовательно епископом Саламанки и Паленсии; последнюю кафедру он занимал, когда отказался от архиепископства в Сант-Яго. Все эти богословы были авторами разных произведений.

XIII. Собрание этих докторов длилось два месяца. Чума, опустошившая тогда часть королевства, принудила их разъехаться раньше, чем они пришли к соглашению относительно приговора. Из многих писем видно, что

Untitled

Эразм писал в это время, что он надеется счастливо выпутаться из этого дела {Эразм. Письма 884,907 и 910.}. Но вышло не так. Верховный совет велел квалифицировать его Беседы, его Похвалу Глупости и его Пересказ, а затем было запрещено читать эти произведения. Во времена, более близкие к нашему, запрещение распространилось на многие другие книги того же автора, и инквизиция сочла долгом рекомендовать в своих указах читать в общем произведения Эразма с осторожностью, что предполагает, что они благоприятны для лютеранства, хотя он часто нападает на это учение с большой силой. "Как печальна моя судьба, - восклицает Эразм, - лютеране нападают на меня как на избличенного в папизме, а католики как на сторонника Лютера. Вследствие какой фатальности нельзя жить спокойно, хладнокровно пристав к истине, которая находится посреди двух крайностей и которую бойцы двух лагерей не могут отыскать, будучи ослеплены ненавистью и взаимным раздражением? Я ищу истину, и я нахожу ее то в тезисах католиков, то в тезисах лютеран. Возможно ли, чтобы еретик постоянно ошибался?" "Какое безумие этому верить!" - говорил Хуан Луис Вивес [503] из Валенсии, друг Эразма.

XIV. Император Карл V поручил университету Лувена составить список опасных книг; в 1539 году он получил папскую буллу, одобрявшую эту меру. Доктора Лувена окончили свой труд, и Индекс [504] в 1546 году был опубликован университетом во всех штатах Фландрии, шесть лет спустя после декрета государя, запрещающего под страхом смерти иметь или читать сочинения Лютера

Untitled

{Сандовал. История Карла V. Кн. 24. 23.}. Эта мера никому на понравилась как слишком суровая.

XV. Германские князья, открыто жаловавшиеся на это, предложили Карлу присоединиться к нему в войне, которую он собирался начать против турок, и помочь ему овладеть Константинополем, если он позволит народам пользоваться свободой мысли в деле религии. Карл V не обратил никакого внимания на протесты мелких германских государей. Эта дурная политика придала новые силы лютеранству, которое быстро распространилось. Князья, бывшие протестантами, подняли оружие против императора. Желание сбросить иго римских первосвященников, которое Карл V пытался удержать, заставило большую часть Германии принять учение Лютера.

XVI. В 1549 году главный инквизитор, с одобрения верховного совета, прибавил несколько новых произведений к списку запрещенных книг и послал 27 августа провинциальным инквизиторам два указа. Первый из них предписывал не разрешать никому иметь запрещенные книги; второй указ формально запрещал юрисконсультам святого трибунала хранить или читать книги даже в том случае, если при исполнении предписанных мер некоторые из этих книг попадутся им в руки.

XVII. В 1546 году император предписал университету Лувена опубликовать вторично, с дополнениями, список запрещенных книг, способных поддерживать вредные учения.

Этот труд появился в 1550 году. Император велел передать

Untitled

его главному инквизитору, и список был напечатан, по приказу верховного совета, с дополнением, состоявшим из некоторых других книг, запрещенных в Испании. Несколько времени спустя совет составил другой индекс, рукописный, который был удостоверен секретарем.

XVIII. Все инквизиции получили копию с него, а также с буллы Юлия III [505], которая возобновляла все запрещения и отменяла разрешения, противные новой булле. Папа поручал инквизиторам арестовывать как можно больше книг этого рода, публиковать указы о запрещении, сопровождаемые угрозами церковных наказаний, преследовать ослушников как подозреваемых в ереси и посылать в совет выметку книг, которые они читали и держали у себя.

XIX. Папа прибавлял, что он узнал, будто большое число книг находится в руках книгопродавцев и частных лиц, между прочим испанские Библии, отмеченные в Индексе, а также служебник и Часослов, помещенные в дополнении. Библии, о которых здесь упомянуто, находятся в большом числе в списке запрещенных книг, который 20 мая 1583 года главный инквизитор доминиканец Гаспар Кирога [506] велел напечатать в Мадриде у Альфонсо Гомеса и опубликовать.

XX. В то время как испанская инквизиция употребляла самую активную бдительность против вторжения лютеранства, Тридентский собор [507], признав необходимость борьбы против еретических сочинений, поручил знаменитому Каррансе [508] заботу составить их список. Рассмотрев множество книг, собранных по приказу собора, он отправил в доминиканский монастырь города Триента [509] те, учение коих не заслуживало порицания, и

Untitled

велел сжечь другие или бросить их разорванные листы в волны реки Эч {Саласар де Мендоса. Жизнь дом Бартоломео Каррансы. Гл. 7.}. Карранса вскоре уехал в Англию с Филиппом II, который был тогда уже королем Неаполя, и не только обратил там множество лютеран, но и велел сжечь несколько Библий, переведенных на народный язык.

XXI. Испанией управлял тогда, во время отсутствия Карла V, его сын Филипп Австрийский. Этот государь велел рассмотреть несколько Библий, ввезенных в королевство и не находившихся в списке запрещенных книг 1551 года. Некоторые были признаны опасными и запрещены 15 сентября особым декретом главного инквизитора, по соглашению с верховным советом. Было приказано провинциальным инквизиторам опубликовать новое запрещение, захватить все экземпляры этих произведений и употребить все строгие меры против ослушников нового декрета, даже если эти лица принадлежат к университетам, коллегиям, монастырям. Указы совета Кастилии, составленные по приказу короля и одобренные его величеством, появились в том же году. Они давали совету право разрешать печатание книг при условии их предварительного просмотра, если содержание их важно. Инквизиторы впутали свои интриги в это дело, и печать подчинена была самым суровым законам.

XXII. Римская курия, недовольная Филиппом II, отменила несколько булл, благоприятствовавших видам этого государя, между прочим и буллу об испанском крестовом походе.

Король решил посоветоваться с домом Мельхиором Кано,

Untitled

доминиканцем, епископом Канарских островов. Кано составил тогда и послал 15 ноября 1555 года Филиппу II докладную записку, в которой он принял на себя обязанность доказать между прочим, что папа не имел права отменять буллы без согласия государя, по изложенным им доводам. Павел IV, узнав об этом, приказал в 1556 году главному инквизитору Испании преследовать авторов этого учения как очевидно еретического и раскольнического. Филипп II запретил главному инквизитору использовать бреве. Тогда папа постановил, что Карл V и его сын Филипп II будут преданы суду и отлучены; что интердикт будет наложен на их государства и что будет принято решение, которое их образ действия делает неотложным. Карл V уже отрекся от короны. Филипп II, бывший тогда в Англии, писал 10 июля 1556 года принцессе Хуанне, которой было поручено управление государством, жалуясь на поведение папы. Тон письма, полный достоинства и энергии, так противоречит лицемерному и суеверному характеру государя, что это обстоятельство было бы невероятно, если бы само письмо Филиппа не делало этого факта неоспоримым {Кабрера. Жизнь Филиппа II. Кн. 1. Гл. 8 и 9.}. Таков был результат предприятия папы, что учение Мельхиора Кано избегло анафем римской курии.

XXIII. Карл V и Филипп II приняли различные меры для упорядочения обращения книг в своих государствах в Америке. 29 сентября 1543 года было приказано вице-королям, судам и губернаторам препятствовать печатанию, ввозу и чтению рассказов и романов.

XXIV. 5 сентября 1550 года новый декрет обязал

Untitled

председателя и членов торгового суда Севильи зарегистрировать все книги, предназначенные для колоний, составить подробный перечень и удостоверить, что они не запрещены.

XXV. В 1556 году правительство запретило публикацию всякого произведения, касающегося дел Америки, без разрешения совета Индий и продажу напечатанных, если они не были рассмотрены и одобрены, что обязывало всех, кто имел эти произведения, представить их в совет.

XXVI. 9 октября служащие в таможнях Америки были обязаны принять на себя просмотр всех ввозимых книг, арестовывать запрещенные и передавать их архиепископам и епископам, которые в этом отношении обладали теми же полномочиями, что и инквизиторы Испании.

XXVII. Наконец, 14 августа 1560 года Филипп II принял новые меры. Вследствие этого система надзора была поддерживаема в колониях Нового Света с такою же суровостью, как на полуострове.

XXVIII. Хотя правительство Карла V и Филиппа II ничем не пренебрегало для воспрепятствования ввозу запрещенных книг в Испанское королевство, туда проникали тем не менее многие из них, благоприятствовавшие лютеранам. В 1558 году указ главного инквизитора, более суровый, чем предыдущие, установил новые наказания жителям, которые не сообразовались с указом 1551 года. Инквизитор в согласии с верховным советом составил новую инструкцию для инквизиторов.

XXIX. Там было сказано, что все книги, внесенные в печатный список, должны быть арестованы; еретические

Untitled

поступят на аутодафе, а другие можно будет сохранить; схолии [510] и примечания, приписываемые Меланхтону, будут вычеркнуты во всех трактатах грамматики, где они существуют; Библии, отмеченные как подозрительные, будут подвергнуты просмотру; можно арестовывать только книги, занесенные в список; все книги, напечатанные в Германии с 1519 года без обозначения автора, года и места печати, должны быть тщательно просмотрены; перевод Феофилакта [511], исполненный Эколампадием, должен быть арестован везде, где его найдут; та же мера должна быть принята для некоторых томов творений св. Иоанна Златоуста, переведенных этим ересиархом и Вольфгангом Нускулом; комментарии еретиков, приложенные ко многим произведениям католиков, должны быть изъяты; медицинская книга, озаглавленная: Парадоксы Фукса [512], должна быть конфискована, хотя она и не находится в Индексе.

XXX. Когда был опубликован указ, Франсиско Санчес, профессор богословия в университете Саламанки, написал верховному совету, что с давнего времени имеет поручение разыскивать и рассматривать опасные книги и, когда он ознакомился с новым указом, у него возникли некоторые сомнения, в которых он счел нужным дать отчет. Санчес выставил девять пунктов и изложил свое мнение относительно решения, которое следовало принять.

XXXI. Верховный совет тогда нашел нужным приказать, чтобы университетские преподаватели богословия, изучавшие восточные языки, подчинились, как и другие лица, декрету, который обязывал, под угрозой отлучения, выдать комиссарам святого трибунала еврейские и

Untitled

греческие Библии, которые находились у них на руках; относительно книгопродавцев можно ограничиться мерою секвестра, чтобы воспрепятствовать их продаже; не следует тревожить владельцев еврейских, греческих и арабских книг, не внесенных в список; статья, касающаяся книг, напечатанных без имени автора и без обозначения года и места печати, должна иметь свое действие только относительно нестаринных книг и только в том случае, если они подозрительны. Не следует обращать никакого внимания на просьбу некоторых лиц о хранении Помпония Мелы [513] с комментариями Вадикано и некоторых других трудов под предлогом, что там нет ничего достойного порицания, и с обещанием вырвать все места, которые заставляли запретить эти книги; эти книги следует все изъять и отправить в совет, который их рассмотрит; что приказ о захвате всех книг, содержащих заблуждения, относится только к современным книгам; что свободно могут обращаться следующие книги: Закрепленный итог (*Summa armata*) Дюрана [514], сочинения Кайетана [515], Петра Ломбардского [516], Оригена, Феофилакта, Тертулиана, Лактанция [517], Лукиана [518], Аристотеля [519], Платона [520], Сенеки [521] и других авторов этого рода. Совет, узнав о существовании нескольких списков запрещенных книг, между прочим, изданных в Лувене и в Португалии и присланных святым трибуналом, а также римского списка, составленного по приказу его святейшества, в непродолжительном времени соединит их вместе, чтобы составить из них один общий каталог.

XXXII. Главный инквизитор напоминал в своем указе буллу Павла III, который запрещал читать и держать у себя книги,

Untitled

которые содержали ереси или авторы коих были заподозрены в ереси, безо всякого исключения, даже архиепископам и епископам. 21 декабря 1558 года явилась новая запретительная булла Павла IV, которую Райнальди поместил в свое продолжение Летописи кардинала Барония.

XXXIII. Я отмечу 1558 год как эпоху страшного закона Филиппа II относительно предмета этой части моей Истории. Он датирован 7-м числом сентября. Государь постановляет смертную казнь и конфискацию имущества для тех, кто будет продавать, покупать, хранить или читать книги, запрещенные святым трибуналом. Для того чтобы сделать более совершенным исполнение этого закона и отнять у народа всякий предлог неведения, он велит напечатать каталог, составленный главным инквизитором и верховным советом. В этом законе находятся и другие распоряжения, предмет коих один и тот же и размер коих не позволяет мне поместить их здесь {Кастильский сборник. Кн. 1. Отд. VII. 24-й закон.}.

XXXIV. Я нахожу другую папскую буллу, от 6 января 1559 года, направленную против тех, кто держит у себя или читает запрещенные книги. В ней предписано духовникам тщательно выспрашивать кающихся по этому предмету и напоминать им обязательство доносить на виновных, под угрозой отлучения, разрешить которое может только главный инквизитор. Особая статья подвергает тому же наказанию духовников, которые не исполнили бы этого долга по отношению к кающемуся, причем их не может извинить звание кающегося, будь это епископ, архиепископ, патриарх, легат, кардинал, барон, маркиз,

Untitled

граф, герцог, принц и даже король или император, потому что другая булла, от 15 февраля предшествующего года, всех их включила как подвергающихся наказанию по обвинению в ереси.

XXXV. Однако я замечу, что не замедлили внести некоторое смягчение в столь жестокий закон, так как кардинал Алессандрии [522] Микеле Гислерио, доминиканец, главный инквизитор Рима (впоследствии канонизованный, как папа, под именем св. Пия V) [523], опубликовал 14 июня 1561 года бреве, или декрет, который, по приказанию римской курии, был сообщен мадридскому двору для приведения в исполнение буллы. В этом декрете он объявил от имени папы Пия IV об упразднениях, которые должны быть произведены в каталоге запрещенных книг. Другим распоряжением, изложенным в декрете, было дано разрешение держать и читать некоторые запрещенные книги, особенно те, которые не содержали никакого еретического принципа и были запрещены только по их авторам, которые были еретиками, анонимные книги, Библии на народном языке, книги по медицине, физике, грамматике или на другие подобные темы.

XXXVI. Главный инквизитор Вальдес тотчас предписал провинциальным инквизиторам приостановить публикацию указа до тех пор, пока будет получен приказ от короля, запрошенного на этот счет; он представил королю опасность меры, аннулирующей от имени папы отлучение в пользу виновных, которых прежние буллы подвергали этой угрозе. Но политика Вальдеса имела другое побуждение.

Untitled

XXXVII. Этот инквизитор опубликовал 17 августа 1559 года печатный каталог запрещенных книг, гораздо обширнее списка 1558 года, в котором он поместил, по совету Франсиско Санчеса, цензора Саламанки, все произведения, отмеченные в каталогах Рима, Лиссабона, Лувена и Испании в прежнюю эпоху. Он разделил их на шесть разрядов. Первый разряд содержал латинские книги, второй - книги на кастильском языке, третий - на голландском языке, четвертый - на немецком, пятый - на французском и шестой - на португальском. Вальдес уведомлял в примечании в конце своего индекса, что существует много других книг, подлежащих тому же запрещению, и что по мере их розыска они будут включены сюда. Он установил наказание отлучением и штраф в двести дукатов для тех, кто будет держать или читать какие-либо из этих книг, а в их числе было много таких, чтение коих было разрешено папою.

XXXVIII. Вальдес поместил в каталоге несколько книг, которые не только слыли за католические, но и были на руках у всех как исполненные духа истинного благочестия. Их авторы, из коих одни умерли, а другие еще были живы, пользовались репутацией святости, что не предохранило их от строгостей инквизиции вследствие многих доносов, изобретенных предубеждением. Среди этих произведений назовем следующие:

1. Нападение или католическое опровержение еретической книги, опубликованной в 1480 году в Севилье. Автором был дом Эрнандо де Талавера, епископ Авилы, потом бывший архиепископом Гранады. Я уже говорил о нем, о его процессе и об информации, собранной по его смерти для

Untitled

подготовки канонизации.

2. Советы и христианские правила касательно слов Давида: "Слыши, дщи" и проч., составленные достопочтенным учителем Хуаном д'Авиллой, историю коего я предполагаю изложить подробно.

3. Толкования на христианский Катехизис, составленные домом Бартоломео Каррансой де Мирандой, архиепископом Толедо. Его процесс займет много места. Тогда я покажу, что это произведение явилось причиною всех мер, принятых Вальдесом.

4. Цвет святых (*Flos sanctorum*), составленный братом Эрнандо де Вильегасом.

5. Трактат о молитве и размышлении с Спутником грешников. Оба принадлежат достопочтенному брату Луису из Гранады, доминиканскому монаху, который также испытал преследование инквизиции.

6. Подвиги христианина. На автора этой книги, св. Франсиско де Борху [524], поступил донос в инквизицию.

XXXIX. Каталог Вальдеса содержал другие общие запрещения (постыдный результат варварства!), способные привести к падению хорошего вкуса в литературе и к установлению владычества схоластической философии и богословия, что и случилось в Испании как необходимое последствие принятой системы.

XL. Эта новая проскрипция охватила все еврейские книги и книги на других языках, где шла речь о еврейских обрядах; книги арабов и других народов, говорившие о магометанской вере; произведения, составленные или переведенные еретиком или осужденным в качестве еретика святым трибуналом; трактаты, написанные

Untitled

по-кастильски или на народном языке, к которым еретик присоединил предисловие, послание, вступление, краткий обзор, примечания, приложения, пересказы, изъяснения, толкование и другие части в этом роде; все проповеди, писания, послания, беседы о христианской религии, ее таинствах и Священном Писании, если эти труды были неизданными рукописями.

XLII. Наконец, то же запрещение было сделано относительно множества переводов Библии и других книг, которые не только были составлены людьми великого благочестия, но которые ценили как весьма годные к направлению душ на стезю добродетели. В этом числе были книги: Дионисия-картезианца; автора, известного под именем Идиот; епископа Рофенсе и многих других авторов, Позже это заставило св. Терезу Иисусову [525] сказать с тем чистосердечием, которое было ей так свойственно: "Когда велели изъять множество книг на испанском языке, чтобы воспрепятствовать их чтению, я была крайне огорчена, ибо в числе их были многие, которые являлись для меня источником утешения. Я не могла читать тех, которые были написаны по-латыни. Тогда Господь мне сказал: не тревожься, я дам тебе книгу жизни". Св. Тереза также была одной из жертв инквизиции.

XLIII. На восемнадцатом заседании Тридентского собора (которое началось 26 февраля 1562 года) епископы признали необходимость рассмотрения книг, оговоренных как подозрительные, потому что возникли жалобы по поводу запрещения множества произведений, которые, как уверяли, были некстати внесены в Индекс, установленный папою Павлом IV. Собор назначил комиссию, чтобы

Untitled

заняться этим делом. Члены комиссии сделали доклад об их работе на последнем заседании 24 декабря 1563 года. Они объявили, что составили список произведений, которые показались им заслуживающими запрещения. Решили отправить его к верховному первосвященнику, чтобы тот скрепил его. Пий V опубликовал его вместе со своей буллой от 24 марта 1564 года и присовокупил десять общих правил для разрешения могущих возникнуть затруднений. В этот новый список не вошло множество книг, которые были несправедливо осуждены главным инквизитором Вальдесом, и катехизис Каррансы был объявлен хорошим на собрании богословов, которому поручено было собором сделать просмотр его.

XLIII. Доктор Гонсало де Ильескас напечатал в 1565 году первую часть Папской истории. Святой трибунал велел тотчас ее арестовать. Автор опубликовал в 1567 году вторую часть в Вальядолиде. Она подверглась той же участи. Несколько времени спустя сам Ильескас стал жертвою жестокого преследования. Оно было направлено инквизиторами Вальядолида, и этот историк смог остановить его дальнейший ход лишь согласием на упразднение своего труда и обещанием написать другую историю без статей, помещенных в первой и содержащих нападки на нескольких пап. Изуродованный таким образом труд появился в Саламанке в 1574 году. Несмотря на старания, приложенные святым трибуналом к уничтожению первого издания, Ильескас поместил его в свой индекс 1583 года, как будто бы еще оставались его экземпляры.

XLIV. 9 октября 1567 года верховный совет приказал арестовать богословские произведения Джованни Фери,

Untitled

итальянского францисканца, напечатанные в Алькала-де-Энаресе с примечаниями и исправлениями Мигуэля де Медины, францисканца, а также толкования Феро на Евангелие от Иоанна, на его соборное послание и на Послание св. Павла к Римлянам, напечатанные в Италии и ввезенные в Испанию. То же произошло с Проблемами Священного Писания, изданными Франческе Джорджио, венецианцем.

XLV. Все эти меры явились следствием процесса, возбужденного толедской инквизицией против Мигуэля де Медины, который печально окончил свою жизнь в тюрьме святого трибунала 1 мая 1578 года, до приговора. После его смерти внесли в запретительный Индекс 1583 года его Апологию Джованни Феро, труды коего также были запрещены до их исправления. Несчастья Медины заставили горевать много людей, которым этот монах внушал большое уважение, когда стоял во главе монастыря в Толедо и когда был принят в число членов Тридентского собора как богослов Филиппа II, доверие коего заслужил своей просвещенностью.

XLVI. Декрет верховного совета от 15 июня 1568 года поручает всем служащим инквизиции иметь тщательное наблюдение за границами Гипускоа, Наварры, Арагона и Каталонии для противодействия ввозу запрещенных книг. Это решение было принято по совету инквизиторов Барселоны и по письму испанского посла в Париже. Инквизиторы писали, что их комиссар в Перпиньяне только что узнал от одного купца, что тот видел, как в Шартре [526] грузили множество лютеранских книг на кастильском языке, предназначенных в Испанию; посол уведомил

Untitled

короля Филиппа II, что отправляли даже из Парижа еретические книги в бочках из-под шампанского и бургонского вина и делали это так ловко, что служащие таможен не могли этого заметить, какими бы средствами они ни пользовались.

XLVII. 21 июня 1568 года запретили произведения Пьера де Ремона, уроженца Вермандуа [527]; позднее эти книги были внесены в Индекс.

XLVIII. 15 мая 1570 года совет наложил секвестр и запретил чтение произведения Иеронимо Олеастро о Пятикнижии и книги Малая служба, напечатанной в Париже у Гильома Мерлена в 1556 году. Единственным мотивом этого запрещения является то, что на фронтисписе были изображены крест, лебедь и слова: Сим победиши ("In hoc signo vinces") [528]. Та же суровая мера была предписана относительно всех книг, на которых были бы представлены подобные символы или другие аллегии в этом роде.

Отсюда видно, что запрещение Малой службы было основано на употреблении буквы c вместо s в слове signo.

XLIX. 19 января 1571 года инквизиторы постановили арестовать Библию на испанском языке, напечатанную в Базеле. Как будто их власть недостаточно простиралась для уничтожения всех книг, которые они хотели запретить, Филипп II предписал герцогу Альбе, губернатору Нидерландов, велеть составить для употребления фламандцев особый индекс, при помощи ученого Ариаса Монтана [529]. Последний был председателем богословской комиссии Нидерландов, которая сочла возможным поместить в индекс только латинские книги, запрещенные инквизицией или нуждавшиеся в

Untitled

исправлении.

Эта мера была применена к трудам очень известных авторов как умерших, так и живых, но в особенности к трудам Эразма, так что можно было думать, будто его книга являлись главным предметом запрещения, а книги других авторов только вымышленным предлогом для скрyтия цели повредить Эразму.

L. Каталог был напечатан в Антверпене у Плантина [530], с предисловием Ариаса Монтана от 1 июня 1571 года.

Королевский указ Филиппа II, на фламандском языке, обязывал каждого жителя сообразоваться с запретительным индексом, кроме того, был издан акт, или прокламация, герцога Альбы, с приказом точного исполнения всего. Этот каталог известен под именем Запретительного индекса герцога Альбы. Святой трибунал не участвовал совсем в этом деле, потому что народы Фландрии отказались признать его юрисдикцию.

LI. В 1582 году главный инквизитор дом Гаспар де Кирога, кардинал и архиепископ Толедо, велел напечатать новый запретительный индекс, в который он включил почти все книги, отмеченные в предыдущих списках и запрещенные в силу позднейших декретов. Замечательно, что одним из трудов, внесенных в этот новый список, был Индекс, который его предшественник Вальдес составил и велел напечатать в 1559 году.

LII. Индекс, опубликованный им в 1584 году, был составлен Хуаном де Марианой [531], который был гоним своими собратьями иезуитами [532] за то, что он не изъясил из этого списка труда св. Франсиско Борха, или по другим мотивам, которые бесполезно излагать здесь. Я замечу, что Мариана

Untitled

несколько времени спустя увидел некоторые из своих собственных произведений включенными в индекс.

LIII. В 1611 году появился новый каталог, отредактированный при главном инквизиторе доме Бернардо де Рохас-и-Сандовале [533] братом Франсиско де Иесус-и-Ходаром, босым кармелитом [534]. Он был напечатан в 1612 году.

LIV. Преемник Рохаса кардинал Сапата [535] в 1630 году принял новый расширенный Индекс, составленный иезуитом Пинедою. Им воспользовался в 1640 году преемник Сапаты дом Антонио де Сотомайор [536].

LV. Это был первый индекс, который главные инквизиторы осмелились опубликовать собственной властью, не получив поручения от правительства. Дом Диего Сармиенто Вальядрес [537], главный инквизитор, в 1681 году начал его перепечатку добавлениями; перепечатка была окончена домом Видалем Марине [538], который опубликовал каталог в 1707 году.

LVI. Дом Франсиско Перес дель Прадо [539], другой главный инквизитор, поручил в 1747 году иезуитам Касани и Карраско составить новый индекс. Хотя эти монахи не получили никакого полномочия и никакого запретительного декрета от верховного совета, они внесли туда по собственному побуждению все книги, которые, по их предположению, благоприятствовали взглядам янсенистов [540], Бая [541] и отца Кенеля [542], по заметкам, заимствованным ими из Янсенистской библиотеки отца Колонии.

LVII. На такой образ действия в совет поступил донос от доминиканца Консины и некоторых других монахов.

Untitled

Иезуиты были допрошены и защищались. Совет не мог их одобрить, но решил все-таки не продолжать дела дальше. Тогда он чувствовал себя слишком слабым для поколебания кредита иезуита Франсиско Рабаго, духовника Фердинанда VI [543].

LVIII. В числе книг, запрещенных ими, находились сочинения кардинала Нориса [544], августинца, пользовавшегося общим уважением ученых христианского мира. Бенедикт XIV послал в 1748 году бреве главному инквизитору, чтобы он тотчас же велел отменить это запрещение. Приказ не был исполнен. Тогда папа пожаловался королю. Так как духовник государя был иезуит, настояния верховного первосвященника остались безуспешными, пока Рабаго не перестал руководить совестью короля, что случилось через десять лет. Кардинал Портокарреро тогда достиг того, чего безуспешно добивался его господин.

LIX. Индекс иезуитов содержал также несколько трактатов достопочтенного дома Хуана де Палафокс-и-Мендосы, епископа города Пуэбла-де-Лос-Анхелоса [545], архиепископа и вице-короля Мексики, а затем епископа Осмы. Впоследствии конгрегация обрядов [546] объявила, что в его сочинениях нет ни одного тезиса, который заслуживал бы богословского осуждения, и вследствие этого можно предпринять его канонизацию. Главный инквизитор был принужден отменить декрет о запрещении указом, который он велел расклеить и экземпляры коего были сорваны друзьями иезуитов. Перес дель Прадо был сам им предан, и благодаря этому он встал во главе инквизиции, когда иезуиты могли располагать всеми

Untitled

местами. Для того чтобы получить правильное понятие о критике этого прелата, достаточно знать, что он горько оплакивал несчастье своего века, говоря, что "некоторые люди простерли дерзость до омерзительной крайности, требуя разрешения читать Священное Писание на народном языке, не боясь найти там самый смертельный яд".

LX. В недавнюю эпоху дом Агостино Рубин де Севальос [547], епископ Хаэна, главный инквизитор, поручил дому Хоакино Кастельогу, белому священнику, составить новый список книг, запрещенных или подлежащих пересмотру. Этот труд был исполнен в 1790 году и вышел в свет в 1792 году, без согласия и даже вопреки оппозиции верховного совета инквизиции. В 1782 году главный инквизитор дом Фелипе Бельтрандо [548], епископ Саламанки, запросил, по соглашению с советом, брата Франсиско Раймонда Махи (монаха ордена милосердия, а затем ставшего епископом Альмерии) о проекте нового списка. Этот ученый богослов отвечал 9 декабря, что лучший образчик представляет Индекс Бенедикта XIV и что в список следует вносить только действительные еретические книги, а не подозреваемые в ереси. Совет обсуждал это мнение вместе с тремя богословами и, одоблив его, поручил редакцию списка брату Махи. Когда преемником Бельтрандо в должности главного инквизитора стал Рубин де Севальос, все совершенно переменялось. Дом Хоакино Кастельог был капелланом мадридского женского монастыря Воплощения, более набожным, чем ученым, как я сам мог это заметить.

LXI. Этот Индекс в силе в настоящее время. Однако

Untitled

запрещения с тех пор умножились так же, как и меры исправления, в силу особых резолюций. Они достаточно многочисленны, так что могут образовать целый том, если бы этот труд заинтересовал читающих историю.

LXII. Можно было бы составить очень длинную историк скандальных распрей, которые породили дела Индекса между главными инквизиторами и королевским правительством. Достаточно заметить, что инквизиторы простерли свою смелость до непризнания королевского авторитета и до претензии, что их власть исходит от Бога, вследствие самого свойства их обязанностей. Они говорили, что, если король не уничтожит трибунала, они не перестанут защищать права свято] инквизиции. Нельзя без негодования читать о том, что про исходило в совете Кастилии в 1696, 1704, 1724 и 1761 годах.

В самое последнее время причиной раздора был формальный отказ главного инквизитора дома Мануэля Кинтан Бонифаса [549], архиепископа Фарсала [550], исполнить королевский указ от 8 августа, который предписывал остановить публикацию папского бреве, запрещающего катехизис Мезагюи [551]. Король удалил от двора главного инквизитора и запретил впредь опубликовывать какую-либо папскую булл без предварительного разрешения королевского декрета; в то же время было предписано инквизиторам не публиковать никакого запрещения книг, не испросив и не получив королевского дозволения.

LXIII. Запретительным декретам предшествует мера, называемая квалификацией, ведение которой принадлежит верховному совету. В его присутствии

Untitled

устраивается процесс, начинающийся или в служебном порядке, или по доносу, который сделан главному инквизитору. Так как донос чаще всего поступает к придворным инквизиторам, они обыкновенно избирают квалификаторов, которые производят оценку книги не только по оговоренным тезисам, но в объеме всего произведения, экземпляр коего к ним посылается вместе с копией доноса - первому квалификатору и затем второму с неподписанною копией первого ответа. Если они согласны на запрещение, инквизиторы посылают в совет протокол с их приговором. Если их мнения противоположны, передают третьему неподписанные копии двух мнений, книгу и донос, прежде чем отправить что-либо в совет.

LXIV. Провинциальные трибуналы также имеют право получать доносы. Их инквизиторы в общем поступают подобно первым. Но совет почти никогда не пропускает случая поручить придворным инквизиторам снова квалифицировать оговоренные тезисы книги, потому что они более доверяют их квалификаторам, чем другим. Я мог убедиться, что этот мотив не всегда был неоснователен, хотя в большинстве случаев это были люди с предрассудками, без знания церковной истории, соборов и Отцов Церкви. Их образование ограничивалось тем, что они почерпнули из схоластического богословия. Так как живые католические авторы, на которых нападали, никогда не получали права защищаться сами и так как не разрешалось выступать на защиту умерших авторов, вопреки определенному распоряжению буллы Бенедикта XIV и указу Карла III, случалось, что, вопреки здравому смыслу и справедливости, цензура одерживала, верх над

Untitled

множеством произведений.

LXV. Я вспоминаю о том, что произошло по поводу Науки законодательства кавалера Филанджьери [552]. Перевод этой книги был начат мадридским адвокатом. Вскоре после того, как половина труда была опубликована, к инквизиторам поступил донос на него. Те поручили оценку труда капуцину [553], миссионеру и проповеднику на перекрестках и публичных площадях Мадрида, который был известен в народе под малопочтенным прозвищем. Этот монах не изучал подлинного труда (языка коего он не знал) и, полагая, что достаточно прочесть первый том перевода, оценил произведение как отвратительное, полное ересей, проникнутое во всех статьях духом Антихриста, врага Евангелия, преподающее доктрину современных философов, что заставляло его запретить даже для тех, кто получил разрешение читать запрещенные книги. Инквизиторы ограничились этим заявлением капуцина в убеждении, что другая оценка бесполезна, потому что даже при предположении, что она благоприятна для произведения, она никогда не будет достаточна для полного ослабления доводов, мотивировавших первую. Те, кто знал первую часть первого тома итальянского подлинника, были сильно изумлены подобной оценкой. Я сам, прочтя его целиком, сказал декану инквизиторов дому Хуану Мартинесу де Нубле, что, если пожелают исполнить вышеупомянутые буллу и указ, я выступаю себя защитником книги, потому что автор ее спокойно живет в Неаполе, пользуется репутацией хорошего католика, - соглашаясь все-таки на исправление труда в той статье, где он нападает на

Untitled

инквизицию.

Вместо того чтобы приветствовать интерес, который я принимал в человеке, несправедливо обиженном, он долго звал меня ироническим прозвищем Филанджьери. Я мог бы привести другие подобные факты, но достаточно этого, чтобы понять способ, которым инквизиция вносила в список книги, учения коих опасалась.

LXVI. Подобные меры являются одним из доказательств, что святой трибунал был неполитичен, так как мы видим, что в разные эпохи он запретил превосходные произведения, составленные в защиту прав королевской власти, под предлогом, что в них отказывали папе в косвенной власти над государями и потому, что в них устанавливали, что ни инквизиторы, ни другие церковные судьи не могут пользоваться правом цензуры, когда речь идет о предметах вполне мирских. Эти два тезиса были осуждены как ошибочные, близкие к ереси и способные привести к ней. Ясно, к каким последствиям должен был привести этот принцип.

LXVII. К различным средствам, употреблявшимся против обращения запрещенных книг, присоединили наконец в указе о доносах следующую статью: "Каждый житель обязуется объявить, если он знает или слышал, что кто-нибудь держал у себя или держит в настоящее время книги лютеранской секты или другие еретические книги, будут ли то Алкоран и другие сочинения по религии Магомета, или Библии на народном языке, или другие запрещенные сочинения".

Статья вторая Картины и другие предметы

I. Будучи убеждены, что все, способное благоприятствовать

Untitled

ереси, должно быть подчинено их юрисдикции, инквизиторы завладели правом осмотра и оценки всех произведений искусства, как будто картины, эстампы, медали и другие произведения этого рода были средствами для пропаганды учения [554].

Самый старинный пример в этом роде, какой я знаю в истории испанской инквизиции, относится к 1571 году. Святому трибуналу донесли как на привезенные из-за границы на две картины на полотне и на серию из двенадцати эстампов. Одна из картин представляла распятие Иисуса Христа, с головою, окруженной сиянием; крест был помещен на престоле с двумя свечами; у подножия креста были поставлены слова Иеремии: "Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности" [555]. В алтаре близ престола стоял человек на коленях. Из рта его выходила красная лента, оканчивающаяся сердцем, помещенным слева от распятия, со словами: "Бог есть дух, и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине. Св. Иоанн, 4" [556].

Под фигурой человека был другой текст: "Но время настало, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине. Иоанн, 4" [557]. Сзади был человек в богатой одежде, на коленях, в позе молящегося. Из его рта выходила следующая выдержка из Священного Писания: "Не тщеславьтесь хищением; когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердце. Псалом 91 - вы не можете служить Господу" [558]. Наверху стояли слова: "Хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаяя, как написано: люди сии чтут меня устами, сердце же их далеко отстоит от меня. Марк, 7" [559].

Untitled

II. Вторая картина изображала Святую Троицу с аллегориями. В верхней части картины виден был в сияющем круге Бог Отец под видом лысого старца, с руками, скрещенными на груди; дальше голубь и треугольник, в котором было нарисовано семь глаз с мечом внизу. На правой стороне юная дева указывает рукою на Бога Отца множеству людей, внимательно слушающих учение Премудрости, олицетворяемой этою женщиной. Внизу ее помещены слова: Евангелие, закон благодати. На левой стороне картины изображены три врага души: дьявол, мир и плоть, и смерть. Над фигурой смерти арабская надпись. Под фигурами людей семь смертных грехов с их атрибутами. Вверху картины видна луна в своем склонении в атмосфере, почти темной.

III. Двенадцать эстампов изображали двенадцать сцен страстей и смерти Искупителя. Первый представлял Иисуса Христа в Иерусалиме, последний - сошествие в ад. Каждый эстамп имел подпись по-латыни и по-французски, объясняющую сюжет.

IV. Совет инквизиции поручил пяти богословам квалифицировать эти произведения. Их мнение признавало необходимость запрещения их как отравленных заблуждениями Лютера. Картина с изображением Иисуса Христа подлежала запрещению потому, что все выдержки из Священного Писания, особенно о лицемерах, были помещены с намерением убедить, что лицемерие само по себе есть смертный грех; молитва в этом состоянии души сама является грехом и таким образом лицемеру не следует молиться. Картина с изображением Святой Троицы была лютеранскою потому,

Untitled

что она указывала, будто люди не обязаны совершать добрые дела, а только предаваться божественному созерцанию, так как Иисус Христос уничтожил смерть и грех, искупив их преступления своими страданиями и смертью. Эстампы должны быть также запрещены, потому что подписям был придан лютеранский смысл, и эти эстампы подходили под тот вид цензуры, которой были отмечены эстампы одной Библии, вырванные вследствие декрета. Все эти предметы были изъяты по приказу верховного совета, который формально запретил допускать что-либо подобное к ввозу в королевство.

V. Этот случай побудил инквизиторов Сарагосы запросить верховный совет, чтобы узнать, следует ли им опубликовать указ против картин с обнаженными фигурами. Совет ответил, что запрещение может относиться к тем картинам, где нагота слишком бросается в глаза. Поразительный пример непоследовательности святого трибунала, который, с одной стороны, приказывал преследовать того, кто держал Венеру в своем доме, и арестовывать картины и гравюры в этом роде, а с другой - допускал существование в храмах многочисленных изображений детей, представляющих ангелов, у коих ничто не скрывало от глаз форм, приданных им художником со всем совершенством человеческой природы. Что мне сказать об изображениях Иисуса-младенца и св. Иоанна Крестителя, которых искусство так хорошо нарисовало для украшения церквей и женских монастырей?

Позволительно думать, что духовники лучше меня могли бы выразиться на этот счет.

VI. Севильская инквизиция написала совету, что она только

Untitled

что узнала, что лютеране выбили во Фландрии медаль, оскорбительную для верховного первосвященника. С одной стороны был представлен папа в образе дьявола, с подписью: "Злые вороны пастыри овец" ("Mmali corvi masculi ovium"), а на другой - кардинал святой римской Церкви в виде полоумного, и вокруг него слова: "Глупцы, когда-нибудь поумнейте" ("Stulti aliquando sapite"). Совет 15 ноября постановил изъять все предметы подобного рода везде, где можно их отыскать, и допросить их владельцев о происхождении, поводах и цели их приобретения и обо всех обстоятельствах, которые полезно знать святому трибуналу.

VII. Между тем инквизиторы сочли удобным рассмотреть множество предметов, более или менее посторонних доктрине, с такой же суровостью, которую они применяли к книгам, и запретить или разрешить их по капризу, управлявшему их политикой. Поэтому веера, табакерки, зеркала и комнатная мебель часто причиняли большие хлопоты и сильные огорчения их владельцам, когда на них открывали какую-нибудь мифологическую фигуру, которая казалась слишком неприличной. Однако тогда редко запрещали столь многочисленные книги, где фанатизм, суеверие и ложь, казалось, были скомбинированы для обмана простодушных мужчин и легковерных женщин. Эти книги уверяли, что дается полное прощение всем грешникам за краткую молитву к святому или к святой, образ коих почитался в том или другом монастыре; за ношение нарамника (scapulaire), медали или реликвии, за целование кости, которую считали (без довода и без доказательства) коренным зубом св. Полонии [560], или

Untitled

кости от груди св. Агафии [561], или глаз св. Лукии [562], или чресл св. Раймонда [563], позвонка от спины св. Маргориты из Касии; [564] за целование монашеского одеяния; за одевание статуи какого-нибудь святого в церкви его монастыря и, наконец, в бесчисленном множестве других воображаемых милостей за ничтожные действия, которыми подменены подвиги степенного и разумного благочестия.

VIII. Однако следует заметить, что изъяли некоторые девятидневки [565] и молитвы, приспособленные к этому виду суеверия, и даже некоторые книги, которые обманывали невежд рассказами о мнимых чудесах. Но число обращавшихся безнаказанно было непропорционально велико в сравнении с числом уничтоженных, потому что квалификаторы были все монахи, заинтересованные в покровительстве культу святых их монастырей. Пример такого положения легко отыскать в правиле французских монахов XII века, которые восхваляли (и называли благочестивым обманом - *ria fraus*) ложь и вымыслы, которые они и другие монахи распространяли в мире, чтобы расположить верующие души к большему почитанию святых их орденов и к щедрым пожертвованиям, что слишком часто было следствием этого почитания.

IX. Если кто-нибудь осмеливался купить, держать у себя или читать запрещенные книги, тот в глазах инквизиторов становился заподозренным в ереси. Его считали заслужившим наказание верховного отлучения, провозглашенного запретительным указом. Трибунал начинал процесс, а в результате получалось условное

Untitled

оправдание, как будто он действительно заслужил наказание от Бога.

X. В последние годы восемнадцатого столетия никого не сажали в секретную тюрьму за хранение или чтение запрещенных книг, если он в то же время не был изобличен в устном или письменном выставлении еретических тезисов или положений, противных духу инквизиции. Налагаемое наказание ограничивалось денежным штрафом и объявлением, что он заподозрен в ереси в малейшей степени. Надо даже сознаться, что эта квалификация опускалась, если находились поводы думать, что подсудимый погрешил из любознательности, а не по приверженности к вредному учению.

XI. Однако все эти распоряжения произвольны, и инквизиторы были уполномочены уставом преследовать всех нарушителей закона как заподозренных в ереси. Из этого обстоятельства видно, как было опасно рассчитывать на снисходительность святого трибунала, в особенности если имели несчастье дурно отозваться о монахах-квалификаторах или посмеяться над их манерой жить и над монашескими обычаями. В этом крайне важном случае оговоренный рассматривался как лютеранин, и его участь предоставлялась мстительности священников.

XII. Разрешение читать запрещенные книги делало недействительным всякое действие, направленное против того, кто хотел нарушить закон о запрещении. В Риме папа позволял это за деньги, без всякого удостоверения в том, не способен ли проситель злоупотребить этим разрешением для отказа от католического культа. В Испании главный инквизитор действовал с большей

Untitled

предусмотрительностью. Он получал секретные осведомления о поведении просителя, об общественном мнении относительно его образа мыслей по вопросам религии и о точности в исполнении христианских обязанностей. Даже когда эти донесения были благоприятны, было трудно получить разрешение на чтение, а особенно на хранение запрещенных книг. Если инквизитор был благосклонно расположен к просителю чтения запрещенных книг, его приглашали изложить письменно цель испрошения этой привилегии, какого рода сочинение он предполагал прочесть, и поводы, побудившие его предпринять этот труд. Предполагая добросовестность с обеих сторон, привилегия давалась для известного количества книг, намеченных в том или другом роде литературы. Если разрешение было общим, в него всегда помещали исключение для книг, запрещенных указами даже для лиц, получивших привилегию. Таковы были книги, нападавшие открыто и намеренно на католичество, как целиком составленные с этой целью, так и те, в коих опасные тезисы были рассеяны в тексте.

XIII. В этом смысле исключены были из всякой привилегии сочинения Жан-Жака Руссо, Монтескье, Мирабо, Дидро, Д'Аламбера, Вольтера и многих других современных неверующих философов, к числу которых сочли нужным присоединить Филанджьери. В последние годы инквизиции разрешения, даваемые римской курией, не защищали нарушителей указа от активности инквизиторов, и главный инквизитор разрешал пользование ими после многих хлопот, игнорируя совершенно те разрешения, которые выдавала римская курия!

Untitled

Глава XIV Частные процессы, возбужденные по подозрению в Лютеранстве и по некоторым другим преступлениям

Статья первая

Указы о доносах на лютеран, иллюминатов и т. д.

I. Главный инквизитор, признавший необходимость вовремя задержать успехи лютеранства [566] в Испании [567], установил в согласии с советом инквизиции несколько новых пунктов в подтверждение ежегодного указа, возлагавшего на каждого жителя обязанность доносить на еретиков [568] под страхом смертного греха [569] и верховного отлучения от Церкви [570].

II. Эти пункты гласили, что каждый христианин должен объявить, если он узнает или услышит, как кто-нибудь говорит, утверждает или думает, что секта [571] Лютера хороша и ее приверженцы стоят на добром пути, или же считает верными и одобряет некоторые из ее осужденных положений, например: что не нужно объявлять своих грехов священнику и достаточно исповедовать их Богу; что ни папа, ни священники не имеют власти отпускать грехи; что истинного тела Иисуса Христа нет в освященной гостии; [572] что не дозволено почитание святых и поклонение иконам [573] в церквах; что чистилища [574] нет и бесполезна молитва за усопших; что вера и крещение достаточны для спасения и добрые дела не суть необходимы; что каждый христианин, не будучи облечен саном священства, может принимать исповедь другого христианина и преподавать ему причастие под обоими видами хлеба и вина [575]; что папа не имеет действительной власти раздавать индульгенции [576] и

Untitled

отпущения; что священники, монахи и члены монашеских орденов [577] могут законно вступать в брак; что не должно быть ни монахов, ни монахинь, ни монастырей и что Бог не устанавливал монашеских духовных орденов; что брачное состояние лучше и совершеннее, чем жизнь священников и монахов, пребывающих в безбрачии [578], что не должно быть других праздников, кроме воскресного дня, и что не грех есть мясо в пятницу, в Великий пост и в другие дни воздержания [579]. Широкое толкование, данное указу о доносах, возлагало на католиков также обязанность объявлять, не знал ли или не слышал ли христианин, как кто-нибудь поддерживал, считал верными и защищал другие положения Лютера и его учеников или не уехал ли кто-нибудь из королевства для принятия лютеранства за границей.

III. Альфонсо Манрике [580] не ограничился прибавкой новых мер предупреждения к прежним постановлениям. В письмах к провинциальным инквизиторам [581] он позволял им присоединять к указу о доносах все, что им покажется подходящим для открытия лиц, сокрушившихся в ересь иллюминатов [582]. Эти люди, называемые также квиетистами [583], образовали секту, главой которой был, как говорят, Мюнцер [584], уже основавший секту анабаптистов [585].

IV. Через некоторое время совет инквизиции добавил к вышеупомянутым предписаниям несколько пунктов, касающихся иллюминатов. По указу от 28 января 1558 года эти пункты были отредактированы следующим образом: "Каждый христианин обязан заявить, если он знает или слышал, как кто-нибудь, живой или уже умерший [586],

Untitled

говорил или утверждал, что секта иллюминатов хороша; в особенности, что духовная молитва [587] есть божественное наставление и через нее исполняются все другие обязанности христианской жизни; что устная молитва есть таинство, скрытое под случайностями [588]; действительность этого таинства коренится в духовной молитве, а все остальное маловажно; что служители Божии не должны заниматься мирскими делами [589], что никто не обязан повиноваться ни своему отцу, ни другому старшему, если те препятствуют упражнению в духовной молитве Или в созерцании" [590].

V. "Христианин должен также объявить, если он слышал, как кто-нибудь дурно отзывался о таинстве брака [591] или говорил, что никто не может научиться тайне добродетели, если не наставлен владеющими ею; что никто не спасется без употребления той молитвы, которую применяют и которой обучают эти учителя, и без общей исповеди [592] им своих грехов; что возбуждение, дрожание и обмороки, наблюдаемые у наставников этого учения и их лучших учеников, являются выражениями божественной любви; эти признаки возвещают о том, что, стало быть, они обрели благоволение в очах Божиих и обладают духом святым; что совершенные не нуждаются в приобретении заслуг добрыми делами [593]; что достигшие состояния совершенных видят существо Святой Троицы в земной жизни; что люди, возвысившиеся до этой степени, управляются непосредственно Святым Духом; что во всех своих поступках они руководствуются внушениями Духа Святого, которые они непосредственно получают; что надо закрывать глаза во время возношения гостии [594]

Untitled

священнослужителя; что достигший известной степени совершенства не может уже ни смотреть на иконы святых, ни слушать проповеди и беседы, имеющие своим предметом рассуждения о Боге; наконец, если этот христианин видел или слышал что-либо другое, имеющее отношение к вредному учению секты иллюминатов".

VI. Я полагаю, что первыми испанцами, последовавшими за мнениями Лютера, были францисканские монахи, ибо папа Климент VII буллою [595] от 8 мая 1526 года разрешил генералу и провинциалам ордена миноритов св. Франциска Ассизского помиловать на эпитимийном суде [596] тех из монахов, которые приняли новое учение, но потом клятвенно обещали навсегда отказаться от него. Несколько других монахов того же ордена уже сделали папе представление, что, согласно привилегиям [597], дарованным им буллою *Mare magnum* ("Mare magnum") и подтвержденным другими декретами святого престола, никто посторонний не имеет права вмешиваться в их дела и они не признают другого судьи, кроме судьи - блюстителя их учреждения, даже в том случае, если бы речь шла о преступлении ереси или отступничества [598].

VII. Манрике, которого притязания францисканцев, несомненно, стесняли в его службе, написал об этом папе. 3 апреля предыдущего 1525 года папа отправил бреве, которым было установлено, что главный инквизитор может расследовать дела этого рода, заменяя себя монахом по назначению орденского прелата, и что в случае апелляции на произнесенный приговор должно обращаться к самому папе. Так как при этих обстоятельствах главный инквизитор обыкновенно передавал власть инквизитору, папа приказал

Untitled

16 июня 1525 года, чтобы апелляции такого рода направлялись к главному инквизитору, а не в Рим. Однако брат того же ордена Родриго д'Ороско получил 8 марта 1541 года отдельную буллу, которая давала ему отпущение и разрешала вступить в число каноников-монахов ордена св. Августина. Правда, его преступление состояло в том, что он сделался магометанином, а не лютеранином. Он признался, что, будучи иподиаконом [599], он снял с себя одежду своего ордена и отправился в Оран [600], где поступил в солдаты. Прибыв затем в Тремесен [601], он обратился в магометанство. Почувствовав отвращение к своему отступничеству, он решил вернуться в Испанию, где желал снова принять монашество, но только в братстве св. Франциска. Лицо, которому папская булла поручила дать отпущение брату Ороско, не могло этого исполнить без разрешения главного инквизитора, согласно известным распоряжениям папских булл и королевских указов как более ранних, так и указа от 2 мая 1527 года. Поэтому булла об Ороско и нашла себе место среди других булл святого трибунала.

Статья вторая Процессы, вчиненные против некоторых лиц

I. Со временем службы главного инквизитора Манрике связаны имена самых знаменитых и самых невинных жертв инквизиционного трибунала. Подозрение в принятии мнений Лютера бросило их в руки этого инквизитора. Такою жертвой в 1523 году стал почтенный Хуан д'Авила [602], беатификация коего в Риме ожидала решения и была бы закончена, если бы он был монахом, но он был простым белым священником [603]. Испания

Untitled

называла его апостолом Андалусии [604] за образцовую жизнь и великие подвиги милосердия, сопровождавшие его проповедь. Св. Тереза Иисусова [605] в своих сочинениях ярко очерчивает добродетель этого евангельского героя и сообщает, что для преуспевания в духовной жизни она много воспользовалась его советами и учением. Он проповедовал Евангелие попросту для обращения грешников и не допускал в свои беседы вопросов, которые так постыдно волновали тогдашних школьных богословов. Поэтому завидовавшие ему монахи, раздраженные его уклонением от диспутов, соединились, чтобы замыслить его гибель. Они выдали инквизиционному суду некоторые из его предположений за лютеранские или склонные к лютеранству и к учению иллюминатов. В 1534 году приказ инквизиторов заточил Хуана д'Авилу в секретную тюрьму святого трибунала, хотя решение их не было сообщено ни верховному совету, под тем предлогом, что эта мера была указана только при разделении голосов, ни епархиальному епископу. Это было равносильно попранию уставов святого трибунала, королевских указов и даже распоряжений верховного совета, который, впрочем, игнорировал эти правонарушения и даже молчаливо одобрял их, так как никогда не порицал виновников. Этот властный поступок инквизиции, происшедший в Севилье, сильно затронул главного инквизитора: он занимал кафедру этого города и испытывал глубочайшее уважение к Хуану д'Авиле, которого почитал за святого. Эти обстоятельства оказались счастливыми для последнего, потому что хлопоты Манрике как главы инквизиции очень сильно содействовали доказательству его невиновности и посрамлению клеветы.

Untitled

Авила был оправдан и снова принялся за проповеди, которые он продолжал до самой смерти с тем же усердием и человеколюбием, как прежде. Если бы судопроизводство святого трибунала было публичным и имена доносчиков были известны, посмел ли бы кто-нибудь так часто клеветать?

II. Год, о котором я говорю, был еще губительнее для двух людей, знаменитых в литературной истории Испании, - Хуана де Вергары и его брата Бернардино де Товара. Они были арестованы по приказу толедской инквизиции и вышли из тюрем святого трибунала только после того, как их заставили произнести легкое отречение (*de levi*) от ереси Лютера, получить отпущение цензур с предупреждением (*ad cautelam*) и подвергнуться некоторым другим епитимьям. Хуан де Вергара был толедским каноником, секретарем кардинала Хименеса де Сиснероса [606] и его преемника на кафедре Толедо дома Альфонсо де Фонсеки. Николас Антонио [607] поместил в своей Библиотеке заметку о его литературных произведениях и отдал справедливость добродетелям и заслугам этого испанца. Его глубокие познания в еврейском и греческом языках были причиной его несчастья. Он указал на ошибки в переводе Вульгаты [608] и этим дал знак к преследованию себя завистливым монахам, знавшим только латынь и школьный жаргон. Однако толедский капитул почтил его память, приказав поместить на его могиле эпитафию [609], сохраненную цитированным мною автором. Вергара заслужил признательность своего братства, составив надписи, украшающие церковные хоры.

Untitled

III. Бернардино де Товар, его брат, менее известен. Однако, Педро Мартир д'Англерия [610] упоминает его среди знаменитостей XVI века. Хуан Луис Вивес [611], выдающийся ученый того времени, писал Эразму [612] 16 мая 1534 года: "Мы живем в очень тяжелое время; нельзя ни говорить, ни молчать без опасений. В Испании арестовали Вергару, его брата Товара и некоторых других ученых" {Маянс. Жизнь Хуана Луиса Вивеса, во введении к новому изданию его трудов.}.

IV. В этом числе находился человек, о котором Вивес не мог дать особенной заметки; его заслуги и его история налагают на меня обязанность пополнить этот пробел. Я имею в виду Альфонсо Вирусеса, бенедиктинца, родившегося в Оль-медо, одного из лучших богословов своего времени. Он был знатоком восточных языков и написал много произведений. Он был членом комиссии, получившей в 1527 году задание рассмотреть труды Эразма, и проповедником при Карле V [613], который слушал его с таким удовольствием, что брал с собой в последние путешествия в Германию и по возвращении в Испанию не хотел более слушать другого проповедника, кроме него. Эти отличия, столь почетные для Вирусеса, возбудили зависть монахов, которые постарались его погубить. Они до некоторой степени успели в своем предприятии; они вложили в это дело такое рвение, что добились бы полного уничтожения Вирусеса, если бы не стойкость и твердость, с которыми Карл V взялся ему покровительствовать. Поведение почетное для этого государя и редкое среди других.

V. Заподозренный в благосклонности к мнениям Лютера,

Untitled

Вирус был арестован и заключен в секретную тюрьму святого трибунала в Севилье. Император, не только хорошо знавший его по проповедям, но и находившийся с ним в личных отношениях, установившихся между ними во время путешествий в Германию, живо почувствовал нанесенный удар и ничуть не сомневался, что Вирус стал жертвой интриги, которую главный инквизитор должен был предотвратить. Он изгнал Манрике, который принужден был вернуться на жительство в свою архиепархию в Севилье, где умер 28 сентября 1538 года. Карл не ограничился этим. Он поручил верховному совету направить во все трибуналы инквизиции указ от 18 июля 1534 года, который гласил, что в случае предварительного следствия, достаточно веского, чтобы мотивировать задержание монаха, инквизиторы отсрочат приказ о заключении; они пришлют в верховный совет полную и верную копию начатого судопроизводства и подождут указов, которые будут посланы после разбора документов. Таким образом, частное бедствие явилось источником общего блага. Начиная с этого времени инквизиторы не осмеливались более применять тюрьму с такой легкостью, как проделывали это до тех пор, даже раньше получения полуулик, требуемых уставом. Но нельзя обойтись без порицания авторов королевского указа или указа верховного совета за то, что они узаконили это только для монахов, как будто преступление, которое собирались карать, было тяжелее у женатых, и миряне менее священников имели интереса и права защищать свою свободу, жизнь и честь.

VI. Несчастный Вирус тем не менее в течение четырех лет

Untitled

испытывал все ужасы тайной тюрьмы, в которой, как он писал потом Карлу V, ему "едва было позволено дышать и заниматься другим делом, кроме улик, ответов, показаний, защит, возражений, средств, актов (слова, которые нельзя слышать без ужаса - nomina, quae et ipso poene timenda sono), ересей, богохульств, заблуждения, анафем, расколов и тому подобных чудовищ, которых посредством подвигов, сравнимых с Геркулесовыми, я победил с помощью Иисуса Христа" так что я, наконец, оправдан благодаря покровительству Вашего Величества" {Вирусес. Филиппики против Меланхтона. Посвящение антверпенского издания 1541 года.}.

VII. Одним из средств, которые Вирусес употребил в свою защиту, было требование, чтобы суд обратил внимание на пункты учения, установленные и подготовленные им для нападков на Меланхтона [614] и других лютеран на Регенсбургском сейме, когда император привез его в Германию в качестве своего богослова. Вирусес прибавил, что эти статьи представляли изобилие доводов и католических авторитетов и что он воспользовался ими для борьбы с апологией лютеранства, обнародованной Меланхтоном, а также с исповеданиями веры, поданными этим апологетом и другими реформаторами в Аугсбурге [615] и Регенсбурге [616].

VIII. Это требование нисколько не послужило на пользу Вирусесу, имевшему намерение получить полное отпущение, потому что его враги доносили на предположения, которые теперь он сам гласно выставлял. Хотя, очевидно, они были весьма католическими, если их рассматривать в связи с самым текстом, но они

Untitled

беспрепятственно могли быть поражены богословской цензурой в той разобщенности, в какую их поставил донос. Вирусе принужден был произнести отречение от всех ересей, между прочим от ереси Лютера и его единомышленников, и специально от выставленных им предположений, которые заставили подозревать его в ереси. Окончательный приговор был произнесен в 1537 году: Вирусе был объявлен в подозрении относительно исповедания заблуждений Лютера; его присудили к отпущению цензур с предупреждением (условно, с оговорками, *ad cautelam*), к заключению на два года в монастыре и к запрещению проповедовать слово Божие в течение двух лет после выхода на свободу.

IX. Я не видел доноса на Вирусеса. Но известно, что шестое из его различных предположений, от которых он обязан был отречься в митрополичьей церкви в Севилье в день своего аутодафе [617], изложено так: "Состояние женатых более надежно для их спасения, чем состояние лиц, которые предпочли безбрачие". Седьмое: "Большее количество христиан спасается при условии брака, чем при других". Восьмое: "Деятельная жизнь имеет более заслуг, чем созерцательная" {Дон Фернандо Вельосильо, епископ города Луго. Схоластические заметки на блаженного Златоуста и четырех учителей церкви. 6-й разбор на десятый том Блаженного Августина. - С. 397. Столбец а. Издано в Алькале 1585 года, в лист.}.

X. Император, осведомленный обо всем происшедшем, не мог убедить себя, чтобы Вирусе когда-нибудь выдвинул в своих проповедях предположения, противные католической догме; он пожаловался на это папе. Папа

Untitled

послал Вируесу 29 мая 1538 года бреве, которым он был избавлен от исполнения различных эпитимий, возложенных на него судебным приговором. Эта милость - самая полная и самая почетная, какую я знаю во всей истории инквизиции. Напомнив три статьи приговора, папа объявляет, что, в уважение просьб императора, он освобождает осужденного от всех эпитимий и цензур, наложенных на него, и от лишения сана, которым тот был поражен; приказывает возвратить ему свободу; снова облакает его полномочиями проповедника и заявляет, что все происшедшее не может служить для устранения его от какой-либо должности, даже от епископата. Если Альфонсо Вируесе станет в будущем ходатайствовать о какой-либо милости, Его Святейшество согласен, что не нужно будет упоминать об этом бреве оправдания и о причине его издания, принимая во внимание, что молчание о нем не может ни аннулировать его, ни дать места противоположению ему какого-либо средства тайного обмана, или замалчивания, или какого-нибудь другого смысла, ему противоположного. Наконец, папа запрещает инквизиторам беспокоить Вируеса в будущем под каким-нибудь предлогом и когда-либо хвастать, по какой бы то ни было причине, всем происшедшим. Эта булла была одна из тех, которые инквизиторы не очень старались бы исполнить, если бы опорой Вируеса не был император. Это послужило причиной, которая заставила их принять ее без особого сопротивления.

XI. Изумительно, что дело Вируеса и много ему подобных не просветили Карла V насчет сущности инквизиции и, напротив того, он продолжал быть ее покровителем.

Untitled

Объясняется это тем ужасом, какой внушило императору лютеранство. Но дело его проповедника и некоторые другие неприятности, испытанные им в то время, вызвали отнятие Карлом V в 1535 году королевской юрисдикции у инквизиции - отнятие, которое продолжалось до 1545 года {Закон 5-й. Литера 7. Вторая книга последнего собрания. - 806.}.

XII. Благоволение Карла V к Вируесу было так прочно, что он вскоре представил его папе в епископы Канарских островов. Но папа отказал ему в буллах под предлогом, что подозрения, возникшие против чистоты веры, не позволяют облечь его саном пастыря душ, хотя булла отпущения и признала его способным к епископату. Термины, употребленные папой, являлись простым снисхождением к Карлу V, и было решено помешать Вируесу когда-либо ими воспользоваться. Карл настаивал перед папой и дважды возобновлял свою просьбу, уверяя его, что он более полагается на Вируеса, чем на его врагов, так как познал благодетельные результаты его служения и чистоту его учения о догмате не только в его проповеди, но и в продолжительных частных беседах с ним. Папа сдался наконец на настойчивые ходатайства Карла V, и в 1540 году Вирусе стал епископом Канарским {Виейра в своих Заметках о Канарских островах полагает, что Вирус был назначен епископом Канарским только в 1542 году, но Вируес говорит уже как епископ в посвящении своих Филиппик и в изъявлениях благодарности Карлу V в 1541 году.}.

XIII. Он тогда привел в порядок богословские статьи, приготовленные для защиты, и образовал из них двадцать

Untitled

рассуждений против лютеранских заблуждений. Они были напечатаны в Антверпене у Хуана Кринито в 1541 году под заглавием: Двадцать филиппик против лютеранских догматов, защищаемых Филиппом Меланхтоном. Вот что он говорит в девятнадцатом рассуждении о предмете моего сочинения: "Некоторые полагают, что должно обходиться с кротостью по отношению к еретикам и употреблять все средства, способные их обратить, прежде чем дойти до последних крайностей. Каковы эти средства? Это значит научать и убеждать их основательными размышлениями и словами, знакомя их с деяниями [Вселенских] соборов, свидетельствами Священного Писания и святых толковников, потому что все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, как говорит св. Павел в послании к Тимофею [618]. Но как это средство стало бы полезно, если бы его не употребляли в обстоятельствах, подобных тем, о которых говорит апостол? Я вижу, что многие усвоили правило, по которому позволительно оскорблять словесно и письменно еретиков, когда нельзя их ни уморить, ни замучить. Овладевши несчастным человеком, которого рассчитывают преследовать безнаказанно, они подвергают его позорящему приговору, так что, даже доказав свою невиновность и получив быстро оправдание, он навсегда остается клейменным как преступник. Но если этот несчастный был обманут обхождением тех с кем водится, или, ставши жертвою их коварства и собственной непредусмотрительности, впал в какое-либо заблуждение, его не стараются вывести из заблуждения, объясняя истинное учение Церкви, не действуют средством кроткого

Untitled

убеждения или отеческого совета. Напротив, его судьи, вопреки свойству отцов [619], которое они придают себе, не щадят для него ни тюрьмы, ни кнута, ни цепей, ни топора; и, однако, таково действие этих ужасных средств, что никогда мучения, которые они заставляют испытывать тело, ничего не могут изменить в настроении души, которая желает обращения к истине только путем слова Божия, которое живо и действительно и острее меча обоюдоострого" [620]. Я не думаю, чтобы это место никогда не попало на глаза какому-нибудь монаху или фанатическому священнику: ведь творение Вируеса, где я нашел его, никогда не находилось в списке запрещенных инквизицией книг [621].

XIV. Хотя мнения Лютера, уже осужденные римской курией [622], возбудили живое внимание инквизиторов, последние не ограничивали этим предметом хлопот своей службы. Они присвоили себе розыск и пресечение нескольких преступлений, к числу коих принадлежала содомия [623]. Королевский указ Фердинанда и Изабеллы от 22 августа 1497 года формально не поручал им принимать решение по этому виду преступления; но, по-видимому, он позволял это делать, так как, согласно одному из предписаний, к этому преступлению следовало применять ту же кару, как к преступлению ереси или оскорбления Величества [624]. В указе было только упомянуто, что имена свидетелей (обвинения) должны быть сообщены обвиняемым, чтобы ничего не было упущено в их защите, и что осуждение на сожжение с конфискацией имущества не может повлечь за собой отметки бесчестия на их детей и потомство. Как бы то ни было, инквизиторы Арагона были определенно

Untitled

уполномочены предпринять расследование этого преступления буллою от февраля 1524 года. Несколько времени спустя они встретили противодействие со стороны архиепископа Сарагосы, когда, приказав заключить в тюрьму инквизиции нескольких священников, обвиненных в этом преступлении, они готовились приступить к суду над ними. Прелат получил 16 января 1525 года папское бреве, отсылавшее подсудимых к юрисдикции епископа, которому принадлежало право расследования этих преступлений ввиду того, что инквизиторы должны ограничить свою службу процессами, вчиненными по делу ереси.

XV. Это распоряжение было постановлено только в пользу священников, так как инквизиторы продолжали преследование судом дона Санчо де ла Кавальериа, сына вице-канцлера дона Альфонсо, о котором идет речь в этой истории и который был тестем доньи Хуанны Арагонской, близкой родственницы императора и сестры графа Рибаторсы. Обвиняемый получил 2 февраля 1525 года из Рима бреве, лишавшее инквизиторов Сарагосы расследования этого дела и передававшее его главному инквизитору. Несомненно, папа не знал бесполезности подобной меры, так как главные инквизиторы сносились насчет этого с провинциальными инквизиторами. Таково было в действительности решение, принятое домом Альфонсо Манрике. Сарагосские инквизиторы начали судопроизводство против дона Санчо. Последний апеллировал к папе, который вытребовал дело в апостолическую камеру [625] и направил затем к аббату св. Марии Херонской. Однако ловкость инквизиторов и

Untitled

сущность обстоятельств послужили причиной того, что дон Санчо вторично был предан сарагосским инквизиторам. В 1813 году я читал документы его процесса. Обвиняемый был оправдан за неимением достаточных улик и потому, что он сумел использовать, для избежания жестокости инквизиции, свое имя, свое богатство и свое влияние - три могущественных средства в процессах этого рода.

XVI. В 1527 году вальядолидская инквизиция занялась одним делом, подробности которого я считаю нужным пересказать, чтобы дать справедливую оценку состраданию и снисхождению, которые постоянно возглашаются инквизиторами в их актах и других юридических формулах.

XVII. Некий Диего Вальехо из деревни Дворцы Бедняков (Palacios de Meneses) в епархии Паленсии, будучи арестован по указу вальядолидской инквизиции по делу о богохульстве, заявил, между прочим, что два месяца тому назад, то есть 24 апреля 1526 года, два врача, Альфонсо Гарсия и Хуан де Салас, рассуждали между собой о медицине в присутствии его и его зятя Фернандо Рамиреса; Гарсия хотел опереть свое мнение на авторитет некоторых писателей; когда Салас высказался, что эти авторы ошибались, Гарсия возразил, что его понимание также доказывается текстом евангелистов. Это побудило Саласа сказать, что они солгали, как и другие. Фернандо Рамирес, зять доносчика (которым инквизиция также овладела как подозреваемым в иудаизме), был допрошен в тот же день. Его показание согласовалось с показанием его тестя; но он прибавил, что Салас пришел в себя несколько часов спустя и, вспоминая о происшедшем,

Untitled

произнес: "Какую глупость я сказал!" Покончив с Рамиресом и Вальехо, суд начал преследовать врача Хуана де Саласа.

XVIII. Первым документом, которым суд воспользовался, была копия показаний Рамиреса и Вальехо. Как будто это условие было достаточным, инквизиторы (без содействия епархиального епископа, без юрисконсультов и квалификаторов, даже ничего не сообщая верховному совету) постановили задержание врача Хуана де Саласа, который на самом деле был заключен в тюрьму 14 февраля 1527 года. Ему даровали три заседания увещаний, которые происходили 20, 23 и 25 февраля. 26 февраля фискал представил свое обвинение, и 28 февраля Салас защищался. 8 марта ему сообщили показания двух свидетелей, не указывая их имен, а также времени, места и обстоятельств, которые помогли бы их открыть. Он отвечал, что дело происходило не так, как было рассказано. 4 апреля вызвали в суд другого врача, который заявил, что во время беседы с Саласом насчет евангелистов последний сказал, что некоторые из них солгали. На вопрос инквизитора, не упрекнул ли кто-нибудь Саласа за это предположение, Гарсия отвечал, будто через час он советовал Саласу отдаться самому в руки инквизиции, что тот обещал исполнить. Инквизитор спросил его затем, не противник ли он обвиняемого и не имели ли они взаимной ссоры. Свидетель ответил отрицательно. 16 апреля произошло утверждение приговора относительно Фернандо Рамиреса и Альфонсо Гарсии; в деле Вальехо не было такой уверенности. 6 мая обвиняемый представил две жалобы или средства защиты.

Untitled

В первой он возражал против всего, что было написано вопреки его заявлению, и указывал на несогласованность в показаниях свидетелей; вторая была опросным листом из тринадцати пунктов, из которых два клонились к доказательству его правоты, а другие к оправданию мотивов отвода некоторых лиц, могущих быть призванными к даче показаний по его делу. Этот документ содержал на полях имена свидетелей, к которым можно было обратиться за справкой по каждому вопросу. Я замечу, что доносчик и два свидетеля были включены в число отводимых Хуаном Саласом. Заключение, как видно, воспользовался выгодами, которые предоставлялись ему для защиты законами инквизиции. Инквизиторы, вместо того чтобы следовать предписаниям этих законов, вычеркнули имена нескольких лиц, обозначенных в списке обвиняемого как свидетели защиты, и не захотели их выслушать. Однако факты, изложенные в опросном листе, были доказаны четырнадцатью свидетелями, и 25 мая фискал [626] дал свои заключения.

XIX. Факт, доложенный Фернандо Рамиресом; противоречия, представляемые показаниями двух свидетелей; разница между показанием каждого из них и показанием доносчика; важное преимущество для обвиняемого в оправдании отвода - в нахождении против него только двух свидетелей (которые были преданы суду - один в качестве богохульника а другой по делу об иудаизме) и даже в том, что предметом доноса явилось только предположение (которое могло вырваться в пылу диспута и было отвергнуто в тот же день); наконец,

Untitled

возможность, что обвиняемый мог позабыть о многом в течение года, - все эти обстоятельства были более чем достаточны, чтобы заставить каждого рассудительного человека предположить, что они побудят инквизиторов оправдать Хуана де Саласа или, по крайней мере (если они заподозрили, что обвиняемый отрицал вопреки истине то, в чем его опорочивали), удовлетвориться применением к нему наказания в виде легкого подозрения в ереси. Однако, вместо того чтобы ограничиться подобной мерой, инквизитор Морис, без участия его коллеги Альварадо, 14 июня вынес постановление подвергнуть пытке Хуана де Саласа как виновного в заперательстве. Этот акт содержит следующее распоряжение: "Мы приказываем, чтобы означенная пытка была употреблена таким образом и в течение такого времени, какие мы сочтем подходящими, возразив, как мы возражаем еще раз, что в случае повреждения, смерти или поломки членов факт может быть приписан только промаху вышереченного лиценциата Саласа". Указ Мориса возымел свое действие. Я дам здесь текст исполнительного протокола, чтобы познакомить потомков с этим инквизитором, который постановил решение об участии Медины, котельника из Бенавенте [627]. Вот документ: "В Вальядолиде, 21 июня 1527 года, сеньор лиценциат [628] Морис, инквизитор, вызвал в суд в своем присутствии лиценциата Хуана Саласа, которому был прочтен и явлен приговор суда. По окончании чтения означенный лиценциат Салас заявит, что он ничего не говорил из того, в чем его обвиняют. Означенный сеньор лиценциат Морис немедленно велел ввести его в камеру пыток. Там, по снятии всей одежды до

Untitled

рубашки, Салас был положен за плечи на пыточную кобылу [629], к которой палач Педро Поррас привязал его за руки и за ноги пеньковыми веревками, сделав одиннадцать оборотов на каждом члене. Саласу, пока означенный Педро обвязывал его, несколько раз было предложено сказать правду, на что он отвечал, что он никогда не высказывал того, в чем его обвиняют. Он прочитал символ Кто хочет ("Quicumque vult") и много раз благодарил Бога и Богоматерь. Когда означенный Салас был связан, как сказано, на лицо ему была наложена тонкая смоченная тряпка; из глиняного сосуда вместимостью в два литра, с дырой на дне, в ноздри и рот ему влита была вода в количестве пол-литра. Несмотря на это, означенный Салас настойчиво повторял, что он ничего не говорил из того, в чем его обвиняют. Тогда Педро Поррас сделал один поворот закрутня на правой ноге и влил вторую порцию воды, как он делал раньше. Второй поворот закрутня был сделан на той же ноге, и, несмотря на это, Хуан де Салас произнес, что он никогда не говорил ничего подобного. Принуждаемый несколько раз сказать правду, он заявил, что ничего не говорил из того, в чем его обвиняют. Тогда означенный сеньор лиценциат Морис, объявив, что пытка была начата, но не окончена, приказал прекратить пытку. Обвиняемый был снят с кобылы. При означенной экзекуции я присутствовал с начала до конца. Энрике Пас, секретарь суда".

XX. Если эта экзекуция была только началом пытки, то как она должна была закончиться? Смертью осужденного? Для того чтобы хорошо понять только что прочтенное, полезно знать, что инструмент, обозначенный в документе

Untitled

кастильским словом эскалера (escalera), который также известен под именем бурро (burro) и который я перевел по-французски словом швале (chevalet), есть деревянное сооружение, изобретенное для пытки обвиняемых. Оно имеет форму водосточной трубы, годной для того, чтобы положить на нее человеческое тело; у нее нет другого основания, кроме пересекающего ее бревна, на котором тело, падающее назад, сжатое с боков, сгибается и искривляется действием механизма этого сооружения и принимает такое положение, что ноги находятся выше головы. Отсюда проистекает усиленное и мучительное дыхание, и появляются нестерпимые боли в боках, руках и ногах, где давление веревок так сильно, даже до применения закрутня, что их обороты проникают в мясо до костей, так что выступает кровь. Что произойдет, когда жилистая рука станет двигать и вращать роковую плаху? Если обратить внимание на способ, каким люди, перевозящие товары на спине мула или на тележках, при помощи палки затягивают веревки для удержания и безопасности тюков и узлов, то легко представить себе те мучения, какие эта часть пытки вызвала у несчастного Хуана де Саласа. Введение жидкости не менее способно убить того, кого инквизиторы подвергают пытке, и это случалось не раз. На самом деле, рот находится тогда в положении наименее благоприятном, какое только можно вообразить, для дыхания, так что спустя небольшое количество часов можно потерять жизнь. В рот вводят до глубины горла тонкую смоченную тряпку, на которую вода из глиняного сосуда падает так медленно, что требуется не менее часа, чтобы влить по каплям пол-литра, хотя вода

Untitled

выходит из сосуда непрерывно. В этом положении осужденный не имеет промежутка для дыхания, так как смоченная тряпка препятствует этому. Каждое мгновение он делает усилие, чтобы проглотить воду, надеясь дать доступ струе воздуха; но вода в то же время входит через ноздри. Понятно, сколько эта новая комбинация доставляет трудностей для самой важной жизненной функции. Поэтому часто бывает, что по окончании пытки извлекают из глубины горла тряпку, пропитанную кровью от разрыва сосудов в легких или в соседних органах.

XXI. Райнальдо Гонсалес де Монтеc [630] (который в 1558 году имел счастье вырваться из тюрьмы севильской инквизиции) составил впоследствии латинскую книгу об инквизиции под вымышленным именем Регинальдус Гонсальвиус Монтанус {Регинальдус Гонсальвиус Монтанус. Несколько открытых приемов святой испанской инквизиции. Этот труд теперь очень редок. Он появился в формате осьмушки в Гейдельберге в 1567 году.}. Он сообщает нам, что обыкновенно делали восемь или десять поворотов веревки на ногах; их сделали одиннадцать на ногах Саласа, кроме поворотов закрутня. Можно себе представить человечность вальядолидской инквизиции, читая окончательный приговор, произнесенный без дальнейшей формальности лиценциатом Морисом и его коллегой, доктором Алварадо, после обсуждения (если следует им верить в этом случае) с лицами, достойными уважения за свои знания и добродетель, но (о чем не было и вопроса) без отсрочки, которая должна была предшествовать, и без участия епархиального епископа. Они объявили, что фискал не доказал вполне обвинения и

Untitled

что заключенный успел разрушить часть улик; тем не менее, ввиду подозрения, возникшего из процесса, они постановили, что Хуан де Салас подвергнется каре публичного аутодафе, в рубашке, без плаща, с обнаженной головой, со свечой в руке, и публично отречется от ереси; кроме того, он заплатит штраф в десять дукатов золотом за издержки инквизиции и отправит епитимью в указанной ему церкви. Из удостоверения, выданного впоследствии, видно, что Хуан де Салас подвергся аутодафе 24 июня 1528 года и что Амбросио Салас, его отец, присутствовал на его осуждении и уплатил штраф за сына. Этот процесс не представляет никакой другой особенности. Я спрашиваю, может ли существовать более неправильный способ судопроизводства, более яркая несправедливость и более возмутительное злоупотребление тайной, чем то, что мы узнали о поведении инквизитора Мориса? Это дело и много ему подобных побудили верховный совет издать декрет, запрещающий подвергать пытке какого бы то ни было обвиняемого без разрешения самого совета.

XXII. Тот же лицензиат Морис оправдал несколько лучше свое поведение в качестве инквизитора в другом деле, которое он судил 18 марта 1532 года и также без участия своего коллеги и епархиального епископа. Предметом этого процесса было выкапывание из могилы, конфискация имущества и опочорение Констансии Ортис, которая была женою Хуана де Вибера (оба - жители Вальядолида). Она умерла в 1524 году, а ее процесс начался только 24 марта 1526 года после доноса Марии Ласарте, двадцатичетырехлетней девушки. Она показала, что была прислугой Констансии Ортис и думала, что эта дама

Untitled

умерла в заблуждениях иудаизма, потому что, будучи еврейского происхождения, она и после присоединения к Церкви продолжала воздерживаться от свиного мяса. Когда ей приносили мясо, она старательно удаляла кровь и жир и отрезала филейную часть из бараньей ноги; когда ставили тесто в ее доме, она пекла пирог на золе. Все это - обычаи, соблюдаемые евреями. 24 апреля Анна Ласарте, сестра доносчицы, явилась добровольно дать свое показание, тоже в качестве прислуги умершей. Третье показание шло от другой прислуги, по имени Марины де Сан-Мигуэль. По-видимому, по подстрекательству первой прислуги две остальные дали показания о тех же обстоятельствах. Обвинитель потребовал 25 октября 1529 года, чтобы родственники обвиняемой были выслушаны для ее защиты. Предстали: Альфонсо Перес де Виберо, ее сын, и Элеонора де Виберо, ее дочь, жена Педро Касальи, главного счетовода королевских финансов в Валья-долиде. (Я буду иметь случай говорить об этих двух лицах в истории знаменитого вальядолидского аутодафе, как и о докторе Касалье и детях доньи Элеоноры.) 2 декабря фискал прочел свой обвинительный акт против Констансии Ортис; кроме фактов, содержащихся в показаниях трех свидетелей, он подчеркнул как условие предания суду, что покойница обратилась добровольно в льготный срок, установленный законом при установлении инквизиции; что затем она снова впала в прежние заблуждения, была вновь присоединена к Церкви и подверглась публичной епитимье; вследствие этого он требовал, чтобы все эти факты были упомянуты на процессе в подтверждение улик, которые должны приписать еретическим чувствам

Untitled

действия, ставящиеся в упрек Констансии. Дети обвиняемой предприняли ее защиту и доказали, что их мать неоднократно исполняла обязанности, возложенные на католиков, до ее последней болезни, когда она опять удостоилась всех таинств. Дело пошло на обсуждение, и 12 марта 1532 года произошло собрание инквизиторов с епархиальным епископом и юрисконсультами, чтобы собрать голоса и приготовить окончательный приговор, согласующийся с мнениями членов собрания. Оно состояло из инквизитора Мориса и двух юрисконсультов; они были согласны освободить от суда память доньи Констансии Ортис. 18 марта Морис постановил приговор о ее участи, согласно мнению юрисконсультов, но не посоветовавшись со своим коллегой и ничего не сообщив епархиальному епископу. Педро Касалья был главным счетоводом королевских финансов и пользовался некоторым уважением при дворе - обстоятельство, которое Морис не мог обойти равнодушно. Участь его жены и сыновей была менее счастлива, как я буду иметь случай рассказать подробно в истории событий 1559 года.

XXIII. Толедская [631] инквизиция приказала арестовать Мартина де ла Куадру, жителя Мединасели [632], по делу о богохульстве и жалобах против инквизиции. 30 августа 1525 года он был присужден к публичному аутодафе в одежде кающегося, с кляпом во рту, к уплате штрафа и к исполнению некоторых епитимий. Мартин был тогда серьезно болен. Как будто срочно нужно было объявить ему приговор, инквизиторы велели тотчас исполнить эту формальность, не беспокоясь нисколько о последствиях, которые она могла иметь. Они притворно проявили даже

Untitled

сострадание к нему, посоветовав секретарю суда скрыть от него обстоятельство наказания кляпом, чтобы не ухудшить состояния его здоровья, оставляя себе возможность ознакомить его со всеми частями приговора, когда он выздоровеет. Эта предосторожность была бесполезна: Мартин умер в своей тюрьме 30 сентября. Не основательно ли будет приписать смерть осужденного объявлению ему приговора, сделанному в таких малоподходящих обстоятельствах? Я не сомневаюсь, что оно должно было ухудшить его состояние, особенно если он мог заметить, что от него скрывают часть приговора. Несчастливого сочли более опасным, чем еретика, за то, что он роптал против инквизиции. Какое преступление, подумаешь, жалобы на святой трибунал!

Статья третья Грамоты, относящиеся к судопроизводству I. Злоупотребление, которое инквизиторы не переставали делать из тайны, заставило огромное количество лиц обращаться с жалобами к главному инквизитору. Последний обыкновенно представлял их в верховный совет, который во время службы Манрике разослал различные циркуляры в провинциальные трибуналы. Я полагаю, что следует познакомиться с главными из них. В одном таком документе от 14 марта 1528 года сказано: если обвиняемый на общем допросе сначала заявит, что ему нечего сказать ни о себе, ни о других, а затем, по вопросу о частном факте, ответит, что он ему известен, то (в случае если инквизиторы сочтут уместным составить акт второго заявления, чтобы воспользоваться им против третьего лица) инквизиторы обязаны поместить в том же протоколе первый допрос, сделанный обвиняемому, а

Untitled

также и его ответ, потому что они могут послужить для определения степени доверия к заявлениям обвиняемого.

II. 16 марта 1530 года появилась новая инструкция совета. Она гласила: если свидетели доставляли факты в защиту обвиняемого, то о них следовало упомянуть как и о тех, которые клонились ко вреду обвиняемого. Что думать о суде, которому надо напоминать о подобной формальности? Однако, как ни оправдывалось появление подобной инструкции, она плохо соблюдалась: о ней никогда не говорилось в экстракте оглашения свидетельских показаний, сообщаемом обвиняемому и его защитнику. Следовательно, невозможно было извлечь выгоду из того, что было заявлено в пользу обвиняемого, для оспаривания улик свидетелей обвинения.

III. Другой циркуляр, от 13 мая того же года, гласил: когда лицо, преданное суду, заявляет отвод против какого-нибудь свидетеля, последнего следует допросить по существу процесса, а именно: имело ли место инкриминируемое событие, так как у свидетеля, вероятно, имелись факты для показаний против обвиняемого. Какая жестокость!

IV. 16 июня 1531 года совет написал трибуналам: если обвиняемый отводит различных людей в предположении, что они показали против него, то свидетели, вызванные им для доказательства фактов, побуждающих его в отводу, должны быть опрошены о каждом из отводимых, хотя бы многие ничего не показали, - чтобы в момент опубликования показаний обвиняемый не сделал вывода из пропуска в показаниях (если он был), что одни дали показания, а другие не были вызваны или ничего не показали против него.

Untitled

V. Новая инструкция 13 мая 1532 года гласила: родственники обвиняемого не должны быть допущены в качестве свидетелей в доказательство отвода.

Возмутительная несправедливость! Принимают для показаний против него клятвопреступников и отбросы общества и в то же время отказываются выслушать честных людей, если они хотят говорить в его защиту!

VI. Другим постановлением совета, от 5 марта 1535 года, было приказано спрашивать у свидетелей, не было ли неприязни между ними и обвиняемым. Чистое лицемерие! Разве свидетели могли удержаться от отрицательного ответа, если бы они были даже смертельными врагами заключенного?

VII. 20 июля совет обязал трибуналы инквизиции помещать в экстракт оглашения свидетельских показаний месяц, день и час, когда каждый свидетель дал свое показание. Эта мера давала большое преимущество подсудимому. Она помогала ему вспомнить обстоятельства мест и лиц. К сожалению, я никогда не видал, чтобы эта формальность исполнялась. Легко понять, что достаточно было ей быть полезной обвиняемому, чтобы она не соблюдалась.

VIII. В марте 1525 года было постановлено, что при вручении обвиняемому экстракта оглашения свидетельских показаний следовало оставлять его в неведении, показал ли какой-нибудь свидетель, что объявляемый факт известен другим лицам, потому что, если они ничего не показали, об этом не стоило оповещать обвиняемого. Он понял бы отсюда, что кто-то говорил в его пользу наперекор факту, выдвигаемому против него, или, по крайней мере, заявил, что он ничего не знает. Что же!

Untitled

Разве это знание не было необходимо для уничтожения действия заявлений лжесвидетеля или того, кто плохо понял несчастного или дурно истолковал его действия и слова?

IX. 14 марта 1528 года совет приказал помещать в экстракте оглашения свидетельских показаний отрицательные ответы на общие вопросы, если затем был дан положительный ответ на частный вопрос о тех же фактах или речах.

X. Другое распоряжение, от 8 апреля 1533 года, запрещало инквизиторам сообщать обвиняемому экстракт оглашения свидетельских показаний до утверждения их. Я цитировал обстоятельства, доказывающие медлительность, с какой иногда судили обвиняемых ради исполнения этой формальности, когда свидетели предварительного следствия были в отлучке из королевства.

XI. Совет счел нужным постановить 22 декабря 1536 года: если речь шла о факте, происшедшем в доме умершего в то время, как был еще у всех на виду труп, а его положение, внешность и другие обстоятельства могли помочь открытию, умер ли он еретиком или нет, - то следовало осведомить об имени умершего, его доме и других подробностях свидетелей, чтобы они вспомнили о событии и сумели лучше дать свои показания. Эта политика не удивительна со стороны инквизиторов. Когда идет речь о благоприятствовании открытию преступления несчастного, то нисколько не считаются с тайной.

Наоборот, когда сообщение ее в интересах обвиняемого, чтобы дать ему возможность доказать свою невиновность, тогда исповедуют другие принципы и следуют совершенно

Untitled

иным законам.

XII. 30 августа 1537 года совет постановил: место и время событий должны помещаться в экстракте оглашения свидетельских показаний, потому что эта мера имеет важное последствие в интересах обвиняемого; она должна применяться, даже при предположении, что следует опасаться, как бы через нее не было достигнуто распознание свидетелей. Это распоряжение было слишком противоположно инквизиционной системе, чтобы отказаться от поисков его происхождения и причины. Я нахожу эту причину в плохом мнении об инквизиции, которое возникло со времени процесса Альфонсо Вирюеса и заставило Карла V лишить его королевской юрисдикции. Но хотя совет зарегистрировал 15 декабря 1537 года указ государя, тем не менее он же постановил 22 февраля 1538 года, что экстракт не должен содержать ни одной статьи, которая способствовала бы отгадке имен свидетелей. Это очевидно противоречило правилу, возложенному им на себя в прошлом году. В последние годы инквизиции в акте оглашения свидетельских показаний не обозначали ни времени, ни места.

XIII. 13 июня 1537 года совет, запрошенный толедской инквизицией, приказал всем трибуналам в виде общей меры: 1) строго наказывать всякого, кто произнесет в спокойном состоянии богохульства: "Я отрицаю Бога, я отрекаюсь от Бога", ввиду того, что эти слова выявляют внутреннее отступничество; но не преследовать судом, если они вырвались в раздражении, так как можно предполагать, что они произвольны и что размышление в них не участвовало; 2) карать всякого христианина,

Untitled

обвиняемого в двоеженстве, если виновный полагал, что оно дозволено; в противном случае ничего не предпринимать против него; 3) если встретится обвинение в колдовстве, удостовериться, был ли договор с демоном [633] если договор существовал, инквизиция должна судить обвиняемого; в противном случае она должна предоставить дело светскому суду, как и предшествующее. Вторая и третья резолюции противоречат системе святого трибунала. Это приводит меня к мысли, что мгновенная опала и ссылка главного инквизитора Манрике много способствовали принятию этих резолюций советом в эпоху, когда он был лишен опоры. Эта умеренность не могла быть продолжительной. Под предлогом исследования, не возбуждает ли какое-нибудь обстоятельство подозрения в ереси в двух случаях, упомянутых выше, инквизиторы постоянно привлекали к суду виновников этих преступлений и приказывали их арестовывать. Тот же дух находим в другом распоряжении, от 19 февраля 1533 года. Оно обязывает инквизиторов принимать все бумаги, которые захотят им сообщить родственники обвиняемого. Совет обосновал эту меру тем соображением, что эти бумаги (хотя и бесполезные по существу процесса) смогут тем не менее несколько помочь открытию истины для пользы или осуждения обвиняемого.

XIV. 10 мая 1531 года совет постановил, что в случае представления в инквизицию булл, освобождающих от употребления санбенито, тюрьмы и других епитимий, прокурор-фискал должен потребовать от трибунала их упразднения, равно как и булл, полученных детьми и внуками осужденных и объявленных инквизицией

Untitled

опозоренными. Совет подкреплял свою резолюцию относительно последнего случая ссылкой на известные всем из жизни факты, что дети и внуки всегда следуют примеру своих еретических отцов и дедов. Он прибавлял, что стыдно видеть, как они занимают почетные места, а некоторые из них, становясь судьями, несправедливо осуждают людей, причисляемых ими к своим врагам; что множество их, взявшись за профессию врачей, хирургов и аптекарей, уморили несколько старинных христиан отравленными лекарствами. Таким образом, совет воспрепятствовал действию булл, благоприятных для семейств осужденных. Но если мотивы, на которые он ссылался, были законны, то почему же главный инквизитор и верховный совет так часто даровали избавления и реабилитации?

XV. 22 марта 1531 года совет писал провинциальным трибуналам, как заметил в одном процессе, будто некоторые бумаги были редактированы не в тех местах, где произошли события, из чего он заключал, что эти формальности были исполнены не в надлежащее время, но в момент приступа к судопроизводству. Он рекомендовал им избегать этого злоупотребления как противного инструкциям. Но указы совета не исполнялись, и мы видели, что та же неправильность возобновлялась и производила другую, более опасную, имевшую в мое время крайне важные последствия. Для дополнения того, что могло быть опущено в течение судопроизводства, решили писать каждый акт, заявление, показание или уведомление на отдельных листах бумаги. Так как в трибуналах инквизиции не употреблялась гербовая бумага

Untitled

и пагинация не соблюдалась на судебных документах, то бывало, что или уничтожали, или меняли те листы, которые хотели скрыть от ведения епархиального епископа, верховного совета и всякой другой заинтересованной стороны. В деле толедского архиепископа Каррансы [634] этот маневр был употреблен инквизиторами, и я сам видел, как были изменены некоторые удостоверения секретаря, потому что их требовали мадридские инквизиторы. Они не воспользовались этим приемом против обвиняемого, но природа злоупотребления позволяла это делать.

XVI. Циркуляр 11 июля 1531 года более замечателен, и он имел больше успеха, чем предыдущие. Предписано было провинциальным инквизиторам направлять в верховный совет для испрошения указаний все приговоры, произнесенные без единомыслия инквизиторов, епископа и юрисконсультов, даже при отсутствии одного голоса. Впоследствии было приказано инквизиторам запрашивать совет о всех приговорах, которые надлежало вынести. Я должен признать к чести совета, что эта мера была чрезвычайно полезна, потому что в общем его решения были справедливее решений провинциальных трибуналов. При разногласии трибунал верховного совета составлялся из очень большого числа просвещеннейших судей, не имевших отношения к обвиняемым, их родственникам и друзьям. Несколько раз совет, увлекаемый, так сказать, злым духом, направлявшим его политику, принимал общие меры, противные благу. Но в частных случаях его поведение было различно, и его принципы в некотором роде ограничивались и смягчались при надобности в

Untitled

произнесении приговора.

XVII. Совет доказал ту же любовь к справедливости, приказав 4 марта 1536 года наказывать денежными пенями, а не сожжением, осужденных, пользовавшихся для собственного употребления золотом, серебром, шелком, изящными одеждами и драгоценными камнями, хотя это им было запрещено под страхом выдачи светской власти.

XVIII. Одним из общих декретов, наиболее противоречащих духу мудрости, который должен был бы одушевлять совет, был декрет 7 декабря 1532 года, которым было приказано каждой провинциальной инквизиции констатировать число и звание лиц, присужденных к различным карам в ее инстанции со времени ее основания, и выставить в церквах санбенито, которых еще там не было, не исключая и принадлежавших лицам, признавшимися и отбывшим свою епитимью в льготный срок. Это распоряжение было исполнено с суровостью, достойной инквизиции. В Толедо инквизиторы велели заменить новыми санбенито обветшавшие от времени и висевшие в середине собора. Их распределили по епархиальным приходам, откуда родом были осужденные. Действие этой меры вызвало разорение и исчезновение многих семейств, дети которых не могли устроиться соответственно тому уважению, которым они пользовались на родине, пока там не знали, что их предки были осуждены инквизицией и отбыли епитимьи в льготный срок или понесли кару публичных аутодафе. Эта неразумная мера могла быть продиктована только ошибочным принципом, что инквизиции полезно показать, как действительно ее усердие, выставив перед глазами народа доказательства такого большого числа приговоров

Untitled

и епитимий. Думали ли принести пользу религии этим возобновлением суровости? Можно ли насчитать много евреев, мавров и лютеран, обращенных инквизицией? Я не думаю, чтобы нашелся хотя бы один. Обращавшиеся перед смертной казнью делали это неискренне или были принуждены к этому только страхом. Видели ли когда-нибудь обращения, произведенные силою убеждения? Может быть, инквизиторы скажут, что цель их учреждения не проповедь для обращения людей путем рассуждения, а наказание виновных? Если таково их намерение, то зачем они соединяют средства светского суда с внутренними средствами суда совести, чтобы выпытать душевные тайны кающегося, заставляя его надеяться на милосердие, если он исповедует и свои и чужие грехи? Почему они не следуют обыкновенным законам и практике других уголовных судей, которые применяют лишь методы, установленные законами для констатирования преступлений? Какая это чудовищная система, принимающая как годные все средства, способные скомпрометировать участь обвиняемых, и не допускающая ни одного из тех, которые могли бы пристыдить клевету или невежество, имеющие часто пособниками фанатизм и суеверие! Совет инквизиции признал сам, хотя немного поздно, несправедливость санбенито по отношению к тем, кто подвергся епитимьям, добровольно отрекшись во время льготного срока, совет сам отменил свой собственный закон семь лет спустя, 13 ноября 1539 года. Но произошло страшное зло из-за любопытства, побудившего множество людей читать и копировать надписи на санбенито в церквах.

Untitled

XIX. Я не буду останавливаться на истории распрей и пререканий, которые при Манрике поселяли несогласие между инквизицией и гражданскими властями, несмотря на законы, указы и другие средства, употребленные для того, чтобы предупредить их. Я уже говорил, что они не прекращались в течение трех столетий с лишком, пока существовала инквизиция. Но я не могу, однако, опустить здесь скандальное предприятие верховного совета, который осмелился в 1531 году присудить председателя королевского апелляционного суда на Майорке [635] к испрошению прощения у святого трибунала, к присутствию (в качестве епитимьи) на мессе со свечой в руке и к получению отпущения цензур за защиту юрисдикции уголовного суда в деле нескольких обвиняемых, в числе коих находился некий Габриэль Невель, слуга пристава инквизиции. Как Карл V потерпел этот позор?

XX. Я не удивляюсь, что папа не принимал никаких мер против инквизиторов за презрение, с каким они относились к его буллам, потому что римская курия уже получила деньги за их отправку и не была склонна тревожиться из-за того, что могло компрометировать ее достоинство.

Впрочем, другие интересы примешивались к тем, о которых я говорю, и одни компенсировались другими. Климент VII был недоволен тем, что сарагосские инквизиторы завладели расследованием процесса о наследовании имущества архиепископа дома Хуана Арагонского в ущерб сборщику святого престола, под предлогом, что инквизитор Тристан Калбете был наследником его в силу фидеикомисса. Папа 18 февраля 1531 года предписал кардиналу Манрике распорядиться

Untitled

без проволочки о возмещении этого ущерба. Папа напоминал ему о правах на подчинение инквизиторов, которые он приобрел своей готовностью даровать им все, что они ни попросят.

XXI. Происшествие 28 января 1533 года еще своеобразнее. Папа писал тому же великому инквизитору Манрике, что узнал, будто Клавдио Дей, негоциант, его соотечественник, задержан в секретной тюрьме инквизиции на Канарских островах; он был крайне изумлен этим, потому что никогда не было еретиков во Флоренции; [636] он надеется, что Манрике велит переправить подсудимого в Испанию для того, чтобы важной услугой. Здесь, по крайней папа называл себя общим отцом.

Глава XV Процессы, возбужденные инквизицией против колдунов, чернокнижников, волшебников, некромантов и др.

Статья первая Колдуны наварры, бискайи и арагона I. Во время службы главного инквизитора Альфонсо Манрике инквизиция занялась множеством дел своего ведения, в частности делами колдунов, о которых я не могу не упомянуть здесь.

II. Папа Адриан VI (который раньше был главным инквизитором Испании) велел опубликовать 20 июля 1523 года буллу, в которой говорил, что со времени его предшественника Юлия II, то есть с 1503 до 1513 года, в Ломбардии [637] открыли секту, крайне многочисленную, приверженцы коей отрекались от христианской веры, попирая ногами и оскорбляя крест, злоупотребляя таинствами и сопровождающими их обрядами, особенно евхаристией. Эти сектанты признавали дьявола своим

Untitled

господином и покровителем; они обещали ему покорность и воздавали особенное служение. Они насылали болезни на животных и вредили плодам земли своими заклинаниями, чарами и другими преступными суевериями. Подчиненные власти демона, они совершали по его подстрекательству множество других преступлений. Когда инквизитор принялся их арестовывать и предавать суду, церковные и светские судьи этому воспротивились. Это побудило папу Юлия II заявить, что расследование преступлений этого рода должно принадлежать инквизиции, как дела о других ересьях. Вследствие этого Адриан VI напоминал различным инквизициям их права на этот счет и обязанности, которые они должны исполнять.

III. В Испании не было надобности в этой булле, так как инквизиторы Арагона расследовали все относящееся к магии, колдовству, некромантии и другим суевериям со времени понтификата Иоанна XXII [638]. Поэтому арагонцы просили Фердинанда V [639] (во время собрания кортесов в Монсоне в 1512 году), чтобы во всех делах, возникающих по преступлению некромантии, полномочия инквизиторов ограничивались случаями, определенными буллою папы Иоанна XXII *Super illius specula*.

IV. Поклонники демона так же древни в мире, как мнение философов, которые предположили бытие двух вечных начал сущего, противоположных друг другу и занятых сохранением и управлением вселенной. Одно - начало добра, которое персы признавали под именем Ормузда; другое - начало зла, или Ариман [640]. Современные атеисты упрекают христиан в том, что они служат двум этим божествам: первому, которого мы называем Богом,

Untitled

для получения блага; второму, которого мы называем дьяволом, демоном, сатаной или Люцифером [641], для того чтобы он не причинял зла. Они прибавляют: хотя в своем спекулятивном богословии христиане отказывают второму в божественном происхождении и могуществе, однако почитают его на деле, доказывая своеобразными деяниями испытываемый христианами страх перед ним. Раз учение о двух началах появилось в мире, во все времена находились извращенные люди, которые поклонялись демону [642]. Но совершенная ложь, чтобы католики когда-либо это делали, так как все признают ересью верить и исповедывать, что демон равен Богу и что он участвовал в творении мира.

V. Мне кажется не менее нелепым предположение, будто люди, открытые в Ломбардии при Юлии II, следовали такому пониманию, вопреки свидетельству инквизиторов, уверявших в этом. Легко обмануться на этот счет, и часто мнимые поклонники демона не что иное, как люди дурного поведения, преступление коих ограничивается суеверной практикой, в которой укоряли колдунов, чернокнижников и волшебников. Я очень далек от того, чтобы приписывать им действия, в которых упрекает их народ, хотя свидетели дерзали иногда удостоверить это, а обвиняемые сознавались перед инквизицией. Здравый смысл предписывает остерегаться заблуждений, окружающих подобный сюжет. Мне кажется, что первыми жертвами обмана в деле колдовства являются сами колдуны и чернокнижники; поэтому нечего удивляться, что другие были этим обмануты. Некоторые шарлатаны не обманываются иллюзией. Но так как цель их состоит во

Untitled

внушении к себе почтения, они притворяются, что исполняют, видят и знают то, чего они не делают, не видят и не знают. Достоверно, что по мере распространения просвещения в мире уменьшилось число шарлатанов, так что в настоящее время никто, даже среди народа, не доверяет их басням. Можно отметить, что эти мнимые агенты дьявола чаще встречались среди женщин, чем среди мужчин. Это не должно изумлять, если принять во внимание слабость их пола. Я замечу также, что эта склонность более заурядна среди женщин старых, безобразных, жалких и происходящих из низшего класса народа, как будто демону было противно иметь дело с юными созданиями, увлекающими своим происхождением, богатством и красотой.

VI. Как бы то ни было, калаорская инквизиция сожгла, кажется, более тридцати женщин как ведьм и чернокнижниц. Эта казнь произошла в 1507 году. В 1527 году в Наварре открыли множество женщин, практиковавших колдовство. Дом Пруденте де Сандовал [643], бенедиктинский монах, епископ Туи, а затем Памплоны, рассказывает в своей Истории Карла V, что две девочки, одна одиннадцати лет, другая девяти, сами себя обвинили как колдуньи перед членами королевского совета Наварры. Они признались, что вступили в секту хоргин (jorguinas), то есть колдуний, и брались открыть всех женщин, состоявших в ней, если им будет дано помилование. Когда судьи обещали это, девочки заявили, что им стоит увидеть чей-либо левый глаз, и они могут сказать, колдунья эта женщина или нет. Они указали место, где можно было найти множество этих женщин и где

Untitled

происходили их сборища. Совет поручил комиссару отправиться в эти места с двумя девочками в сопровождении пятидесяти всадников. Подъезжая к каждому местечку или деревне, запирали двух девочек в два отдельных дома, справлялись у властей, не было ли лиц, заподозренных в магии, приводили их в эти два дома и предъявляли двум девочкам, чтобы испытать указанный ими способ. В результате испытания женщины, отмеченные девочками как колдуньи, оказались действительно таковыми. Оказавшись в заключении, эти женщины заявили, что их более полутора года. Они рассказали, что женщине, появлявшейся для вступления в их сообщество, назначали, если она достигла половой зрелости, красивого и сильного юношу, с которым она вступала в половое общение. Ее заставляли отречься от Иисуса Христа и веры. В день церемонии среди круга появлялся совсем черный козел, несколько раз обходивший по окружности. Едва раздавался его хриплый голос, все колдуньи сбегались и бросались плясать при этом шуме, похожем на трубный звук. Все они целовали козла в зад и затем устраивали пирушку из хлеба, вина и сыра. По окончании пирушки каждая из женщин любила со своим соседом, превращенным в козла, а потом, натерши тело экскрементами жабы, ворона и разных пресмыкающихся, они улетали по воздуху в те места, которым они намеревались вредить. По их собственному признанию, они отравляли ядом трех или четырех человек, повинувшись приказаниям сатаны, который вводил их в дома, открывая им окна и двери и запирая их по совершении "порчи". У них ночью накануне Пасхи и великих годовичных

Untitled

праздников происходили общие собрания, на которых они совершали множество вещей, противных чести и религии. Присутствуя на мессе, они видели гостью черной; если они хотели отказаться от своих дьявольских навыков, она являлась им в своем естественном виде.

VII. Историк, рассказ которого я привожу, прибавляет, что комиссар, желая увериться в истине фактов на собственном опыте, призвал одну старую колдунью, обещал ей помилование на условии, что она покажет перед ним все свои колдовские действия и ускользнет, если может, во время своего занятия. Старуха согласилась на предложение, попросила найденную при ней коробочку с мазью и вошла с комиссаром на башню, поместившись вместе с ним перед окном. Она начала, на виду у множества лиц, накладывать мазь на ладонь левой руки, на кисть, на сустав локтя, в подмышку, в пах и на левый бок. Затем она спросила громко: "Здесь ли ты?" Все зрители слышали в воздухе голос, отвечавший: "Да, я здесь". Тогда женщина начала спускаться вниз с башни, головою вниз, пользуясь ногами и руками на манер ящериц. Дойдя до половины высоты, она полетела по воздуху на глазах у присутствующих, которые перестали ее видеть только тогда, когда она скрылась за горизонтом. Это чрезвычайное происшествие повергло всех в удивление, и комиссар объявил во всеуслышание, что он даст значительную сумму денег тому, кто приведет к нему эту колдунью обратно. Через два дня ему передали, что она задержана пастухами. Комиссар спросил ее, почему она не улетела дальше, чтобы ускользнуть от искавших ее. На это она отвечала, что господин не захотел переносить

Untitled

ее на расстояние больше трех миль и покинул на поле, где ее и нашли пастухи {Сандовал. История Карла V. Кн. 16. п. 16.}.

VIII. Когда светский судья высказался по делу о полутораста колдуньях, они были выданы инквизиции Эстельи. Ни мазь, ни дьявол не могли дать им крыльев, чтобы улететь от двухсот ударов кнута и нескольких годов тюремного заключения, которым они были подвергнуты {Инквизиция Эстельи существовала до тех пор, пока вся Наварра была подчинена юрисдикции инквизиции Калаоры; [644] впоследствии этот трибунал был перенесен в Логроньо.}.

IX. Как бы ни был важен авторитет епископа Памплоны, я никогда не поверю ни движению колдуньи вдоль башни, ни ее полету в пространство, насколько хватает глаз. Я согласен, что было очень много процессов, в которых арестованные за это преступление признавались в совершении этих полетов и в вещах, еще более изумительных. Но я твердо верю, что их разум был поврежден силою иллюзии и что это умственное расстройство придавало реальность картинам, рисовавшимся в воображении. Печальное состояние человека, суетность которого искажает факты в ущерб собственному покою и находит меньшее зло в казни мученичества, чем в смиренном сознании своих заблуждений.

X. Преступления, о которых я только что говорил, до такой степени увеличились в провинции Бискайя, что Карл V был принужден внести оздоровление. Разумно убежденный, что невежество, в котором служители культа оставляли народ,

Untitled

было одной из главных причин этих преступлений, он предписал епископу Калаоры и провинциалам доминиканских и францисканских монахов в декабре 1527 года набрать в их братствах большое число способных проповедников, чтобы преподать народу христианское учение и религиозные догматы по этому предмету. Но где можно было найти слуг Евангелия, могущих доказать легковерным умам, что в действиях колдунов существует одна иллюзия? Достижение репутации ученых сами верили, как чародеи, в реальность этих воображаемых фактов.

XI. В это время брат Мартин де Кастаньяга, францисканский монах, составил на испанском языке книгу под заглавием Трактат о суевериях и чарах. Я читал этот труд и признаюсь, что (если изъять несколько статей, где он показывает себя слишком легковерным), по моему мнению, было бы трудно даже теперь написать с большей умеренностью, рассудительностью и мудростью. Епископ Калаоры дом Альфонсо де Кастилья, прочтя этот трактат, велел его напечатать в формате четвертки и разослал приходским священникам своей епархии с пастырским наставлением 24 июля 1529 года. Он говорил, что "Испания до сих пор нуждалась в произведении подобного рода, важность коего неоспорима, если припомнить, что много духовных и других заслуженных лиц было предано суду и приговорено к различным епитимьям трибуналом инквизиции, потому что они не были достаточно просвещены насчет суеверий, относительно коих самые ученые люди не были согласны".

XII. На самом деле, помнят еще в Калаорской епархии о приходском священнике Барготы, деревни, соседней с

Untitled

Вианой. Среди чудес его истории рассказывают, что в то время, как он усиленно занимался колдовством в местности Риоха в Наварре, ему захотелось совершить в несколько минут большие путешествия; что он видел знаменитые войны Фердинанда V в Италии, несколько войн Карла V и никогда не упускал случая оповестить в тот же день или даже накануне в Логроньо и Виане о только что одержанных победах, что всегда подтверждалось донесениями и депешами курьеров. Прибавляют, что однажды он обманул своего демона, чтобы спасти жизнь папе Александру VI [645] или папе Юлию II. Согласно неизданным частным мемуарам папа поддерживал скандальные сношения с одной дамой, муж которой занимал крупную должность у него и не осмеливался, следовательно, открыто жаловаться. Среди кардиналов и епископов были родственники его жены и члены семейства. Он, не оставляя желания отомстить за свою честь, вместе с несколькими доверенными лицами организовал заговор против жизни папы. Дьявол сообщил священнику, что папа умрет в эту самую ночь насильственной смертью. Священник решил помешать покушению и, ничего не говоря о своем намерении демону, предложил перенести себя в Рим, чтобы услышать извещение об этой смерти, присутствовать при погребении папы и быть свидетелем того, что будут говорить о заговоре. Он прибыл со своим демоном в столицу христианского мира, лично явился в папский дворец, где после многих затруднений достиг того, что его ввели к папе как имеющего сообщить о весьма неотложных делах, которые он может открыть только самому папе. Священник

Untitled

рассказал папе все происшедшее между ним и дьяволом и в благодарность получил отпущение цензур, которые навлек на себя, причем дал обещание прервать навсегда общение с демоном. Приходский священник Барготы был затем предан в руки инквизиторов Логроньо лишь для соблюдения формальности, оправдан и выпущен на свободу. Пусть верит иудей Апелла! [646]

XIII. Сарагосская инквизиция также судила нескольких колдуний, составлявших часть сообщества наваррских ведьм или посланных в Арагон для насаждения там своего учения. Они признались в магии и колдовстве. Я не имею нужды говорить, что инквизиторы полагались на простые слухи и показания свидетелей, которые сами не видали колдуний, но только слышали разговоры об их действиях. Их признания нисколько не отвечали ожиданию судей, которые, со своей стороны, остерегались верить искренности их раскаяния. Окончательный приговор был постановлен в 1536 году. Инквизиторы, епископ и юрисконсульты не были в согласии.

Большинство голосовало за смерть колдуний, другие подали голос за примирение с Церковью и вечное заключение в тюрьме. При этом различии голосов ничего другого не оставалось делать, как послать документы процесса в верховный совет и ожидать с его стороны заключения, если хотели сообразоваться с обычаями и предписанием уставов. Но подобный шаг не мог прийти по вкусу провинциальным трибуналам, чувствовавшим, как важно для них обладать неограниченной властью над жизнью, честью и имуществом людей. Таким образом, решение жестокого большинства одержало верх для

Untitled

торжества сострадания и кротости святой инквизиции. Меньшинство отказалось от своего мнения в уважение мнения большинства, так что кара измождения плоти [647] была постановлена единогласно, причем не было исполнено ни одной формальности, какую следовало соблюдать в подобном случае из уважения к указам. Несчастные женщины погибли посреди пламени. Верховный совет был осведомлен одним из его членов, который узнал об этом от одного из сарагосских инквизиторов. Недовольный таким формальным нарушением статута инквизиции, совет отправил 23 марта 1536 года во все трибуналы циркуляр, в котором говорилось, что сарагосский трибунал не исполнил своего долга, так как, констатировав разногласие, не позаботился спросить заключение совета и для получения единогласия пустил в ход инсинуации в отношении разномыслящих судей. К сожалению, эти жалобы и категорический декрет, напоминавший подчиненным трибуналам о формальностях, которые они должны выполнять, не вернули жизни жертвам, и инквизиторы должны были чувствовать удовлетворение оттого, что с пользой для себя посоветовали меньшинству отречься от своего мнения и показать пример самой пагубной слабости.

XIV. Мы видели, что совет (в ответе от 12 июня 1537 года на запрос толедского трибунала) заявил, что обвиняемых следует передавать в ведение обыкновенного суда, если не будет доказано существование еретического договора с демоном. Подобного случая никогда не было, потому что инквизиторы всегда предполагали, что такой договор с демоном существовал в более или менее скрытом виде:

Untitled

виновные почитали его, признавали своим господином и владыкой, отрекаясь в то же время от Иисуса Христа. XV. Событие, только что описанное мною, напоминает другое, к которому имеет самое близкое отношение и которое я расскажу здесь, как бы на своем месте, хотя оно произошло в Мадриде, в эпоху гораздо менее древнюю, незадолго до того, как я был назначен на должность секретаря святого трибунала. Один ремесленник был арестован за то, что сказал в разговоре с кем-то, что нет ни демонов, ни дьяволов, ни какого-либо другого вида адских духов, способных становиться владыками человеческих душ. Он признался на первом заседании суда в том, что ему вменяли в вину, прибавив, что был тогда в этом убежден по причинам, которые изложил. Он заявил, что готов чистосердечно проклясть свое заблуждение, получить отпущение и исполнить епитимью, которая будет на него наложена. "Я испытал (говорил он в свое оправдание) такое множество несчастий личных, семейных, имущественных и деловых, что потерял терпение и в минуту отчаяния я позвал дьявола на помощь в затруднении, в котором находился, чтобы он отомстил за меня некоторым лицам, оскорбившим меня. Взамен я предложил самого себя и свою душу. Я возобновлял несколько раз в течение немногих дней свой призыв, но напрасно, ибо дьявол не пришел. Я обратился к одному бедному человеку, слывшему за колдуна, и сообщил ему о своем положении. Он обещал меня свести к одной женщине, более ловкой, чем он, в действиях колдовства. Я видел эту женщину. Она посоветовала мне провести три ночи подряд на холме, называемом Возвышенность св.

Untitled

Франциску и громко призывать Люцифера под именем ангела света [648], отвергая Бога и христианскую религию и предлагая ему свою душу. Я сделал все по совету этой женщины, но ничего не увидел. Тогда она велела мне снять четки, нарамник и другие знаки христианина, которые я обыкновенно носил, и отречься искренне и вседушевно от веры в Бога, чтобы стать приверженцем Люцифера, заявляя, что я признаю его божественность и могущество высшими, чем даже у Бога; затем, уверившись, что таково действительно мое намерение, повторить в течение других трех ночей то, что я делал в первый раз. Я точно исполнил предписания этой женщины, и, однако, ангел света мне не явился. Старуха посоветовала мне взять крови и написать ею на бумаге, что я вручаю свою душу Люциферу как моему владыке и господину, принести эту расписку туда, где я производил свои призывания, и, держа ее в руке, повторять прежние слова. Я сделал все, что она мне советовала, но без всякого успеха. Тогда, вспоминая все происшедшее, я стал рассуждать так: если бы дьяволы были и действительно хотели бы овладеть человеческими душами, невозможно было предоставить им более выгодный случай, чем этот, потому что я на самом деле желал отдать душу. Стало быть, неверно, что демоны существуют; колдун и колдунья не заключали никакого договора с дьяволом, и оба они только плуты и шарлатаны".

XVI. Таковы в сущности были причины, приведшие к отступничеству ремесленника Хуана Переса, историю которого я передаю. Он изложил, откровенно исповедуя, свой грех. Затеяли доказать ему, что происшедшее ничего

Untitled

не говорит против существования демонов, но показывает только, что дьявол не явился на его призыв, так как Бог ему запретил, вознаграждая виновного за некоторые добрые дела, совершенные до впадения в отступничество. Он подчинился всему, чего от него хотели, получил отпущение, был приговорен к году тюремного заключения, к исповеди и причастию в праздники Рождества, Пасхи и Троицы в течение всей остальной жизни, под управлением священника, который был ему назначен в качестве духовного руководителя, к прочитыванию ряда молитв по четкам и к ежедневному упражнению в делах веры, надежды, любви и сокрушения. Ввиду того, что его поведение было смиренно, благоразумно и исправно с первого дня процесса, он вышел из этого опасного дела благополучнее, чем надеялся.

XVII. Не так окончился несколько времени спустя другой процесс в том же роде, но в котором обвиняемый Педро Мартинес был достоин всей суровости инквизиции. Этот гнусный человек, хромой, был присужден к каре частного аутодафе в королевской церкви Св. Доминика в Мадриде. Он выдавал себя за колдуна, чтобы легче соблазнять слабых и доверчивых молодых женщин. Он убеждал их, что от него зависело покорить им сердце мужчин, которых они любили и желали иметь своими возлюбленными. Он требовал, чтобы они подчинились его руководству и делали, что он им прикажет. Многие были им одурачены и пали в его сети; историей процесса было доказано, что некоторые из них принадлежали к выдающимся фамилиям. Средства, употребляемые им, состояли:

- 1) в том, что он заставлял их проглатывать с водой

Untitled

порошки, которые, по его словам, были приготовлены из костей, смежных с половыми органами молодого и крепкого висельника, и которые он продавал им за дорогую цену, потому что ради получения разрешения вырыть труп он будто бы истратил много денег, данных прислужникам церкви Св. Генесия; 2) в том, что они постоянно носили на себе частицу костей и несколько волос, принадлежащих, по его словам, тому же висельнику; 3) в том, что они брали в руки эти предметы, как только видели человека, которого хотели иметь, возлюбленным (чтобы делать это удобнее, они держали их в маленьком кошельке), и произносили некоторые слова, которые, по его уверению, он узнал от великого чародея из страны мавров, сообщившего их как превосходную формулу заклинания; 4) в том, что он требовал, чтобы ему было позволено пользоваться некоторыми вольностями, пока он произносит самые таинственные слова колдовства, и прибегать к этому, по крайней мере, трижды для уверенности в успехе действия. У этого презренного человека нашли кости и волосы, которыми он, по-видимому, пользовался, восковые фигурки мужчин и женщин и другие предметы, представлявшие половые органы тех и других. Он признался, что эти средства были мошенничеством, при помощи которого он собирал деньги и пользовался женщинами, и что он не был ни колдуном, ни волшебником, хотя и утверждал это для общего обмана. Он был приговорен к двумстам ударам кнута на мадридских улицах и к десятилетнему заключению в одной из африканских крепостей. Народ одобрил это постановление инквизиции. Но великий соблазн был в том, что это аутодафе торжественно

Untitled

справлялось в церкви женского монастыря, где каждый присутствующий слышал чтение экстракта процесса, полного самых непристойных подробностей и выражений. Надо быть фанатиком, невежественным и ослепленным предрассудками, чтобы не предвидеть зла, которое могло принести это отвратительное чтение монахиням. А среди них были сохранившие невинность, так как они с детства жили в монастыре среди других монахинь, большей частью их родственниц.

XVIII. Пусть не воображают, что в документах подобного рода избегали старательно неприличных слов и подробностей. Напротив, читали самый текст обвинений, отредактированных против осужденного. Достоверно, что этот текст был верным отображением всех деталей, всех обстоятельств, одним словом, всех свидетельских показаний, чтобы обвиняемый имел больше возможности вспомнить факты, в которых его обличали, и отвечать на них. Если прибавить к этой формальности сказанное мною о манере, которую прокурор-фискал формулировал обвинительный акт, станет очевидным, что один и тот же предмет, одно и то же действие непристойного характера передавалось в экстракте судопроизводства столько раз, сколько было свидетелей, если при рассказе об одном и том же факте свидетели допускали самую легкую, самую незначительную разницу. Разве в этом нет величайших эксцессов варварства, какое могли только совершить люди? Следовало ли этого ожидать от суда священников, собранных во имя религии?

XIX. Изучение и практика магии сделали более или менее умалишенными интересовавшихся магией людей. Таков

Untitled

был дон Диего Фернандес де Эредиа, сеньор поместья Барболес, по жене предполагаемый наследник графа де Фуэнтеса, гранд Испании. 9 мая 1591 года на него поступил донос в сарагос-скую инквизицию по делу о некромантии. Его обвинили в том, что он имел арабские книги, приобретенные у одного мориска из деревни Лусеник, вассала его брата, графа. Сам мориск слыл среди народа за великого чернокнижника. Дон Диего сообщил о книгах другому мориску, по имени Франсиско де Маркина, родившемуся в Африке и устроившемуся в Каланде, где он составил себе репутацию ловкого волшебника. Он сказал дону Диего, что одна из этих книг повествует о магии и содержит заклинания для открытия запрятанных сокровищ. Так как он их читал и делал вид, что чувствует к ним большое доверие, дон Диего пригласил его к себе и удержал на некоторое время. В одну очень темную летнюю ночь дон Диего в сопровождении чернокнижника и нескольких других спутников отправился с книгой заклинаний в пустынь Матамала, в небольшом расстоянии от Эбро и деревни Кинто. Там, судя по тому, что стояло в книге, находился огромный клад золотых и серебряных монет. Некромант произнес заклинательную формулу. В то же время слышались сильные удары грома на холме, соседнем с пустыней. Чародей приблизился, вступил в переговоры с дьяволами, возвратился к поджидавшим его и велел копать под алтарем пустыни. Он вернулся на свой пост к дьяволам, пока те принимались за работу под наблюдением дона Диего. Действительно, нашли несколько глиняных черепков, но ничего похожего на клад. Дон Диего подошел тогда к чернокнижнику, поручил ему

Untitled

рассказать дьяволам, что произошло, и заставить их сказать правду. Происходит новое заклинание. Ответ гласит, что присутствие клада достоверно, но что он зарыт в землю глубже, на расстоянии от поверхности в семь или восемь человеческих ростов, и что в настоящее время невозможно добраться до него, потому что еще не истек срок, пока он должен оставаться скрытым в силу чар. Выбрали вторую ночь для повторения опыта в другом уединенном месте, между Велильей и Хельсой {Хельса (Helsa) стоит на развалинах большого города, известного римлянам под именем Цельза (Celsa)}. Повторив прежние заклинания, стали копать в земле. Но за исключением нескольких глиняных горшков и некоторого количества золы и угля не нашли ничего. Дьяволы на обращенный к ним вопрос объяснили то же, что и в Матамале. Очевидно, африканец Маркина был обманщик, желавший позабавить безрассудного дона Диего обещаниями и надеждами. Было начато предварительное следствие против него за это преступление, а на следующий год за другое, именно за то, что он отправил лошадей во Францию.

XX. В политике Филиппа II было важно [649] выдать этот род торговли за ересь, потому что лошади были предназначены для кальвинистов Беарна, государь которого (Генрих IV [650], король Франции и Наварры) рассматривался в Испании как еретик. Этот довод или, сказать по правде, этот предлог побудил Филиппа принять участие в гражданских войнах Франции в пользу Гизов [651], которые стояли во главе лиги [652]. Это двойное предварительное следствие было получено в святом трибунале только девять лет спустя после совершения

Untitled

заклинаний, потому что доносы были сделаны лишь в результате продолжительных и щекотливых ухищрений, которые инквизиция должна была предпринять в глубочайшей тайне, чтобы угодить маркизу Альменара. Последний действовал против дона Диего в силу тайных приказов Филиппа II, желавшего наказать этого сеньора за громкую защиту знаменитого Антонио Переса [653], первого государственного секретаря, задержанного тогда в Арагоне. Пользуясь вспышкой народных волнений, возникших в королевстве, Перес выбрался из тюрем инквизиции и укрылся в Беарне. Этот побег был причиной трагического конца дона Диего де Эредиа и нескольких других дворян, как я буду иметь случай изложить с большей подробностью в истории процесса этого знаменитого министра, в назидание людям, которые домогаются королевской милости.

XXI. Главный инквизитор Манрике, осведомившись, что секта колдунов преуспевает в различных частях полуострова, велел прибавить к указу о доносах несколько пунктов. Они в сущности гласили, что "каждый христианин обязан заявить инквизиции:

- 1) если он знал или слышал, что кто-нибудь имел приближенного демона и призывал демонов в кругах, спрашивая их и ожидая их ответов, как чернокнижник и в силу договора, формального или подразумеваемого; что он смешивал святыя вещи религии с мирскими предметами и воздавал честь творению, принадлежащую лишь творцу;
- 2) если кто-нибудь брался за астрологию для открытия будущего через наблюдение созвездий, бывших в соединении в момент зачатия или рождения кого-либо, или

Untitled

для возвещения, какое благо или зло должно произойти с людьми, бывшими предметом его занятий;

3) если для осведомления о сокровенном и грядущем прибегал к геомантии, гидромантии, аэромантии, пиромантии, ономантии, некромантии [654] или к колдовству при помощи бобов, игральных костей и пшеничных зерен;

4) если какой-либо христианин заключил формальный договор с демоном, производил чары магией при помощи инструментов, кругов, черт или дьявольских знаков; призывал и спрашивал дьяволов в надежде на ответ и с доверием; предлагал им ладан или курение благоуханными или зловонными веществами; приносил им жертвы; злоупотреблял таинствами или освященными предметами; обещал им повиновение и поклонялся или воздавал им внешнее почитание каким бы то ни было образом;

5) если кто-нибудь устроил или достал себе зеркала, перстни, склянки или другую посуду для привлечения, заключения и сохранения какого-либо демона, который отвечал бы на его вопросы и помогал бы ему достигнуть желаемого; или старался открыть сокровенное или грядущее, вопрошая демонов в бесноватых; или пытался достигнуть этого, призывая дьявола под именем святого ангела или белого ангела и спрашивая его молитвенно и смиренно; совершал другие суеверные действия с помощью стеклянных ваз и пузырьков, на- я полненных водою и освященных свечой, или через осмотр ногтей и ладони, натертой уксусом; или пытался получить изображения предметов посредством призраков или чувствительных приборов, чтобы узнать сокровенное или

Untitled

еще не бывшее;

б) если кто-нибудь читал и хранил или. читает и хранит в настоящее время книги или рукописи по этому предмету или относительно всякого другого вида гаданий, которые не совершались бы средствами материальными и естественными".

Статья вторая История одного знаменитого чернокнижника I. Несмотря на суровость указов и наказания, которым подвергали колдунов, они появлялись по временам в различных местностях Испании. Рассказывают особенно, как очень прославившуюся, историю колдуний долины Бастан в Наварре. Эти женщины, приведенные в логроньоскую инквизицию, исповедали величайшие нелепости, которые могли зародиться и бродить в головах слабых, расстроенных и безумных. Они были приговорены к казни аутодафе в 1610 году. Их история была опубликована в Мадриде в 1810 году испанским Мольером, - достойным лучшей участи, чем та, которую он испытал, - с весьма забавными примечаниями. Я не стану передавать множества этих подробностей, представляющих в совокупности скучное однообразие.

II. Я не должен, однако, обойти молчанием историю доктора Эухенио Торальбы, врача города Куэнсы, потому что она представляет несколько особенностей, которые будет приятно узнать, и потому, что о ней упоминается в Истории знаменитого рыцаря Дон-Кихота Ламанчского [655]. Это лицо играет также большую роль в разных частях испанской поэмы Знаменитый Карл, составленной Луисом Сапатай, посвященной Филиппу II и напечатанной в Валенсии в 1566 году. Автор романа Дон-Кихот, говоря о

Untitled

путешествии, предпринятом знаменитым рыцарем по воздуху, чтобы разрушить наваждение, покрывшее бородою подбородки дам герцогского замка, представляет Дон-Кихота севшим на деревяшку с Санчо Пансой позади, причем у обоих была повязка на глазах. Оруженосцу хочется открыть глаза, чтобы узнать, прибыл ли он в огненную страну. Дон-Кихот говорит ему: "Берегись это делать и припомни истинную историю лиценциата Торальбы, которого дьяволы утащили в воздух верхом на тростинке с завязанными глазами и который прибыл в Рим через двенадцать часов и сошел на Башне девятого часа (Torre de hora), как называется одна улица этого города, откуда мог видеть весь грохот, поражение и смерть Бурбона. Утром на другой день он уже вернулся в Мадрид, где дал отчет во всем, что видел. Он рассказал также, что, когда он был в воздухе, дьявол велел ему открыть глаза; сделав это, он увидел себя так близко от лунного диска, что мог бы его коснуться рукою, но не дерзнул обратить свои взоры к земле из боязни упасть в обморок". {История Дон-Кихота Ламанчского. Ч. II. Гл. 41.}

III. Выгода, извлеченная Сервантесом и Сапатою из этой истории, побуждает меня войти в некоторые подробности насчет Торальбы, который сам рассказал свою жизнь на заседаниях инквизиторов Куэнсы. Он был заключен в тюрьму в январе 1528 года, а приговор над ним был произнесен 6 марта 1531 года. Верность всех чудесных фактов его истории имеет порукой его собственную исповедь и отчеты свидетелей, которых он заставил верить своим рассказам. В восьми показаниях, сделанных в течение процесса, Торальба постарался сослаться только

Untitled

на умерших, кроме одного свидетеля, который решился донести на него инквизиции по своей совестливости, хотя был тесно связан с ним дружбой, как вскоре увидят. Я должен был отметить это обстоятельство, чтобы можно было судить, какую степень доверия можно иметь к некоторым пунктам его рассказа.

IV. Доктор Эухенио Торальба родился в городе Куэнсе. Он поведал на допросе, что в пятнадцатилетнем возрасте отправился в Рим, где находился в качестве пажа при доме Франче-ско Содерини, епископе Вольтерры, который был назначен кардиналом 31 мая 1503 года. Он изучал в Риме философию и медицину у врача Чипионе и учителей Марианы, Авансело и Махера. Получив степень доктора медицины, он провел несколько горячих дискуссий с этими учеными о бессмертии души, которое они оспаривали такими сильными доводами, что, хотя он и не мог подавить в душе религиозные принципы, вдолбленные в него в детстве, впал, однако, в скептицизм и стал все подвергать сомнению. Торальба стал уже врачом около 1501 года, когда он сделался интимным другом учителя Альфонсе из Рима, отрекшегося от Моисеева закона для магометанства, а затем оставившего его, чтобы принять христианство, которому он, наконец, предпочел естественную религию. Альфонсо говорил ему, что Иисус был только простым человеком, и подкреплял это многими аргументами, выводы из которых уничтожали несколько членов веры о признании божественности Христа. Хотя учение Альфонсо не могло погасить в разуме Торальбы веру, принятую им от его предков, он, однако, впал в сомнение и не знал более, на чьей стороне находится истина.

Untitled

V. Среди друзей, приобретенных Торальбой в Риме, был какой-то монах ордена св. Доминика, по имени брат Пьетро. Он однажды сказал Торальбе, что ему служит ангел из разряда добрых духов, по имени Зекиель, настолько могущественный в познании будущего и сокровенного, что никто другой не сравнится с ним. Природа его столь необыкновенна, что вместо того, чтобы обязывать людей к договору до сообщения им сведений, он считал отвратительным это средство. Он хотел оставаться постоянно независимым и служить только из дружбы к тому, кто питал к нему доверие. Он позволял монаху даже сообщать другим его тайны. Но всякое принуждение, употребленное для получения от него ответов, навсегда оттолкнет его от общения с человеком, к которому он будет привязан. Брат Пьетро спросил Торальбу, будет ли он рад иметь слугою и другом Зекиеля, прибавив, что может ему доставить это преимущество ввиду связывающей их обоих дружбы. Торальба изъявил величайшую готовность свести знакомство с духом, о котором говорил брат Пьетро.

VI. Зекиель показался в виде белого и белокурого юноши, одетого в платье телесного цвета и в черную верхнюю одежду. Он сказал Торальбе: "Я буду в твоём распоряжении все время, пока ты будешь жив, и последую за тобою повсюду, куда ты будешь обязан идти". Со времени этого обещания Зекиель показывался Торальбе в разные фазисы луны, и всякий раз, когда ему приходилось отправляться из одного места в другое, в виде то путешественника, то пустынного, Зекиель никогда ничего не говорил против христианской религии; никогда не

Untitled

внушал никакого преступного правила и не подталкивал ни к какому преступному действию. Напротив, упрекал, когда ему приходилось совершать какой-либо проступок, и присутствовал вместе с ним в церкви за божественной службой. Все эти обстоятельства заставили Торальбу поверить, что Зекиель был добрый ангел: ведь если бы он не был ангелом, его поведение было бы совсем другим. Он говорил с Торальбой постоянно по-латыни и по-итальянски; будучи с ним в Испании, Франции и Турции, он никогда не употреблял для разговора с ним языков этих стран. Он продолжал посещать его в тюрьме, но редко, и не открывал ему более ни одной тайны. Торальба желал, чтобы дух удалился, потому что он причинял ему волнение и бессонницу. Это не мешало ему, однако, приходить и рассказывать вещи, вызывавшие скуку.

VII. Торальба прибыл в Испанию около 1502 года.

Несколько времени спустя он посетил всю Италию.

Основавшись в Риме под покровительством кардинала Вольтерры, он приобрел себе репутацию умелого врача и пользовался милостью нескольких кардиналов. Прочтя несколько книг по хиромантии, он пожелал изучить это искусство по первоисточникам и достиг хорошего понимания, так что внушал доверие лицам, желавшим спросить о будущем и показывавшим знаки и метки на своих руках. Зекиель открыл Торальбе тайные свойства некоторых растений, годных для лечения разных болезней. Употребление этих лекарств доставило деньги Торальбе. Зекиель упрекнул его, говоря, что эти средства не стоили ему ни хлопот, ни труда и что он должен был, следовательно, раздавать их безвозмездно.

Untitled

VIII. Однажды Торальба опечалился, потому что у него не было денег. Ангел сказал ему: "Почему ты печален без денег?" Несколько времени спустя Торальба нашел шесть дукатов в своей комнате. Это повторялось несколько раз впоследствии. Все это заставило его думать, что деньги приносил Зекиель, хотя последний отрицал это, когда к нему обращались с вопросом.

IX. Большинство предвещаний, сделанных Зекиелем, относилось к политическим делам. Так, Торальба, вернувшись в Испанию в 1510 году и находясь при дворе короля Фердинанда Католического, узнал от Зекиеля, что государь вскоре получит неприятное известие. Торальба поспешил сообщить об этом толедскому архиепископу Хименесу де Сиснеросу (который был потом кардиналом и главным инквизитором) и главнокомандующему Гонсальво Фернандесу Кордовскому [656]. В тот же день курьер привез письма из Африки, извещавшие о неуспехе экспедиции, предпринятой против мавров, и о смерти дона Гарсии Толедского, сына герцога Альбы, который командовал войсками.

X. Хименес де Сиснерос, узнав, что кардинал Вольтерры видел Зекиеля, также захотел его видеть и узнать природу и качество этого духа. Желая угодить архиепископу, Торальба умолял ангела показаться ему в человеческом образе, который ему подходил лучше всего. Но Зекиель не считал удобным появиться; для смягчения суровости отказа он поручил Торальбе сказать Хименесу де Сиснеросу, что он достигнет положения короля. Это оправдалось на деле, так как Хименес был абсолютным правителем всей Испании и обеих Индий.

Untitled

XI. В другой раз, во время пребывания в Риме, ангел сказал Торальбе, что Пьетро Маргано потеряет жизнь, если выйдет из города. Торальба не мог вовремя известить своего друга. Маргано вышел и был убит.

XII. Зекиель объявил Торальбе, что кардинал Сиенский [657] трагически окончит свою жизнь. Это оправдалось в 1517 году, когда Лев X заставил вынести приговор против него.

XIII. По возвращении в Рим в 1513 году Торальба возымел крайнее желание видеть своего близкого друга Томаса де Бекара, который был тогда в Венеции. Зекиель, узнав об этом желании, переправил туда Торальбу и вернул его в Рим в такой короткий срок, что лица, составлявшие его обыкновенное общество, не заметили его отсутствия.

XIV. Кардинал Санта-Круса [658] Бернардино де Карбахал поручил Торальбе в 1516 году провести одну ночь вместе с доктором Моралесом, его врачом, в доме одной испанки, по имени Росалес, чтобы узнать, следует ли верить тому, что эта дама рассказывала о появлении привидения, которое каждую ночь являлось смущать ее покой под видом убитого человека. Хотя доктор Моралес поджидал там привидение целую ночь, он ничего не заметил в момент, когда испанка объявила о его присутствии.

Кардинал надеялся узнать об этом лучше через Торальбу. Они отправились вместе. В час пополуночи женщина издала тревожный крик. Моралес не видел ничего. Но Торальба заметил фигуру мертвеца, сзади которого показывалась фигура другого привидения, имевшего черты женщины. Торальба спросил твердым голосом: "Чего ты ищешь здесь?" Призрак ответил: "Клад" и тотчас исчез.

Untitled

Зекиель на вопрос об этом явлении отвечал, что на самом деле под домом находился труп человека, убитого кинжалом.

XV. В 1519 году Торальба вернулся в Испанию в сопровождении своего близкого друга Диего Суньиги, родственника герцога Бехара и брата дона Антонио, великого приора Кастилии, члена ордена св. Иоанна [659]. С ними произошли некоторые странности в путешествии. В Барселоннете, близ Турина [660], в то время, когда они прогуливались с секретарем Асеведо (который был генерал-майором в Италии и Савойе), обоим спутникам Торальбы показалось, что сбоку Торальбы шло что-то такое, чего они не могли определить. Торальба сообщил им, что это его ангел Зекиель, который подошел к нему для беседы. Суньига горячо пожелал видеть его, но Зекиель не захотел показаться вопреки всем настояниям.

XVI. В Барселоне [661] Эухенио Торальба увидел в доме каноника Хуана Гарсии книгу по хиромантии и по нескольким заметкам в книге понял прием для выигрыша денег в игре. Суньига выразил желание научиться этому. Торальба скопировал буквы, предупредил своего друга, что должен сам написать их на бумаге кровью летучей мыши, в среду, в день, посвященный Меркурию [662], и иметь их на себе во время игры.

XVII. В 1520 году, будучи в Вальядолиде, Торальба сказал дону Диего, что хотел бы вернуться в Рим, так как у него есть средство прибыть туда в короткий срок на палочке верхом, причем огненное облако укажет ему путь в воздухе. Торальба на самом деле не замедлил прибыть в этот город, где кардинал Вольтерры и великий приор

Untitled

ордена св. Иоанна просили его уступить им своего приближенного демона [663]. Торальба предложил это Зекиелю и настоятельно просил его согласиться, но безуспешно.

XVIII. В 1525 году ангел сказал ему, что он поступит хорошо, вернувшись в Испанию, потому что получит должность врача инфанты Элеоноры [664], вдовствующей королевы Португалии, а потом жены Франциска I [665], короля Франции. Наш доктор сообщил об этом деле герцогу Бехару и Эстевану Мануэлю Мерино, архиепископу Бари [666] (вскоре назначенному кардиналом): они исходатайствовали ему место, которого он добивался, и последнее было даровано ему в следующем году.

XIX. Наконец, 5 мая того же года Зекиель сказал доктору, что на другой день Рим будет взят войсками императора. Торальба (имевший сильное желание видеть это событие, столь важное для города, на который он смотрел как на свою вторую родину) просил ангела доставить его в Рим, чтобы быть свидетелем происходящего. Зекиель обещал, и они отправились вместе из Вальядолида в одиннадцать часов вечера как бы на прогулку. Они были еще не так далеко от города, когда ангел вручил Торальбе палку с узлами и сказал: "Закрой глаза, не бойся; возьми палку в руку, с тобой не случится никакой неприятности". Когда пришло время открыть глаза, он увидел себя так близко от моря, что мог коснуться его рукою. Окружавшее его черное облако тотчас уступило место яркому свету, который испугал Торальбу опасностью сгореть. Зекиель, заметив это, сказал: "Успокойся, дурачок". Торальба снова закрыл глаза и через некоторое время почувствовал, что они

Untitled

опустились на землю. Зекиель разрешил ему открыть глаза и затем спросил, узнает ли он, где находится. Доктор, осмотревшись вокруг себя, узнал, что он находится в Риме на Башне девятого часа. Они услышали, как часы замка Св. Ангела пробили пять часов ночи (то есть полночь по испанской манере считать). Отсюда вытекало, что они менее чем в один час совершили это путешествие. Торальба обозрел город с Зекиелем и затем увидел разграбление Рима. Он проник в дом епископа Кописа, немца, который был в башне Св. Инессы; видел, как умирал коннетабль Франции Шарль Бурбон и как папа заперся в замке Св. Ангела [667], наконец, другие события этого страшного дня. Через полтора часа он вернулся в Вальядолид, где Зекиель покинул его со словами: "Впредь ты должен верить всему, что я скажу". Торальба рассказал о том, что видел. Так как при дворе не замедлило распространиться известие об этих событиях, то о Торальбе (он тогда был врачом адмирала Кастилии) говорили как о великом и истинном некроманте, чародее и чернокнижнике.

XX. Эта молва вызвала донос, и он был арестован в Куэнсе слугами инквизиции в начале 1528 года. 6 марта 1531 года он потерпел кару публичного общего аутодафе, проведя более трех лет в тюрьме святого трибунала. По обычаю был прочтен экстракт его процесса, и это дело произвело больше сенсации в Испании, чем дела других трибуналов, взятые вместе, в течение того же года.

XXI. Можно предположить, что было множество донесений, адресованных в Мадрид, настолько различных друг от друга, насколько различались их авторы своим

Untitled

положением или личными мнениями. Я приписываю этой причине и предоставленной поэтам привилегии украшать историю фикциями то обстоятельство, что Луис Сапата многое прибавил или изменил при описании дела Торальбы в своей поэме Знаменитый Карл, написанной тридцать лет спустя после приговора над Торальбой. Точно так же те детали, которые Сервантес счел удобным вложить в уста Дон-Кихота восемьдесят лет спустя после дела Торальбы, находят объяснение в этом. Однако в интересах истории следует отметить, что является творением, быть может, только их поэтического гения и что бесспорно принадлежит области истины. Это и побудило меня включить сюда только что изложенные подробности. Они почерпнуты из документов процесса Торальбы; из него же я считаю необходимым присоединить сюда заметку по поводу предшествующего.

XXII. Доносчиком доктора Эухенио Торальбы был дон Диего де Суньига, его друг и доверенный свидетель рассказа о необычайных поступках Зекиеля. Показав себя таким же безумно увлеченным действиями Зекиеля, как и Торальба, он стал фанатичным и суеверным, - следствие, довольно обыкновенное у людей подобного склада. Их можно заметить, когда они производят генеральную исповедь у ног монаха, апостолического миссионера, столь же лишенного критического чутья, как сам Диего де Суньига. Они рассказывают до мельчайших подробностей свою прошлую жизнь и не колеблются жертвовать жизнью, честью и имуществом своих близких родственников и друзей тому, что они называют законом Божиим, как будто его божественное величество не сказало: "Милости хочу

Untitled

паче жертвы" [668].

XXIII. Молва о магических действиях и других чарах Торальбы вообще распространилась уже по Испании благодаря его стараниям внушить доверие к себе. Он публично хвастал, что находится в самом близком общении с приближенным демоном по имени Зекиель; он не упустил ничего для доказательства чудесных историй, так как насаждал много обманов, увлекаемый владевшим им безумием. Очевидно, если эти заявления были истинны, был повод для привлечения его к суду инквизиции, по системе юриспруденции, установленной в королевстве. Поэтому не следует порицать инквизиторов Куэнсы за то, что они его захватили. Доктор сначала признался во всем, относящемся к ангелу Зекиелю и совершенным им чудесам, убежденный, что не будет речи ни о чем другом, как показывало начало процесса, и что не станут заниматься ни веденным им диспутом, ни выраженными им сомнениями в бессмертии души и божественности Иисуса Христа. Когда судьи сочли себя достаточно осведомленными, они собрались для подачи голосов. Ввиду разделения мнений трибунал обратился к верховному совету. Последний постановил 4 декабря 1528 года применить к Торальбе пытку, насколько позволяют его возраст и достоинство, чтобы узнать, с каким намерением он принял и держал при себе духа Зекиеля; твердо ли он верил, что это был злой ангел, как один свидетель уверяет, что слышал от него; вступил ли он в договор с духом, чтобы сделать его благосклонным к себе; каков был этот договор; как произошла первая встреча; с какого дня стал употреблять он заклинания, чтобы вызвать его. Как только

Untitled

эта мера была принята, трибунал должен был голосовать и произнести окончательный приговор.

XXIV. Торальба подвергся пытке как упорный еретик, которой он не заслуживал, потому что он упорствующим не был, но только был помешанным, которого следовало отвратить от его состояния. На самом деле кроме нелепости чудес, которые, по его утверждению, он видел или совершил, он противоречил себе несколько раз в восьми показаниях. Это всегда бывает с теми, которые много лгут в различных обстоятельствах и в разное время.

XXV. Торальба до сих пор ни разу не изменял своих показаний о приближенном демоне, который, как уверял, принадлежал к разряду добрых ангелов. Но, когда он увидел себя в руках палачей, страдания пытки вырвали у него признание, что он хорошо понимал, что это был злой ангел, так как он был причиной его теперешнего несчастья. Его спросили, не получал ли он предсказания, что будет арестован инквизицией. Он отвечал, что ангел предупреждал его об этом несколько раз, отговаривая его от отправления в Куэнсу, где его ожидало несчастье, но он полагал возможным пренебречь этим советом. В остальном он заявил, что не было договора ни в каком виде и что все произошло, как он рассказывал.

XXVI. Инквизиторы признали истинными все подробности, данные Торальбой, и, приказав ему написать новое заявление, 6 марта 1529 года приостановили процесс на один год из сострадания и желания видеть, как этот знаменитый некромант обратится и сознается в договорах и чарах, постоянно им отрицаемых.

XXVII. Новый свидетель припомнил его диспут и его

Untitled

мнение о бессмертии души и о божественности Иисуса Христа. Это вызвало новое показание доктора, данное 29 января 1530 года. Я привел его в другом месте. Торальба подтвердил его 28 января следующего года. Верховный совет, осведомившись об этом, поручил инквизиции доверить нескольким благочестивым и ученым лицам хлопоты по обращению обвиняемого убеждая его откровенно отречься от некромантии и договоров, которыми он клялся, исповедав их для очистки совести. Брат Агостин Барраган, приор доминиканского монастыря в Куэнсе, и Диего Манрике, соборный каноник, взялись за обращение и горячо увещевали его. Обвиняемый отвечал, что глубоко раскаивается во всех своих заблуждениях, но не может признаться в соглашении на какой-то договор и в производстве чар, потому что не было ничего подобного. Что касается данного ему совета прервать всякое общение с ангелом Зекиелем, то это не в его власти, потому что этот дух могущественнее его. Он обещал только не призывать его больше, не желать его появления и не соглашаться ни на одно из его предложений.

XXVIII. Инквизиторы Куэнсы имели слабость спросить у Торальбы, что думал Зекиель о личностях и учении Лютера и Эразма. Обвиняемый, ловко пользуясь невежеством судей, отвечал им, что Зекиель осуждал их обоих, с той разницей, что Лютера он считал дурным человеком, а Эразма человеком очень тонкого ума и ловким в обращении; это различие, по словам Зекиеля, не мешало, однако, их общению и переписке по текущим делам. Инквизиторы остались довольны этим ответом.

XXIX. 6 марта 1531 года они приговорили узника к

Untitled

генеральному обыкновенному отречению от ересей, к заключению в тюрьме и к санбенито на время, угодное главному инквизитору, к прекращению дальнейших бесед и общения с духом Зекиелем и к полному отказу от его предложений. Эти условия были возложены на него для успокоения его совести и для блага души.

XXX. Главный инквизитор скоро положил конец страданиям Торальбы, в уважение, как говорил он, его раскаяния и всего перенесенного им за четыре года заключения. Но достоверно, что истинным мотивом милости, оказанной им Торальбе, был интерес, проявленный к его участи адмиралом Кастилии Федерико Энрикесом, его покровителем и другом. Энрикес держал его своим врачом до опалы и удерживал у себя в этом положении еще много лет после осуждения.

XXXI. Такова правдивая история процесса знаменитого доктора Торальбы, в которой не знаешь, чему более удивляться: легковерию, невежеству и отсутствию критики со стороны инквизиторов и юрисконсультов святого трибунала или дерзости обвиняемого, который решается выдать свои обманы за действительность, несмотря на суровость тюремного заключения, продолжающегося более трех лет, и мучения пытки, не избавившие его, однако, от бесчестия, которого он думал избежать, отрицая свой договор с дьяволом. Если бы в первых показаниях на суде, признавшись во всем (как он это сделал), он прибавил бы, что ни один из этих фактов не был достоверным, что он разглашал их с целью прослыть некромантом и для внушения доверия к этой выдумке он вообразил другую - о добровольном и бездоговорном появлении приближенного

Untitled

духа, - он вышел бы из тюрьмы инквизиции раньше чем через год и подвергся бы только легкой епитимье, поддержанный могущественным покровительством адмирала. Поразительный пример того, на что человек способен решиться, если сильнейшее желание привлечь к себе внимание публики делает его нечувствительным к печальным последствиям суетности.

XXXII. Рассказом о суде над Торальбой я оканчиваю историю службы кардинала дома Альфонсо Манрике, архиепископа Севильского, который умер в этом городе 28 сентября 1538 года, оставив по себе репутацию друга и благодетеля бедных. Эта добродетель и другие качества, достойные его происхождения, поставили его среди знаменитостей века. У него было несколько незаконных детей до принятия монашества. Тот, кого история считает достойным своего отца, был Херонимо Манрике, бывший последовательно провинциальным инквизитором, членом верховного совета, епископом Картахены [669] и Авилы, председателем апелляционного суда в Вальядолиде [670] и, наконец, главным инквизитором.

XXXIII. При смерти дома Альфонсо Манрике было девятнадцать провинциальных трибуналов. Они были учреждены в Севилье, Кордове, Толедо, Вальядолиде, Мурсии, Калаоре, Эстремадуре, Сарагосе, Валенсии, Барселоне, на Майорке, на Канарских островах, в Куэнсе, в Наварре, Гранаде [671], на Сицилии, Сардинии, на материке и океанских островах Америки [672]. Инквизиция Хаэна была объединена с инквизицией Гранады.

XXXIV. В Америке инквизиция имела затем три трибунала: в Мехико [673], в Лиме [674], в вест-индской Картахене

Untitled

[675]. Они уже были декретированы, но их организация не принимая в расчет трибуналов Америки, Сицилии и Сардинии, мы находим в Испании пятнадцать трибуналов. Каждый из них ежегодно сжигал десять осужденных живьем и пять фигурально, то есть в изображении (*in effigie*), в среднем и пятьдесят человек подвергал различным епитимьям, - так что во всей Испании ежегодно погибало в пламени полтора человека, семьдесят пять были сжигаемы в изображении и семьсот пятьдесят подвергались каноническим карам, - это дает для каждого года итог в девятьсот семьдесят пять осужденных. Умножая это число на пятнадцать лет службы Манрике, мы находим, что 2250 лиц было сожжено живьем, 1125 фигурально и 11250 присуждены к епитимьям. Всего 14 625 мужчин и женщин, настигнутых законами инквизиции. Это число едва заслуживает быть отмеченным, если его сравнить с цифрами предшествующих эпох. Но оно не перестает казаться чрезмерным перед судом разума, особенно если вспомнить чудовищное злоупотребление тайной судопроизводства, в чем судьи были виновны не раз.

Глава XVI Процесс лженунция португалии и некоторые другие важные дела эпохи кардинала таверы, шестого главного инквизитора

Статья первая Распри с римской инквизицией

I. По смерти кардинала дома Альфонсо Манрике Карл V назначил его преемником по должности главного инквизитора Испании и соединенных королевств кардинала дома Хуана Пардо де Таверу [676], архиепископа толедского. Буллы о его утверждении в

Untitled

должности были посланы папою Павлом III в сентябре 1539 года, и через месяц он приступил к исправлению своей должности. Таким образом, верховный совет в течение года вел один дела инквизиции.

II. При инквизиторе Тавере была основана в Риме буллою от 1 апреля 1543 года конгрегация святого трибунала. Она даровала титул и права главных инквизиторов веры на весь христианский мир нескольким кардиналам, в числе которых были два испанца: доминиканец Хуан Альварес Толедский, епископ Бургоса, сын герцога Альбы, и доминиканец Томас Бадиа, кардинал-священник церкви во имя Св. Сильвестра, гофмейстер священного дворца [677]. Оба эти кардинала [678] принадлежали к ордену св. Доминика. Вновь учрежденная конгрегация святого трибунала в Риме заставила испанских инквизиторов опасаться, как бы не было затронуто их верховенство. Поэтому папа формально заявил, что не имел намерения изменять что-либо в давно уже установленном и что новое учреждение общих инквизиторов состоялось без ущерба правам, которыми пользовались другие инквизиторы или которыми будут пользоваться позднее те, которые могут быть установлены вне состава светской области Церкви.

III. Заставило ли время потерять из виду эту декларацию или ее действие было ослаблено как бы само собою, но главная инквизиция много раз бралась за предписание законов испанской инквизиции. В особенности это происходило в деле запрещения некоторых сочинений, учение которых подверглось проскрипции [679] в Риме. Главные инквизиторы предписали испанским регистрировать цензуру, произведенную богословами,

Untitled

потому что их надо считать самыми образованными и самыми мудрыми в католической Церкви и потому что их указания приобрели силу закона через конфирмацию со стороны верховного главы Церкви, который, по уверению кардиналов-инквизиторов, был непогрешим, когда действовал в качестве суверенного первосвященника, как он это делал в настоящем вопросе, одоблив и приказав принять со смиренным подчинением и исполнить декреты конгрегации кардиналов, названной конгрегацией инквизиции, и составленный ею список запрещенных книг по вопросам, касающимся учения.

IV. Эта претензия римской курии несколько не подействовала на главных инквизиторов Испании, которые постоянно защищали свои права так энергично, что не раз отказывались исполнять апостолические бреве, если они противоречили решениям, принятым в согласии с верховным советом. Мы встречаем пример этого сопротивления при папе Урбане VIII [680] по поводу вынесенного в Риме осуждения творений иезуита Хуана Баутисты Позы, и при папе Бенедикте XIV, когда главный инквизитор дом Франсиско Перес дель Прадо, епископ Теруэльский, отказался вычеркнуть из Индекса запрещенных книг творения знаменитого кардинала Нориса [681], внесенные им в список вопреки настояниям и формальному приказу этого великого папы. Таким образом, система испанской инквизиции представляет непонятную непоследовательность, если мы будем судить ее по принципам религии и христианской морали, а не по макиавеллистическому духу, который всегда являлся неизменным правилом ее поведения, хотя инквизитор и

Untitled

осуждал всегда учение Макиавелли [682].

V. Действительно, испанские инквизиторы утверждали, что их власть в делах веры и относительно цензуры сочинений канонична и духовна и что она была им делегирована суверенным первосвященником, который непогрешим, когда он говорит с кафедры (*ex cathedra*); его декреты имеют божественную силу, когда он решает, определяет и приказывает как глава католической Церкви, сообразуясь с предписанными правилами, то есть после глубокого исследования учения, призвав помощь Духа Святого. Отсюда необходимо следует, что, если папа вместе с конгрегацией кардиналов индекса осуждает учение, содержащееся в книге, или объявляет, что она не должна быть осуждена, он непогрешим, потому что говорит, сидя на кафедре св. Петра, то есть не как частный ученый, а в качестве вселенского учителя и главы Церкви, призванного исполнять заповедь, данную св. Петру, его предшественнику, в следующих словах Иисуса Христа: "Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих" [683]. Принципы римской инквизиции те же, что и испанского главного инквизитора и членов верховного совета; те и другие осуждают книги, оспаривающие это учение, и наказывают их авторов.

VI. Однако испанские инквизиторы противоречат этой непогрешимости и отказываются подчиниться папским декретам, когда они противоположны их решению или интересу их частной системы. Инквизиторы действовали бы иначе, если бы не были уверены, что, обращаясь к королю и участвуя в его политике, они принудят

Untitled

королевскую власть принять участие в их дрязгах и воспротивиться мерам суверенного первосвященника, который без этой почти всемогущей поддержки не преминул бы поступить с ними так, как поступают с мятежными делегатами, то есть низвел бы на положение простых священников, объявив их уволенными со службы.

VII. Таков был план, которому постоянно следовал совет испанской инквизиции. Он напоминает следующую выходку одного босого кармелита [684], строгого духовника. Этот монах сильно журил кающегося бедняка, который винил себя в том, что по нужде проработал несколько часов в воскресенье. Узнав, что дело происходило в монастырском огороде, кармелит успокоился и сказал грешнику: "А это - другое дело; я думал, что в мирском поле". Такова непоследовательность, которую легко допускает выгода, таковы и позорные результаты, которые не могут не обнаружиться, как бы старательно ни пытались их скрыть.

VIII. Решение, которое инквизиция осмелилась принять - иногда несправедливо, а иногда основательно, - о том, чтобы поддержать свой авторитет против всякой другой власти, и злоупотребление со стороны главных инквизиторов непогрешимыми средствами, которыми они распоряжались для обмана королевского доверия, были - истинной причиной постоянных распрей, разделявших обе эти силы. Я это уже доказал несколькими примерами, но считаю полезным привести и несколько других, потому что чрезмерно скандальный их характер при детальном изложении может оказать пользу истории. Два события, с которыми я предлагаю ознакомиться, относятся к 1543 году. Первое касается дона Педро де Кардоны, заместника

Untitled

Каталонии, а второе - маркиза де Террановы, вице-короля Сицилии.

Статья вторая История вице-королей Сицилии и Каталонии

I. В 1535 году Карл V отнял у инквизиторов право пользоваться королевской юрисдикцией, и они оставались лишенными ее до 1545 года. Таким образом, в 1543 году она еще не была возвращена, и, следовательно, инквизиторы не имели привилегии судить своих должностных лиц, чиновников и других светских служащих святого трибунала по вопросам, посторонним вере. Эти распоряжения королевской власти были известны дону Педро Кардоне, когда он приказал предъявить иск к тюремному смотрителю, чиновнику и слуге начальника стражи барселонской инквизиции за нарушение постановлений, запрещающих ношение оружия на всей территории его управления.

II. Привычка заноситься в делах этого рода сделала наглыми инквизиторов Барселоны, так как они никогда не отказывались ссылаться на необходимость строгости для того, чтобы сдерживать врагов веры. Поэтому они имели дерзость начать процесс дона Педро де Кардоны как виновного в возмущении против святого трибунала. Они предъявили к нему иск, невзирая на высокие функции наместника и военного губернатора провинции, которыми он был облечен, и на ранг и знаменитую фамилию. Они не ограничились этой первой попыткой. Узнав, что император находился в девяти милях от Барселоны, они донесли о распоряжении его наместника и через главного инквизитора Таверу вошли с представлением, что ереси не

Untitled

преминут быстро основаться в Испании, если будет замечено, что должностные лица инквизиции ходят безоружными; покушение, совершенное генерал-губернатором, является тяжелым оскорблением святого трибунала веры; соблазн слишком велик и пример очень опасен; если Кардона не будет присужден к публичному исправлению его, будет покончено с уважением со стороны народа к инквизиции, а отсюда последует неисчислимый вред для католической религии во всем королевстве.

III. Император, ослепляясь фанатизмом и забывая о событиях, которые должны были бы внушить ему больше осмотрительности, не только против всякой справедливости принял сторону инквизиторов, но и пренебрег собственным указом 1535 года. Он написал Кардоне, что интересы веры требуют, чтобы он подчинился отпущению цензур с предупреждением (*ad cautelam*), навлеченных им на себя, может быть, за противоречие мере, принятой святым трибуналом. Этот приказ императора глубоко огорчил дон Педро Кардону. Однако, решив повиноваться воле государя, он предстал перед инквизиторами с просьбой об отпущении. Желая сделать свой триумф блестящим, инквизиторы все приготовили в соборном храме Барселоны для аутодафе, имевшего место в праздник, в конце торжественной обедни, за которой Кардона был обязан присутствовать стоя, без шпаги, со свечой в руке во время торжественного богослужения и церемонии отпущения. Если это событие было позорно и наглядно показывало, что вопрос чести не всегда неотделим от самого высокого ранга, то другое

Untitled

происшествие, имевшее место в том же году в Сицилии, носило не менее серьезный характер.

IV. Карл V отнял на пять лет королевскую юрисдикцию также у инквизиции королевства Сицилии; затем в 1540 году продлил эту приостановку до десяти лет. Но декан инквизиторов острова так часто входил с представлением через кардинала Таверу, будто эта мера доставляла очень серьезные неудобства, что этот прелат получил королевский указ из Мадрида от 27 февраля 1543 года, которым дон Фернандо Гонсага, князь Мальфета, вице-король и наместник остров предупреждался, что по истечении десятого года приостановка отменяется без особого декрета. Маркиз де Терранова был уже временным (*per interim*) вице-королем и генерал-губернатором. Он был коннетаблем и адмиралом Неаполя, грандом Испании первого класса и родственником императора по арагонскому дому. Два чиновника инквизиции по его приказу были преданы обыкновенному суду за какие-то совершенные ими преступления. Филипп Австрийский, принц Астурийский, старший сын Карла V, имевший тогда шестнадцать лет от роду, управлял всеми королевствами Испанской монархии за отсутствием своего отца. Так как он был суверен, его действия в отношении собственного родственника маркиза де Террановы аналогичны поведению его отца в деле дона Педро Кардоны, и последствия были не менее позорны. Во всяком случае, я думаю, что будет справедливо представить здесь письмо, написанное принцем маркизу де Терранове, чтобы показать, каковы были принципы, которым следовали в этом деле. Вот текст:

Untitled

V. "Я, принц. Уважаемый маркиз, адмирал и коннетабль, наш дорогой советник. Вы знаете, что произошло по случаю ударов кнута, которые вы приказали дать (когда были губернатором королевства и не были хорошо осведомлены) двум чиновникам святой инквизиции. Отсюда последовали такая немилость и такое презрение к святому трибуналу, что ему с тех пор стало невозможно что-либо приказать с успехом, который его власть всегда имела раньше. Напротив, теперь бывает что многие жители королевства осмеливаются совершать надругательства и самоуправства над должностными лицами и служителями инквизиции и затруднять или нарушать отправление их должности, согласно жалобам и уведомлению, которые дошли до нас. Преподобный кардинал Толедский, главный инквизитор, и члены совета главной инквизиции совещались об этом с Его Величеством. Было признано, что будет хорошо и удобно, если вы понесете епитимью за совершенную вами ошибку; епитимья эта будет мягка и умеренна, в уважение услуг, оказанных вами Его Величеству. Ввиду этого главный инквизитор и совет, руководимые мотивами умеренности и почтения к вашей личности, приказали инквизитору Гонгоре поговорить с вами и показать ошибку, чтобы вы исполнили епитимью, которая (сообразно важности факта и последовавшего отсюда ущерба) могла бы быть значительно больше, как вы узнаете из того, что поручено сказать вам означенному инквизитору. Впрочем, все это было приказано для славы Божией и чести святого трибунала и для блага вашей совести. Мы просим вас и поручаем вам, для доброго примера, который вы должны

Untitled

давать другим, принять и исполнить епитимью со всей покорностью, должной Церкви, и без принуждения к этому отлучением и церковными цензурами. Подчинение, которого мы требуем, ничем не затронет вашу честь; напротив, оно будет полезно, избавляя вас от всякого беспокойства и неприятности. Оно будет одобрено Его Величеством, сделает нам удовольствие и даст повод поступать во всем, что касается вас, с благосклонностью, с которою мы относились к вам до сих пор и которую докажем всякий раз, когда в этом встретится нужда. Дано в Вальядолиде 15 декабря 1543 года. Я, принц". Это письмо парафировано членами совета инквизиции и скреплено подписью Хуана Гарсии, просекретаря.

VI. Много писем этого рода, которые представляли потом к подписи короля, редактировались в секретариате совета инквизиции, как это было с только что мною скопированным. Они должны, следовательно, выражать дух, которым был проникнут сын Карла V, впоследствии король Филипп II, во все времена. Я замечу, что умоляющий тон и привлекательные формы, находящиеся в них, входили в этикет святого трибунала только в обстоятельствах, когда шла речь, как здесь, о происшедшем в королевстве, далеко от Мадрида, и о человеке, имевшем достаточно власти для возбуждения одним словом общего возмущения, способного вылиться в требование уничтожения инквизиции, против которой восставали не только тогда, когда она вводилась вооруженной рукой, но и в нескольких других случаях. Старинное сопротивление выродилось в глубокое отвращение к святому трибуналу, жестокости которого

Untitled

причинили мятежи 1535 года.

VII. Надо, однако, отметить таинственное молчание, которое хранит это письмо по поводу епитимьи, наложенной на вице-короля, из боязни, чтобы негодование, возбужденное ею, не привело его к отказу подчиниться. Но какую бы кротость и умеренность ни выставляли напоказ в этом письме, епитимья была совершенно та же, как и у дона Педро де Кардоны.

Единственная разница, которую можно заметить, состоит в том, что она отбывалась не в соборе, а в монастырской церкви доминиканцев. Затем сочли необходимым, в виде компенсации, запретить маркизу становиться на колени, кроме момента возношения гостий, чтобы он как можно дольше находился перед глазами народа; кроме того, его присудили к уплате двухсот дукатов наказанным им чиновникам. Такой штраф был наложен, кроме нескольких других епитимий, на всех получивших приказ губернатора, если было верно, что они знали его мотив. Дон Фернандо Гонсага не исправлял должности вице-короля с тех пор, как она была временно поручена маркизу де Хулиане.

Вследствие этого принц Филипп предписал также новому губернатору ничем не пренебречь в исполнении приговора инквизиции, в предположении, что маркиз де Терранова захочет этому воспротивиться. Если бы испанские государи лучше понимали свои истинные интересы, они увидели бы, что трибунал, подобный инквизиции, был столько же неapolитичен, сколько противен общему спокойствию страны, хотя сначала, по-видимому, благоприятствовал и оказывал поддержку абсолютной власти правительства.

Статья третья История папского лженунция в Португалии

Untitled

I. История распрей инквизиции с королевской властью представляет нам в споре между святым трибуналом и советом судей мадридского двора другое столкновение юрисдикции, последствия которого были, однако, менее бурны. Я разумею дело знаменитого обманщика Хуана Переса де Сааведры, известного в историях, романах и драматических произведениях под именем лженунция Португалии и слывущего обыкновенно за основателя инквизиции в королевстве. Критик Фейхоо думал, что история этого дела одна выдумка. Он ошибся. Рассказ Сааведры, который цитирует Фейхоо, содержит басни, но они перемешаны с правдой, принадлежащей к истории инквизиции. Испанская инквизиция высказалась по этому делу в 1543 году, хотя Сааведра находился тогда в мадридской тюрьме, куда был доставлен из Ниевы-де-Гвадианы, португальского города на границе Испании, в провинции Эстремадуре, будучи арестован 20 января 1541 года. Я не могу освободить себя от передачи подробностей этой истории. Я расскажу сначала факты, следуя рассказу самого Сааведры, который писал об этом для кардинала Эспиносы в 1567 году; потом установлю истину относительно некоторых пунктов, которые этот обманщик сумел затемнить.

II. Хуан Перес де Сааведра родился в Кордове. Отец его был капитаном пехотного полка и пожизненным членом муниципалитета этого города в силу права, приобретенного его фамилией: его мать Анна де Гусман происходила из благородной семьи, как и семья ее мужа. Одаренный особенными способностями, замечательным талантом и будучи человеком широкого образования, Сааведра

Untitled

несколько времени упражнялся в подделке апостолических булл, королевских указов, предварительных решений советов и трибуналов, переводных векселей и подписей множества лиц. Он подражал с таким совершенством, что стал ими пользоваться, причем никто не сомневался в их подлинности. Он выдавал себя за рыцаря, командора военного ордена Сант-Яго [685], с которого получал доход в количестве трех тысяч дукатов в течение полутора лет. Он получил в небольшой срок при помощи подделанных им королевских векселей триста шестьдесят тысяч дукатов. Никогда (говорит он в своей исповеди) секрет этого большого богатства не был бы открыт, если бы он не облачился в красное [686], то есть если бы ему не пришла фантазия прикинуться кардиналом для исправления должности чрезвычайного папского легата (a latere) [687].

III. Он рассказывает, что, находясь в королевстве Альгарвия вскоре после утверждения ордена иезуитов [688] папой Павлом III, он узнал, что в эту местность прибыл священник этого ордена, снабженный апостолическим бреве, разрешавшим основать коллегия иезуитского ордена в Португальском королевстве. Услышав его проповедь в день св. Андрея [689], он был так доволен, что пригласил его обедать и несколько дней удерживал при себе. Иезуит, убедясь в течение этого времени в его таланте, изъявил желание получить написанное его рукой факсимиле своего бреве, в совершенстве скопированное и содержащее также похвалы Обществу Иисуса. Он исполнил желание иезуита с таким успехом, что оба признали: этот документ мог бы заменить оригинал; постепенно они пришли к следующей мысли. Учреждение в

Untitled

Португалии инквизиционного трибунала по плану испанского было бы прекрасным дополнением к созданию в королевстве коллегии новых апостолических проповедников Общества Иисуса; оба эти учреждения принесли бы Португалии много благ, а потому следует к папскому бреве об организации коллегии прибавить поддельное об инквизиции. Этот проект был одобрен Сааведрой, который отправился в Тавилью, город той же провинции, где с помощью иезуита редактировал апостолическую буллу, в которой они нуждались для достижения задуманной цели, и мнимые письма Карла V и принца Филиппа, его сына, к королю Португалии Жоану III [690]. Новая булла, предполагалось, была послана Сааведре как чрезвычайному легату для учреждения инквизиции в Португалии, если государь даст на это свое соизволение.

IV. Сааведра затем перешел границу и прибыл в Айямонте, в королевстве Севилья. Провинциал францисканских монахов Андалусии появился там незадолго до того, вернувшись из Рима. Сааведре пришла в голову мысль произвести опыт, чтобы увериться, сойдет ли булла за подлинную. Он сказал провинциалу, что курьеры, ехавшие с почтой в Португалию, обронили на дороге пергамент [691], который он показал, прося провинциала сказать, не важный ли это документ. Если окажется, что документ является важным, то он, не теряя минуты, доставит его потерявшему. Провинциал принял пергамент за оригинальное послание папы и за действительную буллу. Он сообщил содержание ее Сааведре и распространился о выгодах, которые она должна доставить Португальскому

Untitled

королевству.

V. Сааведра вернулся в Севилью, принял к себе на службу двух наперсников, один из которых должен был служить секретарем, а другой мажордомом [692]. Он купил носилки и серебряную утварь и приготовился нарядиться римским кардиналом. Он отправил в Кордову и Гранаду обоим своим доверенных для найма прислуги и поручил затем отправиться со всеми принадлежностями в Бадахос, где они должны были выдавать себя за приближенных кардинала, приехавшего из Рима, который намеревался проехать через этот город по пути в Португалию, где, по указу папы, он учредит инквизицию.

Они должны были также объявить, что он не замедлит прибыть, потому что путешествует на почтовых.

VI. В назначенное время Сааведра появился в Бадахосе, где секретарь, мажордом и слуги публично целовали ему руки как у кардинала, чрезвычайного легата. Он покинул Бадахос для Севильи, где он был принят в архиепископском дворце кардинала Лоайсы [693], который пребывал в Мадриде в качестве апостолического главноуполномоченного святого крестового похода. Ему расточал знаки уважения и преданности наместник, генеральный викарий [694] дом Хуан Фернандес до Теминьо, который вскоре стал инквизитором, а затем получил сан епископа. Он оставался восемнадцать дней в городе и употребил это время себе на пользу, добившись получения по фальшивым обязательствам тысячи ста тридцати дукатов от наследников маркиза де Тарифы. Затем он отправился в Льерену, где была учреждена инквизиция Эстремадуры после того, как она была

Untitled

последовательно переносима в разные города провинции. Он поместился здесь в части зданий инквизиции, где занимали тогда должность инквизиторы дом Педро Альварес Бесерра и дом Луис де Карденас. Он сказал, что, пользуясь властью чрезвычайного легата, которой он облечен, предполагает осмотреть льеренскую инквизицию и, исполнив эту часть миссии, отправится с ними в Португалию, где должен учредить святой трибунал по образцу испанского.

VII. Сааведра вернулся затем в Бадахос, откуда послал в Лиссабон секретаря с буллами и бумагами, чтобы двор, предупрежденный о его скором прибытии, сделал необходимые распоряжения о встрече. Предположенная посылка этого агента в Лиссабон возбудила много сомнений и волнений при дворе, где менее всего ожидали подобной новости. Однако король послал на границу одного важного придворного для встречи кардинала-легата, который совершил свой въезд в Лиссабон, где он провел три месяца, окруженный величайшим уважением. Он предпринял затем длинное путешествие в разные части королевства, объезжая все епархии и требуя везде отчета в мельчайших деталях. Было бы трудно предвидеть конец его апостольской заботливости, если бы некоторые непредвиденные обстоятельства не положили конца плутням.

VIII. Испанская инквизиция открыла интригу Сааведры благодаря сноровке главного инквизитора Таверы, который разделял заботы по управлению государством с принцем Астурийским начиная с 20 декабря 1539 года, со времени, когда Карл V явился во Францию, Голландию [695], Италию

Untitled

и Алжир [696]. Вследствие мер, которые кардинал предписал вместе с маркизом де Вильянуэвой де Баркаротой, губернатором Бадахоса, Сааведра был арестован в Ниеве-де-Гвадиане на португальской территории 23 января 1541 года, за столом у деревенского священника (просившего Сааведру оказать честь посещением его прихода), как он уже поступал в других приходах епархии. Эта просьба была ловушкой, поставленной обманщику, чтобы вернее его арестовать. IX. Сааведра говорит, что при его аресте захватили также три суммы, которые он велел привезти с собой: одну в двадцать тысяч дукатов, которые были доходом от штрафов с осужденных, предназначенную для святого трибунала; другую в полтораста тысяч дукатов, которую, по его словам, он намеревался употребить на нужды Церкви и другие добрые дела; третью - в девяносто тысяч дукатов, которая принадлежала ему лично. Сааведра был доставлен в Мадрид по приказу главного прокурора королевства и заключен в тюрьму. Коронные судьи прибыли в тюрьму и получили показание, которое было нужно для привлечения его к суду. В Мадриде еще не было трибунала инквизиции, как в других провинциях, и столица королевства была подчинена в делах этого рода юрисдикции толедского трибунала. Инквизиторы заявили претензию, что расследование этого дела принадлежит им по праву, так как налицо имеются достаточные мотивы для предположения, что заключенный отрекся от католической веры и отступил от нее, прибегая к выдумкам с целью добывания денег; обвиняемый будто бы никогда не осмелился бы предпринять такую затею, если бы у него

Untitled

оставалась хоть капля религиозного чувства. Какая нелепость! Как будто свет ежедневно не видал католиков, совершающих величайшие преступления!

X. Так как главный инквизитор явился наместником принца, святой трибунал был уверен, что одержит верх. Тавера, желавший удовлетворить всех, постановил, что коронные судьи останутся распорядителями личности Сааведры и предадут его суду по поводу незаконных поборов, совершенных им, подделанных им фальшивых дипломов и других политических проступков, а святой трибунал будет расследовать преступления против веры, в которых он виновен как выдававший себя за кардинала, посланного папой.

XI. Главный инквизитор рассудил, что Сааведра - человек исключительных способностей и что это обстоятельство поможет уладить дело. Кроме того, во время отправления узурпированных функций он не отклонился от поведения настоящих судей; можно даже сказать к его выгоде, что он проявил больше кротости в службе, ибо удовлетворялся наложением штрафов, которые вносились осужденными с тем меньшим отвращением, чем больше они избегали бесчестия, позора аутодафе и санбенито.

XII. Сааведра объявил, что эти доводы заставили главного инквизитора пожелать лично расследовать его дело и главный инквизитор велел привести обвиняемого к себе, выслушал его с интересом и предложил свое покровительство, обещая дать в судьи инквизитора, которого обвиняемый изберет. Сааведра будто бы тогда засвидетельствовал желание иметь судьей доктора Ариаса, инквизитора в Льерене, что ему было разрешено,

Untitled

хотя возбудило ропот против кардинала со стороны мадридского двора, где шепотом передавали друг другу, будто Тавера овладел девяноста тысячами дукатов, захваченными у Сааведры как принадлежащими ему лично. Далее Сааведра говорил: инквизитор Ариас присудил его к королевским галерам [697] на десятилетний срок; после двухлетнего задержания мадридские судьи произнесли окончательный приговор, один из главных пунктов которого гласил, что, подвергшись инквизиционному приговору, он не может быть ни выпущен на свободу, ни избавлен от королевских галер под страхом смерти, без специального разрешения Его Величества; он вышел из мадридской тюрьмы в 1544 году для отправления по назначению; что в 1554 году, хотя срок его кары истек, он не мог получить свободы. Тогда, будучи убежден, что его дело зависит более от инквизиции, чем от коронных судей, он постарался заинтересовать своей участью папу, выставляя на вид, что он принес много пользы религии и государству при исполнении своего ложного легатства. Павел IV издал бреве в его пользу, адресованное главному инквизитору дому Фернандо Вальдесу [698], которому Его Святейшество поручил добиться свободы Сааведры; это бреве дошло до него, когда королевские галеры стояли в порте Санта-Мариа; он послал бреве епископу-коадьютору [699] Севильи, а тот своему архиепископу, главному инквизитору. Когда Вальдес сообщил его королю Филиппу II, то государь отдал приказ освободить Сааведру, чтобы он явился лично, прямо и без замедления ко двору. Сааведра прибыл туда в 1562 году, проведя девятнадцать лет на галерах. Он был представлен

Untitled

королю, который захотел услышать из его собственных уст рассказ о его жизни и иметь его в письменном виде; пока Сааведра беседовал с королем, Антонио Перес записывал все детали своеобразных событий его жизни, воспоминание о которых не погубили двадцатилетние оковы. Наконец в 1567 году Сааведра сам описал свои приключения для главного инквизитора Диего Эспиносы [700].

XIII. История Сааведры доставила сюжет для испанской комедии, озаглавленной Лженунций Португалии, где не только недостает единства действия, времени и места, но очень часто и исторической истины, и нет речи о правиле, предписывающем выводить на сцену только правдоподобные события. Но эта вольность не должна удивлять нас со стороны поэтов, так как герой драмы сам позволил ее себе в своем рассказе под названием История, которую составил, чтобы угодить кардиналу Эспиносе, бывшему тогда главным инквизитором, государственным советником, председателем совета Кастилии и любимцем Филиппа II. Эта вольность Сааведры тем более странна, что он достиг возраста, когда страсти утихают и предоставляют власть разуму. Установлено, что он был заключен в тюрьму 25 января 1541 года, как он говорит и сам. Но этот хорошо установленный пункт доказывает, что Сааведра вводит в заблуждение насчет других обстоятельств. Например, он рассказывает, что во время его пребывания в королевстве Альгарвия в эпоху, когда было утверждено учреждение Общества Иисуса, туда прибыл священник этого общества с апостолическим бреве для основания коллегии в Португалии; имея случай

Untitled

выслушать его проповедь в день св. Андрея, он нашел в ней так много хорошего и приятного, что пригласил его обедать и удерживал его несколько дней при себе.

XIV. Если бы факт был верен, он не мог бы произойти ранее 1540 года, ибо Павел III издал свою одобрительную буллу установления монашеского ордена Общества Иисуса 27 сентября 1540 года. Проповедь иезуита, произнесенная в день св. Андрея, соответствует 30 ноября того же года, то есть пятьдесят второму дню до его заключения: этого промежутка не могло быть достаточно на путешествия его в Айямонте, Льерену, Севилью, Бадахос и Португалию. Таким образом, Сааведра вводил в заблуждение насчет своего явления миру в качестве кардинала-легата и насчет мотивов, побудивших его связать эту интригу с иезуитом. Точно так же он вводил в заблуждение, когда говорил, что выдержал свою роль во время трехмесячного пребывания в Лиссабоне и еще трех месяцев, употребленных для посещения разных городов королевства.

XV. С другой стороны, точно известны число и имена учеников св. Игнатия в эту эпоху; доказано также, что перед получением одобрительной буллы, о которой идет речь, основатель ордена предназначал для проповеди в Португалии св. Франциска Ксавье [701] и Симона Родригеса. Эти два монаха отправились из Рима 15 марта 1540 года с посланником Португалии. По прибытии их в Лиссабон король Жоан III захотел принять их в своем дворце; они отказались от этой чести, поместившись в странноприимном доме. Св. Франциск Ксавье отплыл в Восточную Индию с новым губернатором 8 апреля 1541 года, а Родригес остался в Португалии для проповеди, чем

Untitled

он занимался до тех пор к великому удовлетворению всех жителей, которым его служба внушила глубочайшее уважение к его добродетелям. Эти обстоятельства делают совершенно неправдоподобным, чтобы этот иезуит мог просить подложное бреше, давать совет подделывать несколько других и быть в течение полугода свидетелем употребления фальшивок личностью, которая была при этом мирянином.

XVI. Сааведра рассказывает, что лиссабонский двор был смущен известием о прибытии нунция в Португалию. Это настроение не должно изумлять, так как ни поверенный в делах этого двора в Риме, ни папа и никто другой не писали об этом, и так как в предшествующем году папа назначил главным инквизитором дома Энрике [702], архиепископа Браги, королевского брата, который затем был кардиналом и королем, как мы это увидим. То обстоятельство, что прибытие нового легата вызвало столько изумления при дворе, не могло не подать мысли королю написать об этом тотчас в Рим. Папский ответ, придя через два месяца, открыл бы глаза государю, проделка Сааведры была бы разоблачена до конца третьего месяца, и не было бы необходимости для вмешательства испанского короля в арест Сааведры.

XVII. Не более достоверно, что Сааведра учредил инквизицию в Португалии. Изгнание евреев из королевства Испания произошло в 1492 году. Многие из них удалились в Португалию, откуда предлагали множеству своих братьев приехать в эту страну. Евреи писали: "Земля хороша, народ - идиот, вода наша; вы можете приехать, потому что все будет принадлежать нам" {Дом Агустин де

Untitled

Мануэль. Жизнь короля Португалии Жоана II; Монтейро. История португальской инквизиции. Ч. I. Т. II Кн. 2. Гл. 42.}. Среди эмигрантов были также и крещеные евреи. Король Жоан II [703] согласился принять их в свое государство с условием, что они будут поступать как верные христиане, под страхом обращения с ними, как с пленниками и рабами. Король Мануэль [704] велел дать всем им свободу и приказал в 1496 году выехать из королевства без детей ниже четырнадцатилетнего возраста; из этих детей следовало сделать христиан. Евреи предложили принять крещение, если им обещают не учреждать инквизиции раньше чем через двадцать лет. Король Мануэль даровал евреям просимое, а также право узнавать имена свидетелей, если после этого срока они будут преданы суду по поводу ереси; кроме того, он обещал предоставить возможность осужденным завещать имущество детям или другим естественным наследникам. 13 марта 1507 года Мануэль подтвердил эти привилегии, продлив первую на двадцать лет и сделав две другие постоянными. В 1520 году Жоан III возобновил первое пожалование своего предшественника еще на двадцать лет.

XVIII. Климент VII, узнав, что крещеные евреи в Португалии не выказывали ни большого усердия к просвещению, ни сильной любви к христианской религии и что мнения Лютера и других еретиков распространялись все более и более в этом королевстве, назначил в 1534 году инквизитором этой страны брата Диего де Сильву, монаха ордена св. Франциска из Паолы [705]. Последний хотел немедленно приступить к исполнению своих обязанностей, но встретил сопротивление со стороны новохристиан,

Untitled

которые потребовали, чтобы их привилегии были соблюдены: годы, на которые были предоставлены эти привилегии, еще не истекли. Это привело к процессу перед римской курией. Климент VII умер, и его преемник Павел III издал 20 июля 1535 года бреве, даровавшее новохристианам право, в котором им отказывали в Португалии, а именно доверять избранным лицам защиту их прав перед государем по поводу смысла, который следовало придавать предписания королевской привилегии, истолковывавшимся в ущерб новохристианам. 12 октября того же года новое бреве того же папы даровало прощение всему происшедшему.

XIX. Впоследствии король вошел к папе с представлением, что обращенные евреи злоупотребляли дарованной им привилегией: одни - возвращаются к иудаизму, другие - усваивают заблуждения протестантов. Этот мотив побудил суверенного первосвященника обнародовать новую буллу от 23 марта 1536 года, которая рассматривается как булла, положившая основание португальской инквизиции. Папа назначил инквизиторами епископов Коимбры, Ламего и Сеуты [706] и постановил, чтобы к ним был прибавлен еще епископ или священник, монах или белый, облеченный церковным саном, доктор канонического права или богословия, назначаемый королем. Папа даровал каждому из этих четырех инквизиторов право привлекать к суду всех еретиков и их покровителей совместно с епархиальным епископом или даже без него, если бы последний отказался присоединиться к инквизиторам. Предписано было только в течение трех лет при привлечении к суду еретиков сообразоваться с практикой в процессах против

Untitled

убийц и воров, а затем с правилами обычного права. Мера конфискации имущества была уничтожена, и наследники осужденных, которых нельзя было считать виновными, должны были им наследовать по закону (*ab intestat*).

Наконец, папа предписал учредить достаточное число трибуналов для исполнения всех этих мер {Дом Антонио Кайетан де Суза включил эту буллу в свою Генеалогическую историю португальского королевского дома. Т. II доказательств. Документ 120.}. 5 октября булла была объявлена дому Диего де Сильве, епископу Сеуты, духовнику короля. Государь пожелал сделать его главным инквизитором.

XX. Таково было начало инквизиции в Португалии, за четыре года до прибытия Сааведры в эту страну. В 1539 году папа назначил преемником первого главного инквизитора дом Энрике, архиепископа Браги, который был затем епископом Эворы и Лиссабона, стал кардиналом, соединил множество голосов во время избрания папы Григория XIII [707] и стал, наконец, королем Португалии в 1578 году, по смерти его племянника короля Себастиана [708]. Третьим главным инквизитором был дом Хорхе де Альмеда, архиепископ Лиссабонский, утвержденный в должности буллою Григория XIII {Там же. Т. III основного текста. Кн. 2. Гл. 14 и 18; т. II доказательств.}.

XXI. Все сказанное мною основано на подлинных документах. Отсюда я заключаю, что Хуан Перес де Сааведра подделал свое бреве чрезвычайного легата, представил его в декабре 1540 года и успел скрыть свой обман. Рассказанное им об иезуите неверно или

Untitled

произошло иначе. Видя, что инквизиция учреждена не в том виде, в каком ему было желательно, он внушил себе мысль, что было бы полезно взять за образец испанскую инквизицию, хорошо известную инквизиторам Льерены, и что для более легкого исполнения этого плана он посетит все части королевства, как это практиковалось в Испании при установлении инквизиции. Несколько времени спустя он покинул Лиссабон, объехал в течение декабря часть королевства и продолжал свое путешествие в январе следующего года, когда был арестован, раньше чем лиссабонский двор получил из Рима письма, которые должны были просветить его насчет этого обманщика. Я не сомневаюсь, что Сааведра получил тогда большие суммы денег в Португалии, как это было с ним в Эстремадуре и Андалусии. Но я очень далек от того, чтобы считать их столь значительными, как утверждал он. Его приключения представляли нечто необыкновенное. Это изумило кардинала Таверу, который уж слишком ему покровительствовал. Стоит лишь сравнить поведение Таверы в отношении Сааведры, мошенника и поддельвателя (подобных преступников всегда подвергали смертной казни), с тем, как относился Тавера к сожжению новохристианина, безупречного, осужденного в качестве уличенного, нераскаявшегося и отказавшегося явиться в суд, потому что он не мог признаваться в преступлениях, вменяемых ему людьми, чье уже одно имя делало их подозрительными и чьи показания, подвергнутые в их основании расследованию со стороны хорошего защитника, никогда не могли бы внушить и капли доверия, - стоит, повторяю, сравнить такое поведение Таверы,

Untitled

чтобы исчезло всякое сомнение в его покровительстве Сааведре.

XXII. Уже удостоверен следующий факт. Когда проступки соединялись с видимостью того, что инквизиторам угодно было именовать религией, это обстоятельство всегда побуждало их оказывать снисхождение и становиться более доступными состраданию. Я докажу эту истину на истории с кордовской монахиней. Хотя сюжет ее очень отличается от истории Сааведры, тем не менее там можно увидеть те же аллюры добродетели, которые легко импонируют людям, мало изучившим сущность и истинные принципы христианства.

Статья четвертая История одной кордовской монахини, которая слыла за великую святую

I. Магдалена Делакурс (то есть Крестная [709]), монахиня ордена св. Франциска, из монастыря Св. Елизаветы в Кордове, родилась в Агиларе [710] от бедных родителей около 1487 года, постриглась в монашество в 1504 году и приобрела в короткий срок большую репутацию святости. Она была назначена игуменьей в 1533 году, была переизбрана в 1536 и в 1539 годах. В 1542 году она не была вновь выбрана. Обман был разоблачен, и 1 января 1544 года она была заключена в секретную тюрьму кордовской инквизиции. Прежде чем рассказать ее процесс, я дам несколько подробностей насчет мнения о ее святости, составившегося в продолжение тридцати восьми лет, цитируя показание, данное на процессе одним свидетелем, лицом почтенным и заслуженным, который выражается следующим образом:

II. "Хорошая репутация, установившаяся повсюду за

Untitled

Магдаленой, считавшаяся каждым справедливой в течение столь долгого времени, внушила мне желание познакомиться с Магдаленой в ту пору, когда рассказы о ней возбуждали мое удивление и когда я слышал, как все говорят о ее святости, причем не только народ, но и лица, пользующиеся величайшим уважением, как, например, кардиналы, архиепископы, епископы, герцоги, графы, большие господа, ученые, монахи разных орденов. Особенное впечатление произвело на меня известие, что кардинал Севильи дом Альфонсо Манрике прибыл в Кордову, чтобы видеть ее в монастыре; в своих письмах он называл ее своей любезнейшей дочерью и поручал себя ее молитвам. Кордовские инквизиторы выражали ей большое уважение, а кардинал Киньонес, генерал францисканских монахов, нарочно пропутешествовал из Рима, по общему мнению, лишь для того, чтобы видетсья и беседовать с сестрой Магдаленой Делакурс. Я узнал также, что прибыл Джованни Реджио, нунций римской курии, желавший удовлетворить свою любознательность. Наша императрица послала свой портрет, который и теперь находится в монастыре, чтобы Магдалена вспоминала о ней в молитвах. К этому портрету были приложены чепчик и крестильная сорочка принца Филиппа, которые Магдалена должна была благословить; государыня [711] называла ее в своих письмах своей любезнейшей матерью и счастливейшим творением в мире. О ней говорили почти во всем христианстве, и не возникало ни малейшего сомнения ни в ее заслугах, ни в ее святости. Проповедники хвалили ее с кафедр; каждый воздавал ей тот же почет и публично и наедине. Она была предметом самой нежной

Untitled

привязанности всех духовников братства и провинциалов ордена. Лица, наиболее преуспевшие на пути благочестия, признавали в Магдалене Делакурс новый способ жить свято... На самом деле, она была приветлива ко всем, непритязательно милосердна, сострадательна и подавала такой хороший пример, что склоняла всех к служению Богу, ее беседа привела множество людей к принятию духовной жизни; ее ловкость в ведении дел была так удивительна, что со всех сторон приходили к ней за советом, и ее монастырь мог быть сравнен с канцелярией".

III. Другие свидетели, рассказывавшие то же, говорили также о ее духовных экстазах и восторженности. Они приводили ее пророчества и предвещения, между прочим о смерти маркиза де Вильены; о посылке кардинальской шляпы Киньонесу, генералу ее ордена; о пленении французского короля Франциска I и о его браке с вдовствующей королевой Португалии, сестрой императора Карла V. Все эти обстоятельства побудили напечатать жизнеописание сестры Магдалены Делакурс, которую затем принуждены были спрятать, не желая ее сжечь.

IV. Магдалена появилась 3 мая 1546 года на своем аутодафе; здесь произнесли окончательный приговор, после чего секретарь прочел публично экстракт процесса. Там было сказано, что Магдалена Делакурс показала на исповеди следующее: когда было пять лет от роду, ей явился демон под видом светлого ангела и возвестил, что она будет великою святою, увещевая ее с этой минуты вести набожную жизнь. Демон впоследствии несколько раз повторял свои явления; однажды он явился в образе распятого Иисуса Христа и велел ей распяться подобно

Untitled

ему, что она и исполнила при помощи гвоздей, вколоченных в стену. Когда злой ангел приказал последовать ему, она повиновалась, но упала на землю и сломала два ребра. Дьявол исцелил ее, прикидываясь Иисусом Христом. В семилетнем возрасте демон продолжал ее обманывать; он увещевал вести более строгую жизнь. Одушевленная величайшим рвением, она однажды ночью вышла из отцовского дома и удалилась в грот в окрестности города Агилара с намерением жить там отшельницей. На следующий день она увидела себя вернувшейся, неизвестно как, в родительский дом. В другой раз демон (постоянно выдававший себя за Иисуса Христа) сделал ее своей супругой и в знак брачного союза ударил по двум ее пальцам, говоря, что они не вырастут больше (это потом оправдалось), и обязал ее рассказывать об этом случае как о чуде. В двенадцатилетнем возрасте она уже слыла за святую. Для сохранения этой репутации она творила много добрых дел и ложных чудес. Она видела тогда демонов, принимавших вид многих святых, которых почитала с особенной набожностью, среди них св. Иеронима, св. Доминика, св. Франциска и св. Антония [712]. Она вставала на колени в их присутствии, полагая, что она находится перед этими самыми святыми. Иногда ей казалось, что она видит Святую Троицу и другие необыкновенные вещи, и все это увеличивало ее желание прослыть за святую.

V. Когда эта суетность стала господствующей в ее душе, демон явился ей в виде прекрасного юноши и сказал, что он один из серафимов, спадших с неба, и поддерживал с ней общение с ее пятилетнего возраста. Его имя было

Untitled

Бальбан. Он имел товарища по имени Питон [713]. Он вразумил ее, что, настойчиво ведя начатую ею жизнь, она может наслаждаться вместе с ним всеми удовольствиями, мысль о которых поймет ее дух, и что он возьмется за увеличение репутации святости, уже достигнутой ею. Магдалена согласилась на это предложение с условием, что не получит вечного осуждения; Бальбан без колебаний обещал ей это. За обещанием последовал формальный договор с демоном, которым она обязывалась следовать его советам. С этой минуты демон служил ей инкубом до дня внесудебной исповеди в монастыре, то есть до 1543 года. Однажды демон явился ей под видом черного и безобразного человека. Испуганная видением, она закричала: "Иисусе!" - и это обратило сатану в бегство. Но он не замедлил появиться снова, горячо упрекал ее за недоверие и, наконец, помирился с ней после того, как она обещала не пугаться больше, когда он появится в том же виде, что потом бывало несколько раз.

VI. Принявши монашество, когда уже репутация ее святости была прочно установлена, она обыкновенно кликала в момент принятия причастия и симулировала экстазы, принимаемые другими монахинями за настоящие. Во время одного из этих восторгов ей воткнули булавки в ноги, чтобы увидеть, будет ли ей больно. Она испытала, действительно, сильную боль, но не созналась в этом, чтобы не повредить составленному о ней хорошему мнению. Этот же мотив побуждал ее несколько раз распинаться в своей келье, наносить себе раны в руки, в ноги и в ребра, чтобы показывать их потом в праздничные дни.

Untitled

VII. С помощью своего демона она по временам выходила из своего монастыря, приходила во францисканский или другой монастырь; видела происходившее там и затем рассказывала об этом, чтобы заставить верить, что она имела видение сокровенного. Однажды она была в Риме, где слушала мессу и причастилась от руки священника, бывшего в состоянии смертного греха. Во время этих отлучек не замечали ее отсутствия в монастыре, потому что тогда Питон, друг Бальбана, принимал вид Магдалены и везде появлялся вместо нее. Демон сообщал ей разные вещи, которые потом происходили, например, плен короля Франции, его брак с инфантой Элеонорой Испанской, войны коммун [714]. Однако не всегда предвещание сбывалось. Однажды Бальбан предложил ей одно бесчестное дело; она резко отказалась. Это привело его в такой гнев, что он высоко поднял ее и бросил на землю, и она в тяжелом состоянии была принесена в свою келью.

VIII. Однажды, находясь вместе с монахинями, она воскликнула: "Святая Мария, спаси меня!" [715] Ее спросили о причине такой молитвы. Она отвечала, что только что явилась ей одна душа из чистилища, умоляя о помощи и крича: "Спаси меня, Магдалена!" Это и заставило ее обратиться с молитвой к Богоматери.

IX. В то время как репутация ее святости была прочно установлена, она уверила монахинь и других лиц, что в день Благовещения Пресвятой Деве она зачала от Духа Святого младенца Иисуса и родила его в день Рождества. Она обернула его своими волосами, которые из черных стали рыжими. Дитя покинуло ее несколько времени спустя. Ее волосы желали иметь как реликвию, и она

Untitled

раздавала их многим лицам.

X. Она убеждала тех, кто обыкновенно ее видел, что многие священники и монахи содержали любовниц, не оскорбляя Бога, потому что не было греха их иметь.

XI. Разным лицам она советовала есть мясо в дни воздержания, а других побуждала работать в праздничные дни, уверяя, что это не запрещено.

XII. Однажды, когда она была на хорах с монахинями, ее демон вошел под видом голубя и сел около ее уха. Она сказала монахиням, что это Дух Святой, и тогда они простерлись для поклонения.

XIII. Однажды Бальбан предупредил ее, что одно значительное лицо, которого неприязнь государя делала несчастным, придет к ней просить совета, что ему делать; его следует весьма утешить и обещать, что она помолится за него, потому что, по его словам, этот человек был слугою Бальбана. Несколько дней спустя посещение действительно произошло, и Магдалена поступила по совету демона.

XIV. Она пожелала уверять, что в течение одиннадцати лет она ничего не ела и что всю ее пищу составляла святая евхаристия. Утверждение ложное, потому что в продолжение семи первых лет она тайком ела хлеб и пила воду, принесенные некоторыми доверенными монахинями, а в течение остальных четырех лет ела разные вещи, которые могли ей доставить.

XV. Она признала много других мнимых откровений и явлений демонов, святых, душ, много ложных пророчеств, притворных исцелений и, наконец, других фактов, которые я не должен включать сюда, но которые доказывают все

Untitled

злоупотребления, совершенные Магдаленой (для всеобщего обмана), чтобы укрепить приобретенную ею репутацию святости.

XVI. Она была жертвою иллюзии своих детских лет и затем стала очень ловкой обманщицей. В самом деле, какими способностями она должна была обладать, чтобы в течение тридцати восьми лет поддерживать составленное о ней мнение, которое было бы даже поддержано ею в течение всей жизни, если бы она не старалась убедить, что нуждалась для питания только в евхаристическом хлебе!

XVII. Эта претензия стала подводным камнем ее лицемерия. Некоторые монахини, возымев подозрение насчет ее поступков, стали наблюдать за ней и открыли все в последний год, когда она была игуменьей. Очень понятно, что среди них были недовольные избранием Магдалены в игуменьи столько раз. Имевшие притязание и надежду встать на ее место внимательно следили за ее поведением, и старание, употребленное ими для наблюдения за ней, открыло истину. Они уведомили об этом провинциала, настоятеля духовников, которые отвергли все сказанное как клевету. В день избрания новой игуменьи монахини одержали верх над партией, желавшей назначить Магдалену, и выбор пал на одну из них. Это было в 1542 году. До тех пор милостыни, приносимые Магдалене, были огромны; она употребляла их в пользу монастыря, который она почти заново перестроила. Когда она перестала быть во главе учреждения, она располагала по своему желанию посылаемыми дарами, потому что дарители предоставляли ей употребление приношений, приличное случаю.

Untitled

XVIII. В 1543 году Магдалена серьезно заболела. Тогда она письменно и словесно призналась в своих измышлениях для обмана мирян и общины. Подробности этой исповеди находятся в письме одной монахини этого монастыря, написанном 30 января 1544 года. В нем мы читаем, что врач, отчаявшись помочь ей в ее положении, предупредил, что она должна готовиться к смерти. Когда явился духовник для подготовки ее к принятию таинства, Магдалена была охвачена конвульсивным сотрясением, сила которого испугала всех. Она просила его прийти на другой день утром. Так как конвульсии возобновились и на другой и на третий день, духовник подумал, что эти дрожания имеют сверхъестественную причину, и стал ее отчитывать [716]. Сила заклинания принудила демона говорить устами Магдалены. Он сказал, что он серафим; у него есть товарищ и несколько легионов, покорных ему; он обитал в теле Магдалены и обладал ею почти со времени ее рождения, решившись не покидать ее, потому что она ему принадлежала, и он надеялся унести ее с собою в ад. Духовник собрал всех монахинь и в их присутствии обратился с увещанием к больной. Магдалена заявила тогда, что в ней было несколько демонов со времени детства и что она сохраняла их добровольно с тринадцатилетнего возраста вследствие договора, заключенного с дьяволом, причем он обязался помочь ей прослыть святою. Она насаждала множество необычайных и изумительных вещей, из которых я передал главные. Духовник записал все это и сообщил прелату-провинциалу, который явился к больной в сопровождении нескольких других монахов перед праздником Рождества 1543 года.

Untitled

Кордовские инквизиторы, осведомившись о происшедшем, изъявили претензию, что расследование этого дела принадлежит исключительно им. В это время провинциал, приняв на себя обязанность преподать тайны Магдалене, велел ей подписать в келье показание, в котором она открывала множество своих обманов. Магдалена приняла напутственное причастие (viaticum) и возблагодарила Бога за то, что она могла исполнить это без особенных внешних помех, хотя и сомневалась, чтобы Бог явил к ней милосердие. По удалении монахов Магдалена осталась наедине с монахиней, которая рассказала в письме все происшедшее, и продолжала оставаться с нею для приготовления всего необходимого для соборования [717], которое надлежало ей преподать. Больная сказала ей, что чувствует себя лучше, выразила сильное желание есть и настоятельно просила дать ей чего-нибудь для утоления голода. Когда монахиня принесла ей несколько кушаний, Магдалена с удовольствием почувствовала, что к ней возвращается жизнь. Когда духовник вошел в ее комнату, она захотела продолжать свою исповедь устно. Духовник расположился записывать в присутствии брата Педро де Вергары, но Магдалена, начав говорить, отреклась от всего сказанного ею раньше. Это побудило монахов удалиться в недовольстве. Монахи стали увещевать Магдалену откровенно высказаться для собственного спокойствия. Она обещала это. Духовник сделал тогда вид, что отослал всех монахинь, между тем как они устроились в месте, откуда могли слышать все, не будучи замечены больною. Магдалена показала многое. Духовник записал ее показания и заставил ее обещать подписать их в

Untitled

присутствии всех монахинь. Монахини тотчас пришли. При их приближении дрожания и конвульсии Магдалены возобновились. Духовник прибег к заклинаниям. Дьявол снова заговорил и уверил, что он еще владеет личностью Магдалены. Наконец, 24 декабря в присутствии провинциала больная возобновила и спокойно подтвердила признания, сделанные ею. Сбирь инквизиции взяли ее и отвели в секретную тюрьму святого трибунала.

XIX. Магдалена была приговорена к выходу из тюрьмы в одежде монахини, без покрывала, с веревкой на шее, с кляпом во рту, с зажженной свечой в руках. Она должна была отправиться в таком виде в кордовский собор, где был приготовлен помост для церемонии ее аутодафе, на котором ей надлежало выслушать чтение приговора и его мотивов и обычную проповедь. Затем ее должны были заключить в женский монастырь ордена св. Франциска, вне города, где она проведет остаток жизни без покрывала, без права голосования и появления в собраниях общины. Каждую пятницу она должна была есть в трапезной наряду с епитимийными монахинями, никогда ни с кем не говорить, кроме монахинь общины, духовника и прелата, без специального позволения инквизиции. Причащаться ей разрешалось раз в три года, кроме случая тяжелой болезни. Если она не исполнит какой-либо статьи из своего приговора, она должна быть рассматриваема как вновь отрекшаяся от святой католической веры.

XX. Вот приговор, содержание которого не стоит, по моему мнению, ни в каком соответствии с преступлениями, его мотивировавшими, если сравнить его с приговорами, выносимыми иногда против обвиняемого в поддержке

Untitled

еретического предположения, хотя преступление его было плохо доказано, заверено свидетелями, несогласными между собой, и отрицаемо подсудимым.

Эта женщина, уличенная в обмане и в неправильном употреблении доверенных ей приношений, виновная во всех отношениях, ускользает от правосудия без другого наказания, кроме краткого выставления напоказ, - ибо заключение, будучи обыкновенным состоянием монахини, не может рассматриваться как наказание для Магдалены.

Между тем много людей, прославившихся своими добродетелями, стали жертвами инквизиции за простое заблуждение разума, которое часто имело ту реальность, какую придавало ему невежество квалификаторов.

XXI. Если бы мне надо было голосовать за учреждение трибунала инквизиции с уставами и распоряжками, похожими на действовавшие в испанской инквизиции, я признаюсь, что пожелал бы подвергнуть ему только людей, подобных Магдалене Делакурс. В делах такого свойства всегда встречаются, более или менее, те же обстоятельства; во все времена процессы этого рода кончаются результатами не менее несправедливыми. Если бы я был инквизитором, я подал бы голос за заключение Магдалены в доме женщин дурного поведения, которым бы поручил ежедневно бичевать ее плетью [718], пока не выйдут из нее серафим Бальбан, его товарищ Питон и все легионы дьяволов, которых обманщица даже во время своих признаний имела будто бы внутри себя, между тем как настоящими демонами были два смертных греха ее: гордость и сладострастие.

XXII. Процесс Магдалены Делакурс сделал менее чести

Untitled

совету инквизиции, чем указ, адресованный провинциальным трибуналам 18 июля 1541 года, в котором было сказано: если обвиняемый, приговоренный к выдаче светской власти как нераскаянный, обратится, так что не будет сомнения в его раскаянии, он не будет отпущен, чтобы подвергнуться смертной казни, и инквизиторы допустят его к примирению с Церковью и к епитимье. Эта мера не могла, однако, применяться к осужденным за вторичное отречение, ибо единственная милость, какую уставы даруют кающемуся рецидивисту, ограничивается тем, что его не сжигают живым, а лишают жизни другим способом, который предполагается менее ужасным.

XXIII. Кардинал Тавера, шестой главный инквизитор, умер 1 августа 1545 года. Он был племянником второго великого инквизитора Десы, преемника Торквемады. При его смерти число трибуналов было одинаково с тем, какое было, когда он стал во главе инквизиции. Действительно, он восстановил хаэнский трибунал, но зато наваррский был упразднен, и его округ был соединен с калаорской инквизицией.

XXIV. Счет жертв инквизиции, установленный для эпохи главного инквизитора Манрике, дает за семь лет службы Таверы семь тысяч семьсот двадцать лиц осужденных и наказанных. Семьсот сорок были сожжены живыми и четыреста двадцать в изображении. Остальные, в количестве пяти тысяч четырехсот шестьдесят, подверглись различным епитимьям. Таким образом, можно допустить приблизительно, что каждый трибунал приговаривал ежегодно восемь человек первой категории, четырех - второй и сорок - третьей. Я не сомневаюсь, что

Untitled

число их было значительно больше. Однако, верный моей системе беспристрастия, я предпочитаю держаться более умеренного счета.

Глава XVII Инквизиции Неаполя, Сицилии и Мальты и события эпохи кардинала Лоайсы, седьмого главного инквизитора

Статья первая Неаполь

I. Карл V назначил преемником кардинала Пардо де Таверы кардинала дома Гарсию де Лоайсу, архиепископа Севильского, который стал седьмым главным инквизитором. Этот прелат достиг почтенного возраста, так как еще в октябре 1517 года он подписывал разные указы как член верховного совета. Он был духовником Карла V, главным приором ордена св. Доминика, епископом Осмы и Сигуэнсы и апостолическим комиссаром святого крестового похода. Римская курия выслала ему утвердительные буллы 18 февраля 1546 года, но он недолго стоял во главе святого трибунала, так как его смерть произошла 22 апреля того же года.

II. Однако он уже предложил императору вернуть инквизицию к тому, чем она была вначале, до установления ее католическими государями Фердинандом и Изабеллой, его предками. В этом проекте встречаешься с чувствами доминиканского монаха. Но можно сказать уверенно, что инквизиторы не утратили ничего из своей суровости и нельзя было бы вложить больше строгости в репрессивные меры, употребляемые ими против мнимых еретиков. История сообщает нам, что жители Арагона, Каталонии, Валенсии, Майорки, Сицилии и Сардинии, имевшие уже монахов-инквизиторов, противились

Untitled

установлению испанской инквизиции до готовности восстать. Когда она силою восторжествовала над сопротивлением жителей, в разные времена все еще происходили мятежные брожения в этих провинциях, кроме возражений, представленных на нескольких собраниях кортесов нации.

III. В том же 1546 году Карл V решил учредить инквизицию в Неаполе, хотя его дед потерпел поражение в этой попытке в 1504 и 1510 годах, так как, несмотря на свою твердость и упрямство, он принужден был последовать совету, данному главнокомандующим {См. гл. X этой Истории.}. Карл V вообразил, что сан императора и славные события его царствования произведут впечатление на неаполитанцев и сделают их более послушными. Он поручил вице-королю дону Педро Толедскому, маркизу де Вильяфранке дель Бьерсо, брату герцога Альбы [719], назначить инквизиторов и должностных лиц из местных жителей и остановить свой выбор на людях, способных исполнить предположенное намерение; послать правительству список назначенных лиц и все нужные документы, чтобы главный инквизитор мог отправить распоряжения и передать необходимые полномочия новым инквизиторам. Когда эти меры будут приняты, инквизитор, декан Сицилии, должен прибыть в Неаполь с секретарем и другими должностными лицами инквизиции и установить там трибунал и все формы инквизиционной юрисдикции, чтобы члены нового учреждения быстро получили возможность приступить к исполнению своих обязанностей.

IV. Фридрих Мюнтер, профессор богословия в

Untitled

Копенгагенском университете, полагал, что интриги вице-короля дона Педро Толедского послужили введению в Неаполе испанской инквизиции. Этот писатель (в настоящее время член многих литературных академий Европы) оказал большие услуги науке как ученый и всему человечеству в целом как благороднейший благотворитель бедных, какого бы они ни были вероисповедания. Но он не мог навести справки в подлинных книгах, которые были в моих руках. Эта невозможность заставила его впасть в заблуждение, когда он писал историю сицилийской инквизиции. Карл V для успеха предприятия, о котором говорю, не нуждался ни в чьих нашептываниях и советах; он естественно приходил к решениям этого рода, как можно видеть из сказанного нами об этом государе и как продолжение докажет это еще лучше.

V. Усилия Карла V установить инквизицию в Неаполе и других государствах имели своим поводом успехи лютеранства в Германии и боязнь видеть проникновение заразы в другие страны. Советники инквизиции и кардинал Лоайса, его бывший духовник, разжигали эти склонности. Все участие дона Педро Толедского в этом деле состояло в том, что единственно ему доверил вначале Карл V хлопоты по исполнению его воли, и только он один был достаточно умен для того, чтобы посоветовать государю отказаться от его намерения, когда он увидал бедствия, последовавшие за его исполнением. Приказ императора был исполнен без малейшего сопротивления. Но едва узнали, что несколько человек было арестовано по приказу новой инквизиции, как народ восстал; на улицах раздавались крики: "Да здравствует император! Да

Untitled

погибнет инквизиция!" Неаполитанцы взяли за оружие и принудили испанское войско искать спасения в фортах. Так как все принимало вид совершенного и всеобщего бунта, Карл V принужден был оставить свое намерение.

VI. Я замечу как нечто достойное внимания, что Павел III открыто покровительствовал неаполитанцам, возмущившимся против своего государя, будучи недоволен тем, что неаполитанская инквизиция должна была зависеть от главного испанского инквизитора, как сардинская и сицилийская, подчинение коих испанскому режиму он едва выносил. Он жаловался на своих предшественников Иннокентия VIII [720], Александра VI и Юлия II, которые, по его словам, наделали много зла, одобряя изъятие инквизиторов из непосредственной зависимости от папы и терпя посредствующую власть, сводившую на нет власть святого престола. Это было заметно в Испании и зависящих от нее государствах, где государи вмешивались в дела инквизиции больше самих пап и делали их решения бесполезными, обязывая уступать против воли часть прав светской власти.

VII. Павел III, не сообщая этих мотивов неаполитанцам, говорил им, что они вправе противостоят воле государя, так как испанская инквизиция была чрезмерно сурова и не пользовалась для большей умеренности в своих действиях примером римской, установленной три года назад.

Указывалось, что никто еще не жаловался на римскую инквизицию, потому что она верно сообразовалась с требованиями права, чего не было в Испании, по причине упорства инквизиторов, их привязанности к системе, установленной Сикстом IV [721], и чрезвычайного

Untitled

покровительства, оказываемого Карлом V, который в этом превзошел даже своего деда.

VIII. Вы видите, как мало участвовала религия в этой политике, всегда готовой делать народы жертвами своих интриг и всяких козней, - будет ли идти речь о религии или просто о мирских интересах. В 1563 году Филипп II сделал новую попытку установить в Неаполе свой любимый трибунал; но жители прибегли к обычному средству, и их повстанческие волнения принудили деспота повернуть вспять, вопреки его обычаю.

Статья вторая Сицилия и Мальта

I. Сицилийская инквизиция в тот же год ликовала еще более, чем в 1543 году. Фердинанд V пытался в июле 1500 года установить в этом королевстве испанскую инквизицию, упразднив папскую, доверенную доминиканским монахам, но все усилия его были тщетны до 1503 года. Даже в этом году Сицилия волновалась восстаниями, которые возобновлялись в 1510, 1516 и других годах {См. гл. XI этого сочинения.}. В 1520 году Карл V написал папе, чтобы склонить его не принимать апелляции от жителей острова, которые могли быть осуждены сицилийской инквизицией, потому что им можно будет обращаться в этом случае к главному инквизитору Испании в силу апостолических пожалований, сделанных его предшественниками и подтвержденных им самим.

II. Это выступление императора и много других свидетельств специального покровительства, оказываемого им инквизиции, необыкновенно усилили гордость инквизиторов и дерзость, с которой они злоупотребляли тайной судопроизводства. Ненависть

Untitled

сицилийского населения соответственно возросла, особенно у жителей Палермо, и в 1535 году дело зашло так далеко, что народ поднялся против святого трибунала, и Карл V вынужден был написать инквизиторам, что отменяет подтверждение и расширение привилегий, дарованных им 18 января того же года, и приостанавливает пользование ими на пять лет. В течение этого срока инквизиторы не могут ни позволять себе какого-либо действия гражданской юрисдикции, ни возбуждать преследования судом светских лиц, кроме дел о формальной и явной ереси.

III. Эта мера императора особенно смирила инквизиторов. Они нашли, однако, средство восстановить свою власть в 1538 году, когда должность вице-короля острова была поручена временно инквизитору дому Арнольдо Альбертино, который был затем назначен на епархию Пати в этом королевстве {Я говорил об этом инквизиторе в гл. XI этого сочинения.}. Его присутствие дало им смелость преследовать всякого, кто имел несчастье им не понравиться. Хорошо, что их деспотизм продолжался недолго, так как вице-король вернулся в Сицилию. Узнав, что отвращение жителей к инквизиции неизменно, он сообщил об этом императору, который в 1540 году продлил приостановку привилегий как необходимую меру на новый пятилетний срок. Не без законного мотива такое учреждение, как инквизиция, внушало ужас. Я докажу это, рассказывая об одном деле, случившемся в 1532 году, за три года до мятежа сицилийцев.

IV. Антонио Наполес, богатый житель острова, был заключен в секретную тюрьму святого трибунала. Его сын

Untitled

Франческо прибег к папе и выдал Его Святейшеству это действие власти за презренную интригу нескольких людей из народа, которыми были одурачены инквизиторы, оказывая им ничем не оправдываемое доверие, потому что его отец вел себя с самого детства как хороший католик. Он сказал, что декан инквизиторов связался с врагами отца и держал его в тюрьме в течение пяти месяцев, к соблазну и недовольству жителей Палермо, не давая ему никакого средства к защите. Франческо умолял Его Святейшество не допускать инквизитора произносить приговор об участии его отца. Папа направил дело к дому Томасу Герреро и дому Себастиану Мартине-су, каноникам и его комиссарам в Сицилии. Едва мадридские инквизиторы узнали о папском решении, как поторопили императора и кардинала Манрике написать папе, что существование этой комиссии, как они жаловались в своем представлении, уничтожает привилегии святого трибунала Испании, от которого зависит Сицилия. Слабый Климент VII поспешил упразднить ее своим бреве, данным 25 июня 1532 года, и через Герреро переслал все документы процесса главному испанскому инквизитору. Последний для продолжения судопроизводства назначил по обязанности службы доктора дома Агустино Камарго, сицилийского инквизитора, или вместо него какого-либо другого члена той же инквизиции, так что Наполес очутился в руках своего преследователя. Он был осужден как еретик, лишен имущества, но допущен к примирению с Церковью с епитимьей пожизненного тюремного заключения. Кто осмелится предпринять оправдание поведения папы, кардинала и судей?

Untitled

V. Сицилийские инквизиторы всегда рассчитывали на покровительство мадридского двора. Они были убеждены, что, распорядившись приостановить привилегии, он поступил так менее по политическому принципу, чем по снисхождению к сицилийцам. Они полагали с полным удовлетворением, что по прекращении опасений испанское правительство вернет им благосклонность, которой они раньше пользовались. Это произошло на самом деле, когда 27 февраля 1543 года император подписал королевский указ, аннулировавший в конце десятого года приостановку привилегий без предварительной меры особого декрета. Это событие восстановило в душе инквизиторов доверие и надежду на поддержку кардинала Таверы (который был все еще во главе государственного совета Испанской монархии, управляемой тогда принцем Астурийским, едва достигшим шестнадцатилетнего возраста). Они возымели смелость объявить маркизу де Терранове, о котором мы уже упоминали, об исполнении епитимьи, к которой его приговорили.

VI. Убеждаясь, что инквизиторы одержали победу, которую столько веских мотивов должны были делать, по крайней мере, сомнительной, не станешь удивляться, что они с радостью поджидали срока приостановки и нового декрета, который возобновлял прежние пожалования и даровал новые. Этот государев акт появился 16 июня 1546 года. Инквизиция решила достойно отпраздновать свою победу. Все было приготовлено для празднования величайшего из аутодафе, когда-либо виденного, и четверо заочно осужденных были сожжены фигурально. Подобная церемония происходила также в 1549 и в 1551 годах.

Untitled

VII. Инквизиторы, ставши вновь заносчивыми, как некогда, беспощадно обращались с сицилийцами всех классов. Отсюда возникло новое возмущение против святого трибунала в Палермо в 1562 году, в момент, когда собирались обнародовать эдикт веры, который налагал на каждого жителя обязанность доносить на людей, виновных или подозреваемых в ереси, под страхом смертного греха, верховного отлучения или какой-либо другой епитимьи, установленной законами. Когда вице-королю удалось восстановить спокойствие, инквизиторы показали себя умереннее, по крайней мере пока ими владел страх. Вместо торжественных аутодафе, возбудивших негодование народа, они довольствовались в течение некоторого времени отравлением частных аутодафе в зале суда. Однако в 1569 году они распорядились устроить одно общее аутодафе, подавшее повод к маленькой истории, которая достойна упоминания.

VIII. Среди узников инквизиции находился один несчастный, пробудивший особый интерес к себе со стороны маркизы де Пескара, супруги вице-короля. Инквизиторы, убежденные, что в известных чрезвычайных обстоятельствах само благо инквизиции требовало угождения первому и могущественнейшему должностному лицу острова, даровали вице-королеве милость, не приводя в исполнение по отношению к обвиняемому решения трибунала. Но в то же время они уведомили главного инквизитора, чтобы избежать его упрека. Верховный совет, обсудив происшедшее, адресовал инквизиторам весьма энергичный выговор за присвоение не принадлежащего им права, принимая во внимание, что

Untitled

в делах этого свойства заступничество не может быть допущено. Разве не действовали вопреки закону бесчисленное множество раз эти советники? Сколько раз их преемники давали такому нарушению множество примеров? Хорошо было бы, если бы они постоянно так поступали! Человечество приветствовало бы эту благожелательность, которая слишком часто бывала благосклонна к убийцам и публичным ворам.

IX. Пока остров Мальта [722] составлял часть Испанской монархии, он был подчинен сицилийской инквизиции, и инквизиторы этой страны имели здесь своего уполномоченного, секретаря суда, альгвасила [723] и чиновников, которым были поручены судебные дела. Когда Мальта была уступлена рыцарям св. Иоанна Иерусалимского, которые только что потеряли остров Родос [724], гроссмейстер учредил здесь свое управление. Было бы противно его достоинству дозволить в стране (в которой он имел верховную власть) практику иноземной юрисдикции, особенно когда он получил от римской курии право духовной власти через посредство священников, которых он выбирал из своего ордена и которым передавал как генеральным викариям власть почти епископскую, особенную.

X. Один человек был арестован на острове как еретик. Известно, что сицилийская инквизиция получила сведения на его счет. Гроссмейстер письменно потребовал их. Инквизиторы обратились к верховному совету. Последний, 17 мая 1575 года, предписал им не только не посылать их, но и потребовать себе заключенного. Несправедливость подобной претензии очевидна. Она является новым

Untitled

доказательством духа честолюбия, старавшегося шириться и властвовать везде. Гроссмейстер, решившись защищать свои права, велел расследовать процесс обвиняемого на самом острове и только по поводу происшедших здесь фактов; по окончании следствия он приказал судить обвиняемого, который был оправдан. Этот энергичный поступок не понравился сицилийской инквизиции, которая в целях мести воспользовалась на следующий год представившимся ей случаем.

XI. Дон Педро де ла Рока, испанец, рыцарь Мальтийского ордена, убил в Мессине [725] первого альгвасила сицилийской инквизиции. Он был арестован и посажен в секретную тюрьму святого трибунала. Гроссмейстер потребовал к себе рыцаря, так как только он имел право его судить. Совет, запрошенный инквизиторами, приказал постановить приговор об участи обвиняемого и покарать его как человекоубийцу. Главный инквизитор сообщил эту резолюцию Филиппу II, который написал гроссмейстеру, чтобы покончить с этим разногласием.

XII. Распри между светской властью и инквизицией свирепствовали в Сицилии в не меньшей степени, чем в других странах, где была установлена инквизиция. В 1580 и 1597 годах были приняты меры для их прекращения. Но это было тщетно, и сицилийцы лицезрели скандал преследования инквизиторами по суду в 1606 году и поражения их цензурами герцога де Фриаса, коннетабля Кастилии, вице-короля и генерал-губернатора острова. Множество дел такого рода, всегда возбуждавших волнение и удивление в народе, обязало правительство прибегать к различным средствам примирения, откуда

Untitled

возникли конкордаты 1631 и 1636 годов, которые не были удачнее уже подписанных.

XIII. В 1592 году герцог Альба, бывший тогда вице-королем, употребил косвенное средство для обуздания дерзости инквизиторов. Видя, что герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны, кавалеры разных орденов, генералы и другие военные лица вступили в конгрегацию чиновников святого трибунала по подстрекательству инквизиторов, чтобы пользоваться привилегиями и держать народ в подчинении и страхе, герцог Альба представил королю, что могущество государя и власть наместника почти ничтожны на острове и останутся таковыми и дальше, пока эти разные общественные слои будут пользоваться привилегиями, действие коих состоит в нейтрализации мер правительства и в обращении против самой администрации ее бессилия заставить повиноваться себе. Карл II сознал, насколько этот порядок вещей противоречит достоинству его короны, и запретил каждому королевскому служащему пользоваться этими прерогативами даже в случае, если он приобрел бы титул чиновника или должностного лица инквизиции. Народ начал тогда менее уважать трибунал, и эта эпоха была началом его падения.

XIV. В 1713 году Сицилия перестала принадлежать короне Испании, и Карл Бурбон [726] получил в 1739 году папскую буллу, создававшую для этой страны должность главного инквизитора, независимого от испанского. Новое правительство не удовлетворялось этой полезной реформой, и Фердинанд IV [727], наследовавший Карлу, упразднил ненавистный трибунал в 1782 году.

XV. В течение двухсот семидесяти девяти лет своего

Untitled

существования трибунал декретировал торжественные общие аутодафе, о которых говорил Мюнтер, и другие частные, справлявшиеся в самой зале его заседаний.

Аутодафе первых времен его основания устраивались против новохристиан, иудействовавших или возвращавшихся к магометанству; было несколько аутодафе против содомитов или двоеженцев.

Впоследствии аутодафе подобного рода были менее многочисленны, и трибунал судил по преимуществу лютеран, колдунов и священников, злоупотреблявших исповедью для обольщения и развращения женщин.

Наконец, в последнюю эпоху, кроме отмеченных мною виновных, инквизиция карала приверженцев Молиноса [728], философов, подозреваемых в неверии, и сторонников разных осужденных мнений.

XVI. Совершенно не соответствует истине, согласно документам архивов испанской инквизиции, будто сицилийская инквизиция, как это утверждал Мюнтер, карала политические заблуждения и будто этот трибунал, подобно всем другим, был установлен с этой целью.

Нельзя найти ни одного примера лица, арестованного за политические убеждения, какими бы опасными их ни считали, раньше царствования Филиппа II. Политике этого государя удалось выдать за заподозренных в ереси всех испанцев, позволявших себе или осмеливавшихся братья за вещи, которым правительство имело особенный повод противиться. Эта мера казалась ему предпочтительнее вмешательства других судов. Действительно, она помогала лучше узнавать виновных, делая из доноса обязанность, и страх, внушаемый святым трибуналом, был гораздо более

Untitled

способен импонировать. Следует, однако, сознаться, что к такому средству прибегали редко, даже в царствование этого государя.

XVII. Карл IV [729] следовал правилу Филиппа II запрещать косвенным путем книги, имевшие предметом французскую революцию; он объявил указом 1789 года, что преступление ереси содержится во всем том, что стремится или способствует пропаганде революционных идей. Эти идеи квалифицировались как своего рода догматическое заблуждение, противное учению св. Петра и св. Павла, которые обязывают христиан подчиняться и повиноваться даже дурным государям не только за страх, но и за совесть [730].

XVIII. Из любви к истине и из долга чести, который она вызывает, я должен заявить, что не видал, не читал и не слышал, чтобы кто-либо был арестован со времени обнародования указа за чтение запрещенных книг, если только он в то же время не поддерживал, не писал и не распространял высказываний и мыслей, объявленных еретическими и признанных таковыми. В этом пункте истории и политики обманулись иноземные писатели, трактовавшие об испанской инквизиции и утверждавшие, что в последнее время она была шпионским трибуналом, находившимся в полном распоряжении правительства для борьбы с политическими убеждениями, внушавшими правительству подозрение. Эти философы (я повторяю) были плохо осведомлены. Их промах произошел оттого, что по прекращении общих аутодафе инквизиторы почти только и занимались обнародованием указов против чтения и обращения книг, брошюр (известных в Испании

Untitled

под именем листовок - folletos) и сочинений, в которых говорилось о философских изречениях, о естественном праве, о международном праве, о публичном праве. Они могли бы увериться из свидетельства послов их правительств, что не проходило ни одного года без того, чтобы не было двух или нескольких малых публичных аутодафе, справлявшихся в залах суда инквизиции, при открытых дверях и в присутствии множества приглашенных свидетелей, кроме четырех или пяти малых тайных аутодафе, которые имели свидетелями в тех же залах только должностных лиц и служащих суда, обязанных присягой по свойству их службы. Когда я буду говорить об инквизиции нашего века, я приведу некоторые из этих аутодафе того и другого вида. Я уже говорил об аутодафе одного марсельского француза, ходатайствовавшего о чести служить испанскому королю в качестве телохранителя {См. гл. IX этого сочинения.}.

XIX. Мюнтер признает, что сицилийская инквизиция сожгла за время ее существования двести одного человека живьем и двести семьдесят девять фигурально, что доводит число казненных до четырехсот восьмидесяти. Но к этому числу следует прибавить около трех тысяч обвиняемых, присужденных к епитимьям, потому что в Испании численность последних всегда была, по крайней мере, в шесть раз больше количества осужденных на смертную казнь. И если в Сицилии не осудили большого числа крещеных евреев за отступничество и ложное обращение, можно быть уверенным, что было возбуждено много процессов против мавров и ренегатов, которых разные побуждения заставляли переходить из Африки в

Untitled

Сицилию, где они просили крещения, а потом возвращались в магометанство. Я не учитываю чрезвычайной пропорции, представляемой картиной первых лет испанской инквизиции. Из этой истории уже видно, что на одного приговоренного к сожжению приходилось более пятисот подвергнутых епитимьям и что число последних было в отношении шести к одному в позднейшие времена в севильском списке.

XX. Мюнтер не назвал преступления, за которое каждый был осужден. Всякий раз, как бывало общее или частное аутодафе, обвиняемому читался приговор с его обвинениями. В этом изложении оповещается, какова природа преступления. Оно затем обозначалось в надписи на санбенито. Ее вывешивали в приходской церкви обвиняемого, чтобы каждый мог ее прочесть, и она излагалась в следующем виде: Франсиско де Севилья, житель Севильи, осужденный как иудействующий еретик в 1483 году. Вместо слова осужденный употребляют слово епитимийный в соответствии с свойством наказания и вместо слова иудействующий ставят название ереси, за которую обвиняемый был наказан.

XXI. В 1546 году, соответствующем службе кардинала Лоайсы, насчитывается на каждую испанскую инквизицию восемь человек, сожженных живьем, четыре - фигурально и сорок присужденных к епитимьям. Все это дает для пятнадцати трибуналов итог в семьсот восемьдесят человек, настигнутых законами инквизиции, то есть сто двадцать человек первого класса, шестьдесят - второго и шестьсот - третьего.

Глава XVIII Важные дела, происшедшие в течение первых

Untitled

лет службы восьмого главного инквизитора. Религия карла V в последние годы его жизни

Статья первая Процессы, решенные инквизицией в течение первых лет службы Вальдеса

I. Дом Фернандо Вальдес был преемником кардинала Лоайсы в должности архиепископа Севильи и главного инквизитора. В момент своего нового назначения он был епископом Сигенсы и председателем королевского совета Кастилии, раньше пробыв последовательно членом большой коллегии св. Варфоломея в Саламанке, административного совета архиепископии Толедо вместо кардинала Хименеса де Сиснероса, инспектором инквизиции [731] в Куэнсе и членом королевского совета Наварры, каноником митрополичьей церкви Сант-Яго в Галисии, членом верховного совета инквизиции, членом государственного совета, епископом Эльны, Оренсе, Овьедо и Леона и председателем королевского апелляционного суда в Вальядолиде. Вальдес достиг шестидесяти четырех лет в 1547 году, пройдя все эти места и должности. Столько почестей не могли сделать его нечувствительным к огорчению по причине того, что он не получил кардинальской шляпы, как его предшественники, а кафедру Толедо занял дом Бартоломео Карранса. Ощущаемая им досада была истинным мотивом жестокого преследования, которому он подверг Каррансу. Если обратить внимание, что ему было шестьдесят шесть лет, когда он обнаружил столько ненависти, гордости и злобы, нельзя воздержаться от подозрения, вопреки его наружному усердию к религии и интересам инквизиции, что он не имел горячей веры в бессмертие души, потому что

Untitled

его не остановил страх близкой смерти.

II. Папа одобрил назначение Вальдеса 20 января 1547 года, и новый главный инквизитор вступил в должность в субботу 19 февраля того же года, в присутствии двух секретарей совета, одним из которых был знаменитый Херонимо Сурита, точный и правдивый автор Летописи Арагона. Вальдес сильно занялся запрещением книг и приложил величайшее старание к воспрепятствованию ввоза тех, которые могли распространить заблуждения Лютера и его протестантских комментаторов {См. гл. XIII этого сочинения.}.

III. Я думаю, что Вальдес был первым и истинным виновником дурного вкуса, установившегося в церковной науке. Распространение этого дурного вкуса было так повсеместно, что, за исключением небольшого числа умных людей, сумевших от него уберечься, его господство было заметно в Испании со времени царствования Филиппа II и учреждения ордена иезуитов до их изгнания. Множество костров Вальядолида, Севильи, Толедо, Мурсии и нескольких других городов и указы Фернандо Вальдеса устрашили умы людей и дали торжество системе невежества, поддерживаемого инквизицией. Поэтому из немалого числа испанских ученых, присутствовавших на Тридентском соборе [732], никто не оставил по смерти наследника хорошего вкуса. Многие были преследуемы инквизицией, потому что для подозрения в лютеранстве достаточно было знать восточные языки, особенно греческий и еврейский, и утверждать, что нельзя без их знания быть богословом, глубоко сведущим в Священном Писании, подлинники которого написаны на этих двух

Untitled

языках. Разве не естественно, что в результате системы, столь способной привести в уныние, должно было явиться желание посвятить себя такому роду занятий, который не подвергает человека опасности быть преследуемым?

IV. Тогда-то увидали богословов, которые добивались славы прослыть учеными, прикрепиться к схоластическому богословию [733] и составлять (по правилам этого презренного метода) курсы, итоги и сокращения морали, основанием которых служили для них одни лишь папские буллы. Если некоторые из этих горе-богословов писали по канонической дисциплине или по церковной истории, то их труды, насыщенные ультрамонтанским [734] духом, устанавливали верховенство папы над Вселенскими соборами, насилуя бесчисленное множество текстов и авторитетов первых семи веков церкви, когда факты и мнения на этот счет были совершенно иные и когда сами папы в своих трудах и в своем образе действий признавали принципы, совершенно противоположные. Тогда-то расцвело это множество итогов (*summa*), сокращений (*compendium*) и небольших трактатов о морали, которые, так сказать, наводнили XVII и первую половину XVIII века, пока события понтификата Климента XIII [735], относящиеся к государям из дома Бурбонов, царствовавшим тогда в Испании, во Франции, в Неаполе и в Парме [736], и изгнание иезуитов при Клименте XIV [737] не открыли глаза и не вернули умы к истинным источникам, то есть к соборам, к творениям первых Отцов Церкви и к таким действительно классическим авторам, как Ван-Эспен [738] и др.

V. Главный инквизитор Фернандо Вальдес постоянно

Untitled

обнаруживал почти кровожадные инстинкты во время своего управления. Они привели его к ходатайству перед папой о позволении приговаривать лютеран к сожжению, хотя бы они не были вторично впавшими в ересь и просили о примирении с Церковью. Если бы он предпочел метод точной критики, он не дерзнул бы считать еретическими такие предположения, которые формально не противоречили определенным членам веры. Правоверные богословы этого века, углубивши догматическую теологию при помощи восточных языков, распространили бы вкус к хорошим исследованиям и дали бы торжество естественному богословию, принципы которого суть правила здравого смысла и которое служит в настоящее время основанием трактатов и решений каждого богослова и канониста, наделенного рассудительностью и одаренного здоровой критикой.

VI. Презрение этих правил заставило течь потоки крови и привело в ужас Испанию во время управления Вальдеса; о характере его управления достаточно говорят число и достоинство жертв. Я приведу только самые знаменитые, сожженные до времени отречения Карла V от престола, потому что считаю нужным написать отдельную статью о событиях этого рода, принадлежащих к эпохе царствования Филиппа II, государя, которого божественное Провидение избрало бичом человечества под названием, столь недостойно узурпированным, неутомимого защитника католической религии.

VII. История считает 8 марта 1550 года днем смерти св. Иоанна Божия [739], основателя в Гранаде ордена братьев милосердия, члены которого должны были посвящать себя

Untitled

заботе и призрению бедных больных. До сих пор в Европе была еще неизвестна система управления общественным попечением в пользу разных классов неимущих, которая с того времени принята правительствами. Св. Иоанн Божий решил основать общину монахов, сведущих в медицине, хирургии и приготовлении лекарств и способных взять на себя это почтенное служение. Духовным руководителем св. Иоанна Божия долгое время был достопочтенный Хуан д'Авила {См. гл. XIV этого сочинения.}, которого мы видели заключенным в тюрьму инквизиции. Ученик, будучи арестован в Фуэнта-Овехуне, готовился быть заключенным в тюрьму святого трибунала в Кордове как подозреваемый в магии и некромантии, когда его невиновность была доказана {Болланд. Деяния святых (Acta sanctorum). Т. I, под 8-м числом марта.}.

VIII. Среди осужденных, появившихся на аутодафе Севильи в 1552 году, находился Хуан Хиль, уроженец Ольверы в Арагоне, каноник-учитель митрополичьей церкви того же города. Он более известен под именем доктора Эгидия [740]. Сначала он был приговорен как сильно заподозренный к отречению от лютеранской ереси и к епитимье. Четыре года спустя после его смерти, происшедшей в 1556 году, он был предан суду по обвинению в рецидиве; его труп был вырыт и сожжен вместе с изображением в 1560 году. Его память объявили лишенной чести и имущество конфискованным за то, что он умер в чувствах лютеранина. Товарищем по несчастью в его тюремном заключении был Райнальдо Гонсалес де Монтес, которому удалось бежать, и он был сожжен фигурально как лютеранин и заочно осужденный. Под

Untitled

именем Регинальда Гонсальвия Монтануса он опубликовал в Гейдельберге в 1567 году труд об испанской инквизиции, поместив там несколько деталей о докторе Хуане Хиле. Он захвачен лютеранскими мнениями в такой же степени, как и большинство католических богословов университетов и школ своими собственными системами, когда ими овладевает предубеждение и дух партийности. Он передает нам, что Эгидий учился богословию в Алькала-де-Энаресе [741] и получил там степень доктора. Он приобрел столь блестящую репутацию, что его сравнивали с Пьером Ломбаром [742], св. Фомой Аквинатом [743], Иоанном Скоттом [744] и другими заслуженными богословами. Его таланты побудили севильский капитул предложить ему в 1537 году единогласно и без предварительного конкурса место каноника по кафедре соборного проповедника, вакантной по смерти доктора Александра. Эгидий очень мало был способен к тому, чтобы стать хорошим проповедником: он надоел слушателям, и каноники раскаивались в его назначении.

IX. Родриго де Валеро (о котором я скажу впоследствии) сказал Эгидию, что книги, в которых он почерпнул свои познания, ничего не стоят, принципы, излагаемые им с кафедры, не доставят удовольствия и он не станет действительно просвещенным и сильным в учении, если не будет день и ночь изучать Библию. Эгидий последовал совету Родриго и обрадовался избранию своего нового метода, подружившись с доктором Константином Пенсе де ла Фуэнте и учителем Варгасом, о которых будет речь в другом месте этой истории как о личностях, очень

Untitled

известных среди лютеран. Со временем Эгидий нашел особый прием проповеди, который был настолько приятен народу и образованным людям, что вскоре забыли о той скуке, которую раньше причиняли его проповеди, и слушатели удивлялись блестящим качествам, которые не только были приобретены Эгидием, но, казалось, увеличивались со дня на день. Успехи и знаки одобрения, награждавшие его заслуги, доставили ему тем более опасных врагов, что его поведение не давало никакого повода к жалобам и ропоту.

X. Император Карл V назначил его епископом Тортосы в 1550 году. Это усилило ненависть завистников, которые донесли на него севильской инквизиции как на еретика-лютеранина за некоторые мысли, высказанные в его проповедях и выделенные завистниками из других частей текста, чтобы придать словам смысл, которого они на самом деле не имели. Мысли эти касались сущности оправдания, чистилища, глухой исповеди [745], почитания икон и мощей и призывания святых. Его противники использовали (с целью ему повредить) благожелательный прием, который он выказал в 1540 году по отношению к Родриго де Валеро во время его "процесса, а также и некоторые другие обстоятельства.

XI. Эгидий был заключен в 1550 году в секретную тюрьму святого трибунала. Он употребил это время на пользу, составляя свою апологию, которая усилила угрозу, навлеченную врагами на его голову. Прямота души привела его к установлению в апологии как достоверных принципов некоторых предположений, считаемых схоластическими богословами за ошибочные и ведущие к ереси. Образ

Untitled

действия и поведение каноника были так чисты, что сам император, приняв на себя его защиту, написал в его пользу. Севильский капитул последовал этому примеру, и (может быть, это еще больше достойно замечания) лицензиат Корреа, декан инквизиторов, был тронут его невиновностью и взялся его защищать против своего собственного коллеги Педро Диаса, проникшегося глубокой ненавистью к обвиняемому. Это расположение духа причинило тем более горя Эгидию, что его враг некогда исповедовал те же убеждения, почерпнув их, как и Эгидий, в школе Родриго Валеро.

XII. Проявившееся со всех сторон старание отклонить удары, готовые упасть на Эгидия, заставило принять сделанное им предложение коллоквиума [746] между ним и самым искусным богословом. Эта мера доказывает, что еще не был установлен обычай призывать в суд богословов для квалицирования по обязанностям службы сомнительных предположений, касающихся вопросов, недостаточно изученных судьями-канонистами. Пригласили брата Гарсию де Ариаса, иеронимита из монастыря Св. Исидора в Севилье. Его мнение не было признано удовлетворительным, и Хуан Хиль потребовал и добился приглашения для собеседования доминиканца, брата Доминго Сото, профессора Саламанки. Этот инцидент сильно замедлил заключение процесса; наконец Сото прибыл в Севилью.

XIII. Согласно Гонсалесу де Монтесу, этот богослов мыслил подобно избранному епископу Тортосы насчет предположений, которые были склонны осудить; чтобы отклонить подозрение в возможности возникновения этих

Untitled

обстоятельств, Сото убедил Эгидия, что было бы удобно составить и опубликовать род исповедания веры или изложение их понятий о предметах, о которых идет речь. Было условлено, что каждый напишет свое и что они сообщат свои исповедания взаимно друг другу, чтобы установить между ними самое точное однообразие; затем они опубликуют их для того, чтобы каждый признал тожество их учения и вернул Эгидию все доверие, которым он некогда пользовался. Автор, передающий этот факт, прибавляет, что они написали, каждый отдельно, свое исповедание веры; что они были сравнены и признаны вполне согласными.

XIV. Инквизиторы, узнав об этом, объявили: так как речь идет о деле, затрагивающем особенно репутацию епископа, то им кажется наиболее приличным созвать публичное и торжественное собрание в митрополичьей церкви, где брат Доминго Сото изложит в проповеди мотив и цель созыва; он подробно побеседует об этом с верными и прочтет свое исповедание католической веры, а затем доктор Эгидий прочтет свое, чтобы вся аудитория могла судить о единообразии их мнений. Инквизиторы велели приготовить для этого две кафедры; но - или было дано секретное распоряжение, или это было делом случая - кафедры находились в таком отдалении друг от друга, что Хиль не слышал того, что говорил Сото. Это, казалось, впрочем, неизбежным вследствие огромного стечения лиц, наполнявших церковь и привлеченных ожиданием совершенно нового для всех зрелища, задолго анонсированного на этот праздничный день.

XV. Сото (продолжает Гонсалес де Монтес) прочел

Untitled

изложение принципов, совершенно противоположных тем, о которых условились на частных беседах. Так как доктор Эгидий не слышал этого и думал, что Сото верно прочел буквальный текст, который был намечен, то сделал знак головой и рукой, что он одобряет эти мысли, чтобы все присутствующие были свидетелями одобрения их и были удовлетворены его образом мыслей, когда услышат его исповедание веры. Когда Сото окончил чтение своего изложения, Эгидий стал читать свое. Но знавшие сущность этих вопросов заметили, что не только не было ни малейшего соответствия между двумя исповеданиями веры, но что исповедание Эгидия содержало несколько членов, противоположных положениям, прочитанным братом Доминго Сото и признанным за догматические трибуналом веры. Это явилось причиной того, что благоприятное впечатление, достигнутое жестами Хиля, сменилось совершенно другим настроением. Инквизиторы присоединили два эти документа к процессу и произнесли, по заключению Сото, приговор канонику Эгидию. Он был объявлен в сильном подозрении в лютеранской ереси и присужден на три года к тюремному заключению. Ему запретили в продолжение десяти лет проповедовать, писать и толковать богословие и когда-либо выезжать из пределов королевства под страхом быть признанным и наказанным в качестве формального еретика и рецидивиста. Эгидий оставался в тюрьме до 1555 года, вначале с удивлением видя себя в положении, мотива которого он не мог угадать, так как он совершенно точно выполнил все требования по соглашению, которое подписал с доминиканцем относительно пунктов учения.

Untitled

Он перестал заблуждаться только тогда, когда некоторые из его товарищей по несчастью обратили его внимание на различие членов исповедания Сото с его исповеданием и на подлог этого монаха.

XVI. Эгидий воспользовался кратким промежутком свободы, последовавшим за тюрьмой, чтобы проехать в Вальядолид, где он переговорил с доктором Касальей и другими лютеранами этого города. По возвращении в Севилью он опасно расхворался и умер в 1556 году.

Трибунал, осведомившись о сношении, которое он имел с еретиками, и о согласии его мнений с мнениями лютеран, возбудил против него новый процесс и постановил, что он умер еретиком. Трибунал приказал вырыть его труп и сжечь вместе с изображением на публичном и торжественном аутодафе; он объявил также его память лишенною чести и имущество конфискованным. Этот приговор был исполнен 22 декабря 1560 года.

XVII. Гонсалес де Монтес говорит, что, будучи заключен в одну тюрьму с Эгидием, он сообщил Эгидию об измене брата Доминго Сото и обо всем происшедшем. Он прибавляет, что Эгидий написал комментарии на Книгу Бытия, на Послание св. Павла к Колоссянам, на некоторые псалмы и на Песнь Песней; хотя большая часть этих трудов была составлена в тюрьме, они были исполнены знания и дышали евангельским благочестием.

XVIII. Относительно квалификации, сделанной Доминго Сото, полезно привести письмо, которое архиепископ Толедо доминиканец Карранса написал из Толедо 10 сентября 1558 года брату Луису де ла Крусу, доминиканскому монаху, своему ученику. Архиепископ

Untitled

припоминал в этом письме как дело, хорошо известное, что, когда его катехизис был передан в святой трибунал, его поручили просмотреть брату Мельхиору Кано и брату Доминго Сото, его прежним собратьям, и они отнеслись недоброжелательно к его труду. Он горячо жаловался на такое поведение Сото и на признание вредными двухсот его предположений. Он не мог объяснить такой щепетильности со стороны человека, который, по его словам, был так снисходителен относительно доктора Эгидия из Севильи, считавшегося еретиком, и который хорошо знает, что автор катехизиса, наоборот, определенно боролся с еретиками Англии и Фландрии. Сото не менее благожелательно был расположен к книге францисканского монаха, тогда как он отнесся без уважения к труду архиепископа, которого должен был уважать в силу его сана и чистоты намерений. Цензура рассмотрела положения, как они лежат (*prout jacent*), то есть вырванные из текста и рассмотренные независимо от предшествующих и последующих мыслей, - а эта манера способна сделать подозрительными творения Отцов Церкви и даже св. Павла и св. Иоанна Евангелиста. Не так были осуждены мнения Ария [747] и Магомета. Вследствие чего он написал в Рим и во Фландрию, где, как он надеялся, будут судить его предположения иначе, чем в Вальядолиде. Но во всяком случае брат Педро де Сото, духовник императора, напишет своему брату Доминго, и он надеется, что Бог укротит бурю, если это полезно для его славы.

XIX. Брат Педро, действительно, написал своему брату Доминго де Сото, и отсюда возникла переписка между

Untitled

последним и архиепископом Каррансой насчет цензур катехизиса и некоторых других трудов. Она была найдена среди бумаг архиепископа, когда тот был арестован по указу инквизиции. Одно из писем, из Саламанки, датировано 30 октября, три писаны из Вальядолида 8 и 20 ноября и 14 декабря 1558 года, одно из Медины-дель-Кампо 23 июля 1559 года. Все эти письма доказывают, что брат Доминго Сото был виновен в коллюзии [748] по отношению к двум сторонам, которые он обманывал, то одну, то другую, а то и обе вместе.

XX. Эта политика не могла избавить его от преследования вальядолидской инквизиции, которая велела арестовать его за только что упомянутые письма. Они доставили доказательство, что Сото нарушил тайну, в которой был обязан присягой перед инквизицией, и в них нашли некоторые особенные указания на произведенное над ним насилие для того, чтобы катехизис Каррансы был осужден. Он предлагал несколько способов предупредить это последствие и затем представил благоприятный отзыв о труде, не упомянув о первом. Нельзя удержаться от удовлетворения невзгодой, которую провидение предназначило брату Доминго Сото, чтобы она послужила уроком для людей его характера.

XXI. Теперь, если сопоставить этот эпизод с историей доктора Эгидия, окажется согласно письму архиепископа, что цензура брата Доминго Сото была мягка и примирительна, что не согласуется с подстановкой ложного изложения принципов Эгидия насчет веры, которая, по словам Гонсалеса де Монтеса, была совершена тем же Сото. Впрочем, я должен заметить, что Гонсалес де

Untitled

Монтес пишет в ослеплении ненавистью к своим врагам, которых он называет папистами, лицемерами, идолопоклонниками и суеверами. Он доводит свой фанатизм до того, что смотрит как на особенное действие божественной справедливости на смерть трех судей Эгидия при его жизни, то есть инквизитора Педро Диаса, духовника Эсбаройи, доминиканского монаха, и Педро Мехни, от которого осталось несколько ценных литературных трудов, - как будто не было бы более справедливо в людских глазах, чтобы Провидение привело к смерти брата Доминго Сото, измена которого, по мнению Гонсалеса, причинила несчастья епископу Тортосы. Этот автор считает себя настолько уверенным в лютеранстве Эгидия, что этот довод заставляет Гонсалеса видеть его уже на Небе среди древних мучеников, сидящих одесную Бога Отца, в то время как его гонители со-жигают его смертную оболочку и обрекают имя на бесчестие.

XXII. Так как дело Хуана Хиля имеет некоторую связь с делом Родриго де Валеро, я помещаю здесь историю последнего. Он родился в Лебрихе и происходил из зажиточной семьи. Его юность была крайне разнузданна и бурна. Но внезапно его поведение изменилось, он покинул свет, чтобы посвятить все часы дня и часть ночи чтению и размышлению о Священном Писании с таким рвением и старанием, что его разговоры, неопрятность одежды и пренебрежение к хорошей пище сделали его помешанным в глазах многих. Он принялся отыскивать священников и монахов, чтобы убедить их, что римская Церковь удалилась от чистого учения Евангелия, и стал наконец одним из апостолов учения Лютера и других

Untitled

реформаторов. Его приверженность к новой секте была так жива, что на чей-то вопрос, кем он послан, он ответил, что послан самим Богом по внушению Святого Духа, который не взирает на то, будет ли посланный в качестве миссионера священником или монахом.

XXIII. На этого фанатика донесли святому трибуналу, который не придавал значения доносу, считая Родриго помешанным. Но так как он продолжал проповедовать на улицах, в публичных местах и среди частных кружков в пользу лютеранства, так как ничто не обнаруживало, что он одержим действительным безумием, и его поведение было строгое и сообразное с его принципами, а доносы умножились, то он был арестован по приказу инквизиторов. Они осудили бы его на выдачу светскому правосудию, если бы они не упорствовали в признании его умалишенным и если бы он не имел защитником Эгидия, своего ученика, чьи принципы были еще неизвестны и который пользовался репутацией ученого и доброго человека. Однако Родриго был приговорен в 1540 году как еретик-лютеранин, отступник и лжеапостол. Он был допущен к примирению с Церковью, лишен своего имущества, осужден на санбенито, вечное тюремное заключение и на присутствие во все воскресные дни с другими примиренными за торжественной мессой в церкви Спасителя в Севилье.

XXIV. Несколько раз, слыша, как проповедник выдвигает предположения, противные его мнению, Родриго возвышал голос и горячо упрекал проповедника за его учение. Такая смелость утвердила инквизиторов в мнении, что он потерял рассудок. Они заключили его в монастырь города

Untitled

Сан-Лукар-де-Баррамеда [749], где он умер пятидесяти лет от роду. Райнальдо Гонсалес де Монтеc считает его в числе людей, чудесно посланных Богом в мир для возвещения истины. Он прибавляет, что его санбенито висело в митрополичьей церкви Севильи и возбуждало любопытство многих лиц, приходивших лишь для чтения надписи на нем, потому что оно принадлежало человеку, впервые осужденному как лжеапостол.

XXV. Хотя в эпоху, о которой я рассказываю, процессы по делу об иудаизме были менее многочисленны, их представлялось, однако, гораздо больше, чем можно было думать. К этому числу принадлежал процесс Марии Бургонской, заслуживающий быть упомянутым. Эта женщина родилась в Сарагосе от французского отца, бургундца, еврейской расы. Раб, новохристианин (он отрекся от религии Моисея, чтобы стать свободным; вернувшись впоследствии к иудаизму, он был осужден на сожжение), донес в 1552 году на Марию Бургонскую, жившую в городе Мурсии и достигшую восьмидесятилетнего возраста. Он показал, что до своего обращения на чей-то вопрос, христианин ли он, ответил, что еврей, и что тогда Мария сказала: "Ты прав, потому что у христиан нет ни веры, ни закона". Это покажется, несомненно, невероятным; но процесс доказывает, что в 1557 году она была еще в тюрьме, в ожидании получения достаточного числа обвинений для осуждения. Тщетно прождавши улики, инквизиторы назначили пытку для Марии, которой было тогда девяносто лет и которую даже законы инквизиции охраняли от этой меры, потому что совет в подобном случае разрешал не пытку, а только угрозу ей в

Untitled

уважение преклонного возраста лиц, которых приводили в камеру пыток, и приготавливали все для пытки в их присутствии, чтобы напугать их. Известно также, что инквизитор Кано говорит, что Мария подверглась умеренной пытке и выдержала ее, несмотря на преклонный возраст. Но таковы были последствия пытки, столь кротко примененной, по выражению инквизитора, что несчастная Мария перестала жить и страдать несколько дней спустя в своей тюрьме.

XXVI. Инквизиция, всегда слепая в своем мнимом усердии к вере, воспользовалась несколькими словами, вырвавшимися у Марии Бургонской во время пытки, чтобы покончить с мучениями, и затем подтвержденными ею, для продолжения процесса против ее памяти, ее тупа и имущества, которое было довольно значительно. Трибунал укрепился в этом решении после сообщений некоторых лиц и постановил 8 сентября 1560 года аутодафе Марии; он объявил ее еретичкой иудействующей, умершей в уклонении от суда, и приговорил ее память, ее детей и потомков по мужской линии к бесчестию, ее кости и изображение к сожжению, а имущество к конфискации в пользу государственной казны. Я спрашиваю у сторонников инквизиции, можно ли сравнить ярость тигров с яростью инквизиторов Мурсии?

XXVII. Верховный совет дал доказательство некоторой умеренности в другом деле, бывшем на рассмотрении толедской инквизиции. Мигель Санчес, обвиняемый, умер в тюрьме, будучи приговорен к примирению с Церковью и к уплате денежного штрафа; но ему не успели объявить приговор. Инквизиторы, неуверенные в том, должен ли

Untitled

падать этот штраф на имущество Санчеса, запросили совет, который ответил отрицательно. Они подчинились этому решению с тем большим огорчением, что все трибуналы налагали денежные штрафы вопреки духу апостольских булл, уставов святого трибунала, королевских указов и даже указов верховного совета. Система провинциальных трибуналов постоянно клонилась к независимости и деспотизму во всех процессах, которые надеялись скрыть от ведения совета. Это обстоятельство побуждало совет возобновлять несколько раз то одному, то другому трибуналу запрещение приказывать задержание какого-либо монаха (без разрешения совета) в силу важных последствий, которые могли отсюда возникнуть для чести учреждения, членом которого он был. Этот принцип должен был бы заставить совет принять эту меру и для всех других лиц, которые имеют не меньше интереса в защите своей чести и чести семьи. Позже эта истина была осознана, и из нее сделали общее правило.

XXVIII. Среди еретиков, которых преследовал трибунал инквизиции, я не нахожу в истории этой эпохи тех, о которых упоминается в булле Павла IV от 7 августа 1555 года. Булла упоминала о тех, которые отрицали троичность лиц в Боге, божественную природу Иисуса Христа, его смерть на кресте для искупления человеческого рода, приснодевство Марии и некоторые другие члены веры, заключающиеся в этих тайнах [750]. Папа поручал испанским инквизиторам издать указ против еретиков, дать им три месяца льготы для покаяния и добровольного самообвинения, разрешить их и допустить к примирению с

Untitled

Церковью без другого наказания, кроме тайной епитимьи, но преследовать тех, которые не отдались бы в распоряжение трибунала, как других еретиков, вплоть до осуждения на смертную казнь. Давно уже этот вид ереси был известен в Риме, потому что мы видели, что доктор Эухенио Торальба слышал проповедь о ней от своих учителей {См. гл. XV этого сочинения.}. Это часть учения философов- деистов [751] нашего века.

XXIX. Я оканчиваю здесь картину главных событий и знаменитейших процессов инквизиции в царствование Карла V. После сорокалетнего царствования этот государь 16 января 1556 года отрекся от престола в пользу своего сына Филиппа II, находясь еще во Фландрском государстве. Недолго прожил он после отречения- ставши товарищем монахов-иеронимитов Юста в провинции Эстремадура 24 февраля 1557 года, он умер среди них 21 сентября 1558 года, пятидесяти семи лет и двадцати одного дня от роду. Он составил духовное завещание в Брюсселе 16 июня 1554 года и приписку к нему в монастыре Югта 9 сентября 1558 года, то есть за двенадцать дней до смерти.

Статья вторая Религия Карла V

I. Некоторые историки утверждали, что Карл V усвоил в уединении мнения немецких протестантов; в предсмертной болезни он исповедовался у Константина Понсе де ла Фуэнте, каноника-учителя Севильи, своего проповедника, который впоследствии был признан за определенного лютеранина. После его смерти Филипп II поручил инквизиторам расследовать это дело, и святой трибунал завладел духовным завещанием Карла для рассмотрения,

Untitled

не содержит ли оно чего-либо противного вере. Это обязывает меня войти в некоторые детали, которые осветят этот пункт истории.

II. Для того чтобы увериться, что распространившаяся молва о религии Карла V не более как изобретение протестантов и врагов Филиппа II, достаточно прочесть жизнеописание этого государя и его отца, составленные Грегорио Лети [752]. Хотя этот историк пользовался для своего труда мемуарами, менее всего достоверными, он сохранил глубокое молчание относительно пункта, о котором идет речь. Он входит в большие подробности о жизни, делах, чувствах и занятиях Карла V в его уединении. Он как бы сам присутствует в монастыре Юста, и он доставляет доказательства, многочисленные и решающие, постоянной привязанности государя к католической религии и стремления к ее триумфу над лютеровой ересью. Хотя нельзя полагаться на то, что он говорит по неясным документам, касающимся бесед императора с архиепископом Каррансой (потому что об этом не было поднято вопроса в прочитанном мною процессе этого прелата), однако нельзя отрицать, что его рассказ очень точен относительно того, что он сообщает о вере, благочестии и религии монарха.

III. Ложь, что Константин Понсе де ла Фуэнте присутствовал при последних минутах Карла V как его проповедник, хотя он и исполнял эту должность в Германии; ложь, что он это делал в качестве епископа, так как он таковым вовсе не был, хотя иноземные авторы и писали об этом, но без всякого основания; наконец, ложью является утверждение, что он был Королевским

Untitled

духовником [753], потому что он никогда не руководил совестью Карла V, хотя государь постоянно смотрел на него как на самого просвещенного и уважаемого священника в своих государствах. Наконец, как мог Понсе де ла Фуэнте присутствовать при предсмертной болезни Карла V, если из истории его процесса перед инквизицией вытекает, что он находился в секретной тюрьме святого трибунала задолго до болезни императора? Так, дом Пруденте де Сандовал, епископ Туи и Памплоны (говоря о последних обстоятельствах жизни Карла V), рассказывает, что этот государь, услышав, что Понсе в тюрьме, сказал: "Если Константин еретик, то он великий еретик".

Выражение, весьма отличающееся от того, которое он произнес, узнав, что монах, брат Доминго де Гусман, был также арестован в этом городе. "Его могли заключить скорее как дурака, чем как еретика", - заметил по этому случаю император.

IV. В приписке к духовному завещанию, написанной за два дня [754] до смерти, Карл V выражался в манере, противоположной приписываемым ему чувствам. "Когда я узнал, - писал он, - что в нескольких провинциях уже арестовали много лиц и должны были арестовать еще других по обвинению в лютеранстве, я написал принцессе, моей дочери, каким образом следовало карать виновных и залечивать зло, нанесенное ими. Я писал об этом позже также Луису Кихаде и уполномочил его действовать от моего имени в этом же деле. Хотя я убежден, что король, мой сын, принцесса, моя дочь, уже сделали и еще сделают все возможные усилия для уничтожения такого великого зла со всею суровостью и быстротой, которых требует

Untitled

дело, тем не менее, рассматривая свой долг по отношению к службе нашему Господу, к торжеству его веры и к сохранению его Церкви и религии христианской (для защиты которой я совершил столько тяжелых трудов, рискуя собственной жизнью, как каждый это знает), в особенности, желая внушить моему сыну, католические чувства коего я знаю, стремление подражать моему поведению, что, как надеюсь, он исполнит, зная, наконец, его добродетель и его благочестие, я прошу и советую определенной образом, как могу и обязан, и - более того - приказываю как отец, в силу повиновения, которое он мне обязан оказывать, заботливо стараться, как в существенном деле, особенно ему интересном, чтобы еретики были преследуемы и наказаны со всей яростью и суровостью, которых заслуживает их преступление, и чтобы не позволялось делать исключения ни для какого виновного, невзирая на чьи-либо просьбы, ранг или сан. Чтобы мои намерения могли возыметь полное и всецелое действие, я обязываю его повсюду покровительствовать святому трибуналу инквизиции по причине множества преступлений, которые он предотвращает или карает, а также хорошо помнить, что я поручил ему делать в своем завещании для того, чтобы он исполнил свой долг государя и сделался достойным того, чтобы наш Господь упрочил благоденствие его царствования, руководил сам его делами и покровительствовал ему против врагов, к моему великому утешению" {Сандовал. История Карла V. Т. II, в прибавлениях, где помещено также его завещание.}.

V. Эта особенная забота Карла V для поддержания чистого учения заставила Сандовала сказать, что "заметно было,

Untitled

как в этом государе блещет пылкое усердие к одушевляющей его вере. Однажды, беседуя с приором Юста, некоторыми из старших братии монастыря и своим духовником об аресте Касальи и нескольких других еретиков, он сказал им: "Одно только было бы способно заставить меня покинуть монастырь, это - дела еретиков, если бы они требовали моего присутствия в другом месте; но для нескольких темных людей, каковы лица этого разряда, я не вижу в этом необходимости. Я уже повелел Хуану де Веге {Хуан де Бега был председателем совета Кастилии.} вести эти дела с возможной энергией, а инквизиторам - употреблять все их старания, чтобы сжечь всех еретиков, потрудившись сначала, чтобы сделать их христианами до казни, потому что я был убежден, что в будущем никто из них не будет искренним католиком по причине их склонности к догматизированию. Если бы их не приговаривали к сожжению, то совершили бы крупную ошибку, как я сам ее сделал, оставив жизнь Лютеру. В самом деле (хотя я пощадил его вследствие данного ему пропуска и обещания, полученного им от меня, когда я надеялся покончить с еретиками при помощи других средств), я признаюсь, что виноват в этом, потому что не обещал держать свое обещание ввиду того, что этот еретик оскорбил владыку более великого, чем я, - самого Бога. Итак, я мог, я даже должен был забыть мое слово и отомстить за оскорбление, нанесенное Богу {Как мог Карл V знать, что Бог поручил ему карать за оскорбления, нанесенные одному Богу и не приносящие никакого ущерба обществу? Разве Бог не сказал: "Мне отмщение, и Аз воздам"? (см. Второзаконие, XXXII, 35, повторено у ап.

Untitled

Павла, Рим, XII, 19). Итак, пусть он предоставит Богу наказывать того, кто не делает никакого зла людям. Это великое существо знает, что подобает его славе.}. Если бы он оскорбил только меня, я верно исполнил бы то, что обещал. Я не дал ему умереть, и ересь не перестала делать успехи, между тем как я уверен, что его смерть заглушила бы ее в самом начале".

VI. "Очень опасно, - говорил еще император, - спорить с еретиками: их рассуждения так настойчивы и они представляют их с такой ловкостью, что легко могут произвести впечатление на человека; это всегда и отклоняло меня от желания послушать их соображения и мнения. В то время как я готовился напасть на ландграфа [755], герцога Саксонского и других протестантских князей, пришли ко мне четверо из них и сказали: "Государь, мы приходим к Вашему Величеству не врагами. Мы не намерены воевать с Вами или отказать в должном Вам повиновении, но хотим побеседовать о наших симпатиях, вследствие которых мы слышем еретиками, хотя мы и не еретики. Мы умоляем Ваше Величество соизволить разрешить нам предстать перед Вами с богословами и согласиться, чтобы они защищали нашу веру в Вашем присутствии; когда Ваше Величество нас услышит, мы обязуемся подчиниться всему, что Вам будет угодно приказать". Я ответил им, что у меня нет познаний, необходимых для допущения их состязания передо мной, что об этих вопросах могут рассуждать только ученые и что они должны снестись по поводу их с моими богословами, которые мне дадут отчет. Дело, действительно, так и произошло. Мое образование незначительно, потому что,

Untitled

едва я в детстве начал изучение грамматики, как меня приставили к делам, и с этого времени мне нельзя было продолжать занятия. Если бы им удалось убедить меня своими предположениями, кто мог бы их разрушить в моем уме и открыть мне глаза? Этот повод помешал мне их выслушать, хотя они обещали, если бы я пожелал это дозволить им, пойти со всеми своими войсками против французского короля, перешедшего уже Рейн, и вторгнуться в его государства, чтобы покорить их". Император прибавил, что едва он оставил Морица [756]с его свитой из шести всадников, как к нему присоединились два других германских князя, которые пришли от его имени и от имени некоторых других местных государей умолять выслушать их насчет верований и не считать и не называть их еретиками. Они обещали от имени всей империи обратить оружие против турок, которые продвинулись в Венгрию, и вернуться к себе домой лишь после того, как передадут в его владение Константинополь или погибнут в этой экспедиции. Карл отвечал им: "Я не добиваюсь царств, которые надо покупать такой дорогой ценой, и не желал бы на этом условии видеть себя властителем Германии, Франции, Италии и Испании. Я желаю только Иисуса Христа распятого" [757]. Император оставил их без другого ответа. Он рассказывал другие подробности в этом роде братьям монастыря, и можно думать, что он говорил искренне и что самолюбие не принимало никакого участия в этих разговорах" {Сандовая. История Карла V. Т. II. 9 и 10.}.

VII. Я уже сказал, что эти причины не позволяют думать, что Карл V имел с архиепископом Толедским домом

Untitled

Бартоломео Каррансой де Мирандой беседы, которые приписывает ему Грегорио Лети. Я распространяюсь насчет этого пункта истории, потому что он является новым доказательством отдаления государя в последние годы жизни от новых мнений, установившихся в Германии.

Достоверно, что император питал большое уважение к Каррансе; это привело к назначению Каррансы епископом Куско [758] в Америке в 1542 году и Канарских островов в 1549 году; к отправлению его в качестве императорского богослова на Тридентский собор в 1545 и 1551 годах; к посылке его в Лондон с сыном императора Филиппом II, королем Неаполя и Англии, в 1554 году для проповедования там против лютеран. Однако, узнав в своем уединении в Юсте, что Карранса принял во Фландрии Толедское архиепископство, на которое назначил его Филипп II, он стал меньше уважать его, потому что ему было неизвестно, что Карранса отказался от этого сана и указал трех лиц с большими заслугами, как более достойных занять это место. Филипп II не только был недоволен отказом Каррансы, но приказал ему подчиниться воле государя и написал об этом папе, который подтвердил его решение отдельным бреве, адресованным брату Бартоломео, и подтвердительными буллами, которых тот не просил.

VIII. В ту эпоху, о которой я говорю, Карл V имел духовником брата Хуана де Реглу, иеронимита, ученого богослова, присутствовавшего на Тридентском соборе одновременно с Каррансой, которого он третировал как врага, потому что завидовал большой известности Каррансы и его авторитету среди кардиналов и епископов,

Untitled

которым было поручено этим собранием обсуждение критических пунктов. Я впоследствии докажу, что таково на самом деле было настроение Хуана де Реглы относительно брата Бартоломео. Я ограничиваюсь в настоящее время замечанием, что Хуан де Регла принимал участие в немилости Каррансы у императора как подозреваемого в исповедании тех же верований, какие исповедовали доктора Эгидий, Константин, Касалья и многие другие. Регла стал более фанатичным, чем милосердным, во время преследования, которое вынес от сарагосской инквизиции, когда был приором монастыря Санта-Фе. Он был присужден к отречению от восемнадцати лютеранских положений, в которых инквизиторы объявили его подозреваемым. Я буду иметь случай отметить жестокость этого монаха, который после Карла V стал духовником Филиппа II. Император был осведомлен из тайной переписки со своими детьми, что инквизиция старалась предать суду архиепископа как подозреваемого в ереси, когда во время предсмертной болезни последний явился повидаться с ним. Присутствие Каррансы было так неприятно императору, что вместо беседы с ним, как рассказывает Лети, император не произнес ни одного слова. С большим правом Сандовал выражается так: "Вечером архиепископ Толедский Карранса прибыл, но не мог говорить с императором. Государь поджидал его с большим нетерпением после того, как он покинул Англию, потому что желал объясниться с ним о некоторых делах, ему доложенных и, по-видимому, делавших подозрительной его веру. Вера императора была очень жива, и все казавшееся ему противоположным

Untitled

здравому учению причиняло ему величайшее горе. Когда архиепископ пришел на другой день для беседы с ним, император, сильно желавший его послушать, велел ему войти и сесть, но не говорил ничего, а в эту самую ночь его состояние ухудшилось" {Сандовал. История Карла V. Т. II. 16.}.

IX. Вражда брата Хуана де Реглы, духовника Карла V, к архиепископу Толедскому обнаружилась вскоре двумя добровольными доносами, представленными им главному инквизитору Вальдесу против Каррансы 9 и 23 декабря 1558 года в Вальядолиде, где уже распространился слух (среди священников, монахов и членов духовных орденов), будто Карранса предан суду, что не позволило ему сомневаться в близкой опале архиепископа. Я изложу в свое время все пункты двух доносов брата Хуана де Реглы, но не могу освободить себя от забега вперед относительно этого обстоятельства, поскольку то, что я должен сказать, подтвердит мысль, что Карл V не был нисколько расположен к Каррансе в последнее время своей жизни и боялся иметь дело с этим лютеранином; это доказывает, насколько государь был далек от верований Каррансы.

X. Первый донос был представлен 9 декабря. Он гласил, что накануне смерти императора архиепископ Толедский, поцеловав руку Его Величества, вышел из его комнаты и не замедлил туда вернуться, что он входил несколько раз, хотя император изъявлял мало желания его видеть, и что он дал ему отпущение, не исповедавши его (это брат Хуан де Регла вменял дому Бартоломео в знак пренебрежения или в злоупотребление таинством), что в одно из

Untitled

посещений он сказал императору: "Пусть Ваше Величество не сомневается, ибо нет и не было греха, так как смерть Иисуса Христа достаточна для его искупления"; эта речь показалась ему неблагонадежной и при этом присутствовали свидетели: брат Педро де Сотомайор и брат Диего Хименес, доминиканские монахи, брат Марко Ориоль де Кардона и брат Франсиско Вильальба, иеронимиты, из которых последний был проповедником Его Величества; граф де Оропеса и его брат, дон Диего Толедский; он, Луис д' Авила-и-Суньига [759], великий командор военного ордена Алькантары [760], и дон Луис де Кихада, мажордом императора.

XI. Этот донос (оставив в стороне значение, которое он мог иметь в процессе) показывает нам расположение духа, в каком находился тогда Карл V по отношению к Каррансе. Рассмотрим теперь, точны ли указанные факты. Главный инквизитор не разрешил выслушать двух доминиканских монахов, потому что предположил их подчиненное отношение к архиепископу, при котором они могли не высказать истины; равным образом он отказался от показаний графа Оропесы и его брата, на которых смотрел как на друзей Каррансы. Иеронимит брат Марко де Кардона ответил, подтверждая более или менее ясно то, что от него требовали, считая гибель архиепископа уже неминуемой. Однако он не мог подкрепить улику вместе с доносчиком, потому что их показания не имели требуемого единообразия. Он сообщил, что архиепископ прибыл в монастырь Св. Юста в воскресенье, за два дня до смерти императора. Государь не желал ни пустить его к себе, ни видеть, но его мажордом, дон Луис Мендес де Кихада, взял

Untitled

на себя ответственность за допуск его. Карранса встал на колени в комнате, и император, не говоря ему ни слова, устремил на него взгляд, как делает тот, кто хочет объясниться глазами. Присутствовавшие удалились, желая оставить их наедине. Выходя, архиепископ имел недовольный вид, и он, свидетель, полагает, что это было на самом деле, так как слышал от Гильема, императорского цирюльника, как в тот день, когда пришло известие о назначении Каррансы толедским архиепископом, Его Величество сказал: "Когда я дал ему епископство Канарских островов, он отказался; теперь он принимает архиепископство Толедское; посмотрим, что следует думать о его добродетели". Эта частная аудиенция продолжалась около четверти часа; затем император дал знак позвать вдех, и архиепископ уведомил их. Когда они вошли, прелат встал на колени, и Его Величество дал ему знак сесть и сказал несколько слов утешения. Архиепископ снова встал на колени и прочитал для императора четыре первых стиха псалма Из глубины [761], не буквально, но парафразируя выражения текста. Его Величество дал ему знак остановиться, и Карранса тогда удалился со всеми вместе. На другой день в десять часов вечера, когда император уже умирал, Карранса снова посетил государя, потому что его известили о состоянии, в коем тот находился, и помог императору хорошо умереть, дав ему целовать распятие и обратив к нему слова утешения, и некоторые из этих слов возмутили братьев Хуана де Решу, Франсиско Вильальбу, Франсиско Ангуло, приора, и Луиса де Сан-Грегорио, братии монастыря. Эти монахи говорили потом вместе об этих словах и сказали, что архиепископ не

Untitled

должен был говорить так. Свидетель не мог, однако, припомнить слов, которые слышал. Ему напомнили их, и он сказал, что считает их теми самыми, но не осмелится этого утверждать, потому что, когда они произносились, он читал страсти Иисуса по Евангелию от Луки и не обратил особого внимания на слова архиепископа. Он заметил только, что монахи обменялись взглядами с таинственным видом.

XII. Ни брата Франсиско Ангуло, ни брата Луиса де Сен-Грегорио не спрашивали; может быть, они умерли. Брат Франсиско де Вильальба, проповедник Карла V, показал, что он ничего не заметил из сказанного в королевской комнате, что заслуживало бы быть донесенным инквизиции. На вопрос, что он думает о поведении и речах, которые толедский архиепископ говорил в императорской комнате во время последних двух дней жизни императора, он отвечал, что был там только один раз, когда туда пришел Карранса; что архиепископ прочел несколько стихов из псалма Из глубины; что дон Луис Авила просил потом его, свидетеля, поговорить с императором о его спасении и что он сделал ему увещание. На требование показать, что он знал о словах и о возмущении, он показал, что не помнит, чтобы слышал эти самые слова, что касается возмущения оно кажется ему сомнительным, потому что сам он не был возмущен, не видал и не слыхал ничего, что могло бы его возмутить.

XIII. На вопрос о том же деле дон Луис д'Авила-и-Суньига упомянул обстоятельство прихода архиепископа, а о пункте, о котором шла речь, прибавил, что Карранса взял распятие, встал на колени и сказал громким голосом: "Вот

Untitled

тот, кто отвечает за всех; нет более греха, все прощено". Свидетель хорошо не помнил, произнес ли архиепископ также следующее предположение: "...и как бы многочисленны ни были грехи, они теперь прощены". Эти слова показались свидетелю неподобающими. Это заставило его потом просить брата Франсиско Вильальбу сделать императору увещание, что он и исполнил. Наконец, Вильальба сказал, что Его Величество показался ему довольным.

XIV. Дон Луис Мендес де Кихада показал, что архиепископ был трижды с императором в день его смерти. Он, свидетель, присутствовал только последний раз, то есть в час ночи с 20 на 21 сентября, когда Его Величество умер немного спустя после двух часов утра. Он видел, как архиепископ взял распятие и произнес несколько фраз о том, что Христос пострадал для нашего спасения, но он не помнил слов, употребленных им. Ему передали их, но он повторил, что не может утверждать, те ли это слова, потому что его должность мажордома и предметы, занимавшие его в эту минуту, не позволили на них остановиться и обратить внимание.

XV. Я не возьмусь здесь доказывать гнусность доноса брата Хуана де Реглы сближением показаний лиц, которых он указал свидетелями. Но я должен показать, что эти последние обстоятельства и факты, предшествующие им, очевидно доказывают, насколько Карл V был далек от исповедания лютеранства.

XVI. Я прибавляю, что еще более лживо, будто инквизиторы завладели его завещанием, чтобы открыть там верования лютеранина. Автор этого предположения и

Untitled

доверяющие ему не видали и не читали этого завещания, потому что предположили, будто инквизитор думал, что государь опустил в нем просьбу о совершении обеден и молитв об упокоении его души. Достаточный повод, по их словам, для подозрения в заблуждении о члене веры в чистилище, между тем как находят в этом документе определенно противоположное распоряжение. Я читал и наводил справки во множестве архивных бумаг и книг инквизиции с определенным намерением узнать, не оправдывает ли какая-нибудь находка этого мнения. Но признаюсь: не открыл ничего, что могло бы внушить к нему доверие. Мне поэтому остается поискать происхождение этой басни.

XVII. Случайное стечение многих обстоятельств, независимых одно от другого, заставляет говорить об инквизиции всякий раз, когда идет речь о смерти Карла V. Во-первых, Карранса увещевал его хорошо умереть, и этот прелат был арестован несколько времени спустя по приказу святого трибунала. Во-вторых, два его проповедника, Константин Понсе и Агостино Касалья, были осуждены инквизицией и выданы светской власти. В-третьих, его духовник, брат Хуан де Регла, был также заключен в ее тюрьму и принужден отречься от разных предположений, как я это изложу в другом месте с большей подробностью. В-четвертых, сам император за три года до этого был впутан в дело Павлом IV, и вместе с сыном своим Филиппом II они были под угрозой отлучения от Церкви как схизматики и пособники еретиков вследствие распрей, происшедших между двумя дворами из-за верховной власти над Неаполем и некоторыми другими

Untitled

частями территории, расположенными в Италии. В-пятых, Филипп II злоупотреблял инквизицией, пользуясь ею в бесчисленном множестве случаев чисто политического характера. Из совокупности этих фактов могла родиться басня, которую я оспариваю и которая была изобретена только ненавистью к имени Филиппа II, как будто бы история не имела других неоспоримых памятников политических преступлений этого дурного государя. XVIII. Карл V умер католиком. Но, к сожалению, в последние минуты он приобщил суеверия к своему католицизму и показал столько же привязанности к святому трибуналу, как и во всю свою жизнь. Это доказывает и его завещание, и приписка к нему. Сорок лет его царствования дали трибуналу прочность, которую было трудно предвидеть в 1516 году, когда испанцы, осевшие в Брюсселе, и сами фламандцы, казалось, вместе замыслили противостать судопроизводству инквизиции. Возникновение и прогресс лютеранских мнений, доктрина о предметах религии, вдолбленная в голову его учителем Адрианом, и последствия осторожного обращения с Лютером и его сторонниками при начале ереси совершенно изменили его настроения и способ мышления. Поэтому, вопреки своему обещанию внять просьбам представителей Кастилии и Арагона, собравшихся в Вальядолиде и Сарагосе в 1518 и 1519 годах, он не только не сдержал своего слова, послушавшись советов Адриана, но и упорно не захотел допустить никакого плана реформы, хотя признал в процессе Вируеса и многих других обвиняемых злоупотребления инквизиционного судопроизводства.

Untitled

XIX. Несколько раз предлагали государю огромные суммы денег на военные затраты, если бы он согласился на уничтожение формальным указом ужасной тайны инквизиции, и никогда не хотел он этой ценою добыть себе средства, в которых так часто нуждался во время путешествий и предприятий. Он отказался от четырехсот тысяч дукатов, которые были бы отсчитаны ему кортесами в один день, и от пожизненной ренты, обеспечивающей жалованье инквизиторов, секретарей и других служащих святого трибунала, если бы уничтожил навсегда закон, провозглашавший конфискацию имущества осужденных, и от двухсот тысяч дукатов, если бы он обещал приостановить действие этого закона на время своего царствования. Столько бесполезных усилий для того, чтобы умерить рвение, обнаруживаемое государем к инквизиции, заставили прозвать его донкихотом веры, странствующим рыцарем, занятым восстановлением попранных прав и отмщением за обиды, нанесенные разбойниками-еретиками святой религии Бога.

XX. Это поведение Карла V должно тем более изумлять, что ему была доказана жадность должностных лиц святого трибунала, которая была причиной множества несправедливостей. Это видно из краткого обзора булл, составленного секретарем доном Доминго де ла Кантольей для архивов городов Мадрида и Симанкас (отдел 12, N 63). Несколько раз рисовали государю печальную картину несчастий, причиненных инквизиционным судопроизводством. Среди документов находится один, заслуживающий особого упоминания - это представление, или предостережение, которое затем было украдкою

Untitled

напечатано в Германии в 1559 году без имени автора, но которое было известно испанским беглецам в Женеве [762] и Фландрии. Я окончу главу дословной передачей этого документа.

XXI. "В Испании трибунал, называемый инквизицией, свиреп и жесток до последней степени, неуступчив и беспощаден, так что на нем ничего нельзя выдвинуть в поддержку и на пользу истины. Выслушивание свидетелей происходит с вопиющей и варварской несправедливостью. Все это тем более опасно и противоречит разуму и человечности, что инквизиторы - люди невежественные, кровожадные, скупые, лишённые истинного познания Бога, христианской религии и её основателя, Иисуса Христа, и что они, подобно ястребам, живут продуктом их хищений. Конечно, является делом неотложной необходимости для Вашего Величества выставить посредником в этом положении вашу власть, потому что ваша большая опытность позволила узнать множество вещей, плод которых было бы несправедливо погубить. Напротив, все, что Бог дал вам узнать по этому вопросу, вы должны отдать на служение благу вашего народа, со свойственными вам человечностью и добротой. Вы должны также хорошо знать, что, если это поведение полезно и благотворно для Германии, оно будет не менее необходимо и выгодно не только государствам и владениям вашего величества, но и всему миру.

XXII. Мотив, приведший вашего деда, короля Фердинанда, к учреждению инквизиции в Испании, очень известен. Так как эти причины больше не существуют, трибунал следовало бы упразднить... Поэтому, если бы Ваше

Untitled

Величество могли сделать, чтобы инквизиция подчинилась реформе и приведена была к невозможности совершать новые несправедливости, эта мера дала бы торжество имени Иисуса Христа и доставила бы спасение множеству людей. Если же то, что она представляет в своем уставе порочного, вредного, развращенного, не будет отстранено, она останется замаранной таким ужасным и чрезмерным пороком, что никогда ничего подобного не увидят ни в какой истории, ни на памяти людей" {Аноним. Две очень полезные докладные записки, из которых одна адресована Е. В. императору Карлу V, а другая имперским штатам и теперь представлены католическому королю дону Филиппу, его сыну. Т. в 12", напечатанный в 1559 году. С. 25, из докладной записки императору.} [763].

Глава XIX Процессы, возбужденные против Карла V и Филиппа II как покровителей еретиков и схизматиков. преуспевание инквизиции при последнем из этих государей. Последствия его особенной благосклонности к ней
Статья первая Процессы Карла V, Филиппа II и герцога Альбы

I. Я говорил в предыдущей главе о судопроизводстве, которое римская курия велела начать против Карла V и Филиппа II, обвиняя их в схизме и в покровительстве ереси. Это обязывает меня ввести в историю инквизиции событие, которое должно было бы просветить монархов насчет множества несправедливостей, совершавшихся в сумрачной ограде I трибунала против людей, не бывших ни государями, ни повелителями могущественных армий, чтобы было возможно противиться им. Как могли не пасть жертвы преследования, начатого недоброжелательством и

Untitled

как бы освященного суеверием и фанатизмом? Насилие, опирающееся на власть и поддерживаемое самой ненарушимой тайной в отношении доносчика и свидетелей, находило еще новые силы в жестоких указах и произвольных приговорах, вынесенных предубежденными служителями, которых ожесточило беспрерывно возобновляемое зрелище толпы людей, осужденных на смерть и погибающих в пожирающем пламени костров.

II. В 1555 году Джованни Пьетро Караффа, благородный неаполитанец, подданный Карла V и его сына Филиппа II, возвысился до святого престола под именем Павла IV, в семидесятидевятилетнем возрасте. Карл V отрекся тогда от короны Сицилии в пользу принца Филиппа, которому сан короля, по-видимому, был нужен, чтобы жениться на его тетке Марии, королеве Англии [764]. Новый папа смертельно ненавидел Карла V не только потому, что не мог выносить своего подданства австрийскому дому, но еще потому, что этот государь и его сын покровительствовали фамилиям Колонна и Сфорца, личным врагом которых он был и на которых смотрел как на соперников его фамилии. Королевство Неаполитанское слыло тогда леном [765] святого престола. Павел IV взялся лишить Карла V императорского пурпура, а его сына - короны Обеих Сицилий и при помощи французского короля располагать этой короной в пользу одного из своих племянников или дать инвеституру королевства какому-нибудь французскому принцу. Он велел начать по долгу службы процесс Карла V и Филиппа предварительным следствием, чтобы установить, что они были врагами святого престола и неоднократно доказали

Untitled

это, особенно через покровительство, оказываемое двум домам - Колонна и Сфорца, ненависть которых к верховному первосвященнику была известна всем.

III. Чтобы выставить Карла V более виновным, к этим мотивам следовало прибавить, что он был пособником еретиков и подозреваемым в лютеранстве со времени императорских декретов, опубликованных в предшествующем 1554 году, во время Аугсбургского сейма. Когда бумаги об этом деле поступили к прокурору апостольской камеры, тот потребовал, чтобы Его Святейшество объявил Карла V лишенным императорской короны и королевской короны Испании с ее владениями, а Филиппа II - неаполитанского трона, чтобы были выпущены буллы отлучения против отца и сына и чтобы народы Германии, Испании, Италии, и в частности неаполитанцы, были освобождены от присяги на верность и от должного повиновения. Павел IV велел приостановить судопроизводство в том состоянии, в каком мы только что его видели, чтобы продолжить, когда сочтет удобным. В то же время он отменил все буллы, составленные его предшественниками в пользу испанских монархов, для получения ежегодного налога на духовенство и фондов, назначенных на святой крестовый поход. Папа не ограничился этим действительно враждебным актом, но связался с Генрихом II, королем Франции [766], чтобы воевать с австрийским домом до тех пор, пока государи не будут лишены своих верховных прав.

IV. Королевство Испании управлялось тогда вдовствующей принцессой Португалии, Хуанной Австрийской, дочерью Карла V, который был занят в Брюсселе [767] передачей

Untitled

Германской империи своему брату Фердинанду, королю Венгрии и Чехии [768], а королевства Испании с графством Фландрским - своему сыну Филиппу II, королю Неаполя и Англии. Политика Карла V была ему полезна тем, что избавляла от затруднений, приготовляемых римской курией, тяжесть которых начинала падать на Филиппа. Этот государь вернулся из Лондона в Брюссель для получения от отца наставлений, в которых он нуждался для царствования в Испании. Они были тем более важны, что являлись плодом сорока лет управления.

Обстоятельства отношений к римской курии требовали благоразумных действий, ибо внушали опасения не только возможные злоупотребления властью папы как наместника Иисуса Христа на земле и могуществом светского государя, но надо было еще предвидеть последствия союзного договора, только что подписанного верховным первосвященником с королем Франции и герцогом Феррарским [769].

V. Кроме государственного совета (указаниями которого Карл и Филипп постоянно пользовались прежде, чем что-либо решить) эти два государя сочли приличным иметь суд совести, чтобы уравновесить власть верховного главы Церкви над католиками. 15 ноября 1555 года была редактирована в Вальядолиде знаменитая консультация брата Мельхиора Кано, которую я напечатал в Мадриде в 1809 году в моей Дипломатической коллекции разных бумаг, древних и новых, о брачных льготах и о других пунктах церковного изъятия из общего правила. Из этого решения Кано вытекает, что в случаях, подобных настоящему, единственное и действительное средство,

Untitled

которое следует употребить, это не только не дать светскому государю Рима возможности вредить, но и вынудить его внимать разумным предложениям и вести себя с большей осторожностью в будущем. Другие богословы решили, что уступки, сделанные римской курией относительно церковного налога, а также и другие дарованные ею милости неотменяемы и охраняемы силою действительного договора, составленного в пользу империи или королевства.

VI. Папа, узнав об этих решениях, послал главному инквизитору приказ наказать авторов, утверждая, что подобное учение есть явно еретическое [770] и что он не может его терпеть, особенно в эпоху, когда ересь, по-видимому, растет и ширится во все стороны. Папа желал также преследования соучастников и приверженцев этих богословов. Система римской курии была живо поддержана большинством прелатов королевства, во главе которых стоял кардинал Силисео, архиепископ Толедский, бывший наставником короля. Между ними и папой установилась переписка, от которой можно было бы чего-либо ожидать, если бы честолюбивый и необузданный нрав Павла IV не привел к крушению его планов. Тогда Филипп II, который был королем Испании с января 1556 года, написал из Лондона в июле своей сестре, правительнице королевства, письмо, помещенное в мою Дипломатическую коллекцию и воспроизводимое здесь.

VII. "С тех пор, как я известил вас, - писал государь, - о поведении папы и о сообщении, полученном мною из Рима, до меня еще дошло, что Его Святейшество предполагает отлучить от Церкви императора и меня,

Untitled

поразить интердиктом мои государства и прекратить в них божественную службу. Снесясь об этом деле с серьезными и учеными людьми, я увидал, что это предприятие было бы не только злоупотреблением силою, которую верховный первосвященник имеет в своих руках, единственно основанным на страсти и ненависти, которых наше поведение, конечно, не вызывало, но и то, что мы не обязаны подчиняться приказам относительно нашей особы, по причине скандала, который произойдет, если мы признаем себя виновными, когда мы не виновны, и великого греха, который мы совершим подобным поведением. Вследствие этого было решено: если мне что-либо будет запрещено, я не должен буду лишаться этого, подобно отлученному, невзирая на цензуру, которая может прийти в отношении меня из Рима, в соответствии с настроением Его Святейшества. Уничтожив секты в Англии, приведя эту страну в послушание Церкви, неослабно и всегда с новой энергией наказывая еретиков и достигнув успеха, которому ничто никогда не могло мешать, я вижу, что Его Святейшество хочет, очевидно, гибели нашего королевства, не принимая во внимание того, чем оно обязано его же сану. Я не сомневаюсь, что Его Святейшество добьется успеха в своем предприятии, если мы согласимся на его требование, так как он уже отозвал все представительства, полученные кардиналом Поло в этом королевстве и принесшие величайшие блага. Эти и другие столь же важные соображения, а также необходимость подготовиться к событиям и охранить наши народы от всех неожиданностей, вынудили нас составить от имени Его Величества и от нашего имени формальный

Untitled

акт отвода, копию которого я сначала думал послать вам. Но так как документ очень длинен, а курьер отправляется во Францию, то дело на этот раз не может состояться, и я оставляю его для морского курьера, который отправится немедленно. Когда вы получите эту копию, напишите прелатам, грандам королевства, городам, университетам и начальникам орденов и просветите их насчет происходящего. Вы предпишите им смотреть на цензуры и интердикт [771], присланные из Рима, как на недействительные, потому что они не имеют силы и значения, несправедливы и необоснованны. Я посоветовался относительно того, что мне позволительно и рекомендовано делать в этом случае. Если в это время придет от папы какой-либо акт, относящийся к этому предмету, нужно будет воспрепятствовать его получению, принятию и приведению в исполнение. Однако, чтобы не быть обязанным прибегать к этому и чтобы сообразоваться с написанным мною, вы постараетесь принять строгие меры надзора в портах и на границах, как было это сделано в королевстве Английском, чтобы ни один из таких документов не был объявлен или передан и чтобы весьма сурово наказывали всякого, кто осмелится раздавать подобные документы, потому что нам нельзя дольше скрывать. Если нельзя помешать ввозу и если кто-нибудь начнет придавать им цену, вы воспротивитесь их исполнению, потому что мы имеем серьезные поводы так приказывать. Это запрещение распространяется одинаково и на королевство Арагонское, куда следует написать об этом для его рекомендации, если это необходимо. После уже мы узнали, что в булле, опубликованной в Великий

Untitled

четверг, папа отлучает всех тех, которые захватили или захватят церковное имущество, будут ли это короли или императоры, и что в Великую пятницу он приказал отменить и опустить молитву за Его Величество, хотя в этот день молятся за евреев, мавров, еретиков и схизматиков. Это обстоятельство не позволяет сомневаться, что зло становится серьезнее и приводит нас к тому, чтобы особенно рекомендовать исполнение только что предписанных мер, в которых мы дадим отчет Его Величеству императору" {Кабрера. История короля Филиппа II. Кн. 2. Гл. 6.}. Изумительно, что монарх, способный проникнуться этими истинами и написать подобное письмо, потом стал вести себя согласно диаметрально противоположным принципам, как мы это увидим, к великому ущербу для интересов своей короны и своего народа. Филипп воспротивился на время тому, чтобы главный инквизитор Вальдес возбудил процесс против кого-нибудь из отмеченных как явно виновных в ереси, среди которых находились не только богословы и канонисты, бывшие на консультации, но и много членов государственного совета, подтверждавших свое учение против решения кардинала Силисео [772] и его сторонников {Там же. Кн. I. Гл. 8 и 9.}.

VIII. Папа был упрям в решениях и неспособен к гибкости характера, которая в менее преклонном возрасте, может быть, заставила бы его предпочесть умеренное решение принятой им системе. Он был обманут видимым спокойствием, которым Филипп II позволял ему наслаждаться в Риме, и устремился к краю пропасти. Герцог Альба, дон Фернандо Толедский, вице-король

Untitled

Неаполя (имевший, по крайней мере, столько же твердости в характере, сколько и Павел IV), вышел из своего вице-королевства и занял Папскую область до самых ворот города Рима в сентябре 1556 года. Может быть, повторилась бы сцена, происшедшая в 1527 году при Клименте VII, если бы Павел IV, увидавши себя покинутым Венецианской республикой (на которую он рассчитывал) и теснимым кардиналами и народом, не попросил перемирия, которое было ему дано. Вместо заключения мира на разумных условиях папа, сердце которого было уязвлено, не сумел воспользоваться предложенной ему милостью вице-короля. Он укрепил союз с Генрихом II и вызвал войну между этим монархом и испанским королем, несмотря на пятилетнее перемирие, подписанное с этим государем в 1555 году Карлом V в качестве короля Испании и соединенных королевств, а также германского императора. Когда 10 августа 1557 года Генрих II проиграл знаменитую битву при Сен-Кантене, Павел IV был так подавлен этим, что поспешил просить мира в то время, как герцог Альба делал приготовления ко входу в Рим во главе своей армии. Вице-король тотчас отказался от своего намерения, но имел смелость приказать передать папе, что согласится заключить с ним мир, лишь когда он попросит прощения у короля, его господина, за то, что недостаточно осторожно обращался с его августейшим отцом, его подданными и его друзьями. Это заявление герцога Альбы увеличило опасения престарелого первосвященника, который прибег к посредничеству венецианцев через посланника Наваджьеро. Папа написал ему, что не будет вести переговоров с вице-королем

Untitled

неаполитанским, но что готов согласиться на все предложения испанского короля, будучи убежден, что Его Величество не предложит никакого условия, противного его чести и достоинству святого престола.

IX. Герцог Альба, характер которого имел много сходства с характером папы Павла IV, написал Филиппу II, чтобы убедить его обнаружить в этом случае твердость, необходимую для предупреждения новых несогласий. Но государь (написавший 10 июля 1556 года превосходное письмо, только что нами приведенное) в сентябре следующего года не имел никого, кто внушил бы ему энергию, которая была нужна для исполнения совета вице-короля. Он написал вице-королю, что, "когда он родился, Рим подвергался величайшим бедствиям; было бы несправедливо в начале царствования причинить Риму подобные же бедствия; поэтому он предписывает быстро заключить мир на условиях, не имеющих ничего унижительного для Его Святейшества, - ибо он предпочитает потерять права своей короны, чем коснуться даже самым легким образом прав святого престола".

X. Это решение, продиктованное фанатизмом, особенно не понравилось герцогу Альбе. Однако он исполнил приказ государя и вложил в него столько рвения и точности, что впал в противоположную крайность. летописи дипломатии не представляют ни одного примера мира, заключенного столь своеобразно, где побежденный всецело занял бы место победителя, как это произошло в мирном договоре, который был подписан 14 сентября 1557 года между герцогом Альбой и кардиналом Караффой, племянником и уполномоченным папы. Посол папы не дал никакого

Untitled

удовлетворения Филиппу II от имени главы Церкви, но еще больше удивляет следующая статья мирного трактата: "Его Святейшество получит от католического короля, через посредство его уполномоченного, герцога Альбы, все подчинения, необходимые для снискания прощения обид, без ущерба для обязательства, которое король берет на себя, прислать чрезвычайного посланника по частному вопросу об испрашиваемой милости, принимая во внимание, что Его Святейшество дарует ему свою милость как сыну, покорному и достойному принять участие в льготах, которые святой престол имеет обыкновение раздавать своим детям и всем другим государям христианства".

XI. Надменный первосвященник заметил и признал, что он получил больше, чем надеялся. Он захотел засвидетельствовать свое удовлетворение герцогу Альбе, принимая его в Ватиканском дворце, где ему было отведено великолепное помещение. Для того чтобы сделать более блестящим вступление герцога в Рим, папа выслал навстречу ему всех кардиналов, прелатов, включительно до собственной стражи. Он пригласил герцога обедать за своим столом и осыпал его публичными почестями, как бы желая смягчить этим непреклонную и невыносимую гордость, с которой он унизил в трактате испанскую нацию, с давних пор называвшуюся им не иначе, как олицетворенная надменность. Постоянно верный своей системе, он вопреки блестящему приему, сделанному им герцогу, остался доволен только тогда, когда довел вице-короля до того, что тот бросился ему в ноги и испросил прощения за себя и от имени короля,

Untitled

своего господина, и от имени императора за все обиды, о которых было упомянуто в мирном трактате, а также отпущение цензур, навлеченных каждым на себя своим поведением. Павел IV даровал просимое и получил несколько времени спустя, для удовлетворения своего тщеславия, чрезвычайного посланника, миссия которого была бесполезна после данного папского отпущения. Вслед за этим папа заявил в среде своих кардиналов: "Я только что сослужил святому престолу важнейшую службу, какую он когда-либо мог получить. Пример испанского короля научит впредь верховных первосвященников, как они должны смирять надменность монархов, не знающих, до каких пределов должно доходить законное повиновение, которое они обязаны воздавать главе Церкви". Когда герцог Альба узнал об этой своеобразной папской аллокуции, столь мало достойной преемника св. Петра, то объявил, что его государь совершил великую ошибку, и, если бы он был королем испанским, то кардинал Караффа отравился бы в Брюссель, чтобы у ног Филиппа II сделать то, что он сам проделал у ног папы.

XII. Грегорио Лети справедливо приписывает поведению Филиппа II все несчастья, основная причина которых с той поры коренилась в огромной власти над мирянами, которую присвоили себе священники и их трибуналы, чрезвычайно злоупотребляя цензурами, присоединяя их к другим, чисто гражданским, принудительным средствам в светских интересах. Павел IV не замедлил доказать Испании, до какой степени он презирал Филиппа II и Карла V. Спустя пять месяцев после трактата, то есть 15 февраля 1558 года, он отправил главному инквизитору Фернандо

Untitled

Вальдесу бреве, которым сообщал силу всем постановлениям соборов и верховных первосвященников против еретиков и схизматиков, объявляя, что эта мера стала необходимой с тех пор, как он был осведомлен, что ересь делает ежедневно новые успехи. Вследствие этого папа поручал ему преследовать еретиков и подвергать их наказаниям, внесенным в устав, между прочим соблюдать специально тот устав, который лишает виновных всех их чинов и должностей, будут ли виновные епископы, архиепископы, патриархи, кардиналы или легаты, бароны, графы, маркизы, герцоги, принцы, короли или императоры. К счастью, ни Карл V, ни Филипп II не приняли учения Лютера и его комментаторов. Однако не менее верно, что папа имел намерение подчинить этих монархов распоряжениям своей буллы. Он не замечал только, что в случае действительной их еретичности они поступили бы так, как курфюрст саксонский и другие протестантские князья империи, которые издевались над громами Ватикана, как это делают и ныне: буллы главы римской Церкви значили для них не более решений тибетского далай-ламы [773].

XIII. Если бы Филипп II был благоразумным государем, дела государства не дошли бы до того уровня, на каком они, как мы видели, находились. Ему не было бы нужды отыскивать далеко примеры вроде тех, которые приводит Лети, чтобы сделать из них правило для своего поведения. Ему следовало бы идти по стопам политики своего прадеда Фердинанда V в отношении Юлия II в 1508 году: этот государь приказал графу Рибаторсе, неаполитанскому вице-королю, повесить всякого, кто был бы захвачен с

Untitled

буллами отлучения от Церкви, равно как и тех, кто благоприятствовал бы их публикации {Это доказывается письмом короля к графу от 22 мая 1508 года. Я его опубликовал в Дипломатической коллекции, цитированной в этом сочинении.}. Он мог подражать своему отцу, Карлу V, в его распрях с Климентом VII, которому он вернул свободу только после того, как уверился в длительности мира и отвоевал достоинство императорской короны. Он должен был припомнить, что он сам имел мужество сделать, когда в прошлом году написал принцессе, своей сестре, с мудростью и энергией, действительно достойными государя. Следует ли после этого удивляться при виде тех дерзновенных притязаний, какими папы вызывают скандал во всем христианском мире? Они больше не сомневаются, что их предприятия в будущем будут иметь тот же результат, какой имели рассказанные нами события.

XIV. В 1582 году Григорий XIII осмелился дать приказ распубликовать в городах Калаоре и Логроньо декрет, отрешающий от должности епископа и поражающий цензурами буллы На вечера Господни ("In coena Domini") епископа Калаоры и коррехидора [774] Логроньо за то, что они исполнили приказания своего государя, а не то, что предписано в булле, которая была получена неожиданно и обязывала Филиппа II писать из Лиссабона, где он тогда находился, кардиналу Гранвелле [775], председателю совета Италии, чтобы тот предъявил от его имени надлежащие ходатайства {Письмо короля напечатано в моей Дипломатической коллекции.}. Павел V [776] захотел в 1617 году осудить труд испанского юрисконсульта

Untitled

Севальоса о праве апелляции к гражданской власти, потому что он защищал как законное, справедливое и полезное право короля покровительствовать своим подданным против насилий и посягательств судей и других церковных властей. Филипп III [777] велел сделать представления об этом предмете через кардинала дома Гаспара де Борху, своего посланника в Риме, и поручил ему 27 сентября склонить Его Святейшество к отказу от этого намерения, потому что в Испании не придадут никакого значения этому запрещению и приказаниям, которые ему вздумается дать на этот счет {Письмо этого государя. - №6 Дипломатической коллекции.}.

XV. Новые запрещения были декретированы Урбаном VIII против нескольких испанских сочинений, потому что в них доказывалось, что гражданская власть единственно имела право произносить приговоры по некоторым делам, расследование которых постепенно было узурпировано церковной властью с эпохи средневековья посреди всеобщего невежества. Это новое покушение побудило Филиппа IV [778] представить папе через того же кардинала не менее энергичные Возражения {Письмо этого государя написано из Мадрида 10 апреля 1634 года; оно находится в моей коллекции под № 7.}. Они не помешали римской курии пойти на новые эксцессы. Когда вспыхнуло восстание Португалии, испанский король назначил епископов на вакантные места. Герцог Браганцкий [779], хотя еще не был признан законным государем, назначил других лиц на эти епархии. Папа отказался утвердить назначения испанского короля и даже не захотел употребить самую простую меру избрания на должность,

Untitled

которая избавила бы его от отказа государю, сделавшему назначению.

XVI. В 1709 году Климент XI [780] своим поведением побудил Филиппа V [781] отослать от своего двора нунция с его трибуналом и запретить всякое сношение с римской курией. В то же время король поручил епархиальным епископам произносить приговоры по разным делам, по которым до тех пор прибегали к папе.

XVII. Были очень сильны распри между Климентом XIII и Карлом III [782] по случаю увещательного послания от 30 января 1768 года, выпущенного против инфанта дона Филиппа Бурбонского, герцога Пармского. Наконец, едва ли найдется король, главным образом из австрийской династии, который не испытал бы печальных последствий политики Филиппа II, унизившегося до просьбы о прощении и до получения отпущения цензур как подсудный святому престолу и пособник еретиков. Он очень хорошо знал, что поведение папы несправедливо и что такой сильный удар со стороны римской курии, направленный на него и на его отца, мог быть лишь следствием интриг и клеветы. Этот довод должен был бы побудить короля оградить своих подданных от подобных несчастий, которыми угрожало существование инквизиции и которых тем больше следовало бояться, что делопроизводство суда совершалось секретно против обвиняемых, которые без опоры и без защиты, подвергались опасности потерять честь, жизнь и имущество.

Статья вторая Инквизиции Сардинии, Фландрии, Милана, Неаполя, Галисии, Америки и океанских островов

I. Как бы ни были сильны эти доводы, Филипп II не только

Untitled

не сделал из них правила своего поведения, чтобы защитить свой народ от инквизиции, но решил еще расширить власть трибунала и заставить нести его иго тех своих подданных, которые не были испанцами и постоянно оказывали учреждению инквизиции самое энергичное сопротивление. В 1562 году Филипп II приказал сардинской инквизиции строго сообразоваться с правилами испанского святого трибунала в преследовании обвиняемых, хотя ему заметили, что до сих пор были известны только формы, установленные Фердинандом V и представлявшие собой несколько менее суровый характер

II. С не меньшей суровостью отнесся Филипп II к своим подданным в графстве Фландрском. Карл V в 1522 году назначил Франсуа де Гульта, светского советника Брабанта [783], главным инквизитором Фландрии. Адриан VI (на следующий год одобривший его назначение) облек его всеми правами апостолической юрисдикции, с условием, что он возьмет членами суда священников и богословов. Вскоре были назначены три провинциальных инквизитора: старший каноник-монах Иперна [784] для Фландрии и подчиненных ей местностей, первенствующий в духовенстве Монса [785] для Геннегау и декан Лувена для Брабанта, Голландии и других провинций. Климент VII назначил главными инквизиторами кардинала Эверарда из Марки, епископа Льежского (Люттихского) и советника Франсуа де Гульта, о котором я только что упомянул. Эта мера не уменьшила прав других инквизиторов. Декан лувенский справил в 1527 году несколько аутодафе, причем присудил шестьдесят лиц к различным карам, допустив их затем к примирению с Церковью. В 1529 году

Untitled

были обнародованы страшные указы против еретиков, возобновленные в 1531 году с некоторыми смягчениями, удержавшимися впоследствии.

III. По смерти лувенского декана Павел III в 1537 году назначил главными инквизиторами его преемника по деканату и каноника Дуса. Они вступили в должность с одобрения Карла V, давшего им полномочия через свой совет в Брабанте в 1545 и 1550 годах. В 1555 году Юлий III [786] разрешил декану и канонику иметь помощников с передоверием полномочий. Павел IV в 1560 году сделал то же по отношению к первенствующему из Валькане и к доктору богословия из Лувена, Мишелю Байо. С 1550 года все эти лица носили наименование церковных министров. Карл V запретил им впредь называться инквизиторами вследствие ненависти, внушаемой этим именем народу. Фландрская инквизиция показала себя крайне суровой в начале своего учреждения: она налагала такие же кары, как и испанская, но усиливала их, прилагая к большему числу случаев. Филипп II умерил деятельность этого трибунала своим указом от 28 апреля 1556 года.

IV. Таково было положение фландрской инквизиции в 1559 году, когда была получена булла Павла IV, в силу которой, а также позднейшей буллы Пия IV были образованы три церковные провинции, все епархии которых были подчинены юрисдикции архиепископов Мехельна [787], Камбре и Утрехта. При каждом кафедральном соборе учреждались штаты из двенадцати каноников, из которых трое становились пожизненными инквизиторами. Эта мера явилась первой искрой пожара, охватившего Голландию и Соединенные Нидерландские провинции в 1562 году.

Untitled

Нидерландцы обоснованно утверждали, что они терпели инквизиторов с 1522 года единственно потому, что смотрели на них как на агентов временного характера, но что они никогда не допустили бы постоянного учреждения столь ненавистного института и с таким зловецким предназначением для спокойствия Нидерландских провинций. Это настроение народа обрело новые силы, когда стало известно, что Филипп II проектирует организовать восемнадцать епархиальных инквизиций во Фландрии по плану испанской инквизиции, которая уже давно считалась в Германии, Италии, Франции и Нидерландах кровавым трибуналом.

V. Следовало тем более опасаться этого события, что в Голландию прибывало множество испанцев, бежавших от инквизиции. Эта эмиграция стала особенно значительна с 1550 года, когда были запрещены как содержащие взгляды новых еретиков многие издания Библии на испанском языке, напечатанные в Голландии. Таким образом, несмотря на упорство, с которым Филипп II старался учредить инквизицию во Фландрии, он не только не мог достичь этого, но и потерпел поражение в попытке сохранить за нидерландской инквизицией форму правильного, публичного и уставного трибунала, похожего на другие церковные суды, каковым он был до сих пор. Фламандцы [788] упорно отвергали все, что было похоже на инквизицию или напоминало им о существовании системы преследований, направленных против приверженцев религиозных взглядов, противоположных вере римских католиков. Вследствие этого невозможно было учредить при каждом кафедральном соборе трех

Untitled

каноников-инквизиторов, о которых я говорил, несмотря на формальное намерение римской курии, выраженное в ее буллах. Это сопротивление возмутило деспотизм Филиппа, и его упорство явилось причиной затяжных, страшных и кровопролитных войн, которые в течение полувека истощили богатства и силы Испании. В результате получилось то, чего и следовало ожидать при обыкновённом ходе человеческих дел, то есть невозможность подчинить провинции, которые остались соединёнными, а их постоянство и упорство привели наконец к основанию Голландской республики {См.: Кабрера. История Филиппа II. Кн. 5. Гл. 3; кн. 6.}.

VI. В следующем 1563 году Филипп II предпринял необходимые меры для учреждения инквизиции в герцогстве Миланском. Он сообщил свой план папе, уроженцу этого города, который одобрил его, хотя был втайне недоволен, потому что этот план клонился к уменьшению власти святого престола. Едва знать и народ Милана узнали о намерении испанского короля, как открыто высказались против введения трибунала, о котором составили себе самое неблагоприятное мнение, частью сами по себе, а частью по отзывам множества испанцев. Ломбардские епископы не менее их воспротивились: они не только разделяли общее мнение об инквизиции, но еще опасались, что учреждение ее отнимет у них часть власти в процессах о вере. Они знали также, что в Испании власть епископов не только доведена до полного ничтожества, но и страдает от деспотизма инквизиторов, овладевших епископскими правами и спокойно пользующихся ими под покровительством

Untitled

государя, который в делах этого рода советуется с главным инквизитором.

VII. Это покровительство, в котором инквизиторы были всегда уверены, сделало их заносчивыми, и они ежедневно старались обесценить епископский сан легкими триумфами, которые одерживали при дворе, где им не надо было как епископам употреблять докладные записки, деньги и разнообразные усилия, но только кредит своего начальника, всегда умеющего получить самые соответствующие их взглядам резолюции. Город Милан послал депутатов к папе с просьбой предохранить свою родину от угрожающего несчастья и оперся на покровительство св. Карла Борromeя [789], племянника Его Святейшества. Папа отправил их в Мадрид. Они должны были просить Филиппа II оставить дело в прежнем положении и представить неприятные последствия предполагаемой перемены. Город обратился в то же время к епископам Миланской провинции, присутствовавшим на Тридентском соборе, чтобы они подкрепили эти ходатайства перед высоким собранием. Пий IV ответил миланцам, что не позволит ввести в городе испанскую инквизицию, потому что знает ее крайнюю суровость, и обещал им принять меры, чтобы миланская инквизиция зависела, как некогда, от римской курии, декреты которой о судопроизводстве были крайне мягки и оставляли обвиняемым самую полную свободу для защиты.

VIII. Было бы трудно примирить ответ папы и происшедшие события с формальной и положительной санкцией, которую этот папа и папы, управлявшие Церковью до и после него, дали распоряжениям испанской инквизиции.

Untitled

Столь же трудно было примирить его с принятым папою решением удержать и разрешить точно исполнять предписания кровожадной буллы Павла IV от января 1559 года, осуждавшей на сожжение лютеран отмеченных мною разрядов, хотя бы они и не были рецидивистами. Я дальше вернусь к этому предмету; в настоящее время достаточно отметить смысл ответа папы. Прием, оказанный им посланцам, и обещанное благоволение не позволяют сомневаться, что он с тайным удовольствием увидал бы испанского короля в оппозиции по отношению к миланцам, так как роль посредника между государем, столь ревностным к религии, и подданными, крайне ревнивыми к своей свободе, льстила его самолюбию и могла быть полезна.

IX. Во время этих переговоров герцог Сесо, губернатор Милана, желая исполнить особые указы своего властителя, учредил в городе инквизиционный трибунал и обнародовал имена инквизиторов по передоверию, которым надлежало вступить в должность от имени главного инквизитора всех провинций Испании. Это заявление было неприятно миланцам, ставшим нарушать общественную тишину и возбуждавшим народный мятеж, во время которого раздавались крики: "Да здравствует король! Да погибнет инквизиция!"

X. Епископы Миланской провинции, бывшие на Тридентском соборе, восстановили всех итальянских епископов этого собрания против испанской инквизиции и без больших усилий перетянули их на свою сторону, потому что все были недовольны трибуналом со времени процесса архиепископа Толедского, как я покажу при

Untitled

передаче этого события. Папские легаты, председательствовавшие на соборе, высказались в пользу миланцев. Это означало, что папа одобряет восстание. Кардинал Карл Борромей, племянник и любимец Пия IV, защищал в коллегии кардиналов дело своих соотечественников и поставил его под их покровительство. Герцог Сесо, наблюдавший происходившее, предвидел неприятные последствия, которые это дело будет иметь для его властителя, но не счел себя в состоянии им помешать даже при помощи войск, которые мог ему послать вице-король Неаполя. Он написал об этом Филиппу, который решил оставить свое намерение, как сделал это в предшествующем году относительно Фландрии {Лети. Жизнь Филиппа II. Кн. 17; Рейнальди. Церковные летописи, под 1963 годом. N 146; Пелавичини. История Тридентского собора. Кн. 22. Гл. 8; Сарпи. История Тридентского собора. Кн. 8. N 42.}.

XI. Неудача попытки испанского короля в Милане и противоположные его видам настроения, которые он везде мог заметить, не внушили ему ни благоразумия, ни умеренности. Он подумывал еще об учреждении испанской инквизиции в Неаполе, хотя это предприятие выскользнуло из рук его прадеда Фердинанда V и его отца Карла V. Но эти усилия привели только к тому, что осрамили и скомпрометировали его власть в Неаполитанском королевстве, как это было во Фландрии и в Милане.

XII. Наконец, этот упрямый государь захотел доказать, что такая щепетильная совесть, как у него, может успокоиться только тогда, когда он употребит все средства, предоставляемые его могуществом, для основания в

Untitled

каждом государстве святого трибунала, который римские святые отцы и святые кардиналы-племянники обвиняли в жестокости, между тем как он стремился сделать народам подарок из этой святой инквизиции. Разумеется, было естественно, что Филипп II (включенный монахами Эскуриала в их сказаниях в число святых) не забыл своих американских владений и что он беспокоился о состоянии, в котором находилась инквизиция в этих странах. Он узнал, что жители Нового Света были нерасположены к трибуналу так же, как и его европейские подданные. Это нерасположение позволяло ему надеяться на покой только тогда, когда он завершит великое дело, придав американской инквизиции ту форму, которую она сохранила до наших дней. Я не могу не войти в некоторые подробности по этому предмету {См. гл. IV и VII этого сочинения.}.

XIII. Когда Фердинанд V решил учредить инквизицию в Новом Свете, кардинал Хименес де Сиснерос (которому государь доверил хлопоты по этому делу) назначил 7 мая 1516 года дома Хуана Кеведо, епископа острова Куба, главным уполномоченным инквизитором в испанских колониях, известных тогда под именем Королевства материка, и дал ему право избрать всех судей и должностных лиц трибунала. Карл V захотел распространить благодеяния этого благочестивого учреждения, и по его приказу 7 января 1519 года кардинал Адриан назначил дома Альфонсо Мансо, епископа Порто-Рико, и брата Педро Кордовского, вице-провинциала доминиканских монахов, инквизиторами Индии и океанских островов, доверяя им полномочия, необходимые для

Untitled

учреждения трибунала. Карл V подтвердил это распоряжение Адриана королевским указом от 20 мая 1520 года {См. гл. X и XI этого сочинения.}. Новые инквизиторы начали преследование крещеных индейцев, продолжавших еще соблюдать некоторые обряды своего прежнего идолопоклонства. Вице-короли осведомили испанского монарха о бедствии, которое может произвести подобная система. В самом деле, уstraшенные индейцы бежали во внутренние части страны для соединения с дикими племенами или с идолопоклонниками городов, еще не подчиненных испанской власти. Это должно было значительно затормозить рост населения в этих пустынных странах.

XIV. Это сообщение побудило Карла V указом от 15 октября 1538 года запретить инквизиторам Америки привлекать индейцев к суду. Он ограничил инквизиционную юрисдикцию европейцами и их потомками и решил, что туземцы по-прежнему будут подчинены епархиальным епископам, служение которых, полное кротости и доброты, более подходило к положению этих народов, чем суровость инквизиции. Эта мера делает честь гуманности Карла V. Почему же по отношению к морискам его политика была далека от этого? Почему он довольствовался советом главному инквизитору пренебрегать маловажными делами? Разве он мог не знать или не видеть, что инквизиторы обходили его указы, злоупотребляя тайной службы, и третировали с исключительной суровостью несчастных, попадавших в их руки? Увы! Голос государя терялся в обширном пространстве американских провинций, к ущербу

Untitled

интересов завоевания, а религия служила предлогом к мерам самой ужасной нетерпимости.

XV. Инквизиторы Америки так же мало подчинялись королевской власти, как и испанские инквизиторы. Это заставило государя резолюцией от 18 октября 1549 года повторить уже сделанные им запрещения. Отвращение, связанное с должностью инквизитора, и редкая возможность исполнять службу с удовлетворением, льстящим их суетности, были причиной того, что никто не хотел брать на себя инквизиционную службу. Это способствовало тому, что постоянные трибуналы были учреждены, но инквизиторы продолжали оставаться в разных городах, как это делали раньше доминиканцы. Этот порядок не нравился Филиппу II, и он задумал организовать их так же, как и в Испании.

XVI. Возобновив 14 октября 1558 года и 4 апреля 1565 года сделанное отцом повеление оставить индейцев под юрисдикцией епископов по всем вопросам, имеющим отношение к вере, Филипп II 25 января 1569 года издал указ, в котором было сказано: так как еретики распространяли вредное учение посредством книг и даже устным путем, главный инквизитор и верховный совет решили назначить инквизиторов и министров. В то же время вице-королям и губернаторам провинций было приказано содействовать им и оказывать всякую помощь, чтобы они могли устроиться так же, как в Испании. Эта резолюция была приведена в исполнение сначала в Панаме [790] 22 июля того же года, а потом в Лиме 29 января 1570 года. Инквизиторы были приняты здесь с большой торжественностью. В Лиме им предоставили дом,

Untitled

где они устроили зал заседаний, канцелярию, тюрьму и помещение для себя {См.: Собрание документов Индии ("Recopilacion de Indias"). Там же находится много законов, касающихся этого предмета, надписания коих дали этой Истории даты, особенно кн. 1, отд. 1, законы 5-й, 13-й и несколько других; отд. 19, законы 1-й, 3-й, 9-й, 17-й, 18-й, 26-й; кн. 6, отд. I. закон 35-й.}.

XVII. 18 августа 1570 года Филипп II приказал учредить инквизицию в Мехико и придать ей (как и другим трибуналам, которые надлежало организовать) форму, способную предупредить все судебные конфликты: мера, формально несовместимая с принципами, служившими основанием инквизиционной системы. Новый королевский указ от 20 числа того же месяца, адресованный вице-королю Перу, регулировал организацию святого трибунала в Лиме; 26 декабря 1571 года тот же государь приказал учредить для всей Америки три трибунала инквизиции: один в Лиме, другой в Мехико, третий в Картахене. Новый указ определял для каждого часть территории, которая должна была относиться к их юрисдикции, и подчинял всех власти главного инквизитора и верховного совета в Мадриде.

XVIII. Первые судьи этих трибуналов оказались достойными избрания. Это доказывает циркуляр совета инквизиции от 5 января 1573 года, направленный в провинции полуострова и гласивший: если американские трибуналы требуют испытания некоторых свидетелей, то следует этим заняться тотчас предпочтительно перед другим делом, потому что опыт удостоверяет большие выгоды, извлекаемые из учреждения святого трибунала в

Untitled

этой стране.

XIX. Первое аутодафе Мексики произошло в 1574 году, в год смерти Фердинанда Кортеса [791], завоевателя этого обширного государства. Оно сопровождалось особой пышностью. Очевидцы писали, что недоставало только Филиппа II и членов королевской фамилии для сравнения этого аутодафе с знаменитыми вальядолидскими аутодафе, справленными в 1559 году. На нем сожгли одного француза и одного англичанина, осужденных в качестве нераскаянных лютеран; на нем примирили с Церковью восемьдесят человек, которые должны были понести епитимьи то как иудействующие еретики, то как сторонники мнений Лютера и Кальвина, то как двоеженцы и чернокнижники. Среди жертв этой казни была одна женщина, которая показала, что, живя в Мехико, она своими чарами через два часа вызывала к себе мужа, живущего в Гватемале [792]. Картахенская инквизиция не была еще учреждена в эту эпоху вследствие некоторых политических событий, помешавших этому; ее основал уже Филипп III 23 февраля 1610 года.

XX. Американские инквизиторы не менее испанских стремились расширить свою юрисдикцию. Их распри с властями принудили правительство в 1610 году примирить интересы декларацией, обращенной к ним 11 декабря 1635 года. Им предписали точно сообразоваться с правилами, установленными в 1553 году для испанской инквизиции, и с прибавлениями к ним начиная с этого года.

XXI. Филипп II не удовольствовался распространением инквизиции до Лимы; он захотел ввести ее также на островах. Большой вооруженный флот католической лиги,

Untitled

действовавший против константинопольского султана и выигравший знаменитую битву при Лепанто [793] под начальством дона Хуана Австрийского [794], родил в уме монарха мысль создать походный трибунал инквизиции против еретиков, которых удалось бы открыть на кораблях [795]. Так как власть главного инквизитора распространялась только на владения испанского короля, он считал невозможным исполнить этот проект без специального разрешения римской курии. Папа (не имевший причины противоречить здесь видам испанского короля, как это было относительно введения инквизиции в Милане и Неаполе) издал 27 июля 1571 года бреве, которым главный инквизитор Испании уполномочивался создать новый трибунал и назначить для него судей и служащих. Его сначала называли галерной инквизицией, потом инквизицией флотов и армий. Но он существовал недолго, потому что стало очевидным, что он мешал судоходству.

XXII. Независимо от этих мотивов, трибунал был почти всецело занят тем, что мешал ввозу еретических книг и других запрещенных предметов. Поэтому прибавили новую статью к инструкциям комиссаров святого трибунала, пребывавших в портах, через которые шла внешняя торговля. Она гласила, что комиссар должен осматривать суда, принимать декларацию капитанов, распоряжаться сдачей в таможенную товарных ящиков и тюков, давать отчет о своих действиях провинциальному трибуналу и сообразоваться с предписаниями. В Кадисе место комиссара-надсмотрщика стало очень прибыльным. При исполнении обязанностей он являлся в сопровождении

Untitled

секретаря, альгвасила, пристава и других служащих, в которых он мог иметь нужду. Его принимали с пушечными выстрелами. Ему предлагали угощение или его замену, чтобы он удостоверил, что корабль был осмотрен и что не найдено ничего, запрещенного к ввозу указами. Часто комиссара принимали на корабле с пышностью.

Служащие, исполнявшие при нем должность чиновников, бывали обыкновенно торговцы, знавшие корабли и характер грузов и покупавшие с большой выгодой, что могло им подойти. Были и другие злоупотребления, исчезнувшие с течением времени. Удовольствовались, наконец, требованием, чтобы декларация товаров производилась на таможах без осмотра кораблей, кроме случаев, когда какой-нибудь донос заставлял подозревать привоз запрещенного.

XXIII. Потребовалось также горячее усердие Филиппа II для учреждения инквизиции в Галисии. Инквизиция более века была неизвестна в этой провинции, составлявшей часть округа, подчиненного святому трибуналу Старой Кастилии и королевства Леон, резиденция коего находилась в Вальядолиде. До этой поры она избегла этого страшного бича, несмотря на множество происшествий с маврами, евреями и лютеранами. Испанский король решил наконец основать там инквизицию для наблюдения с большим старанием за океанскими портами, ввозом вредных книг и прибытием лиц, имевших целью распространение учения протестантов. Королевский указ, учреждавший в этой провинции трибунал, был выпущен 15 сентября 1574 года и сообщен королевской судебной палате в Коронье и другим светским властям. В тот же год главный инквизитор

Untitled

отправил туда инквизиторов, и трибунал был организован {См.: Новое собрание законов Кастилии. Кн. 2. Отд. VII, закон 1-й и 9-е примечание к нему.}.

Статья третья Распри с португальской инквизицией
I. Установление власти Филиппа II в Португалии по смерти кардинала архиепископа дома Энрике, занимавшего престол до 1580 года, дало этому государю новый случай проявить ревность к инквизиции. Я уже отметил эпоху, когда она была введена в этом королевстве, и обстоятельства, сопутствовавшие этому событию {См. главу XVI этого сочинения.}. Король Энрике был главным инквизитором с 1539 по 1578 год. Он занимал кафедру архиепископа в Лиссабоне, когда получил корону Португалии по смерти своего племянника короля Себастиана. Тогда он назначил дома Хорхе де Альмеду архиепископом Лиссабонским и третьим (по счету) главным инквизитором Португалии.

II. В 1544 году дом Энрике, занимавший тогда кафедру Эворы [796], и кардинал дом Пардо де Тавера, архиепископ Толедский, - оба главные инквизиторы: один в Испании, другой - в Португалии, - обнародовали, с согласия своих государей, циркуляр, которым извещали, что ввиду соседства двух государств на очень большом протяжении, благоприятствующем бегству из одного государства в другое лиц, привлеченных к суду инквизиции, они условились: 1) взаимно сообщать друг другу все, что может интересовать инквизицию; 2) арестовывать, каждый в своем округе, обнаруженных беглецов; 3) держать их в заключении и требовать документы начатого судопроизводства, чтобы закончить его сообразно делу, так

Untitled

как эта мера представляет меньше неудобств, чем выдача заключенных, кроме исключительных случаев, когда два трибунала могут прийти к соглашению.

III. Вышеупомянутая конвенция соблюдалась неоднократно. Однако, когда лиссабонские инквизиторы написали вальядолидским о выдаче им Гонсаде Баеса, арестованного в Медине-дель-Кампо по заключению их прокурора, 18 февраля 1558 года они получили ответ, что эта просьба не может быть исполнена, если желают держаться конвенции, и что лиссабонский трибунал, напротив, должен прислать испанскому документы судопроизводства. Португальские инквизиторы уважили это требование. В 1568 году испанские инквизиторы, очутившись в подобном положении, отказались сообразоваться с условленной мерой, потому что во главе их стоял тогда кардинал Эспиноса, пользовавшийся большим влиянием на Филиппа II. Он сам ответил кардиналу Энрике, что не подписывал конвенции и что находит более удобным, чтобы заключенный был передан трибуналу, начавшему судопроизводство. Он хорошо знал, что этот порядок плохо соблюдался в самой Испании и что обычно пренебрегали правилами закона, поскольку поступать таким образом было удобнее и выгоднее. Но Эспиноса в этот момент мечтал о расширении своей юрисдикции на иноземные народы, подвластные испанскому королю, - политика, крайнюю важность которой всегда признавала испанская инквизиция. Однако он предлагал кардиналу Энрике обратиться к двум государям и обещал сам предложить испанскому королю меру, которая служила бы на будущее время главным и

Untitled

постоянным правилом.

IV. Дом Энрике уполномочил Франциско Переру, португальского посланника в Мадриде, покончить это дело с кардиналом Эспиносой. Во время переговоров случилось, что несколько испанцев, осужденных льеренским трибуналом на фигуральное сожжение как уклонившиеся от суда, бежали в Португалию, где были арестованы по приказу эворских инквизиторов, тотчас потребовавших присылки документов их процесса в границах конвенции 1544 года. Льеренский трибунал, посоветовавшись с верховным советом, ответил, что он не может не следовать образцу, данному кардиналом Эспиносой. Почти в то же время инквизиторы задержали нескольких португальцев, ускользнувших из своей страны. Епископ Порталегры, эворский инквизитор, потребовал заключенных. Трибунал, всегда послушный воле совета, отказался их выдать, если только ему не пришлют жителей Альбукерке, арестованных эворской инквизицией. Кардинал Энрике уступил инквизиторам Испании, но потребовал 5 декабря сообщить формальный обвинительный акт по этому поводу, между тем как эворские инквизиторы сделают то же самое по отношению к кардиналу Эспиносе. Верховный совет, получив отчет об этих переговорах, согласился на выдачу испанцев, задержанных в Португалии, и на отсылку в эту страну португальцев, арестованных в Испании. Эта мера была исполнена после обмена двух обвинительных актов. V. В переписке эворских инквизиторов находится письмо от 11 марта 1570 года, в котором они извещают, что у них есть еще двое других заключенных испанцев, которых они

Untitled

предлагают выдать. Льеренские инквизиторы (чтобы не быть в долгу за такой поступок) посылают полученную ими информацию о некоторых португальцах, побывавших в Эстремадуре, но вернувшихся в Португалию. Жестокий опыт очень хорошо доказывает, что жажда терзать несчастных быстрее объединяет врагов, чем благородное желание их защищать. Как видно из этого случая, инквизиторы обоих королевств в 1571 году усвоили общую систему кардинала Эспиносы.

VI. Главный инквизитор дом Энрике умер на троне Португалии в 1580 году. Корона принадлежала по праву наследования Филиппу II как сыну императрицы Изабеллы, сестры Жоана III, короля Португалии. Но государь не дожидался этого события, чтобы вмешаться в дела инквизиции страны, так как принимал участие во всех мерах кардинала Эспиносы. Едва стал он властителем Португалии, как его привязанность к трибуналу проявилась в усилении деятельности. А ввиду того что место главного инквизитора было вакантным, он решил упразднить его и передать его функции главному инквизитору Испании, обратив внимание папы на то, что при этом будет более согласованности и единства в делах. Но эта попытка не имела успеха, потому что Филипп был признан в Португалии при формальном условии, что Португалия останется и впредь независимой от Испании и что королевство будет управляться светскими властями советами, установленными в Лиссабоне, чтобы ничто не заставляло нацию обращаться в Мадрид и оттуда ждать резолюций.

VII. Когда герцог Браганцкий был провозглашен

Untitled

повстанцами королем Португалии при Филиппе IV, дом Франсиско де Кастро, главный инквизитор, и Жоан де Васконсельос, член совета инквизиции этого королевства, остались верными испанскому монарху. Новый государь (принявший имя Жоана IV) задумал увеличить свою партию. Увлекаемый советами Англии, благоприятствовавшей восстанию, он решил вернуть евреям свободу, которой они пользовались в королевстве до учреждения инквизиции. Он встретил сопротивление со стороны вышеупомянутых инквизиторов. Совет трибунала осудил даже решение Парижского университета, в котором было сказано, что король может назначить и приказать посвятить епископов, не дожидаясь булл из Рима, если бы папа Иннокентий X [797] отказался утвердить тех епископов, которые были назначены королем после того, как он был призван на трон Португалии желанием народа, вопреки оппозиции испанского короля. Жоан IV пригрозил двум инквизиторам тюрьмой, даже смертной казнью; но с их стороны он встретил готовность скорее все претерпеть, чем согласиться на восстановление иудейского культа. По смерти дома Франсиско де Кастро возник вопрос о назначении нового главного инквизитора. Но требуемые буллы было не менее трудно получить, чем буллы епископов, потому что папы Урбан VIII, Иннокентий X и Александр VII [798] уклонялись, насколько могли, высказываться в пользу испанского короля или герцога Браганцского. Их политика была прежде всего выжидательной, и они наблюдали за войной между двумя нациями до момента, когда удача даст перевес той или другой стороне. Вследствие этого по смерти епископа

Untitled

Йельбеского в 1658 году кафедра осталась вакантной, хотя Филипп IV был расположен согласиться на назначение папой епископов по собственному побуждению (*motu proprio*). Римская курия не сделала никакого употребления из этого права, будучи убеждена, что политические взгляды назначенных епископов указывали бы на ту партию, которая одержит верх. Наконец Португалия восторжествовала над усилиями Испании, и инквизиции двух королевств стали иметь между собой только редкие и маловажные сношения.

Статья четвертая Проект военного ордена инквизиции I. Чтобы не пройти молчанием ни одного существенного факта, доказывающего благосклонность, оказываемую Филиппом II инквизиции, я передам здесь ребяческий проект горячих голов, который был благоразумно отвергнут Филиппом II, но который никогда не появился бы на свет, если бы не была известна его чрезмерная привязанность к трибуналу.

II. Несколько фанатиков думали сделать ему удовольствие, основав новый военный орден, под именем ордена св. Марии белой шпаги (*Santa Maria de la espada blanca*). При Альфонсе Мудром существовал орден св. Марии, а в эпоху, о которой я говорю, был другой, известный под именем Сант-Яго шпаги (*Santiago de la espada*). Новые основатели прибавили эпитет белой, потому что своим отличительным знаком они считали серебряную шпагу, а шпага ордена св. Иакова была красной, цвета крови. Целью этого учреждения была защита католической религии, королевства Испании, его границ и крепостей против всякого нападения, борьба с проникновением в Испанию

Untitled

евреев, мавров и еретиков и исполнение всех мероприятий главного инквизитора. Для членства в новой корпорации надлежало подвергнуться особому испытанию и получить удостоверение со стороны неопровержимых свидетелей, что будущий сочлен не происходит ни от евреев, ни от мавров, ни от еретиков, ни от испанцев, осужденных и наказанных инквизицией; хотя нигде формально не говорилось о необходимости принадлежать к дворянству, однако фактически принимались преимущественно лица, являвшиеся дворянами.

III. По статутам нового ордена в каждой провинции должен был быть приор, уполномоченный управлять делами под властью главного инквизитора. Одной из его прерогатив было получение публичных или тайных доказательств чистоты крови аспирантов. Члены общества были независимы от юрисдикции епископа и гражданских должностных лиц и признавали своим главой единственно главного инквизитора. Они приносили ему отказ от своего имущества и могли пользоваться только тем, что их главе угодно было им оставить для пропитания и содержания. Брачное состояние не являлось препятствием для поступления в орден белой шпаги; вдовы вступивших в орден получали пищевую пенсию, стоимость которой определялась инквизитором по запасам общины. Бедность также не препятствовала принятию в члены, потому что главный инквизитор оплачивал из тех же запасов издержки, причиненные испытаниями, предшествующими поступлению в орден. Все члены должны были выступать в поход или сражаться для защиты пограничных городов, и все они не должны были признавать другого главы, кроме

Untitled

главного инквизитора.

IV. Этот проект был принят провинциями Кастилия, Леон, Астурия, Арагон, Наварра, Галисия, Алава, Гипускоа и Бискайя, Валенсия и Каталония. Статуты нового ордена получили апробацию главного инквизитора и верховного совета. Уполномоченные этих провинций адресовали королю нижайшее ходатайство для получения от него утверждения. Так же поступили представители митрополичьих церквей Толедо, Севильи, Сант-Яго, Гранады, Тарагоны, Сарагосы, Валенсии и сорока восьми дворянских фамилий, происшедших от древних родов, известных тем, что они никогда не смешивали своей крови с новохристианами. Они представили ли королю, что орден белой шпаги представляет Испании большие выгоды; он дает армии значительное увеличение сил и ничего не будет стоить государственной казне; его служба позволяет надеяться на преобразование и улучшение нравов благодаря результатам, которые получатся от правильной постановки вопросов чести и должного распорядка; наконец, установление этого орденского отличия придаст новый блеск дворянству королевства.

V. Филипп поручил своему государственному совету разобрать план этого учреждения, который послужил предметом обсуждения в нескольких чрезвычайных собраниях, созванных королем. Главный инквизитор собрал несколько членов инквизиций королевства и духовенства в королевской церкви Св. Филиппа в Мадриде. Мнения разделились, как это обыкновенно бывает по всем вопросам, разбор которых доверяется большому числу лиц. Я познакомлю читателя с манерой, в которой один

Untitled

испанский дворянин изложил королю свое мнение, и соображения, сопровождавшие его, потому что они заслуживают того, чтобы их знали.

VI. Дон Педро Венегас из Кордовы представил королю, что новый орден не нужен инквизиции, потому что она обходилась без посторонней помощи в обстоятельствах более трудных; орден не будет также выгоден для улучшения нравов, потому что епископы и другие власти делали в этом отношении столько добра, сколько можно ожидать от человеческой природы; незачем требовать большей помощи в деле защиты государства и его крепостей, которые не страдали от отсутствия войск даже в те времена, когда враги Испании занимали часть полуострова. Если даже предположить необходимость такой меры, то следует припомнить, что существуют другие корпорации, как, например, старинные военные ордена св. Иоанна, св. Иакова, Калатрава, Алькантара и Монтеса [799], рыцари которых по сущности и духу своих учреждений обязаны повиноваться своим гроссмейстерам; званием последних обладает король в силу апостолических булл; новое учреждение может когда-нибудь нанести ущерб власти государя, если главный инквизитор сделает плохое употребление из войск, находящихся в его распоряжении; подобные примеры уже были даны гроссмейстерами вышеупомянутых орденов. Это учреждение установило бы в королевстве две страшные партии прежних и новых христиан, и отличие, дарованное первым, родило бы вечную вражду, вызвало бы убийства и гражданские войны и часто угрожало бы монархии близким разрушением. Этому несчастью надо тем

Untitled

более бояться, что часть испанского дворянства либо происходит от рас, которых не хотят допустить в орден, либо смешала свою кровь с этими расами путем заключения с ними брачных союзов; это исключение будет несправедливо и может иметь весьма пагубные последствия для общественного спокойствия и сделать королевство самой несчастной страной в мире. Начиная с некоторого времени люди строили подобные планы в пользу или кафедральных церквей, или монашеских учреждений, но сомнительно, могут ли рассматриваться подобные учреждения как позволенные и полезные, или на них следует смотреть как на нецелесообразные и губительные; что эти планы имели искусных сторонников, искренне привязанных к католической религии, но что это увеличение различий вызвало неприятные разногласия, следовательно, можно уже видеть неудобства этого проекта и ни малейшей от них выгоды, которую они будто обещают. Делая независимыми глав и членов предполагаемого института от коронных властей, можно принести значительный вред монархии, потому что опыт доказал неудобство дозволять пользование этим правом лицам, имеющим отношение к инквизиции, и неоднократно побуждал ставить ее в тесные границы. При увеличении до бесконечности, согласно новому плану, числа привилегированных королевские советы, апелляционные суды и королевские палаты и суды не будут внушать ни страха, ни уважения ни в ком, кроме фамилий с презираемым происхождением. Наконец, могущество инквизиции слишком велико, чтобы было полезным его увеличивать, и здравая политика рекомендует, напротив,

Untitled

ограничить ее юрисдикцию делами, касающимися предметов веры, и противодействовать тому, чтобы она вмешивалась в чисто гражданские вопросы.

VII. Филипп II серьезно подумал о том, что делали гроссмейстеры военных орденов. Ревнивый к сохранению своей власти, он не был нисколько расположен давать армию в распоряжение главных инквизиторов, которые могли бы последовать примеру гроссмейстеров. Он приказал собрать все доклады, относящиеся в этому делу, приостановить начатое разбирательство и уведомить заинтересованных лиц, будто признано, что нет необходимости в создании нового ордена {Кабрера. История Филиппа II. Кн. 10. Гл. 18. Паримо. О происхождении инквизиции. Кя. 2. Отд. II. Гл. 5; рукопись инквизиции.}.

Глава XX Инквизиция торжественно справляет в Вальядолиде в 1559 году два аутодафе против лютеран. На них присутствуют некоторые члены королевской семьи
Статья первая Первое аутодафе

I. Процесс, возбужденный севильской инквизицией против доктора Хуана Хиля, избранного епископом Тортосы, заключение этого прелата в секретной тюрьме святого трибунала в 1550 году, его отречение и епитимья в 1552 году внушили страх множеству лютеран, которые решили уехать из королевства. К ним принадлежали Кассиодоро де Рейна, Хуан Перес де Пинеда, Себриано де Валеро и Хулиано Эрнан-дес. Первые трое опубликовали за пределами Испании катехизисы, переводы Библии и другие труды на кастильском языке {Пельисер. Опыт библиотеки испанских переводчиков. См. статьи Рейны, Переса и

Untitled

Валеры.}. Хуан Перес в 1556 году напечатал свои труды в Венеции, и вскоре они проникли в Испанию стараниями Эрнандеса, впоследствии арестованного по приказу инквизиции. Ряд выписок из дела Эрнандеса, имевших целью выяснить, каковы были религиозные мнения посещавших его лиц, в течение пятнадцати последующих лет позволил возбудить бесчисленное множество процессов почти во всех трибуналах Испании, а особенно в Севилье и Вальядолиде. В 1557 и 1558 годах инквизиция арестовала немало лиц, известных своим происхождением, должностями и ученостью. Найденные в процессуальных документах указания на обширный проект пропаганды учения Лютера убедили Филиппа II и инквизитора Вальдеса в том, что лишь величайшая строгость способна запугать сторонников новых мнений и что инквизиция не в силах этого решить за неимением надлежащих инструкций. Филипп II писал об этом в Рим 4 января 1559 года. Папа прислал Вальдесу бреве, в котором, упомянув вкратце мотивы королевского письма, уполномочивал Вальдеса (с нарушением общих законов инквизиции) выдавать светской власти, согласуя это с верховным советом, еретиков-лютеран, распространяющих учение, в том числе и тех, которые для избежания смертной казни обнаружили бы лишь двусмысленные знаки раскаяния. Если бы истории приходилось упрекать Филиппа II и инквизитора Вальдеса только в этой исходатайствованной ими булле, то и этого было бы достаточно для того, чтобы обречь их имя на бесславие. Фердинанд V и Торквемада не заходили так далеко. То же можно сказать с большим основанием о Карле V и

Untitled

Манрике. Они никогда не думали сжигать еретиков, которые раскаялись бы только внешне, под страхом смерти. Эта булла должна ослабить упреки некоторых писателей в адрес судей, приговоривших нескольких узников Севильи и Вальядолида к сожжению, несмотря на их раскаяние, и среди прочих доктора Касалью. Булла Климента VII от 15 июля 1531 года, казалось бы, делала бесполезной последнюю буллу. Она разрешала главному инквизитору Манрике наводить справки об епископах, архиепископах, герцогах и примирять их с Церковью, если они смиренно просят об этом; возбуждать процессы против мертвых и выдавать светской власти живых, которые пренебрегли ходатайством о примирении. Лишь для епископов было сделано исключение из последнего правила. Эти распоряжения показались, несомненно, слишком мягкими Вальдесу, если предположить, что он нашел их в архиве трибунала.

II. 5 января 1559 года вторая папская булла отменяла все разрешения на чтение запрещенных книг и уполномочивала главного инквизитора преследовать читавших их или державших у себя. Так как папа узнал, что в Испанской монархии обращается множество лютеранских сочинений, служащих быстрому распространению вредного учения, то булла предписывала духовникам заставлять кающихся указывать лиц, имеющих эти книги или содействующих их распространению. Духовники должны были также налагать на них обязательство давать по этому поводу показания святому трибуналу под страхом верховного отлучения от Церкви, изрекаемого Его Святейшеством и великим инквизитором Испании.

Untitled

Духовники, не исполнившие налагаемого на них долга, будут наказаны как виновные, даже в том случае, если кающийся будет епископ, архиепископ, патриарх, кардинал, король или император. Нетрудно догадаться, насколько эта мера должна была увеличить число доносов. Для поощрения доносчиков Филипп II 25 февраля 1557 года возобновил королевский указ, выпущенный Фердинандом V в Торо [800] от 10 апреля 1505 года, по которому доносчик получал четвертую часть имущества осужденных, освобожденную от взноса в государственную казну.

III. Бесчисленное множество доносов и процессов, вызванных папской буллой, высокое положение лиц, на которых последовал донос, наконец, успехи, сделанные новым учением, - все это побудило принять чрезвычайные меры и поставить уполномоченных в двух городах, где лютеранские мнения восторжествовали над инквизицией, потому что ересь устроила там уже храмы, в которых шла проповедь, а сектанты кроме того собирались для молитвы и в частных молитвенных домах. Вследствие этого решения Вальдес передал свои полномочия главного инквизитора дому Педро де Гаске, епископу Паленсии, поместившемуся в Вальядолиде, и дому Хуану Гонсалесу де Мунебреге, епископу Тарасовы, переехавшему в Севилью. Вальдес выполнил в то же время распоряжения новой буллы от 7 января 1559 года. Папа сообщает, что тревожные успехи лютеранской ереси в Испании, где ей покровительствуют много богатых и могущественных людей, принудили главного инквизитора Вальдеса остановить движение этого зла, заключая множество

Untitled

виновных, увеличивая число инквизиторов в разных провинциях королевства и давая им необходимые инструкции для предотвращения бегства подсудимых; что эти меры обязали поставить и держать наготове большое число лошадей в провинциях для преследования беглецов; что издержки, необходимые для этой цели и для прокормления неимущих узников, не могут быть покрыты небольшими доходами инквизиции; что можно опасаться, как бы такое положение не затянулось надолго, и что эти соображения побудили его назначить на нужды святого трибунала доход с одного канониката в каждой митрополичьей, кафедральной и коллегиальной церкви королевства. Другое бреве от того же числа назначает инквизиции на покрытие растущих по указанному поводу долгов одновременно чрезвычайную субсидию в сто тысяч дукатов золотом, которая будет выплачена из всех церковных доходов королевства, даже с тех, которые до сих пор были освобождены от взносов, узаконенных папами.

IV. Изумительно, что после восьмидесяти лет постоянных конфискаций это учреждение осмеливается жаловаться папе на свою нужду для получения новых средств. Но еще более изумляет декретирование меры, установленной многими предшествующими буллами, в частности буллою от 24 ноября 1501 года. Буллы от 7 января 1559 года оказалось недостаточно для добывания денег, так как она встретила сильное сопротивление со стороны многих капитулов, особенно на Майорке. В 1574 году она еще не была исполнена, и тогда Григорий XIII подтвердил ее другою буллою, от 8 июля. Испанскому королю необходимо

Untitled

было принудить строптивых каноников к повиновению.

V. Арест и предание суду такого большого числа испанцев неизбежно должны были кончиться аутодафе, способным возбудить общественное внимание. Действительно, так и случилось во многих трибуналах. Жертвами Вальядолида и Севильи были люди выдающиеся - одни знатностью, другие ученостью и все - безупречным поведением.

Поэтому казни в этих городах имели большую известность, чем в других, и я смею утверждать, что все писанное против испанской инквизиции в Германии и Франции обусловлено тем обращением, какое испытали лютеране в Вальядолиде и Севилье, потому что раньше по этому поводу почти ничего не писали. Впрочем, количество осужденных лютеран было невелико, если сравнить его с огромным, чудовищным, почти невероятным числом лиц еврейского и магометанского происхождения, казненных или подвергнутых другим родам наказания.

VI. Этот мотив заставил меня познакомить читателя в полном объеме с этими аутодафе и их главными жертвами. Сначала я скажу о вальядолидских аутодафе, а затем уже о севильских казнях. У меня в руках донесения, писанные на другой день после экзекуции. К сожалению, я не могу поместить их здесь, так как они способны возбудить любопытство как тем, что сказано в них о расположении эшафотов, амфитеатра и мест, занимаемых зрителями всех рангов, так и описанием пышности и импозантного кортежа, с которым появились на первом вальядолидском аутодафе принц дон Карлос и принцесса Хуанна, а на втором сам король Филипп II. Размеры этой Истории не позволяют мне входить в подробности, и я ограничусь

Untitled

рассказом о существенном. Но если публика одобрит мой труд и коллекция мемуаров и любопытных бумаг святого трибунала, которыми я владею, покажется достойной обнародования, я без колебания приму в этом участие, счастливый принести пользу историкам, которые найдут в этом собрании драгоценные документы о гражданской и политической жизни Европы, в частности - Испании, Франции, Германии, Англии, Нидерландов, Италии и Португалии.

VII. Первое торжественное аутодафе в Вальядолиде было справлено 21 мая 1559 года, в Троицын день, посреди большой площади, перед глазами принца и принцессы, в присутствии гражданских властей, значительного числа грандов Испании, маркизов, графов, виконтов, баронов, дворян, дам всех классов и несметного стечения народа, присутствовавшего на этом зрелище стоя. Эшафоты, амфитеатр, ложи, трибуны, ступени и алтари были расположены так, как описано во многих трудах и представлено на эстампах. На аутодафе было четырнадцать человек, приговоренных к сожжению, кости и статуя одной женщины и шестнадцать человек, допущенных к примирению с Церковью с понесением епитимий. Мне показались интересным и судьбы некоторых осужденных этих трех разрядов.

VIII. Донья Элеонора де Виборо (жена Педро Касальи, главного счетовода королевских финансов), дочь Хуана де Виборо, имевшего такую же должность, и доньи Констансии Ортис (процессы которых описаны в этом труде), была владелицей надгробной часовни в церкви королевского монастыря Св. Бенедикта в Вальядолиде.

Untitled

Она была погребена там как католичка, и не возникало никакого подозрения насчет ее правоверия. Однако она была обвинена фискалом инквизиции в лютеранстве и признана умершей в ереси, так как скрыла, по его словам, свои истинные верования под прикрытием католичества, принимая в предсмертной болезни таинства исповеди, причастия и соборования. Фискал подтвердил свое обвинение показаниями свидетелей, подвергнутых пытке или угрозам пыток: из их показаний вытекало, что дом Элеоноры Виберо служил храмом для лютеран Вальядолида. Ее объявили умершею в ереси: ее память была осуждена на бесчестие, включая ее потомство; ее имущество было конфисковано. Было приказано вырыть ее труп, поставить на костер в гробу, с ее статуей, прикрытой санбенито, и с картонной митрой на голове, и все предать пламени; дом снести с лица земли с запрещением его восстанавливать, а на площади воздвигнуть памятник с надписью, повествующей о данном событии. Все распоряжения были выполнены. Я видел площадь, колонну и надпись. Уверяют, что этот памятник человеческой свирепости против мертвых был разрушен в 1809 году.

IX. Другими жертвами, погибшими на этом аутодафе, были:

1. Доктор Агостино Касалья, священник и каноник Саламанки, раздаватель милостыни и проповедник короля и императора. Он был сыном Педро Касальи, главного счетовода королевских финансов, и Элеоноры де Виберо; по отцу и матери он происходил от еврейских предков. Его обвинили в исповедании лютеранской ереси, в громком

Untitled

рассуждении на лютеранском соборике в Вальядолиде и в переписке с севильской лютеранской общиной. Касалья отрицал все факты, приписанные ему, в нескольких показаниях, подтвержденных присягой, и в других, представленных им во время обнародования улик. Назначили пытку. Каноник из Саламанки был приведен 4 марта в застенки; но пытка не состоялась, потому что обвиняемый обещал сделать признание. Он дал его письменно и подтвердил еще раз 16 марта, признаваясь, что был лютеранин, но не учащий, как ему приписывали, потому что он никого не наставлял в своем учении. Он изложил мотивы, мешавшие ему до сих пор сделать признание, и обещал в будущем быть хорошим католиком, если ему разрешат примирение. Но инквизиторы не сочли нужным помиловать его, потому что свидетели утверждали, что он был учителем. Обвиняемый обнаружил все признаки возвращения к католической вере. Когда он увидал, что смерть неизбежна, то стал проповедовать своим товарищам по несчастью. За два дня до смерти он сообщил некоторые подробности своей жизни. Он родился в 1510 году. В семнадцатилетнем возрасте он имел духовником брата Бартоломее Каррансу де Миранду в коллегии Св. Григория в Вальядолиде. Продолжал свое образование в Алькала-де-Энаресе, где прожил до 1536 года. В 1545 году Карл V назначил его своим проповедником; на следующий год он сопровождал государя в Германию и оставался там до 1552 года, постоянно проповедуя против лютеран. В тот же год он вернулся в Испанию и удалился в Саламанку, где прожил три года, иногда бывая в Вальядолиде. Однажды, по

Untitled

приказу императора, он присутствовал на собрании, проходившем под председательством дона Антонио Фонсеки, президента королевского совета Кастилии. Там были лицензиат Оталора, доктора Рибера и Веласко, члены совета и апелляционного суда, брат Альфонсе де Кастро и брат Бартоломео Карранса. Рассуждали о решении, которое следовало принять относительно некоторых бреве, выпущенных римской курией против одобрявших декреты отцов Тридентского собора и продолжавших собираться в этом городе, вопреки приказу папы, перенесшего собор в Болонью [801]. Касалья заявил, что все члены хунты признали, что папа действовал в этом случае в личных интересах, но что брат Бартоломео Карранса, как можно было заметить, с особенной силой восставал против злоупотреблений, которые позволяет себе римская курия. 20 мая, накануне смерти, Касалью посетил посланный инквизиторами брат Антонио де ла Каррера, иеронимит. Он объявил от их имени, что они не удовлетворены его показаниями, потому что в процессе вопросов было больше, и что он поступил бы хорошо в интересах своей совести, если бы открыл все, что знает о себе и других. Касалья ответил, что он не может больше ничего сказать не лжесвидетельствуя, потому что рассказал обо всем. Ему возразили, что до сих пор он упорно отрицает свое учительство, хотя оно было доказано показаниями свидетелей. Он ответил, что его напрасно упрекают в этом преступлении, что поистине он виновен лишь в том, что не разубедил принявших эти вредные верования и говорил о своих убеждениях только с теми, кто мыслил так же. Тогда брат Антонио предложил ему

Untitled

приготовиться к завтрашней смерти. Это известие страшно поразило Касалью, который ожидал, что будет допущен к примирению и епитимье. Он спросил, может ли он надеяться на смягчение наказания. Каррера сказал ему, что лишь в случае признания в скрываемых до сих пор грехах, может быть, взглянут с состраданием на его положение; но без этого условия ему надеяться не на что. "Хорошо, - сказал Касалья, - итак, нужно подготовиться умереть в милости Божией, потому что мне нельзя прибавить что-либо к сказанному, кроме лжи". Тогда он принялся ободрять себя перед смертью. Он исповедался несколько раз ночью и утром на другой день брату Антонио де ла Каррере. Придя на место аутодафе, он просил позволения сказать поучение шедшим вместе с ним на казнь. В этот момент он не получил позволения, но вскоре он сказал им несколько слов. Его положение кающегося послужило причиной того, что его задушили прежде, чем предать тело пламени. Когда он был привязан к роковому ошейнику, он исповедался в последний раз, и его духовник был сильно тронут всем виденным и слышанным в течение суток. Впоследствии он писал, что не сомневается в том, что доктор Касалья на небе. Чему же тогда служил декрет верховного совета от 18 июля 1541 года, приказывавший не казнить осужденного, если он обнаруживал искреннее раскаяние, даже когда приговор ему объявлен, а, напротив, допускать его к примирению? Несомненно, скажут, что инквизиторы не были уверены в искренности этого раскаяния, потому что Касалья не сознался в том, что наговаривали на него свидетели. Итак, всякая надежда на милосердие отнимается у осужденных, против которых

Untitled

свидетели дают ложные показания из-за невежества, по злобе или от недостатка рассуждения! Какого правосудия можно ожидать от трибунала, который руководится такими принципами?

2. Франсиско де Виберо Касалья, брат Агостино Касальи, священник, настоятель прихода Ормигос, в епархии Паленсии, сначала отрицал все навязанные ему обвинения, но признался во всем под пыткой, подтвердил свои признания и просил быть допущенным к примирению. В этой милостыни ему было отказано, и его осудили к передаче в руки светской власти, хотя он не был ни рецидивистом, ни учащим. Предпочли думать, что его побудил к раскаянию только страх смерти. Действительно, будучи на эшафоте, он, увидев своего брата раскаявшимся и вновь ревностно исповедующим католическое учение, засмеялся в ответ на его увещевания, жестом выразил ему свое презрение, обвиняя в трусости, и испустил дух среди пламени, совершенно спокойно, без малейшего признака страдания или раскаяния. Перед вступлением на эшафот он, подобно брату, был лишен священного сана [802]. Не было недостатка в епископах для этой церемонии: среди присутствующих находились архиепископы Севильи и Сант-Яго и епископы Паленсии и Сиудад-Родриго. Ее совершил епископ Паленсии, юрисдикция которого простиралась на Вальядолид, в котором еще не было архиерейской кафедры.

3. Донья Беатриса де Виберо Касалья, сестра двух вышеупомянутых жертв, сначала следовала системе отрицания, во всем призналась под пыткой и просила допустить ее к примирению. Она получила только два

Untitled

голоса против десяти. Обратились в верховный совет, который решил, что она подлежит смертной казни. Она исповедалась, была задушена и затем предана пламени.

4. Альфонса Перес, священник из Паленсии, доктор богословия, отрицал приписанные ему обвинения; мучения пытки вырвали у него признание в том, в чем его обвиняли. Он выказал раскаяние, но, лишенный сана и задушенный, был сожжен, как и другие.

5. Дон Кристобал де Окампо, из Севильи, рыцарь ордена св. Иоанна, раздаватель милостыни при великом приоре Кастилии и Леона, доне Антонио Толедском, присужден за лютеранство к той же каре, что и предшествующие.

6. Дон Кристобал де Падилья, рыцарь и житель Саморы, принял ту же участь.

7. Лицензиат Антонио Эресуэло, адвокат из города Торо, осужденный как лютеранин, сгорел на огне, ничем не показав своего раскаяния. Когда его вели на казнь, доктор Касалья обратился к нему лично со словами увещевания и повторил их уже у ступени эшафота, но это напрасно: Антонио засмеялся в ответ на его слова, хотя уже был привязан к столбу посреди дымившихся дров. Один из лучников, окружавших костер, придя в бешенство от такого мужества, вонзил копье в тело Эресуэло, кровь из которого еще текла, когда его достигло пламя. Он умер, не произнеся ни слова.

8. Хуан Гарсия, ювелир из Вальядолида, был осужден как лютеранин. Он исповедался и понес обычную казнь. Говорили, что его жена донесла о лютеранском сборище в Вальядолиде и была вознаграждена за это пожизненной рентой из государственной казны.

Untitled

9. Лицензиат Перес де Эррера, судья контрабандистов в городе Логроньо, брат дона Висенте, королевского квартирмейстера, понес ту же кару, что и Гарсия, верования которого он разделял.

10. Такова же была участь Гонсале Баеса, португальца, о котором я говорил в предыдущей главе и который погиб как иудействующий еретик.

11. Донья Каталина де Ортего, вдова командора Лоайсы, дочь Эрнандо Диаса, прокурора королевского совета Кастильи, жительница Вальядолида, была судима как лютеранка и исповедалась. Она разделила участь других осужденных. Той же участи подверглись:

12. Каталина Роман из Педросы.

13. Изабелла де Эстрада из того же города и

14. Хуанна Бласкес, прислуга маркизы Альканисес. Ни одна из этих четырнадцати жертв не учила, ни одна не впала в ересь вторично. Однако инквизиторы раскаяние их считали вынужденным из-за боязни смерти. Почему? Потому что они сознались в своем мнимом преступлении только под пыткой.

X. Среди лиц, примиренных с Церковью на вальядолидском аутодафе, были:

1. Дон Педро Сармиенто де Рохас, житель Паленсии, рыцарь ордена Сант-Яго, командор Кинтаны, сын дона Хуана де Рохаса, первого маркиза Позы, и Марии Гомес де Сармиенто, его жены. Донья Мария была дочерью дона Диего Гомеса де Сармиенто, графа Салинас-и-Рибадео, и доньи Марии Ульоа, его жены, из дома маркизов де ла Мота де Торо. Он был наказан как лютеранин, лишен своих титулов и званий, облечен в пожизненное санбенито,

Untitled

заклучен навсегда, лишен имушества и обречен на бесчестие.

2. Дон Луис де Рохас, его племянник, старший сын донна Санчо де Рохаса Сармиенто (отцом которого был маркиз Поза, о котором я только что упоминал) и доньи Франсиски Энрикес д'Альманса, дочери донна Франсиско Энрикеса д'Альманса, маркиза Альканисеса, и доньи Изабеллы Ульоа де ла Мота де Торо. Ему вменили то же преступление, что и его дяде. Он был изгнан из Мадрида, Вальядолида и Паленсии; ему было запрещено выезжать из Испании; его имущество было конфисковано. Он был объявлен лишенным наследования маркизата Позы, который перешел к его младшему брату дону Санчо де Рохасу Энрикесу.

3. Донья Менсия де Фигероа, жена донна Педро Сармиенто де Рохаса, придворная дама испанской королевы. Ее присудили как лютеранку к ношению санбенито, к пожизненному заключению и к потере имущества.

4. Донья Анна Энрикес де Рохас, дочь покойного донна Альфонсо Энрикеса д'Альманса, маркиза Альканисеса, и доньи Эльвиры де Рохас, его вдовы, внучки (по матери) первых маркизов Поза. Она была женой донна Хуана Альфонсо де Фонсеки Мехиа из города Торо, сына донна Родриго Мехиа, владельца Сант-Эуфемии, и доньи Марины де Рохас, которая также была дочерью маркиза Позы. Ее преступление состояло в принятии лютеранства. Она появилась на аутодафе в санбенито и затем была заключена в монастырь. Ей было тогда двадцать четыре года; она в совершенстве знала латинский язык и читала труды Кальвина и Константина Понсе де ла Фуэнте.

Untitled

5. Донья Мария де Рохас, монахиня из монастыря Св. Екатерины в Вальядолиде, сорока лет от роду, сестра доньи Эльвиры де Рохас, маркизы Альканисес, дочери первого маркиза Позы. Она была осуждена как лютеранка, приведена на аутодафе в санбенито и заключена на всю жизнь в своем монастыре. Инквизиция приказала, чтобы с ней обращались как с последней из братства в церкви и в трапезной. Ее лишили также права голоса.

6. Дон Хуан де Ульоа Перейра, рыцарь и командор ордена св. Иоанна Иерусалимского, житель города Торо, сын и брат владетелей де ла Мота, которые немного позже стали маркизами. Он был осужден как лютеранин; был обязан носить санбенито; его заключили пожизненно в тюрьму; его имущество было конфисковано. Он был объявлен бесчестным, не имеющим права на почести, лишенным одежды и креста своего ордена и изгнан из Мадрида, Вальядолида и Торо, без разрешения покинуть королевство. В 1565 году Ульоа обратился к папе; описал положение, в которое поставили его инквизиторы, и напомнил о службе, которую он оказал религии, сражаясь против турок на галерах своего ордена, овладев однажды пятью кораблями пирата Карамзин Араеса, а также в экспедициях против Алжира, Бухни и Африки, после которых император Карл V назначил его первым капитаном, а затем и генералом сухопутной армии, с которой он участвовал в войнах в Германии, Венгрии, Трансильвании [803] и других странах. Он прибавлял, что год тому назад главный инквизитор избавил его от продолжения епитимьи за все, что ставилось ему в вину, но желал вернуть себе звание рыцаря, потому что был еще

Untitled

в состоянии служить. 8 июня 1565 года папа выпустил в пользу Ульоа бреве, в котором он восстанавливал Ульоа во всех правах рыцаря и монаха-професса ордена св. Иоанна, с формальной оговоркой, что случившееся с ним не воспрепятствует ему достигнуть высших санов в своем ордене и военных должностей, если только главный инквизитор Испании и гроссмейстер Мальты одобряют его декрет. Все пожелания Ульоа были выполнены, и он был восстановлен в своей должности командора.

7. Хуан де Виберо Касалья, брат Агостино Касальи, родившийся в Вальядолиде, был наказан как лютеранин. Его приговорили к потере имущества и свободы и к пожизненному ношению санбенито.

8. Донья Хуанна Сильва де Рибера, жена дона Хуана де Виберо Касальи, уроженка Вальядолида, внебрачная дочь дона Хуана де Риберы, маркиза де Монтемайор, и его рабыни, Марии Флюрин. Она разделила участь своего мужа.

9. Донья Констансия де Виберо Касалья, сестра Агостино Касальи, вдова контролера Эрнандо Ортиса, была присуждена к ношению санбенито, к пожизненному заключению и к потере имущества. Агостино, увидя проходящую мимо сестру, повернулся к принцессе-правительнице и сказал ей: "Принцесса, я умоляю Ваше Высочество пожалеть эту несчастную, которая оставит сиротами тринадцать детей".

10. Элеонора де Сиснерос, из Вальядолида, двадцати четырех лет от роду, жена Антонио Эресуэло, осужденного как нераскаившийся. Она понесла епитимью после двух предшествующих. Муж ее, сойдя с помоста аутодафе,

Untitled

заметил ее в санбенито примиренных, на котором не было ни языков огня, ни фигур чертей, в отличие от его санбенито. В исступлении, вызванном тем, что она оказалась нетвердой в своих верованиях, он ударил ее ногой и сказал: "Так-то ты поступила с учением, которое я тебе преподавал в течение шести лет?" Элеонора молча выслушала мужа, ничего не отвечала и выказала много смирения и терпения.

11. Донья Франсиска Суньига де Баеса. Эта вальядолидская богомолка была дочерью Альфонсо де Баеса и доньи Марии Суньига. Она была наказана санбенито, заключена пожизненно и лишена имущества. Агустин Касалья, отвечая на обвинения одного свидетеля, заявил, что положение, в котором его упрекают и которое состоит в том, что истинное евхаристическое причащение бывает только под обоими видами, было высказано доньей Франсиской Суньига, ученицей дома Бартоломее Каррансы и брата Доминго Рохаса, добавив, что монахи наносят удары и прячут ударившую руку. В другом показании от 12 октября он повторил сказанное и прибавил, что донья Франсиска - его противница с 1543 года, когда она потеряла надежду выйти замуж за Гонсале Переса де Вибера Касалью, его брата, который не пожелал на ней жениться, потому что Альфонсо Баеса, ее отец, был арестован как иудействующий по приказу вальядолидской инквизиции. Этот довод Касальи неубедителен, потому что и сам он, и Франсиска происходили от евреев, осужденных инквизицией, как мы об этом уже говорили.

12. Марина де Сааведра, уроженка Саморы, вдова Хуана Сиснероса де Сото, выдающегося дворянина. Она была

Untitled

наказана как лютеранка: ее облекли в санбенито, лишили имущества и подвергли пожизненному заключению.

13. Изабелла Мингес, прислуга Доньи Беатрисы Виберо Касалья, сожженной на этом аутодафе. Она разделила участь Марины де Сааведра.

14. Антонио Мингес, брат Изабеллы, житель Педросы, был наказан по этой же причине и таким же образом.

15. Антонио Уазор, англичанин, слуга дона Луиса де Рохаса, сожженного в тот же день [804], был приговорен к ношению санбенито, потере имущества и заключению на год в монастырь.

16. Даниэль де па Куадра, из города Педросы, потерял свободу и имущество и получил пожизненное санбенито как лютеранин.

XI. Проповедь о вере была произнесена знаменитым Мельхиором Кано, епископом Канарских островов, после того как все стали свидетелями скандального и возмутительного поступка, происшедшего посреди собрания. Когда прибыл двор, когда министры, судьи, гранды, знать, народ и обвиняемые заняли свои места, дом Франсиско Бака, вальядолидский инквизитор, приблизился к эстраде, где сидели дон Карлос, принц Астурийский, и его тетка, принцесса Хуанна, и потребовал, а затем и получил от них присягу в том, что они будут поддерживать и защищать инквизицию и открывать ей все, что кем бы то ни было будет сказано против веры, если вдруг они узнают об этом. На такую дерзость этот инквизитор решился, имея распоряжение, одобренное католическими государями Фердинандом и Изабеллой при учреждении инквизиции. Один из пунктов этого

Untitled

распоряжения гласил, что должностное лицо, председательствующее на торжественном аутодафе, должно произнести подобную присягу, даже если оно уже исполняло эту формальность в день учреждения инквизиции в этом городе. Но что общего между должностными лицами и государями? Дон Карлос и его тетка произнесли требуемую присягу; принцу же было в то время всего четырнадцать лет [805]. Впоследствии выяснилось, насколько не понравилась ему дерзость инквизитора. Он поклялся в неумолимой ненависти к инквизиции. Далее я вернусь к этому предмету, говоря о процессе принца.

Статья вторая Второе аутодафе

I. Второе вальядолидское аутодафе произошло 8 октября того же 1559 года. Оно было еще торжественнее первого благодаря присутствию Филиппа II. Инквизиторы подождали его возвращения из Нидерландов, чтобы почтить этим великим торжеством, на котором появились тринадцать человек, приданных пламени, труп и статуя, также сожженные, и шестнадцать осужденных, допущенных к примирению с Церковью и епитимьи. Некоторые из этих процессов закончились еще в мае; следовательно, нельзя сомневаться в том, что казнь несчастных была отсрочена в надежде доставить удовольствие этому столь религиозному монарху, хотя рассказ об этой сцене внушает ужас. Король явился в сопровождении сына, сестры, принца Пармского, трех посланников Франции, архиепископа Севильского, епископа Паленсии и Саморы и других избранных епископов. На торжестве присутствовали коннетабль и

Untitled

адмирал, герцоги Нахера и Аркос; маркиз Дения, ставший затем герцогом Лерма; маркиз Асторга, граф Урегва, ставший потом герцогом Оссуна; граф Бенавенте, ставший потом также герцогом; граф Буэндия; последний гроссмейстер военного ордена Монтесы дон Педро Луис де Борха, брат св. Франсиска, герцога Гандиа; [806] великий приор Кастилии и Леона от ордена св. Иоанна Иерусалимского, дом Антонио Толедский, сын и брат герцогов Альба; несколько других грандов Испании, не названных в протоколе этой казни, и много лиц среднего достоинства; графиня Рибдабиа и другие высокие по положению дамы, а также члены советов и суда и коронные власти.

II. Проповедь о вере была произнесена епископом Куэнсы. Епископы Паленсии и Саморы лишили сана священников из числа осужденных; а главный инквизитор, архиепископ Севильи, потребовал от короля дать ту же присягу, какую на предшествующей церемонии дали дон Карлос и принцесса-правительница. Филипп исполнил эту формальность и подписал свое обещание, прочитанное служащим инквизиции посреди собрания. Осуждены были: 1. Дон Карлос де Сесо, дворянин из Вероны, сын епископа Пьяченцы [807] в Италии, из знатной местной фамилии. Ему было сорок три года. Человек способный и ученый, он сослужил большую службу императору, исполняя должность коррехидора в Торо. Он был женат на донье Изабелле Кастильской, дочери дона Франсиско Кастильского, рыцаря ордена Алькантары, и доньи Каталины Ладрон де Гебара-и-Авалос, племяннице епископа калаорского дома Альфонсо Кастильского и

Untitled

кузине толедского декана дома Диего Кастильского (все они происходили от короля Педро Жестокоего [808] через епископа Паленсии, дома Педро Кастильского, внука этого монарха). Заключив брак, он поселился в Вильямедиане, близ Логроньо. Он открыто проповедовал ересь и был главным виновником успехов лютеранства в Вальядолиде, Паленсии, Саморе и в других небольших городах этих округов. Арестованный в Логроньо и доставленный в секретную тюрьму Вальядолида, он отвечал на обвинения прокурора 28 июня 1558 года. Приговор был объявлен 7 октября 1559 года, и ему посоветовали приготовиться к смерти на следующий день. В подобных обстоятельствах имеют обыкновение принуждать осужденных объявить правду относительно себя и других лиц, не позволяя ни лжи, ни сокрытия. Это обыкновение увеличивает до бесконечности процессы, потому что большинство обвиняемых теряет мужество в тот момент, когда узнает о своем осуждении. Совесть и стремление избежать смерти заставляли их делать самые мелочные показания о всей своей жизни и даже о весьма маловероятных обстоятельствах. Дон Карлос де Сесо, потребовав бумаги и чернил, написал свое исповедание, но полностью на лютеранский манер. Он писал, что это учение есть истинная евангельская вера, в отличие от учения римской Церкви, испорченного в течение нескольких веков; что он хочет умереть в этом веровании и что он приносит в жертву Богу унижение, до которого он доведен, как память и знак горячей веры в страсти Христовы. Трудно изобразить страсть и энергию, с которыми он исписал два листа бумаги фактически в присутствии смерти. Сесо увещевали

Untitled

всю ночь 7-го и утром 8 октября, но безуспешно. При отправлении на казнь ему вставили кляп, чтобы помешать проповедовать свое учение. Когда он был привязан к столбу, кляп вынули и принялись увещевать его исповедаться. Он сказал громким и твердым голосом: "Если бы у меня было время, я доказал бы вам, что вы губите себя, не подражая моему примеру. Спешите зажечь эти дрова, которые меня истребят!" Палачи послушались его; Сесо погиб нераскаянным.

2. Педро де Касалья, уроженец Вальядолида, священник в приходе Педросы, в епархии Саморы. Он был братом доктора Агостино Касальти; ему было тридцать четыре года от роду. Арестованный 23 апреля 1558 года, он признался, что принял лютеранские тезисы, и изложил поводы и основания своего верования. Он просил быть допущенным к примирению. Его приговор был вынесен 10 февраля 1559 года. Епископ Паленсии и лицензиат Сантьян, член апелляционного суда и юрисконсульт святого трибунала, подали голос за примирение; остальные судьи высказались за смертную казнь. Верховный совет, ознакомившись с делом, высказался за измождение плоти, потому что Касалья был обвинен в проповедании ереси, что вытекало из двадцати трех показаний и из его собственного признания. 7 октября ему объявили приговор, советуя приготовиться к смерти; но он отказался исповедаться. Он отправился на аутодафе с кляпом во рту и, привязанный к столбу, потребовал духовника; затем он был задушен перед сожжением.

3. Доминго Санчес, священник из Вильямедианы, близ Логроньо, принял лютерову ересь, послушав Сесо и

Untitled

прочитав его книги. Осужденный на сожжение живьем, он последовал примеру Педро Касальи и умер подобно ему.

4. Брат Доминго де Рохас, доминиканский священник. Он был учеником дома Бартоломео Каррансы. Отец его был маркиз Поза, имевший двух других сыновей, понесших епитимью на первом аутодафе. Брату Доминго было сорок лет. Его арестовали в Калаоре переодетым в светское платье, чтобы избежать розысков агентов инквизиции и получить возможность отправиться во Фландрию после свидания с доном Карлосом де Сесо. Первое показание перед святым трибуналом в Вальядолиде он дал 13 мая 1558 года. Его заставили дать несколько показаний, потому что он отрицал в одном то, что утверждал в другом, лавируя для защиты составленных им катехизиса и проповедей.

За отказ от своих слов он был присужден к пытке. Брат Доминго просил, чтобы его избавили от ужасов пытки, потому что он боится ее больше смерти, но ему отвечали, что это снисхождение будет оказано, если он пообещает объявить то, что до сих пор скрывал. Он согласился и прибавил к первым показаниям несколько новых; затем он просил быть допущенным к примирению. 7 октября ему посоветовали приготовиться к смерти на следующий день. Он сделал тогда очень важные разоблачения в пользу некоторых лиц, против которых он говорил в предыдущих допросах; но он отказался исповедаться. Сойдя с эшафота аутодафе, чтобы быть приведенным к костру, он обернулся к королю и крикнул ему, что идет умирать в защиту истинной евангельской веры, то есть веры Лютера. Филипп II приказал всунуть ему в рот кляп, который уже был у него

Untitled

во рту, когда он был привязан к столбу. Но когда костер готов был загореться, мужество его покинуло: он потребовал духовника, получил отпущение грехов и был затем задушен. Брат Доминго и два священника, его товарищи по несчастью, были лишены сана посреди аутодафе; по окончании этой церемонии [809] на них надели санбенито и картонную митру; до этого времени они были в сутане, без шапки и мантии [810].

5. Хуан Санчес, житель Вальядолида, родился в Астудильо-де-Кампосе, сын Альфонсо Гомеса и Эльвиры Санчес, слуга священника Педро де Касальи и доньи Каталины Ортега. Ему было тридцать три года. Боязнь быть арестованным инквизицией побудила его скрыться из Вальядолида, чтобы переправиться морем в Нидерланды под вымышленным именем Хуана де Вибар. Инквизиторы проведали об этом через попавшие в их руки письма самого Хуана, писанные в Кастоурдиалес 7, 8 и 30 мая 1558 года и адресованные донье Каталине Ортега, бывшей в то время в тюрьме. Они сообщили об этом королю, бывшему в Брюсселе, и тот поручил дону Франсиско де Кастилье, придворному алькальду [811], схватить Хуана Санчеса. Он был взят в Турлингене. Перевезенный в Вальядолид, он был приговорен к измождению плоти как лютеранин, учащий и нераскаянный. Его повели на казнь с кляпом во рту, который был удержан до момента, пока он был привязан к столбу. Он не просил духовника, и костер был зажжен. Когда веревки, которыми его связали, сгорели, он бросился на вышку эшафота, откуда увидал, что многие из осужденных исповедовались, дабы не быть сожженными. Священники снова принялись увещевать его

Untitled

исповедаться; но Санчес, видя, что Сесо остался тверд в своем решении, хотя пламя уже окружило его, стал посреди пламени и крикнул, чтобы прибавили дров, потому что он хочет умереть подобно дону Карлосу де Сесо. Его услышали, и возмущенные лучники и палачи наперебой исполнили его последнюю волю.

6. Донья Эуфросина Риос, монахиня ордена св. Клары [812] в Вальядолиде, была обличена в лютеранстве двадцатью двумя свидетелями. Она не раскаивалась до тех пор, пока не была привязана к столбу. Тогда она попросила духовника и была брошена в огонь после задушения, согласно обычаю.

7. Донья Марина де Гевара, монахиня Рождественского монастыря в Вальядолиде, ордена цистерцианок [813]. Она была дочерью дона Хуана де Гевары, жителя Тресеньо в горах Сантандера, и доньи Анны де Товар и внучкой другого Хуана де Гевары и доньи Эльвиры де Рохас, его жены; родственницей графа Оньяте и маркиза Позы; внучкой, по матери, дона Санчо де Товара; сестрою дона Хосе, рыцаря Тресеньо [814], дона Габриэля де Гевары, наместника и генерального викария епископа Куэнсы, и дона Диего де Аро, поселившегося, по словам обвиняемой, в Вест-Индии. Марина признала факты; хотя она и просила о допущении к примирению, но уже не могла избежать осуждения. Тем более изумляет, что главный инквизитор, архиепископ Севильи, употребил большие усилия, чтобы спасти ее жизнь. Это обстоятельство делает ее процесс интересным и может внушить желание познакомиться с его деталями. Я предполагаю к нему вернуться, покончив с этим аутодафе.

Untitled

8. Донья Каталина де Рейносо, монахиня того же монастыря, что и Марина де Гевара. Ей было двадцать один год. Она была дочерью дона Херонимо де Рейносо, владельца Аутильо-де-Кампоса, и доньи Хуанны де Баеса, его жены; сестрою дома Франсиско де Рейносо, епископа Кордовы, и доньи Инесы де Рейносо, которая жила в Малаге [815] и была замужем за Гонсале Пересом де Виборо, братом доктора Касальи. Мать Каталины происходила от еврейских предков. Было доказано, что Каталина была лютеранкой и что, когда, сестры монастыря пели в церкви, она говорила: "Кричите, чтобы услышал Ваал; разбейте себе головы, и он вас исцелит" [816]. Каталина де Рейносо была приговорена к сожжению, исповедалась, была задушена и брошена в огонь.

9. Донья Маргарита де Эстефан, монахиня ордена св. Клары, была обличена в исповедании того же учения, что и две предшествующие, и подверглась той же каре.

10. Педро де Сотело родился и жил в Альдеа-дель-Пало, в епархии Саморы; ему было тридцать пять лет. Его обвинили в лютеранстве. Его исповедь не показалась искренней, и его сожгли после задушения.

11. Франсиско д'Альмарса, из местечка Альмарса, в округе Сория, в епархии Осмы. Его участь была подобна участи Педро де Сотело.

12. Донья Мария де Миранда, другая монахиня из монастыря св. Клары в Вальядолиде, поделила часть своих товаров.

13. Франсиско Бланка, новохристианин, отрекся от магометанства. Впоследствии он перестал быть правоверным и впал во многие заблуждения. Так, он

Untitled

особенно утверждал, будто не верно, что Иисус Христос уже приходил на землю и что, когда он придет, то будет женат, будет иметь детей и жить у себя в семье, как и другие люди. Его сочли лжераскаявшимся, и он был сожжен после смерти.

14. Хуанна Санчес, из ряда женщин, которых в Испании зовут святошами (beatas), жила в Вальядолиде и была осуждена как лютеранка. Узнав о приговоре, она перерезала себе горло ножницами и несколько дней спустя умерла нераскаянной в тюрьме. Хотя ее принуждали исповедаться, она упорно отказывалась. Ее труп был принесен в гробу на место аутодафе вместе с ее статуей, и все было сожжено вместе с другими жертвами.

II. Лиц, присужденных к епитимьям, было шестнадцать. Я назову лишь тех, которые заслуживают особого упоминания или благодаря их рангу, или самому характеру процессов.

1. Донья Изабелла де Кастилья, жена дона Карлоса де Сесо, добровольно созналась, что она приняла некоторые мнения своего мужа. Ее приговорили к санбенито, пожизненному заключению в тюрьме и конфискации имущества.

2. Донья Каталина де Кастилья, племянница Изабеллы, дочь ее брата дона Диего де Кастильи и доньи Марии де Авалос, его жены. Она подверглась той же каре, что и ее тетка.

3. Донья Франсиска де Суньига Рейносо, монахиня Рождественского монастыря в Вальядолиде, была сестрой доньи Каталины де Рейносо, сожженной на том же аутодафе. Она была лишена права голосовать при

Untitled

выборах в своей общине, с формальным запрещением когда-либо выходить из монастыря.

4 и 5. Донья Филиппина де Эредиа и донья Каталина д'Алькарас были товарками предшествующей; их участь была той же. Каталина происходила по матери от евреев; но отец ее был из благородной и видной фамилии.

6. Антонио Санчес, житель Саламанки, был наказан как лжесвидетель в деле веры. Ему доказали, что он показал вопреки истине, будто один ребенок был обрезан своим отцом, и что он сделал это показание только затем, чтобы осудили на сожжение отца-еврея. Его присудили к двумстам ударам кнута: сто в Вальядолиде и сто в Саламанке. Он был лишен половины своего имущества и послан на галеры на пять лет. Это наказание было очень важным; однако, если бы он подвергся каре возмездия (по закону, установленному католическими королями, основателями инквизиции), то не было бы столько последователей его преступления. Сочувствие инквизиторов к этому роду преступников - неоспоримый факт, тогда как в процессах по поводу ереси они не колеблются произвольно приговаривать обвиняемых к смертной казни, когда могут укорить их лишь в запирательстве или даже притворном раскаянии. Разбирая некоторые из этих приговоров, я испытываю невыразимую скорбь. Следующий пример покажет, прав ли я.

7. Педро д'Агилар, уроженец Тордесильяса, житель Саморы, по профессии стригаль. Он выдал себя за альгвасила святого трибунала и появился в Вальядолиде с жезлом инквизиции в день первого аутодафе. Затем, явившись в один город в округе Кампос, он сказал, что ему

Untitled

поручено открыть могилу одного прелата, кости которого будто бы следовало доставить в инквизицию, выставить их вместе с его статуей на аутодафе и затем сжечь как принадлежащие человеку, умершему в Моисеевой вере. Педро был приговорен к четыремстам ударам кнута: двести в Вальядолиде и двести в Саморе; конфисковали имущество и присудили пожизненно к галерам. Это дело очевидно доказывает, что инквизиторы были убеждены, что называться альгвасилом святого трибунала по простому мотиву суетности или неблагоразумия есть преступление вдвое большее, чем лжесвидетельство, приводящее к сожжению человека, конфискации его имущества и обречению на бесчестие всего его потомства. Какова система законодательства!

III. Такова история двух аутодафе, справленных в Вальядолиде, о которых столько говорили, хотя могли иметь подчас только смутное понятие. Я добавлю одно интересное обстоятельство: подробности судопроизводства доказывают, что инквизиция в это время привлекала к суду как заподозренных в полном или частичном принятии протестантских мнений сорок пять человек, большинство которых заслуживает упоминания вследствие их ранга или личных качеств. В их числе архиепископ города Толедо домин Бартоломео Каррасса и его соперник (если не гонитель) Мельчиор Кано, епископ Канарских островов; отец Табларес, иезуит; св. Франсиско де Борха и его дочь донья Хуанна, жена дона Хуана Энрикес д'Альманса, маркиза Альканисес; донья Эльвира де Рохас, мать маркиза; дон Хуан де Рохас, маркиз Поза, и дон Антонио Манрике де Лара, герцог Нахера, оба

Untitled

умершие; графиня де Монтеррей; дон Фадрике Энрикес де Рибера, брат маркиза де Тарифы; дон Марио, дон Альваро и дон Бернардино де Мендоса, двоюродные братья принцессы Эволи [817]; Хуан Фернандес, приор; лицензиат Торрес, певчий, и лицензиат Мерида, каноник кафедрального собора Паленсии; Сабино Астете, каноник Саморы, и Альфонсо Лопес, священник из Сьюдад-Родриго; брат Педро де Сото, доминиканский монах, духовник Карла V; одиннадцать монахов того же ордена, все ученые богословы; почтенный Луис Гранадский, известный своими трактатами о благочестии и своей добродетелью; Эрнандо де Кастильо, проповедник императора и короля, автор истории ордена св. Доминика Гусмана; Педро де Сотомайор, профессор в Саламанке; Антонио де Доминго, ректор, и Хуан де ла Пенья, учитель коллегии Св. Григория в Вальядолиде; Альфонсо де Кастро и Амбросио де Саласар, профессора; Франсиско Тордесильяс, Хуан де Вильягарсия и Луис де ла Крус, магистры богословия; Доминго Сото, профессор в Саламанке и очень известный писатель; донья Антония Мелья, жена Грегорио Сотело, дворянина из Саморы; Каталина де лес Риос, игуменья; Анна Гусман, бывшая игуменья; Бернардина де Рохас и Изабелла Энрикес д'Альманса, монахини из монастыря Св. Екатерины в Вальядолиде. Предпоследняя была сестрой, а последняя дочерью доньи Эльвиры де Рохас, маркизы и вдовы Альканисес. Из этих сорока пяти человек десять были арестованы; процесс других был приостановлен. Но ошибкой было бы думать, что инквизиторы ограничились своими преследованиями названными лицами. За процессом

Untitled

толедского архиепископа Каррансы последовали другие, возбужденные против епископов и видных лиц. Я ограничиваюсь здесь тем, что вычитал из разобранных мною бумаг. Но сколь велико число документов, которых мне не удалось прочесть! Обозреть их все - задача, с которой одному не справиться, и я признаюсь, что мне было не под силу прочесть, что нагромождено в архивах, хотя я и употреблял долгое время по несколько часов ежедневно на это чтение. Я возвращаюсь к процессу Марины де Гевара, историю которой я обещал рассказать. IV. 15 мая 1558 года, когда Мария Миранда, монахиня из монастыря Св. Клары в Вальядолиде, обвиняемая инквизицией, давала показания, то назвала Марину де Гевара исповедующей лютеранские верования, что привело к ее аресту. В тот же день Марина предстала перед инквизицией для дачи добровольных показаний инквизитору Гильему; продолжила их и в следующие дни, то есть 16, 26 и 31 августа, по мере того как она вспоминала прошлое и произнесенные ею речи. Так как ее преступление было равным образом доказано показаниями соучастниц, она была отправлена из своего монастыря в секретную тюрьму инквизиции 11 февраля 1559 года, в силу декрета об аресте от 28 числа предыдущего месяца. Три слушания сообщений происходили 21 и 27 февраля и 2 марта. Марина торжественно уверяла, что она помнит только факты, изложенные в ее четырех добровольных показаниях. 3 марта прокурор представил обвинительный акт, состоящий из двадцати трех пунктов. Марина признала, что они почти все истинны, и сказала только в свое оправдание, что она

Untitled

не вполне соглашалась со зловердным учением и оставалась в сомнении. Она изложила свои доводы в собственноручном письме, поданном 7 марта вместе с ходатайством об освобождении, подписанным адвокатом. 8 мая Марина потребовала добровольного вызова и прибавила новые пункты к своему признанию. Она давала показания еще и 12 июня. 27 июня ей сообщили экстракт, или оглашение свидетельских показаний. Она отвечала, что не помнит более никаких других фактов. Инквизиторы посоветовали ей порыться в памяти и признать то, что находится в свидетельских показаниях и не входит в ее собственные показания. Марина потребовала допроса 5 июля. Она сказала, что видела оглашение свидетельских показаний и полагает, что их ей сообщили для того, чтобы в ее память закрались заблуждения, которых нет, а не для того, чтобы она их рассеяла; что это соображение препятствует ей перечитать их из-за боязни того, что дьявол внушит ей какую-нибудь дурную мысль; что ее долг по отношению к Богу обязывает ее отказаться от этого оглашения, потому что она показала правду пред Богом, под присягой; что ей нечего больше сказать и ее память ничего более не сохранила. Марина при этом передала бумагу, в которой она сделала разъяснения к данным ею показаниям. 14 июля она представила в трибунал ходатайство об освобождении или, по крайней мере, о примирении с Церковью с наложением епитимьи. В тот же день она сделала новое заявление по поводу показаний, данных только что выслушанными свидетелями. Марина старалась также доказать свое хорошее поведение в монастыре, и свидетельства игуменьи и пяти сестер

Untitled

монастыря были в ее пользу. Появился новый свидетель обвинения. Его показание было сообщено ей 28 июля; она ответила ссылкой на прежние показания и заявлением, что она не может ничего прибавить, не оскорбляя истины.

V. Главный инквизитор считал себя обязанным быть благосклонным к Марине, потому что находился в дружеских отношениях со многими из ее родственников. Узнав, что вальядолидские инквизиторы хотят ее осудить, он 28 июля поручил дону Альфонсо Тельесу Хирону, владельцу Монтальбана, кузену Марины и герцога Оссуны, отправиться к обвиняемой и понудить ее признать то, что она отрицала и что было установлено свидетельскими показаниями, обратив ее внимание на то, что если она не послушает, то будет приговорена к смертной казни. Хирон привел в исполнение намерения главного инквизитора. Марина ответила ему, что ей нечего прибавить к показаниям, не оскорбляя истины. Удивительно, что уверения обвиняемой не произвели никакого впечатления на ее судей. Между тем она не имела никакого интереса скрывать истину; напротив, ей было выгодно сказать правду, потому что обстоятельства, прибавленные к обвинению последними свидетелями, увеличивали не число заблуждений, в которых ее обвиняли, а только число бесед и фактов, подтверждавших ее ересь, которую она признала с тем единственным ограничением, что она оставалась в простом сомнении, никогда не соглашаясь целиком с заблуждением. Впрочем, противное нельзя было доказать признанием в том, чего, по ее уверению, она не могла припомнить. Это столь естественное мнение не было мнением судей и юрисконсультов. Когда они

Untitled

собрались 29 июля для вынесения окончательного приговора, один из них предложил назначить пытку, все другие подали голос за измождение плоти Марины. Решение было утверждено верховным советом. Этот приговор не был тотчас же предъявлен обвиняемой, потому что, по обычаю трибунала, эта церемония исполнялась накануне самого аутодафе. Он был предъявлен Марине де Гевара 7 октября. Так как распоряжения 1541 года и другие, установленные впоследствии, отменяют смертный приговор и разрешают провозгласить примирение осужденного, если он обратится к истинной вере до выдачи в руки светской власти, главный инквизитор сделал последнее усилие, снова отправив дона Альфонсе Тельеса де Хирона к его родственнице, чтобы уговорить открыть все для избежания смерти. Это поведение Вальдеса не понравилось вальядолидским инквизиторам, которые заговорили об этом как об исключительном и скандальном покровительстве, так как это средство не было применено к другим монахиням, осужденным на смертную казнь, хотя они были менее виновны. Вальдес обратился в верховный совет, который внял настояниям председателя и приказал, чтобы посещение произошло в присутствии одного или нескольких инквизиторов и адвоката-защитника, красноречие которого могло оказать большую помощь. Эта последняя попытка имела тот же успех, что и первая. Марина продолжала упорствовать в своем заявлении. Какой обвиняемый не дрожал бы перед судом, который так упорно держится принципа, что все свидетели говорят правду, что они хорошо поняли все, что видели и слышали,

Untitled

что время не могло обмануть их память и сбить с толку их суждение? Я закончу историю этого процесса, включив сюда копию окончательного приговора против Марины де Гевара, произнесенного после редактирования в трибунале вслед за подачей голосов. Этот документ познакомит читателя со стилем инквизиции.

VI. "Нами, инквизиторами против еретической испорченности и отступничества в королевствах Кастилия, Леон, Галисия и в княжестве Астурийском, установленными в благороднейшем городе Вальядолиде, по власти апостольской и проч. Принимая во внимание уголовный процесс, в судебном присутствии перед нами, с одной стороны, лиценциата Херонимо Рамиреса, фискала святого трибунала, и, с другой стороны, доньи Марины де Гевара, постриженной монахини Рождественского монастыря ордена св. Бернара, в этом городе, один из нас, инквизиторов, отправился в названный монастырь 15 мая 1558 минувшего года, и вышеупомянутая Марина де Гевара представила ему показания, в которых она призналась и в том, что неоднократно беседовала с человеком, втянутым в заблуждения Лютера, и что она постоянно слышала от него слова: "Оправданные верой, мы пребываем в мире с Богом через Господа нашего Иисуса Христа"; что эти слова казались ей хорошими и что она им верила, хотя не понимала, каков их смысл", и т. д.

VII. Здесь приговор передает то, что я сказал о результате процесса, возбужденного против Марины, по отношению к приписанным ей заблуждениям и к сделанным ею показаниям; это изложение занимает несколько листов; после этого читаем следующее:

Untitled

VIII. "Принимая во внимание просьбу двух сторон, мы приказали сделать оглашение свидетельских показаний против означенной Марины де Гевара касательно заблуждений и ересей, в которых она обвиняется; свидетелей было двенадцать.

Будучи допрошена о сущности и отдельных пунктах этого оглашения, она сослалась на сказанное ею в показаниях, отрицая остальные пункты, выставленные против нее; поговоривши обо всем со своим адвокатом, она высказалась против этого оглашения, уверяя в своей невинности. Тогда мы приказали сделать оглашение двух других свидетелей, также представивших обвинения Марины де Гевара, на что она ответила, как и на прочее, отрицая сказанное ими и приводя многое в свою защиту. Допросив свидетелей защиты, мы приступили к оглашению последнего свидетеля, на показания которого она отвечала по-прежнему; по совету своего адвоката она заявила, что ей нечего более сказать. То же заявил фискал. Закончив судопроизводство и посоветовавшись друг с другом и с несколькими значительными и учеными лицами, призывая имя Иисуса Христа, мы находим (согласно актам и документам этого процесса), что означенный прокурор-фискал целиком и совершенно доказал, отчасти по показаниям свидетелей, отчасти по заявлениям доньи Марины, что она отреклась от учения, которое содержит и которому наставляет наша Святая Мать (т. е. Церковь); что она приняла и уверовала во многие заблуждения и ереси ересиарха Мартина Лютера и его последователей; что уклончивые приемы, которые она применяла в своей защите (говоря, что она не верила в заблуждения, в

Untitled

которых ее обвиняют, и питала на их счет сомнения и колебания) ненадежны и что ни эти соображения, ни какие другие из числа приведенных ею не оправдывают ее ни в одном пункте. Вследствие чего мы должны объявить и объявляем, что означенная Марина де Гевара была и есть еретичка-лютеранка и что она бывала во многих собраниях и сходках вместе с другими лицами, где ее наставляли в этих заблуждениях; что ее исповедь лжива и притворна и что, следовательно, она навлекла на себя кару верховного отлучения и другие цензуры, под которые подпадают и которым подвергаются все удаляющиеся от учения нашей святой католической веры, которой она обязана строго держаться в качестве христианки старинной расы, происходящей от благороднейшей крови, и постриженной монахини; и мы ее передаем правосудию и светской власти превосходного рыцаря Луиса Осорио, коррегидора Его Величества в этом городе, и его заместителя в этой должности, которым мы советуем обращаться с нею с добротой и милосердием и приказываем, в силу настоящего окончательного приговора, все исполнить так, как только что сказано. Лиценциат Франсиско Бака. Доктор Риего. Лиценциат Гильем. Епископ Паленсии, граф де Перния".

Кто не почувствует негодования, видя, что этот акт трибунала оканчивается рекомендацией светскому королевскому судье со стороны инквизиторов обращаться с обвиняемой с добротой и милосердием, между тем как они отлично знают, что произойдет? Действительно, за две недели до аутодафе светскому королевскому судье сообщают, сколько ему выдадут узников, осужденных на

Untitled

смертную казнь, - необходимая предосторожность, чтобы приготовить вперед место казни, дрова и количество столбов, необходимых для экзекуции, а также окончательные приговоры, с пробелами для вписывания имен и профессий, о чем ему дадут знать накануне аутодафе. Если обвиняемый объявлен нераскаянным еретиком или рецидивистом, приговор королевского судьи ограничивается осуждением на сожжение, сообразно с законами королевства, или только на задушение, если обвиняемый раскаялся. Инквизиторы так уверены, что дело тем и окончится, что, если бы после передачи обвиняемого в руки коррехидора последний позволил себе присудить его к пожизненному заключению в какой-нибудь крепости Африки, Азии или Америки, а не к смертной казни, они обратились бы со своими жалобами к государю и, может быть, даже пустили бы в ход цензуры против коррехидора и привлекли бы его к суду как виновного в противодействии мерам святого трибунала, в нарушение присяги оказывать ему помощь и содействие и как покровительствующего еретикам. Итак, что же значит это лицемерное притворство в заинтересованности в судьбе несчастного осужденного? Как понимать указание светскому судье обращаться с ним с добротой и милосердием? Достаточно хорошо известно, что все церковные судьи требуют одного и того же, когда они выдают светской власти тех, кого придется осудить на смертную казнь, потому что им важно уверить, что они не принимают никакого участия в смерти обвиняемого, их ближнего, и что они таким образом не подпадают под кару за неподобающий поступок, назначаемую для

Untitled

священников, содействующих чьей-либо смерти. Но нельзя обмануть Господа этими формулами, противоречащими тайным сердечным расположениям. Св. Августин молился в подобных обстоятельствах; отсюда произошел обычай, о котором я говорю. Но этот великий святой делал это чистосердечно и с душевной искренностью, потому что он думал, что преступление ереси не заслуживает смертной казни и что достаточно присудить имевших несчастье совершить это преступление к простым денежным штрафам.

Глава XXI История двух аутодафе, справленных против лютеран в Севилье

Статья первая Аутодафе 1559 года

I. В то время как в Вальядолиде делались приготовления ко второму аутодафе, 24 сентября 1559 года на севильской площади Св. Франциска справили аутодафе, не менее громкое из-за сана некоторых осужденных и сущности их дел. На нем присутствовали четыре епископа: коадьютор Севильи, епископы Луго и Канарских островов, случайно оказавшиеся в этом городе, и епископ Тарасоны, которого король уполномочил пребывать в Севилье в качестве заместителя главного инквизитора, так как удаленность глав инквизиции показалась препятствием для выполнения мер, принятых для искоренения лютеранства, делавшего здесь не меньшие успехи, чем в Вальядолиде. Епископ Тарасоны дом Хуан Гонсалес де Мунебрега вполне был знаком с формами инквизиционного судопроизводства, потому что он исправлял должность инквизитора в течение нескольких лет в Сардинии, Сицилии, Куэнсе и Вальядолиде.

Untitled

II. Инквизиторами Севильского округа были дом Мигуэль дель Карпио, дом Андрее Гаско и дом Франсиско Гальдо; дом Хуан де Овандо представлял архиепископа. Я делаю эти заметки для доказательства того, что ни один из этих судей не носил фамилии Баргас, вопреки утверждению автора романа, озаглавленного Корнелия Бороркиа; я вернусь к этому произведению, чтобы доказать, что оно вполне заслуживает презрения.

III. Аутодафе, о котором я буду говорить, было настолько торжественно, насколько оно могло быть в отсутствие принцев королевской крови. Оно было справлено в присутствии членов королевской судебной палаты, капитула кафедрального собора, нескольких грандов Испании, большого числа титулованного и рядового дворянства, герцогини Бехар и нескольких дам и огромного количества служилого дворянства и народа. Двадцать один обвиняемый был сожжен со статуей одного заочно осужденного, а приговорены к епитимьям восемьдесят человек, большая часть которых была лютеране. Я упомяну самых значительных из них.

IV. Появившаяся на аутодафе статуя представляла лиценциата Франсиско де Сафра, ружного священника приходской церкви Св. Викентия в Севилье, осужденного как еретик-лютеранин, уклонившийся от явки в суд. Райнальдо Гонсалес де Монтес дает немало подробностей биографии этого несчастного и множества других осужденных инквизицией, от которой он сам имел счастье ускользнуть. Я сравнил их с тем, что передано в записях святого трибунала. Они показались мне точными в отношении сущности фактов и событий, хотя автор везде

Untitled

показывает себя горячим ревнителем лютеранства, которое он называет истинным евангельским учением. Это заставляет меня думать, что на него можно ссылаться как на человека точного и достоверного относительно фактов, не найденных мною в архиве верховного совета, но только в тех случаях, когда дух партийности не затмевает у него уважения к истории. Он говорит, что Франсиско Сафра был очень начитан в Священном Писании и умел в течение очень продолжительного времени скрывать свои лютеранские верования и даже часто был приглашаем инквизиторами для оценки тезисов, на которые поступили доносы, что дало ему возможность принести пользу многим лицам, которые без этого счастливого обстоятельства не миновали бы осуждения. Он приютил в своем доме одну ханжу (beata), которая (будучи замечена среди ей подобных, придерживавшихся нового учения) впала в такое безумие, что он был принужден запереть ее в отдельную комнату и укрощать ее неистовство и выходки ударами кнута и другими подобными средствами. Эта женщина, вырвавшись в 1555 году, явилась к инквизитору и потребовала выслушать ее. Она донесла более чем на триста человек. Инквизиторы составили их список. Франсиско Сафра был вызван и доказал, что нельзя верить доносу женщины, совершенно помешанной, хотя он сам был включен в список как один из главных еретиков {Регинальдус Гонсальвиус Монтанус. Несколько открытых приемов святой испанской инквизиции; под рубрикой: Оглашение свидетельских показаний (publicatio testium). С. 50.}. Так как святой трибунал не пренебрегает ничем из того, что может направить его розыски, то по этому списку

Untitled

принялись очень старательно наблюдать за поведением и убеждениями лиц, на которых поступил донос, и арестовали более восьмисот человек, которых заключили в замке Триана, где трибунал устроил свои заседания и тюрьму, а также в севильских монастырях и частных домах, приспособленных для этой цели {См.: там же под рубрикой: Хулиан Эрнандес.}. Когда я буду говорить об аутодафе 1560 года, вы встретите эту помешанную женщину среди жертв вместе с ее сестрой и тремя дочерьми. В числе этих узников был и Франсиско Сафра, но ему удалось ускользнуть. Будучи осужден заочно, он был сожжен формально (в изображении).

V. Первой из лиц, осужденных на сожжение, я отмечу донью Изабеллу де Баена, очень богатую севильскую даму. Ее дом снесли, как и дом доньи Элеоноры де Виберо в Вальядолиде, и по тому же поводу: он служил храмом для лютеран.

VI. Среди других севильских жертв следует отметить дона Хуана Понсе де Леона, младшего сына дона Родриго, графа Байлена, двоюродного брата герцога Аркоса, родственника герцогини Бехар, многих грандов Испании и других титулованных лиц, которые присутствовали на его аутодафе. Его осудили как нераскаянного еретика. Он остался таким до последнего момента. Сначала он отрицал улики; затем признал некоторые из них, будучи подвергнут пытке. Инквизиторы послали знакомого ему священника, чтобы убедить его, что для него будет выгоднее открыть всю правду о себе и о других. Понсе попал в ловушку, дал требуемые от него признания; заметив обман 23 сентября, накануне аутодафе, он во

Untitled

всеуслышание запротестовал и объявил, что сейчас услышат его исповедание веры. Действительно, он исповедал ее как настоящий лютеранин и презрительно смотрел на присутствующего священника. Гонсалес де Монтес утверждает, что он остался упорным в своих верованиях; но он ошибается, потому что Понсе исповедался, когда, привязанный к столбу, увидел, как поджигают костер. Он был сожжен после задушения, как и другие покаявшиеся осужденные. Эпитет нераскаянного, данный ему в надписи на санбенито и в протоколе аутодафе и переданный Монтесом, заимствован из приговора, осуждающего его на смертную казнь. Известно, что в подобном случае отметка бесчестия на сыновьях и внуках по мужской линии делала их неспособными к получению почестей и санов. Этот закон породил много процессов. Другой сын дона Родриго, графа Байлена, внук дона Мануэля (старшего брата несчастного Хуана), умер бездетным; его наследство принадлежало дону Педро Понсе де Леону, сыну осужденного. Так как приговор сделал его неспособным к владению этими почестями, они были переданы его племяннику дону Луису Понсе де Леону. Дон Педро подал иск в суд, и верховный совет Кастилии объявил, что владение майоратами принадлежит ему, но без права принять титул графа, на который дон Педро Понсе де Леон не имеет больше права претендовать. Это же дело велось затем в королевском апелляционном суде в Гранаде и было решено в пользу дона Педро, который спустя некоторое время получил от Филиппа III восстановительные грамоты и принял титул четвертого графа Байлен {См.: Хроника рода Понсе де

Untitled

Леон. Похв. 18. Подпись 1.}

VII. Дом Хуан Гонсалес, севильский священник, знаменитый проповедник Андалусии, впал в двенадцатилетнем возрасте в магометанство, потому что происходил от родителей-мавров. Кордовская инквизиция вернула его к Церкви, наложив на него легкую епитимью. Некоторое время спустя заключенный в тюрьму как лютеранин, он упорно ничего не показывал, даже среди пытки, которую он вынес с несокрушимой твердостью, повторяя постоянно, что он не принимал ошибочных верований, что его верования истинны и основаны на подлинном тексте Священного Писания, что, следовательно, он не еретик и что то же следует сказать о тех, кто думает подобно ему, что это убеждение не позволяет ему называть этих лиц, потому что он понимает, что они не замедлят разделить его участь, если он будет иметь слабость выдать их имена. Твердость сопровождала его до конца. Его примеру подражали две его сестры, участвовавшие в том же аутодафе. Понуждаемые отречься от своих лютеранских воззрений, они объявили, что всегда будут следовать учению своего брата, которого они почитают как человека просвещенного и святого, неспособного впасть в тяжкий грех. Они возобновили свое заявление, когда делались приготовления для зажигания костра. Дом Хуан, у которого только что вынули изо рта кляп, крикнул им, чтобы они пели псалом 108: Боже хвалы моей, не премолчи. Они умерли (как говорят протестанты) в вере в Иисуса Христа, проклиная заблуждения папистов. Этим именем лютеране обозначали римских католиков.

VIII. Брат Гарсия д'Ариас (прозванный Белым доктором

Untitled

из-за крайней белизны его волос) был иеронимитом из монастыря Св. Исидора Севильского. Он был осужден как упорный лютеранин и умер в пламени нераскаянным. Он исповедовал учение Лютера в течение многих лет; но его образ мыслей был известен только главным сторонникам ереси, какими были Варгас Эгидий и Константин. Благодаря его осторожности его считали весьма правоверным богословом. Он слыл также за благочестивого священника, потому что в каждую свою проповедь вставлял совет верующим прибегать к таинствам исповеди и причастия, к упражнениям в умерщвлении плоти и к некоторым набожным действиям, установленным монахами. Наконец, он доводил притворство до того, что объявлял себя врагом лютеран. За такое поведение его несколько раз приглашали в совет инквизиторов, который поручал ему оценивать тезисы, вмененные в преступление обвиняемым. Гарсия д'Ариас показал себя столь преданным системе инквизиции, что лютеране неоднократно доносили на него. Против обыкновения святого трибунала инквизиторы объявили, что доносчики не заслуживают никакого доверия и что действуют только из ненависти к нему. Однако доносы были сообщены ему, чтобы в будущем он остерегался сношений с подозрительными лицами.

IX. Я отмечу как достойное упоминания поведение брата Гарсии д'Ариас относительно Грегорио Руиса, которого обвиняли за толкования, данные им некоторым местам Священного Писания, в проповеди, произнесенной в кафедральном соборе в Севилье. На него донесли инквизиторам. Он обязан был явиться в суд для защиты

Untitled

своих слов от богословов, собиравшихся на него напасть. Он отправился к Белому доктору, своему другу и товарищу в служении Богу, захотевшему выслушать изложение принципов, которыми он собирался аргументировать свою защиту, и решений, приготовленных для ответа на те вопросы, которые ему зададут. Когда все собрались, инквизиторы поручили Белому доктору выступать против Руиса. Последний немало был удивлен, увидев его на этой конференции; но изумление увеличилось, когда Ариас стал говорить так, что сделал бесполезными заготовленные им ответы. Руис был побежден в этом споре и глубоко оскорблен вероломством Белого доктора, который наслушался горячих упреков со стороны лютеран Варгаса, Эгидия и Константина. Он думал их запугать, предупреждая о грозившей им опасности быть сожженными. Они ответили, что их сожжение не пройдет безнаказанным и для него, несмотря на его лицемерие и притворство. Не без основания эти еретики предрекали ему несчастье. Ариас преподавал учение Лютера нескольким монахам своего монастыря. Один из них (брат Кассиодоро) так преуспел, что это учение приняли почти все монахи братства, так что пение псалмов и другие монашеские службы прекратились. Двенадцать монахов, которым это положение вещей внушало сильные опасения, скрылись из королевства и прибыли в Женеву, откуда затем отправились в Германию. Оставшиеся в Севилье были осуждены инквизицией, и позднее мы увидим это. Та же участь угрожала и Гарсии д'Ариас. Несмотря на его старания скрыть свои настоящие убеждения, против него постоянно росли показания, и наконец он был заключен в

Untitled

секретную тюрьму инквизиции. Тогда он переменял свои поступки. Предвидя исход своего процесса, он написал исповедание веры согласно предполагаемым у него верованиям и взялся доказать, что мнения Лютера об оправдании, таинствах, добрых делах, чистилище, иконах и других спорных пунктах суть евангельские истины, а противоположное им является чудовищным заблуждением. Он издевался над инквизиторами, третируя их как варваров и невежд, которые позволяют себе произносить суждения по предметам веры, хотя истинное учение им неизвестно и они неспособны толковать Священное Писание и знать, что в нем содержится. Он продолжал упорствовать, и ни один католик не мог обратить его, потому что в догматах он смыслил больше тех, с кем ему приходилось спорить. Он умер нераскаянным, радостно взойдя на эшафот.

Х. Брат Крестобал д'Арельяно, монах из того же монастыря, человек очень начитанный в Священном Писании, даже по признанию самих инквизиторов. Он настойчиво придавал ему лютеранский смысл и был осужден, подобно доктору Ариасу. Среди обвинений его процесса (*meritos del processo*, букв. - заслуг; в переносном смысле - улики, обвинений), читанных на аутодафе, ему вменяли в вину то, что, по его словам, Богородица была не более девой, чем он сам. При этих словах брат Крестобал встал и крикнул: "Это обман; я не говорил подобного богохульства; я постоянно веровал в противоположное; и даже теперь я в состоянии доказать, с Евангелием в руках, девство Марии". Будучи на костре, он убеждал брата Хуана Крисостома (другого монаха из того же монастыря)

Untitled

настаивать на евангельской истине. Оба они были сожжены, как и брат Кассиодоро, осужденный в качестве проповедника.

XI. Брат Хуан де Леон, монах из монастыря Св. Исидора, принял учение Лютера. Для свободного исповедания его он покинул Севилью. Удалившись из среды не разделявших его убеждения, он уехал, в то время как его сотоварищи только что прибыли во Франкфурт. Он нашел их там, и они вместе вернулись в Женеву, где, узнав, что Елизавета взошла на английский престол, приняли решение отправиться в Англию, чтобы жить там в безопасности.

Инквизиция, осведомленная, что несколько подозрительных лиц скрылись из Севильи и Вальядолида, послала шпионов в Милан, Франкфурт, Антверпен и другие города Италии, Фландрии и Германии и обещала им большую награду за каждого беглеца, которого они схватят. Брат Хуан де Леон был одним из тех, кто, к несчастью, был обнаружен. Его схватили в Зеландии [818], когда он был готов отплыть в Англию, в то время как в другом месте арестовали Хуана Санчеса, сожженного потом в Вальядолиде {Де Гонсалес де Монтес называет его Хуан Фернандес, но он ошибся. См. предыдущую главу}. На ноги и на руки брата Хуана де Леона надели кандалы, всю голову и лицо ниже подбородка закрыли железным капором, чтобы помешать ему говорить, а в рот всунули железный кляп. В таком виде он прибыл в Севилью, где изложил свои верования, которые он не считал еретическими. Он был приговорен к сожжению и появился на аутодафе с кляпом во рту. Страдания, объектом которых он стал со времени своего ареста, и состояние, в котором

Untitled

он находился тогда, вызвали в этом истощенном теле такое обильное выделение желчи и слизи, что они спускались до земли по бороде, давно им запущенной. Когда он пришел к месту казни, у него изо рта вынули кляп, чтобы он мог прочитать Верую, произнести исповедание католической веры, исповедаться и тем самым избежать огненной кары. Духовник из его монастыря, пытался обратить его к католическим верованиям; но брат Хуан упорно остался при своем и был сожжен как нераскаянный.

XII. Доктор Кристобал де Лосада, севильский врач, полюбив дочь одного жителя Севильи, просил его согласия на брак. Тот решил, что отдаст ее в жены только тому человеку, который будет рекомендован доктором Эгидием как вполне осведомленный в Священном Писании и преданный смыслу, в котором толкует его доктор Эгидий. Он подразумевал лютеранский смысл, не называя его более точно. Кристобал для получения руки возлюбленной стал учеником доктора Эгидия и делал такие большие успехи, что вскоре стал протестантским пастором в севильской общине. Заключенный в секретную тюрьму святого трибунала, он последовал примеру большинства заключенных в Севилье, признавая вменяемые ему в вину факты, но утверждая, что его убеждения не были еретическими. Нельзя было обратить его в католичество; он отказался от исповеди и был сожжен живым.

XIII. Фернандо де Сан-Хуан, учитель грамоты и чистописания в коллегии Доктрины [819] в Севилье, не преподавал порученным ему детям ни догматов веры, ни Верую в том виде, в каком они были написаны; он

Untitled

прибавлял к ним несколько слов, имевших принятый им лютеранский смысл. Он признался во всем в показании, писанном на четырех листах бумаги. Однако, позднее, получив аудиенцию, он сказал инквизиторам, что считает себя виновным в компрометировании лиц, которых он принужден был назвать. В то время заключенные помещались, по крайней мере, по двое в каждой тюремной камере вследствие великого множества арестованных. Соседом Фернандо был отец Морсильо, монах из монастыря Св. Исидора, обещавший раскаяться и просивший допустить его к примирению. Фернандо сумел внушить ему мужество вернуть назад свое обещание и просьбу и объявить, что он хочет умереть в вере в Иисуса Христа, как ее понимает Лютер, а не как проповедают паписты. Морсильо был приговорен к сожжению; согласившись на исповедь, он был сожжен после задушения. Фернандо был приведен на аутодафе с кляпом во рту и был сожжен как нераскаянный.

XIV. На этом аутодафе погибли также донья Мария де Вируес, донья Мария Корнель и донья Мария де Бооркес, которые были еще молоды и родители которых принадлежали к высокому дворянству. История последней из этих девушек заслуживает упоминания из-за некоторых обстоятельств ее процесса, а также потому, что один испанец написал под заглавием Корнелия Бороркиа повесть, которую он считает скорее историей, чем романом, хотя она ни то и ни другое, а скорее конгломерат плохо изложенных фактов и сцен, в котором за действующими лицами не сохранено их настоящих имен, даже имени героини, вследствие того что он не понял

Untitled

Истории инквизиции Лимборха [820]. Этот историк называет двух девушек именами Корнелия и Бороркиа (подразумевая донью Марию Корнель и донью Марию Бооркес). Испанский автор соединил эти два имени для обозначения Корнелии Бороркиа, никогда не существовавшей. Он изобразил любовную интригу между нею и главным инквизитором, что нелепо, потому что тот жил в Мадриде. В то же время он передает мнимые допросы, которых никогда не бывало в трибунале инквизиции. Все в этом авторе говорит о его сильном желании раскритиковать и высмеять инквизицию. Страх наказания заставил его укрыться в Байонне [821]. Хорошее дело становится плохим, когда прибегают ко лжи для его защиты. Исторической истины достаточно для доказательства того, до какой степени инквизиция заслуживает проклятий человечества. Бесполезно для убеждения в этом людей прибегать к вымыслам и к оружию сатиры и насмешки.

То же можно сказать о Гусманеде, французской поэме, содержащей лживые и несправедливые утверждения, касающиеся памяти св. Доминика Гусмана, личное поведение которого безупречно и которого мы можем порицать лишь за альбигойцев [822], не подражая автору Гусманеды, но помня, что, по словам св. Августина: "Не все сделанное святыми было свято". Я возвращаюсь к своему рассказу.

XV. Донья Мария де Бооркес была внебрачной дочерью Педро Гарсии де Хереса Бооркеса, принадлежавшего к лучшим фамилиям Севильи, к семье, из которой вышли маркизы де Ручена и гранды Испании первого класса. Ей

Untitled

не исполнилось и двадцати одного года, когда ее арестовали как лютеранку. Ученица каноника-учителя, избранного в епископы Тортосы, доктора Хуана Хилья, она знала в совершенстве латинский язык и довольно хорошо греческий. У нее было много лютеранских книг. Она знала наизусть Евангелие и некоторые из главных трудов (где шло объяснение учения Лютера) об оправдании, добрых делах, таинствах и отличительных признаках истинной Церкви. Она была заключена в секретную тюрьму, где она признала вмененные ей в вину мнения, но защищала их как католические, доказывая на свой манер, что они не есть ересь. Она говорила также и о том, что было бы лучше, если бы судьи стали думать подобно ей, вместо того чтобы наказывать ее. Относительно фактов и тезисов, содержащихся в свидетельских показаниях, она признала только те, которые показались ей истинными. Другие она отрицала как лживые или неточно выясненные, а также потому, что она не помнила о них или боялась скомпрометировать многих лиц. Вследствие такого ее поведения прибегли к пытке. Тогда она сказала, что сестра ее Хуанна Бооркес знала о ее верованиях и не осудила их. Вскоре мы увидим пагубные последствия этого разоблачения. Окончательный приговор, вынесенный против Марии Бооркес, присудил ее к сожжению, согласно уликам процесса и сообразно законам инквизиции. Обычно дожидаются кануна аутодафе для предъявления его обвиняемому, и зачастую вместо его прочтения довольствуются советом приготовиться к смерти на следующий день. Однако севильские инквизиторы (из которых ни один не носил имени Варгас, как вообразил это

Untitled

автор романа Корнелия Бороркиа) решили увещать Марию к обращению в истинную веру до начала аутодафе. К ней посылали двух иезуитов и двух доминиканцев, которые должны были вернуть ее к церковной вере. Они вернулись, исполненные удивления перед знаниями узницы и недовольные упорством, с каким она отвергала их толкования текстов Священного Писания, объясняемых ею в лютеранском смысле. Накануне аутодафе два новых доминиканца присоединились к первым, чтобы сделать последний натиск. Их сопровождали несколько других богословов разных монашеских орденов. Мария приняла их приветливо и вежливо, но сказала им, что они могут избавить себя от труда говорить об их учении, так как ее спасение не в нем. Она прибавила, что отреклась бы от своих верований, если бы нашла в них малейшую недостоверность; но она была убеждена в их истине до попадания в руки инквизиции и еще более в этом убедилась с тех пор, как столько богословов-папистов, после нескольких попыток, не могли выставить аргументов, которые бы она не предвидела и на которые не приготовила бы солидного и доказательного ответа. В самый момент казни дон Хуан Понсе де Леон, только что отрекшийся от ереси, уговаривал Марию не доверяться учению брата Кассиодора, а принять учение богословов, приходивших в тюрьму для ее наставления. Мария враждебно встретила эти советы и назвала его невеждой, идиотом и болтуном. Она прибавила, что не осталось времени для споров, а остающиеся минуты жизни следует употребить на размышления о страстях и смерти Искупителя, чтобы укрепиться в вере, через которую можно

Untitled

получить оправдание и спасение. Несмотря на такое упорство, несколько священников и множество монахов, видя, что на Марию уже надели ошейник, стали настоятельно просить, чтобы во внимание были приняты ее юность и ее изумительные способности, и согласились услышать от нее Верую, если она захочет его прочитать. Инквизиторы согласились на их просьбу, но едва Мария окончила Верую, как начала истолковывать члены Символа веры о католической Церкви и о суде над живыми и мертвыми [823] в лютеранском смысле. Ей не дали времени закончить: палач задушил ее, и она была сожжена после смерти. Такова подлинная история Марии Бооркес, согласно документам процесса, с донесением об аутодафе (писанным неизвестным на другой день после церемонии) и с рассказом, опубликованным Гонсалесом де Монтесом, современником Марии. Этот автор, разделявший ее убеждения, составил ее апологию. Филипп Лимборх почерпнул оттуда сведения, переданные в его книге с таким лаконизмом в области собственных имен, что ввел в заблуждение испанского автора повести, напечатанной в Байонне.

XVI. В числе восьмидесяти человек, присужденных на этом аутодафе к епитимьям, был мулат [824], слуга дворянина из Пуэрто-де-Санта-Марш. Он был объявлен ложным доносчиком. Этот презренный человек, украв распятие, отделил от него фигуру Христа; сначала он повесил ее себе на шею, потом запрятал вместе с плетью в сундук в доме своего господина и донес инквизиторам, что его господин хлестал и таскал ежедневно это изображение. Доносчик прибавил к этому, что если отправиться, не теряя

Untitled

времени, в дом его господина, то можно будет убедиться в истине сообщения. Вещи были найдены; дворянин был переведен в секретную тюрьму святого трибунала. Впоследствии правду выяснили после нескольких розысков, направленных самим обвиняемым, который заподозрил своего раба в доносе на него из-за мести. Дворянину вернули свободу, а клеветник был приговорен к четыремстам ударам кнута и шести годам галер. Первой части своего наказания он подвергся в Пуэрто-де-Санта-Мариа. Я уже говорил, что закон основателей инквизиции осуждал такого рода виновных на кару по закону возмездия. Но необходимость поощрять ябедничество заставила инквизиторов пренебрегать этим законом.

XVII. Незадолго до севильского аутодафе, а именно 18 августа 1559 года, Павел IV умер в Риме. Едва узнав об этом, народ бросился толпой к инквизиции, освободил узников, сжег дом и архив трибунала. Стоило много труда и денег, чтобы помешать разъяренной черни поджечь монастырь Сапиенца, в котором жили доминиканские монахи, ведавшие почти всеми делами римской инквизиции. Главный комиссар был ранен; его дом сожжен. Память Павла IV, покровительствовавшего установлению инквизиции, беспрестанно осыпали оскорблениями. Его статуя была сброшена с Капитолия и разбита на куски. Повсюду уничтожали гербы фамилии Караффа; даже останкам папы было бы нанесено оскорбление, если бы ватиканские каноники не похоронили его тайно, а папская гвардия не заставила бы уважать жилище первосвященников. Этот римский мятеж против инквизиции

Untitled

не устрасил испанских инквизиторов. А народ испанский был воспитан в правилах, совершенно противоположных правилам его предков времен Фердинанда V и первого десятилетия Карла V. Люди, способные размышлять, знают, как глубоки впечатления детства даже от таких вещей, в которых с течением лет начинаешь видеть обман и иллюзию.

Статья вторая Аутодафе 1560 года

I. Севильские инквизиторы, рассчитывавшие, может быть, на присутствие Филиппа II, приготовили для него второе аутодафе, подобное вальядолидскому. Потеряв надежду привлечь монарха, они исполнили эту церемонию 22 декабря 1560 года. Здесь сожгли четырнадцать человек живьем и трех формально; тридцать четыре человека были подвергнуты епитимьям, и прочли также примирение трех других жертв, которых особенные причины побудили осудить до аутодафе. Доктор Эгидий, каноник-учитель Севильи (о котором уже столько раз говорилось в этой Истории), был одним из тех, чью статую сожгли. Двое других были доктора Константин и Хуан Перес.

II. Константин Понсе де па Фуэнте родился в Сан-Клементе-де-Ламанче, в епархии Куэнсы, учился в Алькала-де-Энаресе вместе с доктором Хуаном Хилем, или Эгидием, и с доктором Варгасом, который умер в то время, когда инквизиция занималась судом над ним. Эти три богослова объединились в Севилье и стали тремя главными вождями лютеран, которых они тайно направляли, пользуясь в обществе репутацией не только хороших католиков, но и добродетельных священников, потому что их нравы были чисты и безупречны. Эгидий

Untitled

много проповедовал в митрополии; Константин менее проявлял свое усердие, но получал столько же, если не больше, одобрений; Варгас толковал с кафедры Священное Писание. Капитул кафедрального собора Куэнсы беспрепятственно решил избрать доктора Константина каноником-учителем согласно его репутации богослова. Но Константин отказался от почестей этого сана, потому что его влекло руководство рождающимся тайным кружком лютеран. Каноники города Толедо предложили ему то же место у себя после смерти титулярного епископа [825] Утики [826]. Доктор выразил благодарность, но остался верен своему первому решению. Он написал толедскому капитулу, что кости его предков почивают в мире и что, принимая предлагаемое место, он смутил бы их покой. Константин намекал на распоряжение их архиепископа кардинала Хуана де Мартилеса Силисео, которое обязывало избранных в капитул доказать чистоту крови их предков (этому условию также были подчинены и инквизиторы). Эта мера не понравилась множеству членов капитула, которые принесли тогда в Рим жалобу на своего прелата, стремясь ее отменить как меру несправедливую и противную их нравам. Но эта попытка оказалась тщетной, потому что распоряжение было сохранено и удержалось до нашего времени. Впоследствии Карл V назначил Константина своим раздаятелем милостыни и проповедником. В этом качестве он ездил с императором в Германию, где прожил долго. По возвращении в Севилью он управлял коллегией Доктрины и учредил там кафедру Священного Писания, благодаря чему обеспечил себе жалованье. Он занялся

Untitled

преподаванием. В то время как он исправлял свои обязанности, севильский капитул предложил ему должность каноника-учителя без обычного конкурса. Некоторые каноники, вспоминая неприятные последствия избрания доктора Хуана Хилья (таким же образом), желали исполнения правила, установленного капитулом на этот случай, по которому строго требовался конкурс. Вследствие этого Константина заставили подчиниться правилу, заверяя, что он одержит верх над конкурентами. Действительно так и случилось в 1556 году, несмотря на интриги и возражения единственного соискателя, решившего появиться в присутствии Константина. Познания последнего в языках греческом и еврейском и в Священном Писании были так хорошо известны, что никто из богословов, думавших принять участие в конкурсе, не осмелился прийти. Став севильским каноником, Константин продолжал пользоваться общим уважением. Он еще не совсем выздоровел от серьезной болезни, когда принялся проповедовать во время Великого поста 1557 года, так как верующие хотели его слышать. Интерес, внушаемый его личностью, позволял ему прерывать время от времени проповедь и освежать дыхание, глотая немного крепкого вина. В то время как Константин получал эти знаки почета и доверия, заявления множества узников, арестованных по обвинению в лютеранстве и подвергнутых пытке, тайно подготавливали его арест, состоявшийся в 1558 году, за несколько месяцев до смерти Карла V. Во время его занятий своей защитой произошел случай, сделавший их ненужными.

III. Изабелла Мартинес, вдова из Севильи, была

Untitled

арестована как лютеранка. Имущество ее было конфисковано; но проведали, что ее сын Франсиско де Бельтран похитил, до составления инвентарной описи, несколько сундуков, наполненных дорогими вещами. Константин доверил этой женщине несколько запрещенных книг, старательно спрятанных ею в погребе. Инквизиторы послали Луиса Сотело, альгвасила святого трибунала, потребовать у Франсиско Бельтрана взятые им вещи. Бельтран, видя перед собой комиссара инквизиции, не стал сомневаться, что его мать открыла склад книг Константина, и, не дожидаясь, пока Сотело скажет ему о причине своего посещения, сказал ему: "Сеньор Сотело, я полагаю, что вы пришли ко мне по поводу вещей, сложенных в доме моей матери. Если вы обещаете, что меня не накажут за утайку, я вам покажу то, что там спрятано". Бельтран повел альгвасила в дом своей матери и разобрал часть стены, за которой были спрятаны лютеранские книги Константина. Удивленный Сотело сказал, что возьмет книги, но не считает себя связанным обещанием, потому что пришел не для розыска этих вещей, а для возвращения вещей матери Бельтрана. Это заявление удвоило страх Бельтрана, который выдал альгвасилу вещи согласно его требованию, прося только об одной милости - остаться на свободе в своем доме. Донос о вещах был сделан слугой, надеявшимся воспользоваться выгодами закона Фердинанда V, который обеспечивал доносчику четвертую часть предметов, утаенных от изъятия.

IV. Среди запрещенных книг, найденных в доме Изабеллы Мартинес, нашли несколько сочинений, составленных

Untitled

Константином Понсе де ла Фуэнте. Они толковали об истинной Церкви согласно принципам Лютера; указывали те принципы, которые должны служить приметами истинной Церкви, и доказывали, что она не является Церковью папистов. Константин также рассуждал здесь о сущности таинства евхаристии и литургической жертвы, об оправдании и чистилище. Он называл чистилище волчьей пастью, изобретенной монахами, чтобы было чем пообедать. Он разбираал апостолические буллы и декреты, индульгенции, заслуги человека относительно благодати и спасения, глухую исповедь и много других пунктов, в которых лютеране отличались от католиков. Константин не мог отрицать принадлежности этих сочинений, потому что они были писаны его рукой. Он сознался, что их содержание было его истинным исповеданием веры, но отказался объявить своих соучастников и учеников. Инквизиторы, вместо того чтобы назначить пытку, спустили его в глубокий ров, темный, сырой, воздух которого, полный опасных испарений, быстро ухудшил его здоровье. Подавленный тяжестью преследования, он восклицал: "Боже мой, неужели не нашлось скифов, каннибалов или других более кровожадных людей, чтобы выдать меня в их руки прежде, чем я попаду под власть этих варваров?" Положение, в котором находился Константин, не могло долго продолжаться; он заболел и умер от дизентерии. Когда справляли аутодафе, на котором он должен был появиться, ходил слух, будто он лишил себя жизни, чтобы избежать назначенного ему сожжения. Его процесс был так же знаменит, как и его личность. Инквизиторы велели читать его прегрешения на кафедре, стоявшей рядом с их

Untitled

эстрадой. Народ не мог слышать этого чтения из-за расстояния, на котором она находилась. Кальдерон дважды замечал это, и инквизиторы вынуждены были снова начать чтение с того места, где обыкновенно читались документы других процессов. Константин выпустил в свет первую часть катехизиса; вторая не была напечатана. В Индекс запрещенных книг, опубликованном главным инквизитором домом Фернандо Вальдесом в Вальядолиде 17 августа 1559 года, уже были внесены следующие труды Константина:

1. Сокращение христианского учения;
2. Беседа о христианском учении между учителем и учеником;
3. Исповедь ученика пред Иисусом Христом;
4. Христианский катехизис;
5. Изложение псалма Давида: "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых".

Альфонсо де Ульоа в своей Жизни Карла V очень хвалит труды Константина, особенно его трактат о христианском учении, переведенный на итальянский язык {Ульоа. Жизнь Карла V. Венеция, 1589 г. С. 237.}. Статуя Константина не была, подобно другим, бесформенной грудой тряпья с приставленной головой: ее собрали из всех частей тела, руки его были простерты, как при проповеди, статуя была одета в принадлежавшие ему одежды. После аутодафе ее принесли в святой трибунал, где она была заменена обыкновенной статуей, которую сожгли вместе с костями осужденного.

V. Другой узник умер в тюрьме инквизиции. Это (по словам Гонсалеса де Монтеса) был монах из монастыря Св.

Untitled

Исидора, по имени брат Фернандо. Тот же автор утверждает, будто некий Ольмедо, лютеранин, погиб от эпидемии, опустошавшей тюрьмы, и что умирая он слышал из глубины своего подземелья стоны, похожие на стоны Константина, жалующегося на бесчеловечность судей. Я никогда не читал, чтобы в каком-либо трибунале испанской инквизиции помещали узников в подобном застенке, пока не была назначена пытка; но нельзя извинить инквизиторов того времени за то, что они делали застенки обычной тюремной камерой, так как согласно с правом естественным, божеским и человеческим камера до окончательного приговора рассматривалась как простое место задержания, а не как наказание.

VI. Доктор Хуан Перес де Пинеда, статуя которого появилась третьей на севильском аутодафе, родился в городе Монтилья в Андалусии. Он был поставлен во главе коллегии Доктрины, посвященной воспитанию севильского юношества. Он скрылся, узнав, что инквизиторы собираются его арестовать как подозреваемого в исповедании лютеранства. Против него возбудили заочный процесс, и он был осужден как еретик-лютеранин. Он составил много трудов. Индекс запрещенных книг от 17 августа 1559 года запрещает следующие:

1. Святая Библия, переведенная на кастильский язык;
2. Катехизис, напечатанный в Венеции в 1556 году Пьетро Даниэлем;
3. Псалмы Давида на испанском языке, напечатанные в 1557 году;
4. Сокращение христианского учения. Последние труды вышли из той же типографии, что и первые два.

Untitled

Хуан Перес уже достиг глубокой старости, когда был осужден. В 1527 году он отправился в Рим в качестве поверенного в делах своего правительства. Он держался партии Эразма, и ему содействовал сам папа. 26 июня он писал Карлу V: "Я представился Клименту VII и умолял его выдать брeve архиепископу Севильскому, главному инквизитору дому Альфонсо Манрике, чтобы заставить замолчать тех, кто нападает на труды Эразма, потому что великий канцлер (Гастинера) поручил мне это при отъезде. Его Святейшество указал мне обратиться по этому поводу к кардиналу Сантикватро, что я и сделал. Я поспешу его получить и, когда оно будет у меня в руках, отправлю его секретарю Альфонсо Вальдесу, к которому великий канцлер велел мне обратиться". В другом письме, от 1 августа того же года, он писал: "Я отправил с этой депешей секретарю Вальдесу брeve, о котором я писал Вашему Величеству, для архиепископа Севильи, чтобы он заставил замолчать, под страхом отлучения, тех, кто нападает на учение Эразма, потому что оно противоположно учению Лютера". Известно, что это папское брeve было почти бессильно. Некоторое время спустя брат Луис де Карбахал, францисканец, напечатал Апологию монашеской жизни против заблуждений Эразма. Эразм ответил сочинением, озаглавленным Ответ Дезидерия Эразма на книжку некоего лихорадочного ("*Desiderii Erasmi responsio adversus febricitantis cujusdam libellum*"). Карбахал возразил другим сочинением, под заглавием: Смягчение едкостей Эразмова ответа на Апологию Луиса Карбахала ("*Dulcoratio amarulentarum Erasmi responsionis ad apologiam Ludovici Carbajalis*"). Труд Эразма был запрещен

Untitled

в Индексе кардинала инквизитора Гаспара де Киро-ги в 1583 году. В том же самом 1583 году внесли в Индекс почти все другие труды Эразма, уже запрещенные с 1559 года главным инквизитором Вальдесом. Альфонсо Вальдес, о котором сказано немного выше, был секретарем Карла V, сыном коррехидора Куэнсы и большим другом Эразма, сторону которого он принял, когда на собрании возник вопрос об осуждении его книг в 1527 году {см. главу XIV этого сочинения.}.

VII. Альфонсо Вальдес впоследствии был сильно заподозрен в лютеранстве и был судим инквизицией как лютеранин. Он составил различные литературные труды, отличающиеся хорошим вкусом. Среди других отметим следующие:

1. Беседа языков, опубликованная доном Грегорио Маянсом;
2. О взятии и разрушении Рима ("De capta et diruta Roma"), где он передает историю событий 1527 года;
3. О восстаниях Испании ("De motibus Hispaniae"), где он рисует картину восстания и войны кастильцев;
4. О давности христианства ("De vetustate Christiana"), последний труд, приведенный Педро Мартиром д'Англера; в этом трактате он пишет о Мартине Лютере.

VIII. Из четырнадцати жертв, сожженных на втором севильском аутодафе, я упоминаю как наиболее достойных следующие:

1. Хулиан Эрнандес, по прозвищу Малый, уроженец Вильяверде, в округе Кампос. Желание везти в Севилью лютеранские книги побудило его отправиться в Германию. Он доверил их дону Хуану Понсе де Леону и поручил ему

Untitled

раздать их. Он провел более трех лет в тюрьме святого трибунала. Ею несколько раз пытали, чтобы заставить открыть сообщников по вероисповеданию и по ввозу лютеранских книг, тогда сильно затрудненным вследствие строгого наблюдения со стороны инквизиции. Он вынес пытку с мужеством, далеко превышающим его физические силы. Согласно сообщению многих узников, возвращаясь после свидания с инквизиторами, он напевал испанский припев, сравнивающий монахов с волками и радующийся их посрамлению {Вот этот припев: "Обузданы монахи, обузданы, посрамлены волки, посрамлены" ("Vencidos van los frailes vencidos van; corridos van los lobos, torridos van").}. Он был тверд в своем веровании и появился на аутодафе с кляпом во рту. Взойдя к костру, он сам уложил мелкие поленья вокруг себя, чтобы быстрее сгореть. Доктор Фернандо Родригес, приставленный к нему, попросил вынуть кляп, когда увидел его привязанным к ошейнику, чтобы выслушать его исповедь; но Хулиан воспротивился этому и обозвал Родригеса лицемером, изменившим своим убеждениям из-за страха перед инквизицией. Это были его последние слова, так как почти тотчас его окружило пламя.

2. Донья Франсиска Чавес, постриженная монахиня ордена св. Франциска Ассизского, из монастыря Св. Елизаветы в Севилье, была осуждена как упорная еретичка-лютеранка. Она была наставлена доктором Эгидием. На заседаниях она упрекала инквизиторов в жестокости и называла их змеиным отродьем, как Христос фарисеев [827].

3. Николай Буртон, родившийся в Энглеси [828], в Англии, был осужден как нераскаянный еретик-лютеранин.

Untitled

Невозможно оправдать поведение инквизиторов относительно этого англичанина и многих других иностранцев, которые не поселились в Испании, а появлялись ненадолго и возвращались в свое отечество, окончив торговые дела. Буртон приехал в Испанию на корабле, нагруженном товарами, принадлежавшими, по его словам, целиком ему, однако часть которых была собственностью Джона Франтона, о котором я скажу далее, в ряду примиренных. Буртон отказался отречься от своей веры и был сожжен живьем. Севильские инквизиторы овладели его кораблем и товарами и доказали на этом примере, что жадность была одним из первых двигателей инквизиции. Предположим, что Буртон поступил неблагоразумно, выставляя напоказ свои религиозные убеждения в Сан-Лукаре-де-Баррамеде, а особенно в Севилье, с пренебрежением к верованиям испанцев. Но не менее верно и то, что человеколюбие и правосудие требовали (так как речь шла об иностранце, который не должен был остаться в Испании) удовлетвориться советом не забывать уважения к религии и законам страны и угрозой наказания в случае повтора. Святому трибуналу нечего было спорить с Буртоном о его частном веровании; он должен был лишь воспрепятствовать ему распространять свои заблуждения, - потому что он был учрежден не для иностранцев, а для народов Испанской монархии. Инквизиторы оказались виновны в большой жестокости и опасном покушении на благополучие испанской торговли, которую они уничтожили бы, если бы насилие, совершенное над Буртоном, и некоторые другие подобные выходки, против которых другие державы горячо

Untitled

протестовали, не побудили бы мадридский двор запретить инквизиторам беспокоить коммерсантов и иностранных путешественников по вопросам религии, если они не занимались распространением ереси. Эта мера Филиппа IV была неспособна остановить инквизиторов, которые часто находили предлоги для оправдания своей политики, предполагая, что эти иностранцы привозили в королевство запрещенные книги или вели беседы, распространявшие ересь. Правительство вынуждено было ни на одно мгновение не терять из виду поведение святого трибунала по отношению к иностранным коммерсантам, начиная с эпохи, о которой идет речь, и до царствования Карла IV. При каждом протесте со стороны заинтересованных лиц или со стороны посланников их стран возобновлялись приказы и меры, способные подавить несправедливости, которые преступное усердие покрывало завесой религии. IX. Гонсалес де Монтес рассказывает о приезде в Испанию богатого иностранца, по имени Реукин, на прекрасном и искусно построенном корабле, какого до тех пор не видали в Сан-Лукар-де-Баррамедэ. Инквизиция велела арестовать его как еретика и конфисковала его имущество. Торговец доказывал, что корабль не принадлежит ему и, следовательно, не может быть конфискован; но его усилия были напрасны. Инквизиторы были убеждены, что если они позволят однажды, чтобы им доказали их ошибку, то вскоре все ограбленные воспользуются этим примером и захотят вступить во владение взятым у них имуществом и значение конфискаций сведется к нулю. Что после этого можно сказать о морали инквизиторов? Природа человеческого сердца позволяет думать, что эти

Untitled

требования явились, быть может, сочетанием лжи и выгоды; но можно ли одобрить яркую несправедливость, недостойную христианских судей и священников, чтобы помешать тому, что может случиться лишь изредка и является вполне извинительным и даже законным?

X. Инквизиторы вновь совершили несправедливость, заставив двух других иностранцев разделить участь Буртона. Одним из них был англичанин по имени Уильям Брук, родившийся в Корнуолле [829], моряк по профессии. Другой - француз из Байонны, по имени Фабиан, которого торговые дела привели в Испанию.

XI. Анна де Рибера, вдова школьного учителя Фернандо де Сан-Хуана, сожженного на аутодафе предыдущего года, сама была сожжена в этом году как лютеранка вместе с братом Хуаном Састре, бельцом [830] монастыря Св. Исидора, и Франсиской Руис, женой Франсиско Дурана, севильского альгвасила.

Особенно вызывает чувство сострадания происшедшее в тот же день сожжение пяти женщин из семейства несчастной помешанной, о которой я говорил в статье о священнике Сафре. Ее звали Мария Гомес; она была вдовой Эрнандо Нуньеса из местечка Лепе. Благодаря лечению ее безумие прошло, но она упорствовала в лютеранском веровании и умерла вместе со своей сестрой, Элеонорой Гомес, женою другого Эрнандо Нуньеса, севильского врача, и тремя дочерьми, Эльвирой Нуньес, Терезой и Лусией Гомес, еще не замужними. Гонсалес де Монтес ошибочно называет одну из них племянницей Марии Гомес. Он рассказывает, что одна из этих женщин была арестована раньше своей матери и своих сестер; ее

Untitled

подвергли пытке, чтобы заставить открыть соучастников, ничего не достигли. Тогда инквизитор прибег к хитрости. Он велел привести ее в зал заседаний, остался наедине с ней, признался в мнимом увлечении ею и решении сделать все для ее спасения. Он повторял свое обещание в течение нескольких дней, показывая себя весьма огорченным ее несчастиями. Войдя в доверие к своей жертве, он сообщил ей, что ее мать и сестры рискуют быть арестованными, так как ряд свидетелей готов дать показания против них, что его чувства к ней должны заставить ее доверить ему все, чтобы он мог принять меры к спасению их от неизбежной смерти. Обвиняемая попала в ловушку. Она поведала инквизитору, что мать и сестры разделяют ее верования. Чувства внезапно иссякли. Вероломный предатель, вызвав ее в суд, велел подтвердить рассказанные ему подробности. Мать, сестры и тетка немедленно были арестованы и приведены на костер; услышав свой приговор на аутодафе, помешанная возблагодарила свою тетку за открытие истины, ради которой она с радостью умрет. Тетка укрепила ее мужество, возвещая ей, что они скоро все вместе будут лицезреть Иисуса Христа, умерши в евангельской вере, повторив его страдания.

XII. На том же аутодафе погиб Мельхиор дель Сальто, уроженец Гранады и житель Севильи. Он был стригалем сукна. Преступление его состояло в покушении на жизнь начальника тюрьмы после того, как он был заключен по подозрению в ереси. Он тяжело ранил его помощника, который умер несколько дней спустя.

XIII. Жертв севильского аутодафе, приговоренных к епитимьям, было тридцать четыре. Я упомяну следующих:

Untitled

1. Донья Каталина Сармиенто, вдова дона Фернандо Понсе де Леона, пожизненного декуриона [831] Севильи.

2 и 3. Донья Мария и донья Луиса де Мануэль, дочери дона Фернандо де Мануэля, дворянина этого города.

4, 5, 6, 7 и 8. Братья Диего Лопес из Тендильи, Бернардо де Вальдес из Гвадалахары и Доминго де Чурука из Аскоитии. Братья Гаспаро де Поррас из Севильи и Бернарда де Херонимо из Бургоса. Все они было монахи; последний был бельцом в монастыре Св. Исидора. Они были осуждены как лютеране.

XIV. 9. Джон Франтон, англичанин из Бристоля, явился в Севилью, узнав об аресте Николая Буртона. Он был владельцем значительной части товаров, захваченных у Буртона. Документально доказав, что он привез их из Англии, англичанин потребовал восстановления своих прав. Ему пришлось испытать значительные проволочки и понести большие расходы. Однако, не успев оспорить его права собственности, инквизиторы обещали ему вернуть товары, приняв между тем свои меры. Появились свидетели, показавшие, что Франтон высказывал свои лютеранские убеждения, за что он был арестован и заключен в секретную тюрьму. Страх смерти побудил Франтона сказать угодное инквизиторам и попросить примирения с Церковью. Его объявили подозреваемым в лютеранстве. Больше ничего не было нужно, чтобы, по законам трибунала, мотивировать захват его имущества. Он был примирен, приговорен к лишению своих товаров и годичному ношению санбенито. Это происшествие является новым доказательством губительных последствий тайны инквизиционного судопроизводства. Если бы дело

Untitled

Джона Франтона разбиралось публично, самый мелкий адвокат доказал бы ничтожность и лживость следствия. Находятся, однако, англичане, защищающие трибунал инквизиции как полезный, и я, например, слышал это от одного англичанина, католического священника. Я заметил ему, что он плохо знает природу этого учреждения, что я не меньше его и не меньше любого инквизитора почитаю католическую религию, но если сравнить дух мира и любви, смирения и бескорыстия, которыми дышит Евангелие и который проявляется в учении и жизни Иисуса Христа, с системой суровости, коварства, хитрости, злобы, внушившей уставы святого трибунала, с действительной и непрерывной возможностью инквизиторов злоупотреблять властью, вопреки законам естественным и божеским, папским постановлениям и королевским указам, под покровом присяги, обеспечивающей тайну, - ничто не помешает проклясть этот трибунал, как вредоносный и способный только плодить лицемеров.

XV. 10. Гильельмо Франке, уроженец Фландрии, поселился в Севилье. Интимная связь одного священника с его женой смутила его семейное счастье, и он жаловался, что его бедственное положение не позволяет положить конец позору. Находясь однажды в компании, где рассуждали о чистилище, он сказал: "Мне довольно того, что я имею от человека, находящегося в связи с моей женой, и мне этого достаточно". Эти слова были донесены инквизиции, которая поместила Франка в своей секретной тюрьме как подозреваемого в лютеранстве. Он появился на аутодафе и был приговорен к лишению свободы, срок которого могли определить одни инквизиторы.

Untitled

XVI. 11. Бернарда де Франки, из Генуи, проводил жизнь отшельника в Кадисе. Он появился наряду с севильскими примиренными как подозреваемый в лютеранстве.

Приговор гласил, что его имущество конфискуется, а он подвергается каре трехмесячного тюремного заключения и ношению санбенито. Он добровольно повинился перед инквизицией, ознакомившись с указом о доносах. Он сказал, что в двадцатилетнем возрасте, находясь в Генуе, он слышал разговор одного из своих братьев о чистилище, об оправдании и других предметах в лютеранском толке и не нашел ничего предосудительного в таких словах. Его нельзя было обвинить ни в каком другом преступлении. Где же сострадание святого трибунала? Кому предоставляло оно снисхождение? Надо признать, что в последние времена существования инквизиции она не решалась более заключать в тюрьму, позорить на публичном аутодафе и тем более лишать имущества тех, кто повинился добровольно. Прежние инквизиторы действовали противоположным образом, злоупотребляя тайной, которая не давала обвиняемым никакого средства протеста и никакой надежды на оправдание.

XVII. 12. Диего де Вируссе, присяжный [832] Севильи, то есть член городского управления, появился на аутодафе в рубашке, со свечой в руках. Он произнес отречение как подозреваемый в лютеранстве и был приговорен к уплате сотни дукатов на издержки святого трибунала. Его обвинили в том, что, увидя переносный престол [833] Святого четверга, он сказал: "Достойно сожаления, что совершают такие крупные издержки для подобной цели в то время, как в хлебе нуждаются многие семейства,

Untitled

которые можно было бы поддержать на деньги, предназначенные для этого обряда, способом, более угодным Богу". Разве это предложение, если взглянуть на него не глазами инквизиторов, могло привлечь на голову его виновника обвинение в лютеранстве? Следует заметить, что расходы по устройству переносного престола в Севильском кафедральном соборе, воск и другие украшения огромны и что они породили ряд песенок и острот.

XVIII. 13. Бартоломее Фуэнтес был нищий, просивший милостыню для отшельника севильского монастыря Св. Лазаря. Некоторые причины сделали его врагом священника в Хересе-де-ла-Фронтере и довели до того, что он сказал, что не верит, чтобы Бог сошел с неба на руки такого недостойного священника. Распоряжения верховного совета не позволяли, чтобы выражения подобного рода считались еретическими, если они вырвались в припадке гнева или другом состоянии, способном помутить разум. Однако его привели на аутодафе в рубашке, с кляпом во рту как подозреваемого в лютеранстве в самой малой степени.

XIX. 14 и 15. Педро Перес, студент из епархии Калаоры, и его товарищ по учению в Севилье Педро де Торрес появились вместе на той же церемонии и отреклись от ереси как легко подозреваемые. Они были изгнаны из города на два года. Второй из них обязан был заплатить штраф в сто дукатов за некие лютеранские действия, в которых его обвинили, то есть за то, что он списал несколько стихов неизвестного автора, составленных так, что, прочтенные особым образом, они представляли

Untitled

восхваление Лютера, а другим способом - сатиру на него [834]. Какое же это преступление со стороны молодых студентов?

XX. 16. Луис, американец, был четырнадцатилетний мулат. Он появился на аутодафе босым, в рубашке, с веревкой на шее и был приговорен к двумстам ударам кнута и к пожизненной службе на королевских галерах, без права когда-либо быть освобожденным или выкупленным. Он считался соучастником Мельхиора дель Сальто, приговоренного к сожжению на том же аутодафе за его ссору с начальником тюрьмы святого трибунала и раны, нанесенные его помощнику.

XXI. 17. Гаспар де Бенавидес был начальником тюрьмы, о котором говорилось в 20-м параграфе. Это не спасло его от позора появления на аутодафе в рубашке, со свечой в руке. Он был изгнан навсегда из Севильи и потерял свое место. Его осудили за малое усердие и невнимательность к службе. Сравните эту квалификацию и приговор, в котором его обвиняли. Он похищал часть и без того небольших пайков у заключенных; доставляемое им продовольствие было плохого качества, но он заставлял оплачивать его дорого; он нисколько не заботился о приготовлении пищи, которая была плохо сварена и плохо приправлена; он обманывал их в цене дров и присчитывал непроизведенные расходы. Если какой-либо арестант жаловался, он переводил его в сырой и темный застенок, в котором оставлял на две недели и даже дольше, чтобы наказать за дерзость; он постоянно говорил, что действует так по приказу инквизиторов; когда же он выпускал заключенного из застенка, то утверждал, что эта перемена

Untitled

произошла по его ходатайству. Когда какой-нибудь узник просил вызова, Гаспар, боясь, что это угрожает доносом на него, избегал говорить об этом инквизиторам, а на другой день сообщал, что инквизиторы ответили, будто их занятость не позволяют им разрешать добровольные вызовы; и не было такой вопиющей несправедливости, которой он не совершил бы по отношению к своим узникам, пока драка, приведшая к осуждению, не разоблачила его поведения. Разве не имелось против этого изверга больше обвинений, чем против Мельхиора дель Сальто и мулата Луиса?

XXII. 18. Мария Гонсалес, прислуга начальника тюрьмы Гаспара де Бенавидеса, появилась на аутодафе в рубашке, с веревкой на шее, в санбенито, с кляпом во рту. Ее приговорили к двумстам ударам кнута и к изгнанию на десять лет. Ее преступление состояло в получении денег от некоторых узников, для разрешения им видаться и говорить.

XXIII. 19. Педро Эррера из Севильи был приговорен к той же каре; к ней было прибавлено десять лет галер и потеря денег. Он был слугою Гаспара и делал то же, что и Мария.

XXIV. 20. Гиль, фламандец, родившийся в Амстердаме, понес наказание в сто ударов кнутом и был изгнан из Севильи. На церемонии аутодафе он был в рубашке и со свечой в руке. Он знал, что один узник инквизиции, недавно прибывший из Америки, занимался отыскиванием средств к побегу, и не донес на него.

XXV. 21. Инесса Нунъес, девушка, поселившаяся в Севилье, была примирена с Церковью как подозреваемая в лютеранстве. Также и шесть других женщин и один

Untitled

мужчина - и по той же причине. Кроме того, еще две женщины: одна - обвиненная в иудаизме, другая - в магометанстве, и трое мужчин - за то, что сказали, что блуд не является смертным грехом.

XXVI. 22. Донья Хуанна Бооркес была объявлена невинной. Ее историю следует рассказать. Она была законной дочерью дона Педро Гарсия де Херес-и-Бооркеса и сестрою доньи Марии Бооркес, погибшей на предыдущем аутодафе. Она вышла замуж за дона Франсиско де Варгаса, владельца местечка Игера. Ее заключили в секретную тюрьму, когда ее несчастная сестра заявила, что открыла ей свои верования, которые та не оспаривала. Как будто молчание доказывает принятие учения, а не мотивируется часто невозможностью понять суть дела и, следовательно, исполнить обязанность доноса! Хуанна Бооркес была беременна на шестом месяце. Однако инквизиторы не подождали с ведением ее процесса, пока она родит, - варварское обращение, которому не следует изумляться после несправедливости, которую они совершили, приказав арестовать ее без получения доказательств мнимого преступления. Она родила в тюрьме; через неделю у нее отняли ребенка, вопреки самым святым правам природы, и она была заключена в обыкновенный застенок святого трибунала, думая вероятно, что приняли все меры, требуемые для нее человечностью, отведя ей помещение, менее неудобное, чем тюремная камера. Случай доставил ей утешение иметь соседкой молодую девушку, потом сожженную в качестве лютеранки, которая, сочувствуя ее положению, помогала ей во время выздоровления. Вскоре она сама

Untitled

стала нуждаться в уходе: она была подвергнута пытке; все члены ее омертвели и были почти раздроблены. Хуанна Бооркес, в свою очередь, ухаживала за нею в своем тяжелом состоянии.

Хуанна еще не окрепла вполне после болезни, когда ее повели в камеру пыток и подвергли тому же испытанию. Она отреклась от всего. Веревки, которыми были связаны ее слабые члены, проникли до костей; несколько сосудов лопнуло внутри тела, и потоки крови полились изо рта. Умиравшей она была отнесена в тюрьму и перестала страдать через несколько дней. Инквизиторы думали искупить это жестокое человекоубийство, объявив Хуанну Бооркес невинной на аутодафе. С какой тяжелой ответственностью явятся эти каннибалы на божественный суд!

Глава XXII Указы 1561 года, служившие до наших дней правилом в процессах инквизиции

I. Время заставило почти совсем забыть старинные законы святого трибунала, и инквизиторы практически не следовали им в образовании и ведении дел. Главный инквизитор Вальдес осознал необходимость реформы этого порядка вещей. Можно было бы удовлетвориться перепечаткой правил, опубликованных Торквемадой в 1484, 1485, 1488 и 1498 годах, и правил Диего Десы, его преемника. Но с этих пор представилось множество чрезвычайных случаев, которые побудили инквизиторов публиковать постепенно дополнения и новые декларации, так что, как можно видеть из предшествующих глав этой Истории, глава инквизиции счел более удобным свести постановления, составив один закон из всех, польза

Untitled

которых оправдана практикой. Вследствие этого 2 сентября 1561 года он опубликовал в Мадриде указ, составленный из восьмидесяти одной статьи, который я помещаю здесь, потому что до сих пор он был кодексом инквизиции для образования процессов и окончательного приговора.

II. Я представлю извлечение из этих постановлений со всей тщательностью, на которую я способен, чтобы избавить любопытствующих от скуки чтения буквального текста, хотя ученые были, может быть, более довольны, если бы нашли здесь не только дух этого закона, в котором старинные постановления комбинированы с несколькими новыми, но и самую букву этой последней части старинного уложения. Я с готовностью ответил бы на эти пожелания друзей истории, публикуя все эти статьи в форме приложения, если бы мне позволил это план моего труда. Но я вижу себя принужденным следовать предписанному себе правилу относительно других оправдательных документов.

III. Предисловие. "Мы, дом Фернандо Вальдес, милостию Божиею архиепископ Севильи, апостолический главный инквизитор против ереси отступничества во всех королевствах и владениях его величества, и проч.; мы даем вам знать, достопочтенные апостолические инквизиторы, что до нашего сведения дошло, что, хотя указами святого трибунала было предусмотрено, чтобы во всех инквизициях следовали точно и единообразно одному и тому же способу судопроизводства, находятся трибуналы, где это мероприятие плохо соблюдается. Чтобы в будущем не было больше различия в поведении трибуналов и правилах, которым они должны следовать,

Untitled

после сообщений и многократных совещаний с главным советом инквизиции было решено, что следующий порядок будет соблюдается всеми трибуналами святой инквизиции:

1) Когда инквизиторы пользуются информацией, из которой вытекает, что были высказаны предположения, которые могут быть объявлены святому трибуналу, они должны запросить ученых богословов - честных, способных оценить предположения, - которые выскажут свое решение письменно и за своей подписью.

2) Если установлено, согласно мнению богословов, что исследованный вопрос есть вопрос веры или если он ясен сам по себе, без запроса их, и объявляемый факт достаточно доказан, прокурор-фискал объявляет имя автора доноса и скомпрометированных лиц, если они есть, и требует их ареста {Доносчик допускается как свидетель вопреки принципам права, и к нему не применяется кара клеветника, если он будет признан таковым.}.

3) Инквизиторы, собравшись, решают, следует ли постановить заключение в тюрьму; в сомнительных случаях они вызывают юрисконсультов, чтобы запросить, находят ли они эту меру подходящей {Эта мера никогда не казалась им необходимой. Старинные буллы и пожелания кортесов позаботились о том, чтобы определение суда об аресте было подписано инквизитором - епархиальным епископом - и состоялось с его согласия. Здравый смысл диктовал эту меру, потому что определение об аресте не допускает апелляции. Об этом не сказано ни слова в указе. Следует ли этому удивляться? Ведь указ писан инквизиторами!}.

4) Когда доказательство недостаточно для постановления

Untitled

ареста объявленного лица, инквизиторы не должны ни вызывать его в суд, ни подвергать допросу, потому что опыт доказал, что еретик, не пользующийся своей свободой, ничего не скажет и что эта мера служит только к тому, чтобы сделать его более осторожным и внимательным для избежания всего, что может отягчить подозрения или улики против него {Этот способ судопроизводства более сообразовался бы с Евангелием и, отрицал ли бы обвиняемый факты или признавал их, служил бы для братского исправления Если бы поведение обвиняемого улучшилось, можно было бы порадоваться применению его ввиду достигнутого им блага. Но, очевидно, для инквизиторов благо, которое они могли добыть, состояло не в остановке движения еретических предположений, а в нагромождении улик, необходимых для умножения арестов и штрафов.}.

5) Если инквизиторы не согласны между собою по вопросу об определении ареста подсудимого, документы начатого судопроизводства должны быть отосланы в совет; и эта посылка состоится, хотя они будут единодушны в решении, если скомпрометированные принадлежат к числу знатных или уважаемых лиц.

6) Инквизиторы подписывают мандат об аресте и направляют его к великому альгвасилу святого трибунала. Если дело идет о формальной ереси, эта мера должна немедленно сопровождаться изъятием имущества, принадлежащего арестуемому. Если приходится заключить под стражу несколько человек, будет выдано столько же мандатов о заключении в тюрьму, отдельных и независимых друг от друга, для исполнения порознь. Эта

Untitled

предосторожность необходима для тайны в том случае, когда один альгвасил не может арестовать всех подсудимых. В процессе будет сделана отметка о дне, когда выдан мандат, и о лице, его получившем.

7) Альгвасил будет сопровождать при исполнении мандата о заключении в тюрьму секретарем секвестра и сборщиком. Альгвасил назначает хранителя имущества; если сборщик не удовлетворен назначением, назначают другого, потому что он ответствен.

8) Секретарь при изъятии отмечает порознь, один за другим, все предметы, а также день, месяц и год наложения ареста на имущество; он подписывает протокол вместе с альгвасилом, сборщиком, хранителем и свидетелями. Копию этого документа он дает назначенному хранителю; если другие захотят ее иметь, он уполномочен требовать оплаты изготовления копии.

9) Альгвасил отбирает из имущества подсудимого все необходимое для издержек по его помещению, продовольствию и отправке; он дает отчет в полученном по прибытии в инквизицию. Если у него останутся деньги, он передает их расходчику, который употребит их на продовольствие для заключенного.

10) Альгвасил требует от заключенного передачи денег, бумаг, оружия и всего, что было бы опасно при нем оставить. Он не потерпит никакого сообщения, ни письменного, ни устного, с другими заключенными без разрешения инквизиторов. Он передаст все вещи, найденные у заключенного, тюремному смотрителю и получит от него расписку, в которой будет обозначен день передачи. Тюремный смотритель известит инквизиторов о

Untitled

прибытии заключенного и поместит его таким образом, чтобы он не имел в своем распоряжении никаких предметов, которые могли бы быть опасны в его руках, так как заключенный ему доверен и он должен за него отвечать. Один из секретарей святого трибунала будет присутствовать и составит протокол мандата о заключении в тюрьму и о его исполнении; он отметит здесь также час, когда заключенный вошел в тюрьму, принимая во внимание, что этот пункт имеет значение для отчетности расходчика.

11) Тюремный смотритель не должен помещать нескольких заключенных вместе; он не позволит им сообщаться друг с другом, если только инквизиторы не сочтут удобным это разрешить.

12) Тюремный смотритель будет снабжен реестром, в который должны быть внесены все вещи, находящиеся в комнате заключенного, кроме платья и съестных припасов, и который он получит от каждого заключенного; он подпишет смету реестра вместе с секретарем и известит об этом инквизиторов. Он не передаст заключенному ни съестных припасов, ни одежды, не рассмотрев и не исследовав их весьма тщательно, чтобы увериться, что они не содержат ни писем, ни оружия, ни какого-либо другого предмета, из которого можно сделать дурное употребление.

13) Когда инквизиторы сочтут необходимым, они прикажут привести пленника в зал заседаний суда, где велют ему сесть на скамью или на табурет и заставят его клятвенно обещать говорить правду и в этот раз, и в следующие. Они спросят у него имя, фамилию, возраст, место рождения,

Untitled

место жительства, должность или положение и время его ареста. Они должны обращаться с ним человечно и иметь уважение к его рангу, сохраняя всегда авторитет, приличный судьям, чтобы обвиняемый не вышел из границ, уважения и не позволил себе чего-либо заслуживающего порицания. Во время заседания, при чтении обвиняемому акта объявления фискала, он должен стоять.

14) Затем допросят обвиняемого о его генеалогии [835], чтобы он указал своих отца и мать, предков и других родственников по восходящей линии, братьев, племянников, дядей, кузенов и их жен. У него спросят, был ли он женат прежде или теперь состоит в браке, сколько раз он был женат, на какой женщине он женился, сколько он имел детей от каждого брака, каков возраст его детей, а также их положение и место жительства. Секретарь запишет все эти подробности, внимательно следя за тем, чтобы проставлять в начале строки имена называемых лиц, потому что эта практика полезна при справке в реестрах, чтобы знать, нет ли там тех, кто происходит от евреев, мавров, еретиков или других личностей, наказанных святым трибуналом.

15) Когда эта формальность будет исполнена, обвиняемому велют вкратце рассказать свою жизнь, указывая города, где он прожил значительное время, и мотивы его пребывания в них, лиц, которых он там встречал, друзей, которых имел, занятия, которым предавался, учителей, у которых учился, время начала занятий и их продолжительность. Если он уезжал из Испании, то когда и вместе с кем покидал эту страну и

Untitled

сколько времени продолжалось его отсутствие. У него спросят, наставлен ли он в истинах христианской религии, и заставят его прочитать Отче наш ("Pater noster"), Богородице Дево, радуйся ("Ave Maria") и Верую ("Credo"). Ему велют сказать, исповедовался ли он и с какими духовниками он исполнял этот христианский долг. После того как он даст во всем этом отчет, его спросят, знает ли он или предполагает причину его ареста, и его ответ определит дальнейшие вопросы, которые ему сделают, предупредив и обязав на этом допросе и двух других следующих заседаниях показывать правду. Инквизиторы должны стараться не прерывать обвиняемого, когда он говорит, и позволять ему выражаться свободно, в то время как секретарь будет записывать его показания, за исключением не относящихся к процессу. Они задают обвиняемому все необходимые вопросы; однако они должны избегать утомлять его допросом о вещах, о которых не было речи, если только он не подаст повода к этому своими ответами.

16) Инквизиторам следует всегда опасаться, чтобы их не обманули свидетели или обвиняемый, и осторожно принимать какое-либо решение, потому что, если они составят себе мнение раньше, чем подобает это сделать, они не будут более беспристрастны, а, напротив, подвергнутся опасности ошибки.

17) Инквизиторы не должны говорить с обвиняемым ни в зале судебных заседаний, ни вне его ни о каком деле, постороннем его процессу. Секретарь запишет вопросы и ответы; после заседания он прочтет их обвиняемому, чтобы тот подписал их. Если он попросит прибавить,

Untitled

убавить, изменить или разъяснить какой-либо пункт, секретарь запишет это под его диктовку, не вычеркивая и не удостоверяя уже написанных пунктов.

18) Фискал представит свой обвинительный акт в срок, предписанный указом; он обвинит заключенного в общих чертах в ереси; затем он изложит факты и тезисы, извлеченные из показаний. Инквизиторы не имеют права наказывать обвиняемого за проступки, не касающиеся веры; но если предварительное следствие установит какой-нибудь из них, то фискал сделает его предметом обвинения, потому что это обстоятельство и обстоятельство хорошего или дурного поведения обвиняемого в обыкновенное время помогут судить об истине его ответов и послужат другим целям его процесса.

19) Даже если обвиняемый признает на первых заседаниях увещаний все обвинения своего процесса, фискал должен составить и представить свой обвинительный акт, потому что практика доказывает полезность того, чтобы дело, начатое вследствие доноса, продолжалось с привлечением к суду доносчика для большей свободы относительно применения кар и епитимий, чего не было бы, если бы дело велось единственно по службе.

20) Каждый раз, когда обвиняемый будет допущен в зал заседаний, ему будут напоминать о долге, налагаемом на него присягой говорить правду обо всем, на что от него потребуют ответа.

21) Фискал в конце своего обвинительного акта сделает оговорку, гласящую, что, если инквизиторы не находят его обвинение достаточно доказанным, он просит их назначить пытку обвиняемому, потому что (так как нельзя ее

Untitled

назначить без предварительного уведомления) необходимо, чтобы обвиняемый вперед знал об этом. Этот момент является наиболее благоприятным для данной цели, потому что заключенный к нему не подготовлен и, следовательно, получит известие с меньшим смятением {Происходит обратное этому: обвиняемый, давший чистосердечное показание, возмущается против столь жестокого требования, основанного только на ложном предположении. См. гл. IX этого сочинения.}.

22) Фискал представляет инквизиторам свой обвинительный акт или просьбу об обвинении. Секретарь читает ее в присутствии обвиняемого. Фискал присягает, что действует без злого умысла, и удаляется. Обвиняемый отвечает последовательно на все статьи этого акта.

Секретарь записывает его ответы в том же порядке, даже если обвиняемый все отрицал.

23) Инквизиторы поясняют обвиняемому, насколько для него важно сказать правду. Защитником ему дают одного из адвокатов святого трибунала, который беседует с ним в присутствии инквизитора, чтобы подготовиться к письменному ответу на обвинение, поклявшись в верности обвиняемому и соблюдении тайны трибунала, хотя он и исполнил уже последнее условие, когда был почтен званием адвоката заключенных святого трибунала. Он должен стараться убедить обвиняемого, что для него более всего важно быть искренним, просить прощения и потерпеть епитимью, если он признает себя виновным. Его ответ будет сообщен фискалу. Фискал, заключенный и его адвокат, присутствующие на заседании, сводят дело к улике. Инквизиторы велют представить ее, не обозначая

Untitled

дня и не извещая сторон, потому что ни обвиняемый, ни кто другой от его имени не должен присутствовать при принесении присяги свидетелями.

24) Секретарь должен дать адвокату прочесть показание обвиняемого относительно себя самого, но оставить в неведении о том, что сказано им о других; это сообщение необходимо адвокату для построения защиты клиента. Если последний потребует что-либо прибавить к своей декларации, адвокат не может при этом присутствовать и должен удалиться.

25) Если обвиняемый еще не достиг двадцатипятилетнего возраста, ему назначат попечителя до чтения обвинения. Эту обязанность может исполнить адвокат или какое другое лицо, хорошо известное, честное и достойное доверия. Обвиняемый должен подтвердить, с одобрения попечителя, свои показания на первых заседаниях; в дальнейшем попечитель будет ему помогать во всех затруднительных случаях и других обстоятельствах процесса.

26) По допущении улики фискал объявляет в присутствии обвиняемого, что он снова вводит и представляет свидетелей и улики, существующие в документах, в реестрах и в бумагах святого трибунала. Он требует, чтобы приступили к утверждению свидетельских показаний, заслушанных на предварительном следствии, к очной ставке свидетелей и оглашению их показаний. Если обвиняемый или его защитник возьмет слово, секретарь должен записать все сказанное.

27) Если по допущении улики обвиняемый окажется виновным в другом проступке, фискал обвинит его, и он

Untitled

будет привлечен к суду по обычным формам. Если улика первого проступка усилилась, достаточно объявить об этом обвиняемому.

28) В промежутке, отделяющем допущение улики от оглашения, обвиняемый может при посредстве тюремного смотрителя просить вызова в суд, если он будет в этом нуждаться. Инквизиторы должны разрешить вызов без проволочки, чтобы воспользоваться настроением, в котором находится обвиняемый и которое может меняться со дня на день.

29) Инквизиторы не пренебрегают ничем для утверждения показаний свидетелей и для принятия всех мер, необходимых для установления истины.

30) Утверждение показаний свидетелей происходит перед ответственными лицами, а именно перед двумя священниками, христианами старинного рода, честной жизни и незапятнанной репутации. В их присутствии свидетелей просят заявить, не помнят ли они, что когда-нибудь давали показания в каком-либо процессе инквизиции; если они ответят утвердительно, спрашивают у них некоторые подробности относительно настоящего дела и заинтересованных лиц. Когда они удовлетворят этому пункту, их предупреждают, что фискал выставил их свидетелями в процессе, учиненном против подсудимого. Им прочтут их первое показание, и, если они заявят, что удостоверяют эти факты, им рекомендуют подтвердить их, с добавлениями, убавлениями, объяснениями и изменениями, какие они сочтут необходимыми. Обо всем будет упомянуто в протоколе; отмечают также, свободен ли в этот момент свидетель или задержан в зале заседаний

Untitled

или в своей комнате и почему он не явился в светский суд.

31) По утверждении показаний свидетелей готовят оглашение, взяв копию с показаний каждого свидетеля; копия должна быть буквальная, исключая то, что может открыть обвиняемому свидетелей, доставивших улики. Если декларация слишком обширна, она должна быть разделена на несколько глав. Когда напишут оглашение свидетельских показаний, обвиняемому читают не все показания сразу. Начинают с чтения первого пункта показаний первого свидетеля, чтобы он мог отвечать проще и с большей ясностью; затем переходят ко второму, третьему и следующим пунктам и соблюдают тот же порядок для каждого сделанного показания. Инквизиторы ускоряют, насколько возможно, оглашение свидетельских показаний, чтобы избавить обвиняемых от долгой томительной задержки; они должны избегать всего, что могло бы заставить обвиняемых предположить, что существуют новые обвинения против них. И хотя подобные обстоятельства существуют в действительности и подсудимые отрицают обвинения, этого недостаточно для отсрочки применения формальностей и заключения дела.

32) Инквизиторы исполняют оглашение, диктуя секретарю, что ему следует писать, в присутствии обвиняемого или пишут сами и подписываются. Они проставляют в этом документе год, месяц и день, когда свидетель дал показания, если только это будет удобно сделать. Противное было бы в том случае, если свидетель находился в тюрьме. Они обозначают также время и место, когда произошли указанные факты, потому что эти подробности нужны для защиты обвиняемого; но

Untitled

обозначение места может быть сделано только в общих выражениях. В копии показания должны говорить в третьем лице, хотя бы свидетель говорил в первом.

Например: "Свидетель видел или слышал, что обвиняемый беседовал с одним человеком" и т. д. {Эта форма чрезвычайно вредна для обвиняемого, потому что беседа, бывшая с одним только лицом, меняет свой характер, так как манера рассказывать факт предполагает троих, то есть обвиняемого, собеседника и человека, который видел или слышал.}.

33) Если обвиняемый, давший показания на нескольких заседаниях, разоблачил проступки, совершенные названными им лицами, а позднее, давая новые показания, называет этих лиц в неопределенных и общих выражениях, употребляя, например, выражение: "те, которых я назвал", или какую-нибудь подобную формулу, то показания такого рода недействительны, потому что они не прилагаются прямо к лицу. Это должно обязать инквизиторов наблюдать за тем, чтобы заключенный, желающий говорить о нескольких лицах, называл их одного за другим и излагал затем факты или разговоры, которые он приписывает каждому из них.

34) Если обвиняемый признал обвинение, ему следует сообщить оглашение свидетельских показаний, чтобы он не подверг сомнению правильность способа, каким поступал трибунал, приказывая его арестовать, и чтобы судьи опирались с большим доверием на закон в момент произнесения приговора об участи обвиняемого. Ибо дискреционная власть бывает налицо только тогда, когда обвиняемый уличен и признал себя виновным; иначе

Untitled

нельзя было бы выставить против него обвинений, представленных свидетелями, показания коих не были ему сообщены, особенно в таком виде процесса, где он не присутствует при принесении присяги свидетелям.

35) Когда обвиняемый ответит на оглашение свидетельских показаний, ему будет позволено переговорить с адвокатом в присутствии инквизитора и секретаря, чтобы подготовить свою защиту. Секретарь запишет те подробности этого совещания, которые покажутся ему достойными внимания. Ни инквизитор, ни секретарь, ни тем более адвокат не должны оставаться наедине с обвиняемым. Так же должно обстоять дело и со всяким другим лицом, за исключением тюремного смотрителя или лица, его заменяющего. Иногда полезно, чтобы ученые и благочестивые лица посещали обвиняемых для увещевания их сознаться в том, что они упорно отрицают, хотя были в этом изобличены. Эти свидания могут происходить только при инквизиторе или секретаре. Не допускается, чтобы этим лицом был назначен прокурор (хотя старинные инструкции установили эту меру), потому что практика доказала, что из этого проистекает много неудобств {Эти неудобства не что иное, как опасность, которой подвергалась тайна святого трибунала от деятельности и мероприятий прокурора.}, кроме того, что обвиняемый извлекает из этого мало выгоды {Это ложь; напротив, эта выгода была очень высокой, потому что прокуроры, знавшие лиц, могущих доказать отвод предполагаемых свидетелей, извещали их, чтобы извлечь выгоду в пользу обвиняемого.}. Впрочем, если бы какое-нибудь непредвиденное обстоятельство сделало это распоряжение необходимым, можно

Untitled

уполномочить адвоката обвиняемого исполнить эти обязанности.

36) Если обвиняемый просит позволить ему писать, чтобы закрепить пункты своей защиты, ему дают бумагу, но прежде считают листы и нумеруют листы, чтобы обвиняемый представил их исписанными или чистыми. Когда его работа будет окончена, ему дают возможность поговорить с адвокатом, которому он сообщит написанное, с непременным условием, что адвокат возвратит оригинал, не сняв копии, когда представит свою жалобу в трибунал. В случае, если будет допрос свидетелей защиты обвиняемого, последний может поименовать на полях каждой статьи столько свидетелей, сколько захочет, чтобы можно было допросить тех из них, кто является наиболее важным и достойным веры {Почему позволяют себе удалять кого-либо из них? Почему не выслушать их всех и потом разобрать, заслуживают ли они доверия?}. Ему следует также посоветовать назвать свидетелями христиан старинного рода, которые бы не были ни его слугами, ни его родственниками, исключая случаи, когда вопросы могут быть доказаны только ими {Какая несправедливость! Новохристиане, родственники, слуги, злодеи, негодяи, каждый мужчина, женщина, ребенок допускаются давать показания против обвиняемого, а он не может сослаться на свидетельство никого из родственников или слуг!}. Прежде чем жалоба будет представлена адвокатом, обвиняемый может познакомиться с ней. Инквизиторы объявляют адвокату, чтобы он ограничил себя в защите обвиняемого пределами того, что нужно сказать, и хранил совершеннейшее молчание насчет того, о чем говорят за

Untitled

стенами, принимая во внимание, что опыт показал неудобства, происходящие из подобного рода разоблачений, даже по отношению к обвиняемым. Они передают ему все бумаги без права снять копию даже с жалобы, черновой набросок которой, при его наличии, он должен также передать.

37) Всякий раз, когда обвиняемый будет допущен на заседание суда, фискал контролирует состояние процесса, чтобы выяснить, нет ли в деле новых материалов; он получает в судебном порядке показания обвиняемого и отмечает на полях имена лиц, против которых были сделаны разоблачения, и все другие пункты, годные для выяснения дела.

38) Инквизиторы получают сообщения, относящиеся к защите обвиняемого, показания в его пользу, косвенные улики и отводы свидетелей с таким же старанием и внимательностью, с каким получают сообщения фискала, чтобы задержание обвиняемого, препятствующее ему защищаться, не послужило помехой для выяснения истины.

39) Когда инквизиторы получают важнейшие сообщения для защиты заключенного, они велят ему прийти в трибунал в сопровождении адвоката. Они объявляют им, что доказательства всех обстоятельств, смягчающие вину, получены и что они могут высказаться, если только не будет какой-нибудь новой просьбы с их стороны; в этом случае они делают для обвиняемого все, что им позволено. Если обвиняемый заявит, что ему нечего более сказать, фискал может дать свои заключения; однако будет лучше, если он пока подождет, чтобы выгадать себе пользу

Untitled

из всех инцидентов, которые могут произойти. Если обвиняемый попросит оглашения свидетельских показаний, выслушанных в его защиту, в этом ему откажут, потому что оглашение помогло бы ему открыть лиц, показавших против него {Вот несправедливость! Если бы обвиняемый видел доказанные статьи защитительного допроса или если бы, по крайней мере, они были сообщены его защитнику, он часто мог бы извлечь из них решительные аргументы против показаний свидетелей со стороны прокурора.}.

40) Когда процесс будет в состоянии стать предметом обсуждения, инквизиторы позовут епископа и юрисконсультов. Так как докладчик не предусмотрен, декан инквизиторов сам сделает доклад о деле, не высказывая своего мнения, а затем секретарь читает его в присутствии инквизиторов и фискала, который будет сидеть рядом с юрисконсультами и должен будет удалиться, прежде чем судьи станут голосовать. Юрисконсульты первые высказывают свои мнения, затем епископ; инквизиторы будут голосовать после него, а последним голосует декан. Каждый голосующий свободен выражать такие соображения, какие он сочтет подходящими, и никто не может обвинить его в злонамеренности, прервать его или помешать ему. Если инквизиторы проголосуют по-иному, они изложат свои мотивы, чтобы доказать, что не было никакого произвола в их поведении. Секретарь впишет каждое мнение в предназначенный для этого реестр и присоединит их все к процессу.

41) Когда обвиняемый признает себя виновным и его признания будут надлежащим образом мотивированы, он

Untitled

будет допущен к примирению с Церковью, если он не рецидивист. Его имущество должно быть конфисковано; его заставят надеть платье кающегося или санбенито (то есть нарамник из полотна или сукна желтого цвета с двумя наискось расположенными крестами другого цвета), и он будет заключен в пожизненную тюрьму, называемую Милосердием. Что касается цвета платья, которое он должен носить, и конфискации его имущества, то, принимая во внимание, что в некоторых провинциях королевства Арагона существуют и действуют привилегии (*feuros*) [836], а также регламенты и особые обычаи, следует с ними соотноситься и возвращать свободу и обычное платье осужденному, согласно с распоряжениями судебного решения. Если признают, что осужденный должен оставаться в тюрьме на неограниченный срок, в решении должно быть указано, что задержание осужденного продлится, пока главный инквизитор будет считать это целесообразным. Если обвиняемый действительно рецидивист, потому что ранее отрекся от определенной ереси, или лжекающийся, потому что отрекся как сильно подозреваемый, и если в настоящем деле он изобличен в том, что впал в ту же ересь, то он будет выдан светскому судье по предписанию закона. При этом не следует допускать, чтобы он мог избежать этой кары, хотя бы он заявлял, что в данном случае его признания искренни и раскаяние действительно.

42) Отречение должно быть написано вслед за приговором и подписано обвиняемым; если он не в состоянии подписаться, эта формальность будет исполнена

Untitled

инквизитором и секретарем; если осужденный отрекается на публичном аутодафе, отречение будет подписано на другой день в зале заседаний.

43) Если обвиняемый будет изобличен в преступлении ереси, недобросовестности и упорстве, он будет передан в руки светской власти. Однако инквизиторы не пренебрегут ничем для того, чтобы он обратился и умер в церковной вере.

44) Если обвиняемый, уже осужденный и извещенный о приговоре накануне аутодафе, обратится и признает свои заблуждения или часть их, так что можно быть уверенным, что он тронут искренним раскаянием, то эта казнь ему будет отсрочена, так как нельзя допустить, чтобы он услышал имена тех, кто должен умереть, и тех, кто не приговорен к смерти, ибо эти сведения и доклад о жалобах могли бы ему послужить для подготовки судебного признания. Если обвиняемый обратится на эшафоте аутодафе, еще не услышав своего приговора, инквизиторы должны предположить, что страх смерти больше участвовал в таком поступке, нежели истинное раскаяние в преступлении. И все-таки, если по обстоятельствам случившегося, а особенно по самой исповеди обвиняемого инквизиторы найдут удобным приостановить казнь, они иногда могут это сделать, принимая во внимание, однако, что не следует слишком верить показаниям, сделанным в такую минуту подобными обвиняемыми, а особенно таким показаниям, которые имеют целью скомпрометировать других лиц.

45) Инквизиторы должны зрело взвесить все доводы и обстоятельства прежде, чем назначить пытку; когда они

Untitled

решат прибегнуть к ней, они должны указать мотивы своего решения. Они объявят, должна ли пытка быть употреблена *in caput proprium* (по собственному делу), потому что обвиняемый подвергается ей как твердый в своих заперательствах и не вполне уличенный в своем собственном деле; или он подвергнется ей *in caput alienum* (по чужому делу) как свидетель, отрицающий в процессе другого обвиняемого факты, которых он был свидетелем. Если он уличен в недобросовестности в своем собственном деле и, следовательно, подлежит передаче в руки светской власти, или если он уличен в этом отношении в чужом деле, его можно подвергнуть пытке, хотя он должен затем быть выдан светскому судье за то, что касается его лично. Если он ничего не откроет под пыткой, которой подвергнется как свидетель, то он будет осужден как обвиняемый; но если пытка заставит его признать свое преступление и разоблачить преступление другого и он будет ходатайствовать о снисхождении судей, инквизиторы должны поступить в соответствии с правилами закона.

46) Если существует только полуулика проступка или если признаки не позволяют освободить обвиняемого, его заставляют произнести отречение как сильно или легко подозреваемого. Так как эта мера не является наказанием за происшедшее, а предупреждением на будущее, на него налагают денежный штраф и уведомляют, что, если он впадет в преступление, по поводу которого на него поступил донос, он будет рассматриваем как рецидивист и выдан светскому судье; для этого ему следует дать подписать акт отречения.

Untitled

47) В случае проступка, в котором существуют только полуулика или заменяющие ее признаки, обвиняемому иногда дозволительно оправдаться перед лицами, предписанными прежними инструкциями. Инквизиторы, епископ и юрисконсульты могут определить эту каноническую меру, если они сочтут ее подходящей. Но предупреждаем их, что это средство очень опасно, малоупотребительно и должно быть употребляемо с большой осторожностью¹.

48) Третий способ действия в случае, о котором идет речь, - прибегнуть к пытке. Это средство слывет за опасное и малодостоверное, потому что его действие зависит от больших или меньших физических сил субъекта. Поэтому нельзя предписать правила на этот счет, но надо положиться на благоразумие и справедливость судей. Во всяком случае, пытка может быть определена только на собрании епископа, юрисконсультов и инквизиторов и применена лишь в их присутствии, потому что могут явиться обстоятельства, когда их присутствие будет необходимо {Оно было малоупотребительно, потому что инквизиторы не любили выставлять напоказ тайны своих незаконных средств; они считали его очень опасным, потому что оно было благоприятно для обвиняемых в том небольшом числе случаев, когда его употребляли. Они хотят, чтобы им пользовались с величайшей сдержанностью, потому что хорошо понимают, что не инквизиторы будут вести себя как судьи. Каноническое испытание, происходившее в присутствии двенадцати человек, заявлявших под присягой, что они верят, что обвиняемый сказал правду, отрицая преступление, в

Untitled

котором он подозревается и не вполне уличен, или что он солгал, в то время как у них были перед глазами признаки и полуулика, - представляло род жюри, которому инквизиторы были обязаны показать подлинный процесс, по крайней мере под секретом, и тогда обвиняемый зависел более от двенадцати присяжных, чем от инквизиторов. Вот вся тайна.

Я не читал процесса, который доказывал бы, что присутствовало более одного инквизитора при этой экзекуции; на ней никогда не было ни епископа, ни юрисконсультов; дело происходило в присутствии секретаря, инквизитора и палачей.}

49) Когда понадобится определить пытку, обвиняемого уведомят о мотивах, обязывающих ее употребить, и о пунктах, по которым он должен ей подвергнуться. Но во время пытки его не должны спрашивать ни об одном частном факте, а, напротив, должны дать свободу говорить все, что он захочет. Опыт доказывает, что если задают вопросы, то обвиняемый в минуту, когда боль довела его до последней крайности, показывает все, чего от него хотят; это может повредить другим лицам, а также произвести другие неудобства.

50) Пытку следует определять только после окончания процесса и заслушивания защиты обвиняемого. Так как приговор о применении пытки допускает апелляцию, когда инквизиторы будут иметь некоторое сомнение на этот счет, то они должны запросить совет; если обвиняемый выставит свою апелляцию, она будет принята. Но если вопрос ясен, инквизиторы не обязаны ни запрашивать верховный совет, ни принимать обжалование обвиняемого.

Untitled

Они могут рассматривать эту меру как недействительную и приступать без промедления к исполнению приговора {Это последнее распоряжение страшно. Инквизиторы скажут почти всегда, что пункт закона ясен и апелляция не мотивирована. Но какое неудобство может произойти от отсрочки применения пытки, как просит об этом обвиняемый из глубины своей тюрьмы! При запросе совета совесть инквизиторов была бы спокойна, если только можно верить в спокойствие совести инквизитора, который приказывает пытать и сам является очевидцем-свидетелем последствий своей жестокости}.

51) Если инквизиторы признают, что апелляция должна быть принята, они отправят документы процесса в верховный совет, ничего не говоря сторонам, потому что, если совет сочтет нужным, чтобы они были уведомлены, он распорядится на этот счет.

52) Если один инквизитор отведен и если есть другой в трибунале, первый воздерживается от исполнения возложенных на него обязанностей и второй заступает на его место после того, как совет будет об этом уведомлен. Если в трибунале только один инквизитор, судопроизводство будет приостановлено до решения верховного совета; так же будут поступать, если есть несколько инквизиторов и все они отведены.

53) Через двадцать четыре часа после пытки у обвиняемого спрашивают, настаивает ли он на своих показаниях и подтвердит ли их. Секретарь трибунала определяет час, когда эта формальность должна быть исполнена, так же как время, когда заключенный должен подвергнуться пытке. Если во время пытки обвиняемый

Untitled

сделал признание в своих преступлениях и если он утвердит затем свою исповедь таким образом, что инквизиторы могут считать его обращенным, раскаивающимся и искренним в своих признаниях, они могут допустить его к примирению, несмотря на пятнадцатую статью севильского указа 1484 года. Если обвиняемый возьмет назад свои показания, инквизиторы поступят сообразно предписанию закона.

54) Когда инквизиторы, епископ и юрисконсульты определяют пытку, они не постановляют ничего о том, что следует делать после ее применения, потому что при неизвестности результата нельзя ничего постановлять на этот счет. Если обвиняемый перенесет пытку, судьи обдумают свойство, форму и характер мучений, которые его заставили претерпеть, большую или меньшую напряженность, с которой они действовали, возраст, силы, здоровье и крепость узника. Они сравнят все эти обстоятельства с числом и важностью признаков, заставляющих предполагать его виновность, и решат, оправдался ли он в подозрениях тем, что вынес; при утвердительном ответе они объявят его свободным от суда, в противном случае он произнесет отречение, сообразное более или менее тяжелому подозрению.

55) Только судьи, секретарь и исполнители будут присутствовать при пытке; когда она прекратится, инквизиторы должны быстро и подходящим образом лечить обвиняемого, если он будет ранен, не допуская приближаться к нему подозрительных лиц до утверждения его показаний.

56) Инквизиторы с большим старанием должны наблюдать

Untitled

за тем, чтобы тюремный смотритель не внушал ничего обвиняемому относительно его защиты, чтобы обвиняемый во всем, что он скажет, следовал только собственному побуждению. Эта мера не позволяет, чтобы тюремный смотритель исправлял обязанности куратора или защитника заключенного, или заместителя фискала; он может, однако, служить писцом обвиняемому, если последний не умеет писать; в этом случае ему воспрещается заменять собственными мыслями мысли обвиняемого, которыми единственно он должен быть занят.

57) Когда дело во второй раз станет предметом обсуждения, состоится новое заседание инквизиторов, епископа, юрисконсультов, фискала и секретаря. Фискал выслушает доклад о последних событиях, чтобы знать, не содержат ли они чего-либо важного, относящегося к его службе; после чтения он удалится, чтобы судьи могли голосовать одни.

58) Когда инквизиторы выпустят обвиняемого из тайной тюрьмы, он будет приведен в залу заседаний. Они спросят у него, хорошо или плохо обращался с ним, а также и с другими заключенными тюремный смотритель, говорил ли он с ним или с другими лицами о делах, посторонних его процессу, видел ли он или узнал, что другие заключенные беседовали друг с другом или с лицами извне или что тюремный смотритель давал им советы. Они прикажут ему сохранять в тайне эти подробности и все, что произошло во время его задержания, и велят ему подписать обещание, если он умеет писать, чтобы он боялся нарушить его.

Untitled

59) Если заключенный умрет, когда процесс будет закончен, и его показания не смягчат обвинения свидетелей, так что можно было бы мотивировать его примирение с Церковью, инквизиторы уведомят о его смерти детей, наследников или других лиц, кому принадлежит право защищать его память и имущество, и, если следует продолжать дело умершего, им передадут копию показаний и обвинительного акта {Почему не дать также копии признаний? Как они могут его защищать, если они не знают фактов, относящихся к умершему, с объяснениями, данными этим фактам? Разве их читают адвокату живого обвиняемого?} и получают все, что будет ими выставлено в защиту обвиняемого.

60) Если ранее заключения процесса обвиняемый впадет в сумасшествие, ему будет назначен попечитель или защитник. Если при излечении обвиняемого всеми своими моральными способностями его дети или его родственники направят в трибунал какое-нибудь средство защиты в его пользу, инквизиторы не позволят, чтобы эти бумаги были присоединены к тем, что образуют предмет процесса, потому что ни дети, ни родственники обвиняемого не являются законной стороной. Однако в особом и отдельном документе они могут определить, что покажется им справедливым, и принять меры, приличествующие открытию истины, не сообщая ничего об этом ни обвиняемому, ни лицам, его представляющим.

61) Если будет существовать состав улик, достаточный для вчинения процесса против памяти и имущества умершего по прежней инструкции, обвинение фискала будет предъявлено детям, наследникам или заинтересованным

Untitled

лицам, каждое из которых получит копию оповещения. Если никто не явится ни для защиты памяти обвиняемого, ни для протеста против конфискации его имущества, инквизиторы назначат защитника и продолжат процесс, рассматривая защитника как сторону процесса. Если кто-нибудь явится как заинтересованный в деле, то он будет допущен к объявлению своих прав, - хотя бы он был в то время заключенным святого трибунала, но он будет обязан избрать себе доверенное лицо из числа свободных людей. Во все время продолжения дела изъятие имущества не может происходить, потому что оно перешло в другие руки; однако владельцы будут лишены его, если умерший будет признан виновным.

62) Если кто-нибудь будет освобожден от суда (*extra in-stantiam*), это решение трибунала будет объявлено на аутодафе публичным актом таким образом, какой будет подходить заинтересованной стороне. В нем не будут обозначены заблуждения, в которых он обвинялся, если обвинение не было доказано. Всякий раз, когда идет речь об умершем и его память объявляется непричастной к делу (*extra causam*), решение суда будет опубликовано формально, потому что дело против умершего было публичным и явным.

63) В случае, если будет назначен защитник памяти лица, обвиненного после смерти, за неимением заинтересованных сторон, которые приняли бы на себя защиту, выбор не может пасть на человека, постороннего трибуналу инквизиции. Ему будет предъявлено требование хранить тайну всех обстоятельств процесса и сообщать показания и обвинение только адвокатам узников,

Untitled

заинтересованных в этом деле, за исключением решения инквизиторов, которое позволит ему сообщить об этом другим лицам.

64) Когда пойдет речь о привлечении к суду отсутствующих лиц, их будут вызывать к явке в суд тремя публичными актами вызова через более или менее продолжительные промежутки, согласно известному или предполагаемому расстоянию их пребывания. Прокурор-фискал будет доносить о неявке в суд в конце каждого срока повестки.

65) Инквизиторы расследуют многие проступки, которые вызывают подозрение в ереси, хотя и не смотрят на обвиняемого как на еретика в ряде обстоятельств, каковы суть: двоеженство, формальные богохульства и неблагозвучные выражения. В подобных случаях применение наказаний зависит от благоразумия судей, которые должны следовать правилам закона и обращать внимание на более или менее тяжелое свойство проступка. Однако, если они присудят обвиняемого к телесным наказаниям, каковы кнут или галеры, то эти наказания не могут быть заменены денежными штрафами, ибо эта мера была бы вымогательством и наносила бы ущерб суду.

66) Когда инквизиторы и епископ соберутся для голосования окончательного приговора, то, если они разойдутся в мнениях, процесс направляется в совет; но если разделение мнений произошло вследствие голосования юрисконсультов, то, хотя они и находятся в большинстве, инквизиторы могут не считаться с этим, постановляя окончательный приговор по своим голосам и по голосу епископа, если только важность процесса не

Untitled

обязывает их прибегнуть к совету, хотя бы и было единодушие между инквизиторами, епископом и юрисконсультами {Позднее было приказано так поступать при всех окончательных приговорах без различия.}.

67)

Секретари
трибунала
составят
столько

буквальных засвидетельствованных копий с показаний свидетелей и признаний обвиняемого, сколько будет лиц, обозначенных как виновные или подозреваемые в ереси, чтобы против каждого шел отдельный процесс; ибо не достаточно ссылаться на бумаги, где находятся подлинные улики, ввиду того, что отсюда всегда проистекает путаница и что предписанная мера многократно была употребляема, хотя и признано, что она увеличивает труд секретарей.

68) Когда инквизиторы осведомлены, что некоторые узники разговаривают с другими заключенными, они должны убедиться в истине факта, осведомиться об имени и звании оговоренных, о том, что было предметом их бесед, и обвиняются ли они в том же роде преступления. В процессе заключенного будет упомянуто об этих подробностях. В подобном случае следует мало придавать веры показаниям, сделанным заключенными позже этого насчет их собственного дела, а еще менее тем, которые они могут дать насчет других узников.

69) Когда один процесс будет приостановлен инквизиторами, а в это время начнется другой, даже по иному проступку, улики первого процесса будут

Untitled

присоединены ко второму, и фискал выставит их в своем обвинительном акте, потому что они имеют свойство отягчать новый проступок, вменяемый обвиняемому.

70) Когда двое или несколько заключенных будут посажены в одну и ту же тюрьму, не позволено будет больше их разделять или давать им новых сожителей. Если чрезвычайные обстоятельства заставят действовать иначе, об этом будет упомянуто в процессе каждого, и этот инцидент должен ослабить вес показаний, сделанных после данной перемены, ибо часто случается, что каждый задержанный передает своим сожителям все, что он знает и видел, и тогда эти сообщения влияют на отпирательства, которые применяются иногда заключенными к их прежним признаниям.

71) Если узник заболеет, инквизиторы должны наблюдать за тем, чтобы ему была оказана искусная помощь, но особенно попечение о душе. Если он потребует духовника, инквизиторы призывают просвещенного человека, достойного их доверия; они рекомендуют ему в тайной исповеди не принимать на себя ни к кому никакого поручения. Если обвиняемый даст ему поручение вне покаянной исповеди, духовник должен сообщить инквизиторам все, что относится к его процессу. Поручают также духовнику сказать обвиняемому, что, если он не сознается перед судом в преступлении, в коем его обвиняют, он не может быть разрешен от него в таинстве покаяния. Однако, если больной находится перед лицом смерти или если это женщина, готовящаяся родить, необходимо сообразовываться с тем, что предписано в правилах для подобных случаев. Когда больной не требует

Untitled

духовника, при том, что врач сообщит об опасности смерти, его побудят потребовать духовника и исповедаться. Если обвиняемый сделает судебное показание о своем преступлении, сообразующееся с уликами, он будет примирен с Церковью, и, когда его освободит трибунал, духовник даст ему sacramентальное отпущение греха. В случае смерти ему будет даровано церковное погребение, но в величайшей тайне, если только эта мера не будет иметь неудобств. Когда обвиняемый, не будучи болен, потребует духовника, может быть полезно отказать ему в этом, потому что духовник может разрешить его только после примирения с Церковью, если только обвиняемый не признал на суде достаточно пунктов для оправдания улик, ибо тогда духовник может подать ему совет и ободрить к терпению {В этой статье учение, касающееся отпущения грехов и таинства, и учение, относящееся к отпущению по суду или к примирению с Церковью, обозначено смутно. Тридентский собор объявляет, что в смертной опасности (*in articulo mortis*) не может быть никакого изъятия или задержки и что всякий духовник может разрешать кающегося от какого угодно греха; отсюда вытекает, что не следует дожидаться, чтобы инквизитор освободил по суду и примирил с Церковью больного, находящегося в смертной опасности. Инквизиторы злоупотребляют здесь тайной, как и в других случаях, и находятся в противоречии с самими собой. Когда кто-нибудь представляет удостоверение в отпущении греха ереси, выданное ему священником, уполномоченным папой или апостолическим церковным судом, с определенной оговоркой, чтобы никто

Untitled

не беспокоил его ни внешним судом (*in foro exteriori*), ни судом совести (*in foro interiori*, инквизиторы не считаются с этим распоряжением; они утверждают, что отпущение, данное грешнику, привлеченному к суду, может ему служить только для суда совести и что в отношении внешнего суда оно недействительно, пока римская булла, бреве или рескрипт не будут представлены главному инквизитору, и пока он, один или с согласия совета, не прикажет исполнить их. Притом это исполнение происходит по формам святого трибунала, то есть при условии, что этот человек явится к инквизиторам, заявит на суде прегрешения свои и других лиц касательно веры, если он знает о них, а иногда даже при условии, что проситель привлекался к суду единственный раз. Так что апостолическое отпущение в отношении к внешнему суду почти всегда ничтожно и недействительно; если дерзость инквизиторов не доходила до оспаривания действия булл в отношении к суду совести, то это потому, что это значило бы задевать духовную власть папы. Раз это учение установлено, не противоречит ли ему сказанное в статье 71-й, что духовник может разрешить здорового узника только после его судебного отпущения и примирения с Церковью? Инквизиторы ответят, что они установили это распоряжение потому, что грех ереси в Испании удержан в ведении святого трибунала. Пусть же они уполномочат духовника разрешать обвиняемого перед Богом, и тогда нечего будет им возразить. Но инквизиторы требуют не этого. Их намерение состоит в том, чтобы убедить, что узник находится в состоянии вечного осуждения, пока он не сделал судебного признания; на этой идее основана

Untitled

система их судопроизводства.}.

72) Свидетели в процессе не ставятся на очную ставку друг с другом, потому что опыт доказал, что эта мера бесполезна и что из нее проистекают неудобства, независимо от нарушения закона тайны {Не могли не знать инквизиторы, что очная ставка свидетелей служит для открытия истины, когда этого нельзя достигнуть другими средствами, но они признали, что это судебное средство выставляет на свет факты, которые для них важно скрыть от сведения общества, потому что они сделали бы бесполезными меры, принимаемые для обязания узников подтвердить улики своей исповедью, объявить проступки, в которых они невиновны, и те, которые было желательно приписать другим лицам, хотя они не были очевидными свидетелями их поступка.}, которое является ее последствием.

73) Когда инквизитор объезжает города в округе своего трибунала, он не в праве ни начинать процессов по делу ереси, ни велеть арестовать какое-нибудь оговоренное лицо, а должен удовольствоваться получением показаний и пересылкой их в трибунал. Однако, если речь идет о преступлении лица, бегства которого можно основательно опасаться, он может велеть арестовать его и отправить в тюрьму святого трибунала. Он произнесет также приговор по незначительным делам, каковы богохульства еретические, не имеющие особой важности, которые можно судить без ареста обвиняемого. Инквизитор может употреблять власть такого рода, только получив от епархиального епископа соответствующие полномочия.

74) В окончательном приговоре, произнесенном против

Untitled

лица, объявленного еретиком и присужденного к потере имущества, обозначают время, когда он впал в ересь, чтобы это обстоятельство могло послужить для приемщика конфискованного имущества. Равным образом будет упомянуто, основано ли это объявление на признании подсудимого, на показании свидетелей или на том и другом одновременно. Если эта формальность опущена и если приемщик требует, чтобы она была выполнена, инквизиторы делают объявление, о котором идет речь; если они не могут сделать его все вместе, то это делают, по крайней мере, один из них и юрисконсульты.

75) Смотритель тюрьмы будет отчитываться за ежедневное стандартное питание каждого узника по цене съестных припасов. Если в тюрьме находится какое-нибудь богатое и значительное лицо, имеющее в услужении одного или нескольких слуг, ему будет разрешено такое количество продовольствия, какое он попросит, но с определенным условием, чтобы остатки отдавались бедным и не служили к употреблению ни смотрителем, ни экономом.

76) Если у заключенного есть жена или дети и они просят содержания за счет своего изъятого имущества, им будет разрешена на каждый день сумма, пропорциональная их числу, возрасту, состоянию здоровья, званию, а также обширности, ценности и доходности имущества. Если среди детей найдется такой юноша, который имеет занятия и поэтому сам в состоянии заботиться о своем прокормлении, он не получит ничего из изъятого имущества.

77) Когда процессы будут закончены и приговоры составлены, инквизиторы назначат праздничный день, в

Untitled

который будет торжественно справлено аутодафе. Они известят об этом церковный капитул и городской муниципалитет, а также председателя и судей королевской судебной палаты, если она есть, чтобы они присоединились к трибуналу и, по обычаю, сопровождали его на церемонию. Они примут подходящие меры, чтобы казнь приговоренных к передаче в руки светской власти произошла до наступления ночи, для предупреждения всякой случайности.

78) Инквизиторы не позволят никому войти в тюрьму накануне аутодафе. Духовники исключаются из этого правила, так же как и чиновники святого трибунала в то время, как обязанности службы призывают их к узникам. Чиновники получают узника под свою ответственность после того, как секретарь составит об этом акт, и они вернут его в тюрьму после церемонии аутодафе, если он не должен быть выдан светскому судье. Они не допустят, чтобы кто-нибудь говорил с ним в дороге или осведомлял его о происходящем.

79) На другой день после аутодафе инквизиторы велют привести в их заседание примиренных с Церковью. Они изложат каждому приговор, прочтенный ему накануне, и скажут ему, к каким наказаниям он был бы присужден, если бы он не сознался в своем преступлении. Они спросят их всех, но по отдельности, о том, что происходит в тюрьмах, и предоставят их затем в распоряжение смотрителя пожизненной тюрьмы, которому они поручат наблюдение за тем, чтобы они исполняли свои епитимьи, и прикажут сообщать трибуналу, если заключенные перестанут их исполнять. Инквизиторы прикажут ему также заботиться о

Untitled

всех нуждах заключенных, помогать им в крайних бедах и доставлять работу тем из них, кто может трудиться, чтобы они могли помочь своему пропитанию и смягчить свою нищету.

80) Инквизиторы время от времени будут посещать пожизненную тюрьму, чтобы узнать о поведении заключенных и об обхождении с ними. В местах, где нет пожизненной тюрьмы, будет приобретен заменяющий ее дом, ибо без этой меры было бы невозможно подвергать каре тюремного заключения присужденных к ней и знать, исполняют ли они верно свои епитимьи.

81) Санбенито тех, кто будет приговорен к передаче в руки светской власти, будут выставлены в соответствующих приходских церквах, как только эти лица будут сожжены фактически или формально. Так же поступят с санбенито примиренных с церковью, когда они перестанут их носить. Но в церквах не следует вешать санбенито лиц, примиренных с церковью до истечения льготного срока, потому что они не были приговорены к их ношению. Санбенито будут иметь надписи имен осужденных, обозначения ереси, за которую они понесли кару, и указание времени, когда они отбыли наказание, чтобы увековечить навсегда позор еретиков и их потомков.

IV. Кодекс заканчивается так: "Мы вам поручаем и приказываем соблюдать эти правила и следовать им в делах, которые будут внесены в трибуналы инквизиции, невзирая на противоречивые правила и формальности, которым следовали до сих пор, потому что того требует служба нашему Господу Богу и хорошее управление правосудием; в удостоверение чего мы выпустили

Untitled

настоящее постановление, подписанное нашим именем, скрепленное нашей печатью и заверенное секретарем главной инквизиции. Дано в Мадриде, 2 сентября 1561 года от рождения нашего спасителя Иисуса Христа. Фердинанд Севильский (Ferdinandus Hispalensis). По приказу его высокопреосвященства, Хуан Мартинес де Лассао".

V. Данный закон святого трибунала еще в полной силе [837], за исключением некоторых видоизменений, внесенных в разные времена главными инквизиторами в согласии с верховным советом. Но Вальдес остерегся регулировать способ, каким следовало действовать в процессах, начатых семьями для реабилитации чести и памяти осужденных родственников, с целью получить восстановление имущественных прав и приказ об изъятии, сожжении или разодрании позорящих надписей на санбенито, доказав, что тот, кто был сожжен живьем или в изображении как еретик, никогда не переставал быть хорошим католиком и погиб лишь вследствие ошибок, допущенных в судопроизводстве. Это упущение не может быть приписано забвению множества подобных случаев, происшедших до 1561 года, ибо легко представить себе, что главный инквизитор Вальдес, архиепископ Севильи, не был автором этого закона.

VI. Впрочем, видно из предисловия, что этот кодекс стал результатом большого числа конференций в верховном совете. Совет и уполномоченные, которым было поручено редактирование кодекса, прекрасно помнили, что кардинал Хименес де Сиснерос, главный инквизитор, признал невиновность очень большого числа лиц, сожженных в

Untitled

Кордове инквизитором Лусеро; {См. главу X этого сочинения.} что Педро Гаска, епископ Паленсии и делегат Вальдеса в Вальядолиде в 1559 году, инспектировав инквизиционный трибунал Валенсии в 1541 году по приказу кардинала Манрике, нашел там множество произвольных процессов, что заставило его созвать собрание из двадцати адвокатов, взятых из среды лучших юрисконсультов, для ревизии и критики этих процессов, и что этот совет, уважаемый и ученый, признал невиновность большого числа лиц, которых сожгли вследствие показаний, данных лжесвидетелями.

VII. Почему же Вальдес не предписал в своем кодексе способ, которым следовало действовать в процессах по делу о реабилитации? Это нетрудно объяснить: дух этого закона не должен был благоприятствовать никому, даже в тех статьях, которые, по-видимому, были предназначены для защиты обвиняемых. Я укажу в истории знаменитого Антонио Переса очевидные доказательства сопротивления, оказанного трибуналом его семье, чтобы не реабилитировать его памяти, беспорядка и произвола, с которыми судопроизводство было доведено до приговора, несправедливости, заставившей приостановить судопроизводство, чтобы утомить вдову и детей умершего и вынудить их отказаться от своего предприятия. Я установлю также злоупотребления, которые судьи Сарагосы делали из своей службы, произнося против Переса приговор, который не доказывали улики и который, однако, возымел бы свое действие, если бы исследовавший это дело верховный совет не воспротивился этому.

Untitled

VIII. Закон этот дал повод Пабло Гарсии, секретарю канцелярии совета инквизиции, составить труд, который был напечатан в Мадриде в 1568 году, по приказу совета, под заглавием: Судопроизводство в святом трибунале по прежним и новым инструкциям. Этот труд дал возможность автору в 1572 году занять место секретаря верховного совета. Труд был перепечатан в 1607 и в 1628 годах с прибавлениями Гаспара Аргельеса, чиновника той же канцелярии. Этот формуляр еще соблюдается, и достаточно его прочесть, чтобы научиться проклинать трибунал, который осмеливается открыто и торжественно показывать в своем поведении и в своих актах подобные формулы в начале девятнадцатого столетия.

IX. Так как этот формуляр еще и теперь является законом в трибуналах инквизиции, мне показалось напрасным следовать шаг за шагом, в целях познания природы этого учреждения, за событиями, происшедшими при каждом главном инквизиторе. Эта задача уже выполнена картиной законов, представленной мной, и будет дополнена замечаниями, которые я сделаю в остальной части этой Истории.

X. Я скажу только, чтобы возобновить изложение моего предмета, что дом Фернандо Вальдес перестал быть главным инквизитором в 1566 году; преемником его был кардинал дом Диего Эспиноса, епископ Сигуэнсы, председатель совета Кастилии.

XI. Эспиноса умер 5 сентября 1572 года, впав в немилость Филиппа II, фаворитом которого он раньше был.

Справедливое наказание за то участие, которое он принимал в катастрофе принца Астурийского дона

Untitled

Карлоса.

XII. После смерти Эспиносы должность главного инквизитора была поручена дому Педро Понсе де Леону, епископу Пласенсии в Эстремадуре; его буллы были посланы ему папою 29 декабря 1572 года, но его смерть наступила так скоро, что он не имел времени ни отправиться в Мадрид, ни приступить к исполнению своих обязанностей.

XIII. Его преемником король назначил кардинала Гаспара де Кирогу, архиепископа Толедского, который стал одиннадцатым главным инквизитором. Он умер 20 ноября 1594 года.

XIV. Кардиналу Кироге наследовал дом Херонимо Манрике де Лара, епископ Авилы, сын кардинала Манрике, занимавшего этот пост при императоре Карле V.

XV. Дом Херонимо умер в сентябре 1595 года; после него во главе инквизиции встал дом Педро Портокарреро, епископ Кордовы, который раньше занимал кафедру Калаоры и исполнял обязанности главного апостолического комиссара святого крестового похода Испании. Затем он был назначен епископом Куэнсы и отправился на пребывание в свою епархию, повинувшись папскому указу.

XVI. Четырнадцатым главным инквизитором был кардинал дом Фернандо Ниньо де Гевара, архиепископ Севильи, который вступил в должность в декабре 1599 года, когда Филипп III занимал трон Испании после смерти своего отца Филиппа II, происшедшей в 1598 году.

XVII. При этом государе инквизиция совершила величайшие жестокости, и это сделало царствование

Untitled

Филиппа II самой пресловутой эпохой в истории святого трибунала.

Глава XXIII Подробности нескольких аутодафе, справленных в Мурсии

Статья первая Частная история сына марокканского султана и нескольких других лиц

I. Учения Лютера, Кальвина и других протестантских реформаторов, установившиеся с такой быстротой в Вальядолиде и Севилье, в другие города королевства проникли не так легко. Но, вероятно, скоро вся Испания была бы заражена ими, если бы не крайняя суровость, с какой лютеране были преследуемы. Действительно, с 1560 по 1570 год проходило ежегодно, по крайней мере, одно аутодафе в каждой инквизиции королевства, и среди осужденных всегда появлялся какой-нибудь еретик из новых сект. Однако успехи и силы лютеранства в эпоху, о которой я говорю, не могут сравниться с успехами иудаизма и магометанства, потому что происхождение этих двух религий гораздо древнее и насчитывалось много испанских фамилий, предки которых исповедовали эти религии.

II. У меня под руками религии о трех аутодафе, справленных мурсийской инквизицией в 1560, 1562 и 1563 годах, а также заметки о некоторых других казнях этого рода, бывших в том же городе. Я думаю, что можно судить по этим примерам о том, что происходило в других инквизициях.

III. 7 июня 1557 года в Мурсии было одно из самых торжественных аутодафе, какое только видели. Оно состояло из одиннадцати человек, осужденных на

Untitled

сожжение, и сорока трех, которых следовало примирить с Цердсовью. 12 февраля 1559 года справлялось другое, с тридцатью жертвами, которые были сожжены живьем, и с пятью, которые были сожжены в изображении, исключая сорока трех, примиренных с Церковью.

IV. 4 февраля 1560 года было сожжено живьем четырнадцать осужденных и двадцать два - в изображении, а двадцать девять было епитимийных.

V. 8 сентября того же 1560 года погибло в пламени шестнадцать человек, из них восемь были сожжены как иудействующие. Сорок восемь человек были приговорены к епитимьям: двадцать два были иудействующие, двенадцать впавшие в магометанство, пятеро было лютеран, семь виновных в двоеженстве и два в богохульстве. Среди переданных в руки светской власти были известные люди: Попе де Чин-чилья, владетель Кортуна и Альбатены; Франсиско Нунъес, священник и проповедник; Педро д'Авилес, монах ордена тринитариев, и Каталина д'Авилес, его сестра; Хуан де Вальтивьера, член муниципалитета Мурсии; донья Каталина д'Аррайс, его жена; донья Инесса де Лара, его теща; Альфонсо де Лара, член того же муниципалитета, и Антонио де Лара, его брат; брат Умнее Перес, белец ордена св. Франциска; Хинес де ла Бега, нотариус из Мурсии, и Изабелла Порее, его жена. Среди осужденных заочно и сожженных в изображении мы находим доктора медицины Авилеса и его отца Хуана Авилеса, занимавшегося той же профессией.

VI. Среди епитимийных иудействующих отметим Луиса Переса, священника в поместье Хуана де Вальтивьеры; ему прочли приговор о лишении сана, и затем он был

Untitled

осужден носить санбенито и удалиться навсегда из округа мурсийской инквизиции. Другой, Хуан д'Авилес, алькальд германдады Алькантарильи, был осужден как подозреваемый в магометанстве и приговорен к ношению санбенито и полугодичному заключению в тюрьме инквизиции.

VII. Среди многоженцев этого аутодафе я встречаю четырех человек, заслуживающих особого упоминания вследствие обстоятельств их процессов.

Хуан Наварро Алькатете, по профессии пастух, явился на аутодафе с дроковой веревкой [838] на шее, с картонной митрой на голове и свечою в руке. Он получил двести ударов кнута в Мурсии и столько же в Лорке, месте его пребывания. Он произнес отречение от ересей как сильно подозреваемый и потерял половину своего имущества. Он избег наказания галерами вследствие его преклонного возраста и слепоты. Его преступление состояло в том, что он женился на третьей жене, когда первая и вторая жили еще в Лорке. Каталина Перес де Ита была второй женой Наварро, а ее сестра, Хуанна Перес де Ита, его третьей женой. Их отец, Хуан Перес де Ита, согласился на этот двойной брак за деньги, которые предложил ему Наварро. Этот мотив увлек также его дочь Каталину, которая очутилась в тройном брачном союзе, так как ее первый муж еще был жив, когда она согласилась выйти за Наварро, а некоторое время спустя вступить и в третий брак. Ее приговор был одинаков с приговором Наварро. Сестра ее подверглась двумстам ударам кнута. Их отец был выставлен на посмешище толпы в Мурсии и Лорке. Мне кажется, что наказание этого отца было слишком

Untitled

мягким и не пропорциональным другим, потому что его вина была больше вины дочерей.

VIII. Я нахожу ту же несправедливость в двухстах ударах кнута, к которым присудили Антонио Мартинеса, человека бедного и пожилого, тогда как удовольствовались половиной этого наказали за такое же преступление полигамии для Хуана Гарсии и Хуана Эрнандеса Дельгадилъо, хотя не было указано, что оба последние были старше его по годам.

IX. 15 марта 1562 года происходило новое аутодафе, состоявшее из двадцати трех осужденных, сожженных живьем, и семидесяти трех епитимийных. Все они были наказаны как иудействующие. Среди первых отметим: брата Луиса де Вальдеканъяса, францисканца, происходящего от еврейских предков, осужденного за проповедь иудаизма; Хуана де Санта-Фе, Альберта Хуареса и Пабло д'Айльона, присяжных; Педро Гутьереса, члена муниципалитета, и Хуана де Леона, городского синдика.

X. Другое аутодафе в том же городе происходило 20 мая 1563 года. На нем сожгли семнадцать человек живьем и четырех в изображении; сорок семь были присуждены к епитимьям. В числе сожженных было шестнадцать человек иу-действующих и один магометанин. Среди епитимийных одиннадцать человек были примирены с Церковью как подозреваемые в лютеранстве, тринадцать как многоженцы, двое произнесли отречение от иудаизма и пятеро - от магометанства; трое были наказаны как богохульники, четверо - за то, что утверждали, что простой блуд дозволен, а один - за защиту того же мнения

Untitled

относительно кровосмешения; другие высказывали разные предположения или еретические, или отзывающиеся ересью. Было также объявлено об освобождении от суда одного обвиняемого. Я упомяну тех, кого заставляет отличить их ранг или процессы, которых представляли несколько замечательных обстоятельств.

XI. Дон Филипп Арагонский, сын султана Феца и Марокко [839], явился в Испанию еще молодым. Он сделался христианином. Его крестным отцом был Фернандо Арагонский, вице-король Валенсии, герцог Калабрии, старший сын неаполитанского короля Федерико III [840]. Ни его сан сына султана, ни преимущество иметь крестным отцом принца не показались инквизиторам мотивами, достаточными, чтобы избавить его от выставления на публичный позор. Они велели привести его на торжественное аутодафе с картонной митрой на голове; митра заканчивалась длинными рогами и была покрыта изображениями чертей. В таком виде его допустили к публичному примирению с Церковью, после которого он был заключен на три года в монастырь, а затем изгнан навсегда из города Эльче, где он жил, и из королевств Валенсия, Арагон, Мурсия и Гранада. Инквизиторы очень расхваливали мягкость этой епитимьи и публично сообщили, что милость, которую они оказали дону Филиппу, была мотивирована его решением, когда он узнал о своем обвинении, предоставить себя в распоряжение инквизиторов, вместо того чтобы скрыться, что он легко мог сделать. Что думать и чего ожидать от этих служителей правосудия, когда они говорят о снисхождении по поводу публичного опозорения царского сына, его трехлетнего

Untitled

заклучения и вечного изгнания? Я не претендую здесь защищать дона Филиппа; но важные соображения могли бы заставить внести величайшие смягчения в его наказание. По-видимому, после он проявил интерес и склонность к культуре Магомета; помогал многим отступникам и явился пособником и укрывателем еретиков. Согласно документам процесса он вступил в договор с чертом и предался черной магии и колдовству. Его демон назывался Хагуах. Когда дон Филипп вызывал его и кадил ему стираксовой смолой, он появлялся в виде малорослого смуглолицего человека, одетого в черное, и учил, как он должен поступать в своих действиях и чарах. О нем говорили, что он вылечил от многих болезней при помощи дьявола; однако не было и речи о том, чтобы он умерщвлял маленьких детей, как рассказывают о многих других чернокнижниках.

XII. Лицензиат Антонио де Вильена, уроженец Альбасете, священник и очень уважаемый при дворе проповедник, появился на аутодафе в рубашке, без шляпы на голове, со свечою в руке. Он произнес отречение от ересей как легко подозреваемый. Его примирили с Церковью; он был приговорен к годичному заключению, без права священнослужения. Он был лишен навсегда права проповедовать, изгнан на два года из Мадрида и обязан был заплатить пятьсот дукатов на издержки святого трибунала. Все его преступление состояло в том, что он дурно говорил об инквизиции и жаловался на главного инквизитора Вальдеса, говоря между прочим, что ни ангелы, ни дьяволы, ни люди не могут его понять; он говорил также, что Вальдес стал его гонителем, но он

Untitled

надеется найти удобный случай пожаловаться на Вальдеса королю. Он имел также несчастье (истинное преступление в глазах инквизиции!) разоблачить систему тюрем святого трибунала, будучи дважды заключен в них за некоторые неблагозвучные выражения. Он сообщил эти подробности и выдал секрет святого трибунала, вопреки данному под присягой обещанию ничего не обнародовать из того, что он узнал. Он утверждал также, что один человек был приговорен к сожжению вследствие показаний лжесвидетелей, что какая-то римская булла, с которой он познакомился, заслуживала только презрения, что испытанные им преследования были делом Вальдеса. Говоря о другом узнике, он рассказывал, что следует торопиться принести от двора хорошие рекомендательные письма для него, без чего его не замедлят отправить на эшафот. Прибавляли, что он ел мясо по пятницам и поддерживал преступные сношения с двумя сестрами.

XIII. Луис д'Ангуло, священник из Алькареса, произнес отречение как сильно подозреваемый в ереси. Ему было пожизненно отказано в священнослужении, и он был заключен на два года в монастырь и присужден к уплате святому трибуналу пятидесяти дукатов. Его обвинили в том, что он обратился для исповеди к иподиакону и указал ему в книге формулу разрешения для произнесения над ним после исповедания, которой тот не знал. Он убедил также женщину, с которой имел соблазнительные сношения, исповедуясь диакону, скрыть от него свою преступную связь.

XIV. Пьер де Монтальбан и Франсуа Саляр, французские священники, пребывавшие в Испании, были лишены сана

Untitled

как еретики-лютеране. Они произнесли отречение как определенные еретики, были лишены своих должностей, приходских бенефиций и церковной одежды. Они были приговорены к годичному заключению в тюрьме Милосердия; после заключения они были навсегда изгнаны из королевства и предупреждены, что в случае возвращения во владения испанского короля они будут арестованы и отправлены на галеры. Если бы ревность, которою инквизиторы, по их словам, были одушевлены в защите веры, была искрення и бескорыстна, то кара изгнания, я убежден, была бы самым частым средством, употреблявшимся инквизиторами против еретиков. На самом деле, разве не устраняет изгнание, как и смерть, бедствия и опасности, от которых инквизиция хочет предохранить Испанию?

XV. Хуан Гаскон, священник из Моратальи, произнес отречение как легко подозреваемый. Он был примирен с Церковью и подвергся шестимесячному заключению в монастыре. Ему было запрещено священнослужение. Его преступление состояло в утверждении, что плотское общение мужчины с родственницей не есть смертный грех, если она незамужняя и отдалась добровольно, и что бесполезно прибегать к льготам для женитьбы на своей племяннице или на своей двоюродной сестре, потому что дети Адама женились на своих сестрах.

XVI. Хуан де Сотомайор, из города Мурсии, еврей по происхождению, появился на аутодафе как кающийся с дроковой веревкой на шее и с кляпом во рту. Он был приговорен к двумстам ударам кнута, пожизненному ношению санбенито и заключению в доме Милосердия, с

Untitled

угрозой самого сурового обращения, если он будет говорить с кем-либо о делах инквизиции. Этот приговор чрезвычайной строгости карает преступление, которое инквизиторы не находят возможным обозначить достаточно ужасными словами. Я хочу сказать, что его постигла эта кара за разоблачение внутренних порядков святого трибунала. Хуан де Сотомайор был уже однажды арестован и приговорен к епитимье как подозреваемый в иудаизме. Когда он оказался на свободе, то рассказал нескольким лицам, что был осужден по показаниям лжесвидетелей, сообщил о сделанном им сознании, сказал, что он не хотел говорить об отступничестве некоторых людей, о чем он хорошо знал, и он не исполнил возложенной на него епитимьи, потому что не считал себя обязанным к этому по совести. Кто не будет возмущен и проникнут ужасом, видя, что разговоры подобного рода наказываются двумястами ударами кнута и пожизненным заключением?

XVII. Хуан Уртало, земледelec из местечка Аванилья, мавританской расы, был приведен на церемонию аутодафе как кающийся. Он получил сто ударов кнута, с угрозой четырех лет галер, если он впадет снова в совершенный им отвратительный грех. Каково было его преступление? Он назвал воровством штраф в двести дукатов, к которому инквизиторы приговорили всех морисков, говоривших по-арабски.

XVIII. Хуан Эрнандес, белец, был наказан двумястами ударами кнута и десятью годами галер за то, что назвался священником и исполнял священнические обязанности.

XIX. Диего де Пара, уроженец Мурсии, бакалавр права и

Untitled

священник-капеллан короля, был передан в руки светской власти как иудействующий. Он совершил побег из тюрьмы святого трибунала со многими другими узниками и имел несчастье попасть в руки лучников инквизиции. Он упорно, даже во время пытки, отрицал часть фактов, возведенных на него в показаниях. Когда он пришел на место публичного аутодафе, инквизиторы велели подвести его от скамьи осужденных к скамье трибунала и горячо увещевали его исповедать свое преступление и раскаяться, потому что есть еще средство примирить его с Церковью и спасти. Эта чрезвычайная готовность со стороны инквизиторов доказывает, что до них дошли веские рекомендательные письма от двора. Однако их усилия остались безуспешны. Диего де Лара объявил, что он всегда говорил правду, что ему нечего больше прибавить, и утверждал, что вместо того, чтобы умертвить его, разум и правосудие обязывают примирить его с Церковью. Но в глазах инквизиторов это было неосуществимой мерой. Они вообразили, что Диего сознался только в части своего преступления, что он неполный сознавшийся (*confeso diminuto*) и что, следовательно, его раскаяние неискренне. Его задушили, а затем его тело было сожжено. Стало быть, невозможно, чтобы свидетели умышленно хотели навязать кому-нибудь вину, чтобы они были в заблуждении, чтобы их суждение было малодостоверным и чтобы их память могла что-нибудь спутать? Хорошее правосудие!

XX. Лиценциат Педро де Лас Касас, адвокат, сын Диего Эрнандеса д'Алкалы, сборщика пошлин на таможне (сожженного как иудействующий), и лиценциат Агустин

Untitled

д'Айльон, занимавшийся той же профессией (и отец коего Пабло д'Айльон равным образом был сожжен за то же преступление), погибли на этом аутодафе, подпавши под то же обвинение. Изабелла де Леон, мать Агустина, поделила его участь. На церемонии этого дня сожгли изображение Изабеллы Санчес, матери священника Луиса Переса, примиренного с Церковью, и доктора Франсиско де Санта-Фе, врача из Мурсии. Все эти жертвы происходили от еврейских предков.

Статья вторая Замечательные процессы двух купцов
I. Франсиско Гильен, купец, еврей по происхождению, появился на аутодафе с несколькими осужденными на передачу в руки светской власти в силу окончательного приговора, утвержденного верховным советом. Чтение этого приговора, сопровождавшееся чтением заслуг, то есть пунктов обвинения, должно было состояться во время церемонии. Франсиско заявил, что он намерен дать новые показания. Сейчас же сошел с трибуны дом Херонимо Манрике (сын кардинала Манрике, постепенно дошедший до должности главного инквизитора, как и его отец), снял с Франсиско знаки релаксации, подал ему знаки примиренного с Церковью и в одну минуту изменил участь осужденного. История этого процесса доказывает произвол и беспорядок, в котором судьи святого трибунала вершат и судят дела и приводят в исполнение свои решения. У меня под руками извлечение из этого судопроизводства, писанное рукою инквизитора Мурсии. Дать понятие о его содержании входит в предмет моей книги.

II. Более двадцати свидетелей показали, что Франсиско Гильен присутствовал на собраниях евреев в 1551 и

Untitled

следующих годах. Он был посажен в секретную тюрьму, и приговор о передаче его в руки светской власти был произнесен в декабре 1561 года. Процесс был послан в верховный совет; последний заметил, что два новых свидетеля были заслушаны до конца судопроизводства и показания их не были сообщены осужденному. Вследствие этого совет приказал исполнить эту формальность и затем голосовать согласно закону. Инквизиторы повиновались, но не были согласны относительно приговора: одни голосовали за релаксацию, другие за то, чтобы процесс был приостановлен и обвиняемый был побужден признать то, что было допущено как истинное в настоящем положении показаний. Последнее решение возобладало: Франсиско, будучи приведен на три заседания, признал новые факты, касающиеся его или относящиеся к другим лицам. 14 апреля 1563 года голосовали вторично окончательный приговор. Франсиско единодушно был объявлен лжекающимся, исповедавшим только часть своего преступления, и приговорен к передаче в руки светской власти. Однако было прибавлено: так как он сознался, что скрывал факты относительно значительных лиц, то побудить его еще раз дать более обширное показание.

III. 27 апреля Гильен открыл двенадцать новых соучастников своей ереси и подписал свое показание. 9 мая было определено известить его, чтобы он приготовился к смерти на другой день. Франсиско спросил, сохранят ли ему жизнь, если бы он, положим, открыл все, что знает. Ему ответили, что он может надеяться на сострадание судей. Он попросил нового заслушания,

Untitled

назвал множество лиц, разделявших, по его словам, его верования, подкрепил свои показания некоторыми частными фактами и назвал имя брата Луиса де Вальдеканьяса как главного духовного вождя этой группы. Несколько времени спустя он открыл новых соучастников. Инквизиторы, собравшись в ночь с 19-го на 20-е с епископом и юрисконсультами, решили, что Франсиско появится на аутодафе в платье переданных в руки светской власти, чтобы заставить его думать, что он должен умереть, но что он будет помилован от смертной казни, примирен с Церковью и наказан санбенито, пожизненным ненарушимым заключением в тюрьме и конфискацией имущества.

IV. Помещенный среди предназначенных к сожжению, Франсиско попросил, чтобы его выслушали еще раз. Тогда инквизитор Манрике объявил ему приговор; возвращенный в тюрьму, он дал последнее показание против девяти лиц, говоря, что не мог их вспомнить при прежних показаниях: 22 мая он подписал это показание.

V. Через несколько дней главный инквизитор велел ревизовать трибунал. Визитатор заявил, что судьи поступили против правил, приказав привести Франсиско на аутодафе в платье переданного в руки светской власти, так как они приговорили его к примирению с Церковью. Инквизиторы оправдывали себя тем, что хотели напугать виновного, чтобы получить от него новые разоблачения. Эта надежда (надо сознаться) была не без оснований, потому что обвиняемому было сказано: если трибунал окажет ему такую милость, то это может быть лишь при данном условии. Визитатор приказал примирить Франсиско

Untitled

с Церковью; затем его отвели в тюрьму епитимийных, называемую Милосердием.

VI. Франсиско, вероятно, пораженный сумасшествием, несколько раз говорил, что он обманул инквизиторов, обозначая наименованием еретиков людей, не являвшихся ими, потому что надеялся посредством этого обмана избежать смерти; что не было ни слова правды в том, что он сказал и что он утверждал это лишь для того, чтобы вывернуться из плохого положения, в котором находился. Эти разговоры были переданы инквизиторам, они спросили свидетелей по этому предмету о Франсиско, который был переведен в секретную тюрьму. Составили против него обвинительный акт, он признал статьи прокурора-фискала, подтверждая под присягой, что все данные им показания истинны; он подписал их и просил, чтобы ему оказали милость. 19 января 1564 года он был присужден к появлению на аутодафе с кляпом во рту, получению двухсот ударов кнута и трехлетнему заключению в доме Покаяния. Франсиско вытерпел наказание кнутом, но не стал благоразумнее; уже в тюрьме он утверждал, что к нему были несправедливы, потому что инквизиторы должны были понимать, что все показанное им ложно и было продиктовано страхом; если бы ему снова пришлось явиться на суд, он сказал бы правду, хотя бы потом надо было погибнуть в огне.

VII. В 1565 году мурсийскую инквизицию посетил новый уполномоченный, который обязал Франсиско появиться перед ним в качестве свидетеля для подписания показания, иного им против покойной Каталины Перес, его жены, объявленной иудействующей еретичкой. Между

Untitled

визитатором и свидетелем установился следующий диалог.

VIII. "Помните ли вы, что вы сделали показание против Каталины Перес, вашей жены?" - "Да".

IX. "Каково это показание?" - "Его можно найти в документах процесса". (Франсиско прочли это показание.)

X. "То, что вы сейчас слышали, правда?" - "Нет".

XI. "Почему же вы выставили это показание?" - "Я слышал о нем от одного инквизитора".

XII "Истинны ли показания, данные вами против других лиц?" - "Нет".

XIII. "Почему вы сделали их?" - "Потому что я заметил на аутодафе, что они читали в оглашении свидетельских показаний, и я подумал, что, уверяя, будто это правда, я избегну смерти как хороший кающийся".

XIV. "Почему вы произвели ратификацию после аутодафе, когда фискал выставил вас свидетелем против вашей жены и против других лиц?" - "По той же причине".

XV. По окончании этой беседы визитатор велел отослать Франсиско в тюрьму, где он написал докладную записку, в которой говорил, что ни один свидетель неприемлем против него, потому что они различались между собой в своих показаниях и взаимно противоречили друг другу.

XVI. По отъезде визитатора инквизиторы возобновили свои иски. Фискал обвинил Франсиско Гильена в проступке отмены за то, что говорил и что действовал вследствие страха, по неведению или по какому-либо другому мотиву. Франсиско почувствовал себя вновь под угрозой и поступил, как следовало ожидать от человека, находящегося в руках своих врагов и боявшегося потерять

Untitled

жизнь. Он ответил на обвинение фискала утверждением, что прежние показания его были истинны и что сделанное им заpiresательство явилось последствием умственного расстройства, в которое он впал. 10 ноября 1565 года опять голосовали окончательный приговор: присудили появиться Франсиско на аутодафе, получить триста ударов кнута и провести остаток жизни в тюрьме. Приговор подвергся пересмотру 5 декабря, и тюрьма была заменена работой на галерах до тех пор, пока позволят здоровье и силы Франсиско, - обстоятельство, право высказаться о котором судьи оставили за собой. 9 декабря осужденный был приведен на аутодафе, где он получил назначенные ему удары кнута и был затем помещен в гражданскую королевскую тюрьму.

XVII. Прибыв туда, Франсиско написал своим судьям, что он не в состоянии отбывать службу на галерах. Трибунал от 9 февраля 1566 года преобразовал свой приговор и послал Франсиско в дом Милосердия. Эта мера не понравилась фискалу, который протестовал, говоря, что служба судей не простирается далее приговора и что они не имели права изменять наказание без согласия главного инквизитора. Дело на этом остановилось, и Франсиско, невзгоды которого итак достаточно наказали за болтливость, ничего более не говорил, что подвергло бы его новым несчастьям.

XVIII. Если процесс Франсиско Гильена выявляет произвол, отсутствие критики и громадные нарушения против права и нравственности, то еще яснее открываются беспорядок трибунала, забвение юридических приемов и злоупотребление тайной в другом деле той же мурсийской

Untitled

инквизиции, производившемся около того же времени и имевшем некоторую связь с делом Гильена, так как оно было начато вследствие его показаний. Дело это касалось Мельхиора Эрнандеса, жителя Толедо, где он некоторое время занимался торговлей и откуда он переехал на жительство в Мурсию. Он происходил от еврейских предков; подозревали, что он продолжал быть привязанным к религии своих отцов. Заключенный в секретную тюрьму вследствие показаний семи свидетелей, он был в первый раз допрошен на заседании увещевания 5 июня 1564 года. Его обвинили в том, что он посещал тайную синагогу с 1551 по 1557 год, когда эта синагога была раскрыта; что он совершал действия и говорил речи, доказывающие его отступничество и его привязанность к Моисееву закону. Затем появилось еще двое свидетелей против него. Когда обвиняемый отверг все улики, ему сообщили оглашение девяти свидетельских показаний. Он упорствовал в своем заперательстве и сослался, по совету своего защитника, на то, что свидетелям нельзя верить, если принять во внимание, что их показания противоречивы и что многие из свидетелей были признаны его врагами.

XIX. Для доказательства последнего пункта и для отвода некоторого числа других лиц, которые, как он подозревал, фигурировали в тайном следствии, он представил жалобу, которая была допущена, хотя судьи и фискал оставили ее впоследствии без внимания, потому что, по их мнению, она не уничтожила свидетельств, направленных против обвиняемого.

XX. Новый свидетель был выслушан, когда Мельхиор

Untitled

опасно заболел. 25 января 1565 года он исповедался у священника. 29 января он попросил вызова в суд, где он сказал, что обдумал тот факт, что много свидетелей показало против него, что его память обыкновенно действует слабо и теперь он припомнил, что в 1553 году он был в доме, где собирались евреи, и предпочитает не противоречить показаниям свидетелей, потому что действительно видел там некоторое число лиц, которых он назвал. Но он заявил, что напрасно взвели на него обвинение, будто он придерживается Моисеевой религии, так как предмет его речей составляли дела торговли; если он себя может в чем-либо упрекать, так это лишь в сокрытии того, что другие лица этого собрания беседовали о Моисеевой религии.

XXI. Четыре дня спустя он заявил, что сказанное им на том собрании, о котором он тогда говорил, говорилось в шутку, и никто не рассуждал серьезно ни о Моисее, ни о еврейском законе.

XXII. Несколько дней спустя он снова заявил на другом заседании, что ничего не слышал из того, что говорили присутствующие; и если он утверждал противоположное, то лишь потому, что видел себе поддержку в свидетелях; обманутый видимостью правды, он решил: если он не помнит ничего, то виноват в этом недостаток его памяти; размыслив о происшедшем, он уверен, однако, что ничего не слышал из говорившегося на собрании.

XXIII. Заслушали показание нового свидетеля, сидевшего в тюрьме. Он сказал, что Мельхиор, скопировав оглашение свидетельских показаний, сообщенное ему, создал план бегства и для успеха этого намерения подговаривал многих

Untitled

узников вступить в этот заговор; когда товарищи посоветовали ему рассказать все, что он знает, он ответил, что это предложение противно его чести и что достаточно будет это сделать, когда он взойдет на эшафот.

Прокурор-фискал прочел свой обвинительный акт; Мельхиор от всего отрекся.

XXIV. Процесс был в этом положении, когда в Мурсию прибыл визитатор Мартин де Коскохалес. Он допросил обвиняемого, который упорствовал в отрицании обвинений, уверяя, что если он что-нибудь сказал, то побудил его изменить истине страх смерти. Адвокат выставил доводы защиты против свидетелей. Мельхиор написал прочитанную им судьям докладную записку, в которой отвел многих лиц, будто показавших против него

XXV. Декрет 24 сентября 1565 года распорядился подвергнуть Мельхиора пытке по чужому делу (*in carut alienum*): желали заставить его объявить, что именно он знал о некоторых подозреваемых лицах,

скомпрометированных и поименованных в осведомлении. Мельхиор выдержал пытку с большим мужеством и ничего не сказал. Его твердость не могла его спасти.

Окончательный приговор, произнесенный 18 октября 1565 года, объявил его изобличенным еретиком-иудействующим, виновным в закирательстве при судебном дознании и осуждении на передачу в руки светской власти как лжекающегося и упорствующего в ереси.

XXVI. Вопреки этому осуждению решили еще раз побудить Мельхиора сказать правду. Аутодафе справляли 9 декабря 1565 года. Его увещевали 7 декабря; он ответил, что

Untitled

показал все, что знал. Однако, испросив свидание на другой день, 8 декабря, когда его уведомили о приговоре к смерти, он объявил, что видел и слышал, как лица, о которых говорилось выше, и некоторые другие, которых он не знал, говорили о Моисеевом законе; но он не одобрял ничего противного католической религии, и эти разговоры казались ему вещью пустой, простым времяпровождением, не заключающим ничего серьезного.

XXVII. 9 декабря, до рассвета, Мельхиор был уже одет в костюм передаваемого в руки светской власти; увидев, что все его признания были недостаточны для спасения от смертной казни, он испросил другое свидание и указал как на участников собрания на людей, обозначенных в осведомлении, о которых он не говорил до сих пор; кроме того, на двенадцать лиц, которых ему не называли. Но он прибавил, как и в других своих допросах, что никогда не одобрял учения, о котором беседовали перед ним.

XXVIII. Через несколько минут после этого заявления, видя, что с него не снимают знаков, в которые он был облачен, он прибавил имена двух или трех соучастников, назвал проповедника Моисеева закона на собрании и даже прибавил, что одобрял как хорошие многие вещи, слышанные им.

XXIX. Ввиду того что признания не вносили никакой перемены в его положение, он, наконец, сказал (в ту минуту, как его готовились вывести вместе с другими осужденными), что истинно верил в то, что говорилось в тайной синагоге, и упорствовал в течение года в этом веровании, но он отказывался до сих пор объявлять об этом, потому что полагал, что об этом никогда не узнают и,

Untitled

следовательно, не будет полного доказательства ереси; так он думал даже в ту самую минуту, когда давал это последнее показание, каковы бы ни были показания свидетелей. Инквизиторы постановили, что Мельхиор не появится на аутодафе этого дня и они еще будут обсуждать решение, которое должно принять правосудие.

XXX. 14 декабря 1565 года ему предложили утвердить показания, сделанные 9 декабря. Мельхиор (считавший себя далеким от нового аутодафе) исполнил эту формальность, но с оговоркой, что все происшедшее не отделило его от католической веры и не сделало его иудействующим. Воображение Мельхиора рисовало опасности его положения согласно обстоятельствам более или менее яркими красками; колебания в его поведении объяснялись непостоянством силы духа и мыслей. 18 декабря он пожелал нового свидания и снова исповедал, что верил в Моисееву религию. Однако 29 января 1566 года он сказал, что на собраниях было читано только Священное Писание; он верил в то, что слышал, но не верил тому, что говорилось и чего не было в книге, потому что, посоветовавшись с одним монахом о решении, которое следует принять, услышал, что все это достойно только презрения, и это определение послужило ему правилом с того времени.

XXXI. 6 мая 1566 года трибунал обсуждал, следует ли исполнять приговор, произнесенный против Мельхиора. Голоса разделились: два советника голосовали утвердительно; инквизиторы, епископ и другие юрисконсульты решили, что подобает примирить Мельхиора с Церковью, потому что он достаточно полно

Untitled

исповедал свое преступление. На заседании 28 мая обвиняемый еще раз просил прощения, напоминая, что он уже сознался в вере в проповедуемое на собраниях, но верил лишь до дня, когда был разубежден священником. Он заявил 30 мая, что слышанное им казалось ему хорошим и необходимым для спасения.

XXXII. В октябре обязаны были допустить его еще раз на заседание. Он говорил против инквизитора, получившего его признания 9 декабря 1565 года, в самый день аутодафе (вероятно, этот инквизитор был домом Херонимо Манрике). Он жаловался на дурное обращение, которое испытал перед сообщением новых показаний. На вопрос, истинно ли то, что он сказал в тот день, он признался в этом, но прибавил, что нельзя позволять, чтобы обвиняемый давал показания перед одним инквизитором, и что присутствие двух членов трибунала необходимо для избежания злоупотребления властью, так как один легко может быть виновен по отношению к несчастному узнику, как это, к несчастью, произошло с ним.

XXXIII. Фискал протестовал против акта примирения Мельхиора с Церковью, дарованного 6 мая 1566 года, и потребовал, чтобы приговор от 8 декабря 1565 года о передаче в руки светской власти был исполнен, потому что не видно в осужденном никакого признака раскаяния и в нем говорит лишь страх смерти. Если трибунал помилует его, то, по мнению фискала, Мельхиор не преминет соблазнить и увлечь в ересь других новохристиан из еврейских семейств. Инквизиторы запросили верховный совет, послав ему дело Мельхиора. Решение, исшедшее от этого совета 24 апреля 1567 года, гласило: так как

Untitled

обвиняемый дал много показаний о новых предметах со времени приговора 6 мая 1566 года, то подобало произвести новое разбирательство, вместе с епископом и юрисконсультами, прежде чем предлагать дело совету. Это соображение и присутствие вальядолидского инквизитора дома Диего Гонсалеса побудили верховный совет приказать, чтобы дело было рассмотрено в Мурсии в его присутствии и послано затем в Мадрид. Приговор был произнесен 9 мая 1567 года; затем последовало разделение мнений: трое судей голосовали за передачу в руки светской власти, двое судей - за примирение обвиняемого с Церковью.

XXXIV. Довольно странно видеть, что в трибунале заседали два инквизитора с именем Диего Гонсалес, что они расходились в мнениях, стоя во главе двух секций трибунала, и защищали каждый от своего имени и от имени своих приверженцев. Дом Диего Гонсалес, инквизитор Вальядолида (принимавший участие в суде по приказу верховного совета), основывался при голосовании за релаксацию на том, что было доказано фактами, а именно, на неискренности раскаяния обвиняемого. Другой дом Диего Гонсалес, инквизитор Мурсии, мотивировал свое мнение тем, что Мельхиор действительно раскаялся в своем преступлении, которое состояло только в принятии иудаизма и сокрытии проступков, чуждых ему, в которых его обвиняли, потому что он назвал много лиц, а в отношении других объявил, что ссылается на показания свидетелей по причине слабости своей памяти; это признание не позволяет смотреть на него как на лжекающегося согласно учению многих авторов (которых

Untitled

он цитировал). Верховный совет положил конец этому разделению мнений 15 мая 1567 года, приказав передать Мельхиора в руки светской власти; мурсийский трибунал вынес второй окончательный приговор, сообразный с полученным им верховным декретом. Казнь была назначена на 8 июня.

XXXV. Вопреки правилам уголовного права (постоянно бездействующим в трибунале, который руководится вместо закона произволом) Мельхиор был вызван в суд 5 июня и увещиваем объявить большее число своих соучастников, потому что свидетели упомянули их как участников собраний, в которых он бывал. Мельхиор повторил в своем ответе все уже рассказанное им. Хотя он был понуждаем на новых заседаниях 6 и 7 июня сделать новые разоблачения, он настаивал на своих прежних ответах, не зная, что уже осужден. Но когда в десять часов вечера он увидел, что готовятся надеть на него костюм передаваемого в руки светской власти и что священник уже вошел в его тюрьму для увещивания к смерти, он прибег к столь часто употреблявшемуся им средству: он объявил, что, порывшись в своей памяти, может назвать новых соучастников. Инквизитор прибыл к нему в тюрьму, и Мельхиор назвал другой дом, где собирались иудействующие, и поименовал семь лиц, которых, по его словам, он видел там. Он не удержался на этом и составил список семи синагог и четырнадцати лиц, которые их посещали. На вопрос, почему он до сих пор скрывал все эти подробности, он ответил, что Бог попустил это за его грехи. В три часа утра он снова попросил свидания и выдал другой дом еретиков-иудействующих. Ему заметили,

Untitled

что объявленное не согласуется с тем, что установлено в процессе, потому что он не говорил ни о некоторых лицах, ни о некоторых вещах, о которых он не мог забыть.

Мельхиор отвечал, что не знает больше ничего.

XXXVI. Он был отведен на аутодафе с остальными приговоренными к передаче в руки светской власти. Придя на место казни, он попросил свидания. Инквизитор, оставив свое место, встал сбоку и получил показание, в котором Мельхиор называл еще два дома иудействующих и двенадцать еретиков. Ему заметили, что этого показания недостаточно для подтверждения результата процесса. Он уверял, что не вспоминает ничего больше, но если дадут время, то он постарается вспомнить еще. Несколько минут спустя он подозвал инквизитора и назвал ему семь лиц. Аутодафе еще не было закончено, когда он пожелал сделать третье разоблачение и назвал еще два дома и шесть лиц. Эти инциденты побудили инквизиторов начать обсуждение положения. Так как среди лиц, названных Мельхиором, были такие, которые уже включены в показания свидетелей и которых даже приказали арестовать, то инквизиторы согласились приостановить исполнение приговора и велели отвести Мельхиора в тюрьму. Этого он только и хотел. 12 июня он подписал свои показания. Ему заметили, что свидетели предполагают большее число соучастников, о которых он должен знать; он отвечал, что не помнит.

XXXVII. Это не должно удивлять: опасность более не угрожала. 13 июня Мельхиор сказал, что он ошибся, назвав такого-то своим соучастником. Однако во избежание того, чтобы отказ от слов не был истолкован в дурном смысле,

Untitled

он полагал, что нужно назвать другой дом и двух лиц, о которых он вспомнил. Инквизиторы были очень далеки от того, чтобы идти навстречу настроениям, которые Мельхиор хотел им внушить. Прокурор-фискал снова заговорил о передаче обвиняемого в руки светской власти как хитро воспользовавшегося умолчаниями в своих признаниях и постоянно предпочитавшего лукавство и извороты искренности и прямоте на всем протяжении процесса, причем он прибегал к этим приемам как тогда, когда называл по именам своих соучастников, так и тогда, когда принимал решение сказать, что он их не помнит.

XXXVIII. Видя, что прокурор-фискал настаивает на своем требовании, несмотря на все показания Мельхиора, последний почувствовал новую тревогу. Убежденный, что его гибель решена, он придумал новый способ защиты. 23 июня он попросил быть выслушанным. Находясь в присутствии своих судей, он принялся умолять их о сострадании. "Что я мог сделать больше, - говорил он, - кроме показания против самого себя вещей, которых никогда не было? Поэтому, если сказать вам правду, знайте, что я никогда не был приглашаем ни на одно собрание, никогда на них не бывал для того, чтобы присутствовать при еретических беседах, и приходил только по своим торговым делам".

XXXIX. Мельхиор был призываем на заседания пятнадцать раз в течение июля, августа, сентября и первых чисел октября. Его ответы постоянно были одни и те же. 16 октября явился новый свидетель, пятнадцатый, показание которого было сообщено Мельхиору. Он отрекся от всего. Так же он поступил с показанием другого свидетеля,

Untitled

заслушанным 30 декабря. Обвиняемый просил дать ему копию оглашения, написал сам свою защиту и попросил, чтобы ему позволили выставить своих собственных свидетелей, поименованных им, чтобы доказать, что он был не в Мурсии, а в Толедо в эпоху, указанную его обвинителями.

XL. Инквизиторы не считали, что доказательство, предложенное обвиняемым, способно ослабить улики свидетелей. Приняли ли они это решение, твердо веря, что преступление доказано? Чего ждать от учреждения, члены коего толкуют в обратном смысле принцип, который требует, чтобы судьи были неподатливы на обвинения и благожелательны к защите? Эти слуги правосудия утверждают, что процесс против ереси полезен религии, что этот принцип делает предполагаемую улику достаточной и что в случае подозрения подобает погубить человека для поддержки правоверной доктрины. Увы! Как бы ни было ужасно подобное мышление, существует трибунал, где следуют таким правилам.

XLI Наконец, процесс Мельхиора обсуждался в третий раз 20 марта 1568 года. Инквизитор и юрисконсульт осудили его на релаксацию; епископ и другой юрисконсульт голосовали за примирение. Мельхиор предвидел по косвенным обстоятельствам ожидавшую его участь. Он не забыл средств, употреблявшихся им несколько раз, и возобновил их. Получив свидание 24 марта, он дал длинное показание против самого себя, назвал три дома и тридцать лиц, среди них - двух раввинов, проповедовавших, по его словам, Моисеев закон.

XLII. На четырех заседаниях, происходивших в следующие

Untitled

дни, он назвал много других домов и лиц, собиравшихся там. 13 апреля он увеличил перечень одним домом и пятью лицами. Ему сказали, что он еще виновен в умолчании, потому что среди стольких названных лиц он скрывал некоторых, которые были не менее известны, чем названные им, и нельзя предполагать, что он их забыл. XLIII. Эти слова заставили Мельхиора потерять спокойствие, которое он обнаруживал до сих пор, и он стал смотреть теперь на свою гибель как на решенную. Он начинает неистовствовать против прежних и теперешних инквизиторов, против визитаторов инквизиции, слуг и служащих тюрьмы и трибунала, свидетелей и других лиц, присутствовавших в процессе, и наконец сказал в припадке гнева и раздражения: "Что могут со мной сделать? Сжечь? Пускай! Пусть меня сжигают за то, что я не могу объявить невозможного, не зная, чего от меня требуют. Однако знайте, что показанное мною против самого себя истинно, но все сказанное о других целиком ложно; ибо я заявил о них, увидав, что вы желаете, чтобы я донес на безупречных людей и сделал их положение несчастным. Не имея никакого понятия ни об именах, ни о звании этих несчастных, я назвал все, что приходило мне в голову, в надежде положить конец моему бедствию. Тем не менее, видя теперь, что мое положение беспомощно, я не хочу, чтобы по моей вине было причинено кому-нибудь зло. Вследствие этого я беру назад все свои показания, а теперь, когда я исполнил свой долг, пусть меня жгут, когда угодно". Процесс был отослан в верховный совет, который утвердил в третий раз приговор о передаче в руки светской власти и написал трибуналу 24 мая, что напрасно

Untitled

призывали обвиняемого на новые заседания после того, как был произнесен приговор о релаксации, потому что их должно разрешать только по просьбе обвиняемого.

XLIV. Вместо того чтобы уступить приказанию, только что полученному, инквизиторы вызвали Мельхиора 31 мая и спросили, не имеет ли он чего-нибудь сообщить. Он отвечал, что ему нечего больше сказать. Ему сказали, что в его показаниях много противоречий и несовпадений и что спасение и благо его души требуют, чтобы он сказал раз навсегда полную истину о себе и о виновных, которых он знает, избегая давать ложное показание.

XLV. Последние слова разоблачили коварство инквизиторов, ибо они требовали взять назад его последнее показание. Но Мельхиор, по своему печальному опыту знавший характер инквизиторов, отвечал им: "Если вы хотите знать чистую правду, то найдете ее в процессе, где она хранится с давнего времени, хотя вы и не обращали на нее внимания до сих пор: она выражена в показании, данном мною сеньору Айоре, когда он ревизовал трибунал". Справились с этим документом и прочли там, что подсудимый не знает ничего из того, что от него требуют. Он мог бы с такой же выгодой сослаться на то, что он показал перед визитатором Коскохалесом, потому что и перед ним открыто отрекся от всего. Тогда между инквизиторами и Мельхиором произошел такой диалог:

XLVI. "Каким образом выраженное от вашего имени в этом документе может быть чистой истиной, по крайней мере в той части, которая касается лично вас, когда вы неоднократно сознавались, что присутствовали на

Untitled

иудейских собраниях, верили в учение, проповедовавшееся там, держались целый год верований закона Моисеева, пока вас не разубедил монах?" - "Я изменил истине, когда давал это показание против самого себя".

XLVII. "Но как случилось, что показание ваше против вас самих и многое другое, что вы теперь отрицаете, вытекают из показаний большого числа свидетелей?" - "Я не знаю, правда это или ложь, потому что я не видал процесса, но если свидетели сказали то, что предполагают, то только потому, что они были поставлены в такое же, как и я, положение. Они любят меня не больше, чем я себя. Достоверно то, что я показал против себя и правду и ложь".

XLVIII. "Какой мотив побудил вас заявить, к вашему ущербу, вещи, противоречащие истине?" - "Я не думал себя обвинять: я надеялся, напротив, извлечь из этого большую выгоду, потому что видел, что, не признаваясь ни в чем, я прослышу нераскаянным и мне не поверят; таким образом изложение истины могло привести меня к эшафоту; мне казалось, что ложь будет полезнее, как и случилось на двух аутодафе".

XLIX. 6 июня объявили Мельхиору Эрнандесу окончательный приговор и уведомили его о приготовлении к смерти на аутодафе, которое собирались справлять на следующий день. Его одели в костюм передаваемого в руки светской власти и дали ему духовника. В два часа утра он попросил его выслушать, говоря, что желает очистить свою совесть. Инквизитор отправился в тюрьму в сопровождении секретаря. Мельхиор сказал ему, что в том

Untitled

положении, в каком он сейчас находится, готовясь явиться перед божественным судом, без надежды избежать смерти или получить новую отсрочку, он считает себя обязанным заявить, что никогда ни с кем не говорил о Моисеевом законе и ничего не слышал на этот счет; все сказанное им в противоположном смысле о себе самом и о других лицах, поименованных им в процессе, является ложесвидетельством, которое было внушено желанием сохранить свою жизнь, и основано на убеждении, что он удовлетворит инквизиторов, говоря так. Он прибавил, что считает себя обязанным просить прощения у обвиненных им лиц, чтобы Бог принял его раскаяние, и сделать подобающее удовлетворение их чести и незапятнанному имени как умерших, так и живущих еще.

L. Инквизитор напомнил ему, что для его спасения важен долг по отношению к истине, даже при сострадании к тем, на кого он донес, что свидетели, показавшие против него, многочисленны, что их показания вполне искренни и заслуживают доверия. Инквизитор умолял его именем Божиим освободить свою совесть от лежащей на ней тяжести и не отягчать своего состояния новой ложью в час смерти. Мельхиор повторил, что все сказанное им против себя и против других лиц было ложью и выдумкой, построенной на изложенных уже им фантастических рассказах, что, впрочем, ему нечего больше прибавить и он готов просить у Бога прощения грехов.

LI. Так окончился незаурядный и несчастный процесс Мельхиора: королевский судья приказал задушить его, и тело было сожжено. Мельхиор Эрнандес мог оставить некоторые сомнения насчет искренности своих последних

Untitled

показаний, хотя его дело не лишено превосходных способов защиты. Но все согласятся с тем, что этот процесс выявил ужасный беспорядок форм судопроизводства, презрение к правилам закона и злоупотребление тайной, окутывающей имена свидетелей. Нельзя также не согласиться с тем, что процесс этот обнаружил кричащие беззакония в области получения от обвиняемого признания, а также недостаток критики, не позволяющий судьям различать обстоятельства, где свидетели и обвиняемый говорят правду и где они умышленно лгут, руководясь частными соображениями. Далее процесс этот показал, что у судей постоянное предположение, что обвиняемый говорит неправду, когда он отрицает какую-либо улику, хотя бы она была незначительна, а признания были бы важны. Затем процесс подчеркнул привычку смотреть как на лжекающегося и виновного в заперательстве на того, кто объявляет свои ошибки и отрицает ошибки других, как будто он уступает чувству сострадания. К моментам, выявившимся в ходе процесса, нужно еще прибавить следующие: 1) мнение, что служба инквизитора не кончается даже после вынесения окончательного приговора; 2) принцип принуждения виновных путем дурного обращения с ними к признанию того, что выгодно и служит интересам трибунала; 3) существование и воздействие множества других злоупотреблений, противных правосудию и человечности, противоположных букве закона, а еще чаще духу Евангелия; наконец, 4) искажен самый предлог стольких неправильностей, то есть религия, во имя которой осмеливаются произносить слова

Untitled

сострадания и милосердия, в то время как величают безбожником того, кто жалуется и выявляет все эти варварские формы.

LII. Этих печальных результатов не было бы, если бы не господствовал принцип секретности, скрывающей от обвиняемого опасный ход инквизиционного судопроизводства и прячущей от человеческих взоров пороки, почти всегда вызываемые невежеством, а иногда и преступной игрой человеческих страстей. Указанные мною злоупотребления имели место не только в мурсийском трибунале инквизиции. Вмешательство верховного совета доказывает, что та же система господствовала в других трибуналах, потому что он и одобрял их действия, и пользовался правом отмены и цензуры.

LIII. Однако я признаю, что мурсийский трибунал в своем проекте искоренения ереси имел некоторую причину показывать себя суровым по отношению к иудаизму, который достиг такой степени роста и деятельности, что почти все потомки евреев возвращались к Моисеевой религии. Их число было так велико, что Филипп II, вопреки свойственной ему холодной жестокости, счел нужным предложить папе разрешить специальным бреве всем этим новым иудействующим, которые были бы готовы донести на себя, тайное отпущение, примирение с Церковью, с условной епитимьей, а также явить им помилование от других наказаний, особенно от конфискации имущества. Пий V [841] издал бреве, просимое Филиппом II, 7 сентября 1567 года; но послал новое бреве главному инквизитору Вальдесу, чтобы рекомендовать ему исключать из благоденствия нового закона лиц духовного звания, потому

Untitled

что нельзя одобрить, чтобы они были допущены к исправлению обязанностей службы в орденах, где они были приняты или продвинуты на высшие должности. Замечание, сделанное мною, не может, однако, извинить макиавеллистического поведения инквизиторов по отношению к узникам, как бы значительно ни было число иудействующих и как ни важна была бы необходимость остановить этот род заразы. Я расскажу несколько других событий, происшедших в мурсийской инквизиции и относящихся к этой же эпохе.

Статья третья История других аутодафе в Мурсии
I. В 1564 году в Мурсии было аутодафе, на котором сожгли одного осужденного живьем и одиннадцать в статуях как заочно осужденных. Епитимийных было сорок восемь. Сохранение особых воспоминаний об этой церемонии обязано жестокому обстоятельству, если только возможно внушить больший ужас к инквизиции, чем внушали его предшествующие аутодафе. Педро Эрнандес был примирен с Церковью в 1561 году как подозреваемый в иудаизме. Он заболел в 1564 году и через посредство своего духовника попросил свидания с инквизиторами. Один из них отправился к нему на дом, и Педро сказал ему: "Когда я был привлечен к суду, я отрицал все на моем первом допросе; затем я подал заявление и для своего извинения в сокрытии истины сообщил, что поступил таким образом, потому что, исповедавшись у одного французского священника, я получил от него отпущение. Это была неправда; но теперь, видя себя в опасности скорого отчета Богу, я пожелал очиститься от этой лжи, вот почему я попросил выслушать меня". Инквизитор

Untitled

представил это заявление в трибунал; последний, жадный до крови несчастного, велел его взять с ложа и перенести в тюрьму. Педро умер там на третий день. Были ли инквизиторы людьми?

II. В том же году трибунал приговорил к епитимье мориска из Ориуэлы, молодого человека двадцати четырех лет, обвиненного в магометанстве и чернокнижничестве. Его доносчики докладывали, что он излечивал больных недозволенными способами, полученными вследствие договора, подписанного с чертом, и для доказательства этого приводили пример одного действия, которым он вернул мужу жену, связанную с другим чернокнижником. Нашлись свидетели, дурные или глупые люди, удостоверившие это безумие, и мориск был отведен в секретную тюрьму. На первом своем допросе он признал факты, только что рассказанные мною, и сообщил некоторые другие, возражая, что он никогда не заключал никакого договора с чертом, он обладал данною ему одним мавром книгой, в которой нашел заклинания дьявола, способные излечивать болезни, если сделать указанные там лекарства, что он вернул здоровье многим лицам, исполняя предписания книги, и слова, произносимые им, исцеляли болезни, быть может, не сами по себе, а благодаря действию лекарств, употребляемых им, или самой природой. Невозможно себе вообразить, к чему только не прибегали инквизиторы, - к пытке, лукавству, ко всякой неожиданности, - чтобы принудить мориска сознаться в том, что он подписал договор с Люцифером или, по крайней мере, дал обещание культа суеверного почитания, признавая его божественность и могущество.

Untitled

Этот последний случай был единственным, когда дело о колдовстве могло быть передано трибуналу веры. Жажда овладеть этим делом привязала к следам несчастного обвиняемого низких приспешников инквизиции. Мориск понял, что выйдет из тюрьмы только для того, чтобы отправиться на эшафот, если не призвать на помощь ложь, что он и сделал. Он сказал, что подчинился власти сатаны; что призывал сатану для придания действительности и необходимой силы своим чарам, читая формулы из своей книги; что демон являлся ему в виде черного безобразного человека, одетого в рыжее, в сопровождении множества других чертей; что они очень шумели вокруг него, но оставались невидимыми; что он приказывал черту доставить куклу, представлявшую больного; черт торопился повиноваться; к этой кукле он прикладывал мази, произнося заклинания и применяя лекарства, предписанные в книге, как будто трудился над человеком, которого хотел исцелить, а затем повторял эти действия над самим больным; что тем не менее он никогда не почитал его и черт никогда ему этого не предлагал; что он всегда довольствовался тем, что советовал ему исповедовать религию Магомета, считать ее истинной и отказаться от веры в Иисуса Христа. Мориск прибавил, что признает теперь преступность своих действий и противность их вере католической Церкви и сильно раскаивается в них, умоляя, чтобы ему позволили примирение его с Церковью и наложили епитимью. Инквизиторы, в восторге от одержанной победы, присудили своего узника к появлению на публичном аутодафе 10 декабря 1564 года с санбенито и в картонной митре, к

Untitled

примирению с Церковью, получению двухсот ударов кнута и пятилетней службе на галерах (без санбенито).

Несчастный придумал появления чертей и разговоры о мнимом подчинении злого духа его приказаниям, убедившись, что это было единственным средством избежать сожжения. Печальное последствие форм, выдуманных инквизицией для открытия виновных.

III. 10 июля 1564 года брат Паскуал Перес, белец, произнесший обеты в ордене иеронимитов, родившийся в деревне близ города Сан-Фелипе-де-Хатива, двадцати семи лет от роду, был арестован и отведен в тюрьму святого трибунала. Его обвиняли в том, что он покинул свое звание и женился по соседству с городом Эльче, где он жил. Первый вопрос, обращенный к нему, был: знает ли он повод, по которому его посадили в тюрьму. Он отвечал, что, вероятно, из-за женитьбы, на которую он решился, хотя был связан торжественным обетом монашеской жизни. Он признал этот поступок грехом. На вопрос, явилась ли мысль о греховности после брака или же она была у него уже при женитьбе, он отвечал, что в пору брака был занят единственно своей страстью и отвлечен от всего другого. Инквизиторы не были этим удовлетворены, потому что его ответы не позволяли заключить, считал ли он сладострастие вещью дозволенной. Они прибегли к средствам, которыми умели хорошо пользоваться, и обвиняемый сознался 17 сентября 1565 года, что, выйдя из своего монастыря, думал о том, что не может жениться по причине обета, произнесенного им при вступлении в монашескую жизнь; но впоследствии дьявол искусил его и он подумал, что по отказе от

Untitled

монашеского образа жизни его обет уничтожен.

Инквизиторы ничего не требовали больше: этого признания было достаточно, чтобы высказаться, что расследование этого дела принадлежало им, - претензия, которую нельзя считать не чем другим, как захватом светской юрисдикции, потому что сознание монаха не представляло верования, противоположного какому-нибудь определенно выраженному постулату веры. Как бы то ни было, они приговорили брата Паскуала к произнесению легкого отречения и передаче в распоряжение приора монастыря с тем, чтобы тот наложил на него в своем братстве епитимьи, установленные против монахов, публично согрешивших, и после четырехкратного отбытия их запретил ему навсегда выход из монастыря и перемену его на другой.

IV. 9 декабря 1565 года справляли в Мурсии новое аутодафе. На нем появились четыре человека, приговоренных в сожжению; двое как заочно осужденные были сожжены в изображении, и сорок шесть человек приговорены к епитимьям.

V. 8 июня 1567 года происходила другая подобная церемония. На ней сожгли шесть человек живьем, сорок восемь подверглись епитимьям.

VI. 7 июня 1568 года в Мурсии было сожжено еще двадцать пять человек как еретики и тридцать пять подозреваемых были присуждены к епитимьям. В числе последних находился Хинес де Лорка, новохристианин еврейского происхождения. Мадридские инквизиторы приказали его арестовать как подозреваемого в иудаизме вследствие сообщения шести свидетелей, которые среди пытки

Untitled

назвали его своим соучастником. Во время его заключения в тюрьме заслушали семь новых свидетелей. Можно предположить, что эти показания были получены от других узников или вследствие жестокости пытки, или по причине страха, пагубные последствия которого мы видели в истории Мельхиора Эрнандеса. Хинес сначала отрицал улики оглашения свидетельских показаний. Однако после, видя их многочисленность и не сомневаясь, что он будет осужден на сожжение, если откажется говорить, он признал истинным все показанное против него и, обнаруживая сильное раскаяние в своих прегрешениях, смиренно просил допустить его к примирению. К саморазоблачениям он присоединил заявление о том, что знал о некоторых других лицах. Он уверял, что не помнит более никаких обстоятельств, и обещал, если вспомнит, сообщить новые обстоятельства. Участь обвиняемого была поставлена на голосование. Судьи не нашли согласия, и верховный совет, к которому обратился трибунал, определил 15 мая 1568 года подвергнуть Хинеса пытке по чужому делу, чтобы он открыл своих сообщников, относительно которых он употреблял умолчание. При начале пытки Хинес объявил половину того, что добивались от него. Инквизиторы вынесли окончательный приговор и присудили обвиняемого к пожизненному ношению санбенито, к заключению навеки в тюрьму, конфискации всего имущества, за исключением других наказаний, по праву связанных с исполнением торжественного аутодафе. В промежутке до этой церемонии Хинес, принимая во внимание недостаточность способов защиты, употребленных им до пытки, признал

Untitled

такую же недостаточность и в показании, данном под пыткой для избежания сожжения, и решил сделать новое заявление, которое доказало бы, что никто из узников не сравнивается с ним ни в раскаянии, ни в чистосердечии. Он попросил вызова в суд и назвал несколько домов, где собиралось множество поименованных им лиц, которые беседовали в частности о законе Моисеевом. Если бы он знал, что его участь уже решена, то, без сомнения, не стал бы делать этого разоблачения. Вот-вот готовы были возобновиться сцены процесса Мельхиора, но инквизиторы одни были способны истинно или притворно доверять заявлениям подобных свидетелей. Поведение верховного совета, конечно, не делает чести его умеренности, когда он определяет пытку для обвиняемого, объявившего свои преступления и часть преступлений сообщников. Верховный совет должен был ограничиться заверением обвиняемого, что тот не помнит никакого другого обстоятельства, и обещанием объявить позднее те обстоятельства, которые он в состоянии будет вспомнить.

VII. В 1575 году верховный совет проявил больше уверенности в деле Диего Наварро, дворянина из Мурсии, которого арестовали как подсудимого за преступление двоеженства. Осведомление гласило, что, будучи женат на Изабелле Мар-тинес, он при ее жизни женился на Хуанне Гонсалес. Внимательное расследование помогло открыть, что дворянин, будучи связан с Изабеллой страстью, в 1557 году имел сильное пререкание с нею и решил предупредить его неприятные последствия шагом, который стал для него источником страданий и печалей. Он сказал ей, что придумал средство все привести в порядок; это

Untitled

значило - жениться на ней. Он прибавил, что расположен к этому и от нее зависит стать его законной женой. Изабелла (которая не была щепетильна, как мы впоследствии увидим) быстро успокоилась при этом предложении и отвечала ему, что она удовлетворена и считает себя его женой, потому что принимала его как мужа. Браки, которые заключали в то время без присутствия священника, считались действительными, и эта декларация была сделана перед несколькими свидетелями. Однако дворянин не поселил Изабеллу у себя. Они продолжали жить в двух отдельных домах, и публика не знала, что они женаты.

Сам он не думал, что взял на себя подобное обязательство, ибо, как заметят это в процессе, сказанное им Изабелле не прилагалось к настоящему, а относилось к будущему. Узнав затем, что она вела и продолжает вести преступный образ жизни, он счел себя свободным от обещания. Чтобы показать, что он совершенно свободен и не связан узами брака, он открыто женился на Хуанне Гонсалес в присутствии свидетелей и своего приходского священника, который дал супругам брачное благословение. Несчастье преследовало этого испанца: Хуанна заболела в тот же день и очень быстро умерла, до совершения брака. Он виделся с Изабеллой во время болезни своей законной жены. По смерти Хуанны он впал в сумасшествие и оставался в этом состоянии несколько лет. Когда его здоровье было восстановлено, Изабелла просила его принять ее в свой дом и считать своей законной женой. Испанец отказался. Изабелла подала жалобу епархиальному епископу семнадцать лет спустя

Untitled

после сделанного ей обещания. Церковный судья потребовал от Наварро исполнения брачных обязательств. Это решение не понравилось дворянину: он апеллировал в митрополичий суд в Толедо. Дело затянулось в этом трибунале, когда на него донесли инквизиции как на двоеженца. Эта опасность угрожала ему, если бы он не согласился на требование Изабеллы. Инквизиторы (как будто вопрос, женат ли он или только обещал брак, не находился в ведении церковного трибунала) велели арестовать Наварро, который был заключен в секретную тюрьму инквизиции. Подсудимый был приведен на первое заседание. У него спросили, знает ли он, почему арестован. Он отвечал, что хорошо знает, потому что по его адресу были произнесены угрозы, и рассказал все происшедшее. Он прибавил, что у него нет никаких обязательств по отношению к Изабелле, которая ведет себя как проститутка, о чем он не знал, когда давал обещание. Подсудимый избрал адвоката, который заметил по первым беседам с ним, что тот впал в прежнее безумие. Вследствие этого, пользуясь правами, связанными с его служением, он потребовал, чтобы подсудимый был отправлен к себе домой для соответствующего лечения и чтобы в ожидании его излечения процесс был приостановлен. После многих споров инквизиторы согласились на предложение адвоката, но опасаясь исчезновения подсудимого, потребовали исключить побег. Некоторое время спустя прокурор-фискал сделал представление, что безумие подсудимого мнимое и у него только дурное настроение мыслей, от которого его могут вылечить собственные размышления. Вследствие этого

Untitled

акта фискала обвиняемого снова водворили в тюрьму. Адвокат выставил свои возражения, не только касающиеся этого частного случая, но и по принципиальному вопросу. По частному инциденту он возражал тому, что инквизиция должна вступать в процесс, хотя не решено, что обвиняемый был женат на Изабелле, а в принципиальном отношении, даже если брак объявлен существующим, есть возможность для решения в пользу обвиняемого вопроса относительно обвинения в двоеженстве, так как тот не виновен в этом преступлении. Мнения в святом трибунале разделились. Один юрисконсульт выразил мнение, чтобы Наварро появился на первом публичном аутодафе с санбенито и в картонной митре, произнес легкое отречение и был присужден к уплате штрафа в сто дукатов. Епархиальный епископ предлагал отсрочить приговор; но если бы трибунал решил вынести приговор, не откладывая, обвиняемого, по его мнению, не следовало обязывать появляться на публичном аутодафе ввиду его достоинства дворянина и члена муниципалитета Мурсии; можно удовольствоваться назначением ему наказания на тайном аутодафе, в зале заседаний суда: а именно, подвергли бы его отречению как находящегося в легком подозрении и заставили заплатить штраф в сто дукатов. Инквизитор Серрано голосовал за публичное аутодафе, легкое отречение, штраф в сто песо и годичный срок изгнания. Инквизитор Посо требовал аутодафе, отречения, штрафа в сто дукатов и наказания в сто ударов кнута на улицах Мурсии. Как видно, привилегии испанского дворянства не очень импонировали инквизитору Посо. Декан трибунала Кантера подал мнение, что перед

Untitled

окончательным голосованием по принципиальному вопросу надо решить, действительно ли обвиняемый стал помешанным или безумие притворно, потому что от этого зависит его мнение по принципиальному вопросу. Процесс был направлен в верховный совет, который приказал отсрочить окончательный приговор, касающийся брака обвиняемого с Изабеллой; если приговор признает законность брака, следует высказаться насчет истинного или притворного сумасшествия обвиняемого. Если сумасшествие будет признано притворным, следует постановить приговор о двоеженстве, но приостановить исполнение до совещания с верховным советом; в ожидании этого обвиняемого надо отправить домой и держать его там под поручительством. Кажется, что дело не двинулось далее; вероятно, благоразумие совета остановило его на той точке, где мы его видим. Дай Бог, чтобы он постоянно следовал тем же принципам! Мнение инквизитора Посо дышит жестокостью; мнение Серрано не обнаруживает умеренного судьи; мнение епархиального епископа самое справедливое. Что касается поведения верховного совета, то надо сознаться, что оно было очень мудрым. Наблюдение над пятью различными мнениями доказывает с несомненной очевидностью, что произвол есть существенный порок трибунала.

VIII. В следующем 1576 году монах-диакон произнес легкое отречение; на два года он был запрещен в священнослужении и присужден к безвыходному пребыванию в монастыре на этот срок и занятию последнего места в хоре и на всех собраниях его братства. Его преступление, может быть, не было бы никому

Untitled

известно до самой его смерти, если бы он сам не открыл его инквизиции, хотя легко мог уволить себя, так как не было вопроса о ереси. Этот монах, предприняв путешествие, однажды вечером остановился на ночлег у деревенского священника, духовного брата его ордена. Деревенский настоятель спросил его, не священник ли он. Монах имел слабость ответить утвердительно, нисколько не думая о своих словах и не ожидая никакого действия своего ответа, кроме увеличения внимания к нему в доме сельского пастыря. Последний немедленно выразил ему желание исповедаться у него. Монах, ошеломленный этим заявлением, не осмеливаясь сказать своему хозяину, что он солгал и вовсе не священник, исповедал его и дал ему отпущение. Мучимый в своей совести воспоминанием о грехе, он некоторое время спустя принял решение донести самому на себя мурсийской инквизиции. Я не защищаю монаха; но это настроение не мешает мне заметить в резолюции инквизиторов выдающуюся жестокость, до очевидности противоположную правилам закона и благоразумия. Кто обвиняет себя добровольно и под секретом, может быть подвергнут только тайной епитимье, так, чтобы грех его остался неизвестным. Всякая другая практика может только воспрепятствовать виновным делать добровольные признания. Еще не еретик тот, кто разрешает от греха, не будучи священником, если не верит в действительность такого отпущения грехов. Монах, который, как видно, был очень далек от мысли о действительности данного им разрешения, не прав в доносе на себя. Принуждение его произнести легкое отречение обнаруживает одно из тысяч мошенничеств,

Untitled

употребляемых святым трибуналом. Это суждение предполагает, что обвиняемый квалифицирован как подозреваемый в ереси в малейшей степени, и этот довод единственно был выставлен инквизиторами для оправдания их постоянных узурпации юрисдикции епископов в таких и подобных им делах.

Глава XXIV Аутодафе, справленные против протестантов и других обвиняемых инквизиторами Толедо, Сарагосы, Валенсии, Логроньо, Гранады, Куэнсы и Сардинии в царствование Филиппа II

Статья первая Инквизиция Толедо

I. Я уже заметил, что все, что происходило в инквизициях Севильи, Вальядолида и Мурсии, происходило и в других, потому что во всех было одно правило поведения, одна система произвола в толковании и применении приказов, и потому суровость приговора стала правилом, которое одни инквизиторы передавали другим. Для того чтобы показать неоспоримость этой истины, я расскажу историю нескольких аутодафе в разных провинциях с определенным числом специфических особенностей, которые я покажу в своих заметках, извлеченных из подлинных процессов и реестров святого трибунала.

II. 25 февраля 1560 года инквизиторы Толедо справили аутодафе, на котором несколько осужденных были сожжены живьем, другие в изображении и множество было подвергнуто епитимьям. Они были наказаны как подозреваемые в лютеранстве и магометанстве или по делам о двоеженстве, богохульстве или заблуждениях насчет блуда, который они считали дозволенным, а также как виновные в возвращении к иудейскому культу. Сгорая

Untitled

страстью показать себя столь же преданными государям, как инквизиторы Вальядолида, толедские инквизиторы энергично принялись за приготовления к церемонии, чтобы отпраздновать прибытие новой королевы Елизаветы Валуа, дочери Генриха II, короля Франции. Вследствие трактата, заключенного 3 апреля 1559 года, она была обвенчана в Толедо 2 февраля 1560 года кардиналом, епископом Бургоса, домом Франсиско Мендоса-и-Бовадильей, в присутствии Хуанны, вдовствующей принцессы Португалии, сестры короля, и несчастного дона Карлоса, принца Астурийского, которому новая королева была раньше предназначена в супружество. Некоторые историки утверждают, но неверно, будто имелась большая несоразмерность в возрасте Елизаветы и Филиппа II. Хотя принцессе было тринадцать лет, а дону Карлосу четырнадцать, и этот расчет устанавливает, по-видимому, более подходящее соотношение, можно сказать, что Филипп II не только не был слишком стар для нее, но, имея от роду лишь тридцать три года, был в расцвете своих физических и умственных сил, и принцесса благодаря браку с Филиппом II овладела престолом, которого пришлось бы долго ожидать с доном Карлосом, если предположить, что он жил бы дольше. Историкам скорее следовало бы удивляться печальной церемонии, которой хотели развлечь тринадцатилетнюю королевскую принцессу, прибывшую с французского двора, где она видала блестящие праздники, которые не поражали неприятно ни ее возраста, ни сана. В то время в Толедо происходило собрание кортесов королевства для принесения присяги на верность принцу,

Untitled

предполагаемому наследнику престола. Для торжественного справления аутодафе воспользовались этим собранием, состоящим из грандов Испании, множества прелатов и представителей городов. Кроме количества жертв, это аутодафе поражало своей величием по сравнению с самыми знаменитыми аутодафе Вальядолида.

III. В 1561 году происходило другое аутодафе в том же городе. На нем сожгли четырех нераскаянных лютеран живьем и примирили с Церковью девятнадцать человек. Двое из первого разряда были испанские монахи, двое других - французы. Еще двое были приговорены к релаксации, но накануне казни они сознались во всем, чего желали инквизиторы, и были допущены к примирению с Церковью. Среди приговоренных к епитимьям находился королевский паж, уроженец Брюсселя, Шарль д'Эстре. Какой избыток изуверства был в предположении, что среди празднеств и народных развлечений, посвященных браку государя, последний мог находить приятным унижение одного из его пажей и его удручение епитимьями. Может быть, инквизиторы приготовили эту казнь с намерением его спасти. Действительно, королева Елизавета, тронутая состраданием, просила короля даровать помилование юноше в том, что зависело от его власти; она обратила ту же просьбу к главному инквизитору Вальдесу, который присутствовал на аутодафе, и получила полное помилование Шарля д'Эстре, обещавшего твердо держаться католической веры.

IV. В других главах этой истории можно было видеть, что инквизиторы Толедо постоянно обнаруживали горячее

Untitled

усердие и увеличивали число жертв до бесконечности. Если бы не было других доказательств, было бы достаточно привести большое число семейств, которых излишнее усердие инквизиторов облекло в траур и повергло в слезы в городе Сифуэнтесе (провинция Гвадалахара, епархия Сигуэнсы). Местные жители перестали ходить к божественной службе, стыдясь смотреть на подвешенные к церковному своду санбенито с именами и обозначением должностей предков и родственников почти всех жителей, а также с указанием испытанных ими наказаний и перенесенного позора. Церковный капитул и ружные священники города Сифуэнтеса, видевшие ближе всех дурное действие столь унижительного зрелища, обратились к папе и умоляли его святейшество позволить им уничтожить или, по крайней мере, удалить санбенито. Папа внял справедливости этих жалоб и разрешил 15 декабря 1561 года просимое с тем, чтобы на это согласился главный инквизитор. Папа поставил такое условие, потому что был убежден, что в случае, если эта мера не понравится инквизитору, она не принесет никому пользы, вследствие притворства, с каким испанское правительство всегда горячо принимало сторону инквизиторов, когда им не нравились приказания, шедшие из Рима.

V. С какой бы стороны и в каком бы смысле мы ни рассматривали инквизицию, в ней всегда можно найти только чудовищное учреждение. Его главные агенты были орудием и поддержкой захватнических тенденций и деспотизма Рима; несмотря на это, инквизиторы всегда умели ловко вывернуться из необходимости повиноваться

Untitled

Риму, когда считали это полезным делу святого трибунала. Их защита перед главой Церкви состояла в утверждении, что указы римской курии были противоположны указам, полученным от испанского короля. Равным образом они обходили указы государя, оправдывая свой отказ мнимой необходимостью сообразоваться с буллами, которые отлучили бы их, если бы они повиновались королевским указам. Они были постоянно готовы противиться той и другой власти, как только главный инквизитор пошлет тайный приказ, от своего ли имени или по соглашению с верховным советом (когда этот акт вероломства казался ему необходимым), вопреки апостолическим законам и королевским указам. Но нас еще больше должно удивлять, что сам глава инквизиции был не всегда уверен в повиновении подчиненных ему людей. Провинциальные инквизиторы предавали забвению указы и декреты верховного совета, если их единодушное мнение противоречило распоряжениям этих декретов и если имелись шансы, что совет не будет уведомлен. Причиной всех этих беспорядков была тайна, в которую все облакалось и злоупотребления которой находили поддержку в самом уставе трибунала. Поэтому, вопреки видимому единению членов святого трибунала, разделение, постоянно бывшее между ними, иногда вызывало анархию и внутренний беспорядок до такой степени, что видимое согласие, соединявшее их исчезало. Легко можно было видеть, как маска спадает с их лица, если бы дух корпорации не сохранял внешнего союза, необходимого для поддержания общего авторитета и той власти, которую они имели над умами людей благодаря

Untitled

этому духу.

VI. 17 июня 1565 года (в Троицын день) справили новое аутодафе, на котором появилось сорок пять лиц.

Одиннадцать было сожжено, тридцать четыре были осуждены на епитимьи. В первом разряде были лютеране, иудействующие, магометане, защитники блуда, двоеженцы, богохульники и некроманты. Среди тех, кого обозначили именем протестантов, одни были известны под именем лютеран, другие под именем верных; был третий вид, которых называли huguenaos, потом huguenots (гугенотами). Я думаю, что последнее имя было сначала дано в Беарне кальвинистам, которые прибыли туда из Гагенау в Эльзасе, и что от имени этого города произошли названия haguénot и huguenot [842].

VII. Хотя инквизиторы Толедо ежегодно справляли аутодафе, как и другие инквизиции, с более или менее значительным числом жертв, я не нахожу ни одного известного лица среди осужденных до аутодафе, бывшего 4 июня 1571 года, на другой день Троицына дня. Два человека были сожжены живьем и трое в изображении как лютеране. Тридцать один человек был подвергнут епитимьям. Один из погибших в огне достоин особого упоминания. Его звали доктором Сигизмондо Аркелем; он происходил из города Кальяри в Сардинии. Он был арестован в Мадриде в 1562 году как учитель лютеран. Промучившись долго в толедской тюрьме, он при помощи ловкости и терпения достиг того, что скрылся из нее; но он не успел уехать из королевства. Его приметы были сообщены на все пограничные пункты; он был арестован и снова попал в руки своих судей. Аркель упорно отрицал

Untitled

приписываемые ему факты до тех пор, пока ему сообщили извлечение из оглашения свидетельских показаний. Под тяжестью улик он признался во всем и утверждал, что он не только не еретик, но лучший католик, чем паписты, и взялся доказывать это чтением своеобразной апологии на ста семидесяти листах, которую написал в тюрьме. Он был приговорен к передаче в руки светской власти. Хотя были сделаны попытки вернуть его к учению Церкви, он упорствовал в своей системе, выдавая себя за мученика, и надругался над увещевавшими его священниками.

Поэтому ему вложили в рот кляп во время аутодафе, и кляп находился у него во рту до тех пор, пока он был привязан к столбу. Видя, что он претендует на славу мученика, лучники пронзили его ударами копий в то время, когда палачи зажигали костер, так что Сигизмондо Аркель погиб и от огня и от железа.

VIII. Другие осужденные принадлежали к разным классам, названным мною, кроме иудействующих. Среди утверждавших, что простой блуд дозволителен, был замечен Хуан Мартинес из Алькараса, который простер свое безумие до того, что сказал, будто это действие, совершенное человеком с его матерью, не является смертным грехом, если оно не было повторено больше трех раз; только в этом случае получалась преступная привычка. Далее Мартинес говорил, что он не сочтет себя виновным, если уступит желаниям своей собственной матери, раз она того потребует.

IX. Меньше нелепости можно найти в мнении Педро Иепеса, который старался убедить жителей Иепеса, своей деревни, что напрасно приносить хлеб и вино мертвым и

Untitled

святым, которые не пользуются этими дарами, служащими только к употреблению священниками.

X. Педро Руис, из местности Эскалонилья, говорил следующее: "Если бы католические священники женились, как это практикуется среди протестантских пасторов, то следовало бы одобрить этот обычай как предпочтительный в сравнении с безбрачием; ведь потому-то священников соблазнительного поведения в Испании больше, чем в странах, где служители религии имеют право заключать браки".

XI. Редко не встречался на аутодафе какой-нибудь человек, осужденный за то, что присваивал себе звание служителя инквизиции, - неоспоримое доказательство преимуществ, которыми пользовались действительны инквизиторы. На аутодафе, о котором я говорю, был некий Диего Каваньяс, хромой нищий из деревни Робледо. Он выдавал себя за чиновника инквизиции в Толедо и приказал альгвасилу другого местечка арестовать Педро Фернандеса и предоставить в руки смотрителя тюрьмы святого трибунала этого города под страхом штрафа в двадцать тысяч мараведи. Так как этот проступок имел последствием увеличение числа узников, трибунал удовлетворился изгнанием Каваньяса на четыре года с угрозой ста ударов кнута, если бы он нарушил свое изгнание. И мы видели в других случаях это наказание увеличенным до четырехсот ударов и сопровождаемым галерами, хотя виновные никого не приказывали арестовывать. Это показывает испытываемое инквизиторами удовольствие в умножении числа их жертв.

Статья вторая Инквизиция Сарагосы

Untitled

I. Инквизиция Сарагосы также справляла ежегодно свои аутодафе. На них сжигали несколько осужденных живьем или в изображении; человек двадцать бывали примиряемы с Церковью. Большинство были гугеноты, покинувшие Беарн, чтобы поселиться в Сарагосе, Уэске; Барбастро и других городах в качестве купцов. Было также несколько морисков-магометан, очень небольшое число иудействующих и два или три педераста, которых святой трибунал Арагона имел право судить в силу булл папы Климента VII от 24 февраля 1524 года и от 15 июля 1530 года (вопреки конвенциям, подписанным штатами королевства и Фердинандом V в Монсоне, Лериде и Сарагосе) и других апостолических булл, рекомендовавших их исполнение. Этот род привилегии не принадлежал инквизиторам Кастилии. Когда некоторые инквизиторы принялись устанавливать ее в своей местности, их глава и верховный совет воспротивились этому указом от 6 мая 1568 года.

II. Скоро возник вопрос, имеют ли право инквизиторы Сарагосы идти дальше предварительного опроса в представившемся исключительном случае. Дело шло о доносе против двух женщин, виновных в некоторых непристойностях. Верховный совет, обсудив это дело 20 марта 1560 года, запретил арагонскому трибуналу им заниматься.

III. Судопроизводство по делу о педерастии в трибунале Сарагосы навлекло на него со стороны верховного совета упреки, содержащиеся в письмах от 17 мая и 18 июня 1571 года. Его порицали за то, что он не уважает гражданских законов королевства, которые высказывались по этому

Untitled

роду проступков и были в противоречии с законами инквизиции. Те же письма гласили, что инквизиторы сделали две ошибки, а именно: 1) приступили в праздничный день к ратификации свидетельских показаний; 2) увещевали обвиняемого объявить свое преступление, обещая обходиться с ним с состраданием, которым святой трибунал имеет обычай пользоваться по отношению к виновным, чистосердечно признающим свои преступления. Этого обещания они не могли законно давать, потому что, если проступок доказан, они не имеют права устранять обвиняемого от наказания, определяемого законом. Впредь они не должны обещать узникам ничего другого, кроме ускорения рассмотрения и решения дела. Несчастный, привлеченный к суду, умер до осуждения и был сожжен с большим числом еретиков, явившимся на аутодафе этого года. Подробности этого судопроизводства кишат неправильностями и являются новым доказательством того, что произвол и беспорядок являются двумя существеннейшими пороками инквизиции.

IV. Когда мы говорим о гугенотах или кальвинистах, не следует изумляться, что инквизиция Сарагосы преследовала их с такой энергией, потому что соседство Беарна заставляло гугенотов переходить в большом количестве в Испанию. Эти успехи доказываются указами верховного совета, в которых читаем: "Дон Луис де Бенегас, посол Филиппа в Вене, сообщил главному инквизитору 14 апреля 1568 года, что он узнал из частных донесений, что кальвинисты поздравляют себя с подписанием мира между Францией и Испанией и надеются, что их религия не меньший успех будет иметь в

Untitled

Испании, чем во Фландрии, Англии и других странах, потому что большое число испанцев, принявших ее тайно, имеет возможность Через Арагон поддерживать общение с протестантами Беарна". Я сказал в главе XIII, что испанский посол в Париже писал на этот счет, равно как и уполномоченный, которого инквизиция держала с этой целью в Перпиньяне. Эти донесения заставили инквизиторов удвоить усердие и наблюдение. Этот приказ был возобновлен в 1576 году, когда узнали от графа Састаго, вице-короля Арагона, что один дворянин, французский протестант, хвастал, что все испанцы скоро будут кальвинистами, потому что их уже много и они получают все книги нового учения.

V. Из всех фактов, которые я рассказываю в этой Истории для доказательства несправедливости и жестокости инквизиции, ни один так не возмущает, как появление на аутодафе Сарагосы в 1578 году человека, присужденного как подозреваемого в ереси к двумстам ударам кнута, пяти годам галер и штрафу в сто дукатов за то, что он переправил лошадей из Испании во Францию. Это дело заслуживает некоторых подробностей. Начиная с царствования Альфонса XI, короля Кастилии [843], в XVI веке ввоз лошадей из Испании во Францию был запрещен под страхом смерти и конфискации имущества.

Неизвестно, какие особенные обстоятельства заставили установить наказания, столь несоразмерные с проступком. Однако наказание это было возобновлено 15 октября 1499 года Фердинандом V, католиком {Свод законов. Кн. 12. Отд. 18; кн. 6.}. Никто не осмелится оспаривать компетенцию светских судов для подавления этого рода контрабанды, и

Untitled

всякий согласится, что только таможенным досмотрщикам принадлежит право ареста правонарушителей. Но из-за гражданских войн, возникших во Франции между католиками и протестантами, и по причине успехов, сделанных последними рядом с испанскими границами, Филипп II решил, что им найдено более легкое средство воспрепятствовать этой контрабанде, а именно: прибегнуть для борьбы с этим к инквизиции, состав которой равнялся службе ста тысяч человек пограничной стражи. Вместе с тем можно было заинтересовать в этом деле религию путем выдачи каждого контрабандиста за подозреваемого в ереси или пособничестве еретикам, согласно специальной булле папы, гласившей, что всякий, кто будет снабжать еретиков оружием, боевыми припасами и другими средствами войны в ущерб католической, апостольской и римской религии, считается пособником еретиков и еретиком. Эта булла и звание еретиков, гугенотов, кальвинистов и врагов святой Церкви, данное французам Беарна, подданным принцессы Жанны д'Альбре, королевы Наварры [844], были более чем достаточны, чтобы заслужить богословскую квалификацию, всем, кто осмеливался заниматься запрещенной торговлей лошадьми. Филипп II поручил инквизициям Логроньо, Сарагосы и Барселоны следствие по всем проступкам, имевшим своим предметом ввоз испанских лошадей во Францию.

VI. Вследствие этой меры совет инквизиции прибавил к ежегодному указу о доносах оговорку, которая обязывала каждого христианина, испанского католика, доносить святому трибуналу на лиц, известных покупкой лошадей и

Untitled

переправкой их во Францию на службу протестантам. Это добавление появилось 19 января 1569 года. В первый раз политика воспользовалась непосредственно инквизицией в своих частных целях. Хотя этот пример возобновлялся впоследствии неоднократно, я далек от принятия мнения некоторых писателей, думающих, что этот мотив побудил Фердинанда V основать инквизицию. Не следует смешивать своекорыстные виды, которые могли сопутствовать мысли об учреждении ее, как, например, конфискация имущества, с проектом превратить инквизицию в жандармский корпус, в корпус политических альгвасилов. Эта затея принадлежит Филиппу II.

VII. Постоянным правилом инквизиции было: пустите меня в такое-то дело; я сумею хорошо устроиться. Этот дух сделал из нее горячо любимое законное дитя римской курии. Поэтому она вскоре расширила свое усердие до поручения инквизиторам Сарагосы, Логроньо и Барселоны преследовать всех испанцев, которые захотели переправить лошадей во Францию, даже если не было достоверно известно, что они отправлены протестантам этой страны. Новое распоряжение, от 1 июня 1574 года, приказывает инквизиторам арестовывать и судить как еретиков тех, кто будет замечен в нарушении нового указа, обязывать их излагать свою генеалогию, чтобы увериться, не происходят ли они от евреев, мавров, лютеран, кальвинистов или лиц, осужденных инквизицией.

VIII. Кроме побуждений совести, о которых напомнили жителям, чтобы обязать доносить на виновных, их усердие возбудили обещанием награды. Происшествие 1575 года вызвало споры в верховном совете. Несколько жителей,

Untitled

которые думали о своей выгоде не меньше, чем о службе инквизиции, задержали четырех лошадей, которых переправляли во Францию, и потребовали у инквизиторов Сарагосы половину цены захваченного за оказанную службу. Верховный совет в ответ на запрос предоставил решение этого дела благоразумию арагонской инквизиции. 15 ноября того же 1575 года снова обнародовали указ о доносах, к которому присоединили статью, гласящую, что донос применяется к тем, кто продает лошадей или содействует их провозу во Францию. Она была изложена следующим образом: "Вы должны объявить своему духовнику, не слышали ли вы речей о том, что кто-нибудь продал, отдал или предложил лошадей, оружие, военные или съестные припасы неверным, еретикам или лютеранам; способствовал тому, чтобы у них все это было, и для этого перевел или помог перевести означенных лошадей, боевые и съестные припасы через дороги и порты Беарна, Франции, Гаскони и других стран; продал, купил или содействовал этому. Наказание, определяемое тем, кто узнает об этих проступках и не донесет на них, будет равно тому, какому подвергнутся пособники еретиков".

IX. 26 ноября 1575 года было приказано подвергнуть виновных наказанию ударами кнута; хотя закон был изложен в общих терминах, намерение его авторов, несомненно, состояло в применении его к тем правонарушителям, власть или влияние которых не имеет ничего страшного. Происшествие 1576 года ясно доказывает, что ни инквизиторы, ни верховный совет не считали обязательными законы, налагавшие это

Untitled

наказание. Вот факт. Уполномоченный инквизитор встретил слугу вице-короля Арагонского, который ехал во Францию с двумя лошадьми; он захватил лошадей, предоставил проводнику свободу продолжать свой путь и отчитался во всем инквизиторам. Они одобрили то, что он не арестовал слугу, и уведомили об этом верховный совет, который поддержал их поведение. Но инквизиторы готовились писать вице-королю, чтобы получить объяснение поведения его слуги, когда верховный совет приказал им не заходить так далеко, предвидя, что их выходка будет неприятна вице-королю. Этот факт доказывает, что инквизиторы не были чистосердечны, налагая долг совести с угрозой отлучения, осуждая на наказание кнутом и наименовывая еретиками или пособниками еретиков людей без власти и без протекции, занимавшихся контрабандной доставкой лошадей.

X. Инквизиторы не ограничились описанными нарушениями и 31 августа 1589 года применили закон к тем, кто был заподозрен в совершении проступка контрабанды, если факты установили хотя бы простое подозрение. 26 марта и 21 августа 1590 года этому закону подчинили равным образом тех, кто этим поступкам благоприятствовал. 21 марта и 6 мая 1592 года Филипп II велел дать более точные приказы, чтобы как можно строже соблюдали этот закон.

XI. 12 мая 1607 года Филипп III поручил инквизиторам давать награды всем жителям, которые пресекают этот род торговли. Но вскоре народу был внушен большой ужас перед лошадиной контрабандой, а занимавшиеся ею стали весьма ненавистны, и правительство было обязано

Untitled

объявить, что несчастье быть наказанным за улику в этом проступке не влечет за собою потери почестей и должностей. Поэтому некоторое время спустя разрешили представить осведомление о чистоте крови сына одного осужденного, искавшего места в коллегии Св. Иакова в Уэске.

XII. Инквизиторы, всегда внимательные к расширению своей юрисдикции, решили подчинить ей также все процессы по контрабанде селитры, серы и пороха. Это доказывают указы верховного совета от 21 декабря 1572 года и от 20 февраля 1616 года. Но эта попытка им не удалась. Она послужила причиной того, что правительство отняло у них право выносить приговоры за проступки, касающиеся контрабандной торговли лошадьми: скандальный образчик лицемерия Филиппа II и его инквизиторов, способный дать почувствовать нелепость отлучений святого трибунала.

XIII. У меня перед глазами информация, полученная инквизиторами Сарагосы 4 апреля 1591 года против дона Диего Фернандеса де Эредиа, владельца деревни Барболес, брата и предполагаемого наследника графа де Фуэнтеса, обвиненного в отправке лошадей для Франции. Показания были допущены по приказу главного инквизитора дома Гаспара де Кироги, вследствие доставленного ему 20 марта доноса. Это дело было приостановлено по причине смятений, волновавших город Сарагосу, о которых я расскажу в истории Антонио Переса, государственного министра Филиппа II.

Статья третья Инквизиция Гранады

I. Город Гранада также ежегодно имел свое аутодафе, на

Untitled

котором появлялось, по крайней мере, двадцать человек осужденных. Решено было обращаться очень кротко с мориска-ми, доносившими на себя святому трибуналу, - согласно апостольским буллам и королевским декретам, примиряя их с Церковью посредством легкой епитимьи, не имевшей для них ничего позорящего. Однако находилось немало таких, кто отказывался обвинять себя из боязни, которую внушала им суровость инквизиции, и убеждения, что уверявшие в очень кротком обращении с ними не осмеливались говорить правду и не стали бы огорчаться при виде, что другие несчастные разделяют их печальную участь. Другие, эмигрировав в Африку, вернулись обратно в Испанию из-за влечения, которое они испытывали к своему прежнему отечеству, не думая об опасности, угрожавшей им арестом по приказанию инквизиции. Это привело мориска Луиса Абоасела де Альмунекара к выдаче в руки светской власти инквизиторами Гранады на аутодафе 1563 года вместе с несколькими другими эмигрантами, которые по прибытии в Африку отступили от христианства. Затем они были арестованы наместником берегов Средиземного моря, получившим 13 октября 1562 года указ Филиппа II, контрассигнированный Гонсале Пересом, государственным секретарем, отцом знаменитого Антонио Переса, история которого должна занимать важное место в этом труде.

II. 27 мая 1593 года в Гранаде состоялось очень значительное аутодафе: на нем пять человек было сожжено живьем и пять в изображении; число епитимийных было восемьдесят семь. Все осужденные первых двух разрядов и семьдесят два - третьего были

Untitled

иудействующие; среди других были: магометанин-рецидивист, еретик, отрицавший воскресение мертвых, два лютеранина, два защитника блуда, три богохульника, пять многоженцев и лжекомиссар инквизиции. Это большое количество казней не представляет никаких особенностей, достойных упоминания. Я назову только донью Инессу Альварес, жену Томаса Мартинеса, альгвасила королевского апелляционного суда, которая была приведена на аутодафе для того, чтобы быть сожженной как убежденная отрицательница; исповедавшись на эшафоте, она была примирена с Церковью. В числе пяти сожженных в статуях трое умерли в тюрьме, не захотев исповедаться, а двое убежали. Среди примиренных видели двух детей четырнадцати лет, которые соблюдали Моисеев культ с семи лет, увлеченные примером своих отцов, также примиренных на том же аутодафе. На него привели много женщин, и подлинная реляция об этой церемонии гласит, что Грасия д'Аларсон, жена Педро Монтеро, появившаяся в качестве иудействующей, была красивейшей женщиной королевства Гранада. Ее присудили к тюремному заключению на два года. Хуан Тренсино, уроженец Альмагро и житель Гранады, выдал себя за секретаря суда инквизиции Барселоны и поверенного в особых делах. Злоупотребляя своим мнимым поручением, он заставил дома Бернардино Манрике отсчитать шестьсот дукатов. Он появился на аутодафе со свечой в руке и тростниковой веревкой на шее и был приговорен к получению четырехсот ударов кнута и к шести годам службы на королевских галерах. Он уже выдержал подобное

Untitled

наказание галерами в течение десяти лет. Эти события и другие им подобные дали автору Жиль Блаза сюжет для нескольких эпизодов его романа [845].

Статья четвертая Инквизиция Валенсии

I. В инквизиции Валенсии дела шли точно таким же образом. Число морисков, впавших в магометанство и не доносивших на себя, было так значительно, что не было ни одного аутодафе, где их не появлялось бы в значительном количестве, подвергавшихся разным наказаниям, вплоть до сожжения в отношении тех, кого причисляли к нераскаянным. Так как трибунал Валенсии принадлежал королевству Арагонскому, то он выдавал время от времени в руки светской власти осужденных по делу о педерастии и других виновных разных разрядов, хотя и в меньшем числе. 18 февраля 1574 года он приговорил к сожжению, вместо повешения, Матео Юэта, который убил Луиса Лопеса из Аньона, чиновника инквизиции. В канонической системе нарушений по отсутствию терпения инквизиторы могли быть виновными только тогда, когда они приговаривали к передаче в руки светской власти не еретика; с самого начала процесса они должны были передать Луиса Лопеса королевскому светскому правосудию, а не судить его. Но для оправдания своего поведения инквизиторы имели римские буллы и только что получили от Пия V еще одну, разрешавшую брать на себя расследование по делам этого рода, хотя они нисколько не были связаны с верою. Этот первосвященник, возведенный в сан блаженных, не был скуп на человеческую кровь; горячее усердие к чистоте веры заставляло его нередко приказывать релаксацию очень большого количества лиц.

Untitled

II. Еще одно дело - знаменитое и вместе с тем неприличное - занимало инквизицию Валенсии: оно было неприлично, потому что речь шла о преступлении содомии, и знаменито, потому что обвиняемый был дон Педро Луис де Борха, последний гроссмейстер военного ордена Монтесы. Его прадедом с отцовской стороны был папа Александр VI, а бабушкой с отцовской стороны донья Мария д'Энрикес, жена дона Хуана де Борхи, второго герцога Гандиа, и сестра Хуанны, королевы Арагона, матери короля Фердинанда V, прабабушки Филиппа II, с которым дон Педро имел другие родственные связи по своей матери, донье Франсиске де Кастро-и-Арагон, второй жене дона Хуана де Борхи, третьего герцога Гандиа. Дон Педро Луис был с отцовской стороны братом:

1) св. Франсиско де Борха-и-Арагона, четвертого герцога Гандиа, потом генерала ордена иезуитов; 2) дома Энрике де Борхи, кардинала римской Церкви; 3) дома Альфонсо, аббата Вапьдиньи; 4) доньи Луисы, жены четвертого графа де Рибаторса, пятого герцога де Вильяэрмосы, родственника короля. Дон Педро был также братом с отцовской и материнской стороны: 1) дома Родриго де Борхи, кардинала, как и Энрике; 2) дома Томаса де Борхи, архиепископа Сарагосы; 3) дона Фелипе де Борхи, губернатора Орана; 4) доньи Маргариты, жены дона Фадрике Португальского, владельца Орани, происходящего из королевского дома Португалии; 5) доньи Элеоноры, жены дона Мигеля де Гурреа-и-Арагона, герцога де Вильяэрмосы, губернатора Сарагосы; 6) доньи Магдалены де Борха, жены графа д'Альменары. Дон Педро Луис был в родственной связи со всеми грандами Испании,

Untitled

княжескими домами Италии и Неаполя и даже с царствующими фамилиями Неаполя и Феррары. Ни одно из этих преимуществ, ни высокое, почти державное, достоинство в ордере Монтесы не оказали на инквизиторов никакого влияния, и они имели смелость арестовать его, так как были уверены в покровительстве Филиппа II, родственником которого дон Педро Луис был также по королеве Хуанне Безумной [846], бабушке этого государя. Дон Педро старался отклонить правосудие инквизиторов и потребовал суда у папы как гроссмейстер ордена Монтесы; неразумный шаг, так как он тем самым подходил под случай, предвиденный буллами Климента VII 1524 и 1530 годов, и его гибель была неизбежна. У него не оставалось другого средства, кроме интриги, унижений и покровительства, чтобы убедить, что процесс против него может рассматриваться лишь как заговор, составленный доносчиком и свидетелями с целью его гибели. Не нужно сообщать, что родственники обвиняемого (среди которых мы видели столько выдающихся личностей) все пустили в ход, чтобы избежать стыда видеть гибель гроссмейстера Монтесы на костре инквизиции. Так как преступление содомии не касается веры, инквизиторам было разрешено немного извратить смысл законов и канонов, и они были подкреплены в этом направлении надеждой получить почести епископата или места в верховном совете. Дон Педро избег смертной казни и отметки бесчестия; он продолжал быть гроссмейстером своего ордена до самой смерти в 1592 году, согласившись, что его достоинство после смерти будет соединено с короной, как это уже произошло с должностью гроссмейстеров трех военных

Untitled

орденов Сант-Яго, Алькантара и Калатрава. Это намерение дона Педро было сообщено в Рим, и Сикст V [847] в 1587 году издал буллу о соединении. При этом обстоятельстве Филипп II захотел показаться признательным и обещал сан главного командора ордена внебрачному сыну дона Педро, который был потом облечен в этот сан и стал даже кардиналом римской Церкви.

III. Каковы бы ни были мотивы, заставившие освободить дона Педро Луиса, поведение инквизиции Валенсии заслуживает похвалы за мягкость, которую она обнаружила по отношению к нему. Потребовалось столь серьезное обстоятельство, чтобы заставить забыть суровость, которую проявила валенсийская инквизиция при Карле V и которая дошла до того, что дом Педро Гаска, визитатор святого трибунала в 1545 году, пораженный бедствиями, причиненными произвольным судопроизводством и жестокостями подобной системы, счел себя обязанным образовать хунту из двадцати адвокатов, наиболее славившихся в королевском суде, и пересмотреть все процессы, решенные со времени его последней ревизии. Эта работа помогла открыть бесконечное множество несправедливых приговоров, погубивших в огне вследствие показаний лжесвидетелей столько безупречных людей. Жалкая участь этих людей была, однако, бесполезна для реформы, которую необходимо было спешно установить. Суеверие и фанатизм слишком ослепили Карла V, чтобы подобные события были способны просветить его политические цели и религиозные планы. Я замечу, что дом Педро Гаска не принадлежал к

Untitled

тем людям, чье сострадание к обвиняемым заставляет отказаться от строгости правосудия: он всегда вел себя как строгий судья, одинаково в бытность его при Писарро в Перу или после назначения епископом Паленсии, когда он переехал в Вальядолид для суда над лютеранами в качестве доверенного лица главного инквизитора.

Статья пятая Инквизиция Логроньо

I. Инквизиция города Логроньо проявила не менее активности в деле преследования еретиков. Она имела ежегодно свое аутодафе, состоящее приблизительно из двадцати осужденных по делу иудаизма и нескольких других еретиков, особенно лютеран. Со времени дон Карлоса де Сесо, коррехидора города Торо (который был взят в Логроньо в 1558 году и сожжен в следующем году в Вальядолиде), всегда находилось несколько человек, продолжавших исповедовать его убеждения и ухитрившихся достать себе лютеранские книги, которые они получали или через французскую границу, или морским путем. Совет, узнав об этом обстоятельстве, предписал трибуналу 6 мая 1568 года удвоить бдительность на предмет ввоза еретических книг. Он сообщил, что дон Диего де Гусман, посол Филиппа II при королеве Англии, писал 20 марта этого года, что протестанты этой страны хвастают, будто их учение хорошо принято в Испании и будто оно там проповедуется, особенно в Наварре.

II. В то время как инквизиторы Логроньо готовили свои аутодафе 1570 года, они получили порицания верховного совета за две резолюции, принятые ими в отношении Лопе де Аргинараса и Хуана Флористана Маестуса, обвиняемых

Untitled

в иудаизме. Аргинарас отрекся от всего, был подвергнут пытке и тогда признал свои поступки, но уверял, что он совершил их без убеждений и верования, которые ему приписывают. Несколько дней спустя он подписал признания и просил допустить его к примирению с Церковью. Судьи, собравшись для голосования окончательного приговора, решили обратиться к верховному совету, который нашел, что судьи не предлагали обвиняемому вопросов, необходимых для познания намерений и убеждений, которые он имел, совершая действия, заявленные им. Верховный совет приказал вернуться к этой части судопроизводства и после этого голосовать. Инквизиторы Логроньо дали отчет в мотивах своего поведения и сообщили, что прежде чем пойти дальше, они будут ждать, чтобы совет высказался относительно их соображений. Ответ, пришедший 7 октября 1570 года, предписывал инквизиторам немедленно исполнить отданный им приказ, жестко упрекал за возражение вместо молчаливого повиновения и неисполнение обязанностей при допросе, где они должны были испытать обвиняемого относительно его учения, признав, что он в трех тезисах держался своего собственного, явно еретического убеждения.

III. Дурное состояние духа членов верховного совета отразилось и в другом письме, написанном тем же инквизиторам по поводу Хуана Флористана Маестуса, жителя Ла-Гуардиа-д'Алавы. Этот человек, будучи арестован как еретик-иудействующий, был подвергнут пытке и вынес ее, ни в чем не сознавшись. Судьи собрались для голосования. Мнения разделились; тогда

Untitled

обратились к верховному совету, где наметилось также разделение голосов. Большинство голосовало за примирение с Церковью; предписали инквизиторам Логроньо примирить обвиняемого как сильно подозреваемого, приговорить к конфискации трети имущества и заключению в монастырь на срок, который сочтут подходящим. В то же время верховный совет отметил свое изумление по поводу того, что инквизиторы не спросили обвиняемого о нескольких еретических тезисах, в которых он был признан виновным; но особенно совет был поражен тем, что инквизитор, назвавший обвиняемого клятвопреступником-отрицателем, голосовал за примирение, так как уставы святого трибунала запрещают допускать к примирению с Церковью того, кто отрицает установленные улики. Этот принцип совета недопустим, но он достоин духа, постоянно мною отмечаемого. Ужасно наказывать и пытаться обвиняемого, который отрицает приведенные против него улики, если он докажет прямо или косвенно их несостоятельность. Примирение с Церковью двух обвиняемых происходило на аутодафе; они должны были поздравить себя с этим, потому что некоторые судьи голосовали за сожжение.

IV. Участь бедной женщины, мориски, по имени Мария, несчастнее. Она была сожжена на аутодафе Логроньо в следующем, 1576 году. Она была примирена за пять лет до этого епископом Калаоры и подвергнута тайной епитимье с одобрения главного инквизитора и верховного совета. Эта женщина, вторично впавши в ересь, была арестована в 1575 году, она сначала отказалась от своих слов, заявляя, что лишилась рассудка, когда давала свое признание.

Untitled

Только этим состоянием, по ее словам, можно объяснить, что она признала ко вреду для себя то, что противоречит истине, ибо она уверена, что не впала в магометанство снова с тех пор, как ее допустили к примирению. Мария не убедила судей в своем мнимом безумии. Так как два свидетеля согласованно говорили относительно факта, в котором ее упрекали, она была объявлена магометанкой-рецидивисткой и приговорена к выдаче в руки светской власти. Верховный совет утвердил приговор. Мария была задушена, а ее труп предан пламени.

V. У меня в руках находится описание другого аутодафе, справленного в Логроньо 14 ноября 1593 года. На нем появилось сорок девять осужденных; пять человек были сожжены живьем и семь - в изображении; остальные подверглись епитимьям. Среди жертв первого разряда было четыре еретика-иудействующих и одна женщина-мориска, вернувшаяся к религии Магомета. Во втором было два беглых мориска и один осужденный, умерший в тюрьме; четверо других были французы-гугеноты, скрывшиеся из королевства. Они проживали в Наварре, где занимались профессиями, полезными для страны. Третий разряд включал в себя двадцать иудействующих, пятнадцать морисков, вновь ставших магометанами, и двух двоеженцев. Никто из этих осужденных не отличался ни по рождению, ни по должности. На том же аутодафе был освобожден от суда Хуан д'Ангуло, ружный священник местечка Каррос в епархии Бургоса.

VI. Аутодафе, о котором я только что говорил, другие аутодафе Толедо и Гранады, описанные в этой главе, и

Untitled

казни Вальядолида, Севильи и Мурсии, о которых я упоминал в предшествующих главах, могут служить для подсчета числа жертв, погибших в Испании в других инквизициях в царствование Филиппа II. Исходя из того, что, бесспорно, ежегодно в каждой инквизиции было одно аутодафе, число жертв должно быть значительным, судя по необходимости сократить расходы по продовольствию и содержанию осужденных, которые почти все, как мориски, так и иудействующие, принадлежали к беднейшему классу, менее всего способному помочь себе в своей нужде.

VII. Обычай справлять ежегодно не менее одного общего аутодафе был так прочен, что, когда инквизиторы Куэнсы в 1558 году выдали одного человека светскому правосудию на частном аутодафе, был поставлен вопрос, дозволяют ли правила святого трибунала это делать. Хотя совет отозвался утвердительно, возобладал обычай сохранять осужденных для общего аутодафе, бывающего раз в году, если только особенный мотив заставит не дожидаться этого торжества.

VIII. Так случилось в Валенсии с доном Мигелем де Вера-и-Сантанхелом, картезианским [848] монахом из монастыря Портасели, примиренным с Церковью в 1572 году на частном аутодафе, справленном в зале заседаний трибунала в присутствии некоторого числа картезианцев, позванных туда. Вера произнес свое отречение как легко подозреваемый от лютеранской ереси, и был подвергнут разным епитимьям, которые должен был выполнить в своей обители. Он провел некоторое время в секретной тюрьме святого трибунала. Случаи такого рода были редки в XVI веке.

Untitled

IX. Еще реже встречались случаи, похожие на случай с бедной монахиней из Авилы, в пользу которой верховный совет 10 июня 1562 года определил, чтобы инквизиторы Вальядолида уполномочили своего духовника разрешить ее тайно и без ведома всех, в своем монастыре, от греха ереси, в который она впала, хотя сама инквизиция не знала ее имени, а знала только имя духовника, который должен был ее разрешить. Я приветствую от всего сердца эту меру. Но если главный инквизитор и верховный совет сочли возможным даровать высокому покровительству (которым, вероятно, пользовалась монахиня) просимую милость, не манкируя своей обязанностью, почему же они не оказывали подобных милостей обвиняемым, не имевшим покровителей? Это наблюдение заставляет подозревать, что любовь к Иисусу Христу оказывала на них меньшее влияние, чем почтение к сильным мира сего.

Статья шестая Инквизиция Сардинии

I. Инквизиция Сардинии вела себя так же, как и инквизиции полуострова, потому что члены ее были посланы туда из Мадрида, где они прониклись духом и принципами кастильских инквизиторов. Я сказал уже, что Филипп II в 1562 году велел ввести на этом острове формуляр испанского судопроизводства. Дом Диего Кальво начал приводить его в действие, но эта новизна произвела такое впечатление на жителей, что они потребовали ревизии трибунала. Это поручение было доверено главным инквизитором лиценциату Мартинесу де Вильяру в 1567 году. Он получил такое множество жалоб на инквизитора Кальво, что пришлось его отозвать и на его место назначить Мартинеса. Новый инквизитор недолго пробыл

Untitled

на этом посту и вскоре был назначен архиепископом в Кальяри. Преемником его был дом Альфонсе де Лорка, который вскоре стал архиепископом Сассари.

II. Процесс, начатый при инквизиторе Кальво, вызвал две апелляции в Рим со стороны Лазаро и Андреа Севизами, жителей Финаля. Они сделали представление папе Пию V, что Христофор Севизами, их брат, заключен в секретную тюрьму сардинской инквизиции без всякого повода и без предварительной формальности; его лишили денег, одежды, вещей и мебели, не пощадив даже вещей жены и жившей вместе с ним племянницы; он умер в тюрьме после полуторагодичного заключения и, однако, трибунал до сих пор не объявил декрета насчет секвестра имущества. Вследствие этого они умоляли Его Святейшество соизволить приказать снятие запрещения с имущества и восстановление прав в их пользу. Пий V (привязанность коего к инквизиции была хорошо известна еще до возведения в сан папы) не хотел принимать никакого участия в этом деле и предоставил решение главному инквизитору Испании, который высказался в пользу Севизами. К несчастью, когда вдова Христофора явилась за получением своих вещей, их оказалось очень немного; имущество ее мужа было совершенно истрачено на мнимые расходы по продовольствию, лечению болезни и погребению.

III. В 1575 году снова прибегли к помощи Рима против сардинской инквизиции. Филипп II вступил в защиту этого трибунала, что не удивит тех, кто изучил дух этого государя. Франсиско Минута, сардинский дворянин, был присужден как двоеженец к епитимье и трехлетней службе

Untitled

на испанских галерах в качестве простого солдата, без права выезда из форта Голетты на острове Мальта. Не прошло и месяца, как он совершил побег и вернулся на Сардинию. Главный инквизитор, узнав об этом, приказал его арестовать и удвоил срок задержания. Минута был доставлен в Голетту, откуда он удачно спасся вторично и укрылся в Риме. Он сделал представление папе, что он вовсе не двоеженец и что с ним поступили очень несправедливо, осуждая его как двоеженца, что не менее несправедлива была манера обращения с ним со стороны главного инквизитора после его первого исчезновения, так как он покинул форт с разрешения губернатора. Франсиско просил и получил от папы два бреве с поручениями: первое для разбора принципиального вопроса о двоеженстве, второе для обсуждения аргументов, выставленных Минуту против приговора, удлинявшего продолжительность задержания. Между тем инквизитор Сардинии объявил его беглецом, уклонившимся от суда, и приговорил к восьми годам принудительных работ. Апостолический судья приказал инквизитору отложить всякое преследование. Инквизитор сообщил об этом главному инквизитору, который обратился к королю. Инквизиция рассчитывала на это средство с большим доверием, так как никогда не употребляла его напрасно. Филипп II предписал дону Хуану де Суньиге, своему послу в Риме, просить у папы отмены двух бреве с поручениями, добиться того, чтобы инквизитор острова мог продолжать судопроизводство или чтобы, по крайней мере, процесс был отослан главному инквизитору, которому он принадлежал по праву согласно уставам святого

Untitled

трибунала, подтвержденных папами во всем, что касалось путей апелляции и отвода. Папа отменил свои буллы, чтобы угодить испанскому королю, и несчастного Франсиско Минута постигла участь, которой он должен был ждать. Известно из реестров трибунала, что во всех делах такого рода инквизитор делегировал в качестве уполномоченного судьи одного из членов трибунала, того именно члена, на которого обвиняемый принес жалобу. Такой выбор делегата происходил под предлогом того, что у этого члена трибунала имелись документы дела. Есть ли среди варварских народов хоть один, который был бы способен установить и держать у себя подобные юридические методы?

IV. Андреа Минута, брат предыдущего, был также присужден к тому же наказанию на трехгодичный срок. Он бежал в Рим, апеллировал, как и брат, к папе и получил бреве с поручением к епископу Сардинии. Филипп II, узнав об этом через своего посла, заявил те же возражения папе. Его письмо датировано 11 ноября 1575 года. Как следовало ожидать, голос монарха оказался могущественнее голоса угнетенного, и с Андреа поступили, как с его братом.

V. Пьетро Гвиза, барон Кастели, из Сардинии, был предан суду и осужден за тот же проступок двоеженства. Узнав во время своего пребывания в Риме для хлопот против своих судей об участи двух братьев Минута, он счел благоразумным отказаться от всякой апелляции и прибегнуть к просьбам и унижениям, чтобы смягчить главного инквизитора и получить снижение наказания.

VI. Филипп II был прав, говоря устами своего посла, что уставы святого трибунала и папские буллы противоречили

Untitled

обращениям в Рим. Однако если бы он любил справедливость, как надлежит это государю, то он позаботился бы в подобных случаях, чтобы главный инквизитор передавал свои полномочия епископу местной епархии или какой-либо другой епархии - в провинции. Инквизитор сообщил бы подлинные документы процесса и удостоверил бы под присягой, что в них ничего не изменено. Эта формальность повлияла бы на провинциальных инквизиторов, и они вели бы дела с большей осторожностью и беспристрастием. Ибо нельзя скрывать того, что тайна, из которой они сделали себе оплот, внушала им излишнее доверие, обильный источник промахов и несправедливостей, - вследствие того ли, что они не знали правил закона, или просто потому, что были настолько ослеплены изуверною ревностью, что забыли свои обязанности и были убеждены, что система суровости полезна делу религии.

Глава XXV Ученые, ставшие жертвами инквизиции

I. Среди множества бедствий, которые инквизиция заставила Испанию испытать, препятствие, поставленное успешному распространению наук, литературы и искусств, занимает значительное место. Приверженцы святого трибунала никогда не хотели с этим соглашаться. Однако это хорошо доказанная истина. В самом деле, как знания могли делать успехи в стране, где всякий талант обязан был в точности следовать указаниям таких идей, которые в течение веков складывались на почве невежества и варварства в целях служения частным интересам определенных классов? Защитники, о которых я говорю, утверждают, что инквизиция боролась против вторжения

Untitled

только еретических мнений, что она давала полную свободу тем мнениям, которые не нападают на догматы, и что последние не зависят от светских знаний и мирской науки. Если бы эта претензия была справедлива, то мы имели бы много превосходных трудов, которые можно было бы прочесть; но в действительности книги эти были запрещены только потому, что содержали взгляды, противоположные убеждениям схоластических богословов.

II. Св. Августин, бесспорно, сторонник - и очень ревностный - религии во всей ее чистоте. Каждый инквизитор, который претендовал бы быть более ревностным, оскорбил бы его память. Однако он полагал большое различие между догматическим тезисом и предположением, которое не определено. Он признавал во втором случае, что католику позволительно стоять против или за предположение (*pro aut contra*), согласно силе доводов, внушаемых ему разумом. Одна черта отделяет догмат от мнения; она чувствуется, если мнение родило сомнения в прежние эпохи; она исчезает, если не существовало никакого сомнения со времени Иисуса Христа и если предание дошло до нас чистым, всеобщим, единообразным и постоянным без противоречия. Св. Августин и не думал, что свободе мнений можно противопоставить богословские цензуры, которые в новые времена были установлены квалификаторами святого трибунала. Эти цензуры имели большое влияние на запрещение книг и даже на осуждение их авторов. Ими пользовались против книг под предлогом, что последние содержали тезисы, плохо звучащие, благоприятные ереси, пахнущие ересью, разжигающие

Untitled

ересь, клонящиеся к ереси; при их помощи объявляли авторов подозреваемыми во внутреннем усвоении ереси.

III. В наше время квалификаторы нашли новое средство расширить запрещения, говоря, что книги содержат тезисы, оскорбительные для лиц высокого ранга, бунтарские, клонящиеся к нарушению общественного спокойствия, противные государственному строю и противоречащие повиновению, которому нас учили Иисус Христос и его апостолы. Следуя этим принципам, квалификаторы стали вести себя скорее полицейскими агентами, чем защитниками догмата.

V. Цензуры этого рода обыкновенно произносятся людьми, напитанными только схоластическим богословием; они, по-видимому, набили свои головы ворохом глупостей, чтобы дискредитировать святой трибунал. Для доказательства достаточно цензуры труда Филанджьери Наука о законодательстве [849], сделанной братом Хосе де Карденасом, капуцином [850], который считал себя достаточно образованным для этого дела, хотя он прочел только первый том испанского перевода, составляющий половину первого тома в оригинале. Если находится более сведущий квалификатор, то он не имеет мужества сказать правду, потому что она может не понравиться инквизиторам. Пример такого отношения представляет собою нелепый труд дома Хоакино Лоренсо де Вильянуэвы, действительно образованного человека, опубликовавшего в 1798 году книгу под вымышленным именем Лоренсо Астенго и заглавием Письма испанского священника в ответ на письмо гражданина Грегуара [851], епископа города Блуа. Здесь он объявляет себя борцом за

Untitled

трибунал инквизиции и предпринимает доказательство его пользы и справедливости, но обходит затруднения, на которые не может ответить, и опирается при этом на принципы, которые сам потом признал ошибочными в речи, произнесенной перед собранием кортесов в Кадиксе, где он взял назад свое мнение.

V. Если применение цензур столь произвольно, то каковы же книги, к которым испанцы могли бы обратиться с целью просвещения? Запрещение применяется особенно к книгам по богословию и каноническому праву, когда они хорошо написаны и содержат учение, преподанное святыми отцами, соборами и даже папами, управлявшими Церковью в первые семь веков существования христианства, но которое, однако, было забыто или оспаривалось богословами варварских времен, желавшими дать торжество системе соединения двух властей (духовной и светской) в лице верховных первосвященников.

VI. Богословские цензуры равным образом разят книги по философии, политике и праву естественному, гражданскому и международному. Отрасли гуманитарных наук держатся или связаны с правилами, аксиомами и основаниями нравственного богословия и канонического права; они имеют внутреннюю связь с догматическими истинами, отличными от непостижимых тайн религии. Отсюда следует, что квалификаторы, основываясь на мнениях, установившихся после VII века, а не на том, что думали и чему учили в эпоху, более близкую к апостолам, осуждают и запрещают труды, которые были бы необходимыми для успеха знаний среди испанцев.

Untitled

VII. Книги по математике, астрономии, физике и другим дисциплинам той же области знаний не пользуются большей милостью. Так как они содержат некоторые истины, доказанные в последнее время, то они являются предметом самых суровых квалификаций под пустым предлогом благоприствования материализму, а иногда и атеизму. Я спрашиваю, каким образом при подобной системе испанцы могут стоять на уровне открытий, недавно сделанных в Европе, влияние которых так выгодно для благоденствия народов?

VIII. Упомянутое мною показывает, что в Испании могут народиться ученые только в том случае, если желающие культивировать знания станут выше запретительных законов святого трибунала. Но где люди, достаточно мужественные для того, чтобы подвергнуться этой опасности? С тех пор как была учреждена инквизиция, не было почти ни одного человека, знаменитого по своим познаниям, которого она не преследовала бы как еретика. Стыдно говорить, но факты, доказывающие это, неоспоримы, и наша национальная история легко может в этом убедить самых недоверчивых. Чтобы не оставалось никаких сомнений на этот счет, я приведу здесь несколько примеров преследований, которые могут послужить к объяснению многих других.

IX. В картину, которую я представляю, я не включу (если только какое-нибудь частное обстоятельство не обяжет меня к этому) ни одного литератора, который заслужил уголовное преследование как принявший или иудаизм, или религию Магомета, или какую-нибудь секту, равным образом осуждаемую католической религией. Я

Untitled

удовлетворюсь тем, что возьму свои примеры из среды католических лиц, которые пострадали лишением свободы, чести и имущества за то, что не хотели постыдно усвоить схоластические мнения, ошибочные системы, порожденные в века невежества и варварства и удержанные впоследствии людьми, заинтересованными сохранении. Прочтя их историю, все согласятся, что ее, чем карать уголовным или позорящим наказанием [852], их следовало, по крайней мере, предупредить.

X. Как только была учреждена инквизиция, она стала преследовать ученого и уважаемого дома Фернандо де Талаверу, иеронимита, приора монастыря Прадо в Вальядолиде, духовника испанской королевы, епископа Авилы, апостола Альпудоры и первого архиепископа Гранады. Этот прелат составил и опубликовал в 1481 году для защиты религии труд под заглавием: Опровержение католиком одного еретического сочинения, изданного и распространенного в 1480 году в городе Севилье. Ревность в вере не могла избавить его от преследования: он был гоним {См. главу X этого сочинения.} в течение всей жизни и после смерти его имя и его книгу внесли в Индекс 1559 года.

XI. Раз этому движению был дан толчок, преследования ученых и литераторов зачастили одно за другим. Никогда не было недостатка ни в невежественных доносчиках, ни в лжеученых, которые, будучи ослеплены своими предубеждениями, причисляли к заслуживающим порицания вещи, которые не были таковыми. Мне было не под силу соединить все судопроизводства, предпринятые против литераторов, на которых инквизиция накладывала

Untitled

телесные или позорящие наказания. На сжатого списка, который я даю, читатели видят, как легко можно увеличить его, перелистывая (при большем количестве времени, которого я не имел) архивные документы трибуналов для выяснения мотивов процессов и актов, которыми книги были запрещены или подвергнуты очистке. Нет ни одного декрета, который не доказывал бы того, что расследовали именно религиозные мнения автора осужденной книги и карами самого автора как еретика или подозреваемого в ереси.

XII. Я расположил имена всех этих жертв в алфавитном порядке, чтобы предоставить читателю легкое средство быстро найти статью о преследуемом ученом, историю которого он захочет узнать.

1. Абад ла Сьерра (дом Агостино), епископ Барбастро, - см. главу XXIX.

2. Абад ла Сьерра (дом Мануэль), архиепископ Силив-рии, - см. главу XXIX.

3. Альмодовар (герцог) - см. главу XXVI.

4. Аранда (граф) - см. главу XXVI.

5. Арельяно (дом Хосе Ксавье Родригес), архиепископ Бургоса, - см. главу XXIX.

6. Авила (достопочтенный Хуан д'), белый священник, родившийся в Альмодовар-дель-Кампо и прозванный апостолом Андалусии. Я дал отчет о его процессе {См. главы XIII и XIV этого сочинения.}.

Кроме преследований, о которых я уже говорил, он имел огорчение видеть запрещенным в 1559 году свой труд, озаглавленный: Христианские наставления и правила на стих псалма Давидова: "Слыши, дщи, и виждь". Он умер в

Untitled

Монтилье 10 мая 1569 года, в семидесятилетнем возрасте. Николас Антонио дал подробную заметку о его литературных трудах в своей Новой испанской библиотеке.

7. Асара (дон Николас) - см. главу XXVI.

8. Бальвоа (доктор Хуан), каноник-доктор кафедрального собора Саламанки и профессор права в университете этого города. Он был одним из выдающихся литераторов своего века. Николас Антонио упоминает только один его труд, озаглавленный Саламанкские чтения. Он, однако, составил несколько трудов, и между прочим один из них мог привести его к аресту инквизицией, если бы не покровительство Кардинала дома Антонио Сапаты, главного инквизитора, и нескольких членов совета этого трибунала. Это была докладная записка, которую он составил и представил в 1627 году Филиппу IV от имени университетов Саламанки, Вальядолида и Алькалы. Она содержала представления, имевшие целью побуждение к отказу иезуитам в испрашиваемом ими разрешении устроить под их управлением в университете коллегия под названием Императорской мадридской. Отцы иезуиты сделали донос на этот труд, обзывая некоторые из его тезисов ошибочными, оскорбительными для благочестивого слуха, соблазнительными, обидными для правительства и для всех духовных лиц, монахов Общества Иисуса. Они напоминали, что правительство уже строго поступило с другим трудом того же автора. Совет велел исследовать докладную записку квалификаторам, которые объявили, что она не заслуживает богословской цензуры. Вследствие этого приговора совет прекратил

Untitled

дело. Вероятно, цензоры (которые в качестве монахов должны были заботиться об интересах соответствующих орденов) приняли неблагоприятно донос иезуитов и это их расположение оказалось благоприятным для Бальвоа. Отцы иезуиты воспользовались доверием к графу, герцогу Оливаресу, со стороны короля, который велел главному инквизитору дать отчет о деле. Но эта попытка снова оказалась напрасной, и Филипп не захотел заходить дальше. Он остался только недовольным тем, что кардинал Сапата обнаружил такую снисходительность к университету Саламанки, от имени которого была представлена докладная записка. Инквизитор отвечал, что святой трибунал занимается только бумагами и трудами, подлежащими цензуре по догматическому вопросу. Если бы трибунал постоянно держался этих принципов, сколько вопиющих злоупотреблений не существовало бы в отпращивании его юрисдикции! Но язык, которым говорил при этом обстоятельстве Сапата, был внушен ему личными соображениями. Другой труд, который считают принадлежащим Бальвоа, напечатан в 1636 году в Риме, в типографии апостолической камеры. Он написан по-латыни, напечатан в четвертую долю листа, носит имя Альфонсо де Варгаса Толедского и имеет такое заглавие: Донесение христианским королям и государям о политических стратагемах и софизмах Общества Иисуса для установления всемирной монархии, в котором объяснительными документами доказывается неверность иезуитов по отношению к королям и народам, наилучшим образом их принявшим, их вероломство и упрямство по отношению к самому папе и страсть к нововведениям в

Untitled

деле веры. Говорили, что этот труд был напечатан во Франкфурте, кроме дополнения, состоящего из оправдательных документов. Автор выставляет и доказывает очень важные обвинения против иезуитов.

9. Байльс (дон Бенито), профессор математики в Мадриде, автор курса этой науки для школьного употребления. В конце царствования Карла III инквизиция возбудила против него процесс по подозрению в атеизме и материализме. Байльс был разбит параличом и не в состоянии заниматься делами. Это мучительное положение наряду с преклонным возрастом, казалось, предохраняло его от заключения вне дома. Однако он был взят и отправлен в тюрьму святого трибунала вместе с одной из племянниц, которая хлопотала и получила разрешение разделить его плен, чтобы продолжать за ним уход, в котором он нуждался. Действительно ли подсудимый высказывал тезисы, в которых его обвиняли по доносу свидетелей, или ему показалось слишком трудным доказывать их ошибку, только он подготовил, насколько мог лучше, свой способ защиты. До оглашения свидетельских показаний он сознался в своей вине в достаточной мере для того, чтобы уверить, что он искренен в своем сознании и раскаивается. На вопрос о его внутреннем убеждении он отвечал, что имел некоторые сомнения о бытии Божиим и бессмертии души, но никогда не был в действительности ни атеистом, ни материалистом, что одиночество, в котором он жил с некоторого времени, позволяло ему, к его удовольствию, думать и размышлять серьезно об этом предмете и о зависящих от него вопросах и он чистосердечно готов отречься от ересей, а особенно от той, в которой его

Untitled

подозревают. Он попросил отпущения грехов и получения епитимьи, которую обещал исполнить, насколько ему позволит здоровье. Его положение приняли во внимание. Вместо заключения в монастыре, где он не мог бы пользоваться уходом своей племянницы, его оставили на некоторое время в секретной тюрьме инквизиции, затем препроводили домой, где теперь была его тюрьма. Его обязали покрыть расходы по продовольствию и подвергнуться некоторым епитимьям, между прочим - исповедаться у назначенного ему священника трижды в год: в Рождество, на Пасху и в Троицын день.

10. Вальса (Франсиско), францисканец, проповедник, пользовавшийся большой славой в эпоху Карла III. Когда иезуиты были изгнаны из Испании, он открыто говорил с кафедры против царствовавшей тогда нравственной распущенности; восставал против авторов, которые ее ввели и распространили; называл книги, учившие ей, и старался внушить отвращение к чтению их. Так как многие из авторов, с которыми он боролся, были иезуиты, он пошел дальше и пустился в неистовые декламации против лиц, которые дурно говорили о короле и осуждали меры, принятые для изгнания этих монахов (т. е. иезуитов) из государства. На Вальсу донесли в Логроньо. Инквизиторы дали ему почувствовать, насколько они считали его виновным в неосторожности выражений, и угрожали более суровым обращением, если он не переменит свой язык. Читатели могут судить по этим деталям, одобряли ли инквизиторы искоренение иезуитской морали.

11. Бариоверо (доктор Фернандо), каноник-богослов толедской церкви, адъюнкт-профессор университета этого

Untitled

города. Против него возбудили процесс за то, что он одобрил в 1558 году катехизическое учение дома Бартоломео Каррансы. Он отвел бурю, взяв обратно свои слова, когда получил королевский указ, и послал свое отречение папе, когда к этой мере прибегли архиепископ Гранады, архиепископ Сант-Яго и епископ Хаэна {См. статьи об этих трех прелатах в гл. XXIX.}.

12. Беландо (брат Николас де Хесу), францисканец. Инквизиция преследовала его за составление Гражданской истории Испании. Здесь были изложены все события в этом государстве со времени восшествия на престол Филиппа V по 1733 год. Инквизиторы запретили чтение этого труда по мотивам, интересовавшим римскую курию, и по действию политических интриг, с которыми догмат не имел ничего общего. Их приговор против Беландо вынесен 6 декабря 1744 года. Инквизиторы не приняли во внимание ни разрешения к печати, стоявшего в начале труда, ни посвящения Филиппу V, ни благоприятного результата второго просмотра, который этим государем был поручен просвещеннейшему члену кастильского совета прежде, чем разрешить посвятить ему эту книгу. Автор сделал возражения и просил быть выслушанным. Он предложил ответить на все замечания и сделать в своем труде все вычеркивания и изменения, которые ему укажет трибунал. Беландо обвинили в желании защитить свою книгу, и он был заключен в тюрьму инквизиции, где вынес самое недостойное обращение. Он вышел из тюрьмы лишь для того, чтобы войти в монастырь, откуда не должен был выходить, с запрещением что-либо писать. Он был лишен знаков почета, отличавших его в ордене, и на него были

Untitled

наложены епитимьи более суровые, чем если бы он был еретиком или соблазнителем (solicitante) {Этим именем в королевстве Испанском называют священника-соблазнителя, который злоупотребляет таинством исповеди для обольщения женщин и вовлечения их в распутство.}. Каким образом Беландо навлек на себя такую суровость? Желая доказать, что инквизиторы впали в заблуждение, дон Мельхиор де Маканас некоторое время спустя попытался защитить Беландо и его труд. Он показал неправильность предпринятого против него судопроизводства. Это поведение должно тем более изумлять, что немного раньше он написал Критическую защиту испанской инквизиции. Трибунал обнаружил свою признательность преследованием Маканаса как преступника - см. главу XXVI.

13. Берсиал (Клементе Санчес дель), священник, архидиакон [853] в Вальдерасе, сановник церкви Леона. Его преследовала как подозреваемого в лютеранстве и наказала при императоре Карле V вальядолидская инквизиция. Осуждение было мотивировано некоторым числом тезисов, рассеянных в его труде, напечатанном в лист под заглавием Торжественник ("Sacramental"). В 1559 году главный инквизитор Вальдес внес его в Индекс.

14. Берососа (брат Мануэль Сантос), автор труда под заглавием: Опыт о римском театре, был заключен в тюрьму толедской инквизицией, потому что говорил о римской курии таким языком, который не нравился ни иезуитам, ни инквизиторам. Судопроизводство было так произвольно, что труд, за который его преследовали судом,

Untitled

был подвергнут просмотру только тогда, когда дело надо было решать. Документы этого процесса были изъяты из архива трибунала по неизвестной причине; они были сообщены, по королевскому указу, в 1768 году чрезвычайному совету епископов, собранных для обсуждения иезуитских дел.

15. Бланка (дом Франсиско), архиепископ Сант-Яго, - см. главу XXIX, где разбирается вопрос о епископах и богословах Тридентского собора.

16. Бросас (Франсиско Санчес де Лас), чаще всего прозываемый писателями Бросовским (el Brocense). Он родился в деревне Лас-Бросас, давшей ему имя. Он был одним из величайших гуманистов своего века и наиболее выдающимся испанцем в царствование Филиппа II. Он опубликовал несколько трудов, о которых упоминает Ниволас Антонио в своей Библиотеке. Суровый Юст Липсий [854] назвал его Меркурием и Аполлоном Испании, а Гаспар Шоппе [855] - божественным человеком. Его несколько раз преследовала вальядолидская инквизиция за некоторые положения, содержащиеся в его трудах, главным образом в книге, изданной в одну восьмую листа в Саламанке в 1554 году, под заглавием Схолии [856] на четыре силвы, написанные героическим стихом Андже́ла Поличано [857] и озаглавленные: Кормилица, крестьянин, плащ и янтарь. Де Лас Бросас вполне удовлетворил квалификаторов, и его труд не был вписан в Индекс.

17. Буруага (доктор Томас Саэнс), архиепископ Сарагосы, - см. главу XXIX.

18. Кадена (Луис де па), второй канцлер университета в Алькала-де-Энаресе, племянник доктора Педро де Лермы,

Untitled

первого, облеченного саном канцлера. Это был один из ученейших людей своего времени; он владел еврейским, греческим, арабским и другими восточными языками; писал по-латыни с крайним изяществом и пользовался хорошей репутацией среди литераторов; своими талантами он заслужил себе место среди знаменитостей. Ученый Альваро Гомес де Кастро упоминает его в своей Истории кардинала Хименеса де Сиснероса как автора проекта уничтожения царившего в университетах дурного схоластического вкуса. Подобное предприятие дорого обошлось его автору и тем, кто захотел ему подражать. Люди, привязанные к школьным мнениям, донесли на него толедской инквизиции как на подозреваемого в лютеранстве. Архиепископы Хименес де Сиснерос и Фонсека, покровители членов университета в Алькале, которых преследовали в их эпоху, уже не существовали. Луису де Кадене пришлось для того, чтобы избежать тюрьмы святого трибунала, последовать примеру своего дяди: он укрылся в великом городе Париже, где талантливых людей ценят и привечают. Он стал доктором Сорбонны [858] и умер профессором в этом учреждении.

19. Кампоманес - см. главу XXVI.

20. Кано (Мельхиор), епископ Канарских островов, - см. главу XXIX.

21. Каньюэло (дон Луис), адвокат при королевском совете в царствование Карла III. Он был подвергнут епитимьи и произнес легкое отречение за помещение некоторых тезисов в нескольких номерах периодического издания Цензор, появлявшегося без имени автора. Каньюэло часто помещал там свои декламации против суеверия; он

Untitled

доказывал опасность слепого доверия, которое могли вызвать многочисленные индульгенции и милости, и злоупотребление ими: верующие получали их, как говорят, нося нарамник Мадонны Кармельской [859], исполняя девятидневки [860] и предаваясь чисто внешним проявлениям набожности; все это показывало, насколько такая практика вредна чистоте религии. Он дерзнул обратить в насмешку пышные титулы, которые монахи имели привычку давать святым своих орденов, например, св. Августину - Орел докторов, св. Бернарду - Медовый, св. Фоме Аквинату - Ангельский, св. Бонавентуре - Сера-фимский, св. Иоанну Крестному - Мистический, св. Франциску Ассизскому - Херувимский, св. Доминику - Пламенный и другие в том же роде. Однажды ему пришло в голову назначить награду тому, кто предложил бы ему титул Кардинала для св. Иеронима и Доктора для св. Терезы Иисусовой. Монахи, над которыми он издевался, не простили такой смелости и стали сильно преследовать его. Номера его издания арестовали, хотя они уже были напечатаны. Автору запретили писать на темы, могущие иметь прямое или косвенное отношение к догматам, морали и мнениям, принятым в деле благочестия и набожности. Каким образом прекратится в Испании опасность суеверий и пустых верований, если продолжают останавливать успехи просвещения? Еще теперь имеется в этой стране великое множество людей, которые предаются всем излишествам суеверий и живут в невозмутимом убеждении, что им позволительно продолжать свою преступную жизнь, не боясь ни Бога ни черта, если они постоянно носят на шее нарамник Мадонны Кармельской и

Untitled

читают Богородицу; [861] они убеждены, что не умрут без покаяния и пойдут в чистилище, откуда с помощью Матери Божией в следующую субботу вместе с нею взойдут на Небо.

22. Канталапьедр (Мартин Мартинес де), профессор богословия, весьма сведущий в восточных языках.

Инквизиция возбудила против него процесс при Филиппе II за то, что он напечатал труд, озаглавленный Образцы, запрещенный и внесенный в 1583 году в Индекс кардинала де Кироги. Автор был заподозрен в лютеранстве, потому что настаивал на необходимости обращаться к подлинным текстам Священного Писания, и утверждал, что следует предпочитать подлинный текст священных книг тексту переводчиков, авторитет которых ничтожен в сравнении с подлинником. Он произнес легкое отречение, подчинился епитимье и запрещению писать. Я предоставляю читателям поразмыслить, должен ли этот пример дать высокую идею о рассудительности судей и квалификаторов?

23. Карранса (дом Бартоломео), архиепископ города Толедо. - Историю его процесса см. в главах XXXII, XXXIII и XXXIV.

24. Касас (дом Бартоломео де Лас), доминиканец, сначала епископ Чиапы [862], потом Куско, наконец - заштатный с правом пребывания в Испании. Он был защитником прав и свобод туземцев. Он написал несколько превосходных трудов, о которых упоминает Николас Антонио. В одном из них он старается доказать, что короли не имеют власти располагать имуществом и свободой своих американских подданных для порабощения их другими низшими

Untitled

властями под именем лена, командорства или каким-либо другим образом. На этот труд донесли совету инквизиции как на противоречащий тому, чему учат св. Петр и св. Павел относительно подчинения рабов и вассалов их господам. Автор испытал большие огорчения, узнав о намерении преследовать его. Однако совет потребовал от него только выдачи судебным порядком книги и рукописи, что он исполнил в 1552 году. Затем книга была напечатана несколько раз вне Испании, как заметил Пеньо [863] в своем Критическом, литературном и библиографическом словаре замечательных книг, сожженных, уничтоженных или запрещенных цензурой. Лас Касас умер в Мадриде в 1566 году, девяноста двух лет от роду. Среди своих скорбей он получил удовлетворение, увидав, что цензоры, назначенные для разбора другого труда, написанного им в пользу туземцев Америки, одобрили его, несмотря на критику Хуана Хинеса де Сепульведы. Карл V приказал уничтожить сочинение его противника, хотя оно было благоприятно королевской власти. Он отдал много приказов в пользу свободы туземцев Америки и пожелал, чтобы вкладывали больше мягкости в обращение с ними. Если бы эти распоряжения, вполне согласные с видами Лас Касаса и составляющие часть собрания законов для жителей Америки, были исполняемы, то не стали бы делать столько упреков испанцам, управлявшим Америкой.

25. Кастильо (брат Фернандо дель), доминиканец, один из знаменитейших членов ордена. В 1559 году он был замешан в процесс лютеран в Вальядолиде по доносу некоторых подсудимых, среди которых были: брат Доминго

Untitled

де Рохас, доминиканец; Педро Касалья, приходский священник из Педросы; дон Карлос де Сесо, коррехидор города Торо. Эти три человека, желая доказать правоте своих убеждений относительно оправдания, объявили в 1558 году, что они думали на этот счет, как и дом Фернандо Кастильо, которого везде признавали человеком, выдающимся своим умом и добродетелью. Кастильо (бывший членом коллегии Св. Григория в Вальядолиде, затем профессором философии в своем отечестве, в Гранаде, а позднее профессором богословия в том же городе) был в то время в Мадриде и пользовался там великой славой проповедника. Три свидетеля подписали свои показания 3, 4 и 5 октября 1559 года, по настоянию фискала трибунала в процессе дом Фернандо. 8 октября они должны были быть сожжены. К счастью для того, на кого поступил донос, случилось, что эти три свидетеля не объявили положительно, что он держался учения об оправдании так же и в том же смысле, как они, но излагал это учение так, что можно было этому верить. Дом Фернандо, по получении приказа вернуться в Вальядолид, был заключен в коллегии Св. Григория и вызван в суд. Он оправдался по всем пунктам обвинения и был освобожден. Он даже получил формальное удостоверение, что не причастен к делу, чтобы не было нанесено никакого ущерба его чести, репутации и достоинству. Он вернулся в Мадрид, где был приором; затем послали его на такую же должность в Медину; наконец, он был назначен на должность проповедника при Филиппе II. Этот государь оказывал ему честь советоваться с ним в щекотливых делах и часто разделял его мнения.

Untitled

Вскоре он поручил ему сопровождать герцога д'Оссуну, посла при лиссабонском дворе. Кастильо был одним из принимавших участие в решении кардинала-короля Энрике передать после себя корону Португалии Филиппу II, который затем назначил Кастильо преподавателем инфанта дона Фернандо. Он написал историю ордена св. Доминика с такой точностью и так правдиво, что современные ученые очень дорожат ею. Он умер 29 марта 1593 года с репутацией знающего и добродетельного монаха. Его жизнь была образцом суровости: он постился три дня в неделю, вкушая только хлеб и воду. Если бы действия трибунала инквизиции были покрыты меньшей тайной и были менее сокровенны, этот знаменитый человек и много невинных, подобно ему, не были бы жертвами самого несправедливого обвинения. Было бы достаточно сообщить ему улики свидетелей, и он скоро доказал бы их заблуждение или недоброжелательность. Инквизиторы должны были бы подражать примеру, о котором идет речь в евангельской притче, повторяя после отказа от суровых форм действия: "Воздаждь мне радость Спасения Твоего". Это средство помогло бы им избежать многих процессов, а для обвиняемых послужило бы гарантией пробив огорчений и опасностей, угрожающих их существованию.

26. Сентено (брат Педро), августинец. Он был одним из ученейших людей своего ордена и одним из выдающихся литераторов Испании в царствование Карла III и Карла IV. Началось с того, что он подвергся ненависти и злонамеренности монахов, священников и мирян, которых он сделал своими врагами через свое периодическое

Untitled

издание: Всемирный защитник всех несчастных писателей. Сентено сильно нападавал, при помощи оружия самой деликатной иронии, на дурной вкус, царивший в духовной и светской литературе. Произошло то, что схоластические богословы, не знающие правил хорошего вкуса или не желавшие им следовать, трепетали, как бы не попасть под перо этого монаха: расточаемые им иронические похвалы заставляли больше бояться, чем самые острые стрелы. Все читали с удовольствием, что он писал, и его суждения становились скоро достоянием всех читателей. Дух предубеждения, господствовавший тогда вообще в Испании, и предрассудки, владевшие множеством умов, не преминули родить массу врагов литературы в духе Ювенала [864]. Сентено, хотя был человек талантливый, не обладал ни талантом быть счастливым, ни достаточной ловкостью против людей, тем более ожесточенных, что они сражались оружием, которое им было столь свойственно на поле битвы за правое верие. Сентено полагался на чистоту своих религиозных убеждений и на широту своих познаний. На него посыпались доносы, которые представляли такое же разнообразие, как разнообразны были состояние и положение нападавших на него. В одно и то же время одни обвиняли его в нечестии (преступление, равное тогда в Испании материализму и атеизму), другие - в ереси иеракитов, лютеран и янсенистов. Большая слава подвергавшегося доносам, покровительство графа де Флорида-Бланки, первого государственного секретаря, опасение, что ненависть, зависть и злопамятство довели доносчиков до клеветы, и невозможность, чтобы Сентено в одно и то же время был атеистом и лютеранином, - все это

Untitled

не позволило трибуналу заключить его в тюрьму. Удовлетворились тем, что вместо тюрьмы ему назначили монастырь Св. Филиппа, с приказанием являться в инквизицию каждый раз, как его позовут. Он защищался со всем преимуществом, которое давало ему знание чистых правил учения; его репутация стала бы более блестящей, если бы его речь была напечатана. Однако он не мог избежать осуждения в качестве сильно подозреваемого в ереси; он произнес отречение и был подвергнут разным епитимьям. Это обхождение повергло Сентено в такое уныние, что закончилось потерей рассудка. В этом состоянии он умер в монастыре Аренас, куда был сослан. Пункты его обвинения были:

1. Осуждение девятидневок, молитв по четкам, крестных ходов, стояний [865] и других благочестивых упражнений в том же роде; это обвинение основывалось на надгробной речи по одному вельможе, в которой он говорил, будто благотворительность была любимой добродетелью покойного и в ней заключается действительная набожность, а не в чисто наружных религиозных действиях, не причиняющих ни трудов, ни хлопот, не требующих денежных или иных жертв.

2. Отрицание существования лимбов [866], местопребывания душ некрещеных младенцев; доказательством этого обвинения послужило уничтожение вопроса и ответа о лимбах, сделанное одним автором катехизиса по его совету. Этот труд был напечатан для употребления в бесплатных школах Мадрида, и Сентено был его цензором. На первый пункт обвинения Сентено дал ясное и четкое объяснение, опирающееся на тексты

Untitled

Священного Писания, творения святых отцов и принципы действительного благочестия. Он доказал внутреннее согласие его защиты с выражениями, употребленными в его проповеди, оригинал которой он представил как доказательство своей невинности. Относительно второго пункта он сказал, что существование лимбов не определено как догмат веры; что не следует об этом упоминать в катехизисе, где, по его словам, может быть речь только о догмате; что он упразднил это место в катехизисе, чтобы христиане не смешивали того, что является еще предметом спора для католиков, с тем, что определено Церковью. От него формально потребовали заявить, верит ли он в существование лимбов. Он возразил, что не обязан отвечать, так как это не догмат веры; но, не имея поводов скрывать свой образ мыслей, он признается, что не верит в их существование. Он просил позволения написать богословский трактат, в котором предлагал доказать истину своих слов, смиренно подчиняясь определениям Церкви. Позволение было дано. Он написал двадцать страниц в лист, мелким письмом и сжатыми буквами, так что этот труд образует том в одну восьмую листа. Я прочел его из любопытства и был восхищен при виде неизмеримой и глубокой учености: в нем соединено все, что святые отцы и великие богословы говорили, начиная с Иисуса Христа, а особенно со времени св. Августина, о вечной участи людей, умерших без крещения и не совершивших никакого смертного греха. Очевидность этих доказательств не могла его спасти. Один босоногий кармелит и один францисканец были главными квалификаторами и в окончательной отметке назвали

Untitled

Сентено сильно подозреваемым в ереси.

27. Сеспедес (доктор Пабло де), родившийся в Кордове, пребендарий [867] кафедрального собора этого города, живший в Риме. Вальядолидская инквизиция затеяла в 1560 году процесс против него за несколько писем к дому Бартоломео Кар-ранса, архиепископу Толедскому, найденных в бумагах этого прелата с черновиками адресованных ему ответов. Мотивом обвинения послужило одно письмо из Рима от 17 февраля 1559 года, в котором, кроме отчета, даваемого (как и в других письмах) о ходах, предпринятых в его пользу, он позволял себе дурно отзываться о главном инквизиторе Вальдесе и трибунале испанской инквизиции. Сеспедес был великим литератором, художником, поэтом и искусным моделировщиком из воска. Он составил поэму в октавах О покаянии. Хуан де Версоса, уроженец Арагона, и Франсиско Пачеко (сочувственно цитируемые Николасом Антонио в его Библиотеке) с большой похвалой отзываются об этой поэме. Сеспедес продолжал свое пребывание в Риме, и вальядолидские инквизиторы не могли привести в исполнение свои проекты мести.

28. Чумасеро (дон Хуан де) - см. главу XXVI.

29. Клавихо-и-Фахардо (дон Хосе де), главный директор кабинета естественной истории в Мадриде. Это один из ученейших испанцев, посвятивший себя наукам в царствование Карта III и Карла IV. Инквизиция двора возбудила против него процесс как против заподозренного в усвоении антихристианских принципов новой философии. Мадрид был его тюрьмой, и это было большим счастьем для него, потому что он сохранил свою

Untitled

честь и свое место. Он тайно явился перед трибуналом, когда был позван, был присужден к тайным епитимьям и произнес легкое отречение при закрытых дверях в зале святого трибунала. Правда, улики против него были очень слабы; впрочем, он дал своим тезисам такой оборот, что заставил верить в свое католическое исповедание.

Некоторые тезисы, по-видимому, оправдывали обвинение в натурализме, другие могли заставить смотреть на него как на деиста или как на затронутого материализмом. Он долго жил в Париже и был в дружбе с Бюффоном [868] и Вольтером [869]. Он редактировал журнал под заглавием Мыслитель в то время, когда едва можно было найти мыслящего человека. Лангль сказал в своем Путешествии в Испанию, что этот труд не имеет заслуг; если бы автор говорил правду, это утверждение было бы, может быть, единственной истиной, которую можно найти в его книге. Но возможно, что он ошибся также в этом обстоятельстве, судя по ошибкам, в которые он впал в других обстоятельствах. Правительство назначило Клавихо редактором Меркурия; он напечатал также перевод Естественной истории Бюффона, обогащенный примечаниями. Так как этот труд написан с величайшей чистотой стиля и без галлицизмов, приобретение его может быть очень важным для того, кто ищет произведения, богатого тем изяществом, которое может представить испанский язык. Граф Аранда [870] поручил ему также управление труппой трагических актеров.

30. Клементе (дом Хосе), епископ Барселоны, - см. главу XXIX.

31. Корпус Кристи (брат Мансио), доминиканец, доктор и

Untitled

профессор богословия в университете Алкала-де-Энареса. Вальядолидская инквизиция начала против него процесс за подачу мнения, благоприятного для катехизиса Каррансы. 21 февраля 1559 года он передал мнение докторов его университета; он объяснил, что просил старательно разобрать несколько тезисов, заслуживающих особенного внимания, и все его собраты признали его правоверие; что, действительно, некоторые нуждались в разъяснениях, но этот недостаток не мешает смотреть на них как на католические. Он избег тюрьмы, взяв обратно свои слова, как потребовал от него Филипп II, подобно другим богословам его времени, о которых я говорил в другом месте. Бреше Григория XIII обязало его представить по поводу катехизиса и других произведений Каррансы окончательный приговор, в котором он осуждал триста тридцать один тезис этого прелата. 11 сентября 1574 года он передал этот документ, который должен был быть отослан Его Святейшеству. В октябре 1559 года он послал главному инквизитору письмо, в котором просил прощения и подчинялся епитимьям, которые будет угодно на него наложить. Из истории брата Мансио видно, насколько человеческая слабость может вредить репутации в глазах потомства.

32. Крус (брат Луис де ла), доминиканец, ученик дома Бар-толомео Каррансы де Миранды, архиепископа Толедского, член коллегии Св. Григория в Вальядолиде, один из наиболее сведущих в догматике и богословии людей той эпохи. Он был заключен в тюрьму вальядолидской инквизиции, потому что был скомпрометирован в судопроизводстве против Касальи и

Untitled

его товарищей и в процессе против его учителя. Выдержки, приводившиеся друзьями Касальи из его сочинений, а особенно письма и бумаги, захваченные в его жилище, заставили считать его лютеранином. Правда, он вел последовательную переписку с архиепископом и сказал ему, что он думал о его катехизисе. Его обвинили в подкупе деньгами слугителей святого трибунала, чтобы знать все, касающееся его прежнего учителя. Он оправдался, доказав, что узнал некоторые подробности этого дела из бесед с епископом Мельхиором Кано и с одним из осужденных лютеран, которых он увещевал 20 мая 1559 года, накануне их аутодафе. Подозрения насчет его правоверия основывались на открытии у него копий почти со всех бумаг Каррансы, в которых предполагали множество заблуждений в деле веры. Другое сочинение подало повод к тем же подозрениям; оно было озаглавлено: Мнение о переводчиках Священного Писания и, по-видимому, принадлежало Вальдесу, секретарю Карла V. Брат Луис был арестован в июле 1559 года; 17 августа он составил доклад в шесть страниц, в котором сделал много признаний. Вскоре он подвергся припадкам безумия, которые продолжались три или четыре дня и часто повторялись вследствие давления крови на мозг, когда его душа предавалась горестным размышлениям, внушаемым процессом. В июне 1560 года он был перевезен в церковную тюрьму епископа для получения там ухода, в котором нуждался. Напрасно искали свидетелей для его обличения: несмотря на сорок заслушанных показаний, нельзя было установить улики против него. Однако трибунал продолжал держать его в заключении, как и

Untitled

самого Каррансу. Из вопросов, предлагавшихся на заседаниях, видно, что желали получить от него показания против архиепископа. Но судьи обманулись в своих надеждах: все ответы свидетельствовали только о чистоте веры Каррансы. Наконец, спустя пять лет после заключения, его заставили произнести легкое отречение и наложили на него лишение свободы на несколько лет вместо епитимьи.

33. Куэста (дом Андрее де ла), епископ Леона, - см. главу XXIX.

34. Куэста (дом Антонио де ла), архидиакон кафедральной церкви города Авилы (он еще жив и слывет как один из ученейших литераторов Испании). Вальядолидская инквизиция дала приказ о его аресте в 1801 году в качестве подсудимого по обвинению в янсенизме и ереси. Своей свободой он обязан побегу; он укрылся в Париже, где прожил пять лет, пока продолжался его процесс. Он длился бы дольше, если бы не вмешалось правительство.

35. Куэста (дом Херонимо де ла), каноник-духовник кафедрального собора Авилы. Он был арестован по приказу вальядолидской инквизиции за янсенизм и ересь, когда искали его брата, дома Антонио (см. предыдущую статью), которому, в ущерб своей безопасности, он помог бежать. Он провел пять лет в тюрьме святого трибунала и был бы задержан еще дольше, если бы не помогли могущественные представления, адресованные Карлу IV лицами самого высокого ранга. Они добились от короля, чтобы подлинные документы процесса были представлены его величеству. Дом Херонимо обнаружил, что он и дом Антонио, его брат, обязаны преследован и-ем, жертвою

Untitled

кого они стали, интригам дома Рафаэля де Мускиса, епископа Авилы, бывшего духовника королевы, назначенного потом архиепископом Сант-Яго, и дома Висен-те Сото де Валькарсея, каноника и богослова-сановника Авилы, в то время епископа Вальядолида. По мере того как читали дому Херонимо показания свидетелей, его великая проницательность дала ему их распознать, и он доказал ясно их несправедливость. Архиепископ Сант-Яго сделал королю вторичное представление против двух братьев, инквизиторов Вальядолида, и нескольких членов верховного совета. Он не пощадил даже дома Раймундо Хосе д'Арсе, архиепископа Сарагосы, патриарха Вест-Индии, главного инквизитора. Он обвинил их всех в пристрастии к двум подсудимым, которые были соотечественниками главы инквизиции. Вальядолид-ский трибунал объявил дома Херонимо невиновным. Голоса разделились в верховном совете. Король приказал тогда разобрать документы и объявил, согласно сделанному докладу, двух братьев невиновными в преступлении, в котором их обвиняли. Он разрешил дому Антонио вернуться в Испанию; назначил его, как и брата, кавалером ордена Карла III [871] и приказал главному инквизитору назначить обоих почетными инквизиторами. Дом Мануэль Гомес де Саласар, епископ Авилы (который в качестве вальядолидского инквизитора и члена верховного совета играл большую роль в этой интриге), получил от его величества указ о водворении двух братьев на их должности. Здесь видим один из редких случаев, когда испанский король принял деятельное участие в решениях

Untitled

инквизиции, и еще более редкое обстоятельство, когда невиновность могла восторжествовать. Она изнемогла бы под соединенными усилиями столь ожесточенных противников, если бы им не противопоставили покровительство нескольких лиц высокого доверия. Впрочем, в это дело вмешались, по одному из случаев, столь обычных при дворе, другие интриги архиепископа Сант-Яго, которые произвели последствия, благоприятные для дела братьев Куэста, и способствовали тому, что их преследователи были присуждены к значительным штрафам.

36. Дельгадо (дом Франсиско), архиепископ Сант-Яго, - см. главу XXIX.

37. Фейхоа (Бетто), бенедиктинец, уроженец Астурии, выдающийся литератор. Это один из первых реставраторов хорошего вкуса в Испании. Составленные им труды отмечены доном Хуаном Семпере и Гуариносом в Библиотеке писателей, процветавших в царствование Карла III. На этого ученого донесли в разные трибуналы инквизиции как на подозреваемого в разных ересьях, возникших в XV веке, и в ереси иконоборцев. Большинство доносчиков были невежественные и предубежденные монахи, которых он сделал своими врагами через великие истины, отмеченные в его Критическом театре, и протест против ложной набожности, ложных чудес и некоторых суеверных обычаев. Для автора было счастьем, что совет инквизиции основательно знал чистоту его принципов и католическое исповедание. Во времена Филиппа II он, наверное, не избег бы тюрьмы святого трибунала как подозреваемый в лютеранстве. Прогресс просвещения в

Untitled

Испании медленно и туго подвигался вперед; однако все же его можно было заметить, и он стал во вторую половину восемнадцатого столетия проникать даже в тайники святого трибунала.

38. Фернандес (Хуан), доктор богословия, настоятель кафедрального собора в Паленсии. Его преследовала вальядолидская инквизиция вследствие показаний нескольких лютеран, казненных в 1559 году, в частности брата Доминго де Рохаса. Последний привел ряд тезисов Фернандеса, в которых он имел притязание заметить те же мнения, что и его собственные, относительно оправдания. Фискал инквизиции представил 3 октября брата Доминго де Рохаса свидетелем в процессе, возбужденном против Фернандеса. Брат Доминго настаивал на своем показании: он был уже приговорен к релаксации, но ничего не знал об этом и ожидал примирения с Церковью как кающийся. Настоятель Фернандес не был заключен в секретную тюрьму, но получил выговор за несоблюдение в своих беседах осторожности, приличной доктору богословия, особенно в то время, когда ересь старается утвердиться в королевстве.

39. Фраго (дом Педро), епископ города Хаки, - см. главу XXIX.

40. Гонсало (дом Викториан Лопес), епископ Мурсии, - см. главу XXIX.

41. Горрионеро (дом Антонио), епископ Альмерии, - см. главу XXIX.

42. Герреро (дом Педро), архиепископ Гранады, - см. главу XXIX.

43. Гранадский (брат Луис) - см. главу XXX.

Untitled

44. Грасиан (брат Херонимо), кармелит, уроженец Вальядолида, сын Диего Грасиана, секретаря Карла V и Анны Данциг-ской, дочери посла Польши при дворе этого императора. Он был доктором богословия и профессором философии в университете Алькалы. Он написал несколько мистических и литературных трудов, о которых упоминает Николас Антонио. Он был настоятелем монастыря босоногих кармелитов в Севилье, им основанном, когда инквизиция напала на Св. Терезу и ее монахинь, духовником которых он был. Севильская инквизиция преследовала его как еретика секты иллюминатов. Его процесс не имел продолжения за неимением улик. Карьера брата Херонимо полна превратностей; так как об этом говорили историки, я освобождаю себя от этого труда.

45. Гудиэль де Перальта - см. главу XXVI.

46. Гонсалес (Хиль), иезуит, родился в Толедо в 1532 году. В 1559 году его преследовала вальядолидская инквизиция за то, что он начал переводить на латинский язык напечатанный на кастильском языке катехизис Каррансы. Последний, узнав от некоторых лиц, что его труд будет переведен на язык богословов, сделал в нем несколько исправлений, так как текст не был достаточно ясен для людей, не владевших этим знанием, и просил в июле Хиля Гонсалеса взять на себя этот труд. Св. Франсиск де Борха, услышав о процессе архиепископа, приказал Гонсалесу уведомить инквизицию обо всем, что ему было поручено сделать. Хиль повиновался и сообщил 28 августа главному инквизитору о данном ему приказе и о своей готовности ему подчиниться. 5 сентября он возобновил свое

Untitled

заявление, передал напечатанный по-испански экземпляр, исправления Каррансы и часть перевода, исполненную им. Таким образом он избег преследования. Он умер спокойно в Мадриде в 1596 году.

47. Ильескас (Гонсалъво де) - см. главу XIII.

48. Ириарте (дон Томас де), уроженец Канарских островов, начальник архива министерства иностранных дел и первого государственного секретариата, автор поэмы О музыке, книги Басен и других поэтических произведений. Его преследовала мадридская инквизиция в последние годы царствования Карла III как подозреваемого в исповедании антихристианской философии. Город Мадрид служил ему тюрьмой, и он получил приказание являться в суд, когда будет об этом извещен. Судопроизводство велось в секрете, и он отвечал удовлетворительным образом на обвинения. Однако инквизиторы считали это недостаточным для освобождения; они объявили его в легком подозрении. Он произнес отречение и получил отпущение при закрытых дверях; епитимья была наложена тайно, и немногие знали о его процессе. Дон Томас де Ириарте имел двух братьев: одного по имени Доминго, который заключил в Базеле мирный договор с Французской республикой, и другого по имени Бернардо, члена совета Вест-Индии и кавалера ордена Карла III.

49. Исла (Франсиско де), иезуит, автор нескольких трудов, напечатанных под его именем в царствование Карла III. Он напечатал под вымышленным именем Историю знаменитого проповедника брата Герондифа де Кампасаса, иначе называемого Сотес, написанную в Мадриде в 1750 и в 1770 годах лицензиатом доном

Untitled

Франсиско Лобон де Саласаром, Это крайне тонкая и острая сатира, в двух томах в одну четвертую листа, на проповедников, делающих плохое употребление из текстов Священного Писания, цитируя их не вовремя и насилуя их смысл для подкрепления сумасбродных, смешных и недостойных кафедры тезисов. Нельзя представить себе блага, которое произвел этот труд в Испании; он заставил исчезнуть дурной вкус, царствовавший до тех пор в проповедях. Проповедники боялись приложения к себе эпитета Герондиф; [872] выдуманного героя могли называть донкихотом кафедры.

Действие этого романа было такое же, как романа Дон-Кихот Ламанчский, предназначенного для излечения испанцев от смешной мании рыцарских романов. Монахи увидели себя нарисованными в настоящем виде в образе Герондифа и объединились против этого произведения. Они донесли на автора как на нечестивца, хулителя церковного сословия, подозреваемого во всех ересьях, в которые впадают все говорящие с презрением о нищенствующих монахах, называемых братьями (frailles). Святой трибунал получил бесчисленное множество доносов на это произведение. Квалификаторы думали, что его надо запретить, так как автор, обращавший в предмет насмешки тех, кто делал плохое употребление из священного текста, сам впадал в эту ошибку, составляя проповеди, которые он заставляет произносить героя этого романа. Два тома были запрещены. Однако типограф Байонны, видя усердие, с которым их хотели приобрести, задумал их перепечатать и прибавил к ним третий том из отдельных писаний, появившихся в Испании за или против

Untitled

истории Герондифа. Истинный автор сохранял анонимность, но его узнали, и инквизиция, уверившись в этом, велела ему явиться и сделала выговор. Отец Исла выставил своим извинением похвальное намерение бороться с промахами, введенными на кафедру истины по ошибке плохих проповедников. Процесс застыл на этом, и все окончилось простым словесным предостережением. Иезуиты имели еще достаточно силы в Мадриде и главным образом в святом трибунале, который среди своих судей насчитывал множество членов Общества Иисуса.

50. Св. Тереза Иисусова - см. главу XXVII.

51. Ховельянос - см. главу XLIII.

52. Ховен де Салас (дон Хосе Иньиго), уроженец одного из пиренейских городов, близ города Хаки; адвокат королевского совета, очень ученый. Он пользовался такой репутацией, что несколько грандов Испании избрали его защитником прав их семейств на наследование майоратов и по другим интересным процессам. На него донесли инквизиции за чтение запрещенных книг; допрос не представил достаточных данных для определения о заключении в тюрьму. Его отвращение к народным бунтам, его любовь к общественному порядку, отсутствие испанской королевской семьи, моральная уверенность, что невозможно сопротивляться вторжению французов, - повелительно диктовали ему в 1808 году необходимость покориться силе победителя. Действительные заслуги Ховена заставили короля Иосифа (Жозефа) [873] назначить его членом государственного совета. Поэтому политические инквизиторы, окружавшие испанский трон, внушили королю Фердинанду VII [874] мысль изгнать этого

Untitled

весьма уважаемого старца, который жил в Бордо, будучи богат одинаково как добродетелями, так и годами.

53. Лайнес (Диего) - см. главу XXIX.

54. Лаплане (дом Хосе), епископ Тарасовы, - см. главу XXIX.

55. Пара (дон Хуан Перес де) - см. главу XXVI.

56. Лебриха (Антонио де) - см. главу X.

57. Ледесма (брат Хуан де), доминиканец, профессор богословия в коллегии Св. Петра-мученика в Толедо.

Вальядолидская инквизиция возбудила процесс против него в 1559 году за то, что в 1558 году он подал благоприятное мнение о катехизисе Каррансы.

Судопроизводство было перенесено в толедский трибунал, который продолжал его, не заключая брата Хуана в секретную тюрьму, и удовлетворился тем, что назначил ему вместо тюрьмы неисходное пребывание в коллегии, позволяя выйти только в трибунал, когда его туда позовут. Его обвинили в том, что он разделял учение Каррансы. В виде доказательства проступка ему привели цензуры, написанные против учения архиепископа доминиканцами Мельхиором Кано, Доминго Сото и Доминго Куэвас.

Обвиняемый ответил, что он не заметил ересей в Каррансе, потому что, будучи убежден в обширных познаниях, добродетели и ревности автора к католической религии, наскоро прочел его труд. Он прибавил, что, не впадая ни в какое заблуждение, которое он признал бы за таковое, он держится цензур квалификаторов. Он произнес легкое отречение; на него наложили легкую каноническую епитимью, которую он должен был отбывать тайно, и он получил отпущение с предупреждением.

Untitled

58. Леон (брат Луис де), августинец. Он родился в 1527 году. Родители его были Лопе де Бельмонте, судья, член апелляционного суда в Гранаде, и донья Инесса де Валера, его жена. Он отличался чистотою языка и красотою стихов; до сих пор на них смотрят как на образцы изящества и чистоты, хотя с тех пор в том и другом сделаны большие успехи. Он вступил в монашество в Саламанке в 1544 году. Его рассуждение было тонко, и он обладал такими глубокими познаниями в богословии, что можно сказать, что его не превзошел ни один из современников и что он имел очень малое число соперников. Он был одним из светочей литературы. Он понимал еврейский и греческий языки настолько, чтобы читать авторов; на латинском языке он писал с замечательным совершенством. Он составил несколько трудов в стихах и прозе, о которых упоминает Николас Антонио. Печальный опыт доказывает, что невозможно иметь выдающиеся таланты, да еще в большом числе, без того, чтобы не стать добычей преследования завистников. Поэтому не следует удивляться, что на него поступил донос в вальядолидскую инквизицию как на подозреваемого в лютеранстве, в то время когда он был профессором богословия в университете Саламанки. Несмотря на свою невиновность, он пробыл в тюремном заключении пять лет. Одиночество, в котором он прожил это время, было так тягостно для него, что он не мог воздержаться, чтобы не высказать это в одном из своих произведений, взявши текстом псалом двадцать шестой [875]. Будучи освобожден от взведенного на него обвинения, он вернулся к преподаванию богословия. Но

Untitled

такое продолжительное заключение, бездеятельность, в которой он жил, глубокая печаль, в которую погрузилась столь чувствительная душа от оскорбления чести и неудобства долгого пребывания в тюрьме, значительно повредили его здоровью. Он имел, однако, еще достаточно силы, чтобы составить в 1588 году устав, предназначенный для монахов его ордена. Он умер в Мадриде 23 августа 1591 года во время заседания, на котором только что был назначен генеральным викарием. Его смертные останки были перенесены в Сала-манку, на могиле поместили эпитафию, чтобы почтить его память.

59. Лерма (Педро де), доктор, профессор богословия и первый канцлер университета в Алькале. Он был очень сведущ в восточных языках, которые он изучал в Париже, где получил степень доктора богословия. Он был назначен членом хунты, созванной в Вальядолиде в 1527 году главным инквизитором домом Альфонсо Манрике для разбора и цензуры трудов и мнений Эразма Роттердамского. Он силился в Алькале привить вкус к хорошей церковной литературе; он убеждал всех постоянно черпать в древнейших источниках и не усваивать мнений, следуя лишь авторитету учителей, как бы ни были они правдивы, солидны и осмотрительны. Схоластические богословы, которые не знали восточных языков и привыкли читать деяния соборов и творения святых отцов только в выдержках у других авторов, прибегли к крайнему из злонамеренных средств: они донесли на него толедской инквизиции как на подозреваемого в лютеранстве. Педро, узнав, что предполагали его арестовать, бежал в Париж, где умер

Untitled

деканом, доктором Сорбонны и профессором богословия в этом учреждении. Луис де ла Кадена, его племянник, не замедлил последовать его примеру, как мы уже сказали выше. Почетное упоминание об этом докторе находится в биографии его покровителя кардинала Хименеса де Сиснероса, написанной Альваром Гомесом де Кастро, и в одном из писем Хуана де Хелиды, литератора из Валенсии.

60. Луденья (брат Хуан) - см. главу XXIX.

61. Линасеро (дом Мигель Раймундо), каноник Толедский, наставник архиепископа этого города, кардинала Бурбона. В 1768 году он получил предостережение от святого трибунала, будучи приходским священником Ухены, за то, что имел у себя Церковную историю, написанную Расином [876]. Хотя этот труд не был еще запрещен и указ короля даже предписывал его чтение, инквизиторы обязали Линасеро отказаться от него. Отсюда видно, что они действовали отчасти по правилам иезуитов, так как втайне поступали против правительства. Тотчас же по смерти короля трибунал осмелился запретить эту книгу, как зараженную янсенизмом. Если бы люди любили истину, изъятую от предрассудков, они не совершали бы этих несправедливостей.

62. Мелендес Вальдес (дон Хуан), уроженец Эстремадуры, бывший профессором в Саламанке. Карлом III он был назначен судьей в королевский апелляционный суд в Вальядолиде. Карл IV, признав большие заслуги Мелендеса, назначил его королевским прокурором при королевском совете Кастилии и в палату коронных и придворных судей Мадрида. Он был испанским

Untitled

Анакреоном [877] XIX века. Слава его продлится, пока будут уважать хорошие стихи. Одна его поэма в 1796 году дала повод к доносам. Один из них гласил, что Мелендес говорил как человек, читавший запрещенные книги Филанджьери, Пуффендорфа [878], Гроция [879], Руссо [880], Монтескье [881] и других. Этот выпад не имел последствий за недостатком улик. Когда чернь овладела властью в 1808 году и возник вопрос об изолированном управлении городов, Мелендес старался ввести порядок, но встретил ужасно грубое обращение со стороны варваров-убийц такого же рода, как те, что убили в Мадриде маркиза де Пералеса и управляющего финансами Трухильо, в Кадисе маркиза дель Сокорро, в Севилье графа дель Агилу, в Бадахосе графа де Торре дель Фресно, в Картахене генерала Кордову, в Вальядолиде генерала Севальоса, в Галисии генерала Филанджьери, в Талавера-де-ла-Рейне генерала Сан-Хуана и в других местах нескольких других испанцев. Мелендес, чудом переживши это время в Астурии, искал спасения во французской армии. Король Иосиф назначил его членом государственного совета. Мелендес принял должность по тем же соображениям, как и Ховен де Салас; Потом он испытал ту же участь и умер в Монпелье в 1817 году. *Mercure de France* [882] и другие парижские журналы напечатали похвалу ему, иначе я поместил бы ее здесь весьма охотно. Я прибавлю только, что Мелендес дал мне прочесть в Вальядолиде в 1788 году свою небольшую поэму под заглавием Магистрат. Когда появилось второе издание его трудов, и это стихотворение оказалось не включенным туда я спросил Мелендеса о причине этого.

Untitled

Он рассказал мне по этому поводу следующую историю: "Так как я постоянно занимался поэзией, даже после того, как был назначен членом королевского апелляционного суда в Вальядолиде, некоторые из моих коллег жестоко критиковали мое поведение и говорили, что составление лирических и эротических стихов не соответствует важности функций магистратуры. Один из них сказал насмешливо, как бы в шутку, что я знаю, может быть, лучше, что значит трубадур [883], чем магистрат. Тогда я составил небольшое стихотворение под этим заглавием. Я хотел его напечатать, но вскоре переменял намерение, чтобы не подать повода к подозрению в желании отомстить". Я думаю, что это стихотворение имеет много достоинств, и надеюсь, что оно войдет в первое полное издание стихотворений бессмертного Мелендеса.

63. Маканас (дон Мельхиор де) - см. главу XXVI.

64. Мариана (Хуан де), иезуит. Он родился в Талавера-де-ла-Рейне в 1536 году. Он был внебрачным сыном Хуана Мартинеса де Марианы, впоследствии каноника и декана коллегиальной церкви в этом городе. Когда он окончил свои занятия в Алькале и стал весьма сведущ в восточных языках и богословии, он покинул Испанию для иноземных стран. Он преподавал богословие в Риме, в Сицилии и в Париже. К нему часто обращалось правительство и значительные лица, чтобы получить совет по важным и щекотливым делам. Мы видели, что он был избран третейским судьей в важном вопросе о королевской многоязычной Библии, напечатанной в Антверпене; что, вопреки желаниям и интригам его собратий, он высказался в пользу Бенито Ариаса Монтаны. В 1583 году ему было

Untitled

поручено составить Индекс, в котором он оставил произведение св. Франсиска де Борхи. Иезуиты, не привыкшие прощать подобное поведение, впоследствии обходились с ним не с тем уважением, какого он заслуживал. Он обнаружил недостатки в управлении Общества Иисуса в труде, озаглавленном О недугах Общества Иисуса. Этот труд был напечатан по смерти автора; его собратья познакомились с некоторыми частями его, что увеличило ненависть, питаемую против него. Он также напечатал с посвящением королю Филиппу III свой трактат: О короле и об установлении королевской власти, который был сожжен в Париже рукой палача. В 1609 году он опубликовал семь трактатов, соединенных в одном томе в лист; один из них называется: О перемене монеты, другой: О смерти и бессмертии. Эти трактаты подвергли его большим неприятностям со стороны правительства и святого трибунала. Везде в своих собратьях он находил врагов и подстрекателей, которые мстили ему. Я читал сочинение, написанное им в свою защиту. Исповедуемое им учение так твердо и чисто, что я убежден, что оно было бы благосклонно принято публикой, если бы было напечатано. Суждение короля было более мягко, чем он мог надеяться, особенно после того, как он показал себя в посвящении, представленном этому монарху, защитником цареубийства, замаскированным и скрытым под покровом тираноубийства. Он не был так счастлив в отношении святого трибунала: произвели урезки в его труде О перемене монеты, и чтение его было воспрещено впредь до напечатания в исправленном виде. На автора наложили епитимью и долгое время держали в заключении в его

Untitled

коллегии. Он умер в Толедо в 1623 году, восьмидесяти пяти лет от роду. Николас Антонио упоминает о других трудах того же автора. В Словаре Пеньо (о котором я говорил в статье о Лас Касасе) находятся другие подробности, которые могут заинтересовать любознательного литератора.

65. Медина (брат Мигель де) - см. главу XXIX.

66. Менесес (брат Фелипе де), доминиканец, профессор богословия в Алькала-де-Энаресе. Он подал благоприятное мнение о катехизисе Каррансы. Толедская инквизиция получила от вальядолидской начатый ею процесс, вызвала в суд брата Фелипе и присудила его к тому же наказанию, что и брата Хуана де Луденью.

67. Мерида (Педро де), каноник Паленсии. Ему было поручено Каррансой вступить во владение толедской митрой и управлять его архиепархией. Он был назван Педро Касальей и другими лютеранами как разделяющий их убеждения насчет оправдания. Он был в переписке с Каррансой, и инквизиция в своем судопроизводстве воспользовалась несколькими письмами, в которых он дурно отзывался о святом трибунале. Его арестовали в Вальядолиде; он произнес легкое отречение, был подвергнут епитимье и присужден к уплате штрафа.

68. Моньино (дон Хосе) - см. главу XXVI.

69. Молина (дом Мигель де), епископ Альбарасина, - см. главу XXIX.

70. Монтанус (Бенито Ариас) - см. главу XXIX.

71. Монтемайор (Пруденте де), иезуит, родившийся в Сеньекросе, в Риохе, профессор богословия и философии в Саламанке. Он написал несколько трудов, о которых

Untitled

упоминает Николас Антонио в статье о нем, в своей Библиотеке. Вальядолидская инквизиция возбудила против него процесс как против подозреваемого в пелагианстве [884] вследствие некоторых богословских выводов, поддерживаемых им и напечатанных в 1600 году. Он отвечал и объяснил написанное им как настоящий католик. Святой трибунал прекратил его личное преследование, но запретил читать его выводы. Один из упреков, которые не переставали делать иезуитам со времени учреждения этого ордена, состоял в том, будто они примыкают к системе ересиарха Пелагия в вопросах о благодати и свободной воле. Когда отцы Тридентского собора услышали выражения, которыми Диего Лайнес [885], преемник св. Игнатия, хотел воспользоваться при редактировании определения о свободной воле, они не скрыли от него своего мнения насчет его учреждения, назвав его пелагианским. Монтемайор пытался впоследствии вступить за честь свою и своих собратий; для этой цели он напечатал рассуждение под заглавием: Ответ на пять клевет, изобретенных против Общества Иисуса и распространившихся в городе Саламанке. Он умер в этом городе в 1641 году в весьма преклонном возрасте.

72. Монтихо (донья Мария Франсиска Портокарреро, графиня де), грандесса Испании. Она заслужила выдающееся место среди испанских ученых. Ее права на известность не ограничиваются переводом Христианских наставлений о таинствах брака, составленных г. Летурно; она заслужила ее с большим правом своей горячей любовью к хорошей литературе и сделанными ею

Untitled

усилиями для распространения вкуса к последней. Ее любезный и обязательный характер сделал из ее дома центр собрания духовных лиц, добродетельных и просвещенных. Среди них были заметны дом Антонио де Палафокс, епископ Куэнсы, деверь графини; дом Антонио де Тавира, епископ Саламанки; дон Хосе де Йереги, воспитатель инфантов Испании (дона Габриэля и дона Антонио); дом Хуан Антонио Родригальварес, архидиакон Куэнсы, наместник и генеральный викарий этой епархии; дом Хоакин Иварра и дом Антонио де Посада, каноники монастыря Св. Исидора в Мадриде. Все эти духовные лица и сама графиня стали жертвами клевет некоторых священников и фанатичных монахов, сторонников иезуитов и их принципов дисциплины и морали. Их обвинили в янсенизме. Ненависть врагов дошла до того, что дом Бальтасар Кальво, каноник монастыря Св. Исидора, и брат Антонио де Герреро, доминиканец, обнародовали с кафедр, что в одном из первых домов столицы происходит сборище янсенистов под покровительством дамы высшего ранга. Они старались обозначить ее так ясно, чтобы никто не мог ошибиться. Нунций римской курии уведомил папу о происшествии. Его Святейшество тотчас же послал двум проповедникам и другим частным лицам благодарственные письма за усердие, показанное ими к вере. Эти письма послужили сигналом для доноса на всех лиц, подозреваемых в янсенизме, и доносы не преминули явиться. Кроме обвинения, содержащегося в доносе на графиню Монтихо, ее обвиняли еще в поддержке переписки религиозной и литературной с Анри Грегуаром, епископом Блуаским, одним из самых преданных

Untitled

католицизму ученых людей Франции, членом института, автором разных трудов, между прочим - Письма к главному инквизитору Испании, в котором Грегуар приглашает его предложить упразднение святого трибунала, главой которого тот состоит. Доносчики предполагали, что Грегуар стоит во главе французских янсенистов; но скрывали, что этот епископ несколько раз подвергал себя опасности смерти за то, что всячески старался преподать жертвам революции последнее духовное утешение, и за поддержку католической религии, когда Робеспьер хотел уничтожить ее во Франции. Доносчики опирались также на упоминание о графине на составленном присяжными епископами [886] национальном соборе Франции, членом которого был епископ Грегуар. Инквизиторы получили секретную информацию о деле; но из нее не вытекало ни фактов, ни предположений еретических, и они не имели мужества выпустить приказ об аресте, как сделали это относительно двух братьев Куэста. Ранг и происхождение обвиняемых принудили их остановить преследование. Придворная интрига заставила графиню удалиться из Мадрида, и инквизиторы, по-видимому, здесь ни при чем. Она удалилась в Логроньо, где умерла в 1808 году, оставив после себя приобретенную ею репутацию добродетели и милосердия к бедным.

73. Мур (дон Хосе де) - см. главу XXVI.

74. Олавиде (дон Пабло) - см. главу XXVI.

75. Палафокс-и-Мендоса (дон Хуан де) - см. главу XXX.

76. Палафокс (дом Антонио де), епископ Куэнсы, происходивший от брата дона Хуана и сам брат графа де Монтихо. Его преследовала мадридская инквизиция в 1801

Untitled

году как подозреваемого в янсенизме. Но процесс не пошел дальше предварительного следствия, потому что против него могли выдвинуть только предположения. Он занимался книгами, говорившими о дисциплине, и очень мало интересовался богословами-схоластиками и канонистами, которые ссылались только на декреталии [887] и папские буллы. Процесс его возник в одно время с процессом его невестки, графини Монтихо. Палафокс сделал королю ученое и энергичное представление, в котором доказывал, что бывшие иезуиты, вернувшиеся в Испанию, были виновниками преследования против него и его друзей; что эти люди все привели в движение, чтобы погубить тех, кто не принадлежал к их партии.

77. Педроче (брат Томас де), доминиканец, профессор в Толедо. Он подал мнение, благоприятствующее катехизису Каррансы, и испытал обращение с собой такое же, как и брат Хуан де Ледесма.

78. Пенья (брат Хуан де ла), доминиканец, руководитель занятиями в коллегии Св. Григория в Вальядолиде и профессор в Саламанке. В 1558 году он подал мнение, благоприятно отзывающееся о катехизисе Каррансы. Он был вызван 15 марта 1559 года инквизиторами для квалификации двадцати тезисов, автора коих они скрыли; 5 апреля он подал ответ на девятнадцати листах. Он заявлял, что эти тезисы - католические; что некоторые имели обоюдный смысл, который мог заставить смотреть на них как на лютеранские, но не кажется, чтобы автор высказал их со злым умыслом. Когда архиепископ Карранса был заключен в тюрьму 22 августа того же года, Пенья ужаснулся. Он подал в инквизицию записку, в

Untitled

которой объяснил, что связан дружбой с этим прелатом, потому что считал его хорошим католиком; этот мотив не позволил ему донести на благоприятное суждение о некоем доме Карлосе де Сесо, одном из лютеран, процесс которого был в этом же году; что Карранса не осудил его, потому что не считал еретиком, хотя он высказывал тезисы, пораженные этим пороком. Пенья прибавлял, что, видя архиепископа арестованным, он заявил обо всем, чтобы не сделали преступления из его молчания. Эти предосторожности были напрасны: Пенья оказался виновным по поводу мнения о катехизисе Каррансы; присоединили два других пункта обвинения. Первый состоял в высказывании, что было неуместно доносить на предположение, высказанное Каррансою, потому что еще нельзя решить, теряют ли веру, совершая смертный грех. Второй состоял в утверждении, когда архиепископ был взят, что, хотя бы он был еретиком, святой трибунал должен закрыть на это глаза из боязни, что германские лютеране канонизируют его как мученика, как они сделали это с другими лицами, наказанными инквизицией. Ответ подсудимого не понравился инквизиторам. Они едко раскритиковали его, осудили на несколько эпитимий и объявили, чтобы он наперед был более осмотрительным. Пенья был довольно счастлив тем, что не был ни заключен в секретную тюрьму, ни лишен своей должности, которую он занимал еще в 1561 году.

79. Перес (Антонио), государственный секретарь при Филиппе II - см. главу XXXV.

80. Кирос (дом Хосе), священник, адвокат в королевском совете в Мадриде, один из небольшого числа

Untitled

просвещенных литераторов своего времени. Узнав о преследовании, которое святой трибунал заставил претерпеть Беландо за его Гражданскую историю Испании (о чем я говорил в статье о нем), он составил записку, в которой старался убедить, что инквизиторы должны сначала выслушать автора, а потом уже осуждать его произведение. Этот поступок дорого обошелся ему: ни его семидесятилетний возраст, ни постоянная опухоль ног не помогли избежать преследования. Он был заключен в секретную тюрьму; как бы боясь, что этого недостаточно, его держали в течение февраля и марта в холодной и сырой комнате, где он испытал всю суровость сезона и готов был совсем изнемогнуть. Добились того, что известили Филиппа V о положении, до которого был доведен Кирос, и он получил свободу после сорока четырех дней мучений, под определенным условием не писать больше ничего о делах инквизиции, если он не хочет испытать более страшных наказаний. Следует допустить, что мстительность инквизиторов еще не была удовлетворена, так как они не считали его достаточно наказанным.

81. Рамос дель Мансано (дон Франсиско) - см. главу XXVI.

82. Регла (брат Хуан де) - см. главу XXIX.

83. Рикардос (дон Антонио), граф де Трульяс от своего имени и де Торрепальма по жене и кузине;

главнокомандующий королевской армии;

главнокомандующий армии в Руссильоне в 1793 и 1794 годах против Французской республики. Мадридская инквизиция преследовала его по подозрению, что он

вольнодумец (*esprit fort*), то есть неверующий философ.

Декан инквизиторов пригласил его присутствовать на

Untitled

малом аутодафе дона Пабло де Олавиде; таким манером думали дать ему предостережение. Думали также, что он может принять на свой счет некоторые заявления, имевшие, кажется, какое-то отношение к нему, хотя его имя не было упомянуто. Это казалось тем более естественным, что он был связан дружбой с Олавиде и был с ним согласен по некоторым вопросам религии. Это единственное унижение, которое святой трибунал дал испытать Рикардосу; не было достаточно улик, чтобы приступить к процессу против него.

84. Рипальда (Херонимо де), иезуит, уроженец Теруэля в Арагоне. В конце XVI и в начале XVII века он был одним из ученейших богословов своего ордена. Он преподавал богословие и написал два трактата, один мистический, а другой О христианском учении. Последний был в школьном употреблении более столетия, с некоторыми изменениями, произведенными в последних изданиях его катехизиса. Николас Антонио говорит, что он умер в Толедо "в благоухании святости" в 1618 году, в восьмидесятичетырехлетнем возрасте. Некоторое время он был духовником св. Терезы. Похвала, вышедшая из-под пера такого историка, сначала уверила меня, что я должен молчать: мне казалось несправедливым Нападать на лицо, которое умерло с репутацией добродетельного человека. Однако в качестве историка я не могу воздержаться, чтобы не сказать правды, тем более что поведение Рипальды было очень назидательно в последние сорок четыре года его жизни и что он впал в некоторые заблуждения во дни своей юности. Разве нет для его извинения примеров Давида, св. Августина, св. Игнатия Лойолы и св. Франсиска

Untitled

де Борха, которые совершили некоторые излишества, будучи юны, а затем стали достойными причисления к лику святых? Процесс, возбужденный вальядолидской инквизицией, доказывает, что Херонимо Рипальда, священник, иезуит и обитатель Саламанки, был заключен в секретную тюрьму как иллюминат и квиетист, затронутый ересью Молиноса; что он признался в некоторых фактах, приписанных ему, просил в них прощения, умолял своих судей о сострадании и был подвергнут епитимье в 1574 году как сильно подозреваемый. Проявленное им сильное раскаяние было причиной того, что главный инквизитор Кирога скоро положил конец его покаянию. Он был восстановлен в своих правах, во всех должностях и допущен ко всем поручениям, которые хотели ему доверить его начальники. Я с сожалением передаю это обстоятельство из жизни Рипальды и прибавлю, что чистота веры и нравов впоследствии сделала его достойным почета и уважения людей. Да будет позволено мне привести здесь ответ Мезрэ [888] кардиналу Мазарини [889]. Этот министр однажды упрекал Мезрэ за то, что тот написал в своей Истории Франции, что Людовик XI был плохой сын, плохой отец, плохой муж и плохой друг. Мезрэ отвечал: "Я очень досаую на это, но мое качество историка обязывает меня быть орудием истины".

85. Рибера (дон Хуан де) - см. главу XXX.

86. Рода (дон Мануэль де) - см. главу XXVI.

87. Родригальварес (дом Хуан Антонио), священник, каноник монастыря Св. Исидора в Мадриде, затем архидиакон Куэнсы, наместник и генеральный викарий этой епархии, назначенный епископом домом Антонио

Untitled

Палафоксом. Он написал несколько исторических трудов. Он был впутан в донос своего коллеги дома Бальтасара Кальво. Уступая своим личным мотивам и возбуждаемый бывшими иезуитами, недавно приехавшими из Италии, Кальво заставил своих коллег - Родригальвареса и Посаду - претерпеть столь жестокие унижения, что они были вынуждены жаловаться Князю мира [890], первому министру короля, и умолять его о поддержке, чтобы клевета не торжествовала над их невиновностью. Судопроизводство, начатое инквизитором, не доставило улик виновности, и преследование не продолжалось. Таков же был конец процесса Антонио Посады и Хоакино Иварры, о которых я упоминал в статье о Монтихо.

88. Роман (брат Херонимо), августинец, уроженец Лог-роньо. Он был сведущ в восточных языках и направлял все свое внимание на изучение священной и гражданской истории. С этой целью он изъездил большую часть Европы, роясь в разных архивах и делая извлечения из всего, что казалось полезным для успеха предположенных им больших трудов. Назначенный историком своего ордена, он напечатал его историю и летописи с 1569 года. Здесь он упомянул о жизни святых и знаменитых людей, вышедших из среды этого ордена; все было смешано с интересными подробностями. Желание опубликовать исторические факты и события, собранные им во время его путешествий, побудило составить книгу под названием Республики вселенной ("Respublicae Mundi"). Здесь он очень учено и методично говорит о древних и новых республиках. Сначала он напечатал этот труд в Медина-дель-Кампо в 1575 году, а потом в Саламанке в

Untitled

1595 году. Труд содержал (к несчастью для автора) несколько истин, которые не понравились людям, достаточно могущественным, чтобы повредить ему. Он испытал преследования; вальядолидский трибунал сделал ему выговор и приказал исправить этот труд. Он умер в 1597 году, оставив несколько рукописей, о которых упоминает Николас Антонио.

89. Саласар (брат Амбросио де), доминиканец, профессор богословия в Саламанке. Вальядолидская инквизиция учинила против него процесс в 1559 году по двум пунктам обвинения. Первый был основан на показаниях, сделанных в тюрьме братом Доминго де Рохасом и братом Луисом де ла Прусом: они вменяли в вину Саласару тезисы, которые можно считать склоняющимися к лютеранству. Второй был мотивирован его благоприятным суждением о катехизисе Кар-рансы. Судопроизводство не было продолжено вследствие смерти брата Амбросио, происшедшей в 1560 году. Полагают, что страх, а затем объявление о заключении в тюрьму святого трибунала, где содержался архиепископ, могли ускорить преждевременную кончину. Он оставил для печати Комментарии на первую часть суммы св. Фомы.

90. Салас (дон Раймундо де), уроженец Бельчите, в Арагоне, был профессором университета в Саламанке и одним из величайших литераторов. В 1796 году его преследовала мадридская инквизиция как подозреваемого в усвоении принципов новых философов, Вольтера, Руссо и других, труды которых он читал. Он сознался, что знал их сочинения, но прибавил, что читал их для опровержения, как он уже делал это на разных публичных диспутах,

Untitled

состоявшихся под его председательством в Саламанке в среде его учеников. Все эти тезисы были присоединены к судопроизводству. Впрочем, он ответил удовлетворительным образом на все пункты обвинения, и квалификаторы ничего не нашли в его сочинениях, что заслуживало бы богословской цензуры. Судьи не только оправдали его, но, узнав, что отец Поведа, доминиканец, член верховного совета, интриговал против него, сочли, что он имеет право на публичное удовлетворение. 22 октября того же 1796 года они послали в совет вынесенный ими приговор, с документами судопроизводства, с соображениями и пунктами учения, на которых они основаны, и их мнением о праве Саласа на удовлетворение. Отец Поведа устроил так, что процесс был возвращен инквизиторам с приказанием произвести новые расследования, что было исполнено; но квалификаторы и судьи настаивали на своем прежнем мнении. Интриги возобновились в совете, который вторично вернул процесс инквизиции для нового чрезвычайного дознания; отсюда последовали третья квалификация и третий приговор, подтверждавшие невиновность Саласа. Не этого хотели в совете; обвиняемый имел там сильного недруга, внушавшего совету чувства, которые шли вразрез с мнением последнего. Этим врагом был дом Фелипе Вальехо, архиепископ Сант-Яго, председатель совета Кастилии. Он был сердит на Саласа с той поры, как, будучи епископом Саламанки, имел с ним некоторые литературные споры в университете этого города. Отложили заключение процесса, чтобы иметь время для получения новых

Untitled

доносов, которые архиепископ хотел присоединить к уже полученным. Салас просил, чтобы ему смягчили немного строгость заключения и назначили пребывание в Мадриде вместо тюрьмы. Совет отказал в этой милости. Он попросил тогда позволения обратиться к королю, но получил новый отказ. Наконец, его присудили к легкому отречению; он получил отпущение с предупреждением и был изгнан из столицы. Он вышел из тюрьмы и переехал на житье в Гвадалахару; отсюда он пожаловался государю на несправедливость совета инквизиции. Карл IV приказал послать документы процесса министру юстиции. Кардинал Лоренсана, главный инквизитор, всячески старался этому помешать, но напрасно. По разборе дела в министерстве была открыта интрига; отсюда последовало решение издать королевский указ о запрещении впредь инквизиторам кого-либо арестовывать без предварительного извещения короля. Декрет редактировал дон Эухенио Льягуно, министр юстиции; он представил его для подписи Его Величеству. Король сказал, что прежде следует показать его Князю мира, потому что он принимал участие в совещании и может сказать, согласован ли он с этим совещанием. К несчастью человечества, этот день отсрочки дал время Вальехо для интриги, так что князь переменил свое мнение и королевский указ оказался настолько противоположным ожиданию, что приказали оставить положение дела в том состоянии, в каком оно находилось. Политические интриги, приметавшиеся к этому судопроизводству, сами нуждаются в истории.

91. Амбросио (брат Фернандо де), доминиканец. Он был очень сведущ в литературе и искусен в ведении дел.

Untitled

Вальядолидская инквизиция возбудила в 1559 году против него процесс. Она обвиняла его в том, что он выступал перед папами в пользу Каррансы, что он воспользовался своим пребыванием в Риме в течение этого самого года, чтобы предубедить Его Святейшество против трибунала, побудить его перенести процесс в Рим и не разрешать ареста архиепископа. Судопроизводство началось предъявлением писем, писанных Каррансе братом Фернандо из Рима 5 марта и 20 июля 1559 года, и письма епископа города Оренсе от 15 июля. Преследование вскоре прекратилось, потому что обвиняемый постоянно жил в Риме.

92. Сальседо - см. главу XXVI.

93. Сальгадо - см. главу XXVI.

94. Саманьего (дон Фелис Мария де), владетель города Ар-райи, житель города Ла-Гуардиа в провинции Алава. Он писал басни и лирические стихи, имеющие ряд достоинств, и был одним из самых искусных литераторов в царствование Карла IV. Логроньская инквизиция преследовала его как подозреваемого в усвоении заблуждений новых философов и чтении запрещенных книг. Его готовы уже были арестовать и заключить в секретную тюрьму, но, случайно узнав об этом, он отправился в дилижансе в Мадрид, где дон Эухенио Льягуно, министр юстиции, его друг и соотечественник, тайно уладил дело с главным инквизитором, домом Мануэлем д'Абад-ла-Сьеррой, архиепископом Силиврии [891].

95. Саманьего (дон Фелипе) - см. главу XXVI.

96. Санто-Доминго (брат Антонио де), доминиканец, ректор

Untitled

коллегии Св. Григория в Вальядолиде. Его преследовала инквизиция этого города в 1559 и 1560 годах.

Судопроизводство было мотивировано несколькими пунктами обвинения в том, что он одобрил в 1558 году заслуживающие порицания тезисы, содержащиеся в катехизисе Каррансы, и сказал, что арест этого прелата так же несправедлив, как арест Иисуса Христа; что преследования трибунала имеют тот же характер; что брат Мельхиор Кано должен умереть первым, потому что он самый виновный из всех; что его смерть была бы так же приятна Богу, как месса. Подсудимый был посажен в секретную тюрьму и подвергся епитимье.

97. Сайта Мариа (брат Хуан де), босоногий францисканец, духовник инфанты Марии-Анны Австрийской, императрицы германской, дочери Филиппа IV. В 1616 году он напечатал труд под заглавием: Христианское государство и политика, посвященный Филиппу III. Имея случай сказать в этой книге, что папа Захария сверг с престола Хильдерика, франкского короля, и короновал вместо него Пипина, он прибавил: "С этого времени получило происхождение присвоенное папами право низлагать и ставить королей". Осведомившись об этом, инквизиция сделала выговор автору и исправила фразу следующим образом, придав ей противоположный смысл: "С этого времени папы стали пользоваться своим правом низлагать и ставить королей". Отсюда можно видеть, как государи должны быть признательны святому трибуналу.

98. Сесе (дон Хосе де) - см. главу XXVI.

99. Сигенса (брат Хосе де), иеронимит из монастыря Эскуриала. Он родился в городе, от коего получил свое

Untitled

имя. Он был одним из ученейших людей в царствование Филиппа II и Филиппа III. Он был очень сведущ в восточных языках и в истории. В 1595 году он напечатал биографию св. Иеронима, а в 1600 году историю своего ордена. Он стал жертвою преследований, потому что был одним из лучших проповедников своей эпохи и самым уважаемым со стороны короля. Другие монахи (проповеди которых не были так хорошо приняты) донесли на него толедской инквизиции как на подозреваемого в лютеранстве. Он пробыл около года в заключении в монастыре Ла-Сисла, принадлежащем к его ордену; его обязали являться в трибунал каждый раз, когда позовут. Он оправдался, был освобожден и некоторое время спустя умер настоятелем монастыря Эскуриала. Если бы в судебном следствии соблюдались более простые формы, завистники не были бы так дерзки, невинные пользовались бы большим спокойствием и не составилось бы такого дурного мнения об инквизиции.

100. Сованос- см. главу XXVI.

101. Сопорсано - см. главу XXVI.

102. Сото (брат Доминго) - см. главу XXIX.

103. Сото (брат Педро) - см. главу XXIX.

104. Сотомайор (брат Педро), доминиканец; он принадлежал к тем, кто одобрил в 1558 году катехизис Каррансы. Вальядолидская инквизиция возбудила против него процесс в 1559 году как против подозреваемого в тех же еретических убеждениях, которые приписывали архиепископу. Он был заключен в монастыре Св. Павла и затем получил строжайший выговор. Он не подвергся более сильному наказанию, потому что заявил, как и все

Untitled

другие, что доверие к добродетели и учености автора катехизиса заставило его поступать без злого умысла.

105. Тавира (дом Антонио), епископ Саламанки, а ранее епископ Канарских островов и Осмы, рыцарь ордена Сант-Яго, раздаятель милостыни и проповедник короля, автор нескольких ненапечатанных, но достойных печати трудов. Выдающиеся добродетели, литературные таланты и превосходная рассудительность сделали его украшением испанской Церкви в царствование Карла III и Карла IV. Правительство неоднократно советовалось с ним по вопросам огромной важности, и его мнения заслужили одобрение просвещенных людей столько же, сколько и его проповеди, слывшие в Испании за лучшие в эту эпоху. В 1809 году я напечатал ответ этого прелата на вопрос, предложенный ему в 1799 году и касавшийся действительности браков, заключенных перед гражданской властью, как это практикуется во Франции. В ответе блещет благочестие и ученость Тавиры {См. Собрание сочинений о брачных льготах.}. Невозможно было, чтобы бывшие иезуиты не воспользовались доверием своих приверженцев для преследования прелата, который отдавал предпочтение решению Церкви, законно собравшейся на Вселенский собор, перед буллою, изданной ее главой, даолированным от множества ее членов и окруженным советниками, заинтересованными в обмане. Интриганы Кальво, Герреро и другие иезуиты в коротком платье напали на Тавиру как на янсениста и донесли на него святому трибуналу. Они не получили ожидаемого успеха, потому что не могли приписать ему ни одного факта и ни одного тезиса, еретического или

Untitled

клонящегося к ереси. Папский нунций подкрепил происки врагов Тавиры окольными способами, о которых я дам некоторые подробности. Как только Пий VI [892] умер, Карл IV издал декрет 5 сентября 1799 года, в котором приказал епископам своего королевства употребить свою юрисдикцию, чтобы разрешить брачные и другие льготы, из-за которых его подданные обращались до тех пор к римской курии. Епископ Тавира повиновался указу короля и сообщил его приходским священникам епархии предписанием от 14 сентября 1799 года. Вскоре схоластики из партии иезуитов восстали против этой меры; один из них написал очень заносчивое анонимное письмо, которое я напечатал в 1809 году вместе с двумя другими документами, подкрепляющими предписание. Тавира написал сообщение, адресованное королю в 1797 году и касающееся власти, которую инквизиторы хотели присвоить себе по установлению места и формы исповедален в церквах Гранады. Наконец, Тавира, будучи епископом Канарских островов, представил королю в 1792 году докладную записку об отказе инквизиторов его наместнику в разрешении голосовать в трибунале, прежде чем он докажет чистоту своего происхождения, что он считал напрасным, так как наместник уже исполнил это при принятии в орден Сант-Яго в качестве каноника-монаха. Легко видеть, что эти сочинения не могли согласоваться с принципами и мнениями святого трибунала. Прелат имел другой случай раздражить этих нетерпеливых людей. Это произошло во время избрания Пия VII [893]. Нунций затеял утверждение особым бреве Его Святейшества браков, заключенных в силу епископских распоряжений. Тавира не

Untitled

хотел на это согласиться из боязни обеспокоить своих прихожан сомнением, которое эта мера не замедлила бы произвести в их совести. Понятно, что столько сочинений и поступков Тавиры должны были подвергнуть его преследованиям инквизиции, которая старалась наложить тень сомнения на его веру, учение, мнения. Все усилия врагов были напрасны; никто не осмелился отметить как еретическое ни одно из его предположений; вследствие этого преследование было приостановлено и не дано было никакого официального отчета в Рим о происшествии.

106. Талавера (дом Фернандо де), первый архиепископ Гранады, - см. главу X.

107. Товар (Бернардино де) - см. главу XIV.

108. Тордесильяс (брат Франсиско де), доминиканец, член коллегии Св. Григория в Вальядолиде и ученик Каррансы, архиепископа Толедского. Это был учений богослов. Он был заключен в тюрьму через некоторое время после своего учителя как подозреваемый в разделении его мнений и сильной привязанности к нему. По-видимому, он оправдывал эти подозрения старанием, с которым списывал все его богословские трактаты и другие труды. Он произнес легкое отречение, подчинился епитимье и принужден был прекратить свои богословские лекции.

109. Тормо (дом Габриэль де), епископ Ориуэлы, - см. главу XXVI.

110. Уркихо (дон Мариано-Луис де), министр, государственный секретарь в царствование короля Карла IV, - см. главу XLIII.

111. Вальдес (Хуан де), автор трудов, о которых упоминает Николас Антонио, например, Толкования на первое

Untitled

Послание Св. Павла к Коринфянам, внесенного в Индекс. Возбужденный против него процесс был вызван этим трактатом и другим, который был найден в бумагах архиепископа Каррансы и принят за его произведение, пока не открылась истина. Этот труд был озаглавлен: Мнение о переводчиках Священного Писания, Вальдес составил также другой трактат на эту тему, под заглавием Ахаро, о котором будет идти речь в процессе Каррансы. Все эти труды были отмечены как лютеранские, а автор был объявлен формальным еретиком. Его не могли заключить в тюрьму, потому что он выехал из Испании. В 1559 году брат Луис де ла Крус, узник вальядолидской инквизиции, заявил, что Вальдес живет в Неаполе, что его Мнение было адресовано двадцать лет тому назад Каррансе в форме письма, но что его основные положения существуют в Христианских наставлениях Таулера [894]. Брат Доминго де Рохас (другой узник инквизиции) говорил об этом Вальдесе, предполагая, что он одно лицо с секретарем Карла V. Если бы это была правда, его следовало бы называть Хуаном Алонсо де Вальдесом. Николас Антонио упоминает о нем в своей Библиотеке как о другом лице.

112. Вергара (Хуан де) - см. главу XIV.

113. Висенте (доктор дом Грегорио де), священник и профессор философии в Вальядолидском университете. Трибунал этого города возбудил против него процесс в 1801 году и подверг его заключению в секретной тюрьме за некоторые тезисы, напечатанные на испанском языке и поддержанные им, о способе изучать, исследовать и защищать истинную религию. Он публично произнес

Untitled

отречение на малом аутодафе как подозреваемый в натурализме, и на него наложили несколько епитимий. Я прочел его тезисы, которые мне показались правоверными, если толковать их в естественном смысле, а не стараться извлекать из них натянутые выводы. Преподаватели схоластического богословия высказались против доктора Висенте, потому что в некоторых тезисах он якобы нападал на господствовавшую в то время манеру изучать и преподавать религию. В особенности он оспаривает их претензию изъяснять богооткровенные догматы, внутреннее домостроительство которых выше человеческого понимания. Его обвинили также, хотя без достаточных улик, в том, что он проповедовал против благочестивых упражнений набожности. Проповедь, давшая повод к этому упреку, была строго исследована. Нашли, что он сказал в точных выражениях, что истинная набожность состоит в действительной практике добродетелей, а не в наружных обрядах. Его тезисы были осуждены публично, а сам он задержан в течение восьми лет. Он был племянником инквизитора в Сант-Яго; это обстоятельство побудило вальядолидских инквизиторов объявить его помешанным, чтобы спасти. Вернувшись в свое жилище, он дал столь недвусмысленные доказательства неповрежденности рассудка, что инквизиторы рассудили, что честь трибунала не позволяет оставить дело в таком положении, и его снова арестовали. Он пробыл в тюрьме больше года, когда справили аутодафе, на котором объявили вышеприведенный приговор.

114. Вильягарсия (брат Хуан), доминиканец, ученик

Untitled

Каррансы и спутник его путешествия по Германии, Англии и Фландрии. Он был одним из великих богословов своего времени. Его арест произошел в Медемлике, во Фландрии, одновременно с арестом архиепископа в Торрелагуне, в Испании. 19 сентября 1559 года он был заключен в секретную тюрьму инквизиции в Вальядолиде. В бумагах его и архиепископа нашли несколько писем, которые доказывали, что брат Луис де ла Крус и брат Франсиско де Тордесильяс давали ему отчет из Вальядолида обо всем, что могли узнать о состоянии процесса архиепископа. Ему приписали те же заблуждения, что и прелату, главным образом потому, что часть рукописных трудов последнего он скопировал своей рукой. Когда несколько лиц сказали ему, что катехизис Каррансы будет лучше по-латыни, чем на народном языке, он занялся его переводом, будучи в Англии. Сделанная им часть перевода возбудила новое обвинение, и принялись рассуждать, не применить, ли к нему пытку по чужому делу (*in carut alienum*). Этим способом надеялись заставить его назвать некоторые вещи, обозначенные, но без доказательства, для обвинения архиепископа относительно чтения труда Эколампадия [895] и некоторых других запрещенных книг. Мнения разделились, и совет инквизиции приказал, чтобы предварительно и формально он был снова допрошен о некоторых тезисах. Его ответы были так благоприятны для архиепископа, что тот не мог быть более убедительным. Он пробыл около четырех лет в тюрьме, произнес отречение и подчинился некоторым епитимьям, одна из которых запрещала ему писать по богословию и преподавать его.

Untitled

115. Вильальба (брат Франсиско де) - см. главу XXIX.

116. Вильегас (Альфонса де) - см. главу XIII.

117. Вирусе (дом Альфонса де), епископ Канарских островов, - см. главу XIV.

118. Йереги (дом Хосе де), белый священник, доктор богословия и канонического права. Он родился в Вергаре, в провинции Гипускоа, был преподавателем инфантов дона Габриэля и дона Антонио Бурбонов и кавалером ордена Карла III. Он напечатал хороший катехизис. Его большое образование делало его способным с пользой писать по богословию и церковной дисциплине. На него доносили трижды мадридской инквизиции как на подозреваемого в янсенизме несколько священников и невежественных монахов, державших сторону иезуитов. В 1792 году ему назначили город Мадрид вместо тюрьмы, и он прожил полгода в этом состоянии, удовлетворительным образом ответив на все обвинения, и был освобожден придворными инквизиторами. К несчастью, он имел врагов в верховном совете, который желал приостановки процесса; они пустили в ход против него все пружины, и достигли бы успеха, если бы не умер в это время главный инквизитор Рубин де Севальос, епископ Хаэна. Его преемник дом Мануэль Абад-ла-Сьерра, архиепископ Силиврии, исповедовал те же убеждения, что и Йереги. Наконец ему дали удостоверение в отпущении и вернули свободу. Король назначил его почетным инквизитором. В новом своем Положении Йереги подвергся новым опасностям, потому что рассказывал своим друзьям об обстоятельствах своего процесса. Это было истолковано как знак презрения к святому трибуналу, который запретил

Untitled

ему что-либо сообщать о процессе (запрещение это делалось всем подвергшимся приговору святого трибунала). Тем не менее он написал апологию письма Грегуара, епископа Блуаского, к главному инквизитору Испании, опровергая все, что публиковали против его мнений насчет инквизиции.

119. Севальос (Херонимо де), уроженец Эскалоне. Он был профессором университета в Саламанке и членом муниципалитета Толедо. Он напечатал в Риме в 1609 году том в лист, содержащий несколько трактатов по юриспруденции, первый из которых озаглавлен: Рассуждение об основных доводах испанского короля и его совета для производства расследования процессов церковных или между церковными лицами при получении апелляции на злоупотребления. Среди большого числа вопросов, о которых он рассуждает, находится следующий: "Позволительно ли церковному судье в процессе, возбужденном против мирян по каноническим вопросам, арестовывать их и переводить в епископский дом без вмешательства королевского судьи?" Тот же автор напечатал потом в Саламанке в 1613 году том в лист под заглавием О расследовании церковных процессов между церковными лицами, когда от одной из сторон поступила апелляция к королевской власти на злоупотребления. Он написал еще другие труды, о которых упоминает Николас Антонио. Некоторые священники, смотревшие как на ересь на все, что клонилось к защите королевских прав против власти духовенства, донесли на него толедской инквизиции. Члены этого трибунала не велели его арестовывать, но представили ему пункты обвинения

Untitled

против двух вышеупомянутых трудов. Он оправдался так совершенно, что было разрешено их обращение в публике. Некоторое время спустя римская инквизиция внесла их в свой Индекс; испанская инквизиция велела уничтожить в них несколько мест, которые не находят в новых изданиях.

XIII. Я мог бы увеличить эту заметку именами других литераторов и ученых, менее выдающихся и менее известных. Я не считал нужным включать сюда испанцев, которые написали запрещенные труды, достойные перейти в потомство, но на личность которых, судя по имевшимся у меня сведениям, не было произведено нападения со стороны святого трибунала. Мне кажется, что количества имен, данных мною, будет достаточно для доказательства опасности, угрожавшей желанию распространять просвещение и вкус к хорошей литературе в Испании, хотя бы опубликованные труды не заслуживали клейма еретических. Достаточно противоречить общепринятым мнениям, чтобы иметь справедливый повод для опасения. Если бы это опасение не останавливало успехов человеческого разума, я был бы обязан согласиться с приверженцами святого трибунала; просвещенная публика будет судьей в этом вопросе. В ожидании мне казалось полезным познакомить ее на этот счет со взглядами предшествовавших мне некоторых ученых людей.

XIV. Карл III, пожелав узнать дела иезуитов и другие вещи, имевшие отношение к ним, велел в 1768 году созвать совет, составленный из пяти архиепископов и епископов: ему следовало заняться трибуналом инквизиции и в частности вопросом о запрещении книг. Заслушали дона Хосе Моньино, графа де Флорида-Бланку, и дона Педро

Untitled

Родригеса де Кампоманеса, графа де Кампоманеса, королевских прокуроров в совете Кастилии. Эти два лица 3 мая 1768 года прочли доклад, из которого я приведу некоторые извлечения, которые могут увеличить интерес к этой части моей истории.

XV. Когда заговорили о тайном проникновении папского бреве от 16 апреля 1767 года, относящегося к иезуитам, другого бреве от 30 января 1768 года, касающегося дел герцога Пармы, и некоторых других подобных распоряжений римской курии, эти два министра выразились так: "Совет хорошо знает об интригах папских нунциев, ведущихся вокруг инквизиции для достижения определенной цели тайными маневрами. В продолжение первых пятнадцати веков Церкви в Испании не было трибуналов инквизиции. Одни епархиальные епископы ведали учением; гражданские суды судили и приговаривали к наказанию еретиков и богохульников. Злоупотребление запрещениями книг, налагаемыми святым трибуналом, есть один из источников невежества, господствующего в большей части нации... Согласно самим буллам, создавшим святой трибунал, епископы являются судьями вместе с инквизиторами, а иногда и главными судьями дел, зависящих от этого трибунала. Эта юрисдикция епископов достигалась ими вследствие их сана и пастырского долга, самого уважаемого во всей Церкви. Почему же естественные судьи споров, могущих возникнуть о пунктах учения и о нравственности верных, не имеют никакого влияния и не принимают никакого участия ни в этих запрещениях, ни в выборе квалификаторов? Таким образом, содержание книг трактуется с

Untitled

небрежностью, которая вызывает и упрочивает жалобы рассудительных людей... Допустим, что распоряжения Бенедикта XIV не были достаточно ясны; но этого нельзя сказать о тексте бреве Иннокентия VIII, который приказывает инквизиции в судопроизводстве следовать путем, согласным с правосудием. Есть ли в этом приказе что-либо более справедливое, чем требование о выслушивании сторон? Разве не противно интересу публики, чтобы книги, полезные для просвещения подданных, запрещались в силу пристрастного к ним отношения и в виду каких-то частных соображений?.. Прокурор мог бы сказать об этом гораздо больше, если бы он распространился, насколько позволяет предмет, для доказательства того, как злоупотреблял трибунал во все времена своей властью путем запрещенных таких учений, которые сам Рим не осмеливался осудить, как, например, четыре тезиса французского духовенства [896]. Прокурор мог бы также сослаться на то, как трибунал поддерживал идею о превосходстве власти римской курии над светской властью королей и, наконец, как он внушал доверие к другим мнениям, не менее достойным порицания. Если нарисовать полную картину деятельности трибунала, то стало бы с несомненной очевидностью ясно, что этот трибунал настойчиво покровительствовал и поощрял злые выпады, производимые ежедневно духовными лицами, которым позволяют так поступать вопреки требуемому уважению к королю и его магистратам. Священники - монахи Общества Иисуса овладели духом святого трибунала со времени малолетства Карла II, когда иезуит Иоганн Эбергард Нитард, духовник королевы-матери, был

Untitled

главным инквизитором... Еще не забыт последний Индекс, опубликованный в 1747 году. Касани и Карраско (оба - иезуиты) подделали и затемнили все к позору трибунала. Факт был настолько известен и имел такие огромные последствия, что давал серьезное основание если не для полного упразднения инквизиции, то для реформирования ее: ведь инквизиция пользовалась своей властью во вред государству, чистоте морали и христианской религии... Можно сказать, что Индекс, составленный для Испании, противоречит правам государя и просвещению подданных в большей степени, чем Индекс, известный в Риме. При последнем дворе относятся с величайшей осторожностью к выбору квалификаторов и пользуются некоторой умеренностью в деле запрещения книг, причем здесь никогда не прислушиваются к частным интересам... Мы не можем воздержаться от почетного отзыва о докладной записке, представленной Боссюэтом [897] Людовику XIV [898] против главного инквизитора Рокаберти, по поводу постановления, вынесенного толедским трибуналом, в котором он осуждал как ошибочное и раскольничье учение, отказывавшее папе в прямой или косвенной власти лишать королей их владений... Королевский прокурор не может скрыть от себя, что трибуналы инквизиции составляют ныне самую изуверскую корпорацию государства, наиболее пристрастную к иезуитам, изгнанным из королевства; что инквизиторы исповедуют абсолютно те же принципы и те же учения, и, наконец, что необходимо совершить реформу в инквизиции".

XVI. В своих заключениях королевские прокуроры предложили, что ввиду распоряжения 1762 года и

Untitled

необходимости обеспечения его исполнения приказать, чтобы святой трибунал обязан был выслушивать авторов книг до запрещения последних, согласно предписанию буллы Хлопочи и заботься ("Sollicita et provide") Бенедикта XIV. Трибунал должен удовлетворяться запрещением книг, содержащих заблуждения в области догматов, суеверия или учения, имеющие элементы моральной распущенности, но необходимо избегать запрещения произведений, защищающих прерогативы короны, не арестовывать и не задерживать ни одной незапрещенной книги под предлогом ее очистки или квалификации и предоставлять эту заботу тому, кто является ее собственником. Должно обязать представлять королю подлинники своих постановлений о запрещении книг до их опубликования, а в совет Кастилии - бреше, которые ему будут посланы, с тем чтобы они получили одобрение Его Величества.

XVII. Совет Кастилии одобрил в согласии с архиепископами и епископами, составлявшими чрезвычайный совет, мнение обоих королевских прокуроров и представил его Карлу III. Монарх пожелал узнать мнение дона Мануэля де Роды, маркиза де Роды, министра юстиции. Этот сановник (один из выдающихся литераторов, которых Испания произвела в минувший век) вручил королю свое мнение весной того же года; оно целиком согласовалось с высказанным прокурорами. Он прибавил к нему следующее:

"5 сентября 1761 года король Неаполя, узнав о том, что происходило в Риме по поводу осуждения книги Мезангюи [899], запретил сицилийской инквизиции и всем высшим

Untitled

духовным лицам стран, подчиненных его власти, печатать или публиковать каким бы ни было образом приказы без разрешения Его Величества... Я находился тогда в Риме и потребовал у Его Святейшества от имени Вашего Величества возмещения за покушение, совершенное его мадридским нунцием, который без вашего ведома распорядился опубликовать через главного инквизитора запрещенную книгу Мезангюи... Его Святейшество одобрил поступок нунция, но признал справедливость наших жалоб, когда я подкрепил их фактами и доводами. Папа не осмелился, однако, открыто выразить свои мысли; такую силу имел над ним кардинал Торреджани, его министр, который вел всю интригу под влиянием иезуитов... Торреджани хорошо понимал, что бреше не примут ни при одном дворе Италии, ни во Франции, ни даже в Венеции. Папа нарочно написал этой республике, чтобы она воспрепятствовала перепечатке этого труда. Несмотря на это, перепечатка продолжалась, и книга была отпечатана не только после запрета папы, но даже с посвятельным письмом, адресованным Его Святейшеству... Я видел в Ватиканской библиотеке приказ испанской инквизиции, напечатанный в 1693 году, осуждающий двух авторов по имени Барклаев [900], под предлогом, что их книги содержат два тезиса, которые в Риме считаются еретическими. Один гласит: "Папа не имеет никакой власти над светской властью королей и не может ни низлагать их, ни разрешать их подданных от присяги на верность". Другой - что "власть Вселенского собора выше папской власти".

XVIII. Тот же министр 20 апреля 1776 года писал из

Untitled

Аранхуэса письмо к дому Фелипе Бельтрандо, епископу Саламанки, главному инквизитору. Весьма одобряя его проект исправить испанский индекс и заменить его другим, он говорил:

"Последний Индекс [доверенный епископом Теруэльским двум иезуитам в 1747 году] наполнен тысячью нелепостей, которые необходимо уничтожить: в этом можно убедиться из сообщения властям и замечаний, напечатанных доминиканцем, братом Мартином Льобетом. Менее всего можно терпеть каталог или прибавление [в конце книги] с именами янсенистов: эти имена извлечены из Янсенистской библиотеки [901] отца Колонна, иезуита, осужденной бреве Бенедикта XIV. Вместо того чтобы внести [как следовало] эту книгу в Индекс, в него внесли книги, о которых она говорит. Вы знаете бреве, адресованное этим папой тому же епископу Теруэльскому 31 июля 1748 года, в котором он не одобряет внесения в Индекс трудов кардинала Нориса. Его Святейшество не ограничился этим; он адресовал Фердинанду VI [902] пять писем по этому делу. Папа и король могли только к концу десятилетия добиться того, чтобы имя Нориса было исключено из Индекса: в это время епископ Теруэльский умер (в конце жизни он согласился на эту меру), и король решил отослать своего духовника, иезуита отца Рабаго, который наиболее противился этому исключению. Я сделал необходимые шаги; королевский указ был вручен архиепископу Кинтано, главному инквизитору и духовнику Его Величества, с которым я имел длинную беседу по этому поводу. Я получил декрет, гласивший, что "труды Нориса не были ни осуждены, ни критикованы, и на них не

Untitled

поступало доноса в святой трибунал". Это заявление делает мало чести инквизиции. Архиепископ Кинтано в своем заключении от 23-декабря 1757 года признался Его Величеству, что этот Индекс был произведением двух иезуитов, которые редактировали его без ведома его предшественника и совета инквизиции. Он восстает против вероломства и лукавства этих иезуитов, хотя и был большим сторонником Общества Иисуса. Только сила истины могла исторгнуть у него подобное признание. Мы твердо занялись тогда исключением не только Нориса, но и всех авторов из каталога, прибавленного иезуитами. Совет одобрил эту меру; но последний пункт остался нерешенным, потому что держались политики оказать вежливость Бенедикту XIV вычеркиванием только Нориса, чего он требовал... Мало внесли старания в выбор квалификаторов; запрещали сочинения, не заботясь о том, что они могли погубить авторов, повредить их репутации или нанести ущерб тем, кто имел эти книги. В этих произвольных мерах никогда не обращали внимания на то, какой вред наносился хорошему и здравому учению, как публика должна была от этого страдать и как эта система открывала двери мщению, партийному духу и успехам невежества".

Глава XXVI Покушения, совершенные инквизиторами против королевской власти и должностных лиц

Статья первая Общие замечания

I. Преследования, жертвами которых стало столько ученых, доказывают, что трибунал инквизиции поступал неразумно главным образом потому, что препятствовал испанцам читать книги, которые могли бы содействовать их

Untitled

просвещению. Другим злоупотреблением, которое существенно вредит администрации правосудия (особенно в уголовных делах), является панический ужас, внушенный инквизиторами должностным лицам. Действительно, множество преступлений осталось безнаказанным из-за страха судей перед цензурами и даже тюрьмами святого трибунала, так что они часто отказывались от преследования виновных для избежания этой произвольной власти, пользование которой только умножало число проступков.

II. Фердинанд V и его преемники даровали этим трибуналам привилегии, злоупотребление которыми дало себя знать с самого начала. Этого было недостаточно: система расширения, которой следовали инквизиторы, и милости, даруемые им монархами, сделали наконец эти пожалования невыносимыми. Мне было бы нетрудно доказать эту истину, если бы я передал подробно скандальные распри, разделившие инквизиторов и других церковных или светских судей. Я скажу только, что, хотя у меня не хватало времени для собирания всех фактов этого рода, я могу предложить моим читателям сто четырнадцать из них, более или менее волновавших общественное мнение. Из этого числа сорок относятся к истории трибунала Кастилии, сорок два взяты из истории трибунала Арагона и тридцать два падают на верховный совет инквизиции.

III. В первый отдел входят три конфликта юрисдикции для трибуналов инквизиции в Америке, семь в Кордове, один в Галисии, восемь в Гранаде, один в Хаэне, один в Льерене, два в Логроньо, два в Мурсии, три в Севилье, пять в

Untitled

Толедо и семь в Вальядолиде.

IV. Во второй отдел входят семь дел этого рода для трибунала в Барселоне, три в Майорке, три в Сардинии, тринадцать в Сицилии, десять в Валенсии и шесть в Сарагосе.

V. Третий отдел представляет тридцать два случая распри, причину коих я усматриваю в самом поведении верховного совета инквизиции. Здесь речь идет менее о спорах и препирательствах, чем о резолюциях совета, которые одновременно в нескольких провинциях вызывали смятение и разделения с судьями по делам контрабанды и другими должностными лицами, с капитулами кафедральных соборов и епископами, с вице-королями и собраниями кортесов, с королями, с папой и даже с главным инквизитором, главою самого совета.

VI. Такое сильное желание господствовать посредством страха должно было произвести результаты, противоречащие семейному спокойствию. Поэтому история представляет нам длинный список людей всех классов, которых нельзя было упрекнуть ни в малейшем заблуждении в области веры и которые, однако, были унижены заносчивостью инквизиторов. Среди них мы находим пять вице-королей - Валенсии, Каталонии, Сардинии, Сицилии и Сарагосы, четырех членов совета Кастилии, четырех председателей апелляционных судов, трех судей королевского двора, четырех членов королевских апелляционных судов и одного прокурора, шесть коррехидоров, девять судей первой инстанции, двух архиепископов, четырех епископов, четыре капитула кафедральных соборов, несколько муниципалитетов, пять

Untitled

грандов Испании.

VII. Они взялись унизить, насколько возможно, еще трех государей: Климента VIII [903] в Риме; государя Беарна, короля Наварры во Франции; гроссмейстера ордена св. Иоанна Иерусалимского на Мальте.

VIII. Они напали на совет Кастилии и даже объявили его целиком подозреваемым в ереси; своими произвольными мерами они возбудили мятежи в нескольких городах, особенно в Толедо и Кордове; наконец, сами члены совета инквизиции бывали несколько раз преследуемы.

IX. Система господства, которой непрерывно следовали трибуналы инквизиции, никогда не могла быть подавлена ни общими законами Испании и Америки, ни частными резолюциями и случайными распоряжениями, принятыми в каждом из королевств короны Арагона, ни частыми королевскими указами, ни, наконец, циркулярами совета инквизиции.

X. Не большой успех получился от наказаний, которые сочли нужным употреблять против некоторых из них (хотя, говоря правду, редко), отставляя их от должности: они без страха смотрели на опасности, которым подвергала их народная ярость, а также заговоры и проекты убийства, составленные против них друзьями и родственниками несчастных, которых они преследовали.

XI. Наконец, общие конвенции (числом двадцать одна), которые они должны были бы уважать как законы, исполнение коих еще энергичнее требовалось правосудием и совестью, чем верность правилам святого трибунала, были не менее бессильны для удержания честолюбия, которое влекло в установлению во всем мире

Untitled

их власти посредством страха.

XII. Все эти конвенции имели своим предметом пункты подсудности; они не имели никакого отношения к расследованию процессов, возбужденных по делу ереси. Они были установлены в 1553 и 1631 годах для трибуналов королевств, зависимых от короны Кастилии, и в 1610 и 1633 годах для трибуналов Америки; к ним можно прибавить две, касающиеся Кастилии и королевский указ 1570 года. Все эти меры эквивалентны конвенциям и рассматривались как таковые.

XIII. Было издано семь подобных регламентов для Арагона в 1512, 1515, 1518, 1572, 1631, 1635 и 1646 годах; четыре для Каталонии - в 1515, 1519, 1534 и 1564 годах; один для королевства Валенсии в 1568 году; один для острова Сардинии в 1569 году; три для Сицилии - в 1580, 1582 и 1597 годах. Регламенты Арагона распространялись на остров Майорка, Каталонию, Валенсию, Сардинию и Сицилию, кроме распоряжений, противоположных сделанным для их трибуналов.

XIV. Все вышесказанное являет нам в инквизиции трибунал, судьи которого не хотели повиноваться ни законам королевств, в которых он установлен, ни папским буллам, ни первоначальным уставам своего учреждения, ни частным приказам своих глав; трибунал, который не боялся противиться папе, именем которого он судит процессы по делам ереси, и не признавать - до одиннадцати раз - власти самого государя; трибунал, который позволил свободное обращение книг, проповедующих цареубийства и стремящихся установить в пользу папы косвенное право низлагать королей, и

Untitled

одновременно осудил и запретил труды (наказывая их авторов), которые защищали противоположное учение и права государственной власти; наконец, трибунал, который действовал таким образом относительно предметов и обстоятельств, не касающихся преступления ереси, для которого короли дали ему власть.

XV. Если трибунал дошел до таких злоупотреблений, так мало считался с отведенными его власти границами и тем не менее его образ действий не считался посягательством на права других государственных учреждений и в нем не находили ничего неполитичного, то мне кажется, что после этого нельзя уже делать такого двойного упрека никакому учреждению, каковы бы ни были его действия. Среди многочисленных фактов, доказывающих эту истину, я выберу те, которые самым прямым путем приведут к намеченной цели.

XVI. Первый акт, которым севильские инквизиторы ознаменовали в 1481 году вступление в должность, был покушением против королевской власти. Если бы Фердинанд и Изабелла были более предусмотрительны, они увидели бы, что угроза лишить герцогов, графов, маркизов, владельцев поместий и высших судебных должностных лиц их титулов, санов, поместий и разрешить их вассалов от присяги на верность была самой очевидной узурпацией, на какую только можно было решиться, и что она не могла быть узаконена никаким согласием со стороны государя, власть которого не была бы деспотичной.

XVII. Унижения, которые они заставили испытать в 1488 году вице-короля, наместника королевства Валенсии; в

Untitled

1498 году вице-короля острова Сардиния и в том же году архиепископа города Кальяри; в 1500 году графа Беналькасара и управление его крепостью, также судью первой инстанции в Кордове; в 1503 году коррехидора того же города; в 1506 году маркиза де Приэго, графа де Кабры и других; в 1516 году коррехидора города Логроньо; в 1531 году управляющего королевским судом на Майорке; в 1543 и следующих годах вице-короля Сицилии, маркиза де Терранова, и дона Педро Кардону, вице-короля Каталонии; в 1553 году старшего алькальда города Арнедо; в 1569 году военного представителя Барселоны и гражданского губернатора этого города; в 1571 году представителей королевства Арагон; наконец, великое множество других фактов подобного рода доказывают, как должно быть вредно существование трибунала, система которого непрерывно состояла в расширении своей власти посредством страха и который при малейшем оказанном ему противодействии объявляет виновников подозреваемыми в ереси, соучастниками и пособниками еретиков.

XVIII. Незаконное употребление цензур, которыми этот трибунал поражал первых магистратов, каковы вице-короли, а особенно лиц низшего класса, было страшным оружием, которым он разил всякого, кто дерзал противиться его видам.

Если эта мера была недостаточна, декрет об аресте не замедлял обыкновенно обеспечить победу.

XIX. Юрисдикция бывает или светская, или духовная. Первая есть чистое пожалование, а иногда результат молчаливого дозволения монарха. Вторая заключает

Untitled

права, чуждые первой. Законы королевства всегда запрещали употреблять светскую юрисдикцию, придавая ей силу церковных цензур. Однако инквизиторы настойчиво обходили это правило: они утверждали, что, если конфликт и казался возникшим из-за расширения привилегии, речь тем не менее шла в сущности о защите духовной юрисдикции, которую они получили от папы для преследования и наказания еретиков как единственное средство достигнуть этой цели.

XX. Когда испанские короли решили обуздать этот род посягательства, инквизиторы довели свою дерзость до отрицания того, что они получили власть от монарха. Они изложили свое учение в книгах и брошюрах, распространенных по всему свету. Только вялость Филиппа IV и слабость Карла II [904] были способны терпеть такую дерзкую отвагу, хотя легко было бы доказать, что церковная юрисдикция даже не нужна для того, чтобы судить и наказывать еретиков, кроме богословского решения квалификаторов.

XXI. Церкви принадлежит право объявлять, является ли еретическим данное учение или нет. Но если кому-нибудь доведется устно или письменно высказать еретическое мнение или совершить некоторые действия, которые указывают, предполагают или доказывают внутреннее усвоение ереси, это является основанием для дела, суждение о котором по праву принадлежит светской власти, поскольку она не соглашается выпустить его из своих рук; с тем большим основанием она может наказывать человека, объявленного виновным в совершении этих действий или в произнесении этих слов.

Untitled

XXII. Фердинанд и Изабелла основали трибунал инквизиции. Они, однако, хорошо сознавали истину, о которой я только что говорил, потому что видели осуждение и казнь еретиков при Хуане II [905], отце Изабеллы. Они объявили, что юрисдикция верховного совета инквизиции принадлежит им, и доказали это, когда кардинал Хименес де Сиснерос отказался принять дона Ортуньо Ибаньеса д'Агирре, назначенного членом совета инквизиции, под предлогом, что он не духовное лицо. Что сделал Фердинанд V? Указом от 17 февраля 1509 года он обязал кардинала принять этого советника, говоря, что "он был очень изумлен поступком кардинала, так как последний хорошо знает, что если совет пользуется юрисдикцией, то он получил ее от самого монарха, и таким образом Агирре должен участвовать в ней и подавать свое мнение, как и другие советники".

XXIII. Наш век гораздо более просвещен, и нет теперь более никакого сомнения насчет этого предмета. Но торжество достигнуто не без сильного сопротивления со стороны инквизиторов. Они всегда старались преследовать испанцев, которые осмеливались напоминать это учение, когда оно затмилось и почти погибло в ночи времен. Среди этих отважных людей называют Херонимо Севальоса и других ученых XVII века, просвещение которых подобно блестящему светилу среди мрака и дурного вкуса, царивших в кругу их современников.

XXIV. Следуя этой системе упразднения здравых идей, трибунал успел замять жалобы, обращенные представителями наций, собравшимися на кортесы, к

Untitled

государям при разных обстоятельствах, а особенно в годы 1518, 1520, 1525, 1534, 1537, 1579, 1586, 1607 и 1611, когда занимались делами Кастилии. Такая же участь постигла протесты представителей арагонских провинций, собиравшихся в 1510, 1512, 1515, 1518, 1585 и 1646 годах. XXV. Трибунал инквизиции успел также убедить монархов, что учреждение инквизиции препятствует отнятию у них государств в Европе, как это случилось во Фландрии. Однако неоспоримо, что эти владения отделились от короны вследствие употребленных королями неразумных усилий ввести там инквизицию. Я приведу несколько примеров этих конфликтов юрисдикции, которые причинили столько зла Испании.

Статья вторая Позорные происшествия, возникшие по поводу некоторых споров между инквизиторами и другими судами

I. Инквизиторы Калаоры отлучили и велели арестовать в 1553 году лиценциата Искиердо, старшего алькальда города Арнедо, который хотел начать уголовное преследование Хуана Эскудеро, чиновника святого трибунала, обвиняемого в убийстве солдата. Они не побоялись даже наложить интердикт на церкви и приказать прекращение божественной службы в городе Арнедо. Апелляционный суд Вальядолида потребовал документы судопроизводства, но инквизиторы обошли распоряжение этого суда от 8 марта и второй приказ, декретированный 29 апреля. В ожидании они позволили виновному свободно прогуливаться по городу Калаора, который назначили ему вместо тюрьмы; тот бежал, и преступление осталось безнаказанным.

Untitled

II. В 1567 году инквизиторы Мурсии отлучили капитул кафедрального собора и муниципалитет этого города. Права подсудности были оспорены, и верховный совет решил, что некоторые члены капитула и муниципалитета принесут публичное покаяние в столице королевства и получат отпущение. Их подвергли унижению слушать перед всем народом торжественную мессу; они присутствовали на ней в положении кающихся, стоя близ главного алтаря на глазах огромного количества верующих. Они получили отпущение, сопровождавшееся церемониями, способными поразить народную душу и дать народу самое высокое понятие о могуществе инквизиции.

III. Королевский указ 1568 года предписал исполнить конвенцию кардинала Эспиносы. Она была составлена по поводу того, что инквизиторы Валенсии присвоили себе право расследовать дела, касающиеся городской полиции, и ряд других, каковы дела о контрибуциях, контрабанде, торговле, мореходстве, искусствах и ремеслах, уставах ремесленных цехов, охране лесов. Они утверждали, что суждение об этих делах принадлежало им, особенно если в числе преследуемых судом или замешанных в дело лиц находится один человек, связанный с инквизицией, хотя бы это был просто дворник или кто-либо другой в этом роде, служивший некоторое время в трибунале. Храмы перестали быть священным убежищем для тех, кого инквизиторы пожелали арестовать как ставящих преграды действиям святого трибунала. В то же самое время они противились, чтобы какой-нибудь уголовный преступник, даже вор, был арестован в домах инквизиторов в городе или на даче.

Untitled

IV. В 1569 году трибунал Барселоны, отлучил от Церкви и велел заключить в тюрьму двух главных должностных лиц города (один был военным представителем, а другой гражданским вице-губернатором) и некоторых из их служащих. Преступление состояло в требовании от пристава инквизиции торговой пошлины, называемой товар. Королевский совет Арагона затеял спор с советом инквизиции относительно подсудности. Филипп II положил конец распре, приказав выпустить узников, но не наказал непослушания, в котором инквизиторы оказались виновными, так как регламенты запрещали поражать анафемой должностных лиц и, наоборот, приказывали им уважать личность последних.

V. В 1571 году инквизиционный трибунал Сарагосы отлучил членов депутации, которая представляла королевство Арагон во время промежутка между двумя собраниями кортесов. Депутаты послали жалобу папе Пию V; они не были выслушаны. По смерти Пия V его преемник Григорий XIII получил те же жалобы от этих депутатов, которые умоляли оказать им правосудие. Папа направил их к главному инквизитору, которому поручил окончить это дело. Последний, побуждаемый верховным советом, отверг папское поручение и утверждал, что непосредственное расследование жалобы принадлежит ему по праву. Филипп II, фанатичный покровитель святого трибунала, поручил своему послу в Риме принять перед папой сторону инквизиции. Успех этих ходов был таков, что король достиг того, о чем просил, между тем как депутаты продолжали пребывать под тяжестью отлучения около двух лет. Полезно знать, что эта депутация состояла из восьми

Untitled

человек: два от духовного сословия (обыкновенно ими были епископы), два от высшего дворянства (графы или гранды Испании), два от дворянства второго ранга (дворяне заметного происхождения) и два от третьего сословия (по обычаю, из числа выдающихся граждан).

VI. В 1575 году инквизиторы того же города Сарагосы доложили в верховный совет, что муниципалитет подготавливает бой быков. Они спрашивали, как им поступить в этом случае, принимая во внимание, что до сих пор город всегда предоставлял им особую ложу. Они прибавляли, что на предыдущем бое они украсили эту ложу внутри портьерами, коврами на сиденьях и подушками для ног; однако они узнали, что вице-король Арагона не одобрил этого и сказал, что единственно ему как представителю государя позволительно подобное. Верховный совет письмами от 13 и 31 августа ответил, что инквизиторы и должны ничего менять из того, что они имеют обычай делать, и должны охранять пользование этим почетным отличием и не обращать никакого внимания на жалобы вице-короля. Не следует забывать, что за несколько лет до этого папа Пий V запретил инквизиторам и другим духовным лицам под страхом отлучения присутствовать при таком варварском и жестоком зрелище. Хотя я и сам испанец, но должен сознаться, что эти бои являются стыдом для нации; едва ли бывает один, на котором не погиб бы гладиатор; известно, что на них всегда происходят примеры распущенности, слышны богохульства, многие напиваются, бывают кражи и драки. Инквизиторы Гранады, находясь в 1630 году на подобном зрелище, не удовлетворились тем, что сделали их

Untitled

сарাগосские коллеги; верные тому, что их учреждение имеет обыкновение делать, они повесили балдахин над своей ложей. Председатель и члены двух судов - гражданского и уголовного - сочли своим долгом снять его. Инквизиторы ответили анафемами. Совет Кастилии обратился к королю, чтобы устранить это злоупотребление, являющееся результатом узурпации. Объявили, что инквизиторы превысили свои привилегии; но их не наказали, и эта умеренность привела лишь к тому, что сделала их более заносчивыми.

VII. В 1588 году инквизиторы Толедо отлучили лицензиата Гудиэля, дворцового коменданта и судью королевской судебной палаты в Мадриде: это должностное лицо преследовало судебным порядком Иньиго Ордоньеса, секретаря святого трибунала, за смертельное ранение Хуана де Бургоса и выстрел из пистолета, произведенный из засады в каноника дома Франсиско Монсальве. 11 сентября совет инквизиции защищал перед королем дело виновного исключительно красноречиво. Впрочем, он извинился за употребление цензур, говоря, что таков способ вершить суд в святом трибунале. Под последними словами следовало понимать, что верховный совет считал возможным ставить себя выше законов королевства и приказов государя.

VIII. В 1591 году были сильные распри из-за подсудности между инквизицией Сарагосы и трибуналом верховного судьи Арагона; отсюда произошли два мятежа, в результате которых несколько грандов Испании, много дворян и еще более значительное количество рядовых жителей были преданы суду и присуждены к смертной

Untitled

казни. Я изложу ужасную серию интриг, которые инквизиция употребила в этом случае, когда буду передавать историю процесса знаменитого Антонио Переса, первого государственного секретаря.

IX. В 1598 году инквизиторы Севильи отправились в митрополичью церковь вместе с председателем и членами королевской судебной палаты на церемонию похорон Филиппа II. Они претендовали на место впереди судей; на сопротивление последних они ответили отлучением тут же в церкви. Королевский прокурор протестовал против этого поступка, и нетрудно представить себе случившуюся неприличную сцену. Судьи, собравшись в зале заседаний, объявили, что инквизиторы употребили насилие при совершении ими акта злоупотребления против закона; они составили постановление, обязывавшее инквизиторов снять отлучение. Легко вообразить, что последние не спешили повиноваться. Судьи повторили приказ с угрозой лишить инквизиторов всех гражданских прав, присудить их к изгнанию и потере доходов. Филипп III не одобрил поведения инквизиторов, приказал им снять отлучение и отправиться в качестве обвиняемых в город Мадрид, который послужит им тюрьмой. 22 декабря король велел опубликовать указ, по которому трибунал инквизиции не должен больше иметь старшинства, кроме церемоний аутодафе; главный инквизитор Портокарреро получил указ об отставке и был выслан в свою епархию в Куэнсу, где вскоре умер.

X. В 1602 году главный инквизитор дом Фернандо Ниньо де Гевара, кардинал и архиепископ Севильи, с помощью верховного совета показал своим поведением

Untitled

относительно Климента VIII, чего можно ожидать от инквизиторов, когда римские буллы им не нравятся или когда они хотят обойти королевские указы. Папа приготавливал осудительную буллу против труда иезуита Малины [906] О благодати и свободной воле. Иезуиты, узнав об этом, захотели отвести удар, обратив внимание главы Церкви на другие предметы. Вот как они за это взялись. Иезуит Николас Альмасан, ректор коллегии, которую иезуиты имели в Алькала-де-Энаресе, и Габриэль Васкес, профессор той же коллегии, приняли решение, что Мельхиор Оньяте под председательством Луиса Торреса (оба - их собратья) будет защищать тезис: "Не следует верить, как в член веры, что Климент VIII (которого Церковь считает верховным первосвященником) действительно наместник Иисуса Христа и преемник святого Петра". Как только папа был осведомлен об этом покушении, он предписал нунцию вызвать четырех иезуитов на суд в Рим. Приказ о вызове был отдан, но короля не попросили дать предварительно согласие. Главный инквизитор и верховный совет громко жаловались, что папа завладел этим делом в ущерб их власти; они сейчас же велели арестовать иезуитов и заключить в секретную тюрьму инквизиции. В то же время король пожаловался папе на поведение нунция и достиг того, что папа согласился передать дело главному инквизитору, который получил приказ строго наказывать виновных. Васкес был духовником кардинала; это обстоятельство послужило причиной того, что вскоре он и его собратья получили свободу. Папа остался недоволен главным инквизитором. Филипп III, чтобы успокоить его,

Untitled

обязал кардинала подать в отставку и вернуться в свою епархию.

XI. В 1622 году инквизиторы Мурсии и главный инквизитор повели себя с такой заносчивостью, что воспоминание об их поведении никогда не изгладится из памяти жителей. Город Лорка, зависимый от этого округа, назначил чиновника святого трибунала сборщиком налога на торговые сделки, называемого алькабала. Последний отказался от этой должности; его возражений не приняли. Тогда инквизиторы отлучили судью города Лорка и даже постановили заключить его в секретную тюрьму; для этого они нуждались в помощи коррехидора Мурсии, дона Педро де Порреса. На его отказ они отлучили его самого и постановили прекратить божественную службу в церквах Мурсии. Эта мера привела город в подавленное состояние; жители просили дома Антонио Трека, своего епископа, употребить для посредничества свою власть. Прелат заметил инквизиторам, насколько был незаконным их поступок, потому что они действовали, ничего не сообщив ему. Этот ход не имел успеха; он счел нужным успокоить умы и опубликовал послание, в котором извещал народ, что он не обязан подчиняться ни интердикту, ни прекращению божественной службы. Дом Андрее Пачеко, главный инквизитор, узнав о поведении епископа, осудил послание и приказал "публиковать эту меру в церквах мурсийской епархии. В то же время он наложил на епископа штраф в восемь тысяч дукатов и вызвал в Мадрид на суд в двадцатидневный срок под опасением штрафа в четыре тысячи дукатов для ответа на жалобу, поданную против него прокурором верховного совета, в

Untitled

которой он обвинялся в помехе службе святого трибунала. Епископ и капитул его кафедральной церкви отправили в Мадрид депутатами декана и одного каноника. Главный инквизитор отлучил их, не пожелав выслушать, и велел заключить в одиночные камеры, одновременно приказав объявить об этом отлучении в проповеди по всем церквям Мадрида. Мурсийские инквизиторы заключили в свою секретную тюрьму настоятеля прихода Св. Екатерины, отказавшегося подчиниться интердикту, так как он не получил приказа об этом от своего епископа. Пришлось королю и папе вмешаться в это дело, чтобы скандал не пошел дальше. Они заставили восстановить епископа в его правах. Но этот акт правосудия не разрушил причины зла, на которое жаловались.

XII. В тот же год инквизиторы Толедо отлучили супрефекта этого города, который велел привлечь к суду и арестовать мясника как вора, сознавшегося в продаже на фальшивых весах мяса плохого качества. Они утверждали, что виновный подвластен им, потому что был поставщиком инквизиции, и требовали передать им его и документы судопроизводства. Им было отказано, потому что речь шла о проступке, совершенном при отправлении публичного занятия. Инквизиторы опубликовали тогда отлучение в проповеди по всем церквям Толедо. Они заключили в секретную тюрьму трибунала пристава и швейцара супрефекта за повиновение своему начальнику, и те несколько дней пробыли в тюрьме. Их подвергли позорящему наказанию лишения бороды и волос и заставили появиться в зале заседания без башмаков и без пояса; их допросили об их происхождении, чтобы узнать,

Untitled

не происходят ли они от евреев или от мавров; их заставили прочитать некоторые части Катехизиса и молитвы, как это делалось с подозреваемыми в иудействе и магометанстве; наконец их осудили на вечное изгнание, даже не пожелав выдать им удостоверение, как они просили, чтобы засвидетельствовать, что они не осуждены в качестве еретиков. Сострадание, которое двое этих несчастных возбудили, было настолько всеобщим, что началось движение против инквизиторов. Несколько лиц выдающегося положения, преданных общественному благу, добились успокоения смуты. Король, извещенный советом Кастилии об этом скандальном происшествии и обо всем происшедшем в Мурсии, создал чрезвычайную комиссию из одиннадцати членов, избранных в его советах. На ней приняли решения против инквизиторов, но действие комиссии ограничилось тем, что был положен конец временному беспорядку; зло в корне не было уничтожено.

XIII. В следующем году инквизиторы Гранады допустили новые злоупотребления. Они отлучили дону Луиса Гудиэля де Перальту и дону Матео Гонсалеса (один - член королевского гражданского суда, а другой - королевский прокурор при том же суде). Они осудили как еретические два сочинения этих превосходных правоведов, в которых защищались права королевской светской юрисдикции в случаях, где имела место подсудность. 12 мая и 7 октября совет Кастилии сделал почтительные представления королю и доказал вину инквизиторов. Инквизиторы впали в нарушение 11-й статьи Инструкций святого трибунала 1485 года, по которой они должны запрашивать короля в делах

Untitled

этого рода. Для устранения злоупотребления в 1625 году создали комитет компетенции, которому было поручено высказываться по всем затруднениям, которые могли возникнуть на этот счет; 22 и 24 апреля 1626 года были составлены инструкции, которые должны были служить правилом. Существование этого комитета было недолговечным; однако он был восстановлен 8 февраля 1657 года.

XIV. В 1630 году инквизиторы Вальядолида показали себя еще более заносчивыми. Епископ этого города (который в то же время был председателем королевского апелляционного суда) должен был совершать торжественную службу в соборе. Инквизиторы избрали этот день для публикации указа о доносах. Утверждая, что их власть в качестве инквизиторов выше сана епископа, они хотели снять балдахин, который употреблялся при службе епископа. Когда люди, состоящие на службе инквизиции, принялись исполнять приказание, каноники этому воспротивились. Инквизиторы послали в церковь сборов, которые арестовали певца дома Альфонса Ниньо и каноника дома Франсиско Милану, увели их в церковных одеждах и поместили в этом виде в тюрьму инквизиции. Совет Кастилии 16 марта сделал доклад королю об этом скандальном посягательстве; между прочим он гласил следующее: "Безнаказанность, которая всегда следовала за эксцессами и злоупотреблениями властью, в чем совет инквизиции стал виновным, придала ему смелость: Вашему Величеству должно однажды использовать право короны в этом обстоятельстве, чтобы инквизиция больше не злоупотребляла сущностью своих действительных

Untitled

прерогатив и чтобы инквизиторы знали, что короли даровали им привилегии только по делам, касающимся веры, на которую они сами нападают и которую ослабляют в умах народов, оскорбляя епископов, отцов и первых защитников ее".

XV. Это событие вызвало конвенцию следующего года, известную под именем конвенции кардинала Сапаты. Здесь было решено несколько вопросов и постановлено не употреблять более цензур, кроме случаев большой надобности; сделано также несколько распоряжений. Но все это было напрасно, и инквизиторы едва ли хоть раз воспользовались данным им уроком. Было бы достигнуто большее, если бы король согласился с заключением совета Кастилии от 8 октября того же года, в котором (после изложения подробностей бедствий, к которым привела система инквизиции) совет говорил королю: "Для того, чтобы прекратить эти злоупотребления, чтобы дать судам Вашего Величества пользоваться всей необходимой им властью, чтобы законы и королевские указы верно исполнялись и все, относящееся к управлению и финансам Вашего Величества, шло энергичным и правильным путем и не встречало более на каждом шагу стеснений от такого большого количества привилегированных лиц, - следует Вашему Величеству разрешить, чтобы суды выносили приговоры по жалобам, которые будут принесены на злоупотребления инквизиторов во всем, что не касается предметов веры. Несправедливо и несообразно с законами, чтобы сильные светские привилегии, дарованные Вашим Величеством инквизиции и ее служителям, были рассматриваемы как церковные и

Untitled

духовные и защищались посредством цензур; чтобы инквизиторы могли держать судей по несколько месяцев под тяжестью отлучения и учинять ежедневно разорение подданных, замедляя конец их процессов посредством производимых ими оспариваний. Совет имеет доказательства, что часто лица среднего состояния совершенно разоряются от этих злоупотреблений, последствия коих пагубны и неисцелимы".

Вышеприведенные замечания были обращены к королю в подобных случаях и подкреплены еще более сильными доводами на совещаниях 1634, 1669, 1682, 1696, 1761 годов и на многих других, особенно когда испанская инквизиция осудила произведения, где защищались права короны, а главным образом труд доктора дона Хосе де Мура, председателя королевского суда на Майорке, напечатанный на этом острове в 1615 году под заглавием Указание в пользу короля по поводу конфликтов юрисдикции, которые возникают между королевскими судами и трибуналом инквизиции королевства Майорка. XVI. В 1634 году возник другой спор по делу о подсудности, по поводу некоторых сборов, взятых с одного жителя Вакальбаро, местечка близ Мадрида. Инквизиторы Толедо отлучили судью королевского суда и дворцового и предались всякого рода придиркам к власти совета Кастилии. Последний, проникнутый своим достоинством высшего сената нации, приказал, чтобы инквизитор-декан Толедо явился лично в Мадрид для ответа на сделанные против него обвинения, с угрозой в случае отказа лишить его имущества и гражданских прав. Он осудил также на лишение имущества и изгнание из королевства одного

Untitled

священника, секретаря святого трибунала, и велел объявить, угрожая теми же наказаниями, инквизитору Мадрида, чтобы тот передал процессы и узников в палату судей королевского дворца и двора. 30 июня тот же совет обратил к королю следующие представления: "Был бы положен конец злоупотреблениям, если бы Ваше Величество соблаговолило запретить инквизиции употреблять посредством цензур власть, принадлежащую только королевской юрисдикции: ведь известно, что этот трибунал получил ее от Вашего Величества, как он сам сознается в своих опросах, хотя некоторые из его членов отрицают это в своих сочинениях. Итак, эта власть зависимая, она зависит от свободной воли Вашего Величества, который может ее целиком отнять. Согласно с этими мотивами, мы умоляем вас держать инквизиторов в границах их прерогатив. Эта мера может оказать великое благо: она положит предел гнету, под которым стонут подданные Вашего Величества; они не станут больше бояться цензур, которыми они поражаются и удручаются в продолжение значительного времени, - тех цензур, которые устрашают их так, что отнимают энергию, необходимую для поддержания прав вашей короны; тех, наконец, цензур, которые держатся и длятся даже после того, как был дан Вашим Величеством указ об их снятии". Король удовольствовался возобновлением запрещения употреблять отлучение, за исключением крайней необходимости, и запретил употребление этого средства против судей, если не было предварительно испрашено его разрешение. Этот королевский приказ доказывает забвение или пренебрежение, которому подверглась

Untitled

конвенция кардинала Сапаты в конце третьего года со
Времени ее установления.

XVII. В 1637 году инквизиторы Севильи, раздраженные тем, что не одержали победы в деле о подсудности, осудили и запретили своим постановлением Юридический манифест, который опубликовал для поддержки гражданской юрисдикции дон Хуан Перес де Лара, королевский прокурор при королевском апелляционном суде этого города. Они объявили, что это сочинение содержит положения, которые оскорбляют трибунал, и приказали опубликовать это объявление в проповеди в митрополичьей церкви 4 августа и коллегиальной церкви Спасителя 8 августа. Совет Кастилии уведомил короля о поведении инквизиции и представил, что оно полно недоброжелательства и лишено законного мотива: "Если бы даже прокурор севильского суда переступил известные границы в каком-либо сочинении и это нарушение было бы доказано, то не следовало ли лучше принести жалобу к подножию трона и ожидать, чтобы Ваше Величество приказало наказать автора вместо уничтожения сочинения позорящим образом? Если прокурор и судьи Вашего Величества будут подвергаться таким опасностям в защите ваших прав, они потеряют мужество, которое им необходимо при отправлении должностей, и не найдется никого, кто дерзнет их исполнять". Король удовольствовался аннулированием запрещения и выговором севильским инквизиторам через их начальника, который исполнил это только для формы, потому что был более виновен в этом деле, чем его подчиненные.

XVIII. В 1639 году инквизиторы Льерены отлучили и

Untitled

приказали считать отлученным дона Антонио Вальдеса, члена совета Кастилии, уполномоченного, посланного королем в Эстремадуру для действий, относящихся к милиции. Трибунал был раздражен против него, потому что он включил всех служителей инквизиции, чиновников, служащих и прислугу в список по легкому налогу, из которого никто не исключался. Король, узнав в своем совете о происшествии, приказал вычеркнуть из реестров декрет об отлучении и для увековечения памяти об этом написать этот приказ на стенах секретариата святого трибунала. Одновременно он пожелал, чтобы суд составил протокол об исполнении предписания. К сожалению, все эти меры были весьма слабы. Политическая язва осталась по-прежнему такой же глубокой и такой же застарелой.

XIX. В 1640 году инквизиторы Вальядолида имели другой конфликт из-за власти с епископом этого города.

Последний пожаловался королю в следующих выражениях:

"Разрешение, которое королевский совет дает на печатание или продажу книг, не вырезая из них того, что авторы, зависящие от инквизиции или стремящиеся стать ее членами, пишут о привилегиях этого трибунала, может повлечь самые роковые последствия: эти авторы позволяют себе даже утверждать, что инквизиторы без своего согласия не могут быть лишены юрисдикции, которую Ваше Величество благоволили им даровать по своей доброй воле. Действие такой претензии можно уничтожить только тогда, когда Ваше Величество отнимет или ограничит эту юрисдикцию, определяя тем, кто облечен ею, точные границы, которых они не должны переходить. Единственное средство воспрепятствовать

Untitled

этим людям печатать, что Ваше Величество не может лишить их дарованных им привилегий, состоит в категорическом заявлении, что вы и ваши предки по своей доброй воле соизволили оказать им, по своей милости, это пожалование. Пусть Ваше Величество благоволит кроме того разрешить, чтобы королевские суды пользовались в королевстве полной и всецелой свободой наказывать такие преступления, когда того потребуют обстоятельства или покушения против прав короны, которые позволяют себе инквизиторы".

XX. В 1641 году выявилось убедительное и позорное доказательство истинности того, что было изложено епископом Вальядолида. Возникли некоторые споры о подсудности между инквизиторами этого города и апелляционным судом. Совет Кастилии принужден был многократно запрашивать короля по поводу некоторых частных случаев, представившихся в этом деле. Он написал в одной из своих докладных записок, что "юрисдикция, которую употребляют инквизиторы от имени короля, светская, мирская и зависимая и не может быть защищаема посредством цензур". Члены совета инквизиции, под председательством брата Антонио Сотомайора, доминиканского монаха, главного инквизитора, уполномоченного крестового похода и духовника короля, предались свирепому злопамятству. Они простерли свою дерзость до того, что созвали кучу схоластических богословов, невежественных, грубых и низких льстецов инквизиции, набранных среди монахов. Цель их состояла в квалификации тезиса, выставленного советом Кастилии. Эти квалификаторы, усердствуя дать

Untitled

доказательство большой рассудительности, разделили тезис на три части.

XXI. Первая часть. Юрисдикция, которую употребляют инквизиторы от имени короля, есть светская и мирская. Квалификация. Этот тезис вероятен, если распространить его в хорошую сторону.

XXII. Вторая часть. Означенная юрисдикция зависима. Квалификация. Этот тезис ложен, невероятен и противен благу Его Величества.

XXIII. Третья часть. Нельзя употреблять церковные цензуры для защиты юрисдикции, о которой идет речь. Квалификация. Этот тезис безрассуден и граничит с ересью.

XXIV. Приняв эту меру, фискал совета инквизиции обвинил весь совет Кастилии. Он потребовал, чтобы трибунал приказал передать копии и черновик запроса, обращенного к королю; чтобы он велел опубликовать осуждение этого запроса и начал преследование авторов. Совет инквизиции, воздерживаясь от принятия такого подходящего для него решения, изложил королю происшествие и сослался на приговор богословов. Король с беспечностью, которая ему была свойственна, удовольствовался тем, что сказал главному инквизитору, что он нарушил свои обязанности, одобряя поступок, противный достоинству и чести сената нации. В продолжение некоторого времени не переставали жаловаться на горячность и упорство инквизиторов. Тогда Его Величество принудил дома Антонио де Сотомайора подать в отставку; он был отозван в 1645 году. Преемником его был дом Диего де Арсе-Рейносо, епископ Пласенсии.

Untitled

XXV. В 1648 году был издан королевский указ (N 14, отдел 7, книга первая Собрания испанских законов) и другой, от 11 февраля того же года. В нем король определил (выслушав совет Кастилии), что объявления, сделанные конгрегацией кардиналов Индекса, не будут более рассматриваться как распорядительные и обязательные для Испании; что вследствие этого не будут более обращать внимания на запрещения, которые папский нунций опубликовал своей частной властью против трудов Сальгадо, Солорсано и других защитников прав светской власти. Этот указ вышел вовремя, чтобы остановить дурные намерения совета инквизиции. Так как тайна скрывала все его действия до того времени, пока декреты забывались, он приостановил начатые преследования. Однако в разные эпохи он возбудил новые преследования против трудов Рамоса дель Мансано, Гонсалеса де Сальседо, Чумасеро, Севальоса, Мура, Сальгадо, Сесо и других, но не смог получить успеха в их запрещении вследствие бдительности совета Кастилии. Тем не менее, вопреки усердию, которое эта уважаемая корпорация приложила в деле исполнения законов, в трудах означенных мною лиц появились вычеркнутые места и эти пробелы сохранились в следующих изданиях.

XXVI. В то же время инквизиторы Мексики заставили испытать жестокое преследование достопочтенного дома Хуана де Палафокса. Они оспаривали его права и противопоставили ему самую несправедливую подсудность и осуждение его трудов. - См. главы XXVII и XXVIII.

XXVII. В 1660 году инквизиторы Кордовы имели смешную и скандальную ссору по другому пункту юрисдикции. Один

Untitled

мавр содержался в королевской тюрьме этого города за желание убежать из дома Агустино де Вильявисенсио, советника инквизиции, у которого он был рабом. Этот африканец узнал, что не было палача, чтобы дать двести ударов кнута другому узнику. Он предложил исполнить обязанность палача; его предложение было принято; когда он исполнил свою работу, то получил обещанное вознаграждение. Инквизиторы отлучили супрефекта дона Грегорио Антонио де Чавеса, присудили его дать удовлетворение святому трибуналу и передать инквизиции мавра и его процесс. Они утверждали, что он подсуден инквизиции, давая ему звание сотрапезника (comensal) инквизитора и велели взять и посадить в тюрьму, как бы для возмездия, слугу супрефекта, пока им не будет выдан сотрапезник. Какой предмет спора: мавр, бежавший из Африки, раб священника-инквизитора, стремящегося стать епископом! Король, узнав о происшествии от совета Кастилии, приказал выпустить узников на свободу и сделать выговор инквизиторам Кордовы за их поведение. XXVIII. В 1661 году инквизитор города Толедо, пребывавший в Мадриде, отлучил дона Висенте Баньюэлоса, дворцового судью. Он хотел принудить это должностное лицо передать ему судопроизводство некоего Хуана де Куэльяра, начальника сбиров палаты придворных судей и в то же время лучника инквизиции; он требовал также выдачи узника, обвиняемого в убийстве женщины. К чему издавать столько королевских указов против злоупотребления отлучениями, если они постоянно оставались без действия?

XXIX. В 1664 году инквизиторы Кордовы отлучили дона

Untitled

Эстевана Арройо, супрефекта Эсихи и члена королевского гражданского суда Гранады, потому что тот отказался передать в их распоряжение Альфонсе Руиса де Андраде, задержанного по делу многоженства, и выдать документы его судопроизводства.

XXX. Те же инквизиторы не замедлили предаться новому, еще большему злоупотреблению. Один негр, раб бывшего казначея святого трибунала, сознавшийся в преднамеренном убийстве одной дамы, был приговорен к повешению. Инквизиторы послали королевскому судье Кордовы приказ выдать им документы процесса и самого виновного, который, говорили они, должен быть судим в их трибунале. На отказ должностного лица инквизиторы ответили опубликованием его отлучения и послали лучников для ареста. Судья испугался и согласился на выдачу осужденного. По этому случаю произошло возмущение в городе Кордове. Только с большим трудом смогли помешать разъяренному народу взломать тюрьму святого трибунала, чтобы предать смерти раба, наказания коего сильно желали. Король, извещенный советом Кастилии об этом новом покушении, приказал, чтобы до тех пор, пока вопрос о подсудности будет решен, преступник содержался в королевской тюрьме. Главный инквизитор сделал возражения; совет Кастилии ответил на это, и король повторил приказ, данный им ранее. Но ему не было оказано повиновения, потому что главный инквизитор представил новые жалобы. Совет Кастилии победоносно отразил их, и Карл II приказал в третий раз выдать узника. Строгий приказ об этом был отправлен в Кордову; инквизиторы ответили, что не могут исполнить намерение

Untitled

короля, потому что преступник бежал. Король, совет Кастилии, супрефект Кордовы и публика обманулись в своих ожиданиях. Я спрашиваю еще раз, будут ли апологеты святого трибунала настаивать (вопреки только что рассказанному проступку) на утверждении, что тайна, скрывающая от всех взоров характер его действия, не является неполитичной и посягающей на законы и правосудие?

XXXI. Инквизиторы Гранады в 1682 году должны были сами убедиться, какое зло может произвести усвоенный ими обычай арестовывать лиц, виновных в других проступках, а не в ереси. Они послали взять одну женщину, которая нанесла оскорбление секретарю святого трибунала. Эта несчастная, которая не знала ничего более страшного, как очутиться в тюрьме инквизиции, предпочла выброситься из окна своего дома и умерла на месте. Этот случай вызвал сильные ссоры между инквизиторами и апелляционным судом. Инквизиторы до такой степени не признавали могущества короля и власти его судей, что Карл II принял решение изгнать из королевства инквизитора дома Бальтасара Лоарте и выслать на двадцать миль от Гранады секретаря дона-Родриго Саласара.

XXXII. В Америке королевские указы и другие распоряжения, изданные для предотвращения раздоров между светскими судами и судами инквизиции, не помешали возникновению бурных ссор между теми и другими по вопросу о подсудности. Я ограничусь ознакомлением с теми распрями, где несправедливость инквизиторов обнаружилась более открыто и сопровождалась более или менее смешными деталями. В

Untitled

1684 году инквизитор Лимы имел претензию требовать, чтобы в день Святого четверга поставили для него в церкви золоченое кресло, аналой и положили подушку под ноги. Он желал также, чтобы диакон поднес ему Евангелие для целования, чтобы его окадили ладаном, повесили на шею ключ от дарохранильницы и, наконец, воздали почести, принадлежащие епископу.

Около 1760 года, в бытность маркиза де Кастельфуэрте вице-королем, инквизиторы пожелали держать в церкви диспут, посвященный монахам обители Милосердия, и хотели иметь на нем председательство. Они требовали, чтобы их встречали с почестями, на которые имеет право только епископ, - с балдахином и креслом.

Когда в Лиме служили торжественную заупокойную мессу по королеве Изабелле Фарнезе [907], инквизиторы не сочли удобным появиться в церкви, потому что не занимали бы там первого места и потому что вице-король не захотел, чтобы они появились с церемониалом, установленным только для епископа.

В 1780 году они отлучили и присудили к штрафу в тысячу пиастров судью, посланного королем для опроса о поведении магистрата. Преступление уполномоченного судьи согласно документам процесса состояло в том, что он неосторожно выразился, что этот магистрат был чист, как Святая Дева.

Впрочем, во всех обстоятельствах, довольно часто встречавшихся и открывавших возможность для этих смешных сцен, вице-короли обнаружили много твердости и подавляли высокомерие инквизиторов с большим успехом, чем это удавалось в самой Испании. Эти результаты не

Untitled

должны нас удивлять, потому что в удаленных странах инквизиторов не поддерживал главный инквизитор, который, находясь близ короля, мог наговорить что угодно в частных беседах. Впрочем, вице-короли, ревниво относившиеся к сохранению в целостности власти, которою они были облечены, наблюдали со всем старанием, на какое только были способны, за тем, чтобы государственная власть не встречала в своем действии никакого препятствия и никакого противоречия.

XXXIII. Инквизиторы Картахены в Америке в 1686 году явились еще более заносчивыми. Удобным случаем для этого нового скандала стала распря, возникшая между ними и епископом. Инквизитор дом Франсиско Барсия, отлучив прелата, велел прочесть свой декрет во всех церквях. Епископ ответил и доказал своею манерой обхождения с инквизитором презрение к этому отлучению. Инквизитор (вместе со своими юрисконсультами) приказал арестовать и заключить в секретную тюрьму не только епископа, но и нескольких уважаемых лиц кафедрального собора и города, которые выражались свободно по его адресу. Папа, узнав об этом, приказал 13 февраля 1687 года главному инквизитору дому Диего Сармиенто де Вальядаресу перевести в Мадрид и отставить от должности инквизитора Барсию и его юрисконсультов. Так как приказ не был исполнен, то 15 декабря 1687 года он выпустил новое бреве, содержащее угрозы. Главный инквизитор прибег тогда к королю и сделал неверный доклад о случившемся, чтобы ни он, ни совет Индий не узнали истины. Он так совершенно извратил и запутал факты, что удлинил и затруднил дело. Папа продолжал

Untitled

настаивать на своем решении и пожелал сам судить это дело. Оно не было еще закончено, когда на первосвященнический престол вступил Климент XI. Новый папа собрал кардиналов и, посоветовавшись с ними, подтвердил декретами от 11 декабря 1703 и от 11 января 1704 годов все сделанное епископом и объявил недействительными сумасбродные меры инквизитора. Булла от 19 января 1706 года приказала возвращение всех штрафов, наложенных при этом обстоятельстве, и упразднила навсегда трибунал Картахены. Это упразднение не было приведено в исполнение, потому что было противно политике короля.

XXXIV. Около этого времени инквизиторы Валенсии доказали также своим поведением, что они смотрели на свою юрисдикцию как на принадлежащую по праву инквизиторам и независимую от юрисдикции государя. Их меры побудили графа д'Оропеса, вице-короля и наместника, посоветоваться с десятью богословами, которые объявили, что власть святого трибунала светская и, следовательно, зависима от королевской.

XXXV. Упомянутый мною факт доказывает, как был благоразумен и основателен совет, который давали монарху дон Альфонсо де ла Каррера и дон Франсиско Антонио Аларкон - запретить обращение книг, которые открыто исповедовали противоположное учение и которые они отмечали как изобилующие опасными и ошибочными принципами в области юриспруденции. Король, недовольный постоянными жалобами, поступавшими к нему отовсюду против инквизиторов, создал комиссию из двенадцати советников, избранных из государственных

Untitled

советов Кастилии, Арагона, Италии, Индий и из орденов. Она должна была предложить средства, годные для уврачевания таких бедствий. Это собрание сделало доклад 21 мая 1696 года, но правительство не приняло никакого решения, потому что дом Хуан Томас де Рокаберти, главный инквизитор, архиепископ Валенсии, силою интриг добился того, что король обратил свое внимание на другие вещи, и прежнее благое намерение провалилось.

XXXVI. В 1703 и следующих годах возникли новые скандальные разногласия между домом Бальтасаром Мендосой, епископом Сеговии, главным инквизитором, и членами верховного совета вследствие дурного обращения, которое Мендоса заставил испытать дома Фроилана Диаса, духовника Карла II, избранного епископом Авилы. Я дам в другом месте подробности этого дела; здесь же скажу вкратце, что члены совета одержали верх, но лишь благодаря случаю. Совет Кастилии в рапорте королю, поданном в 1704 году, выражался так: "Народы и государства лишили себя своей власти и своей свободы в пользу монархов, которых они избрали и поставили; они хотели дать себе начальников, которые доставили бы им благодеяния мира и правосудия, оберегая от насилий всякого рода". Мне кажется, что если бы было сказано: делегировали свою власть вместо: лишили себя своей власти, выражение было бы более точным.

XXXVII. В 1713 году кардинал Франческо Джудиче, главный инквизитор, запретил читать сочинение дона Мельхиора де Маканаса, королевского прокурора при совете Кастилии.

Untitled

Он, однако, хорошо знал, что этот труд был напечатан по приказу Филиппа V, который одобрил его по прочтении. Король был сначала сильно раздражен принятой инквизитором мерой. Но кардинал, искусный в управлении пружинами интриги то в Риме, то в Париже, добился обхода приказов своего государя: хотя он был вне королевства, он постоянно исправлял обязанности своей должности и посылал своим подчиненным приказы, которые сильно не нравились Филиппу V. Этот государь добился отставки Джудиче только тогда, как кардинал Альберочи стал действовать в Риме и Париже в помощь намерениям своего господина. Отставка произошла в 1716 году. Король назначил на его место дома Хосе Молинеса, члена церковного суда в Риме, который не мог вступить в должность, потому что австрийцы задержали его в плену в Италии. Там он и умер, так что инквизиция оставалась без главы до 1720 года, когда на эту должность был назначен дом Диего д'Асторга. Он покинул ее в том же году, отправившись в Толедо, куда был назначен архиепископом. Его преемником был дом Хуан де Камарго, епископ Памплоны.

XXXVIII. Дон Мельхиор де Маканас продолжал жить в изгнании. Его процесс в инквизиции стал делом нешуточным от множества доносов на разные написанные им труды. Их обращение разрешено теперь в Ученом семинарии, журнале, который публикуют дом Антонио Вальядарес и Сотомайор. Автор в нескольких своих сочинениях восставал против злоупотреблений, совершавшихся римской курией, а также против злоупотреблений привилегиями со стороны духовенства и

Untitled

церковных трибуналов и обращал общественное внимание на пагубные для государства последствия умножения монахов и других духовных корпораций. Квалификаторы в произнесении приговора над его трудами ясно показали, что их вдохновлял дух ненависти и мести. Но достаточно забавно найти в судопроизводстве Маканаса написанную им книгу Критическая защита инквизиции. Инквизиторы называли тон его ироническим, потому что открыли там некоторые вещи, которые не были истинны. Их убеждение нашло подтверждение несколько позже, в другом сочинении Маканаса, озаглавленном Апология защиты, написанной братом Николаем де Хесу Беландо в пользу гражданской истории Испании, несправедливо запрещенной инквизицией. Несмотря на суровость инквизиторов, Фердинанд VI и главный инквизитор домин Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсала, разрешили Маканасу вернуться в Испанию. Король послал его на Ахенский конгресс в качестве посла.

XXXIX. В 1761 году главный инквизитор Кинтано Бонифас опубликовал, вопреки запрещению Карла III, папское бреве, осуждавшее катехизис Мезангюи. Король наказал его удалением от двора, но потом снова вызвал и поставил во главе инквизиции. Совет Кастилии обратился к королю 30 октября того же года. Он представил Его Величеству (опираясь на несколько примеров) пагубные последствия, которые должна иметь для интересов государства тайная коалиция, образовавшаяся между главным инквизитором, верховным советом, папским нунцием в Мадриде и римской курией. Он говорил, что действие этого опасного соглашения состоит в распространении принципов и

Untitled

учений, благоприятных для антиполитических руководящих правил духовенства и противных системе истинных границ, обеспечивающих государственную власть короля. Он напоминал скандальное покушение цензур против положений, содержащихся в заключении совета Кастилии 1641 года, и прибавлял: "Если верховный суд нации не разуверится в опасности видеть свои предположения под угрозой едкой критики, так мало сообразной с разумом и религией, каким образом простое частное лицо осмелится посвящать свой труд и свои сочинения в защиту прав короны и государя?" Это собрание вызвало королевский указ от 18 января 1762 года, согласно которому ни одно бреше и ни одна булла не могли впредь быть приведены в исполнение без предварительного согласия короля.

Главному инквизитору было запрещено опубликовывать какое-либо постановление об очистке или запрещении книг до доклада Его Величеству, а также арестовывать труд католического автора, не выслушав его, согласно постановлению буллы Бенедикта XIV от 6 июля 1753 года. Надо согласиться, что инквизиция причинила бы меньше зла испанской нации, если бы распоряжения этой буллы верно соблюдались. Я был свидетелем многих нарушений этого закона в 1789 и последующих годах и видел в эту эпоху запрещение разных трудов католических авторов, причем не были выслушаны ни они сами, ни их защитники. XL. В 1768 году инквизиторы тщетно пытались завладеть процессами по делу о многоженстве. Карл III приказал, чтобы, за исключением случаев, когда виновные считали многоженство дозволительным, расследование этих дел производилось обыкновенными светскими судами. Он

Untitled

выражал желание, чтобы инквизиторы "ограничились наказанием ереси и отступничества, а особенно чтобы ни один из его подданных не подвергался позору ареста, если он ранее не сознался в совершении преступления". Совет инквизиции объявил королю 28 февраля 1771 года, что одно только обстоятельство вторичной женитьбы при жизни первой жены заставляет подозревать совершивших это в том, что они впали в заблуждение в вере по вопросу о браке. Вследствие этого инквизиторы берутся за расследование этого мнимого проступка, обязывая обвиняемых уничтожить подозрение в ереси, происшедшее от простого факта многоженства

XLI. В 1781 году главный инквизитор приказал, чтобы все исповедальни монастырских церквей были расположены на виду у верующих, находящихся в церкви.

Провинциальные инквизиторы велели исполнить этот приказ, не сносясь с архиепископами и епископами епархий. Эти прелаты сильно обиделись на такое пренебрежительное обращение, но скрыли свое недовольство, чтобы не смущать общественного спокойствия. Инквизиторы Гранады в 1797 году позволили себе еще большую дерзость: они велели перенести на другое место исповедальню в женском монастыре Св. Павлы, состоявшем под непосредственным управлением архиепископа. Церковный администратор епархии принес жалобу королю. Министром юстиции был тогда дом Гаспар Мельхиор де Ховельянос. Этот министр был образован, сведущ в серьезной литературе и хорошо знаком с истинными принципами гражданской и канонической юриспруденции. Он решил использовать это происшествие

Untitled

и обратился к главному инквизитору, архиепископу Бургоса, к епископам Уэски, Туи, Пласенсии, Осмы, Авилы и к дому Хосе Эспиге, раздавателю милостыни при короле. Он пригласил их предложить ему, "что они считали бы годным для прекращения злоупотреблений, совершающихся в святом трибунале, и для искоренения ложных принципов из трудов, на которые опираются эти меры". Архиепископ Бургоса (как и следовало ожидать) прислал замечания, благоприятные для трибунала; другие доставили замечания противоположного характера. Ответ, данный 10 марта 1798 года домом Антонио Тавирой, тогда епископом Осмы, а затем Саламанки, был образчиком учености и хорошего вкуса и обнаруживал величайшее уважение к истине. Эта благоразумная попытка не имела удовлетворительного результата. Ховельянос покинул министерство прежде, чем Карл IV что-нибудь решил. Его преемник имел другие виды, а на Ховельяноса донесли как на подозреваемого в заблуждениях относительно веры. Статья третья Должностные лица, подвергшиеся преследованию

Вышеприведенное хронологическое изложение распрей, возникших по делу о подсудности между инквизицией и светскими судами, достаточно доказывает постоянное посягательство инквизиторов на расширение влияния и прерогатив против воли государя и вопреки государственным законам и королевским указам. Для дополнения картины, предлагаемой мною читателям, я присоединю список самых известных должностных лиц, которые стали жертвами анафем святого трибунала или как подозреваемые в ереси, или как противившиеся

Untitled

инквизиции и подверглись вследствие этого карам, определенным в папских буллах против врагов трибунала, - даже если они удовольствовались препятствием инквизиторам завладеть процессами, чуждыми вере, и сопротивлением их честолюбию, высокомерию и желанию распространить ужас для установления повсюду их власти. Я буду следовать алфавитному порядку.

1. Альмодовар (дон Кристобал Хименес де Гонгора, герцог). Он был послом при венском дворе и опубликовал труд под заглавием Колонии европейских наций в заморских странах. Эта книга была вольным переводом труда Рейналя [908]. Он скрыл свое имя под псевдонимом Эдуард Мало де Луке, представляющим анаграмму [909] речения el duque de Almodovar (герцог Альмодовар). Он сам представил экземпляры своей книги королю: вопреки этому ходу и принятому им решению устранить некоторые места, на него донесли инквизиции как на подозреваемого в принятии систем неверующих философов. Инквизиторы старались узнать, как герцог выражался в ученом обществе; результат не доставил им достаточно мотивов для обвинения, как это почти всегда бывало в царствование Карла III и Карла IV по отношению к ученым, на которых желали напасть. Вследствие этого секретари, комиссары и нотариусы были очень заняты в это время, но бесполезно, потому что множество процессов оставалось приостановленным после предварительного следствия, за неимением достаточных улик заявленного в доносе преступления.

2. Аранда (дон Педро - Пабло Аварка де Болеа, Хименес д'Урреа, граф), гранд Испании. Он был более знаменит

Untitled

своими талантами и познаниями, чем происхождением и высоким положением. В качестве военного он достиг степени генерал-капитана, что в Испании соответствует степени маршала во Франции. Дипломатические таланты выдвинули его на пост посла при парижском дворе. По своим познаниям в качестве государственного человека он стал первым министром, государственным секретарем в царствование Карла IV.

Как политик он был назначен председателем совета Кастилии. Во всех этих четырех областях управления он был действительно велик. Он председательствовал на чрезвычайном королевском совете, созванном Карлом III по делам иезуитов. На этом совете обсуждали: 1) докладную записку, обращенную к королю домом Исидоро Карбахалом, епископом Куэнсы, в которой плохое положение королевства представлялось следствием нарушения привилегий духовенства; 2) предполагаемые меры против действия недавнего папского бреве, направленного против владетельного герцога Пармы; 3) средства к прекращению непрерывных узурпации святым трибуналом королевской светской юрисдикции, отчего последовали большие беспорядки. Хотя члены этого собрания вели свои обсуждения тайно, публике удалось узнать не только предмет их обсуждений, но и мнение каждого члена совета. На графа Аранду поступил донос в святой трибунал как на подозреваемого в исповедании убеждений философов XVIII века, потому что его политические убеждения были чрезвычайно либеральны. Думали, что указ, подписанный Карлом III в 1770 году, был произведением председателя совета Кастилии. Этот указ

Untitled

запрещал инквизиторам братья за расследование процессов, не имеющих своим мотивом ереси, и переводить в секретную тюрьму того, кто не сознался в совершении преступления, принимая во внимание, что эта мера сама по себе навлекает бесчестие. Инквизиторы были на него сердиты. Процесс, предпринятый несколько позже против дон Пабло Олавиде, доставил подробности, способные уверить, что граф Аранда думал подобно этому обвиняемому о проявлениях чисто внешнего благочестия. Однако трибунал не осмелился решить, что существует достаточная улика для возбуждения против него процесса. Граф умер; четыре раза поступали против него доносы в святой трибунал, но ни разу он не был привлечен к суду.

3. Арройо (дон Эстебан д'), коррехидор и супрефект Эсихи, андалусского города, член королевского гражданского суда Гранадского округа. Он был отлучен инквизиторами Кордовы в 1664 году за то, что противился попыткам инквизиторов расширить их юрисдикцию за счет юрисдикции светских судов.

4. Авалос (дон Диего Лопес д'), коррехидор Кордовы, встал под угрозу быть отлученным и заключенным в тюрьму в 1501 году, потому что, когда два лучника инквизиции были посажены в королевскую тюрьму, он отказался выдать их инквизиторам, если только выдача не будет требуема формально.

5. Асара (дон Хосе Николас д'), уроженец Арагона, был последовательно начальником канцелярии Министерства иностранных дел, полномочным министром короля в Риме и чрезвычайным послом в Париже. Он опубликовал перевод Жизни Цицерона, с примечаниями, объяснениями

Untitled

и таблицами. Он был уважаем в Испании как один из ученейших людей в царствование Карла III и Карла IV. Хотя он жил постоянно в Италии или во Франции, его имя внесено в реестры испанской инквизиции. На него поступили доносы в Сарагосу и в Мадрид как на неверующего философа. Но в обоих случаях недоставало улики, и процесс был приостановлен в ожидании новых обвинений.

6. Арагон. Королевство Арагонское в старину было представляемо восемью депутатами в промежутки между двумя собраниями кортесов. Двое (из которых один почти всегда был епископ) были избираемы духовенством, двое - высшим дворянством, состоящим из баронов королевства, двое - буржуазией и двое - коммунарами городов и деревень. Это собрание было крайне уважаемо и имело некоторое сходство с палатой депутатов во Франции. Однако инквизиторы не побоялись отлучить его членов без всякого иного мотива, если не считать мужества в деле подавления покушений против арагонской конституции.

7. Арагон. Великий судья Арагона (Justiza mayor) был магистратом высокого ранга, облеченный верховной властью и поставленный между королем и нацией для произнесения безапелляционных приговоров относительно нарушения королевскими министрами органических законов, установленных с возникновением монархии в Арагоне. Сам король был обязан подчиняться решению этого магистрата, во всем имеющего отношение к конституционным делам. Для предотвращения расхождения между двумя верховными властями было постановлено, чтобы великий судья, его трибунал и

Untitled

королевская тюрьма были независимы от короля в уголовных делах. Вопреки этому распоряжению, инквизиторы Сарагосы постановили принять меры против великого судьи и угрожали в 1591 году подвергнуть его анафеме, что можно видеть из предыдущей статьи и о чем мы подробно изложим в процессе Антонио Переса, первого государственного секретаря Филиппа II.

8. Баньюэлос (дон Висенте), дворцовый и придворный королевский судья, был отлучен инквизиторами Толедо за желание защитить юрисдикцию светских судов в процессе по делу об убийстве. - См. предыдущую статью.

9. Барселона. Этот город представлялся палатой депутатов, среди которых были гражданский вице-губернатор и военный губернатор города. Приказ инквизиторов велел посадить их в тюрьму с несколькими подчиненными им лицами за то, что они осмелились ввести в их законные границы привилегии чиновников святого трибунала относительно налогов. - См. N 4 предыдущей статьи.

10. Бариэнтос (командор), рыцарь военного ордена Сант-Яго, коррехидор и супрефект города Логроньо, был обязан в 1516 году явиться в Мадрид, чтобы представиться лично главному инквизитору и верховному совету и просить прощения за отказ в помощи лучникам святого трибунала для ареста нескольких монахов. Он подвергся наказанию малого аутодафе, присутствовал стоя на мессе со свечой в руке и подучил легкие удары кнута из собственной руки инквизитора. Эта церемония закончилась торжественным отпущением цензур.

11. Беналькасар (граф) был отлучен и состоял под угрозой

Untitled

ареста инквизиторами Эстремадуры в 1500 году. Та же угроза была сделана губернатору крепости. Их можно было упрекнуть лишь в том, что они защищали права светской власти против притязаний святого трибунала в деле арестованной женщины, которой вменили в вину некоторые тезисы против веры.

12. Кампоманес (дон Педро Родригес де Кампоманес, граф де), может быть, величайший литератор Испании в царствование Карла III и Карла IV. Он был автором нескольких трудов, о которых упоминается в Испанской библиотеке времени Карла III, опубликованной доном Хуаном де Семпера Гуариносом. Сначала он отправлял обязанности королевского прокурора в государственном совете Кастилии и в королевской камере, которой потом управлял. В своих сочинениях он никогда не удалялся от здравых принципов, постоянно поддерживал независимость королей от римской курии, обязанность всех граждан государства уплачивать свою долю общественных расходов и невозможность, чтобы тяжёлая юрисдикция когда-либо составляла часть духовной власти, если государь не пожалует ее или не потерпит по своей собственной милости. Не трудно понять, что граф Кампоманес должен был иметь множество врагов среди членов белого и черного духовенства, которые из церковной истории знали только то, что прочли в дурных книгах. На него донесли святому трибуналу как на антикатолического философа. Улики были многочисленны, но они не доказывали, чтобы он выражал какое-либо еретическое предположение. Они клонились только к уверенности, что его труды, очевидно, были пропитаны

Untitled

духом, противным христианству. Он был приглашен присутствовать на малом аутодафе дона Пабло Олавиде, потому что желали предупредить об участи, ожидавшей его, если бы он стал проповедовать приписываемые ему убеждения. Инквизиторы не сомневались, что он был врагом святого трибунала, по манере, с которой он выразился в совете Кастилии, когда там рассуждали о делах подсудности, порождавших несогласия между инквизицией и другими судами; но это мнение не было достаточным мотивом, и инквизиторы не осмелились идти далее.

13. Кардана (дон Педро де), сын и брат герцогов Кардона, наместник Каталонии, был принужден в 1543 году просил у инквизиторов отпущения цензур, которым, по их мнению, он подверг себя, защищая права королевской юрисдикции против захватов святого трибунала. Он присутствовал стоя и без шпаги за торжественной мессой в кафедральном соборе Барселоны, после которой стал на колени и получил несколько ударов кнута от руки декана инквизиторов, который произнес затем отпущение. - См. главу XVI.

14. Кастилия. Верховный совет Кастилии есть первый и самый уважаемый в монархии. Предполагают, что король присутствует на нем, потому что прежде это было так. Короли советуются с ним во всех важных делах. Филипп IV захотел в 1641 году узнать его мнение о средствах прекращения часто возобновлявшихся споров между святым трибуналом и королевскими судами по вопросу о подсудности. Совет дал ответ, не понравившийся членам верховного совета, и они затеяли против совета Кастилии

Untitled

так называемый процесс веры, обвиняя его в безрассудстве и близости к ереси. Я говорил о нем в предыдущей статье.

15. Чавес (дон Грегорио Антонио де), коррехидор и супрефект Кордовы, был отлучен и состоял под угрозой тюремного заключения в 1660 году со стороны инквизиторов Кордовы. Побуждение, послужившее основанием для этой меры, было так же достойно презрения, как то, о котором я говорил в предыдущей статье, под N 23.

16. Чумасеро (дон Хуан), граф де Гуаро, председатель совета Кастилии, посол в Риме, составил несколько трудов, о которых упоминает Николас Антонио в своей Испанской библиотеке, и несколько рассуждений в защиту светской власти против власти церковной и в пользу независимости государей против злоупотреблений римской курии. Испанские инквизиторы, подстрекаемые папским нунцием, взялись осудить его учение и запретить чтение его сочинений, как и многих других авторов, писавших в том же смысле, чтобы принудить их в отказу от своих мнений под страхом анафемы и заключения в тюрьму. Я об этом говорил в предыдущей статье, под N 21.

17. Кордова (дон Педро Фернандес де), маркиз де Приэго, член муниципалитета Кордовы, был преследуем святым трибуналом в 1506 году. - См. главу X.

18. Кордова (дон Диего Фернандес де), граф де Кабра, член Муниципалитета Кордовы, испытал ту же участь. - См. главу X.

19. Годой (дон Мануэль), Князь мира (principe del paz), герцог д'Алкудиа, первый министр и государственный

Untitled

секретарь Короля Карла IV. - См. главу XLIII.

20. Гонсалес (дон Матиас), королевский прокурор при апелляционном суде в Гранаде, был отлучен инквизиторами в 1623 году за то, что поддерживал права своего суда в конфликте юрисдикции. - См. предыдущую статью, N 13.

21. Гудиэль (лиценциат), дворцовый алькальд, член палаты придворных алькальдов, испытал такое же обращение со стороны инквизиторов в 1588 году и по такому же мотиву, что и Гонсалес. - См. предыдущую статью, N 7.

22. Гудиэль де Перальта (дон Луис), член суда с присяжными в Гранаде, был третирован в 1623 году подобно предыдущим. Его мнимое преступление было такое же. - См. предыдущую статью, N 13.

23. Гусман (дон Гаспар де), граф-герцог Оливарес, первый министр Филиппа IV. - См. главу XXXVIII.

24. Искиердо (лиценциат), старший алькальд, судья первой инстанции города Арнедо, в провинции Сории, был наказан в 1553 году за то, что велел посадить в тюрьму убийцу, чиновника святого трибунала. - См. предыдущую статью, N 1.

25. Ховельянос (дон Гаспар-Мельхиор де), министр, государственный секретарь в департаменте помилований и юстиции при Карле IV, был одним из ученейших людей Испании. Он написал несколько сочинений по политике и по различным отраслям литературы. Когда в 1798 году он решил преобразовать судопроизводство трибуналов инквизиции, то воспользовался докладной запиской, составленной мною в 1794 году по приказу главного

Untitled

инквизитора Абад-и-ла-Сьерры. Тайная интрига мадридского двора способствовала доносу на него как на приверженца янсенистов и врага святого трибунала. Сюда примешалась политика; Карл IV сначала отстранил его от министерства и сослал в Хихон, его родину в Астурии, а вскоре за тем заключил в картезианский монастырь (Cartuja) на Майорке, объявив, что это делается с целью его обучения христианской доктрине. Этот поступок должен быть поставлен в ряду величайших несправедливостей, потому что Ховельянос был не только хорошим католиком, но человеком справедливым и безупречным, память о котором всегда будет делать честь Испании.

26. Хуан (дон Габриэль де), председатель королевского апелляционного суда на острове Майорка, был отлучен в 1531 году за то, что поддерживал права государя против посягательств инквизиторов.

27. Лара (дон Хуан Перес де), королевский прокурор при королевском апелляционном суде в Севилье, испытал в 1637 году крайне дурное обращение со стороны инквизиторов за то, что поддерживал права королевской юрисдикции в сочинении, направленном против посягательств святого трибунала. - См. предыдущую статью, N 17.

28. Маканас (дон Мельхиор де), королевский прокурор в государственном совете Кастилии при Филиппе V и посол Фердинанда VI на Ахенском конгрессе, был одной из самых знаменитых жертв святого трибунала, апологию которого он написал, озаглавив ее Критическая защита испанской инквизиции. - См. статью вторую этой главы.

Untitled

29. Мадрид. Дворцовый алькальд, член королевского суда в Мадриде, был отлучен в 1634 году вследствие спора о подсудности. - См. предыдущую статью, N 6.

30. Моньино (дон Хосе), граф Флорида-Бланка, первый министр и государственный секретарь при Карле III и Карле IV. Он был последовательно адвокатом в Мадриде, королевским прокурором в совете Кастилии и полномочным министром в Риме. Его известность как юрисконсульта была началом возвышения, а поведение его вполне оправдало составленное о нем мнение. Он написал в качестве прокурора труды, которые дадут потомству самое выгодное понятие о его талантах и образованности. Дон Хуан Семпере Гуаринос в своей Библиотеке писателей времени Карла III поместил заметку о напечатанных и неизданных трудах его. Среди первых некоторые имеют большие достоинства. Прокурорские мнения, данные им совету Кастилии по поводу докладной записки, представленной Карлу III Карбахалом, епископом Куэнсы, и по поводу беспристрастного суждения бреве, обращенного папою Климентом XIII против владетельного герцога Пармы, заставили некоторых невежественных или предубежденных священников причислить его к сторонникам антихристианских принципов, и на него донесли инквизиции как на врага религии и Церкви. Граф доставил новое оружие против себя, когда изложил свое мнение прокурора по поводу злоупотреблений, в которых были повинны инквизиторы в отношении запрещения книг, и усвоенной ими системы подчинять своей юрисдикции преступления, чуждые догматам. Верный истинным принципам естественного и международного права, он

Untitled

постоянно обнаруживал свое противодействие узурпации и злоупотреблениям, совершаемым непрерывно инквизиторами. Однако инквизиторы, не имея возможности найти в сочинениях Флорида-Бланки ни одного тезиса, могущего получить квалификацию еретического, не осмелились продолжать процесс министра, которому король оказывал большое почтение. Когда он покинул министерство, прежние доносы уже были забыты.

31. Мур (дон Хосе де), председатель королевского апелляционного суда на острове Майорка, с целью поддержать права своего суда против нападков святого трибунала составил в 1615 году труд о подсудности, в котором установил принципы в подкрепление королевской юрисдикции, противоречащие церковной власти по всем спорным вопросам, предмет коих не имеет ничего духовного и священного. Святой трибунал заставил много претерпеть автора и внес в Индекс его труд. Филипп IV, по требованию государственного совета Кастилии, приказал его вычеркнуть оттуда в 1641 году.

32. Мурсия. Епископ и капитул кафедрального собора, королевский судья трибунала первой инстанции и члены муниципалитета этого города испытали в 1622 году ужасное обращение инквизиции вследствие споров о привилегиях святого трибунала. - См. предыдущую главу, N 11.

33. Оссуна (герцог); на него поступил донос в 1609 году. - См. главу XXXVII.

34. Олавиде (дон Пабло), уроженец Лимы в Перу, asistente; то есть городской судья Севильи, правитель и генерал-губернатор городов и местечек, недавно

Untitled

выстроенных в Сьер-ра-Морене [910] и в Андалусии, был арестован в 1776 году и посажен в секретную тюрьму святого трибунала в Мадриде как подозреваемый в исповедании нечестивых убеждений, в частности, в поддержании тайной переписки с Вальтером и Руссо. Из документов процесса вытекало, что Олавиде среди жителей новых местечек, которыми он управлял, говорил языком этих философов о внешнем культе в этой стране, об употреблении колоколов, четок и других обычаях этого рода, о почитании икон Иисуса, Марии и святых, о прекращении работ в праздничные дни, о воздержании в пище в известные дни года, о приношениях на литургии, о проповедях, о совершении таинств и других церковных церемониях. Олавиде не обладал талантом лицемерия. Я ничего не могу возразить против деталей, находящихся в Новом путешествии в Испанию, которое издал в Париже Реньо в 1789 году. Эта книга не вполне лишена ошибок, но я должен сказать, что она толковее, точнее и умереннее тех, что я читал, хотя достоинством и ниже Относительного путеводителя графа Лабурда⁹¹¹, но я рассматриваю здесь Олавиде только в отношении его процесса. Подсудимый отрицал множество фактов и выражений, которые ему приписывали, разъяснил другие, которые могли быть плохо истолкованы свидетелями, но признал достаточное количество их, чтобы инквизиторы уверились в его тайных мыслях, сходных с мыслями его друзей. Олавиде просил прощения в своем неблагоразумии, но объявил, что не может того же сделать относительно обвинения в ереси, потому что никогда не терял внутренней веры. Он был жертвой изуверства монахов и невежественных

Untitled

священников, в глазах которых значило быть нечестивым, если не хвалить их принципов, которые они называли религиозными, благочестивыми и набожными, а в особенности обнаружить себя врагом тех правил, которые они старались с величайшим тщанием распространить, чтобы заполучить в свои руки приношения и деньги от непросвещенного народа. 24 ноября 1778 года справили малое частное аутодафе при закрытых дверях в залах трибунала мадридской инквизиции, в присутствии шестидесяти лиц высокого ранга. Дон Пабло де Олавиде предстал в платье кающегося, держа в руке зеленую потушенную свечу. Приговор объявил его сознавшимся в формальной ереси. В этом случае он должен был бы появиться в санбенито, с тростниковой веревкой на шее, но он был избавлен и от этого, и от пожизненного ношения санбенито. Он был приговорен к восьмилетнему заключению в монастыре и обязательству вести образ жизни согласно предписанию, которое ему продиктует духовник, назначенный по выбору инквизиции. Кроме того, он был удален навсегда из Мадрида, Севильи, Кордовы и новых местечек Сьерра-Морены. У него отняли имущество, и он должен был отказаться на будущее время от всякой должности и всякого почетного звания. К этим наказаниям был еще прибавлен отказ от верховой езды, ношения драгоценностей, золотых и серебряных украшений, жемчуга, бриллиантов, драгоценных камней, шелковых или тонких шерстяных одежд, кроме шитья из грубой саржи или сукна в этом роде. Чтение фактической части его процесса секретарем продолжалось около четырех часов; это не должно вызывать удивления, если принять в соображение,

Untitled

что прокурор инквизиции обвинял его в утверждении шестидесяти шести еретических мыслей и что по его делу было допрошено до семидесяти двух свидетелей. В конце чтения Олавиде прервал его возгласом: "Что бы ни говорил фискал, я никогда не терял веры". Услыхав свой приговор, он упал в обморок и упал со скамьи, на которой сидел (ему позволили сесть, хотя осужденные должны были стоять); ему брызнули воды на лицо, чтобы привести в чувство. По окончании чтения приговора ему дали отпущение; он получил его на коленях, прочитав и подписав свое исповедание веры; тотчас же его увели обратно в тюрьму. Нетрудно понять, как должны были страдать его щепетильность и самолюбие, когда он увидел себя в таком крайне унижительном положении в присутствии множества свидетелей. Шестидесять человек, которых пригласили присутствовать на церемонии, были герцоги, графы, маркизы, генералы, члены всех советов, выдающиеся рыцари разных военных орденов, люди высокого ранга, почти все его друзья. Выбор стольких важных лиц был результатом политики главного инквизитора и членов верховного совета, которые по некоторым обстоятельствам судопроизводства заподозрили кое-кого из приглашенных в том, что они более или менее разделяют его образ мыслей, и пожелали предупредить их, чего им следует опасаться, и искусно побудить их исправить свои мнения. Большинство в этом было убеждено; они знали, что мадридские инквизиторы того времени с успехом ввели этот обычай, доказательством чему послужило то обстоятельство, что дом Феляше де Саманьего сделал добровольное

Untitled

признание, а другие свидетели церемонии стали сдержаннее в своих разговорах. Олавиде отправился в назначенный ему монастырь, но некоторое время спустя бежал оттуда и удалился во Францию. Он жил в Париже под именем графа Пило, титул которого никогда не носил в Испании. Через несколько лет он опубликовал труд под названием Торжествующее Евангелие, или Обращенный философ. Благодаря этому сочинению он получил помилование и вернулся в Испанию, где не потребовали от него никакой епитимьи. Я видел его в Эскуриале в 1798 году у дона Мариано-Луиса д'Уркихо, первого министра и государственного секретаря. Так как ему давали пятьдесят один год во время его процесса, ему было теперь наверняка семьдесят три. Несмотря на несчастья Олавиде, память о нем будет вечно жить в сердцах жителей Сьерра-Морены. Справедливый и просвещенный дух, который он внес в прочное установление гражданского управления, его любовь к земледелию, которую он сумел привить новым поселенцам, источники богатства, которые он создал среди них, внушив им вкус к искусствам и труду, - все эти благодеяния обеспечили ему славу, которая продлится, пока просвещение и полезные знания будут в почете у людей.

35. Перес (Антонио), первый министр и государственный секретарь короля Филиппа II. - См. главу XXXV.

36. Поррес (дон Педро де), коррехидор и супрефект Мурсии, был преследуем в 1622 году. - См. предыдущую статью, N11.

37. Рамос дель Мансано (дон Франсиско), граф де Франко, воспитатель короля Карла II, председатель

Untitled

государственного совета Индий, составил несколько трактатов о политике, о которых говорит Николас Антонио в своей Испанской библиотеке. В них он поддерживает права и независимость государей против высшей власти пап, злоупотреблений римской курии, церковных судей и святого трибунала. Автор испытал сильное преследование. Его труды были осуждены; если бы Филипп IV не принял на себя его защиты, он был бы арестован и его книги были бы сожжены.

38. Рикла (граф де), военный министр и генерал-лейтенант армии при короле Карле III. На него донесли инквизиции как на принявшего учение философов XVIII века и те же убеждения, что и Олавиде. Но достаточно улики против него не имели, и его процесс был приостановлен.

39. Рода (дон Мануэль де), маркиз де Рода, министр и государственный секретарь по департаменту помилований и юстиции при короле Карле III. Он был выдающимся адвокатом в Мадриде и полномочным министром короля в Риме; его способности и просвещение оказали большую помощь королю в важных делах, касающихся изгнания иезуитов. Обвинение архиепископов и епископов чрезвычайного совета в янсенизме пало также и на этого министра, который сделал себе врагов, посоветовав Карлу III произвести реформу шести так называемых высших коллегий в Саламанке, Алькале и Вальядолиде. Донос не имел последствий, потому что он не содержал ни одного частного тезиса, достойного критики.

40. Сальседо (дон Педро Гонсалес де), королевский прокурор в государственном совете Кастилии, опубликовал трактат под заглавием О политическом законе и несколько

Untitled

других трудов, в которых сильно нападали на злоупотребления, совершенные судьями привилегированных трибуналов, и на притязания инквизиторов и других церковников на королевскую юрисдикцию.

Его преследовали, его книги были осуждены.

Понадобилось заступничество Филиппа IV, который отменил запрещение, однако впоследствии изъяли некоторые параграфы, которых нет и в последних изданиях.

41. Сальгадо (дон Франсиско де), член государственного совета Кастилии, напечатал несколько трудов в защиту светской королевской юрисдикции против посягательств церковной власти. Николас Антонио дал о нем заметку в своей Библиотеке. Римская курия их осудила; испанские инквизиторы заставили автора испытать большие огорчения. Когда они собирались опубликовать осуждение его книг, король Филипп IV, узнав об этом, запретил инквизиторам принимать дальнейшие меры.

42. Саманьего (дом Фелипе де), священник, архидиакон Памплоны, кавалер ордена Сант-Яго, королевский советник и главный секретарь, переводчик с иностранных языков, был приглашен присутствовать на аутодафе дона Пабло Олавиде. Услышанное им чтение настолько устрашило его, что боязнь на себе испытать подобное отношение вырвала у него добровольный донос на себя. Он представил писанное собственной рукою заявление, в котором сознавался в чтении запрещенных книг Вольтера, Мирабо [912], Руссо, Гоббса [913] Спинозы [914], Монтескье, Бейля [915], д'Аламбера [916], Дидро [917] и

Untitled

других. В этом заявлении говорилось, что чтение произведений этих писателей ввело его в религиозный пирронизм [918], но, серьезно поразмыслив обо всем, он решил твердо и неотступно следовать католической вере. Вследствие этого он просил отпущения цензур с предупреждениями. Трибунал потребовал, чтобы он подтвердил свое добровольное признание присягой. Его обязали также сказать, каким образом, при каких обстоятельствах и от кого он получал запрещенные книги и где они находятся в настоящее время, с какими людьми он беседовал по вопросам религии и кому открывал свои убеждения, кто из знакомых ему лиц опровергал или принимал его убеждения, кто оказался незнакомым с этим учением и кто уже знал его, наконец, от кого, каким образом и с какого времени он усвоил это учение. Эти подробные показания были поставлены ему условием, которое он должен выполнить, чтобы получить отпущение. Саманьего исполнил все требуемое. Он написал пространное заявление, в котором скомпрометировал почти всех ученых и просвещенных придворных лиц, между прочим - графа Аранду, генерала Рикардоса, графа де Трухильяса, генерала дона Хаиме Массонеса де Лима; графа де Монтальво, посла в Париже, брата герцога де Сотомайора; графов Кампоманеса, Флорида-Бланку, Орельи, Ласси, Рикла; герцога Альмодовара и других лиц, выдающихся как происхождением и положением, так и знаниями, полученными ими во время посольств при иностранных дворах и почерпнутыми из иностранных книг, привезенных ими в Испанию. Были возбуждены процессы против всех этих деятелей. Недостаток улик и их влияние

Untitled

удержали инквизиторов от продолжения дел до получения новых сведений. Некоторые из этих знаменитых людей, ставших объектами доноса Саманьего, были приглашены на аутодафе Олавиде.

43. Вице-король Сардинии был отлучен в 1498 году и наказан инквизиторами за помощь, предложенную им архиепископу города Кальяри, когда этот прелат захотел перевести одного преступника из тюрьмы святого трибунала в тюрьму архиепископии.

44. Сесо (дон Хосе де), председатель королевского апелляционного суда королевства Арагон. Этот магистрат написал труд, в котором собрал несколько окончательных решений, вынесенных в различных делах о подсудности; они были благоприятны светской власти против посягательств святого трибунала. Автор стал жертвой своего усердия: его преследовали и его труд был внесен в Индекс. Филипп IV пожелал, чтобы он был изъят оттуда. Николас Антонио говорит о ней в своей Новой испанской библиотеке.

45. Севилья. Председатель и все члены королевского апелляционного суда в Севилье были отлучены в 1598 году инквизиторами, которые утверждали, что должны первенствовать в митрополичьей церкви при похоронах Филиппа II. - См. предыдущую статью, N 9.

46. Солорсано (дон Хуан де), член государственного совета Индии. Он автор Индийской политики и некоторых других трудов в этом роде, в которых находятся те же принципы, что и в трудах Сальгадо. Он испытал подобную же участь; его книги постигла та же напасть.

47. Сотомайор (дон Гутьере де), кавалер и командор

Untitled

военного ордена Алькантара, брат графа Беналькасара, губернатора крепости Беналькасар, получил угрозу от инквизиторов в 1500 году за то, что отказался выдать им, без указаний графа Беналькасара, своего брата и начальника, женщину, которая, как предполагали, придерживалась соблазнительных взглядов относительно веры.

48. Терранова (маркиз де), вице-король, коннетабль и адмирал острова Сицилия, в 1543 году был принужден подвергнуться каре малого аутодафе в доминиканской церкви Юрода Палермо за наказание преступника, который был лучником инквизиции.

49. Толедо. Королевский судья первой инстанции в городе Толедо был настигнут анафемой святого трибунала, посажен в тюрьму и подвергся дурному обращению со стороны инквизиторов в 1622 году вследствие споров по делу о юрисдикции. - См. предыдущую статью, N 12.

50. Уркихо (дон Мариано Луис де), первый министр, государственный секретарь в царствование Карла IV. - См. главу XLIII.

51. Вальдес (дон Антонио), член государственного совета Кастилии. Он был отлучен инквизиторами в 1639 году за то, что отказался освободить от налогов чиновников святого трибунала, которые лично владели землями. - См. предыдущую статью, N 18.

52. Валенсия. Вице-король, наместник, губернатор королевства Валенсии, был принужден в 1488 году явиться в Мадрид, в верховный совет, просить прощения у инквизиторов и отпущения цензур, навлеченных им на себя за освобождение одного военного, содержавшегося в

Untitled

тюрьме святого трибунала. Он потерпел унижение, появившись на малом аутодафе.

53. Вера (дон Хуан Антонио де), заместитель великого судьи королевства Арагон. - См. главу XXXVI.

54. Сарате (Диего Руис де), старший алькальд и судья первой инстанции в Кордове, был наказан в 1500 году советом инквизиции и лишен своей должности на шесть месяцев за то, что не разрешил инквизиторам Кордовы произвести расследование процесса, возбужденного против главного альгвасила этого города. Я мог бы назвать других должностных лиц, которые были преследуемы инквизицией или подвергались этому риску. Но предыдущих примеров достаточно для доказательства того, что трибунал инквизиции неполитичен, стремится к посягательствам и будет противостоять независимости и державности королей, пока королевская юрисдикция будет спутана и смешана с церковной властью в руках инквизиторов, а члены инквизиции будут изъяты из гражданской и уголовной юрисдикции королевских светских судов, и отправление их должности будет совершаться под покровом тайны. Если мы присоединим к фактам, изложенным в этой главе, факты предыдущей главы, можно будет признать, что святой трибунал послужил началом и непрерывной причиной дурного вкуса испанцев в литературе и ложных принципов, которые в течение двух столетий имели перевес в области богословия и канонического права. Несомненно также то, что при помощи римской курии он более трехсот лет извращал принципы логики и обманывал королей при посредстве могущественного голоса великих главных инквизиторов,

Untitled

которые, умея пользоваться некоторыми моментами, всегда одерживали верх над усердием королевских советов Кастилии и Индий. К этому можно добавить и то, что он злоупотреблял внешним уважением, которым пользовалась религия, для одурачения испанских королей при помощи интриг самых честолюбивых людей.

Примечания

1 По Евангелию.

2 Говоря о первых веках Христианской Церкви в эпоху Римской империи и позднее, до первого раскола между восточной и западной Церквами при патриархе Фотии и папе Николае I во второй половине IX в., автор как католик постоянно употребляет выражение *la foi* (или *l'église catholique*), католическая вера (или Церковь). При переводе нельзя было пользоваться его терминологией при желании держаться исторической перспективы.

Поэтому мы в этих случаях переводим это выражение автора словами: "соборная" (вера) и "вселенская" (Церковь). В первом случае мы опирались на перевод слова "католическая" в девятом члене Символа веры на славянский язык словом "соборный", а во втором случае следовали обычной исторической терминологии "вселенский" в приложении к этому периоду Христианской Церкви. Соответствующий период не знал католичества в специфическом конфессиональном смысле.

3 По Евангелию.

4 Св. Игнатий - епископ Антиохийский, пострадавший при императоре Траяне (98 - 117 гг.) в начале II в. нашей эры. От него сохранилось семь посланий.

5 Св. Иринеи Лионский - один из Отцов Церкви II в.,

Untitled

малоазийский грек, ученик Поликарпа, епископа Смирнского, родился, вероятно, в Смирне; по преданию, погиб в 202 г. при гонениях императора Септимия Севера (193 - 211 гг.). Его главная деятельность - борьба с гностицизмом, то есть с учением о возможности познания Бога при помощи разума, без "откровения". Полностью до нас от него дошли "Пять книг против ересей" в очень старом латинском переводе, а не в греческом оригинале; впервые они были изданы Эразмом Роттердамским в 1526 г.

6 Климент Александрийский родился в Афинах в языческой зажиточной семье около 150 г.; в зрелых годах перешел в христианство, хорошо изучил философию Платона и стоиков. В 190 г. Климент был избран на должность руководителя огласительной школы (училищем для подготовки к христианству оглашенных) в Александрии. Во время гонения при Септимии Севере (202 или 203 г.) покинул Александрию и умер в 217 г. в Малой Азии. Гностицизм с его язычески-философским уклоном являлся для Климента как для христианина страшной опасностью, но он тем не менее не только гордился знанием гносиса, но и заимствовал из него очень многое для своего учения. Гностицизм был одной из разновидностей религиозно-философского синкретизма I - II вв. христианской эры. Климент отрицал, что наука является языческим созданием, произведением дьявола, и учил, что нет веры без знания, как и нет знания без веры.

7 Св. Юстин родился около 103 г. в Наблузе (древний Сихем в Палестине) и, по преданию, пострадал в Риме по доносу циника Кресцента около 167 г. при императоре

Untitled

Марке Аврелии (161 - 180 гг.), философе-стоике. Сам он был философом-платоником. Из его сочинений особенно известны две апологии христианства, из которых первая была подана императору Антонину-Пию (138 - 161. гг.), а вторая - Марку Аврелию в 167 г. Последнему он передал "Разговор с Трифоном-иудеем".

8 Тертулиан родился около 160 г. в Карфагене, в Северной Африке, год смерти в точности неизвестен (между 230 и 245 гг.). Он был язычником, впоследствии стал христианским священником и основал свою секту, последователи которой назывались по его имени тертулианистами. Тертулиан понимал текст Священного Писания буквально и считал, что учение Христа сделало излишней любознательность; Евангелие уничтожило необходимость в науке. Противоположность веры и знания выразилась в знаменитой формуле Тертулиана: "Credo quia absurdum est" ("Верю, потому что бессмысленно").

9 Ориген - богослов Восточной Церкви, вел борьбу против распущенности современного ему духовенства и по этой причине не признается официальной Церковью. Родился в христианской семье в Александрии в 185 г. и умер около 253г. Как и в гностицизме, исходным пунктом рассуждений Оригена был вопрос: откуда зло? Его учение было не по силам строгому монотеизму, и гностики прибегали ко второму началу мира, перелагая на него ответственность за зло. Ориген же говорил об обладающих свободой тварях, отступавших от добра: отступить от добра значит делать зло. Зло не обязательно, но нужно знание (гносис); только оно вернет людей к Богу. Это делается разными воплощениями (пророками), венчанными самим Логосом.

Untitled

Маленьким и грубым людям Логос принес себя в жертву, чтобы разбудить их внимание. Логос - точный образ Бога, своего рода второй Бог; он так же не отделим от Бога, как свет от огня, воля от разума.

10 Маркион - сын епископа и сам епископ, гностик II в., жил в начале царствования Траяна (98 - 117 гг.) в Синопе, в Малой Азии. Он учил о двух началах - добре и зле; Ветхий Завет он приписывал злomu началу, а Новый - добромy. В богослужебной практике Маркион не расходился с Церковью, и это делало его опасным для нее. У него было много последователей в разных местах Римской империи (в Сирии, Египте); они известны под названием маркионитов и принадлежали большею частью к средним слоям городского населения Греции и к греческой интеллигенции.

11 Кай - римский епископ (283 - 296гг.).

12 Бокара. По-видимому, здесь опечатка. Следует читать: Босра, Боцра, Бостра, что означает "крепость", - названия нескольких палестинских городов. Здесь имеется в виду столица набатейских царей, находившаяся в 120 км к югу от Дамаска и 150 км к северо-востоку от Иерусалима. Востра была крупным торговым центром. Значение Бостры объясняется тем, что здесь скрещивались торговые пути на Дамаск, Мекку и к Персидскому заливу. Ныне поселок Востра часто называется Эски-Шам.

13 Павел - епископ города Самосаты в Сирии, затем Антиохии, с 260 г. Он отрицал Троицу и не признавал божественности Христа; был отлучен от Церкви на Антиохийском соборе 272 г.

14 Феликс I - римский епископ (269 - 274 гг.).

Untitled

15 Диоклетиан - родом далмат, римский император (284 - 305 гг.).

16 Максимиан - соправитель Диоклетиана, римский император (286 - 305 и 306 - 310 гг.).

17 Феодотион Эфесский перевел в конце II в. с еврейского языка на греческий Ветхий Завет. Феодотион принадлежал к еврейской секте эбионитов (эбиониты - бедные, нищие). К правилам первоначального христианства они примешивали обрядности Моисеева закона. Родина секты - Заиорданье.

18 Коммод - сын Марка Аврелия, римский император (180 - 192 гг.).

19 Мерида - город в испанской провинции Эстремадура, на реке Гвадиане. Асторга - город в испанской провинции Леон. Мавры овладели им в 715 г. и потеряли в 1230 г.

20 Стефан I - римский архидиакон, затем папа (253 - 257 гг.). Он признавал вопреки св. Киприану Карфагенскому действительность крещения еретиков, выдвигал особый авторитет римской кафедры как престола св. Петра; был убит во время своей миссионерской деятельности среди язычников.

21 Эльвира - переделанное на испанский лад латинское название давно исчезнувшего города Illiberris, близ развалин которого мавры, владевшие тогда большей частью Испании, основали Гранаду.

22 Кодекс Феодосия был составлен по приказу восточного императора Феодосия II (408 - 450 гг.) и содержал законы Римской империи, начиная с Константина I (307 - 337 гг.). На Востоке он был обнародован в 458 г., а на Западе - при императоре Валентиниане III (425 - 455 гг.).

Untitled

23 Кодекс Юстиниана (*Corpus juris civilis*) был составлен в 529 г. по приказу восточного императора Юстиниана I (527 - 565 гг.) комиссией юристов, во главе которых стоял Требониан. Кодекс состоит из свода законов предшественников Юстиниана, из дигест, или пандект, институций и новелл.

24 Жак Годафруа - профессор права в Женеве; в 1665 г. вышло посмертное издание отредактированного им Кодекса Феодосия с комментариями.

25 Феодосий I - уроженец Испании, восточный император (379 - 395 гг.). С его времени обыкновенно считают начало Восточной Римской, или Византийской, империи, так как ни он, ни его преемники не принимали непосредственного участия в управлении угасавшей Западной Римской империей, конец которой приурочивается к 476 г. Византийская империя существовала до 1453 г.

26 Манихеи - средневековые катары, черпали некоторые пункты своего учения из манихейства, основателем которого был перс Мани, родившийся в начале III в. в Ктезифоне и распятый по проискам магов в 277 г.

Манихейство отличалось резко выраженным дуализмом. По этому учению, существуют два начала - доброе и злое, тьма и мрак, Древо жизни и Древо смерти. Дуализм манихейства разрешал вопрос, откуда зло (*unde malum*). Так как манихеи относились отрицательно к государственной религии, особенно к императорскому культу, то власти преследовали их.

27 Декурион - сперва начальник взвода в римской пехоте, затем участковый начальник городской милиции, затем (во время империи) сенатор муниципития (города,

Untitled

пользовавшегося самоуправлением). С этим значением титул и должность перешли в средние века и удержались дальше (в латинских странах - Италии, Испании).

28 Св. Мартин - епископ Турский, родился в Паннонии (теперешняя Венгрия), был сыном военного трибуна и сам служил при императоре Констанции II (337 - 361 гг.) в легионах; в зрелом возрасте стал священником, а в 374 г. епископом города Тура (во Франции); умер около 400 г.

29 Присциллиан - испанский еретик IV в. с гностическим уклоном. Он считал человеческую душу одной природы с божеством, мир - творением злого начала (как манихеи). Тщетно пытался оправдаться перед папою Дамасом I (366 - 384 гг.); был вызван на собор в Бордо; апеллировал к римскому императору Максиму II (383 - 388 гг.), управляющему Галлией и Испанией, и был отправлен в его резиденцию, в Трир, на реке Жозеле; здесь он был осужден и казнен в 384 г. вместе с некоторыми из своих учеников.

Его последователей присциллианистов - встречаем еще в VI в.

30 Августин - величайший авторитет средневековья, известный под названием Блаженного, родился в 354 г. в нумидийском городе Тагасте от отца-язычника и матери-христианки, был преподавателем красноречия в Тагасте, Карфагене и Милане. Тридцати двух лет принял христианство. В 391 г. стал священником, а в 395 г. - епископом города Гип-пона Царская (в Нумидии), умер при осаде этого города вандалами в 430 г. Августин - один из самых ранних проповедников принципа насилия в делах

Untitled

веры.

31 Гонорий - сын восточного императора Феодосия I, римский император (393 - 423 гг.).

32 Донатисты - название христианской секты в Северной Африке, происшедшее от имени двух епископов Донатов. Первый Донат был епископом Cellae Nigrae (Черные Хижины) в Нумидии; в 303 г. он произвел раскол в Церкви, отказываясь допускать к причастию предателей, то есть тех, кто во время гонения Диоклетиана выдавал язычникам священные сосуды и богослужебные книги. Он содействовал низложению епископа Карфагенского Цецилиана, но сам был отлучен на соборе в Арле в 311 г. и на Римском соборе в 313 г. римским епископом Мельхиадом (311 - 314 гг.), уроженцем Африки. Второй Донат был уже схизматическим (донатическим) епископом Карфагена (с 316 г.). Осужденный римским епископом и императором, он не сдался, а вместе со своими приверженцами стал проповедовать среди беднейших слоев населения и вызвал гражданскую войну. В основе восстания, поднятого против центральной императорской власти нумидийскими крестьянами, лежали и экономические причины. С одной стороны, крестьяне были отягчены налогами и поборами императорских чиновников фиска, стеснены в земельных владениях, которые были сильно урезаны в пользу императорских доменов; с другой стороны, крупные землевладельцы практически не страдали от налогов, а в городах царила роскошь; призыв донатистов, разоблачавших дружбу священников с богатыми эксплуататорами, сильно действовал на крестьян. С Миланским эдиктом (313 г.) императора

Untitled

Константина о веротерпимости борьба против священников, отказывавшихся от своих крестьянских воззрений, как только приближалась опасность, не кончилась. "Церковь святых", как называла себя группа наиболее решительных и фанатичных циркумцеллионов, выделившаяся из донатистов, выдвинула ряд требований церковно-политического и социально-экономического характера: невмешательство императорской власти в дела Церкви, прекращение преследований за отступление от общепринятого толкования буквы Священного Писания, организация жизни на первобытно-коммунистических началах (ибо земля - божья, т. е. общая). Радикализм их требований выразился не только в частых нападениях на крупных землевладельцев, но и в поднятии крестьянского и частично городского восстания, которое охватило всю Северную Африку (теперешние Марокко, Алжир и Тунис); восстание было подавлено с большой жестокостью силами императорской армии.

33 Гиппона - в древности два африканских города: 1) Гиппона Царская в Нумидии, ныне развалины около города Боны (в Алжире); епископом ее был Августин; 2) Гиппона Зарита, в римской провинции в Африке, начала процветать, когда в ней поселились изгнанные из Испании мавры; ныне портовый город Бизерта, стоянка французского флота в Тунисе.

34 Вестготы начали проникать в Испанию с севера при короле Валлии еще с 415 г. Теодорих II (453 - 466 гг.) и брат его Эврих (466 - 484 гг.) значительно продвинулись в глубь Испании; в VI в. вестготы завладели всем Пиренейским полуостровом, истребив свевов и оттеснив вандалов в

Untitled

Африку. С 554 г. при Атанагильде (554 - 567 гг.) их столицей стал Толедо. Вестготы приняли арианство во второй половине IV в., когда находились еще во Фракии, и принесли его с собою в Испанию. Здесь они отреклись от арианства и соединились со Вселенской Церковью при Рекареде I (586 - 601 гг.) в 589 г.

35 Исидор Севильский (родился в Картагене около 560 г., умер в 636 г.) - один из крупнейших богословов, грамматиков и историков раннего средневековья. Заняв после смерти своего брата Леонарда место севильского епископа, Исидор направил свое внимание на обращение евреев в христианство и на соблюдение насильно крещенными новой веры. Происходивший под его председательством четвертый Толедский собор в 633 г. принял ряд постановлений против евреев. Лжеисидоровы декреталии не имеют никакого отношения к нему.

36 Сисенанд - вестготский король Испании (631 - 663 гг.).

37 Рекаред I - вестготский король Испании (586 - 601 гг.).

38 Эгика - вестготский король Испании (680 - 701 гг.).

39 Лжедекреталии - папские декреталии, сфабрикованные компиляторами VIII - X вв. для вящего усиления папской власти, под видом апостолических решений древних пап; особенной известностью пользуются лжеисидоровы декреталии, составленные около середины IX в.

40 Григорий II - папа (715 - 731 гг.). В 723 г. он посвятил в епископы и послал в Германию для проповеди христианства и устройства церковных дел Бонифация (Винфрид, уроженец Англии), который в 751 г. получил сан архиепископа Майнцкого, основал несколько епархий в Германии и был убит в 755 г. близ Утрехта язычниками.

Untitled

Бонифаций короновал Пипина Короткого королем Франции.

41 Палатный мэр (magister palatii), или мажордом (majordomus) - то есть управляющий дворцом государя, дворецкий. При первой династии франкских королей, Меровингской, эти палатные мэры (начиная с 575 г.) постепенно расширяли круг своей деятельности и захватывали в свои руки все большую долю королевской власти; наконец они стали смещать королей и от их имени управлять страной; не довольствуясь титулом герцогов, они стали стремиться к королевской власти, и Пипин Короткий в 752 г. стал франкским королем, основателем второй династии, Каролингской. При этой династии должность палатного мэра перестала быть влиятельной.

42 Карл Мартелл - сын Пипина Геристальского и отец Пипина Короткого, с 714 г. франкский герцог и палатный мэр. В 732 г. одержал между Туром и Пуатье победу над арабами. Он самовластно управлял Францией, хотя и не носил титула короля.

43 Лангобардским королем был тогда Луитпранд (712 - 744 гг.). Лангобарды, германское племя, жившее раньше в Северной Германии, около Дании, сдвинулись со своих мест и в 568 г. овладели Северной Италией, получившей от них имя Ломбардии, употребляющееся и теперь. Столицей их был город Павия. В 774 г. Ломбардия была завоевана Карлом Великим при последнем лангобардском короле Дезидерии (756 - 774 гг.).

44 Григорий III - папа (731 - 741 гг.), родом сириец.

45 Захария - папа (741 - 752 гг.), родом грек из Южной Италии.

Untitled

46 Пипин Короткий - король Франции (752 - 768 гг.). Он положил начало Папской области, отдав папе Стефану II отвоеванные французами у лангобардов местности в Северной и Средней Италии.

47 Хильдерик III - последний представитель династии Меровингов на престоле Франкского королевства (742 - 752 гг.), был низложен при содействии папы Захарии и заключен в монастырь. Его причисляют к так называемым ленивым королям (*les rois faineants*).

48 Карломан - сын Карла Мартелла (старший) и брат Пипина Короткого, с 741 г. управлял тремя областями тогдашней Франкской монархии: Австразией, Швабией и Тюрингией; в 747 г. удалился в монастырь Монте-Кассино в Южной Италии; умер в 756 г. в городе Вьенне, в провинции Дофине.

49 Одилон - герцог Баварский, был побежден в борьбе с Пипином Коротким и Карломаном в 744 г., умер в 747 г.

50 Стефан II - папа (752 - 757 гг.), вторично короновал в 754 г. Пипина Короткого; получил от него во владение отнятые у лангобардского короля Равеннский экзархат и область Пентаполис (округ Анконы). Это положило начало образованию папского государства Церковной, или Папской, области.

51 Астольф - лангобардский король (749 - 756 гг.). В 752 г. он покорил Равеннский экзархат, но в 755 г. принужден был отдать его Пипину Короткому, который подарил его папе Стефану II.

52 Лев III - папа (795 - 816 гг.), содействовал переговорам и сношениям Карла Великого с византийской императрицей Ириной (797 - 802 гг.), полагая, что ему удастся стать

Untitled

главой Вселенской Церкви.

53 Карл Великий (742 - 814 гг.) - сын Пипина Короткого, король франкский с 768 г. и западный римский император с 800 г. Его резиденцией был город Ахен. Собрание его законов известно под именем Капитуляриев (потому что они разделены на главы).

54 Сен-Дени - ныне городок в 8 км к северу от Парижа. Некогда был аббатством ордена бенедиктинцев и местом погребения французских королей со времени Дагобера I; останки их были уничтожены в 1793 г., во время буржуазной революции во Франции.

55 Друиды - наименование жрецов древних кельтов, происходит от кельтских слов "de" (божество) "rhuud" (говорить), потому что жрецы эти считались истолкователями воли богов. Кельты верили в бессмертие души и перевоплощение и поклонялись силам природы, олицетворенным в божествах; храмов не имели, а религиозные церемонии производили в лесных чащах; в чрезвычайных обстоятельствах приносили человеческие жертвы на каменных алтарях.

56 Урхель - город в испанской провинции Каталония.

57 Адриан I - папа (772 - 795 гг.), получил от Карла Великого округ Перуджия и герцогство Сполето.

58 Франкфурт-на-Майне (Francofurtum, то есть франкский брод) - старинный город Германии, ныне крупный торговый центр. С 1254 г. стал имперским городом, одним из четырех, где происходили так называемые диэты, то есть сеймы Священной Римской империи.

59 Ахен - город в Германии; при Карле Великом стал столицей империи; в нем короновались германские

Untitled

императоры; продолжал называться имперским городом до 1792 г.

60 Михаил I Рангабе - византийский император (811 - 813 гг.).

61 Никифор I - патриарх Константинопольский (806 - 817 гг.), сосланный императором Львом V за защиту иконопочитания; умер в 828 г. Он составил "Летопись" и "Краткую историю" (602 - 770 гг.).

62 Феофан Continuator (то есть Продолжатель) продолжил "Краткую историю" Никифора, доведя ее до 813 г. Подобно Никифору выступал в защиту иконопочитания и стал жертвой императора Льва V; умер в 817г. в изгнании.

63 Готескальк (806 - 868 гг.) принял монашество в Суасонской епархии и вступил в орден бенедиктинцев; развил до крайности учение Августина Блаженного о предопределении, считая его абсолютным догматом, не допускающим оговорок и исключений.

64 Гинкмар (806 - 882 гг.) - архиепископ Реймский с 845 г., известен в истории как первый защитник галликанских вольностей и сторонник королевской власти в борьбе с папским самовластием.

65 Реймс - французский город в департаменте Марна; существовал еще до нашествия римлян в Галлию при Цезаре. В 496 г. был взят франкским королем Клодвигом, принявшим здесь крещение. Архиепископ Реймский короновал всех французских королей, начиная с Филиппа II Августа (1180 - 1223 гг.), кроме Генриха IV и Людовика XVIII. Это торжество обычно происходило в Реймском соборе. В 1914 г. собор был значительно поврежден германскими пушками.

Untitled

66 Рабан Мавр (776 - 856 гг.) принял монашество в 814 г., с 847 г. епископ Майнцский. Написал по-латыни стихотворный гимн "Veni, Creator" ("Гряди, Творец"), ныне исполняемый при богослужении в католической церкви.

67 Хорепископы существовали в древнехристианской Церкви. Это были те же священники (а вовсе не епископы), которые пользовались не только почетом, но и некоторой властью над другими священниками своего округа. По значению их можно сравнить с позднейшими деканами или благочинными. С течением времени при развитии круга церковного клира они получили право посвящать чтеца (анагноста) и иподиакона для нужд своего храма. К XII в. в восточной Церкви они исчезли, но сохраняются доныне у католиков и униатов.

68 Кьерси-сюр-Уаз - поселок во французском департаменте Эн, на реке Уазе. В замке рода Геристалей, из которого происходил Карл Мартелл, умерший здесь в 741 г., устраивались церковные соборы.

64 Монашеский орден бенедиктинцев получил свое имя от основателя, св. Бенедикта (480 - 543 гг.), уроженца северо-восточной части Италии. Бенедиктинцы распространились по всей Европе, причем разделились на несколько ветвей.

70 Агд - город во французском департаменте Эро; Агдский собор происходил в 506 г.

71 Карл II Лысый - король французский (840 - 856 и 859 - 877 гг.) и император германский (875 - 877 гг.), сын Людовика I и внук Карла Великого.

72 Иконоборцы - см. примеч. 573.

73 Седьмой Вселенский собор - это авторская описка.

Untitled

Константинопольский собор 869 г. у православных называется поместным, а у католиков - восьмым Вселенским собором.

74 Василий I Македонянин - византийский император (867 - 886 гг.).

75 Орлеан - город во французском департаменте Луара, на правом берегу Луары. Был основан на месте древнего галльского города, разрушенного Цезарем, и стал городом при императоре Аврелиане (270 - 275 гг.), от которого получил свое имя (Aurelianum).

76 Констанция - жена Роберта II, короля Франции, была дочерью Гильома III, графа Тулузского (950 - 1037).

77 Роберт II - сын Гуго Капета, король Франции (996 - 1031 гг.). Констанция была второй его женой. Первой была его родственница Берта Бургонская; за эту женитьбу он был отлучен от церкви папой Григорием V (996 - 999 гг.).

78 Санс - город во французском департаменте Ионна, на правом берегу реки Ионны; известен с IV в. В средние века его архиепископ был примасом Галлии.

79 В IX веке - это описка автора, надо читать: в VIII веке, потому что Захария был папой с 741 по 752 г.

80 Иоанн VIII - папа (872 - 882 гг.), разрешил Мефодию, архиепископу моравскому, брату апостола славян Кирилла, славянскую литургию для христиан его епархии.

81 Григорий VII - папа (1073 - 1085 гг.), родился в Соане, тосканском городе, был сыном плотника, носил имя Гильдебранд. Известна его борьба с германским императором Генрихом IV, которого он заставил явиться в 1077 г. в виде кающегося в Каноссу; борьба шла под лозунгом инвеституры, но по существу велась с целью

Untitled

предоставить папству власть над светскими государями, возглавить светское государство теократической властью папы.

82 Александр II - папа (1061 - 1073 гг.), уроженец Милана, носил имя Ансельмо да Бададжо.

83 Генрих III - это описка автора, надо читать: Генрих IV. Генрих III был германским императором в 1039 - 1056 гг. Генрих IV был его сын, царствовавший в 1056 - 1105 гг. и умерший в изгнании в Люттихе в 1106 г. Он наследовал отцу в шестилетнем возрасте и стал самостоятельно править в 1075 г. Спор и столкновение с папой Григорием VII произошли у него из-за инвеституры. В те времена епископы пользовались не только духовной властью в своей епархии, но часто и светской, являясь мелкими владетелями на правах государей своего епархиального города с округом, и в этом смысле были членами Германской империи и вассалами императора.

Инвеститура значит облечение властью. Этой суверенной властью, вассальной, однако, по отношению к сюзерену-императору, последний как представитель феодальной монархии и облакал епископов, посвященных в духовный сан римским папой. Папы со своей стороны утверждали, что и светская инвеститура епископов принадлежит им, так как вообще все государи, в том числе и император германский, являются вассалами папы и царствуют лишь его милостью. Этот ультрамонтанский взгляд папа Григорий VII провел на деле: смирил Генриха IV и заставил его явиться с покаянием в Каноссу, наложив на него отлучение, разрешив его подданных от присяги на верность императору и оказав воздействие германским

Untitled

курфюрстам в избрании нового императора Рудольфа. Вспыхнула война; Генрих IV вошел с войском в Рим, изгнал Григория VII, велел избрать на место последнего в 1080 г. Климента III (который считается антипапой) и заставил его короновать себя в 1082 г. Позднее у него возникла распря с сыновьями, и он был в 1195 г. низложен. Императорская инвеститура держала в своих руках весь епископат, а император через епископов фактически господствовал над империей; это был его аппарат управления и угнетения. Если бы к папе перешла власть инвестировать епископов, то фактическим правителем Германской империи стал бы Папа Римский. Кроме того, инвеститура в руках как папы, так и императора была средством выкачивания денег от епископов: кто их инвестировал, тот и получал от них определенные суммы денег. Все эти материальные моменты делают понятной ту долгую и страстную борьбу между империей и папством, которая разгорелась вокруг вопроса об инвеституре.

84 Рудольф - герцог Швабский, антиимператор германский с 1076 по 1080 г., был женат на сестре императора Генриха IV, погиб в битве при Мельзене близ Мерзебурга в 1080 г.

85 Лепта св. Петра (denarius Sancti Petri) - собственно добровольное пожертвование верных папе. Но папы накладывали эту "лепту" на целые страны, обязывая королей вносить им ежегодно известную сумму как бы в знак своей вассальной зависимости от наместников Христа. Нередко короли очень тяготились этим обязательством, но исполняли его, боясь церковного отлучения. В церковной литературе на Востоке более принято слово "лепта", на Западе - "денарий".

Untitled

86 Булла (Bulla) - папские указы, получившие некогда это название от привешивавшейся к ним свинцовой печати. У древних римлян булла - свинцовый шарик, который надевался детям на шею как предохранительный амулет. В средние века на Западе и в Византии булла - свинцовый шарик, сплюснутый для получения таможенной пломбы со штампом лица или учреждения.

87 Крестовые походы - военные экспедиции из Западной Европы на Восток, начавшиеся в конце XI в., продолжавшиеся свыше двух столетий, в значительной степени имевшие целью грабительским путем получить восточные товары, столь ценимые в Европе. Церковь, нуждавшаяся в восточных продуктах и привыкшая к ним, с самого начала захватила руководство крестовыми походами, которым она придала религиозный характер, проповедуя необходимость освобождения гроба Господня от неверующих, наступавших на Сирию, Палестину и Малую Азию. На Клермонском соборе 1095 г. монах Петр Амьенский, которому якобы во сне явился Спаситель с указанием помочь бедственному положению христиан на Востоке, увлек членов собора на борьбу за христианское дело, и папа Урбан II собрал народ на широкой равнине в окрестностях Клермона и призвал христианский мир на помощь не только Палестине, но и "всем угнетенным церквам восточным". Призыв Урбана II имел успех в известной степени потому, что папа объявил, что вооруженное паломничество в Святую землю заменит епитимью за все грехи, в которых паломники исповедаются и раскаются. Одновременно с индульгенцией крестоносцы получали освобождение от подсудности светским судам и

Untitled

наравне с лицами духовного звания отныне подлежали лишь духовному суду. Эта привилегия, сводившаяся фактически к безнаказанности даже самых закоренелых преступников, действовала притягательным образом на всяких бесчестных искателей приключений, число коих было очень велико в рядах крестоносной армии. Церкви были особенно выгодны крестовые походы, так как ходившие на Восток средние и мелкие рыцари нуждались в средствах, которыми их и снабжала Церковь, получая в залог принадлежавшие рыцарству земли. Дорожить последними у паломников было тем меньше оснований, что уход их носил крайне неопределенный по времени характер и в их отсутствие некому было следить за небольшими рыцарскими имениями. Зачастую Церковь и без ссуды брала на себя заботу о покинутом участке и округляла свои обширные владения землями крестоносцев. Земли эти отдавались Церкви до возвращения крестоносцев из Иерусалима; а так как лишь немногим удавалось вернуться из далекого похода, Церковь в долгие годы крестовых походов накопила немало "выморочных" имений. Если у погибшего и оставались наследники, то Церковь искусно оспаривала их претензии, ссылаясь на то, что она молится за душу умершего и что ей принадлежит поэтому земельный участок покойного крестоносца. Первый крестовый поход - это предприятие по преимуществу авантюристского французского рыцарства, поглощавшегося более крупными земельными магнатами, мечтавшего об исчезающих феодальных вольностях и искавшего возможности в далекой Палестине завести приходившие в Европе в

Untitled

упадок феодальные порядки. Эти рыцари шли в первую очередь в поисках земли. Но на борьбу с "неверными" устремились и торговые итальянские республики, которые вели выгодную торговлю на Востоке; победа мусульман над Византией создавала для этой торговли большую опасность, и спасение от гибели малоазиатских христиан было для итальянских городов равносильно удержанию былой монополии торгового посредничества между Западом и Востоком. К крестоносцам примкнуло много крестьян, которые видели в заморской земле выход из того тяжелого положения, в котором они находились у себя дома. Так разнообразные общественные элементы сгруппировались вокруг лозунга "Идем на освобождение Гроба Господня. Так хочет Бог!". Люди шли - кто за землей, кто за восточными товарами, кто из-за дарованных привилегий, кто из-за легальной возможности грабить, кто ради освобождения в будущей жизни от наказания за совершенные преступления. Как снежный ком, росла армия крестоносцев на своем пути с севера на юго-восток: продолжавшийся с конца XI в. голод и связанная с ним дороговизна гнали в армию безземельных крестьян, городскую мелкоту, женщин, стариков, детей, калек и больных. Армия эта впитала в себя и немало профессиональных преступников: воры, грабители и убийцы (по словам летописца Альберта из Экса) вошли в большом количестве в состав крестоносной армии. Походы обещали богатую добычу, а гарантированное папой Урбаном II вечное блаженство на том свете развязывало руки тем, кто еще колебался идти на прямой грабеж и иные преступления. Поход начался грабежами и избиением

Untitled

евреев. Первой жертвой крестоносцев сделалась еврейская община города Руана, за ней последовали многие другие, в особенности богатые прирейнские общины. Пламенный оратор и неутомимый проповедник монах Рудольф шел по городам и весям, связывая идею крестового похода с избиением евреев. Так стала складываться еще в начале походов "идеология" крестоносцев; специальное же обоснование погромной теории изложено в письме от 1146 г. аббата Петра из Ключни к французскому королю: "Нужно отобрать у евреев все их деньги, дабы рука христиан, усиленная имуществом евреев, легче могла преодолеть дерзость сарацин". Сарацины, однако, не были "преодолены", и крестовые походы закончились поражением крестоносцев.

88 Восьмого столетия - это описка автора, надо читать: девятого, ибо Иоанн VIII был папой в 872 - 882 гг.

89 Сильвестр II - папа (999 - 1103 гг.), родился в 930 г. в Орильяке, в Оверни, был родом француз и носил имя Герберт. В 992 г. он стал архиепископом Реймса, а в 997 г. - Равенны. За свои огромные по тогдашнему времени познания, опасные и подозрительные во времена невежества, прослыл чернокнижником. Он был сведущ в геометрии, механике, астрономии и музыке; ему приписывают введение так называемых арабских цифр и изобретение часов с маятником.

90 Бараний (Чезаре Баронио; 1538 - 1607 гг.) - с 1596 г. кардинал и префект Ватиканской библиотеки. Им была составлена и издана в Риме в 1588 - 1593 гг. по-латыни "Церковная летопись" в 12 томах in folio, обнимающая историю Церкви с ее начала до 1198 г. Она была

Untitled

продолжена Райнальди, Ладерки и Тейнером.

91 Михаил VII Паррапинак - византийский император (1071 - 1078гг.), был лишен престола новым императором Никифором III Вотониатом (1078 - 1081 гг.) и заключен в монастырь; затем стал епископом Эфесским.

92 Урбан II - папа (1088 - 1099 гг.), был родом француз и носил имя Одон, проповедовал первый крестовый поход.

93 Клермон-Ферран - город во французском департаменте Пюи-де-Дом; существовал еще при Цезаре в эпоху его галльских войн. В нем происходило несколько церковных соборов начиная с VI в.; самым знаменитым был собор 1095 г., на котором председательствовал папа Урбан II, проповедовавший первый крестовый поход.

94 Палестина - страна, бывшая ареной древнейшей истории еврейского народа. В географическом отношении является южной частью Сирии. В состав Палестины входит страна, лежащая между рекою Иорданом и Средиземным морем, а также отчасти на восток от Иордана. В 73 г. н. э. Палестина превратилась в римскую провинцию. После разделения Римской империи на две части (395 г.) Палестина была присоединена к восточной половине Византии. Со времени императора Константина Великого Палестина приобрела особое значение для христиан. Халиф Омар, разбивший на Ярмуке в 635 г. византийцев, завоевал всю Сирию и Палестину.

95 Антиохия - город на реке Оронте, в 30 км от Средиземного моря. Основана в 300 г. до нашей эры первым сирийским царем Селевком (311 - 279 гг.) и была столицей Селевкидов. В Римской империи занимала третье место по своему торговому значению (Рим,

Untitled

Александрия, Антиохия). После римлян ею владели последовательно персы, византийцы, арабы, крестоносцы, египетские мамелюки, а с 1516 г. - турки.

96 Индальгенция (отпущение грехов) - письменный документ от имени папы, верховного первосвященника, дающий обладающему им право на отпущение грехов как прошлых, так и будущих, или на известный, указанный в индальгенции срок, или на вечные времена. Индальгенции служили огромным источником доходов для католической Церкви.

97 Святая земля - христианский синоним Палестины; употребляется по преимуществу католиками и православными, лютеране гораздо чаще пользуются библейским синонимом земля обетованная.

98 Святой престол - так называется иногда папская администрация.

99 Катары - общее название для "еретиков", известных под именем богомилов (в Болгарии с XI в.), патаренов (в Ломбардии и Южной Франции с XII в.) и альбигойцев от имени города Альби (в Лангедоке и Провансе в XII - XIII вв.). Они отвергали почитание святых, поклонение иконам, молитвы за умерших и относились отрицательно к формулам устной молитвы. Не признавая церковной иерархии, они отрицали за священством власть отпускать грехи, отвергали первородный грех и "признавали лишь общую исповедь в повседневных грехах перед "совершенным" в собрании общины, праздновали только воскресный день (день Господень), брак считали естественным состоянием человеческих существ, в обиходной жизни не придавали никакого значения постам и

Untitled

не соблюдали канонических предписаний относительно рода пищи.

Все средневековые секты черпали приверженцев преимущественно среди эксплуатируемых, неимущих и бедных элементов общества. Угнетаемые жившей в роскоши и довольстве Церковью, они видели в учении сектантов, отрицавших всю церковную иерархию, голос Бога, осуждающий возглавляемую Римским папой Церковь. Папа являлся в глазах катаров олицетворением забывшей истинные заветы христианства "языческой" Церкви, и на папу катары нередко смотрели как на антихриста. Богатый был и в глазах первоначальных христиан не угодным Богу человеком; он не мог не оставаться таким и для катаров. Но раз богатство не угодно Богу и является делом рук дьявола, то бедность ему противоположна, мила и угодна Богу; и она становилась идеалом тех, кто ничем в жизни не обладает.

100 Александр III - папа (1159 - 1181 гг.), родился в Сиене и носил имя Роландо Райнуччо Бандинелли. На созванном им третьем Латеранском соборе (у католиков - второй Вселенский) исключительно кардинальской коллегии присвоено было право выбора папы, а папам предоставлено право канонизации святых.

101 Тулуза - город во французском департаменте Верхняя Гаронна. До Цезаря это уже был значительный город. Во времена империи Тулуза вошла в состав римской провинции Нарбоннская Галлия. С 419 по 507 г. была столицей вестготов, а после этого перешла в руки франков.

С 651 по 767 г. ею владели герцоги Аквитании из

Untitled

франкской династии Меровингов С 778 по 1271 г. она была столицей самостоятельного графства. В 1217 - 1218 гг. выдержала долгую осаду Симона де Монфора, вождя крестоносцев в войне с альбигойцами, которому папа пожаловал титул графа Тулузы, доставшийся по его смерти в 1218 г. под стенами Тулузы его сыну Амори (Амальриху). Последний в 1224 г. по мирному договору уступил Тулузу ее графу, Раймонду VII (1224 - 1249 гг.).
102 Раймонд V - граф Тулузы (1148- 1194гг.).

103 Мо (Meaux) - город во французском департаменте Сена-и-Марна, на реке Марне. Церковь Св. Хрисогона была построена в 1128 г. папой Гонорием I.

104 Латеран - название папского дворца в Риме. Он около тысячи лет (до 1038 г.) был папской резиденцией. В стоящей рядом с ним церкви Св. Иоанна Латеранского происходили четыре Вселенских (католической Церкви) собора (в 1123, 1139, 1179 и 1215 гг.) и восемь поместных (последний в 1725 г.).

105 Лев I Святой - папа (440 - 461 гг.), известен тем, что в 452 г. своим красноречием будто бы сумел отклонить от Рима угрозу разорения его вождем гуннов Атиллой; дело ограничилось денежным выкупом.

106 Клерво (Clairvaux) - местечко во французском департаменте Об, на реке Об (Aube). В 1115 г. известный деятель католической Церкви Бернард основал здесь монастырь Клерво, который быстро разросся и сам стал основывать новые монастыри. Аббатство перестало существовать во время буржуазной революции во Франции; его обширные здания заняты центральной тюрьмой и работным домом.

Untitled

107 Легат - временный посланник папы, исполняющий какое-либо отдельное поручение.

108 Альбигойцы - другое название катаров, в средневековье распространившихся по Европе, полученное от имени города Альба в теперешнем Тарнском департаменте Франции, главного места их пребывания. Им особенно покровительствовал Раймонд VI, граф Тулузский (1194 - 1222 гг.). Еще папа Александр III отлучил их от Церкви на третьем Латеранском соборе 1179 г. Иннокентий III (1198 - 1216 гг.) поднял против них крестовый поход в 1208 г. Во главе войск встал граф Симон де Монфор, убитый при осаде Тулузы в 1218г. Крестовый поход стал жестокой, кровопролитной и истребительной войной, длившейся до 1229 г. В результате ряд городов был взят и разрушен, десятки тысяч жителей вырезаны, край надолго разорен, сектанты почти все истреблены. В это время была создана инквизиция с миссией против альбигойцев, во главе ее стоял св. Доминик Гусман, родом испанец.

109 Лавор - город во французском департаменте Тарн. В 1211 г. жители этого городка, обвиненные в альбигойской ереси, были перебиты Симоном де Монфором.

110 Безье - город во французском департаменте Эро. Неоднократно подвергался разорению: в 450 г. - вестготами, в 736 г. - Карлом Мартеллом, отнявшим его у арабов, в 1209г.- Симоном де Монфором, который перебил несколько тысяч его жителей по обвинению в альбигойской ереси.

111 Луций III- папа(1181 - 1185 гг.), уроженец города Лукки, фамилия его была Аллучинголо. Вследствие смут он

Untitled

принужден был покинуть Рим и стал жить в Вероне, где в 1184 г. созвал поместный собор.

112 Фридрих I Барбаросса (т. е. рыжебородый)- германский император (1152 - 1190 гг.) из швабской династии Гогенштауфенов. Участвовал в третьем крестовом походе, во время которого утонул в речонке Селефе (древний Кидн) на пути из Икония (Кониэ) в Караман. Его имя осталось очень популярным у немцев; существовала легенда, что он не умер, а спит в пещере внутри горы Кифгейзор.

113 Архидиакон - глава дьяконов; зарождение этой должности относится к раннему времени; в XI - XII вв. власть архидиаконов достигла высшего предела. После Тридентского собора значение их начало падать. См. примеч. 853.

114 Аббат Клод Флери (1640 - 1723 гг.) - церковный историк. Его главный труд - "Церковная история", изданная в двадцати томах в 1691 и следующих годах. Она охватывала время от начала христианства до 1414 г. В 1840 г. было напечатано по неизданным бумагам продолжение его "Истории" за столетие - с 1414 по 1517 г.

115 Целестин III - папа (1191 - 1198 гг.), из римской фамилии Ореини, был известен до своего избрания под именем кардинала Гиацинта.

116 Альфонс II - король Арагона (1162 - 1196 гг.), присоединил к своим владениям Руссильон, Беарн и Прованс. Прованс был его пограничным с иноземными государствами владением; отсюда его титул - маркиз Прованс (маркиз, или маркграф, был титул владельца пограничной области).

Untitled

117 Прованс (от латинского слова "provincia") - старинная область на юго-востоке Франции. Жители говорили на языке, происходящем от латинского, но отличном от французского. Провансальская литература процветала в XIII - XIV вв. Прованс - родина трубадуров. С 879 г. Прованс стал самостоятельным государством, меняя часто свои границы и размеры, а также и титулы владетелей (то графы, то короли). В 1487 г. Прованс вошел в состав Франции.

118 Вальденсы - отрасль катаров (см. примеч. 99). В XII в. они жили в Провансе и вскоре разделили участь близких к ним альбигойцев. Но часть их уцелела в горных местностях Прованса и соседнего Пьемонта. Провансальские вальденсы были истреблены в 1545 г.; пьемонтские - подверглись гонению в конце XVII в. и в 1686 - 1687 гг. частью выселились в Швейцарию, частью остались все же в Пьемонте. Они и поныне живут в этих двух местах. В Швейцарии один кантон (с главным городом Лозанной) именуется их именем - Во (Vaud). Они образуют свободную вальденскую Церковь (libre eglise vaudoise).

119 Лионские нищие (Pauvres de Lyon) - отрасль катаров (см. примеч. 99), появились в XII в. в Лионе и скоро распространились во французской провинции Дофине. Они или были истреблены в XIII в. вместе с альбигойцами, или смешались с вальденсами, от которых их отличало только прозвание по месту возникновения.

120 Педро II - король Арагона (1196 - 1213 гг.), сын Альфонса II, изгнал вальденсов из своего государства, в которое входила тогда большая часть Прованса. В 1213г. отправился на помощь альбигойцам в их войне с

Untitled

крестоносцами, но был побежден Симоном де Монфором при Мюре и убит в сражении.

121 Эльна - ныне город во французском департаменте Восточные Пиренеи, близ Перпиньяна; прежде входил в область Руссильон, который принадлежал Испании с 1172 по 1472 и с 1492 по 1642 г.

122 Гранды - до XVI в. все дворяне Испании (идальго) носили титул *ricos hombres* (богатые люди, аристократы); Карл V заменил его именем *grandes* (гранды).

123 Римская курия - двор римского папы, который, как светский государь, имел штат придворных чинов. Но под этим названием почти всегда подразумевается вся вообще папская администрация, включая конгрегации и канцелярию.

124 Обычно апостол Петр изображается в памятниках христианской иконографии с двумя ключами (подразумеваются ключи Царства Небесного), а апостол Павел с двумя мечами. Папа как наследник Петра имеет в своем гербе два ключа.

125 По Деяниям апостольским.

126 Иннокентий III - папа (1198 - 1216 гг.), происходил из города Ананья в Центральной Италии и носил имя Лотаро Конти. При нем произошли следующие события: состоялся четвертый крестовый поход, который в 1204 г. положил начало Латинской империи в Константинополе, завоеванной крестоносцами (французами и венецианцами); шла война с альбигойцами; впервые введена инквизиция как церковное учреждение с определенными целями и законами; был созван двенадцатый Вселенский (четвертый Латеранский) собор в

Untitled

1215 г.

127 Светская область Церкви - так называемое Папское государство, или Папская область, возникло в 754 г. при папе Стефане II, постоянно увеличивалось дарами и завоеваниями и достигло значительных размеров. Кроме местностей в Италии папам принадлежали города и области на юге Франции, в Провансе. Потом постепенно папские владения стали суживаться и к 1870 г.

ограничились только городом Римом, который тогда же был занят королем Италии и объявлен столицей Итальянского королевства. Папа Пий IX отлучил от Церкви короля Виктора-Эммануила II и в знак протеста объявил, что будет жить безвыходно в Ватикане (Ватикан - часть Рима с папским дворцом и базиликой Св. Петра). В 1929 г. Муссолини заключил соглашение с папой Пием XI и признал за ним светскую власть в пределах Ватикана.

128 Наследие св. Петра (Patrimonium Petri) - специальное название части Папской области, состоявшей из земель, подаренных папству при папе Григории VII, в 1077 г. великой герцогиней тосканской Матильдой. Иногда под наследием св. Петра разумеют всю Папскую область.

129 Нарбоннская Галлия (Gallia Narbonensis) - провинция Римской империи. В IV в. была разделена на три части, почти соответствовавшие границам позднейших провинций Французского королевства - Лангедока, Прованса и Дофине.

130 Фуа (Foix) - графство в Провансе, самостоятельное с 1050 по 1479 г.

131 Цистерцианский орден - отрасль ордена бенедиктинцев, был основан аббатом Робертом и получил

Untitled

свое имя от названия деревушки Сито (Citeaux) в департаменте Кот д'Ор (по-латыни Gistercium).

132 Пьер де Кастельно - цистерианский монах, один из первых инквизиторов.

133 Гильом Катель (1560 - 1626 гг.) - член парламента (судебной палаты) Тулузы, издал "Историю графов Тулузы" в 1623 г.; его "Мемуары по истории Лангедока" были изданы в 1635 г.

134 Филипп II Август - король Франции (1180 - 1223 гг.). В 1189 г. участвовал в третьем крестовом походе, в 1191 г. помог взять Птолемаиду (St. Jean d'Acre). Боролся с некоторыми феодалами и был объединителем части Французской монархии.

135 Людовик VIII - король Франции (1223 - 1226 гг.), сын Филипа II Августа.

136 Экс (Aix) - город во французском департаменте Устье Роны, в 29 км от Марселя. Был столицей графов Прованса.

137 Арль (по-латыни Arelate) - город во французском департаменте Устье Роны, на реке Роне. В Арле происходило несколько поместных соборов. Арль был вольным городом, напоминая итальянские городские республики, но с переходом города в XIV в. к Франции самостоятельность его начала падать, и в XV в. Арль уже потерял свою независимость; отклонение торговых путей от Средиземного моря окончательно подорвало его значение.

138 Нарбонна - город во французском департаменте Од (Aude), на Нарбоннском канале. Во времена Римской империи был столицей Нарбоннской Галлии. См. выше

Untitled

примеч. 129.

139 Комменж (Comminges) - в старину область Южной Франции. Часть ее - Comminges Languedocien, или Bas-Comminges (Лангедокский, или Нижний, Комменж) - составляла особое графство, которое в 1453 г. было присоединено к Франции.

140 Каркассон - город во французском департаменте Од. С XI в. до 1247 г. был самостоятельным графством и сильно пострадал во время войны с альбигойцами.

141 Магелона - деревня во французском департаменте Эро; раньше была епископским городом. Кафедра епископа была в 1536 г. перенесена в Монпелье; самый город был разрушен по приказу Людовика XIII в 1633 г.

142 Бреве - папское послание папы по частному вопросу; обыкновенно выпускалось от имени папы его канцелярией.

141 Монпелье (Montpelher, от лат. Mons puellarum - гора дев) - город во французском департаменте Эро, в 8 км от Средиземного моря.

144 Св. Доминик родился в Калаоре (в Испании) в 1170 г. и умер в Болонье (в Италии) в 1221 г. В 1215 г. основал орден проповедников, названный по его имени доминиканским; доминиканцев называли псами Господа (Domini canes). Доминик был также основателем инквизиции (т. е. судопроизводства по делам веры). Доминиканцы дали огромное число проповедников, миссионеров и инквизиторов. Доминик был канонизирован папой Григорием IX (1227 - 1241 гг.) в 1234 г.

145 Орден св. Августина. - Августинцы (от имени Августина Блаженного) появились впервые в VII в.; в 1256 г. папой

Untitled

Александром IV (1254- 1261 гг.) были объединены в один орден. Они преимущественно занимались проповедью. Из этого ордена вышел Мартин Лютер.

146 Приор. - Здесь должно понимать под этим термином настоятеля капитула каноников августинского монашеского ордена при кафедральном соборе г. Осма в Испании.

147 Интердикт - см. примеч. 771.

148 Раймонд VI - граф Тулузы (1194 - 1222 гг.).

Покровительствовал альбигойцам, держал их сторону против крестоносцев, был дважды отлучен от Церкви, временно (1211 - 1218 гг.) был лишен своих владений, но победил крестоносцев и удержал власть в Тулузе до своей смерти.

149 Амбрен - город во французском департаменте Верхние Альпы над рекой Дюранса. Принадлежит Франции с 1585 г.

150 Вьенна (Vienne) - город во французском департаменте Изер, при слиянии Изера и Роны.

151 Дофине - провинция королевской Франции; ныне входит по частям в департаменты Изер, Верхние Альпы и Дроме. В средние века Дофине составляло самостоятельное графство, владельцы коего назывались дофинами (dauphins, от лат. delphinus - дельфин).

Графство Вьеннское существовало с 1063 по 1349 г., когда было присоединено Филиппом VI к Франции. С тех пор наследники французского престола стали носить титул дофинов. Вальденсы проникли сюда из Прованса в XIII в., а кальвинисты - в XVI в. В 1690 г. Дофине подверглось кровавой расправе после отмены Нантского эдикта.

152 Сарацины - под этим названием в средние века

Untitled

(особенно в эпоху крестовых походов) были известны в Европе вообще мусульмане любой национальности.

Латинское *saracen* происходит от греческого "*sarakenoí*", а последнее от арабского "шаркин" - восточный (в отличие от "магриб" - западный).

153 Кузеран - небольшая часть Гаскони, теперь составляет часть французского департамента Арьеж.

154 Симон, граф де Монфор (1160 - 1218 гг.) известен главным образом как вождь крестоносцев в войне с альбигойцами; отличался фанатизмом и жестокостью.

155 Несколько миллионов людей (*plusieurs millions de personnes*) - преувеличение, следует читать тысяч. Это более соответствует тогдашней населенности Европы и размерам Прованса, составлявшего часть Франции.

156 Самаритяне - жители Самарии, палестинской области. Северное Израильское царство, уничтоженное в 722 г. до н. э. ассирийским царем Саргоном, имело своей столицей Самарию. Жители Израильского царства ("десять колен") были переселены в Ассирию, на берега реки Тигра. Страна была заселена эмигрантами из Ассирии. Из смешения их с небольшой частью оставшихся жителей образовались самаряне, которые были евреями по вере, чтили еврейского бога, но признавали только часть еврейской Библии, так называемое Пятикнижие.

157 Беневент (*Benevento*) - город в Средней Италии. С 589 по 1053 г. был самостоятельным герцогством; в 1053 г. германский император Генрих III (1039 - 1056 гг.) отнял это герцогство у норманнов и уступил его папе Льву IX (1049 - 1054 гг.), с тех пор Беневент составлял часть Папской области (1053 - 1769, 1774 - 1806, 1814 - 1860 гг.).

Untitled

158 Церковь Св. Марии д'Аквила - надо читать: ин Аквино (Santa Maria in Aquino).

159 Десятый Вселенский собор. Этот Латеранский собор 1215 г. у католиков считается не десятым, а двенадцатым. Здесь, по-видимому, опечатка (dixieme вместо douzieme).

160 Лангедок - старинная провинция Французского королевства, ныне образует департаменты Арденны, Од, Гар, Верхняя Гаронна, Эро, Верхняя Луара, Лозер и Тарн. Лангедок соответствует в большей части Первой Нарбоннской Галлии Римской империи, с 918 г. под именем Герцогства Нарбонны перешел во владение герцогов Тулузы, а в 1229 г. был уступлен последним графом Тулузы Раймондом VII Франции.

161 Сикст V - папа (1585 - 1590 гг.).

162 Св. Петр-мученик - инквизитор, убитый в Вероне в 1252 г.

163 Гонорий III - папа (1216 - 1227 гг.), уроженец Рима, носил имя Ченчо Савелли. Он запретил в Риме преподавание римского права и разрешил преподавать только каноническое. При нем состоялся пятый крестовый поход, потерпевший неудачу.

164 Церковь Св. Иоанна и Павла в Риме упоминается в 499 г. как церковь Паммахия. При папе Григории I (590 - 604 гг.) получила наименование церкви Св. Иоанна и Павла.

165 Св. Фердинанд III - король Кастилии (1217 - 1252 гг.) и Леона (1230 - 1252 гг.). Основал в 1239 г. университет в Саламанке. В 1671 г. был канонизирован папой Климентом X (1670 - 1676 гг.).

166 Кастилия - испанская провинция, вернее, две провинции: Старая Кастилия (северная часть) и Новая

Untitled

Кастилия (южная часть). Центр Старой Кастилии - Бургос, центр Новой - Мадрид. Кастилия - страна замков, целый ряд которых был воздвигнут еще в IX в. как защитные пункты от нападения мавров. Кастилия была независимым королевством с 1034 по 1474 г., после чего вошла в состав Испанского королевства.

167 Леон - главный город испанской провинции Леон. Леон был независимым королевством с 914 по 1230 г., когда слился с Кастилией. С Леоном вошла в состав Кастилии и Астурия, бывшая с 718 по 914 г. самостоятельным королевством и в 914 г. объединившаяся с Леоном.

168 Фридрих II - германский император (1218 - 1250 гг.), внук Фридриха I Барбароссы. Вождь шестого крестового похода (1228 - 1229 гг.), закончившегося без битв, мирным договором. По возвращении в Европу он подвергся последовательно двум отлучениям от Церкви, дважды боролся с восстаниями в Италии, а также с двумя претендентами на императорский трон, выставленными против него папами. Фридрих считался просвещенным человеком, говорил на нескольких языках (между прочим, по-арабски), покровительствовал развитию наук в Падуе, Болонье и Салерно, основал университет в Неаполе в 1224г., заботился о переводах сочинений Аристотеля, Галена, Птолемея, чему помогло собрание древних рукописей, привезенных им с Востока. Для своей эпохи это был свободомыслящий человек; недаром ему приписывают знаменитое изречение средневековья о трех обманщиках, под которыми разумелись Моисей, Христос и Магомет.

169 Порто (у римлян Portus Romanus) - городок в Италии в

Untitled

18 км от Рима, на правом берегу западного рукава Тибра. 170 Тамплиеры (или храмовники) - военно-монашеский рыцарский орден, основанный в 1118 г. в Иерусалиме французскими крестоносцами. Первоначальной их резиденцией было помещение возле древнего храма Соломона (ныне мечеть Омара), откуда и произошло их наименование. После падения Иерусалима они распространились по всей Европе. Глава их носил титул великого магистра. У них существовала сложная административная иерархия. Территориальные владения ордена подразделялись на провинции, великие приорства, приорства и командорства. Тамплиеры развили крупную торговую деятельность, занимались мореплаванием, вели крупные финансовые операции, сохраняли у себя деньги папы и французского короля и по распоряжению последних производили банковские операции. "Храм, главный дом ордена в Париже, сделался прямо какой-то интернациональной биржей, куда обращались при своих сделках деловые люди, отделенные друг от друга большими пространствами" (Прутц). Естественно, что на богатства тамплиеров зарились многие. Ряд видных представителей ордена были обвинены в ереси и поклонении идолу Бафемету. 13 октября 1307 г. были арестованы все тамплиеры, находившиеся на территории Франции; против них был затеян грандиозный процесс; король Филипп IV (1285 - 1314 гг.) завладел всеми их богатствами, замками и землями и убедил папу Климента V (1305 - 1314 гг.) упразднить орден в 1312 г., а 18 марта 1314 г. сжег живьем в Париже, на косе острова Сите (Cite, центр древнего Парижа), великого магистра ордена Жака

Untitled

Молэ (1265 - 1314 гг.) и нескольких рыцарей. Тамплиеры под пыткой сознались в приписанных им преступлениях, но на месте казни отреклись от них.

171 Григорий IX - папа (1227 - 1241 гг.), родился в Ананье, носил фамилию Конти и был племянником папы Иннокентия III, теократическую политику которого продолжал. Вел борьбу против Фридриха II, был жесток в преследовании еретиков, в особенности из крестьян.

Составленный по его приказанию сборник декреталий называется "Extra". Григорий IX умер на сотом году жизни.

172 Падуя - город в Северной Италии, существовал еще в древности.

173 Церковь Св. Ангела - одна из древнейших церквей Рима. Была построена в 755 г., при папе Стефане II.

174 Тарантеза - область на реке Изере, с 1860 г. принадлежит Франции и составляет часть департамента Савойя. В средние века управлялась своими епископами, до конца XI в., когда отошла к герцогству Савойя.

175 Безансон - город во французском департаменте Дуб (Doube), на реке Дуб. С 1184 по 1648 г. был имперским городом, с 1648 по 1674 г. Принадлежал Испании, а затем отошел к Франции.

176 Беарн - провинция королевской Франции, граничившая с Испанией, Прежде составляла часть Каролингской империи, с IX в. стала самостоятельной, переменяла несколько династий, в конце XV в. соединилась с Наваррой и стала частью Наваррского королевства; в 1620г. была присоединена к Франции. Кальвинизм пользовался там покровительством королевы Жанны д'Альбре, матери Генриха IV, а также самого Генриха IV. Протестанты

Untitled

находили в Беарне безопасный приют, и начиная со второй половины XVI в. их там насчитывалось значительное число.

177 Францисканский орден был основан в 1208 г. св. Франциском Ассизским (из города Ассизи в Италии). Францисканцы иначе назывались миноритами.

Первоначально орден был в натянутых отношениях с официальной Церковью, но затем стал одним из орудий в борьбе папства за расширение своего влияния главным образом в чужих землях (миссионерство). Обет нищеты нисколько не помешал ордену стать одной из богатейших церковных организаций.

178 Людовик IX Святой - король Франции (1226 - 1270 гг.), вождь седьмого крестового похода (1248 - 1254 гг.), который был направлен против Египта. Крестовые походы были явно в интересах торговой буржуазии; вся политика Людовика IX была направлена на укрепление абсолютизма. В 1270 г. Людовик предпринял против Туниса восьмой крестовый поход, но, заразившись чумой, умер.

179 Бланка - королева Франции, жена Людовика VIII и мать Людовика IX, дочь Альфонса IX, короля Кастилии (1158 - 1214 гг.).

180 Раймонд VII - граф Тулузы (1222 - 1249 гг.), сын Раймонда VI, стоял на стороне альбигойцев. В 1229 г., ослабленный длительной войной, заключил мир с Францией и папством, поступившись частью своих владений. У него осталась дочь, бывшая замужем за Альфонсом, братом Людовика IX; по смерти Альфонса, с 1270 г., Тулуза перешла во владение Франции.

181 Турна - город в Бельгии, на реке Шельда. С конца XIII

Untitled

в. до 1521 г. был во владении Франции, с 1521 по 1667 г. им владела Испания, с 1667 по 1709 г. - опять Франция, с 1709 по 1745 г. - Австрия, с 1745 по 1814 г. - снова Франция, с 1814 по 1830 г. - Нидерландское королевство и с 1830 г. - Бельгийское королевство.

182 Словом *викарий* передано французское слово "suffragan" - суффраган, означающее должность подчиненного главному архиерею епископа.

183 Константин I Великий - римский император (307 - 337 гг.), по мнению некоторых авторитетных историков, не был христианином. Это был политик, сумевший угадать в христианстве большую силу, которую можно было из разрушительной сделать созидательной, обратив ее ресурсы на службу империи. Он действовал осторожно и расчетливо, закрепив за христианской верой в 313 г. лишь веротерпимость, то есть признав ее покровительствуемой государством наравне с другими культами и даровав христианскому духовенству (епископам и священникам) льготу не служить в муниципальном (городском) управлении. Дети Константина были арианами. Обращение Константина было исторической фикцией, составленной под влиянием позднейших церковных взглядов; не было, разумеется, и никакого дара Константина римскому епископу Сильвестру, на котором папы в течение ряда веков основывали свои притязания на светскую власть и даже на гегемонию над императорами.

184 Раймонд де Пеньяфорте - уроженец Каталонии, третий генерал ордена доминиканцев, духовник папы Григория IX, умер на сотом году в Барселоне. Впоследствии был канонизирован.

Untitled

185 Моанниты - см. примеч. 659.

186 Монашеские ордена. Древнее христианство не знало монашеских орденов. Монашество, возникшее в Египте в IV в. и распространившееся с половины V в. постепенно по всему христианскому миру, знало только два деления: скиты пустынных отшельников (или пустыни) и киновии (монастырские общежития), или мандры (ограды с кельями внутри). Отшельничество преобладало более на Востоке. На Западе стали возникать в это же время общежительные монастыри. Настроения и склонности их основателей, характер избранной местности потребности Церкви или окрестного населения и общие социально-политические условия постепенно изменили первоначальный строй монашеского уклада жизни, заимствованного с Востока. Этому содействовало и различие социально-политической и духовной жизни народов Востока и Запада.

Приспосабливаясь к требованиям феодальной жизни и натурального хозяйства, западные монастыри стали обособляться друг от друга. Наряду с этим на Западе появились неизвестные на Востоке монашеские ордена с равным назначением и различными задачами деятельности. Одни ордена преимущественное внимание обращали на изучение богословия (бенедиктинцы), на воспитание юношества (иоренимиты), на церковное пение и музыку (картезианцы). Другие поставили себе обязанностью следить за чистотой веры и проповедовать Евангелие (доминиканцы) и стали миссионерами и инквизиторами. Францисканцы проповедовали идею нищеты. В XVI в. новый орден иезуитов поставил себе задачей защиту папства от нападков на него со стороны

Untitled

протестантов. Бесстрастно, как труп (as cadaver), должен был держать себя каждый член Общества Иисуса (Societas Jesu), действуя всемерно для вящей славы Божией (ad maiorem Dei gloriam). Им приписывают лозунг: "Цель оправдывает средства", хотя в статутах ордена его нет. В их "Тайных наставлениях" ("Monita Secreta") имеются между прочим два любопытных правила: 1) reservatio mentalis (удержание в уме), состоящее в том, что человек может говорить одно, а думать про себя другое, говорить ложь и скрывать правду, если сказать ее невыгодно; 2) raro unus, nunquam duo, semper tres (редко один, никогда два, всегда три), характеризующее крайнюю недоверчивость заправил ордена и узаконяющее внутренний шпионаж. В редких случаях еще можно довериться испытанному человеку, но двое предадут, войдут в соглашение и обманут; три будут вернее. Когда на какое-либо дело посылался один человек, он не знал, кто будут двое других; слежка обеспечена, враг невидим, увернуться нельзя. В XVII в. возник орден траппистов; он культивировал безмолвие как "условие, удобное для постоянного размышления о грядущей смерти, которая, быть может, близка. При встрече трапписты обменивались пожеланиями: "Memento mori" ("Помни о смерти"). Главы католических орденов по большей части жили в Риме; назывались генералами. Рядом монастырей в какой-либо провинции заведовал провинциал, называвшийся в личных сношениях прелатом (высокопоставленное лицо, начальник). Настоятель отдельного монастыря именовался приор (первый) или суприор (старший). Кроме мужских орденов были и женские монашеские ордена, но с

Untitled

меньшей дифференциацией обязанностей, из которых главнейшими были: воспитание детей в сугубо религиозном духе и благотворительность.

187 Церковь Св. Мартины в Риме упоминается уже в IX в.

188 Милан (по-латыни Mediolanum) - город в Северной Италии, (фунейший центр хозяйственной жизни. В

Милане находится Амброзианская библиотека, в которой более 15 тыс. рукописей. С 1257 по 1535 г. "Милан

управлялся фамилиями Делла Торре, Висконти и Сфорца.

С 1535 до 1700 г. герцогство Миланское принадлежало

Испании, с 1700 до 1859 г. - Австрии, в 1859 г. вошло в состав Итальянского королевства.

189 Цизальпинская Галлия - римское название областей Северной Италии (Пьемонта, Ломбардии, Венеции, Эмилии).

190 Неаполь - город в Южной Италии, до 1860 г. столица

Королевства Обеих Сицилии, ныне главный город провинции Неаполь. Построен греками еще до основания

Рима. Им владели римляне с 290 г. до нашей эры,

византийцы - с 536 г., норманны - с 1130 г.; с этого времени его судьба сливается с историей острова Сицилия.

191 Сицилия - большой остров на юге Италии, в

Средиземном море, с 1861 г. принадлежит королевству

Италия. История Сицилии начинается в весьма

отдаленные времена. С VIII в. до н. э. ее стали

колонизировать греки, основавшие здесь несколько

городов, то бывших республиками, то управлявшихся

наследственными тиранами (царями). В V в. до н. э.

Сицилией завладели выходцы из Тира, пунийцы,

образовавшие своеобразную торгово-олигархическую

Untitled

республику Карфаген. С 266 г. до н. э. за обладание Сицилией завязалась у карфагенян с римлянами длительная борьба, известная под именем трех Пунических войн. В 212 г. до н. э. в результате второй Пунической войны римляне подчинили себе всю Сицилию, которая надолго стала житницей Рима. В 440 г. н. э. ею овладели вандалы, в 493 г. - остготы, в 535 г. - византийские басилевсы (цари), в 827 г. - арабы-аглабиты, в 917 г. - фати-мидские эмиры арабов. С 1058 г. норманны образовали из Сицилии особое княжество и вскоре, в 1194 г., королевство перешло под власть королей из германского дома Гогенштауфенов (1194 - 1266 гг.). Затем королевство Сицилия то объединялось с Неаполем в одно Королевство Обеих Сицилии, то разъединялось, меняло династии и наконец соединилось с Италией. Выгодно расположенная и богатая Сицилия всегда была объектом борьбы разных хищников.

192 Наварра (от баскского *navarros* - жители равнин) - граничащая с Францией испанская провинция, с центром Памплоной. Населена басками, называющими себя "эскуара". С 860 по 1512 г. была независимым королевством, затем стала провинцией Испании, кроме части, находящейся за Пиренеями, которая продолжала иметь особых королей до 1589 г., когда король ее Генрих IV стал королем Франции и Наварры. Теперь эта часть Наварры составляет французский департамент Нижних Пиренеев с главным городом По.

193 Арагон - северная провинция Испании с центром Сарагосой. Был самостоятельным королевством с 1035 до 1479 г., когда через брак Фердинанда V, короля Арагона, с

Untitled

Изабеллой, королевой Кастилии (см. примеч. 266 и 267), был объединен с Кастилией в единую Испанскую монархию.

194 Португалия - небольшая страна на Пиренейском полуострове, на запад от Испании. В древности называлась Лузитанией. Была независимым королевством с 1095 по 1580 г., с 1580 по 1640 г. входила в состав Испании, а затем, с 1640 по 1908 г., снова стала независимым королевством, с 1908 г. - республикой. Столица - Лиссабон.

195 Севилья - центр Андалусии, на реке Гвадалквивир. В 1248 г. кастильский король Фердинанд III отнял ее у мавров; с тех пор она почти без перерывов была столицей Испании до Карла V, который перенес столицу в Толедо. В 1481 г. в Севилье был учрежден главный трибунал инквизиции.

196 Кордова - крупный город в испанской провинции Андалусии. Основана римлянами в 152 г. до н. э. В 572 г. ею овладели вестготы; в 756 г. в Кордове был основан арабский халифат омайядом Абдуррахманом I (756 - 787 гг.); в 1236 г. она была взята Фердинандом III, королем Кастилии и Леона, и присоединена к его владениям; в 1474 г. вошла в состав Испанского королевства.

197 Хаиме I - король Арагона (1213- 1276 гг.), сам написал хронику своего царствования.

198 Валенсия - испанская провинция с главным городом того же названия. В XI в. недолгое время была Мавританским королевством и по присоединении к Испании до 1707 г. сохраняла название королевства.

199 Майорка - самый большой из Балеарских островов с

Untitled

главным городом Пальма. В 1229 г. Майорка была завоевана арагонцами, в 1226 г. стала отдельным королевством, а затем вместе с Арагоном вошла в состав Испании.

200 Санчо VII - король Наварры (1194- 1234 гг.). У автора опечатка в цифре: Санчо назван вместо Седьмого Восьмым (такого не было).

201 Теобальд I (Thibaut) - король Наварры (1234 - 1250гг.), сын Бланки, сестры Санчо VII. Был графом Шампани под именем Теобальда VI и вместе с Людовиком VIII, королем Франции, участвовал в 1226 г. в крестовом походе на альбигойцев. Известен как трубадур.

202 Шампань - старинная провинция Франции; ныне образует департаменты Марна, Верхняя Марна, Об, Арденны и часть департаментов Ионн, Эн, Сена-и-Марна и Меза. С X в. она была самостоятельным графством, в 1234 г. соединилась с королевством Наваррским, в 1284 г. отошла к Франции.

203 Бри - старинная провинция Франции; теперь составляет часть департаментов Сена-и-Уаза, Сена-и-Марна, Эн. С 908 г. была соединена с Шампанью и разделила ее участь.

204 Санчо II - король Португалии (1223 - 1248 гг.), потомок Энрико, первого графа Португалии, герцога Бургундского, правнука Роберта П, короля Франции (996 - 1031 гг.).

205 Братья проповедники - одно из наименований монахов доминиканского ордена, выявляющее характер их деятельности.

206 Провинциал - см. примеч. 186.

207 Форкалькье - город во французском департаменте

Untitled

Нижние Альпы. Некогда был самостоятельным графством; в 1208 г. он соединился с Провансом.

208 Иннокентий IV - папа (1243 - 1254 гг.), уроженец Генуи, носил Имя Синибальдо Фиески, Конте ди Лаванья. Он боролся с Фридрихом II, бежал от него сначала в Геную, потом в Лион, где в 1245 г. снова отлучил "то от Церкви и выдвинул против него одного за другим двух соискателей императорского титула, а по смерти Фридриха II все время выступал против его сына Конрада IV, императора германского (1250 - 1254 гг.).

209 Генуя - город в Северной Италии, в углублении Генуэзского залива; генуэзский порт по своему торговому значению является третьим на Средиземном море (после Марселя и Триеста). Основана Генуя за 700 лет до нашей эры лигурами, завоевана римлянами в 222 г. до н. э.; при римских императорах получила права муниципии; в начале X в. стала независимой республикой. В средние века она стала одной из крупнейших торговых и морских республик; время ее расцвета относится к XIII и XIV вв.; соперничала с Венецианской республикой и Пивой, помогала Палеологам отнять Константинополь у латинских императоров, за что получила большие торговые привилегии и крупные владения. Города и острова Греции Генуя потеряла в 1475 г.; в 1768 г. уступила остров Корсика французам.

210 Перпиньян - французский город в департаменте Восточные Пиренеи, с 1475 по 1642 г. принадлежал Испании.

211 Урбан IV - папа (1261 - 1264 гг.), француз, уроженец Шампани; по имени Жак Панталеон.

212 По-видимому, 1264 г.

Untitled

213 Климент IV - папа (1265 - 1271 гг.), француз, уроженец г. Сен-Жиль на Роне, по имени Гюи де Фульк.

214 Серданья - старинное название местности, расположенной по обе стороны склона Пиренеев. С IX по XII в. имела своих графов, потом испанская ее часть вошла в графство Барселоны, а французская в 1659 г. была присоединена к Франции.

215 Хаиме II - король Арагона (1291 - 1327 гг.).

216 Руссильон - французская провинция, ныне часть департамента Восточные Пиренеи; с 1172 по 1462 г. принадлежала Арагону, с 1492 по 1659 г. - Испании. Столицей ее был Перпиньян, теперешний центр Департамента.

217 Минорка - второй по величине из Балеарских островов, принадлежит Испании.

218 Ивиса, или Ибиза (Ibiza) - самый западный из Балеарских островов, принадлежит Испании с 1294 г.

219 Климент V - папа (1305 - 1314 гг.), первый из пап, живших в Авиньоне, француз по имени Бертран де Гот (Goth). Сборник его узаконений носит название "Клементины".

220 Сант-Яго-де-Компостелла - военный орден Сант-Яго шпаги (Santiago de la espada), учрежден в 1170 г.

Фердинандом II, королем Леона и Кастилии (1157 - 1188 гг.), для защиты паломников, направляющихся в город Сант-Яго-де-Компостелла, от нападения мавров. С 1493 г., при Фердинанде V, гроссмейстером ордена стал испанский король.

221 Бегарды - религиозная секта, возникшая в XII в. во Фландрии и Брабанте. Происхождение названия, согласно

Untitled

Мосгейму, от слова *beg*, что означало "просить" (на старосаксонском наречии; откуда бегарды - бедняки, нищие, просившие милостыню). Среди сектантов было большое число женщин, так как возникший в связи с крестовыми походами избыток женского населения в Западной Европе весьма тяжело отражался на материальном положении женщин. Многие из них не имели возможности выйти замуж, и бегинские общежития являлись своеобразным решением женского вопроса. Первые женские бегинские общежития насчитывали много ткачих и прядильщиц, так как Фландрия и Брабант были в XII в. центрами ткацкого дела. По примеру женских общежитий стали возникать в начале XIII в. мужские в Нидерландах, Франции, Германии, Англии, отчасти в Испании и Италии. Занимаясь ткацким делом, ведя общее хозяйство, деля доходы между своими членами, эти братства неженатых ремесленников и общежития незамужних женщин представляли собою опасных конкурентов кустарям-ткачам, и последние в Нидерландах и других местах вели против них сильную агитацию, нашедшую вскоре поддержку Церкви. Церковь не могла мириться с тем, что из бегинажей выходило много "апостолов" труда, доставлявшего средства к жизни и являвшегося редким контрастом официальной Церкви. Так бегинажи постепенно вырастали в центры антицерковных проповедей, в которых былая "нищенская" и аскетическая Церковь, отрицавшая частную собственность и отвергавшая земные наслаждения, противопоставлялась "нынешней", испорченной Церкви, руководимой антихристом-папой. Клич "назад к первобытной церкви" все

Untitled

сильнее проникал в бегардские братства, и еретики (вальденсы, катары и др.) стали эмигрировать из Италии и Франции во Фландрию и наполнять эти бегинажи. В результате последние стали преследоваться инквизицией, и Вьеннский собор 1311 г. настаивал на решительном искоренении бегардской ереси. Началось массовое сожжение бегардов на кострах; особенно сильно их преследовали при папах Урбане V и Григории XI. Сожжения довели число бегардов до ничтожных размеров; уже в XV в. слово "бегард" стало бранным, они сохранились лишь в Бельгии и в Голландии. В Генте и ныне существует бегинаж с общежитием.

222 Климент VI - папа (1342 - 1352 гг.), имевший резиденцию в Авиньоне, француз по имени Пьер Роже, уроженец Момона в Лиможской епархии, был бенедиктинцем, архиепископом сначала Руана, а потом Бордо. При нем в 1347 г. произошло в Риме восстание, во главе которого стоял Кола ди Риенци, народный трибун с диктаторской властью, опиравшийся на буржуазию и мелкую городскую массу, страдавшую от борьбы между феодалами и тосковавшую отчасти по находившемуся в Авиньоне папству, так как отсутствие папы лишало Рим его обычных доходов. Риенци добился некоторого улучшения положения народа, казнил бандитов, заговорил о необходимости сделать Рим сильным и могучим; его тиранические замашки вскоре оттолкнули от него значительные народные массы, которые не подали на его защиту, когда в 1348 г. бароны осадили Рим. Риенци скрылся в замке Св. Ангела, а оттуда бежал в Прагу к императору Карлу IV; тот выдал его Клименту VI, который

Untitled

готов был его казнить, однако смерть помешала ему. При Иннокентии VI Риенци превратился в орудие папы. Он вызвал против себя недовольство и во время восстания 1354 г. был убит.

223 Эмпурias - город в испанской провинции Каталония на Средиземном море; основан греками, выходцами из Массилии (Марселя).

224 Иннокентий VI - папа (1352 - 1362 гг.), француз по имени Этьен д'Альбер; уроженец Лиможской провинции; одно время преподавал римское право в Тулузе.

225 "Секста" ("Sexta") - сборник декреталий папы Бонифация VIII (1294 - 1303 гг.).

226 "Клементины" ("Clementinae") - сборник декреталий папы Климента V (1305 - 1314 гг.).

227 "Экстраваганты" ("Extravagantes") - сборник декреталий пап от Урбана IV (1261 - 1264 гг.) до Сикста IV (1471 - 1484 гг.).

228 Григорий XIII - папа (1572 - 1585 гг.), знаменит своей реформой календаря; установленный им новый стиль получил от его имени название григорианского. Реформа была основана главным образом на работах итальянского астронома Алоизия Лилия, умершего в 1576 г.

229 Григорий XI - папа (1370 - 1378 гг.), француз по имени Роже де Бофор, уроженец Момона в Лиможской провинции, племянник Климента VI, перенес в 1377 г. папскую резиденцию из Авиньона в Рим.

230 Тускулум (Тускул) - латинское наименование нынешнего итальянского города Фраскати, близ Рима.

231 Лиссабон - столица Португалии, на правом берегу реки Таго, близ ее впадения в Атлантический океан. Был во

Untitled

владении мавров с 716 г.; с 1147 г. стал столицей Португалии.

230 Минориты (т. е. меньшие) - одно из названий францисканцев.

233 Урбан VI - папа (1378 - 1389 гг.), итальянец по имени Бартоломео де Приньяно, уроженец Неаполя. При нем начался великий церковный раскол, продолжавшийся с 1378 по 1449 г. Недовольные его суровостью и самодурством кардиналы в том же 1378 г. избрали антипапу, принявшего имя Климента VII и поселившегося в Авиньоне. Урбан VI был признан в Чехии, Венгрии, Англии, Португалии и Сицилии; Климент VII - во Франции, Неаполе, Шотландии и Испании.

234 Климент VII - Роберт, граф Женевский, епископ Теруаны, выбранный во время великого раскола антипапой, имевший резиденцию в Авиньоне (1378 - 1394 гг.).

235 Мартин V - папа (1417 - 1431 гг.), итальянец по имени Отток Колонна, уроженец Рима. Был избран в папы на Констанцском соборе, но конец великому расколу положил только после того, как отравил двух своих соперников - Иоанна XXIII и Бенедикта XIII - и устранил третьего - Климента VIII.

236 Констанцкий собор - шестнадцатый Вселенский, продолжался четыре года (1414 - 1418). Название получил от имени города Констанца, где происходил. В 1415 г. на этом соборе был обвинен в ереси, осужден и затем сожжен Ян Гус, чешский проповедник. Последователи его носили названия гуситов (от его имени), утраквистов (оттого, что считали необходимым причащение под обоими видами) и

Untitled

таборитов (от укрепленного места в Чехии, которое было ими занято во время войн с императором Сигизмундом и католиками). Они являются как бы предвестниками Реформации.

237 Климент VIII - антипапа (1424 - 1429 гг.). Избранный всего тремя кардиналами, он поселился в городе Пенисколе. В 1429 г. был вынужден отречься от папства и стал епископом Майорки.

238 Бонифаций IX - папа (1389 - 1404 гг.), итальянец по имени Пьетро Томачелли, уроженец Неаполя. Он установил постоянные аннаты (плата епископов и аббатов Риму) в течение первого года по назначении на должность.

239 Хуан I - король Португалии (1385 - 1433 гг.).

240 Альгарвия - южная провинция Португалии с главным городом Фаро; при маврах была небольшим королевством.

241 Бенедикт XIII - антипапа (1394 - 1424 гг.), испанец по имени Педро де Луна, уроженец Арагонского королевства. Дал клятву отказаться от понтификата, если это будет необходимо для единства Церкви, но не исполнил своего обещания. Вследствие намерения Карла VI, короля Франции (1380- 1422 гг.), захватить его, чтобы прекратить церковную смуту, бежал из Авиньона сначала в Перпиньян, а затем в Пенисколу, где и умер в 1424 г.

242 Освещенная гостия - см. примеч. 572.

243 Энрико III - король Кастилии (1390 - 1406 гг.).

244 Приор - здесь надо понимать: настоятель отдельного монастыря, подчиненный провинциалу (главному настоятелю всех монастырей ордена в данной провинции).

245 Иоанн XXIII - папа (1410 - 1415 гг.), итальянец по имени

Untitled

Бальдасаре Косса; под давлением со стороны императора Сигизмунда (1410-1437 гг.) согласился на созыв

Констанцского собора в целях прекращения церковной смуты. С собора он бежал, был схвачен и заключен в тюрьму, где пробыл почти три года. Освобожден папой Мартином V, который назначил его председателем

священной коллегии кардиналов; умер от яда в 1419 г. В молодые годы Иоанн XXIII был пиратом и кондотьером; славился своей исключительной развращенностью.

246 Андалусия - область Испании, получившая свое название от германского племени вандалов, захвативших ее в начале V в. н. э. Страна была завоевана Испанией в 1492 г. Наиболее значительные города: Севилья, Малага, Гранада, Кордова, Кадикс.

247 Бискайя - испанская провинция с главным городом Бильбао; населена по преимуществу басками.

248 Астурия Сантльянская - часть испанской провинции Астурии (бывшей королевством в 718 - 913 гг.), главным юродом которой был Сантльяна.

249 Галисия - провинция Испании на северо-западе полуострова; главным городом ее был Сант-Яго-де-Компостелла. Галисия была в XI в. очень недолгое время королевством; сохранила свое название, войдя в состав Кастилии, а потом Испании.

250 Астурия Овиедская - часть испанской провинции Астурии, главным городом которой был Овиедо, бывшая столица королей Астурии.

251 Иннокентия VI - опечатка в подлиннике; надо читать: Иннокентия IV.

252 Альфонс V - король Арагона.

Untitled

241 Некромант - колдун или, вернее, гадатель, якобы вызывавший из могил силою своих чар и заклинаний тени мертвецов.

254 Хуан II - король Кастилии (1406- 1453 гг.).

255 Принц Астурийский - титул, который носили наследники престола в Испании со времени соединения Кастилии с Арагоном в 1479 г.

256 Авила - город в испанской провинции Старая Кастилия, в 88 км от Мадрида. В 1520 г здесь возникло восстание дона Хуана де Падильи против Карла V

257 Джон Виклеф (1324 - 1387 гг.) - английский реформатор, учению которого во многом следовал Ян Гус. Виклеф отрицал необходимость исповеди, действительность папских индульгенций, первенство святого престола (т. е. не считал папу главою христианского мира), иерархию, право священников и монахов на владение землею и на судебную компетенцию и т. п. Эдуард III, король Англии (1327 - 1377 гг.), в благодарность за отпор, оказанный Виклефом папским претензиям, пожаловал ему доходный приход в Луттерворзе. Оксфордский университет также был расположен к нему за защиту от монашеских нападков. Папа Григорий XI (1370 - 1378 гг.) приказал архиепископу кентерберийскому и епископу лондонскому арестовать Виклефа. Он был вызван в Ламбетский собор (в Лондоне), где епископы ограничились наложением на него епитимий молчания. Однако Виклеф продолжал проповедовать и учить. На втором Лондонском соборе (в 1382 г.) осудили десять его тезисов как еретические и принудили покинуть Оксфорд. Он удалился в Луттерворз, где и умер в 1387 г. Тезисы Виклефа вновь были осуждены на Констанцском

Untitled

соборе в 1415г. Собор приказал вырыть из земли останки Виклефа и сжечь их.

258 Самора - город в испанской провинции Леон В 748 г. был отнят у мавров Альфонсом, королем Астурии; в 985 г. снова захвачен ими; в 1093 г. возвращен в королевство Леон Сидом Кампеадором, национальным героем Испании, о котором тогда же были сложены эпические поэмы.

259 Гранада - см. примеч. 671.

260 Коннетабль (connetable) - собственно шталмейстер или конюшенный боярин (comes stabuli), с XI в. становится главнокомандующим королевской армии. Так было во Французском королевстве. В Испании эти лица носили титул главнокомандующего (capitan general) и часто бывали наместниками королевств или крупных провинций, соединявшими в своих руках военную и гражданскую власть с королевскими полномочиями в административном управлении края.

261 Сикст IV - папа (1471 - 1484 гг.), см. примеч 721.

262 Энрико IV-король Кастилии (1453 - 1474 гг.), брат Изабеллы I.

263 Павел II - папа (1464 - 1471 гг.), итальянец по имени Пьетро Барбо, уроженец Венеции. Павел II преследовал гуманистов, многие из них содержались в тюрьме до смерти Павла II.

264 Алькала-де-Энарес - см. примеч. 741.

265 Хуан И - король Арагона (1458 - 1479 гг.) и Наварры (1425 - 1479 гг.). Вел продолжительную войну со своим собственным сыном доном Карлосом, принцем Вианским, которому его мать, королева Наварры, Бланка, в 1441 г., умирая, оставила права на корону. В 1462 г. он отнял эти

Untitled

права у своей старшей дочери Бланки, к которой они перешли от ее брата Карлоса.

266 Изабелла I - королева Кастилии (1474 - 1504 гг.), сестра Энрико IV Кастильского и жена Фердинанда V Арагонского; благодаря ее браку произошло объединение Испании в единое королевство.

267 Фердинанд V в Кастилии и II в Арагоне, по прозвищу Католик - см. примеч. 639.

268 Альбре - южнофранцузская аристократическая фамилия, родоначальником которой был Аманже, живший в XI в. и владевший виконтством Альбре. Жан III д'Альбре, наваррский король с 1494 г., бежал при столкновении с Фердинандом V Католиком и в 1510 г. потерял корону Наварры; сохранил лишь Беарн и умер во Франции в 1516 г.

269 Хуанна Безумная - см. примеч. 846.

270 Ересь - см. примеч. 567.

271 Крещение обыкновенно состоит из трех актов, которые в древности совершались отдельно, а потом постепенно были объединены: из обряда оглашения, из таинства крещения и из таинства миропомазания. У католиков миропомазание до настоящего времени совершается над детьми в возрасте 7 - 12 лет. История религий доказывает, что оба таинства (крещение и миропомазание) вовсе не представляют собой специфической особенности христианских религий, а имеются в том или ином виде во всех других религиях, даже наиболее примитивных.

272 Соборование (*extrema unctio*) - см. примеч. 717.

273 Поклонники демона - см. примеч. 641.

274 Поклонение и почитание относятся одинаково к культу

Untitled

божества, но имеют следующее различие: поклонение воздается божеству, а почитание - героям или святым. То же в приложении к дьяволу: поклонение относится к "князю бесовскому" Люциферу или Сатане, а почитание - к подчиненным ему демонам, бесам или чертям.

275 По Книге Царств.

276 Схизма (раскол) - см. примеч. 567.

277 В греческом тексте восьмого члена Символа веры мы читаем: иже от отца исходящего; у католиков это звучит по-латыни: qui e Patre Filioque procedit (который исходит от Отца и Сына). Прибавка Filioque (и от Сына) возникла не ранее начала IX в., по-видимому, в Испании. Папа Лев III (795 - 816 гг.) признавал текст восточного символа.

Собственно говоря, это вопрос богословской казуистики. Дело в том, что некоторые из древних Отцов Церкви признавали происхождение Святого Духа от Отца через Сына. Католики, если перевести их выражение с греческого, говорят: от Отца и от Сына. Различие трех формулировок играло чрезвычайно большую роль в религиозных спорах.

278 Раймонд Луллий (1235 - 1315 гг.) - уроженец Майорки, был придворным, затем в тридцатилетнем возрасте стал францисканцем и задался целью обратить мусульман в христианство не силою оружия, а доводами разума. Избрав философский метод, названный им всеобщим, или великим искусством, он много путешествовал по Европе и Африке с целью обращения мусульман. В Тунисе после проповеди он был побит камнями и мертвым оставлен на площади. Его утопический роман "Blanquerna" заставляет некоторых причислять его к предшественникам Мора и

Untitled

Кампанеллы. Луллий оставил после себя огромное количество сочинений. Главнейшие из них: "Всеобщее, или великое искусство" ("Ars generalis sive magna"), "Древо познания" ("Arbor scientiae"), "Новая логика" ("Logica nova").

279 Калабрия - юго-западная часть Апеннинского полуострова, в древности называлась Бруциум; в начале Римской империи получила название Калабрии от одного из мелких италийских народцев; была Колонизирована греками и римлянами; впоследствии в ней поселились норманны и отчасти арабы.

280 Виргилиане. - Это не была секта в собственном смысле слова. Так называли всех подозрительных людей, знавших больше, чем окружающее общество, любивших занятия тайными науками и производивших загадочные опыты. Этим людям считали колдунами. Позднее их стали звать алхимиками. Кличка "виргилиане" взята от имени римского поэта Виргилия, которого в средние века считали колдуном и чернокнижником, но почти ничего не знали о нем как о поэте.

281 Пиромантия - см. примеч. 654.

282 Нунций (nuntius) - постоянный посол, представитель папы при иностранных дворах. Легат (legatus) - см. примеч. 107.

283 Альгвасил - см. примеч. 723.

284 Канониками с конца IV в. назывались на Западе общежительные монахи. С 763 г. были установлены особые правила для руководства их жизнью; в эту пору среди них были и миряне. В 1063 г. папой Александром II каноникат был образован из одних монахов, с

Untitled

исключением мирян. Они должны состоять при кафедральном соборе или монастырской церкви ордена; все они священники, имеют право крестить, исповедовать и причащать и соборно отправлять службу. В кафедральных соборах всегда бывает капитул из каноников, представляющий епископский совет. Приходские функции они исправляют сообща.

285 Доход от прихода (beneficium) - настоятельский доход приходского священника с земель, пожалованных приходу местным сеньором.

286 Таким образом присягали вассалы своему сюзерену.

287 Релаксация - выдача обвиняемого в руки светской власти; см. "Объяснение выражений и слов" в начале книги Льоренте (стр. 31).

288 Санбенито (sanbenito) - наплечная повязка или нарамник из желтого полотна или сукна с издевательскими изображениями чертей и надписями о преступлении осужденного. В нем осужденные выставлялись на публичный позор. После казни санбенито вывешивались в кафедральных соборах городов, где происходили аутодафе, или в церквях тех приходов, где жили осужденные. Пример надписей приведен автором в главе XVII, статья 2-я, 20. См. также с. 31.

289 Saco - мешок, вретище. Самарра (zamarra) - баранья шкура, овчина.

290 Отче наш, или молитва Господня (oratio Dominica), читалась по четкам.

291 Альфонс XI - король Кастилии, отец Педро I Жестокого (1312 - 1350 гг.).

292 Педро I Жестокий - король Кастилии (1350 - 1369 гг.),

Untitled

см. примеч. 808.

293 Энрико II - из дома Транстамаре, король Кастилии, брат Педро I Жестокого (1369 - 1379 гг.).

294 Педро IV - король Арагона (1336 - 1387 гг.). Здесь в подлиннике опечатка: назван Педро II, который правил Арагоном с 1196 по 1213 г.

295 Хуан I - король Арагона (1387 - 1395 гг.).

296 Иеронимо де Санта-Фе. Это имя после крещения принял известный талмудист Иошуа бен Иосиф (т. е. сын Иосифа) из Лорки (город в испанской провинции Мурсия, на реке Сангонера). Одновременно с Санта-Фе под влиянием погромов, вызванных св. Висенте Феррером, приняли католическую веру раввин Соломон Леви, который по крещении назывался Пабло де Санта-Мария, Астриук Раймунд, называвший себя Франсиско Диоскарне, и многие другие талмудисты, старавшиеся затем нападками на евреев скрыть свое собственное еврейское происхождение.

297 Мараны. Объяснение автора правдоподобно и более или менее общепринято, но следует заметить, что в испанском языке существует слово "marrano" (марано), означающее "свинья". Евреи не едят свиного мяса, поэтому их могли дразнить упоминанием о свинье в их присутствии, и это слово легко могло сделаться бранным для обозначения еврея-выкреста как среди испанцев, так и среди самих евреев, оставшихся верными Моисееву закону. Число маранов, или "обращенных", "новохристиан", превышало сто тысяч. Евреи нередко называли их "анусим", что значит "принужденные к принятию христианства"; на Балеарских островах их называли

Untitled

"чуэкас" - слово, равносильное словам "поросенок", "свинья".

298 Франсиско Хименес де Сиснерос - см. примеч. 606.

299 Кардинал Мендоса - архиепископ Севильи.

300 Фома (Томас) Торквемада - первый главный инквизитор Испании (1483 -1498 гг.).

301 Херес-де-ла-Фронтера - город в испанской провинции Андалусия.

302 То есть в Великий четверг на Страстной неделе, перед Пасхой.

303 Белый священник - то есть не принявший монашества.

304 Магистры и проч. - см. примеч. 628.

305 Иеронимиты - монашеский орден, в Испании был учрежден в 1370 г. францисканцем Фомою Сиенским; иеронимиты старались захватить в свои руки воспитание юношества.

306 Кортесы (cortes) - испанский парламент. Кортесы возникли во времена завоевания Испании арабами; в них первоначально участвовали только сеньоры и епископы, с XI в. стали допускаться представители городов из числа наиболее богатых и влиятельных горожан.

307 Светский аббат - мирянин, имевший титул аббата, то есть настоятеля известного монастыря, и пользовавшийся частью монастырских доходов за услуги или покровительство монастырю, но не имевший никакой власти над монахами. Последними управлял кто-либо из братства, избранный фактическим настоятелем и называвшийся "prior laustralis" (монастырский приор).

308 Вероятно, следует читать: не зажигает света в своем доме с пятницы с вечера.

Untitled

309 По-еврейски "йом-кипур" - день покаяния.

310 Тышри - седьмой месяц библейского и первый месяц гражданского года.

311 Пост Эсфири совершается 13 адара в память поста, наложенного царицей на себя, на слуг и на всех евреев города Шушана; настоящим праздником являются дни 14 и 15 адара, которые были назначены как "дни пиршества и веселия"; в это время раздаются дары друзьям и милостыня беднякам; праздник называется пурим от слова pur, то есть жребий, так как Гаман метал жребий, назначая наиболее подходящий день для истребления евреев.

312 Ассур - имя персидского царя, переданное таким образом в Вульгате. В русской Библии он назван Артаксерксом. Можно предполагать, что здесь подразумевается Артаксеркс (Артакшарша) из династии Ахеменидов (471 - 424 гг.).

313 Ребиаш - извращенное слово; в еврейском языке такого слова нет; по-видимому, речь идет о тише-беов.

314 Это разрушение Иерусалимского храма относится к 587 г. до н. э. Навуходоносор - вавилонский царь Набукудур-уссур (606 - 562 гг. до н. э.).

315 Это второе разрушение храма произошло в 70 г. н. э. при римском императоре Веспасиане (69 - 79 гг.) и было совершено его сыном Титом, который впоследствии стал императором (79 - 81 гг.). В Иерусалиме в переулке позади мечети Омара сохранились остатки древнего фундамента, которые евреи считают за остатки первого (Соломонова) или второго (Эздрин) храма и называют их Стеною плача.

316 Ошибка: не в десятый день, а в пятнадцатый.

317 Маккавеи - дети Маттафии Маккавея, восставшего

Untitled

против Антиоха IV Епифана, царя сирийского из династии Селевкидов (174 - 164 г. до н. э.). Маккавеи произошло от еврейского прозвища махав (молот). При сыне Маттафии Симоне Иудея в 143 г. до н. э. стала самостоятельным княжеством, а с его внука Иоханана Гиркана I (136 - 107 гг. до н. э.) началась царская династия Асмонеев (Гашмоним), окончившаяся в 30 г. до н. э.

318 Bahara. - Такого слова нет; нужно читать бехарот - славословия, благодарственные и хвалебные молитвы, начинающиеся словами: "Благословен ты, Господи".

319 Псалтирь разделена христианами на двадцать кафизм, или сидений (потому что при чтении псалмов за церковной службой монахам разрешалось сидеть), а каждая кафизма - на три славы. После ряда псалмов следуют малое славословие ("Слава Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков. Аминь") и несколько молитв; затем идут опять псалмы - второй славы и третьей славы.

320 Обрезание крайней плоти (circumcisio praeputii) считается обычно обрядовой принадлежностью еврейской религии. При этом забывают, что обрезание соблюдают также и мусульмане всех народностей. Обрезание совершалось древними египтянами и теперь принято у абиссинцев, предки коих вышли из Южной Аравии. Трудно сказать, семитический ли это обычай, но, во всяком случае, он не специфически еврейский. Любопытно, что в металлический период, когда в Египте от бронзовой эпохи перешли уже к железной, для обрезания все еще употреблялись каменные ножи. Пережиток употребления кремневых орудий неолитической эпохи для ритуальных целей наблюдается и у других народов и вызван, очевидно,

Untitled

суеверным уважением к их древности. По словам Эберса, почти все исследованные египетские мумии, из которых некоторые относятся к периоду за 3000 лет до нашей эры, оказались обрезанными. Ныне этого обычая придерживается большинство малайских племен на островах Океании и Австралии, а арабы перенесли его в среду и некоторых северных народов. Характерно, что из всех магометанских народов только одни татары совершают обрезание на первом году жизни; остальные - в годы начала половой зрелости, что, быть может, стоит в связи с доисторическим возрастным делением. По определению немецкого антрополога и врача Германа Плосса, до 200 миллионов людей в конце XIX в. соблюдали обряд обрезания, употребляя для этого самые разнообразные способы.

321 Гороскоп - написанное особым образом предсказание судьбы, ожидающей новорожденного, составленный астрологом по наблюдению над положением светил в момент рождения.

322 Фигурально (в изображении, *in effigie*) сжигали или заочно осужденных, или умерших.

323 Таблада (*tablada*) - помост.

324 Кемадеро (*quemadero*) - площадь огня.

325 Епархиальный благочинный по уставу приглашался на заседания инквизиционного трибунала (часто, однако, устав не соблюдался).

326 Александр VI - папа (1492 - 1503гг.).

327 Церковь Св. Пракседы упоминается уже в начале VI в. Папа Пасхалий I -(817 - 824 гг.) выстроил новую.

328 Капеллан - настоятель домового церкви замка или

Untitled

дворца, совершающий богослужения в домово́й церкви, часовне или молельне.

329 Эвора - город в Португалии.

330 Иннокентий VIII - папа (1484 - 1492 гг.).

331 Сьюдад-Реаль - город в испанской провинции Новая Кастилия (название его значит "королевский город").

332 Верховный совет - см. примеч. 581.

333 Хунта - собрание, заседание.

334 Намек на события, рассказанные в Евангелии от Иоанна.

335 Стефан VI - папа (896 - 897 гг.), римлянин, вырыл тело папы Формоза, велел палачу отрезать ему голову и изувеченный труп бросить в Тибр. Этот поступок возмутил народ; Стефана заковали в цепи и бросили в тюрьму, где он был удушен.

336 Формоз - папа (891 - 896 гг.), вынес смертное осуждение Константинопольскому патриарху Фотию, который умер 6 февраля 891 г.

337 Диего Деса - второй главный инквизитор Испании (1499- 1506 гг.).

338 Сардиния - остров на Средиземном море, между Корсикой и Сицилией, с главным городом Кальяри, ныне принадлежит Италии. С 1297 по 1714 г. принадлежал Испании.

339 Протонотарий королевства - государственный секретарь.

340 Великий законник Арагона - высший магистрат, обязанный стоять на страже арагонских вольностей, так называемых фуэрос. В 1591 г. испанский король Филипп II (1556 - 1598 гг.) уничтожил эту должность вследствие

Untitled

восстания, поднятого тогдашним великим законником Мартином де ла Нуса. Филипп подступил к Сарагосе с войском и приказал обезглавить де ла Нуса.

341 Генеральный викарий - наместник епископа по управлению епархиальными делами, администратор епархии.

342 Антонио Перес - государственный секретарь Филиппа II. Его процесс подробно изложен во 2-м томе настоящей книги.

343 Калатаюд - город в испанской провинции Сарагоса; построен в VIII в. мавританским вождем Айюбом. С 1118 г. принадлежал Арагону.

344 Гасконь - южная часть старинной провинции королевской Франции; ныне образует департаменты Верхние Пиренеи и Жер-и-Ланд и части департаментов Нижние Пиренеи, Верхняя Гаронна, Ло-и-Гаронна, Тарн-и-Гаронна.

345 Алтарная часть церкви у католиков именуется хор (chorus), потому что здесь читают и поют во время службы; соответствует солее и клиросам православных церквей.

346 Беатификация - причисление к лику святых римской Церкви.

347 Александр VII - папа (1655 - 1667 гг.), итальянец по имени Фабис Киги, уроженец Сиены.

348 Гваделупа - один из Антильских островов; был открыт в 1493 г. Христофором Колумбом и находился во владении Испании, от которой в 1635 г. перешел к Франции.

349 Лоретта (Loretto) - город в северо-восточной части Италии. Здесь с конца XIII в. показывают дом Богородицы (Santa casa) и в главной церкви ее статую из кедрового

Untitled

дерева. Дом деревянный и сплошь покрыт резным каррарским мрамором. Скопившаяся здесь веками выручка от чудотворства так была велика, что в 1797 г. папа Пий VI, извлекая из нее лишь часть, уплатил Наполеону I по мирному договору в Толентино 250 миллионов франков.

350 Милостивая икона Богородицы находится на острове Кипр, который с 1192 по 1489 г. был франкским королевством. Здесь могли видеть ее католики.

351 Кармельская мадонна - см. примеч. 684 и 859.

352 Спас словущий (иначе: Обновление храма).- праздник в память обновления храма Воскресения в Иерусалиме, устроенного императором Константином I (307 - 337 гг.) и реставрированного императором Ираклием (610 - 641 гг.).

353 Тудела - город в испанской провинции Наварра на реке Эбро; принадлежит Испании с 1115 г.

354 Элеонора - королева Наваррская (1479 - 1483 гг.), дочь Хуана II Арагонского.

355 Франсуа Гастон Фебюс, граф де Фуа - король Наварры (1474 - 1483 гг.), муж Элеоноры.

356 Катерина - королева Наварры (1483 - 1512 гг.), была замужем за Жаном III д'Альбре, королем Наварры (1494 - 1512 гг.), сестра Франсуа Фебюса, графа де Фуа, короля Наварры.

357 Камерарий - блюститель собора, вроде соборного ключаря у православных.

358 Мантета (manteta) - накидка.

359 Филипп III - король Испании (1598 - 1621 гг.), см. примеч. 777.

360 Пребенда (praebenda) - церковный доход, присвоенный канонику кафедрального собора. И каноник в этом смысле,

Untitled

и всякий другой священник, которому был пожалован подобный доход, назывался пребендарием. Пребенда складывалась из денежной наличности и из доходов с земель, пожалованных собору, в отличие от милости местных сеньоров, распорядившихся приходами в своих владениях.

361 Напутствие, или напутственное причастие (viaticum) - последнее причастие умирающего.

342 Надо читать: три тысячи триста пятьдесят (750+900+750+950=3350) человек.

363 Надо читать: до трех тысяч трехсот семидесяти семи.

364 Альфонса де Кавальериа был одним из десяти сыновей дона Соломона ибн Лаби де ла Кавальериа, игравшего в Сарагосе благодаря своей учености и богатству большую роль. В 40 - 50- х годах XV в. все десять сыновей Соломона приняли христианство. Судьба Альфонса изложена в тексте; останки его брата Хуана были сожжены в 1488 г. в Сарагосе, и все члены семьи Кавальериа должны были публично каяться на месте сожжения Хуана.

345 Содомия - см. примеч. 623.

346 Карл V - император германский (1519 - 1556 гг.), король Испании (1516 - 1556 гг.) и Обеих Сицилии (1516 - 1556 гг.), см. примеч. 613.

347 Ватиканская базилика св. Петра в Риме - древняя базилика; выстроена императором Константином I (307 - 337 гг.). Постройка новой базилики началась при папе Николае V (1447 - 1455 гг.). При папе Пие VI (1775 - 1799 гг.) было закончено детальное устройство базилики.

348 Реджио - город в Калабрии, в Южной Италии, на берегу

Untitled

Мессинского пролива. После падения Римской империи в 476 г. он оставался во владении византийцев до 1059 г., когда перешел во власть норманнов. В начале XVI в. присоединен к Неаполитанскому королевству.

369 Референдарий (referendarius) - докладчик папы по делам секретариата.

370 Церковь Св. Марии (Santa Maria Sopra Minerva) в Риме построена в конце XIV в. В доминиканском монастыре при этой церкви происходили заседания кардиналов римской конгрегации инквизиции.

371 Венецианская республика - город Венеция в Италии, на Адриатическом море. Основана в V в. до н. э. беглецами из Аквилеи. С 697 по 1797 г. была республикой, управлявшейся выборными дожами. С XII в. ее могущество усилилось вследствие расширения морской торговли между Востоком и Западом, приобретения владений на материке Италии и многочисленных колоний на Востоке, в Византии. Отсюда ее большое политическое значение в Европе в XIV - XV и отчасти в XVI вв. В конце XVI в. она уже стала клониться к упадку, но была еще в силах делать новые завоевания с целью заменить утраченные владения. Ее государственная самостоятельность окончилась в 1797 г. Республика была олигархической, и власть дожа, первоначально не ограниченная, была сведена к политическому представительству и к председательству в сенате. Фактическим хозяином Венеции была торговая буржуазия.

372 "Свод частей, или Семь частей". - В тексте имеются неточности. В 1225 г. Альфонс X Мудрый издал законодательный свод "El fuero Real" ("Королевские

Untitled

фуэросы", т. е. вольности, законы); другой же свод этого короля, известный под названием "Las Siete Partidas" ("Семь частей") и составленный около 1265 г., был окончательно отредактирован и опубликован лишь в 1348 г., через 64 года после смерти Альфонса X.

373 Слух о распятии в Сарагосе в 1250 г. ребенка Доминика де Валя был вызван заявлением перешедшего в христианство еврея Авраама о том, что он убил с ритуальной целью Доминика, родившегося с короной на голове и с крестом в правой руке. Авраам был явно ненормальным человеком. С другой стороны, легенда об употреблении евреями крови с ритуальной целью в XIII в. была еще сравнительно мало распространена: после навета в Фульде (1235 г.) и в Вальреасе (1247 г.) это был третий случай в Западной Европе. В то время особенно часто обвиняли в употреблении крови различных еретиков, христиан, в частности катаров, вальденсов, а несколько позже фратичелли. Сделанная в книге Льоренте ссылка на "Свод частей", в которой якобы говорится об обычае евреев распинать христианских детей, может быть объяснена тем, что в действительности свод "Семь частей" вошел в силу лишь в 1348 г., в год черной смерти (чумы), когда в евреях видели виновников этой страшной эпидемии, унесшей сотни тысяч жертв. В своде Семь частей имеется особый отдел о евреях, где сказано: "Хотя евреи отвергают Христа, тем не менее их следует терпеть в христианских государствах, дабы все помнили, что они происходят от племени, распявшего Христа. Так как евреи лишь терпимы, то они должны вести себя тихо, не проповедовать публично своей веры и не пытаться

Untitled

обращать кого-либо в иудейство". Отдельными постановлениями этого свода был введен ряд ограничений евреев в правах; между прочим подчеркивалась необходимость исполнения постановления четвертого Латеранского собора об обязательном ношении евреями отличительного знака в виде особого головного убора.

374 Праздник Святого таинства - то есть евхаристии, по-французски называемый еще иначе *fete de Dieu* (праздник Божий). Установлен 8 сентября 1264 г. папой Урбаном IV (1261 - 1264 гг.), но только с 1312 г. стал общим праздником католического мира. Во Франции и в Польше совершается в воскресенье, следующее за Троицыным днем.

375 Бенавенте - город в испанской провинции Старая Кастилия.

376 Капканы. Вероятно, здесь следует подразумевать употреблявшиеся в средние века и позднее особые защитительные приборы, действовавшие против нападений вражеской конницы. Они состояли из железного шарика с тремя остриями: на двух остриях они лежали, а третье выставлялось вверх и ранило ноги лошадей. Эти снаряды у нас в древности носили название чеснок.

377 Кория - самая бедная и безлюдная провинция в Испании с главным городом того же названия.

378 Ла-Гуардия - город в испанской провинции Новая Кастилия, в 26 км от Толедо.

379 Ла-Манча - местность в испанской провинции Новая Кастилия, представляющая обширную возвышенность, малоплодородную. Известна как родина Дон-Кихота, героя романа Сервантеса.

Untitled

380 Малага - город в испанской провинции Андалусия, на Средиземном море, основан финикийцами, с 1487 г. принадлежит Испании.

381 Фец и Марокко. - Марокко в древности было самостоятельным царством, с VII в. стало заселяться арабами, назвавшими этот северозападный угол Африки Магрибом (Западом). Фец - теперь провинция Марокко и главный город этой провинции, основан в 807 г.

382 Бонифаций VIII - папа (1294- 1303 гг.), итальянец по имени Бенедетто Гаэтани, уроженец Ананьи; стремился возвысить духовную власть пап над светской властью государей и находился поэтому во вражде с некоторыми европейскими монархами, в особенности с французским королем Филиппом IV Красивым, против которого выпустил две буллы, сожженные по повелению Филиппа. По его же приказу Бонифаций был арестован в Ананье французским рыцарем Ногарэ, причем получил пощечину железной перчаткой от своего противника, итальянского князя Скиарры Колонны. Через четыре дня был освобожден из заключения, но заболел и спустя месяц умер, и восьмидесяти восьми лет от роду.

383 Прелат (praelatus) - синоним епископа; наименование это, как почетное, дается, однако, и священникам, занимающим крупную должность в церковной администрации.

384 Оренсе, или Кальдас д'Оренсе - город в испанской провинции Галисия.

385 Пренесте, ныне Палестрина - город в Италии, в 34 км от Рима.

386 Св. Висенте Феррер - испанский проповедник,

Untitled

доминиканец (1357 - 1419 гг.), был так известен своими проповедями, что его приглашали проповедовать во Францию, Германию, Англию. С именем Висенте Феррера связано массовое обращение испанских евреев в католичество, а также кровавые погромы, сопровождавшие выступления Феррера. Virtuoz по части террора и запугивания, он с такой силой описывал муки ада, что существует легенда, будто два преступника, спрятавшиеся под его кафедрой, сгорели от угрызений совести и их трупы нашли обуглившимися.

387 Фердинанд II - король Неаполя (1495 - 1496 гг.), вступил на престол после отречения своего отца Альфонса II (1494 - 1495 гг.).

348 Мажордом - дворецкий. Должностное лицо, на котором лежало наблюдение за финансами дворца и управление подчиненными двору имениями. Должность эта возникла в средние века; мажордомов кроме государей имели и вельможи.

389 Тайная консистория - малый совет кардиналов, созываемый папой по частным вопросам.

390 Замок Св. Ангела (Castello di Sant' Angelo) - форт в Риме, бывший во владении папы.

391 Апология - защитительная речь. Этот термин преимущественно употреблялся в применении к защите религиозных взглядов.

392 Кальяри (Cagliari) - главный город Острова Сардиния.

393 Пий III - папа, избранный в 1503 г., умер спустя 27 дней после избрания; итальянец по имени Франческо Пикколомини, уроженец Сиены, племянник папы Пия II (1458 - 1464 гг.).

Untitled

394 Юлий II - папа (1503 - 1513 гг.), итальянец по имени Джулиано делла Ровере. Вел многочисленные войны, стремясь централизовать и расширить Папскую область, что было в интересах торгового капитала.

395 Лев X - папа (1513 - 1521 гг.), итальянец по имени Джованни Медичи, сын правителя Флоренции Лоренцо I, родился в 1475 г., умер в 1522 г. В 1517 г. он разослал по всему миру индульгенции, сбор с которых предполагался якобы на крестовый поход против турок, который никогда не состоялся. Бесчисленные индульгенции послужили одним из поводов к Реформации. Буллой 1520 г. Лев X отлучил Лютера от церкви, но, разумеется, этим движение не было задержано. Лев X был представителем итальянского Ренессанса. В его время в Италии жили Ариосто, Макиавелли, Микеланджело, Рафаэль, Полидоро, Караваджо, Джулио Романо и др. Во Флоренции Лев X основал библиотеку, так называемую Лаврентианскую. Насколько современники знали лицемерие и цинизм Льва X, можно судить по тому, что именно ему приписывали уже в XVI в. известные слова о выгодности религии для верхушки церкви: "Я верю в басню о Христе, потому что она дает мне возможность хорошо жить". Одна из паскинад (эпиграмм), направленная против Льва X, гласила: "Похожий на хитроумного вещего Протея, всегда говорящего двусмысленности и неуловимо блуждающего в недрах океана, ты не имеешь, Лев, ни чести, ни веры, ни постоянства, ты не помнишь своих обещаний. Эта неустойчивая натура так же способна к злу, как и к добру, и в своем безразличии едва ли верит в истину. Знаете ли вы, что дала ему природа львиного? Прожорливость и

Untitled

громадное брюхо. Поэтому ты, Рим, можешь радоваться: когда чрево будет слишком переполнено, оно прорвется под тяжестью кишок, и ты тотчас освободишься от своего несчастья"

396 Адриан VI - папа (1522 - 1523 гг.), родился в Утрехте (в Голландии), назывался Адриан Бойерс, был сыном ткача. Он был наставником Карла V и четвертым великим инквизитором в Испании.

397 Климент VII - папа (1523 - 1534 гг.), итальянец по имени Джулио Медичи, близкий родственник Льва X Образовал Святую лигу с Франциском I, королем Франции, Генрихом VIII, королем Англии, и итальянскими владетелями против императора Карла V. В 1527 г. осажденный в Риме, где командовал французский коннетабль Шарль Бурбон, он был взят в плен и семь месяцев пробыл в заключении.

398 Канарские острова - на Атлантическом океане, у северозападного берега Африки. Во владении Испании с 1512 г. Главный город - Лас-Пальмас.

399 Апелляционный суд в Вальядолиде назывался "concilleria" (концильерия).

400 Дон Фернандо Вальдес - восьмой главный инквизитор Испании (с 20 января 1547 г. по сентябрь 1566 г.), умер 2 декабря 1568 г.

401 Лувен (по-немецки Левей) - бельгийский город, некогда столица герцогства Брабант, торгово-промышленной области. Лувенское сукно пользовалось большой известностью, и оживленные международные торговые сношения способствовали тому, что Лувенский университет стал очагом "возрожденного" католицизма. В начале XVI в. в университете насчитывалось до 6 тыс. студентов. Эразм

Untitled

Роттердамский организовал здесь коллегия трех языков (латинского, греческого и еврейского) и мечтал о превращении университета в центр гуманистического движения. Однако победа Испании в этой части Нидерландов подавила всякое проявление умственной свободы в Брабанте и особенной тяжестью легла на университет. От каждого поступавшего студента требовалась клятва ненависти к ереси. Был основан особый курс "опровержения еретиков", и число студентов в университете быстро уменьшилось. Изучение постановлений Тридентского собора стояло в центре всех занятий. С XVII в. Лувенский университет стал оплотом церковной реакции, и в нем безраздельно господствовали иезуиты и доминиканцы.

402 Филипп II - король Испании (1556- 1598 гг.), см. примеч. 649.

403 Карл III - король Испании (1759- 1788 гг.), см. примеч. 782

404 Бенедикт XIV - папа (1740 - 1758 гг.), итальянец, из известной болонской семьи Ламбертини, кардиналом был с 1731 г. В годы его папства торговая буржуазия уже приобрела значительное влияние даже в отсталых государствах Западной Европы, и Бенедикт XIV вынужден был смягчать суровые требования папства в отношении свободомыслия и всяких религиозных течений. Этим объясняются его конкордаты с Испанией, Португалией, Неаполем и Сардинией, предоставлявшие сравнительно широкие права патроната светской власти. Он старался также в некоторых вопросах быть независимым от иезуитского ордена и высказал свое неодобрение его

Untitled

миссионерской политике. Попытка Бенедикта XIV реорганизовать орден не имела успеха, так как в общем папа был недостаточно тверд и находился все же под влиянием иезуитов, отдельные действия которых он критиковал.

405 Нарвал (рогозуб, monodon monoceros) - зубастый кит, по-французски "licorne de mer" (морской единорог).

Единорог - мифическое существо; его изображение - животное вроде оленя (с одним рогом на лбу) -

употреблялось в геральдике. Этот же термин "licorne" прилагается также к ископаемым бивням мамонтов и

слонов. Неизвестно, что подразумевал здесь автор: клык нарвала или обломок ископаемого бивня слона.

406 Мондоньедо - город в испанской провинции Галисия.

407 Чиновник святого трибунала. - Все лица, причастные к службе в инквизиции кроме домашней прислуги инквизиторов, разделялись на три разряда: 1)

должностные лица (officiales) - секретари, приемщики, смотрители тюрем и т. д.; 2) служащие (empleados) - писцы

и другие канцелярские работники на вторых ролях; 3) чиновники (familiares) - самая неопределенная по составу

группа лиц, причастных к инквизиции. Чиновниками они могут быть названы потому, что пользовались привилегиями служебного персонала инквизиции.

Исполняли же они разные обязанности: и временных комиссаров инквизиции, и эскорта (конного и пешего) инквизиторов в их поездках, и вообще охранников, а также добровольных шпионов. Они получали от инквизиции жалованье. Затем на службе инквизиции были рядовые стражники и сыщики, так сказать, внешняя и внутренняя

Untitled

полиция для черной работы. В общем весь состав служебного персонала инквизиции представлял довольно внушительную силу.

408 "Жиль Блаз де Сантьяш" - см. примеч. 845.

409 Что смеешься? (Quid rides?) - слова Горация, римского поэта (64 - 7 гг. до н. э.), современника римского императора Августа.

410 "Корнелия Борорквиа" - см. текст, где говорится о казни Марии Корнель и Марии Бооркес.

411 Марсель - город во французском департаменте устья Роны, коммерческий порт на Средиземном море. Основан греками, выходцами из малоазиатского города Фокея, в VI в. до н. э. Находился в дружеских сношениях с римлянами во II в. до н. э.; во времена империи римляне завладели городом. Присоединен к Франции в 1481 г.

412 Генеалогия - см. примеч. 835.

413 Символ веры, начальное слово коего Верую (Credo); разделяется на двенадцать членов, содержащих существенные догматы христианской веры, признаваемые католичеством и православием (с разницей в восьмом члене)

414 Заповеди десятисловия - десять заповедей Моисеева закона, принятые христианством.

415 Мадрид - третья (по времени) столица Испании, с 1580 г.

416 Филиппинские острова - архипелаг в Тихом океане, к югу от Формозы и к северу от Борнео, открыт в 1521 г.

417 Картахена в Вест-Индии (Carthagena de las Indias) - город в Южной Америке, в Колумбии, порт на островке Антильского моря, основан в 1533 г. испанцем Педро де

Untitled

Эредиа.

418 Дроковая веревка - см. примеч. 838.

419 Зеленый воск. Зеленый цвет считается в христианстве обыкновенно цветом надежды. В пятницу вспоминается в христианстве крестная смерть Христа, с которой связана надежда на "спасение" верующих. Поэтому за службами Великой пятницы (на Страстной неделе, перед Пасхой) - за вечерней и утренней - в церкви часто употребляются свечи из зеленого воска. По той же причине такие свечи имели в руках кающиеся, надеющиеся на радость прощения грехов.

420 Монашеский орден милосердия или искупления был учрежден в Барселоне французом Пьером де Нолаксом. Он подчинялся правилам св. Августина.

421 Блаженство в будущей жизни - составная часть веры в загробную жизнь, которая, в свою очередь, является одним из догматов католической Церкви. В основе этой веры, свойственной в той или иной форме самым различным религиям, лежит представление о бессмертии души.

422 Александрийский стих - любимый в прежней и отчасти современной французской поэзии размер стихосложения. В нем обыкновенно чередуются строки в тринадцать и двенадцать слогов, с женской и мужской рифмами.

423 Крест св. Андрея - иначе крестом крест, крест в форме латинской буквы X (икс). Название происходит от формы креста, на котором был распят апостол Андрей Первозванный в г. Патрах, в Греции, в I в. н. э.

424 Педро Мартир д'Англерия - см. примеч. 610.

425 Лусеро (Lucero) - яркая звезда, обычно планета Венера, ярко светящаяся по вечерам во время своего

Untitled

восхождения над горизонтом в западной части неба.

426 Мессия (по-еврейски Машиах) значит то же, что греческое слово Христос, то есть помазанный.

427 Обетованная земля - название Кенаана, или Палестины, в Библии. Этим названием кроме евреев любят пользоваться протестанты.

428 Антонио Лебриха (1444 - 1522 гг.) - испанский литератор, получил образование в университетах Саламанки и Алькалы и был сотрудником кардинала Хименеса при издании им Библии-полиглотты. Оставил много сочинений, главнейшие из них: "Учебник латинской грамматики" ("Institutio grammaticae latinae"), издан в Саламанке в 1481 г.; "Грамматика кастильского языка" ("Grammatica sorbe la lengua castellana"), издана в 1492 г.; "Лексикон латино-испанский и испано-латинский", издан в 1492 г.; "Словарь гражданского права", издан в 1506 г.

429 Вульгата - см. примеч 608.

430 Книгопечатание подвижными литерами было изобретено Иоганном Генефлейшем, по прозвищу Гутенберг, в Майнце в 1445 г. В этом году появилась первая печатанная по новому способу книга - это была так называемая 42- строчная латинская Библия.

431 Схоластическое богословие - см. примеч. 733.

432 Льоренте цитирует псалом I.

433 Филипп I - король Испании (1504 - 1506 гг.), муж Хуанны Безумной, дочери Фердинанда V и Изабеллы, был провозглашен королем Кастилии в 1504 г., по смерти Изабеллы, королевы Кастильской. Фердинанд своими интригами долго мешал ему реально осуществить власть, так что фактически он начал царствовать лишь в 1506 г.;

Untitled

умер в том же году.

434 Катана - город в Сицилии, на восточном берегу острова, на южной стороне вулкана Этны.

435 Россано - город в Италии, в Калабрии; до объединения Италии принадлежал Королевству Обеих Сицилии.

436 Тагаста - город в Нумидии, в Северной Африке, родина св. Августина. Он давно разрушен. Поэтому в настоящем случае епископ пользовался титулом, но не мог реально управлять несуществующим городом. Такие епископы в католической церкви называются титулярными.

437 Кoadьютор - см. примеч. 699.

438 Сан-Доминго - город на о. Гаити, в Вест-Индии (Центральная Америка). Основан в 1496 г. испанцами. С 1697 г. Франции стала принадлежать западная часть острова, а с 1795 г. и восточная. С 1791 по 1822 г. на острове происходили крупные восстания "черных", то есть бывших рабов-негров, временами овладевавших властью. В первой половине XIX в. на острове установились две самостоятельные республики.

439 Сьюдад-Родриго - город в испанской провинции Старая Кастилия.

440 Терсит - персонаж "Илиады", трусливый и презренный человек в войске ахеев, воевавших под Троей.

441 Гектор - персонаж "Илиады", сын Приама, царя Трои, мужественный защитник Трои, достойный противник поразившего его Ахилла, второго по сану, но первого по значению вождя ахеев.

442 Филипп IV - король Испании (1621 - 1665 гг.), см. примеч. 778.

443 Оран - см. примеч. 600.

Untitled

444 Куба - самый большой из Антильских островов в Атлантическом океане. Открыт Колумбом в 1492 г.

445 Мексика (Mexico) - см. примеч. 673.

446 Лина - некогда Город королей (Ciudad de los reyes), столица республики Перу, в Южной Америке. Основана Писарро в 1535 г. Перу с XII по XVI в. являлось самостоятельным государством под управлением династии инков. Испанцы Франсиско Писарро и Диего Альмагро покорили Перу в 1526 - 1533 гг.

447 Святоши (beates) существовали и в России. Они звались черничками, потому что носили черную одежду, схожую с монашеской, хотя и не были монахинями. Они любили называть себя невестами Христовыми наподобие монахинь.

448 Иллюминаты - см. примеч. 582.

449 Кардинал Адриан Бопере - четвертый главный инквизитор Испании (1518 - 1523 гг.), голландец, воспитатель Карла V, продолжал управлять испанской инквизицией и после того, как был избран папой, до 10 сентября 1523 г.

450 Племянник Фердинанда V - Жан III д'Альбре.

451 Фландрия - старинное название обширной области (части нынешней Голландии, Бельгии и Северной Франции). Была графством со столицей Гентом, с 1506 по 1713 г. почти вся принадлежала Испании, затем перешла к Австрии, с 1830 г. большая часть принадлежит Бельгии. Издавна славилась своей развитой шерстяной промышленностью. См. примеч. 695.

452 Картезианцы - см. примеч. 848.

453 Утрехт - город в Голландии, на Рейне, в 32 км от

Untitled

Амстердама.

454 Натурализация - принятие иностранца в число граждан той страны, где он поселился навсегда.

455 Иоанн XXII - папа (1316 -1334 гг.), француз по имени Жак д'Эз (или Дюэз, Duese), уроженец Кагора, второй авиньонский папа. Прибавил третью корону к папской тиаре (как глава церкви, епископ Рима и светский государь). Был сведущ в юриспруденции и медицине. Из его сочинений по медицине известен "Эликсир философов", изданный в переводе с латинского на французский в Лионе в 1557 г. Издал декреты своего предшественника Климента V под названием "Клементины". Отличался скопидомством, жадностью к деньгам и известен под именем "тароватый купец на папском престоле".

456 Третье сословие (tiers etat) существовало в сословных монархиях наряду с двумя привилегированными сословиями; в основном это буржуазия; третье сословие первоначально представляло города.

457 Льеж, или Люттих - бельгийский город, один из крупнейших промышленных городов современной Бельгии.

458 Эразм - см. примеч. 612.

459 Церковный суд (rota) был учрежден в Риме в начале XIV в. папой Иоанном XXII и реорганизован в конце XV в. папой Сикстом IV. Состав его - двенадцать аудиторов, докторов канонического права от четырех стран - Италии, Франции, Испании и Германии.

460 Флоренция (Firenze la bella) - см. примеч. 636.

461 Церковь Четырех святых мучеников (Santi quattri

Untitled

coronati) в Риме построена при папе Гонории I (625 - 638 гг.); впоследствии была разрушена во время нападения норманнов и вновь выстроена папой Пасхалием II (1099 - 1118 гг.) в 1111 г.

462 Ареццо - город в западной части Италии, в Тоскане.

463 Церковь Св. Марии за Тибром (Santa Maria in Trastevere) в Риме, при источнике, открывшемся еще во времена императора Августа.

464 Кардинал Тортосы - кардинал Адриан, главный инквизитор Испании.

465 Апостолическая камера - см. примеч. 625.

466 Лютеранство, протестантизм, Реформация - см примеч. 565.

467 Коррехидор - см. примеч. 774.

468 Гипускоа - одна из трех баскских провинций (Алава, Гипускоа, Бискайя) на севере Испании, с центром Сан-Себастьян.

469 Дон Альфонсо Манрике де Лара - см. примеч. 580.

470 Здесь очевидная описка автора: Филипп I умер 25 сентября 1506 г.

471 Магомет, точнее, Мухаммад-ибн-Абд-ул-лаха, родился в Мекке, в Аравии, в 570 г. н. э. Происходил он из рода корейшитов, которые в половине V в. были владельцами Мекки с военной и гражданской властью, хранителями Каабы (святилища, где поклонялись аэролиту, черному камню, будто бы поставленному здесь Авраамом) и повелителями Хиджаса. Магомет начал проповедь своего учения в самом начале VII в. в Мекке, где встретил сильное сопротивление со стороны корейшитов, заставившее его в 622 г. бежать со своими единомышленниками в город

Untitled

Ятриб, который с тех пор и доныне известен под именем Медины, (Мединат-Наби - город пророка). Число верующих возросло, и Магомету удалось покорить Мекку и подчинить своей власти Йемен и Неджд. В 632 г. он умер. Магомет был первым калифом (наместником Божиим) мусульман. Мусульманин происходит от арабского слова муслим, что значит "правоверный". Учение Магомета называется исламом (покой, беззаботность, избавление). Священная книга магометан называется Кораном (ал-куран - чтение). Она разделена по содержанию на 114 сур (глав). Учение Магомета вышло из верований и представлений еврейских, христианских (несторианских), манихейских, маздеистских и арабских. Сущность учения, единобожие, бессмертие души, Страшный Суд, райское блаженство с чувственными наслаждениями, предопределение (кадар). Правила веры: обрезание, молитва, милостыня, омовения (пять раз в день), пост (особенно во время месячного поста в рамазане, девятом месяце года, - от зари до зари абсолютное воздержание от пищи, питья и куренья), паломничество в Мекку (хоть раз в жизни), воздержание от вина и вообще спиртных напитков и от мяса некоторых животных (например, свиньи). Разрешается многоженство, но законными считаются четыре жены. Магометане делятся на две большие церкви: суннитов и шиитов. Сунниты придерживаются сунны (предания), сборника канонических преданий, получившего начало при четвертом халифе, Османе (644 - 656 гг.). Шииты (еретики) считают законными наследниками Магомета только его племянника, сына Абу-Талиба, Али, пятого халифа (656 - 661 гг.), и потомков его сыновей Хассана и Хуссейна. Они

Untitled

не признают сунны. Шииты живут в Иране, Индии, Ираке, Сирии. Остальные магометане - сунниты.

472 Висмилей - араб, "бисмилла" (хвала Богу).

473 Начало первой суры Корана таково: "Нет Бога кроме Бога, Магомет - пророк его" ("Ла алла иль алла, Мухаммад расуль улла"). Эти слова ежедневно выпевает муэдзин на минарете мечети, призывая к молитве.

474 Лицом к востоку. Такое положение молящегося магометанина называется кибла. Говоря точнее, обращаться лицом следует не к востоку, а по направлению к Мекке, к Каабе, святылищу Мекки.

475 Варвария, или Варварийские владения - так в старину называлась европейцами вся Северная Африка; название произошло от народа берберов.

476 Описка автора: Изабелла умерла в 1504 г.

477 Королевство Алжирское. - В 1516 г. Алжир отняли у испанцев два брата-пирата - Арудж и Хаир-эд-дин Барбароссы. Первый из них был убит в 1518 г. в войне с Карлом V, второй царствовал до своей смерти в 1546 г. Он признал себя вассалом Турции.

478 Франциск I, король Франции (1515 - 1547 гг.) - см. примеч. 664.

479 Катехизатор - огласитель, наставник оглашенных, то есть готовящихся к принятию крещения, преподающий им в беседах начатки христианского вероучения.

480 Родриго Диас де Вивар (1030 - 1099 гг.), по прозванию Сид Кампеадор, был отважный рыцарь, беспокойный феодал, прошедший всю жизнь в войнах с королями Кастилии и маврами. Умер он в Валенсии и вскоре стал любимым героем национального эпоса. Хвалебная

Untitled

биография его была написана по-арабски в 1109 г. Первая испанская поэма о нем появилась в 1128 г.

481 Альмонасид - местечко в Испании, в 15 км от Толедо.

482 Военный орден Калатравы - см. примеч. 799.

483 Шарль Бурбон - см. примеч. 726.

484 Кобыла - см. примеч. 629.

485 Дом Хуан Пардо де Тавера - шестой главный инквизитор Испании (1539 - 1545гг.).

486 Павел III - папа (1534 - 1549 гг.), итальянец по имени Алессандро Фарнезе. В 1540 г. утвердил орден иезуитов, основанный Игнатием (по-испански Иньиго) Лойолой; в 1545 г. созвал Тридентский собор, продолжавшийся с перерывами восемнадцать лет (1545 - 1563 гг.); возобновил перестройку базилики Св. Петра, поручив ее снова Микеланджело Буонарроти.

487 Павел IV - папа (1555 - 1559 гг.), итальянец по имени Джованни Пьетро Караффа, известен религиозным изуверством.

488 Пий IV- папа (1559 - 1565 гг.), итальянец по имени Джованни Анджело де Медичи. Подтвердил определения и каноны закончившегося при нем Тридентского собора, устроил в Ватикане типографию.

489 Абенумейя (Aben-u menjah). - Последним мавританским королем из этой династии был Боабдиль (Абу-Абдаллах), сын Мулей-Хассана. В 1481 г. он восстал против своего отца и выгнал его из Гранады. Вскоре был побежден войсками Фердинанда и Изабеллы и взят в плен. Свободу он получил только после того, как признал себя вассалом Фердинанда. Среди его подданных, недовольных этим позорным договором, возникли смуты, которыми

Untitled

воспользовался Фердинанд для покорения Гранады в 1492 г. Боабдиль уехал в Африку и здесь был убит в сражении.

490 Галеры - см. примеч. 697.

491 Диего Эспиноса - девятый главный инквизитор Испании (сентябрь 1566 г. - 11 сентября 1572 г.).

492 Ульрих Цвингли (1484 - 1531 гг.) - приверженец и деятель Реформации, швейцарец, родился в Сент-Галене; в 1506 г. стал приходским священником в Гларусе; в 1516 г. перешел в Эйнзидельн, где за год до выступления Лютера стал нападать с кафедры на роскошь и злоупотребления римской курии. В 1518 г. был приглашен своими приверженцами в Цюрих, где развил свои реформационные идеи. В 1524 г. добился того, что было провозглашено уничтожение безбрачия духовенства (целибат), и сам женился. В некоторых пунктах учения он отличался от Лютера, но все же пытался сблизиться с ним. В поднявшейся между католиками и реформаторами войне он был убит. В отличие от швейцарского реформатора, Кальвина, Цвингли признавал и свободную волю человека и его ответственность за поступки. Вскоре после его смерти сторонники его присоединились к кальвинистам.

493 Иоганн Гаусшейн (правильнее Гейсген), называемый в переводе на греческий язык Эколампадий (Oecolampadius) - см. примеч. 895.

494 Филипп Шварцерде, называемый Меланхтон (Melanchton) - см. примеч. 614.

495 Иоанн (Жан) Кальвин (1509 - 1564 гг.) родился в городе Нойоне, во Франции, и был воспитан в католической религии; изучал юриспруденцию в Орлеане и Бурже. С 1532 г. стал пропагандировать в Париже принципы

Untitled

Лютеровой реформы. Ему угрожала тюрьма, но он скрывался, уехав из Парижа. В 1535 г. опубликовал свое сочинение под названием "Наставление в христианской религии" ("Institutio religionis christianae"); оно стало как бы Катехизисом реформатов. В 1536 г. Кальвин был назначен профессором богословия в Женеву, где только что была принята реформа. Через два года его изгнали оттуда за его крайний ригоризм. Он удалился в Страсбург. В 1541 г. был снова призван в Женеву, и с этого момента стал всемогущ в этом городе, так что недовольные им прозвали его женевским папой. В Женеве было принято полностью его учение, отличавшееся от учения Лютера тем, что Кальвин отменял всякий внешний культ и иерархию, литургию, присутствие тела Христова в причастии, которое, по его учению, совершалось лишь в воспоминание "тайной вечери" Господней, призывание святых в молитвах и почитание святых, поклонение иконам. Он исповедовал догмат предопределения, по которому у человека нет свободной воли: заранее одни - избранные, "святые", другие - грешники, "осужденные". Он оставил после себя много сочинений. Учение его распространилось по Франции, где его последователи получили название гугенотов.

496 Мюнцер Фома - см. примеч. 584.

497 Шпейер - город в Баварии, на левом берегу Рейна. На происходившем здесь в 1529 г. сейме Карл V заставил принять резолюцию о проскрипции последователей Лютера. Те энергично протестовали против этой меры; отсюда и возникло их название протестанты.

498 Роттердамский богослов Эразм, уроженец Роттердама.

Untitled

- См. примеч. 612. Роттердам - город в Голландии, на реке Маасе.

499 Пруденте де Сандовал (1560 - 1621 гг.) - испанский историк. Его труды: "История Карла V", Вальядолид, 1604; "История королей Кастилии и Леона", обнимающая небольшой период от 1037 до 1134 г.

500 Сорбонна - см. примеч. 858.

501 Св. Ильдефонс, или Альфонс - архиепископ Толедо (607 - 669 гг.). Его труды: "О непорочности и приснодевстве Св. Марии" ("De illibata ac perpetua virginitate S. Mariae"), Валенсия, 1556, и "О церковных писателях" ("De scriptoribus ecclesiasticis").

502 Коллегия Монтегю в Париже (на улице Семи Дорог) была основана в 1314 г. Жилем Айсленом де Монтегю. Была уничтожена в 1844 г.

503 Хуан Луис Вивес - см. примеч. 611.

504 Индекс (index librorum prohibitorum) - см. примеч. 621.

505 Юлий III - папа (1550 - 1555 гг.), см. примеч. 786.

506 Дом Гаспар Кирога - одиннадцатый главный инквизитор Испании (10 апреля 1573 г. - 20 ноября 1594 г.).

507 Тридентский собор - см. примеч. 732.

508 Дом Бартоломее Карранса де Миранда - доминиканец, архиепископ Толедо.

509 Триент (по-латыни Tridentum - Тридент) - город в Тироле, на реке Эч. В 1545 - 1563 гг. здесь происходил знаменитый Тридентский собор, девятнадцатый Вселенский по счету католиков.

510 Схолии - см. примеч. 856.

511 Феофилакт - архиепископ болгарский в начале X в., византийский писатель, автор "Толкового Евангелия".

Untitled

512 Леонард Фукс (1501 - 1566 гг.) - профессор медицины в Ингольштадте и Тюбингене. После него осталось много сочинений по медицине и ботанике, писанных по-латыни; главные: "Медицинские парадоксы" ("Paradoxa medica"), Базель, 1535, о которых говорит Льоренте; "История корней" ("Historia Stirpium"), Базель, 1542.

513 Помпоний Мела - латинский географ, современник римских императоров Тиберия (14 - 37 гг.) и Клавдия (41 - 54 гг.). Около 43 г. написал сочинение "О положении мира" ("De situ orbis") в трех книгах.

514 Гильом Дюран де Сен Пурсан (Guillaume Durand de St. Pourcain) - француз, доминиканец, умер около 1333 г. Среди схоластиков средневековья имя его пользовалось громадной известностью; за смелость и новизну богословских решений он получил прозвище Doctor resolutiesimus.

515 Томасо де Вио, по прозванию Кайетан (1469 - 1534 гг.) - написал комментарии на Библию и на Аристотеля и трактат о папской власти.

516 Петр Ломбардский - см. примеч. 742.

517 Фирмиан Лактанций (250 - 325 гг.) - христианский писатель, уроженец Северной Африки. Принял христианство около 300 г. Сохранилось много его сочинений; наиболее известные: "Божественные уставы" ("Institotiones divinae") и "О смерти гонителей" ("De morte persecutorim").

518 Лукиан (120 - 200 гг.) - уроженец города Самосаты в Сирии, греческий писатель. Был адвокатом и профессором красноречия, много путешествовал, много писал. Стиль его сочинений колоритный, яркий, тон насмешливый,

Untitled

сатирический, мировоззрение неустойчивое, склонное к пирронизму. Учение Пиррона сводилось к следующим трем основным положениям: 1) человек ничего не может знать о качествах предметов; 2) следует ввиду этого воздерживаться от суждения о предметах (акаталепсия, или афазия); 3) человек должен придерживаться полного равнодушия ко всему (атараксия). Пиррон возвел сомнения в принцип и пошел в этом смысле гораздо дальше, чем софисты. Родом он был из Элиды, отсюда "элидский философ"; умер около 270 г. до н. э.

519 Аристотель - греческий философ и естествоиспытатель, оказавший громадное влияние на все последующее развитие философской мысли. Родился в 384 г. до н. э. в Стагире, в Македонии (отсюда - стагирит); с семнадцати лет был учеником Платона; в 343 г. по желанию Филиппа Македонского стал воспитателем его сына Александра; в 331 г. вернулся в Афины и основал философскую школу, прозванную перипатетической. Умер в 322 г. в Халкиде, на Эвбее, куда бежал, будучи обвинен в атеизме. Систематически разработал все отрасли знания того времени, выдвинул значение наблюдения и опыта и тем положил основание естественно-историческому методу исследования природы. Из его многочисленных трудов до нас дошла лишь небольшая часть: его сочинения по логике и риторике, по естествознанию, "Метафизика", "Этика", "Политика" и "Поэтика". Основная задача науки, по Аристотелю, состоит в познании бытия; содержанием же этого познания является общее (понятие), а потому определение отношения частного к общему - основная задача философии Аристотеля. Принцип этот

Untitled

является предметом созданной Аристотелем науки - логики, которую как общую теорию научных приемов он предпослал фактическим исследованиям. В своей логике он дал первые образцы диалектического метода. В метафизике Аристотель отступил от учения Платона об идеях; под идеями или формами он понимает не существующие сами по себе отдельно от вещей сущности, а внутреннюю сущность самих единичных вещей, которым и принадлежит действительность или реальность. В каждой единичной вещи неразрывно связаны форма и материя, форма есть осуществление (энтелехия) того, что материя содержит в себе как возможность. После Аристотеля в его школе, с одной стороны, начинает преобладать эмпирический интерес и обнаруживается склонность к специализации; с другой - сочинения его комментируются в сильно платоновском духе. В VIII в. они переводятся на арабский язык; арабские и еврейские ученые изучают их и снабжают комментариями. В таком виде распространяются они в XIII в. между схоластиками Западной Европы; в XIII и XIV вв. влияние Аристотеля становится преобладающим и он объявляется "верховным учителем в делах человеческих". Этот схоластический аристотелизм после энциклики папы Льва XIII от 4 августа 1879 г. стал как бы официальной философией католической Церкви.

520 Платон (429 - 348 гг. до н. э.) - греческий философ-идеалист, основатель платонической философии, или платонизма. В течение десяти лет был учеником Сократа; после его казни удалился в Мегару, а затем отправился путешествовать; жил в Сицилии, в

Untitled

Сиракузах, где не поладил с местным тираном Дионисием Старшим и был продан им в рабство. Выкупленный из рабства, Платон отправился в Афины, где в 388 г. основал философскую школу, известную под именем Академия. От него дошло до нас много сочинений, изложенных в большинстве случаев в форме диалогов или бесед. Кроме бога и материи Платон допускал существование вечных идей, то есть типов или образов, по которым устраиваются все существа. Они одни только реальны и абсолютны. Наши понятия - лишь бледные отблески их. Он допускает метампсихоз, или перевоплощение, как наказание за дурные поступки и новое испытание, посылаемое божеством с целью исправления.

521 Сенека Луций Анней (5 - 65 гг. н. э.) - уроженец Кордовы (Испания), римский философ-стоик, воспитатель римского императора Нерона. Получил исчерпывающее риторическое и философское образование и выступил на поприще общественно-политической деятельности в качестве квестора, а затем сенатора. Первоклассный оратор, он произнес столь блестящую речь в присутствии императора Калигулы, что последний из зависти к славе оратора задумал его убить и привел бы свой замысел в исполнение, если бы ему не указали, что Сенека страдает чахоткой и "все равно скоро умрет". Более опасным врагом Сенеки оказалась Мессалина, жена императора Клавдия, которая добилась от сената обвинительного приговора, по которому Сенека был присужден к ссылке на остров Корсика (41 г. н. э.). На Корсике он пробыл восемь лет и лишь после смерти Мессалины вернулся в Рим, где вскоре был приглашен в воспитатели Нерона. Став императором,

Untitled

Нерон выдвинул Сенеку на высшие государственные должности; одно время он был чуть ли не первым лицом в государстве после императора. Вскоре, однако, Нерон охладил к Сенеке. Воспользовавшись тем, что на Сенеку поступил донос в заговоре против Нерона, император приказал ему покончить жизнь самоубийством - вскрыть себе вены. После Сенеки остались философские трактаты, письма. Философские труды его впервые были изданы Эразмом в Базеле в 1515 и 1529 гг. Философия Сенеки возникла в эпоху духовного упадка Рима.

522 Александрия (Alessandria della Palla) - город в Северной Италии, в Пьемонте. Построен был наспех в 1168 г. ломбардской лигой для обороны против Фридриха I Барбароссы.

523 Св. Пий V - папа (1566 - 1572 гг.), итальянец по имени Микеле Гислери. Был очень жесток по отношению к еретикам, покровительствовал римской инквизиции, ревностно защищал церковные привилегии и юрисдикцию. Оказывал поддержку притязаниям католиков в различных государствах: Гизов во Франции, Марии Стюарт в Шотландии, Филиппа II в Нидерландах. Соединился с Испанией и Венецией для войны против турок, и его флот помог одержать над ними победу при Лепанто в 1571 г.

524 Франсиско Борха - см. примеч. 806.

525 Тереза Иисусова - см. примеч. 605.

526 Шартр - город во французском департаменте Эра-и-Луара, в 88 км от Парижа.

527 Вермандуа - провинция королевской Франции, ныне составляющая два департамента: Эн и Сомма.

528 Предание гласит, что перед битвой императора

Untitled

Константина с Максенцием, на Мульвийском мосту в Риме, над войсками Константина в которых было много христиан, показался на небе крест, окруженный семью звездами, с надписью: "In hoc signe vinces" ("Этим знаком победишь"). По-французски signe - знак, а cygne (то же произношение) - лебедь. Отсюда лишенная смысла эмблема - лебедь не имеет к этому никакого отношения.

529 Ариас Монтан. - Ошибка Льоренте, который называет скрывшегося под псевдонимом то Монтанус, то Монтес, то Монтану он дает ему не только две разные фамилии, но и два разных имени. См. примеч. 630.

530 Кристоф Плантин (1514 - 1589 гг.) - француз, основал типографию в Антверпене. Его издания отличаются изяществом и четкостью печати. Типографская марка - рука с компасом и девиз: "Lahore et constantia" ("Труд и постоянство").

531 Хуан де Мариана (1537 - 1624 гг.) - испанский иезуит, богослов и историк. Его труд "Тридцать книг испанской истории" на латинском языке был напечатан в Толедо в 1592 - 1595 гг. Известен также его трактат "О короле и установлении королевской власти" ("De rege et regis institutione"), изданный в 1599 г. В нем де Мариана утвердительно решает вопрос, можно ли убить тирана. В 1610 г., после убийства Генриха IV, этот трактат был сожжен в Париже рукою палача, так как в нем усмотрели подстрекательство к убийству короля, совершенному Равальяком.

532 Иезуиты - см. примеч. 186 и 688.

533 Бернардо де Рохас-и-Сандоваль - семнадцатый главный инквизитор Испании (12 сентября 1608 г. - 7

Untitled

декабря 1618 г.).

534 Босые кармелиты - см. примеч. 684.

535 Антонио де Сапата-и-Мендоса - двадцатый главный инквизитор Испании (30 января 1627 г. - 1632 г.).

536 Антонио де Сотомайор - двадцать первый главный инквизитор Испании (17 июля 1632 г. - 1643 г.).

537 Диего Сармиенто де Вальядарес - двадцать пятый главный инквизитор Испании (15 сентября 1669 г. - 29 января 1695 г.).

538 Видаль Марино - двадцать девятый главный инквизитор Испании (24 марта 1705 г. - 10 марта 1709 г.).

539 Франсиско Перес дель Прадо-и-Куэста - тридцать восьмой главный инквизитор Испании (22 августа 1746 г. - 1757 г.).

540 Янсенисты - см. примеч. 738.

541 Мишель де Бай (Bay, или Baius; 1513 - 1589 гг.) - француз, канцлер университета в Лувене, профессор Священного Писания, предтеча янсенистов. Так как в некоторых вопросах он примыкал к Кальвину, Лувенский университет запретил ему преподавание. Сорбонна осудила его учение, а папа Пий V в 1567 г. осудил 76 тезисов, извлеченных из его сочинений, как еретические.

542 Паскье Кенель (1634 - 1719 гг.) - уроженец Парижа; приняв учение янсенистов, принужден был удалиться из Франции и в 1684 г. поселился в Брюсселе. Здесь он был арестован и просидел в тюрьме города Мехелен с 1696 по 1703 г. Затем переехал в Амстердам, где основал несколько янсенистских церквей.

543 Фердинанд VI - король Испании (1746 - 1759 гг.), сын короля Испании Филиппа V Бурбона.

Untitled

- 544 Кардинал Норис - см. примеч. 681.
- 545 Пуэбла-де-Лос-Анхелос - город в Мексике, на возвышенности Анахуак, основан в 1533 г.
- 546 Конгрегация обрядов - см. примеч. 622 и 678.
- 547 Агостино Рубин де Севальос - сорок первый главный инквизитор Испании (1783 - 1792 гг.).
- 548 Дом Фелипе Бельтрандо - сороковой главный инквизитор Испании (1775 - 1783 гг.).
- 549 Мануэль Кинтано Бонифас - тридцать девятый главный инквизитор Испании (1758 - 1774 гг.).
- 550 Фарсал - древний город Фессалийской области; вблизи него находилось святилище Фетиды.
- 554 Мезангюи - см. примеч. 899,
- 552 Филанджьери - см. примеч. 849.
- 553 Капуцины - см. примеч. 850.
- 554 На самом деле христианство оказывало огромное влияние на культуру Западной Европы описываемой эпохи в целом и на изобразительное искусство - в частности. Можно утверждать, что *Biblia pauperum*, то есть фрески в церквях и гравюры, резанные на дереве (ксилография), в определенной степени способствует пропаганде христианского учения в католическом аспекте для людей неграмотных.
- 555 Льоренте цитирует из Книги Пророка Иеремии.
- 556 По Евангелию.
- 557 По Евангелию.
- 558 Здесь опечатка, надо читать - псалом 61, так как эти слова находятся в этом псалме, стих 11.
- 559 По Евангелию.
- 560 Св. Полония жила в Александрии, в Египте; при

Untitled

императоре Деции (249 - 251 гг.) сама бросилась в костер, приготовленный для ее казни.

561 Св. Агафия погибла в Палермо, в Сицилии, в 251 г.

562 Св. Лукия погибла в Сиракузах, в Сицилии, в 304 г.

563 Св. Раймонд - испанский монах, умер в 1163 г.

564 Св. Маргарита - королева Шотландии (1046 - 1093 гг.), жена шотландского короля Малькольма III (1047 - 1093 гг.) с 1070 г.

565 Девятидневки - см. примеч. 860.

566 Лютеранство - одно из трех главных христианских вероисповеданий, основанное в XVI в. Мартином Лютером. Последователей этого вероисповедания часто называют также протестантами. Последнее название ведется от протеста, заявленного 10 апреля 1529 г. на имперском сейме в Шпейере (Германия) меньшинством его "чинов" против решения большинства, состоявшего из католиков, подавить лютеранское движение. Протестовавшие ссылались на то, что большинство Шпейерского сейма нарушило принятое в 1526 г. в том же Шпейере единогласное постановление, что в делах религии "каждый имперский чин должен жить, управлять и действовать так, как считает себя обязанным ввиду своей ответственности перед Богом и императорским величеством". Подписали протест (так называемую протестацию) двадцать имперских чинов, из них четырнадцать уполномоченных от городов. С этого времени последователей Лютера стали называть протестантами. Впоследствии этим термином стали обозначать представителей совокупности всех доктрин и сект, возникших из Реформации XVI в. Хотя под Реформацией разумеют крупнейшее общественное

Untitled

движение, охватившее почти все государства Европы в XVI в., но самое стремление "реформировать" Церковь, ее учение и порядки, относится к тому времени, когда христианство стало более или менее складываться в определенную церковную организацию и оформлять свое учение. Уже в первые четыре века существования христианства имелось значительное число ересей, просачивавшихся в толщу верующих и постепенно дробивших первоначальное единство в учении на множество церквей и сект, исповеданий, иноверии, толков, согласий. Зерно лютеранства таилось в учении катаров ("чистых") (см. примеч. 99), которые под разными наименованиями распространились постепенно по всей Европе. Другая струя против начавшей господствовать в христианстве доктрины шла также с первоначальной эпохи возникновения нового вероучения и носила особый характер. К ней принадлежали:

- 1) монархиане, признавшие единого Бога, считавшие Христа человеком и отрицавшие Святой Дух как третье лицо христианской ортодоксальной Троицы; название свое они получили от заявления: "Держим (стоим за) монархию" ("monarchiam tenemus");
- 2) патрипассиане, учившие о страдании на кресте Бога Отца в человеческом образе, Христа; название их - от слов "страдания отца" (patris passio);
- 3) антитринитарики, то есть противники Троицы; к ним примыкали Фавст и Лелий Социны и созданная Фавстом Социном школа социниан; секта возникла уже в эпоху Реформации, но продолжала существовать отдельно, сначала в Польше, потом в Трансильвании, Голландии,

Untitled

Англии, а ныне преимущественно в Северной Америке. Социниане отрицают Троицу, божественность Христа, первородный грех, предопределение, благодать.

В Германии, где в XIV - XVI вв. католическая Церковь и ее глава - папа пытались особенно усилить свое влияние, возмущение приняло огромные размеры и вылилось в историческое, исключительно большое движение, известное под именем Реформации, связанное с именем Мартина Лютера. Реформация быстро перешагнула границы Германии и охватила значительную часть Западной Европы. В основном она ставила себе целью преобразование, обновление церковной организации и католического учения. Помимо Лютера крупным представителем реформационного движения, но уже за пределами Германии, был Жан Кальвин, действовавший во Франции и Швейцарии (см. примеч. 495). Хотя за Реформацию стояли все сторонники новых взглядов на Церковь, все протестанты, но реформатами стали называться только последователи Кальвина. Кальвинисты отличаются от лютеран тем, что причащение признают лишь символическим обрядом, отрицая пресуществление. В Англии последователи кальвинизма известны под общим названием пуритан, причем последователи более свободных направлений обычно носят названия индепендентов, баптистов, квакеров.

567 Испания - страна издавна католическая; ее короли именуются "Его Католическое Величество" ("Su Majestad Catolica"). Понятно, что появление лютеранского "свободомыслия" в этой ультракатолической стране с ее набожностью и суровой церковной дисциплиной должно

Untitled

было особенно беспокоить великого инквизитора.

568 Ересь - греческое слово, значит выбор, свободный выбор мнений; понятие, противоположное канонизированному, регламентированному Церковью догмату, которому должен следовать всякий, желающий быть правоверным членом любой Церкви. Догматизм - учение, обязательное для всех членов ортодоксальной Церкви. Секта - латинское слово *secta*, обыкновенно означающее "ереси". Слово исповедание принято для обозначения крупных церковных делений: православия, католичества, протестантства, англиканства, монофизитства (у коптов в Египте и абиссинцев) и т. д. Иноверие означает веру одной Церкви с точки зрения другой: например православие для протестантов, католичество для православия. Схизма, или раскол, означает такое отделение одного церковного общества от другого, которое не затрагивает общих для обеих Церквей основных положений, или догматов. В этом смысле католики называют восточное православие схизмой. Толк - ответвление секты, следующее учению признанного последователями толка учителя веры, наставника, старца, начетчика. Согласие - более мелкое деление секты, иной раз охватывавшее всего лишь одну общину, даже один дом.

569 Смертный грех. - Католическая Церковь делит грехи на несколько разрядов. Самыми тяжелыми считались семь смертных грехов. К "смертному греху" Церковь приравнила неповиновение или равнодушие к распоряжениям церковной власти.

570 Отлучение от Церкви (*excommunicatio*) ставило

Untitled

человека вне закона подобно древнеримскому запрету огня и воды или еврейскому синагогальному "херему". Отлученный переставал быть христианином, членом государства, общины, семьи; все естественные человеческие узы для него порывались, и он заживо исключался из списков людей. Всякий мог убить его безнаказанно; никто не имел права предложить ему одежду, пищу, приют или ночлег. Отлучение названо здесь верховным, потому что оно могло быть постановлено и обнародовано только папой, то есть верховным главой всего католического мира, и не могло быть снято с виновного даже епископом.

571 См. примеч. 566 и 568.

572 Гостия (hostia) - иначе облатка, опреснок, лепешка из пресного теста, употребляемая при совершении католической мессы (литургия, обедня). По учению Церкви, гостия - это тело Христа, так же как вино - это его кровь. Католическая и православная Церкви понимали это в буквальном смысле слова: для них это был мистический акт, при котором происходило пресуществление, то есть превращение хлеба и вина "в плоть и кровь Христа". Более "либеральные" и "просвещенные" протестанты истолковывали его символически - как воспоминание о Тайной Вечере.

573 Почитание святых и поклонение иконам считаются существенными догматами ортодоксального христианства со времени седьмого Вселенского Собора 787 г. и поместного Константинопольского 843 г. Первый догмат старше второго. Почитание святых восходит к глубокой древности, не только дохристианской (оно известно в

Untitled

вавилонской, ведической и древнегреческой религии - культ "героев"), но и доисторической, и коренится в почитании "душ предков" у первобытного человечества, стоявшего в религиозном отношении на ступени анимизма. Следы этого анимизма у древних римлян - их мани, лары, пенаты (manes, lares, penates); у древних греков - их ктисты (т. е. основатели городов) и герои. Поклонение иконам несколько новее первого догмата. Появление фигуры Христа на кресте, то есть распятия, можно засвидетельствовать на резных из слоновой кости консульских диптихах лишь в VI в. Богоматерь появляется на иконах в эпоху несторианства как выразительный отпор ему со стороны ортодоксальной Церкви, то есть не ранее второй половины V в. Иконы святых появились не позднее этого времени; они возникли из надгробных энкаустических портретов времен I и II вв. Римской империи. Под влиянием семитического принципа, сильно выраженного в Коране Магомета: "Бог не изобразим, ибо он - дух", в Византийской империи возникло гонение на иконы. Оно известно под названием иконоборчества. Инициатором его был император Лев III, основатель Исаврийской династии (717 - 741 гг.). Иконоборчество Льва III было вызвано и тем, что на окраины Византийской империи стали наступать мусульманские народы, и, чтобы дать им отпор, необходимо было привлечь на сторону правительства то самое окраинное население, в котором было много семитических элементов в разных слоях общества. Эти элементы были недовольны сильным развитием иконопочитания и требовали принятия мер против него. Лев Исаврийский не мог не считаться с этими

Untitled

настроениями в грозное для Византии время наступления восточных врагов. Более столетия (726 - 843 гг.) держалась, с краткими перерывами, эта церковная политика Византийской монархии. Иконопочитание осталось нерушимым догматом и восточного православия, и западного католичества.

574 Чистилище (*purgatorium*) - по учению католической Церкви, есть место, среднее между адом и раем. До дня Страшного Суда и общего воскресения мертвых души умерших попадают в чистилище. По загробным молитвам церкви, в силу добрых дел (благотворения, милостыни, жертвований в пользу церкви) души умерших могут достигнуть рая. Но более всего помогают этому индульгенции (*indulgentiae* - см. примеч. 576), то есть отпущения грехов, даруемые Римским Папой. Протестанты как ярые противники индульгенций отвергали и чистилище. В восточном православии чистилище формально отрицается как место временного пребывания душ, но молитвы "за усопших" продолжают существовать.

575 Причастие под обоими видами (*sub utraque specie*) - хлеба и вина - в католической Церкви сохранено только для священнослужителей; миряне причащаются облатками. В древнехристианской Церкви оно существовало одинаково (под обоими видами) и для священников и для мирян; до конца IV в. оно преподавалось отдельно. Такой порядок в восточной Церкви удержан только для священнослужителей, а миряне причащаются хотя и под обоими видами, но вместе, то есть из чаши, куда в вино ("кровь Христову") уже вложены частицы хлеба ("тела Христова"). В

Untitled

протестантство оно вошло идейно от катаров, а практически от гуситов, которые также считали причащение символическим обрядом, не признавая пресуществления. Исторически всегда получалось так, что те классы, которые выступали против привилегий католического духовенства, выставляли требование причащения под обоими видами для мирян, так как хотели добиться в Церкви демократического порядка. Особенно резко эта сторона вопроса выступила у гуситов-утраквистов. Требование чаши для мирян становилось их знаменем.

576 Индульгенция (отпущение грехов) - письменный документ от имени папы, верховного первосвященника, дающий обладающему им право на отпущение грехов как прошлых, так и будущих, или на известный, указанный в индульгенции, срок или на вечные времена.

577 Монашеские ордена - см. примеч. 186.

578 Безбрачие, или целибат (coelibatus), обязательно для католического духовенства как черного, так и белого. В древней христианской Церкви в браке состояли не только белые священники, но и епископы; безбрачными были лишь монахи. В католичестве целибат укрепился лишь к началу второй половины XII в., и причины его введения были самого материального свойства. Папство отстаивало принцип безбрачия, так как претендовало на имущество Церкви, остававшееся после бессемейного епископа; семейное же духовенство обычно стремилось отделить часть церковного имущества в пользу жены, детей и других наследников.

579 Посты (как однодневные, так и длительные) - чисто

Untitled

церковное установление. Католическая Церковь разрешала за большие деньги откупаться от постов.

580 Дом Альфонсо Манрике - пятый великий инквизитор Испании (1523 - 1538 гг.), архиепископ Севильи. Манрике - древняя фамилия Испании, которая происходит от графов кастильских через Фернандо Гонсалеса, умершего в 970 г. Эта фамилия образовала несколько линий, члены которых нередко были в родстве с королями Кастилии и Арагона.

581 Главный трибунал инквизиции находился в Севилье; при Карле V был перенесен в Толедо, а при Филиппе II в Мадрид. Им заведовал великий (или главный) инквизитор Испании. В центрах провинций королевства имелись подчиненные ему трибуналы, во главе которых стояли провинциальные инквизиторы. Трибунал состоял из трех инквизиторов - судей, секретаря, прокурора; на заседания приглашались 2 - 3 юрисконсульта и епархиальный епископ.

582 Иллюминаты (по-испански *alumbrados*, также *alombrados*) - религиозная секта, возникшая в Севилье, Толедо и других местностях Испании в 20-х годах XVI в. и подвергавшаяся преследованию со стороны инквизиции. Иллюминаты говорили о внутренней связи с Богом, не придавая существенного значения внешним проявлениям религиозности. В этом смысле следует смотреть на иллюминатство как на протест против сухого формализма, проводившегося доминиканцами-инквизиторами. Под ударами последних иллюминаты в Испании погибли. Характерно, что Игнатий Лойола и первые иезуиты были заподозрены инквизицией в сочувствии иллюминатам и привлечены инквизиционным трибуналом к суду.

Untitled

Испанские иллюминаты нисколько не связаны с тайным германским обществом иллюминатов, организованным Адамом Вейсгауптом в 1776 г. и боровшимся против иезуитов. Немецкие иллюминаты были близки к франкмасонству.

583 Квиетизм - мистико-религиозное течение в католической Церкви XVII в.; оно связано с испанским богословом Мигуэлем Молиносом (1628 - 1696 гг.), по поводу сочинения которого "Quida spirituale" (1675 г.) кардинал Карраччиоли впервые употребил в 1682 г. слово "квиетизм". Папа Иннокентий XI одобрил книгу Молиноса, но иезуиты и инквизиторы повели против Молиноса ожесточенную кампанию. Он был арестован, просидел в тюрьме два года и в 1687 г. предстал перед инквизиционным трибуналом. В его книге было найдено 68 тезисов, вызвавших осуждение. Хотя Молинос торжественно отрекся от инкриминируемых положений, он был приговорен к пожизненному заключению в монастыре. Квиетизм - протест против механического католицизма XVII в., олицетворявшегося доминиканцами, инквизицией и иезуитами. В тексте Льоренте неправильное смешение квиетистов с иллюминатами: связь последних с первыми не установлена, хотя по духу оба движения родственны. Не совсем основательно утверждение Льоренте, что главою иллюминатов был Фома Мюнцер.

584 Фома Мюнцер - религиозный проповедник, родился в Штоль-берге в 1490 г., был казнен во время крестьянской войны 1525 г. в Мюльгаузене, центральном месте борьбы горнозаводских и текстильных рабочих и крестьян. Мюнцер по окончании богословского образования был

Untitled

священником и проповедником и около 1520 г. приобрел большую популярность в Цвиккау, где слушатели его проповедей были почти исключительно подмастерья-суконщики, из которых многие благодаря Мюнцеру вскоре сами стали влиятельными проповедниками. Сначала Мюнцер нападал главным образом на папу и католическое духовенство, но вскоре предметом его страстных обличений сделался господствующий класс вообще, богатые люди в частности. Встревоженный муниципалитет изгнал Мюнцера из Цвиккау, и проповедник после долгих скитаний очутился в Альштете, вблизи мансфельдских медных, серебряных и золотых рудников. Здесь он продолжал свою деятельность: "лицемерная папская исповедь" была уничтожена, причащение совершалось под обоими видами, вся община принимала участие в богослужении. Привилегированное положение духовенства исчезло, и потому-то, как сообщает сам Мюнцер, "наши враги говорят, будто согласно нашему учению пастухи могут служить обедню в поле". Библия и некоторые богослужebные книги были переведены на немецкий язык; "латинские слова создают обман и невежество, и потому псалмы были переведены на немецкий язык, причем я придерживался больше их смысла, чем слов". В Альштете же Мюнцер организовал среди рабочих тайный союз, направленный против преследователей Евангелия. Однако под защитой Евангелия скрывалось желание членов союза осуществить идею, "чтобы все было общим" (*omnia sint communia*) и чтобы каждый получал сообразно своим потребностям; "если какой-либо государь не захотел бы этого сделать,

Untitled

после того как от него потребуют" его следует обезглавить или повесить". Из Альштета Мюнцер вынужден был бежать в 1524 г. и поселился в Мюльгаузене, где текстильные рабочие были охвачены революционным настроением. Изгнанный и оттуда, Мюнцер направился в Южную Германию, где уже начиналась крестьянская война. Мюнцер снова отправился в Мюльгаузен, где вместе с демократом Пфейфером на компромиссных началах создал общину. Из этой мюльгаузенской коммуны несколько сот человек вышло на помощь крестьянским повстанцам. Но плохо вооруженные мюльгаузенцы не могли, по мнению Мюнцера, оказать существенную помощь крестьянам, и Мюнцер стал организовывать отряды из мансфельдских горнорабочих. На призыв Мюнцера откликнулись рабочие разных центров, между прочим и из Цвиккау. Однако объединить разрозненные силы крестьян и рабочих было не по силам Мюнцеру. "С мечом Гедеона" он явился на поле сражения у Франкенгаузена, а после поражения был захвачен в плен и "подарен" мансфельдскому графу. После взятия князьями Мюльгаузена пленного Мюнцера доставили туда, чтобы казнь застигла его там, где он "наделал столько бед".

585 Анабаптисты (т. е. перекрещенцы) - так назывались некоторые протестантские секты XVI в., появившиеся раньше всего в Швейцарии, где они играли роль демократической оппозиции по отношению к Цвингли, защищавшему интересы более богатого, имущего класса. Характерной чертой всех анабаптистских групп было требование вторичного крещения в зрелом возрасте, так как они относились отрицательно к крещению в детстве. В

Untitled

огромном большинстве швейцарские перекрещенцы были настроены миролюбиво и вели лишь словесную борьбу с ортодоксальной церковью; тем не менее подвергались преследованиям. Так, Феликс Манц по решению цюрихских властей был потоплен, а Бальтазару Губмейеру удалось вырваться из цюрихской тюрьмы лишь путем отречения от "заблуждений". Во время крестьянской войны 1525 г. многие перекрещенцы примкнули к крестьянам и нашли среди них широкое поле деятельности. С того времени ведут свое начало воинствующие перекрещенцы, которые после подавления крестьянской войны выступали в Тироле в движении горнозаводских рабочих, а затем распространились по Нижней Германии. В 1533 г. Мюнстер сделался главным центром деятельности перекрещенцев, среди которых особенной известностью пользовались Иоганн Матис, Иоганн Боккельзон, обычно называемый Иоганном Лейденским, Ротман и Книппердоллинг. В 1534 г. Мюнстер был объявлен общиной под именем Нового Иерусалима. В 1536 г. имперская армия вошла в эту общину; были убиты сотни людей, и, по выражению летописца, от множества трупов выступившая из своих берегов река Аа гнала по Мюнстеру кроваво-багряные волны. Следует заметить, что баптисты ведут происхождение не от анабаптистов, а от английских индепендентов XVII в.

586 Инквизиция свирепствовала и над умершими. Преследование последних выражалось эксгумацией (exhumatio), то есть выкапыванием их трупов для сожжения на костре, конфискацией их имущества в пользу государственной казны и инквизиции, иначе говоря,

Untitled

отнятием его у наследников, и диффамацией, или опозорением их имени: их потомкам запрещалось занимать государственные и общественные должности и даже жить на родине. В результате целые семьи разорялись, скрывались в трущобах и вымирали.

587 Духовная молитва (иначе умнАя) - наследие мистического Востока. Молящийся произносит про себя, неслышно, без движения губ, непрерывно сотни и тысячи раз определенную, неизменную избранную формулу.

588 Случайности (accidentiae) - внешняя обрядность, сопутствующая устной молитве.

589 Мирские дела были запрещены духовенству церковными канонами в дисциплинарном порядке.

590 Созерцание входит в понятие духовной молитвы. Но здесь речь идет о нем как о чем-то самостоятельном.

591 Католическая Церковь признает брак нерасторжимым таинством. Однако католическое духовенство дает разрешение на развод за большие деньги.

592 Общая исповедь перед одним лицом (наставником, религиозным вождем), но всеми и в присутствии всех, слабо может быть обоснована Новым Заветом. Корни ее следует искать в других местах. Но она несомненно существовала в древней Церкви и сектах (например, публичные покаянные собрания монтанистов в Анатолии во II в. н. э.). У буддийских бгикшу (bhikchu - монах) еще за несколько веков до нашей эры два раза в месяц происходили такие покаянные собрания.

593 По учению католической Церкви, для спасения души необходимы кроме веры добрые дела. Протестанты, как и катары, отвергают эту необходимость, ссылаясь на

Untitled

Евангелие.

594 Возношение гостии (elevatio) в римской литургии соответствует анафоре (возношению) в греческой литургии, то есть поднятию дискаса и потира.

595 Буллами (bulla) называются папские указы, получившие некогда это название от привешивавшейся к ним свинцовой печати. У древних римлян булла - свинцовый шарик, который надевался детям на шею как предохранительный амулет. В средние века на Западе и в Византии булла - свинцовый шарик, сплюснутый для получения таможенной пломбы со штампом лица или учреждения. Обыкновенно буллы обозначаются по первым словам, например, булла "Море великое" ("Mare magnum") означает, что эта булла начинается словами: "Море великое". Буллы бывают двух разрядов: отлучительные и учительные.

596 Епитимийный суд совершался в любом монастыре по пенитенциарию (сборнику уложений о церковных карах).

597 Привилегия - преимущество, исключение из общего правила.

598 Отступничество от христианской веры, или апостасия, причисляется к семи смертным грехам и карается отлучением от Церкви.

599 Иподиакон (subdiaconus) - низшая степень священства. В католической Церкви в иподиаконы могут посвящаться только монахи.

600 Оран - порт в Алжире, на Средиземном море, основан маврами, изгнанными из Испании в 1492 г.; в 1509 г. был взят испанцами.

601 Тремесен (или Тлемсен) - город в Алжире.

Untitled

602 Хуан д'Авила - профессор богословия и проповедник, родился около 1502 г. близ Толедо, умер в Монтилье в 1569 г.

603 Белый священник - см. примеч. 303.

604 Апостол Андалусии - почетное звание, данное Хуану д'Авиле.

605 Тереза Иисусова родилась в испанском городе Авиле в 1515 г. и умерла в 1582 г. Экзальтация проявилась у нее с детства. После нее осталось много литературных работ; большинство их носит мистический характер.

606 Франсиско Хименес де Сиснерос родился в Кастилии в 1436 г.; в 1492 г. стал духовником королевы Изабеллы, в 1495 г. - архиепископом Толедским и великим канцлером Кастилии, тогда же стал кардиналом и в 1507 г. был назначен третьим великим инквизитором Испании. В 1509 г. на свой риск послал в Африку экспедицию, которая завоевала Оран. В 1516 г. управлял Кастилией и Арагоном до прибытия императора Карла V. В 1502 - 1517 гг. опубликовал Комплутенскую полиглотту, то есть Библию на разных языках, в шести томах. Умер в 1517 г. Хименес отличался жестокостью и преследовал маранов и еретиков, особенно в завоеванной Гранаде.

607 Николас Антонио - знаменитый испанский библиограф, севильский каноник; родился в Севилье в 1617 г., умер в Мадриде в 1684 г. От него осталось два труда: "Старая испанская библиотека", Рим, 1696, два тома in folio, и "Новая испанская библиотека", Рим, 1692, два тома in folio.

608 Вульгата - латинский текст Библии, принятый римско-католической Церковью на Тридентском соборе (в 1546 г.). Перевод был сделан в IV в. Вульгата - сокращение

Untitled

выражения "editio vulgata jussi P. M. Sixti V" (издание, обнародованное по повелению верховного первосвященника Сикста V).

609 Эпитафия - надгробная надпись на плите над могилой, или на особой доске в стене близ могилы, или на особом памятнике.

610 Педро Мартир д'Англерия (собственно Пьетро Мартир д'Ангьер-ра; 1455 - 1526 гг.) - итальянский историк; поселился в Испании и в 1505 г. стал приором гранадского кафедрального собора. От него остались несколько трудов и письма на латинском языке, в которых он сообщает много интересного о тогдашней жизни Испании.

611 Хуан Луис Вивес (1492 - 1540 гг.) - уроженец Валенсии, был профессором в Лувене (в Бельгии), затем в Оксфорде; путешествовал по Испании и наконец поселился в Брюгге (Бельгия), где и умер. Он был тесно связан с Дезидерием Эразмом и Вильгельмом Буде. Оставил после себя много трудов и писем литературного характера на латинском языке.

612 Дезидерий Эразм (1467 - 1536 гг.) - один из наиболее выдающихся гуманистов, родился в Роттердаме (Голландия), отсюда обычное его прозвание - Эразм Роттердамский. Он рано принял монашество, закончил свое образование в Париже, в 1506 г. получил степень доктора богословия в Болонье. Посетил Рим, был в Англии и наконец поселился в Базеле, где прожил до самой смерти. Эразм был замечательным ученым и писателем с изящным слогом, умел быть острым и ядовитым.

Приверженец реформы духовенства, он, однако, шел не так далеко, как Лютер, с которым состоял в переписке.

Untitled

Главные сочинения Эразма написаны на латинском языке. Таковы сатирические "Беседы" и "Похвала Глупости", переведенная на все европейские языки. Ее успех с момента издания был огромный: при жизни Эразма она была переиздана сорок раз. В 1516 г. им было напечатано в Базеле первое критическое издание греческого текста Нового Завета. Он издал в нескольких томах творения греческих и латинских Отцов Церкви. Своими сочинениями и изданиями Эразм оказал большое содействие научному движению в эпоху позднего Ренессанса. Его наблюдательный ум и значительные познания в древнегреческом языке сделали его первым эллинистом тогдашней Европы. Установленное им научное произношение древнегреческого языка, так называемое эразмовское, до сих пор держится в науке.

613 Карл V - из династии Габсбургов, германский император и испанский король (в Испании известен как Карл I). Родился в 1500 г. в Тенте (Бельгия), был сыном Филиппа Красивого, австрийского эрцгерцога, и Хуанны Безумной, дочери Фердинанда V, короля Арагона, и Изабеллы, королевы Кастилии. В 1516 г. Карл стал королем Испании, а в 1519 г. - императором германским по смерти своего деда с отцовской стороны, Максимилиана I. Он несколько раз воевал с Франциском I, королем Франции. Вел также войны с германскими князьями, принявшими сторону протестантов. При нем в 1555 г. в Аугсбурге был подписан мир, давший лютеранам свободу исповедания. В начале 1556 г. Карл передал империю своему брату Фердинанду I, а несколько месяцев спустя Испанию - своему сыну Филиппу II и удалился в монастырь

Untitled

Св. Юста в Эстремадуре, где умер 21 сентября 1558 г.
614 Филипп Меланхтон (фамилия грецизированная, собственно Шварцерде; 1497 - 1560 гг.) в 1518 г. был профессором греческого языка в Виттенберге, где сошелся с Лютером и отдал все свои силы делу Реформации. В 1530 г. составил известное "Аугсбургское исповедание", написанное в примирительном тоне; в 1541 г. присутствовал на конференции в Регенсбурге.

Принадлежал к умеренному крылу лютеранства.

613 Аугсбург - германский город в теперешней Баварии, с 1276 по 1806 г. был имперским городом. В 1530 г. в нем состоялся сейм, на который было представлено "Аугсбургское исповедание" Меланхтона; в 1548 г. - сейм, на котором было провозглашено временное соглашение (interim) Карлом V; в 1556 г. там был подписан мир, в силу которого Карл V предоставил лютеранским владетельным особам свободу исповедания.

616 Регенсбург - германский город в теперешней Баварии. С 1183 по 1896 г. был имперским городом. Сейм - название национальных собраний в Германии, Польше, Швейцарии. Имперские германские сеймы не имели определенного места: они собирались в Нюрнберге, Аугсбурге, Регенсбурге и Франкфурте-на-Майне.

617 Аутодафе (по-испански auto da fe - акт веры) - так называлась в Испании церковная церемония, торжественно обставляемая инквизиционным трибуналом; на ней присутствовали монахи, члены королевской семьи, чины двора, знать и народ. Начиналась она в церкви, где секретарем суда прочитывались извлечение из дела и обвинительный приговор. Затем следовало выставление

Untitled

осужденного на публичный позор. Далее два следствия: 1) для примиренных с Церковью были назначаемы разные церковные епитимьи (кары), обозначенные в приговоре, и денежные штрафы или же заключение в тюрьме или монастыре; 2) для нераскаянных - передача в руки светской власти и сожжение заживо на костре на глазах толпы. Лиц, заочно осужденных (если они успели скрыться за пределы досягаемости), сжигали фигурально, в изображении (*in effigie*), то есть вместо живого человека жгли его изображение.

618 Послание написано между 115 и 125 гг. н. э.

619 Отцами (патерами) именуются католические священники.

620 Послание евреям написано или Аполлосом из Александрии, или Варнавой, спутником апостола Петра. Годом написания считают 66- й.

621 Список (указатель) запрещенных книг (*index librorum prohibitorum*), или Индекс. В Риме при папах были учреждены четыре комиссии из кардиналов, или конгрегации: инквизиции, индекса, распространения веры, обрядов. Вторая из них занималась цензурой литературных произведений, налагала на них запрет, сжигала их и карала авторов и читателей; запрещенная книга попадала в Индекс и не допускалась к обращению.

622 Римская курия - двор римского папы, который как светский государь имел штат придворных чинов. Но под этим названием почти всегда подразумевается вся вообще папская администрация, включая конгрегации и канцелярию.

623 Содомия - противоестественные половые отношения.

Untitled

Название происходит от библейского города Содом, жители которого якобы предавались этим порокам.

624 Оскорбление Величества (*laesa majestas*) известно и в римском праве и сурово каралось уголовными законами как политическое преступление.

625 Апостолическая камера - апелляционный папский суд в Риме.

626 Фискал, или прокурор-фискал, или промотор-фискал - обвинитель, должностное лицо, составлявшее обвинительный акт.

627 Бенавенте - город в испанской провинции Леоне.

628 Лиценциат - первая ученая степень в Испании, Италии, Франции, соответствующая немецкой и русской степени кандидата. За ней следует степень магистра, затем доктора.

629 Кобыла (по-французски *chevalet*, по-испански *escalera*) - орудие пытки, подробно описанное в тексте.

Употреблялось в XVI - XVIII вв. и в России.

630 Льоренте без достаточных данных утверждает, что Монтес и Монтанус одно и то же лицо. До сих пор еще не установлено, кто такой Монтанус. Индекс 1590 г. отмечает его книгу в рубрике книг неизвестных авторов. Точно так же "Новая библиотека" Николаса Антонио 1672г. говорит о неизвестном авторе книги "Несколько открытых приемов святой испанской инквизиции". В настоящее время различные исследователи не сходятся между собою в установлении личности Монтануса, имя которого является псевдонимом какого-то лютеранина, которому удалось бежать из инквизиционной тюрьмы. Если Монтанус лишь латинизированный псевдоним, тогда его настоящая

Untitled

фамилия была Монтес, Серано или Де ла Сьерра. Его книга имела огромный успех. Опубликованная в 1567 г. на латинском языке, книга в 1568 г. появилась на французском и английском языках; в 1569 г. вышло пять изданий, и с того времени вплоть до XIX в. она выходила на разных языках. На испанском языке она появилась впервые лишь в 1851 г.

631 Толедо - город в испанской провинции Новая Кастилия. В VI - VIII вв. был столицей вестготского королевства. При Карле V с 1516 по 1560 г. был второй столицей Испании. Кафедра архиепископа-примаса всей Испании.

632 Мединасели - город в испанской провинции Леска.

633 Договор с демоном, подписанный собственной кровью, постоянно фигурирует в XVI - XVIII вв. в процессах ведьм, которые под пыткой признавались в этом договоре.

Знаменитое сочинение XV в. "Malleks Maleficarum" ("Молот ведьм"), вышедшее впервые в 1487 г. и написанное немецким доминиканцем Яковом Шпренгером, много содействовало обвинительным приговорам ведьмам. Книга эта на русском языке вышла в 1932 г. под редакцией проф. Лозинского.

634 Карранса - о нем дальше в главах XXXII, XXXIII, XXXIV.

635 Майорка - см. примеч. 199.

636 Флоренция (по-итальянски Firenze - Фиренце) - город в Италии, в части ее, называвшейся Тосканой. С 1250 г. Тоскана стала республикой. С 1421 по 1737 г. ею управляли властители из дома Медичи, сначала гонфалоньеры, потом великие герцоги. В XIII, XIV и XV вв. была одним из наиболее развитых в экономическом

Untitled

отношении и сильных государств Италии. К XIV в. относится восстание ремесленников (чомпи).

637 Ломбардия - часть Северной Италии, центром которой является Милан. Название свое получила от германского племени лангобардов, осевших здесь в VI в. н. э. и владевших ею с 526 по 774 г.

638 Иоанн XXII (Жак д'Эз) - см. примеч. 455.

639 Фердинанд V Католик (1452 - 1516 гг.) - сын Хуана II, короля Арагона и Сицилии. Был женат на Изабелле, королеве Кастилии, и с 1474 г. управлял Кастилией от ее имени. С 1479 г. - король всей Испании. В 1481 г. учредил инквизицию. В 1492 г. отнял у мавров последнее их владение Гранаду и изгнал их из Испании вместе с евреями. В 1504 г. овладел Неаполитанским королевством. В 1512 г. присоединил к своим владениям испанскую Наварру. Покровительствовал Христофору Колумбу, открывшему Америку.

640 Ормузд и Ариман - употребительные в европейской литературе имена двух высших божеств древних иранцев. В религии Зороастра (учение магов, маздеизм) это два мировых начала: добра - Ахура-Мазда, позднейшая форма Ормузд (Ормазд), и зла - Ангро-Майнвюс, позднейшая форма Ариман (Ахриман). Между ними, светом и тьмой, добром и злом, происходит вечная борьба. Качества Ормузда олицетворяются семью Амеша-Шпента, позднейшая форма Амшаспанды (бессмертные святые), - низшие божества, через которых он сносятся с людьми; они называются "язата", позднейшая форма "изеды". К ним принадлежит главный посредник между Ормуздом и людьми Митра, творение и образ Ормузда. Он обитает на

Untitled

таинственной горе Хара-Березайти, откуда выходят солнце и луна, святая звезда и растет Древо жизни, текут воды Ардвисуры Анахиты, богини вод. В маздеизме Ормузд сильнее Аримана; в манихействе эти верховные принципы уравниваются. Во время войн Римской империи с персами Запад столкнулся с культом Митры, который и получил распространение по всему тогдашнему миру. В IV в. митраизм был опасным соперником христианства и оказал несомненное влияние на него. Евреи заимствовали из маздеизма учение о злом духе и его ангелах (бесах), о добрых ангелах-хранителях, о рае и Древе жизни, о райских реках, о Мессии. Через Библию это учение вошло в христианство. В Апокалипсисе Христос как посредник стоит среди семи звезд; кроме того, в Новом Завете говорится о семи дарах Духа Святого; все это соответствует семи Амшаспандам, светлым гениям, восседающим рядом с Ормуздом.

641 Дьявол, демон, сатана, Люцифер - четыре имени злого духа.

642 Поклонники демона. В первые два века римляне называли христиан *to crucicolae* (поклонники креста, собственно виселицы), *to luciferiani* (поклонники Люцифера). Этим прозвищем они, вероятно, намекали на утренние моления христиан, о чем писал из Вифинии императору Траяну Плиний Младший. В средние века поклонниками дьявола в образе идола Бафомета упорно называли тамплиеров.

643 Дом Пруденте де Сандовал (1560 - 1621 гг.) - испанский историк. Кроме "Истории Карла V" (Вальядолид, 1604) написал "Историю королей Кастилии и Леона". Дом -

Untitled

почетный титул монахов в католичестве, сокращение из латинского dominus (господин).

644 Калаора - город в испанской провинции Леоне. Родина Доминика Гусмана, основателя доминиканского ордена и инквизиции.

645 Александр VI - папа (1492 - 1503 гг.), родом испанец по имени Родриго Борха (в итальянском произношении - Борджиа), племянник папы Каликста III (1455 - 1458 гг.), родился в 1431 г. в Хативе, близ Валенсии, в Испании. Он имел шестерых детей, из которых Чезаре и Лукреция особенно известны своей жестокостью, интригами и распутством. Сам папа отличался крайне распущенной жизнью и известен симонией, убийствами, предательствами и отравлениями.

646 "Пусть верит иудей Апелла!" - ироническое восклицание римского поэта Горация.

647 Измождение плоти (relatio) - иначе сожжение живым.

648 Ангел света - ангел светлый, белый, святой, обычный эвфемизм в устах обвиняемых колдунов и ведьм.

649 Филипп II (1527 - 1598 гг.) - сын Карла V, король Испании. С 1540 г. - герцог миланский, с 1554 г. - король Неаполя и Сицилии, с 1555 г. - государь Нидерландов и с 1556 г. - король Испании. Все время своего царствования боролся с лютеранством войнами, интригами и инквизицией. После кровопролитной войны, разорившей и Нидерланды и Испанию, потерял Нидерланды в 1581 г. В 1588 г. буря истребила Непобедимую армаду, снаряженную им против английской королевы Елизаветы (1558 - 1603 гг.). В 1580 г., по смерти бездетного короля Энрике, Филипп II присоединил к Испании Португалию, вновь получившую

Untitled

независимость в 1640 г. При нем увеличились испанские владения в Америке, приносящие Испании большие доходы золотом. Благодаря слабому развитию промышленности золото уплывало в более развитые в хозяйственном отношении страны. Политика Филиппа II способствовала экономическому и политическому упадку Испании.

650 Генрих IV (1553 - 1610 гг.) - король Наварры с 1572 г. и Франции с 1589 г. Был кальвинистом по отцу и матери и главою кальвинистов во Франции, престол которой наследовал как родственник царствовавшей линии Валуа. С ним воцарилась во Франции династия Бурбонов. Войны с Католической лигой и отход от короля большинства католиков, несмотря на его провозглашение королем в 1589 г., привели его в 1593 г. к принятию католичества; в феврале 1594 г. он был коронован в Шартре. В 1598 г. издал Нантский эдикт, которым гугенотам обеспечивалась во Франции религиозная свобода. 14 мая 1610 г. Генрих IV был убит фанатиком-католиком Равальяком.

651 Гизы - герцогская фамилия Франции, бывшая в родстве с Бурбонами. Герцог Генрих Гиз (1550 - 1589 гг.), троюродный племянник Генриха IV, заклятый враг реформатов, один из организаторов 24 августа 1572 г. бойни протестантов, известной под именем Варфоломеевской ночи. В 1576 г. организовал для борьбы с гугенотами Католическую лигу, против которой долго сражался Генрих IV. Упорные войны с лигой, продолжавшиеся до 1593 г., привели Генриха IV к отречению от кальвинизма. Сохранилось его анекдотическое выражение: "Париж стоит обедни" ("Paris vaut bien une messe").

Untitled

vaut la messe").

652 Католическая лига - см. предыдущее примечание.

653 Антонию Перес - см. примеч. 342.

654 Геомантия и проч. - Все это разные виды колдовства или магии в древности и в средневековье. Геомантия - гадание по земле. Гидромантия - гадание по воде.

Аэромантия - гадание по воздуху, по состоянию погоды.

Пиромантия - гадание по огню. Ономантия - гадание по

полету птиц. Некромантия - вызывание умерших (их душ и теней).

655 "Дон-Кихот". - Роман "Дон-Кихот Ламанчский" был опубликован в Мадриде в двух частях в 1602 и 1615 гг.

Автор его - дон Мигуэль де Сервантес Сааведра (1547 -

1616 гг.). В молодости он служил на военной службе, был

изувечен в битве при Лепанто в 1571 г.; на обратном пути его захватили корсары, и он пробыл в рабстве в Алжире

пять лет (1575 - 1580 гг.); выкупленный из плена, вернулся

в Испанию и занялся литературой; непризнанный

современниками, умер от нищеты в Мадриде. От него

осталось еще несколько романов и драм, уступающих

"Дон-Кихоту" в литературной ценности, а также и новеллы.

"Дон-Кихот" переведен на разные языки; на русском есть

несколько переводов.

656 Гонсалес (Гонсальво) Фернандес Кардовский, или

Кордуанский (1443 - 1515 гг.) - главнокомандующий (gran

capitan) Фердинанда V.

657 Сиена - город в Тоскане, в Италии, родина

мистической писательницы св. Екатерины Сиенской (1347 - 1380 гг.).

658 Санта-Крус - главный город Тенерифа, самого

Untitled

большого из Канарских островов.

659 Орден Св. Иоанна, или тринитариев, был основан в 1199 г. св. Иоанном Матою, родившимся в 1160 г. в Барселоннете (в Провансе, на юге Франции).

660 Турин - главный город Пьемонта. С 1281 г. - столица герцогства Савойи, в 1860 - 1865 гг. - первая столица королевства Италия.

661 Барселона - центр испанской провинции Каталония.

662 День Меркурия. - Еще у римлян дни носили названия семи известных тогда планет; эти названия перешли в романские языки. Среда - день Меркурия (по-французски mercredi).

663 Приближенный демон - *angelus familiaris*. В древней литературе известны два варианта воззрения на этого "домашнего демона". Первое принадлежит Платону и гласит, что, по словам Сократа, ответ на вопросы ему нашептывало в сомнительных случаях некое божество, какой-то благоприятствующий дух, даймонион.

Предполагалось, что он имел отношение к пифийскому Аполлону в Дельфах, богу-прорицателю. Другое воззрение мы находим у Горация (II "Epist", 2, 188): смертный бог человеческой природы. Этот дух-хранитель якобы рождается вместе с человеком и вместе с ним умирает. У римлян в приближенном демоне иной раз видят ангела-сатану или мелкого самостоятельно действующего беса. Все представления, связанные с демоном, являются в той или иной мере анимистическими пережитками и в такой форме перешли в христианство.

664 Элеонора - сестра Карла V, с 1519 по 1521 г. была женою португальского короля Мануэля Великого, с 1530 по

Untitled

- 1547 г. - женою французского короля Франциска I; оставшись вдовой, она удалилась сначала в Нидерланды, а потом в Испанию, где и умерла в 1558 г.
- 665 Франциск I (1494 - 1547 гг.) - король Франции (1515 - 1547 гг.). Значительную часть времени своего правления провел в войнах, причем воевал не раз с Карлом V. Он был суровым гонителем протестантов и остатков вальденсов.
- 666 Бари - город в Южной Италии, на Адриатическом море, в древней римской провинции Апулия.
- 667 Замок Св. Ангела - см. примеч. 390.
- 668 Повторяется в разных местах Евангелия.
- 669 Картахена - город в испанской провинции Мурсия. Основан в 227 г. до н. э. карфагенским суффером Гасдрубалом.
- 670 Апелляционный суд в Вальядолиде - см. примеч. 399.
- 671 Гранада - испанская провинция с центром-городом того же названия, последний арабский халифат в Испании, прекративший существование в 1492 г.
- 672 Открытие Америки и завоевание ее государств испанцами происходило не сразу, а постепенно: в 1500 г. были покорены Гвиана и Бразилия, в 1512 г. - Флорида, в 1519 г. - Патагония, в 1521 г. - Мексика, в 1526 г. - Перу, в 1536 г. - Парагвай. Раньше были открыты острова: Куба - в 1492 г., Гаити - в 1492 г., Ямайка - в 1494 г., Порто-Рико - в 1493 г.
- 673 Мехико - столица Мексики, государства в Южной Америке. С 1821 г. Мексика - независимое государство, раньше принадлежала Испании.
- 674 Лима - с 1821 г. столица южноамериканской республики Перу.

Untitled

675 Картахена-де-лас-Индиас - см. прим. 417.

676 Дом Хуан Пардо де Тавера - архиепископ Толедский, кардинал, шестой великий инквизитор Испании, был утвержден в должности буллой папы Павла III в сентябре 1539 г.; умер 1 августа 1545 г.

677 Гофмейстер священного дворца - то есть папского, в Ватикане. Должность эта была учреждена папой Гонорием III (1216 - 1227 гг.) в 1216г.

678 Кардиналы. Слово это в переводе с латинского значит "главный" (cardinalis). Так в римской Церкви первоначально назывались священники, настоятели главных приходов в Риме; они были ниже епископов. В 1181 г.

кардиналы-пресвитеры Рима, захватив в свои руки избрание папы без участия духовенства и народа, получили преимущество над епископами. В 1586 г. папа Сикст V довел число кардиналов до семидесяти. Все вместе они образуют так называемый конклав при избрании нового папы. Конклав был регламентирован папой Григорием X в 1274 г. Вообще же их собрание по иным поводам называется священная коллегия (sacrum collegium). Из числа кардиналов образованы были папами четыре конгрегации (см. примеч. 622).

679 Проскрипция - запрещение, соединенное с уничтожением, изъятием книги, даже сожжением ее рукою палача.

680 Урбан VIII - папа (1623 - 1644 гг.), родился в 1568 г. во Флоренции и носил имя Маффео Барберини.

681 Кардинал Норис (1631 - 1705 гг.) - итальянский исторический писатель, родом ирландец. В 1695 г. был назначен кардиналом и библиотекарем Ватикана. Он

Untitled

написал между прочим историю древних сектантов - донатистов и пелагиан.

682 Никколо Макиавелли (1469 - 1527 гг.) - секретарь Флорентийской республики. Находясь в опале у Медичи, написал свой знаменитый труд "Государь" ("Il principe"). Написал много исторических трудов, комедий и повестей, которые были напечатаны только после его смерти. Большой известностью также пользовалась его "История Флоренции". Сочинения его вошли в римский кодекс запрещенных для "хороших католиков" книг.

683 Из Евангелия.

684 Кармелиты - монашеский орден, получивший название от горы Кармеля в Палестине. Учрежден в Иерусалимском королевстве в начале XII в., утвержден папой Гонорием III в 1227 г. и введен в Европе в 1238г. св. Людовиком IX, королем французским (1226 - 1270 гг.). Кармелиты ходили босыми.

685 Военный орден Сант-Яго шпаги - см. примеч. 220.

686 Красный цвет неправильно называемый пурпуром, является отличительным цветом одежды кардинала (у епископов одежда фиолетового цвета, более схожего с императорским пурпуром Византии).

687 См. примеч. 107.

688 Иезуиты разделяются на четыре степени: 1) послушники, или первоначальные (novitii); 2) схоластики (scholastici), учащиеся; 3) коадьюторы, или помощники (coadjutores); 4) процессы (professi), давшие монашеский обет. Кoadьюторами могут быть и духовные и светские лица. Во главе ордена стоит генерал, пребывающий в Риме. В каждой стране имеются его представители -

Untitled

провинциалы, или уполномоченные.

689 30 ноября.

690 Жоан III - король Португалии (1521 - 1557 гг.), родился в 1502 г. При нем в 1534 г. была учреждена в Португалии инквизиция.

691 Пергамент - лист, выделанный из бараньей или телячьей кожи, употреблявшийся с IV в. до н. э. в качестве писчего материала для актов и записей особой важности; им пользовались и для писания книг. Пергамент сослужил огромную службу для истории культуры, потому что благодаря его прочности до нашего времени сохранилось множество исторических документов, летописей и литературных памятников. Древнейшие рукописи дошли до нас от IV в. н. э.

692 Мажордом - см. примеч. 388.

693 Дом Гарсиа Лоайса - седьмой великий инквизитор Испании, кардинал, архиепископ Севильский.

694 Генеральный викарий - см. примеч. 341.

695 Голландия, или Нидерланды, испытала много превратностей за свою долгую политическую жизнь; в течение средних веков Нидерланды представляли собою ряд городов-республик, так называемых 17 провинций за Рейном. Рано развились в экономическом отношении (торговля, производство шерстяных изделий, мореходство). С 1482 по 1580 г. принадлежали Испании, затем - республика Нидерландские Соединенные Штаты, ныне - королевство (с 1830 г.).

696 Алжир (от араб, "аль-джезир" - остров) с 1830 г. принадлежит Франции. См. примеч. 477.

697 Галера - парусное военное судно, ходившее и на

Untitled

веслах. Для работы на нем в древности употреблялись рабы и военнопленные, в средние века и позже - военнопленные корсары (морские разбойники) и каторжники, осужденные на разные сроки или пожизненно.

698 Дом Фернандо Вальдес - восьмой великий инквизитор Испании, архиепископ Севильский.

699 Епископ-коадьютор - помощник главного и единого епархиального епископа, назначаемый из-за продолжительной болезни или законного отъезда из епархии епископа.

700 Дом Диего Эспиноса - девятый великий инквизитор Испании.

701 Франциск Ксавье - апостол Индии (1506 - 1552 гг.), родился близ Памшюны; в Париже во время ученья подружился с Игнатием Лойолой, в 1534 г. вступил в орден иезуитов.

702 Дом Энрике - архиепископ Браги, кардинал, главный инквизитор Португалии и в 1578 - 1580 гг. король Португалии. Третий сын Мануэля Великого; вступил на престол после смерти своего племянника короля Себастиана; умер бездетным, и Португалией овладел Филипп II, король испанский.

703 Жоан II - король Португалии (1481 - 1495 гг.). При нем в 1486 г. был открыт Диасом мыс Доброй Надежды.

704 Мануэль Великий - король Португалии (1495 - 1521 гг.). При нем в 1497 г. Васко де Гама дважды обогнул Африку у мыса Доброй Надежды; в 1500 г. Альварес де Кабраль овладел Бразилией; в 1510 г. Фигейра захватил остров Суматру; в 1511 г. Альбукерке овладел городом Гоа в Индии и Малаккой.

Untitled

705 Франциск из Паолы (1416 - 1507 гг.) родился в городе Паоле, в Калабрии (Южная Италия). Учредил орден минимов, то есть наименьших.

706 Сеута - город в Африке, в Марокко, напротив Гибралтара. С 1415 г. принадлежал Португалии, с 1580 г. - Испании.

707 Григорий XIII Буонкомпаньо - папа (1572 - 1585 гг.), знаменит своей реформой календаря; установленный им новый стиль получил от его имени название грегорианского. Реформа обязана главным образом итальянскому астроному Алоизию Лилию, умершему в 1576 г.

708 Себастиан - король Португалии (1557 - 1578 гг.), родился в 1554 г., наследовал своему деду Жоану III, погиб во время экспедиции в Марокко, в битве при Алькасар-Кибире.

799 Магдалина Делакурс, то есть Крестная.

710 Агилая-де-ла-Фронтера - город в испанской провинции Андалусия; назван пограничным потому, что граничил с владениями мавров.

711 Государыня, - то есть жена Карла V, императрица Изабелла, сестра Жоана III, короля Португалии.

712 Св. Антоний Падуанский, родившийся в Лиссабоне в 1195 г. и умерший в Падуе в 1231 г.

Untitled

Хуан Льоренте. Критическая история испанской инквизиции

С.Лозинский. Хуан Антонио Льоренте и его книга.
Предисловие Льоренте. - ОБЪЯСНЕНИЕ СЛОВ И
ВЫРАЖЕНИЙ, СВОЙСТВЕННЫХ ЯЗЫКУ СВЯТОГО
ТРИБУНАЛА.

Том второй

Глава XXVII Процессы, предпринятые инквизицией против
разных государей и князей

Глава XXVIII Поведение святого трибунала относительно
священников, злоупотребляющих таинством исповеди или
обвиняемых в других преступлениях того же рода

Глава XXIX Процессы, возбужденные инквизицией против
испанских прелатов и докторов, членов тридентского
собора

Глава XXX Процессы, возбужденные инквизицией против
некоторых святых и других уважаемых личностей Испании

Глава XXXI Знаменитое дело Дона Карлоса австрийского,
принца астурийского

Глава XXXII Знаменитое дело дома Бартоломео Каррансы,
архиепископа Толедо, до его заключения в тюрьму (главы
33, 34 о том же процессе).

Глава XXXV Процесс Антонио Переса, министра и первого
государственного секретаря короля Филиппа II

Глава XXXVI Несколько процессов инквизиции, возникших
из процесса Антонио Переса

Глава XXXVII Главные события инквизиции в царствование
Филиппа III

Untitled

Глава XXXVIII Самые известные процессы и аутодафе в царствование Филиппа IV

Глава XXXIX Об инквизиции в царствование Карла II

Глава XL Об инквизиции в царствование Филиппа V

Глава XLI Об инквизиции в царствование Фердинанда VI

Глава XLII Об испанской инквизиции в царствование Карла III

Глава XLIII Об испанской инквизиции в царствование Карла IV

Глава XLIV Об инквизиции в царствование Фердинанда VII

Глава XLV Писания святых отцов подтверждают, что дух и методы действий инквизиции противоречат духу евангелия и христианской религии

Глава XLVI Исчисление жертв инквизиции и хронологический список великих инквизиторов, в правление коих происходили казни

Глава XLVII Краткий хронологический перечень наиболее замечательных фактов, изложенных в этой истории

Приложение. Оправдательные документы

Примечания ко второму тому

ТОМ ВТОРОЙ

Глава XXVII Процессы, предпринятые инквизицией против разных государей и князей

Статья первая

Дон Хаиме Наваррский, сын принца Вианы [1]

I. Не следует удивляться, что инквизиция не останавливалась перед тем, чтобы преследовать ученых, чиновников и святых: ведь она даже не страшилась

Untitled

нападать на государей, принцев и грандов. Усердие, внушаемое инквизицией судьям, было столь пламенно, что оно заставляло их не считаться ни с какими человеческими соображениями; именно это чувство, по крайней мере, воодушевляет их, когда они под покровом тайны разбирают судебные процессы. Некоторые писатели (особенно французские и фламандские) сильно преувеличивали все касающееся этой стороны деятельности инквизиции. Одни потому, что имели лишь смутные или неверные понятия о том, что лежало в основе того, о чем они говорили; другие находили удовольствие ругательствами и баснями расписать ту картину, которую они пожелали преподнести. Я пишу критическую историю инквизиции и стараюсь черпать материал в ее архивах и судебных делах; я должен, следовательно, держаться скорее того, что могут дать эти подлинные документы, чем рассказов лиц, не имевших тех данных, какие имелись у меня. Я соединяю в одной главе все, что есть достоверного о судебных процессах, которые святая инквизиция возбуждала против государей, властителей и других важных лиц.

II. Как только святой трибунал был учрежден в Арагоне, он начал применять свою власть против принца, имя которого было дон Хаиме Наваррский; одни называли его инфантом Наваррским, другие - инфантом Туделы. Этот принц был сыном покойного Гастона, графа де Фуа, и его вдовы Элеоноры, королевы Наваррской, по отцу сестры монарха, основателя инквизиции, жестокая политика которого допустила покушение на принца под видом ревности по вере. А за какой смертный грех? За благодеяние: убийство блаженного Петра Арбуеса, каноника кафедрального

Untitled

Сарагосского собора и первого инквизитора Арагона, совершенное в 1485 году, заставило многих жителей этого города бежать; один из беглецов отправился в наваррскую Туделу, резиденцию принца дона Хаиме, чтобы получить тайный приют в его доме на несколько дней, перед тем как перебраться во Францию. Инквизиторы, будучи осведомлены об этом гуманном поступке, велели в 1487 году арестовать принца и отправить в тюрьму как врага святой инквизиции. Они приговорили его прослушать стоя торжественную обедню в архиепископской церкви при большом стечении народа, в присутствии двоюродного брата дома Альфонса Арагонского (незаконного сына Фердинанда V, архиепископа Сарагосского, едва достигшего семнадцатилетнего возраста), и получить освобождение от церковных наказаний, которым предполагали его подвергнуть, после того как он перенесет наказание кнутом от руки двух священников и проделает все обряды, предписываемые в подобном случае римским требником. Город Худела зависел от сарагосской инквизиции по делам о преступлении ереси; он составлял часть Наваррского королевства, которым в то время управляли Жан д'Альбре и Катарина де Фуа, двоюродная племянница дона Хаиме, внучка Элеоноры, королев Наваррской.

Статья вторая

Джованни Пико де ла Мирандола [2]

В следующем, 1488 году инквизиция преследовала судом Джованни Пико де ла Мирандолу и де Конкордиа, принца, известного с двадцатитрехлетнего возраста как диво знания. Иннокентий VIII начал этот процесс, отправив

Untitled

Фердинанду и Изабелле бреше от 16 декабря 1487 года, в котором сообщал, что его уведомили о приезде Джованни Пико в Испанию с намерением поддерживать в университетах и других школах королевства ложную доктрину, некоторые тезисы которой уже успел опубликовать в Риме; принц тем более виновен, так как уже раз был изобличен и отрекся от этих ложных тезисов. Его Святейшество прибавлял, что более всего его огорчает то обстоятельство, что молодость принца, мягкость манер и занимательность беседы могут обольстить доверчивые умы и доставить ему большое число последователей; эти важные причины заставляют Его Святейшество предложить обоим монархам государства отдать приказ об аресте принца, когда тот прибудет в Испанию: быть может, страх смертной казни скорее будет способен удержать принца от преступления, чем страх церковного отлучения. Джованни Пико де ла Мирандола проведал, конечно, о том, что затевалось против него, и не стал подвергать себя опасностям этой поездки; в архивах я не видел ничего указывающего на его поездку в Испанию. Ученый историк Флери не знал о существовании папского бреве, поскольку утверждал, что дело принца де ла Мирандолы закончилось уничтожением его тезисов в Риме в 1486 году. Принц опубликовал и отстаивал девятьсот тезисов по богословию, математике, физике, каббале [3] и другим наукам, заимствованных у халдейских, еврейских, греческих и латинских авторов. На тринадцать тезисов поступил донос, и папа дал рассмотреть их богословам. Последние объявили их еретическими. В ответ на это принц опубликовал апологию и придал всем своим тезисам

Untitled

католический смысл, доказывая невежественность судей. Я не могу не упомянуть о том, что один из этих богословов на вопрос принца о значении слова "каббала" ответил, что это знаменитый ересиарх, который писал против божественности Иисуса Христа, и что все его приверженцы поэтому именуются каббалистами. Противники принца Пико де ла Мирандолы обвинили его в чародействе и стали утверждать, что столь великая глубина знания в таком раннем возрасте не может появиться иначе как с помощью договора с дьяволом. Надо согласиться с тем, что этот анекдот делает мало чести столице христианского мира, где безапелляционно выносятся приговоры в отношении всех богословских споров.

Статья третья

Герцог Валентинский [4]

В 1507 году инквизиция, подстрекаемая Фердинандом V, предприняла преследование и арест Чезаре Борджиа [5], герцога Валентинского, зятя Жана д'Альбре, короля Наваррского, на сестре которого, Шарлотте д'Альбре, он был женат. Принц, вероятно, был бы препровожден в секретную тюрьму инквизиции Логроньо, если бы не был убит 12 марта того же года перед городом Вианой, недалеко от Логроньо, кастильским дворянином из Агреды по имени Хуан Гарсес де лос Файас, защищавшим эту крепость, осажденную Чезаре Борджиа, главнокомандующим армией короля, своего зятя, против Людовика (Луи) де Бомона, графа Лерена [6], коннетабля Наваррского и зятя Фердинанда V, который отказывался сдаться. Чезаре Борджиа был побочным сыном дома Родриго Борджиа, кардинала (позднее ставшего под

Untitled

именем Александра VI папой), и знаменитой Ваноццы [7]. Он сам был кардиналом, епископом Памплоны и архиепископом Валенсии; но в 1499 году его отец, уступая желанию французского короля Людовика XII [8], усыновившего Чезаре, дал ему разрешение жениться на сестре короля Наваррского; тогда он получил титулы, имения и отличия, присвоенные Валентинскому герцогству, сан пэра Франции [9] и должность капитана лейб-гвардии своего приемного отца. Спустя немного времени после смерти родного отца, в 1503 году, его арестовали в Неаполе по приказу Гонсало Фернандеса Кордуанского, прозванного великим полководцем, вице-короля этой монархии, которому испанский король поручил это мероприятие под тем предлогом, что Чезаре нарушает спокойствие королевства. Он был перевезен в Испанию и после нескольких происшествий заключен в замок Медина-дель-Кампо, откуда бежал в Наварру при содействии герцога Бенаvente, пока Фердинанд был в Неаполитанском королевстве. Чезаре Борджиа от своего брака оставил только Луизу Борджиа, герцогиню Валентинскую, вышедшую в 1517 году замуж за Луи де Тремуйль, пэра Франции, а в 1539 году за Филиппа Бурбон-Буссе, из королевского дома Франции, внука Людовика Бурбонского, епископа Льежа. История являет нам мало людей столь дурных, как Чезаре Борджиа. Он был гораздо более достоин сожжения, чем все еретики, которым нельзя было ставить в упрек нарушение общественного спокойствия. Тем не менее я совсем не верю, будто именно рвение к католической религии внушило усердие, с каким его преследовали по обвинению

Untitled

в произнесении еретических богохульств и по подозрению в атеизме и материализме, что, впрочем, доказывалось его поведением. Фердинанд, видя, что королева Наваррская, его племянница, не желает выдать ему принца, решил взять его под стражу, пользуясь инквизицией и при содействии Луи де Бомона, коннетабля Наваррского, женившегося на его внебрачной дочери Хуанне Арагонской.

Статья четвертая

Королева Наваррская и ее дети, Генрих и Маргарита [10]
Бурбоны

I. Я уже говорил, что испанская инквизиция не проводила процесса против памяти Карла V. Однако она в 1565 году принимала участие в преследованиях, направленных против Жанны д'Альбре, наследственной королевы Наваррской, вдовы Антуана Бурбона [11], герцога Вандомского [12], против ее сына Генриха Бурбона, принца Беарнского, герцога Вандомского, короля Наваррского, а затем французского, и против Маргариты Бурбон д'Альбре, сестры Генриха, которая вышла замуж за владетельного герцога Барского [13]. Святая инквизиция играла, впрочем, только пассивную роль в этом деле. Жанна д'Альбре в Мадриде была признана не королевой, а только принцессой Беарна. Фердинанд V захватил пять округов (merindades) [14] и королевства Наваррского и решил признавать Жанну и Генриха д'Альбре только государями Беарна, а не Наварры; принцу оставили лишь шестую мериндаду Наварры, столицей которой был город Сен-Жан-Пье-де-Пор, расположенный на севере Пиренеев. Все это было сделано в силу буллы Юлия II, изданной в

Untitled

1512 году, копия с которой была прибита к стене соборной церкви Калаоры. Римская курия также отказала Жанне и Генриху в титуле и даровала его только в 1561 году.

Первый, кому она его пожаловала, был Антуан Бурбон, благодаря стараниям Катерины Медичи [15], в то время вдовствующей королевы Франции и опекунши своего сына Карла IX [16]. Этим способом она хотела добиться во Франции большего уважения к Антуану Бурбону, который в качестве первого принца крови был генерал-лейтенантом, командующим армиями короля в военных действиях против протестантов.

II. Карл V завещал рассмотреть, по праву ли наваррская корона принадлежит преемникам Антуана, и вернуть ее законным властителям, если будет признано, что она была приобретена несправедливо. В 1561 году Филипп, который еще и не думал исполнить волю своего отца, видя, что король Антуан склоняется к кальвинизму, вошел с ним в переговоры, чтобы привлечь его к католической партии и сделать открытым противником протестантов. Филипп обещал выхлопотать у папы расторжение брака Антуана с Жанной, которая была еретичкой, добиться, чтобы принцесса была отлучена от Церкви Его Святейшеством, который в то же время должен был лишиться ее государства, передав правление ему, с согласия королей Испании и Франции, вернуть Наварру или в обмен дать остров Сардиния и устроить его брак с Марией Стюарт [17], королевой Шотландской, вдовой Франциска II, короля Франции. Антуан принял условие, но в 1562 году умер при осаде Руана, и замыслы Филиппа II остались неисполненными. Несмотря на это, государь, не

Untitled

отказываясь от Верхней Наварры, намеревался завладеть другой частью королевства, а также Беарном и остальными владениями Жанны, расположенными между Пиренеями и Гаронной. Через своих агентов в Риме он добился решения, что Жанна будет отлучена от Церкви и объявлена упорной еретичкой, что ее владения будут предложены первому католическому государю, который пожелает завладеть ими и возьмет на себя обязательство изгнать еретиков. Действительно, 28 сентября 1563 года Пий IV издал буллу, отлучавшую королеву Жанну от Церкви за то, что она отреклась от католической веры, приняла ересь Кальвина, распространяла эту доктрину в своих владениях, преследовала католиков и препятствовала им исповедовать свою веру, о чем римская инквизиция узнала из показаний нескольких свидетелей, допрошенных главным инквизитором. Вследствие этого по требованию прокурора святой инквизиции Его Святейшество приказал королеве лично явиться в Рим в шестимесячный срок (вместо трех сроков по два месяца каждый) к главному инквизитору (после канонизованному под именем Пия V) для удовлетворительного ответа на обвинения прокурора; в противном случае королева может быть объявлена упорной еретичкой и подвергнута наказаниям, определенным в каноническом праве.

III. Катерина Медичи, регентша Франции, в то время примирившаяся с Анри Бурбоном, принцем Конде [18], братом покойного короля Антуана, была очень недовольна римской инквизицией, потому что у нее были уже совершенно другие интересы. Желая остановить судопроизводство, она отправила к папе чрезвычайного

Untitled

посла, который представил очень искусную дипломатическую записку, впоследствии напечатанную вместе с буллой папы в Мемуарах принца Конде. В ней доказывалось, во-первых, что папа не имел права ни освобождать подданных от присяги на верность, ни позволять или осуждать то, что какой-либо из государей желает допустить или запретить в своих владениях отправление религиозного культа; во-вторых, что государи Европы должны действовать заодно, чтобы препятствовать превышению власти, последствия которого могли бы когда-нибудь пасть на них же самих; далее эта записка гласила: если бы даже инквизиция имела справедливые основания преследовать Жанну д'Альбре, этого было бы недостаточно для того, чтобы лишать ее детей прав на корону их предков, и король Франции был особенно, по словам записки, заинтересован в сопротивлении такой несправедливости не только в силу многочисленных уз родства, связывающих его с королевой и ее детьми, но еще и потому, что большая часть владений этой государыни - уделы, подчиненные французской короне; что касается Наварры, то это государство является промежуточным между Испанией и Францией, и испанскому монарху не подобает иметь владения на севере Пиренеев. Далее текст записки говорил: представляется весьма необычным, что римская инквизиция хочет обратить на себя внимание столь неожиданным решением, как требование личной явки королевы Наваррской на суд в Рим для проведения уголовного процесса, хотя инквизиция не сделала ничего подобного ни в отношении Елизаветы [19], королевы

Untitled

Англии, ни в отношении германских принцев, которые гораздо раньше были повинны в том же; если подобные преследования действительно основаны на праве, то их следовало бы начать с государя, который первым подал пример принятия в своих владениях протестантской религии.

IV. Карл IX и его мать Катерина Медичи сообщили Филиппу II (в то время мужу Елизаветы Французской [20], сестры Карла и дочери Катерины) о происшедшем и предложили действовать по общему согласию. Филипп ответил, что он не только осуждает действия римской курии, но и готов оказать помощь королеве Жанне против тех, кто пожелал бы лишить ее владений. Карл и Катерина сообщили это решение королеве Наваррской, которая, стремясь связать короля Испании его обещанием, собственноручно написала благодарственное письмо. Между тем доказано письмами Карла IX и кардинала д'Арманьяка, что Филипп в то время предложил свое содействие католическим подданным Жанны в подготовке восстания против нее и тайным образом ввел в эту страну испанских солдат. Это событие явилось причиной образования в августе 1564 года поддержанного Испанией союза между бароном де Кандадой и другими сеньорами, известного под названием Католической лиги. Этот союз вызвал во Франции длившуюся более тридцати лет гражданскую войну, подробности которой рассказаны в Истории де Варильяса [21] и секретных мемуарах де Вильруа [22].

V. Испанский монарх попробовал получить через посредство испанской инквизиции то, в чем ему было отказано римской инквизицией. Кардинал дом Диего

Untitled

Эспиноса, главный инквизитор полуострова и епископ Сигуэнсы, в согласии с кардиналом Лотарингским, велел допросить нескольких свидетелей, чтобы доказать, что Жанна д'Альбре, принцесса Беарнская, ее сын Генрих Бурбон, герцог Вандомский, и дочь ее Маргарита Бурбон - еретики-гугеноты, что они заставляют всех своих подданных принимать новое учение и преследуют католиков, не разрешая отправлять их богослужения. Ввиду соседства их владений с Арагоном, Наваррой и частью Каталонии, испанскими провинциями, можно опасаться, как бы обычная торговля, которую ведут между собой жители обоих королевств, не распространила отравы ереси в Испании, нужно остановить столь великое зло, пока оно не усилилось. Эспиноса (делавший вид, будто не знает, что Филипп II осведомлен обо всех его поступках и оправдывает их) внушил совету инквизиции, что необходимо уведомить короля обо всем происходящем и просить его как покровителя католической веры во Франции и святой лиги, образовавшейся в этой стране против еретиков, оказать всемерную поддержку истинной религии, не только продолжая присылать войска во Францию, но еще употребляя все средства, имеющиеся в его власти, чтобы помешать Жанне, Генриху и Маргарите продолжать преследование католиков.

VI. Филипп II тайно управлял из Мадрида делами лиги Франции, поддерживая отношения с главами этой партии - кардиналом Шарлем Лотарингским, кардиналом Гиза Луи Лотарингским, Клодом Лотарингским, герцогом Омальским, Рене Лотарингским, герцогом Эльбефом (это четверо братьев Франсуа Лотарингского, герцога Гиза [23], убитого

Untitled

в 1563 году гугенотами, во главе которых была Жанна, королева Наваррская), Луи Бурбоном, принцем Конде [24], адмиралом Шатильоном [25] и некоторыми другими лицами, столь же искусно владевшими пером, как и шпагой. Главный инквизитор по приказанию Филиппа II составил план похищения королевы Наваррской и ее двух детей, немедленной отправки их в Испанию и заключения в тюрьмы сарагосской инквизиции. Он надеялся, что это удастся при помощи кардинала Лотарингского и других глав лиги.

VII. Французские историки, несовременники (аббат Сен-Реаль [26], Мерсье и другие), не пожелавшие взять на себя труд отправиться за поисками истины к первоисточникам, приписали всю гнусность этого плана Филиппу II и знаменитому дону Фердинанде Альваресу Толедскому, герцогу Альбе. Так как истина есть душа истории и первый долг пишущих ее, я обязан сказать, что Гизы были главарями этого заговора. Николай де Невиль, сеньор Вильруа, министр и первый статс-секретарь при Карле IX, Генрихе III, Генрихе IV и Людовике XIII, оставил подробности этого дела в мемуарах, найденных после его смерти среди других бумаг и напечатанных вместе с ними под названием Тайны мемуаров де Вильруа. Я думаю, современник, осведомленный о тайнах французского правительства и не помышлявший о публикации своих трудов при жизни, заслуживает больше доверия, чем какой-либо другой историк.

VIII. Этот министр рассказывает, что главным организатором заговора был кардинал Шарль Лотарингский. Получив одобрение плана от Филиппа II, он

Untitled

поручил исполнение его некоему Диманшу, капитану роты солдат, находившейся в земле басков. Диманш отправился в Бордо, чтобы условиться с надежными людьми, он запасся письмами от кардинала и от его племянника Анри Лотарингского, герцога Гиза, который после смерти отца стал играть значительную роль в делах. Письма эти были адресованы барону Монлюку [27], барону Анри д'Апремону [28], виконту д'Ортесу, коменданту замка А [29] в Бордо, и другим именитым дворянам, которые были членами лиги и с рвением вступили в заговор; по крайней мере, именно желанием служить католической вере многие из них объясняли свое поведение. Диманш имел письма к Филиппу II и к герцогу Альбе: их извещали, что, если они помогут предприятию полками, находящимися в Барселоне, король будет скоро избавлен от всех протестов по поводу Наваррского королевства. Капитан Диманш проехал в Испанию, где герцог Альба дал ему письма для Филиппа, находившегося в то время в Монсоне, близ Лериды, где были собраны кортесы арагонской короны. Французский офицер заболел в Мадриде и был принят одним из своих соотечественников по имени Веспье, причисленным к штату королевы Изабеллы в качестве золотошвея; Диманш поверил ему тайну, уверяя, что не пройдет и двух месяцев, как принцесса Беарна и двое ее детей будут заключены в тюрьму святой инквизиции в Сарагосе. Для доказательства своего сообщения он показал Веспье письма, адресованные королю и герцогу Альбе герцогом Гизом.

IX. Веспье родился в Нерахе и, следовательно, был подданным Жанны д'Альбре, к штату которой он был

Untitled

когда-то причислен. Он поспешил сообщить тайну раздаятелю милостыни при королеве Испании; тот помог передать это известие принцессе, которая поспешила уведомить своего брата Карла IX, свою мать Катерину Медичи и барона де Сен-Сюльписа, в то время посланника Франции в Монсоне. Все три письма были поручены гасконцу, слуге раздаятеля милостыни, который приехал в Монсон раньше капитана. Посланник, узнав его приметы, велел следить за ним и убедился, что тот три раза за ночь входил к испанскому королю в сопровождении дона Франсиско д'Алавы, камергера Его Величества, а затем посланника во Франции и при других дворах. Он отправил письма Карлу IX и его матери вместе с собственноручным посланием королеве Жанне через доверенное лицо, своего секретаря по имени Руло. Королева поручила посланнику сообщить все подробности первому статс-секретарю де л'Обепину [30]. Хотя было бы очень легко задержать Диманша, этого не сделали, потому что парижский государственный совет был предан испанцам, как впоследствии уверял коннетабль Монморанси [31]. Как бы то ни было, замысел не удался, так как он был раскрыт, еще не осуществившись. Вот вся правда по этому историческому вопросу (вопреки тому, что писали французские авторы, которых я назвал), если бы даже изменить имена людей и способы, которыми заговор был раскрыт.

Х. Филипп II старался извлечь выгоду из этой попытки, хотя исход ее не оправдал его надежд. Он красочно расписал папе, какой еретической опасности подвергаются его подданные в пограничных областях Франции; ему удалось

Untitled

получить приказ об отделении от епархии Байонны деревень Бастанской долины в королевстве Наваррском, а также деревень протоиерейского прихода Фуэнтеравии в провинции Гипускоа. Кардинал Эспиноса и совет инквизиции приказали допросить свидетелей, утверждавших, что епископ Байонны - признанный гугенот. Между тем в Риме объявили таковыми только кардинала Шатильона, архиепископа Экса и епископов Валянса, Труа, Памье, Шартра, Экса, Юзеса, Лескара и Олерона. Повторные настоятельные просьбы Филиппа доставили ему в 1568 году буллу от святого Пия V, по которой он отделял от епархии Байонны две названные выше территории и присоединял их к территории Памплоны, к которой они принадлежали до X века, о чем можно прочесть в подлинных грамотах, напечатанных мною в труде, озаглавленном Исторические сведения о трех баскских провинциях. Епископ Калаоры был назначен митрополитом этих областей. Таким образом жители были приближены к суду второй инстанции, который должен был разрешать их церковные тяжбы. Я имел случай рассматривать некоторые из этих дел, когда состоял генеральным викарием, официалом [32] и духовным судьей Калаорской епархии.

Статья пятая ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ГЕРЦОГА ПАРМСКОГО И ДРУГИХ КНЯЗЕЙ

I. В 1563 году мурсийская инквизиция приговорила к унижительным наказаниям другого государя, по имени дон Филипп Арагонский, сына султана Феца и Марокко, отрекшегося от магометанства и принявшего крещение. Я говорил о нем в XXIII главе этой Истории.

Untitled

II. В 1568 году скончался трагически дон Карлос Австрийский, принц Астурийский, единственный сын Филиппа II, предполагаемый наследник его престола. Процесс этого принца, если исключить допущенные ошибки, показался мне достаточно важным, чтобы занять отдельную главу.

III. В 1589 году принц Алессандро Фарнезе [33], герцог Пармский, генерал-губернатор нидерландский и фландрский, правивший от имени Филиппа II, который был его дядей и братом Маргариты Австрийской, его матери, был оговорен перед инквизицией Испанского королевства, в котором воспитывался; в доносе сообщалось, что он заподозрен в лютеранстве и пособничестве еретикам. Утверждали также, что он помышлял о захвате верховной власти во Фландрии, где был губернатором, что для успеха этого предприятия связался с протестантами, одобрял большинство их нововведений и убеждал в том, что примет их сторону, если они попытаются стать независимыми. В Мадриде были получены показания нескольких свидетелей, но в этих показаниях не было ни одного доказательства личных еретических мнений, и дон Гаспар де Кирога, кардинал и архиепископ Толедский, велел прекратить преследование. Причина гонения на принца Фарнезе была, конечно, в большом количестве оговоров, которые постоянно выдвигали против него в этом и предыдущем году перед его дядей, подозрительный и недоверчивый характер которого ободрял людей, завидовавших славе второго Александра, которого история признала самым искусным и храбрым полководцем своего века. Несмотря на старания врагов погубить его, Филипп II

Untitled

сохранил за ним правление Нидерландами, хотя тот просил разрешения удалиться в Италию; Алессандро Фарнезе оставался у власти до своей смерти в 1592 году. Преемником его был граф де Фуэнтас. Утверждают, что Филипп приказал его отравить.

Статья шестая Попытки святого трибунала возбудить дело против ДОНА Хуана Австрийского и других князей I. Кардинал Кирога и совет инквизиции поступили недостаточно осторожно в отношении того, кто больше всех заслуживал их уважения и покорности: я имею в виду римского первосвященника Сикста V, их главу, от которого они получили власть. Этот папа издал перевод Библии на итальянском языке; изданию предшествовала булла, в которой он советовал прочесть библейский перевод и заявлял, что это принесет большую пользу правоверным. Такое поведение папы противоречило всему, что постановляли буллы и декреты его предшественников со времен Льва X, когда появилось большое количество переводов Библии, сделанных Мартином Лютером и другими протестантами. Все догматические сочинения на национальных языках уже пятьдесят лет назад были запрещены правилами так называемого соборного Индекса [34] и инквизицией Рима и Мадрида; последнее постановление в этом отношении было сделано в 1583 году. Кардинал Кирога в Испании и кардинал Толедо в Риме, а также некоторые другие лица делали представление Филиппу II о том, что они предвидят великие бедствия для религии, если он не употребит своего влияния на папу, чтобы убедить его отказаться от своего намерения. Государь поручил графу Оливаресу,

Untitled

своему послу в Риме, сделать очень серьезные представления папе по этому поводу; граф повинился, но едва сам не стал жертвой этого. Сикст V, взбешенный словами Оливареса, готов был лишить его жизни, не считаясь с международным правом и прерогативами посла. 25 августа 1592 года грозный первосвященник скончался, что породило сильные подозрения в отношении Филиппа; утверждали, что он поручил кому-то дать папе медленно действующий яд, сокративший его жизнь. Неужели мы поверим, что это делалось для вящей славы Божией и для блага человечества? Тогда-то испанская инквизиция по получении свидетельских показаний, установивших, что непогрешимый оракул веры в действительности является преступным пособником еретиков, осудила Библию Сикста подобно тому, как она осудила Библию Кассиодора де Рейна и некоторых других. Я не буду останавливаться на вопросе о том, был ли Сикст V более достоин такого обхождения за издание перевода Библии, чем за другие поступки; отсылаю к истории этого папы и к тому, что о нем говорит Григорий Лети в Жизни Филиппа II.

II. Не стану также повторять басню об епитимье, наложенной на Филиппа III за то, что он проявил жалость к одному осужденному во время аутодафе. Я слишком осторожен, чтобы принимать на веру рассказы, выдуманные некоторыми путешественниками, и анекдоты, которые они опубликовали, чтобы потешить читателей.

III. Не таково предварительное следствие, начатое против дона Хуана Австрийского [35], побочного сына Филиппа IV и брата Карла II, отложенное по приказу короля. Дон Хуан имел смертельного врага в лице Иоганна Эбергарда

Untitled

Нитгарда [36], иезуита, главного инквизитора и духовника королевы-матери. Интриги этого священника оказались действительными и нашлись подлые люди, постаравшиеся в ноябре 1668 года угодить ему доносом на брата короля как на подозреваемого в лютеранстве, врага духовного сословия и духовных учреждений, в особенности иезуитов. Следствие вызвало лишь общие смутные предположения, не дававшие никакого повода к нареканию; но глава святой инквизиции прибавил к этому копию письма от 21 октября того же года, написанного принцем королеве-матери. Несколько фраз из этого письма он дал для определения богословам; они были изложены в следующем порядке: 1) "Я должен был бы убить отца Нитгарда для блага государства и для моего благополучия". 2) "Такой совет дали многие почтенные богословы, торопившие меня совершить это как действие дозволенное". 3) "Я не хотел совершить это, чтобы не участвовать в осуждении его на вечные муки, так как вероятно, что иезуит был бы тогда в состоянии смертного греха". Цензоры, которым главный инквизитор поручил это дело, объявили первую фразу ложной и еретической; вторую - необдуманной и оскорбительной, а суждение, которое она выражает, ложным и еретическим; третью - безрассудной, позорной и обидной для набожных ушей. Тайна соблюдалась плохо, в результате несколько иезуитов обнаглели до того, что с кафедры горячо говорили об опасностях, "которым подвергалось королевство из-за позорного и еретического поведения принца, жестокосердного настолько, чтобы преследовать католическую веру в лице ее служителей". Политические события монархического государства

Untitled

(повествование о которых чуждо моей теме) заставили королеву-мать приказать отцу Нитгарду подать в марте 1669 года в отставку и уехать в Рим. В 1672 году он был назначен в столице христианского мира кардиналом и титулярным архиепископом Эдесы [37]. После его отъезда король назначил главным инквизитором дома Диего Сармиенто Вальядареса, епископа Овиедо и председателя совета Кастилии, который велел тотчас прекратить дело, начатое против дона Хуана Австрийского.

IV. Эта глава посвящена тому, чтобы обратить внимание на смелость инквизиторов в преследовании принцев. Думаю, что мне разрешат включить в их число испанских грандов, так как Карл V объявил их принцами, равными в почестях владетельным государям Германии, имеющим право садиться и надевать шляпу на собраниях, на которых присутствовал монарх, например во время коронации императора. Независимо от этого существует несколько грандов Испании, которые действительно являются владетельными государями в своих владениях в Италии, Неаполе и Германии; таковы, например, герцоги де Мединасели, д'Альба, де л'Инфантадо, д'Альтамира и некоторые другие. Многие из них происходят из королевских домов Арагона и Кастилии по женской линии: таковы графы де Виамануэль, по мужской линии через инфанта Кастилии дона Мануэля, законного сына Фердинанда III, короля Кастилии и Леона.

V. Итак, я должен включить в список принцев, униженных инквизицией, маркиза де Приэго; графа де Кабра {См. гл. X.}, великого магистра военного ордена де Монтеса {См. гл. XXIV.}, герцога де Гандина, св. Франсиска де Борха;

Untitled

блаженного Хуана де Рибера и почтенного дома Хуана де Палафокса {См. гл. XXIX.}. Были и другие, которых в 1559 году преследовали в Вальядолиде и в Севилье по обвинению в лютеранстве вследствие показаний, данных в тюрьмах разными узниками, в особенности Доминго де Рохасом и Педро Касальей. В эту эпоху преследовали многих других грандов Испании, о которых я говорил в главе XXIV. Участь знатных особ, о которых идет речь, разделили: графиня де Монтеррей и вдовствующая маркиза д'Алканисес, донья Эльвира де Рохас; замужняя маркиза д'Алканисес, донья Хуанна Борха, сестра св. Франсиско Борха; донья Анна Энрикес, дочь маркиза д'Алканисеса, супруга дона Хуана Альфонса де Фонсека Мехиа, барона де Сантофимиан; дон Антонио Манрике де Лара, герцог де Нахера, который умер; дон Фад-рике Энрикес де Рибера, брат маркиза де Тарифы, впоследствии герцога д'Алькалы, и дяди блаженного Хуана де Риберы; дон Бернардин де Мендоса из дома герцогов де л'Инфантадо, главного командира испанских галер; дон Альваро де Мендоса и донья Мария де Мендоса из той же семьи. Правда, почти ни один из этих судебных процессов не повлек за собой для жертв ни ареста, ни лишения связи с внешним миром; ограничились серьезным предостережением каждому оговоренному, за исключением вдовствующей маркизы д'Алканисес: по ее собственной просьбе местом заключения ей был назначен монастырь Св. Екатерины в Вальядолиде, где две ее дочери были монахинями. Она имела причины бояться заключения и избежала этого несчастья с помощью хорошего заступничества, которое сумела приобрести. Все эти лица

Untitled

ни в чем не повинны; подозрения, имевшиеся против них, были основаны лишь на том, что они были довольно тесно связаны с докторами Агостино и Педро Касалья, Домиником де Рохасом и доном Педро Сармиенто де Рохасом, братом доньи Эльвиры; их обвиняли также в том, что они слышали разговоры об оправдании (верую) и не донесли о них. Но могли ли они донести, если не знали, что эта доктрина еретическая?

Глава XXVIII Поведение святого трибунала относительно священников, злоупотребляющих таинством исповеди или обвиняемых в других преступлениях того же рода

Статья первая Судопроизводство

I. С большей чем когда-либо суровостью преследуя мирных лютеран, испанская инквизиция была принуждена принять меры против католических священников, которые злоупотребляли таинством исповеди, чтобы побуждать кающихся к преступной связи. Однако политика инквизиторов в столь щекотливом деле была чрезвычайно осторожна, так как они боялись дать лютеранам новое оружие против тихой исповеди священнику, а католикам предоставить предлог не прибегать к ней так часто. В самом деле, есть преступления, которые могли бы опозорить религию, если бы она не была превыше всяких нападков; святотатство, о котором я говорю, совершается в религиозном обряде, долженствующем дать жизнь душе через посредство человека, на которого сверхъестественная власть возложена Иисусом Христом, сказавшим апостолам: "Примите духа святого; кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся".

Untitled

II. Это преступление может внушить лишь справедливое отвращение, тогда как я нахожу разумным пожалеть человека, который просто по заблуждению принимает мнение, противное католической религии, может быть, без упорства и только потому, что не читал и не слышал ничего, что могло бы его образумить. Я никогда не стал бы одобрять христианина, не желающего смиренно подчинить свое суждение и свой разум авторитету католической Церкви, которая есть собрание всех верных христиан, соединенных с его видимым главою, первосвященником римским, преемником св. Петра, которому Иисус Христос поручил своих духовных овец, обязав время от времени утверждать их в вере. Дерзко было бы думать, что простой частный человек, каким бы ученым его ни считали, может легче раскрыть смысл Священного Писания, чем святые и прославленные Отцы Церкви, предшествовавшие ему и старательно исследовавшие этот предмет; ведь Иисус Христос просил отца своего за Петра, чтобы вера его не угасала. Некоторые папы обесчестили (насколько Бог это допустил) римский престол жизнью, полной скандалов; некоторые из них даже заблуждались в вере, как, например, Либерию [38], Гонорий [39] и Иоанн XII; другие способствовали ослаблению и упадку благочиния церковного. Но католическая вера непрерывно со времен св. Петра сохранялась римской Церковью которая не заслужила (как утверждали некоторые пылкие протестанты) названия Нового Вавилона, подобно тому как папа не заслужил имени Антихриста или Великого зверя из Апокалипсиса.

III. Я согласен, что враги католической Церкви иногда

Untitled

имели повод жаловаться; но справедливо ли ставить в вину религии дело нескольких человек? Пусть же они будут столь же беспристрастны, как и я: хотя их мнения были осуждены Церковью, они внушают мне только сожаление и желание видеть их возвращенными в лоно с католической Церкви путем смирения, без насилия и угнетения, даже с готовностью принять некоторые их справедливые утверждения. Но признаюсь, что преступление духовника, расставляющего сети невинности или раскаянию, должно внушать только ужас, и никакое наказание мне не кажется достаточным. Между тем тяжело видеть, что обычай узаконил иные принципы и поведение.

IV. 18 января 1556 года Павел IV направил к инквизиторам Гранады дому Мартину де Алонсо и дому Мартину де Коскохалесу бреве, в котором Его Святейшество сообщал о том, что некоторые духовники злоупотребляют своим званием до такой степени, что побуждают женщин к греху сладострастия на самом месте покаяния; папа приказывает инквизиторам преследовать священников, которых общественный голос обвиняет в столь великом преступлении, и не прощать ни одного из них. Он советовал убедиться в правоверности их учения о таинстве покаяния и при наличии достаточных оснований держаться по отношению к ним так, как законы предписывают поступать с лицами, заподозренными в ереси. Оба инквизитора сообщили бреве Павла IV архиепископу Гранады дому Педро Гереро, а также совету инквизиции. 11 июля того же года совет написал им, что при существующих обстоятельствах оглашение буллы может создать затруднения, если будет сделано обычным

Untitled

порядком, и что следует действовать с большой осторожностью и сдержанностью. Это привело к тому, что архиепископ вызвал к себе приходских священников и других духовных лиц, а инквизиторы - прелатов монашеских общин, чтобы поручить им сообщение папского бреве всем духовникам, поведение которых в будущем должно быть крайне осторожным, так как народу не следует ничего знать о мероприятии, введенном Его Святейшеством, из опасения, как бы многие не отказались совсем от таинства. Одновременно были даны сведения о духовниках, которые своим поведением дали повод к подозрению, и было обнаружено несколько виновных среди монахов; ограничились тем, что их наказали тайно, объяснив эту меру совершенно иным мотивом, чтобы избежать опасности, о которой я только что говорил. Были также духовники, которые, узнав от некоторых своих кающихся, что те были побуждаемы к греху на месте покаяния другими священниками, не только не налагали на них обязанности донести об этом святой инквизиции, но довольствовались тем, что посылали их сделать монастырскому прелату неопределенное показание, без обозначения лиц, и убеждать его присматривать за поведением монахов-духовников. Иезуиты обратили на себя внимание, следуя другому правилу. Они давали отпущение грехов только после того, как заставляли кающуюся дать обещание донести о преступлении святой инквизиции с обозначением имени данного лица.

V. Эта мера доказала папе, что злоупотребление, о котором идет речь, не было особенностью лишь королевства Гранады и что необходимо было ввиду этого

Untitled

подчинить тому же закону и другие провинции королевства. 16 апреля 1561 года папа направил главному инквизитору Вальдесу буллу, которою уполномочивал его действовать против всех духовников королевств и владений Филиппа II, совершивших это преступление, как если бы они были повинны в ереси, поскольку Его Святейшество не представляет себе, как может считаться действительным католиком и правоверным человек, который так злоупотребляет таинством покаяния, установленным для отпущения грехов и для уменьшения их числа. Папская булла не касалась главных инквизиторов, которые должны являться преемниками Вальдеса, ее действие ограничивалось частным случаем, а именно - соvrращением в момент исповеди, поэтому впоследствии приходилось издавать новые буллы, и Пий IV подписал 6 апреля 1564 года подобную буллу, а за нею последовало много других.

VI. Мы видели, что существовал обычай ежегодно в первое воскресенье Великого поста читать указ о доносах в одной из церквей каждого города, где была учреждена святая инквизиция. По мере того как число проступков, о которых нужно было доносить, увеличивалось, к указу прибавлялись новые статьи. Инквизиторы некоторых провинций занесли в указ статью о священниках-совратителях. Регинальд Гонсальвий Монтанус писал в 1567 году о том, что произошло в Севилье, где указ был опубликован в 1563 году; он дал повод такому большому количеству доносов, что секретари святой инквизиции уже не могли справиться с их приемом; это заставило назначить тридцатидневный срок каждой

Untitled

женщине-доносчице для вторичной явки. Далее Монтанус говорит, что первая отсрочка сопровождалась еще несколькими и что понадобилось не менее ста двадцати дней для получения всех доносов; по словам того же автора, инквизиторы были вынуждены изменить план действий и отказались от преследования виновных. Среди пострадавших было несколько женщин известного происхождения и очень достойных уважения; они, сгорая от стыда за свое поведение, переодевались и покрывали голову вуалью, отправляясь к инквизиторам (занимающим замок Триана), из боязни встретиться с мужьями и быть узванными; несмотря на эти предосторожности, многие были осведомлены о происходящем, и это чуть не подало повод к большим беспорядкам. Монтанус утверждает, что инквизиторы, видя такое большое число виновных, решили отказаться от своего предприятия, и люди злонамеренные распустили слух, будто священники и монахи послали папе крупную сумму денег, чтобы остановить преследования, но этот шаг якобы не имел ни малейшего основания, потому что римская курия не смогла бы их спасти, если инквизиторы пожелали бы преследовать виновных {Регинальд Гонсальвип Монтанус. Приемы испанской инквизиции. С. 184. Гейдельбергское издание, 1567 г., без имени типографа.}.

VII. В этом рассказе Гонсальвия Монтануса есть некоторые фактические ошибки, основанные на неточных сведениях, доставленных ему из Севильи в Германию, где он писал. Указ был опубликован в Севилье не в 1563, а в следующем году. Доносы были гораздо менее многочисленны, чем он утверждает, а это обстоятельство не позволяет

Untitled

предполагать ни того, что виновные прибегали к Риму (средство, в которое сам Монтанус не верит), ни того, что инквизиторы решились прекратить преследование обвиняемых из-за их большого количества. Если эти доносы приостановились, то потому, что налагаемое на кающихся обязательство доносить на виновников преступления было снято по приказанию верховного совета. Совет, извещенный о том, что некоторые трибуналы продолжают присоединять эту статью к указу о доносах, обратился к ним с циркуляром от 22 мая 1571 года, предписывая более не публиковать его и устроить так, чтобы епархиальные благочинные поручили священникам, дав им на то полномочие, заставить тех кающихся, которые были побуждаемы к греху, заявить о преступлении, называя имя виновника. Это мероприятие не произвело почти никакого действия (потому что благочинные усмотрели в нем узурпацию их прав); 2 марта 1576 года совет вторично написал трибуналам святой инквизиции, чтобы к указу о доносах, публикуемому ежегодно, несмотря на все предыдущие приказания, прибавляли статью, о которой идет речь. Она была составлена в следующих выражениях: "Вы объявите, если знаете, что какой-нибудь духовник, белый священник или монах, каковы бы ни были его положение, звание и сан, домогался или пытался домогаться какой-нибудь особы женского пола во время исповеди, подбивая ее на позорные и непристойные поступки".

VIII. Это распоряжение сделалось впоследствии гораздо более обширным из-за новых мероприятий, предписанных в силу декрета главной инквизиции Рима, одобренного

Untitled

Климентом VIII, а также в силу буллы Павла V от апреля 1612 года и его декрета от 10 июля 1614 года, относящегося к инквизиции; другой буллы Григория XV [40], от 30 августа 1622 года, и нескольких других апостолических резолюций, предшествовавших решениям Бенедикта XIV. Статья подверглась новой редакции, чтобы охватить большее число случаев; она была изложена так: "Вы объявите, если знаете, что какой-нибудь духовник, священник или монах (любого чина) во время исповеди, до или тотчас после нее, или по поводу ее, или под предлогом ее, в исповедальне или во всяком другом месте, годном для исповеди или назначенном для нее и известном как исповедальня, делая вид или давая понять, что он там для того, чтобы исповедовать, или же в то время, когда исповедовал, совратил женщину, либо пытался совратить, склоняя или побуждая женщину к постыдным и бесчестным поступкам либо с ним самим, либо с другими, или вел с женщинами непозволительные и соблазнительные разговоры. Мы убеждаем духовников и приказываем им предупреждать кающихся, которые были побуждаемы к греху, о возложенной на них обязанности доносить об упомянутых совратителях в святую инквизицию, которой принадлежит расследование проступков подобного рода".

IX. Преступление, о котором идет речь, облегчает клевету более, чем какое-либо иное, так как совершается обыкновенно втайне, и почти невозможно найти двух свидетелей, которые были бы согласны относительно самого факта, времени, места и обстоятельств, как это устанавливается для прочих преступлений. Таким образом,

Untitled

даже считая за свидетеля доносчицу, приходится ограничиться одним показанием, свидетельством женщины, почти всегда молодой и слабой, которая признанием в погрешностях, совершенных ею против шестой заповеди [41], дает самый обыкновенный повод к действиям, в которых духовник становится виновным. Могущие от этого произойти затруднения составляют более чем достаточную побудительную причину для принятия мер, внушаемых осторожностью, чтобы не действовать опрометчиво против оговоренного, так как возможно, что женщина злоупотребляет данным ей правом доносить, чтобы сделать священника жертвой своей ненависти и мести, или сделаться орудием какого-нибудь врага, заинтересованного в гибели священника.

Х. Это соображение побудило верховный совет обратиться ко всем трибуналам с циркуляром от 27 февраля 1573 года, которым запрещалось провинциальным инквизиторам преследовать оговоренного духовника, не удостоверившись через тайное предварительное следствие - не письменное, а непременно словесное, - честного ли поведения женщины-доносчицы, пользуются ли они хорошей репутацией и достойны ли они доверия. Другой указ верховного совета, от 4 декабря того же года, гласил, что инквизиторы должны вызвать епархиального благочинного и юрисконсультов святой инквизиции, чтобы они подали свои голоса при вынесении окончательного приговора, как это делается в процессах по делу ереси, и чтобы они представили свое решение на просмотр совета, отложив его исполнение. 4 февраля 1574 года совет приказал, чтобы все духовники округа каждого трибунала

Untitled

были предупреждены своим непосредственным начальством о том, что они должны спросить женщину, заявляющую, что ее уговаривали совершить преступное деяние, донесла ли она инквизиции на совратителя; в случае отрицательного ответа должны приказать ей это сделать, а отпущение грехов отложить до того времени, когда она вернется, чтобы сообщить об исполнении наложенного на нее обязательства.

XI. Ни один закон инквизиции не определил числа женщин-доносчиц, необходимого для доказательства вины оговоренного и даже не назначил секретную тюрьму для данного преступления. Поведение трибуналов в этом отношении чисто произвольно; надежды возлагаются на осторожность инквизиторов, которые должны тайком осведомляться о репутации, поведении, образе мыслей, характере, здоровье, дарованиях, имущественном положении и повседневной жизни оговоренного, и те же методы, за исключением некоторых мелких различий, применяются по отношению к обвиняющим его женщинам. Правда, никакого внимания не обращается на результат осведомления, когда дело идет о доверии к словам исповедующейся, потому что все кающиеся женщины имеют обыкновение утверждать, что они доносят не по причине ненависти или какой-либо другой страсти, а исключительно из-за послушания своим духовникам. Между тем опыт доказал, что они не всегда говорят правду; вот почему при показаниях под присягой, к которой приводят доносящую исповедницу, чтобы она признала и подтвердила свой донос, следует спрашивать о городе, церкви, об исповедальне и о более или менее точном

Untitled

времени, когда было совершено преступление. Я прочел несколько процессов, в которых была доказана клевета на священника, так как последний мог сослаться на то, что в то время, на которое указывала доносчица, он даже не был в названном ею месте. В других случаях видно, что инквизиторы были достаточно осторожны, не придав никакого значения свидетельству женщины, так как было известно, что священник находился не в той исповедальне, на которую указывала женщина. Иногда инквизиторы поступали с большой предусмотрительностью, считаясь с обстоятельствами места и времени и помня историю целомудренной Сусанны [42]. Это необходимо, когда священник пользуется репутацией человека благоразумного, а женщина бедна и подвергается обольщению богатого человека, желающего погубить ее духовника; точно такой же линии следует держаться, когда духовник ведет себя подозрительно, не будучи, однако, фактически преступным.

XII. Среди статей, которые я предложил главному инквизитору для преобразования судопроизводства в Записке, составленной по желанию главного инквизитора дома Мануэля Абад-и-ла-Сьерры, была статья, в которой говорилось: "Когда на кого-либо будет сделан донос, то о нем будет сообщено оговоренному; даже если оговоренный станет отрицать свое преступление, мы все-таки из этого получим известного рода моральную уверенность в том, что оговоренный не совершит более уже того проступка, поскольку будет знать, что не избежать ему секретной тюрьмы, если на него поступит вторичный донос". Реформа, которую я предлагал, не представляла

Untitled

других неудобств, кроме оставления священника безнаказанным один раз, если проступок действительно имел место, но я был убежден, как убежден и теперь, что было гораздо хуже для священника делать тайну из доноса, потому что ему как бы давалось время для отягчения своего проступка. Видя, что инквизиция приняла противоположное решение, нельзя воздержаться от мысли, что трибунал задается целью гораздо меньше предупреждать пороки, чем констатировать те, о которых ему доносили.

XIII. По современному порядку судопроизводства, когда трибунал получает донос, он приказывает навести справки; я уже указывал способ этого осведомления. Тем не менее, хотя в результате инквизиторы получали доказательство плохой репутации духовника в деле, о котором идет речь, они имели обыкновение откладывать дело до следующего случая оговора этого священника; тогда приступали к вторичному следствию; если результаты его были те же, то хватали духовника и препровождали его в секретную тюрьму, так как были убеждены, что два показания о двух однородных проступках устанавливают полуулику.

Проступок преследовался, как в процессах из-за еретических тезисов: если обвиняемый признавал факты, его допрашивали о намерении, то есть спрашивали, считает ли он свое поведение невинным. В случае утвердительного ответа его считали еретиком; в противном случае ему нечего было опасаться. Почти все оговоренные объявляли, будто сознавали, что они совершили преступление, но смягчали свою вину, ссылаясь на человеческие слабости, подвергающиеся величайшим

Untitled

искушениям, и рассказывали об обстоятельствах, послуживших для побуждения к греху. Так поступали одни, другие же давали поступкам двусмысленное толкование, хотя исповедница приняла эти поступки как определенно дурные; наконец, были и такие, которые думали оправдать себя тем, что заявляли (и с большим основанием), что им не представлялись другие случаи согрешить. Этот случай был, действительно, самым обыкновенным.

XIV. Я делал критические изыскания по этому вопросу в секретариате придворной инквизиции. Я нашел, справляясь в подлинниках дел и выписках из книги реестров других трибуналов, что среди священников, оговоренных в этом преступлении в Испании и на прилежащих островах, приходится один белый священник-совратитель на десять тысяч; а среди монахов - один на тысячу из бенедиктинцев, бернардинцев [43], премонстрантов [44], иеронимитов, базилиан [45], траппистов [46], театинцев [47], ораториан [48], каноников-монахов Калатравы, Сант-Яго, Алькантары, Монтесы, св. Иоанна и св. Гроба [49]; один на пятьсот среди кармелитов, августинцев, матуринцев [50], братьев Милосердия, доминиканцев, францисканцев и минимов [51], св. Франциска из Паолы; один на четыреста среди босоногих братьев Милосердия и один на двести среди босоногих кармелитов, монахов ордена Алькантары и капуцинов.

XV. Сделав это наблюдение, я старался открыть причины таких различий и нашел, что их много. Первая и самая простая - это деньги, которые люди могли расходовать, чтобы предаваться своим склонностям, не пользуясь

Untitled

гнусным способом развращения при таинстве исповеди; ибо, вообще говоря, в этом источнике у представителей трех первых категорий недостатка нет. Вторая причина - гораздо большая свобода выхода в общество и вследствие этого легкость, с какою они находили случаи грешить, не прибегая к исповедальне. Третью причину я вижу в более или менее частом и привычном исполнении должности духовника. Здесь прогрессия, которую я устанавливаю, должна начаться с пятой категории и пойти назад до первой. Хотя и неопровержимо, что францисканцы и доминиканцы много исповедуют, я должен был поставить их в третью категорию, потому что они, особенно францисканцы, легко переезжают в одиночку из одного места в другое под предлогом или с поручением проповедовать слово Божие и не так подвержены опасности впасть в этот грех. Гораздо большее значение имеют бедность и уединение, в которых живут три ордена пятой категории; обычный недостаток денег (что составляет самое обыкновенное положение этих священников) и их постоянное прилежание к таинству исповеди довольно верно, мне кажется, объясняют загадку. Основание моего вычисления и его относительных различий неоспоримо; даже если предположить, что есть какая-нибудь причина изменить его в этом отношении, разница будет касаться только босых кармелитов, среди которых число совратителей гораздо больше, чем у капуцинов, а среди последних также больше, чем среди монахов ордена Алькантары, быть может, потому, что та же пропорция существует между числом представителей каждого из этих монашеских орденов или их священников,

Untitled

занимающихся исповедью.

XVI. От этого наблюдения я перешел к другому, анализируя ответы оговоренных. Принадлежащие к трем первым категориям обыкновенно отрицают факт и утверждают, что обвинение - суцая клевета; они указывают лиц, которые, как они предполагают, выдумали это, причины их плохого отношения и имевшуюся у них цель и предлагают представить доказательства. Принадлежащие к четвертой и пятой категориям обыкновенно признают суцность обстоятельств, которые, как они предполагают, были показаны в доносе; но они объясняют их. так, чтобы уверить, что кающаяся их неверно истолковала. Если обстоятельства не позволяли признать достаточными эти объяснения, они прибегали к слезам; смиренно признавались в своем грехе и просили за него прощение.

XVII. Большая часть этих донесений делалась простыми и добросовестными монахинями, слабое воображение которых успокаивалось лишь после того, как они донесли на своего духовника, хотя бы по подозрению; при этом они не боялись скомпрометировать честь, свободу и благосостояние своего ближнего. Почти всегда эти показания не имеют никакого твердого основания и заслуживают только подозрения; поводом к ним служит дурной смысл, который эти кающиеся придали словам своих духовников. Если бы священники, исповедующие монахинь, видели бумаги святой инквизиции, они бы очень скоро приобрели отвращение к служению, которое иногда исполняют с таким удовольствием, не ведая угрожающей им опасности. К счастью, инквизиторы ближайшего к нам времени были уверены, что не следует придавать никакого

Untitled

значения показанию монахини, если оно не представляет собой определенно непристойного предложения или достоверных и неопровержимых фактов. В Испании эти попытки затруднительны из-за формы и расположения исповедален в женских монастырях; их помещают на виду у людей, посещающих церкви; духовник и кающаяся отделены стеной, открытой на уровне головы сидящего или стоящего на коленях, и это отверстие закрыто металлическим листом со щелями шириною в большой палец. Что касается плана какого-либо преступного предприятия, который кающаяся и священник могли бы составить в монастыре, то все знают, насколько трудно было бы его осуществление вследствие той особой тщательности, с которою следят за входом в монастырь несколько пожилых привратниц, строгих и почтенных, против которых невозможно было бы иметь хотя бы малейшее подозрение; точно так же мешают участникам подобных затей высота стен, окружающих монастырь, сад и внутренний двор, огромные железные перекладины на окнах келий и большое число других мер предосторожности, принятых настоятельницами монастырей, которым нельзя отказать в том, что они с огромным усердием поддерживают честь религии и монастырской жизни. Любители скандальных анекдотов не пропускают случая рассказывать истории про монахов и монахинь и воображают, что очень занимают своих слушателей. Разумеется, есть несколько пикантных и подлинных случаев; тем не менее я не боюсь смело утверждать, что подобные факты были чрезвычайно редки и что можно привести лишь два или три случая в течение

Untitled

столетия. Когда речь идет о деле, имеющем довольно серьезные последствия, недостойно справедливости беспристрастного читателя смешивать историческую правду с эпизодом романа или новеллы.

XVIII. Священники, сознающиеся в факте развращения, обыкновенно прибавляют, что никакое ложное верование не примешивалось к их покушению; что они были увлечены чрезвычайной склонностью к данной особе, силою страсти, которой слабость и немощь человеческой природы не могли сопротивляться, но что они никогда не сомневались, что их грех очень велик. Эта исповедь обыкновенно правдива; однако, если доносчицы передают какое-нибудь выражение, свидетельствующее о том, как священник пробовал убедить их, что поступок, который он хотел совершить, вовсе не грех или только легкий грех, тогда можно, по учению глав инквизиции, его подвергнуть пытке по вопросу о намерении и веровании. Между тем я не видел и не читал ничего доказывающего, что придворная инквизиция применила пытку к какому-либо духовнику или чтобы эта мера была употреблена в каком-либо другом трибунале в течение второй половины восемнадцатого столетия, ибо просвещение, несомненно, начало проникать в самую глубь святой инквизиции, несмотря на ее суровую систему.

XIX. Когда дело готово к рассмотрению, испанские инквизиторы между прочим приказывают, чтобы духовник произнес отречение в легкой степени от ереси, состоящей в том, что будто не следует смотреть как на смертный грех на всякую попытку склонения к бесчестным поступкам во время исповеди или при других обстоятельствах,

Untitled

изложенных в указе. Римская главная инквизиция заставляет делать отречение в сильной степени. Здесь впервые мы находим испанскую инквизицию более умеренной, чем какая-либо другая. Правда, следует сознаться, что справедливость на ее стороне, потому что нет, быть может, почти ни одного священника-совратителя, который бы не следовал в этом случае побуждению своей страсти, не имея возможности удовлетворить ее иначе из-за недостатка денег и отсутствия подходящего случая, так как очень редко встречаются такие распутные священники, которые прибавляют ересь к своим порочным склонностям, а те из них, которые являются еретиками, не имеют никакой охоты к должности духовника.

XX. Осужденного священника-соблазнителя на всю жизнь лишали возможности исповедовать. Наложенное наказание правильно: человек, злоупотребляющий самым святым служением, чтобы вливать в души яд вместо возвращения их к жизни, не достоин более исполнять столь благородные обязанности. Но слишком часто можно видеть, что нарушителям долга удается посредством просьб, обещаний, интриг и даже притворства получить восстановление доброго имени у главных инквизиторов, которые, будучи обыкновенно людьми пожилого возраста, позволяют обманывать себя и часто слишком доверяют одной лишь видимости раскаяния и добродетели.

XXI. Другое наказание священников-соблазнителей состоит в изгнании их из города, где они совершили преступление, а также из столицы, из всех королевских резиденций и из места пребывания осудившего их трибунала. Нельзя отрицать того, что первая часть этого наказания кажется в

Untitled

первую минуту справедливой; но не таковы две другие части, если суд не назовет особенных причин, послуживших основанием для них. Число проступков и важность сопровождавших их обстоятельств влияют на применение более или менее тяжелых наказаний: заключение в монастырь или в тюрьму, ссылка или отправка в пресидию [52] или в какую-нибудь крепость. Филипп Лимборх говорит о наказании работой на галерах и даже о релаксации, однако, если виновный исповедовал ложное учение о сущности побуждения его на дурной поступок и если не упорствовал в этом, инквизиторы никогда, я в том уверен, не доходили до этой крайности. XXII. Проступок, о котором я говорю, не принадлежит к разряду тех, которые наказуются в публичном аутодафе, из опасений, как бы эта мера не отвратила христиан от частого повторения этого таинства. Осужденному читают его приговор в малом аутодафе, то есть в зале судебных заседаний трибунала; туда призывают духовников из белого духовенства, по два от каждого духовного учреждения, существующего в городе, и четырех от религиозного братства осужденного, если таковое здесь имеется. Не впускают при этом ни одного мирянина, кроме секретарей, остальные должностные лица трибунала из мирян устраняются ради чести священного сана. По прочтении приговора и его мотивов декан инквизиторов берет слово и побуждает осужденного признать вину; он подготавливает его отречься со смирением от всех ересей вообще, а в частности от той, в которой он заподозрен. Тот подчиняется; став на колени, он произносит исповедание веры и подписывает отречение. Инквизитор с

Untitled

предупреждением (*ad cautelam*) освобождает обвиняемого от заслуженных им наказаний. Этим заканчивается аутодафе; осужденного отводят обратно в тюрьму, а на следующий день ведут его в монастырь, где он должен оставаться запертым в течение срока своей епитимьи.

Духовников, присутствовавших на церемонии, уведомляют о том, чтобы они дали ответ о только что происшедшем (не называя, однако; осужденного тем, кто его не знает), дабы напустить страх на пожелавших ему подражать.

XXIII. Уважение, которое я питаю к правде и к испанским священникам, обязывает меня прибавить, что, не отказываясь от теории относительно количества духовников, оговоренных по делу о соvrащении, одинаково неопровержимо и очевидно, что на сто из этих священников едва бывает десять действительно виновных в преступлении, за которое на них донесли; остальные были сочтены виновными только за то, что были неосторожны и нескромны в своих беседах, за то, что недостаточно принимали во внимание характер молодой женщины, ее хорошее мнение о своей личности, способность вообразить, что она поразила сердце духовника, и то легкомыслие, с которым она сообщает об этом второму священнику, отказывающему ей в отпущении грехов, если она тотчас не пойдет донести о первом духовнике. Священники, слушающие молодых женщин в исповедальне, не умеют принять достаточные меры предосторожности. Как бы ни был осторожен и сдержан духовник, он не может быть в безопасности, если, получив от природы интересное лицо, мягкий голос и приятное произношение, забывает о необходимости владеть

Untitled

чувствами сострадания или нежности, которые он, может быть, будет испытывать в духовных беседах с молодыми женщинами, оказывавшимися в плену у мистики. В мое время я видел процесс уважаемого мадридского духовника, который благодаря репутации набожного и ученого священника два раза выдвигался на должность епископа; из-за боязни позора его не заточили в секретную тюрьму, но предписали не выезжать из Мадрида и являться в трибунал по каждому вызову. Его допрашивали; простые и честные ответы оправдали его в глазах судей, которые убедились в том, что причина вызова его на суд святой инквизиции в том, что он был недостаточно осторожен в своих речах и в своем отношении к кающейся употреблял больше мягкости, чем суровости и осмотрительности.

Статья вторая История одного капуцина

I. У меня на глазах произошло другое очень несходное с этим дело, касавшееся капуцина, перевезенного из Картахены Американской в Испанию на корабле, где он был заключен под стражу. Я должен умолчать о его имени, потому что дело его не было известно публике. Он исполнял в Америке обязанности апостолического миссионера, провинциала и несколько раз настоятеля. Он развратил целый дом бегинок и из семнадцати женщин он добился своей цели у тринадцати, внушив им свое вредное учение. Принятая им система защиты делает процесс любопытным. Система эта довела его до такой степени ослепления, что, если бы мне не удалось образумить его накануне разбирательства дела, инквизиторы сочли бы себя вынужденными самим законом приговорить его к

Untitled

релаксации.

II. Из процесса следовало, что, будучи руководителем совести и духовником всех женщин этого дома и сывая у всех за человека святого и озаренного, он в качестве духовника внушил им такое доверие к своему учению, что на него смотрели как на небесного оракула. Когда он заметил, что его речи, какой бы необыкновенный характер они ни носили, внушали слушательницам безграничное доверие и никто ни одной минуты не сомневался в нем, он стал внушать этим тринадцати богомолкам во время исповеди, что получил от Бога особенную, очень странную милость. "Господь наш Иисус Христос, - говорил он им, - возымел благодать дать мне его узреть в освященной гостии во время ее возношения и сказал мне: "Почти все души, которыми ты руководишь в этом монастыре, мне угодны, потому что в них настоящая любовь к добродетели и они стараются идти вперед к совершенству; но особенно такая-то (здесь духовный отец называл ту, с которой он говорил). Душа ее столь совершенна, что она уже победила все свои земные страсти, за исключением одной - чувственности, которая очень ее мучает, потому что враг плоти очень силен над нею вследствие ее молодости, женственности и естественной прелести, которые сильно влекут ее к наслаждению. Чтобы наградить ее добродетель, а также чтобы вполне сочетать любовь ко мне с ее службой, требующей спокойствия, которым она не владеет, хотя и заслуживает своими добродетелями, я поручаю тебе даровать ей моим именем разрешение, которое нужно для ее спокойствия, сказав ей, что она может удовлетворить свою страсть, но только с тобой. Во

Untitled

избежание огласки она должна хранить на этот счет самую строгую тайну, не говорить никому об этом, даже другому духовнику своему, потому что она согрешит лишь с разрешения, которое я ей дарую ради святой цели видеть прекращение ее тревог и ежедневные новые успехи на пути к святости". Были лишь четыре богомолки, которым настоятель не счел уместным сообщить это откровение; три из них были старухами, а четвертая была очень дурна собой.

III. Самая молодая из этих обманутых женщин, двадцати пяти лет от роду, опасно заболев, захотела исповедаться у другого священника. С разрешения больной и по ее собственному желанию этот священник отправился объявить святой инквизиции обо всем происшедшем за три предыдущих года и об опасениях больной, что все случившееся с ней произошло и с другими богомолками, судя по ее наблюдениям. Когда больная выздоровела, она сама донесла на себя инквизиции Американской Картахены, чистосердечно рассказав обо всем происходившем и прибавив, что никогда не могла в душе и совести поверить в подлинность откровения; в течение трех лет она имела преступную связь с духовником, будучи совершенно уверена, что оскорбляет Бога, но скрывала и делала вид, будто верит тому, что он ей говорил, и не краснея предавалась необузданным желаниям под личиной добродетели; она прибавила, что совесть не позволяла ей дольше скрывать правду, когда она почувствовала себя больной и ожидала смерти. Картахенская инквизиция проверила и установила, что преступная связь имела место с тринадцатью

Untitled

богомолками; для этого она пошла путем сбора сведений - способ, которым она всегда умела владеть более искусно, чем кто-либо иной на свете. Двенадцать других женщин не обнаружили столько искренности, как выздоравливающая; сначала они отрицали факт, затем сознались, но пытались оправдаться, говоря, что поверили в откровение священника. Их разослали в двенадцать разных женских монастырей королевства Санта-Фе-де-Богота; [53] самая молодая получила разрешение вернуться, потому что ей удалось отклонить обвинение в ереси, а это было главное для святой инквизиции.

IV. Что касается духовника, инквизиция полагала, что могут возникнуть серьезные политические осложнения, если арестовать его и препроводить в секретную тюрьму, потому что публика будет считать, что его дело связано с разлучением такого большого числа богомолков, принужденных стать помимо их воли монахинями, без видимого вмешательства в это инквизиции. Инквизиторы дали обо всем отчет верховному совету. Снесшись с главным инквизитором, совет решил обратиться к министру, чтобы наместник Картахены отправил виновного в Мадрид. Наместник должен был приказать капитану корабля, назначенного для доставки священника в Европу, сторожить его самым тщательным образом и тотчас по прибытии в какой-нибудь порт полуострова взять его с собой и сдать в мадридский капуцинский монастырь Терпения. Придворные инквизиторы, уведомленные обо всем, что должно было произойти, предупредили настоятеля, чтобы он проводил гостя в зал судебных заседаний; придя туда, настоятель покинул монаха в

Untitled

трибунале, где тот оставался никем не задержанный. Ему дали три обычных аудиенции увещания; он ответил, что совесть не упрекает его ни в каком преступлении касательно инквизиции и что он с изумлением видит себя арестованным. Прокурор обвинил его по уликам процесса. V. Если бы обвиняемый ответил, что факты были действительны, а откровение ложно и выдуманно для достижения цели, дело его было бы очень просто и не вышло бы за пределы этого рода поступков. Но монах предпочел другую систему оправдания; он признал несколько улик и, когда ему сообщили показания, сознался во всем, признавая и безошибочно указывая всех свидетелей; но он прибавил: если богомолки говорили правду, то и он тоже говорит правду, потому что откровение было достоверно. Ему дали почувствовать, что невероятно, чтобы Иисус Христос явился ему в освященной гостии для того, чтобы освободить его от одной из главных отрицательных заповедей Десятословия, которое обязывает всегда и навсегда. Он ответил, что такова также пятая заповедь [54], а Бог между тем освободил от нее патриарха Авраама [55], когда ангел повелел ему лишить жизни своего сына; то же нужно сказать о седьмой заповеди [56], между тем как было разрешено евреям присвоить вещи египтян. Его внимание обратили на то, что в обоих этих случаях дело шло о тайнах, благоприятных для религии; он возразил, что в произошедшем между ним и его исповедницами Бог имел то же намерение, то есть хотел успокоить совесть тринадцати добродетельных душ и повести их к полному единению с своей божественной сущностью. Помню, что я

Untitled

сказал монаху: "Но, отец, весьма странно, что столь большая добродетель оказалась в тринадцати женщинах, молодых и красивых, но отнюдь не в трех старых и в одной, которая была дурна собой". Он ответил мне, не смущаясь, следующим местом из Священного Писания: "Святой Дух дышит, где хочет". "Да, - сказал я ему, - но тем не менее очень странно, что Святой Дух дарует эти разрешения женщинам молодым и красивым, а старым и некрасивым ничего". Несчастный монах, озабоченный своими софистическими рассуждениями и злоупотребляя всегда Священным Писанием (смысл которого он криво толковал, чтобы сделать места из него благоприятными для своего дела), не предвидел следующего. Когда настанет время произнесения приговора (и если несчастный будет с упорством поддерживать и основывать свою невиновность на мнимом разрешении во время откровения), не найдется ни одного судьи, который бы ему поверил; он будет сочтен всеми за отрицающего и нераскаявшегося грешника и неизбежно будет присужден к релаксации в силу необходимости применить самый решительный и самый точный закон святой инквизиции среди стольких других, позволяющих судьям по своей воле оправдать или осудить обвиняемых.

VI. Настал решительный момент. Оставалась только одна последняя аудиенция, та, на которой у осужденного спрашивают, не вспомнил ли он о каком-нибудь новом факте или не имеет ли он что-либо сказать, потому что его предупреждают во имя Бога и Святой Девы Марии сказать правду для успокоения совести; если он это сделает, святая инквизиция с присущими ей состраданием и

Untitled

снисходительностью воспользуется этим по отношению к нему как к обвиняемому, который искренне признается в своих проступках; в противном случае с ним поступят согласно с тем, что предписано справедливостью и сообразно с инструкциями и основным законом, так как уже все готово для окончательного приговора. Обвиняемый ответил, что ему нечего прибавить к уже сказанному, потому что он всегда говорил правду и признавал ее.

VII. Инквизитор Севальос, человек сострадательный, не мог хладнокровно слышать этих последних слов. "Что означает, - сказал он ему, - эта претензия на правдивость, тогда как мы все уверены в противоположном и во вреде, который вы себе наносите, поступая таким образом?" Тогда я взял слово, чтобы сказать почти иронически инквизитору: "Предоставьте обвиняемому следовать его системе: если батюшка скорее желает быть сожженным в качестве еретика, чем признать себя лицемером и лжецом, как мы можем его спасти?" Обвиняемый ничего не ответил, но по возвращении в свою тюрьму поразмыслил о моих словах и увидел опасность, о которой еще не думал, хотя чувство сострадания заставило судей для осведомления подсудимого относительно его участи сказать некоторые вещи, на самом деле загадочные, но все же более ясные, чем то, что приказы разрешают судьям говорить.

VIII. На следующее утро он попросил новую аудиенцию и получил ее. Он попробовал до некоторой степени удовлетворить обуявшую его гордость, продолжая злоупотреблять Священным Писанием. "То, что произошло вчера, - сказал он, - побудило меня ночью заглянуть в себя с большим старанием, чем я это делал до сих пор, и это

Untitled

заставило меня признать, что я впал в ошибку, упрямо настаивая во время процесса на своей невинности, тогда как я должен был признать свою вину; признаюсь, что я виновен, раскаиваюсь в этом, прошу прощения и епитимьи; я был ослеплен, считая достоверным явление Иисуса Христа в евхаристии и разрешение шестой заповеди, потому что я должен был понять, что это лишь иллюзия, и признать себя недостойным столь великого благоволения. Моя вина подобна совершенной евреями, распявшими Христа; по этому поводу святой Павел говорит: "Они не узнали Господа славы; если бы они его узнали, то не распяли бы его". Несмотря на это прорицание апостола Павла, святые отцы, согласно с Евангелием, говорят, что евреям нет извинения, потому что они видели чудеса, которых никто не мог совершить, кроме Сына Божия. Таким образом, ошибка евреев состояла в неведении, которое не было непобедимым; такова же была и моя ошибка". Тогда инквизитор Севальос сказал ему: "Ну, отец, вот вы спустились с плахи на одну ступень; не прикидывайтесь дурачком, смиритесь и спускайтесь с остальных ступеней; признайтесь, что все - ложь, даже то, что вы сейчас сказали, и на самом деле вы придумали все это как средство, показавшееся вам способным удовлетворить ваше сладострастие. Мы все действительно согласны подтвердить, что в этом деле нет ни еретика, ни человека обманутого, а налицо лгун, лицемер, сладострастник и соблазнитель, в данное время из высокомерия являющийся к тому же гордецом и клятвопреступником, который среди всех своих признаний забывает о том, в чем ему нужнее всего сознаться".

Untitled

IX. Манера говорить с обвиняемым, к которой прибег Севальос, шла гораздо дальше, чем это разрешается судьей. В данную минуту он исполнял обязанность адвоката, желавшего спасти подсудимого; но такое поведение свидетельствует о его доброте и делает честь его сердцу. Это-то меня и побудило познакомиться с ним читателя. Капуцин не мог сдержать слез, несмотря на свое предубеждение и на присутствие духа, которое он сохранял на всех аудиенциях, куда являлся всегда с видом провинциального прелата апостолического миссионера, личности, уважаемой за доброе имя и хорошую репутацию. Не будучи в состоянии дольше сопротивляться силе правды и смущенный тем, что не мог убедить Севальоса, хотя старался это сделать, несмотря на грозящую опасность, капуцин заявил: "Благодарю вас, вы правы; наступает минута торжества правды; я лгал и во всем клялся ложно. Прикажите написать все, что вам будет угодно, я подпишу". Инквизитор придал этой аудиенции оборот, весьма благоприятный для обвиняемого; это обстоятельство вырвало капуцина из когтей неизбежной опасности и положило конец крайне мучительному беспокойству самого судьи. Вероятно, приговор релаксации вообще не был бы приведен в исполнение, потому что старая система уже перестала безраздельно господствовать, как я буду иметь возможность показать в другом деле; но капуцин был бы неминуемо приговорен к этому и его помилование явилось бы лишь чистой случайностью, противоположной закону, который не был отменен.

X. Епархиальный благочинный был уведомлен о том,

Untitled

чтобы явиться на следующий день в трибунал, где был объявлен приговор. Обвиняемый был приговорен к легкому отречению от ереси, к заключению на пять лет в монастырь своего ордена в королевстве Валенсия, где он родился, к лишению навсегда полномочий духовника и проповедника, к отбыванию нескольких епитимий со строгим воздержанием от пищи, к занятию последнего места в братстве, где он не мог, подобно другим монахам, пользоваться правом обсуждения и голосования по делам общины; кроме этого, он еще должен был выдержать в мадридском капуцинском монастыре Терпения наказание кнутом от руки всех монахов и бельцов вообще и каждого из них отдельно. Эта кара называется монахами "круговое наказание кнутом" (zurra de rueda) по своему сходству с военным наказанием прогона сквозь строй. Наказание должно было быть исполнено в присутствии секретаря инквизиции после того, как он прочтет приговор, который уже слышали в малом аутодафе; оно должно быть повторено в монастыре, куда его приведут, при тех же обстоятельствах; вследствие этого приговор и был направлен инквизиторам Валенсии. Осужденный просил разрешения провести пять лет своего заточения в тюрьмах святой инквизиции вместо отправки его в монастырь. Эта просьба изумила судей, так как в случае ее исполнения он считался бы гораздо более виновным. Постарались дать ему это понять во время аудиенции и убедить его в том, что он ошибается, прося такой перемены, и что он гораздо менее будет чувствовать потерю свободы, живя среди своих братьев по вере, которые, вероятно, окажут ему то внимание, какое внушают, к несчастью, состраданье и

Untitled

христианская любовь к ближнему. Он ответил: "Так как я был провинциалом и настоятелем, мне как никому другому известно, какому обхождению среди монахов подвергаются совершившие подобное преступление. Это будет стоить мне жизни". Главный инквизитор Рубин де Севальос счел неудобным разрешить монаху замену его наказания, и несчастный капуцин не ошибся относительно ожидавшей его участи: он умер на третий год своего заключения, вероятно потому, что не мог перенести милосердного обращения своих собратьев. О смерти его было сообщено придворной инквизиции валенсийским инквизиционным трибуналом.

Статья третья Указы верховного совета

I. По-видимому, судьба богомолков - слепо доверять своим духовникам. Я прочел один циркуляр верховного совета от 25 октября 1575 года, обращенный к провинциальным трибуналам. В нем их просят предложить способы, которые могли бы прекратить злоупотребления, происходящие от свободы ношения дома монашеской одежды многими женщинами; не будучи подчиненными монастырскому режиму, эти женщины дают обет повиновения священнику, избранному ими своим духовным руководителем. Признаюсь, я не вижу необходимости инквизиции вмешиваться в это дело, пока такой порядок вещей не противоречит вере и долгу таинства покаяния.

II. Можно думать, согласно булле Григория XIII от 6 августа 1754 года, что в то время, о котором я говорю, не редкостью были простые миряне, выдававшие себя за священников и преподававших таинство исповеди. Папа поручил главному инквизитору и его уполномоченным

Untitled

преследовать с величайшей строгостью тех, кто, не являясь священником, будет застигнут при исполнении обязанностей этого служения, справляя обедню или отпуская грехи. Его Святейшество не может верить, что люди, способные совершить такое преступление, имеют правоверные взгляды на таинство священства. Испанские инквизиторы не ждали буллы, чтобы наказывать тот род преступлений, на который она указывает, так как мы видели, что они приговаривали к аутодафе людей, виновных в этом; однако, чтобы не вызывать препятствий со стороны епископов в преследовании этого проступка, они опубликовали буллу Григория XIII и к указу о доносах прибавили следующую статью: "Вы должны объявить, если знаете, что кто-нибудь, не будучи произведен в звание священника, служил обедню или преподавал таинства нашей матери святой Церкви".

III. Из подобного же побуждения главная инквизиция прибавила к булле статью о ереси иллюминатов или квиетистов, которую я поместил в другом месте, потому что она не была еще известна трибуналам.

IV. Таким образом знаменитый указ о доносах увеличился за счет множества новых пунктов; действительно, кроме статей относительно ересей иудейской, магометанской, лютеранской и иллюминатов, а также присвоения звания священника, склонения на дурной поступок во время исповеди и переправы лошадей во Францию {См. гл. I, VIII, X и XX.}, указ содержал еще много других распоряжений, например следующие:

V. "Вы объявите, если услышите от кого-нибудь, что нет ни ада для злых, ни рая для добрых, или если кто-нибудь

Untitled

произнес еретические богохульства, как, например: "Я не верую, я отрекаюсь, я отступаю от своей веры", или сказал что-либо против Бога, против Пресвятой Девы или против святых мужей и жен".

VI. "Если вы знаете или узнали, что известные лица имеют на службе приближенных демонов; призывают демонов, чертя круги, чтобы задавать им вопросы, и ждут затем их ответов; что они состояли или состоят в числе колдунов или ведьм; что они заключили явный или тайный договор с дьяволом, смешивая для этого священные вещи с мирскими и приписывая твари то, что может принадлежать лишь Творцу".

VII. "Вы объявите, если знаете или если слышали, что какое-нибудь посвященное духовное лицо или какой-нибудь постриженный монах женился; что кто-нибудь при жизни своей первой жены заключил два или несколько браков, не признавал обыкновенный блуд, клятвопреступление и ростовщическую ссуду грехами, утверждал, что лучше жить с любовницей, чем быть женатым".

VIII. "Вы также обязаны сказать, если видели или узнали, что кто-нибудь вел греховные разговоры о кресте, наносил какие-либо оскорбления этому священному символу нашего искупления или образам святых; отвергал догматы нашей веры или возбуждал сомнения на этот счет; пропускал год или больше того без просьбы об отмене отлучения от Церкви, презирая церковные наказания или действуя, как будто бы они не существовали".

IX. "Тот же долг вменяется вам, если вам известно, что кто-нибудь предсказывает будущее или неожиданные

Untitled

события, ведает прошлое и скрытую сторону настоящего, уверяя, что существуют наука и правила для достижения этого посредством гадательной астрологии, наблюдения звезд и планет, линий на руке или других подобных приемов; если вам известны лица, обращавшиеся к тем, кто пользуется этими способами, чтобы раскрыть тайны настоящего или будущего, - обо всем этом вы обязаны объявлять".

X. "Вы должны выдать также лиц, у которых, по вашим сведениям, были книги Лютера или других еретиков, Магомета или его секты, Библии на романском языке или какая-либо другая запрещенная книга; христиан, которые не сообщили в святую инквизицию о том, что они видели или слышали нечто противное католической вере; тех, которые способствовали тому, чтобы другие не сообщали известных им фактов, подкупали свидетелей, чтобы они делали ложные показания о мотивах отвода людей, свидетельствовавших в каком-нибудь процессе инквизиции; или употребили клевету против ближнего, чтобы повредить ему, скрывали или помогали еретикам избежать тюрьмы; мешали прямо или косвенно действиям и работе трибунала святой инквизиции; похитили или заставили похитить санбенито, выставленные в силу приказа инквизиции, или вешали другие знаки этого рода без чьего-либо приказанья".

XI. "Каждый христианин должен также объявить, если ему известно, что заключенные в исправительной тюрьме не точно соблюдали свое заточение, не исполняли наложенных на них епитимий, не носили своих санбенито, уверяли, что их показания инквизиторам были ложны или

Untitled

внушены страхом, что осужденные были неповинны, что дети и внуки по мужской линии наказанных еретиков занимают почетные должности, - являются священниками или облечены каким-либо духовным саном; что они ездят верхом, носят шелковую одежду или имеют мебель, украшенную золотом, серебром, жемчугом или драгоценными камнями".

XII. "Если знают кого-нибудь, кто из суеверия носит на себе святую гостью, думая, что она предохранит от всякой опасности, что с нею позволено совершать любое преступление и что он застрахован от внезапной смерти или от смерти без покаяния; наконец, если известно, что какой-нибудь священник передал гостью для этой цели".

XIII. "Наконец, правоверный не может не донести в инквизицию на человека, виновного в противоестественном грехе, на того, кто задерживает дела или бумаги, принадлежащие инквизиции, или имущество, конфискованное у осужденных и ставшее собственностью святой инквизиции".

XIV. Это дополнение доказывает старание инквизиторов умножать статьи закона о доносах по мере того, как рос и увеличивался их авторитет. Можно даже прибавить, что со времени булл Бенедикта XIV о преступлении духовника, открывающего тайну исповеди или желающего знать соучастника в грехе сладострастия, инквизиторы получили все сделанные по этому поводу доносы, не передавая их, как полагалось, епархиальному епископу, потому что они сочли себя уполномоченными расследовать дела этого рода; они при этом говорили, что совершающие подобные преступления подозреваются в еретических взглядах на

Untitled

таинство покаяния и злоупотребляют им до такой степени, которая делает самое таинство ненавистным. Согласно этому принципу очевидно, что нет ни одного тяжкого преступления, которое не навлекло бы подозрения в ереси. Следуя этой же тактике, папы распространили свою духовную юрисдикцию на все вопросы и предметы права, где допускается присяга и где, следовательно, участвует внутренний суд совести. При каждом таком случае государи и епископы допускали возможность лишать трон и епископство их естественных и неотъемлемых прав.

Глава XXIX Процессы, возбужденные инквизицией против испанских прелатов и докторов, членов тридентского собора

Статья первая Прелаты

I. Усердие главных инквизиторов Вальдеса, Эспиносы и их преемников в царствование Филиппа II не ограничивалось преследованием лютеран, объявлявших себя таковыми в разговорах, писаниях и со своих кафедр. Гордясь необыкновенной властью, которую им даровал Павел IV, инквизиторы захотели обессмертить себя, предприняв сокрушение ливанских кедров и считая, конечно, тростники долины недостойными ударов. Великие люди, которые своими великими добродетелями и глубокими познаниями в богословии приобрели честь именоваться Отцами Церкви и докторами права на Тридентском соборе за борьбу против мнений лютеран, оказались подвергнутыми церковным наказаниям и преследованию как заподозренные в том, что исповедуют и поддерживают в душе мнения, с такой энергией опровергаемые ими в писаниях и речах. Виновниками этого преследования, в

Untitled

котором не меньше спеси, чем коварства, были люди, не изучившие Священного Писания так, как достопочтенные защитники истины, и не имевшие достаточного дарования для их опровержения, хулили то, чего не видали, по выражению св. Павла. История XVI века сохранила имена большого числа епископов и докторов богословия Испанского королевства, присутствовавших на Тридентском соборе и оказавших большую честь стране усердием к вере и обширностью знаний. Но их добродетели и ученость не внушили уважения святой инквизиции, осмелившейся предпринять тайно, во мраке своих архивов, процесс против этих героев веры и своей страны, чтобы заставить их страдать лично и уничтожить, если возможно, их высокую репутацию.

II. Восемь почтенных прелатов и девять докторов богословия из посланных Испанией в Тридент были отданы под суд инквизицией их страны. По стечению обстоятельств, а не по формальному желанию инквизиторов некоторые из этих дел были приостановлены раньше, чем было сделано какое-либо насильственное и скандальное посягательство на свободу этих богословов. Но это нисколько не должно ослабить строгого суждения о трибунале, в котором под покровом тайны зарождаются зависть, наглость и гонения и который не посмел бы ничего предпринять, если бы процессы шли публично к выгоде осужденных, что является для людей законом Бога и естественного разума. Я сейчас представлю несколько подробностей об этих жертвах инквизиции и об их процессах.

III. Мне следовало бы поместить здесь дело Каррансы де

Untitled

Миранды, архиепископа Толедского и примаса Испании; [57] но значение и интерес, которые представляет его процесс, заставляют меня составить из него три особых главы. Я буду говорить о других.

IV. Дом Педро Герреро, родившийся в Леса-де-Рио-Леса в Риохе, архиепископ Гранады, один из прелатов, пользовавшихся наибольшим доверием и влиянием на Тридентском соборе благодаря знаниям, добродетели, усердию и честности, был отдан под суд вальядолидской инквизицией за мнение, которое он высказал в году 1558 в пользу катехизиса дома Бартоломео де Каррансы, и за письма, которые он ему писал, а именно - за письма от 1 февраля и от 1 августа 1559 года. Знали также, что Герреро голосовал за него в комиссии Тридентского собора, которой было поручено рассмотрение его книги, а также в частной конгрегации того же съезда, одобрившей 2 июня 1563 года его поведение. Герреро предотвратил бурю, отрекшись от высказанного им мнения о Каррансе, когда узнал о распоряжениях Филиппа на этот счет. Его отречение произошло 30 марта 1574 года. Он высказал новое суждение о Каррансе, противоположное первому, будучи уверен, что его пошлют в Рим, как и случилось на самом деле, чтобы обострить дело Каррансы. Это засвидетельствовано письмом совета инквизиции к Филиппу II; в этом письме совет объявляет, что осуждения, которые Его Величество приказало потребовать от гранадского архиепископа, готовы и что существует крайняя необходимость отправить их в Рим, потому что можно опасаться, что дело скоро будет разбираться; процесс быстро {Судопроизводство началось в 1558 году;

Untitled

прошло уже более пятнадцати лет, а совет инквизиции говорил, что процесс двигается быстро вперед. Пусть же по этому судят, насколько намерения совета были чисты и беспристрастны.} движется вперед благодаря той энергии, с которой он ведется, и что очень важно доставить документ, поскольку в Риме придают большое значение мнению гранадского архиепископа.

V. Было бы трудно составить себе правильное понятие о характере интриг и о количестве пружин, которые пришлось привести в действие, чтобы добиться от Герреро мнения, столь противоположного тому, которое у него было в самом деле. Кардинал Кирога, главный инквизитор, послал комиссаров и советников инквизиции с письмами от короля; одновременно с этим он просил в Риме приостановить процесс, пока верховный совет, ставший стороной-истцом против Каррансы, не будет в состоянии представить новые суждения, противоположные первым и данные личностями, столь сведущими и достойными уважения, что, без сомнения, они будут одобрены Его Святейшеством, особенно же суждения людей, уже раз подписавших благоприятный приговор, но убедившихся, что они недостаточно старательно рассмотрели сочинение ввиду высокого мнения, которое раньше имели об авторе. Папа особым бреве приказал, чтобы первые цензоры, благоприятствовавшие катехизису, рассмотрели его снова, произнесли о нем суждение и затем изложили свое мнение о некоторых других, неизданных сочинениях, представленных как принадлежащие Каррансе. Прибытие римского бреве породило новую придворную интригу. Кардинал Кирога, действовавший заодно с королем,

Untitled

спешно отправил доверенных людей к гранадскому архиепископу, чтобы убедить его возобновить свое осуждение, не объявляя, что он его делал по воле короля, но говоря, что он в данном случае исполнял приказание Его Святейшества. Эта интрига доказана тайной инструкцией, которую Кирога вручил своим комиссарам. Надо сознаться, что поведение гранадского архиепископа делает мало чести его памяти; но не следует забывать, насколько сурова была политика Филиппа II; нужно также принять во внимание преклонный возраст Герреро и то, что произошло между достопочтенным епископом Кордовы Осией и императором Констанцией.

VI. Дом Франсиско Бланке, уроженец Капильи в Леонской епархии, епископ Оренсе и Малаги, был отдан под суд как заподозренный в лютеранстве по тем же причинам, что и Герреро. Его процесс начался в Вальядолиде. Документом, послужившим поводом к его обвинению, было решение, вынесенное им в 1558 году в пользу труда, написанного и напечатанного Каррансой под заглавием Толкование на Катехизис христианского учения. Другие документы этого процесса представлены двумя письмами, написанными Бланке к архиепископу 5 апреля и 30 июля 1558 года, в которых он подтверждал мнение, высказанное им об этом труде. Наконец, некоторые узники вальядолидской инквизиции, арестованные за лютеранство, называли Бланке одним из защитников доктрины катехизиса. Арест Каррансы внушил такой страх Бланке, что он, не теряя времени, написал главному инквизитору и послал ему несколько других неизданных сочинений толедского архиепископа. Он получил приказ отправиться в

Untitled

Вальядолид, где поместился в монастыре августинцев. Он дал свои показания 14 сентября и 13 октября 1559 года, признал два своих одобрительных отзыва, но заявил, что не согласится их утвердить без нового рассмотрения, поскольку дал их недостаточно обдуманно и только потому, что репутация Каррансы импонировала ему. Нельзя читать показания и письма, которые он писал главному инквизитору, и не видеть того, что он был охвачен крайним страхом: чтобы выбраться из затруднения, он прибег к средствам, употребленным архиепископом Гранады, пример которого и приказ короля, поддержанные папским бреве, побудили его подписать отзыв против катехизиса и других сочинений Каррансы 23 апреля 1574 года в Малаге, где он был епископом, и 29 октября того же года, когда он только что был назначен на архиепископскую епархию Сант-Яго. Этот прелат умер 20 апреля 1581 года, написав различные сочинения, о которых Николас Антонио упоминает в своей Библиотеке.

VII. Дом Франсиско Дельгадо, родившийся в Вилья-де-Пун в Риохе, основатель майората графов де Берберана, сначала епископ Луго, а затем Хаэна, из отцов Тридентского собора, разделил участь тех трех лиц, о которых я только что говорил, поскольку был согласен с их мнением о катехизисе Каррансы и писал одобрительные письма. Он избег угрожавшего ему приговора, отрекшись и подписав 8 июня 1574 года новые суждения, противоположные первым. Этот прелат и оба архиепископа Гранады и Сант-Яго дошли до того, что называли формально еретичными семьдесят два тезиса, а другие двести пятьдесят восемь - близкими к ереси или

Untitled

родственными ей. Эти тезисы были извлечены из различных сочинений Каррансы, которые им дали для просмотра. Они запятнали архиепископа Толедского подозрениями в ереси; чтобы оправдаться в своем одобрении в 1558 году его катехизиса, они заявили, что тогда они еще не читали других, ненапечатанных сочинений этого прелата и что придали католический смысл всем выражениям, допускающим это; в подлинном процессе Каррансы искусно плелись интриги мадридского двора, все нити которых были в руках верховного совета и некоторых других лиц, действовавших в Риме именем Филлипа II и главного инквизитора. Я извиняю слабость трех прелатов, боявшихся подвергнуться участи несчастного толедского архиепископа. Однако из уважения к истории, которой принадлежат эти события, я не могу освободить себя от их оглашения в качестве важной части моего исследования.

VIII. Дом Андреа Куэста, епископ Леона и один из отцов Тридентского собора, был привлечен к суду по той же причине. Архиепископ Севильский (бывший главным инквизитором) писал ему до ареста Каррансы, чтобы узнать, действительно ли он высказал благоприятное суждение о катехизисе Каррансы. Епископ ответил утвердительно, даже послал ему копию своего обоснованного мнения. Дом Фернандо Вальдес сохранил эту бумагу и не употребил ее, поскольку она не удовлетворяла его требованиям. Когда толедский архиепископ был уже арестован, сочли возможным начать процесс и против епископа Леонского. Главный инквизитор и верховный совет решили вызвать его на суд в

Untitled

Вальядолид, как епископа Оренсе дома Франсиско Бланке. Вальдес сообщил об этом королю, который написал Куэсте: все, что предпримут, будет сделано для дела Божьего и службы Его Величеству. Епископ Леона подчинился без сопротивления. 14 октября 1559 года его допрашивали в совете инквизиции в присутствии всех его членов. Ему представили отзыв, который он в 1558 году послал архиепископу Толедскому. Куэста признал его своим, но сказал: если он рассмотрит его снова, то увидит, не следует ли судить иначе об убеждениях Каррансы; пока еще придерживается прежнего мнения. Он вернулся в свою епархию и из Вильялона сообщил главному инквизитору новое мнение, благоприятное катехизису. Оно было основано на множестве ученых соображений и размышлений, которых он не привел в отзыве, посланном Каррансе. Его письма, заявления и суждения показывают сильную и смелую душу; это почти не позволяет думать ни того, что его отречение от собственных слов было вызвано в 1574 году, ни того, что его процесс возобновился около этого же времени, поскольку главный инквизитор и верховный совет, видя в 1560 году, что дело архиепископа Толедского доставляло им много хлопот и затруднений, решили отложить дело других епископов и известных лиц, которое они намеревались продолжать, когда выяснится результат только что начатого дела. Кто бы мог не восхищаться твердостью епископа Куэсты по сравнению со слабостью трех остальных прелатов, бывших по своему поведению во всем остальном людьми, достойными уважения?

Мне кажется, что Николас Антонио хотел сказать о другом

Untitled

лице, когда он в своей Испанской библиотеке называл Андрее де ла Куэста, родом из Ольмедо, профессора греческого языка в Саламанке и автора труда, озаглавленного Указание на неуважительный поступок, совершенный священником по отношению к некоторым канцелярским служителям дона Альваро д'Ока. Этот труд сразу после появления был запрещен как оскорбительный для священнического сословия и противный его привилегиям.

IX. Дом Антонио Горрионеро, епископ Альмерии, высказал в 1558 году благоприятное мнение о катехизисе Каррансы. Это и несколько писем, написанных им по тому же поводу (одно, между прочим, от 29 января 1559 года), были причиной того, что его привлекла к суду инквизиция Вальядолида. Тем не менее ему не запретили присутствовать на третьем созыве Тридентского собора, бывшем в 1560 году и в последующие годы. Система отсрочки была ему выгодна.

X. Дом Мельхиор Кано, родом из местечка Таранкон, в провинции Куэнса, оставший епископ Канарских островов, присутствовал на второй сессии Тридентского собора в 1552 году. Он принадлежал к ордену св. Доминика, как и дом Бар-толомео Карранса, и являлся его соперником по управлению и заведованию делами ордена, особенно с тех пор, как тот и другой были кандидатами на должность провинциала Кастилии, и Карранса одержал верх. Когда о катехизисе дома Бартоломео было донесено инквизиции, Бальдес поручил Мельхиору Кано рассмотреть дело, показывая будто благоприятствует автору выбором квалификаторов между монахами его ордена. В сущности,

Untitled

он не сомневался, что Кано противоположного с ним мнения, в чем он убедился благодаря нескольким частным беседам. Мельхиор применил богословскую отметку к нескольким тезисам катехизиса и других неизданных произведений архиепископа, попавших в руки инквизиторов по случаю процесса против схваченных лютеран. По-видимому, Мельхиор не сохранил тайны, порученной ему инквизиторами, поскольку Каррансе удалось узнать о том, что происходило во время его пребывания во Фландрии. Он воспользовался этими сведениями и написал Мельхиору; последний ответил ему из Вальядолида 28 января 1559 года. К этому-то времени Доминик Рохас, доминиканский монах (содержавшийся тогда в секретной тюрьме) и другие лютеране (о которых я говорил в этой Истории) свидетельствовали о некоторых фактах, породивших подозрения относительно Кано. Прокурор потребовал, чтобы Рохас подтвердил свои первые показания 3 октября 1559 года, потому что хотел его выставить в качестве свидетеля против разных лиц, которых он назвал; в том числе был и епископ Мельхиор Кано. Как улику включили в процесс его совет королю по поводу споров, которые этот государь вел с папой Павлом IV в 1555 году, а также тезисы, высказанные им в частных разговорах; некоторые из них имеются в его сочинении о богословских трактатах ("De locis theologis"). Тем не менее процесс не имел никаких последствий, потому что в тот момент, когда Кано должен был снова быть схвачен главным инквизитором, он имел ловкость предложить ему посвящение своего сочинения "De locis theologis", которое было принято. Так как он не имел времени его издать, то

Untitled

решил завещать это сочинение незадолго до своей смерти в Толедо в 1560 году. Вальдес получил его и напечатал в Саламанке в 1562 году. Между тем впоследствии это сочинение попало в Индекс с требованием уничтожения одних статей и изменения других. Услуга, оказанная им главному инквизитору осуждением катехизиса Каррансы, и некоторые высказывания против архиепископа, делавшие подозрительной веру этого прелата, немало способствовали обеспечению ему безнаказанности. Диффамация, произведенная его речами, доказана в процессе против архиепископа свидетелями тайного следствия, которые были вызваны трибуналом для показаний без участия Каррансы и даже без уведомления его о происходящем. Вероятно, это обстоятельство дало повод думать, что Кано был его доносчиком. Брат Луис де ла Крус, доминиканский монах (заключенный в тайной тюрьме инквизиции Вальядолида по подозрению в лютеранстве, потому что, как говорили, он был увлечен примером Каррансы), будучи принужден дать объяснения относительно писем, которые он писал из Вальядолида 30 мая и 30 июня 1559 года, объявил 10 сентября, 22 ноября, 15 и 10 декабря: все, что говорили о Каррансе, было делом клеветы магистра Кано, его соперника, заклятого врага всякого блага, человека богатых дарований, но неугомонного. Он подтвердил свое показание 22 декабря того же года. Брат Хуан де Мануэль, монах того же ордена (который выступал в качестве свидетеля тайного следствия), объявил 18 октября 1560 года, что слышал, как брат Доминго Куэвас и брат Доминго Кальвете говорили, будто брат Антонио де Санто-Доминго, ректор коллегии Св.

Untitled

Григория в Вальядоли-де, утверждал, что архиепископ невиновен и так же несправедливо преследуем, как Иисус Христос, и убить магистра Кано было бы делом столь же угодным Богу, как служить обедню. Он объявил, что слышал, как тот же брат Антонио де Сан-Доминго говорил о Кано угрожающим тоном и произносил оскорбительные намеки против святой инквизиции, потому что она дорожит подобным человеком. Магистр Гал-ло, профессор в Саламанке, один из богословов Тридентского собора, написал из Брюсселя графу де Фериа письмо от 24 апреля 1559 года, найденное в бумагах архиепископа; в нем есть следующий пункт: "Брат Мельхиор Кано - мой друг; это человек, на которого можно рассчитывать из-за многих известных мне хороших свойств; но я не могу оправдать всех его мнений, особенно того обстоятельства, что он не обнаружил больше умеренности в деле архиепископа, в деле, в котором я принимаю участие как человек, всецело преданный этому прелату. Я интересуюсь его участью со всем усердием настоящего слуги, и все лица моего положения настолько ему обязаны и благодарны, что ваше одобрение не может ничего прибавить к моей преданности; я написал архиепископу то, что откровенно высказал королю, и, надеюсь, он увидит, насколько я желаю ему успеха". Иезуит Педро де Рибаденейра писал из Рима 1 февраля 1560 года отцу Антонио Аросу, своему собрату, что там спорят о том, какое наказание можно было бы наложить на епископа Кано; между тем достоверно известно, что он скончался, не будучи судим.

XI. Дом Педро дель Фраго, епископ Хаки, преследовался инквизицией после того, как стал объектом клеветы,

Untitled

потому что верховный совет вел себя в этом случае необдуманно. Он родился в 1499 году в местечке Ункастильо, в епархии Хаки; его отец был Санто дель Фраго, а мать Мария Гарсес, оба из благородного сословия. Педро учился в Париже и стал доктором Сорбонны. Он научился еврейскому и греческому языкам и причислялся к лучшим латинским поэтам своего времени. Назначенный богословом Карла V на первый созыв Тридентского собора, он был там в 1545 году; на втором собрании в 1551 году он произнес латинскую проповедь в день Успения; эта речь составляет часть коллекции документов, относящихся к собору. В 1561 году Филипп II назначил его епископом города Альджеро в Сардинии, и он присутствовал в качестве такового на третьем созыве Тридентского собора. Несколько столетий тому назад епархия Хаки была присоединена к епархии Уэски, но их разделение было в то время предметом большого процесса. Так как Хаки выиграла его, то дом Педро дель Фраго был первым ее епископом в 1572 году; все жители Уэски, были очень недовольны жителями Хаки и их епископом из-за разделения епархии. Через год после этого назначения, когда дому Педро шел семьдесят четвертый год, совет инквизиции поручил инквизиторам Сарагосы навести справки об этом достойном прелате как заподозренном в ереси, потому что на него донесли, что неизвестно, исповедуется ли он, и что незаметно, чтобы он имел постоянного духовника; он служит обедню с недостаточной благопристойностью и делает многое другое, что послужило причиной доноса на него. Донос был составлен из четырех пунктов; последний был, очевидно,

Untitled

неприемлем: если бы в нем были верные факты против епископа Хаки, их бы выставили и более или менее четко определили бы. Не менее поражает то, что верховный совет до того забылся, что признал важным обстоятельством отсутствие сведений, кто является всегдашним духовником дома Педро, хотя ни один епископ не обязан иметь такового. Пункт о том, что неизвестно, исповедуется ли Педро дель Фраго, обнаруживает недоброжелательство со стороны доносчика, потому что епископы вовсе не обязаны более, чем остальные верные, исповедоваться открыто для того, чтобы публика была о том осведомлена. Что касается недостаточного благоговения при совершении литургии, в котором его упрекали, то не доказывает ли такое замечание о семидесятичетырехлетнем старике, что не было налицо никакого серьезного повода для его осуждения? Как осмелился совет поставить себя в такое смешное положение столь неосторожным поступком? Желание добиться права производить суд над епископами, имевшее, конечно, большое значение со времени буллы Павла IV от 1559 года, изданной по делу архиепископа Толедо, в преследовании советом дома Педро дель Фраго тоже играло важную роль; но тщеславие совета было посрамлено. В результате справок обнаружилось, что дом Педро дель Фраго посещал тогда свою епархию, чтобы организовать в ней пастырскую службу и ввести в действие указы и каноны Тридентского собора в крае, который из-за процесса с Уэской был долгое время лишен посещения своего первого архипастыря, - обстоятельство, затруднявшее для епископа установление нового порядка

Untitled

вещей. Филипп II, вознаграждая его услуги, назначил его в 1577 году епископом Уэски, где он основал епископскую семинарию. Дом Педро умер в 1584 году; тело его было перенесено на родину в больничную церковь, которой он был основателем. Он управлял в Уэске синодом и заставил принять основные законы, составленные и опубликованные им; он составил также Журнал самых замечательных происшествий, приключившихся на Тридентском соборе с 1542 до 1560 года, и написал несколько латинских стихотворений, доказывающих его большие познания в литературе. Память его еще глубоко чтится, и многие историки Арагонского королевства говорят о нем в своих летописях {Район Уэска. Обзорение церквей Арагона. Т. VI; Латаса. Современная библиотека арагонских писателей. Т. 1.}.

Статья вторая Доктора богословия

I. Среди докторов богословия Тридентского собора, которых инквизиция преследовала и карала, первое место должен занять тот, чье дело кажется наиболее удивительным. Мы имеем в виду Бенедито Ариаса Монтануса; быть может, он является самым сведущим человеком своего века в восточных языках. Многие города Испании (Севилья, Херес-де-Лос-Кабальерос [58] и местечко Фрехеналь-де-ла-Сьерра) спорили о том, которому из них принадлежит честь быть местом рождения Ариаса Монтануса, подобно тому, как несколько городов Греции оспаривали право называться родиной Гомера. Ариас Монтанус был сведущ в еврейском, халдейском, сирийском, арабском, греческом и латинском языках; он знал французский, итальянский, английский, голландский и

Untitled

немецкий язык; он был раздавателем милостыни при короле, рыцарем ордена Сант-Яго и доктором богословия в университете Алькалы. Так как в продаже больше не было экземпляров Библии Полиглотты кардинала Хименеса де Сиснероса, знаменитый Плантин, антверпенский печатник, представил Филиппу II соображения о пользе, какую принесло бы новое издание этого труда с поправками и дополнениями, а также с улучшенным печатным шрифтом. Филипп II одобрил план Платина, обещавшего доставить хороший шрифт, и в 1568 году поставил доктора Ариаса Монтануса во главе этого предприятия. Этот ученый отправился во Фландрию, чтобы исполнить намерения монарха и составить список запрещенных книг, известный под именем Индекса герцога Альбы и изданный в 1571 году, как я сказал, в этой Истории. Чтобы придать большому труду перепечатки Библии Полиглотты наиболее совершенный вид, достали большое число неизданных экземпляров Библии на всех языках, выписав их из разных христианских стран. Это было тем легче сделать, что могущество Филиппа было весьма значительно и что папа издал несколько бреве для содействия исполнению этого предприятия {Кабрера. История Филиппа II. Кн. 10. Гл. 6; Родригес де Кастро. Библиотека авторов испанских раввинов. Т. 1. Глава раввина Абраама Уске; Ногера. Жизнь Хуана де Мариана // История Испании, опубликованная в Валенсии Монфором.}. Этот большой труд состоял из восьми томов форматом в лист. Первые четыре тома содержат книги Ветхого Завета на еврейском языке с латинским переводом, или Вульгатой; греческий перевод Семидесяти;

Untitled

латинское введение к нему и халдейский парафраз не только пяти книг закона (которые уже - с давних пор были в Комплутенской Библии [59], но еще и остальной части Ветхого Завета, которая не была еще напечатана. Пятый том содержит Новый Завет на греческом языке с Вульгатой и на сирийском языке с латинским переводом, которого не было в комплутенской Библии. Три остальные тома известны под названием аппарата. Первый, то есть шестой, том всего труда, содержит Ветхий Завет на еврейском языке с латинским подстрочным переводом Ксантеса Паньино, ученого доминиканца, исправленным и более согласованным с еврейским оригиналом Ариасом Мон-танусом, и Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом, слово в слово, того же Паньино. Второй том содержит грамматики и словари еврейского, халдейского, сирийского и греческого языков. Третий том (последний в этом издании) составлен из различных ученых трактатов Монтануса, необходимых для правильного понимания Священного Писания. Св. Пий V одобрил этот труд и способ его исполнения; Григорий XIII сделал то же, и оба изъявили свое удовлетворение особыми бреве, которые они послали своему нунцию во Фландрию. Доктор Ариас Монтанус, отправившись в Рим, сам поднес один экземпляр этого труда папе; его сопровождал посол Филиппа. Он обратился к Его Святейшеству с прекрасной речью на латинском языке, доставившей огромное удовольствие папе и кардиналам. Король подарил это издание всем христианским государям. Оно называется Королевской Библией, потому что было исполнено по приказанию короля; иногда также

Untitled

Филиппикой, по имени Филиппа II; Антверпенской, потому что оно вышло из печатных станков Плантина; Полиглоттой (многоязычной), потому что оно на нескольких языках; и Монтановской, потому что руководил работой Монтанус, хотя ему помогали несколько очень искусных ученых из университетов Парижа, Лувена и Алькала-де-Энареса.

II. Когда Ариас Монтанус вернулся в Испанию, приобретенное им уважение вызвало зависть, особенно среди иезуитов, потому что он не пользовался советами и не взял в сотрудники ни Диего Лайнеса, ни Альфонсо Сальмерона [60], ни других богословов-иезуитов Тридентского собора. У него появился и другой враг - в лице Леона де Кастро; то был белый священник, профессор восточных языков в Саламанке; он был против Монтануса, потому что не принимал никакого участия в этой работе и потому что Монтанус не считал нужным советоваться с первым университетом Испании.

Заступничество иезуитов, в котором он был уверен, побудило его донести на доктора Ариаса Монтануса главной инквизиции Рима. Этот донос был на латинском языке; другой, на испанском языке, он направил в верховный совет Мадрида. Доносчик обвинял Монтануса в том, что он дал еврейский текст, сходный с рукописью евреев, и сделал к нему толкование согласно мнениям раввинов, не принимая в соображение мнений Отцов Церкви, что оставляло бездоказательным большое число догматов христианской веры. Он обвинил автора в злонамеренности и назвал его заподозренным в иудействе, присваивающим себе звание раввина, то есть учителя. Это

Untitled

обвинение было простой клеветой, так как в тексте этой Библии, которую я видел, в конце каждого тома стоит подпись - "талмуд" {Здесь либо ошибка Льоренте, либо опечатка. Вместо "талмуд" следует читать "талмид", слово, обозначающее "ученика". (Примеч. ред)}, что значит "ученик". Выдвигались против него и другие более или менее обидные упреки и ложные обвинения иезуитов. Говорили, что он пытался вставлять в текст как существенную часть толкования нескольких еретиков, знание которых он безмерно расхваливал в своих предисловиях и труды которых, использованные без разбора, помогли ему при выполнении этой работы. Леон де Кастро, с нетерпением ожидавший ареста и заключения Монтануса в секретную тюрьму, написал 9 ноября 1576 года дону Фернандо де ла Вега де Фонсеке, члену верховного совета, письмо, достойное стать известным, однако его размеры не позволяют мне поместить его здесь. В письме он возобновляет свой донос на Монтануса и ясно доказывает, что в нем преобладала досада на то, что его мнимое усердие так плохо вознаграждено. Ему покровительствовали люди, сильные при дворе, в особенности Родриго Васкес, председатель финансового совета. Почти нельзя сомневаться в том, что Ариас был бы заключен в тюрьму святой инквизиции, если бы не имел покровителем самого короля и если бы папа не одобрил его труда особым бреве. Столь сильные причины все же были недостаточны для его спокойствия, и он счел себя обязанным поехать для оправдания в Рим.

III. Леон де Кастро распространял экземпляры своих доносов, а иезуиты не преминули со свойственной им

Untitled

скрытностью делать то же. Такое поведение возмутило брата Луиса Эстраду, цистерцианского монаха, человека очень сведущего в восточных языках и основавшего коллегию своего ордена в Алькала-де-Энаресе. В 1574 году он обратился к Монтанусу с письменной речью, в которой он восставал против доноса Кастро и предсказывал его опалу. Педро Чакон, испанский ученый того времени, опроверг в своем сочинении этот донос. В статье он обращался к Леону де Кастро; он не ограничился уничтожением его доводов, но еще доказывал ему значительный вред, который нанесли бы христианской вере в случае признания, что все еврейские рукописи подделаны. Доносчик увидел себя обязанным издать сочинение под названием Апологетик. Он напечатал его, преодолев много затруднений, о которых говорит в предисловии, озаглавленном Острейший конфликт ("Conflictus acerrimus").

IV. Доктор Ариас Монтанус вернулся из Рима, и, так как он мог рассчитывать на благоволение короля, его не посмели арестовать и заставить перенести то же обхождение, какое перенес архиепископ Толедский. Ему определили в качестве тюрьмы город Мадрид; совет затем постановил, что ему вручат копию с доносов, сделанных против него, - ничто не может извинить инквизиторов, что они не приняли этой меры по отношению к Каррансе. Ариас Монтанус ответил на все, опроверг доводы своего противника и дал понять обвиняемыми, что нападки на него были лишь результатом заговора иезуитов. Между прочим он сказал: "Леон де Кастро опирается на совет и защиту некоторых лиц, считающих себя единственно образованными и

Untitled

уверенных, что одни они живут честно и что никто в такой степени, как они, не ищет сближения с иезуитским орденом и не подражает ему; они хвастаются тем, что в своем исповедании разразились ненавистью против меня, ничего не сделавшего, чтобы заслужить ее; я ведь только самый малый и самый бесполезный из учеников Иисуса. Они злоупотребляют средствами и именем тех, которыми тайно управляют по собственному желанию, чтобы добиться своей цели. Я знаю их коварство; между тем я не могу сказать, к какой категории они принадлежат; воздержусь также называть их. В поведении и управлении делами они поступают весьма скрытно и тайно, хотя те, кто действует откровенно и искренне, легко обнаруживают их.

Незамедлительно становится явной добродетель сумевшего выявить то, что скрыто в глубине сердца и окутано мраком. Тогда каждый найдет должную награду за свои дела" {Объяснение различных способов читать и писать у евреев, напечатанное в Антверпене в 1584 году. Можно просмотреть также уже названных авторов, где найдутся письма, собрание коих было бы очень полезно издать.}

V. Главный инквизитор в согласии с верховным советом назначил квалификаторами по делу Ариаса различных богословов, которым вручили донос Кастро и его апологию, ответ обвиняемого и два сочинения Эстрады и Чакона. Главным цензором был Хуан де Мариана, иезуит, слывший за очень сведущего в восточных языках и в богословии. Этот выбор (в котором иезуиты принимали большое участие) заставил их думать, что Ариас не устоит. Мариана сознается, что до своего назначения квалификатором он

Untitled

старательно прочел труд Ариаса, чтобы быть в состоянии судить о нем. Тем не менее этот иезуит (твердый характер которого никогда не изменял ему) не оправдал надежд своего ордена. Он заявил, что антверпенская многоязычная Библия содержит погрешности и неточности, и указал их самым подробным образом, но не мог все же удержаться от признания, что они имеют мало значения и что ни одна не заслуживает богословской отметки; ввиду этого он не находит достаточной причины для запрещения этого труда; наоборот, есть основание надеяться, что чтение его принесет большую пользу. Это суждение Марианы было причиной того, что совет инквизиции высказался в пользу Ариаса, который скоро узнал, что выиграл процесс и в Риме. Филипп II имел настолько благоприятное мнение о Монтанусе, что в тот момент, когда его дело находилось в руках инквизиторов (1577 г.), поручил ему пересмотреть и привести в порядок королевскую библиотеку в Эскуриале, а также возобновить эту работу через два года, когда библиотека сделает новые приобретения. Иезуиты не простили своему собрату его непокорности и твердости, проявленных им против духа своего общества. В дальнейшем мы увидим, что они сделали его жертвой инквизиции.

VI. Доктор дон Диего Собаньос, ректор университета в Алькала-де-Энаресе, богослов третьего созыва Тридентского собора, не удовольствовался подачей благоприятного мнения о катехизисе Каррансы: своим влиянием на богословов этого университета он способствовал одобрению ими этого труда. Его процесс начался перед инквизицией Вальядолида; выставили его

Untitled

суждение о катехизисе, суждение богословов и письмо, которое он написал архиепископу 23 марта 1559 года, найденное в бумагах прелата. Он был присужден к денежному штрафу с предупреждением и освобожден от церковных наказаний, которые навлек на себя (как говорили) одобрением погрешностей катехизиса.

VII. Диего Лайнес, родом из местечка Альмасан, в епархии Сигуэнсы, второй генерал иезуитского ордена с 1556 года, года смерти его основателя св. Игнатия, до 1565 года, когда он сам умер, был оговорен перед инквизицией, как заподозренный в лютеранстве и в ереси, иллюминатов. Педро де Рибаденейра писал из Рима 1 августа 1560 года отцу Араосу, своему товарищу, и жаловался на то, что "некоторые члены испанской святой инквизиции, только что приехавшие в Рим и посланные главным инквизитором Вальдесом по делу архиепископа Толедского, говорили с меньшей осторожностью, чем подобает лицам, связанным клятвой, распуская слух, будто их генерал поражен свирепствовавшей тогда заразой; если бы даже это обвинение было обосновано, то осторожность ведь налагает долг молчания, потому что речь идет о человеке, который в значительной степени участвовал в работах собора, притом о человеке, которого папа особенно выделял и к которому относился с большим уважением". Далее Рибаденейра указывал, что для архиепископа Вальдеса не могло быть ни почетным, ни полезным, чтобы его подчиненные и эмиссары говорили о таком человеке с легкомыслием, поскольку все должны были думать, что они только повторяют слышанное ими от своего начальника. Иезуиты не простили Вальдесу

Untitled

преследования их генерала и способствовали отрешению его от должности в 1566 году. Диего Лайнесу, пребывавшему постоянно в Риме, удалось отклонить юрисдикцию инквизиторов Испании.

VIII. Брат Хуан де Регла, иеронимит, бывший духовником Карла V, провинциалом своего ордена в Испании и соборным богословом во время второго созыва Тридентского собора, был арестован по приказу инквизиции Сарагосы, по оговору иезуитов, как подозреваемый в лютеранстве. Он отрекся от восемнадцати тезисов, был оправдан и подвергся епитимье. Вследствие этого он питал непримиримую ненависть к иезуитам и распространял копии письма, которое ему написал из Саламанки епископ Мельхиор Кано 21 сентября 1557 года. В нем было сказано, что "иезуиты - иллюминаты и гностики [61] XVI века; что Карл V хорошо их знал и что Филипп II узнает их позднее". Это последнее обстоятельство заставило брата Габриэля Паласио, монаха реформированного цистерцианского ордена, в письме, которое он писал 16 марта 1558 года доктору Торресу, профессору в Сигуэнсе, бывшему затем епископом Канарских островов, сказать, как он был удивлен тому, что человек, присужденный инквизицией к наказанию и принужденный отречься от восемнадцати тезисов {Письмо Кано поместил Сьенфуэго в Жизни св. Франсиска Борхи. Кн. 4. Гл. 15; письма Паласио и брата Луиса Эстрады в неизданном сочинении, составленном иезуитом Педро Рибаденейрой, озаглавленном Слава и триумф общества Иисуса, полученные в гонениях на него ("Glorias Y Triumfos de la Compagnia de Jesus, conseguidos

Untitled

ensus persecuciones"); оно сделалось собственностью дома Рамона Кабреры, испанского священника, столь же достойного уважения своими большими познаниями, сколь враждебного предубеждения.}, злоупотребляет влиянием духовника Его Величества.

Не могу разделять удивления Габриэля Паласио при виде доносов, которые брат Хуан де Регла сделал добровольно, не будучи вызван на суд инквизицией Вальядолида, 9 и 23 декабря 1558 года против архиепископа Каррансы, потому что эти доносы достаточно ясно доказывают, что Хуан де Регла был завистлив и не желал разбираться в истинности фактов. С другой стороны, известно, что Регла был человек большого таланта, но с характером, склонным к интриге, и со времени своей опалы вдавался в лицемерие и ханжество. Этим он достиг того, что стал духовником Карла V и даже Филиппа II (по крайней мере, по жалованью и почестям) после того, как был наказан по подозрению в лютеранстве.

IX. Брат Франсиско де Вильальба, иеронимит из Монтамарты, уроженец Саморы, был одним из богословов второго созыва Тридентского собора и проповедником двух государей, Карла V и Филиппа II. Толедская инквизиция привлекла его к суду как заподозренного в лютеранстве; ему приписывали также происхождение от евреев. Он напутствовал императора в последние минуты жизни и произнес нагробную речь. Некоторые из его слушателей заявили, что у них волосы встали дыбом от его слов. Филипп II часто советовался с ним и изъявлял почтение к его советам, выраженным письменно. Другие монахи его ордена не могли без зависти видеть расположение,

Untitled

которым он пользовался у короля. Они прибегали к клевете, верному средству доносчиков, представив несколько тезисов, которые казались лютеранскими, и приписав их Вильяльбе. С другой стороны, среди монахов его ордена пустили слух, будто он принадлежит к еврейской расе, по крайней мере по материнской линии. Собрался капитул ордена; был поднят вопрос о лишении его некоторых льгот, присвоенных королевским проповедникам, и эта мера была бы предпринята, если бы Филипп (предуведомленный об этом) не воспретил ее. Генерал и член капитула предприняли исследование генеалогии Вильяльбы и открыли, что он происходит от старинных христиан, без примеси крови еврейской или мавританской или лиц, наказанных инквизицией. Протекция, публично оказанная Вильяльбе королем, привела к тому, что его враги не смогли так быстро, как желали, добыть свидетелей, в которых они нуждались для установления достоверности факта ереси, что не позволило инквизиторам арестовать его до более полного осведомления. Между тем Вильяльба умер в монастыре Эскуриала [62] в 1575 году, сохранив за собой среди добросовестных испанцев репутацию хорошего монаха и безупречного католика {См.: Франсиско Сантос. История Св. Иеронима. Ч. IV. Кн. 3. Гл. 42.}.

Х. Брат Мигуэль де Медина, францисканец, был приглашен в качестве богослова на третий созыв Тридентского собора. Уроженец Беналькасара, он был членом коллегии Св. Петра и Павла в университете в Алькала-де-Энаресе и настоятелем францисканского монастыря в Толедо. Он умер 1 мая 1578 года в секретной тюрьме инквизиции этого

Untitled

города до рассмотрения дела по подозрению его в исповедании учения Лютера. Это обвинение возникло из-за большого уважения, которое Медина оказывал богословским трудам монаха своего ордена Джованни де Феро. Некоторые из этих работ он напечатал в Алькала-де-Энаресе, приложив к ним примечания и поправки. В их числе были: Толкование на Евангелие от Иоанна и на его соборное Послание, Толкование на Послание св. Павла к Римлянам, которое уже было напечатано вне Испании со множеством ошибок, и Проблемы Священного Писания, опубликованные Франческо Джордже из Венеции. На эти труды поступил донос в инквизицию. Верховный совет выпустил 30 октября 1567 года циркуляр, предписывавший всем трибуналам инквизиции позаботиться об их аресте в подведомственных округах. 16 августа 1568 года он издал новый циркуляр, предписывавший аналогичную меру относительно Толкования на Екклесиаст того же автора. Брат Мигуэль де Медина взялся защищать его учение и опубликовал Апологию трудов брата Джованни де Феро. Это произведение возбудило много толков. Мигуэль, считавший нужным разъяснить свои взгляды, высказал много подозрительного и был арестован. Он умер в тюрьме святого трибунала после четырехлетнего заключения. Произведения его и брата Джованни де Феро были запрещены до исправления их. Эта мера побудила кардинала Кирогу, главного инквизитора, внести Апологию Медины в Индекс, опубликованный им в 1583 году. Николас Антонио поместил в своей Испанской библиотеке заметку о некоторых других трудах Медины, уверяя, что Медине

Untitled

удалось оправдаться по тезисам своего учения. Это утверждение неточно, так как Медина был объявлен заподозренным. Его виновность или невиновность являются спорными: его произведения были осуждены, он сам подпал бы под отречение и получил бы предупреждение, если бы смерть не прервала начатого процесса.

XI. Брат Педро де Сото, доминиканец, духовник Карла V и первый богослов папы Пия IV на третьем созыве Тридентского собора, в 1560 году, был привлечен к суду инквизиторами Вальядолида как заподозренный в лютеранстве. Это подозрение было основано на показаниях, данных некоторыми сообщниками Касальи, в частности брата Доминика де Рохаса; на благосклонном суждении брата Педро о катехизисе Каррансы в 1558 году; на письмах, писанных им к этому архиепископу 9 марта и 23 апреля 1553 года; на его попытках побудить брата Доминика де Сото взять назад его первое мнение о катехизисе и одобрить его; оно было основано также на защите этой книги и на том, что он говорил и думал на соборных комиссиях, которым было поручено рассмотрение дела. Педро де Сото не был арестован, потому что он умер в Триенте в 1563 году, во время первых формальностей по его процессу. Он был уроженцем Кордовы. Филипп II возил его в Англию для улаживания церковных дел. Николас Антонио дал заметку о его трудах.

XII. Брат Доминик де Сото, доминиканец, профессор в Саламанке, присутствовал в качестве богослова на двух первых созывах Тридентского собора. Он имел большие познания в богословии, но история может осудить его за

Untitled

лживый характер и за отсутствие мужества; желая угодить сразу двум враждебным сторонам, он потерял уважение обеих. Я уже рассказал о его поведении в Севилье по отношению к доктору Эгидию, канонику-учителю этой церкви, избранному епископом Тортосы. Не более откровенно он поступил в деле его товарища по учению, архиепископа Толедского. Инквизиторы Вальядолида поручили ему рассмотреть и оценить катехизис Каррансы. Он отметил в качестве еретических, непристойных или благоприятствующих еретикам двести тезисов этой книги. Архиепископ, узнав об этом, написал в сентябре брату Педро де Сото, жалуясь на брата Доминика, и просил стать на его сторону и защитить его. Отсюда возникла переписка. Когда Карранса был арестован, в его бумагах нашли черновики писем Доминику и Педро де Сото; были еще найдены письмо по тому же делу к Луису де ла Круссу, мнение брата Доминика в пользу катехизиса и разные письма этого богослова от 14 и 30 октября, 8 и 20 ноября 1558 года, от 25 февраля и 23 июля 1559 года. Одно из них заслуживает особенного внимания - именно письмо от 20 ноября. В нем брат Доминик говорит об испытаниях, которые он претерпел от вальядолидских инквизиторов, и о насилии, учиненном над ним, чтобы принудить дать дурной отзыв о катехизисе Каррансы, хотя он признал его хорошим и согласным с здравым учением. Эти факты дали повод к его процессу; достоверно, что он был бы арестован и посажен в секретную тюрьму, но он умер 17 декабря 1560 года, когда его дело принимало серьезный оборот. Он догадывался об ожидавшей его участи, потому что его уже не приглашали в качестве квалификатора в процессах

Untitled

обвиняемых.

XIII. Брат Хуан де Луденья, доминиканец, уроженец Мадрида, настоятель монастыря Св. Павла в Вальядолиде, автор нескольких полемических сочинений против лютеран (которые упоминает Николас Антонио в своей Библиотеке), был привлечен к суду вальядолидской инквизицией в 1559 году по подозрению в лютеранстве, поскольку одобрил катехизис Каррансы. Он не увидел тюрьмы святого трибунала, однако был приведен на заседание трибунала для заслушивания обвинений. Он оправдался, заявив, что наспех прочел это произведение, по доверию к учености и добродетели автора, и не открыл в нем никакого заблуждения в отношении догматики. Он был присужден к тайной епитимье, не имевшей в себе ничего унижительного. Эта предосторожность, скрывшая от общества весть о процессе, позволила ему участвовать в третьем созыве Тридентского собора в качестве заместителя епископа Сигуэнсы и проповедовать перед отцами этого знаменитого собрания в первое воскресенье рождественского поста 1563 года. Если бы Луденья имел безрассудство защищать свой отзыв, он неминуемо был бы присужден к суровому наказанию.

Статья третья Другие архиепископы и епископы

К этой галерее епископов и богословов, членов собора, подвергшихся преследованию со стороны инквизиции, я присоединю список других прелатов, испытавших ту же участь, чтобы убедительно доказать, что тайна святого трибунала есть средство страшное, непреклонное и опасное даже для епископов, законных судей в деле веры со времени утверждения христианства. В этом списке

Untitled

отмечено одиннадцать архиепископов и двадцать восемь епископов {В действительности архиепископов шесть и епископов двадцать четыре; общее число - тридцать. (Примеч. ред.)}. Я составил его в алфавитном порядке.

1. Абад-и-ла-Сьерра (дом Агостино), епископ Барбастро, брат главного инквизитора, архиепископа Силиврии, о котором буду говорить сейчас. На него донесли в Мадрид в 1796 году как на янсениста в связи с его перепиской с присяжными епископами Франции, которых поголовно обвиняли в янсенизме. Этот донос не имел никаких последствий. Вторично напали на него в Сарагосе в 1801 году. Доносчики обвинили его в том же; они припомнили его сношения с французскими епископами и вменили ему в преступление, что он соглашался на брачные льготы в силу королевского декрета 1799 года. Сарагосская инквизиция приказала произвести опрос свидетелей, чтобы установить истинность этого обвинения; однако дело не продвинулось дальше, может быть, вследствие частных писем какого-либо члена верховного совета, так как опыт доказал мне, что провинциальные инквизиторы имели привычку поддерживать дружескую переписку с некоторыми членами совета, не думая, что они этим нарушают тайну, в соблюдении коей они присягали, без сомнения, потому, что члены совета были связаны той же присягой. Они писали последним о важнейших процессах, которыми были заняты. Если подобное сообщение произошло, можно предположить, что член верховного совета написал инквизитору Сарагосы, что будет неудобно продолжать процесс, начатый против епископа Барбастро.

2. Абад-и-ла-Сьерра (дом Мануэль) [63], архиепископ

Untitled

Силиврии в стране неверных (*in partibus infidelium*) [64], бывший епископ Асторги, главный инквизитор Испании по смерти дома Агостино Рубина де Севальоса. В 1794 году Карл IV велел ему покинуть должность и удалиться в Сопетран, бенедиктинский монастырь в четырнадцати милях к северо-востоку от Мадрида. Дом Мануэль имел проницательный ум и был весьма образован; его воззрения стояли на уровне просвещенности века. В 1793 году этот прелат велел мне представить ему план назначения ученых и честных критиков квалификаторами для отзыва о книгах и лицах. Это поручение явилось результатом нескольких наших бесед на эту тему. Познакомившись с принципами, на которых я основывал свою систему, он поручил мне изложить недостатки судопроизводства святого трибунала и предложить такое, которое было бы полезнее для религии и для государства. Когда этот прелат перестал быть главным инквизитором, один фанатичный монах донес на него самого как на янсениста. Правда, донос был отвергнут; если бы непроницаемая тайна, господствующая в секретариате трибунала, не поощряла к преступлению глупых и злых людей без всякого риска и опасности для них и к сведению не принимался бы ни один анонимный или псевдонимный донос, вероятно, имена многих лиц, отмеченных здесь, были бы вычеркнуты из реестров.

3. Арельяно (дом Хосе Ксавье Родригес д'), архиепископ Бургоса и член чрезвычайного совета Карла III. Этот прелат составил много трудов по богословским принципам Сумм св. Фомы так, как они преподаются* доминиканцами, и против морали иезуитских авторов. Приверженцы

Untitled

последних и некоторые друзья инквизиции донесли в Мадрид на архиепископа Арельяно, пока он принимал участие в прениях совета. Его обвинили в янсенизме, потому что он исповедовал мнения, благоприятствующие светской власти; он не руководствовался в этих случаях внутренним смыслом и буквальным выражением булл, противоречащих его образу мыслей, и обнаруживал те же тенденции, когда возникал вопрос о защите пределов власти гражданской, королевской или епархиальной против святого трибунала, власть коего он крайне суживал. Инквизиторы не могли извлечь никакой выгоды из доноса, сделанного для того, чтобы погубить архиепископа Бургосского, потому что в доносе не было обозначено и формально выражено ни одного конкретного тезиса, прямо противоречащего религии или деятельности святого трибунала. В прежние времена инквизиторы, вероятно, не были бы так осторожны. Но не разумнее ли закрыть навсегда доступ всякому необоснованному доносу о преступлении ереси? И даже в этом случае почему бы не обязать точно указывать тезис, который противоречит учению?

4. Буруага (дом Томас Саенс де). Он был архиепископом Сарагосы и членом чрезвычайного совета, созванного Карлом III. Он подвергался той же опасности, что и Арельяно.

5. Мускис (дом Рафаэль де), уроженец Вианы в королевстве Наваррском. Он был подателем милостыни и проповедником королей Карла III и Карла IV, духовником королевы Марии-Луизы, жены последнего монарха, епископом Авилы и затем архиепископом Сайт-Яго. Он

Untitled

был замешан в деле дома Антонио де ла Куэсты, архидиакона Авилы, и его брата дома Херонимо де ла Куэсты, каноника-духовника того же собора. Для инквизиции больше ничего и не нужно было, чтобы начать против него процесс. О нем будет речь в главе XLIII. Этот прелат был одним из гонителей двух братьев. Документы его процесса были представлены Карлу IV. Этот государь признал интригу и присудил архиепископа к значительному штрафу и выговору, делающему ему мало чести. Так как инквизиторы не имели никакого интереса в утайке или подделке документов судопроизводства, то королю можно было видеть их полностью. Этот случай принадлежит к малому количеству тех, когда испанские короли приказывали представлять подлинные документы, составленные святым трибуналом. Правда, инквизиторы не преминули сказать, что министры злоупотребили своей властью, поскольку преувеличили объем своей юрисдикции, источник своей власти и сущность тайны, сопровождающей все их действия.

6. Св Хуан де Рибера, архиепископ Валенсии и патриарх Александрийский, - см. главу XXX.

7. Достопочтенный дом Фернандо де Талавера. Он был архиепископом Гранады. О его истории можно справиться в главах V.X, XIII и XXX.

8. Достопочтенный дом Хуан де Палафокс, архиепископ Мексики, - см. главы XIII, XV и XXX.

9. Акунъя (дом Антонио), епископ Саморы, начальник одной из кастильских армий, собранных народом для войны коммун против угнетения фламандцев, управлявших Испанией от имени Карла V. Этот государь желал, чтобы

Untitled

епископ и священники, участвовавшие в этой войне в качестве рядовых, были наказаны испанской инквизицией по подозрению в ереси, поскольку следовали кровожадному учению, противному духу кротости, преподанной и рекомендованной Иисусом Христом апостолам, и противоречащему идеям католической Церкви, установившей для священников, которые убивают, даже когда они делают это неумышленно и в целях самозащиты, каноническое наказание в виде лишения сана. Несмотря на этот справедливый довод, Лев X воспротивился тому, чтобы епископ Саморы и священники, его товарищи по оружию, были наказаны инквизицией. Он утверждал, что это дело явится истинным скандалом и вполне достаточно, если епископ будет судим в Риме, а священники - епархиальными начальниками (см. главу XIII). Какой пример для испанских священников, которые стали атаманами разбойников во время недавних смут в Испании под предлогом защиты независимости родины и прав своего законного государя! Почти все брали с собой своих наложниц; все без исключения были общественными ворами и оправдывали множество убийств, совершенных над французскими солдатами, встречавшимися поодиночке и беззащитными. Некоторые из этих священников убивали французов собственными руками. Однако советники Фердинанда VII дали ему понять, что не только не следует налагать наказания на этих священников - распутников и душегубцев, но их следует вознаградить, даровать им именья и отличия. Какая сумятица в мыслях! Но ведь св. Павел сказал: Иисус Христос вчера и сегодня тот же.

Untitled

10. Ариас д'Авила (Хуан), епископ Сеговии, брат первого графа де Пуньонростро, - см. главу VIII.
11. Аранда (дом Педро д'), епископ Калаоры, председатель совета Кастилии при католических королях Фердинанде и Изабелле, - см. гл. VIII.
12. Касас (дом Бартоломео де Лас), епископ Чиапы в Америке, - см. главу XXV.
13. Картахена Американская. История епископа этого города, занимавшего кафедру в 1686 году, находится в главе XXVI.
14. Клеман, епископ Версальский. Этот прелат находился в Испании, когда был еще только каноником и сановником кафедрального собора в Оксере, в то время как Карл III созвал чрезвычайный совет из архиепископов и епископов для рассмотрения дела иезуитов и некоторых других дел церковной администрации. Клеман находился в дружеских отношениях с графами Арандой, Флорида-Бланкой и Кампоманесом и с некоторыми епископами из этого совета. Он был оговорен перед инквизицией, как янсенист и враг святого трибунала. Подробности об этом французском духовном лице читатель найдет в главе XLII.
15. Клименте (дом Хосе), епископ Барселоны, - см. главу XLII.
16. Диас (дом Фроилан), избранный епископом Авилы, духовник Карла II, - см. главы XXVI и XXXIX.
17. Эгидий (доктор Хуан), избранный епископом Тортосы, - см. главы XVIII и XXI.
18. Гонсало (дом Викторин Лопес), епископ Мурсии и Картахены, - см. главу XLIII.
19. Ла-Плана-Кастильон (дом Хосе де Ла-Плана), епископ

Untitled

Тарасовы. Он был членом чрезвычайного совета, созванного Карлом III. Инквизиторы отметили его как янсениста по тем же мотивам, что и Арельяно.

20. Мендоса (дом Альваро де), епископ Авилы. Он происходил из дома графа Тендильи, маркиза де Мондехара, гранда Испании, двоюродного брата герцога Инфантадо. Он был отмечен в реестрах инквизиции как заподозренный в ереси вследствие нескольких показаний, данных свидетелями в процессе архиепископа Каррансы.

21. Мендоса (дом Бальдассар) [65], епископ Сеговии и главный инквизитор в царствование Карла II и Филиппа V. Когда он отказался от своих обязанностей, инквизиторы занесли его имя в книгу заподозренных в ереси. О нем см. главы XXXIX и XL.

22. Малина (дом Мигуэль де), епископ Альбарасина и член чрезвычайного совета, созванного Карлом III. Его постигла та же участь, что и других членов совета, - см. статью Арельяно и главу XLII.

23. Палафокс (дом Антонио), епископ Куэнсы при Карле IV. Брат его граф де Монтихо был грандом Испании, - см. главу XLIII.

24. Тавира (дом Антонио де), раздаватель милостыни и проповедник при дворе королей Карла III и Карла IV, епископ-настоятель Уклеса в военном ордене Сант-Яго, затем последовательно епископ Канарских островов, Осмы и Саламанки, - слава испанской церкви, слава испанской нации, слава национальной литературы, - был отмечен, как янсенист. О нем см. главы XXV, XXVI и XLII.

25. Торо (дом Хосе Фернандес де), епископ Овиедо при Филиппе V, - см. главу X.

Untitled

26. Торо (дом Габриэль де), епископ Ориуэлы, член чрезвычайного совета, созванного Карлом III. Он был отмечен как сторонник янсенизма, - см. статью "Арельяно" и главу XLII.

27. Трехо (дом Антонио де). Он был епископом Мурсии и Картахены при Филиппе IV и в 1622 году подвергся ужасному обращению со стороны инквизиторов, без малейшей видимости правосудия, - см. о нем главу XXVI.

28. Вальнарсель (дом Висенте де), епископ Вальядолида. Он был присужден к уплате штрафа и к получению выговора по случаю процессов Антонио и Геронимо де ла Куэста, каноников Авилы, за участие в заговоре против этих двух братьев, - см. статью "Мускис" и главу XLIII.

29. Вальядолид (епископ) в 1640 году - см. главу XXVI.

30. Вирусе (дом Антонио де), проповедник Карла V, епископ Канарских островов, был обвинен в лютеранстве, - см. гл. XIII и XIV.

Глава XXX Процессы, возбужденные инквизицией против некоторых святых и других уважаемых личностей Испании
Статья первая Святые

I. Ни одно обстоятельство, изложенное в Критической истории испанской инквизиции, не доказывает лучше всего изъянов и гнусности этого трибунала, как то, что произошло с некоторыми святыми и другими личностями, уважаемыми испанской Церковью. Хотя в летописях нет ни одного примера окончательного осуждения, произнесенного против них святым трибуналом, тем не менее нельзя не констатировать несправедливости существовавших законов. Инквизиция может довести невинность и добродетель до ужасных стонов в застенках

Untitled

под тяжестью позора с момента, когда на человека поступает донос, до того времени, когда донос признается лживым и когда обнаруживаются коварство или недостаточность мотивов для признания еретиком человека, чье правоверие неоспоримо.

II. Если бы дела, подведомственные инквизиции, велись так же, как и в других судах, и обвиняемые содержались в обыкновенных тюрьмах, истина не замедлила бы обнаружиться, сознание судей было бы просвещено как самим обвиняемым, так и свидетелями, чьи показания могли бы послужить к выяснению в благоприятном смысле фактов, явившихся материалом для процесса; тогда дело нередко даже не доходило бы до задержания оговоренного лица. В самом деле, если бы инквизиторы не обязывались присягою хранить тайну, они говорили бы свободно, без затруднений каждый раз, когда считали бы это нужным, и говорили бы с людьми, которые могли бы их просветить; из живой речи, из обмена письмами, сообщениями или даже из личных бесед с заподозренным они узнали бы гораздо больше, чем из предательского и комбинированного допроса.

III. Напрасно говорят, что эта система облегчила бы виновным возможность бегства и ни один из них никогда не попал бы в руки инквизиции. Я отвечаю, что не считаю бегство несчастьем; я был бы рад этому, если бы был членом инквизиции, потому что при самоосуждении еретика на вечное изгнание цель, предположенная инквизицией, была бы фактически достигнута, при этом обвиняемый зачастую налагал бы на себя более тяжелое наказание, чем то, которое он боялся получить от

Untitled

трибунала. Впрочем, признано, что существенным принципом христианской политики, наиболее согласным с божеским и естественным законом, считается скорее устранение возможности безнаказанности виновных, чем наказание невинных. Законы святого трибунала при страшной гарантии, которую дает им тайна, имеют последствия диаметрально противоположные, так как они дают преимущество такой системе судопроизводства, которая не только делает невинного виновным, но и сводит почти всегда на нет защиту обвиняемых перед судом, лишает обвиняемого возможности защищаться; даже в том случае, когда истине удастся пробиться через множество препон, ее торжество слишком медленно, и узник уже много претерпел, если не умер в оковах, как донья Хуанна де Бооркиа, или как жертвы, сожженные в Вальядолиде, или, наконец, как многие другие невинные {См. гл. XXI и XXIV.}.

IV. Мы видели выше, что произошло с домом Фернандо де Талаверой, первым архиепископом Гранады; с достопочтенным Хуаном д'Авиллой, прозванным Апостолом Андалусским; с св. Иоанном Божиим, основателем конгрегации братьев милосердия {См. гл. X, XIV и XVIII.}.

Мы узнаем о других святых, которые также стали жертвами инквизиционной системы. Мы начнем с св. Игнатия Лойолы, как с одного из первых. На него поступил донос в вальядолидскую инквизицию. Пока судьи собирались его арестовать, он покинул Испанию, переехал во Францию, затем в Италию и прибыл в Рим, где был судим и оправдан после того, как был оправдан и в Испании судебным приговором генерального викария епископа Саламанки.

Untitled

Мельхиор Кано, мнения коего о иезуитах мы изложили {См. гл. XXIII.}, составил в 1548 году при жизни св. Игнатия труд, не увидавший печати, под заглавием Суждение об ордене иезуитов. "Я предполагаю, - пишет он, - говорить об основателях этого общества; оно имеет генералом некоего Иньиго, который скрылся из Испании, когда инквизиция решила его арестовать, как еретика секты иллюминатов. Он отправился в Рим и пожелал судиться у папы. Так как никто не явился для его обвинения, он был объявлен непричастным к делу, и обвинение было снято" {Оговорка, помещенная Альфонсом де Варгасом из Толедо в четвертку в латинском труде, напечатанном в 1636 году под заглавием Донесение королям и христианским государям о политических хитростях и софизмах, употребляемых иезуитами для достижения всемирного владычества. Гл. 7. С. 22.}.

V. Настоящее имя святого было Иньиго. Иезуит Иоганн Евсевий Ниремберг, который в истории родоначальника своего ордена захотел воспроизвести чудо св. Иоанна Крестителя, неправильно утверждает, что в то время, когда родители Лойолы не знали, какое имя дать ему при крещении, новорожденный заговорил и сказал: "Мое имя - Игнатий". Это имя, согласно Нирембергу, означает "мечу огонь" (ignem iacio), с намеком на то, что в будущем он должен был возжечь в душах огонь божественной любви. Имя Игнатий было затем сохранено его учениками - по причине ли вышеуказанной аналогии, или по другому, неизвестному нам мотиву. Многих коробило от принятия последователями Игнатия имени Общества Иисуса; оно было слишком нескромным; вот почему говорили, что имя

Untitled

иньигистов лучше подходило бы к ним.

VI. Верно, что св. Игнатий был арестован в Саламанке в 1527 году по приказанию генерального викария этой епархии как фанатик и иллюминат; он вернул себе свободу только через двадцать два дня. Ему было предписано воздерживаться в проповедях от квалификации смертных и отпустительных грехов, пока он не изучит богословия в течение четырех лет, - условие, довольно тяжелое для Игнатия, которому было тогда тридцать шесть лет. Правда также, что вальядолидские инквизиторы, узнав о пребывании в тюрьме святого, предписали составить опрос о делах и речах, на основании которых он признан иллюминатом. Отсюда позволительно вывести заключение, что он не избег бы секретной тюрьмы Вальядолида и пострадал бы как жертва до момента обнаружения его невиновности, если бы не положил конца следствию.

VII. Но неверно, вопреки свидетельству Кано, что Игнатий покинул Испанию, чтобы избежать приговора. Скорее, по-видимому, он привел тогда в исполнение план путешествия в Париж для изучения богословия в Сорбонне. Смирение святого было так велико, что, будучи оговорен вторично в этом городе перед апостолическим инквизитором Матье д'Ори, доминиканцем, как фанатик и иллюминат, он не только не ускользнул, как поступил бы виноватый, но отдался в его руки и без труда доказал свое правоверие.

VIII. Неверно и то, будто бы Игнатий находился в это время в Риме, потому что мы встречаем его в Париже еще в 1535 году; а затем он вернулся в Испанию, где пробыл год без

Untitled

всяких тревог, хотя много проповедовал в провинции Гипускоа, в Наварре, в Новой Кастилии и в королевстве Валенсии. Отсюда он переехал в Италию, сначала прибыл в Болонью, а затем в Венецию, где был оговорен в третий раз, как еретик, но без всяких последствий, так как добился оправдания у папского нунция и вскоре в том же городе получил священный сан. Игнатий прибыл в Рим только в 1538 году.

IX. Не лучше обстоит дело с доказательством того, что мотивом его оправдания в Риме было отсутствие обвинителей; ведь каждый преступник может быть преследуем официальным должностным лицом, предан суду и наказан. Правда, в Риме тогда еще не было особого трибунала инквизиции, но обыкновенные судьи могли расследовать преступление ереси, как и другие проступки, и был прокурор, который выдавал преступников властям. Здесь св. Игнатию предстояло быть еще раз оговоренным. Донос к Бенедикту Конверсино, губернатору Рима, поступил от испанца по имени Наварро. Доносчик показал, будто Иньиго был обвинен и изобличен во многих ересьях в Испании, Франции и Венеции, и даже обвинил его во многих других преступлениях. Однако трое назначенных по этому делу судей признали его невиновность и оправдали его. Это были: Фриас, генеральный викарий Саламанки, Ори, парижский инквизитор, и Нигуранти, папский нунций в Венеции, которые, к счастью для св. Игнатия, находились тогда в Риме. Доносчик был изгнан навсегда, а три испанца, поддерживавшие его показания, были присуждены взять свои слова обратно.

X. Таким образом, епископ Мельхиор Кано был плохо

Untitled

осведомлен, когда писал десять лет спустя, будто Иньиго был оправдан за неимением обвинителя. Святой был невиновен, и это его спасло. Но он наверняка не избежал бы инквизиции, если бы происшествие в Саламанке случилось в Вальядолиде; он, может быть, погиб бы там от последствий губительной тайны. Если эту тайну можно было бы упрекать лишь за четыре процесса против св. Игнатия Лойолы, то ее и тогда следовало бы уничтожить; ведь нельзя забывать, что все четыре раза истина невиновности Игнатия торжествовала исключительно благодаря публичности его процессов.

XI. Св. Франсиско де Борха, ученик св. Игнатия и третий генерал его ордена, наследовал Лайнесу в 1565 году и умер в 1572 году. Он был преследуем вальядолидской инквизицией, как и два его предшественника. Он был четвертым герцогом Гандиа, грандом Испании первого класса и кузеном короля в третьей степени по своей матери Хуанне Арагонской, внучке католического короля.

XII. Желание посвятить себя Богу привело его к отречению от мира. Он принял духовный режим истинных учеников св. Игнатия. Добродетели, обнаружившиеся в его поведении, и усердие к спасению душ привлекли к нему множество лиц, обращавшихся с вопросами о христианской жизни. Для ответа на них и для пользы этого дела он доставал себе все сочинения и книги, которые ему советовали приобрести, как годные для назидания его самого и ближних. Этот образ действий снискал ему уважение здравомыслящих людей, но был дурно истолкован другими из-за почтения, которое Франсиско оказывал некоторым трудам.

Untitled

XIII. В 1559 году инквизиция возбудила процесс против нескольких лютеран, которых она приговорила к сожжению или к епитимье. Некоторые из этих еретиков, думая оправдаться при помощи учения Франсиско де Борхи, добродетель коего была хорошо известна, передали некоторые речи и действия этого отца, верившего, подобно им, в оправдание души верою в страдания и смерть Иисуса Христа. К этому они прибавляли для подкрепления своей защиты авторитет некоторых мистических трактатов. Среди его невольных гонителей оказался брат Доминик де Рохас, доминиканец, его близкий родственник. Против него воспользовались прежним доносом на его Трактат о подвигах христианина, составленный им, когда он еще был известен в миру под именем герцога Гандиа.

XIV. Эта книга и толки Мельхиора Кано и доминиканцев повели к обвинению де Борхи в пособничестве ереси иллюминатов. Молва об этом деле достигла Рима благодаря стараниям эмиссаров главного инквизитора Вальдеса, занятого тогда процессом архиепископа Толедского. Это доказывается письмом иезуита Педро Рибаденейры, адресованным в августе 1560 года его собрату Антонио Араос, бывшему в Риме. Я привел его, говоря об отце Лайнесе, втором генерале Общества Иисуса. Автор письма говорил, что слуги испанской инквизиции уверяют, будто отец Франсиско де Борха проникнут заразой, господствующей в мире. Этим словом автор обозначает ересь Лютера.

XV. Говоря о иезуитах Лайнесе, Борхе, Рибаденейре и некоторых других известных в то время личностях, епископ Мельхиор Кано в 1557 году следующим образом

Untitled

характеризовал распространившуюся среди них ересь иллюминатов: "Я утверждаю (и это - правда), что они - иллюминаты и пагубные люди, которых дьявол столько раз вводил в ограду церкви со времени гностиков до наших дней; они существовали со времени - ее возникновения и до последних времен. Всем известно, что Бог благоволил просветить на этот счет Его Величество императора. Когда наш государь вспомнит, как Лютер начал свою работу в Германии, и примет в соображение, что искра, которую считали возможным игнорировать, произвела пожар, против коего бесплодны все усилия, он признает, что происходящее теперь среди этих новых людей (иезуитов) может стать таким великим злом для Испании, что императору и нашему королю, его сыну, будет не под силу смирить это зло, когда они этого пожелают" {Это письмо было опубликовано иезуитом кардиналом Свенфугос в Жизни св. Франсиско Борхи. Кн. 4. Гл. 15. 2.}.

XVI. Выдающиеся добродетели и незапятнанная вера св. Франсиско должны были бы внушить другое представление о нем, чем то, какое имели епископ Кано и другие его враги. Однако ни заслуги, ни положение близкого родственника короля не спасли бы его от тюрьмы Вальядолида, если бы он не отправился в Рим, как только узнал, что процесс начался и что враги желают схватить его. Он избег инквизиции, но со скорбью видел, что его произведение дважды попало в Индекс - в 1559 и в 1583 годах.

XVII. Если бы трибунал испанской инквизиции относительно св. Франсиско де Борхи подражал поведению трибуналов Франции, Венеции и Италии по отношению к

Untitled

св. Игнатию, его ученик, подобно учителю, потребовал бы суда, и его невиновность была бы признана. Но тайные формы инквизиционного судопроизводства наносят чести обвиняемых тем более опасные удары, что пребывание в тюрьме святой инквизиции порождает на их счет предубеждения, которые ничто впоследствии не может уничтожить. Если бы испанские инквизиторы, получая добровольные признания еретиков, принимали жалобы подсудимых, требующих суда, как в других трибуналах, где путь состязаний открыт для обвиняемых, мы бы увидели, что св. Франсиско, сильный в чистоте помышлений и уверенный в своей невиновности, просил бы публичного суда и требовал бы, чтобы было законно установлено то, в чем его обвиняли.

XVIII. Но инквизиция - не трибунал, от которого можно ожидать подобной гарантии. Требование Борхи не было бы принято, и в стенах своей тюрьмы он не узнал бы ответа на свою просьбу. В то время как в первом случае судебная власть собирает через следователей факты для разъяснения дела, во втором случае инквизиторы ведут процесс так таинственно, что они, по-видимому, менее заняты установлением истинности фактов, чем подтверждением молвы и сплетен, господствующих среди мирян. Дело идет согласно инквизиционному формуляру. Этот метод наиболее пригоден для осуждения никогда не существовавших преступлений и наименее благоприятствует свидетелям, показывающим в пользу обвиняемого. Если в результате тайного осведомления подозрение в ереси подтверждается, обвиняемый, требовавший суда, вместо всякого ответа заключается в

Untitled

секретную тюрьму, так как судьи не могут освободиться от точного исполнения указов. Несчастливая страна, где даже святые, узнав о диффамации, которая висит над их головой, и убежденные, что незапятнанная репутация необходима для воздействия их примеров и их учения, не могут, однако, обезоружить клевету перед судьями, не прослышав еретиками и не претерпев всех ужасов тюрьмы, где неизвестность будущего еще более усиливает страдания. XIX. Блаженный Хуан де Рибера, патриарх Антиохийский, также был обвинен перед инквизицией Валенсии, когда он занимал архиепископскую кафедру этого города. Говоря по правде, к нему не применили никаких ограничений; с ним хорошо обходились инквизиторы. Но это не является доказательством в пользу трибунала, одно существование коего уже опасно, и эта опасность становится более или менее грозной, в зависимости от важности, придаваемой доносам, которые закон инквизиции позволяет толковать с наибольшей суровостью.

XX. Хуан де Рибера был внебрачным сыном дон Педро Афан де Рибера, герцога д'Алькалы, маркиза Тарифы, графа Молареса, губернатора Андалусии, вице-короля Каталонии и Неаполя. В 1568 году он перешел с епископства Бадахоса на архиепископство Валенсии. Его жизнь была совершенно безупречна; удивлялись его безмерному милосердию и мужественному усердию в поддержке дисциплины духовенства; это возбудило ненависть плохих священников и грешников, распутство которых он старался пресечь. Они объединились и составили план погубить во что бы то ни стало его честь и хорошую репутацию, которою он пользовался.

Untitled

XXI. Декретом от 31 марта 1570 года Филипп II поручил ему ревизию университета Валенсии и преобразование некоторых частей его внутреннего распорядка {Дон Франсиско де Орти. Записки университета Валенсии. Гл. 8. Здесь помещен текст данного ему поручения.}.

Архиепископ приступил к работе, но так не угодил некоторым докторам, что они составили против него заговор. Они набрали лжесвидетельства и искусно распространили их в городе и даже во всей Испании. Не довольствуясь попреками в происхождении, они расклеивали на улицах и публичных площадях сатирические и оскорбительные плакаты в течение целого года. Они сочинили позорящие пасквилы и опубликовали брошюры с выборками из Священного Писания, применив их самым ехидным образом. Дело зашло так далеко, что один монах из их клики, проповедуя в одной из церквей Валенсии, молился от имени народа об обращении архиепископа и просил для него у Бога благодати озарения верою, чтобы он мог избежать вечного осуждения за публично совершенные грехи. Монах называл один грех за другим с неизменной старательностью и злостностью. Чтобы не упустить ничего, что могло бы опозорить прелата, его враги донесли на него инквизитору как на еретика, фанатика и иллюмината.

XXII. Св. Хуан де Рибера, полный смирения, не жаловался никакому судье и не хотел требовать наказания своих клеветников. Но духовный прокурор, узнав, что некий Онуфрий Гасет, член городского духовенства, был главным зачинщиком этой интриги, счел долгом донести на него заместнику и генеральному викарию архиепископа,

Untitled

утверждая, что эта вольность, до сих пор безнаказанная, клонится к подрыву авторитета церковной власти, к большому вреду для дисциплины и даже к соблазну верных, которые сочтут себя покинутыми, находясь под руководством такого пастыря. Священник Гасет был изобличен и посажен в тюрьму по каноническому приговору. Архиепископ не одобрил этой меры. Ему казалось неправильным, что судья его собственного дома расследовал уголовное дело, которое касалось оскорблений, нанесенных его особе, и он желал бы, чтобы для устранения всякого подозрения в пристрастии дело было передано инквизиторам Валенсии, так как злоупотребление текстом Священного Писания в опубликованных против него пасквилях было так велико, что обнаруживало в их авторах убеждения, противные почтению к священным книгам, и, следовательно, ставило их под юрисдикцию инквизиционного трибунала.

XXIII. Св. Хуан де Рибера сообщил о своем намерении кардиналу Эспиносе, главному инквизитору, который приказал трибуналу Валенсии продолжить процесс.

Инквизиторы уже начали предварительное следствие против архиепископа по сделанному на него доносу. Были свидетели, которые подтверждали его. Этому не следует удивляться, так как всякий доносчик намечает в качестве свидетелей для подтверждения своего показания людей, преданных его партии. Хотя донос священника Гасета был мотивирован, дело вдруг приняло неожиданный оборот. Вместо обычных форм проведения следствия главный инквизитор велел прочесть во всех церквах Валенсии декрет, которым предписывалось каждому мирянину

Untitled

доносить на лиц, употребляющих некстати и к соблазну народа места из Священного Писания, а также на пособников, соучастников и одобрителей такого поступка, под угрозой верховного отлучения, как виновных в непослушании, если они не донесут на преступников. Стали поступать доносы, и вскоре инквизиторы велели арестовывать священников и мирян. Дело велось в том же порядке, как по предмету веры; обвиняемых оставляли в неведении относительно имен свидетелей под предлогом, что они скомпрометировали могущественных лиц в городе, со стороны которых можно было опасаться актов мести. Уже несколько обвиняемых были осуждены, а другие ожидали этого, когда прокурор святого трибунала заявил, что возникли сомнения относительно компетенции инквизиторов и он считает необходимым снести обо всем с римской курией; прокурор далее прибавил, что папа успокоит сомнения, одобрит уже сделанное и позволит трибуналу продолжать судопроизводство или, наконец, прикажет, что ему будет угодно.

XXIV. Трибунал одобрил это предложение, и папа Григорий XIII издал 17 июля 1572 года бреве, в котором было передано все вышесказанное и дано полномочие главному инквизитору и провинциальным инквизиторам произносить приговоры по делам, о которых шла речь, а также по связанным с ними обстоятельствам. В то же время папа санкционировал все сделанное инквизиторами, равно как и формы ведения процессов. Инквизиторы, сообразуясь с апостолическим бреве, приговорили нескольких обвиняемых: одних - к телесным наказаниям, других - к штрафам. Если они не обнаружили большой суровости, то

Untitled

это, по их словам, было сделано из уважения к архиепископу, который ходатайствовал о прощении виновных; он не желал, как сам заявил, чтобы кто-либо был наказан за причиненное ему зло. Такое расположение со стороны прелата не должно нас удивлять: он был чрезвычайно кроткого нрава и имел тонкую и нежную душу {Эскрива. Жизнь достопочтенного [теперь блаженного] Хуана де Риберы. Гл. 4.}.

XXV. Однако и тут нельзя было одобрить тайну, скрывающую имена свидетелей во время судопроизводства. В обыкновенных уголовных трибуналах часто видят герцогов, графов и других высокопоставленных людей, которым после допроса и обвинительного акта прокурора предъявляют подлинные документы процесса, причем жизнь свидетелей, давших показания на тайном следствии, не подвергается ни малейшей опасности, хотя показания обычно возобновляются в ходе судопроизводства, которое юрисконсульты называют пленарным заседанием. Все основательно убеждены, что свидетели находятся под покровительством закона и что всякое покушение на их личность будет приписано обвиняемым.

XXVI. Св. Тереза Иисусова, одна из самых знаменитых в Испании по своим дарованиям женщин, была обвинена перед севильской инквизицией. Она не была посажена в тюрьму, потому что судопроизводство было приостановлено после предварительного следствия, но она испытала большую душевную травму. Родившись в Авиле в 1515 году, она вступила в монастырь кармелиток [66] в этом городе. Режим его был многократно смягчен

Untitled

разрешениями, дарованными римской курией. Св. Тереза составила план его реформирования; получив разрешение основать несколько монастырей для монахинь, которые пожелают принять преобразование, она привела в исполнение реформу в новом монастыре Св. Иосифа в Авиле. Святой было тогда сорок шесть лет; из них двадцать шесть она провела в монашестве. К тревогам, нарушающим спокойствие ее жизни, надо причислить угрозу стать жертвой доноса по подозрению в ереси вследствие ее видений, плохо понятой набожности и воображаемых откровений. Св. Тереза не потеряла, однако, мужества и рассказывала впоследствии: "Это дело явилось для меня источником новых милостей, и я признаюсь, что оно не только не внушало мне чувства страха, но несколько раз заставляло смеяться над тем, что происходило; я отлично чувствовала в глубине души, что в деле веры я руководствуюсь предписаниями католической религии, я готова скорее тысячу раз претерпеть смерть, чем действовать или говорить против одной из истин, преподанных нам Церковью. Я убеждала моих дев совершенно успокоиться и говорила им, что преследование меня со стороны инквизиции не было бы большим несчастьем: если бы я действительно была виновна, я бы сама выдала себя; если же, напротив, все опубликованное - ложь, Бог возьмет на себя мою защиту и повернет дело в мою пользу. Я говорила об этом доброму отцу-доминиканцу; он так сведущ в этих вопросах, что я могла сослаться на него {Здесь подразумевается отец Ваньес, известный в свое время как человек ученый и добродетельный.}. Я беседовала с ним о своих видениях, о

Untitled

своей манере молиться и о великих милостях, дарованных мне Господом. Я объяснялась с ним со всей серьезностью, на которую я способна, и просила его испытать меня и сказать, если он находит в моем поведении что-либо противное Священному Писанию. Он меня сильно успокоил; мне кажется, что эти беседы были не бесполезны для доброго монаха, потому что, хотя он сильно преуспел в благодатной жизни, впоследствии предался молитве с еще большим тщанием {Жизнь св. Терезы. Гл. 33.}.

XXVII. До сих пор св. Терезе только угрожали. Покинув Авилу для основания монастырей в Медина-дель-Кампо, Малагоне, Вальядолиде, Толедо, Пастране, Саламанке, Сеговии и Беасе, 26 мая 1575 года она в шестидесятилетнем возрасте прибыла в Севилью, где ей пришлось перенести больше огорчений, чем в Авиле. Сестры {Эти сестры были: Изабелла де Сан-Франсиско, Мария де Сан-Хосе, Мария де Санто-Эмпириу, Изабелла де Сан-Геронимо, Элеонора де Сан-Габриэль и Анна де Сан-Альберто.}, которые, приняв реформу, решили проводить св. Терезу и помочь ей основать монастыри в Севилье, Сарагосе и других местах, также стали жертвами этого нового гонения. Стараниями святой реформа уже была введена среди монахов ее ордена, и в 1568 году она основала монастырь Дуруэло, из которого несколько монахов было потом послано для основания новых монастырей. В их числе были Хоронимо Грасиан и Амбросио де Мариано, ученик св. Терезы. Севильский монастырь был основан первым, в 1573 году. Через два года св. Тереза в том же городе открыла обитель для

Untitled

кармелиток. Здесь одна послушница подняла бурю. Нравы этой девицы были чисты, но она отличалась непокорным нравом. У нее был желчный темперамент и меланхолический характер. Ей нравилось самой придумывать благочестивые упражнения и епитимьи, которые она предпочитала действиям, налагаемым на нее общим правилом. Св. Тереза, желавшая внушить своим монахиням дух послушания и смирения, который является душою всякой монастырской общины, не встречая покорности в послушнице, сочла необходимым смирять ее во многих случаях, чтобы укротить этот непокорный и горделивый характер. Но усилия остались бесплодными, так что настоятельница была принуждена удалить ее из монастыря.

XXVIII. Девица, пораженная некоторыми набожными приемами, которые она видела в монастыре, вообразила, что монахини находятся под властью демона. Одна статья правил обязывала каждую монахиню раз в месяц исповедоваться в присутствии всей общины в каком-либо из своих прегрешений. Послушница приняла этот акт смирения за настоящее таинство исповеди и сообщила об этом инквизиции. Епископ Тарасовы дон Диего Иенес {Иенес. Жизнь св. Терезы. Кн. 2. Гл. 27.} говорит в Жизни св. Терезы, что это показание было подтверждено священником, который в течение некоторого времени был духовником монахинь и поведение коего было безупречно, но он был мизантроп, мелочный человек и невежда, поэтому не следует удивляться, что он сам ошибался в этом случае. Послушница рассказывала ему на свой лад все, что видела в монастыре, и он счел нужным ради

Untitled

славы Божией сообщить инквизиции. Он рассказывал об этом повсюду; вскоре монахини были очернены в глазах всех жителей. Кармелиты, не желавшие допускать реформы, были враждебно настроены против св. Терезы и ее монахинь, как будто бы реформа опозорила их орден; они донесли на кармелиток святому трибуналу как на одержимых бесовским духом под обманчивой личиной химерического совершенства.

XXIX. Инквизиторы велели произвести тайное следствие по их процессу. Многие свидетели дали показания о том, что они лишь слышали. Но послушница была единственной, сообщившей достоверные и не допускающие возражений факты. Было решено подвергнуть монахинь допросу, чтобы узнать, следует ли их забрать из монастыря и арестовать. Инквизиторы действительно приступили к этому; но вместо того чтобы произвести это с обычной таинственностью, они придали этой части судопроизводства самую соблазнительную публичность. Судьи и ассессоры въехали верхом в монастырь, альгвасилы и другие приспешники инквизиции овладели воротами, множество всадников гарцевало на улице. Священник, виновник гонения, прибежал, чтобы быть свидетелем этого зрелища и насладиться им. Он долго стоял в воротах монастыря; его присутствие привлекло толпу зевак, которым он рассказывал, что скоро отсюда поведут монахинь в инквизицию. Но случилось другое, и это заставило всех презирать этого священника. Вскоре стало известно, что при сравнении ответов монахинь с обвинительными пунктами предшествовавшего тайного следствия пришлось признать, что монахинь обвиняли в очень невинном

Untitled

обстоятельстве, дурно истолкованном, вследствие этого инквизиторы не продолжали процесса.

XXX. Торжество св. Терезы было незначительно, потому что она и община оказались под тяжестью публичного позора; из поведения трибунала все узнали, что существовал и, быть может, продолжал существовать против них процесс по делу веры. Таким образом предубеждения могли рассеяться только после публичного признания невинности св. Терезы и монахинь со стороны инквизиции. Ведь отсрочка доказывала, в сущности, лишь отсутствие достаточных обвинений и, по-видимому, говорила о возможности в будущем собрать новые улики для продолжения процесса.

XXXI. Совершившийся поворот был сначала более благоприятен для св. Терезы, чем для ее монахинь. Ей позволили уехать из Севильи для основания новых монастырей, но она должна была предварительно дать обещание, что вернется, как только получит приказание, или что явится в назначенный ей трибунал. Монахиням был запрещен выезд. Некоторые были даже вновь вызваны в святой трибунал и отданы под суд на основании показаний, имевшихся в руках судей. Это доказывается письмом, которое св. Тереза писала из Толедо дому Гонсало Пантохе, настоятелю Печерского (de la Cuevas) картезианского монастыря в Севилье, тому самому, который отдал дом для помещения реформированных кармелиток. Невзирая на секретность дела, она передала ему некоторые подробности о монахинях. "Мои бедные девицы, - писала она, - лишены всякого совета, потому что люди, которые могли бы их защищать, устрашены тем, что

Untitled

их заставили делать под угрозой отлучения от Церкви. Я полагаю, что они по легкомыслию и против собственного желания слишком далеко зашли в своих показаниях. Я нашла в процессе крайне лживые сведения: я была с девицами в то время, когда, как утверждалось, происходили эти случаи, хотя в действительности ничего подобного не было. Но я не удивляюсь, что дело приняло такой дурной оборот, потому что знаю, что одна из девиц была посажена в секретную тюрьму, где пробыла шесть часов. Так как она не очень умна, я думаю, что она сказала все, чего от нее добивались. Из этого обстоятельства я поняла, что полезно обдумывать ответы. Так как мы этого не делали, то не имеем права жаловаться. Господь хотел, чтобы это испытание продолжалось полтора года" {17-е письмо св. Терезы}.

XXXII. Достопочтенный дом Хуан де Палафокс, епископ Осмы, сопроводил это письмо св. Терезы следующим превосходным примечанием: "Для того чтобы затеять ужасный процесс по поводу весьма невинного в сущности дела, - особенно против женщин, - достаточно немного дурного настроения у допрашивающего, немного желания доказать то, что отыскивают, у составляющего протокол, немного боязни у того, кто дает показание; из этих трех малых элементов проистекает чудовищное дело и ужасная клевета". В самом деле, достаточно прочесть произведения св. Терезы, чтобы признать, что она любила откровенность в добродетели и остерегалась всякого необычного пути, который мог бы привести ее к иллюзии. В письме к дому Альваро де Мендосе, епископу Авилы, она выражается так: "Мы были бы достойны большой жалости,

Untitled

если бы могли искать Бога только после того, как умерли для мира. Магдалина, самаритянка и хананеянка вовсе не были такими, когда они его нашли".

Что касается откровений, то она всегда восставала в письмах и речах против легкомыслия, с которым верят в них; во многих письмах она доказывала опасность этого, особенно у женщин, воображение которых, как она знает, легче воспламеняется ложными и фантастическими видениями. Поэтому, предприняв, по совету своих духовников, описание своей собственной жизни, где рассказывается о нескольких случаях этого рода, бывших с ней самой, она дает монахиням благоразумный совет не читать его. Такое расположение св. Терезы заставляло ее любить чистосердечие и прямоту, и она советовала избегать необычных путей, не обращая внимания на благие намерения, которыми можно считать себя вдохновленным. Поэтому, когда севильская буря утихла и рассеяла предубеждения, внушенные недоброжелательными людьми апостолическому нунцию против ее ордена, св. Тереза увидела себя вновь в опасности новых преследований по делу о происшествиях с кармелитками Малагона. Она писала им - "Пора нам избавиться от благих намерений, которые нам так дорого стоили" {62-е письмо ев Терезы.}. Св. Тереза умерла 4 октября 1582 года, шестидесяти шести лет от роду.

XXXIII. Св. Иоанн Крестный (Juan de la Cruz) [67], который участвовал в работе св. Терезы по реформированию кармелитского ордена и по устройству новых монастырей, родился в Онтиверосе, в епархии Авилы, в 1542 году. Он привлекался к суду инквизициями Севильи, Толедо и

Untitled

Вальядолида. Последний трибунал вооружился всеми документами, составленными в первых двух, для материала процесса и для осуждения достопочтенного Иоанна Крестного. Та же участь готовилась брату Геронимо Грасиану, основателю монастыря босоногих кармелитов в Севилье, и нескольким другим благочестивым людям, которые следовали уставу монашеской жизни св. Иоанна. На него донесли как на фанатика и заподозренного в принадлежности к ереси иллюминатов. Различные гонения, перенесенные им от нереформированных монахов его ордена, спасли его от секретной тюрьмы Вальядолида, потому что первый донос не подтвердился достаточными уликами, и инквизиторы сочли нужным выждать, пока какое-нибудь обстоятельство доставит новые улики против него. Действительно, явились несколько доносчиков. Так как св. Иоанн Крестный постоянно выходил победителем из всех предварительных следствий, преследования затянулись, и судопроизводство не подвинулось далее. Св. Иоанн умер в Убеде 14 декабря 1591 года, после двадцати трех лет монашества. Он составил несколько сочинений о духовной молитве.

XXXIV. Св. Хосе де Каласанс, основатель ордена монахов-наставников христианских школ, был посажен в секретную тюрьму святого трибунала, как фанатик и иллюминат. Он убедительно ответил своим врагам и оправдал свое поведение и свои взгляды. Он доказал, что ничего не делал и не говорил против католической, апостольской и римской веры, вопреки поверхностным наблюдениям, которыми мотивировали его заключение. Он был объявлен непричастным к делу и вскоре умер, в

Untitled

девятидвулетнем возрасте. Он родился в 1556 году.

Статья вторая Уважаемые личности

I. Достопочтенный брат Луис Гранадский, родившийся в 1504 году, был учеником Хуана д'Авилы. Он принадлежал к ордену св. Доминика и оставил несколько трудов по религии и мистике. Он был впутан в процесс вальядолидских лютеран; против него затеяли особое дело по показаниям некоторых осужденных, между прочим, брата Доминика де Рохаса, который защищал свой образ мысли об оправдании верою в страдания и смерть Иисуса Христа, ссылаясь на убеждения многих уважаемых католиков, как, например, брата Луиса Гранадского, архиепископа Каррансы и многих других. Прокурор заставил брата Доминика возобновить свое показание, говоря, что он выставит его свидетелем в процессе, начатом против Луиса Гранадского. Этот документ помечен 3 октября, а пять дней спустя брат Доминик де Рохас был сожжен. Против Луиса Гранадского выставили также тот приговор, в силу которого главным инквизитором Вальдесом, архиепископом Севильи, были внесены в Индекс 17 августа 1557 года три труда брата Луиса: Руководитель грешников, Трактат о молитве и размышлении и Трактат о благочестии христианина.

II. В третий раз Луис Гранадский имел дело с инквизицией, как иллюминат, за то, что одобрил религиозное настроение и защищал стигматы [68] знаменитой португальской монахини, которая была объявлена лицемеркой и обманщицей и была наказана инквизицией. Брат Луис Гранадский вышел победоносно из этой третьей борьбы, как из двух первых, не будучи заключен в тюрьму, потому

Untitled

что, приглашенный в зал заседания святого трибунала, он отвечал на все откровенно и скромно. Таким образом инквизиторы признали его невиновность в отношении смысла напечатанных тезисов, а также крайнее чистосердечие, хотя и лишенное критики, в деле о стигматах.

III. Королева Португалии Анна Австрийская, сестра Филиппа II, хотела назначить Луиса Гранадского архиепископом Браги. Но святой человек отказался и предложил на эту должность дома Бальдоломеро де лос Мартиреса, который принял ее и затем был послан на Тридентский собор. Брат Луис умер спокойно в 1588 году в благоухании святости; поведение инквизиторов не помешало началу дела о его беатификации. Произведения брата Луиса Гранадского известны всему христианскому миру. Я замечу как исключительную вещь, что список запрещенных книг, в котором напечатано его осуждение, был впоследствии также запрещен Индексом, опубликованным в 1583 году кардиналом архиепископом Толедо, главным инквизитором домом Гаспаром де Кирогой. Французский исторический словарь знаменитых людей замечает, что брат Луис Гранадский напрасно поместил в своих произведениях некоторые историйки, которые не делают чести его критическому чутью.

IV. Достопочтенный дом Хуан де Палафокс-и-Мендоса, внебрачный сын дона Хаиме Палафокса, сеньора, а затем маркиза де Ариса, и доньи Марии де Мендоса (которая вскоре стала кармелиткой реформированного ордена в монастыре Св. Анны в Тарасоне, в Арагоне), родился в 1600 году. В 1639 году он был назначен епископом

Untitled

Пуэблы-де-лос-Анге-лос в Америке; затем - архиепископом и вице-королем Мексики; наконец, в 1653 году - епископом Осмы в Испании. Он умер 30 сентября 1659 года, оставив много трудов по истории, религии и мистике и такую высокую репутацию святости, что в Риме ожидается решения дело о его канонизации.

V. В Америке у него были большие разногласия с иезуитами о правах его сана, которых эти отцы затеяли его лишить. Наиболее важным из его сочинений является письмо к папе Иннокентию X, который до некоторой степени прекратил споры при помощи бреве от 14 марта 1648 года. Иезуиты не сочли себя побежденными. Они донесли на него как на еретика-иллюмината и святошу в три разных места - в Рим, Мадрид и в Мексику.

Провинциальные инквизиторы последнего города обратились в верховный совет, и достопочтенный Палафокс претерпел от них все, кроме тюрьмы, куда они не дерзнули его заключить. Они осудили и запретили чтение сочинений, опубликованных архиепископом в свою защиту, в то время как допускалось свободное обращение книг его противников и некоторых других пасквилей, которые они распространяли с целью погубить дона Антонио Габиолу, прокурора инквизиции, открыто не одобрявшего поведения иезуитов.

VI. Прокурор написал 22 мая 1647 года Палафоксу, чтобы воодушевить его против страшных врагов. Он торопил его приложить все усилия, чтобы дело разбиралось в трибунале мексиканской инквизиции правильным образом, как в других судах, где сообразуются с духом этого учреждения. Он писал, что важно не допускать, чтобы эти

Untitled

недостойные служители злоупотребляли властью для удовлетворения своих страстей, как они поступили в настоящем деле и в других, не менее серьезных, о чем говорят со всех сторон.

VII. Что касается разных трактатов, составленных Палафоксом, то иезуиты своими интригами достигли внесения многих из них в Индекс, опубликованный в 1747 году домом Франсиско Пересом де Прадо, епископом Теруэля и главным инквизитором, который воспользовался советом иезуитов Карраско и Касани. Однако римская конгрегация Индекса впоследствии объявила, что книги Палафокса не содержат ничего заслуживавшего богословской цензуры и препятствовавшего беатификации их автора. Инквизитор был принужден вычеркнуть эти книги из списка.

Глава XXXI Знаменитое дело Дона Карлоса Австрийского, принца Астурийского

Статья первая Жизнь и характер этого принца

I. Вся Европа верит, что Филипп II пустил в ход испанскую инквизицию против своего единственного сына дона Карлоса Австрийского, принца Астурийского, предполагаемого наследника короны, признанного таковым под присягою представителями нации на генеральных кортесах, созванных в Толедо в 1560 году; инквизиторы сначала приговорили несчастного принца к смертной казни, но возникло разногласие в мнениях инквизиторов относительно рода казни, которая должна прекратить жизнь принца. Некоторые писатели дошли до того, что передают беседы на эту тему, происходившие между Филиппом II и главным инквизитором, между доном

Untitled

Карлосом и другими лицами, с такой уверенностью, как будто присутствовали при этих разговорах, и даже цитируют часть приговора, как будто читали его. Я не удивляюсь, что аббат де Сен-Реаль, Мерсье, Лангль и другие, так любящие придавать своим романам вид и характер подлинных историй, трактовали таким образом этот сюжет. Более всего меня удивляет Грегорио Лети. Как этот писатель (заявив, что не следует легкомысленно доверять рассказам о делах столь огромной важности) в конце концов мог принять всерьез вычитанные им неправдоподобные рассказы! Он рассказал об этом событии с такими подробностями, как будто был свидетелем мельчайших обстоятельств, сопровождавших его. Для меня истина есть единственная цель, которую я себе поставил, а потому я произвел всевозможные поиски в архивах верховного совета инквизиции и других местах, чтобы разыскать истину и поделиться ею; в этом я уверяю своих читателей. Я полагаю, что нашел правду об этом деле, и я смело заявляю своим читателям, что никогда не существовало ни судопроизводства инквизиции, ни ее приговора против дона Карлоса Австрийского. Было только мнение, высказанное против этого принца членами государственного совета, в котором председательствовал кардинал дон Диего Эспиноса, тогдашний фаворит короля. Этот человек был также главным инквизитором, что и породило молву об участии инквизиции в деле принца. Религиозные дела фламандцев и проект учреждения инквизиции в их стране играли также сначала роль в направлении общественного мнения; затем оказала влияние смерть графа Эгмонта [69], маркиза Горна [70],

Untitled

барона де Монтиньи, его брата, и маркиза Берга, которые были обезглавлены. Все они были крупными сеньорами Нидерландов. Двое первых были кавалерами ордена Золотого руна [71] и родственниками государей Европы; один был владетельным принцем третьего разряда в Германии.

II. Дон Карлос Австрийский потерял жизнь в силу словесного приговора, одобренного Филиппом II, его отцом; но святой трибунал не принимал в этом никакого участия. Этот факт мог бы меня избавить от дальнейшего изложения, так как я пишу не историю о политических событиях, происходивших в Испании, а лишь о том, что непосредственно касается истории инквизиции в Испании. Но ввиду того что почти все европейские писатели согласно утверждают, будто инквизиторы осудили дона Карлоса, я полагаю, что лучшим способом убедить всех в противном является раскрытие в подобных обстоятельствах фактической стороны дела.

III. Филипп II как отец имел право быть неумолимым. Однако я не могу одобрить его суровости, которая, мне кажется, оскорбляет природу. В каких бы преступлениях ни был повинен сын - разве пожизненное заключение не помешало бы ему совершать новые преступления? Но я твердо убежден, что смерть этого чудовища была счастьем для Испании. Я не обращаю внимания на то, что говорят некоторые пристрастные писатели, представляющие его молодым принцем с любезным характером, приписывающие ему качества, которых он никогда не имел, и отказывающие ему в тех, какими он обладал; эти писатели выдумывают его любовную интригу с мачехой,

Untitled

существовавшую только в воображении француза, возбудившего сомнения насчет добродетели королевы, честь которой не могла быть замарана ни малейшим пятном и смерть которой последовала от естественных причин, а не от яда. Филипп II был человек злой, лицемерный, бесчеловечный, хладнокровно жестокий и способный убить свою жену, если бы это было в его интересах или имелся бы какой-либо мотив к этому. Но эти черты характера Филиппа не доказывают, что он совершил подобное преступление по действительной или вымышленной причине. Этой причины не существовало, и королева Изабелла никогда не давала ни малейшего повода подозревать ее. Она не писала любовных записок к дону Карлосу, не посылала ему писем через доверенное лицо, не говорила с ним наедине. Французские авторы, известные своей разумной и осторожной критикой, как, например, президент де Ту [72], старательно уклонились от засорения истории неуместными пустяками. Но романисты и поэты не побоялись приписать Филиппу сомнения, будто бы возникшие относительно добродетели французской принцессы, достойной всякого уважения. Я нарисую портрет дона Карлоса по подлинным и достоверным документам; тогда можно будет увидеть, согласно ли мое утверждение с истиной.

IV. Дон Карлос родился в Вальядолиде 8 июля 1545 года. Он потерял свою мать Марию Португальскую, принцессу Асгурийскую, через четыре дня после своего рождения. Карл V, его дед, совсем не видал его до 1557 года, когда он отрекся от престола и удалился в монастырь св. Юста в Эстремадуре. Когда Карл V, проезжая через Вальядолид,

Untitled

увидел своего внука, дону Карлосу уже исполнилось двенадцать лет. Неправда, что Карл V воспитывал этого принца и влиял на его характер. Как это могло быть, раз император в самые ранние годы дона Карлоса бывал в постоянных разъездах по Германии, Фландрии, Италии и Франции? Правда, император во время своих путешествий старался отыскать хороших наставников для своего внука. Эти факты не противоречат друг другу, так как юному принцу было девять лет, когда его отец в Коронье готовился отплыть в Англию, и Карл V написал из Германии письмо от 3 июля 1554 года, в котором (среди других учителей, назначаемых для внука) упомянул об Онорио де Хуане, валенсийском дворянине, камергере императора, одном из величайших гуманистов своего века, впоследствии епископе Осмы {Отец Кирхер скопировал это письмо в своем труде, озаглавленном Политический образец христианского государя.}. Дон Карлос не любил ученья. Доказательство этого имеется в письме его отца из Брюсселя от 31 марта 1558 года, в котором Филипп II благодарит учителя за старание, прилагаемое им, чтобы внушить своему ученику вкус к чтению и укрепить в нем начала нравственности. Он предписывает держаться того же плана и прибавляет: "Это должно продолжаться по-прежнему. Хотя дон Карлос не получает от этого Той пользы, какую можно было бы извлечь, оно не будет тем ие менее безрезультатно. Я уже писал дону Гарсии, чтобы он обращал внимание на выбор тех, кто видит и посещает принца. Было бы лучше, чтобы его приохотили к учению, чем ко многому другому" {Кирхер скопировал все это письмо в вышеназванном труде.}. Филипп с давнего

Untitled

времени составил себе плохое мнение о характере сына; он был осведомлен, что этот принц для забавы собственноручно резал кроликов, которых ему приносили с охоты, и, по-видимому, наслаждался зрелищем их судорог и агонии. Фавиан Эстрада писал, что это было замечено послом Венеции {Эстрада. Декады фландрских войн. Декада 1. Кн. 7.}.

V. Между Францией и Испанией разгорелась война, и в августе 1558 года все было готово к битве, но началось обсуждение условий мира на тайной частной конференции в аббатстве Корпан. Полномочные представители заключили предварительный договор. Одна из статей этого договора гласила, что дон Карлос женится, когда достигнет совершеннолетия, на Изабелле, дочери Генриха II, короля Франции. Принцу было тогда тринадцать лет, а принцессе двенадцать, так как она родилась 2 апреля 1546 года. Это обстоятельство, в связи с соблюдаемым в то время обычаем опубликовывать предварительные пункты мирного договора лишь в момент его заключения, опровергает все сказанное о любви юной двенадцатилетней принцессы к тринадцатилетнему принцу. Этот факт тем более невозможен, что она не видала даже его портрета и что до нее доходили весьма невыгодные отзывы о его воспитании. Карл V отметил, что его внук обнаруживает порочные наклонности. Их можно приписать воспитанию, полученному от дяди и тетки. Дядей был Максимилиан [73], король Чехии [74], а затем император, женатый на Марии, сестре Филиппа II; а теткой была Хуанна Австрийская, вдовствующая королева Португалии. Этим двум родственникам Филиппом II была

Untitled

поручена забота о сыне во время путешествий короля, он назначил их также правителями королевства. Они много занимались здоровьем и физическим воспитанием донна Карлоса, но пренебрегали подавлением его буйных склонностей и целиком возложили заботу о формировании его характера на донна Гарсию Толедского, брата герцога Альбы, его гувернера, на донна Онорио де Хуана, его учителя, и на доктора Суареса Толедского, его первого раздавателя милостыни.

VI. Тайные прелиминарии мирного договора привели к окончательному договору, заключенному в Камбре 8 апреля 1559 года. В этот промежуток времени произошло очень важное событие. Мария, королева Англии, жена Филиппа II, умерла 17 ноября 1558 года. Этот монарх стал свободным в тридцатидвухлетнем возрасте, когда его сыну дону Карлосу было едва четырнадцать. Генрих II, король Франции, решил улучшить участь своей дочери, отдав ее в жены королю Филиппу II. Последствия показали, что он был прав, так как Филипп II прожил с того времени сорок восемь лет {Не сорок восемь, а тридцать девять лет (с 1559 по 1598)}. (Примеч. ред.)), что заставило бы принцессу долго ожидать короны. Итак, в двадцать седьмом пункте договора условились относительно брака Изабеллы с Филиппом II, и не было более речи о секретной статье, установленной в прелиминариях. Все, что говорилось об отвращении юной Изабеллы к Филиппу, не только пустая, но и неправдоподобная выдумка, потому что испанский король был не стар, хотя часто говорят противоположное. С другой стороны, надо думать, что принцесса ничего не знала о проекте ее брака с принцем, который еще не мог

Untitled

быть ее супругом по причине малолетства.

VII. Помолвленные были обвенчаны в Толедо 2 февраля 1560 года. Дом Франсиско де Мендоса-и-Бовадилья, кардинал-архиепископ Бургоса, дал им брачное благословение. Дон Карлос, королевский сын, был посаженным отцом, вдовствующая государыня португальская, сестра монарха, - посаженной матерью. Тогда были созваны генеральные кортесы королевства. Члены собрания присягнули на верность дону Карлосу 22 февраля и признали его наследником короны отца. Королева Изабелла не могла присутствовать на этой церемонии, потому что через несколько дней после свадьбы заболела оспой. Дон Карлос также захворал (на четвертый день) перемежающейся лихорадкой вскоре после приезда королевы в Испанию. Эта болезнь не помешала ему прогуливаться верхом и присутствовать на собрании кортесов в день принятия присяги, однако из мемуаров, оставленных современниками, явствует, что он был худ, слаб и бледен. Это обстоятельство лишает его мнимый портрет цветущего вида и делает сомнительным воображаемое путешествие, совершенное им, по словам Сен-Реаля и Мерсье, навстречу королеве до Алькала-де-Энареса. Филипп II чувствовал себя хорошо в тридцатилетнем возрасте, и королева не могла отказаться от блеска трона ради слабой или несуществовавшей склонности к принцу, лицо которого носило отпечаток бледности и болезни. С другой стороны, ей приходилось заниматься собственным положением, которое подвергало ее опасности навсегда потерять красоту.

VIII. Выздоровливая, королева, несомненно, узнала о

Untitled

небрежном воспитании принца, о его моральных качествах и нестерпимой надменности. Ей стало хорошо известно, что он дурно обращался со своими слугами и на словах и в поступках, что в сердцах и гневе он ломал все, что ему попадалось под руку. Вероятно, она была осведомлена и о том, как вел себя принц в день принесения присяги с почтенным герцогом Альбой. Ему был поручен церемониал открытия заседаний кортесов; множество хлопот, связанных с поручением в торжественный день, заставило его забыть подойти к дону Карлосу, когда тот должен был приносить присягу. Его искали и нашли, но юный принц, разгневанный, оскорбил его так сильно, что тот готов был потерять должное уважение. Отец принудил его извиниться, но это уже не имело значения: они всю жизнь смертельно ненавидели друг друга.

IX. Ни в одном из рукописных мемуаров, которые я мог достать, я не вычитал ничего, что указывало бы хоть на малейшую вероятность существования нежной склонности принца к королеве. В них не встречается абсолютно ничего, что могло бы породить мнение авторов повестей и романов. Время для обвинения их во лжи прошло, но они злоупотребили статьей предварительных соглашений 1558 года, которой, надо думать, принц никогда не знал. Все сказанное ими о портретах недостоверно; дон Карлос не мог влюбиться в королеву, не видя ее. Не более правдоподобно, чтобы это чувство родилось в его сердце во время приступов перемежающейся лихорадки.

X. Королева еще выздоравливала, когда принц уже поправился. Король послал его в Алькала-де-Энарес, дав в провозатые дона Хуана Австрийского, его дядю, и

Untitled

Алессандро Фарнезе, наследного принца Пармского, его кузена. При нем были также гувернер, учитель и священник, о которых я говорил, дворяне и необходимые слуги. Король имел намерение укрепить здоровье сына путешествием, в котором он дышал бы более чистым воздухом и жил бы среди полей, совершенно освободившись от стеснений придворного этикета. Монарх желал также, чтобы сын приохотился к учению, так как успехи его были так малы, что он не знал еще латыни; дон Онорио де Хуан, видя его отвращение к изучению другого языка, кроме родного, давал ему до сих пор уроки только по-испански.

XI. 9 мая 1562 года дон Карлос, будучи семнадцати лет от роду, упал с лестницы своего дворца. Он прокатился по нескольким ступеням и получил ранения в разных частях тела, главным образом в спинном хребте и в голове; некоторые казались смертельными. Король, узнав об этом случае, поехал к принцу на почтовых, чтобы оказать ему необходимую помощь. Кроме того, он приказал всем архиепископам, епископам и другим высшим духовным лицам, а также всем капитулам молиться Богу о выздоровлении сына. Полагая, что сын находится уже при смерти, Филипп II велел принести тело блаженного Диего, францисканского бельца, заступничеством коего, как говорили, Бог творил великие чудеса. Тело блаженного было возложено на тело дон Карлоса; с этого момента дон Карлос стал чувствовать себя лучше; это приписали покровительству св. Диего, который был вскоре канонизован по ходатайству Филиппа II. Я должен заметить, что принц пользовался уходом очень известного

Untitled

доктора Андреа Басилио, королевского медика, уроженца Брюсселя. Заметив, что раны и контузии, полученные доном Карлосом в голову, вызвали накопление значительного количества жидкости, доктор считал смерть неизбежной, если оперативным путем не освободить от этой жидкости больного. Андреа Басилио вскрыл череп, выпустил оттуда жидкость и спас больного. Принц, однако, выздоровел не вполне. Он остался подвержен болям в голове и страданиям, которые не только препятствовали ему прилежно заниматься, но и причиняли иногда расстройство в мыслях, что делало его характер еще более невыносимым. Неужели все это превосходное предрасположение для возбуждения нежного чувства в сердце добродетельной принцессы?

XII. Дон Карлос вернулся ко двору в 1564 году, избавленный от своих учителей. Филипп II вознаграждал дона Онорио де Хуана, назначив его епископом Осмы. Твердое благочестие и мягкость характера этого прелата так пленили сердце дона Карлоса, что разлука между учителем и учеником не прервала дружбы и доверия, которые принц питал к епископу. Доказательство этого находится в его письмах, которые дают невыгодное представление о его дарованиях и образованности. Заметно, что он часто оставляет фразы неоконченными, вследствие чего получается не то, что он хотел выразить. Одно из своих писем к прелату он заканчивал следующими словами: "Я кончаю, 23 января 1565 года; ваш величайший, который исполнить все, что вы от меня потребуете, принц..." Вот полный текст другого его письма: "Моему учителю епископу. Мой учитель. Я получил ваше письмо в

Untitled

лесу. Я здоров. Бог знает, как я был бы восхищен посещением вас вместе с королевой {Это намек на путешествие, которое королева предприняла в Байонну для беседы с своей матерью о политических делах лиги. Оно происходило в 1565 году.}. Дайте мне знать, как вы на это смотрите и сколько это будет стоить. Я съездил из Аламеды в Буитраго, и это мне понравилось. Через два дня я ездил в лес; теперь через два дня я вернулся сюда, где я нахожусь со среды до сегодняшнего дня. Я здоров, я кончаю. Из деревни 2 июня. Мой лучший друг, которого я имею в мире, я исполню все, что вы потребуете; я, принц". Он кончает теми же словами другое письмо, писанное в Иванов день; конец его очень походит на варварский жаргон {Кирхер. Кн. 2. Гл. 2.}.

XIII. Этот принц был так привязан к епископу, что выхлопотал у папы бреве, разрешившее ему пребывать в Мадриде полгода, чтобы пользоваться его обществом. Недомогания дона Онорио помещали ему воспользоваться этим разрешением. Они стали так часты, что свели его в могилу. Этот епископ употребил свое влияние на принца, чтобы преподать ему добрые советы, что обнаруживается в написанных к принцу письмах. Принц никогда не оскорблялся этой вольностью и, по-видимому, принимал эти советы как должное; но его поведение не отвечало этому. Без малейшей сдержанности он предавался порывистости своих страстей. Можно привести бесконечное число анекдотов, которые это доказывают. Необходимо передать некоторые из них, чтобы вывести из заблуждения тех, кто одобряет восторженные отзывы, расточаемые талантам и благородству дона Карлоса

Untitled

Сен-Реалем, Мерсье и другими.

XIV. Однажды принц был на охоте в лесу Асека. Он так разгневался на дона Гарсию Толедского, своего гувернера, что подбежал к нему, желая его поколотить. Этот сеньор, опасаясь, как бы не нарушить должного принцу уважения, спасся бегством и успокоился только в Мадриде, где Филипп II даровал ему некоторые милости, чтобы заставить забыть оскорбление, нанесенное ему принцем. Дон Гарсия, боясь новых инцидентов, умолял короля сообразоваться принять его отставку. Монарх согласился на это и назначил на его место Руи Гомеса де Сильву, принца Эволи, герцога де Франкавилью и де Пастрана, графа де Мелито. Этот сеньор также подвергался самым неприятным сценам вследствие неистовых приступов гнева, которым предавался дон Карлос {Кабрера. Мудрость Филиппа II. Гл. 28.}.

XV. Дом Диего Эспиноса (впоследствии кардинал и епископ Сигуэнсы, главный инквизитор и член государственного совета) был председателем совета Кастилии. Он выгнал из Мадрида комедианта Сиснероса, когда тот собирался представлять комедию в апартаментах дона Карлоса. Принц, узнав об этом, потребовал от Эспиносы приостановки высылки Сиснероса до конца представления. Не получив благоприятного ответа, он побежал за ним во дворец с кинжалом в руке. Вне себя от гнева, он публично оскорбил его, сказав: "Как смеет этот попишка мне противиться, мешая Сиснеросу исполнять то, что я желаю? Клянусь жизнью моего отца, я хочу вас убить!" Он и поступил бы так, если бы некоторые гранды Испании, которые присутствовали при этом, не

Untitled

встали между ними и если бы председатель не решил удалиться {Ван дер Гамен. История Филиппа II С 115; Кабрера История Филиппа II. Кн. 7. Гл. 22}.

XVI. Дон Альфонсо де Кордова, брат маркиза де ла Навы, камергер принца, спал в своей комнате. Однажды случилось, что он не тотчас проснулся на звонок дона Карлоса. Тот в ярости вскочил с постели и хотел выбросить его в окно. Дон Альфонсо, опасаясь нарушить при сопротивлении уважение к принцу, поднял крик. Сбежались слуги. Камергер отправился тогда в апартаменты короля, который, узнав о происшедшем, взял его на службу к себе {Кабрера. Гл. 28.}.

XVII. Принц часто манкировал почтением, которое должен был питать к возрасту и сану принца Эволи. При разных обстоятельствах он просто давал оплеухи слугам. Однажды его сапожник принес очень тесные сапоги. Принц велел изрезать их на куски и изжарить и принудил несчастного сапожника съесть это жаркое. Тот так расхворался, что боялся умереть. Принц выходил по ночам из дворца, вопреки советам не делать этого. Его поведение вскоре стало так беспорядочно и скандально, что представлялось сомнительным, способен ли он к браку и сохранила ли его голова рассудок, необходимый для управления государством по смерти его отца {Ван дер Гамен Жизнь дона Хуана Австрийского. Кн. 1, параграф немного спустя (росо despues). Кабрера и Кампана в цит. местах.}. Кто мог бы думать, что королеве неизвестны эти многочисленные и публичные сцены? Если признать, что она была об этом осведомлена, как скорее всего и было, то неужели можно еще серьезно думать о наличии какой-то

Untitled

склонности с ее стороны к дону Карлосу?

Статья вторая Преступления Дона Карлоса

I. В 1565 году принц дон Карлос задумал тайно совершить путешествие во Фландрию, вопреки воле своего отца. В этом проекте ему помогали его камергеры, граф де Гельвес и маркиз де Тавара. Он имел намерение взять с собою принца Эволи, своего гувернера, не сообразив, что он был личным наперсником короля. Принц желал его общества, чтобы подумали, что он путешествует с согласия отца. Льстецы добыли ему сумму в пятьдесят тысяч экую и четыре костюма для выезда из Мадрида. Они были убеждены, что принц Эволи, раз начав это путешествие, вынужден будет его продолжать; в противном случае от него попросту отделаются. Но ловкий политик, каким был принц Эволи, расстроил проект удачными приемами, о которых говорит Кабрера в Жизни Филиппа II.

II. Епископ Осмы, наставник принца дона Карлоса, узнав о его дурном поведении и распутстве и получив тайные приказания монарха, решил употребить влияние, которое он имел на сердце этого принца, чтобы вернуть его на истинный путь. 10 мая 1566 года епископ написал ему длинное письмо, которое было напечатано фламандцем Кирхером {Кирхер Кн. 2. Гл. 11.}. Он давал наставления, как вести себя в отношении министров, короля, его отца, а также предсказывал неисчислимыя бедствия, которые легко может повлечь за собою поведение, не соответствующее этим наставлениям. Однако епископ был осторожен и даже косвенно не давал понять, что принцу в данном положении его советы необходимы. Принц читал письмо со всеми знаками внимания к тому, что исходило от

Untitled

этого уважаемого прелата. Но он не последовал ни одному его совету.

III. Дон Карлос мало воспользовался уроками своего бывшего учителя и дал волю своей вспыльчивости, когда в 1567 году узнал, что его отец назначил герцога Альбу губернатором Фландрии. Когда этот вельможа явился откланяться принцу, тот сказал, что король напрасно назначил его на губернаторство, которое скорее приличествовало бы наследнику престола. Герцог отвечал, что король, несомненно, не желал обременять принца этой заботой и хотел оградить его от опасностей, которые он встретил бы в Нидерландах среди раздоров, возникших между крупными сеньорами. Этот ответ, который должен был бы успокоить дон Карлоса, еще больше вывел его из себя. Он вытащил кинжал и, собираясь вонзить его в герцога, сказал: "Я вам помешаю отправиться во Фландрию, потому что проткну ваше сердце прежде, чем вы уедете". Герцог избежал первого удара, отступив несколько назад. Принц в еще большей ярости продолжал нападать на него, и герцог не нашел другого средства избежать опасности, как схватить дон Карлоса и сжать его в своих руках. Несмотря на неравные силы, ему удалось приостановить бешеные попытки нанести удар; герцог держал принца почти в неподвижном состоянии. Однако дон Карлос все еще хотел действовать кинжалом. Во время этой возни произошел шум в комнате. Прибежали камергеры. Принц выскользнул из рук герцога и заперся в своем кабинете, поджидая исхода сцены, который мог быть неприятным, если бы его отец был уведомлен о случившемся {Эстрада. Декады фландрских воинов Декада

Untitled

1. Кн. 7}.

IV. Пороки дона Карлоса не могли убить в душе Максимилиана II, императора германского, его дяди, и императрицы Марии, его тетки, чувство любви, которое они всегда выражали со времени его детства, они знали его неспособным на зло. Эти государи задумали женить его на своей дочери Анне Австрийской. Эта принцесса была известна дону Карлосу с раннего детства, потому что она родилась в Сигалесе, в Испании, 1 ноября 1549 года. Филипп II согласился на этот брак и уведомил об этом императрицу, свою сестру. Несомненно, опасаясь причинить несчастье своей племяннице, если время не изменит характера и нравственности дона Карлоса, испанский монарх применил свою обычную медлительность в исполнении этого проекта. Можно также думать, что он разделял опасения насчет неспособности сына к браку. Не так дело обстояло с юным принцем. Узнав о проекте брака, он воспылил страстным желанием жениться на своей кузине как можно скорее. Для успешного осуществления этого он снова составил преступный план отправиться в Германию без согласия отца, надеясь, что его присутствие в Вене обяжет императора устранить все затруднения. С этой мыслью он занялся осуществлением плана и нашел помощь у принца Оранского [75], маркиза Берга, графов Горна и Эгмонта и барона Монтиньи, глав фландрского заговора. Я принужден включить также дона Карлоса в число жертв этого заговора {Кабрера. История Филиппа II Кн 7. Гл 28}.

V. Поведение дона Карлоса и черты его характера дали повод архиепископу Россано, папскому нунцию, написать

Untitled

кардиналу Алессандрии, что "принц Астурийский обладает невыносимым высокомерием и распущен в своих нравах; его рассудок слаб; он капризен и упрям; с полным основанием можно сказать, что он совсем морально не владеет собою и что с ним случаются приступы безумия" {Эстрада. Декады фландрских воин Декада 1. Кн 7.}. Надо игнорировать все эти факты, чтобы допустить рассказы Сен-Реаля и других писателей о мнимых любовных отношениях королевы и этого принца.

VI. Маркиз Берг и барон Монтињи отправились в Мадрид в качестве депутатов фландрских провинций. Они были посланы для урегулирования пунктов, относящихся к учреждению инквизиции в этой стране и к другим обстоятельствам, вызвавшим смуту среди жителей.

Маргарита Австрийская [76], герцогиня Пармская, побочная сестра короля, была тогда правительницей Нидерландов и дала согласие на это путешествие. Депутаты заметили, что дон Карлос был всецело занят вышеупомянутым проектом, и постарались укрепить в его мозгу решение осуществить план. Они предложили ему помочь отправиться в Германию для исполнения задуманного. Для этих предложений нужен был посредник, и они обратились к камергеру короля Вандому. Он обещал принцу объявить его независимым владетелем Фландрии, лишив гражданского управления принцессу Маргариту и военного герцога Альбу, если принц дарует свободу религиозных убеждений. Грегорио Лети говорит о письме дона Карлоса к графу Эгмонту, которое было найдено в бумагах герцога Альбы и послужило причиной того, что этот губернатор велел обезглавить обоих графов - Эгмонта и Горна. Он не

Untitled

мог подвергнуть той же участи принца Оранского, потому что тот уже бежал. Между тем косвенными путями старались наказать в Испании маркиза Берга и барона Монтиньи, которых заключили в два отдельных замка.

VII. Хотя два последних вельможи предложили юному принцу денежную помощь для путешествия, он не принял ее, так как рассчитывал достать деньги сам; сделанные им попытки в этом направлении помогли раскрыть заговор. Он написал почти всем грандам Испании, прося их поддержки в задуманном предприятии. Он получил благоприятные ответы. Большинство их содержало, впрочем, условие, чтобы это предприятие не было направлено против короля, его отца. Адмирал Кастилии (потомок королевской фамилии по прямой мужской линии) не удовлетворился этой предосторожностью. Таинственное молчание, которым было окутано это мнимое предприятие, и знание безрассудства принца заставили его подозревать, что план мог быть преступным. Чтобы устранить опасность, он передал монарху письмо его сына, когда дон Карлос уже все открыл дону Хуану Австрийскому, своему дяде, который сообщил тотчас об этом Филиппу II. Некоторые лица заподозрили, что в план заговора входило убийство короля. Но письма доказывают, что дело шло лишь о попытках получить деньги. Дон Карлос доверил это дело Гарсии Альваресу Осорио, своему лакею, который был его сообщником. Он поручил ему дать устные разъяснения относительно того, чего не было в посылаемых письмах. Наперсник сделал несколько поездок для исполнения поручений своего господина в Вальядолид, в Бургос и в другие города Кастилии. Принц не получил всех денег, на

Untitled

которые он рассчитывал, и написал из Мадрида 1 декабря 1567 года письмо к Осорио, контрастигнированное Мартином де Гастелу, его секретарем. Он писал, что получил только шесть тысяч дукатов по всем обещаниям и векселям, пущенным в оборот в Кастилии, и что ему нужно шестьсот тысяч для предполагаемого предприятия, что для этой цели он посылает ему двенадцать бланков, подписанных им на один и тот же срок, чтобы он заполнил их именами и фамилиями лиц, которым их вручит. В то же время принц приказывал ему отправиться в Севилью, где он мог бы продолжать начатые попытки и использовать эти письма {Ван дер Гамен. Жизнь Дона Хуана Австрийского. Кн 1, где имеется копия писем.}.

VIII. По мере того как у дона Карлоса появлялась новая надежда на получение денег и на осуществление путешествия, в душе он предавался еще более преступным планам. Еще не наступил день Рождества 1567 года, как он задумал ужасный план лишить жизни своего отца. Он готов был действовать без предусмотрительности, без всякого плана и без разума. Этим он показал, что его предприятие исходило скорее от помешанного человека, чем от злодея и заговорщика. Он не обладал достаточной силой, чтобы хорошо хранить тайну, и не принимал никаких мер предосторожности против опасности, которой он себя подвергал этой попыткой. Филипп II был в Эскуриале, а вся королевская семья в Мадриде. Она должна была здесь исповедоваться и причащаться в воскресенье, 28 декабря, в день вифлеемских младенцев. Этот обычай был установлен при дворе для получения юбилейной [77] индульгенции,

Untitled

даруемой испанским королям папами. Дон Карлос исповедался в субботу 27 декабря у своего обычного духовника Диего де Чавеса, доминиканца (который был потом духовником короля). Принц вскоре рассказал нескольким лицам, что, объявив духовнику о намерении погубить человека, облеченного высоким саном, он не получил отпущения грехов, потому что не обещал отказаться от своего проекта. Дон Карлос обратился за тем же к другим монахам, но встретил отказ. Тогда он решил потребовать, чтобы брат Хуан де Товар, настоятель доминиканского монастыря Аточа (atocha - дрок), дал ему на следующий день неосвященную гостию. Он хотел уверить присутствующих при церемонии, что он причащается, подобно дону Хуану Австрийскому, Алессандро Фарнезе и остальным членам королевской фамилии. Настоятель легко распознал, что имеет дело с безумным. Убежденный в этом, он спросил принца, кого он хочет погубить, прибавив: если бы он знал, какой ранг имеет это лицо, то этого, возможно, было бы достаточно, чтобы не отказывать в его требовании. Это предложение со стороны настоятеля было очень смело, но он поступил так, чтобы принудить принца назвать человека, к которому он питал столь большую вражду. Результат соответствовал ожиданию настоятеля. Несчастный дон Карлос не поколебался назвать объектом своей ненависти того, кто дал ему жизнь. Такое же заявление он сделал дону Хуану Австрийскому, своему дяде. Один из приставов комнаты принца, который был свидетелем-очевидцем и вместе с тем деятельным участником этого дела, дал о нем точный отчет. Так как этот документ крайне важен и не был

Untitled

напечатан, я дам его копию, когда буду говорить об аресте принца, при котором этот пристав также присутствовал. IX. Попытки Гарсии Альвареса Осорио в Севилье велись так активно, что он в скором времени достал много денег. Дон Карлос, узнав о его успехе, решился пуститься в путешествие в середине января 1568 года и предложил дону Хуану, своему дяде, сопровождать его, как было обещано. Дон Карлос сообщил Ему свой проект, как только придумал его, не сообразив за отсутствием достаточного ума, что дядя мог не соблюсти тайны и что он подвергает себя большой опасности, делая ему это секретное сообщение. То, чего следовало опасаться, случилось на самом деле. Дон Хуан не преминул тотчас же дать отчет королю о своих разговорах с его сыном. Дон Карлос надавал много обещаний своему дяде, который, со своей стороны, ответил ему, будто готов все исполнить, но опасается, что путешествие не осуществится вследствие представляющихся опасностей. Дон Хуан уведомил короля обо всем этом. Монарх был еще в Эскуриале. Он обратился за советом к нескольким богословам и юрисконсультам, чтобы узнать, может ли он по совести продолжать притворяться и делать вид, что ничего не знает, чтобы таким путем способствовать осуществлению путешествия своего сына. Мартин д'Альпискуэта (прославившийся под именем доктора Наварро, потому что он родился в королевстве Наварра) был в числе тех, с которыми советовался Филипп II. Он выступал против предложения о предоставлении дону Карлосу возможности уехать. Он говорил, что обязанностью каждого государя является предотвращение гражданских войн, которые

Untitled

могут возникнуть в результате подобного путешествия, когда верноподданные Фландрии, вероятно, вступят в борьбу с мятежниками; ведь история представляет этому несколько примеров, как то имело место в последний раз при Людовике XI [78], короле Франции, когда он, будучи дофином, наследником Карла VII, своего отца, покинул двор, чтобы отправиться ко двору герцога Бургундского [79]. Кабрера рассказывает также, что по этому делу был запрошен Мельхиор Кано, бывший епископ Канарских островов; но этот историк ошибается: дон Мельхиор умер в 1560 году {Кабрера. История Филиппа II. Кн. 7. Гл. 22.}.
X. Принц сообщил также о своем решении своему духовнику, брату Диего де Чавесу. Тот старался отговорить его от этого намерения, но безуспешно. Дон Карлос посетил жену дона Луиса де Кордовы, обершталмейстера короля. Эта дама узнала из нескольких вырвавшихся у него выражений, что он предполагает уехать. Она поторопилась сообщить об этом своему мужу, который находился в Эскуриале вместе с королем и передал Его Величеству письмо своей жены. Наконец, в субботу 17 января 1568 года дон Карлос послал приказ дону Рамону де Тасису, главному директору почт, держать наготове восемь лошадей на следующую ночь. Тасис боялся, что этот приказ скрывает какую-то тайну, вредную для королевской службы. Он знал характер принца и знаком был со слухами, циркулировавшими в Мадриде. Эти мотивы побудили его ответить дону Карлосу, что все почтовые лошади заняты, в результате он имел время сообщить королю об этом случае. Принц послал новый, более настоятельный приказ. Тасис, страшившийся

Untitled

невоздержанности принца, тотчас отправил всех свободных почтовых лошадей из Мадрида, а сам поехал в Эскуриал. Король прибыл в Пардо (замок в двух милях от Мадрида). Дон Хуан Австрийский, узнав о его приезде, также приехал туда. Дон Карлос, не знавший о поездке отца, решил посоветоваться со своим дядей и доехал до Ретамара {Ретамар - местность почти на полпути из Мадрида в Пардо.}, откуда послал за ним. Принц рассказал ему о своем путешествии. Он сообщил, что Гарсия Альварес Осорио приехал из Севильи с полутора тысячами экю в счет шестисот тысяч, которые он хотел получить, и что он оставил необходимые приказы для получения остальной суммы векселями во время путешествия. Дон Хуан ответил, что готов отправиться вместе с ним. Но, расставшись с принцем, он вернулся к королю, чтобы дать отчет о слышанном. Монарх отправился тогда в Мадрид, куда прибыл вскоре после дона Карлоса {Кабрера. Кн. 7. Гл. 22; Ван дер Гамен. Жизнь дона Хуана Австрийского. Кн. 1.}.

Статья третья АРЕСТ ДОНА КАРЛОСА

I. Прибытие короля немного расстроило планы дона Карлоса и помешало ему настоять на приготовлении лошадей в эту ночь. Он отложил все до следующего дня, чтобы подумать, что следует делать. В этот день (это было воскресенье, 18 января) король отправился к обедне и присутствовал на ней открыто с доном Карлосом и доном Хуаном. Последний подошел к принцу, который поспешно стал спрашивать о прибытии отца. Ответы дона Хуана были, несомненно, не очень удовлетворительны, потому что он был принужден вынуть шпагу для защиты от своего

Untitled

племянника и закричать о помощи. Пришли люди и положили конец сцене, которая могла стать трагической. Тогда король увидал, что он не может более откладывать принятие суровых мер против сына. Он посоветовался с несколькими лицами своего тайного совета; было решено арестовать принца в эту же ночь. Так и произошло. Взяли его бумаги, оружие и деньги. Луис Кабрера сообщил некоторые подробности об этом событии. Я предпочитаю сослаться на рассказ, записанный через несколько дней после этого события приставом комнаты самого принца.

II. "Несколько дней принц, мой господин, не мог насладиться ни минутой покоя. Он постоянно говорил, что желает убить человека, которого ненавидит. Он сообщил об этом намерении дону Хуану Австрийскому, но скрыл имя лица, к которому питал вражду. Король отправился в Эскуриал, откуда послал за доном Хуаном. Неизвестен предмет их беседы; думают только, что она касалась зловещих проектов принца. Несомненно, дон Хуан открыл все, что знал. Король тотчас отправил его на почтовых за доктором Валаско; беседовал с ним о его проектах и о работе в Эскуриале, отдал приказания и прибавил, что он вернется не так скоро. Между тем наступил день юбилея, когда весь двор обыкновенно получает что-либо в честь рождественских праздников. Принц отправился вечером в субботу в монастырь Св. Иеронима {Это монастырь ордена иеронимитов, основанный Энрико IV. Рядом с монастырем находится старый королевский дворец, называемый Буэн-Ретиро (приятный покой)}. Я охранял его особу. Его королевское Высочество исповедался в этом монастыре, но не мог получить отпущения грехов из-за своих дурных

Untitled

намерений. Он обратился к другому духовнику, который ему также отказал. Принц сказал ему: "Решайтесь скорее". Монах ответил: "Пусть Ваше Высочество посоветуется об этом с учеными". Было восемь часов вечера. Принц послал свою карету за богословами монастыря Аточа {Аточа - доминиканский монастырь близ дворца Буэн-Ретиро, с восточной стороны.}. Их прибыло четырнадцать. Он послал нас в Мадрид за двумя монахами Альбарадо: одним - августинцем, другим - матуринцем. Он спорил со всеми и упорно желал получить отпущение, постоянно повторяя, что он так зол на одного человека, что убил бы его. Все эти монахи заявили, что принц требует невозможного. Он придумал другое средство и захотел, чтобы ему дали неосвященную гостию, лишь бы двор подумал, что он исполнил свой христианский долг, как и другие члены королевской фамилии. Это предложение повергло монахов в величайший ужас. На совещании рассуждали и о некоторых других крайне щекотливых пунктах, которые мне нельзя повторять. Все складывалось плохо. Настоятель монастыря Аточа отвел принца в сторону и искусно старался выведать у него, каков ранг лица, которое тот хочет убить. Принц отвечал, что это лицо очень высокого положения, и этим ограничился. Наконец настоятель обманул его, говоря: "Государь, скажите, что это за человек. Может быть, можно будет дать вам отпущение, смотря по роду удовлетворения, которое Ваше Высочество желает получить". Тогда принц сказал, что это король, его отец, против которого он питает злобу и которого хочет лишить жизни. Настоятель спокойно возразил: "Ваше Высочество, сами хотите убить короля, вашего отца, или

Untitled

при чьей-либо помощи?" Принц твердо стоял на своем намерении, поэтому не получил отпущения. Эта сцена окончилась в два часа пополуночи. Все монахи удалились, удрученные горем, в особенности его духовник. На другой день я провожал принца при его возвращении во дворец. В Эскуриале послали уведомить короля о случившемся.

III. Монарх прибыл в Мадрид в субботу {Это было в субботу, но не 3 и не 10 января, а в следующую, 17 января, накануне ареста дона Карлоса.}. На другой день он в сопровождении своего брата и принцев {Принцы Венгрии и Чехии, которые находились тогда в Мадриде, а также дон Хуан Австрийский и Алессандро Фарнезе.} пошел слушать обедню публично. Дон Хуан, страдая от горя, посетил в этот день дона Карлоса. Принц запер двери и спросил относительно предмета его беседы с королем, его отцом. Дон Хуан отвечал, что вопрос шел о галерах {Тогда снаряжали несколько галер, командование которыми было поручено дону Хуану Австрийскому.}. Принц много расспрашивал его, чтобы выведать еще что-нибудь. Когда он увидал, что его дядя ничего не говорит ему больше, он вытащил шпагу. Дон Хуан отступил к двери и, найдя ее запертой, встал в оборонительную позу со словами: "Ваше Высочество, остановитесь". Бывшие снаружи, услышав шум, открыли дверь. Дон Хуан удалился к себе. Принц, чувствуя недомогание, лег спать до шести часов вечера. Потом он встал и надел домашнее платье. Так как он ничего еще не ел с восьми часов, то велел принести вареного каплуна. В половине десятого он снова лег в постель. Я был в этот день на службе и ужинал во дворце.

IV. В одиннадцать часов вечера я увидал короля сходящим

Untitled

с лестницы. Его сопровождали: герцог де Фериа, великий приор {Великий приор ордена св. Иоанна Иерусалимского. Это был дон Антонио Толедский, брат герцога Альбы и член государственного совета.}, помощник командира гвардии и двенадцать гвардейцев. Монарх имел оружие поверх орденов, а голова его была покрыта шлемом. Он направился к двери, у которой я стоял, и приказал мне запереть ее и не открывать никому. Все уже вошли в комнату принца, когда он закричал: "Кто здесь?" Офицеры подошли к изголовью его ложа и забрали шпагу и кинжал. Герцог Фериа захватил также аркебуз, заряженный двумя пулями {Герцог де Фериа был главным командиром королевской лейб-гвардии и членом государственного совета.}. Принц стал кричать и сыпать угрозами. Ему заметили: "Здесь государственный совет". Он хотел схватить оружие и защищаться и вскочил уже с постели, когда вошел король. Дон Карлос спросил его тогда: "Чего хочет Ваше Величество от меня?" - "Вы узнаете это", - отвечал ему монарх. Сейчас же заколотили окна и двери. Король приказал дону Карлосу спокойно оставаться в этой комнате, пока он не получит дальнейших приказаний. Затем он подозвал герцога Фериа и сказал: "Я вам поручаю особу принца, позаботьтесь о нем и постерегите его". Затем он обратился к Луису Кихаде, графу де Лерме и дону Родриго де Мендосе {Луис де Кихада, сеньор де Вилягарейя, был сыном мажордома Карла V в его уединении. Граф де Лерма был впоследствии первым герцогом и фаворитом Филиппа III. Дон Родриго де Мендоса был старшим сыном принца Эволи.}: "Я вам поручаю служить принцу, но ничего не делайте по его

Untitled

приказанию, предварительно не известив меня. Я приказываю всем под страхом объявления изменником надежно стеречь его". При этих словах принц стал громко кричать: "Ваше Величество приказали бы лучше убить меня, чем держать пленником. Это большой скандал для королевства. Если вы этого не сделаете, я сумею умертвить себя сам". Король возразил, что он не должен этого делать, потому что такие поступки совершают только сумасшедшие. Принц ответил: "Ваше величество так плохо обращается со мной, что принудит меня дойти до этой крайности не от безумия, а от отчаяния". Было еще много наговорено с обеих сторон, но ничего конкретного. Ни время, ни место не дали возможности дойти до чего-либо определенного.

V. Король удалился. Герцог взял все ключи от дверей. Он отослал лакеев и других слуг принца. Он приставил к кабинету стражу: четырех горцев Эспиносы, четырех испанских алебардчиков и четырех немцев во главе с лейтенантом. Затем он подошел к двери, у которой я стоял, поставил здесь четырех других горцев и четырех гвардейцев и велел мне удалиться. Потом забрали ключи от письменных столов и сундуков принца; король велел принести их в свои апартаменты. Велели унести постели лакеев: герцог де Фериа, граф де Лерма и дон Родриго бодрствовали эту ночь при Его Высочестве. В другие ночи бодрствовало по два камергера, сменявшихся каждые шесть часов. Король поручил эту службу семи камергерам. То были: герцог де Фериа, Руи Гомес {Руи Гомео де Сильва, принц Эволи.}, приор дон Антонио Толедский, Луис Кихада, граф де Лерма, дон Фадрике {Дон Фадрике

Untitled

Энрикес, брат адмирала.} и дон Хуанде Веласко {Дон Хуан де Веласко, сын дона Габриэля, графа де Сируэла.}. Они были без оружия во время этой службы. Гвардейцы не позволили нам подходить ни днем, ни ночью. Два камергера ставили прибор. Мажордомы приходили за обедом во дворец. Не позволяли приносить ножей. Мясо приносили разрезанным. Не служили обедни в апартаментах принца, и он не слышал ее с тех пор, как находится в тюрьме {Впоследствии в апартаментах принца служили обедню. Это доказывает, что отчет был написан до 2 марта, когда последовал приказ о служении обеден.}. VI. В понедельник {В понедельник 19 января 1568 года.} король созвал в своих апартаментах все советы с их председателями. Каждому совету отдельно он сделал доклад об аресте своего сына. Он сказал, что арест состоялся по делу, касающемуся службы Богу и государству. Очевидцы уверяли меня, что монарх проливал слезы, говоря об этом. Во вторник Его Величество созвал также в своих апартаментах членов государственного совета. Собрание продолжалось с часу дня до девяти вечера. Неизвестно, чем оно занималось. Король вел следствие. Ойос {Настоящее имя его было Педро дель Ойо.} был секретарем. Монарх присутствовал при показаниях каждого свидетеля. Показания записаны и составляют тетрадь толщиной в шесть дюймов. Он передал совету привилегии майоратов {То есть старших сыновей, которые имеют право наследовать корону, которая есть майорат, или пожизненное замещение в порядке первородства или старшинства.}, а также короля и принца кастильских, чтобы члены совета с ними

Untitled

ознакомились.

VII. Королева и принцесса {Хуанна, сестра короля, которая воспитывала принца до других учителей.} были в слезах. Дон Хуан приходил во дворец каждый вечер. Однажды он пришел в простом траурном платье. Король упрекнул его, велел снять этот костюм и одеться по-прежнему. В понедельник Его Величество приказал предупредить всех лакеев, чтобы они удалились в свои жилища, обещая позаботиться о них. Он перевел на службу к королеве дона Хуана де Веласко и дона Фадрике, брата адмирала, бывшего мажордомом дона Карлоса". На этом кончается рассказ пристава.

VIII. Филипп II отлично понимал, что подобное событие не может остаться тайным и не преминет возбудить любопытство публики. Он подозревал, что оно даст материал для разных толков как в Испании, так и при иностранных дворах. Поэтому он счел нужным сообщить об этом прискорбном происшествии всем архиепископам, епископам и другим прелатам, капитулам кафедральных соборов, королевским судебным палатам, гражданским и военным губернаторам провинций, городам и их коррегидорам, папе, императору германскому, некоторым государям Европы, Катерине Австрийской, королеве Португалии, вдове Иоанна III, сестре Карла V, тетке и теще Филиппа II, бабушке несчастного узника, тетке и бабушке -Анны Австрийской, на которой он женился. Столько титулов этой принцессы побудили Филиппа II написать ей собственноручное письмо, в котором он называет ее матерью и госпожой всей семьи. Этот монарх написал также Марии Австрийской, своей сестре, императрице

Untitled

германской, жене Максимилиана II и матери Анны. Луис Кабрера поместил в Истории Филиппа II это письмо, которое он считает адресованным императрице, но он ошибся: королева Португалии была единственная, кого можно было запросто называть матерью и госпожой всей семьи. В письме из Мадрида, адресованном папе и датированном 20 января, король говорил, что, несмотря на удручающее его горе, утешается тем, что сделал все возможное, чтобы дать хорошее воспитание сыну, и закрывал глаза на все, что могло произойти от его физической организации, но что теперь служение Богу и долг заботиться о благе подданных не позволяют дальше терпеть его поведение. Он кончает обещанием уведомить Его Святейшество об этом деле и просит помощи его молитв для счастливого исхода. В тот же день Филипп написал собственноручно другое письмо - королеве Катерине, своей тетке. Он сообщал ей о горе, разрывающем его отцовское сердце; он напоминал, что уже извещал ее о многих предшествующих событиях, которые заставляли бояться будущего; он заявлял также, что за арестом принца не должно следовать никаких наказаний, и что арест был решен, чтобы прекратить безобразия принца. Письмо к императрице, сестре монарха, было составлено почти в тех же выражениях. IX. В письмах, адресованных государем городам, он говорил: если бы он был только отцом, то никогда не решился бы предпринять подобное мероприятие, но королевский сан не позволил ему поступить иначе; действуя таким образом, он, по его словам, мог пресечь зло, которое причинила бы государству его слабость в этом

Untitled

деле. Диего де Кольменарес поместил в истории Сеговии письмо, которое этот город получил от Филиппа II. Подобные же письма получили остальные города, губернаторы, судебные палаты, епископы и капитулы. Все они были включены в другое, адресованное коррехидорам. Я видел письмо, написанное коррехидору Мадрида; оно может дать понятие обо всех остальных. Филипп II сообщил этому магистрату, что в случае если муниципалитет вздумает выбрать депутатов или сделать представления в пользу его сына, он должен постараться отклонить подобное намерение ввиду того, что отец не нуждается в мольбах для дарования милости сыну. Он предписывает также: если возникнет вопрос об ответе, то следует поступить так, чтобы не входить в детали этого дела и довольствоваться лишь заявлением, что, по их убеждению, отец, решившись на такой серьезный шаг, руководствовался очень вескими и справедливыми мотивами. Все, получившие королевские письма, ответили на них, хотя различным образом, как это можно легко себе представить ввиду большого количества лиц, писавших эти ответы. Монарх все их прочел и собственноручно пометил на письме, полученном из Мурсии: "Это письмо написано осторожно и сдержанно". Из этого видно, что оно понравилось больше других. Этот довод и желание представить ненапечатанный документ побудили меня дать его копию. Из него видно, что пришлось по вкусу Филиппу, учитывая трагические обстоятельства дела.

X. "Священное, католическое и королевское Величество! Муниципалитет Мурсии получил посланное Вашим Величеством письмо. Он узнал о вашем решении

Untitled

относительно заключения нашего принца. Муниципалитет тысячекратно лобзает стопы Вашего Величества за выдающуюся милость, оказанную ему особым уведомлением об этом происшествии. Муниципалитет вполне убежден, что доводы и мотивы, руководившие Вашим Величеством, были очень важны и диктовались заботой об общественном благе и что вы не могли поступить иначе. Ваше Величество хорошо управляли королевством, содержали подданных в состоянии мира, дали великое распространение религии, поэтому естественно предположить, что в деле, так близко касающемся вас, вы решились на подобную меру, только имея целью служение Богу и общее благо народа. Город, однако, не может не испытывать истинного горя при виде важности причин, послуживших к новому огорчению Вашего Величества. Он не может думать без умиления, что имеет короля и государя, столь справедливого и столь заботящегося о благе своего королевства, которое ставит выше всего, и забывает для него нежную привязанность к своему родному сыну. Такое яркое доказательство этой любви должно обязать подданных Вашего Величества к засвидетельствованию их признательности путем покорности и верности. Город, всегда отличавшийся своим усердием, должен в эту минуту дать величайшее доказательство верности и спешит повиноваться всему, что Вашему Величеству будет угодно приказать. Бог да хранит католическую и королевскую особу Вашего Величества! В муниципальном совете Мурсии 16 февраля 1568 года".

XI. Папа св. Пий V и все другие лица, которым писал Филипп II, ответили - ему, выступая в защиту его сына. Они

Untitled

говорили: можно надеяться, что такое серьезное событие явится уздой, сдерживающей принца, и заставит его переменить поведение. Никто не делал больше настояний, чем Максимилиан II. Правда, он был заинтересован в браке, которым хотел связать свою дочь и принца. Он не только написал письмо, но и послал в Мадрид эрцгерцога Карла для этой цели. Это путешествие мотивировалось тем, что эрцгерцог должен был отправиться во Фландрию для установления там спокойствия, и во Францию с целью вести переговоры о браке другой дочери Максимилиана с Карлом IX. Филипп II был непреклонен в своем решении. Он не удовлетворился содержанием принца в тюрьме и показал, что намерен продолжить его заточение. Это легко заметить из того, что 2 марта он подписал указ относительно тюремного режима дона Карлоса. Он велел засвидетельствовать этот приказ секретарю Педро дель Ойо и доверил его исполнению Руи Гомесу де Сильве, принцу Эволи. Король назначил этого вельможу своим заместителем во всем относящемся к обслуживанию принца и подчинил его приказаниям других офицеров. Статьи этого указа гласили в главнейшем следующее: XII. "Принц Эволи есть главный начальник всех лиц, используемых для обслуживания принца, для охраны, для снабжения его продовольствием, для его здоровья и для удовлетворения всех других нужд, которые он может испытывать. Он ночью и днем будет запирает дверь комнаты принца на щеколду, а не на ключ. Он не позволит Его Высочеству выходить оттуда. Его Величество назначает для охраны и обслуживания принца и для поддерживания компании с ним графа де Лерму, дона

Untitled

Франсиско Мандрика, дона Родриго де Бенавидеса, дона Хуана де Борху, дона Хуана де Мендосу и дона Гонсало Чакона. Никто другой, кроме вышеназванных лиц (за исключением врача, цирюльника и горца (montero) {Горец (montero) - ночной телохранитель короля Все лица этой гвардии называются горцами Эспиносы (monteras de Espinosa), потому что все они уроженцы местечка Эспиноса де-лос Монтерос. Эта привилегия была дарована владетельным графом Кастильским Фернандо Гонсалесом в вознаграждение за верность.}, приставленного для личных услуг принцу), не может входить в его апартаменты без разрешения монарха. Граф Лерма будет спать в комнате дона Карлоса. Если он почему-либо не сможет этого, то будет спать один из сеньоров, его товарищей. Один из них будет бодрствовать ночью; они распределяют между собой исполнение этой обязанности попеременно. Днем они постараются быть все вместе в апартаментах, чтобы дон Карлос мог быть развлечен их компанией; они могут отлучиться от этой обязанности только по какому-нибудь делу. Эти господа будут говорить с принцем о незначительных вещах; они должны стараться никогда не вводить в беседу ничего относящегося к его делу и как можно меньше упоминать о том, что касается правительства. Они будут повиноваться всем приказаниям для обслуживания и удовлетворения его нужд; но они должны воздержаться от выполнения поручений к посторонним лицам или от последних к нему. Если случится, что дон Карлос введет в разговор что-либо относящееся к его заключению, они ему не ответят и сообщат принцу Эволи. Король настоятельно рекомендует

Untitled

им (если они не хотят нарушить верности, в которой присягали) ничего не передавать наружу из того, что делается или говорится внутри, не получив предварительно королевского согласия. Если кто-либо из них узнает, что об этом говорят или в городе, или в частных домах, он обязан доложить королю. Обедню будут служить в часовне, и принц будет слушать ее из своей комнаты в присутствии двух сеньоров, которым поручена его охрана. Ему дадут четки, молитвенник, Часослов и другие книги, которые он попросит, при том условии, что в них будет говориться о набожности, а не о других предметах. Шесть горцев, приставленных для охраны и обслуживания принца, принесут кушанья, предназначенные для его стола, в первую залу; они будут затем поданы Его Высочеству сеньорами из его охраны; горец возьмет блюда во второй комнате. Горцы будут служить днем и ночью, как распорядится Руи Гомес де Сильва. Двух алебардщиков поставят в тамбуре залы, ведущем во двор; они не позволят никому войти без разрешения принца Эволи. В его отсутствие они получают разрешение от графа Лермы; если же и его нет, они обратятся к сеньору, который будет исполнять обязанности начальника. Руи Гомес де Сильва уполномочен от имени короля предупредить испанских капитанов и немецких гвардейцев, чтобы они поставили восемь или десять алебардщиков снаружи тамбура. Эти люди должны также стоять на страже у двери принцесс. Двое из них будут помещены в апартаменты Руи Гомеса с момента открытия главного входа во дворец, до полуночи, когда закрывается комната принца и когда горцы начинают свою службу. Каждому из сеньоров, которые отправляют

Untitled

службу в комнате дона Карлоса, допускается иметь своего личного слугу; он выбирает из своих людей того, кто более заслуживает его доверия. Все эти люди принесут присягу перед принцем Эволи в точном исполнении каждым из них распоряжений этого указа. Руи Гомес, а в его отсутствие сеньоры, находящиеся под его начальством, дадут отчет королю обо всех допущенных оплошностях.

Вышеназванный Руи Гомес уполномочен добавить к этому, что сочтет необходимым для обслуживания и что не было предусмотрено указом. Так как на него ложится вся ответственность, его приказания должны исполняться всеми людьми, подчиненными ему.

XIII. Секретарь Ойо прочел этот указ всем служащим вместе и каждому отдельно. Они присягнули в исполнении его содержания, как и восемь горцев, включенных в статьи этого регламента.

Статья четвертая Процесс Дона Карлоса

I. В предыдущей статье мы видели из рассказа пристава комнаты принца дона Карлоса, что Филипп II приказал начать процесс против своего сына. Король, приступив к допросу свидетелей через секретаря Педро дель Ойо, создал специальную комиссию для рассмотрения этого дела. В ее состав вошли дон Диего Эспиноса, кардинал, епископ Сигуэнсы, член государственного совета, главный инквизитор, председатель совета Кастилии; Руи Гомес де Сильва, принц Эволи, герцог Франкавила и Пострана, граф Мелито, член государственного совета, главный камергер короля; дон Диего Бривизка де Муньятонес, член совета Кастилии и член тайного совета короля; председательствовал в комиссии король. Ведение

Untitled

процесса было поручено Муньятонесу. Филипп II, желая придать этому делу вид судопроизводства по преступлению об оскорблении Величества, велел взять из королевского архива в Барселоне и привезти в Мадрид документы процесса, предпринятого Хуаном II, его прапрадедом, королем Арагона и Наварры, против его старшего сына Карлоса, принца Вианы и Героны, признанного подданными его преемником. Монарх приказал перевести их с каталонского языка на испанский, чтобы их легче было понять.

II. Указ, касающийся тюремного режима дон Карлоса, соблюдался с такой строгостью, что, когда королева и принцесса Хуанна захотели посетить и утешить его, король не пожелал это разрешить. Монарх настолько не доверял никому, что жил как в заточении и прекратил привычные посещения своих загородных домов в Аранхуэсе, Пардо и Эскуриале. Он заперся в своих апартаментах и при малейшем шуме бросался к окну, чтобы узнать его причину и последствия, так опасался какого-либо смятения. Он постоянно подозревал, что фламандцы или другие лица являются сторонниками принца или, по крайней мере, притворяются таковыми.

III. Между тем несчастный дон Карлос, который не привык управлять своими страстями, не сумел использовать подходящих средств для смятения своей опалы. Он постоянно пребывал в величайшем нетерпении. Он отказался исповедаться и привести себя в такое состояние чтобы суметь исполнить религиозный долг, который испанская королевская фамилия всегда выполняла в вербное воскресенье. Его бывший учитель, епископ Осмы,

Untitled

умер 30 июля 1566 года. Король приказал доктору Суаресу Толедскому, своему первому воздаятелю милостыни, посетить дона Карлоса, чтобы постараться его убедить. Хотя принц всегда обращался с этим духовным лицом чрезвычайно почтительно, его усилия не привели ни к чему. Суарес написал ему в день Пасхи (18 апреля) длинное и трогательное письмо, в котором доказывал, используя убедительные доводы и аргументы, что Его Высочество не предпринимает ничего для улаживания своего дела и не только не придает ему благоприятного оборота, но еще более ухудшает его. Он утверждает, что у принца нет более ни друзей, ни сторонников, и напоминает ему различные скандальные сцены, которые увеличили число его врагов. Его письмо кончалось следующими словами: "Ваше Высочество может вообразить себе, что сделают и скажут все, когда узнают, что вы не исповедуетесь, и когда откроются другие страшные вещи относительно вас. Некоторые ваши поступки таковы, что - если бы речь шла о любом другом лице, а не о Вашем Высочестве - святой трибунал принужден был бы расследовать, христианин ли человек, совершивший это. Я, наконец, заявляю Вашему Высочеству со всей искренностью и преданностью, что вы подвергаете себя опасности потерять свое положение и (что еще хуже) свою душу. Я обязан с прискорбием и болью в сердце сказать вам, что нет иного средства, и как вернуться к Богу и к вашему отцу, который представляет Господа на земле; это единственный совет, который я могу вам дать. Если Ваше Высочество пожелает следовать моим наставлениям, обратитесь к председателю и другим добродетельным людям, которые не преминут сказать вам

Untitled

правду и повести вас по пути добра". Это письмо имело успех не больший, чем все другие попытки вразумить принца, который упорно отказывался от исповеди.

IV. Отчаяние, в которое вскоре впал дон Карлос, привело к тому, что он не соблюдал ни малейшей правильности ни в пище, ни во сне. Владевший им гнев разжег его кровь, и его организм разгорячился до такой степени, что ледяная вода (которую он постоянно употреблял) не могла его успокоить. Он велел класть к себе в постель большое количество льда, чтобы умерить сухость кожи, которая стала невыносимой. Он ходил голым и босым и отказывался от всякой пищи; в течение одиннадцати дней он пил только воду со льдом. Он ослабел до того, что думал, будто ему не долго остается жить. Король, узнав о его состоянии, посетил его и обратился к нему с несколькими словами утешения. В результате принц стал есть больше, чем следовало в его положении. Его желудок лишился теплоты, необходимой для работы пищеварения. Это излишество породило злокачественную лихорадку, сопровождавшуюся припадками, выделением желчи и опасной дизентерией. За принцем ухаживал доктор Оливарес, первый врач короля, который входил один к больному и, выйдя из его комнаты, совещался с другими королевскими врачами в присутствии Руи Гомеса де Сильвы.

V. Следствие, которое производил дон Диего Бривизеска де Муньятонес, к июлю достаточно продвинулось вперед, так что можно было сформулировать упрощенный приговор, не выслушивая виновного, или назначить королевского прокурора, который обвинил бы принца в преступлениях,

Untitled

констатированных предварительным следствием. Принцу не предъявили никакого судебного уведомления. Были только показания свидетелей, письма и другие бумаги. Из документов вытекало, что согласно законам королевства приходилось осудить дона Карлоса на смертную казнь. Он был изобличен в преступлении оскорбления Величества по двум пунктам: 1) потому, что составил план и пытался совершить отцеубийство; 2) потому, что хотел узурпировать государственную власть над Фландрией посредством гражданской войны. Муньятонес доложил королю об этом, а также о наказании, установленном законами для подданных, которые повинны в подобных преступлениях. Он присовокупил, что особые обстоятельства и личность преступника могут позволить Его Величеству использовать свою верховную власть для объявления, что общие законы не касаются старших сыновей короля, которые подчинены другим законам, имеющим более возвышенный характер и проникнутым политическими государственными соображениями и высшими интересами общественного блага; наконец, что монарх может, для блага своих подданных, смягчать наказания, налагаемые законами.

VI. Кардинал Эспиноса и принц Эволи заявили, что они разделяют мнение советника Муньятонеса; Филип II сказал тогда, что сердце велит ему прислушаться к мнению советников, но что совесть не позволяет этого; он не думает, чтобы в результате вышло какое-нибудь благо для Испании; он полагает, напротив, что величайшее бедствие, которое могло бы случиться с его королевством, произойдет, если им будет управлять монарх, лишенный воспитания, таланта, рассудительности, добродетелей и

Untitled

полный пороков, страстей, особенно раздражительный, жестокий и свирепый; все эти соображения принуждают его, вопреки любви, связывающей его с сыном, и безысходной тоске, причиняемой этой страшной жертвой, продолжать судопроизводство по формам, предписанным законами. Невзирая на это и принимая во внимание, что здоровье сына вследствие уклонений от правильного распорядка находится в плачевном состоянии и нет никакой надежды на спасение, он полагает, что для смягчения последних страданий можно было бы несколько пренебречь оказываемым ему уходом, чтобы удовлетворить все его желания в питье и еде; судя по расстройству его мыслей, он не замедлит впасть в излишества, которые скоро приведут его к могиле. Единственное, что его занимает, говорил король, это необходимость убедить сына, что смерть неизбежна и ввиду этого ему непременно нужно исповедаться, чтобы обеспечить свое вечное спасение; это величайшее доказательство любви, которое он может дать своему сыну и испанскому народу.

VII. Документы процесса не говорят об этом решении короля. Нет никакого приговора, ни подписанного, ни написанного; есть только небольшая заметка секретаря Педро дель Ойо, в которой сказано, что судопроизводство здесь остановилось, так как принц умер от болезни; вследствие этого не было произнесено никакого приговора. Доказательство этого факта существует в других бумагах, где были описаны редкие детали и анекдоты современности. Хотя эти бумаги не являются подлинными документами, они заслуживают доверия, потому что

Untitled

исходят от лиц, служивших в королевском дворце, и согласуются с тем, о чем некоторые писатели говорят намеками. Правда, писатели не пожелали ясно изложить это щекотливое дело, но они сказали достаточно, чтобы мы могли открыть истину. Впоследствии я приведу отрывки из произведений некоторых из этих авторов; теперь же я последую за нитью моего рассказа.

VIII. Кардинал Эспиноса и принц Эволи, зная приговор, произнесенный устно Филиппом И, вообразили, что исполнят истинные намерения короля, если они ускорят момент смерти дона Карлоса. Они решили, что будет разумно, если они поручат врачу разъяснить принцу его состояние, не говоря ничего, что могло бы осведомить его о гневе короля и о судопроизводстве, послужившем причиной ареста; врач должен был подготовить принца выслушать увещания, которые нужно сделать в интересах его вечного спасения. Кардинал Эспиноса и Эволи надеялись этим средством убедить принца покорно выслушать советы об исповеди и приготвлении к смерти, которую Бог скоро пошлет ему для прекращения страданий. Принц Эволи имел совещание с доктором Оливаресом. Он говорил с доктором тем важным и таинственным тоном, который люди, опытные в придворной политике, умеют ловко употреблять, когда это нужно для целей государя и для их личных планов. Руи Гомес де Сильва отлично владел этим искусством, по мнению Антонио Переса, его друга и первого государственного секретаря, который был вполне осведомлен об этом происшествии. Он дал это понять в одном из своих писем, где говорит, что после смерти

Untitled

принца Эволи остается только он один, который посвящен в эту тайну.

IX. Доктор Оливарес очень хорошо понял, что от него требуют исполнения смертной приговора, произнесенного королем, но необходимо исполнить его таким образом, чтобы честь принца не была затронута; следует, чтобы это походило на естественную смерть, явившуюся результатом болезни. Он постарался выразиться таким образом, чтобы дать понять принцу Эволи, что уяснил его намерение и смотрит на него как на королевский приказ, исполнение коего поручается ему.

Статья пятая Смерть Дона Карлоса

I. 20 июля доктор Оливарес предписал лекарство, которое дон Карлос принял. Луис Кабрера, в то время служивший во дворце и часто выдавший принца Руи Гомеса, говорит в своей Истории Филиппа II, что это лекарство не принесло облегчения. Так как болезнь казалась смертельной, врач объявил больному, что было бы хорошо, если бы он приготовился умереть по-христиански и принял таинства.

II. Дон Лоренте Ван дер Гамен рассказывает, что врач не без приказа и не без размышления дал принцу слабительное, от которого не получилось ничего хорошего, и что болезнь вскоре обнаружила смертельные симптомы {Ван дер Гамен. Жизнь короля Филиппа Мудрого ("Vida del fey D. Felipe el Prudente").}. Когда этот автор рассказывает о плане дон Карлоса совершить путешествие во Фландрию, о котором он сообщил дону Хуану Австрийскому, своему дяде, а тот в свою очередь передал его отцу, он говорит: "С этого времени Филипп стал принимать меры, чтобы помешать планам принца и спасти королевство; эти

Untitled

средства не дошли бы до той крайности, о которой всем нам известно, если бы король смог умерить разнузданные склонности дон Карлоса или если бы принц решил отказаться от задуманного им плана" {Ван дер Гамен. Жизнь дон Хуана Австрийского ("Vida de D. Juan de Austria").}. Что означают эти слова: "эти средства не дошли бы до той крайности, о которой всем нам известно"? Каковы же были средства, до которых дошли и о которых все знали, когда писал современник этих событий, наш автор? Идет ли здесь речь об аресте и заключении принца? Это не было тайной; поэтому он мог писать об этом Открыто. Не так обстояло дело со смертью больного. Надо сопоставить это место со словами другого труда того же автора: "Врач дал ему слабительное, от которого не получилось ничего хорошего, но не без приказа и не без размышления, и болезнь вскоре обнаружила смертельные симптомы". Вскоре мы отыщем настоящий смысл обеих фраз.

III. Фавиан Эстрада сказал в своей истории фландрских войн: "После столь бедственно проведенного полугодия, в течение которого его непоколебимый отец все-таки не был смягчен посольствами всех европейских государей, дон Карлос умер от болезни, которая с ним приключилась отчасти вследствие его отказа принимать пищу, отчасти от излишеств в пище, от того также, что он клал снег в свое питье, и, наконец, от душевного горя, если действительно не было применено насилие... Я знаю, что вещи, которые я рассказываю, не понравятся тем, кто, не заботясь об истине, с радостью воспринимает в дурном смысле все сказанное о действиях государей... Но так как эти вещи

Untitled

скрыты и не легко в них проникнуть, я предоставляю их тем писателям, которые желают получить славу прорицателей и угадывать разные события при помощи толкований оракулов".

IV. Эта последняя фраза намекает на предсказание, которое Онмеро вывел при помощи числового значения букв одного стиха из первой книги *Метаморфоз* Овидия [80], написанного следующим образом: "FILlus ante DleM patrlos InqVivlt Inannos".

Смысл получается от сложения цифр, обозначенных капитальными буквами этого стиха. Выходит число 1568, соответствующее году, когда принц дон Карлос замыслил покушение на жизнь своего отца.

V. Фавиан Эстрада прибавляет, что он не считает правдоподобными уже данные им некоторые детали о причинах опалы дон Карлоса. Но остановимся особенно на словах: "если действительно не было применено насилие". Сопоставим их с фразой, которой он старается ответить на аргумент тех, кто, не заботясь об истине, с радостью воспринимает в дурном смысле все сказанное о действиях государей. Он не хочет смешиваться с ними, потому что это вещи скрытые и в них не легко проникнуть.

VI. Луис Кабрера, историк Филиппа II, в своем рассказе о болезни и смерти дон Карлоса утверждает, что принятое им слабительное не дало полезного результата и болезнь стала казаться смертельной; далее этот историк прибавляет: "Об этом деле в Испании и вне этого королевства, а также в историях, написанных врагами Филиппа II и его соперниками, существует много рассказов. Я пишу то, что видел и о чем слышал тогда и после. Я могу

Untitled

это делать, потому что с детства был допущен в апартаменты государей. С годами эта доступность увеличилась благодаря частому общению с ними вследствие расположения, с которым некоторые министры были приняты королем, особенно принц Руи Гомес де Сильва и дон Кристобал де Мора, маркиз де Кастель-Родриго, влияние коего было выгодно для моего отца Хуана Кабреры де Кордовы. Все это, вместе с добротой, с какою Его Величество принял меня на службу, дало нам свободный доступ к важным лицам и возможность близкого общения с ними". Манера выражения Луиса Кабреры, заслуживает внимания. Он признает, что в Испании различно толковали о смерти дона Карлоса, но он хочет в то же время почтить память короля, сыну которого он посвящает свой труд. Поэтому он избегает всякого обсуждения, рассказывая о том, что видел и слышал в то время во дворце монарха, куда входил свободно и где видел также принца Эволи. Ясно, что этот наперсник Филиппа II остерегается открывать какой-либо его секрет без необходимости. Тем не менее Луис Кабрера полагал, что неприятные последствия лекарства и роковой оборот болезни могли явиться следствием специально принятых мер, потому что, если бы у него не было этой мысли, он не преминул бы энергично опровергнуть противоположное мнение, как и следовало делать.

VII. Истории, опубликованные Кабрерой, Ван дер Гаменом, Опмеро и Эстрадой, согласны с тайными мемуарами того времени, которые я читал. Поэтому неудивительно, что принц Оранский в своем манифесте против Филиппа II

Untitled

приписал ему гибель сына {Ватсон. История царствования Филиппа II, на англ и фр. яз., приложение.}, что Жак Огюст де Ту, французский историк-современник, впрочем, очень осмотрительный, делает то же самое на основании подробностей, сообщенных ему Луи де Фуа [81], французским архитектором, строившим Эскуриал, и к этому приходит и Пьетро Джустиниане, венецианский дворянин, который долго жил в Испании, хотя он ошибся, допуская вмешательство святого трибунала в это дело и предполагая, что принц умер через несколько часов от действия яда; он высказывает и другие ошибочные мнения, излишне доверившись своим корреспондентам {Де Ту. История моего времени, на лат. яз. Т. II. Кн. 43}. Я изумлен, что другие авторы, цитированные Грегорио Лети, наговорили столько противоречащих друг другу вещей, что они кажутся вышедшими из-под пера авторов повестей или романов. Кончина принца произошла от таинственного лекарства, и приказ о приеме его был отдан тайно. Поэтому никто не сомневался, что эта смерть была насильственной, и каждый строил предположения для того, чтобы угадать, как она произошла.

VIII. Однако права истины неотъемлемы; рано или поздно правда обнаружится. После двух с половиною столетий мы открываем столько фактов и деталей об этом событии, что их соединение вносит в наш ум внутреннее убеждение, что смерть дона Карлоса обладает всеми внешними признаками естественной смерти и что больной сам считал ее таковою. Рассказ некоторых благоразумных иностранных историков о последствиях лекарства уже опровергнут подлинными документами. Рассказ тех

Untitled

писателей, которые забавляются писанием романов под видом истории, опровергнут также. Поэтому, не останавливаясь долее на этом спорном предмете, я продолжу мой рассказ, излагая истину и пригласив читателей отбросить все, что они найдут противоречащего этому в других книгах.

IX. Дон Карлос, узнав от Оливареса, что его болезнь неизлечима и смерть близка, побуждаемый в то же время приготовиться к ней, пожелал, чтобы позвали брата Диего де Чавеса, его духовника. Его приказание было исполнено 21 июля. Принц поручил монаху попросить прощения от его имени у короля, его отца. Тот велел ему ответить, что от всего сердца дарует прощение, дает свое благословение и надеется, что раскаяние поможет ему получить прощение от Бога. В тот же день он принял с большим благоговением таинства причащения и соборования. С соизволения короля он оформил завещание, которое было написано Мартином де Гастелу, его секретарем. 22 и 23 июля он был в агонии. В этом состоянии он спокойно выслушал увещания дона Диего де Чавеса и доктора Суареса Толедского, подателя милостыни.

Министры предложили королю посетить сына и вторично дать ему свое благословение, представляя, что эта милость лучше всего утешит умирающего. Филипп II справился у двух вышеупомянутых духовных лиц. Те ответили, что дон Карлос сейчас хорошо настроен, но можно опасаться, что вид отца произведет смущение в его мыслях. Этот мотив на время удержал его. Однако, узнав в ночь с 23 на 24 июля, что его сын при последнем

Untitled

издыхании, он пришел в комнату и, простирая руку через плечи принца Эволи и великого приора, дал ему вторично свое благословение, не будучи им замечен. Сделав это, он вернулся весь в слезах. Вскоре после его ухода последовала смерть дона Карлоса, который испустил последнее дыхание в четыре часа утра 24 июля, накануне праздника св. Иакова, патрона Испании.

Х. Смерти этого принца не скрывали; наоборот, его похоронили со всей пышностью, приличествующей его сану, в церкви королевского женского монастыря Св. Доминика в Мадриде, но надгробной речи не было произнесено. Филипп II оповестил о смерти дона Карлоса всех лиц и все корпорации, которые он уведомил о его заключении. У меня имеется копия письма, которое он написал толедскому капитулу 27 июля. Оно подписано монархом и контрастигировано Франсиско де Эрасо, государственным секретарем. У меня есть также копия письма этого статс-секретаря к дону Диего Де Суньиге, коррехидору Толедо, от 28 июля. Он дает подробный отчет о начале, причинах и течении болезни дона Карлоса, о его безропотности и набожности в последние три дня жизни. Город Мадрид торжественно справил его заупокойное поминовение 14 августа. Проповедь была сказана братом Хуаном де Товаром, настоятелем доминиканского монастыря Аточа. Это он в ночь с 27 декабря предыдущего года обманул принца, заставив его объявить, кого он хотел убить. Наконец, в том же году напечатали длинную реляцию о болезни, смерти и погребении принца. Муниципалитет Мадрида поручил составить ее Хуану Лопесу дель Ойо, профессору латинского языка в столице.

Untitled

XI. Испания горько оплакивала смерть дона Карлоса не только по причине предшествовавших ей страданий, но и потому, что у короля не осталось мужского потомства. Принц был единственным плодом первого брака короля с Марией Португальской. Он не имел детей от второго брака с Марией Английской. Его третий брак с Елизаветой Французской дал еще двух дочерей: Изабеллу-Клару-Евгению, родившуюся 12 августа 1566 года, и Катерину, родившуюся 10 октября 1567 года. Все надежды возлагались на третью беременность королевы, о которой стало известно незадолго до смерти дона Карлоса. Ожидание народа было обмануто, потому что добродетельная Елизавета умерла от выкидыша 23 октября 1568 года.

XII. Это несчастье (и дурное мнение, господствовавшее в Европе о Филиппе II, на которого смотрели как на государя лицемерного, жестокого и кровожадного) подало повод к обвинению его сначала принцем Оранским (а потом и многими другими) в насильственной смерти королевы. Во Франции были противоположного мнения, так как Карл IX послал в Мадрид чрезвычайного посла с выражениями соболезнования; Филипп II был действительно безутешен, видя себя без наследника, которого он ожидал от жены. Хуан Лопес дель Ойо опубликовал в 1569 году точный отчет о болезни и смерти королевы Елизаветы, где приводятся некоторые обстоятельства, несовместимые с употреблением яда, от которого, как говорили, она умерла. Известно, что принцем Оранским овладели ненависть и жажда мести. Нельзя верить в реальность преступления, у которого нет ни цели, ни мотивов, ведь Филипп был

Untitled

заинтересован в ожидании результатов родов королевы. Другие писатели, верившие в реальность преступления, старались открыть его причину, и явились на сцену авторы романов, которые думали отыскать ее в мнимой интриге дона Карлоса. Предположим, что она существовала в действительности. Но есть исторические доказательства, что она могла начаться только со времени возвращения принца из Алькалы, а в эту эпоху он горячо желал жениться на Анне Австрийской [82], своей кузине. Эта принцесса стала четвертой женой Филиппа II и матерью Филиппа III, его преемника. Монарх женился на всех принцессах, предназначавшихся для его несчастного сына; такова, по-видимому, была его участь.

XIII. Наконец, Филипп II, желая сохранить воспоминание о правосудии, которое он проявил в деле своего сына, приказал собрать вместе и сохранить оригинал документов и перевод процесса, веденного в Барселоне против дона Карлоса, принца Вианы и Героны. Известно, что дон Франсиско де Мора, маркиз де Кастель-Родриго, наперсник короля по смерти Руи Гомеса де Сильвы, в 1592 году положил эти документы в зеленый ящик, и король отправил его запертым и без ключа в королевский архив в Симанкас, где он находится и сейчас, если его не перевезли в Париж по приказанию французского правительства, как об этом говорили в Испании.

Глава XXXII Знаменитое дело дома Бартоломео Каррансы, архиепископа Толедо, до его заключения в тюрьму
Статья первая Жизнь архиепископа до начала его процесса

I. Из многочисленных людей, ставших жертвами

Untitled

своеобразных форм, которым следовала испанская инквизиция при ведении начатых ею процессов, дом Бартоломее Карранса де Миранда, архиепископ Толедо, был, быть может, одной из самых знаменитых жертв. Судопроизводство, которое велось по его делу в Испании, копии документов, посланные из Мадрида в Рим, - все вместе образует не менее двадцати четырех томов в лист, а в каждом томе от тысячи до тысячи двухсот листов. Итак, можно с достоверностью утверждать, что, не считая следственных документов процесса, составленных в Риме, проверенные копии коих не были присоединены к мадридскому судопроизводству, число писанных листов превышает двадцать шесть тысяч. Если бы следствие и ведение этого процесса были публичны, обычны и согласны с естественным правом, с законами королевства, с уголовным кодексом, соблюдаемым в епархиальном церковном суде и в судебных палатах, двух тысяч листов было бы довольно для его объема, и не потребовалось бы трех лет для его окончания, несмотря на множество написанных архиепископом сочинений, которые приходилось рассматривать и обсуждать. Огромное количество писаного материала должно, несомненно, заключать много фактов, которые остались неизвестны дому Педро Саласару де Мендоса, канонику-судье Толедо, автору Жизни и приключений, счастливых и несчастных, дома Бартоломео Каррансы. Этот уважаемый и правдивый писатель произвел самые точные изыскания и (что не в обычае у людей очень богатых) не пожалел ни забот, ни затрат, чтобы открыть истину. Но эти издержки не помогли ему проникнуть в тайну, которая покрывает все действия

Untitled

инквизиторов. Я читал этот процесс и сделал из него извлечения, которые дают мне возможность дополнить упущения, существующие в труде этого ученого каноника, и исправить некоторые невольные ошибки, которые у него встречаются. Я уплачу этот долг публике.

II. Бартоломео Карранса родился в 1503 году в Миранда-де-Арге, городке королевства Наварра. Он был сыном Педро Каррансы и внуком Бартоломео, из дворян Миранды. Следовательно, его настоящая фамилия была Карранса, хотя доказано процессом, что, будучи доминиканским монахом, он назывался Миранда, по имени его родины. Когда он был назначен архиепископом, его стали называть Карранса де Миранда, чтобы показать тождество. Однако он подписывался "брат Бартоломео Толедский" (frater Bartholomeus Toletanus), согласно обычаю своего времени. Род Каррансы продолжался от отца к сыну до восемнадцатого столетия через Педро, брата архиепископа. Последнему было двенадцать лет, когда старанием его дяди Санчо де Каррансы, доктора университета в Алькала-де-Энаресе и противника знаменитого Эразма, он был принят в коллегию Св. Евгения, подчиненную этому университету. Когда он достиг пятнадцатилетнего возраста, он перешел в коллегию Св. Бальбины в том же университете для изучения того, что тогда называли философией и искусствами и что сводилось к общим понятиям о логике, метафизике и физике. В 1520 году он принял монашество в доминиканском монастыре Веналах в Алькарии, перенесенном впоследствии в город Гвадалахару. Как только он постригся, его отправили изучать богословие в

Untitled

Коллегию св. Стефана в Саламанке. В 1525 году он был помещен в коллегию Св. Григория в Вальядолиде.

III. Успехи, которые проявлял Бартоломео в столь юном возрасте, были поразительны. Доказательство этого имеется в его процессе. Брат Мигуэль де Сан-Мартин, доминиканец, в возрасте более сорока пяти лет, профессор коллегии Св. Григория в Вальядолиде, 19 ноября 1530 года донес на него инквизиции, говоря перед инквизитором Морисом, что два или три года тому назад у него было несколько разговоров с Каррансой по вопросам, касающимся совести, и он заметил, будто этот молодой монах сильно ограничивает папскую власть касательно церковных обрядов; некоторые его выражения, повторяемые несколько раз, заставили предполагать, что мнения Каррансы об этом предмете ложны и что ему следует сделать за них выговор. Из того же процесса вытекает, что, когда в 1527 году была создана комиссия для рассмотрения учения Эразма и этот важный вопрос сделался в 1528 году предметом всеобщих разговоров, Карранса был одним из тех, кто выразил мнение, противоположное общепринятому. 1 декабря 1530 года на него донес тому же инквизитору Морису брат Хуан де Вильямартин, член коллегии Св. Павла в Вальядолиде. Он говорил, что Карранса был горячим защитником Эразма даже относительно его учения о таинстве покаяния и о частой исповеди лиц, у которых имеется только отпустительный грех; когда ему противопоставили пример св. Иеронима [83], он уверял, что нельзя подтвердить факт никаким

Untitled

достоверным церковно-историческим авторитетом; Карранса говорил также, что не следует осуждать Эразма за утверждение, что Апокалипсис - творение не св. Иоанна Богослова, но другого священника, носившего то же имя [84].

IV. Эти два доноса были записаны под э 17 в реестре инквизиторской ревизии, произведенной в 1530 году в округе Вальядолида. Тогда ничего не предприняли против Каррансы, потому что не признали мотивы и улики достаточными для установления обвинения. Впоследствии перемена инквизиторов и секретарей предала все забвению, и о доносах вспомнили, когда архиепископ подвергся аресту. Когда следствие по его процессу двинулось вперед и были пущены в ход всевозможные средства для отыскания материала обвинительных пунктов, перерыли все реестры и все связки доносов и приостановленных следствий и нашли два вышеупомянутых доноса. Их внесли в число свидетельских показаний под номерами 94 и 95, тогда как, следуя порядку дат, им следовало быть под номерами 1 и 2.

V. Так как эти доносы были неизвестны вне инквизиции, ректор и члены совета коллегии Св. Григория в Вальядолиде представили в 1530 году Каррансу к званию профессора философии. В 1533 году его назначили помощником профессора богословия. В 1534 году, по смерти профессора этой кафедры брата Яго де Астудильо, Карранса занял его место. Затем вскоре он был назначен квалификатором святого трибунала вальядолидской инквизиции, который воспользовался несколько раз его услугами и отблагодарил его преследованием,

Untitled

составляющим предмет этой истории. В 1539 году он был послан в Рим для присутствия в генеральном капитуле своего ордена. Прибыв в этот город, он был избран для ведения диспута, что обыкновенно поручали лицам, способным провести его с наибольшим блеском. Он справился с этим поручением, к удовольствию своих начальников, в присутствии нескольких кардиналов, между прочим кардинала Караффы (впоследствии ставшего папой под именем Павел IV) и дона Хуана Манрике де Лары, маркиза д'Агилара, испанского посла.

Обнаруженный им талант доставил ему степени доктора и магистра богословия, а папа Павел III разрешил ему читать запрещенные книги.

VI. По возвращении в Испанию он с величайшим успехом преподавал богословие в коллегии Св. Григория. В 1540 году его добродетели, милосердие и сочувствие бедным проявились весьма ярко. В этом году совсем не было урожая в горах Леона и Сантандера, и несчастные жители этой области во множестве пришли в Вальядолид.

Карранса не только кормил в своей коллегии сорок этих бедняков, но делал для них сборы по городу и продал все свои книги, оставив только Библию и Суммы св. Фомы. В это время он был постоянно занят то в святом трибунале в качестве квалификатора, то у себя дома, просматривая книги, присланные ему верховным советом, то на городской площади, произнося проповеди на аутодафе, справлявшихся там, например на аутодафе Франсиско Сан-Романа, сына старшего алькальда Брибиэски, который был сожжен живьем как нераскаявшийся лютеранин. В том же 1540 году он был назначен в епархию Куско. Когда

Untitled

известие о его назначении было принесено ему доном Хуаном Бернардом Диасом де Луке, членом совета Индий (который был потом епископом Калаоры), Карранса ответил ему, что, если правительство желает послать его в Америку в качестве проповедника Евангелия, он готов повиноваться, но только не в должности епископа или приходского священника. Его отказ приняли во внимание.

VII. В 1545 году Карранса отправился на Тридентский собор в качестве богослова, посланного Карлом V. Он оставался там три года и много работал во всех конгрегациях под главенством папских легатов и испанского посла. Кардинал дон Пабло Пачеко, епископ Хаэна, а затем Сигуэнсы (декан испанских прелатов, присутствовавших на соборе), настоятельно предложил ему произнести проповедь об оправдании перед отцами собора, собравшимися в приходской церкви Св. Лаврентия в Триенте. В 1546 году он напечатал в Риме один из своих трудов под заглавием Итог соборов, а в Венеции - Другой труд: Богословская полемика. В 1547 году он опубликовал трактат О резиденции епископов, доставивший ему множество врагов; на этот труд нападали брат Амброджио Катерине, доминиканец, а защищал его тоже доминиканец, брат Доминике Сото.

VIII. По возвращении в Испанию в 1548 году он был назначен духовником Филиппа II, тогда принца Астурийского. Император письмом из Германии дал ему знать о назначении, а принц Астурийский, который был тогда в Коллиуре, со своей стороны уведомил его об этом, послав приказ выехать в этот город, чтобы сопровождать его в путешествии по Фландрии и Германии. Карранса

Untitled

поблагодарил государей, но отказался от должности, считая себя недостойным ее, хотя брат Педро де Сото, его ученик, был тогда духовником Карла. В 1549 году монарх назначил его епископом Канарских островов; но Карранса отказался, извиняясь таким же образом, как он сделал в 1540 году при отказе от назначения епископом Куско.

Доминиканцы Паленсии в том же году избрали его настоятелем своего монастыря. Он принял это предложение. В том же году он составил толкование на Послание св. Павла к Галатам. В 1550 году он был назначен провинциалом монастырей Кастилии и посетил свою провинцию, ревностно заботясь о восстановлении всех правил, если было введено послабление, а особенно годовщин, заупокойных обеден и других служб, установленных во спасение душ чистилища.

IX. Когда Тридентский собор был созван вторично в 1551 году, Карранса отправился туда по приказанию императора, снабженный полномочиями от дома Хуана Мартинеса Силисео, кардинала-архиепископа Толедо. Он присутствовал на всех собраниях и конгрегациях до 1552 года, когда собор был вторично приостановлен. В числе разных поручений, доверенных ему, было составление индекса. Для этой цели ему доставили множество книг, из которых он велел сжечь те, которые считал пагубными, а остальные отдал в доминиканский монастырь Св. Лаврентия в Триденте. По приезде в Испанию, когда окончился срок его должности провинциала, он вернулся в свою коллегию Св. Григория в Вальядолиде. В это время принц-регент королевства, советы Кастилии и инквизиции и святой трибунал Вальядолида были постоянно заняты

Untitled

обсуждением щекотливых и затруднительных дел. В числе прочих надо назвать произведенный домом Диего де Таверой (членом верховного совета, а затем епископом Хаэна) разбор нескольких Библий и работу над подготовкой той, которая была с большой точностью напечатана по-латыни и послужила образцом для последующих изданий.

Х. Когда был решен брак Филиппа II с Марией, королевой Англии, брат Бартоломее отправился в это королевство в 1554 году, чтобы вместе с кардиналом Поло подготовить вступление этого королевства в лоно Церкви и признание им папы. Вскоре отправился туда и король. Было бы затруднительно дать точное представление о том, что Карранса сделал в Англии в интересах католической религии. Почти все время он проводил в проповедях и добился обращения великого множества еретиков. Он убедительно отвечал письменно или устно на аргументы колеблющихся и этим способом сумел утвердить их в вере. Когда Филипп II покинул Лондон в 1555 году, чтобы отправиться в Брюссель, Карранса остался при королеве, которой его помощь была полезна для укрепления католического учения в университетах и для завершения других дел крайней важности. По приказанию кардинала Поло, папского легата, он редактировал каноны, декретированные на национальном соборе. Он содействовал казни некоторых упорных еретиков, особенно Томаса Кранмера [85], архиепископа Кентерберийского, примаса Англии, и Мартина Босера [86], который трудился неустанно над разъяснением заблуждений не только лютеранских, но и своих. Усердие

Untitled

Каррансы часто подвергало его опасности потерять жизнь, исполняя апостолические обязанности.

XI. В 1557 году, отправившись во Фландрию, чтобы дать отчет Филиппу II обо всем, что он сделал в Англии, Карранса велел с большой старательностью собрать и сжечь книги, зараженные ересью Лютера и других протестантов. Так же он поступил во Франкфурте при помощи брата Лоренте де Вильявисенсио, августинского монаха, посланного в этот город в светском платье. Он простер свои заботы в этом отношении до Испании, внушив королю, что много вредных книг ввозилось через Арагон. Вследствие этого Филипп дал приказ главному инквизитору перехватывать все подобные произведения. Карранса, желая сделать эту меру более действенной, составил списки испанцев, уроженцев Севильи и других городов, бежавших в Германию и Фландрию и посылавших еретические книги в Испанию. Подлинник этого списка был найден в его бумагах при аресте.

XII. Дом Хуан Мартинес де Силисео, архиепископ Толедо, умер 31 мая 1557 года, и король назначил его преемником дома Бартоломео Каррансу. Тот не принял этого предложения и, наоборот, предложил трех лиц, сказав, что выбор короля должен был бы пасть скорее на них, чем на него. Эти три лица были: дом Гаспар де Суньига-и-Авельянада, епископ Сеговии, впоследствии кардинал и архиепископ Севильи; дом Франсиско де Наварра, епископ Бадахоса, а затем архиепископ Валенсии; дом Альфонсо де Кастро, францисканский монах, который умер, получив назначение архиепископом Сант-Яго. Отказ Каррансы, хотя и повторенный трижды,

Untitled

был бесполезен. Король стал говорить с ним как государь и приказал ему принять назначение, если он не желает отказать ему в повиновении как подданный. Из описи бумаг, захваченных у Каррансы при аресте, явствует, что, в них находился оригинал этого приказа. Павел IV хорошо узнал Каррансу де Миранду на Тридентском соборе; он знал, что Карранса был потом в Англии, Германии и Фландрии, и избавил от формальностей, которые римская курия обыкновенно предписывает исполнять назначенным епископам. 16 декабря 1557 года на пленарном заседании консистории он был провозглашен достойным епископского сана, и ему были посланы буллы. Педро де Мерида, каноник Паленсии, и дон Диего Бривизка де Муньятонес, член совета Кастилии и королевского тайного совета, 5 марта 1558 года вступили во владение толедской кафедрой в силу полномочий, данных им в Брюсселе 15 января 1558 года. Педро де Мерида жил в Толедо для управления епархией до прибытия архиепископа. Вальядолидская инквизиция преследовала его впоследствии, найдя в бумагах этого прелата письма к архиепископу. Он был также скомпрометирован братом Домиником де Рохасом и другими сообщниками доктора Касальи.

XIII. Архиепископ Карранса был посвящен в Брюсселе 27 февраля 1558 года кардиналом Гранвеллой, Антуаном Перено, епископом Арраса, который впоследствии стал первым архиепископом Мехельна. Он напечатал в Антверпене свой катехизис на испанском языке под заглавием: Толкование преподобнейшего господина брата Бартоломео Каррансы де Миранды архиепископа Толедо,

Untitled

на христианский Катехизис; в четырех частях, содержащих все, что мы исповедуем при святом крещении, как видно на следующей странице; посвященное светлейшему господину, королю Испании и проч., нашему государю. В Антверпене, в типографии Мартина Нусио, в 1558 году, с королевской привилегией. Затем он отплыл в Испанию и 10 августа приехал в порт Ларедо, откуда он отправился в Вальядолид, где тогда пребывал двор. В том же месяце он присутствовал несколько раз на заседаниях совета Кастилии и совета инквизиции. Последнему он отдал отчет обо всех мерах, принятых им против бежавших во Фландрию испанских еретиков и против ввоза в Испанию книг, зараженных ересью. В середине сентября он уехал из Вальядолида, чтобы представить Карлу V отчет во всех делах, порученных ему Филиппом II, и чтобы явить знак уважения государю, уже удалившемуся в монастырь Св. Юста. Он прибыл туда в ту минуту, когда император был удручен бременем болезни, от которой умер через два дня. Я уже рассказал в главе XVIII, что произошло при этом посещении. Он отправился в свою епархию, прибыл в Толедо 13 октября и прожил там до 25 апреля 1559 года, когда он отправился в Алькала-де-Энарес, намереваясь произвести общий объезд своей епархии. В течение шести месяцев, пока он пребывал в столице, он служил для всех, особенно капитул, примером добродетелей, которые должны отличать епископа, тратя все свое время на проповедь, раздачу милостыни, посещение узников и больных и на наблюдение за тем, чтобы возносили молитвы за умерших. Его поведение было одинаково во всех местах, которые он посещал, до прибытия в

Untitled

Торрелагуну, где он был арестован по приказанию инквизиции 22 августа. Ему велели отправиться в Вальядолид, куда он прибыл 28 августа в два часа пополудни. Вместо тюрьмы ему отвели часть дома, принадлежащего майорату дона Педро Гонсалеса де Леона, а другую часть его занял дом Диего Гонсалес, инквизитор, приставленный сторожить его. Мне показалось нужным выяснить, что предшествовало той мере, которая получила большую огласку и вызвала изумление, скандал и страх не только во всей Испании, но и в Италии, Германии, Англии и Фландрии.

Статья вторая ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПРОЦЕССА

I. Архиепископ Карранса навлек на себя вражду и ненависть некоторых епископов с 1547 года, когда опубликовал трактат О резиденции епископов. Я прибавлю: страсти легко проникают в людские сердца, и начиная с первых же заседаний Тридентского собора репутация ученого, которою он пользовался более некоторых других лиц, считавших себя его учителями в этом отношении, сделала их его врагами или, по крайней мере, соперниками. К этому числу принадлежал Мельхиор Кано, доминиканец, о котором я много говорил.

Соперничество перешло в открытую зависть как со стороны Кано, так и со стороны брата Хуана де Реглы, иеронимита, духовника Карла V, как только Карранса был назначен архиепископом Толедо. Ненависть, вражда, досада и другие подобные настроения стали обыкновенными у многих священников, когда они узнали, что Карранса отказался от предложенного сана и

Untitled

предложил королю трех вышеупомянутых лиц, потому что они считали себя выше тех, кого назвал архиепископ. Мстительность, которую внушило им это предпочтение, приоткрывает часть их душевного состояния. К этому числу принадлежали: дом Фернандо Вальдес, архиепископ Севильи, главный инквизитор, дом Педро де Кастро, епископ Куэнсы, сын графа де Лемоса, гранда Испании первого класса; а особенно человек величайших достоинств - дом Антонио Агостино, епископ Лериды, архиепископ Таррагоны, светоч Испании в богословской литературе. Эти три личности прибегли к притворству для прикрытия своих истинных чувств, но слова и поступки вполне разоблачили их.

II. Кроме этого главного мотива заговора, составленного против архиепископа, можно предположить и другой. Прелат работал над катехизисом в несколько приемов и дал копию своего труда из нескольких разрозненных частей донье Эльвире де Рохас, маркизе Альканисес; отдавая в печать, он разделял свою работу на тетради по мере того, как они выходили из типографии; таким образом в феврале 1558 года труд был уже в полном виде в Вальядолиде, а в марте получено было несколько экземпляров из Фландрии. Маркиза Альканисес доверила этот труд некоторым доминиканцам, ученикам или сторонникам архиепископа, в частности брату Хуану де ла Пенье, брату Франсиско де Тордесильясу и брату Луису де ла Круссу. Этот труд был прочтен также Мельхиором Кано, который говорил о нем много дурного в разных беседах и давал весьма прозрачно понять, что в нем содержатся тезисы, рискованные, опасные, непристойные и отдающие

Untitled

ересью Лютера. Дом Фернандо Вальдес, главный инквизитор, узнав о случившемся, велел купить несколько экземпляров этого труда, передал их лицам, образ мыслей коих был ему известен, и посоветовал им внимательно прочесть эту книгу, указать, что им покажется заслуживающим богословской отметки, и доложить ему; однако они не должны были высказывать свое мнение письменно без вторичного совещания с ним. Избранные им лица были: брат Мельхиор Кано, брат Доминго Сото, брат Доминго Куэвас, магистр Карлос и брат Педро Ибара, провинциал францисканцев, брат одного инквизитора.

III. Этот труд был также отправлен дому Педро де Кастро, епископу Куэнсы, и можно сказать, что его ответ, посланный из Парехи 28 апреля 1558 года, послужил основанием для процесса Каррансы, хотя можно отыскать и другое в собрании фактов, содержащихся в различных документах, найденных у архиепископа. Из письма, посланного Кастро главному инквизитору, видно, что тот спрашивал его мнение о катехизисе. Кастро отвечает, что этот труд показался ему очень опасным; обещает высказать свои доводы и теперь уже заявляет, что в статье об оправдании есть тезисы, зараженные лютеранством; услышав, продолжает он, как автор говорил в том же смысле на Тридентском соборе, он составил дурное мнение о его учении, хотя до сих пор не думал, что Карранса исповедует в душе эти ложные убеждения, но теперь он переменяет мнение, потому что лютеранские тезисы встречаются здесь очень часто. Это доказывает, что автор проникся духом ереси. Дом Педро де Кастро прибавляет, что его мнение основывается еще и на других

Untitled

фактах, о которых он сообщил доктору дону Андреа Пересу, члену верховного совета.

IV. Из другой бумаги, подписанной тем же епископом 1 сентября 1559 года, видно, что его сообщение члену совета сводилось к следующим пунктам: находясь в Лондоне во время Великого поста 1555 года, он присутствовал на проповеди, произнесенной Каррансой перед королем, и заметил, что проповедник, представляя, что он видит на небе распятого Иисуса Христа, говорил об оправдании людей живою верою в страдания и смерть Иисуса Христа в выражениях, близких к лютеранству. Епископ высказал брату Хуану де Вильягарсии, спутнику Каррансы, как он возмущен этой проповедью, на что тот ответил, что дом Бартоломее произносил ее в прошлом году в Вальядолиде, и он сам нашел ее достойной порицания. Епископ Кастро прибавляет, что, высказав свой образ мыслей Каррансе, он приписал чувству смирения хранимое им молчание. В другом случае тот же проповедник, стоя на кафедре перед королем, заявлял, что есть непростительные грехи. Сначала он подумал, что ослышался, но затем сомнения исчезли, потому что этот тезис повторялся часто. В конце письма епископ говорит, что в другой проповеди, произнесенной перед королем, дом Бартоломее говорил таким образом, что можно было подумать, что за два реала (десять су, полфранка) покупаются индульгенции, даруемые буллою о крестовом походе; он подумал, что подобный способ выражения опасен в Англии среди еретиков. "Все сказанное мною, - заключил Кастро, - согласуется с показанием, данным 18 октября 1559 года братом Ангелом де Кастильо после

Untitled

ареста архиепископа. Там сказано, что он слышал, как Кастро рассказывал в Лондоне историю о проповеди; показание заканчивается словами: "Карранса проповедовал, как мог бы это сделать Филипп Меланхтон". V. Из этого письма видно, что сомнения в отношении Каррансы возникли у Кастро только через три года после путешествия в Лондон и что он счел себя обязанным сделать донос тогда, когда потерял надежду стать архиепископом Толедо. Если бы дом Бартоломео продолжал быть простым монахом, никто никогда на него не донес бы. Главный инквизитор передал письмо, полученное им от Кастро, для начала преследования; но он не упомянул о том, которое сам ему писал, и это доказывает, что оно не имело официального характера. Член совета дон Андреа Перес не заявил и не удостоверил ни одного из фактов, о которых упоминает епископ. Таким образом, в судопроизводстве не было показания, когда был дан приказ об аресте. Так как этого документа не доставало, то через полтора года сочли нужным дополнить судопроизводство письмом, подписанным епископом. Можно ли после этого подвергать сомнению злоупотребления, взращиваемые таинственными приемами инквизиции? Вот почему, когда материалы дела были получены в Риме, с величайшим изумлением увидели царивший в нем беспорядок, и процесс назвали: "необработанная и беспорядочная груда" (*rudis indigestaque moles*).

VI. Брат Хуан де Вильягарсия, будучи уже в тюрьме, 17 сентября 1561 года заявил, что он вспомнил, будто слышал, как епископ Куэнсы говорил о проповеди,

Untitled

сказанной в Лондоне Каррансой, но не помнит, говорил ли Кастро, что он был возмущен этой проповедью или что она представляла собой что-либо способное произвести это действие. Впрочем, в этом можно убедиться, прочитав ее, так как она была переписана, как и все проповеди, произнесенные Каррансой. Он прибавил, что он, как старый товарищ Каррансы, участник всех его предприятий, поверенный его мнений, переписывавший все, что тот составил, может лучше кого-либо другого защитить чистоту его веры. Он старался убедить, что ни в проповедях, ни в катехизисе нет ни одного тезиса, смысл коего не был бы католическим, что судящие об этом иначе нанесут оскорбление добродетелям Каррансы и его горячему усердию к чистоте католической религии, которое он обнаружил на Тридентском соборе, в Англии, Германии и Фландрии.

VII. Итак, очевидно, процесс архиепископа Толедо обязан своим происхождением злобному чувству дома Фернандо Вальдеса, которое довело его до того, что он поступил в начале апреля 1558 года как человек, пожираемый завистью, и сам дал с преступным намерением прочесть труд Каррансы Мельхиору Кано, такому же врагу Каррансы, как и он сам, чтобы тот отыскал тезисы, послужившие материалом для доноса. Когда главный инквизитор был уведомлен Кано о существовании этих тезисов, он вручил ему книгу официально, как квалификаторам, Сото, Куэвасу и другим, чтобы они ее рассмотрели. Но эта операция была произведена позже, и мы увидим, что раньше в процессах против лютеран были случаи, которые, по-видимому, породили дело Каррансы, хотя этот факт

Untitled

совершенно ложен, как я докажу.

VIII. Главный инквизитор, находясь во власти злобных настроений и, с другой стороны, зная, что архиепископ имеет дружеские связи с маркизами Альканисесом и Позой, среди родственников и друзей которых были узники инквизиции, приказал инквизиторам Вальядолида пытать от узников все, что возможно, насчет верования Каррансы. Исподтишка распространили слух, которому некоторые поверили, о сходстве мнений Каррансы и Касальи. В этом настолько преуспели, что брат Амбросио де ла Серна, сторонник Кано, в проповеди, произнесенной в церкви Св. Павла в Вальядолиде во время ареста Касальи и его сообщников, осмелился заявить, будто отдан приказ об аресте архиепископа Толедского. Этот ловкий прием не замедлил произвести ожидаемое действие.

IX. 25 апреля 1558 года донья Антония Мелья (о процессе которой я дал подробности в главе XX) заявила, что Кристо-бал де Падилья давал ей читать несколько рукописных тетрадей, содержащих лютеранское учение, и говорил, что они составлены Каррансою. Это показание не повлекло никаких последствий и не было сообщено архиепископу при оглашении свидетельских показаний, потому что вскоре было доказано, что этот труд принадлежал не ему, а брату Доминго де Рохасу.

X. 17 апреля Педро де Сотело дал подобное же показание. Он прибавил: брат Антонио де ла Асенсион, настоятель доминиканского монастыря в Саморе, прочтя эти рукописи, сказал ему, что, вопреки утверждению Падильи, он не может думать, чтобы этот труд принадлежал Каррансе,

Untitled

потому что нельзя допустить, что человек, придерживающийся подобных взглядов, употреблял на соборе такие великие усилия для защиты противоположного учения.

XI. 23 апреля поступило показание доньи Анны Энрикес д'Альманса. В этот день она ничего не говорила против архиепископа. Но на допросе 29 апреля эта женщина заявила, что, спросив у брата Доминика де Рохаса, беседовал ли он об этих пунктах учения с архиепископом, получила ответ, что он этого не делал, потому что Карранса только что написал сочинение против лютеран. Она прибавила, что слышала от Франсиско де Виберо, что архиепископ будет гореть в адском огне, потому что, зная лучше, чем кто-нибудь другой, как правомерно учение Лютера, он осудил на сожжение в Англии нескольких лиц, принявших лютеранство. Франсиско де Виберо заявил, что не помнит этого разговора и считает его сомнительным, так как архиепископ всегда был римским католиком.

XII. Донья Катерина де Риос, настоятельница доминиканского женского монастыря Св. Екатерины в Вальядолиде, 24 апреля показала, что слышала от брата Доминика де Рохаса, будто дом Бартоломео учил, что он не видит в Священном Писании очевидных доказательств существования чистилища. Она прибавила, однако, на следующий день: вопреки услышанному, она убеждена, что Карранса верит в существование чистилища; будучи провинциалом своего ордена, он увещевал монахов исполнять завещания относительно заупокойных обеден и делал другие благочестивые распоряжения относительно поминовений об упокоении душ усопших; его проповеди и

Untitled

протоколы объездов монастырей ордена полны тех же увещаний; спросив однажды у доньи Анны Энрикес, придерживается ли архиепископ тех же мнений, что и она, получила ответ, что он так далек от них, что написал книгу для их опровержения. Донья Бернардина де Рохас говорила ей, что узнала от брата Доминика де Рохаса, будто архиепископ советовал ему не очень увлекаться его талантам; Савино Астете, каноник Саморы, уверял ее, будто слышал, как брат Доминик свидетельствовал, что Карранса внушает ему величайшее сострадание, потому что не следует его мнениям. Это показание не было сообщено архиепископу при оглашении свидетельских показаний, потому что оно ничего не содержало против него. Из этих подробностей видно, какие средства защиты трибунал должен был предоставить подсудимому. Если бы показания такого рода были известны его защитнику, какую пользу он сумел бы извлечь из них для своего клиента! На запрос о тезисе, относящемся к чистилищу, брат Доминик де Рохас заявил 23 августа, что, беседуя однажды с домом Бартоломео о мучениях чистилища, он получил ответ, из которого можно было видеть его веру в существование чистилища, и он всегда говорил об этом предмете, как настоящий католик.

XIII. Брат Хуан Мануэлес, доминиканец, заявил 18 октября 1560 года, что девять или десять лет тому назад беседовал с домом Бартоломео по поводу одного лютеранина, осужденного на сожжение, и он не уверен, выставлял ли архиепископ следующий тезис: известно, что Священное Писание не удостоверяет нас в существовании чистилища. Это показание не только единственное, но и не

Untitled

подтверждающее факта. Кроме того, оно дано спустя год после ареста архиепископа. Неужели он не донес бы десять лет тому назад, если бы слышал это утверждение?

XIV. 4 мая 1559 года Педро де Касалья заявил, что слышал, как дон Карлос де Сесо отрицал в 1554 году существование чистилища и повторял этот тезис перед домом Бартоломео Каррансой, который казался возмущенным, но не счел нужным ни пристыдить его, ни донести на него. Свидетель сказал также, что брат Доминик де Рохас рассказывал, что, высказав Каррансе, как ему трудно примирить учение об оправдании с учением о чистилище, получил ответ, что невелико несчастье, если нет чистилища; на его возражение о решении Церкви его учитель прекратил спор словами: "Вы еще не способны хорошо понимать этот предмет". Дон Карлос де Сесо на вопрос о первом пункте ответил 27 июня, что дом Барто-ломео говорил ему, что он должен верить в существование чистилища и полагаться на решение Церкви, и, если бы не настало время отъезда, он ответил бы удовлетворительно на все аргументы; свою беседу с Каррансой он сообщил только Педро де Касалье. Это дает основание думать, что обращенный к нему запрос вызван показанием Касалья, который сказал неправду. 20 и 23 августа брат Доминик заявил, что дом Бартоломео постоянно говорил о чистилище, как всякий настоящий католик. Следовательно, показание Педро Касалья было опровергнуто и уничтожено до приказа об аресте.

XV. 7 мая 1559 года инквизитор Гильельмо передал письмо, адресованное ему архиепископом Толедским по частному делу. В этом письме он упоминал о том, что

Untitled

случилось в 1554 Году с доном Карлосом Сесо; он признавал возможность вменить ему в вину, что он не донес на него, но прибавлял, что не сделал этого потому, что считал его не еретиком, а только впавшим в заблуждение; доказательство этого содержится в ответе, который дал ему Сесо; ответ этот был вызван упреком Каррансы и гласил, что он желает верить только в то, что Действительно согласно с католической религией, на что Карранса заметил ему, что именно так лучше всего поступать.

XVI. Гарсия Барбон де Бехега, альгвасил калаорской инквизиции, показал 12 мая, что, арестовав в этом городе брата Доминика де Рохаса, когда тот пытался покинуть Испанию, много беседовал с ним об увеличении числа лютеран. На вопрос его, не лютеранин ли Карранса, его учитель, Рохас ответил отрицательно и добавил, что хотел ехать к нему во Фландрию не по этой причине, а чтобы добиться у короля милости не быть опозоренным. Это показание также не было сообщено архиепископу при оглашении свидетельских показаний.

XVII. 13 мая брат Доминик де Рохас заявил, что брат Франсиско де Тордесильяс говорил, как он жалел о нем, когда слышал его разговоры об оправдании, к которым он примешивал фразы, имевшие лютеранский смысл, что случалось также с Каррансою. На вопрос об этом брат Франсиско ответил, что, переписывая некоторые труды архиепископа и переводя другие с латинского языка для маркизы Альканисес и разных других лиц, он поместил в рукописи предисловие к читателю, в котором было сказано, что средство не впасть в заблуждение при чтении этих

Untitled

трудов состоит в том, чтобы не приписывать автору больше того, что он намеревался сказать, а также понимать в католическом смысле некоторые тезисы его об оправдании, которые при поверхностном отношении могут быть истолкованы в противоположном смысле; все написанное Каррансой согласуется с духом католической религии, но есть несколько темных мест, которые могут быть истолкованы в дурном смысле, вопреки намерениям автора; он, свидетель, знает, что они чисты, потому что видел добрые дела Каррансы (пост, милостыня, молитва); все виденное и слышанное им в проповедях Каррансы и его Частной жизни совершенно согласуется с истинными принципами католической религии.

XVIII. Донья Франсиска де Суньига показала 2 июня, будто Карранса говорил ей, что она может причащаться без исповеди, раз она не в состоянии смертного греха; 13 июля она слышала, как брат Доминик де Рохас сказал, что Карранса думает подобно ему о некоторых мнениях Лютера, но не обо всех; монахини Вифлеемского монастыря якобы считали, что нет чистилища, потому что Педро Касалья сказал им, что таково мнение Каррансы. Брат Доминик ответил на запрос то, что я уже передал относительно чистилища. 21 марта 1559 года он прибавил, что дом Бартоломее всегда толковал свои тезисы в католическом смысле; он осуждал и отвергал все относящееся к лютеранскому учению, хотя в обоих исповеданиях веры употребляется одинаковый способ выражения; при первом возвращении с собора он часто беседовал со свидетелем об этом предмете, чтобы ближе ознакомить с ним; его рассуждения постоянно клонились к

Untitled

защите католической религии и к опровержению еретиков; если бы он, свидетель, всегда пользовался его толкованиями, то не впал бы в заблуждение. На вопрос о вифлеемских монахинях Педро Касалья ответил, что не помнит, чтобы он так говорил, но что он стал думать таким образом в отношении архиепископа с тех пор, как тот не донес на дона Карлоса де Сесо.

XIX. 13 июля инквизиторы приказали забрать у маркизы Альканисес все книги, труды и рукописи, составленные архиепископом Толедским. После некоторых инцидентов этот приказ был выполнен. 28 июля та же особа показала, что, прочитав Толкование на пророка Исаяю, написанное Каррансой, она спросила брата Хуана де Вильягарсию, откуда автор почерпнул столько учености. Брат Хуан ответил ей, что в труде Лютера, что эта книга не может быть доверена никому, потому что у этих авторов хорошее часто смешивается с дурным. На запрос об этом брат Хуан де Вильягарсия ответил, что книга эта составлена не Лютером, а Эколампадием и что архиепископ постоянно держал ее в секрете; он действительно почерпнул в ней некоторые материалы для трактата, в котором толковал пророка Исаяю, но он обыкновенно говорил, что не следует иметь ни малейшего доверия к авторам-еретикам, изливающим скрытый яд, которым они полны, когда меньше всего можно ожидать этого; архиепископ никогда не обольщался их учением, потому что всегда защищал католическую религию. Мы уже сказали, что Павел III даровал дому Бартоломее разрешение читать запрещенные книги. Бреве, содержащее это разрешение, нашлось среди его бумаг.

Untitled

XX. 31 июля Елизавета Эстрада показала, будто брат Доминик де Рохас говорил, что от дома Бартоломео зависит, чтобы маркиза Альканисес, его сестра, усвоила учение Лютера, так как она во всем доверяет его советам; он еще надеется, что эта перемена произойдет и тогда король и вся Испания примут эту религию. Свидетельница сказала также, будто узнала от самого брата Доминика, что дом Бартоломео читал произведения Лютера. Брат Доминик на вопрос об этом ответил, что ему часто случалось так говорить с монахинями, которые держались его мнения, а также с другими лютеранами, прибавив, что Карранса разделял его мнение по вопросу об оправдании и о чистилище; он, Рохас, составив Изъяснение членов веры согласно его личным убеждениям, подумал, что придаст большой вес своему сочинению, выдавая его перед монахинями и другими читателями за труд Каррансы. Он старался среди этих людей поддерживать мысль, будто принципы Лютера одобряются таким добродетельным и ученым человеком, как архиепископ; он считал это средство удобным для убеждения их в этом веровании и для его упрочения; но он никогда не говорил, что дом Бартоломео читал произведения Лютера, потому что он действительно не знал, делал ли это когда-либо Карранса. Свидетель прибавил, что перемена, происшедшая в его положении, обязывает его говорить правду, поэтому он уверяет, что архиепископ никогда не усваивал этого учения и постоянно придавал католический смысл тезисам, которые по сходству фраз или выражений можно понять в противоположном смысле.

XXI. 23 августа брат Бернардин де Монтенегро и брат Хуан

Untitled

де Месета (оба из францисканского монастыря в Вальядолиде) донесли по собственному побуждению на проповедь, которую слышали два дня назад от архиепископа Толедского в монастыре Св. Павла; некоторые выражения ее, хотя и католические, казались им согласными с теми, которые употребляют еретики. Архиепископ говорил также, что следует милосердно обходиться с обратившимися еретиками и что иногда называют некоторых людей еретиками, иллюминатами или квиетистами только потому, что видят их на коленях перед распятием, бьющими себя в грудь камнем. Проповедник призывал авторитет св. Бернарда для поддержки последнего предположения, которое (по словам доносчиков) нисколько не соответствовало тому, что он высказывал раньше. Впоследствии проповедь была найдена в бумагах архиепископа, рассмотрена квалификаторами, и в ней не нашлось ни одного тезиса, который заслуживал бы критики. Эти два монаха явили доказательство недоброжелательства, в особенности когда они включили в оговариваемые ими тезисы тот, который рекомендует милосердие к новообращенным. Однако инквизиторы осмелились официально запросить принцессу Хуанну, правительницу королевства, чтобы она соблаговолила сказать, что она думает об этой проповеди, при которой, как было известно, Ее Высочество присутствовала. Принцесса имела любезность ответить, что вспоминает только, будто слышала несколько положений, которые ей не очень понравились.

XXII. 25 августа Фернандо де Сотело донес на дома Бартоломео, что он сказал в присутствии Педро Сотело,

Untitled

его брата, и Кристобала Падильи, что попросит нотариуса составить акт отречения от всех своих добрых дел, если в минуту смерти у него будет нотариус. Педро и Кристобал были в тюрьме запрошены, говорили ли они по этому поводу с Фернандо де Сотело; на этот запрос они ответили, что ничего не помнят об этом. Но брат Доминик де Рохас показал 10 апреля 1559 года под пыткой, что вспоминает, как, будучи однажды в деревне Альканисес, слышал, что дом Бартоломео говорил, будто желал бы в минуту смерти иметь при себе нотариуса, который составил бы акт отречения от всех его добрых дел, потому что старается опереться на заслуги Иисуса Христа; будто он считал все свои грехи ничтожными, потому что Иисус Христос их искупил. Доминик прибавил, что дон Луис де Рохас, его племянник, рассказывал ему ту же историю, как случившуюся при его возвращении из Фландрии в свите короля. Все эти выражения не заставляли его смотреть на архиепископа как на лютеранина, потому что католики и лютеране различаются тем, что последние отрицают способность добрых дел человека искупать совершенные им грехи и приписывают это искупление единственно заслугам Иисуса Христа; между тем Карранса не говорил этого, но заявлял, что искупление добрыми делами грешника маловажно в сравнении с искуплением беспредельными заслугами нашего Искупителя и поэтому грешник может считать свои дела ничтожными, если он с истинным рвением просит применения к себе заслуг Спасителя нашего Иисуса Христа, умершего на кресте. Это не позволяет более сомневаться, что брат Доминик был автором оговоренного тезиса; он изъяснял его в пользу

Untitled

оговоренного лица в своем признании под пытками.

XXIII. 8 сентября брат Доминик показал в тюрьме, будто он слышал от архиепископа, что выражение "читать мессу" [87], которое обыкновенно употребляют, неточно и что правильнее было бы говорить: "служить мессу"; он основывал свое мнение на том, что по-латыни говорится: "совершать священное делом" (*sacram rem facere*); вследствие этого дом Бартоломео постоянно выражался так в своих рукописных сочинениях и с кафедры, прибавляя, что верные, присутствующие при таинстве евхаристии, совершают обедню вместе со служащим священником. Этого показания не было достаточно для приказа об аресте архиепископа.

XXIV. 23 сентября доктор Касалья показал, что слышал десять или двенадцать лет тому назад от брата Доминго де Рохаса, что дом Бартоломео следует учению лютеран. Брат Доминик на вопрос об этом пункте ответил отрицательно. Однако под пыткой он сознался, что несколько раз говорил, будто дом Бартоломео верует в учение лютеран, но признал, что говорил неправду: боязнь, что те, кого он хотел убедить, не поверят его уверениям и сочтут его за молодого, безответственного и неавторитетного человека, побудила его сослаться на очень высокий авторитет, но архиепископ в действительности никогда не принимал этого учения, хотя по некоторым богословским вопросам выражался, как лютеране, но придавал своим фразам вполне католический смысл.

XXV. Тот же доктор Касалья (на запрос по поводу того, что донья Франсиска Суньига утверждала, будто он преподавал

Untitled

ей учение лютеран об оправдании) ответил, что эта дама и ее брат Хуан де Суньига говорили ему, будто дом Бартоломее был их наставником. Брат и сестра отвергли этот факт. Касалья, будучи подвергнут пытке 4 марта 1559 года, взял назад свое показание.

XXVI. 9 ноября брат Амбросио де Саласар, доминиканец, тридцати шести лет, принужденный ответить, правда ли, будто он сказал, что некоторые лица говорят словами германских еретиков, ответил, что это правда и что он подразумевал брата Доминика де Рохаса, Кристобала Падилью и Хуана Санчеса. Этот ответ показался неудовлетворительным. Его принудили назвать всех, на кого он намекал своими словами. Он сказал, что не помнит никого, кроме тех, кого назвал. Ему посоветовали старательно припомнить и на другой день явиться в трибунал инквизиции. Он явился, но не прибавил ничего к своему первому показанию. Ему сообщили, что инквизиторы осведомлены, будто он намекал на другое лицо, и велели постараться припомнить и прийти, когда его память будет лучше служить ему. Монах явился в инквизицию 14 ноября и сказал: ему стало ясно, что все предложенные вопросы имели в виду архиепископа, в особенности после распространившейся молвы о его процессе; до сих пор он, монах, будто был очень далек от такой мысли, потому что ему казалось невозможным обвинять в ереси самого ревностного защитника католической религии против лютеран, человека, речи которого соответствовали его сочинениям и который обратил множество еретиков и велел сжечь несколько других. Далее монах показал, что если архиепископ

Untitled

пользовался некоторыми фразами, которые зачастую употребляют лютеранские еретики, то он старался их изъяснить в правоверном смысле; в этом случае архиепископ подражал примеру некоторых святых; нередко последние, желая быть лучше понятыми теми, кого они желали обратить в истинную веру, стараются показать внутреннее соотношение между догматом и их мнениями, потому что это средство более привлекало еретиков к выслушанию истин вселенской религии; иначе они не могли бы внушить еретикам ни уважения, ни желания их знать, а это могло их убедить, насколько проповедуемые истины достойны почтения. Свидетель подкрепил свои слова указанием на примеры св. Ириния, св. Кирилла [88], св. Епифания [89], св. Августина, св. Иеронима и некоторых других. Можно сказать, что его показание было апологией архиепископа. Дом Франсиско Манрике де Лара, епископ Саламанки, заявил 10 октября 1559 года, что, услышав в Нахере об аресте архиепископа по делу о его катехизисе, брат Амбросио сказал:

"Это не может быть единственной причиной, возможно, что вызвали сомнение его взгляды относительно чистилища".

В процессе не нашлось ни одного свидетеля, который показал бы то, что рассказывали о брате Амбросио. Но способы, при помощи которых инквизиторы добивались от обвиняемого нужных показаний, доказывают их старания нагромоздить факты для обвинения архиепископа.

XXVII. Когда произошло оглашение свидетельских показаний, этот свидетель не был назван и защитники подсудимого не знали, что он участвовал в предварительном следствии. Таким образом инквизиторы

Untitled

извращают в своих процессах естественное право, пряча все, что может обернуться в пользу защитника. По этому поводу я расскажу о своем разговоре с инквизитором Севальосом (человеком характера доброго и сострадательного). Я сделал ему при аналогичных обстоятельствах замечание против столь опасного обычая. Он старался защитить этот способ, говоря, что инквизиторы исполняют в отношении подсудимых не только долг судей, но и долг отцов, восприемников и попечителей; что характер деятельности налагает на них обязанность иметь перед глазами все документы защиты, хотя бы они и не были включены в оглашение свидетельских показаний. Если это так, возразил я, то бесполезно иметь защитника, так как его лишают знакомства с документами, которые ему могут доставить средства в пользу обвиняемого. Самым неправильным было то, что нередко читали документы процесса, когда шла речь о вынесении окончательного приговора; видели подлинники только тех документов, сокращенное изложение которых, сделанное секретарем, указывало, что их надо прочесть.

XXVIII. 9 декабря брат Хуан де Регла добровольно донес на архиепископа за выражения, которые этот прелат употребил перед Карлом V касательно отпущения грехов. Я уже говорил о последствиях этого дела в главе XVIII. 23 декабря этот модах снова донес на дома Бартоломео, будто он энергично поддерживал аргументы и авторитеты лютеран на второй сессии Тридентского собора, когда зашел вопрос о святом таинстве, причем архиепископ осмелился сказать: "Я положительно присоединяюсь к

Untitled

ним" (ego haereō certe); это вызвало скандал среди многих отцов собора, между прочим, богословов его ордена; говоря по правде, оговоренный, по словам того же Хуана де Реглы, объяснил затем свои слова, но в отношении некоторых пунктов холодно и вяло. Этот монах был единственным доносчиком, отметившим этот факт. Дон Диего де Мендоса, испанский посол на Тридентском соборе, внимательно следивший за его заседаниями, на вопрос, обращенный к нему 28 сентября 1559 года, не мог припомнить это обстоятельство, которое раньше не было упомянуто ни одним из многочисленных соперников Каррансы, даже самим Хуаном де Реглой. Впрочем, донос сопровождался обстоятельствами, которые сильно подрывали его значение. Этот враг Каррансы был крайне уязвлен тем, что не мог получить епископства, несмотря на звание духовника Карла V. Зависть могла внушить ему сомнения через шестнадцать лет после происшествия. Следует прибавить, что он сам был осужден сарагосской инквизицией, отрекся от восемнадцати тезисов и преследовался иезуитами, ожесточенным противником которых он был вместе с Кано, тогда как дом Бартоломео питал к ним большое уважение. Поэтому Кано и доносчик старались унижить Каррансу и преследовали его как тайно преданного иезуитам. Лиценциат Орнуса, апелляционный судья округа города Сант-Яго, в письме от 15 октября 1559 года (то есть через полтора месяца после ареста архиепископа), которое было приобщено прокурором к процессу, говорит, что этот прелат представил Тридентскому собору несколько доводов в пользу Лютера, на что, по его утверждению, можно было основательно

Untitled

ответить. Свидетель прибавляет, что доктор Градос может подтвердить истинность его сообщения. Доктор Градос не был спрошен. Кто на самом деле поверит, чтобы Карранса или кто-нибудь другой осмелился так говорить на Тридентском соборе?

XXIX. 14 декабря брат Доминик де Рохас представил рукопись, содержащую признание в заблуждениях и просьбу о прощении. Относительно архиепископа он добавил, что, как он уже показывал, этот прелат постоянно придавал католический смысл выражениям, которыми пользовался по примеру лютеран; однако он обязан сказать: если бы у него и у многих других лиц ум не был затуманен ароматом лютеранских фраз, чтение книг ересиарха не произвело бы на них такого действия. Брат Доминик де Рохас говорил все это для облегчения своей вины и в надежде получить примирение с Церковью. Получив 7 октября 1559 года указание готовиться к смерти на другой день, в качестве проповедующего еретика, он попросил аудиенцию, чтобы заявить о том, что считал нужным для покоя своей души. Получив ее, он сказал, что "положение, в котором он находится, обязывает его показать, что он никогда не слышал из уст дома Бартоломео ни одного слова и ничего не узнал от него, что было бы противно тому, чему учит святая римская Церковь в своих соборах, решениях и предписаниях; напротив, каждый раз, как им случалось беседовать о мнениях лютеран, архиепископ говорил, что они полны коварства и заблуждений и кажутся ему порождением ада для обмана тех, кто не примет предосторожности против изливаемого ими яда. По словам Доминика де Рохаса, Карранса

Untitled

доказывал, в чем они ложны, и излагал основания римской Церкви, подкрепляя свое учение рассуждениями и цитатами; точно таким же образом он поступал при публичных чтениях. Все эти моменты побуждают его, Доминика де Рохаса, держаться того заявления, которое он сделал раньше в пользу дома Бартоломее; правда, фразы, которыми Карранса пользовался в сочинениях и проповедях, похожи на те, какие он, брат Доминик, читал в еретических книгах и слышал из уст лиц, составлявших лютеранскую общину Вальядолида, но архиепископ действительно придавал им католический смысл".
Статья третья Папское бреве, разрешающее арестовать архиепископа. меры, примененные для доказательства его виновности

I. Мы только что видели, какие показания содержал процесс, возбужденный против толедского архиепископа, когда у папы попросили бреве для его ареста. Надо думать, что материалов было немного, потому что издание бреве Павла IV последовало 7 января 1559 года, а просьба об этом бреве была послана, видимо, не позднее начала декабря 1558 года. Однако оценка трудов Каррансы, произведенная Мельхиором Кано, Домингом Куэвасом, Доминго Сото, Педро Ибарой и магистром Карлосом, как и мнение, высказанное домом Пед-до де Кастро, епископом Куэнсы, также послужили для мотивирования этой просьбы. Вот список рукописных произведений архиепископа, которые приводятся вместе с печатным катехизисом в этой части судопроизводства:

II. 1) Заметки на толкование Книги Иова, сделанное другим автором.

Untitled

- 2) Заметки на толкование стиха Слыши, дщи псалма 44, составленное достопочтенным Хуаном д'Авиллой.
- 3) Изъяснение псалма 83 - Как вожделенны жилища твои, Господи сил.
- 4) Изъяснение псалма 129 - Из глубины взываю к тебе, Господи.
- 5) Изъяснение псалма 142 - Господи, услыши молитву мою.

- 6) Толкование на пророка Исайю.
- 7) Толкование Послания св. Павла к Римлянам.
- 8) Толкование Послания к Галатам.
- 9) Толкование Послания к Ефесеянам.
- 10) Толкование Послания к Филиппинцам.
- 11) Толкование Послания к Колоссянам.
- 12) Толкование на соборное Послание св. Иоанна.
- 13) Трактат о любви Божией к людям.
- 14) Рассуждение о таинстве священства, с заметками о том же предмете.
- 15) Рассуждение о святой жертве литургии.
- 16) Рассуждение о безбрачии священников.
- 17) Рассуждение о таинстве брака.
- 18) Рассуждение о пользе и действенности молитвы.
- 19) Рассуждение о скорби праведных.
- 20) Рассуждение о христианской вдове.
- 21) Рассуждение о христианской свободе.
- 22) Заметки о заповедях Божиих и о смертных грехах.
- 23) Апология труда, опубликованного автором под заглавием Толкование на Катехизис.
- 24) Доказательства, извлеченные из Священного Писания для защиты Катехизиса, напечатанного на испанском

Untitled

языке.

25) Сокращение Толкования на Катехизис.

26) Проповеди на весь год.

27) Проповедь о любви Божией.

28) Проповедь на слова: На реках Вавилонских.

29) Проповедь о том, как надо слушать обедню.

30) Проповедь в Великий четверг.

31) Проповедь, произнесенная перед государем 21 августа 1558 года в церкви Св. Павла в Вальядолиде.

32) Проповедь на обрезание Господа нашего Иисуса Христа.

33) Проповедь, озаглавленная: Покайтесь.

34) Проповедь на слова: Если обратитесь и покаетесь, здравы будете.

35) Проповедь о молитве.

36) Проповедь на слова: Пора нам восстать от сна.

37) Проповедь на слова: Приготовьте путь Господу.

38) Проповедь на слова: Бог есть дух.

39) Проповедь на псалом: Из глубины взываю к тебе, Господи.

40) Проповедь на слова: Впрочем сын человеческий идет.

41) Сокращение двух проповедей, посланных из Фландрии лиценциату Эррере.

III. К процессу присоединили, чтобы подвергнуть квалификации как относящиеся к Толкованию на Катехизис рукописные тетради, переданные маркизе Альканисес и другим лицам до напечатания этого труда; они содержали то же самое, за исключением исправлений, сделанных автором позже. Одна из этих тетрадей, озаглавленная Первая, имела 566 листков без оглавления. Третья имела

Untitled

263 листка. Четвертая имела 420 листков. Шестая имела 261 листок. Седьмая имела 557 листков. Нет никакого упоминания о существовании второй и пятой тетрадей. Маркиза Альканисес передала их дону Диего де Кордове члену верховного совета. Он был назначен епископом Авилы и вскоре умер. Рукописи были тогда взяты обратно св. Франсиско де Борхой, который написал Каррансе, вернувшемуся из Фландрии, что они находятся у него и нужны ему для составления порученной ему проповеди. Так как дом Бартоломее был арестован раньше, чем к нему вернулись эти тетради, св. Франсиско де Борха передал их главному инквизитору, у которого они затерялись. Из процесса видно только, что одна из них была найдена у него несколько времени спустя.

IV. Святой трибунал пытался поставить в вину архиепископу другие произведения, осужденные в процессе.

Таковы: 1) Толкование на члены веры, написанное братом Доминго де Рохасом.

2) Мнение о переводчиках Священного Писания, написанное Хуаном Альфонсо де Вальдесом, секретарем Карла V, принявшим ересь Лютера.

3) Рассуждение о молитве и размышлении, вышедшее, по-видимому, из-под пера какого-либо другого лютеранина.

4) Толкование на Книгу Иова. Карранса составил на этот труд только заметки, опровергавшие текст в нескольких местах.

5) Толкование на стих: Слыши, дщи. Только объяснительные заметки по некоторым пунктам

Untitled

принадлежат дому Бартоломео.

Сюда были отнесены также разные бумаги, которые распространяли брат Доминик де Рохас и Кристобал де Падилья, умышленно выдавая их за произведения дома Бартоломео, тогда как они на самом деле принадлежали брату Доминику и другим лютеранам. Что касается Толкования на соборное Послание св. Иоанна, то архиепископ заявил, что в том состоянии, в каком оно находится, он не признает его за свой труд; он сделал его словесно своим ученикам и впоследствии один из них записал его так, как могла восстановить его память; поэтому, хотя в основе сочинения лежит его преподавание, нельзя приписывать ему ни одной из ошибок, которые могли проскользнуть в изложение или в предметные тезисы.

V. Главный инквизитор сначала познакомился с одним из трудов архиепископа Толедского, с его катехизисом, квалификацию коего он поручил Кано, Куэвасу, Карлосу, Сото и Ибаре. Первый из них (сердце которого было полно ненависти) не нуждался в подстрекательстве к его осуждению; в главе XXIX мы видели, каково было его настроение. Относительно других мы можем судить по письмам от 30 октября, от 8 и 20 ноября 1558 года, в которых брат Доминик де Сото говорит, что затрудняется подвергнуть богословской критике некоторые тезисы, которые считает весьма правоверными. Можно ли ожидать встретить торжество правосудия и беспристрастия в трибуналах, когда судьи применяют такие средства для отыскания виновных? Из всех произведений Каррансы богословская отметка постигла те, которые обозначены

Untitled

под номерами 3, 4, 13, 27, 28, 29 и 30. Этот труд был поручен магистру Карлосу, а затем Кано и Куэвасу, не были более привлечены ни Ибаре, ни Сото.

VI. Так как среди лютеран были известные лица, связанные дружбой с архиепископом, и некоторые из них были даже его учениками, он не мог равнодушно относиться к их процессу. Он захотел осведомиться о состоянии их дел. Брат Хуан де да Пенья, брат Франсиско де Тордесильяс и брат Луис де ла Крус сообщали о них подробности во Фландрию брату Хуану де Вильягарсии, спутнику архиепископа. Таким путем архиепископ узнал, что решался вопрос об осуждении его катехизиса по двум причинам: 1) потому что он содержит несколько еретических тезисов; 2) потому что принцип, заставивший запретить в Испании Библию, переведенную на народный язык, ввиду особых обстоятельств, в которых находилось королевство, не мог позволить, чтобы на этом языке был создан труд об оправдании и по другим вопросам, которые стали спорными пунктами с лютеранами. Архиепископ поручил сначала брату Хуану де Вильягарсии, а затем иезуиту Хилю де Гонсалесу перевести его катехизис на латынь, прибавив толкования неясных тезисов. Этот труд был начат двумя богословами, но они его не закончили.

VII. Однако архиепископ совсем не предполагал, что могут подвергнуть нападкам его личное исповедание веры, когда он получил письмо от брата Луиса де ла Круса из Вальядолида от 21 мая 1558 года, в котором тот писал, что лютеране объявляют, будто он разделяет их мнения.

Карранса ответил, что ему более досадно видеть, что они причинили себе несчастье, приняв ересь, чем

Untitled

лжесвидетельство против него. Так как он был внутренне убежден в чистоте своей веры, чему, как он полагал, дал достаточно доказательств усердием в борьбе с еретиками и их вредными учениями, он убедил себя, что оспаривают только смысл его толкования. Поэтому он отправился в Испанию в надежде решить этот вопрос в нескольких беседах с главным инквизитором. Он думал скорее достичь этого через одобрение своей книги несколькими наиболее известными испанскими богословами. Он имел в этом успех. Одобрительный отзыв дали: дом Педро Герреро, архиепископ Гранады; дом Франсиско Бланке, архиепископ Сант-Яго; дом Франсиско Дельгадо, епископ Луго и Хаэна; дом Андреа Куэста, епископ Леона; дом Антонио Горионеро, епископ Альмерии; дом Диего Собаньос, ректор университета в Алькала; брат Педро де Сото, духовник Карла V; брат Доминик Сото, профессор в Саламанке; Дом Фернандо де Горионеро, каноник-учитель и профессор в Толедо, и брат Мансио дель Корпус, профессор университета в Алькала; кроме того, несколько докторов Саламанки, Вальядолида и Алькала.

VIII. Во время пребывания в Вальядолиде, с середины августа до середины сентября 1558 года, архиепископ просил сообщить ему причины недовольства его катехизисом, ему это нужно было для того, чтобы ответить и дать полное удовлетворение, которого можно было от него потребовать. Он считал себя вправе заявить это требование по различным мотивам: 1) как автор; 2) как архиепископ - примас испанской Церкви; 3) как человек, смеющийся надеяться на этот почтительный жест со стороны святого трибунала, для которого он много потрудился. Но

Untitled

главный инквизитор Вальдес (его тайный враг, хотя и скрывающий свою неприязнь) не только не пожелал удовлетворить его просьбу, но даже избегал дать точный ответ. Он ссылался на разные обстоятельства. Если бы даже и была правда в том, что говорили, то присяга, обязывающая хранить все дела инквизиции в тайне под угрозой прослыть клятвопреступником, не позволяет удовлетворить требование архиепископа; но Вальдес указывал и на то, что вообще не принято выслушивать авторов по поводу квалификации их трудов. Карранса думал тогда опереться на одобрительные отзывы вышеупомянутых известных богословов, которые почти все были отцами Тридентского собора; но он не мог добиться, чтобы их приняли, и получил отказ со стороны членов верховного совета. Тайна, связывающая всех членов этой корпорации, привела к тому, что он уехал из Вальядолида, к сожалению, не узнав, на чем основан его процесс.

IX. По некоторым одиночным сведениям, которые он смог получить, он, однако, понял, что на него нападали не только за катехизис, но что заслушали показания относительно его личного верования, что отзывы, полученные на его труд, квалифицировали его как содержащий ересь и тезисы, разжигающие ересь, клонящиеся к ереси и могущие ее породить. Вследствие этого Карранса выехал из Вальядолида, беспокойный насчет своей участи, хотя никому ничего не сказывал. Чтобы дать понятие о его душевном состоянии, я скажу, что 16 сентября он послал королю и папе доклад обо всем, что произошло между ним и главным инквизитором, и умолял их о покровительстве. Впоследствии в его бумагах

Untitled

нашли черновики этого рапорта и сопровождавших его писем.

X. 20 сентября Карранса прибыл в Юст в Эстремадуре. Легко представить себе, что щемящие душу размышления, поглощавшие его, сделали его осмотрительным в выражениях в присутствии Карла V, когда он беседовал с ним, чтобы оживить его надежду и утешить его в последние минуты. Невероятно, чтобы он прибег к такому способу выражения, на который донес брат Хуан де Регла, его соперник, и не прибавил ничего ограничивающего абсолютный смысл сказанного, который хотел придать его словам доносчик. 5 октября он снова писал королю по случаю смерти императора. Он не забыл также написать Руи Гомесу де Сильве, принцу Эволи и дому Антонио Толедскому, великому приору ордена св. Иоанна, которые пользовались уважением монарха и с которыми он был связан дружбой, особенно с домом Антонио. Последний всегда старался быть ему полезным, как можно видеть из переписки, которую он поддерживал до ареста Каррансы. Эта переписка была найдена в бумагах архиепископа. Там были также письма кардинала Караффы, Фриаса, епископа Овиедо и многих других лиц, живших в Риме и желавших оказать ему услугу. Папский нунций в Испании дал уже отчет римской курии о происшедшем, и там стали думать, что главный инквизитор действует заодно с королем. Поэтому, несмотря на уважение Павла IV к Каррансе, он не вмешивался в это дело, пока не убедился окончательно в том, что об этом следует подумать.

XI. Филипп II, пребывавший тогда в Брюсселе, был мало способен остановить течение процесса, предпринятого

Untitled

инквизиторами по делу веры. Он удовлетворился обещанием Каррансе своего покровительства, насколько оно согласно с католической религией. Удовлетворение просьбы Каррансы быть выслушанным до осуждения катехизиса являлось одной из милостей, которую можно было ему даровать. Но большим препятствием, по-видимому, стали показания свидетелей насчет его личного верования. Дом Фернандо Вальдес говорил об этом с принцессой Хуанной, правительницей Испании; он представил ей результаты свидетельских показаний в желательном ему освещении; читанные без обсуждения, притом человеком, настроенным недоброжелательно, эти показания представляли архиепископа действительным еретиком. Принцесса сообщила все королю, своему брату. Монарх, от природы подозрительный, осведомленный о том, что главный инквизитор питает вражду к Каррансе (как он сам об этом говорил дому Антонио Толедскому), принял решение, столь обычное для трусов, - ничего не делать и выждать, пока время все выяснит. Неправда, что Филипп раскаивался в назначении дома Бартоломее на должность толедского архиепископа. Доказательство этого имеется в судопроизводстве. Он был благосклонно расположен к архиепископу, пока Вальдес и члены совета инквизиции не уверили его, что Карранса являлся под покровом лицемерия тайным еретиком. Абсолютная вялость характера этого государя и страшная и упорная деятельность Вальдеса были причиной несчастий толедского архиепископа.

XII. Последний решил, что следует покориться, чтобы избежать бесчестия. Не дожидаясь ответов из Брюсселя и

Untitled

Рима, он 21 сентября 1558 года послал дону Санчо Лопесу де Оталоре, члену совета инквизиции, просьбу, в которой он соглашался, чтобы его Толкование на Катехизис поместили в Индекс, только не называя автора; кроме того, он желал, чтобы это запрещение не простиралось за пределы Испании; при этом он ссылался как на довод на то, что этот труд написан по-испански. Он надеялся этим путем сохранить репутацию католического автора, единственную славу, которой он дорожил. 21 и 25 ноября он послал новые письма главному инквизитору, дону Хуану де Беге, председателю совета Кастилии, и дону Гарсии Толедскому, гувернеру принца дона Карлоса; 9 декабря он представил через брата Антонио де Санто-Доминго и брата Хуана де ла Пенью, ректора и руководителя классов в коллегии Св. Григория в Вальядолиде, ходатайства в совет инквизиции. Он настоятельно просил, чтобы для скорейшего прекращения всех затруднений был опубликован катехизис на испанском языке и чтобы автору дали его на предмет исправления, увеличения и перевода на латинский язык. Все эти действия оказались бесплодными. Вовсе не расположенный оказать услугу Каррансе, главный инквизитор выхлопотал папское бреше, исполнение коего увенчало опалу архиепископа. Тогда только он увидел, но слишком поздно, что лучше было бы последовать совету, который ему давали во Фландрии, а именно - поехать в Рим, а не в Испанию. Дом Франсиско Бланке, епископ Оренсе, дал ему понять, что в его деле речь идет о ереси. Карранса на это ответил: "Разве только это преступление вошло через рукав моей рясы так, что я не заметил этого. Милостью Божией я не виновен ни в чем

Untitled

подобном. Поэтому я предоставляю делу идти обычным ходом".

XIII. 7 января 1559 года Павел IV объявил на пленарном заседании консистории: "Осведомленный о том, что ересь Лютера и его сторонников распространяется в Испании, он имеет основание подозревать, что некоторые прелаты следуют этому учению. Поэтому он уполномочивает главного инквизитора в течение двух лет, считая с этого дня, производить следствия против всех епископов, архиепископов, патриархов и примасов королевств; если после начала процесса, возникнут подозрения в попытке бегства с их стороны, велеть их арестовывать и брать под стражу, инквизитор же обязан тотчас дать об этом отчет верховному первосвященнику и отправить в кратчайший срок в Рим виновных с запечатанными материалами процессов". Архиепископ был уведомлен об издании папского бреве письмом кардинала Театинского от 18 января. Главный инквизитор доложил о нем королю и просил полномочия для приведения его в исполнение. Письмо дома Антонио Толедского к архиепископу из Брюсселя от 27 февраля известило Каррансу, что Его Величество приказал главному инквизитору приостановить преследование до его прибытия в Испанию. Дом Антонио прибавлял, что монарх в настоящее время убедился в недоброжелательстве по отношению к архиепископу. Это настроение Филиппа не помешало Вальдесу возобновить его просьбу в марте и представить неудобной дальнейшую отсрочку, которая повлечет отправку виновного в Рим и посылку туда документов его процесса. Он рисовал в самых мрачных красках скандал, который получался

Untitled

оттого, что на свободе в качестве еретика видят архиепископа, уже утратившего свою былую репутацию. Он устроил так, что в апреле король разрешил привести бреше в исполнение, как мы увидим это дальше.

XIV. В это время вальядолидские инквизиторы продолжали получать всевозможные показания против архиепископа, чтобы оправдать этим направленное против него преследование. 20 февраля 1559 года брат Гаспар Тамдайо, францисканец из Саламанки, донес по собственному побуждению святому трибуналу на катехизис прелата. Он сказал, что ему кажется дурным, что автор в своем предисловии горячо убеждает верных читать Священное Писание, а не возносить молитвы Отче наш и Богородице дево. 11 апреля дон Хуан д'Акунья, граф де Дуэндиа, показал, что архиепископ советовал ему отказаться от молитв и просить заступничества святых тем способом, который он преподавал в своей книге. Он сказал также, что он, его жена донья Франсиска де Кордова и вся его семья следовали этому совету, пока дом Педро Понсе де Леон, епископ города Сьюдад-Родриго, не побудил их прекратить это. Он прибавил, что знает, будто архиепископ давал подобные советы многим лицам, служащим в королевском дворце, главным образом дону Франсиско Манрике, камергеру короля. За этим показанием следовали показания графини, его жены, его капеллана Педро де Вальдеса и семи его главных слуг.

XV. 11 апреля брат Доминик де Рохас непосредственно после пытки показал, что маркиз Поза, его отец, спросил у дома Бартоломео, не лучше ли будет заказать тысячу обеден о спасении души при жизни, чем по смерти, на что

Untitled

архиепископ ответил: "Если маркиз пожелает мне поверить, он закажет эту тысячу обеден до своей смерти". Он прибавил еще, что архиепископ, отправляясь в Тридент для присутствия на втором созыве собора и находясь среди лютеран, сопровождавших короля Чехии, вступил в спор с одним из них в присутствии дома Гаспара де Суньи, епископа Сеговии. Хотя казалось, что он одержал верх в споре, он затем сказал наедине брату Доминику: "Никогда я не чувствовал себя так стесненно, как сегодня. Хотя я хорошо владею богословием, я не так начитан в Священном Писании, как этот лютеранин, а он простой мирянин". Свидетель сказал еще 13 апреля, что архиепископ читал и одобрил Толкование членов веры, труд свидетеля, и что он поместил часть его в свой катехизис. Мы уже видели, что брат Доминик взял это показание обратно накануне своей казни.

XVI. 5 мая донья Катерина де Кастилья, содержащаяся в тюрьме святого трибунала, показала, что она полагает, будто архиепископ следует учению лютеран. Эта дама, почувствовав потом угрызения совести за свои слова, 29 мая попросила аудиенцию и сказала, что она берет назад показание; она знает, что Карранса говорил ее мужу Карлосу де Сесо, что, отрицая существование чистилища, он впадает в самое пагубное заблуждение. 12 июня она продолжала настаивать на отказе от показания.

Статья четвертая Обвинительный акт и процедура, предшествовавшая аресту архиепископа

I. Я предоставляю читателям судить, давали ли при таком состоянии процесса свидетельские показания повод к объявлению архиепископа виновным в преступлении

Untitled

ереси. Вальдес составил 8 апреля протокол о принятии полномочий, дарованных ему папою; лицензиат Камино, прокурор совета инквизиции, представил 6 мая главному инквизитору обвинительный акт, в котором требовал приведения в исполнение папского бреве и заявлял, что назовет в свое время и в надлежащем месте лицо, на которое оно должно обрушиться. Вальдес составил постановление, в котором известил, что готов применить правосудие, когда это потребуется. В тот же день прокурор представил другой обвинительный акт, в котором говорилось, что дом Бартоломее Карранса, архиепископ Толедский, проповедовал, разъяснял, писал и поучал в своих речах, проповедях, катехизисе и других книгах и сочинениях многие ереси Лютера; это видно из свидетельских показаний, из книг и бумаг, которые он представляет в подкрепление своего доклада, оставляя за собою право обвинить его потом более формальным образом. Вследствие этого он требовал ареста архиепископа, заключения его в секретную тюрьму, секвестра его имущества и доходов в распоряжение главного инквизитора. Последний, посоветовавшись об этом с верховным советом, приказал, чтобы прокурор представил документы, о которых говорит в своем обвинительном акте. Прокурор предъявил:

- 1) Толкование на катехизис с квалификациями, сделанными Кано, Куэвасом, Сото и Ибарой; 2) две переплетенные рукописи, в которых находились Толкование членов веры (труд брата Доминика де Рохаса) и произведения Каррансы, приведенные мною под номерами 3, 4, 13, 27, 28, 29 и 30, с квалификациями,

Untitled

произведенными богословами; 3) сокращения двух проповедей Каррансы, посланные из Фландрии лиценциату Эррере, судье процессов по делам о контрабанде, арестованному тогда в качестве лютеранина; 4) свидетельские показания относительно архиепископа с сокращением, содержащим их результат, и с мнением прокурора; 5) письмо епископа Куэнсы дома Педро де Кастро, о котором я говорил; 6) письмо архиепископа к доктору Касалье из Брюсселя от 18 февраля 1558 года в ответ на поздравление с произведением в архиепископы; в нем он предлагал Касалье просить для него у Бога просвещения, необходимого ему для хорошего управления епархией, и прибавлял, что следует больше, чем прежде, просить об этом для тех, кто составляет Церковь Божию; 7) два письма Хуана Санчеса, арестованного в это время в качестве лютеранина, к донье Катерине Ортеге, оба из Кастро-Урдиалеса от 7 и 8 мая 1558 года, в которых он говорит, что едет во Фландрию, где надеется встретить хороший прием у архиепископа.

II. Все эти формальности были исполнены в один день, и нет сомнения, что этот заговор был устроен с общего согласия прокурором, главным инквизитором и несколькими членами совета. Если бы это было не так и дело шло бы обычным ходом правосудия, то понадобилось бы по крайней мере три дня для представления двух обвинительных актов, постановления первого дня, совещания с советом на другой день и урегулирования с прокурором исполнения приказов на третий день.

Вследствие этого 13 мая главный инквизитор постановил вместе с советом, что он пошлет архиепископу Толедскому

Untitled

повестку о вызове в суд, чтобы тот явился лично для ответа на обвинения прокурора по вопросам вероучения.

III. Когда король разрешил преследовать архиепископа, он потребовал, чтобы с ним обращались со всем уважением, приличествующим его сану. Монарх послал даже 30 марта и 4 апреля Каррансе письма, в которых обещал ему свою поддержку. За ними последовали два других: одно - от принца Эволи от 6 апреля, другое - от брата Франсиско Пачеко от 20 апреля. Приказ, о котором я говорил, заставил приостановить исполнение мандата до тех пор, пока будет получено новое распоряжение Его Величества. Монарх, получив от кардинала Пачеко письмо с сообщением о просьбе архиепископа, чтобы дело о его катехизисе разбиралось в Риме, адресовал ему 21 апреля из Брюсселя ответ, составленный в следующих выражениях: "Вы были правы, доложив мне о выступлениях архиепископа перед папой по поводу его книги. Я распорядился в Испании, как следует поступать в этом отношении. Я рекомендовал относиться к нему со всем уважением и почтительностью, которые ему приличествуют". Это королевское письмо привело к тому, что 19 мая главный инквизитор написал письмо государю, в котором извещал о принятых мерах, прибавляя, что, как он полагает, повестка о вызове в суд будет более мягкой, более сдержанной, менее унижительной и более тайной мерой, чем арест вооруженной рукой через альгвасилов. Однако король еще оказывал уважение архиепископу, так как он не одобрил этого решения. В это время дом Антонио Толедский продолжал писать Каррансе. Он сообщил ему 17 мая и 17 июня, что не похоже, чтобы дело приняло

Untitled

благоприятный оборот, которого он ожидал, но, несмотря на все дурные доклады, которые делали королю, он полагает, что у государя есть" привязанность к нему.

IV. Наконец 26 июня король послал главному инквизитору ответ, которым он давал согласие на все, что постановлено, выражая надежду, что исполнение этой меры будет сопровождаться всем уважением, соответствующим заслуге и сану архиепископа, которым Карранса облечен. Прелат был извещен об этом письмом дома Антонио Толедского от 27 июня. После того как 10 июля было получено королевское согласие, прокурор 15 июля представил второй обвинительный акт, в котором настаивал на приведении в исполнение первого акта об аресте Каррансы и конфискации его имущества. Он говорил, что следствие по делу доставило улики, которые были сочтены достаточными 13 мая, что он присоединяет к ним показание, данное 14 июля доньей Луисой де Мендоса, женою дона Хуана Васкеса де Молины, королевского секретаря. Эта дама показала, будто маркиза Альканисес говорила ей со ссылками на наставления архиепископа, что лишать себя удовольствий - дело, не заслуживающее награды в очах Божиих, и что носить цилиций [90] не нужно. На вопрос об этом маркиза заявила, что ничего подобного не говорила; она сказала лишь, что все эти вещи мало похвальны; она связана дружбой с архиепископом более двадцати лет и исповедовалась у него, но за все это время она никогда не слыхала от него речей против веры.

V. 1 августа главный инквизитор в согласии с верховным советом и несколькими юрисконсультами составил

Untitled

постановление, согласное с обвинительным актом прокурора. В это время Филипп II написал принцессе Хуанне, своей сестре, правительнице государства, о том, что во избежание скандала и неудобств, сопряженных с мерой, которую готовится привести в исполнение святой трибунал, следовало бы пригласить архиепископа ко двору под каким-либо благовидным предлогом. Дом Антонио Толедский, узнав об этом, постарался сообщить Каррансе в письме от 19 июля; это было последнее письмо, которое написал ему этот верный друг. В бумагах архиепископа нашли еще несколько писем, писанных другими лицами, которых впоследствии недостаток мужества перетянул в ряды его врагов, - между прочим письмо от дома Франсиско Бланке, епископа Оренсе, от 30 июля и другое, от дома Педро Герреро, архиепископа Гранады, от 1 августа. Нашли также черновик представления на латинском языке, сделанного папе от имени толедского капитула, в котором капитул умолял Его Святейшество перенести процесс в Рим и не разрешать его разбора святому трибуналу Испании, потому что его члены позволяют себе руководствоваться человеческими побуждениями вместо действительной заботы о благе религии. Недостоверно, что петиция была послана римской курии; но правда, что капитул вел себя по отношению к прелату с большим благородством и великодушием, как я впоследствии покажу.

VI. Принцесса-правительница написала архиепископу 3 августа письмо, в котором говорила, что он, несомненно, должен знать о скором прибытии короля, и ей нужно обсудить с ним заранее некоторые дела и поэтому она

Untitled

приглашает его как можно скорее в Вальядолид. Она прибавляла: "Так как малейшее замедление в вашем приезде может иметь неприятные последствия, я буду очень рада, если вы приедете запросто, без свиты; помещение для вас будет устроено приличное. Я чрезвычайно рада, что вы сами просили об этом в данных обстоятельствах, потому что это согласуется с моим желанием и с тем, что может быть полезно в настоящее время. Поэтому мне нужно знать, когда вы намереваетесь быть здесь. Чтобы вам не терять времени и известить меня о вашем приезде, я посылаю дон Родриго де Кастро, подателя этого письма".

VII. Этот дон Родриго был братом епископа Куэнсы, первого доносчика на архиепископа. Со временем он стал архиепископом Севильи и кардиналом. Он отправился из Вальядолида 4 августа; 6-го он передал письмо архиепископу. 7 августа архиепископ ответил принцессе, что он готов исполнить ее приказание. Действительно, он велел отправить тотчас в Вальядолид экипажи, часть своего хозяйства и деньги для мебелировки. Затем он отдал другие необходимые распоряжения, связанные с путешествием, которое он совершал, однако, медленно, посещая местечки и деревни своей епархии, по которой проезжал. 9 августа принцесса-правительница получила письмо архиепископа от 7-го числа.

VIII. В этот промежуток дон Родриго де Кастро написал несколько писем дому Фернандо Вальдесу, а именно: одно из Аревало от 4 августа и четыре из Алькала-де-Энареса от 7, 9, 10 и 14 августа. Главный инквизитор счел отсрочку в неделю слишком длинной и таящей какое-то дурное

Untitled

намерение; он прикинулся, что опасается, как бы Карранса не решил скрыться, чтобы отправиться к королю и при успехе в этом предприятии отплыть в Рим.

IX. Отсюда видно, до каких крайностей доходили люди под влиянием своих страстей, так как дом Бартоломео находился под наблюдением дона Родриго де Кастро, который помещался в том же доме и не терял его из виду. Этот предлог, как бы он ни был ничтожен, был достаточен для того, чтобы Вальдес составил 17 августа постановление, которым назначал инквизиторами округов Толедо и Вальядолида дона Родриго де Кастро и дома Диема Рамиреса де Седеньо (бывшего потом епископом Памплоны). Он поручил им и начальнику альгвасилов вальядолидской инквизиции арестовать архиепископа и секвестровать его имущество с составлением описи.

X. Этот приказ был исполнен в Торрелагуне 22 августа ранним утром, когда архиепископ был еще в постели. Когда ему объявили, что он арестован, он спросил, в силу какого приказа его арестуют. Ему предъявили приказ главного инквизитора и папское бреве. Он ответил, что бреве носит общий характер и что нужно специальное поручение с расследованием дела, которое вне компетенции главного инквизитора; кроме того, не соблюдены в отношении его условия, предписанные папским бреве, которое намечает арест только в случае опасения побега - опасения химерического, которое могло быть порождено только злобными чувствами; по всем этим соображениям он протестует против приказа главного инквизитора и насильственного порядка его мероприятий и требует у папы удовлетворения за нанесенное им оскорбление. Не

Untitled

будучи в состоянии немедленно исполнить сказанное, архиепископ попросил Хуана де Ледесму, нотариуса святого трибунала, присутствовавшего при его аресте, составить акт о его ответах инквизиторам и о его покорности, которую он мотивировал намерением избежать дурного обращения.

XI. Архиепископ просил, чтобы при составлении описи особенно поберегли его бумаги, из которых некоторые были очень важны, потому что касались процессов архиепископской кафедры, именно: одного - с королевскими прокурорами о правах короны; второго - с маркизом Камарасой, грандом Испании, о недействительности отчуждения сеньории Касорла и селений ее округа, называемого аделантамиенто [91], и других с различными лицами и коммунами относительно прерогатив - и пользования угодьями и некоторыми правами. Ему обещали исполнить его просьбу.

XII. 23 августа, накануне своих именин, он выехал из Торрелагуны и прибыл в Вальядолид 28 августа. Его заключили в дом майората дона Педро Гонсалеса де Леона. Его портфель и шкатулка, содержавшие бумаги, были переданы главному инквизитору, который 29 августа поторопился вскрыть их и велел составить опись предметов. 6 сентября главный инквизитор послал королю письмо с докладом об аресте, дав фактам особое освещение и мотивировав арест мнимым опасением бегства Каррансы. Он прибавил, будто ему казалось, что архиепископу известно было об этих мероприятиях. Эта вероломная инсинуация могла обойтись недешево дому Антонио Толедскому, чья переписка попала в руки главного

Untitled

инквизитора. Последний весьма спешил ознакомиться с бумагами, посланными вскоре из Рима и из Фландрии.

Глава XXXIII Продолжение того же процесса до

путешествия архиепископа в Рим

Статья первая Новые свидетели

I. После ареста толедского архиепископа произошло два инцидента в его процессе. До начала рассказа мне кажется целесообразным представить картину новых свидетельских показаний, добытых врагами Каррансы с намерением оправдать свое поведение. Их побуждали к этому не только мотивы, породившие преследование, но также чисто личные интересы. Вальдес и его помощники основательно боялись восстановить против себя общественное мнение, если бы при вынесении окончательного приговора не была доказана всей Европе действительная виновность архиепископа.

II. Для достижения своей цели инквизиторы допросили девяносто шесть свидетелей. Но, к несчастью для них, большинство показаний не прибавило ничего к добытым уликам. Большинство удостоверили чистоту католического исповедания Каррансы. Некоторые свидетели, враждебно настроенные к нему, дали показания в отношении других лиц, которые не подтвердили их или даже опровергли.

Следует отметить, что большинство свидетелей, говоривших в пользу архиепископа, сделало свои показания, находясь в застенках инквизиции, под пыткой или после пытки, когда они могли опасаться возобновления ее и возможности стать жертвами самого жестокого обращения со стороны судей, планы которых они расстраивали. В то время как эти несчастные

Untitled

обнаружили такое мужество, епископы, архиепископы и другие богословы, стремившиеся к епископскому сану, вели себя трусливо и без колебаний брали обратно свое первое истинное мнение и объявляли сильно заподозренным в лютеранстве того человека, которого сами называли почти что апостолом в отношении одного и того же произведения, и это только вследствие процесса против него. Если бы мое звание историка не обязывало меня напомнить факты, столь нелестные для репутации прелатов, поведение которых, в других обстоятельствах, достойно уважения, я полагал бы, что у меня есть достаточно мотивов, чтобы обойти молчанием их поведение в этом деле.

III. 30 августа 1559 года Мартин Гутьерес, иезуит, показал по собственному побуждению и без запроса, будто слышал от брата Луиса де ла Круса, что в юности он однажды помогал дому Бартоломео служить обедню. Последний, держа святую гостию пальцами, спросил его: "Хочешь съесть этот хлеб?" Брат Луис отвечал, что он не исповедался, на что Карранса сказал ему: "Ты слишком мнителен" и дал ему причастие.

IV. Брат Луис на вопрос об этом факте показал 26 июня 1560 года, что правда только то, что дом Бартоломео однажды, беседуя с ним о духовных дарах евхаристии, сказал: "Когда я буду потреблять гостию, я хотел бы пригласить вас к святой трапезе". На это свидетель ответил: "Дай Бог, чтобы я был готов к этому, как вы". Тот же свидетель повторил это показание 2 июля.

V. Антонио Лопес, врач из Торо, на допросе 4 сентября показал, что семь или восемь лет тому назад слышал, как

Untitled

архиепископ в проповеди, сказанной в церкви Св. Севастиана в этом городе, высказал приблизительно следующее: "Есть столь испорченные люди, что сохраняют за собой в течение нескольких лет звание публичных грешников. Христиане ли такие люди? Неизвестно даже, веруют ли они. Предположим, что они веруют" и проч. Этот свидетель был единственным, давшим такое показание. Поднимался, однако, вопрос о публично сказанной проповеди.

VI. 19 сентября лицензиат Агостино Сурухано показал, будто слышал от Фавиана Сальвадора рассказ о том, как архиепископ Толедский в проповеди в Лондоне говорил, что люди не совершают никакого греха, не посещая мессы, не исповедуясь и не причащаясь. Свидетель добавил, что Фавиан Сальвадор говорил, как Франсиско Монтеро (который вместе с ним присутствовал при проповеди) был возмущен, слыша от проповедника подобные выражения.

VII. Этот Фавиан Сальвадор не был допрошен. Франсиско Монтеро, пехотный капитан, отвечал, что он не помнит об этом. Его энергично побуждали припомнить факт, но безуспешно: он упорно стоял на своем. Определение смертный или тяжелый при слове грех, не расслышанное свидетелем, было достаточно для того, чтобы это место проповеди считать правоверным; если бы оно не было произнесено, тезис, несомненно, был бы оговорен многими другими лицами из слушателей.

VIII. Блаженный Хуан де Рибера, тридцати лет от роду, вызванный 27 сентября для дачи показания в севильский святой трибунал, в присутствии епископа Тарасовы, заместителя главного инквизитора, сказал, что он читал в

Untitled

Саламанке сочинение под заглавием Мнение касательно переводчиков Писания, относительно которого ему был сделан запрос; он заметил три тезиса, которые не показались ему католическими. Первый: не следует опираться на мнения святых отцов для понимания Священного Писания. Второй: мы можем быть уверены в нашем оправдании. Третий: оправдание достигается горячей верой в страдания и смерть нашего Спасителя. Свидетель прибавил к своему показанию, что он слышал в то время, будто это сочинение принадлежит дому Бартоломео Каррансе, но потом узнал, что оно составлено другим автором.

IX. Брат Луис де ла Крус (который хорошо знал все дела архиепископа), несколько раз допрашиваемый об этом предмете, до последней минуты заявлял, что Мнение представляет часть письма, которое Вальдес (задолго до того времени, когда он был признан еретиком) писал архиепископу, бывшему тогда профессором богословия в коллегии Св. Григория в Вальядолиде. Он прибавил, что потом узнал, будто этот труд сначала был напечатан в Христианских наставлениях Таулера; что он (а не дом Бартоломео) списал из письма Вальдеса и включил в труд Каррансы, озаглавленный Толкование на Послание св. Павла к Филиппийцам, копии которого передал в разные руки; что он прибавил по собственному побуждению и чистосердечно прилагательное благочестивое к существительному мнение; это должно быть приписано его молодости и недостатку познаний, которые он приобрел лишь в более зрелом возрасте, продолжив изучение. Это сочинение находится, быть может, в Толковании (хотя оно

Untitled

не составляет его части), потому что дом Бартоломео обычно имел его перед глазами, когда объяснял некоторые пункты из этого произведения. Он никогда не давал этого Мнения ученикам в виде урока; никогда не читал его содержания с кафедры таким образом, как читают письма или книгу, но делал дополнения, изменения и исправления, внушаемые ему познаниями; он не старался удаляться от толкований, данных святыми отцами насчет истинного смысла Священного Писания, и изъяснял его, следуя тому, что находил у св. Августина, св. Иеронима и других; наконец, он в своей коллегии заставлял по этому предмету вести публичные диспуты, один из которых содержал следующий тезис: в Священном Писании существуют некоторые темные и трудные для понимания места, поэтому надо прибегать к толкованию их, данному учителями и Отцами Церкви.

Х. 28 сентября допрашивали донна Диего Уртадо де Мендосу, бывшего послом на Тридентском соборе и при римской курии, члена государственного совета и королевского камергера, исполнявшего эту обязанность во время путешествия короля в Англию и Фландрию. От него потребовали показать, что он заметил относительно веры толедского архиепископа. Этот допрос произошел после того, как главный инквизитор удостоверился, каким образом и в каком духе будет отвечать Мендоса. Он писал Мендосе 2 сентября, и дон Диего в своем ответе останавливался на важности, которую он придавал (во время его пребывания в Венеции при подготовке Тридентского собора) тесному единению, связывавшему Каррансу с Маттео Приоли, епископом Брешиа [92], донато

Untitled

Рулло Кадавересом, неаполитанцем, Антонио Фламинио и М. Карнесекой, кардиналами Поло и Мороной, Атаназियो Колонной и другими, с которыми он имел тайные совещания. Дон Диего в своем письме говорил, что этих людей не в чем упрекать и с внешней стороны они не давали повода ни к какому подозрению, но они шли путем, проложенным только для очень небольшого числа лиц. Главный инквизитор знал, что все эти люди были отмечены как еретики, некоторые из них подверглись преследованию и были осуждены. Он имел на этот счет частные разговоры с доном Диего де Мендоса и вынудил его потом дать об этом показание под присягой. Тот повторил переданные мною выше слова и прибавил, что это обстоятельство заставляло его сомневаться в чистоте веры архиепископа Толедского; что не одобрял его катехизиса, так как он не отвечает на некоторые аргументы еретиков; правда, опровергает другие, но слабыми доводами; между тем он представлял доводы противников во всей их силе и трудности, как он уже говорил королю во Фландрии. Этот свидетель подтвердил свое показание 20 октября. Он также сказал, что до запрещения катехизиса советовал герцогу д'Аркосу и дону Фернандо Карильо де Мендосе не читать его, потому что катехизис не является правоверным, что принц Эволи имел одно дело, которое должно было разбираться архиепископом Толедским, и он, свидетель, писал Лосилье, секретарю принца, чтобы поспешили выполнить это как можно скорее; он это сделал потому, что предвидел арест прелата.

XI. Доктор Хулиано де Перниа, другой свидетель, был согласен со всем сказанным. Он показал 15 октября, что

Untitled

слышал от дона Фернандо Карильо де Мендосы старшего сына маркиза де Приэго, будто бы дон Диего де Мендоса во Фландрии предсказал арест архиепископа как заподозренного в лютеровой ереси.

XII. Брат Бернарде Альварадо де Фреснеда, францисканец, пятидесяти лет от роду, духовник короля (потом член государственного совета, главноуполномоченный крестового похода, епископ Кордовы и архиепископ Сарагосы), в тот же день сообщил о дружеских отношениях Каррансы с кардиналом Поло, кардиналом Морона, архиепископом Кентерберийским, епископом Приоли, которые потом все были объявлены еретиками, а также с доктором Мурильо из провинции Арагон, который согласно показанию брата Хулиана де Туделы говорил: если правда, что он стал еретиком, то виновником этого является Карранса.

XIII. Брат Хулиано не был допрошен. Но брат Хуан де Вильягарсия в ответ на обращенный к нему в тюрьме запрос о характере отношений, существовавших между Каррансой и еретиками, упомянутыми Мендосой, и о содержании некоторых писем этих лиц, найденных в бумагах Каррансы, дал простые и ясные объяснения. Он сказал, что они не только не допускали малейшего подозрения в ереси, но, наоборот, Доказывали, что архиепископ прилагал величайшие усилия и обнаруживал огромное усердие к убеждению еретиков и к погашению ереси или, по крайней мере, к прекращению ее распространения в Англии, в Оксфордском университете и других школах этого королевства, соглашаясь с еретиками лишь в отношении того, что не затрагивало определенного

Untitled

догмата; делалось это с тем, чтобы различие в мнениях казалось менее значительным и таким образом легче было бы вернуть еретиков к единству католической веры.

XIV. Мы не должны забывать, что дон Диего де Мендоса был единственным сообщившим этот факт и свидетелем, которого склонили дать показания, потому что не было ни одного конкретного случая, который мог бы мотивировать его показания.

XV. 15 ноября доктор Акоста показал, что однажды в октябре он обедал у принца Эволи, у которого в ту пору были принцесса, граф де Лерма, епископ Куэнсы, его брат дон Родриго де Кастро и другие лица. Иезуит Тавларес во всеуслышание заявил: "Вскоре увидят, еретик ли архиепископ Толедский; но легко заметить, что у него много соперников".

XVI. Эти слова, сказанные в присутствии дома Педро и дона Родриго де Кастро, глубоко обидели их, как и инквизиторов, допрашивавших доктора Акосту.

XVII. 29 ноября Диего де Дуранго, слуга графа де Миранды, показал, что он слышал в проповеди, произнесенной, как он думает, домом Бартоломео Каррансой, следующий тезис: "Какую пользу можно извлечь из сотни Богородиц и даже из трехсот? Не так следует беседовать с Богом". Среди допрошенных не было других свидетелей в подкрепление этого показания.

XVIII. Доктор Савино Бернарде Астете, каноник Саморы, был допрошен 6 декабря относительно веры и поступков Каррансы. Знали, что он переписал несколько неизданных произведений и проповедей этого прелата. Он показал в этот день и 12 декабря, передавая список известных ему

Untitled

произведений, что он считает архиепископа настоящим католиком; что в продолжение многолетней дружбы он не слышал от него ни одного тезиса, который нельзя было бы или не следовало бы объяснить в католическом смысле. Это было не то, чего добивались инквизиторы.

XIX. 10 июня 1560 года дон Хуан де Вильяреаль, командор военного ордена Сант-Яго, показал, будто он слышал, как архиепископ Толедский в проповеди, сказанной в Лондоне в присутствии короля, выставил тезис, что повеления об исповеди и причастии не были известны в таком виде, как их обыкновенно понимают в наши дни, до времени собора, который он назвал. Свидетель добавил, что он был этим возмущен и сказал графу де Чинчон и дону Хуану Маусино, жителю Бургоса, что король должен был бы приказать проповеднику сойти с кафедры; свидетель говорил также, что, прибыв в 1558 году в Вальядолид, он обедал однажды с архиепископом у дона Бернардино Пиментеля, маркиза де Тавара; на этом обеде присутствовали отец Франсиско де Борха, бывший герцог Гандиа, и дом Диего де Рохас, толедский каноник; за обеденным столом архиепископ рассказывал разные анекдоты о еретиках, наказанных в Англии, а именно - об одном, который казался более закоренелым, чем другие; этот еретик, стоя у костра, просил, чтобы его не привязывали, потому что он останется посреди пламени нетронутым; и на самом деле он казался неподвижным, как будто не был сожжен. Свидетель добавил, что этот рассказ показался ему неосторожным, и он говорил об этом канонику Рохасу.

XX. Этот дворянин показал в первом случае, что он невежда, а во втором - что у него мало сообразительности.

Untitled

Архиепископ не говорил вовсе, что еретик не был тронут огнем; он говорил только, что он казался неподвижным. Свидетель должен был знать, что фанатизм также имеет своих героев.

XXI. Дом Педро д'Агостино, епископ Уэски, прислал 19 октября 1560 года помеченное тем же днем письмо, в котором он показывал, что слышал в Триденте от дома Бартоломео Каррансы (во время бесед по делам собора), что следует к литаниям [93], которые поются обыкновенно за мессой Святому Духу в начале каждой сессии, прибавить следующее прошение: "Избави нас [94], Господи, от собора нашего времени" ("A concilio hujus temporis libera nos, Domine"). Основанием этого было то, что на соборе не допускалось подобающей свободы голосования, по мнению многих благочестивых и ученых людей, так как папа, легаты и государи стремились порабощать мнения в своих личных целях; отсюда проистекали скандальные сцены между кардиналами и епископами.

XXII. Свидетель не был так щепетилен во время описываемых событий и, несомненно, смотрел на это так же, как и Карранса. Взгляд его переменился с тех пор, как архиепископ потерял благосклонность государя и свободу. Прочтите письма Франсиско де Варгаса, и вы найдете там более резкие истины, которые противоречат не сущности догматов, а лишь тем пунктам дисциплины, где интересы папы, епископов и королей вступали в противоречие друг с другом. Дьм Педро был братом бессмертного дома Антонио д'Агостино, архиепископа Таррагоны, светоча Испании по достоинству его трудов; но, к несчастью,

Untitled

проникся завистью вследствие того, что не был назначен на толедскую кафедру и даже не попал в число кандидатов, предложенных государю Каррансой. Может быть, он был достойнее других; но его достоинство не извиняет такого поведения. Далее мы увидим другие следствия его мстительности; здесь я замечу только, что его брат был небезупречен в этой системе дискредитирования архиепископа в известных пунктах, которые, как он отлично понимал, содержали не ересь, а только тезисы, способные особенно повредить Каррансе, когда бы бумаги его процесса ни были посланы в Рим.

XXIII. 20 декабря 1560 года брат Херонимо де Порас, францисканец, показал в святом трибунале Калаоры перед инквизитором Ибаре, братом квалификатора трудов архиепископа, что слышал от одного человека (имени которого он не помнил), как дом Бартоломео, возвращаясь с собора в 1552 году, произнес проповедь в Тафалле, не обращая к Святой Деве приветствия: "Прииди, Создатель Дух" [95], и это, по-видимому, показывало, что он не верит ни в заслуги, ни в заступничество святых.

XXIV. 4 января 1561 года брат Франсиско д'Ирибарен, настоятель францисканского монастыря в Тарасоне, сказал, что рассказанный случай произошел, когда он был настоятелем в Тафалле; хотя он не присутствовал при проповеди, но от многих слышал, что Карранса проповедовал, как святой; правда, один человек выразил неудовольствие, что не было сказано приветствия Деве Марии, но он, свидетель, на вопрос о причине этого новшества получил ответ: Карранса следовал в этом обычаю собора.

Untitled

XXV. Ни один из этих двух свидетелей не показал того, что он видел или слышал сам. Предполагая факт достоверным, настоятель не дает ему злого толкования, придуманного другим монахом.

Статья вторая Разбор показаний

I. Согласно результату процесса, который мы видели до сих пор, можно утверждать, что уже на предварительном следствии, хотя произведенном инквизиторами в служебном порядке без участия Каррансы и даже без его ведома, рассыпались все факты, доказывающие, что Карранса лютеранин. Теперь я сведу их к небольшому числу тезисов.

II. Первый относится к существованию чистилища. Брат Доминик де Рохас, дон Карлос де Сесо и донья Катерина де Риос доказывают своими показаниями и своими произведениями, что архиепископ говорил, писал и давал распоряжения при объездах в качестве провинциала своего ордена, как человек, верующий в чистилище, и что он даже упрекнул дону Карлоса де Сесо в его неверии на этот счет.

III. Оправдание верою. Из показаний вышеупомянутых свидетелей, а также маркизы д'Альканисес, брата Хуана де Вильягарсия, брата Хуана де ла Пеньи, брата Франсиско Торо де Сильяс, брата Луиса де ла Круса и доктора Савино Бернарде де Астете видно, что Карранса всегда питал большое доверие к добрым делам и что единственный вывод, который можно извлечь из совокупности показаний, заключается в том, что он мало ценил их в сравнении с заслугами страданий и смерти Господа нашего Иисуса Христа, в которые следует горячо верить.

Untitled

IV. Заступничество святых. Дон Хуан де Акунья, граф де Буэндиа, донья Франсиска де Кордова, его жена, Педро Вальдес, их капеллан, и главные слуги семьи этого гранда Испании показывают, что Карранса советовал прибегать к покровительству святых; единственное, чего он не одобрял в этих молитвах, это прибавления к ним Отче наш и Богородице дева радуйся, которые обращены к Иисусу Христу и его матери, а не к святым.

V. Евхаристия. Брат Доминик де Рохас, брат Луис де ла Крус, иезуит Мартин Гутьерес, донья Франсиска де Суньига и другие удостоверяют его веру в это таинство, хотя Карранса утверждал, что не нужно исповедоваться для приступления к святой трапезе, если только человек не находится в состоянии смертного греха.

VI. Толкование Священного Писания. Брат Луис де ла Крус, брат Доминик де Рохас, брат Франсиско де Тордесильяс, доктор Астете и некоторые другие говорят, что Карранса признавал нужным обращаться к святым учителям и Отцам Церкви для понимания темных и сомнительных мест Библии и что он прибавлял этот пункт к тому, что утверждал Хуан Вальдес.

VII. Лютеранское учение вообще. Все перечисленные мною монахи, доктор Астете и брат Амбросио де Саласар удостоверяют, что он не только не исповедовал еретического учения, но, проникнув в глубину этих заблуждений, показывал, в чем они состоят, чтобы уберечь от них неблагоразумных людей; его поступки были настолько противоположны лютеранству, что он обратил много еретиков, а других велел наказывать как неисправимых; а если он дружил с прелатами,

Untitled

заподозренными в ереси, то делал это только с тою целью, чтобы кротостью вернуть их к Церкви, так как кротость является единственно надежным средством влиять на подобных людей.

VIII. Лютеранский способ выражения. Свидетели говорят, что относительно некоторых пунктов учения способ выражения у католиков одинаков с лютеранами; Карранса изъяснял свое учение в католическом смысле, чтобы не подать никакого повода к двусмысленности; его труды и личное поведение постоянно были в согласии с его речами и никто не мог упрекнуть его ни в малейшем противоречии.

IX. Факты и особенные тезисы, близкие к лютеранству. Нет ни одной улики ни в поступках, ни в сочинениях, которые могли бы подтвердить это обвинение или действие которых не было бы уничтожено тем, что вытекает из предшествующих положений.

X. Печатные труды. Катехизис - единственный труд, из которого извлекли некоторые инкриминируемые статьи. До и после своего напечатания этот труд был рассмотрен и одобрен многими богословами и прелатами, которые заслужили на Тридентском соборе репутацию людей ученых и добродетельных. Этого вполне достаточно, чтобы защитить намерения автора, потому имеющий недобрые намерения не станет подвергать свои труды цензуре стольких судей с выдающимися познаниями.

XI. Неизданные произведения. Их нельзя защищать таким же образом; но святой трибунал ознакомился с ними и отдал их для оценки только по окончании процесса. Более ничего не надобно для доказательства того, что их

Untitled

содержание не играло никакой роли в причинах преследования Каррансы, потому что оно было еще неизвестно. Я должен добавить, что даже после разбора богословская отметка коснулась лишь очень небольшого числа их и что доктор Астете, брат Альфонсо де Кастро, доминиканец, и некоторые другие показали, что ни в одном из них не заметили ни малейшего заблуждения.

XII. Итак, какой же мотив послужил к аресту и заключению в тюрьму святого трибунала примаса Испании - к скандалу всей Европы? Недоброжелательство главного инквизитора и некоторых других дурных людей, возбужденное завистью. Новые доказательства этой истины мы увидим в том, что мне еще остается сказать об этом процессе.

Статья третья Инциденты процесса

I. 26 августа, то есть за два дня до прибытия архиепископа в Вальядолид, главный инквизитор передал свои полномочия членам совета Вальтодано и Симанкасу, оставив за собою право произнесения окончательного приговора. В то же время он уполномочил вальядолидских инквизиторов Бака, Риго и Гонсалеса сделать надлежащие распоряжения об охране архиепископа и о секвестре его имущества.

II. Когда прелат вступил в дом, который должен был служить ему тюрьмой, его спросили, сколько слуг он желает иметь. Он назначил шесть, а ему предоставили только двух - брата Антонио д'Утрилью, заслуживающего уважения за неизменную верность своему господину, и Хорхе Гомеса Муньоса из Каракосы. Он просил членов совета Вальтодано и Симанкасу беречь и никому не показывать некоторые бумаги и письма папы, брата

Untitled

Фернандо де Санто-Амбросио и лиценциата Сеспедеса, потому что они касаются процесса сеньории округа Касорла. Он ходатайствовал о той же мере для связки королевских писем по частным делам, публикация коих была бы неудобна. Он просил, чтобы ему передали подлинники сделанных им справок и некоторых ответов, благоприятных для его катехизиса, потому что желал представить их папе, единственному компетентному судье его процесса, и другие документы, относящиеся к конференциям, происходившим на Тридентском соборе, в Англии и во Фландрии, и содержащие доказательства его стараний для защиты и поддержки католической религии.

III. 1 сентября члены совета Вальтодано и Симанкас потребовали от архиепископа принести присягу в том, - что он будет говорить правду. Прелат отвечал, что исполнит это, когда получит приказ папы или короля; он протестует против всего сделанного до сих пор как недействительного по причине некомпетентности; он никоим образом не признает главного инквизитора судьей, пока тот не будет облечен специальными полномочиями; даже предполагая достаточными его полномочия, он не думает, что допустимо передавать их другим; он лучше докажет свои слова, если ему сообщат папское бреве, копию которого он просил показать. 2 сентября исполнили его просьбу. На другой день главный инквизитор после совещания с советом объявил себя компетентным судьей с правом передачи полномочий. Однако он сообщил, что будет лично присутствовать вместе с советом на заседаниях трибунала. Действительно, он явился на заседание 4 сентября и потребовал, чтобы архиепископ принес присягу

Untitled

в том, что будет говорить правду против себя или против кого-либо другого, предупредив, что с ним поступят милосердно, если он покажет все, что ему известно; в противном случае с ним будут обращаться по всей строгости правосудия. Он сказал также: если архиепископу неприятно отвечать в присутствии всего совета, ему разрешат сделать это перед одним или двумя членами совета или перед вальядолидскими инквизиторами. Карранса дал тот же ответ, что и 1 сентября, и прибавил, что не уверен, говорили ли правду, когда ходатайствовали о папском бреве, так как в ту пору не было в Испании подозрения и дурной молвы ни об одном прелате; если же имели в виду его личность, то тогда он был не в Испании, а во Фландрии, где занимался работой для защиты и во славу католической религии и по обращению еретиков; он старался погасить там ереси и для большего успеха доложил королю, что еретические книги продаются у самых ворот его дворца; он прибавил, что монарх по его ходатайству отдал необходимые приказы для пресечения зла и они в большинстве случаев были удачны, как он может доказать свидетельством самого короля и главных придворных вельмож.

IV. Архиепископ не ограничился этими доводами. Он отвел главного инквизитора по мотивам, изложенным им на том же заседании, в присутствии отводимого; 5 сентября и следующие дни он продолжал письменно излагать свой отвод. Пункты, на которые он опирался, были многочисленны и очень важны. Дон Педро Саласар де Мендоса приводит, в частности, связь Вальдеса с маркизом де Камарасой, но это одно из незначительных

Untitled

соображений. Обвиняемый выставил несколько отдельных фактов, упомянул о лицах, вопросах и доводах, которые давали ему возможность представить Вальдеса как человека завистливого, мстительного и вероломного; утверждал, что он постоянно злоупотреблял властью для удовлетворения своей мести, и это можно доказать одним из зарегистрированных документов. Он напоминал неправомерное по отношению к нему поведение Вальдеса в августе прошлого года; привел несколько фактов, касавшихся его лично, и старался доказать, что главный инквизитор прикрывает свою ненависть к нему маской лицемерного усердия к религии; эта неприязнь внушена ему завистью и досадой с тех пор, как он, Карранса, был назначен толедским архиепископом и опубликовал свой труд о резиденции епископов. Наконец, он заполнил восемь больших листов мелким письмом, излагая все мотивы отвода Вальдеса; он прибавил еще мотивы для отвода в отношении членов совета Переса и Куэваса, обещая доказать правильность своей позиции.

V. Архиепископ избрал своими адвокатами людей, которых считал наиболее способными его защитить. Но при помощи интриг добились их отказа в услуге прелату; равным образом разделались с теми, кого он мог пригласить взамен их. Таким образом он был принужден обратиться к адвокатам, которые защищали в апелляционном суде права его кафедры на владение несколькими селами, хотя они не имели никакого понятия о делах инквизиции. Были назначены арбитры для суждения о законности его отвода. Со стороны архиепископа это был дон Хуан Сармиенто де Мендоса, член совета Индий, а со

Untitled

стороны прокурора - лицензиат Исунса, судья гражданского суда в Вальядолиде. 23 февраля 1560 года они объявили, что приведенные мотивы справедливы, основательны и доказательны. Прокурор Камино, недовольный этим результатом, счел нужным апеллировать в Рим. Но вскоре он отказался от этой меры. В самом деле: как главный инквизитор мог послать в Рим документы процесса, оглашение которых покрыло бы вечным позором главу святого трибунала и других лиц, достигших впоследствии самых высоких чинов в церкви? Однако верно, что эта апелляция произошла позже, после множества усилий и интриг. Но тогда Вальдес уже не был главным инквизитором.

VI. Помещение, назначенное архиепископу, не было ни удобно, ни приятно, ни вентилируемо; хотя дом был обширен, ему отвели две наиболее дальние комнаты. Этому нетрудно поверить, когда узнаешь, что 21 сентября 1561 года в Вальядолиде был сильный пожар, продолжавшийся полтора дня и уничтоживший более четырехсот домов в соседнем квартале, и прелат тем не менее не слышал ни криков, ни шума, сопровождавших это событие. Он узнал об этом только в Риме, долгое время спустя после прибытия в этот город. Позаботившись сперва о том, что касалось его отвода, он затем пожаловался, как он имел на это право, на свое помещение, но не получил большего удовлетворения, чем следовало ожидать от трибунала, привыкшего совершать самые кричащие беззакония под личиной судебной процедуры. 13 октября прокурор представил протокол, констатировавший, что дом большой и удобный. Его

Untitled

утверждение было правильно, потому что он не указывал части дома, занимаемой архиепископом, а характеризовал весь дом в целом. Мартин де Сантакара, врач, и Диего Гомес, аптекарь, сделали доклад, который был по вкусу святому трибуналу. Они говорили об этом доме как об одном из лучших в Вальядолиде и даже служившем для помещения кардинала Лоайсы, главного инквизитора и архиепископа Толедского, - как будто эти подробности доказывали, что Карранса жаловался неосновательно, и как будто не было известно, что ему предоставили две комнаты без окон на улицу или поле и в этом помещении он должен был жить вместе с сопровождавшим его монахом и пажом. Это лишение воздуха и свободы движений привело к перемежающейся (через три дня) лихорадке, которая значительно ослабила его, но не внушила инквизиторам гуманности для перевода его в более приличное помещение. Они сильно боялись, чтобы он не сообщил правды королю или папе. Конечно, этот поступок не повлиял бы на монарха, которого Вальдес в частных беседах успел уверить, показав ему извлечения из судопроизводства инквизиции от 8 октября, что Карранса действительно еретик и что все поступки против сектантов Англии и Фландрии были лишь средством скрыть истинные убеждения.

VII. Хотя главный инквизитор продолжал упорствовать в утверждении, что он имеет право передоверять свои полномочия для преследования архиепископа, многие члены совета, в частности Бака де Кастро, были совершенно иного мнения. Это принудило Вальдеса обратиться к папе. Павел IV умер, и 25 декабря 1559 года

Untitled

ему наследовал Пий IV. 23 февраля он подписал бреве, которым подтверждал полномочия Вальдеса, данные его предшественником 7 января 1559 года, и право делегировать достойных доверия людей, избранных среди лиц, получивших церковные саны, для ведения процесса толедского архиепископа. Это бреве не могло возыметь действия, потому что арбитры объявили в тот же день, что мотивы отвода, выставленные архиепископом, справедливы и законны. По этой причине Его Святейшество 5 мая 1560 года издал другое специальное бреве, которое подтверждало все сделанное до сих пор, если это не противоречило закону. Папа уполномочивал Филиппа II избрать от своего имени судей, каких ему угодно; этим судьям Филипп дал полномочие продолжать процесс с данного момента и до тех пор, пока наступит время его обсуждения, в течение двух лет, начиная с 7 января 1561 года, годовщины двухлетнего срока, данного для этой цели Павлом IV в 1559 году. Таков был способ истолкования папского бреве в Мадриде; то расширение, которое ему дали, было настолько своеобразно, что в Мадриде вообразили, будто могут здесь решить окончательно процесс Каррансы. Узнав об этом, папа 3 июля послал четвертое бреве, которым он не одобрял такого толкования своего предшествующего бреве и приказывал выслать ему в определенный срок документы процесса, расследованного, но нерешенного.

VIII Филипп II привел в исполнение папское бреве, назначив судьей с правом передачи своих полномочий дома Гаспара де Суньига-и-Авельянеду, архиепископа Сант-Яго. Выбор понравился Каррансе, потому что этот

Untitled

прелат был одним из лиц, которых он предложил в 1557 году для толедской кафедры. Действительно, Карранса испытал некоторое облегчение - от перемены стражей и от некоторых других мер. Но Суньиго назначил судьями членов совета Вальтодано и Симанкаса, начавших процесс. Карранса уже думал их отвести как голосовавших за его арест; узнав, однако, слова короля, что, если это обстоятельство является мотивом к отводу, всякий приказавший арестовать подсудимого не мог бы более быть его судьей, он оставил свое намерение.

IX. Право, которым прелат хотел воспользоваться, теперь признано за принцип всеми цивилизованными нациями. Благодаря ему возник институт присяжных [96]. В самом деле, опыт доказывает, что судья, составивший предварительное следствие и велевший арестовать подсудимого, смотрит на него уже как на виновного. Он становится заинтересованной стороной в процессе, начатом им, и почти не замечает ошибок и погрешностей, которые он сам или его уполномоченные совершили. Правда, двое уполномоченных Суньигой не имели права окончательного решения, но они должны были подготовить все обвинения для его вынесения; в этом была опасность, потому что (как говорил достопочтенный Дом Хуан де Палафокс), "чтобы извратить процесс вопреки мотивировавшему его происшествию, как бы ни были благонамеренны те, кому это поручено, надо только немного дурного настроения со стороны того, кто допрашивает, немного желания отыскать улики со стороны того, кто составляет протокол, и немного боязни со стороны свидетеля, дающего показания; соединение этих

Untitled

трех малых элементов порождает чудовищное дело и самую ужасную клевету" {Заметка на 17-е письмо св. Терезы, помещенная в собрании сочинений этой святой.}.
X. Процесс начался более чем через два года после ареста подсудимого. Тогда только разрешили ему, по специальному королевскому указу, иметь четырех защитников по его выбору. Он назначил дона Мартина д'Альпискуэта, более известного под именем доктора Наварро; доктора дома Антонио Дельгадо, одного из моих предшественников в сане каноника и инспектора школ в Толедо, который после стал епископом Асторги; доктора Сантандера, архидиакона Вальядолида, бывшего аудитора в апелляционном суде этого города, и доктора Моралеса, адвоката при том же суде. Двое первых из этих юрисконсультов получили разрешение видеть архиепископа, но ни одному из четырех не были предоставлены документы. Следовательно, им нельзя было доказать недостаточность улик в обвинительных показаниях, сделанных свидетелями. Правда, ответы архиепископа были решительны и доказательны.
XI. Неквалифицированные произведения Каррансы и даже часть квалифицированных поручили брату Диего де Чавесу, доминиканцу, духовнику сначала принца дона Карлоса, а потом короля; брату Хуану д'Ибаре, францисканцу; брату Родриго де Вадильо, бенедиктинцу, бывшему потом епископом Кефалонии [97], и брату Хуану де Асолоросу, иеронимиту, бывшему потом епископом Канарских островов. Богословы квалифицировали как еретические некоторые тезисы, содержащиеся в трудах, не принадлежавших архиепископу, но найденных в его

Untitled

бумагах. Другие были квалифицированы как близкие к ереси и способные ее породить, и автор был объявлен сильно заподозренным в ереси. Опубликовали указы, осуждавшие катехизис и толкование на соборное Послание св. Иоанна.

Статья четвертая Поведение отцов тридентского собора относительно архиепископа и его процесса

I. Когда Тридентский собор был созван в третий раз, Вальдес боялся, что на нем займется делом Каррансы, и убедил короля, что очень важно в интересах прав его короны не допускать, чтобы это собрание занималось расследованием процесса. Поэтому Филипп II, назначив послом на собор дона Клавдио Фернандеса де Киньонеса, графа де Луну, вручил ему 30 октября 1562 года инструкции, в которых поместил главу о том, что он осведомлен, будто имеется намерение составить общий индекс книг, нуждавшихся в одобрении или запрещении, из числа внесенных в Индекс Павла IV, который подал повод ко многим протестам; все это будто проектируется с тем, чтобы соборный декрет имел силу закона и чтобы все другие решения были аннулированы. Король прибавлял, что не может позволить распространение такой меры на Испанию, которая имеет Индекс и частные распоряжения, и что подобного рода исключение приложимо также к другим христианским королевствам ввиду того, что бывают некоторые книги, которые могут не быть опасными в одной стране и часто становятся опасными в других в силу особых обстоятельств данной страны. Согласно этим соображениям король определенно рекомендовал своему послу не терять из виду происходящего на соборе, и

Untitled

противиться всеми силами подобному решению, потому что не подобает допустить в Испанию в качестве одобренных такие книги, которые уже запрещены в королевстве, тем более что некоторые лица подозревают, будто этот проект скрывает особые цели. Это побудило короля поручить своему послу в Риме и маркизу де Пескара употребить усилия, чтобы убедить папу расстроить подобные планы, насколько возможно выполнить это осторожно.

II. Эта статья инструкций, переданных послу, указывает достаточно ясно, что в Мадриде сильно боялись, как бы Тридентский собор не одобрил катехизиса Каррансы и Толкования на соборное Послание св. Иоанна, уже запрещенные в Испании без выслушивания автора. Процесс Каррансы вообще приковывал к себе внимание Тридентского собора, так как отцы, недовольные тем, что архиепископ так долго находится в руках инквизиторов, несколько раз обращались к папе с протестом против действий инквизиции и даже против испанского короля; в своем недовольстве они дошли до того, что не вскрывали посланных им королем писем, говоря, что их отказ читать королевские послания продлится до тех пор, пока король не загладит оскорбления, нанесенного епископскому сану в лице одного из членов собора. После многих попыток, произведенных в этом направлении перед легатами, отцы собора объявили, что прекратят собрание, если Его Святейшество не прикажет послать в Рим документы процесса и самого архиепископа Толедского, поскольку его бесчестие падает на всех епископов. Папа, только что продливший срок, данный для следствия (который без этой

Untitled

меры истек бы 7 января 1563 года), отвечал, что напишет Филиппу II и потребует от него выдачи обвиняемого и посылки документов его процесса в апреле. Для доказательства того, что он близко принимает к сердцу удовлетворение желаний отцов собора, он послал свое письмо через Одескальки, которому дал титул чрезвычайного нунция.

III. Филипп II ответил 15 августа неожиданно энергично. Он высказал изумление, что отцы собора занимаются больше частными делами, чем теми, которые интересуют религию вообще; повелительные распоряжения бреше, представленного ему нунцием, противоречат его державным правам и чести его особы; поэтому он надеется, что Его Святейшество не найдет ничего плохого в том, что не прикажет опубликовывать этот папский документ и будет продолжать ведение процесса, заслуживающего его внимания. Папа опасался рассердить Филиппа, и без того уже очень недовольного тем, что посол Франции получил право старшинства перед испанским послом, и потому предоставил испанскому королю требуемую отсрочку. Одновременно папа поручил кардиналу-легату, председателю собора, успокоить отцов собрания, пообещав от его имени, что он прикажет отправить в Рим архиепископа Толедского со всеми документами по его процессу, когда дело будет расследовано. Легат должен был также уверить отцов собора, будто папа не делает этого уже в данный момент лишь потому, что так требуют интересы религии, даже интересы собора, обязывающие его вести себя осторожно с таким могущественным государем, каким является

Untitled

испанский король.

IV. Однако Пий IV в своем бреве о продлении срока приказывал обращаться с архиепископом Толедским с большей мягкостью, чем было до сих пор. Дом Гаспар де Суньига запросил Его Святейшество относительно смысла этой фразы. Папа ответил 8 сентября, что ее следует толковать без ущерба для судопроизводства.

V. Эта папская резолюция успокоила на время отцов собора. Но вскоре они занялись другим делом, не менее неприятным для испанского короля. Епископы и богословы, которым был поручен разбор книг, квалифицировали катехизис Каррансы и признали его учение католическим. Они сообщили об этом решении архиепископу чешской Праги [98], который был председателем конгрегации индекса [99]. Тот созвал собрание 2 июня. В его состав вошел этот архиепископ и патриарх Венеции; архиепископы Браги в Португалии, Ланчиано и Палермо в Сицилии; епископы Шалона-на-Соне, Коломбрии, Модены, Вицины в Венгрии, Невера и генерал августинского ордена. Все эти богословы одобрили катехизис и постановили, что архиепископу будет послан акт их одобрения, чтобы он воспользовался им для своей защиты. Это доказывают их письма, писанные на другой день: одно - Мучио Калино, а другое - нунцием Висконти-а-Санто Карло Борромео, опубликованные Балюзом {Балюз. Собрание памятников. Т. II. С. 207; Т. IV. С. 314.} [100], кроме отмеченного в актах этого почтенного собрания. Действительно, секретарь в тот же день выдал подлинное удостоверение, и папа 26 июня разрешил напечатать катехизис в Риме. Одобрительный декрет

Untitled

должен был быть подтвержден общим собранием и получить таким образом силу соборного декрета. Когда стало известно, что это произойдет 29 июля, пришлось прибегнуть к насилию, чтобы воспрепятствовать этому.

VI. Испанский посол, узнав об этом, энергично протестовал против этой резолюции. Он говорил, что катехизис Каррансы запрещен испанской инквизицией как содержащий еретические тезисы и что осмелиться объявить его учение истинным и правоверным означало бы смеяться над авторитетом его государя и верховного совета. Вследствие этого он требовал отмены декрета конгрегации. Дом Антонио д'Агостино, епископ Лериды (впоследствии архиепископ Таррагоны), был членом конгрегации индекса, но не присутствовал на собрании 2 июня. Это обстоятельство привело к тому, что он примкнул к требованию графа де Луны и старался подкрепить его некоторыми доводами. Но его неприязнь к толедскому архиепископу и желание угодить королю заставили его так неумеренно бороться против резолюции, что он осмелился сказать, будто конгрегация одобряет ереси, так как они находятся в катехизисе. Архиепископ Пражский, дорожа защитой чести своей и своих коллег, послал папским легатам формальную жалобу против епископа Лериды как от своего имени, так и от имени всей конгрегации; он требовал публичного удовлетворения за оскорбление, нанесенное им, заявляя, что в случае отказа никто из них не будет присутствовать на собраниях. Кардинал Морона употребил свой авторитет для посредничества в этом неприятном и опасном инциденте и сумел примирить две партии; он предложил отсрочить подтверждение декрета,

Untitled

благоприятного для катехизиса, воспретить выдачу письменной копии и поручить графу де Луне изъять у агента архиепископа ту, которая была ему выдана, при условии, что епископ Лериды принесет публично извинения прелатам конгрегации, в частности архиепископу Пражскому, ее председателю. Епископ исполнил, что требовалось от него, и графу удалось наконец при помощи просьб, хлопот и обещаний получить от агента Каррайсы переданный ему документ {Рейнольда. Церковная летопись, под 1563 годом. э 13; Отец Паоло Сарпи. История Тридентского собора. Кн. 8. э 32.}; но он уже послал удостоверенную копию в Испанию.

VII. Дом Педро Гонсалес де Мендоса, епископ Саламанки, член собора, автор книги заметок об исключительных происшествиях этого времени, передает инцидент, только что рассказанный мною. Он прибавляет: епископ Лериды и граф де Луна для доказательства недействительности декрета ссылались на то, что он вынесен не в день заседания и что члены конгрегации не были созваны; епископ сильно оскорбил председателя, но последний доказал, что выдаваемое за ересь таковой не являлось и что решение состоялось в среду 2 июня, в день, назначенный для очередного заседания каждой недели и в обычный час; таким образом, если кто-то не присутствовал, то можно приписать это забывчивости или небрежности, а никак не какому-либо дурному намерению {Раймонд де Кабрера сообщил мне содержание этого труда и позволил снять с него копию, а также с писем короля и посла, оригиналы коих хранятся в архивах Альбы и Альтамиры.}.

Untitled

VIII. Филипп II был очень раздражен; этого следовало ожидать, если вспомнить, что он уже не любил Каррансу. Вместо того чтобы быть довольным таким беспристрастным отзывом, он видел в этом решении средство, направленное против мер святой инквизиции его королевства, которой он сам был неспособен противостоять.

IX. Государь, узнав о декрете 2 июня, написал 2 августа графу де Луне письмо, в котором он выражал сильное недовольство происшедшим и поручал ему представить папе и собору, что это решение является результатом интриги, клонящейся к покровительству частным целям, таким же оскорбительным для папы, как и для него самого, и разъяснить составителям декрета, что ни их решение, ни его обнародование не позволяют надеяться на успех их намерений, так как король никогда не допустит этого, особенно если они рассчитывали в результате добиться отправки архиепископа и документов его процесса на собор, "так как (говорил монарх) это самое важное и самое серьезное дело, какое мы могли бы иметь на этом собрании; мы его считаем таким, и как таковое вы должны его разбирать".

X. 26 октября граф де Луна послал государю подробности всех своих выступлений и их результаты. Он говорил об этом, стараясь оправдаться в том, что не знал о решении, какое должны были вынести о катехизисе Каррансы 2 июня. Он уверял, что по получении инструкции 20 октября 1562 года он немедленно приложил все усилия к упразднению комиссии индекса или, по крайней мере, к аннулированию результата ее решений относительно книг,

Untitled

запрещенных в Испании, но кардиналы-легаты ответили ему, что его просьбу нельзя исполнить, потому что комиссия создана собором, а не папой; поэтому он должен был обратиться непосредственно к общему собранию, от которого, впрочем, не рассчитывал получить благоприятного результата и мог ходатайствовать лишь о деле, не противоречащем вынесенным декретам, то есть о том, чтобы комиссия не выходила из границ своих полномочий.

XI. Граф де Луна также передавал государю, что епископ Лериды, член конгрегации индекса, взял на себя ту же заботу на двух заседаниях, проходивших еженедельно; хотя эта комиссия, писал де Луна, должна рассматривать только книги, содержащиеся в Индексе Павла IV, она получила, однако, от папы Пия IV отдельное бреве для расширения своей работы на все книги, запрещенные другими христианскими индексами; дело, касающееся катехизиса Каррансы, было проведено без ведома епископа Лериды и доктора Педро Сумеля, каноника Малаги, облеченного полномочиями архиепископа Севильи и епископа Малаги перед собором и комиссара инквизиции по всем интересующим ее делам; исходя из этих соображений епископ Лериды и дом Хуан Томас де Сан-Фелисес, епископ Кавы, апеллировали против декрета конгрегации и просили объявить его недействительным и несостоявшимся. Граф сам писал тотчас же герцогу де Сесо и лиценциату Гусману, пребывающим в Риме, чтобы они выставили все доводы перед Его Святейшеством; он мог еще заявить протест на заседании собора, но после зрелых размышлений отказался от этого намерения из

Untitled

опасения, как бы это выступление не причинило больших неприятностей {Эти выражения показывают, что граф предвидел, что решение собора будет благоприятно для катехизиса и что в этом случае святой трибунал Испании почувствует себя опозоренным}. Граф де Луна прибавлял, наконец, что старались внушить, будто это случилось вследствие оплошности испанских епископов, но их нельзя упрекать в этом и виною происшествия была поддержка, оказываемая Каррансе у папы кардиналом Лотарингским, которому содействуют архиепископ Браги, епископ Модены и некоторые другие.

Статья пятая Усилия Филиппа II и инквизиции помешать отправке архиепископа и документов, его процесса в Рим I. Эти подробности более чем достаточны для обнаружения того, что все ведение процесса Каррансы в Испании было действием интриги, так как иностранцы, разбиравшие это дело беспристрастно, не находили в трудах Каррансы ни ереси, ни тезиса, способного ее породить. Но если отцы собора одержали верх в этом отношении, они потерпели поражение в том смысле, что не могли добиться, чтобы к ним был прислан сам Карранса с его процессом. Как только собор был распущен, главный инквизитор, видя, что ему остается бороться только с папой, надеялся получить через посредство короля бреше Его Святейшества для окончания этого дела в Испании. П. Он поручил совету инквизиции просить короля переговорить с папой и представить ему, насколько пример этого необычайного приговора, вынесенного в Испании, был бы полезен для католической религии вследствие страха, который он не преминул бы внушить всем

Untitled

испанцам, принявшим ересь; испанский король более чем другой заслуживает этой милости, так как он единственный государь христианства, который употребляет все усилия для искоренения ересей; разрешение на суд по уголовным процессам в местах, где совершено преступление, согласуется с древними канонами; если процесс Каррансы будет перенесен в Рим, то будут разглашены имена свидетелей, и это будет иметь серьезные последствия. Далее в представлении говорилось, что в Риме не поймут процесса, если его не перевести на латинский или итальянский язык, а это дело затяжное; кроме того, никогда не будет хорошо чувствоваться сила выражений, употребляемых свидетелями, потому что одни лишь испанцы на нее способны, переводы же подвержены неточностям и подлогам; указывалось и на то, что прокурор святого трибунала Испании, как лицо действующее и истец, будет принужден отправиться в Рим, где, возможно, не будет не только выслушан, но и принят, потому что там есть люди высокого положения, горячо отстаивавшие интересы архиепископа. Преступления, в которых обвиняется Карранса, совершены раньше достижения им епископского сана; неудобно, чтобы он был увезен из пределов Испании, как бы ни настаивали на этом, а один лишь процесс без присутствия на нем Каррансы, при посылке всего материала в Рим, будет очень плохо вестись. По этим мотивам было бы хорошо, если бы верховный первосвященник соблаговолил уполномочить лиц, пользующихся папским и королевским доверием, судить Каррансу в согласии с советом испанской инквизиции.

Untitled

III. С своей стороны доктор Мартин д'Альпискуэта, защитник архиепископа, обрисовал королю дурное обращение, которое тому приходится испытывать, и просил, чтобы подсудимый и документы его процесса были немедленно посланы в Рим. В этом ходатайстве примечательны некоторые места, например следующее: "Архиепископ умоляет ваше величество соблагovolить принять во внимание, что, будучи осведомлен до ареста кардиналами и некоторыми другими лицами из Рима и Испании о готовящемся против него преследовании, он мог бы избежать его, найдя приют у папы. Но он не сделал этого, потому что Ваше Величество приказали ему в письме, написанном вашей собственной рукой, не обращаться ни к кому, кроме вас, и иметь доверие к вашему покровительству. Архиепископ, видя, как ведется процесс и как с ним самим обращаются, полагает, что может произнести слова, сказанные Господом нашим Иисусом Христом Богу Отцу с высоты креста: "Боже мой, Боже мой, векою мя оставил еси?" Переходя затем к несправедливостям, которые пришлось испытать архиепископу, Альпискуэта начинает с напоминания об аресте, который был решен безо всяких улик против Каррансы: если говорить о выставленных тезисах, то всякий беспристрастный человек увидит, что нельзя доказать, чтобы хотя один был еретическим; если речь идет о катехизисе, достаточно сказать, что собор рассмотрел его и одобрил даже после его запрещения и что его читают как разумный и полезный во всех христианских странах, кроме Испании, где живут его враги.

IV. Защитник выставляет на вид, что его клиенту дали

Untitled

судей, являющихся креатурами его врага и объединенных желанием погубить его; только боязнь не угодить Его Величеству помешала ему отвести их.

V. Далее Альпискуэта заявлял, что Карранса несколько раз хотел обратиться к папе и королю, чтобы разъяснить тайно затеваемые против него козни, но его враги, пользуясь пленом архиепископа, никогда не разрешали ему этого.

VI. Обвинительный акт разделили на пятнадцать или двадцать частей, удваивая и умножая одни и те же обвинения более чем в четырехстах статьях, чтобы показать важность процесса, тогда как он может и должен быть сведен менее чем к тридцати пунктам.

VII. Его обвиняли в выставлении нескольких еретических тезисов, тогда как они вполне католические.

VIII. Одно обвинение последовательно нагромождали на другое, чтобы посмотреть, не ошеломят ли они его клиента и не заставят ли его противоречить в ответах самому себе.

IX. Ему сообщали копии ходатайств прокурора лишь тогда, когда истекал уже срок для ответа, чтобы архиепископ либо затянул свое заключение, прося новых отсрочек, либо отвечал, за отсутствием времени, необдуманно.

X. Защитник говорил также, что архиепископу приписали чужие произведения, которые квалифицировались как принадлежащие ему, а также некоторые сочинения, никоим образом не заслуживающие квалификации; богословы потратили столько времени на эту операцию, что его душа стала почти неспособна выносить такую несправедливую и бесполезную медлительность.

XI. Он не надеется, что будет судим беспристрастно, если только его не пошлют в Рим вместе с документами его

Untitled

процесса.

XII. Архиепископы и епископы не считают для себя позором или оскорблением, когда апеллируют к римской курии на приговоры, вынесенные ими в процессах по делу бенефиций; следовательно, святой трибунал не должен считать себя оскорбленным в аналогичном случае.

XIII. Король не должен верить окружающим его льстецам, поскольку, вопреки тому, что они могут ему сказать, вся Испания возмущена манерой ведения процесса и обращением с архиепископом-примасом, а вне Испании об этом выражаются еще резче.

XIV. Никто не может спокойно смотреть на дерзость, которая придает больше веса мнению судей и свидетелей процесса, чем мнению самого Тридентского собора; подобная дерзость имеет много сходства с ересью лютеран, сторонники которой являются предметом преследования тех же судей.

XV. Особенно очевидна была их пристрастность, когда в Испании было получено известие об одобрении катехизиса собором; вместо того, чтобы обрадоваться, что испанская книга была признана правоверной, эти судьи открыто выразили свое величайшее неудовольствие; подобное поведение предполагает дурное расположение судьи, потому что всякий беспристрастный судья должен радоваться, когда подсудимые объявляются невиновными; судьи же архиепископа не испытывали этого чувства и были настолько недовольны, что даже скрыли от архиепископа резолюцию собора, так что остается сообщить ему об этом юридическим путем.

XVI. Тот же защитник продолжает: "Судьи были так

Untitled

раздосадованы решением собора, что один из них, говоря об этом деле после получения его подтверждения, сказал раздраженным тоном моим двум коллегам и мне: "Весь собор неспособен защитить два тезиса, находящиеся в книге". На мою просьбу уточнить их он привел один, католический смысл коего я вскоре доказал ему и прибавил: если бы у меня была власть главного инквизитора, я, может быть, донес бы на него, ибо я нахожу, что так же еретично считать католический тезис еретическим, как и признавать еретический тезис католическим; с другой стороны, конечно, ересью является предполагать, что собор может одобрить, как католическое, такое учение, которое на самом деле не представляется таковым".

XVII. Лютеране иностранных государств смотрят во все глаза на этот процесс; когда они узнают, что король имеет больше доверия к трибуналу испанской инквизиции, чем к верховному первосвященнику, они возгордятся и будут еще более упорствовать в своих мнениях, которые так противоречат тому, что следует думать о святом престоле; теперь они скажут, будто король лишь внешним образом представляется верующим и подчиняет свою веру личным целям; если бы его вера была настоящей, он не питал бы недоверия к Его Святейшеству.

XVIII. Ему открыли по секрету, что настоящий план людей, ведущих это дело, состоит в том, чтобы никогда его не решить; будучи убеждены, как они стараются уверить, в виновности архиепископа, они считают меньшим злом уморить его в тюрьме, чем видеть, как на Испанию падет позор иметь своим примасом объявленного еретиком.

Untitled

XIX. Далее защитник говорил в письме, что такие приемы являются крайне неправильными и наводят на мысль, будто виновники несправедливости растрачивают в свою пользу доходы архиепископства, как они и делают в действительности, причем никто не требует у них отчета, кроме того, подобный план равен осуждению, так как все поверят, что архиепископ безусловно должен быть еретиком, раз инквизиторы его не судят; что это "оскорбит честь Вашего Величества, потому что будут говорить, будто вы мягко обращаетесь с еретиками высокого положения, между тем как казните тех, звание которых не может вам импонировать".

XX. "Наконец, - говорит Альпискуэта, - мы, защитники этой святой личности, считаем законными все пункты, которые он представил, и подписали их как таковые; лично я уверен, что он не только будет в Риме объявлен невинным, но и получит там больше почестей, чем кто-либо другой; это отличие прославит Ваше Величество, так как вся вселенная узнает, каково то лицо, которое вы столь возвеличили... Итак, я подвожу итог, христианнейший король, мой государь, и заканчиваю, говоря, что советующие и желающие, чтобы этот важный процесс разбирался в Испании, быть может, имеют много усердия, но не имеют правильного суждения; поэтому важно, чтобы Ваше Величество приняли достойное решение, отобрали это знаменитое дело из рук людей, увлеченных своими страстями, и передали его тому единственному, который должен его решить; докажите, что ваше правосудие взвешивает на одних и тех же весах великих и малых и таким образом действий внушает почтение

Untitled

недоброжелательству, старающемуся своими донесениями омрачить славу вашего имени, которую я молю Бога умножить навсегда на небе и на земле. Аминь".

XXI. Мартин д'Альпискуэта, несомненно, был человеком очень ученым и говорил великие истины королю. Но он не знал характера государя, так как его письмо к папе от 15 апреля доказывает, что он стал так же несправедлив, как и судьи, и, может быть, даже больше. Будучи убежден, что Карранса действительно еретик, Филипп II возгордился собой, демонстрируя всему свету, что если он сумел вознаградить заслуги высшим саном в Испании, то он способен и карать преступление даже тех своих сановников, которых наиболее возвысил.

XXII. Вследствие этого государь решил послать кого-нибудь в Рим, чтобы испросить у папы разрешение судить Каррансу в Испании. Для этого поручения он избрал дона Родриго де Кастро, члена совета инквизиции, которому он передал 24 ноября 1564 года инструкции, утвержденные на пленарном заседании совета, и другие, тайные, без даты, подписанные его собственной рукой, а также шифрованный алфавит для тайной переписки Кастро с королем; король отдал также приказ дону Гарсии Толедскому, начальнику испанских галер, обязывая его помочь Кастро переправить в Италию вверительные грамоты папе и письмо, относящееся к цели его путешествия. Он имел при себе также письма к кардиналам Пачеко, Борромео, Вители, Медичи, Мантуи, Альтана, Гонсаго, Морона, Св. Климента, Триента, Аосты, Св. Марии Арачели, Лесиса, Арагона и Амулио, а также к послу дону Луису де Рекесенси-Суньиге, великому

Untitled

командору Кастилии.

XXIII. Предвидя события, к которым могло подать повод это путешествие, король передал своему посланнику письма к королю и королеве Франции, к коннетаблю этого королевства, к дону Франсиско д'Алаве, своему послу в Париже, к дону Гомесу Суаресу де Фигеросу, своему послу в Генуе, к герцогу д'Алкале, вице-королю Неаполя, к дону Габриэлю де Кауве, губернатору Милана, к великому герцогу Тосканскому [101] и к князю Марко Антонио Колонне [102].

XXIV. Среди статей этих инструкций замечательна следующая: "Хотя следует надеяться, что Бог вразумит верховного первосвященника надлежащим образом, не должно пренебрегать средствами, предлагаемые нам миром для успеха в столь справедливом предприятии, в котором замешана честь короля и святого трибунала Испании. Поэтому надо постараться узнать связи лиц, могущих более всего повлиять на это дело, каково бы ни было их звание, и привлечь их на свою сторону всеми возможными средствами". Кто хорошо знает римскую курию, тот сумеет оценить смысл этих слов и поймет, как страстно желали помешать тому, чтобы документы процесса, начатого с таким произволом, были посланы в Рим.

XXV. Дон Родриго де Кастро устроил так, что Пий IV согласился оставить в Испании документы процесса и самого Каррансу. В консистории, заседавшей 13 июля 1565 года, он назначил судей, которые должны были отправиться в это королевство. Это были: кардинал Буонкомпаньи (впоследствии ставший папой под именем

Untitled

Григория XIII) с титулом чрезвычайного легата, архиепископ города Россано (который был папою под именем Урбана VII) [103], аудитор Роты Альдобрандини (впоследствии кардинал) и генерал францисканского ордена (впоследствии ставший папой под именем Сикст V). Верховный первосвященник уведомил Филиппа об этих назначениях своим бреве от 21 августа.

XXVI. Папские посланцы прибыли в Испанию в ноябре. Филипп II выехал навстречу легату к воротам Алкалы и оказал ему самый лестный прием, чтобы побудить его согласиться на предложение присоединить к судьям из Рима членов совета испанской инквизиции. Легат, достаточно знавший их, чтобы предвидеть неудобство этой меры, отказался.

XXVII. По приказу короля для успеха этого дела были пущены в ход многочисленные и серьезные интриги, но все было безрезультатно. Между тем узнали, что папа умер в ночь с 8 на 9 декабря. Буонкомпаньи, желая присутствовать на конклаве, тотчас отправился на почтовых в Рим, никого не предупредив, даже короля; он оставил архиепископа и его процесс в том положении, в каком они были в 1562 году.

XXVIII. 17 января 1566 года был избран св. Пий V. Кардинал Буонкомпаньи узнал об этом в дороге и остановился в Авиньоне [104]. Филипп послал чрезвычайного курьера к новому папе, чтобы просить его подтвердить распоряжения его предшественника. Он получил то, чего желал. Его Святейшество в то же время послал бреве кардиналу, чтобы он вернулся в Испанию. Кардинал отвечал ему, что до исполнения его приказаний

Untitled

он считает нужным иметь с ним частный разговор, и продолжал путь. По прибытии в Рим он дал отчет новому папе в том, что происходит в Испании, и доказал ему, что процесс Каррансы не может быть там проведен беспристрастно, хотя бы даже судьями, посланными из Рима. Пий V принял тогда два решения. Первое состояло в том, что архиепископ Толедский должен быть отправлен в Рим вместе с документами всего процесса. Вторым решением дом Фернандо Вальдес был отставлен от должности главного инквизитора. Последняя мера показалась ему необходимою на тот случай, если потребуются выслушать новых свидетелей в Испании. XXIX. Саласар де Мендоса утверждает, что Филипп II послушался немедленно. Но этот писатель не видел истории процесса. Он ошибается, говоря о немедленном подчинении; на самом деле известно, что с обеих сторон возникли споры, причем Пий V держался твердо, и Филипп II, несмотря на свою гордость, принужден был уступить после папской угрозы отлучения короля от Церкви интердиктом на все королевство. Документы процесса существуют; я ссылаюсь на эти документы.

Статья шестая Отъезд архиепископа в Рим

I. Король назначил на должность главного инквизитора дома Диего Эспиносу, члена государственного совета, председателя совета Кастилии, впоследствии кардинала, епископа Сигуэнсы. Верховный первосвященник 9 сентября того же года послал буллу, в которой говорил, что ввиду преклонного возраста Вальдеса он счел нужным дать ему помощником дома Диего Эспиносу. Этот помощник будет исполнять при жизни Вальдеса

Untitled

обязанности заместителя, с определенной оговоркой, что он будет управлять делами главной инквизиции лично, не отдавая в этом отчета Вальдесу. Для этого он давал Эспиносе те же полномочия, которыми пользовались Вальдес и его предшественники. Эти папские распоряжения были опубликованы, чтобы не опозорить Вальдеса. Но Его Святейшество сообщил Эспиносе свои тайные намерения в бреве от 1 октября, переданном ему епископом Фьезоле, на которого он должен был полагаться, как на него самого, во всем, что тот скажет ему. Бреве по существу говорило, что он должен старательно избегать разговоров с Вальдесом о процессе архиепископа.

II. Возвращаясь к процессу Каррансы, надо сказать, что папа отправил в Испанию в качестве чрезвычайного нунция Пьетро Камайяни, епископа Асколи, с самым категорическим приказом не возвращаться в Рим без архиепископа и документов его процесса. 30 июля он адресовал ему бреве, которое заслуживало бы быть помещенным здесь, так как оно очень важно. Но оно слишком длинно, я чувствую необходимость сократить рассказ о деле, которое и обширно и сложно. В этом бреве сказано, что медлительность, проявленная в следствии по процессу Каррансы, равно как и его содержание в тюрьме являются предметом скандала не только в Европе, но и во всем христианском мире. Папа приказывает нунцию под угрозой отлучения и других кар, назначенных для ослушников, объявить, как только он прибудет в Мадрид, с угрозой теми же наказаниями, архиепископу Севильи, совету инквизиции и другим лицам, заинтересованным в

Untitled

процессе Каррансы, полную отмену полномочий, дарованных им по делу архиепископа, и приказ, под угрозой отлучения во всем его объеме, немедленно выпустить его на свободу, без промедления и протеста, не требуя от него никакой гарантии, и передать в руки нунция подлинные документы процесса целиком, чтобы он мог увезти их в Рим; подвергнуть тем же карам всех держателей бумаг, относящихся к этому делу, если они не поспешат их выдать; передать архиепископу, как только он будет на свободе, приказ отправиться лично в Рим, чтобы там продолжался и решался его процесс, с обязательством по адресу Каррансы назначить до отъезда администратора его епархии.

III. Нунций прибыл в Мадрид. Вопреки строгости приказов и угроз из папских распоряжений ничего не вышло.

Архиепископ не был выпущен на свободу. Король послал в Вальядолид отряд своей гвардии как бы для того, чтобы служить Каррансе эскортом до Картахены, откуда ему было назначено отплыть. Он был задержан в Вальядолиде, и здесь было проявлено столько медлительности в распоряжениях по отъезду архиепископа, что он мог быть в Риме только накануне праздника Тела Божия, 29 мая следующего года.

IV. Что касается документов процесса, то достаточно сказать, что понадобились новые угрозы отлучением со стороны нунция, чтобы добиться их отправки; это задержало архиепископа в Картахене на целых четыре месяца. Воспользовались неведением комиссара и тайной, с которой велось дело, для того, чтобы передать только часть документов процесса. Остальную часть затребовали

Untitled

из Рима после того, как заметили, что отсутствует часть документов; вследствие этого произошла новая проволочка, продолжавшаяся не менее года. Все эти обстоятельства ясно показывали желание инквизиторов оттянуть решение дела до смерти архиепископа.

Толедский капитул продемонстрировал самую мужественную преданность. Он назначил во время задержания своего главы двух человек для оказания ему всевозможных услуг, и поручил им не покидать его ни на одну минуту ни во время путешествия, ни во время пребывания в Риме.

V. Наконец наш прелат вышел из тюрьмы 5 декабря 1566 года, после семи лет трех месяцев и двух недель заключения, проведенного в двух комнатах, откуда он не мог видеть ни поля, ни улицы и где ему можно было говорить только с двумя слугами и двумя защитниками. Я не говорю о судьях и чиновниках инквизиции, вид коих мог быть ему только неприятен.

VI. Обвиняемому отказали в разрешении назначить администратора епархии, хотя приказ об этом определенно находился в папском бреве. Мотивом, выставленным для оправдания нарушения папского распоряжения, явилось следующее обстоятельство: Его Святейшество, приказывая это, не знал, что администратор уже был назначен королем и что Павел IV подтвердил это назначение.

VII. Карранса путешествовал в носилках в сопровождении дома Диего Гонсалеса, вальядолидского инквизитора, и дома Лопе д'Авельянеды, который был назначен домом Гаспаром де Суньигой в 1561 году для его караула.

Untitled

Последняя предосторожность доказывает, что он не был свободен.

VIII. Архиепископ прибыл в Картахену 31 декабря, и ему отвели помещение в крепости. С этого времени он находился на ответственности наместника провинции, вследствие чего Гонсалес и королевская гвардия вернулись в Вальядолид. Не дали бы подобного эскорта прелату, если бы инквизиторы верили в преподаваемое ими учение об отлучении, которым папа поражает строптивых, отказывающихся подчиниться приказам, выраженным в его буллах.

IX. В воскресенье, 27 апреля 1567 года архиепископ Толедский отправился из Картахены на первой неаполитанской галере. Его поместили в люке, потому что кормовая каюта была занята герцогом Альбой, губернатором фландрских провинций.

X. Кроме его слуг и главного стража Авельянеды, его сопровождали члены совета инквизиции; дом Диего де Симанкас, избранный епископом Сьюдад-Родриго, и дом Антонио Пасос, который был назначен епископом Пати в Сицилии по прибытии в Рим; калаорский инквизитор дом Педро Фернандес де Теминьо, впоследствии епископ Авилы; дом Херонимо Рамирес, прокурор совета инквизиции, умерший в Риме; Севастиан де Ландета и Альфонсо де Кагельон, секретари вальядолидской инквизиции, а также другие чиновники, которые все путешествовали за счет прелата. С ним были также его защитники дон Мартин д'Альпискуэта и дон Альфонсо Дельгадо, каноник и инспектор школ толедской церкви, бывший потом епископом Асторги.

Untitled

XI. Когда галера прибыла в Геную, герцог Альба высадился, чтобы отправиться во Фландрию, а другие пассажиры для того, чтобы неделю отдохнуть. Архиепископ перешел в кормовую каюту 18 мая, в день Троицы. 25 мая прибыли в Чивитавеккью, где их ожидали испанский посол Рекесенс и Паоло Вислерсио, племянник папы и капитан его гвардии. Посол завладел особою архиепископа, согласно королевскому приказу, и передал его в Риме 29 мая в руки папы. Саласар де Мендоса утверждает, что это событие произошло 27 мая. Мы должны в этом случае более доверять Херонимо Лонгомарсинио, который был в Риме, где написал комментарии к письмам Джулио Поджиано.

Глава XXXIV Конец процесса архиепископа Толедо. Смерть прелата

Статья первая Интриги для получения новых отсрочек

I. Когда архиепископ Толедский прибыл в Рим, папа назначил ему местом заключения апартаменты, занимаемые верховными первосвященниками в замке Св. Ангела. Это помещение, более обширное, чем то, которое Карранса занимал в Испании, дало ему свободу движений, в которой он нуждался; теперь он мог наслаждаться видом Тибра и лугов, украшающих его берега. Его здоровье поправилось, и силы восстановились. Ему было позволено иметь прислуги на три человека больше, чем в Вальядолиде. Святой отец запретил говорить с ним о его деле. Пока процесс продолжался, ему не было разрешено ни причащение, ни служение обедни. В Испании он не имел свободы исповедоваться; в Риме ему даровали эту милость в юбилей, следовавший за его прибытием, и затем

Untitled

четыре раза в год.

II. Пий V назначил шестнадцать юрисконсультов процесса, а именно: кардинала Ревиву, сицилианца, архиепископа Пизы [105], патриарха Константинопольского [106] и епископа Сабины; [107] кардинала Пачеко, испанца, первого архиепископа Бургоса, покровителя испанских церквей; кардинала Гамбайю, итальянца, епископа Витербо (все трое были главными инквизиторами); кардинала Къезу, миланца, префекта папской сигнатуры [108] по делам правосудия; дома Гаспара де Сервантеса, испанца, архиепископа Таррагоны и впоследствии кардинала; дома Диего де Симанкаса, испанца, епископа Сьюдад-Родриго, а затем Бадахоса и Саморы, члена совета испанской инквизиции; дома Антонио Мориса де Пасоса, испанца, епископа Пати в Сицилии, затем епископа Авилы и Кордовы, председателя совета Кастилии; дома Родриго де Вадильо, испанца, епископа Чефалу, бывшего генерала бенедиктинского ордена, одного из квалификаторов процесса; дома Педро Фернандеса де Теминьо, члена совета испанской инквизиции и затем епископа Авилы; брата Томаса Манрике, испанца, доминиканца, гофмейстера апостолического дворца; Хуана Антонио Сарторио, архиепископа Санта-Северины, депутата испанской инквизиции, потом кардинала и председателя папского епитимийного суда; Феликса Перети, епископа Санта-Агата де Готи, затем кардинала и папы под именем Сикст V; Эвстаджо Лукателли, епископа Ареццо; доктора Артимо, аудитора по делам апостолической камеры, и Пьетро де Камайяно, епископа Фьезоле. Папа назначил

Untitled

обвинителями прокурора совета инквизиции, двух секретарей-итальянцев и двух приехавших из Испании. Он приказал перевести весь процесс на итальянский язык; на этот труд пошел остаток 1567 года и часть следующего.

III. Толедские каноники представились папе и вручили ему письмо от 8 июня, которое толедский капитул адресовал Его Святейшеству, умоляя верховного первосвященника принять во внимание заслуги архиепископа и его высокое положение, а также честь и утешение их церкви, которая в течение восьми лет была лишена своего пастыря. Он надеялся, что святой отец соблаговолит оказать прелату милость, совместимую с правосудием и религией. Пий V ответил 20 июля толедскому капитулу, что с удовольствием прочел его письмо, потому что оно обнаруживает благороднейшие чувства и трогательный интерес к участи прелата. Он обещает капитулу исполнить просьбу, в особенности приказать быстрый разбор процесса, как только будет окончен перевод документов. Он рекомендует ему умолять о помощи Святого Духа для счастливого конца этого дела. Вследствие этого, хотя капитул предварил путешествие своих депутатов девятидневкой торжественных месс и несколькими крестными ходами, он распорядился отслужить утроенное число обеден и совершить много благочестивых дел, чтобы вымолить милость Неба.

IV. Когда было замечено, что произведения и рукописи Каррансы остались в Испании, Его Святейшество приказал своим бреше от 7 ноября выслать их тотчас в Рим. Почему эти бумаги не были посланы вместе с остальными документами процесса? Разве они не составляли его

Untitled

части? Разве не предвидели, что папа потребует их? Преступное желание продлить судопроизводство было настоящей причиной этого упущения и множества других беззаконий, на которые можно было жаловаться. Папская булла, приказывавшая отправку документов всего процесса целиком, была плохо исполнена, как видно из этого обстоятельства, которое не было последним, так как в Риме обнаружили, что недостает еще других бумаг, о которых упоминается в заметках и актах судопроизводства. Их потребовали; они были посланы в 1570 году, что породило новое промедление. Поверим ли мы, что подобное неповиновение папским приказаниям, даже под угрозой отлучения, не имело иной причины, кроме небрежности секретарей и других низших чиновников святого трибунала?

V. Когда перевод документов был закончен и начались конференции юрисконсультов, прокурор потребовал, чтобы они происходили в присутствии папы. Эта просьба излишне затянула обсуждение дела, так как верховный первосвященник, у которого было много других дел, часто отсутствовал. Тот же прокурор отвел Томаса Манрике, гофмейстера апостолического дворца, сказав, что он доминиканец и друг Каррансы. Папа уважил отвод и назначил на место Манрике доктора Толедо, иезуита, проповедника Его Святейшества и затем кардинала, которого прокурор также считал нужным отвести по причине его родственных связей с домом Антонио Толедским, великим приором ордена св. Иоанна, другим другом архиепископа.

VI. Дом Гомес Теллес Гирон, администратор епархии, умер

Untitled

в это время, и толедский капитул вторично написал папе 23 июля 1569 года, выражая крайнее желание видеть наконец решение процесса архиепископа. Его Святейшество ответил 19 августа с особой благосклонностью, излагая мотивы задержки, на которую жаловались, и оправдываясь некоторым образом своими многочисленными занятиями и сущностью этого дела, препятствующей ускорить его решение. "Однако, - прибавлял Пий V, - мы надеемся, что это дело будет скоро закончено. Оно уже достаточно продвинулось, чтобы уверить нас, что больше не будет промедлений в вынесении приговора, который должен его закончить, и мы поторопимся, как делали это до сих пор".

VII. При просмотре документов обнаружили большой беспорядок, царивший в судопроизводстве. Открыли, что некоторые листы документов были изъяты и что этим намеревались скрыть истину. Пий V, убежденный, что ему нелегко и даже невозможно без больших затруднений изложить письменно свои мысли об этом предмете, послал в Испанию Хуана де Бедойю, агента совета инквизиции, с бреве от 11 февраля 1570 года, предназначенным для короля, в котором, не называя предмета поручения своего посланного, он говорил между прочим: "Мы поручили ему [Хуану де Бедою] сделать от нашего имени Вашему Величеству некоторые сообщения, относящиеся к святому трибуналу инквизиции, о которых мы не сочли удобным писать вам. Мы просим во имя Господа Ваше Величество поверить рассказу Бедоюи и выслушать его с обычной вашей благожелательностью и добротой. Мы уверены, что, Ваше Величество, чья любовь к нашему Искупителю

Untitled

хорошо известна, ничего не пощадит для быстрого и постоянного исполнения того, что имеет целью служение всемогущему Богу".

VIII. Неизвестно, что говорил Бедоёя королю. Но заверено процессом, что этот государь велел отыскать бумаги, относящиеся к процессу, и некоторые из них были вручены главным инквизитором королю для отсылки в Рим. Эти документы имели большое значение. Здесь были квалификации и показания, благоприятные архиепископу. Изъяввшие их были настолько ослеплены страстью, что не обратили внимания на то, что они были упомянуты в других документах, уже отправленных. Вопреки категорическому требованию папы и Филиппа об отсылке всех бумаг, относящихся к Каррансе, в Испании удержали все рукописные тетради катехизиса, взятые у маркизы д'Альканисес и послужившие для квалификации этого труда, а также вторые и третьи экземпляры неизданных произведений, переданные братом Альфонсо де Кастро, доминиканцем, и доктором Астете, каноником Саморы. Это упущение на первый взгляд, по-видимому, не содержало никакого коварного плана, так как послали в Рим печатные экземпляры катехизиса и экземпляры других неизданных произведений, тетради, найденные у архиепископа, изъятые у маркизы д'Альканисеса, у брата Доминика де Рохаса, у брата Хуана де Вильягарсии, у брата Франсиско де Тордесильяса, у брата Луиса де ла Круса и в женских монастырях - Вифлеемском и св. Екатерины в Вальядолиде. Но позже признали, что эти бумаги были задержаны в Мадриде для того, чтобы воспользоваться ими при каком-либо другом случае, который действительно

Untitled

и представился, и чтобы породить мотивы новых отсрочек, если бы эти бумаги были затребованы папой.

IX. В течение того же года в Мадрид прибыл кардинал Алессандрии, племянник Его Святейшества. Он приехал по делам лиги, образованной против Оттоманской империи, следствием чего явилась знаменитая победа, одержанная доном Хуаном Австрийским в заливе Лепанто. Нельзя сомневаться (хотя это мнение не основано ни на каком письменном документе), что кардиналу было поручено переговорить с королем о деле архиепископа Толедского. Процесс так подвинулся, что можно было бы его решить к выгоде Каррансы в том же году, если бы папа, который первый составил проект лиги против турок, не изменил своей линии в деле Каррансы.

Папа исходил из того, что он может надеяться на величайшую помощь со стороны Филиппа II в деле создания лиги, и не считал себя связанным относительно этого государя соображениями, имевшими непосредственное отношение к процессу Каррансы. Статья вторая Оправдание архиепископа в силу неопубликованного приговора

I. Св. Пий V подготовил окончательный приговор, но он счел удобным не выносить его до тех пор, пока не узнает взглядов испанского короля, с которым он хотел ладить. В приговоре он объявил, что обвинение прокурора против архиепископа не доказано, и оправдал прелата. Что касается рассмотренных произведений, он приказал, во-первых, вернуть катехизис его автору для перевода его на латинский язык, для внесения всех необходимых исправлений и для изъяснения в католическом смысле

Untitled

отмеченных цензурой тезисов. Во-вторых, приказал удержать запрещение этой книги главным инквизитором Испании, пока она не будет снабжена разъяснениями; запрещения Толкования соборного Послания св. Иоанна не отменять и не позволять печатать и опубликовывать рукописные труды Каррансы, пока автор не внесет необходимых изменений и не изъяснит их таким образом, чтобы пресечь опасность ложного толкования.

II. Папа послал этот приговор испанскому королю через Алессандро Казали, своего камерария. Он считал, что государь с удовольствием увидит, что в существенном признали невиновность обвиняемого, и успокоится относительно его книг, узнав, какое средство применено для устранения опасности. Папа плохо знал характер Филиппа II; это и вызвало сделанный им ошибочный шаг. Этот государь убедил себя, что он и испанская инквизиция будут опозорены, если признают невиновность архиепископа. Он написал Его Святейшеству с намерением доказать, что невозможно, чтобы автор книг, содержащих такое большое количество лютеранских заблуждений, мог не быть еретиком. Поэтому он просил папу отсрочить приговор Каррансы до возвращения его камерария, которому он передаст для Его Святейшества важные документы, подтверждающие истину сказанного.

III. Вследствие этого король велел составить опровержение апологии катехизиса Каррансы; апология эта, как известно, принадлежала докторам Альпискуэте и Дельгадо, защитникам Каррансы; кроме того, по повелению короля был опубликован труд доктора Бальваса, аббата в Алькала-де-Энаресе, озаглавленный Новая квалификация

Untitled

катехизиса Каррансы и веры его автора. В процессе имеются письма епископа Овиедо к этому аббату от 22 апреля и от 20 мая 1571 года, где идет речь об этом деле. IV. Филипп II послал эти два сочинения в 1572 году через Алессандро Казали. Когда последний прибыл в Рим, св. Пий V, его господин, уже умер, и Григорий XIII, его преемник, получил эти документы и велел приобщить их к процессу.

V. Имеются указания, которые, по-видимому, дают право говорить, что смерть папы была не естественной, но вызванной агентами испанской инквизиции, желавшими противодействовать приговору по делу Каррансы. Я не доверяю догадкам, но существуют письма, содержащие рискованные предположения. Одно из них говорит:

"Следует придавать мало важности смерти человека, который показывает такое расположение к монаху-доминиканцу, своему собрату, и компрометирует своими разговорами честь испанской инквизиции. Последняя много выиграла бы, если бы такой папа умер".
Статья третья Новые интриги

I. В это время Филипп II поздравил нового папу с его вступлением на кафедру Св. Петра и воспользовался этим обстоятельством для просьбы о приостановке решения процесса архиепископа Толедского, пока папа не ознакомится с мнением четырех испанских богословов, которых он собирается послать к нему, чтобы дать новое освещение этому делу квалификацией некоторых неизданных сочинений Каррансы. Эти богословы были: дон Франсиско Санчес, профессор богословия в Саламанке; брат Диего де Чавес, духовник короля; брат

Untitled

Хуан Очоа и брат Хуан де ла Фуэнте, магистры богословия.

II. Приехав в Рим, четыре богослова квалифицировали 14 января 1573 года Толкование на Послание к Галатам; 25 февраля - Толкование на Пророка Исайю; 5 марта - Толкование на соборное Послание св. Иоанна и 6 марта - Толкование на Послание к Филиппийцам. Они передали папе подлинник квалификаций и послали копии в совет испанской инквизиции, который велел их приобщить к процессу. Доктора Альпискуэта и Дельгадо говорили на суде в пользу своего клиента против этих цензур, но их авторы возразили, что не удовлетворены.

III. Видя, какой оборот принимает дело, Филипп II сделал последнее усилие, а члены совета инквизиции привели в действие самые могущественные средства для получения отречения уважаемых богословов, высказавших мнение, благоприятное катехизису, до ареста его автора. Они употребили для этого террор и убеждение: террор заставлял богословов опасаться ареста в качестве заподозренных в исповедании заблуждений, которые они одобрили, а путь убеждения давал им благовидный предлог, для того чтобы переменить свое первое суждение о Каррансе и как бы открыть в его неизданных произведениях большее количество тезисов, которые можно понимать в лютеранском смысле.

IV. Первым попавшим в ловушку был человек, действительно достойный уважения за свои познания, добродетели, происхождение и другие выдающиеся качества; преклонней возраст и страх очутиться в тюрьме святого трибунала извиняют его слабость, как и слабость

Untitled

достопочтенного Осии. 17 февраля 1574 года Альфонсо Дорига, секретарь совета инквизиции, вручил по приказу короля доктору Альфонсо Серрано, докладчику совета, пакет для дома Педро Герреро, архиепископа Гранады, содержащий следующие произведения:

- 1) печатный катехизис Каррансы;
- 2) рукописные тетради под э 1, 2, 3,4, 5,6 и 7;
- 3) толкования, помеченные в моем каталоге в главе XXXII под э 4, 5,6, 7 и 12;
- 4) девять проповедей, означенных у меня под э 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39 и 40.

V. 30 марта архиепископ Гранады объявил ложными семьдесят пять тезисов того самого печатного катехизиса, в котором раньше он не нашел ни одного, заслуживающего богословской цензуры. Он прибавил, однако, что эти погрешности произошли от редактирования труда по-испански; если бы он был опубликован по-латыни, то, по его заявлению, следовало бы вычеркнуть, исправить или объяснить тридцать один тезис. Этот прелат говорил также, что находит двести девяносто две погрешности в рукописных тетрадях, а именно: сто одиннадцать в третьей, восемьдесят шесть в шестой, девяносто девять в седьмой и шестьдесят шесть в толкованиях и проповедях. Отсюда он и сделал заключение, что автора можно заподозрить в ереси.

VI. Докладчик Серрано с торжеством вернулся в Мадрид, и из письма, адресованного советом королю 8 августа, видно, как он был доволен этим достижением. "Следует неотложно послать эту квалификацию в Рим, потому что активность, с которой ведут дело Каррансы, заставляет

Untitled

опасаться, что оно будет скоро решено; эта мера особенно важна, поскольку там придают большое значение мнению архиепископа Гранады".

VII. Это письмо сопроводили кратким содержанием цензур, в котором говорилось, что Герреро осудил триста тридцать тезисов как ложные, в том числе семьдесят два как еретические. В этом подсчете заключается ошибка и коварство. Ошибка потому, что, подводя итог, мы находим четыреста тридцать три тезиса; коварство потому, что двести девяносто два тезиса рукописных тетрадей не должны браться в расчет, так как эти тетради только черновики печатного катехизиса, в котором найдено семьдесят два тезиса. Итак, был только сто тридцать один тезис, осужденный, но не как еретический. Я не могу не сделать этого замечания, потому что оно показывает ожесточение совета против Каррансы и упорное желание выставить его еретиком.

VIII. Серрано отправился затем к дому Франсиско Бланке, епископу Малаги. Этот прелат 29 апреля взял назад свое мнение, высказанное в 1558 году, когда он был епископом Оренсе. Он осудил шестьдесят восемь тезисов катехизиса, хотя раньше хвалил эту книгу. Серрано тотчас уведомил об этом совет и известил его, что епископ квалифицировал Каррансу сильно заподозренным в ереси. В это время стало вакантным архиепископство Сант-Яго, и король назначил туда этого прелата.

IX. Дом Франсиско Дельгадо, епископ Хаэна, одобливший в 1558 году катехизис, уступил соображениям, высказанным его коллегами; он оказался послушным воле короля. 8 июня 1574 года он осудил триста пятнадцать тезисов,

Untitled

говоря, как и другие, что это сделано из повиновения приказу короля, который велел передать ему неизданные произведения архиепископа через брата Франсиско д'Орантеса, провинциала францисканцев, и брата Хуана де ла Фуэнте, уже вернувшегося из Рима. Дом Франсиско Дельгадо вскоре получил архиепископство Сант-Яго по смерти Бланке, но не намного пережил его и не мог даже вступить в управление своей новой епархией.

X. Брат Хуан де ла Фуэнте доложил королю извлечение из квалификаций, сделанных им и тремя его товарищами в Риме. Этот документ был подписан 12 мая братом Диего де Чавесом. В августе постарались получить подобные отречения и новые осуждения от доктора Фернандо де Бариоверо, каноника-учителя и профессора богословия в Толедо, а 11 сентября - от брата Мансио дель Корпуса, доминиканца, профессора в Алькале. Король не послал в Рим (вопреки настояниям совета инквизиции) квалификаций этих прелатов. Он считал более подходящим написать папе, будто он осведомлен, что архиепископы Гранады и Сант-Яго могут сделать важные разоблачения относительно Каррансы и что он надеется получить распоряжения Его Святейшества о том, как следует поступить при подобных обстоятельствах.

XI. 7 августа того же года Григорий XIII издал бреве, которым поручал Дому Гаспару де Кирогге главному инквизитору (потом он был кардиналом и преемником Каррансы на толедской кафедре), принять перед нотариусом и в присутствии свидетелей подкрепленные присягою показания архиепископов Гранады и Сант-Яго и послать их в Рим запечатанными. 17 октября святой отец

Untitled

велел послать подобное же бреве епископу Хаэна, канонику-учителю Толедо, и профессору Мансио. Главный инквизитор назначил для этой цели комиссаров, которым он вручил письменные инструкции. Комиссарам было предписано потребовать от них присягу говорить правду и хранить тайну; обязать их заявить, что мотив, по которому они одобрили катехизис в 1558 году и переменили мнение впоследствии, был основан на более серьезном и более глубоком изучении этого труда, а также на знакомстве с другими сочинениями автора; заставить их изложить в отдельном документе, как они судят теперь о произведениях и вере Каррансы, остерегаясь говорить, будто они делают это по приказу короля, как они сообщали в первый раз, но, наоборот, заявляя, что действуют в силу папского бреве.

XII. Комиссары исполнили поручение в течение сентября, октября и ноября, и труд их был послан в Рим в декабре. Я замечу, что дом Франсиско Бланке, осудивший 29 апреля шестьдесят восемь тезисов катехизиса, 29 октября признал ложными двести семьдесят три тезиса, как в катехизисе, так и в других сочинениях, и шестьдесят три тезиса из этого числа назвал еретическими.

XIII. Эта необычайная перемена взглядов пяти лиц, теперь утверждавших то, что ими раньше не признавалось, объяснялась в их заявлениях как продиктованная справедливостью, совестью, ревностью к католической вере и намерением угодить Богу. Именно эти чувства будто бы заставили богословов объявить, что они считают себя обязанными, чтобы быть верными закону Божию, обнаружить свои убеждения и тем обеспечить торжество

Untitled

истины и правосудия. Интрига не преминула произвести в Риме результат, горячо желаемый королем, членами совета и всеми агентами святого трибунала, в которых ненависть будила желание гибели архиепископа.

Статья четвертая Окончательный приговор и его последствия

I. Показания пяти новых значительных свидетелей, приобщенные к процессу, переведенные на латинский язык, с осуждениями, рассматриваемыми как их составная часть, совершенно изменили процесс. Они доставили прокурору инквизиции, испанским юрисконсультам и некоторым подкупленным юрисконсультам Рима оружие тем более страшное, что имена Герреро, Бланке и Дельгадо пользовались бесконечным уважением со времени Тридентского собора и их показания были подкреплены довольно большим числом доводов, убеждающих, что мотивы для перемены их мнения были искренни и законны.

II. Григорий XIII попал в западню, которой ему действительно трудно было избежать, так как интрига имела своим главою такого могущественного государя, как Филипп, а агентами - членов такой искусной и страшной корпорации, как испанская инквизиция. Григорий хорошо распознал в Мадриде пружины, приводимые в действие для гибели Кар-рансы, и уверил Пия V, что нельзя справедливо решить этот процесс, если бы даже это было поручено иностранным судьям. Но он был далек от мысли, что в Риме недоброжелательство против Каррансы проявится, быть может, еще более активно.

III. Папа любил справедливость. Он думал, что поступает

Untitled

согласно ее требованиям, когда он приказал 14 апреля 1576 года, накануне Вербного воскресения, дому Бартоломео Каррансе, архиепископу Толедскому, отречься от всех ересей вообще и в частности от шестнадцати лютеранских тезисов, в которых его объявили заподозренным. В наказание за проступки, подавшие повод к этому приговору, ему было запрещено на пять лет отправление должности архиепископа; он был присужден к заключению на этот срок в доминиканском монастыре в городе Орвието в Тоскане, а пока в доминиканском монастыре Минервы в Риме, где на него наложили в виде духовной епитимьи некоторые благочестивые упражнения, между прочим посещение в один день семи церквей: Св. Петра, Св. Павла, Св. Иоанна Латеранского, Св. Креста в Иерусалиме, Св. Севастиана, Св. Марии Великой и Св. Лаврентия. Запрещение инквизиции чтения его катехизиса на испанском языке было удержано.

IV. Лютеранские тезисы, от которых Карранса отрекся и в которых его объявили заподозренным, были следующие:

1) Дела, совершенные без духа любви, какого бы свойства они ни были, суть грехи и оскорбляют Бога.

2) Вера есть первое и главное средство обеспечить свое оправдание.

3) Человек безусловно оправдан правосудием Иисуса Христа; этим правосудием Иисус Христос проявил заслуги для нас.

4) Никто не получает правосудия Иисуса Христа, если он не верит твердо и положительно, что он получил его.

5) Находящиеся в состоянии смертного греха не могут понять Священного Писания и рассуждать о предметах

Untitled

веры.

6) Естественный разум противоречит вере в том, что имеет отношение к религии.

7) Зародыш греха существует в крещеных с качеством греха.

8) Истинная вера не существует более в грешнике, утратившем благодать через грех.

9) Покаяние равно крещению и есть не что иное, как новая жизнь.

10) Господь наш Иисус Христос искупил наши грехи так действительно и так полно, что от нас не требуется никакого искупления.

11) Вера без дел достаточна для того, чтобы быть спасенным.

12) Иисус Христос не был законодателем, и в его намерение не входило создание законов.

13) Поступки и подвиги святых служат нам только примером, но святые никоим образом не могут нам помогать.

14) Употребление святых икон и почитание мощей святых суть чисто человеческие обычаи.

15) Теперешняя церковь не имеет ни озарения, ни авторитета в такой степени, в какой это было в первобытной церкви.

16) Положение апостолов и монахов ничем не отличается от обыкновенного положения христиан.

V. Из показаний девяноста шести свидетелей нельзя заключить, чтобы архиепископ Толедский когда-либо высказал какой-нибудь из этих шестнадцати тезисов.

Однако все эти свидетели в судебном порядке, без

Untitled

посредства и даже без ведома подсудимого, были допрошены людьми, привыкшими заставлять свидетелей говорить больше, чем они хотят. Я не читал произведений, которые послужили материалом для процесса, но я знаю их квалификации. Из них не видно, чтобы Карранса утверждал хотя бы один из этих шестнадцати тезисов; но текст некоторых из них заставил цензоров поверить, что он исповедовал их и многие другие, так как его не обязали отречься ни от многих сотен тезисов, которые сочли нужным осудить, ни от семидесяти двух, квалифицированных еретическими. С другой стороны, нельзя утверждать, что он высказывал устно или выражал в письменной форме какой-либо из шестнадцати тезисов, которые были сочтены лютеранскими, и я без колебания говорю, что этот приговор не может заслуживать одобрения добросовестных людей.

VI. Архиепископ выслушал свой приговор со смирением и был оправдан с предостережением (*ad cautelam*). Он служил обедню в четыре первых дня Страстной недели и в понедельник на Пасхе 23 апреля посетил все семь церквей. Он отказался от носилок, которые предложил ему папа, как публичное доказательство своего уважения и участия. На другой день он служил обедню в церкви Св. Иоанна Латеранского - в последний раз в своей жизни. Задержав мочу, он потом не мог уже ее выделить. Он умер 2 мая в три часа утра в семидесятидвухлетнем возрасте, проведя восемнадцать лет в полном заключении.

VII. Узнав 30 апреля о серьезности положения архиепископа, папа послал ему полное отпущение грехов и освобождение от наложенной на него епитимьи. Святой

Untitled

отец действовал по своей доброй воле для утешения больного и, если возможно, для восстановления его здоровья. Это известие дало архиепископу большое удовлетворение, вследствие чего он принял спокойно и даже радостно три таинства - исповедь, причащение и соборование.

VIII. Он составил завещание в присутствии одного из секретарей процесса и назначил душеприказчиками своего верного друга дома Антонио Толедского, великого приора ордена св. Иоанна и шталмейстера короля; докторов Мартина де Альпискуэта Наварро и Альфонсо Дельгадо, своих защитников, которые его никогда не покидали; дома Хуана де Навар-ра-и-Мендосу, регента и каноника Толедского собора (он был сыном графа Лодосы и происходил по мужской побочной линии от королей Наварры); брата Фернандо де Сан-Амбросио, его попечителя, который был предан ему со времени получения архиепископских булл, и брата Антонио д'Утрилью, являвшегося истинным образцом верности и преданности и добровольно разделявшего с архиепископом его восемнадцатилетнее пленение. Он не получил разрешения, в котором нуждаются епископы для составления завещания; но так как папы располагали тогда доходами с экономии, Григорий XIII одобрил и приказал исполнить все благочестивые распоряжения архиепископа.

IX. 30 апреля, после того как прелат получил отпущение грехов, до молитвы перед принятием напутствия он сделал по-латыни, в присутствии трех секретарей его процесса, многих испанцев и нескольких итальянцев, следующее

Untitled

заявление, которое произнес медленно и отчетливо, чтобы могли слышать все:

Х. "Принимая во внимание, что я был заподозрен в приписанных мне заблуждениях, считаю своим долгом обнаружить свои убеждения на этот счет в том состоянии, в котором я нахожусь. С этим намерением я велел пригласить четырех секретарей моего процесса. Итак, я беру в свидетели небесный суд и в судьи владыку Господа, который пришел ко мне в принятом мною таинстве, ангелов, которые его сопровождают и которых я избрал постоянными заступниками моими перед ним. Я клянусь всемогущим Богом, последней минутой моей жизни, отчетом, который скоро я должен буду дать Богу, что в то время, когда я преподавал богословие в моем ордене, а потом писал, поучал и проповедовал в Испании, Германии, Италии и Англии, я всегда имел целью торжество веры в Господа нашего Иисуса Христа и борьбу с еретиками. Его божественное величие соблаговолило прийти мне на помощь в этом предприятии, так как я обратил в Англии действием его благодати многих еретиков в католическую веру, когда я прибыл в это королевство с королем, моим господином. Я велел с его согласия вырыть трупы величайших еретиков того времени и сжечь их для удостоверения могущества инквизиции. Католики, как и еретики, постоянно называли меня первым защитником веры. Я могу поистине удостоверить, что постоянно был одним из первых, работавших на благо святого дела, поступая по приказанию короля, нашего государя. Его Величество был свидетелем части моих поступков. Я любил его и действительно люблю еще теперь; ни один

Untitled

сын не имел и никогда не будет иметь к нему большей преданности, чем я.

Я удостоверяю также, что в течение моей жизни мне никогда не приходилось излагать, проповедовать и поддерживать ересь или что-либо противоположное истинному верованию римской Церкви. Никогда я не впадал в заблуждение, в котором меня объявили заподозренным, придавая моим словам смысл, совершенно отличный от того, который я давал им сам. Я клянусь всем сказанным и самим Господом, которого беру в судьи, что -мне никогда не приходила в голову ни одна из вышеупомянутых мыслей и из тех, которые были показаны в возбужденном против меня процессе; что я никогда не имел ни малейшего сомнения ни в одном из пунктов вероучения; наоборот, учил, писал, наставлял и проповедовал святую веру с такой же твердостью, как исповедую ее теперь, в минуту моей смерти.

Я не перестаю признавать справедливым вынесенный мне приговор, потому что он произнесен наместником Иисуса Христа. Я принял его и считаю законным, поскольку он вынесен человеком, соединяющим со званием наместника Иисуса Христа звание судьи, одаренного мудростью и истинным прямодушием. Я прощаю в минуту своей смерти, как я делал это всегда, все оскорбления, нанесенные мне, какого бы свойства они ни были. Я прощаю также тех, кто выступал против меня в моем процессе и принимал в нем хотя бы малейшее участие. Я никогда не питал зла против кого-либо из них; напротив, я поручил их Богу. Я делаю это искренно в настоящее время, любя их от всего сердца, и я обещаю, если попаду туда, куда надеюсь попасть волею и

Untitled

милосердием Господа, что ничего не потребую против них, но буду молить Бога за всех".

XI. Гробница архиепископа была установлена 3 мая на солее церкви монастыря Минервы рядом с двумя кардиналами из фамилии Медичи, по бокам которых находились мраморные статуи пап Льва X и Климента VII из той же фамилии. Григорий XIII, объявивший его заподозренным в ереси, велел выгравировать на камне гробницы надпись противоположного содержания. Может быть, он приказал это сделать ввиду заявления Каррансы в час смерти.

XII. Вот эта надпись:

"Deo optimo maximo. Bartholomeo Carranza, Navarro, dominicano, archiepiscopo Toletano, Hispaniarum primata; viro genere, vita, Doctrina, Contione, atque eleemosinis claro; magnis muneribus a Carolo V imparetore et a Philipo II rege catholico sibi commissis egregie functo; animo in prosperis modesto et in adversis aequo. Obiit anno 1576 die secundo mail, Athanassio et Antonino sacro; aetatis suae 73".

XIII. "[Слава] Богу милостивому и великому. Бартоломео Каррансе, родом из Наварры, доминиканцу, архиепископу Толедскому, примасу Испании; мужу, знаменитому происхождением, жизнью, учением, проповедью и милосердием; отлично исполнившему многие служения, порученные ему императором Карлом V и католическим королем Филиппом II; скромному в счастья и терпеливому в несчастья. Скончался в 1576 году, 2 мая, в день святых Афанасия и Антонина, в возрасте 73 лет".

XIV. Если папа назвал Каррансу человеком, знаменитым своим учением и своей проповедью, невероятно, чтобы он

Untitled

считал его книги и проповеди полными ересей.

XV. Папа уведомил толедский капитул о приговоре и о дне, когда он был вынесен; затем он сообщил о смерти архиепископа и поручил молиться Богу об упокоении его души. Сначала ему устроили торжественные похороны в Риме; несколько времени спустя еще торжественнее справили их в Толедо, где после него кафедру занимал дом Гаспар де Кирога, главный инквизитор, епископ Куэнсы, бывший потом кардиналом. Этот прелат (бывший каноником Толедского кафедрального собора) держал в своих руках синод и провинциальный собор.

XVI. Он счел неудобным, чтобы портрет его предшественника не был помещен в зале заседаний рядом с портретами других архиепископов. Он велел расположить его рядом с портретом кардинала дома Хуана Мартинес Силисео. Это доказывает, что он не краснел при мысли, что когда-нибудь поместят его собственный портрет рядом с портретом дома Бартоломео.

XVII. Было в обычае писать эпитафии всех архиепископов на двери храма. Капитул дал доказательство умеренности, удовлетворившись краткой надписью: "Prater Bartholomeus de Carranza et Miranda, ordinis predicatorum, archiepiscopus Toletanus obiit postridie Galendas maii anno MDLXXVI". Это значит: "Брат Бартоломео де Карранса-и-Миранда, из ордена проповедников архиепископ Толедский, умер на другой день майских календ 1576 года". Пример папы должен был бы, по-видимому, побудить его с большим почтением говорить о своем архиепископе, так как это неприятное упущение поражает взор среди похвальных эпитафий других архиепископов. Разве не прославляли

Untitled

Элипанда? Всем, однако, известно, что Элипанд был осужден как рядовой еретик и даже как учитель-еретик. XVIII. Вопреки несправедливой победе, одержанной святым трибуналом в процессе Каррансы, инквизиторы были недовольны, что он не был лишен сана архиепископа Толедского. Пятилетнее устранение от должности показалось им карой исключительно легкой. Они опасались даже, что папа освободит его от этого наказания, как он и сделал действительно через неделю после произнесения приговора.

XIX. Их досада вылилась в письмах, находящихся среди документов мадридского процесса, писанных из Рима на первый, второй и третий день после приговора. Среди множества вещей, которые там встречаются и которые в настоящее время опозорили бы писавших их, замечателен совет, данный королю, не допускать ни под каким предлогом, чтобы Карранса вернулся в Испанию, в особенности не разрешать ему управлять епархией, даже по истечении пятилетнего срока наказания. Зависть и ожесточение заставляют их предполагать, что было бы скандалом и позором для толедской Церкви видеть в составе своих священнослужителей и в епархии человека, осужденного инквизицией; эти же чувства толкали их на заявление, что было бы лучше, если бы король уговорил папу убедить Каррансу выйти в отставку с сохранением пенсии для помещения затем на эту кафедру человека, более достойного ее занимать. Богу было угодно вскоре прервать смертью архиепископа депо, чреватое новыми интригами, так как я со скорбью видел, что противники архиепископа, не желая прекращать преследования,

Untitled

готовили против него новое гонение.

XX. Неужели нужно, чтобы усердие к религии, к вящей славе Божией и его Церкви всегда служило предлогом к отвратительным поступкам? "Сколько зол может [советовать] вызвать религия [Tantum religio potuit suadere malorum]!" - сказал поэт [109]. Этот злобный выкрик является клеветой, потому что религия не советует никому причинять зла. Но людская порочность толкает на злоупотребление самыми святыми и самыми непорочными вещами.

Глава XXXV Процесс Антонио Переса, министра и первого государственного секретаря короля Филиппа II
Статья первая События, предшествовавшие процессу, возбужденному инквизицией против Антонио Переса I. Мы увидим другую знаменитую жертву инквизиции и дурного характера Филиппа II в лице его министра и первого государственного секретаря Антонио Переса. Несчастья этого испанца начались, когда Филипп умертвил Хуана Эсковедо, секретаря дона Хуана Австрийского. Перес успел ускользнуть из Мадрида, еще страдал от последствий пытки, и убежал в Арагон, где надеялся жить спокойно под покровительством политической конституции этого королевства, которая не давала монарху другого права в судах, кроме права иметь прокурора или уполномоченного обвинителя. Я не буду останавливаться на передаче всего, что Перес вытерпел в Мадриде в течение двенадцати лет, то есть с 1578 года, года смерти Эсковедо, до 18 апреля 1590 года, дня бегства самого Переса. Все эти подробности можно прочесть в труде, опубликованном этим министром под заглавием Реляции, в

Untitled

рассказе, который был помещен Антонио Вальядаресом де Сотомайором в Ученом еженедельнике ("Semanaario erudito"), и в книге в восьмую долю листа, появившейся в 1788 году под заглавием Уголовный процесс Антонио Переса. В этом труде отсутствуют разъяснения. Некоторые из них я дал в Истории этого министра, которую, быть может, некогда опубликую и которая обрисует подробнее царствование Филиппа II и историю Генриха IV, короля Франции, и Елизаветы, королевы Англии. Здесь я ограничусь представлением обстоятельств процесса, возбужденного против него инквизицией, изложив некоторые события, происшедшие в Арагоне и послужившие ему причиной.

II. Когда Антонио Перес удалился в Арагон, Филипп II издал приказ о его аресте. Его арестовали в Калатаюде. Перес протестовал против этой меры и потребовал привилегии манифестации. Он был переправлен в Сарагосу и заключен в тюрьму, которая называлась тюрьмой королевства или тюрьмой свободы. Заключенные в ней находились под непосредственным покровительством короля и зависели только от судьи, называемого верховным судьей (*justiza mayor*) Арагона. Тюрьму эту называли также тюрьмой фуэро, или конституционной, потому что политическая конституция того королевства обозначалось именем арагонского фуэро. Тюрьма эта называлась иногда тюрьмой манифестированных (*manifestados*). В нее принимали только тех, кто сам являлся туда или сам требовал ее, заявляя, что он ищет покровительства конституции, чтобы не быть заключенным в королевскую тюрьму, и подчиняется законам

Untitled

королевства, взывая к содействию его привилегий. Привилегия узника в обстоятельствах, схожих с положением Переса, состояла в том, что он не мог быть подвергнут пытке; он получал свободу, если давал обещание под присягою являться для ответа на обвинения; даже присужденный к смертной казни каким бы то ни было судьей и за какое бы то ни было преступление, он имел право апеллировать на это в суд верховного судьи Арагона {Верховный судья Арагона был независимым посредником между королем и его подданными, как судебное должностное лицо, для которого король являлся только тяжущейся стороной. Эта магистратура была установлена конституцией королевства Облеченный ею был уполномочен объявлять, по требованию какого-либо жителя, что король, его судьи или его магистраты злоупотребляют насилием и действуют противозаконно, нарушая конституцию и привилегии королевства В этом случае верховный судья мог защищать угнетенных вооруженной силой против короля и тем более против его агентов и приближенных.}, который рассматривал, не противоречит ли исполнение приговора какому-либо фузро королевства. Этот род трибунала имел некоторое сходство с тем, что во Франции именуется кассационным судом.

III. Филипп II после многочисленных настойчивых, но безуспешных попыток добиться у постоянной депутации королевства того, чтобы Перес был возвращен в Мадрид, велел послать в Арагон начатое дело и дал своему прокурору в Сарагосе необходимые полномочия для обвинения Переса в этом королевстве как виновного в представлении королю лживых донесений, на основании

Untitled

которых Его Величество счел нужным умертвить секретаря Хуана Эсковедо; Перес обвинялся также в фальсификации писем кабинета и в раскрытии тайн государственного совета. После множества инцидентов и выступлений Перес поставил короля перед необходимостью отказаться от преследования; публичный акт об этом, исходивший от королевской власти, имел место 18 августа. Государь думал этим путем избежать позора видеть Переса оправданным в окончательном приговоре.

IV. Указ Филиппа II гласил, что, несмотря на отказ от иска, Его Величество оставляет за собою право воспользоваться возможностью и предъявить свои права в такой срок и таким образом, как он сочтет удобным; вследствие этого и с целью воспрепятствовать Антонио Пересу получить полную и совершенную свободу он велит начать против него перед управляющим королевской аудиенцией Арагона новый процесс в форме анкеты (розыска). Это старинное выражение арагонского языка; оно заимствовано из французского (*enquete*), который извлек его из латинского слова *inquisitio* (розыск). Этот термин в кодексе фуэросов уподобляется судебному решению, произносимому против лиц, занимавших магистратуру или другую общественную должность и ставших виновными в злоупотреблении властью, вероломстве и других преступлениях при исполнении обязанностей. В Кастилии это называется судом розыска (*juicio de visita*).

V. Для начала нового обвинения поставили на вид, что фуэросы Арагона отменили привилегии домашней прислуги короля и представили Его Величеству абсолютную, свободную и неограниченную власть над

Untitled

личностями слуг для наказания погрешностей и преступлений по службе; Антонио Перес был личным служителем короля в должности государственного секретаря и существенно нарушил верность своему господину; что по этим соображениям король поручает управляющему королевским судом Арагона приступить к суду розыска и обращаться к Его Величеству по всем важным или затруднительным вопросам, которые возникнут в течение судопроизводства. Антонио Перес утверждал, что должность государственного секретаря - публичная, государственная должность, не имеющая ничего общего с обязанностями домашнего слугителя короля; если даже предположить, что она включена в этот разряд, закон может относиться только к государственному секретарю Арагона, а он был государственным секретарем Кастилии, и только по делам этой части Испании, так как Его Величество в качестве короля Арагона имел секретарем дона Мигуэля Клементе, протонотария этого королевства; конституция говорит только о домашних слугах короля, арагонцах по происхождению, а это обозначение к нему не подходит, разве только к его семье и его предкам. Никто не может быть судим дважды двумя различными судами по одному и тому же делу, а он был уже судим в Мадриде в 1582 году путем розыска секретариатов и предпочел тогда безропотно покориться дурному обращению с ним, но не отвечать на обвинения, разглашая тайные письма короля, имевшиеся в его руках. Наконец, несмотря на захват многих полезных для его защиты бумаг, произведенный у его жены в 1585 году обманными средствами, у него есть еще достаточно

Untitled

документов для полного оправдания.

VI. Действительно, Перес припрятал и сохранял в своем владении несколько записок короля, которых было достаточно для его оправдания, как те, которые он представил в процессе Хуана Эсковедо; он косвенным путем доставил копии этих записок дону Иньиго де Мендосе, маркизу д'Альменару (бывшему тогда комиссаром короля в Арагоне для поддержки прав своего господина в вопросе, обязан ли Его Величество избирать вице-короля Арагона из числа арагонцев); дому Андреа де Кабрере Бовадилье, архиепископу Сарагосы и брату графа де Чинчон (тогдашнего королевского фаворита) и другим лицам высокого ранга, которые были преданы Его Величеству.

VII. Перес велел им передать, что, узнав, будто король болезненно относится к предъявлению в суде его писем (хотя Перес хотел избежать этого, написав самому королю и его духовнику прежде, чем дойти до этой крайности), он желает в настоящее время избавить государя от нежелательного представления других подлинных документов, где найдутся более щекотливые тайны о некоторых лицах; однако, если будут, несмотря на такое его намерение, продолжать преследовать его вопреки высказываемому им совету, он предъявит документы суду, потому что он более не в состоянии приносить бесплодные жертвы в ущерб своей жене и семерым детям.

Статья вторая Судопроизводство инквизиции до декрета о заключении в тюрьму

I. Средство, которое употребил Перес, заставило прекратить розыск. Он воспользовался этим, чтобы

Untitled

потребовать освобождения на слово или на поруки, но получил отказ от регента. Перес сослался тогда на применение привилегий королевства против насилия перед судом верховного судьи, который обошелся с ним не более благосклонно.

II. По-видимому, Перес составил тогда вместе со своим товарищем по путешествию и по несчастью Джованни Франческо Майорини план бегства и перехода в Беарн. Их план был раскрыт в ту минуту, когда они готовы были его осуществить, потому что они посвятили в это дело слишком большое число лиц. Они были выданы одним из доверенных людей, который оповестил регента королевского суда. Но Перес вел себя так ловко, что казалось, будто он не принимал в этом деятельного участия и не был согласен на бегство, так что все сводилось относительно его к простому подозрению.

III. Информация свидетелей, заслушанных регентом, послужила предлогом к другому процессу Переса перед инквизицией; это обстоятельство было очень кстати для двора, потому что не было средств затягивать дольше суд розыска. 19 февраля 1591 года регент написал инквизитору Молине следующее письмо:

IV. "В месте заключения Антонио Переса стало известно, что он и Джованни Франческо Майорини намеревались бежать из тюрьмы и отправиться в Беарн и в другие части Франции (где находятся еретики) с намерением сделать то, о чем вы можете узнать из свидетельских показаний, удостоверенные копии коих я вам посылаю. Так как здесь речь идет¹ о деле, которое могло бы принести большой ущерб делу Бо-жию и делу короля, нашего государя, я счел

Untitled

долгом сообщить вам, чтобы вы и ваши коллеги познакомились с этим делом и приняли его в соображение. Регент Химинес".

V. Улика, о которой говорится в этом письме, есть недатированное удостоверение, выданное секретарем Хуаном Монтаньесом, в котором были скопированы восьмая глава первых приложений и пятая глава вторых, выставленных королевским прокурором в качестве главного пункта обвинений против Антонио Переса, а также показания, полученные в их подкрепление от Хуана Луиса де Луны, Антонио де ла Альмуниа и Диего Бустаманте. В этих главах хотели доказать, "что Антонио Перес и Джованни Франческо Майорини думали убежать из тюрьмы, говоря, что они уедут в Беарн к Вандому {Генрих IV был известен в Испании под именем Вандом, с титулом герцога, со времени смерти его отца Антуана Бурбона; он не был признан королем Наварры и еще менее королем Франции} и его сестре {Маргарита Бурбон, которая потом была владетельной герцогиней Барской.} и в другие части королевства Франции, где они встретят много еретиков, врагов Его Величества; они надеялись найти у них хороший прием и самое благосклонное обращение, потому что Перес знает правительственные тайны, которые может им сообщить. Они присоединяли к этим речам другие предположения, не менее преступные и оскорбительные для короля, нашего государя, и собирались причинить ему всевозможное зло".

VI. Свидетель Хуан Луис де Луна, арагонский дворянин, содержащийся в тюрьме королевства, показал, что он слышал от Майорини, что он не сделал бы этого, если бы

Untitled

ему пришлось бежать одному; но что он не поколебался бы бежать, если бы был уверен, что отправится вместе с Пересом, потому что привез бы его к принцу Беарнскому {Генрих IV.}, и этот ловкий маневр доставил бы ему много денег.

VII. Антонио де ла Алмуниа из Сарагосы, другой узник той же тюрьмы, показал, будто Майорини сказал в его присутствии, что он думает бежать и увести с собою Антонио Переса.

VIII. Диего Бустаманте из Кихасы в Сантильянской Астурии (который, после того как восемнадцать лет состоял на службе у Антонио Переса, покинул его, потому что был подкуплен обещаниями и намеками маркиза д'Альменара) показал, что слышал от своего господина, что, "если его апелляция не будет принята, он переедет во Францию, чтобы просить у принцессы Беарнской {Маргарита Бурбон, управлявшая княжеством Беарн и королевством Нижняя Наварра во время отсутствия своего брата Генриха IV.} спокойного убежища, и поедет, куда пошлет его эта принцесса; он завязал сношения по этому поводу с Майорини, который занимает соседнюю камеру". Однажды Перес приказал свидетелю написать Майорини, чтобы он исполнил наконец свое обещание и показал ему, что следует делать, не надо ли позвать дьявола на помощь; но он признает, что эти слова его господина были только шуткой. Перес, беседуя однажды с другим слугой (Вильгельмом Стареем, голландцем, племянником командира голландского флота), сказал ему, что, "если бы он поехал во Францию, он послал бы его на родину с поручением к его дяде приготовить корабль для перевоза

Untitled

его в Голландию".

IX. Возможно ли, что подобные показания явились достаточными для доноса в святой трибунал на Антонио Переса как на виновного в преступлении ереси? Мог ли бы я об этом подумать, если бы сам не видел свидетельствующих об этом документов? Ничего не забыли в этой интриге, чтобы объяснить задержание Переса такой причиной, которая сделала бы его арест законным. Регент Хименес де Арагуэс получал приказы маркиза д'Альменара, которому ежедневно сообщал все происходившее с узником. Маркиз посылал корреспонденцию графу де Чинчону, а тот сообщал ее королю. Они условились навсегда лишиться свободы Антонио Переса и даже умертвить его, а если возможно, присудить его к смерти с видимостью правосудия.

X. В этот план можно поверить, если мы припомним, что произошло в Мадриде, особенно после смертного приговора, вынесенного 1 июля 1590 года: бегство Переса в Арагон, указ об отправке документов его процесса в Сарагосу и, наконец, результат этих недостойных происков, так ярко обнаруживший его невиновность, что король счел себя обязанным отказаться от требования казни. Если ко всем этим обстоятельствам прибавить, что другое дело, а именно дело розыска, угрожало Пересу смертной казнью, я думаю, что самая суровая критика не поколеблется допустить, что обвинение в ереси было только политическим средством, придуманным четырьмя агентами короля, которые сумели использовать показания, доставленные им случаем. Правда, они не осмелились представить их как окончательные. Но они воображали,

Untitled

что, как только святой трибунал начнет процесс, появятся новые средства усилить обвинения и сделать положение Переса более критическим.

XI. Инквизиторами Сарагосы были дом Альфонсо Молина де Медрано и дом Хуан Уртадо де Мендоса. Последний был кузеном маркиза д'Альменара. Другой инквизитор - человек безнравственный и интриган, стремившийся любым способом добиться епископства. Маркиз поэтому оказывая ему даже больше доверия, чем своему родственнику, который был менее образован, тем более что добрый характер делал его негодным для роли гонителя. Действительно, дом Хуан избегал, насколько было возможно, принимать какое-либо участие в этом деле и вскоре даже стал исполнять обязанности инквизитора в другом трибунале.

XII. Молина получил от регента письмо и сопровождавшие его показания. Вместо того чтобы сообщить их трибуналу, он с первым курьером послал их главному инквизитору дому Гаспару де Кирогге. Маркиз д'Альменара уведомил об этом графа де Чинчона, а тот - короля, который, посоветовавшись с кардиналом, приказал принять надлежащие меры для констатирования проступков, совершенных Пересом против религии, с целью подвергнуть его за это каре. Эти распоряжения монарха неизбежно должны были повлечь за собою гибель Антонио Переса. Таким образом, мы узнаем, что искать убежища против несправедливого преследования своего государя в иноземной стране, где живут еретики, есть настоящее преступление ереси. Как земля может носить на себе чудовища, которые изобрели эти принципы? Однако они

Untitled

живут безбоязненно и умирают без угрызений совести. 5 марта кардинал Кирога предписал сарагосскому трибуналу, чтобы инквизитор Молина один принимал показания свидетелей, а инквизиторы рассмотрели бы их без участия епархиального благочинного и юрисконсультов и послали их в Мадрид со своим мнением.

XIII. 20 марта допрошено было десять свидетелей.

Антонио Перес знал имя и звание некоторых из них, даже (согласно тому, как он передает в своих Реляциях) сущность их показаний.

Однако он никогда не узнал главных обвинений, которые послужили основанием для его процесса. Диего Бустаманте, его слуга, и Хуан де Басанте, учитель латинского языка, которые часто видели его в тюрьме, привели тезисы, которые в целом ничего не доказывали против него; будучи изолированы, они представляли смысл, способный придать видимость справедливости намерению, принятому против Переса.

XIV. Трибунал передал осведомление главному инквизитору, а тот - брату Диего де Чавес, духовнику короля, им же государь воспользовался в 1574 году для квалифицирования Каррансы еретиком и в 1585 году для захвата у жены Переса писем, которые Его Величество писал ему, когда тот был министром. Брат Диего де Чавес выбрал из этого документа четыре тезиса, приписанных Пересу, для их квалификации против автора, и один тезис Майорини с тем же намерением.

XV. Тезис Майорини сводился к непристойным словам, которые итальянцы в раздражении имеют привычку произносить, намекая на детородные органы Бога, *pota di*

Untitled

Dio, род божбы, которая вырывалась у Майорини во время проигрыша, или rota di Madonna. Эти слова, вырвавшиеся у Майорини, были квалифицированы как еретическое богохульство, достаточное, чтоб мотивировать заключение подсудимого в тюрьму святого трибунала; таким образом, его процесс составлял одно целое с процессом Антонио Переса, против которого квалификатор Чавес установил следующую оценку.

XVI. Первый тезис, извлеченный из показаний Диего де Бустаманте: "Некто говорил Пересу, чтобы он не отзывался дурно о доне Хуане Австрийском; Перес отвечал: "После того, как король упрекнул меня, извратив смысл написанных мною писем и нарушив тайну совета, справедливо и дозволительно мне оправдываться, никого не уважая и не щадя. Если бы Бог Отец захотел помешать этому, я бы ему отрезал нос за то, что он допустил, что король выказал себя таким непорядочным рыцарем по отношению ко мне". Квалификация: "Этот тезис богохулен, скандален, оскорбляет благочестивый слух и отзывается ересью вальденсов, которые предполагают наличие тела у Бога Отца". Ересь, о которой говорит квалификатор, находится в Священном Писании, которое, приспособляясь к нашей заурядной манере говорить, дает Богу руки, глаза, ноги и голову. Какое злоупотребление тайной судопроизводства!

XVII. Второй тезис, извлеченный из показания Хуана де Басанте: "Антонио Перес, видя плохое положение своих дел, сказал однажды в горе, в печали и в гневе: "Может быть, я вскоре перестану верить в Бога. Можно сказать, что Бог спит во время хода моего процесса; если он не

Untitled

произведет чуда в мою пользу, я готов потерять веру".

Квалификация: "Этот тезис скандален, оскорбляет благочестивый слух и подозрителен в смысле ереси, потому что он предполагает, что Бог может спать; этот тезис имеет внутреннюю связь с предыдущим, в котором говорится о Боге, как будто он имеет тело".

XVIII. Третий тезис, взятый из второго показания Диего Бустаманте: "Однажды, когда, как это часто бывало, Перес мучился тревогой, в особенности если ему передавали, что страдают его жена и дети, он воскликнул, удрученный скорбью: "Что же это такое? Бог спит или все разговоры о нем не более как обман; значит, неправда, что существует Бог?"". Квалификация: "Первая часть этого тезиса подозрительна в смысле ереси в том, что она отрицает провидение Божие и его заботу о делах этого мира, а вторая и третья часть - еретические".

XIX. Четвертый тезис извлечен также из второго показания Бустаманте: "Антонио Перес в раздражении от несправедливого, по его мнению, обращения с ним и от участия, которое принимали в его преследовании лица, которые, как он предполагал, должны были поступать иначе, но которые тем не менее пользовались уважением, внушаемым безупречным поведением, сказал однажды: "Я отрицаю лоно, питавшее меня. Разве это означает быть католиком? Если бы это было так, я не веровал бы больше в Бога"". Квалификация: "Первая часть скандальна, вторая - богохульна и оскорбляет благочестивый слух. Если ее соединить с другими, она подозрительна в смысле ереси как внушающая мысль, что существование Бога - обман".

XX. Неправдоподобно, чтобы Перес не веровал в

Untitled

существование, духовность и провидение Бога. Ясно видно, что тезисы, в которых его укоряют, даже при предположении, что он их высказал, вырвались у него в тяжелую минуту от приступа скорби и отчаяния. Совет инквизиции в своих инструкциях и указах признает, что это возможно. Особенно важно отметить, что специальный закон его статута, статья пятая пятой севильской инструкции 17 июня 1500 года, определенно высказывается в этом отношении: "В отношении того, что инквизиторы приказывают иногда арестовывать за незначительные проступки, не заключающие ереси, когда дело касается только слов, которые являются скорее богохульством, чем ересью, и которые были произнесены от нетерпения или раздражения, мы приказываем, чтобы впредь никто не арестовывался по подобному мотиву". Я прибавлю к этому доводу, что налицо был недостаток в уликах, так как второй тезис был основан на одном только показании Басанте. Относительно трех других тезисов (которые шли от Бустаманте) отмечу третью статью четвертой толедской инструкции 1498 года, гласящую: "Мы приказываем также инквизиторам быть осторожными, когда возникает вопрос о чьем-либо аресте, и издавать постановление об аресте только после получения достаточных улик в преступлении ереси, вменяемом подсудимому".

XXI. Но так как настоящее дело велось по интригам и намерениям двора, а религия была только предлогом, верховный совет, ознакомившись с квалификацией, постановил 21 мая перевести Антонио Переса и Джованни Франческо Майорини в секретную тюрьму инквизиции, где

Untitled

они должны содержаться под строгим надзором; кроме того было решено произвести это как можно быстрее, чтобы никто не мог ни узнать, ни даже заподозрить эту меру до приведения ее в исполнение. Намерения совета были исполнены, и главный инквизитор с такой поспешностью отправил декрет совета, что курьер проделал в два дня путь от Мадрида до Сарагосы, то есть пятьдесят испанских миль, равных французским девяноста лье [110].

Статья третья Мятежи в Сарагосе и отъезд Антонио Переса во Францию

I. 24 мая инквизиторы выдали главному альгвасилу святого трибунала приказ об аресте двух обвиняемых. Привратник тюрьмы королевства сказал, что он не может их выдать без приказа верховного судьи Арагона или одного из его помощников. Когда инквизиторы узнали об этом, они написали в тот же день помощникам верховного судьи и приказали им под угрозой отлучения, штрафа в тысячу дукатов и многих других кар выдать через три часа обоих узников, причем фуэро манифестации не должно этому препятствовать, так как применение его не может иметь места в процессах по преступлению ереси; инквизиторы по этой причине должны его отменить или аннулировать, они фактически отменяют и аннулируют такое толкование фуэро, как препятствующее свободному отправлению службы святого трибунала. Секретарь представил это письмо верховному судье дону Хуану де ла Нуса на публичном заседании, в присутствии пяти судей, составлявших совет, и всех служащих трибунала. Верховный судья решил подчиниться требованию

Untitled

инквизиторов и отдал приказ о выдаче узников. Они были отвезены в инквизицию, каждый в отдельной карете. Впоследствии узнали, что курьер, привезший в Сарагосу приказ из Мадрида, передал также письма графа де Чинчона маркизу д'Альменару; последний имел тайный разговор с верховным судьей, чтобы убедить его не применять закона королевства в пользу обвиняемых, а два письма инквизиторов были написаны в ту же ночь, хотя и помечены 24-м числом, потому что они узнали от маркиза д'Альменары о том, что должно произойти.

II. Антонио Перес, предвидевший беду, сообщил свои опасения графу Аранде и другим кавалерам, которые приняли твердое решение воспротивиться этой мере как нарушению драгоценнейшего права королевства. Если допустить, рассуждали они, один раз, чтобы во время спора о деле - которое довело человека до того, что он укрылся под гарантию манифестации, - подсудимый был взят для перевода в другую тюрьму по приказу власти, не зависящей от верховного судьи, то привилегия королевства станет иллюзорной и никто не станет взывать к ней.

III. Перес рассказывает по этому поводу в своих печатных Реляциях, что граф д'Аранда, отец того, который жил в его время, боясь попасть в руки инквизиции, явился, как узник, в трибунал верховного судьи, призывая фуэро манифестации; ему назначили город Сарагосу вместо тюрьмы; когда через некоторое время инквизиторы потребовали его явки в зал заседаний, он отказался повиноваться, ссылаясь на свой арест и говоря, что замок Альхаферия (где пребывала инквизиция) находится вне города. Немного раньше дон Бернарде де Кастро,

Untitled

выдающийся арагонский дворянин, был присужден к релаксации святым трибуналом; его друзья и родственники поставили его под охрану манифестации, когда уже светский суд захватил его для того, чтобы подвергнуть смертной казни. Этой меры было достаточно, чтобы приостановить исполнение приговора до тех пор, пока трибунал верховного судьи решит, не противоречит ли поведение инквизиторов привилегиям королевства. Осужденный был казнен только после того, как было объявлено, что их поведение не представляло никакого беззакония. В то же время депутация королевства жаловалась в Риме на злоупотребления цензурами, к которым прибегал святой трибунал в подобном деле против Антонио Гамира.

IV. Этот испанец был в тюрьме манифестированных. Инквизиторы потребовали его выдачи. Но заместитель верховного судьи, который должен был разбирать еще не законченное дело, отказался, в согласии с другими членами трибунала, уступить требованию святого трибунала. Инквизиторы отлучили от Церкви заместителя. Постоянная депутация королевства, принявшая на себя защиту судьи как связанную с защитой своих привилегий, была подвергнута той же анафеме. Она обратилась к папе, который отказался выслушать ее посланников и велел ей обратиться к главному инквизитору. Между тем папа умер; а когда его преемник Григорий XIII вступил на престол первосвященника, депутаты возобновили свои настояния. В 1572 году верховный первосвященник послал главному инквизитору специальное брeve. Анафема, выпущенная два года тому назад против депутатов, не была снята. Так

Untitled

как заместитель главного судьи умер в этот промежуток, инквизиторы строго запретили дать ему церковное погребение. Депутаты велели забальзамировать его тело и сохранили его в этом состоянии, пока добивались в Риме исхода своего дела, которое уже стоило им более ста шестидесяти тысяч франков. Наконец они получили декларацию, которая разрешала им оказать покойному почести христианского погребения. Эта церемония произошла в 1573 году с большой торжественностью, между тем как принципиальный вопрос оставался отложенным до генерального собрания кортесов, которое должно было происходить под председательством Филиппа II в городе Монсоне в 1585 году. Депутаты нации жаловались королю на злоупотребления инквизиции властью, случившиеся при них и происшедшие раньше, о которых они помнят. Было постановлено, что до истечения шести месяцев будут назначены арбитры со стороны инквизиции и депутации для прекращения разногласий; если инквизиторы не захотят войти таким путем в соглашение, депутаты обратятся к главному инквизитору; они пошлют ему изложение своих жалоб, и если он тоже откажется их удовлетворить, то они обратятся к самому папе. Дело на том и остановилось. Когда поднялся вопрос о посылке комиссаров в Рим, инквизиторы использовали все средства, чтобы провалить этот план.

V. Антонио Перес сообщил обо всем этом графу д'Аранде и другим лицам, чтобы они позаботились о средствах воспрепятствовать нарушению прав, которое им угрожает. Дон Диего Фернандес де Эредиа, барон де Барволес (брат и предполагаемый наследник графа де ла Фуэнтеса,

Untitled

гранда Испании), который был тесно связан дружбой с этими людьми, показал впоследствии (в уголовном деле, которое привело его к эшафоту), что граф и Перес условились убить маркиза д'Альменара, потому что король и граф де Чинчон в случае убийства маркиза д'Альменара откажутся от плана посылать в Арагон вице-королем кастильца, который не преминет уничтожить одну за другой все наиболее важные привилегии королевства.

VI. Когда Антонио Перес вышел из тюрьмы королевства для того, чтобы быть перевезенным в тюрьму святого трибунала, он поручил двум своим слугам уведомить об этом дона Диего Фернандеса де Эредиа и многих других дворян. При этом известии арагонцы возбудили население Сарагосы к мятежу криками: "Измена, измена! Да здравствуют привилегии! Смерть изменникам!" Меньше чем через час более тысячи вооруженных людей отправились к маркизу д'Альменару и были так свирепо настроены, что убили бы его совсем, если бы он не был отведен поспешно в королевскую тюрьму, где умер на четырнадцатый день вследствие нанесенных ему ран. Повстанцы угрожали также архиепископу, обещая лишить его жизни и поджечь его дом, если он не добьется от инквизиторов возвращения Переса и Майорини в тюрьму королевства. Тем же они угрожали вице-королю, епископу Теруэля. Собравшись в числе более трех тысяч, они стали поджигать замок Альхаферию (старинный дворец мавританских королей Сарагосы), крича, что следует бросить в огонь инквизиторов, если они не отдадут узников. В тот день произошло много значительных событий в городе, потому что дом Альфонсо Молина де

Untitled

Медрано упорно старался обуздать мятежников, несмотря на дважды возобновленные настояния архиепископа, епископа вице-короля, графов д'Аранды и де Мораты и некоторых других дворян из высшей знати Арагона. Однако, видя, наконец, что народное брожение и опасность быстро увеличиваются, он, по-видимому, уступил и объявил, что не позволит вернуть свободу узникам, но заменяет им тюрьму святого трибунала тюрьмой королевства и поручил епископу вице-королю и графу д'Аранде перевести их туда, что и было исполнено в тот же день, то есть 24 мая.

VII. Инквизиторы уведомили обо всем этом верховный совет. Многие из их сторонников, опасавшиеся за свою жизнь в Сарагосе, прибыли в Мадрид. Они помогали маркизу д'Альменаре в его интригах и в усилиях к приведению в исполнение намерений короля вопреки фуэросам королевства. В их числе находились секретарь этого агента короля, его мажордом и его конюший, доставившие ему свидетелей против Переса и постаравшиеся подкупить его слуг, чтобы заставить их дать показания против него, как Перес доказал это впоследствии перед коррехидором Сарагосы.

VIII. Инквизиторы, считая свое положение тем более критическим, что они не могли никого арестовать, написали несколько писем комиссарам святого трибунала Арагона. К некоторым письмам было приложено специальное извещение комиссии, поручение, переданное помощникам верховного судьи, а также декрет последнего для доказательства того, что они не врывались в тюрьму королевства, а удовлетворились принятием лиц, выданных

Untitled

им верховным судьей. Другие письма сопровождались буллою св. Пия V от 1 апреля 1569 года относительно противящихся отправлению службы святого трибунала и повелевали, чтобы те, кто навлек на себя церковные кары, добровольно явились с просьбой об отпущении и объявили себя виновными, а также сообщили о других лицах, которые находятся под угрозой того же отлучения. Они предполагали обнародовать указ, чтобы объявить отлученными поименно некоторых лиц, уже отмеченных в реестрах святого трибунала, как препятствовавших исполнению приказов, данных инквизиторами, но архиепископ отсоветовал это делать. Между тем в Мадриде выслушали как свидетелей лиц, прибывших из Сарагосы и известных своей преданностью делу короля. Из их показаний вытекало, что графы д'Аранда и де Мората, бароны де Барволес, де Бьескас де Пурой, де ла Лагуна и некоторые другие из числа местной знати с самого начала побуждали народ к мятежу и разжигали смуту, убеждая, что король посягает на фуэросы Арагона. IX. Постоянная депутация королевства, в круг обязанностей которой входила защита политической конституции, полагала, что ее могут обвинить, по крайней мере, в пренебрежении своими обязанностями. Поэтому она попыталась заранее оправдаться, заявляя, что не представляет собою ни вооруженной организации, ни судебной власти, ее обязанности ограничиваются представительством нации и по этой причине она не имела возможности пресечь народный мятеж. Депутация сочла нужным объявить через комиссию юрисконсультов, что те, которые выдали инквизиторам содержащихся в тюрьме

Untitled

королевства обвиняемых, нарушили ее привилегии. В самом деле, нашлись юрисконсульты, которые это утверждали: 1) потому что одно из прав манифестации для того, кто искал ее покровительства, состояло в избавлении его от пытки, тогда как, переходя под закон другой власти, он подвергался опасности быть подвергнутым пытке; 2) потому что другое право королевства даровало узникам свободу на основании их клятвенного речательства, после ответа на обвинения, и эта привилегия была нарушена выдачей узников в руки постороннего судьи; 3) потому что третье право требовало, чтобы процессы были окончены без отсрочек, что было бы невозможно, если бы обвиняемые были переведены в тюрьму святого трибунала; кроме того нельзя гарантировать истину, если инквизиторы выдадут обвиняемых в руки светской власти. X. Однако тайные интриги инквизиторов, архиепископа, вице-короля и верховного судьи велись весьма искусно, и некоторые члены депутации заметили, что не хватит четырех адвокатов, чтобы заняться делом, в котором ставится вопрос о правах короля и святого трибунала. Это наблюдение привело к тому, что назначили девять других юрисконсультов, и было постановлено, что они могут принять решение большинством в три голоса. Они объявили, что инквизиторы превысили свои полномочия, заставив аннулировать манифестацию подсудимого, потому что нет власти на земле, которая имела бы право это сделать, кроме короля и депутатов, собравшихся в кортесы; если бы инквизиторы потребовали от верховного судьи, чтобы узники были выданы и действие привилегии манифестации было приостановлено, пока инквизиция

Untitled

будет вести и окончит этот процесс, то можно было бы предоставить узников в их распоряжение, потому что эта мера не представляет ничего противоречащего правам королевства. В изложении этого решения имеется только вторая часть консультации, потому что первая была поддержана лишь шестью голосами против семи. Эти дебаты, занимавшие депутацию и юрисконсультов много дней, расшевелили продажных придворных интриганов, которые и одержали верх. Другая партия, менее могущественная, но многочисленная и готовая на все, наводнила улицы и площади памфлетами, в которых раскрывались тайные уловки, изобличались планы их виновников и опасность, которой они подвергались. Антонио Перес написал депутации, представляя ей, что его дело является делом всех арагонцев. Некоторые из его друзей взяли на себя труд доказать, что приостановка не менее нарушает привилегию, чем аннулирование, так как узник может быть подвергнут пытке, лишен права сохранить свободу под клятвенным поручительством и подвергнуться несчастью нескончаемого процесса. Эти попытки остались безуспешны. Было тайно решено, что инквизиторы вторично потребуют выдачи узников; их требование не должно содержать ни приказов, ни угроз, но ограничиться одной целью - приостановить действие привилегии. Королю дали понять, что будет полезно, чтобы Его Величество написал герцогу де Вильяэрмосу, графам д'Аранде, де Морате и де Састаго, чтобы призвать их оказать вооруженную помощь вице-королю Арагона при посредстве их родственников и друзей и помочь установленным властям, если эта помощь будет

Untitled

необходима. Филипп II последовал этому совету, и письма, написанные им этим вельможам, были так любезны и льстивы, как будто он не знал об участии, которое графы д'Аранда и де Мората принимали в последних событиях. XI. Перес видел спасение только в бегстве. Он все устроил, чтобы вырваться из тюрьмы. Успех увенчал бы его усилия, если бы вероломный Хуан де Басанте, его лжедруг и сообщник, не выдал его за несколько часов до исполнения плана отцу Роману, иезуиту, который разрушил все, известив еще три других лица.

XII. Выдачу Переса подготовили на 24 сентября. Она должна была произойти при участии инквизиции, вице-короля, архиепископа, депутации королевства, муниципалитета и двух губернаторов, гражданского и военного. Инквизиторы вызвали в Сарагосу множество чиновников инквизиции, взятых из соседних городов. Военный губернатор дон Рамон Сердан выставил три тысячи вооруженных солдат. Это мероприятие должно было произвестись так, чтобы жители ничего об этом не знали. Но бароны де Барволес, де Пурой и де Бьескас и некоторые другие частные лица проведали об этом. В момент, когда узники готовы были выйти из тюрьмы в присутствии властей города, а улицы и площади, по которым они должны были следовать, были наполнены солдатами, яростная толпа мятежников прорвала ряды, убила множество людей, рассеяла остальных, устрашила и обратила в бегство власти и овладела тюрьмой королевства, откуда вывела Антонио Переса и Джо-ванни Франческо Майорини. Она с торжеством несла их по улицам с криками: "Да здравствует свобода! Да

Untitled

здравствуют привилегии Арагона!" Антонио Перес и Майорини были приняты в доме барона де Барволеса. Когда они немного отдохнули, их вывели из города. Отправившись разными дорогами, они заботились только о том, чтобы уехать подальше.

XIII. Антонио Перес прибыл в Таусту, решив переправиться через Пиренеи Ронкальской долиной; однако, так как границы хорошо охранялись, он решил вернуться в Сарагосу. Он вошел в нее переодетым 2 октября и скрывался в доме барона де Бьескаса до 10 ноября. Тогда он решил, что для него опасно оставаться дольше в городе, потому что дон Альфонсо де Варгас приближался с армией для взятия города и наказания мятежников. Это событие передано во многих отдельных историях весьма неточно.

XIV. О присутствии Переса в Сарагосе, хотя оно было тайным, начали, однако, подозревать вследствие нескольких писем из Мадрида, которые Басанте видел и о которых сообщил; о некоторых других он рассказал еще раньше. Инквизиторы произвели самый тщательный обыск у барона де Барволеса и в других домах. Дом Антонио Морехон, второй инквизитор, более ловкий, чем Молина {Дом Альфонсо Молина де Медрано был уже в Мадриде, где его вознаградили, дав ему должность в совете военных орденов. Его место в Сарагосе занял дом Педро де Самора.}, заподозрил, что барон де Бьескас знает убежище Переса, и понуждал открыть его, обещая хорошо обойтись с ним, если Перес явится добровольно. Перес несколько раз заявлял устно и письменно, что он не побоялся бы стать узником святого трибунала, если бы

Untitled

почти наверняка его не перевели в Мадрид, где его процесс перед инквизицией быстро закончится и он будет передан в распоряжение правительства, которое не преминет исполнить приговор 1 июля 1590 года, присудивший его к смертной казни, причем его даже не захотят выслушать. Попытка Морехона осталась безуспешной, и Перес 11 ноября отправился в Сальен в Пиренеях, на земли, находящиеся во владении барона Бьескаса.

XV. 18 ноября он написал принцессе Беарнской Маргарите Бурбон, прося у нее убежища во владениях короля Генриха IV, ее брата, или, по крайней мере, позволения проехать через них, чтобы удалиться в какую-либо другую страну. Текст этого письма и другого, написанного им 9 декабря Генриху IV, в то время как он был в Париже, доказывает ошибку или обман Антонио Аньоса, его слуги, который рассказал в Мадриде, что Перес показывал ему три письма, писанные этим государем, чтобы убедить множеством обещаний присоединиться к нему. Если бы дело было так, он не писал бы в таких выражениях, в каких он это сделал, прося убежища. Письмо, написанное Пересом принцессе, было передано ей Хилем де Мессой, арагонским дворянином, старинным и верным другом Переса, который постоянно разделял его судьбу, приняв деятельное участие в его бегстве из Мадрида и Сарагосы.

XVI. Маргарита приняла Переса в государстве своего брата 24 ноября, в то время как барон де Конкас дон Антонио де Бардахи и барон де ла Пинилья дон Родриго де Мур прибыли в Сальен с тремястами человек для его захвата. Они предложили инквизиторам выдать Переса, и те

Untitled

обещали им амнистию. Первый должен был судиться инквизицией как виновный в контрабанде лошадей через этот пункт границы, а второй должен был быть казнен за мятеж при попытке такого же рода. Инквизиторы, знавшие о прибытии Переса в Сальен, выдали новый приказ об аресте, подписав с Родриго де Муром вышеупомянутое соглашение.

XVII. Принцесса Беарнская благородно ответила, что Перес и его свита будут хорошо приняты в государствах ее брата. Это побудило Переса направиться в По, куда он прибыл 26 ноября. Во время его пребывания в этом городе инквизитор Морехон снова обратился к барону де Бьескас-и-Сальену дону Мартину де ла Нуса, чтобы он убедил Антонио Переса отдать себя в руки инквизиции. Перес отвечал, что он готов это сделать, если ему обещают судить его в Сарагосе, а не посылать в Мадрид; что относительно первого пункта он просил бы, как предварительного акта справедливости, способного дать ему надежду на получение других, освобождения его жены и детей, которых лишили свободы, несмотря на их невиновность. Инквизиторы обратились тогда к Томасу Пересу де Руэде, дворянину Таусты, который содействовал первому бегству Антонио и по этой причине находился в тюрьме трибунала. Они поручили ему написать и убедить Переса, как полезно для самых дорогих ему интересов вступить в соглашение. Ответ Переса от 6 января 1592 года был такой же, какой он дал барону де Бьескасу. Статья четвертая Продолжение процесса Антонио Переса до аутодафе

I. Для удовлетворения желания принцессы Маргариты и

Untitled

любопытности жителей этой страны Перес составил два небольших произведения - первое под заглавием Исторический отрывок о происшествии в Сарагосе арагонской 24 сентября 1591 года, а другое под заглавием Краткий рассказ о приключениях Антонио Переса с начала его первого задержания до выезда из владений католического короля. Эти два сочинения были напечатаны в По в 1591 году без имени автора. Когда инквизиторы узнали о них, они подвергли их богословскому разбору и отыскивали в них новые обвинения для процесса, потому что квалификаторы отметили несколько тезисов инквизиционной цензурой.

П. Филипп II и инквизиторы предложили амнистировать приговоренных к смертной казни и обещали должности, деньги и почести всякому преступнику, который лишил бы Антонио Переса жизни или вернул бы его узником в Испанию. Я отсылаю читателя по всем подробностям этого пункта истории к труду, который Перес опубликовал через несколько лет под заглавием Реляции и в котором он принял имя Рафаэля Перегрино. Перес получил от короля Генриха IV разрешение отправиться в Лондон. Королева Елизавета и ее первый министр граф Лейстер [111] ласково приняли его. Затем он вернулся во Францию и устроился в Париже, где провел остаток своей жизни, постоянно тоскуя по жене и детям. Между тем 15 февраля 1592 года инквизиторы объявили Антонио Переса беглецом. Они велели вывесить указ на стене митрополичьей церкви Сарагосы и приказали ему явиться через месяц. Эта мера возмутительна по своей несправедливости, так как они хорошо знали, что Перес

Untitled

живет в стране, находившейся тогда в состоянии войны с Испанией, и что уставы святого трибунала позволяли годичную отсрочку, смотря по расстоянию, которое должен преодолеть обвиняемый. Распоряжения указа были так противозаконны и так мало согласовались с практикой, бывшей в ходу до этого времени, что чтение этого документа будет предметом соблазна для всякого, кто захочет его разобрать.

III. Показания свидетелей, допрошенных в Мадриде в 1591 году, после первого мятежа Сарагосы, и показания, полученные в этом городе после вступления в него королевских войск, особенно усилили обвинения против Антонио Переса, потому что его слуги Диего де Бустаманте и Антонио Аньос, его лжедруг Хуан де Басанте и несчастный барон де Барволес (который со многими другими лишился головы на эшафоте) обнаружили факты, которым не придали бы ни малейшего значения, если бы речь шла о других лицах и о других событиях. Но дело касалось Антонио Переса, и этого было вполне достаточно, чтобы квалифицировать их богословски дерзкими, подозрительными в отношении ереси или другими выражениями, заимствованными из инквизиционного кодекса. Этот акт датирован 9 апреля. Я не стану останавливаться на доказательстве его необоснованности Я передам только третий из квалифицированных тезисов. Он составлен в следующих выражениях: "Говоря о нашем короле Филиппе II и о Вандоме, Антонио Перес сказал, что король - тиран, а Вандом - великий монарх, потому что он превосходный государь и управляет страной к удовольствию всех; он

Untitled

радовался, когда слышал о его победах, и говорил, что нет ереси в том, чтобы с ним встретиться и говорить".

Квалификация: "Обвиняемый показывает себя нечестивым относительно дел Божиих и святой католической веры, пособником ереси и сильно заподозренным в ереси, так как он живет теперь среди еретиков, которых хвалит, что доказывает, что он сам еретик".

IV. Инквизиторы, весьма расположенные к введению в материал процесса Антонио Переса всего, что могло бы более или менее способствовать его гибели и этим содействовать планам двора, с преступным доверием приняли неясный слух, который сообщил им низкий льстец из числа их чиновников, будто бы Антонио Перес был потомком еврейской расы, потому что в местечке Ариса, соседнем с Монреалем, откуда происходила его семья, жил некто Хуан Перес, новохристианин, которого инквизиция сожгла как иудействующего еретика.

Инквизиторы тотчас навели справки в реестрах святого трибунала; там нашли, что 13 ноября 1489 года некий Хуан Перес из Фарисы, пожив некоторое время в этом городе, а затем поселившись в Калатаюде, там был предан релаксации и сожжен как иудействующий еретик, сын и потомок евреев, и что Антонио Перес из Фарисы, священник и брат осужденного, умер иудействующим еретиком, согласно показаниям, полученным 7 июня и 17 августа 1488 года.

V. 16 апреля 1592 года инквизиторы поручили Паскалю Гильберту, священнику, комиссару святого трибунала, удостовериться в кратчайший срок, существует ли какая-либо степень родства между Антонио Пересом и

Untitled

осужденными и не происходил ли Гонсало Перес, секретарь императора, отец Антонио Переса, от этого Хуана Переса. Комиссар обратился с этой целью к одному чиновнику инквизиции и к двум лицам из народа и написал, что выяснил, будто все лица, носящие фамилию "Перес", происходят из той же семьи, что и Антонио. Прокурор представил обвинительный акт 14 числа и потребовал назначения комиссии для выслушивания свидетелей.

VI. Инквизиторы постановили произвести допрос 27 апреля. 5 мая комиссар передал трибуналу показания шести свидетелей, наиболее уважаемых в Монреале по своему происхождению, возрасту и достоинствам. К их числу принадлежали: дон Антонио Палафокс, шестидесяти с лишним лет от роду, брат барона де Ариса дона Франсиско (который был впоследствии первым маркизом де Ариса); Педро Перес дель Куэнде и Хулиано де Торрес - члены дворянского сословия. Они единодушно показали, что семья Гонсало и семья Антонио Переса из Фарисы разные. Комиссар прибавил, что он расспрашивал других свидетелей почтенного возраста, названных в его письме, между прочим двух сельских священников и одного городского, показания коих он не желал передавать, потому что они не отличаются от других. Некоторые из этих свидетелей восходили к предкам Гонсало Переса и говорили, что отец его был в свое время секретарем инквизиции Калаоры и что они знали Доминго Переса, дядю Гонсало.

VII. Инквизиторы не удовлетворились результатом этого опроса. Они поручили комиссару собрать информацию не только в Монреале и Арисе, но и в соседних городах.

Untitled

Комиссар последовал указанным ему путем и допросил трех свидетелей. Один, восьмидесятилетний, отвечал, что он ничего по этому делу не знает. Он знал только, что вышеупомянутый Антонио Перес из Фарисы, иудействующий священник, имел дочь замужем за Доминго Обехой. Другой священник, комиссар святого трибунала, семидесяти пяти лет от роду, заявил, что он, кажется, слышал, будто Антонио Перес происходил из этой семьи. Третий свидетель, пятидесяти одного года, сказал, что отцом Гонсало Переса был Доминго Обеха, а матерью его сына - Мария Перес, дочь иудействующего священника. Комиссар отослал эту информацию 15 мая и написал, что использовал все возможности для получения показаний, но не мог добыть других.

VIII. Это показание заслуживает мало доверия по причине явного несоответствия: Гонсало Перес, согласно ему, носит фамилию своей матери, дочери иудействующего священника и племянницы человека сожженного, вопреки общему правилу, по которому сын носит фамилию отца. Я уже не говорю о недостаточном возрасте свидетеля и о почти абсолютном молчании членов семей других городов, у которых безуспешно наводили справки о генеалогии Переса.

IX. Прокурор инквизиции не мог этого не видеть. Но так как он зашел далеко вперед, то поручил новому выбранному им комиссару отправиться в Монреаль, найти там жителей, которые удостоверили бы своими показаниями, что происхождение Переса таково, как было ему желательно. Этот агент выслушал трех свидетелей 25 мая. Первый, родившийся в 1512 году, следовательно, имевший

Untitled

восемьдесят лет от роду, сказал, что он знал Хуана Переса из Фарисы, того самого, который был сожжен, и его брата Антонио Переса из Фарисы, священника. Но он умер в 1488 году, за двадцать четыре года до рождения свидетеля, а Хуан был сожжен в 1489 году, то есть за двадцать три года до этого времени. Надо ли было еще что-нибудь, чтобы отбросить показание о том, что священник Антонио оставил дочь, которая была замужем за Доминго Мартинесом Обехой, и от этого брака родился Гонсало Перес! Двое других свидетелей, семидесяти лет, сообщили об этом последнем обстоятельстве, хотя знали о нем только понаслышке. Ни один не подписал своего показания, и секретарь удостоверил, что они были безграмотны. Комиссар говорит в своем докладе о труде, с которым он отыскал лиц, могущих дать нужное показание, потому что мнение жителей противоречит тому, что они желают установить, и даже имеющимся трем свидетелям, надо было дать время припомнить и подумать над ответами.

Х. Все, что можно точно сказать о генеалогии Антонио Переса, это то, что он был внебрачным и единственным сыном Гонсало Переса и доньи Хуанны д'Эсковар и был узаконен рескриптом Карла V; его дедом с отцовской стороны был Бартоломее Перес, секретарь калаорской инквизиции, признанный дворянином в этой местности, а бабушкой была жена Бартоломее донья Луиса Перес дель Иерро, которая происходила из дворянской фамилии Сеговии; он был правнуком Хуана Переса, жителя местечка Монреалья, и его жены Марии Тирадо, без связей родства ни прямого, ни косвенного, ни непосредственного,

Untitled

ни отдаленного с семьей Хуана и Антонио Пересов из Фарисы, живших одно время в Фарисе, а затем в Калатаюде. Этот факт был вполне доказан вдовой и детьми министра, государственного секретаря Антонио Переса, как мы увидим дальше. Мне достаточно заметить: если бы инквизиторы хотели осведомиться об этом, они могли это сделать, начиная в первый же день, потребовав из Мадрида копию брачного контракта Антонио Переса с доньей Хуанной Куэльо, где сказано, что его отец родился в Сеговии. В этом городе, в Калаоре и даже в верховном совете они нашли бы его настоящую генеалогию. Но, не имея другой цели, кроме зла, они отказались научиться способу творить добро [112], по выражению пророка-царя, который будто именно их имел в виду.

XI. Однако прокурор злоупотребил тайной в обвинении, которое выставил против Антонио Переса 6 июля, предполагая, что он происходит от евреев и иудеиствующих еретиков, с целью подкрепить подозрение в ереси, согласно системе и обычаю трибунала.

Обвинение состояло из сорока трех статей, одна туманнее другой, единственно основанных на тезисах, произнесенных без размышления, в раздражении и в крайней скорби, не имеющих никакого отношения к догмату и даже не удостоверенных двумя свидетелями, которые были бы согласны относительно времени, места и обстоятельств. Я приведу некоторые.

XII. "Седьмая статья мотивирована похвалою, которую Антонио Перес делал Вандому, и тем, что он сказал, что королева Англии, великий герцог Флоренции, Венецианская республика и даже папа Сикст V

Untitled

содействуют Генриху и желают, чтобы он был королем Франции, потому что он обладает качествами хорошего государя; эта политика разумна и все государи Италии поступили бы верно, если бы оказали ему помощь в этом предприятии, чтобы ослабить могущество Филиппа II и усилить могущество Генриха, который достоин быть монархом целого света. Перес своими разговорами старался воодушевить слушателей, чтоб, когда он покинет Испанию для отъезда в Беарн, они были готовы следовать за ним в эту страну и принять религию Вандома, который является протестантом".

XIII. "Восемнадцатая статья основана на том, что Перес, видя, как святой трибунал намеревается наказать его в качестве еретика, сказал: "Если бы я присутствовал на первом собрании кортесов в Монсоне, то предложил бы уничтожение трибунала инквизиции, поскольку это - возмутительное беззаконие, что он наказывает как еретиков испанцев, переправляющих лошадей во Францию"; эти выражения достаточно указывают на помощь, которую Перес хотел оказать еретикам, и нельзя не порицать их, как преступные, согласно буллам святого престола, которые запрещают под угрозой отлучения от Церкви доставлять помощь врагам святой католической веры".

XIV. Согласно восемнадцатой статье, Перес, раздраженный дурным обращением со стороны Филиппа II, по-видимому, хвастал, что закажет ковры и покрывала, где были бы изображены железные кольца и цепи, вышитые по углам, крепости и тюрьмы на каймах и пыточная кобыла посреди, с девизом: Блаженство в награду (*gloriosa pro*

Untitled

praernio); внизу другой девиз: Дешевое разочарование (barato desengano), а сверху: отличия за верность (decora pro fide). "Это не что иное, как оскорбительная сатира на короля, вопреки учению церкви, которая учит почитать и уважать государя".

XV. Тридцатой статьей он обвинялся в желании в качестве еретика осквернить церкви и надругаться над иконами Девы Марии и святых, так как он говорил, что в случае бегства он пришлет сарагосской Мадонне Колонны (del Pilar) самую большую серебряную лампаду, какой там не видали, с надписью: "Узник по обету пожертвовал за избавление и подарит еще больше за освобождение жены и детей от варварского народа, от гнева несправедливого короля и от власти судей ханаанского семени" ("Captiveus pro euasione ex voto reddidit, majora redditurus pro uxoris natorumque liberatione de populo barbaro, iraque regis iniqui et de potentia iudicum, semen, Ghanaan").

XVI. Единственно серьезная и действительно отвратительная статья, если бы она была доказана (так как она основана только на показании Басанте), была тридцать вторая. Ему вменялось в преступление, что он жаловался на то, будто интриги маркиза д'Альменары и инквизитора Молины лишили его писца Антонио Аньоса, красивого пятнадцатилетнего мальчика, которого послали в Мадрид; он дал понять, что их взаимоотношения заставляли опасаться, как бы не успели его развратить и причинить ему большое зло, потому что этот подросток - сластолюбивый красавчик, способный вызывать чувственность (distillabat amores). Статья гласила также, что Хуан де Басанте, услышав это, спросил его, состоял ли

Untitled

он в близких отношениях с мальчиком Аньосом; на это Перес ответил, что все ограничивалось некоторой вольностью в обращении, чем этот мальчик был доволен, и что педерастия была ходячей монетой при дворе, так как зловещая звезда итальянцев простирала свое дурное влияние на Испанию; он назвал несколько лиц, отмеченных как преданные этому пороку, и заявил, что, если бы Басанте был священником, он рассказал бы ему вещи, которые очень удивили бы его; он, Перес, не был ни содомитом, ни педерастом, но он без удивления видел, что много людей были ими, несмотря на множество прекрасных женщин, но ведь можно быть уверенным, что красивый мальчик не обманет, тогда как влюбленный в женщину обыкновенно воображает, что берет руку, а прикасается к свиному салу, думает поласкать лицо, а встречает маску. Прокурор выводил из этого разговора, что Перес были виновны в позорном преступлении и совершал его со многими лицами, в частности с Антонио Аньосом, который в ту пору умер, судя по тому, что сказано в процессе. Но этот пункт обвинения основан только на показании Хуана де Басанте, и достаточно подумать минуту об этом разговоре, чтобы видеть, что из него следует заключить противоположное тому, что прокурор хотел приписать обвиняемому.

XVII. 14 августа прокурор потребовал, чтобы было произведено оглашение свидетельских показаний, а 16 августа квалификаторы снова собрались для оценки отмеченных тезисов вместе с теми, которые были напечатаны в По и копия которых находится в процессе. Они квалифицировали шестнадцать из них как дерзкие и

Untitled

ложные, некоторые, как богохульные и близкие к ереси; они вывели заключение, что Антонио Перес подозревается в самой сильной степени, и даже больше, как и по поводу печатных тезисов, также квалифицированных 9 апреля. Они все находятся в Реляциях Переса, где можно с ними ознакомиться и увидеть, показали ли судьи себя справедливыми, мне же противно останавливаться на доказательстве презрения, которого заслуживает эта оценка.

XVIII. 18 августа прокурор потребовал, чтобы Антонио Перес был объявлен заочно осужденным, так как он не явился для ответа на обвинение, и дал заключение о произнесении окончательного приговора. Судьи сочли дело достаточно расследованным и 7 сентября, пригласив епархиального благочинного, разных советчиков богословов и юрисконсультов (среди них находился доносчик дон Урбан Хименес де Арагуэс, регент королевского суда), голосовали за казнь в изображении. 13 октября верховный совет утвердил это решение, и 20 октября судьи вынесли окончательный приговор. Перес был объявлен формальным еретиком, уличенным гугенотом, упорно нераскаивающимся, присужденным к релаксации живьем, как только можно будет его захватить; а пока он должен подвергнуться этой казни фигурально (в изображении), с санбенито и митрой. Его имущество было конфисковано, и приговор обрекал на позор его имя в детях и внуках по мужской линии, кроме других законных кар, вытекающих из приговора, который был приведен в исполнение в тот же день. На этом аутодафе появилось множество лиц, о которых я буду говорить в следующей

Untitled

главе. 13 ноября инквизиторы объявили, что преступление ереси, за которое Перес был присужден к конфискации имущества, было совершено в начале марта 1591 года; это показывает, что еретический смысл придали тому, что у него вырвалось в тюрьме среди его скорбей. Какая жестокость! Однако мы увидим еще худшие вещи.

XIX. Изображение Антонио Переса носило следующую надпись: "Антонио Перес, секретарь короля нашего государя, родившийся в Монреале д'Ариса и пребывающий в Сарагосе; изобличенный еретик, беглец и рецидивист".

Нельзя сомневаться, что последняя часть этой надписи лжива. Позднее это было признано другими инквизиторами, как я отмечу дальше. Она доказывает, что автор реляции мадридского процесса, опубликованной Вальядаресом, был фанатик, невежда и низкий льстец.

Родина Переса не была указана более точно: он происходил из Монреала, но родился в Мадриде.

Статья пятая Смерть Антонио Переса и реабилитация его памяти

I. Перес был в Англии, когда был присужден к смертной казни. Здесь открыли заговор испанцев против его жизни. Та же попытка была возобновлена в Париже доном Родриго де Муром, бароном де ла Пинильей, о котором я говорил в начале этой главы. Он показал, что был послан для его убийства доном Хуаном Идиакесом, министром Филиппа II.

II. Смерть этого государя и вызванные ею перемены в планах правительства внушили Пересу надежду уладить дела в Мадриде. Но несчастье быть преследуемым инквизицией сделало все его попытки безуспешными. Это

Untitled

преследование явилось препятствием, которое он не мог преодолеть, чтобы получить амнистию от Филиппа III; без сопротивления инквизиторов Филипп III, несомненно, даровал бы Пересу амнистию. Касательно всего, что относится к этой части истории Переса, отсылаю читателя к его Реляциям и к его печатным письмам.

III. Когда Генрих IV, его покровитель, умер в 1610 году, Пересу шел семьдесят первый год. Это обстоятельство усилило его желание вернуться в Испанию, увидеть свою жену, конечно, достойную быть помещенной иезуитом Лемуаном в его Галлерее знаменитых женщин, и своих детей - Гонсало, Антонио, Рафаэля, Элеонору, Марию и Луису. Его старшая Дочь Грегория уже умерла, расточив заботы нежной матери своим братьям и сестрам, которые были моложе ее.

IV. Перес хорошо знал в Париже брата Франсиско де Сосу, генерала францисканского ордена, тогда бывшего епископом Канарских островов и членом совета инквизиции. Он говорил несколько раз, что Перес может надеяться на примирение с Церковью, если добровольно отдастся в руки инквизиторов. Перес отвечал, что он охотно сделал бы это, что он этого даже желал бы; но его отвращает от этого намерения справедливое опасение быть арестованным по приказу правительства, после того как с него будет снято обвинение инквизицией; за этой бедой неизбежно последует его смерть, так как он был приговорен к смертной казни. Соса пытался убедить его, что он избежит этой опасности, если добудет охранную грамоту от главного инквизитора и верховного совета, в которой будет обещано, что он может отправиться куда

Untitled

угодно, когда его процесс будет закончен инквизицией. Соса тогда мало знал инквизицию, членом которой стал впоследствии.

V. Антонио снова написал епископу Сосе относительно столь важного для него предложения. 29 июля 1611 года епископ Канарских островов ответил ему, и его письмо склонило Переса сообщить ему 22 сентября, что он готов предстать перед инквизицией Сарагосы или Барселоны, если ему пришлют охранную грамоту. В то же время он послал своей жене прошение для представления в верховный совет, в котором он возобновлял свое обещание и просил той же гарантии. Жена представила его в совет 24 ноября. Она присовокупила докладную записку от своего имени, чтобы вызвать интерес судей в пользу своего мужа. Все усилия остались безуспешны, и Перес умер 3 ноября того же года в Париже; он дал несколько доказательств своей верности католицизму, которыми сумели воспользоваться его дети для оправдания его памяти и получения отмены приговора, осудившего его в Сарагосе в 1592 году. Подробности этой реабилитации никем не даны, и я считаю себя обязанным привести их в своем труде как существенную часть истории этого знаменитого человека и его семьи.

VI. 21 февраля 1612 года шестеро детей Антонио Переса доложили совету инквизиции, что их отец тихо почил, прожив настоящим католиком в Париже; он постоянно выражал желание предстать перед инквизицией для ответа на обвинения, предъявленные прокурором против его правоверия, хотя он никогда не заблуждался в вере; его дети имеют право быть выслушанными относительно этого

Untitled

обстоятельства жизни их отца, потому что оно имеет значение для их чести и репутации; но они дошли до крайней нищеты вследствие конфискации имущества, так что им нельзя отправиться в Сарагосу, поэтому они просят перенести дело в Мадрид и допустить их к оправданию его памяти. Совет постановил выдать копию этой просьбы прокурору, и тот не успел еще ответить, как дети Переса представили 10 апреля второе ходатайство, говоря, что для придания большего веса предшествовавшему прошению они доставляют различные документы, присланные из Парижа, достоверность коих они готовы доказать присягой и другими законными средствами. VII. В числе этих документов находятся:

- 1) Удостоверение богословского факультета Сорбонны, подписанное его секретарем 6 сентября 1603 года, которое свидетельствует чистоту учения Переса относительно католической религии.
- 2) Папское бреве от 26 июня 1607 года, которым Его Святейшество, в уважение просьбы Антонио Переса, условно освобождает его от всех церковных наказаний, которые он мог навлечь на себя во время сношений с еретиками, хотя постоянно был католиком.
- 3) Завещание Переса, составленное в Париже 29 октября 1611 года, доказывающее, что он - католик, в котором он просит погребения в церкви монастыря целестинцев [113] служения обеден об упокоении его души.
- 4) Информация, полученная в Париже в начале февраля 1612 года перед аудитором апостолического нунция, по просьбе Хиля де Месы, испанца, придворного кавалера короля Франции, его камергера, соотечественника, друга,

Untitled

родственника и душеприказчика Антонио Переса. Из нее видно, что викарий его приходской церкви св. Павла, два священника и три других свидетеля (из которых один был Мануэль Донлопе, сарагосский дворянин, замешанный в процессе вместе с Хилем де Месой) показали, что Перес с давнего времени вел в Париже жизнь не только католическую, но крайне назидательную, и принимал часто таинства исповеди и причащения в приходской церкви св. Павла и в церквях целестинского и доминиканского монастырей; за три года до смерти, когда слабость ног не позволяла ему выходить в Церковь, он с разрешения папы велел построить молельню в своем доме на улице де-ла-Сризе, чтобы слушать обедню и принимать таинства; во время своей предсмертной болезни он исповедался и получил отпущение грехов от брата Андре Гарена, доминиканца, одного из свидетелей, который не покидал его дома последние дни его жизни, преподавал напутствие с разрешения приходского священника, присутствовал при соборовании, утешал при смерти и убежден, что он почил мирно с мыслью о Господе, вследствие его благочестия и набожности. Три других свидетеля добавляют, что слышали от него неоднократно о его желании уехать в Испанию, чтобы доказать чистоту своей веры, что в своей предсмертной болезни он был сильно огорчен тем, что не мог исполнить намерения уничтожить "клеймо позора, тяготеющее на его жене и детях"; но это несчастье не помешало ему умереть настоящим католиком, каким он был всегда. Мануэль Донлопе прибавил, что неоднократно слышал, что он удивляется, как протестанты, так хорошо осведомленные в Священном Писании, защищают и

Untitled

проповедают заблуждения, потому что слово Божие само изобличает их неправоту; это заставляло его думать, что проповедники не верят собственным словам. Свидетель вспоминал также, что во время многократных бесед с покойным по разным делам он передал, что слышал от многих лиц, будто он, Антонио Перес, должен был получить пенсию в двенадцать тысяч ливров, которую Генрих IV хотел ему дать вследствие его преклонного возраста, недугов и неимения средств к существованию. На это Перес ответил, что не жалеет о неисполнении данного ему обещания; наоборот, если бы подобное предложение было ему сделано вновь, он ответил бы на него вторичным отказом, чтобы доказать, что он не обманывал, говоря столько раз о верности испанскому королю, своему государю; он надеется, что подобное поведение поможет получить его милость, прибавляя, что среди своих бедствий он имел, по крайней мере, утешение видеть, как знаменитый коннетабль Кастилии дон Бальдассар де Суньига, посол Испании во Франции, и Анджело Бадуарио, нунций Венеции, не забыли, как он держал себя с ними в этом деликатном деле; скрестив руки, он поручал себя всемогущему Богу и милости своего государя.

VIII. 5) Подлинные письма преосвященнейшего Роберто, епископа и папского нунция в Париже, от 6 февраля 1612 года, в которых он говорит, что хорошо знал Переса, дал ему разрешение на постройку молельни в его доме, которой, как он уверен, Перес пользовался до своей предсмертной болезни; он был свидетелем чувств благочестия, набожности и привязанности к католической

Untitled

религии, с которыми он умер; неоднократно слышал, как он несчастлив из-за того, что не получил охранной грамоты католического короля для безопасного возвращения в Испанию и явки в святой трибунал, постоянного предмета его желаний, для доказательства своей невиновности в деле религии.

IX. Прокурор верховного совета ответил 9 июля 1612 года отрицательно и утверждал, что Антонио Перес был действительно еретик-гугенот и упорствовал в этом до самой смерти; этот факт совместим с тем, что содержится в представленной информации, поскольку ересь есть заблуждение разума. Наконец, он говорил столько нелепостей, что для дискредитации совета было достаточно скопировать и опубликовать то, что сказал его прокурор. Совет постановил передать документы в стол докладчика. Этот декрет вызвал отрицательную реакцию, потому что докладчик не желал пустить в ход эти документы, считая, несомненно, ниже своего достоинства заниматься участием шести сирот и вдовы. 27 сентября Хуанна Коэльо посетила главного инквизитора, который обязал ее доставить выписку из документов. Донья Хуанна поспешила повиноваться, и главный инквизитор отдал перевести завещание Антонио Переса на испанский язык Томасу Грасиану Дантиско, сыну секретаря Диего Грасиана и первому секретарю-переводчику.

X. 3 ноября докладчик еще ничего не сделал, и дон Гонсало Перес представил подлинную декларацию, которую его отец продиктовал и подписал 3 ноября 1611 года, незадолго до своей смерти. Она была написана рукою Хилья де Месы и составлена в следующих

Untitled

выражениях: "Декларация, сделанная мною, Антонио Пересом, в час моей смерти. Не будучи в состоянии держать перо, я просил Хиля де Месу написать ее своей рукой, согласно форме и содержанию, которое я ему продиктую.

XI. В положении, в котором я нахожусь, готовый отдать отчет Богу в своей жизни, я заявляю и клянусь, что жил и умираю христианином и верным католиком, в чем беру Бога в свидетели. Я уверяю моего короля и природного государя, все короны и королевства, которыми он владеет, что я не переставал быть его верным слугою и подданным, как может засвидетельствовать сеньор коннетабль Кастилии вместе со своим племянником доном Бальдассаром де Суньигой, которые это неоднократно от меня слышали в наших продолжительных разговорах и знали о моем согласии отправиться, куда мой государь пожелает меня послать, чтобы там жить и умереть его верным и лояльным подданным. Наконец, с помощью того же Хиля де Месы и другого доверенного лица я писал в верховный совет инквизиции и преосвященнейшему кардиналу Толедскому, главному инквизитору, преосвященному епископу Канарских островов, члену совета главной инквизиции, предлагая предстать перед святым трибуналом для оправдания от взведенного на меня обвинения и прося у них охранной грамоты, с обещанием уехать, куда мне будет приказано, в чем я ссылаюсь на свидетельство вышеупомянутого епископа. Так как все это правда, я заявляю, что умираю в этом королевстве лишь потому, что ничего не мог добиться, а также вследствие пассивного положения, до которого меня

Untitled

довели мои болезни; я уверяю, что не лгу, и умоляю моего короля и природного государя соблагovolить припомнить, в его великой милости и королевской благодати, услуги, которые мой отец оказал его отцу и деду, и прошу, чтобы моя жена и мои дети, сироты и обездоленные, получили какое-либо смягчение несчастий и чтобы эти жалкие и несчастные дети не лишились благоволения и милости, которую они заслуживают, как верные и лояльные подданные, потому что их отец уехал умирать в чужую страну; я советую своим детям жить и умереть верными подданными. Я не могу больше говорить и подписываю эту декларацию собственной рукою и своим именем, в Париже, 3 ноября тысяча шестьсот одиннадцатого года. Антонио Перес".

XII. 3 декабря 1612 года совет приказал сличить подписи всех документов, представленных семьей Антонио Переса. Для этой цели пригласили несколько человек, которые были в переписке с ним и сберегли его письма. Они были сравнены с почерком последних бумаг, посланных Пересом. В числе этих свидетелей отметим дома Франсиско Сосу, епископа Канарских островов, члена верховного совета; Алессандро Торелли, парижского банкира, уроженца Лукки в Тоскане, который был одним из шести свидетелей информации, полученной аудитором апостолического нунция в Париже, а тогда находился случайно в Мадриде. Епископ Соса много распространялся насчет католичества Переса, его желания предстать перед святым трибуналом, препятствий, помешавших исполнению его плана, и средств, которые он хотел предпринять для обеспечения своей защиты. Прокурор 7

Untitled

января 1613 года ответил на все сказанное в пользу Переса, еще противясь пересмотру процесса. Однако совет постановил пересмотреть дело, если это постановление получит одобрение короля. Справка была представлена Его Величеству 22 января, и Филипп III написал свое согласие на полях доклада совета, который известил об этом сарагосский трибунал, уведомив дона Гонсало Переса, что он может отправиться в этот город и начать там дело по реабилитации.

XIII. 15 февраля дети Антонио Переса снабдили одного из братьев, дона Гонсало доверенностью на защиту памяти их отца. Дон Гонсало прибыл в Сарагосу и 24 февраля передал свои полномочия Антонио Латасе, который представил их через два дня в трибунал с плохо написанной докладной запиской, так как он не упоминал в ней ни об обращении к совету, ни о принятом им решении, а просил аудиенции во имя милости, не выставляя других доводов, кроме сострадания, которое должна внушать участь его клиентов, - как будто этот способ защиты детей Антонио Переса мог произвести впечатление на душу инквизиторов. Инквизиторы решили, однако, заняться этим новым ходатайством и воздать справедливость по заслугам. Дон Гонсало Перес представил 12 марта новый доклад, в котором ввиду нищеты, до которой дошла его семья, жаловался на промедление, проявленное при пересмотре процесса его отца. 12 мая инквизиторы постановили передать ему копию обвинения прокурора против покойного, чтобы назначить адвоката, который, как и он, обязался бы присягой хранить тайну судопроизводства.

Untitled

XIV. 12 мая дон Гонсало подал представление, что его адвокат не может отвечать на обвинение, если ему не сообщат улики, на которых основаны обвинения против его отца. Ему выдали извлечение, известное под именем оглашения свидетельских показаний, для пользования в течение двадцати дней, снова налагая на него обязательство хранить тайну. Адвокат (один из означенных поименно святым трибуналом) доказал, что он не менее черств, чем другие слуги этого трибунала. Бедность дон Гонсало тормозила его действия, и он не обрел в себе силы защищать его, согласуясь с чувством чести и гуманности. Дон Гонсало принужден был подать жадобу трибуналу, чтобы отменить поручение, данное его адвокату, и получить новое. 9 ноября он просил сообщить ему содержание полученных из Франции бумаг, полезных для защиты его отца. Инквизиторы, вместо того чтобы уважить его просьбу, удовлетворились тем, что разрешили защитнику ознакомиться с ними в трибунале.

XV. 14 ноября защитник представил, наконец, прошение, известное на языке трибунала под именем защитительной записки. Она состояла из 1) ста двадцати одной статьи, с обозначением на полях свидетелей, которых следовало расспросить относительно их показаний, согласно формуляру святого трибунала; 2) списков, или реестров, с которыми следовало справиться для установления их свидетельств, и 3) архива, где можно было их разыскать. В заключительных выводах адвокат просил трибунал соблаговолить объявить не имеющим силы приговор 20 октября 1592 года или, по крайней мере, кассировать его как основанный на ложных данных.

Untitled

XVI. В подкрепление своего прошения адвокат семьи Переса представил четыре документа, с которыми я должен познакомить читателя, потому что ни один автор их не цитировал, ибо, по-видимому, ни один не знал об их существовании.

XVII. Первый - диплом, подписанный Карлом V, королем Испании, в Болонье 26 февраля 1533 года, в котором государь приводит многочисленные доказательства преданности и верности, обнаруженных Гонсало Пересом, отцом Антонио, и оказанных им важных услуг, за которые назначает его кавалером ордена золотой шпоры [114] и дарует навсегда звание дворянина и кавалера всем его потомкам.

XVIII. Второй документ - это еще один диплом того же государя, данный в Вальядолиде 14 апреля 1542 года. Карл V говорит в нем, что осведомлен, будто Гонсало Перес, его государственный секретарь, уроженец Сеговии, имеет внебрачного сына, рожденного от одной девицы, совершеннолетней, как он; принимая во внимание его заслуги, государь дарит его детям все права законных наследников и делает их правоспособными к получению почестей, наследованию и пользованию другими гражданскими преимуществами.

XIX. Третий документ - это исполнительный указ, выданный трибуналом верховного судьи Арагона 7 мая 1544 года в силу приговора по процессу, вчиненному к постоянной депутации королевства, из которого явствует, что Гонсало Перес, государственный секретарь Карла V, урожденный и законный сын Бартоломее Переса, уроженца Монреала в Арагоне, секретаря секвестров святого трибунала

Untitled

инквизиции в Калаоре, и доньи Луисы Мартинес дель Иерро, его законной жены, уроженки Сеговии; что Гонсало должен считаться арагонцем и, следовательно, имеющим возможность пользоваться всеми правами королевства; хотя он родился в Сеговии, городе в Кастилии, но это обстоятельство должно быть сочтено случайным, так как его мать временно оказалась в этом городе, когда родила его, а отец покинул Монреаль только по делам королевской службы.

XX. Четвертый документ был информацией, произведенной в Калаоре 7 февраля и в последующие дни этого месяца 1567 года перед светским королевским судом по прошению Елизаветы Перес, родом из Сеговии, и Антонио Переса, ее племянника, государственного секретаря Филиппа II, относительно их дворянского звания и чистоты их крови. Из информации вытекает, между прочим, что Бартоломео Перес, секретарь инквизиции, отец Елизаветы (Изабеллы) и ее брата Гонсало и дед ее племянника Антонио, предъявил в Калаоре доказательства, что его семья благородного происхождения, что он был признан как дворянин и кавалер и имел право присутствовать на собраниях городского дворянства. Один из свидетелей прибавил еще, что Доминго Перес, уроженец и житель Монреаля, брат Бартоломее, отправился в Калаору и поссорился со своим братом из-за дворянского титула, который каждый из них хотел удержать для себя.

XXI. Этот документ совпадает с тем, что показали многие свидетели, выслушанные по требованию прокурора, когда он взялся доказать, что Перес происходит от еврейских

Untitled

предков. Они заявили, что знали Доминго Переса, дядю Гонсало; последний, проезжая через Монреаль, чтобы отправиться в Монсон на собрание кортесов вместе с императором, остановился не у него, а в доме другого родственника, которого они называли Доминго Тирадо. Действительно, он был дядей его отца Бартоломее Переса, через Марию Тирадо, мать последнего. Наконец, было доказано в результате следствия, что упрек в еврейском происхождении Переса был лишь клеветой.

XXII. Инквизиторы обещали в своем декрете сделать для вдовы и детей Антонио Переса все зависящее от трибунала, что будет отвечать справедливости. Но они не выполняли своего обещания с 14 февраля (дня их последнего решения) до 25 октября, когда первый свидетель был заслушан в Сарагосе. Пусть сравнят эту медленность с поспешностью, приложенной к декретированию в Мадриде 21 мая 1591 года мер об аресте и заключении Переса в тюрьму святого трибунала, которые были исполнены на другой день на расстоянии в пятьдесят миль. Дон Гонсало протестовал 10 марта, 28 апреля, 9 июня, 29 августа, 17, 24 и 27 сентября, 1 и 21 октября против такого медленного движения правосудия. Но судьи, тираны и бесчувственные люди, равнодушно взирали на слезы нищеты и жалобы оскорбленной чести. Своим плохо скрываемым презрением к Гонсало, которого они видели в бедности, принуждали его отказаться от розыска бумаг и от расспросов свидетелей, чьи показания требовались, потому что их считали важными. Все так и шло, и инквизиторы не принимали во внимание ни одной из многочисленных докладных записок, представленных

Untitled

доном Гонсало. Они должны были радоваться успеху интриги, так как увидели, что дон Гонсало отказывается от своих претензий и удовлетворяется показаниями свидетелей, которых можно отыскать в Сарагосе, только бы скорее довели его процесс до рассмотрения и вынесли окончательный приговор о реабилитации, чтобы он мог вернуться в Мадрид, где его несчастная мать лежала больною и боялась умереть, как ее муж, оставив детей под бременем клеймившего их приговора.

XXIII. Первоначальные уставы инквизиции повелевали, чтобы инквизиция заботилась о содержании детей мужского пола и о браке дочерей, присужденных к релаксации. Но инквизиторы не обращали никакого внимания на это распоряжение, потому что их гордость была бы сильно задета разговорами о том, что трибунал ошибся. Их пристрастность была так очевидна, что 12 апреля прокурор имел жестокость обвинить Гонсало в том, что он носит одежду из тонкой материи, что, по его словам, было запрещено ему как жертве приговора, осуждавшего его отца на позор. Этот варвар не подумал даже о том, что законодатель инквизиции не мыслил наказание так широко и что закон был составлен для преступника, а не для его детей.

XXIV. Наконец, было решено выслушать свидетелей в Сарагосе и других городах ее округа. Результат этой меры укрепил уже полученные доказательства, что Антонио Перес не был незаконным сыном дона Гонсало и не происходил из еврейской расы; в остальном он был вполне оправдан документами, предъявленными его детьми, а адвокат с помощью извлечения из оглашенных

Untitled

свидетельских показаний и обвинений прокурора показал, что шесть или восемь статей, расследование коих принадлежало святому трибуналу, были основаны на показании лишь одного человека; если бы даже они были верны, это говорило бы лишь об отчаянии, свойственном удрученным душам, а не о продуманных и своевольных убеждениях. Но что можно было бы сказать, если бы можно было видеть процесс в подлинных материалах и читать документы, пропущенные в этом извлечении, потому что они были слишком благоприятны для подсудимого?

XXV. Казалось согласным с законом, чтобы прокурор, увидав результаты протоколов, согласился на отмену первого приговора. Однако, когда дело было достаточно исследовано, он сказал 11 февраля 1615 года, что, узнав, будто судьи готовы пригласить юрисконсультов и вынести окончательный приговор, потребовал отсрочки его, потому что предполагает написать речь, опирающуюся на юридические доказательства, и сообщить ее юрисконсультам. В самом деле, 14 марта он представил ее. Но этот документ доказал только невежество общественного обвинителя, его лживую логику и злоупотребление разрозненными тезисами и даже именами регистраторов святого трибунала, которые были другого мнения, чем он. Так как судьи разделяли его мнение, они голосовали 16 марта против ходатайства детей Переса. Я с изумлением читаю, что судьи были единодушны в своем решении, поскольку встречаю среди юрисконсультов знаменитого доктора дона Хосе де Сесе, регента королевской аудиенции Арагона, человека

Untitled

действительно ученого, которого впоследствии инквизиция преследовала за труды. Правда, этот юрисконсульт был мало знаком с сущностью процессов по делу ереси.

XXVI. Инквизиторы ничем не пренебрегли, чтобы убедить верховный совет, что они внимали только голосу правосудия в вынесенном приговоре. Но этот трибунал состоял тогда из людей, не похожих на судей 1592 года и способных видеть лучше, чем инквизиторы Арагона, что политические причины, заставлявшие преследовать Антонио Переса, более не существуют. Верховный совет кассировал приговор 7 апреля и заявил следующее: "Ввиду новых документов, полученных в процессе, отменяется приговор, осуждавший Антонио Переса, и все в нем содержащееся и выраженное; его память объявляется оправданной, его детей и их потомство восстановленными в праве пользования служебными местами и почетными должностями, так что обвинительный акт прокурора и его последствия не нанесут никакого ущерба чистоте их крови и чести происхождения". 10 апреля 1615 года совет представил свой декрет на санкцию короля, доказывая, что считает его справедливым при том условии, если он согласуется с тем, что Его Величество повелит как более надлежащее. Филипп III написал своей рукой на полях этого документа: "Исполнить, что содержится в этом декрете, так как сказано, что он согласуется со справедливостью".

XXVII. 2 мая верховный совет отослал сарагосским инквизиторам процесс с принятой резолюцией, приказав ознакомиться с ним для приговора, который они должны вынести в присутствии производивших тайное следствие,

Untitled

ознакомить с ним стороны и выдать акт тому, кто его потребует. Этот приказ совета не понравился сарагосским инквизиторам, которые, верные своим принципам, оттянули его исполнение до 6 июня. Дон Гонсало Перес потребовал акт декрета верховного совета докладной запиской, в которой он изложил, что намерен воспользоваться им, чтобы опубликовать и сделать известными невинность его отца и справедливость, возданную его памяти. Этот документ был ему вручен, и он велел его напечатать, чтобы раздать экземпляры. Инквизиторы донесли на этот поступок верховному совету, который велел отобрать все экземпляры, бывшие в руках Гонсало и у типографа, и поручил инквизиторам сделать ему выговор за то, что он действовал без разрешения святого трибунала; трибунал, однако, предписал, чтобы этот выговор был дан только устно. 9 июля послали за Гонсало, чтобы привести его в зал заседаний трибунала инквизиции, но он 1 июля уехал в Мадрид. Экземпляры, найденные у типографа, были отобраны, и ему было запрещено печатать что-либо относительно дел святого трибунала без разрешения инквизиторов.

XXVIII. 16 мая 1616 года дон Гонсало взял подлинные документы, которыми пользовался в трибунале, оставив там копию каждого документа, заверенную двумя секретарями. Вероятно, потомки Антонио были обязаны доказать (неизвестно, при каких обстоятельствах) чистоту и благородство своей крови, потому что в процессе Антонио Переса мы находим заметку, которая гласит, что им было выдано удостоверение, в силу приказа совета инквизиции от 3 июля 1654 года.

Untitled

XXIX. Может быть, дон Гонсало Перес нуждался в удостоверении для хлопот о восстановлении пенсии, которой он пользовался со времени своего детства в силу бреве Григория XIII. Пенсия была возложена на архидиаконат Аларкона, владение сановника кафедрального собора Куэнсы. Носитель этого сана дом Фернандо Эскобар был родственником Антонио. Его отец Гонсало сначала поместил его в качестве чиновника в первый государственный секретариат из уважения к донье Хуанне Эскобар, матери Антонио. Дом Фернандо обязался выплачивать эту пенсию из своей пребенды, которую получил от щедрости Антонио. Однако когда его благодетель впал в немилость, он забыл свой долг по отношению к его семье и принял меры, чтобы лишить донна Гонсало пенсии, несмотря на бедность других детей и их матери, имущество которых было конфисковано вместе с имуществом ее мужа. Из этого дела возник значительный процесс, который разбирался в Мадриде и Риме. Встал вопрос, утрачивалась ли церковная пенсия, полученная раньше объявления неправоиспособности, когда эта кара определена. Невозможно, чтобы дон Гонсало был осужден. Впрочем, если бы его право не было признано, он мог бы для достижения правосудия извлечь выгоду из только что одержанной победы, которая доставила донье Хуанне Коэльо, его матери, утешение видеть своих детей реабилитированными после пятилетних хлопот о приговоре, что в других судах или у епархиального благочинного не потребовало бы больше пяти недель.

Глава XXXVI Несколько процессов инквизиции, возникших из процесса Антонио Переса

Untitled

Статья первая Преследование некоторых личностей

I. Дело Антонио Переса послужило причиной множества других процессов, возбужденных против лиц, принимавших участие в мятежах 24 мая и 24 сентября 1591 года, а также в побеге этого знаменитого испанца и его спутника Майорини. К ним применили церковные наказания и кары, определенные в булле св. Пия V от 1 апреля 1569 года и назначенные для тех, кто противится отправлению службы святого трибунала.

II. Генерал дон Альфонсо де Варгас вступил 12 ноября 1591 года в Сарагосу во главе своей армии. Жители были поражены этим, они выходили из города для сопротивления королевским войскам и для защиты своих вольностей. Эта экспедиция явилась для инквизиторов благоприятным поводом восстановить авторитет в городе, и они заняли свои места с таким пылом, словно пытались восстановить власть, сильно пошатнувшуюся в предшествующие месяцы. Трибунал повел тайное следствие против зачинщиков мятежа, хотя он знал руководителей восстания 24 мая из показаний, данных в Мадриде и позволявших думать, что те же лица были подстрекателями мятежа 24 сентября.

III. Прокурор святого трибунала подал 8 января 1592 года жалобу на всех мятежников вообще как на заподозренных в деле веры и составил список зачинщиков и участников мятежа. Этот список почти тогда же возрос до трехсот семидесяти четырех лиц, скомпрометированных своими поступками или разговорами. В том числе было семнадцать священников, четыре монаха, две монахини, четыре женщины, сорок кавалеров или дворян,

Untitled

шестнадцать адвокатов, пять судей из совета верховного судьи Арагона, пятнадцать второстепенных служащих даже из трибунала инквизиции, двадцать нотариусов и других судейских, пятнадцать купцов, десять студентов, тридцать ремесленников и сто двадцать четыре хлебопашца.

Впоследствии это число стало значительнее.

IV. Инквизиторы решили заключить в секретные тюрьмы сто семьдесят из них, и все было подготовлено для новых арестов по мере установления виновных или получения улик против заподозренных. Из этого числа было арестовано только сто двадцать три человека, потому что одни были уже посажены в королевские тюрьмы по приказу командира Варгаса для того, чтобы предстать перед судом доктора Ланца, миланского сенатора, которого король назначил специальным комиссаром, а другие покинули королевство прежде, чем можно было их поймать.

Некоторые из этого числа принимали лишь косвенное участие в движении, и суд над ними принадлежал, по праву предварения, сенатору. Они получили разрешение содержаться под домашним арестом. Из массы судопроизводств, предпринятых против мятежников, я выберу те, которые мне показались более достойными внимания по званию и имени обвиняемых.

V. Дон Хуан де ла Нуса, верховный судья Арагона, никогда не противился отправлению службы святого трибунала, скорее его можно упрекнуть в том, что он уступал их притязаниям более, чем позволяли привилегии королевства, охрана* и защита коих были ему поручены. Однако он попал в положение мятежника, потому что в наступившей борьбе имел несчастье не быть самым

Untitled

сильным. Присяга, данная королем в сохранении привилегий, не позволяла ему вводить в эту страну более пятисот солдат. Постоянная депутация Арагона, извещенная о том, что генерал Варгас прибыл в Агреду с кастильской армией и готовится вступить в Тарасону и Борху [115], сделала представление королю, что спокойствие, царящее в стране, делает эту меру бесполезной. Филипп велел ответить, что войска предназначены для Франции. Депутаты написали вторично и сообщили об опасности, которую представляет переход армии через Сарагосу. Им возразили, что нечего опасаться этой военной операции и что армия пробудет в городе только срок, необходимый для возвращения правосудию авторитета и силы, почти совершенно утраченных во время последних мятежей.

VI. Депутаты Арагона, получив последний ответ правительства, запросили мнение тринадцати адвокатов о смысле фуэросов королевства. Юрисконсульты объявили, что эти права нарушаются вступлением королевских войск в Арагон и все арагонцы обязаны противиться и препятствовать ему. Циркуляры были посланы во все города; написали постоянным депутациям Каталонии и Валенсии, чтобы просить у них помощи, предусмотренной договорами на случай, если одной из этих стран будет угрожать вторжение. Главным вождем арагонской армии назначили верховного судью Арагона, которого закон королевства призывал к этому. Ему было приказано тотчас встать во главе войск. Когда кастильцы очутились в шести милях от Сарагосы, верховный судья оказался с такой горстью людей, что удалился и оставил свободным проход

Untitled

для королевской армии, которая вступила в город.

VII. 28 ноября дон Франсиско де Борха, маркиз де Ломбай (старший сын герцога де Гандиа и внук св. Франциска), прибыл в Сарагоссу с полномочиями королевского комиссара. Ему было поручено вести переговоры с постоянными депутатами и главными дворянами королевства о пунктах привилегий нации, которые будто бы были нарушены. Было несколько совещаний, которые кончились ничем, потому что депутаты не позволяли открывать конференций, пока Арагон занят чужеземными силами, лишаящими страну и депутацию свободы; они заявили, что можно будет, однако, созвать представителей городов, чтобы принять изменения договора 1588 года в пунктах, касающихся апелляции к народу за национальную свободу, но король не должен требовать, чтобы обсуждение этого происходило в присутствии чересчур многолюдного собрания.

VIII. Филипп II назначил вице-королем графа де Мората, который публично въехал в город 6 декабря, к большому удовольствию арагонцев: вице-король, епископ дона Мигуэль Химено, удалился в Теруэль, устрешенный опасностью, которой подвергался. Радость жителей была непродолжительна. 18 декабря дон Гомес Веласкес, рыцарь ордена Сант-Яго и шталмейстер принца Астурийского, прибыл с зловецим поручением арестовать множество лиц и с специальным приказом отрубить голову верховному судье Арагона, как только он вступит в город, и известить об этом в первом же письме. Веласкес приложил такое старание в деле исполнения приказаний двора, что 20 декабря Хуан де ла Нуса более не существовал.

Untitled

Арагон был подавлен известием об этой казни. Нельзя выразить, насколько должность верховного судьи Арагона внушала уважение народу, особенно в последние полтора года лет, когда ее без перерыва занимали представители знаменитой фамилии, к которой принадлежал Нуса. Многие дворяне, видя в этом событии прелюдию ко множеству других подобных, поспешили покинуть родину и искали убежища во Франции и Женеве. Те, которых неразумная доверчивость располагала остаться, не замедлили в этом раскаяться.

IX. Герцог де Вильяэрмос, граф де Рибаторса дон Франсиско Арагонский не мог избежать преследования, несмотря на преимущество королевской крови и происхождение от Хуана II, короля Арагона и Наварры через сына этого государя дон Альфонсо Арагонского, магистра ордена Калатравы. В процессе, предпринятом против него инквизицией, ни одно показание не установило, чтобы он препятствовал службе трибунала во время двух восстаний или принимал хотя бы малейшее участие в мятеже. Только доктор Хуан Франсиско Торальба, заместитель верховного судьи (лишенный должности в силу постановления семнадцати присяжных королевства вследствие серьезных жалоб Переса), утверждал, что герцог ввиду своего происхождения был врагом и противником святого трибунала, потому что он происходит от евреев, сожженных или подвергшихся епитимье через Эстенгу Конехо, еврейку, которая приняла после крещения имя Марии Санчес и была затем наложницей или женой дон Альфонсо Арагонского, первого герцога Вильяэрмоса и деда того, на кого он

Untitled

доносил. Торальба изложил в мельчайших подробностях доказательства всего высказанного. Когда жители Сарагосы решили воспротивиться вступлению кастильской армии в город, герцог явился к верховному судье и предложил ему, как истый араговец, свои услуги.

Х. Читая теперь хладнокровно подробности процесса, не находишь там ни малейшей видимости преступления, ибо законы королевства налагают на всякого боеспособного арагонца обязанность поднимать оружие на защиту задетых привилегий. Юрисконсульты решили, что вступление иностранной армии в город вынуждает народ поднять законное восстание. Депутаты приняли это толкование и издали воззвание к верховному судье, дворянам и городам. Таким образом, это решение налагало на герцога, как и на других, обязанность повиноваться. Сочли за преступление, что он поднял оружие против государя. Однако политическая конституция королевства предвидела этот случай, и такое выступление не только допускалось, но и вменялось в обязанность. В предыдущих веках верховный судья перед принесением присяги королю говорил ему от имени нации: "Мы, которые значим столько же, сколько вы, и сильнее вас, делаем вас нашим королем при условии, что вы будете уважать наши привилегии; в противном случае - вы не король наш". Другая статья гласила: "Если король нарушит привилегии, нация может избрать другого, даже если он не будет христианином". Арагонцы пользовались до известной степени этим правом не раз, диктуя, например, условия королю Педро IV или отказывая Матье, графу де Фуа, мужу старшей дочери Хуана I, и ставя на его место Мартина

Untitled

[116], его брата, или предлагая корону Фердинанду I [117], сыну его сестры, скорее, чем графу Урхелю, его родственнику по мужской линии.

XI. Королевский комиссар не ограничился процессом, возбужденным инквизицией против герцога де Вильяэрмоса. 19 декабря он велел арестовать его в связи с приказом, привезенным из Мадрида. Он отправил его в Кастилию, вопреки другой статье фуэро. Герцог подвергся смертной казни в Бургосе как изобличенный в измене своему государю. Его имущество было конфисковано, и король назначил на вакантное герцогство того, кто имел право на наследование титула.

XII. Граф д'Аранда дон Луис Хименес де Урреа был арестован в один день с герцогом де Вильяэрмосом, то есть 19 декабря. Он умер в тюрьме местечка Алаэхос 4 августа 1592 года, избежав таким образом ожидавшей его смерти на эшафоте. Из процесса, начатого против него инквизицией, видно, что немедленно после заключения Антонио Переса в тюрьму королевства он объявил себя его покровителем во исполнение обязательства, принятого в Мадриде перед доньей Хуанной Коэльо, его женой; он был одним из главных подстрекателей народных волнений в Сарагосе: повлиял на мнение адвокатов, объявивших незаконным и противным привилегии акт, которым Перес был вторично передан в руки инквизиции; принимал, наконец, участие в военных распоряжениях, сделанных по городу для отражения королевских войск. Диего Фернандес де Эредиа показал, что граф и Антонио Перес составили заговор против жизни маркиза д'Альменара. Это обстоятельство не доказано в процессах инквизиции, хотя

Untitled

дон Диего разоблачил сообщников и показал, что предприятие рухнуло только потому, что он сам переменял решение в минуту исполнения долга пасхального причащения, отвратив одного из убийц от совершения преступления. Его показаний не было в документах процесса, но он уверял, что показал уже все перед сенатором Ланцем, когда был в тюрьме этого магистрата. Впрочем, оставим в стороне все, что относится к этому заговору, и спросим: если другие обстоятельства составляли сущность преступления, то почему Филипп II после первого мятежа повелел ему оказать помощь властям для облегчения перевода Антонио Переса? Почему после восстания 24 сентября король писал ему вторично, чтобы поблагодарить за исполнение поручения? Кто не вознегодует, видя, как могущественный монарх обманывает своих подданных и наказывает их путем хитрости, противоречащей его достоинству?

XIII. Граф де Мората дон Мигуэль Мартинес де Луна, вице-король Арагона, сын графа дона Педро, был оговорен перед святым трибуналом после восстания Сарагосы. Судя по материалам процесса, он порицал действия трибунала в отношении Антонио Переса, поведение помощников верховного судьи, исполнивших приказ инквизиторов, и одобрял происшествие, которое принудило их вернуть Переса в тюрьму королевства. Некоторые свидетели предположили, что он был одним из главных зачинщиков первого восстания, но, узнав, что Филипп II сказал, будто Перес был неверным министром, перестал его защищать. Здесь, конечно, историческая ошибка. Заявление короля о неверности министра относится к августу 1590 года, -

Untitled

согласно акту, которым Его Величество прекращает процесс, относящийся к смерти Эсковадо, - а волнения в Сарагосе произошли в мае 1591 года. Переворот, совершившийся в душе Мартинеса де Луны, должен был иметь другой мотив. Некоторые обстоятельства его процесса доказывают: он был уведомлен о том, что происходило в Мадриде в совете, обсуждавшем дела Арагона; он, несомненно, предвидел серьезные последствия, и это заставило его переменить мнение. XIV. В самом деле, король назначил его вице-королем Арагона в ноябре 1591 года, и инквизиция отменила предварительное следствие процесса и постановление о заключении его в тюрьму как врага святого трибунала. Я безбоязненно заверяю, что в мнении инквизиции граф де Мората был виновнее множества несчастных крестьян, которые были опозорены на аутодафе в октябре 1592 года. Но этому не следует удивляться, потому что, по испанской пословице, законы идут туда, куда хотят короли {*Alla van leyes, do guieren reyes.*}. Применение буллы св. Пия V об отлучении, по-видимому, зависит от воли инквизиторов, действующих согласно политическим расчетам, как мы наблюдаем в этом случае. Трибунал владел другой информацией против графа с 1577 года, предметом коей были некоторые непристойные тезисы; но слабость улики не позволила дать ей ход.

XV. Вопреки снисхождению, которое инквизиторы оказали графу, было заметно, пока он являлся вице-королем, что он не был предан их партии. Его равнодушие привело к тому, что прокурор имел дерзость 7 декабря 1592 года внести жалобу против него и потребовать постановления о

Untitled

его заключении. В обоснование своего обвинения он приводил следующий факт: когда главный инквизитор Кирога 23 ноября опубликовал последний льготный указ в пользу тех виновных, которые не были арестованы и вследствие этого были освобождены от церковных наказаний, и когда этот документ до его публикаций был сообщен графу, то последний презрительно отозвался в нем, говоря, что он дерзок, бесполезен и смешон. Прокурор представил эти слова как доказательство ничтожного значения, какое граф придавал церковным наказаниям, которых, по мнению прокурора, граф заслуживал сам как главный виновник первого мятежа, чему он предлагал представить доказательства. С целью придать больше веса своему обвинению, он рассказал, что, когда указ был торжественно опубликован за крестным ходом (в котором он нес хоругвь с господином Пуэйо и господином Клаверо, членами совета королевской аудиенции, служившими ему аколитами), граф де Мората упрекнул их, говоря, что эта публикация не должна бы состояться без его разрешения. Оба советника ответили, что потеря невелика, ввиду большого уважения, которым окружен трибунал. На это граф возразил, что оно не так сильно, как уважение к королевской аудиенции. Это доказывает, по словам прокурора, ненависть к инквизиции графа де Мораты. XVI. Можно быть уверенным, что граф де Мората дон Мигуэль Мартинес де Луна не избежал бы мести инквизиторов, если бы не был вице-королем Арагона. Когда он оставил свою должность, в трибунале были другие люди, и это дело потеряло значение и устарело, чтобы привлечь внимание их преемников. Мнение графа о

Untitled

церемонии, которую он осуждал, было справедливо, потому что эта льгота была дарована только после того, как инквизиция справилась 20 октября самое торжественное аутодафе, на котором она сожгла семьдесят девять жителей города и осудила на фактический позор большое число почетных граждан под предлогом публичного освобождения их от церковных наказаний и, кроме того, лишила прощения тех подсудимых, которые были посажены в тюрьму.

XVII. Погубив верховного судью Арагона герцога де Вильяэрмоса и графа д'Аранду, король даровал 24 декабря 1592 года общую амнистию, исключив, однако, из амнистии ряд лиц как зачинщиков и руководителей мятежа. Эти изъятия были крайне многочисленны. Среди амнистированных все же встречаем: дона Хуана де Монкайо Арагонского, зятя графа де Састаго; дона Хосе Арагонского, кузена герцога де Вильяэрмоса; дон Франсиско д'Альтарипа-и-Алагона, барона де Уэртоса; дона Мартина Эспеса, барона де Лагуну, депутата королевства; дона Годофрио Бардахи; дона Диего де Эредиа, рыцаря ордена св. Иоанна, брата судьи города Хаки; дона Геронимо, другого его брата; дона Мигуэля де Сесо; дона Луиса де Гурреа; дона Педро и дона Франсиско Фернандеса де Ихара, из семьи герцогов д'Ихару, и много других, менее известных кавалеров, которые не показывались во главе мятежников и не ознаменовали себя никаким убийством. Это распоряжение спасло жизнь многим тысячам местных жителей, в числе которых можно насчитать не менее тысячи из Сарагосы. Смягчающие обстоятельства позволили впоследствии избавить от

Untitled

смертной казни исключенных из общей амнистии и подвергнуть их другим, менее суровым карам.

XVIII. Барон де Барволес дон Диего Фернандес де Эредиа, брат и предполагаемый наследник дона Карлоса, графа де Фуэнтеса, гранда Испании, должен был быть арестован по приказу инквизиции как виновный в сопротивлении службе святого трибунала. Но он был арестован раньше, по приказу генерала Варгаса, призвал на помощь фуэро королевства и был заключен в тюрьме манифестированных, откуда он вышел 9 октября 1592 года на казнь; ему отрубили голову сзади как изменнику. Он дал несколько показаний перед сенатором Ланцем, из которых сообщили инквизиторам то, что могло служить для процесса Антонио Переса. Его допрашивали дважды, и он показал множество фактов, свидетельствовавших, что он сам возбудил народное восстание, поддерживал мятеж вместе с графом д'Арандой и другими вождями и ввязался в мятеж, чтобы убить маркиза д'Альменара. Но этот план внушил ему спасительные угрызения совести, и он отменил данное приказание. Однако несколько свидетелей инквизиции показали, что 24 мая его видели на дороге к тюрьме воодушевлявшим убийц, которые ранили маркиза д'Альменара. Барон де Барболес заявил также, что он был главным виновником жалобы, принесенной Антонио Пересом светскому судье Сарагосы на секретаря, мажордома и конюшего маркиза д'Альменара и некоторых других лиц, которых он обвинял в подкупе, по приказанию маркиза, свидетелей, - жалобы, полученной святым трибуналом в марте 1591 года. Целью подкупа было заставить их показать против Антонио Переса некоторые

Untitled

факты, в которых инквизиторы нуждались и расследование коих принадлежало им. Он говорил далее, что вызвал и направлял попытки и разнообразные усилия найти свидетелей, которые подтвердили бы своими показаниями статьи жалобы, и что он сам показывал то, о чем он знал только по отчету агента Антонио Переса.

XIX. В трибунале инквизиций существовала другая анкета против дон Диего, полученная в апреле и мае 1591 года. Он был отмечен в ней, как прибегавший к некромантии для открытия кладов и как переправлявший лошадей во Францию.

XX. Судья Торальба показал: он слышал, будто дон Диего был арестован по приказу инквизиции Валенсии за то, что скрывал одного мориска, которого разыскивал альгвасил по приказу инквизиции, чтобы арестовать его и доставить в тюрьму. Он прибавил: не следует удивляться, что дон Диего был врагом инквизиции, так как, хотя его семья не осквернена еврейской кровью, это не распространяется на его детей, потому что его жена баронесса д'Алькарас происходит от еврейской расы по женской линии фамилии Серрас из Каталонии, которая была еврейской; что доказательство этого существует не только в нескольких уголовных процессах, возбужденных против этой семьи, но и в Зеленой книге Арагона, написанной господином Макенте.

XXI. Филипп II решил доказать графу де Фуэнтес, что он умеет и вознаграждать верных подданных, и сурово наказывать виновных. Он назначил его губернатором-наместником Нидерландов, где власть была в руках Алессандро Фарнезе, владетельного герцога

Untitled

Пармского, племянника короля, только что умершего. Граф не любил Антонио Переса, смотрел на него как на причину несчастий барона де Барболеса. Поэтому неудивительно, что он принял весьма деятельное участие в заговоре, составленном против жизни бывшего министра. Эта попытка не удалась: два заговорщика были преданы суду и казнены по требованию английского прокурора, которому королева Елизавета приказала преследовать виновников заговора. Подробности этого дела находятся в Реляциях Антонио Переса.

XXII. Барон де Пурой дон Хуан де Луна, член депутации королевства от дворянства, подвергся той же участи, что и барон де Барболес, с той разницей, что палач отрубил ему голову спереди. Его казнь произошла в один день с казнью барона де Барболеса. Его главное преступление состояло в том, что он принимал активное участие в двух мятежах жителей Сарагосы, в усилиях этого города воспротивиться королевской армии и в составлении приглашений, которые были посланы депутатами представителям Каталонии и Валенсии, чтобы просить у них помощи против того, кого они называли общим врагом. Относительно его проступков в отношении инквизиции (кроме переданного мною) было доказано, что дон Хуан де Луна был виновником решений, принятых в комитете депутации для энергичной защиты в Сарагосе, в Мадриде и в Риме независимости тюрьмы манифестированных против притязаний инквизиторов, а также для принятия меры, ограничивающей их юрисдикцию одним преступлением ереси, и лишения их права расследования фактов по делу мятежа или другого подобного проступка, за которые они брались под

Untitled

предлогом, что в них участвовали люди, которые хотели воспротивиться исполнению обязанностей. Дела этого рода, говорил он, должны судиться хунтою трех епископов. Наконец, дон Хуан де Луна был виновен в том, что содействовал подкупу свидетелей, которые "были допрошены коррехидором Сарагосы по делу Антонио Переса против заслушанных в розыске инквизиторов. Дон Хуан был юрисконсультом, и это звание дало ему большой перевес в обсуждениях комитета постоянной депутации.

XXIII. Барон де Бьескас дон Мартин де ла Нуса, владелец Сальена и городов в долине Тена, скрылся во Францию. Затем он вернулся в Испанию, надеясь ускользнуть от строгости правительства и розысков инквизиции. Он был арестован в городе Туделе Наваррской по приказу генерала Варгаса, и ему отрубили голову. Было установлено в процессе, предпринятом инквизицией, что независимо от преступлений, совершенных другими мятежниками, барон де Бьескас виновен в принятии и в сокрытии в своем доме Антонио Переса до его отъезда во Францию. С другой стороны, он проник с отрядом беарнских войск в долину Тена и в другие пункты испанской территории Пиренеев, говоря, что сложит оружие только после того, как прогонит кастильскую армию из королевства Арагон и отомстит за смерть своего родственника дона Хуана де ла Нуса, верховного судьи.

XXIV. Другие испанцы, присужденные к смертной казни сенатором Ланцем, были: дон Мигуэль Гурреа, кузен герцога де Вильяэрмоса; дон Мартин де Болеа, барон де Съетамо; дон Антонио Феррис де Лисана; дон Хуан Арагонский, зять графа Састаго; Франсиско Айерве, Денис

Untitled

Перес де Сан-Хуан и некоторые другие, менее известные дворяне, кроме хлебопашцев и ремесленников, совершивших убийства во время мятежа. В числе последних мы встречаем палача Хуана де Мигуэля; он был повешен своим помощником, который унаследовал его должность.

XXV. Сенатор Ланц осудил на смерть также других мятежников, которые избежали эшафота, удалившись во Францию или Женеву. К таковым принадлежали: дон Хуан де Торельяс Бардахи, зять графа Састаго; дон Педро де Болеа, кузен графа де Фуэнтеса и дед графов д'Аранда; дон Фелипе де Кастро-Сервельон, из семьи графов де Бойль; дон Педро де Сесо, сын дона Мигуэля и отец регента дона Хосе барона де Сердан; дон Хуан Коскон, дон Хуан д'Агостино, дон Денис де Эгварас, Мигуэль де Фонсильяс, Хиль Иваньес де Урос; Хуан де Грасия, капитан стражи тюрьмы королевства; Хаиме д'Ургель, Хиль де Меса, Мануэль Донлопе и Херонимо Вальес, секретарь инквизиции. Все эти арагонцы и много других местных дворян, которых я не называю, остались в изгнании до смерти Филиппа II. Преемник его, Филипп III разрешил им вернуться на родину и аннулировал все статьи приговоров и наказаний, противоречившие интересу семейств казненных. Король объявлял, что никто не был виновен в измене государству, и признавал, что каждый был обязан защищать права своей родины.

XXVI. Жестокость инквизиторов не насытилась вышеупомянутыми казнями, и число жертв, погибших 20 октября, не казалось им достаточным. Они заявили верховному совету, что не решаются потребовать от

Untitled

генерала Варгаса узников, хотя их дело было бы вернее в руках инквизиции; однако кажется полезным, чтобы им передали, по крайней мере, барона де Барболеса, потому что его казнь сильнее устрасила бы виновных, если бы он был выдан инквизицией в руки светской власти. Верховный совет отверг просьбу инквизиторов.

XXVII. Отказ, полученный слугами инквизиции, не помешал им задержать в своих тюрьмах людей знатного происхождения. Таковыми были: дон Диего де Эредиа, рыцарь ордена св. Иоанна Иерусалимского, кузен барона де Барболеса; дом Висенте д'Агостино, приор митрополичьей церкви, брат дона Хуана, осужденного на смерть; дом Геронимо Гамир и дом Педро Торрельяс, каноники того же капитула. Все эти арагонцы принадлежали к высшему местному дворянству.

Инквизиторы выдали также мандаты для заключения в тюрьму дона Галасиана Сердана, который был коррехидором в предшествующем году; дона Антонио Бардахи, барона де Конкаса; дона Родриго де Мура, барона де ла Пинильи; дона Дениса де Эгвараса, прелата монастырей минимов и тринитариев, и некоторых других священников. Женщины также были предметом их проскрипций, между прочим, донья Херонима д'Артеага, жена Мигуэля де Фонсильяса, и две монахини из монастырей Св. Веры и Св. Инессы.

Статья вторая Амнистия, дарованная инквизицией, и своеобразные анекдоты, которые из нее проистекли I. Инквизиторы опубликовали льготный указ; явилось более пятисот человек, просивших освобождения от церковных наказаний, которые они могли навлечь на себя в связи с

Untitled

событиями, разразившимися по делу Антонио Переса. Они обещали под присягою являться на службу святой инквизиции каждый раз, когда понадобится. Каждый проситель исповедался в совершенном им грехе, что позволяет нам узнать забавные подробности.

II. Мария Рамирес, вдова Мельхиора Бельидо, показывает, что, видя, как Антонио Переса ведут в инквизицию, она воскликнула: "Несчастный! Продержав его столько времени в тюрьме, они еще не нашли в нем еретика".

III. Крестобал де Эредиа, слуга графини д'Аранда, исповедуется, что он желал, чтобы Антонио Перес выпутался из дела.

IV. Донья Херонима д'Артеага - что она произвела небольшой сбор пожертвований среди сострадательных лиц, чтобы помочь Антонио, который не мог пользоваться своим имуществом.

V. Луис де Антон - что он был попечителем Переса и сделал несколько попыток услужить ему.

VI. Мартина де Аластуси, вдова Антонио Аньоса, - что она готовила у себя дома пищу Антонио Пересу и что сын ее Антонио Аньос, слуга узника, относил ее в тюрьму.

VII. Дон Луис де Гурреа просит отпущения только для успокоения своей совести, которая, впрочем, ни в чем его не упрекает.

VIII. Дон Мигуэль де Сесо просит его также для успокоения своих сомнений.

IX. Дон Мартин де Эспес, барон де Лагуна, член депутации королевства от дворянства, исповедуется, что в комитете представителей он голосовал за обращение к папе по поводу декларирования договора, заключенного с святым

Untitled

трибуналом и утвержденного Его Святейшеством.

X. Доктор Мурильо - что он посещал Антонио Переса в тюрьме, когда тот был болен.

XI. Мария Гарсия, жена Хиля Иваньеса де Уроса, - что, торгуя свинцом, пулями и порохом, она продавала свои то-
252

вары всем, кто приходил их покупать, со стороны ли инквизиторов для охраны замка Альхаферия, со стороны ли тех, кто выступал против кастильской армии.

XII. Как видно, многие из этих мнимых грехов только смешны важностью, которую им придают; другие - настоящие дела милосердия. Если этого было достаточно, чтобы навлечь церковные кары со стороны инквизиции и если все это может служить предметом отпущения, то очевидно, что прокурор должен был донести, как на заподозренного в ереси, на вице-короля графа де Мората, который не просил отпущения греха, совершенного принятием деятельного участия в волнении, возбужденном в пользу Переса.

XIII. История того же процесса представляет и другие обстоятельства, диаметрально противоположные этому постыдному и низкопоклонному духу колебания и трусости.

XIV. Доктор дом Грегорио де Андия, викарий прихода Св. Павла, узнав, что один священник отказал в отпущении более чем двумстам людям, потому что они просили об отпущении после публикации буллы папы св. Пия V, не удержался, чтобы не сказать: "Этот священник - невежда. Пусть эти люди, а также все участвовавшие в мятеже, придут ко мне; я разрешу их от всех грехов с

Untitled

удовольствием, не опасаясь ни на минуту этой меры". Смелость викария повлекла за собой его арест, и он был заключен в секретную тюрьму. Много других лиц разделили его участь. Некоторых из них я назову по поводу высказанных ими мнений.

XV. Ипполит Феррер - за то, что сказал: если бы принц Астурийский явился на собрание кортесов Арагона, чтобы быть признанным наследником короля и принять присягу на верность, он дал бы ее только, если бы присягнул предварительно, что пресечет зло, которое инквизиторы творят ежедневно.

XVI. Хуан де Серио, чиновник святого трибунала, - потому что, услышав, будто арагонцы не потерпят долее инквизиции, отвечал: "Что касается меня, они могут сжечь дом, тюрьмы, документы и даже инквизиторов; я ничего не возражу".

XVII. Хуан де Вильякампа, священник митрополичьей церкви, - за то, что однажды сказал: "Жив Бог, несправедливо так поступать с Антонио Пересом. Я видел однажды вечером, в начале минувшего марта, как маркиз д'Альменара и инквизитор Молина, переодетые, бегали по улицам Сарагосы, отыскивая свидетелей, которые показали бы перед инквизицией против Антонио Переса".

XVIII. Гаспар де Сегура, сарагосский аптекарь, - за то, что высказал следующее соображение о мятеже в этом городе: "Событие чудесно. Бог взял дело в свои руки и не захотел допустить, чтобы Антонио Перес стал жертвой лжесвидетелей". Слушатель Гаспара возразил, что "умершие при защите инквизиции счастливее погибших под проклятием отлучения". "Какая глупость! - сказал аптекарь.

Untitled

- Разве Святая Троица может одобрить отлучения, налагаемые судьями, которые поступают по преступным побуждениям души?"

XIX. Монах-тринитарий - за то, что, узнав, будто кастильцы хотят ограничить права арагонцев и уничтожить их привилегии, осмелился сказать: "Если бы Иисус Христос был кастилец, я больше не веровал бы в него". '

XX. Марко де Пленас, хлебопашец, - потому что, понуждаемый просить прощения у инквизиции за то, что участвовал в деле 24 сентября, воскликнул: "Как! Вы мне советуете идти просить прощения у инквизиции! Я предпочел бы иметь дело со всеми адскими чертями. Я буду разговаривать с папой". Ему возразили, что Его Святейшество откажется его выслушать, так как он сам установил власть инквизиции; на это он возразил: "Ну что ж! Мне не в чем сводить счеты с подобными людьми; пусть берут меня". Пленас недолго ждал и дорого заплатил за свою неосторожность.

XXI. Мартин Гиральдо - за то, что, находясь 24 мая вместе со многими другими вооруженными мятежниками у ворот замка Альхаферия, закричал инквизиторам, которых заметил на террасе: "Низкие кастильцы, лицемеры, единственные еретики на свете, верните свободу узникам или вы сгорите в огне, которым вы сжигаете других".

XXII. Мигуэль Ургель, прокурор королевской аудиенции, сознался, что, выслушав заявление четырех членов совета, согласно которому передача узников в руки инквизиции была бы нарушением привилегий, сказал: "Письма инквизиторов достойны смеха. Если король их поддерживает, он - тиран. Освободимся от него и изберем

Untitled

королем уроженца Арагона, так как мы имеем на это право".

XXIII. Педро Гуиндо - за то, что, узнав о приближении к Сарагосе генерала Варгаса с войском, сказал: "Горцы Хаки помогут нам преградить ему путь. Позволят ли арагонцы, как мы, ограничить свои права изменнику, который продал Португалию? Позволят ли они это сделать королю, отлученному, как Иуда, потому что он клятвопреступник относительно наших прав, уважения коих требует папа под угрозой отлучения? Нам было бы лучше с Вандомом в Арагоне, и наваррцам также было бы лучше в Наварре, которую похитил кастилец".

XXIV. Хиль де Меса, арагонский дворянин (который потом был камергером короля Генриха IV и одним из тех, которые активно участвовали в движении в пользу Антонио Переса, ежеминутно с пренебрежением подвергая свою жизнь опасности), сказал одному из своих друзей, упрекавших его в безрассудстве: "Я надеюсь, что никто не переломает мне костей, потому что я ношу на себе бумагу, данную мне итальянским кармелитом, на которой написано обетование Священного Писания: "Кости его не сокрушайте"". Если бы этот милый дворянин вернулся из Парижа в Сарагосу со своим талисманом, он мог бы подвергнуть его испытанию, потому что сенатор Ланц осудил его на смерть, а инквизиторы приговорили к релаксации.

XXV. Хуан де Саланова, узнав, что инквизиторы пошлют Переса в Мадрид, если не удастся взять его, осмелился так сказать чиновнику инквизиции: "Передайте инквизитору Молине, чтобы он готовился к смерти. Если это случится, я убью его собственноручно, хотя бы меня повесили. Зачем

Untitled

король посылает к нам кастильских инквизиторов? Мы увидим, как они поступят, и наведем порядок".

XXVI. Педро де Сеговиа по случаю мятежа 24 сентября выразился следующим образом: "Если бы мне поверили, инквизитор Молина был бы в тюрьме Переса и был бы счастлив, что не случилось хуже, потому что этот мерзавец заслуживает смерти".

XXVII. Антонио д'Аньос, чиновник святого трибунала, - за то, что, разговаривая о результатах дня 24 мая, дерзнул сказать: "Смотрите, как Бог благ! Кто спас невинного? Антонио де ла Альмуниа, лжесвидетель в розыске против Антонио Переса, умер, и я узнал, что он кончил жизнь в безумии, отрицая Бога. Вот что случилось с человеком, который по-отечески покровительствовал девицам в домах терпимости. Вот свидетели, которые нужны инквизиции, называющей себя святою. Очевидно, Молина мечтает о митре; он ожидает ее, как награду... А этот плут Торальба, помогавший в поисках лжесвидетелей, без места и изгнан из королевства. Что стало с подлым маркизом д'Альменарой? Он сошел в преисподнюю. Карета, которую он предложил для перевозки узников в застенки инквизиции, послужила для доставки его трупа в Мадрид. Бог показывает себя, он защищает свое дело".

Статья третья История Хуана де Басанте и других лиц
I. Хуан де Басанте, профессор латинской и греческой грамматики в Сарагосе, был также преследуем инквизицией, потому что был другом Переса в тюрьме манифестированных. Но он заслужил часть испытанного им страдания, потому что изменил доверию Переса своими разоблачениями, которые внушило ему пустое сомнение и,

Untitled

в не меньшей степени - вероломство. Он был допрошен 12 марта 1592 года перед инквизицией, после того как на него сослался Диего де Бустаманте. Он говорил в этом случае откровенно и без дурного намерения. Вопреки усилиям инквизитора Молины он не сделал ни одного серьезного показания против Переса. Он припомнил только высказанное им и уже квалифицированное положение, которым Перес, по-видимому, хотел сказать, что Бог спит. При этом Басанте старался смягчить обвинение. Однако 27 ноября, когда Перес был в По, а кастильская армия - в Сарагосе, Басанте написал трибуналу вещи, которых никто от него не требовал и которые доказывают, что он гнусно вел себя с Пересом с половины сентября, а теперь ожидал награды за свое предательство. Он сказал, что Перес ничего не скрывал от него и говорил о плане перепилить решетку тюрьмы, но остерегся сказать, что он сам помогал ему, как показал это 6 января 1592 года Томас Перес де Руэда (который также приложил к этому руку). Басанте прибавил, что, когда оставалось перепилить место не толще ножа, на него напали сомнения; он почувствовал смущение и обратился к своему духовнику, отцу Роману, иезуиту, который потребовал его согласия, чтобы сказать об этом ректору и отцам Эскриве и Гаресу.

II. Четыре священника решили, что следует сообщить об этом святому трибуналу. Отец Эскрива взял на себя это поручение, получив от инквизиторов и вице-короля обещание прощения для сообщника Басанте. Иезуит, сделав доклад тому и другому, все обещал от имени инквизитора Морехона и вице-короля, и поручил Басанте поддерживать по-прежнему дружеские отношения с

Untitled

Пересом и его друзьями, чтобы узнать их разговоры и планы. В результате этой меры побег Переса не состоялся, а инквизитор Морехон узнал обо всем, что происходило. Когда Антонио Перес покинул 24 сентября Сарагосу, он поручил Басанте вскрывать письма, приходившие к нему из Мадрида, и в продолжение нескольких месяцев он исполнял это поручение.

III. Басанте объяснил шифр, которым пользовались в этой переписке, и указал имена лиц, знавших секрет. Он прибавил, что, получив два письма со времени отъезда Переса и передав их дону Мартину де ла Пусе, он узнал, что Перес был в Сарагосе, и уведомил об этом инквизитора Морехона. Перес был бы тотчас арестован, если бы случай не доставил в руки Мануэля Донлопе письмо инквизитора к дону Педро Франкесу, государственному секретарю, которое и решило отъезд Антонио Переса, потому что дало понять дону Мартину де ла Пусе, что Басанте предал своего друга и инквизитор просит для него награды за предательство. Эти показания Басанте были не единственными, расположившими инквизиторов оказать ему милость. Через него стало известно множество частных подробностей насчет Переса, которые послужили к усилению обвинений его процесса. 8 января 1592 года он прибавил к ним новые разоблачения о других обстоятельствах поведения Переса, например многочисленные пасквили, появившиеся в августе и сентябре, содержание коих принадлежало бывшему министру, а стихотворная форма - Басанте.

IV. Когда Басанте дал это последнее показание, он боялся быть арестованным, так как, говоря об обещанной ему

Untitled

большой награде, он утверждал, что ничего другого не просит, кроме того, чтобы жить спокойно и не быть притянутым к ответственности за памфлеты, которые он составлял вместе с Пересом и за которые он извинялся как мог. Но несчастный Томас Перес де Руэда был тогда в секретной тюрьме и показал на допросе, что Пересу помогали в подготовке бегства он сам и Басанте, так что последний был сочтен за давшего неполное признание и имевшего дурные намерения. Он сразу погубил результат своих разоблачений, поскольку инквизиторы убедились, что он действовал из-за выгоды, а не из-за стремления исполнить обязанности христианина, так как он скрывал свои собственные погрешности. Молчание о памфлетах, которое он долго хранил, было воспринято не как забывчивость, а как результат дурного намерения. Его арестовали, но без излишней суровости; посадили в обыкновенную тюрьму 15 января. Подозрения, возникшие на его счет, увеличились, когда были получены из Мадрида показания Диего Бустаманте и Антонио де Аньос. 24 февраля он уже был в секретной тюрьме, где он дал новое показание и еще другие - 25 марта, 17 апреля и 12 августа. Наконец сдержали данное ему обещание не выставлять его на позор появления в качестве публично кающегося на аутодафе; удовольствовались изгнанием его из Сарагосы и лишением должности.

V. Басанте приписал поведению Переса на последнем допросе какую-то загадочность, которую некоторые обстоятельства позволяют мне скорее рассматривать как простую выдумку этого доносчика. Он притворился, будто не знает ее смысла, но сказал, что постарается его

Untitled

отгадать. Загадка состояла из строчки, составленной из одиннадцати цифр и точек; последние должны быть заменены цифрами. Вот эта строчка:

10...0..5..

VI. Загадка представляла затем восемь строк из букв или точек. На место точек надо было поставить буквы и образовать стихи в семь или одиннадцать слогов. Я прилагаю здесь вид этих строк, составленных из букв и точек.

Quien ponga lo que falta

En este onceno numero pintado,

Y mirando.....

Mostrare.....

Y que.....

Probare.....

Promete demostrar una gran cosa

A toda nuestra Espafia pro vechosa.

То есть:

Тот, кто дополнит то, чего недостает

В числе одиннадцать, начерченном здесь,

И смотря.....

Покажет.....

И кто.....

Докажет.....

Обещает обнаружить важное дело,

Для всей нашей Испании полезное.

VII. Способ решения загадки состоял в постановке на месте каждой точки в строке цифры - по выбору Эдипа, и на каждой точке строк со словами - каких угодно буквенных знаков, лишь бы строчки образовали стихи с неизвестным

Untitled

смыслом, рифмы коих были бы одинаковы с первыми двумя строчками. Вся тайна этой загадки заключается в числе одиннадцать, толкуемом и применяемом различным образом. В результате этой комбинации строчка из одиннадцати цифр заполняется следующими цифрами, поставленными на место точек: 10,000,000, 502, 10,157,011,524.

Этим цифрам соответствуют одиннадцать букв, расположенных так: Felipe II Rey, то есть Филипп II, король.

VIII. Филипп II приближался к шестидесяти шести годам, так как родился в 1527 году. Этот возраст равен шести годам, взятым одиннадцать раз, - мистическое число для короля. Строчка из одиннадцати цифр должна заполниться по указанному мною методу, потому что шестьдесят шесть лет, представляющие -возраст короля, будучи умножены на 1527, год его рождения, дадут в итоге 100 782. Это число, будучи возведено в квадрат, даст 10 157011 524; из этих цифр образована строчка цифр. Восемь строк с буквами заполняются следующим образом:

Quien ponga lo que falta
En este oncenno numero pintado,
Y mirando esfera alta
Mostrare de Felipe el triste estado,
Y que saturnal hado
Probare que le asalta.
Promete demostrar una gran cosa
A toda nuestra Espana pro vechosa.

Эти испанские стихи нельзя перевести на французский с числом букв, равным точкам, стоящим в загадке. Я

Untitled

ограничусь передачей их смысла.

Тот, кто дополнит то, чего недостает

В числе одиннадцать, начерченном здесь,

И, смотря на высокую сферу,

Покажет печальное состояние Филиппа,

И кто докажет, что влияние Сатурна

Его застигает, -

Обещает обнаружить важное дело,

Для всей нашей Испании полезное.

IX. Показание дает понять, что это важное дело (*gran cosa*), которое должно быть так полезно для Испании, есть смерть Филиппа на шестьдесят шестом году его возраста (6 x 11), следовательно, когда он не достигает полных шестидесяти шести лет.

X. Для доказательства этого автор комбинирует одиннадцать букв и одиннадцать цифр с одиннадцатью небесами и указывает влияние каждого из них на личность короля в следующем порядке:

XI. - Первая буква F со своей цифрой 1 соответствует первому небу - Луны, непостоянство коей заметно в Филиппе.

XII. Вторая буква E соответствует небу Меркурия. Ему приписывают мудрость. Но Филипп не знает настоящей мудрости, состоящей в завоевании сердец своих подданных; поэтому эта буква стоит рядом с нулем.

XIII. Третья буква L относится к небу Венеры. Король имеет некоторую удачу в этом отношении; поэтому эта буква имеет спутником единицу.

XIV. Четвертая буква I соответствует небу Солнца, могущество которого простирается далеко; с ней

Untitled

соотносится цифра пять.

XV. Пятая буква P соответствует Марсу. Филипп при помощи дона Хуана Австрийского и герцога Альбы одержал большие победы; поэтому эту букву сопровождает цифра семь.

XVI. Шестая буква E указывает на небо Юпитера, верховное божество коего распространяет, как золотой дождь, все земные блага. Но так как Филипп очень далек от подражания ему, шестая буква имеет в соседстве нуль.

XVII. Седьмая буква есть первый числовой знак I, относящийся к Сатурну, печальное влияние которого вступает в силу, потому что Его Величество вступает теперь в возраст шестидесяти шести лет, представленных седьмой цифрой I; когда они исполнятся, он подвергнется сатурновой участи.

XVIII. Восьмая буква есть второй числовой знак, соответствующий хрустальному небу, особенность коего - освещать предметы. Король мало расположен проявлять доброту, приличествующую государю, потому что он предпочитает, чтобы его скорее боялись, чем любили. Поэтому здесь стоит единица.

XIX. Девятая буква R соответствует небу, известному у астрономов под именем колеблющегося или дрожащего. Нельзя отрицать, что робость один из недостатков Филиппа II. Она делает его государем нерешительным и несмелым; поэтому ему достается в удел цифра пять.

XX. Десятая буква E означает десятое небо, или твердь. Его характер - постоянство. Филипп обнаруживает его в политике, заставляющей скрывать свои истинные намерения под лживой маской, хотя эти средства часто

Untitled

остаются без результата. Здесь уместна цифра два, так как она означает две степени совершенства в этом качестве короля и в то же время отсутствие многих других.

XXI. Одиннадцатая, и последняя, буква Y соответствует одиннадцатой сфере, или эмпирию, символу верховного возвышения. Ее сопровождает цифра четыре, указывающая, что Филипп II обладает не много более чем третьей частью достоинства, которое ему приличествует, так что, не имея почти двух частей того, что ведет к славе этого возвышения, к возрасту шестидесяти шести лет, он никогда не достигнет эмпирия.

XXII. Деля шестьдесят шесть лет, составляющих возраст короля, на шесть периодов мистического числа одиннадцать и комбинируя их с шестью планетами, им соответствующими, автор находит другую аналогию с цифрами своего счета.

XXIII. Так, Филипп II в свои первые одиннадцать лет был непостоянен, как луна, и ее цифра 1 отмечает этот недостаток.

XXIV. В промежуток от одиннадцати до двадцати двух лет он упорно отказывался от учения из пренебрежения к влиянию Меркурия, что сделало из этого государя нуль в деле литературных познаний.

XXV. С двадцати двух до тридцати трех лет он привязался, но слабо, к культу Венеры, что означается цифрою 1.

XXVI. С тридцати трех до сорока четырех лет он блистал, как солнце, вне и внутри своего государства. Цифра 5 ему приличествует в этом отношении.

XXVII. От сорока четырех до пятидесяти пяти лет он был в некотором смысле подобен богу Марсу, ибо с помощью

Untitled

своих генералов, совершил большие военные экспедиции в Перу [118], в Португалию, во Фландрию и в залив Лепанто; на этом основании можно с ним соотнести цифру 7.

XXVTH. С пятидесяти пяти до шестидесяти шести лет в нем не замечается ни одного из прекрасных поступков, которые составляют славу Юпитера, величайшего, совершеннейшего владыки богов. Поэтому этот период его жизни можно пометить только цифрой ноль.

XXIX. Эту работу (к которой можно приложить выражение поэта: сколько в мире пустяков, *quantum est in rebus inane*) надо рассматривать только как развлечение Хуана Басанте, тридцатилетнего молодого человека, который воспользовался несколькими книгами философии перипатетиков и астрологическим гримуаром [119], так как Перес был неспособен заниматься подобными нелепостями. Этот документ не принадлежит какому бы то ни было процессу. Я нашел его в деле Антонио Переса. Он писан рукою Басанте. Однако его содержания не вменили в преступление ни тому, ни другому. Это доказывает, что это была простая шутка между инквизиторами и Басанте; если бы этот род сочинения был настоящим, его было бы достаточно, чтобы мотивировать серьезнейшее обвинение, которое прокурор поместил бы в свой обвинительный акт.

XXX. Томас Перес де Руэда, арагонский дворянин, один из самых искренних друзей Антонио, был релаксирован на общем аутодафе 20 октября 1592 года. Он был арестован 1 января. Я расскажу, как это произошло, потому что это дело заслуживает быть известным. Доминго Айербе, его сообщник и лжедруг, купил безнаказанность своего

Untitled

преступления за счет своей чести и жизни людей, веривших, что он принадлежит к их партии. Он удалился в горы Хаки и в долину Тена, чтобы соединиться с беглецами. Он был свидетелем того, что говорили Кристобал Фронтин, Томас Перес де Руэда и другие товарищи. Он сообщил об этом канонику Уэски, доктору Кортесу, комиссару святого трибунала, который велел арестовать его вместе с Томасом и другими, менее известными лицами. Кристобал Фронтин, выдающийся дворянин Таусты, также попал бы в его руки, если бы Хуан де ла Каса, которому было поручено произвести арест, не посоветовал ему поскорее достигнуть французской границы, что он и сделал на лошади Доминго Айербе. Каноник, знавший эту тайну, хотел косвенными средствами побудить этого предателя также бежать. Но он отказался: инквизиторы, узнав о его аресте, написали канонику, чтобы он вернул ему свободу на слово, потому что его дело отличалось от других. Утверждение бесстыдное, так как весь Арагон знал обратное. Томас де Руэда дал откровенное показание обо всем происшедшем. Но эти признания не могли его спасти, потому что он был одним из тех, кого надо было изъять из амнистии, хотя список подсудимых был составлен в Мадриде по заметкам, посланным из Сарагосы.

XXXI. 9 января Доминго Айербе сделал подробный доклад обо всем, что видел и слышал в горах, и сообщил трибуналу множество обстоятельств и отдельных фактов, которых они никогда не узнали бы без этого свидетельства. Они относились к процессам его компетенции или к другим делам, расследование коих принадлежало сенатору Ланцу,

Untitled

которому инквизиторы сообщили без судебных формальностей все, что они узнали, с обязательством сделать это по форме, если он потребует. Великодушие, которому трудно найти другие примеры, кроме святого трибунала, но которое было потрачено не даром, так как сенатор комиссар отвечал на это соответствующим горячим усердием.

XXXII. Донья Хуанна Коэльо и юные дети, которых оставил ей муж, стали также жертвами сарагосских событий. Они были заключены в замке местечка Пинто, в двух милях от Мадрида, с апреля 1590 года, когда эта героиня ценой своей свободы облегчила побег своего мужа. Второе бегство Переса, который покинул Сарагосу, чтобы вступить во Францию, сделало их заточение более суровым.

Показания Диего Бустаманте, Хуана Басанте и некоторых других свидетелей научили инквизиторов, что ничто не печалит так сильно Переса, как мысль, что его жена заключена в тюрьму вместе с ни в чем неповинными детьми, так как Перес женился в 1578 году, и его старшая дочь донья Грегория родилась только в 1579 году.

Доказано многими статьями процесса, что Перес неоднократно говорил в своей тюрьме, что ничто в мире не может заставить его отказаться от привилегии тюрьмы королевства, чтобы отдаться добровольно в руки инквизиции, кроме положительного заверения в том, что его жене и детям предоставят свободу и что единственной надежды на разбор его дела в Сарагосе было бы достаточно, чтобы побудить его произвести эту попытку; но, к сожалению, он не смеет ожидать справедливости и убежден, что его пошлют тотчас в Мадрид, где он погибнет

Untitled

на эшафоте.

XXXIII. Эти подробности привели к тому, что инквизиторы писали в Мадрид в конце сентября и в начале октября 1591 года, рекомендуя притеснить больше жену и детей Переса, потому что последний не замедлит узнать это и, может быть, добровольно вернется в тюрьму королевства. Эти догадки инквизиторов были основаны на сведениях, доставленных вероломным Басанте, доверенным лицом Переса для его переписки с Мадридом. Действительно, в последнем письме, пришедшем из этой столицы для Переса в конце октября, его извещали, что семья его переведена в род башни или бастиона замка Пинто, гораздо более неудобное помещение, чем ее прежняя тюрьма. Однако Хуанна Козльо советовала мужу не думать о ее безопасности, потому что известия о его побеге достаточно для того, чтобы она и его дети чувствовали себя лучше. Как извинить инквизиторов за участие, которое они осмелились принять в этой омерзительной интриге? Донья Хуанна Козльо и ее дети остались в тюрьме, и с ними обходились с большей или меньшей суровостью при жизни Филиппа II, который, умирая, посоветовал своему преемнику выпустить их на свободу.

Статья четвертая Покушения святого трибунала на политическую конституцию Арагона

I. Все вышеупомянутые события вызваны были процессом Антонио Переса. Но действительной причиной их была сильная привязанность арагонцев к привилегии, которую Филипп II хотел уничтожить как ограничивающую его деспотизм. Они не забыли, что государь использовал инквизицию в политических целях, и держались на страже,

Untitled

наученные попытками, сделанными двадцать лет назад, о которых я считаю удобным поведать читателям.

II. В то время как дон Матиас де Монкайо служил в городе Теруэле в звании главного командира, а дон Бернарде де Болеа, вице-канцлер королевства Арагона, был в этом городе королевским комиссаром для упорядочения некоторых пунктов, относящихся к муниципальным привилегиям города и его округа, король отменил право, полученное жителями от Карла V за две тысячи эку, которые были им возвращены. Иезуиты мечтали тогда устроить коллегию в Теруэле. Дон Бернарде де Болеа, по наущению отца Романа, предложил употребить эту сумму на перестройку разрушавшейся церкви, с тем чтобы отдать ее иезуитам. Предложение Болеа было отвергнуто.

Покидая город, комиссар сказал, что эти две тысячи эку возрастут до семидесяти тысяч. Эта угроза стала началом бедствий Теруэля. Когда Болеа прибыл в Мадрид, он внушил королю, что этот город пользуется особенными привилегиями, отличными от привилегий Арагона, и в силу одного из этих прав, утвержденного Педро IV на кортесах в Монсоне в 1372 году, жителям дана льгота обращения по их делам к верховному судье Арагона; следовательно, надо воспрепятствовать им пользоваться против королевской прерогативы правом фирмы (*firma*), или управления доходами с имущества, а также правом привилегиады (*privilegiada*), которое давало узнику свободу под поручительство, и правом, известным под именем манифестации, еще более суживающим власть государя. Болеа не сказал королю, что привилегия Теруэля была муниципальная и применялась в частных делах, не

Untitled

освобождая округ, часть коего Теруэль составлял, от обязанности повиноваться общим законам королевства.

III. 26 июля 1562 года король выпустил указ, запрещавший жителям Теруэля в каком бы то ни было случае обращаться к верховному судье Арагона.

Заинтересованные в этом жители сильно запротестовали.

Но губернатор Монкайо, видя, что недовольство людей, которых лишали их прав, достигает высокого напряжения, прибег для их усмирения к величайшим насилиям и даже казням. Угнетенные обратились к верховному судье и к постоянной депутации, которые, желая исполнить свой долг, дали Монкайо случай сделать свою тиранию еще более невыносимой. Так как его притеснения

поддерживались мадридским двором, которому он давал отчет о своих операциях, он дошел до самого бесчестного плана, какой может составить человеческая

испорченность, - возбудить народный мятеж, чтобы иметь оправдывающую причину для лишения области ее

привилегий. Организованные им. многочисленные аресты, введенные строгости относительно заключенных,

непомерные денежные штрафы, наложенные на жителей, и, наконец, дурное обращение всякого рода, которым он

угнетал их, довели до крайности оскорбленное население - и в результате вспыхнуло восстание, в котором погиб Хуан де Ориуэла, один из чиновников инквизиции Валенсии.

IV. Король поручил дону Франсиско Арагонскому, герцогу де Сегорбе (происходившему от короля Фердинанда I

через инфанта дона Энрихо Арагонского, его сына), рассматривать область Теруэля как находящуюся в

состоянии мятежа, и быстро собрать под свое начальство

Untitled

гарнизонные войска Молины, Морельи, Херики, Калатаюда, Дароки и других городов. Герцог (характер которого, к сожалению, был жесток, несправедлив, высокомерен и тем более опасен, что он мог самовластно распорядиться) склонил главного инквизитора послать в Теруэль инквизитора из Валенсии, который и прибыл туда вместе с ним. Это был доктор Сото де Кальдерой. Они совершили свой въезд в город в Великий четверг, а на другой день все тюрьмы были уже наполнены жителями, а дома превращены в камеры. Я не стану рисовать ужасов, совершенных герцогом де Сегорбе, вопреки протестам вице-короля Арагона, его кузена, дома Фернандо Арагонского, архиепископа Сарагосы, внука короля Фердинанда Католического, прелата, чья доброта, справедливость и миролюбие делали его бесконечно дорогим для жителей, называвших его своим ангелом-хранителем. Жестокость герцога, его беззакония и насилия описаны (с слишком большой сдержанностью для справедливого суда над его памятью) знаменитым историком Арагона Леонардо Арренсола в отдельной истории, печатание коей не было разрешено из сочувствия к королю Филиппу I.

V. Между тем инквизитор Сото де Кальдерой велел арестовать множество лиц и заключить в секретную тюрьму Валенсии, в то время как герцог де Сегорбе отослал других в приходскую церковь Св. Иоанна. Булла, полученная обманом у папы, разрешила ему осквернить ее, сделав из нее каторжную тюрьму под предлогом, что она была покинута, потому что находилась в соседстве с неприятельской территорией.

Untitled

Мигуэль Перес Арналь, главный попечитель местечек и деревень, составлявших округ Теруэля; Геронимо Эспехо, городской голова, и Мигуэль Хуан Мало, депутат по апелляционным делам при верховном совете, все трое - чиновники святого трибунала, были отправлены в инквизицию Валенсии как виновные в том, что не помешали убийству Хуана де Ориуэла, и более покровительствовали слугам арагонских фуэросов, чем слугам инквизиции.

VI. Антонио Гамис, депутат, представитель города и округа Теруэля перед вице-королем Арагона, поспешил приехать в Теруэль, когда был уведомлен, что все эмигранты и отсутствующие должны вернуться в область под угрозой смерти и явиться по судебному вызову, который будет им сделан, для ответа на обвинение прокурора в участии, принятом ими в мятеже. Хотя Гамис не имел никакого повода для опасения, он повиновался приказу коменданта. Но эта предосторожность ни к чему не привела, потому что преступление, за которое его хотели покарать, состояло в защите привилегий его страны. Он явился в обыкновенную тюрьму, находившуюся в ведении губернатора дона Матиаса де Монкайо. Инквизитор Кальдерой велел его арестовать, и его отвели в монастырь ордена Милосердия (где помещался сам Кальдерой). Затем он был заключен в новую тюрьму св. Иоанна по приказу, данному герцогом. Когда его туда вели, он заметил в толпе Хуана де Сайту, служащего при верховном судье королевства. Он тотчас потребовал привилегии тюрьмы манифестированных и протестовал против насилия, творимого над ним, заключением его в другую тюрьму, которая не была

Untitled

общественной. Чернь взбунтовалась. Одни принялись защищать комиссара инквизиции; другие стали на сторону представителя верховного судьи. Слуга инквизитора выстрелил из пистолета в Гамиса и промахнулся. Последний был отведен в обыкновенную тюрьму, и Хуан де Сайта не замедлил послать его в сарагосскую тюрьму манифестированных.

VII. Инквизитор велел арестовать и отправил в инквизицию Валенсии Хуана де Амбея, члена муниципалитета Хуана де Аркадуса, священника Луиса Хуана Мало, Хуана де Вальеса, Педро де Рода, Педро де ла Мату и Хуана Кальбо. Церковный судья Теруэля расположен был поступить так же с некоторыми священниками, направив их в Сарагосу, от которой Теруэль зависел, как часть ее епархии; но он не мог получить на это разрешения, и их заключили в секретную тюрьму святого трибунала. Герцог и инквизитор условились уговорить доктора Луиса де Кутанду, декана теруэльской церкви, шурина Антонио Гамиса, отправиться в Сарагосу, чтобы заставить последнего отказаться от фуэро манифестации, обещая ему, что на этом условии его дело быстро окончится к его выгоде. Декан вернулся в Теруэль, не добившись успеха у Гамиса. Он тотчас же был взят по приказу инквизитора и заключен в монастырь Св. Троицы, откуда его перевели в тюрьму святого трибунала в Толедо в цепях, на неоседланном муле. Его заставили сделать это путешествие с такой предосторожностью, что конвой шел только ночью, а по утрам останавливался в какой-нибудь крепости. Узник не видел никого, с кем мог бы поговорить. Это поведение инквизитора возбудило ропот в Теруэле, за

Untitled

что он отомстил значительным увеличением числа арестов среди священников и мирян и отправкой узников в тюрьмы святого трибунала Валенсии.

VIII. Инквизиторы Арагона (к которым обратились инквизиторы Валенсии, чтобы им был выдан Антонио Гамис) получили отказ со стороны господина Хуана Мартинес де Веры, заместителя верховного судьи, который заявил, что эта мера противоречит привилегиям страны, поскольку продолжается процесс, по которому Гамис содержится в тюрьме королевства; как только это дело закончится, он не будет больше чинить препятствий для выдачи его в их распоряжение. Инквизиторы написали второе письмо и отлучили Мартинеса. Верховный судья, узнав об этом, передал дело на обсуждение своего совета, и было признано, что его заместитель действовал законно и что следует доложить о поведении инквизиторов депутации королевства, чтобы она подумала о защите его привилегий. Это она и сделала на самом деле; досада инквизиторов довела их до отлучения самих представителей. Они стали защищать себя, заявляя, что, если бы дело (которым занимались инквизиторы) касалось католической веры, его первым приняли бы в соображение, приостановив действие привилегии и выдав инквизиции подсудимого, но что в данном случае они не должны принимать этого решения, так как проступок, вменяемый в вину Гамису инквизиторами, и их обида принадлежат компетенции светских судов и не могут содействовать приостановке процесса, по которому он помещен под охрану привилегий королевства. В 1559 году постоянная депутация Арагона имела подобный раздор с

Untitled

инквизиторами, которые отлучили ее, как и в этом случае. IX. Архиепископ вице-король Дом Фернандо Арагонский, видя, что дух крамолы и недовольства ежедневно дает новые плоды в королевствах Арагона и Валенсии как неизбежное последствие последних событий, вообразил, что пресечет зло, убедив Гамиса отказаться от фуэро манифестации при обещании, что его дело и дело его шурина, декана Теруэля, уладят полюбовно и что все другие разногласия останутся открытыми до первого собрания кортесов. Гамис ответил архиепископу: если бы это соглашение могло зависеть от слова дома Фернандо Арагонского, то он охотно согласился бы на это предложение, несмотря на недавние дурные примеры предательства и недобросовестности, данные герцогом де Сегорсе и вице-канцлером доном Бернарде де Болеа; но обещание, даваемое им как вице-королем, неспособно внушить ему доверие. Этот ответ побудил вице-короля побеседовать о нем с вице-канцлером, который находился тогда в Сарагосе. Было условлено, что инквизиторов убедят не отягчать церковных наказаний, как они готовы были поступить, потому что этот новый акт суровости произведет больше зла, чем добра. Инквизиторы обещали исполнить просьбу, но лишь на время, пока они запросят главного инквизитора и верховный совет. Этот род соглашения не помешал инквизитору Кальдерону отправлять ежедневно новых узников в Валенсию с тех пор, как тюрьмы Теруэля не могли их более вместить. X. Депутация отправила в Рим дворянина Херонимо д'Альбиона с господином Ромеро, его ассессором, и дона Херонимо Кабреру, в качестве комиссара для Мадрида.

Untitled

Между тем заместитель Мартин де Вера умер. Депутация велела забальзамировать его тело, которое оставалось в течение нескольких месяцев помещенным в зале, великолепно обтянутой черной материей, пока д'Альбион получил в Риме разрешение дать ему церковное погребение. Бреше ясно говорило, что ни заместитель де Вера, ни депутаты Арагона не навлекли на себя церковных кар. А когда государственный совет Филиппа II разобрал дело Гамиса, король отдал следующий приказ: так как Руи Гомес де Сильва, принц Эволи, взял на себя посредничество по просьбе своего друга дон Хуана де Бардахи, то пусть он быстро покончит с деталями по условленной форме, а главное дело пусть будет отложено до первого собрания кортесов.

XI. Принц Руи Гомес (может быть, единственный из фаворитов короля, который постоянно употреблял свое влияние для блага других и никому не вредил) сообщал в письме Гамису 17 декабря 1572 года: "Сеньор дон Хуан де Бардахи писал мне несколько раз, что связан дружбой с вами и сильно желает, чтобы ваши дела благополучно окончились. Поэтому он просил меня ввиду соединяющей нас дружбы взяться за дело, касающееся в данный момент вас. Я сообщил дону Хуану, какие обстоятельства мне мешали действовать, когда он обратился ко мне в первый раз. Теперь я в курсе вашего дела и думаю, что смогу помочь вам в положении, в котором вы находитесь. Для достижения этого необходимо, чтобы вы отказались от привилегии тюрьмы королевства и приехали сюда как можно скорее. Вы остановитесь прямо у меня, и ничто не должно внушать вам малейшего опасения; когда вы будете

Untitled

у меня, я намечу поведение, которого вы должны будете держаться, чтобы ваш процесс окончился почетным и удовлетворительным для вас образом. Сеньор дон Хуан скажет вам остальное".

XII. Несмотря на последние слова этого письма, Руи Гомес 18 декабря написал другое: "Для того чтобы вы могли приехать сюда свободно, я велел написать инквизиторам, чтобы немедленно после выдачи вас заместителями святому трибуналу они приказали вам явиться в двадцатидневный срок в совет инквизиции. Сегодня я посылаю извещение через курьера; таким образом, вы можете отказаться от фуэро тюрьмы манифестированных, которым воспользовались, и согласиться на передачу вас в руки инквизиторов, которые, не задерживая вас, позволят отправиться сюда. Когда вы сюда приедете, с вашим делом покончат быстро со всем уважением, надлежащим вашей репутации. Итак, вы можете выразить ваш отказ и безопасно прибыть сюда под гарантией моего слова, с уверенностью, что все будет так, как я вам сообщаю, так как я взял это дело на себя, получив уверение в нем, которое имею и теперь".

XIII. Антонио Гамис отправился в Мадрид. Совет инквизиции назначил ему город вместо тюрьмы. Он оставался там до 7 августа 1573 года. Его процесс был окончен в том же году. Приговор гласил, что ввиду долгого пребывания Гамиса в тюрьме он присуждается только к отъезду из Теруэля на год или на более короткий срок, согласно решению главного инквизитора, и к уплате судебных издержек. Надо согласиться, что при условии виновности Гамиса манера обращения с ним была очень

Untitled

мягкая; но не надо забывать, что по системе святого трибунала тот виновен, кто противится даже самым несправедливым вещам, которые делаются в интересах инквизиции.

XIV. Тот же дух руководил инквизиторами в деле декана Теруэля. После трех лет заключения ему дали свободу вернуться к себе домой. Но он принял эту меру за издевательство, потому что она не сопровождалась публичным удовлетворением, на которое он имел право, и он настойчиво требовал суда. Он был судим, но иначе, чем мог надеяться. Инквизиторы изгнали его на полгода из Арагонского королевства и говорили о своем приговоре как об акте благосклонности, которую они мотивировали долгим пребыванием декана в тюрьме.

XV. Почти так же закончились процессы других узников Валенсии и Сарагосы. Я должен, однако, сделать исключение относительно дел Хуана де Сайты, Хуана Переса и Луиса Хуана Мало. Эти трое подсудимых получили свободу, доставив денежное обеспечение (которое равнялось полутора тысячам экю для двух первых и пятистам экю для третьего), и не захотели более являться для выслушивания - приговора, содержавшего унижительные статьи. Они потеряли деньги, но их оставили в покое.

XVI. Общий спор о неприкосновенности тюрьмы манифестированных даже со стороны инквизиции остался нерешенным и был приостановлен до ближайшего общего собрания кортесов королевства. Оно было созвано королем и начало свою работу в Монсоне в 1585 году. На нем пришли к соглашению, что до истечения шести

Untitled

месяцев будут назначены арбитры со стороны инквизиции и депутации; им будет поручено устранить затруднения и предложить соглашение; если инквизиторы откажутся назначить комиссаров, депутаты королевства обратятся к главному инквизитору и к совету инквизиции, а если эта попытка останется безуспешной, то напишут верховному первосвященнику. В самом деле, святой трибунал отказался назначить арбитров, и в комитете постоянной депутации часто поднимался вопрос об обращении к папе. Но различные мотивы не позволили дойти до этой крайности. Главный состоял в том, что депутаты королевства еще только год исполняли свои обязанности и не желали наживать врагов. Огромные потери, причиненные теруэльскими событиями, заставляли их опасаться новых затрат, если бы решено было войти в сношение с римской курией. Заранее было известно решение, которое примет верховный совет после бесконечных отсрочек, которые легко было предвидеть. Все эти обстоятельства сильно замедляли дело и внушили к нему чувство равнодушия. Таково было положение дел, когда процесс Антонио Переса напомнил прежние насилия, совершенные инквизиторами вопреки привилегии тюрьмы манифестированных, и расположил умы к народным мятежам, смутившим спокойствие Сарагосы.

XVII. Восстание арагонцев представило Филиппу II удобный случай, которого он долго ждал: он стал абсолютным государем Арагона, уничтожив посредствующую магистратуру верховного судьи королевства и все фуэросы первоначальной конституции, которые ограничивали объем его власти. Другой причиной

Untitled

арагонского восстания была политика, которая повергла в опалу и постоянную тревогу все знатные фамилии этого славного королевства и множество семейств второстепенных дворян и простого народа. Очевидно, что эти бедствия явились следствием действий инквизиторов, всегда готовых унижить и оскорбить тех, кто не целует ног самого ничтожного из них, и принести в жертву всех людей, которые по неосторожности не признают их трибунала святейшим учреждением и единственным оплотом веры, как они трубят об этом и разглашают через своих сторонников, хотя в глубине души уверены в обратном.

Глава XXXVII Главные события инквизиции в царствование Филиппа III

Статья первая ИЗГНАНИЕ МОРИСКОВ

I. Филипп II умер 13 сентября 1598 года и оставил корону своему сыну Филиппу III, которого воспитание сделало более годным для жизни под рясой доминиканца, чем способным к управлению монархией. Инквизиция была тогда так же страшна и так же могущественна, как до законов 1561 года. Новый монарх желал иметь главного инквизитора по своему выбору; воспользовавшись тем, что булла Климента VIII обязывала всех епископов пребывать в их епархиях, главному инквизитору дому Педро Порто Карреро [120] предложили удалиться в Куэнсу, епископом которой он был; до тех пор он занимал кафедры Калаоры и Кордовы. Филипп III в 1599 году назначил его преемником на посту инквизитора дома Фернандо Ниньо де Гевару (Гвевара) [121], кардинала римской Церкви, которого он вскоре назначил архиепископом Севильи. Этот прелат отправился управлять своей епархией в 1602 году,

Untitled

отказавшись от обязанностей главного инквизитора в силу королевского приказа, который выхлопотала римская курия, чтобы наказать прелата за его поведение в деле иезуитов города Алькалы {См. гл. ХХIХ.}. Его преемником был доминиканец Хуан де Суньига [122], епископ Картахены, умерший в том же году; Хуан Бауиста де Асеведо [123], епископ Вальядолида, занял его место и умер при исполнении своих обязанностей в 1607 году в звании патриарха Индий. Его преемником был доминиканец Бернарде де Сандобал-и-Рохас, кардинал, архиепископ Толедо, брат герцога Лермы, первого министра и фаворита короля. По смерти его в 1618 году испанская инквизиция увидела своим главой доминиканца Луиса де Алиагу [124], доминиканца, духовника короля и архимандрита Сицилии, которого Филипп IV, вступив на престол, принудил отказаться от своих обязанностей. Привязанность, которую Филипп III питал к своему духовнику, заставила его создать место в совете инквизиции для доминиканцев, - вещь неслыханная в предшествующую эпоху, вопреки мнению некоторых иностранных авторов, которые впали в ошибку, утверждая, что первый главный инквизитор Торквемада был монахом этого ордена.

II. Я рассказал, что произошло в 1602 году в Алькалы по поводу диспута иезуитов о том, следует ли верить, что Климент VIII действительно наместник Иисуса Христа. Тот же вопрос был возбужден несколько времени спустя, в правление папы Павла IV. 4 января 1606 года Хуан Пабло Видаль из Эспарагуэры в Каталонии взялся публично участвовать в диспуте на следующую тему: "Мы обязаны бесспорно верить, что Климент VIII был законно

Untitled

избранным и настоящим первосвященником; но только морально достоверно, что Павел V действительно наместник Иисуса Христа". Папа, узнав об этом, предписал главному инквизитору воспретить подобные дискуссии. Это запрещение было послано в Алькалу 30 апреля 1606 года. III. Филипп III созвал в 1607 году кортесы королевства в Мадриде, где они оставались более года. Эти представители доложили монарху, что "в 1579 и 1586 годах они просили устранения злоупотреблений, совершаемых трибуналом инквизиции, чтобы положить конец значительным и постоянным потерям, которые причиняет его подданным узурпированное инквизиторами право расследовать некоторые преступления, чуждые ереси; Филипп II, его отец, обещал отыскать средство для устранения зла, на которое жаловались, но вследствие внезапной смерти его обещание не было исполнено. Поэтому они возобновляют перед Его Величеством ту же просьбу, тем более что зло все увеличивается и уже давно пора узаконить, чтобы никто не был арестован и посажен в секретную тюрьму инквизиции по другим преступлениям, кроме ереси. Громадное число испанцев не в состоянии различать мотивы арестов и смотрит на всех узников как на еретиков. Такой взгляд подвергает имевших несчастье быть арестованными святым трибуналом опасности не иметь возможности заключать браки, потому что их считают опозоренными, как действительных еретиков. Средством устранить беспорядок, введенный в законы, должен быть приказ, чтобы отныне подсудимые по другим преступлениям, а не по делу ереси, заключались в ожидании приговора в обыкновенные тюрьмы".

Untitled

IV. Филипп III отвечал кортесам, что он примет надлежащие меры для удовлетворения их жалоб. В 1611 году, когда были созданы новые кортесы, штаты опять сделали государю представления. Ответ государя был тот же, что и раньше, но он, как и первый, не имел результата.

Инквизиторы изо дня в день становились заносчивее и продолжали вызывать ужас, покрывая по своей прихоти позором людей и наполняя тюрьмы жертвами.

V. Архиепископ Валенсии, патриарх Антиохии, св. Хуан де Рибера, которому папа даровал честь беатификации, доложил Филиппу III, что нельзя совершить истинного обращения морисков королевства Валенсии, хотя это дело было начато при Карле V, что их упорное отстаивание своих заблуждений и их ловкость в земледельческих работах и ремеслах справедливо вызывают опасения, что они возмутят общественное спокойствие с помощью мавров из Алжира и других государств Африки, с которыми они находятся в единомыслии и постоянных сношениях; эти соображения побуждают его предложить Его Величеству изгнать их совершенно из королевства, чтобы сохранить в нем чистоту веры и мир среди народа.

VI. Дворяне, насчитывавшие множество морисков среди своих вассалов, указали монарху на огромный ущерб, который причинит им эта мера, так как она лишит их данников, которые составляют силу их владений и являются весьма полезными людьми. Если морисков вынудят к эмиграции, говорили они, то она оставит страну почти без жителей и земледельцев [125]. К этим доводам они прибавляли, что рассказ архиепископа св. Хуана де Риберы сильно преувеличен, так как трибунал инквизиции

Untitled

не упускал случая карать тех, которые впадали в ересь, он открывал их через своих узников или шпионов, постоянно занятых выискиванием виновных, так что можно удостовериться, что число плохих католиков гораздо меньше, чем объявлено, хотя инквизиция не прибегала к мерам чрезвычайной строгости в отношении морисков.

VII. Король созвал государственный совет. Главный инквизитор, бывший его членом, голосовал за изгнание морисков, и эта мера была одобрена многими членами собрания. Выслушав множество докладов, мнений и дискуссий, приняли решение об удалении морисков из королевства Валенсии 11 сентября 1609 года, а всех остальных - 10 января следующего года.

VIII. Благодаря этой эмиграции Испания потеряла миллион полезных и трудолюбивых жителей, которые переправились в Африку. Хотя они просили у Франции, чтобы их приняли и поселили в ландах Гаскони, Генрих IV поставил им условием исповедание католической веры; они не решались дать такое обещание, так как боялись сделаться когда-нибудь предметом такого же преследования, как это случилось на их родине, в Испании. Обстоятельства выхода морисков из Испанского королевства заслуживали бы отдельного исследования, составленного с большей критикой, чем истории брата Маркоса де Гвадалахары и брата Хаима Бледа. Но это не относится непосредственно к моему сюжету. Я скажу только, что инквизиторы сильнее всего повлияли на решение Филиппа III и отметили в качестве подозрительных в вере тех, кто осудил эту политическую меру, между прочим герцога д'Оссуна, которого они

Untitled

привлекли к суду. Это дело не имело громких последствий, потому что сущность процесса не представляла никакого тезиса - еретического или благоприятствующего ереси, хотя некоторые положения квалифицировались, как дерзкие, скандальные и оскорбительные для благочестивого слуха. Герцог был назначен вице-королем Неаполя и несколько лет исполнял эти обязанности; но затем был отстранен от должности и посажен в тюрьму по королевскому приказу.

IX. Инквизиторы ухватились за этот случай, чтобы припомнить прежние обвинения. Но надежда стольких врагов была обманута, так как герцог умер в тюрьме до произнесения окончательного приговора по его главному делу.

Статья вторая Секта колдунов

I. 7 и 8 ноября 1610 года инквизиторы Логроньо справляли самые торжественные аутодафе, присудив пятьдесят два человека: одиннадцать к релаксации, двадцать - к примирению с Церковью и двадцать одного - к разным епитимьям. Из числа релаксированных шесть были сожжены живьем и пять фигурально, с вырытыми из земли их останками. В числе других находилось шесть богохульников, восемь высказавших подозрительные положения, шесть иудействующих, один омусульманившийся, один лютеранин, два вора, мнимые слуги святого трибунала и восемнадцать колдунов.

II. Я уже говорил, что каждый трибунал инквизиции ежегодно справлял по крайней мере одно аутодафе с более или менее значительным числом жертв. Я мог бы поэтому не упоминать об этом аутодафе, но счел своей

Untitled

обязанностью говорить о нем, потому что оно представляет обстоятельства, достойные особого внимания.

Одиннадцать человек, присужденных к релаксации, и восемнадцать примиренных составляли часть секты колдунов. Их показания были откровенны и пространны, чего нельзя было добиться от шести человек, присужденных к релаксации. Выяснилась сущность этой ассоциации, ее система и действия. Подробности, данные ими, так многочисленны и разнообразны, что несмотря на то, что я упоминал уже в другом месте об этом предмете, скажу о нем здесь, чтобы выяснить, если возможно, предмет, который во все времена давал материал для множества небылиц. Если можно полагаться на признания восемнадцати примиренных и Марии де Сусайя, которая была релаксирована как проповедующая еретичка, двадцать девять осужденных происходили из местечка Вера и поселка Сугарамурди в долине Бастана, в королевстве Наваррском, на границе Франции. Они называли свое собрание акеларре [127] - гасконским словом, означающим Козлиный луг, потому что собрание происходило на лугу, где дьявол обыкновенно показывался им в виде этого животного.

III. Понедельник, среда и пятница каждой недели были назначены для собраний, сверх больших церковных праздников, какова Пасха, Пятидесятница, Рождество. Эти дни специально и торжественно посвящены почитанию, воздаваемому христианами Богу. Поэтому и дьяволу угодно было, чтобы его поклонники выбирали те же дни для его особенного почитания. На каждом собрании колдунов, а особенно при приеме нового сочлена, дьявол принимает

Untitled

вид человека скучного, сердитого, мрачного и безобразного. Он сидит на высоком троне, который отчасти позолочен, отчасти черен, как эбеновое дерево, и снабжен принадлежностями, которые придают ему величие. Он носит корону из небольших рогов, два больших рога сзади головы и третий - посредине лба. Последним он освещает место собрания; свет его ярче света луны, но слабее солнечного света. Глаза, блестящие и ужасные, велики, круглы и широко открыты. Борода похожа на козлиную; он наполовину человек, наполовину козел. Ноги и руки похожи на человеческие, пальцы ровны с невероятно длинными ногтями, законченными острием. Руки его на конце согнуты наподобие когтей хищных птиц, а ноги заканчиваются гусиными лапами. Его голос похож на ослиный, хрипл, нестроен и грозен. Слова неотчетливы, произносятся басом, сердито и беспорядочно, с манерой важной, суровой и надменной. Его физиономия выражает мрачное и желчное настроение.

IV. При открытии собрания все бросаются на землю и поклоняются дьяволу, называя его своим владыкой и своим богом и повторяя слова вероотступничества, произнесенные при приеме в секту. Каждый целует его в ногу, руку, левый бок, задний проход и мужской член. Собрание начинается в девять часов вечера; оно кончается обыкновенно в полночь и может продолжаться лишь до пения петуха.

V. В главные годовые праздники, в дни святой Девы и св. Иоанна Крестителя, важнейшие из членов секты исповедуют дьяволу свои грехи, состоящие в том, что они присутствовали за обедней и при других обрядах

Untitled

христианской религии. Он делает им суровые упреки, запрещает вновь впасть в этот грех и дает отпущение, когда они пообещают исправиться. Нередко он наказывает ударами кнута своих исповедников через посредство одного колдуна, который исполняет обязанности палача.

VI. За этой церемонией следует другая, являющаяся дьявольским подражанием мессе. Внезапно появляются шесть или семь чертей, которые ставят престол и приносят чашу, дискос, служебник, графинчики и другие необходимые предметы. Они устраивают балдахин или часовню. Там нарисованы фигуры чертей, напоминающие облик сатаны, который он принимает для церемонии. Они помогают ему надеть митру, облачиться в подризник, ризу и другие украшения, которые черны, как украшения престола. Дьявол начинает мессу. Он прерывает ее для увещания присутствующих никогда не возвращаться к христианству и обещает им рай лучше предназначенного для христиан. Они получают его, и радость их будет тем более велика, чем больше старания приложат они к совершению дел, на которые христиане смотрят как на запрещенные в этой жизни. Он принимает дары, сидя на черном троне. Главная ведьма (которую называют царицей ведьм) сидит справа от него, держит хлеб, на котором вырезана фигура дьявола; по левую руку сидит первый из колдунов (который считается их царем) с чашей в руке. Главные из присутствующих и другие посвященные приносят дары, соответствующие их желанию и их средствам. Женщины предлагают пшеничные лепешки. Затем целуют хлеб, становятся на колени перед дьяволом и еще раз целуют его задницу, из которой он выпускает

Untitled

зловонный запах, а один из прислуживающих держит его хвост поднятым. Месса продолжается. Дьявол освящает сначала некую черную и круглую вещь, похожую на башмачную подошву, со своим изображением, произнося посвятительные слова над хлебом, а затем - чашу содержащую противную жидкость. Он причащается и дает причащение в двух видах: то, что он дает есть, черно, жестко, трудно для жевания и проглатывания; жидкость черна, горька и тошнотворна.

VII. Когда месса окончена, дьявол вступает в плотское сношение со всеми мужчинами и со всеми женщинами. Потом он приказывает им подражать ему. Это половое общение оканчивается свальным грехом, без различия брачных или родственных связей. Прозелиты дьявола считают за честь быть в числе первых приглашенными к исполнению этих дел; привилегия царя - приглашать выбранных им, а царицы - звать женщин, которых она предпочитает.

VIII. Сатана отсылает всех после церемонии, приказывая каждому делать как можно больше зла христианам и даже колдунам, которые его оскорбили, и портить все плоды земли, превратившись для этого в собаку, кошку, волка, лисицу, хищную птицу или в другие живые существа, и употребляя для этого отравленные порошки и жидкости, которые приготавливаются из воды, извлеченной из жабы, которую носит с собой каждый колдун и которая есть демон, повинующийся своему начальнику в этом превращении с тех пор, как он был принят в секту. Вот как происходит этот прием.

IX. Мужчина или женщина, пригласив кого-нибудь стать

Untitled

колдуном, приводит его на первое собрание. Дьявол говорит: "Я буду обращаться с ним хорошо для того, чтобы подобно ему явились другие, но ему следует отречься от своей веры и принять мою". Кандидат, отступник от Бога, Иисуса Христа, Пресвятой Девы, всех святых и христианской религии, обещает не призывать более имен Иисуса Христа и Марии, не освящать себя, не креститься, не совершать ничего христианского. Он признает дьявола своим единственным богом и владыкой. Он поклоняется ему, как богу, обещает ему послушание, верность и постоянство до смерти, отрекаясь от неба, от славы и вечного блаженства христиан для наслаждения в этой жизни всеми удовольствиями, которые он может обрести в секте колдунов, и обещанным раем. Господь (так именуют и призывают дьявола) метит тогда посвящаемого ногтями своей левой руки на какой-либо части его тела. В то же время он ставит печать золотой монетой на зрачке левого глаза, не причиняя никакой боли, в виде микроскопической фигуры жабы, которая служит всем колдунам знаком для узнавания, и передает ему через приемного отца или приемную мать, смотря по полу воспринимаемого, одетую жабу, приказывая заботиться о ней, кормить, часто ласкать, стараться, чтобы никто не видел ее, не обижал, не овладевал ею, чтобы ее убить, ввиду того, что все его благополучие зависит от нее, потому что он дарит ему в виде этого маленького животного могущественный дух, при помощи коего он может летать по воздуху, переноситься в короткий срок и без усталости в самые отдаленные местности, превращаться в то или другое животное, в какое найдет удобным, причинять зло тому, кто ему не

Untitled

понравится. Ее тело доставит ему жидкость, нужную для мазей, которые сделают его невидимкою и дадут возможность летать. Дьявол, однако, остерегается доверять животное прозелиту; он передает его в руки приемного отца или приемной матери и поручает им заботу о нем до тех пор, пока станет возможным доверить его прозелиту.

X. Костюм жабы состоит из небольшого мешка с открывающимся капюшоном, из которого выглядывает голова животного. Против живота этот мешок сквозной; отверстие имеет в середине нитку, служащую поясом. Ткань безразлична; обыкновенно, как говорят, употребляется зеленое или черное сукно или бархат. Пища жабы состоит из хлеба, вина, мяса и вообще того, что едят ее господа. Они должны давать ей пищу из своих рук, лаская ее; если они этого не сделают или сделают небрежно, жаба принимается резко распекать своего господина, говоря, что придет ей в голову. Служба жабы - разбудить своего господина, если он заснул, когда пора отправляться на собрание, и напоминать ему, когда он забудет о нем, чтобы уберечь его от ударов, которые сатана непременно раздает всем запаздывающим или не являющимся.

XI. Колдун становится посвященным, когда доклад приемного отца докажет, что он уже совершил столько кощунств против христианской религии, что нельзя уже сомневаться в действительности его отступничества; он сообщает об этом главным лицам собрания. Дьявол тогда дает ему своеобразное благословение: он поднимает вверх свою левую руку, наполовину закрытую, затем быстро

Untitled

опускает верхнюю часть руки и касается пальцами своего члена. Он повторяет первое движение, описывая круги справа налево, как бы распуская нитки в обратную сторону, после этого он передает кандидату жабу, которую до этого времени берег восприемник.

XII. Одно из средств, употребляемое для увеличения числа колдунов и для выставления себя с выгодной стороны в мнении дьявола, заключается в том, чтобы приводить на собрание малых детей свыше шести лет в дни, когда там танцуют под звуки флейты, бандуры, мавританской трубы или тамбурина. Можно надеяться, что удовольствие этого увеселения побудит испытавших его приводить других детей, которые будут приходить туда танцевать и привыкнут к этому. Однако следует опасаться, чтобы они не рассказали, что увидят, и статья распорядка собрания поручает надзирателю над детьми устраивать всевозможные игры и развлечения, но держать детей вдали от центра, чтобы они не могли видеть того, что делают дьявол и колдуны, поскольку не следует ни понуждать их к отступничеству, ни делать им никакого другого щекотливого предложения, пока они придут в разумный возраст, когда можно будет приподнять край покрова, заметить их наклонности и, узнав их вкус к собранию, внушить им, что следует сделать, чтобы быть допущенными к ученичеству. Только после долгого промежутка дают этим ученикам жабу секты и доверяют тайны великой важности. Следует подождать, пока восприемник, изучающий характер просителя, удостоверит его обещания и его решимость.

XIII. До отбытия на собрание колдун старательно

Untitled

намазывает свое тело жидкостью, которую извергает жаба и которая получается следующим образом: колдун хорошо кормит жабу и затем начинает стегать ее тонкими розгами, пока бес, сидящий в животном, не скажет: "Довольно, он надулся". Тогда колдун прижимает жабу к земле ногой или рукой, пока животное не сделает движение, чтобы выпустить через горло или через задний проход то, что его стесняет. Он кладет жабу таким образом, что принимает в небольшой сосуд эту зеленоватую и противную жидкость. Колдун сохраняет ее в бутылке и пользуется ею для натирания ступней ног, ладоней рук, лица, груди и детородных частей, чтобы быть в состоянии потом улететь с животным, которое он носит при себе. Иногда колдун идет пешком, и жаба, предшествующая ему, делает такие прыжки, что в несколько минут они проходят большие расстояния. Это происходит только по ночам, до пения петуха, возвещающего зарю. При этом сигнале животное исчезает, и колдун возвращается в свое обычное состояние. Жаба оказывается в том месте, где ее обыкновенно держат.

XIV. Искусство составлять смертельные яды неизвестно всем колдунам, даже посвященным. Этот особенный дар дьявол дает самым совершенным из секты, то есть тем, которых привязывает к нему самая интимная близость. Состав делается так: дьявол указывает день и место, где надо будет добывать материалы и составные части ядов. Это жабы, ужи, ящерицы двух видов, улитки, другие пресмыкающиеся и насекомые, не считая нескольких растений, которые он описывает. Их находят в изобилии, с помощью дьявола, который сопровождает иногда

Untitled

колдунов. Ему предоставляют все, что собрали. Он благословляет животных и растения. Колдуны сдирают зубами кожу с жаб и других пресмыкающихся. Так как это затруднительно, дьявол приходит им на помощь. Они разрезают их на куски, пока те еще не издохли, кладут в горшок вместе с мелкими костями и мозгами умерших людей, вырытых из церковных могил. В эту смесь они наливают зеленоватую воду бесовских жаб и кипятят все до превращения в известь; затем все растирают в порошок и смешивают его с водою пресмыкающихся. Этот состав есть ядовитая мазь, и каждый колдун берет себе часть, на которую имеет право. Иногда состав остается порошком, потому что опыт доказал некоторым колдунам, что в этом состоянии он приносит больше вреда, особенно когда хотят повредить урожаю хлебов и плодов. В этом случае дьявол вторично благословляет этот порошок. Его посылают тем, кто будет трудиться над плодами земли, которые от этого быстро чахнут и гибнут, целиком или отчасти, по желанию этих страшных служителей сатаны. Когда речь идет о причинении вреда людям, яд одинаково действует в обоих видах сообразно обстоятельствам его применения. Им пользуются в виде мази, когда возможно физическое соприкосновение с лицом, которому желают повредить, или в смеси с каким-нибудь веществом, которым он должен питаться. Порошки этого состава действуют таким же образом и предназначаются еще для действия на дальние расстояния и для отравления напитков и припасов путем смешения с ними.

XV. Из всех обрядов, любимых дьяволом, больше всего ему нравится видеть, как его поклонники вынимают из

Untitled

церковных гробниц тела христиан; есть их и давать есть другим мелкие кости, носовые хрящи и мозг, приготовленные на воде жаб, благословленных сатаной. Когда колдуны захотят приготовить это ужасное угощение, самое приятное для их владыки, они разыскивают вместе с ним тело младенца, умершего и погребенного без крещения; они отрезают у него руку, которую зажигают, как факел. При помощи его света они видят все вокруг, тогда как их никто не видит. Они проникают ночью в церкви, открывают могилы, извлекают оттуда все, что им нужно, и старательно закрывают их. находку они представляют дьяволу, который ее благословляет. Когда кушанье готово, их владыка питается с удовольствием этим приношением и раздает остатки, как очень вкусные, особенно если блюдо было изготовлено из трупов христиан, умерших насильственной смертью от порчи.

XVI. Для того чтобы муж мог быть колдуном без ведома жены, а жена - ведьмой без ведома мужа, дьявол поручает своим слугам принимать, когда нужно, вид этого лица и находиться вместо него ночью в спальне, днем же - во всем доме, пока действительное лицо присутствует либо на общем собрании, либо на частном свидании с дьяволом на Козлином лугу, либо в каком-нибудь другом месте.

Другая выгода, которую получает дьявол от этого средства, состоит в оскорблении святости брака через инкубов или суккубов [128], проистекающего по небрежности мужей или жен. Часто также агенты дьявола по его приказу насылают столь глубокий сон на человека, которого надо провести, что он просыпается уже после того, как все кончено. В других случаях лицо находится у себя дома, окружено

Untitled

всеми домашними, - и все-таки дьявол, пользуясь своей невидимостью, доставляет себе преступное наслаждение, а присутствующие ничего не замечают.

XVII. Влечение ко злу так естественно в дьяволе, что, если колдун долго не вредит ни людям, ни животным, ни плодам, он резко упрекает его на собрании и приказывает своему палачу сечь его терновником; это исполняется с такой жестокостью, что боль и синяки остаются в течение нескольких дней, если он не исцелит их после наказания особой красной мазью, которая успокаивает боль и сглаживает рубцы от ударов. Дьявол хранит в секрете состав этого смягчающего средства. Такая суровость имеет самые неприятные последствия, потому что многие из колдунов, мечтавшие жить спокойно, из страха перед наказанием пускаются на стезю зла и причиняют его так же много, как и другие, а иногда даже больше, чтобы заставить дьявола забыть их прошлую бездеятельность.

XVIII. Подробности, которые я передаю, и многие другие, которые я опускаю, стали известны из показаний Марии де Сусайя, умершей в раскаянии, и восемнадцати других ведьм, избежавших сожжения за то, что все разоблачили с самого начала. Собрание колдунов Сугарамурди было открыто маленькой французской девочкой, которую поместили у одной местной женщины. Та была ведьмой и часто водила на собрание этого ребенка, еще слишком малолетнего, чтобы быть допущенным к ученичеству. Когда ее взяли обратно в семью, одна из ее соотечественниц подтолкнула ее сделаться ведьмой. Решившись отречься от католической религии, она осталась, однако, верна почитанию Пресвятой Девы; то был единственный член

Untitled

веры, от которого она не отреклась. Через полтора года она сильно заболела, раскаялась и получила отпущение от епископа Байонны. Вернувшись затем в Сугарамурди, она увидела там Марию Хурретегию и сказала, что ей известно, будто она ведьма. Муж ее узнал об этом и укорял ее. Та отрицала факт. Однако француженка дала очевидные доказательства, что они несколько раз ходили вместе на Козлиный луг, и Мария, видя себя изобличенной, во всем призналась, искренне раскаялась и открыла перед инквизицией Логроньо все, что происходило у колдунов. Ей велели надеть санбенито во время аутодафе, следовавшего за ее приговором, и она получила разрешение жить в своем доме безо всякой епитимьи, кроме той, которой она подверглась во время заключения, где с ней обращались мягко за искренность ее раскаяния.

XIX. Мария де Хурретегия, жена Эстевана де Навалькорреа, будучи изобличена француженкой, обратилась к вере, созналась в своем прегрешении перед инквизицией Логроньо и объяснила весь строй секты, собрания которой она посещала. Ее рассказ был потом подтвержден восемнадцатью ее соучастниками. Она сообщила, что стала ведьмой с детства; ее водили на собрания ее тетки с материнской стороны Мария и Хуанна Чипиа. Будучи арестованы, Мария и Хуанна исповедались в своем преступлении и были примирены на том же аутодафе. Мария рассказала, что, когда она была ведьмой, она никогда ясно не видела освященной гостии, что случалось и с другими членами собрания, потому что какой-то туман застилал им глаза; когда она исповедалась приходскому священнику в Сугарамурди, она стала видеть

Untitled

ее. Она сообщила, что она причинила много зла разным лицам, у которых просила прощения по совету священника; дьявол, узнав о ее обращении, стал преследовать ее через колдунов Козлиного луга, которые всячески старались опять заманить ее на собрания; у нее не было никакого оружия против этих невидимых нападений, кроме креста, четок, которые она носила на груди, и призывания имен Иисуса и Марии, обращавших в бегство ее врагов, но через некоторое время они возвращались, возобновляя свои нападения; наконец дьявол оставил ее. Покидая ее, он нанес ей напоследок левой рукой сильные удары в грудь и продолжал мстить ей, заставляя колдунов выдергивать капусту из ее сада, истребляя яблони и причиняя большие убытки мельнице ее свекра, которой она пользовалась. Далее она рассказывала, что в детстве тетка, желая увести ее из дому, заставляла пролезать в дверные щели, когда дверь была заперта; она спрашивала у тетки, зачем она уменьшила величину своего тела, так как следует знать, что все ведьмы верят в это сокращение тела при известных обстоятельствах, хотя, быть может, дьявол старался увеличить отверстия, через которые они проходили.

XX. Мария де Сусайя была релаксирована, хотя она удовлетворила инквизиторов своими показаниями и обнаружила полное раскаяние. Она наставляла почти всех своих сообщниц, и судьи не сочли возможным даровать ей иную милость, кроме избавления от сожжения живьем, которому подверглись пять нераскаявшихся колдунов. Она была задушена и сожжена уже после смерти. В показании о своих преступлениях она сказала, что ее каждую ночь

Untitled

посещал дьявол, который заменял ей мужа в продолжение нескольких лет, и что она видела его даже днем. Однажды ночью, когда Мария де Сусайя отправилась на Козлиный луг, соседка пришла занять у нее хлеба, - дьявол принял ее вид, отвечал за нее и дал женщине то, о чем она просила. Она причинила много зла людям, которых она назвала, заставляя их чарами своего колдовства испытывать сильные страдания и длительные болезни; она портила плоды земли, употребляя отравленный порошок против груш, яблок, орехов, каштанов и других плодов; посредством яйца, в которое она вложила немного того же порошка, она причинила смерть одному человеку, скончавшемуся в страшных коликах; она часто издевалась над священником, который любил охотиться за зайцем: принимала вид этого животного и утомляла священника долгим пробегом.

XXI. Мигуэль де Гойбуру, царь колдунов Сугарамурди, рассказал о том, что происходило на собраниях его секты. Он показал: когда общество отправилось на собрание колдунов, бывшее во Франции, по соседству с границей, там было более пятисот человек. Эстевана де Тельчеа, ведьма из Сугарамурди, воскликнула: "Иисусе, сколько народа!" Тотчас же все исчезло, и каждый вернулся к себе домой, потому что собрание не могло состояться. Мария Эскайн убедила одного моряка сделаться колдуном; он пришел на первое собрание и, увидав дьявола в его обычном виде, сказал: "Иисусе, как он безобразен!" И тотчас все рассеялось, как и в первом случае. В другой раз дьявол объявил, что прибывают шесть кораблей, и приказал вызвать бурю; Гойбуру и много других колдунов

Untitled

прошли около двух миль по морю у города Сен-Жан-де-Люс и увидели корабли. В эту минуту дьявол прыгнул около них в море, дал им благословение и трижды произнес слово "ветер". Сейчас же поднялась ужасная буря, которая, казалось, должна была разбить корабли один о другой или о берег, и никакая человеческая помощь не могла этому помешать, но матросы призвали имя Иисуса и сделали в воздухе знак креста, - дьявол исчез при виде этого, а Гойбуру и его товарищи не имели силы противиться и удалились к себе домой. Он исповедался, что часто впадал в плотский грех, любезный дьяволу, с другими колдунами то пассивно, то активно; что он несколько раз осквернял церкви, вытаскивая трупы из могил, чтобы сделать дьяволу приношение из человеческих костей и мозгов. Несколько раз он сходил с дьяволом, чтобы накликать бедствия на поля. В качестве царя колдунов он носил кропильницу из черной кожи с освященной водой, то есть с зеленоватой водой жабы, смешанной с порошком, приготовленным в качестве яда. Дьявол благословлял и произносил хриплым голосом: "Пусть все погибает"; иногда он налагал проклятия на половину плодов земли, иногда на ту или другую часть сообразно поставленной им цели. Дни удушливой жары дьявол предпочитал для выхода в долину. Мигуэль сознался, что он умертвил много детей, причем называл их отцов; он высасывал детскую кровь их тел, проткнутых булавкой, иногда из задницы или детородных частей: хотя он делал это из мести или злобы, случалось иногда, что он руководился при этом лишь одним желанием угодить дьяволу, который очень любил смотреть, как колдуны сосут

Untitled

кровь детей, и побуждал их к этому словами: "Сосите, сосите, это полезно для вас". Таким образом он погубил своего племянника, сына своей сестры.

XXII. Хуан де Гойбуру, брат Мигуэля, муж Грасианы де Барренечеа, царицы ведьм, и отчим Марии и Эстеваны Ири-арте Барренечеа, которые все были примирены на том же аутодафе, исповедал то же, что и другие, в общих чертах. В виде подробностей, касающихся его лично, он прибавил, что на собраниях он играл на тамбурине во время танцев колдунов и ведьм, а особенно мальчиков и девочек. Однажды он продлил свою игру после пения петуха; его жаба исчезла, и он принужден был вернуться пешком в Сугарамурди, которое отстоит на две мили от Козлиного луга. Несколько раз он откапывал мертвых, приготавливал их кости для еды вместе с дьяволом и имел половые сношения с другими колдунами и колдуньями, хотя это происходило и не в день собрания; убил своего ребенка, похоронил его и через некоторое время выкопал из земли для приготовления из его костей угощения, на которое он пригласил нескольких колдунов, которых назвал поименно.

XXIII. Грасиана де Барренечеа, жена Хуана Гойбуру, была царицей ведьм. Она созналась, что, ревнуя Марию Хуан де Ориа из-за любви дьявола к этой женщине, она всячески старалась расстроить их отношения. Достигнув своей цели, она просила у дьявола позволения умертвить свою соперницу и, получив согласие, совершила это убийство, когда ее жертва спокойно спала в своей комнате; в ночь, когда не было собрания, она посыпала ее тело ядовитым порошком, причинившим Марии страшную болезнь, от

Untitled

которой она умерла через три дня. Она уморила нескольких детей из ненависти к матерям, которых она назвала. Она губила жатвы и причиняла болезни при помощи порошка и мази. Ее первый муж Хуан де Ириарте не был колдуном, как и ее третья дочь не была ведьмой. Зять ее, муж третьей дочери, также не был колдуном, и она таилась от них. Это не помешало ей, однако, давать им есть кости, хрящи и мозг вырытых из земли мертвецов.

XXIV. Мария де Ириарте Барренечеа, ее дочь, показала, что видела дьявола, которого ей представила мать; он делал с нею что хотел, вследствие чего она почувствовала сильные боли, за которыми последовало кровотечение. Она пожаловалась матери, а та велела ей не тревожиться, потому что то же случилось с ней самой в детстве, когда ее отдали в руки дьявола. Она исповедалась, что умертвила девять детей, высасывая их кровь через детородные части, трех мужчин и одну женщину, которых назвала, - она отравила их порошком; кроме того, она уничтожила четверых людей зеленоватой жидкостью, прикосновение коей убивает сразу. Дьявол однажды пил эту жидкость в ее присутствии, побуждая ее выпить и уверяя, что ей нечего бояться, так как он не умер от этой жидкости. Однако этот довод не мог ее убедить; она отказалась пробовать.

Эстевана, сестра Марии, созналась в тех же преступлениях.

XXV. Хуан де Сансин, кузен царя колдунов Мигуэля де Гойбуру, показал, что он играл на флейте на собраниях Козлиного луга, когда дьявол имел половые сношения с мужчинами и женщинами, так как было время, когда это развлечение доставляло ему удовольствие; только через

Untitled

некоторое время он стал заниматься теми, о которых я говорил.

XXVI. Мартин де Вискай показал, что он был надзирателем над девочками и мальчиками, приходившими на собрание; его обязанность состояла в предоставлении им возможности свободно веселиться, с тем чтобы держать их вдалеке от того, что делалось колдунами и их владыкой. Впервые изнасиловав его, дьявол нанес ему значительную рану, от которой он потерял много крови. Его жена, которая не была ведьмой и не знала о его принадлежности к этой секте, увидав, в каком состоянии находятся его сорочка и штаны, спрашивала о причине этого. Он сказал ей, что упал на острый кол и поранился.

XXVII. Эстевана де Тельечеа созналась, что она многих умертвила, прикасаясь к ним под разными предлогами и натирая их шею и другие части тела смертоносной мазью, которую она держала между пальцами, потому что, по особой милости дьявола, она не имеет силы над самими колдунами. Из убийств, совершенных ею, она указала на убийство ребенка, сказавшего ей: "Старая дура, дьявол свернул бы тебе шею!" Она убила также одну из своих внучек за то, что та замарала ее новое платье, когда она носила ее на руках. Эстевана примешала ядовитый порошок к пище и причинила ребенку болезнь, которая скоро унесла его.

XXVIII. Хуанна де Тельечеа, сестра ее, сказала, что, следуя старинному обычаю, жители Сугарамурди собрались вечером Иванова дня для избрания короля христиан и короля мавров, которые должны командовать христианами и маврами в разыгрываемых боях, которые происходили

Untitled

несколько раз в году для увеселения народа. Ее муж был избран королем мавров на 1608 год, и она не могла отправиться на Козлиный луг в эту ночь, потому что к ней пришло много людей, чтобы поздравить ее мужа, который не принадлежал к секте; она должна была заняться угощением. Несмотря на благовидную причину отсутствия, дьявол велел отстегать ее на первом же собрании своему палачу Хуану Эчаласу.

XXIX. Этот самый Хуан Эчалас, кузнец, бывший тайным палачом на собраниях Козлиного луга, поведал, что, когда он был принят в ученики, дьявол отпечатал свой знак на его желудке, и это место стало непроницаемым.

Инквизиторы велели воткнуть туда большие булавки; но все усилия были тщетны, хотя их острия проникали без затруднения во все другие части тела. В первую ночь, когда он появился на собрании, колдуны, выходявшие для потрав на поля, производили такой шум, как сорок испуганных лошадей, и этот гул походил на гром. В удивлении он воскликнул не подумавши: "Иисусе, что это такое?" Мгновенно все исчезло, и луг стал таким пустынным, как будто никогда не бывало там никакого собрания и никакой церемонии.

XXX. Мария Эчалеко, ведьма, показала, что царица Грасиана де Барренечеа раз подняла ее в воздух и опустила на поле, где оставила в одиночестве, так что ей пришлось войти в соседнюю пещеру. Вскоре пришли царица и Эстевана де Тельечеа, между ними находился дьявол, которого они обнимали. Его вид показался ей таким страшным, что она от охватившего ее ужаса воскликнула: "Ах, Иисусе!" Эти слова рассеяли видение.

Untitled

Она очутилась в одиночестве и распознала, что находится на лугу, называемом Берроскоберро, на котором происходили собрания и которому колдуны давали название Акеларре, или Козлиного луга.

XXXI. Мария Хуанчо, другая ведьма, передала, что несколько детей из местечка Вера, разгласивших то, что видели на собраниях, куда их приводили отцы, были так жестоко высечены на следующем собрании, что заболели и стали чахнуть; это побудило местного vicaria отчитать их. Эти дети рассказали, что знали, и не хотели больше возвращаться на луг. Их преследовали ведьмы, которые так же плохо обращались и с другими детьми, отказывавшимися туда ходить. Эти женщины связывали их и носили по воздуху, а потом возвращались и клали их обратно в постели, пока vicarий местечка Вира не принял предосторожности укладывать на ночь в своей комнате детей, не достигших разумного возраста, число которых было больше сорока. Две ночи он не сделал этого, и ведьмы вытащили их и перенесли на луг, где жестоко высекли. Через несколько времени те же дети, будучи в школе, увидели двух проходящих женщин, которых они признали за секших их ведьм. Они выбежали и стали кидать в них камни, громко объясняя, почему они так поступают. Дело дошло до суда, и дети смело подтвердили перед судьей свои слова. Последняя часть этого происшествия была доказана на процессе инквизиции и признана соответствующей рассказу Марии Хуанчо. Эта обвиняемая и ее сестра Мария Рессона сознались также, что, когда дьявол выбранил их за то, что они давно уже никому не делали зла, они решили убить двух своих

Untitled

маленьких детей порошком сатаны из желания угодить своему владыке, который остался очень доволен этой жертвой.

XXXII. Такова краткая история процессов ведьм в Логроньо, история коих была хорошо известна трибуналу, так как он в 1507 году покарал более тридцати колдунов, а в 1527 году еще полтораста. Первое дело побудило дома Мартина д'Андосилью, каноника кафедрального собора Памплоны, и архидиакона Вальдорбы, напечатать в Париже в 1517 году латинскую книгу: О суевериях против порч и чар, о которых так много везде толкуют. Второе дело повлекло другой труд, опубликованный на испанском языке в 1529 году братом Мартином де Кастаньегой. Наконец, третье происшествие, о котором я дал отчет, было предметом трактата, который заслуживает печати. Автор его Педро де Валенсия, ученый богослов, послал его кардиналу, главному инквизитору. Он разбирал с беспристрастной критикой затруднения, которые могли и даже должны были возникнуть относительно фактов и истинности показаний девятнадцати человек, которые исповедались перед инквизицией Логроньо в чарах и порчах, что составило ббльшую часть этой главы. Автор сначала определил три главных мнения богословов на этот счет. По первому, все эти мнимые истории колдунов - чистые басни, и обвиняемые удостоверяют их либо потому, что надеются ускользнуть от инквизиции с тем большей легкостью, чем откровеннее признают, что все обвинения доносчиков и свидетелей верны, либо потому, что боятся быть осужденными и наказанными как запирающиеся. Сторонники второго мнения допускают достоверность

Untitled

установленных фактов, особенно если они признаны обвиняемыми, которые должны понести за них наказание. Богословы третьей группы верят историям колдунов по существу, но не могут доверять чудесным обстоятельствам, их сопровождающим. Автор вышеназванной книги признает, что сам верит, будто злые духи могут переносить человеческие тела из одного места в другое и что эта власть принадлежит также добрым ангелам, когда им повелевает это Бог, но, не дерзнув верить, чтобы Бог это допустил, автор старается доказать свое мнение разными местами Священного Писания, которые приводит и тщательно толкует. Он желал бы, чтобы инквизиторы допрашивали обвиняемых и свидетелей в процессах по делу о колдовстве, ничем не показывая, что они верят чудесам волшебников; наоборот, они должны делать вид, что считают их неправдоподобными, потому что, слишком предаваясь предрассудку, заставляющему допускать их, они задают вопросы таким образом, что внушают обвиняемым мысль, будто те угодят инквизиторам, если будут умножать истории о колдунах и чудесах чародеев.

XXXIII. Автор цитированного труда, возвращаясь к обстоятельствам процесса, которым он занимается, излагает также три взгляда. Первый позволяет видеть во всех феноменах этого рода только действия естественных причин, без помощи и активного мистического влияния демонической силы, если не считать таковой ту силу, которая довела обвиняемых до совершения преступлений и толкнула этих людей, одержимых желанием угодливости или мести, удовлетворить эти чувства средствами чисто

Untitled

человеческими; но эти человеческие чувства они объясняют деяниями сатаны, для того чтобы иметь раздражителей и умножить число сообщников. Второй взгляд предполагает реальность договора с дьяволом ввиду вероотступничества колдунов и приобретенного ими познания ядов и смертоносных мазей; но этот взгляд отвергают путешествия и появления колдунов на ночных сборищах, хотя сами колдуны думают, будто они действительно там бывали; их перелеты по воздуху с одного места на другое отрицаются этим взглядом, хотя сами колдуны и воображают, что дело так происходит; наконец, отвергаются все чудеса, которые колдуны рассказывают о своих собраниях и которые им кажутся неоспоримыми. Приверженцы этого взгляда думают, что употребление колдунами мазей и порошков повергает их в сон и дьявол пользуется этим временем, чтобы запечатлеть в их мозгу видения, в действительность которых они верят после своего пробуждения. Наконец, по третьему взгляду богословов все происшедшее есть результат договора, как удостоверяют свидетели и признают обвиняемые, по попущению Бога, намерения которого не дано знать людям.

XXXIV. Автор убедительно доказывает следующее: как католики, мы должны признать, что Бог может допускать факты, о которых идет речь, но необходимо, однако, отвергнуть, что они случаются так часто, как можно было бы думать на основании той важности, которую трибуналы придают этому роду дел; они не могут произойти без стечения чрезвычайных обстоятельств, которые служат для исполнения планов провидения ради спасения душ,

Untitled

торжества религии, уничтожения греха и обращения грешников. Но ничего подобного не видно ни в собраниях колдунов, ни в их действиях; наоборот, несомненно, что в этой шайке все ведет к массе самых чудовищных преступлений (по крайней мере, по намерению) против Бога и святых, против людей и природы.

XXXV. Изложенные доводы приводят автора сочинения к мысли, что среди случаев, о которых рассказывают колдуны, некоторые достоверны и реальны, но произведены естественными средствами; другие - только плод воображения, вроде сновидений, видений умалишенных и бреда больных. Люди, с которыми происходят эти иллюзии, верят в реальность неотвязно преследующих их призраков, поэтому те, которых называют кающимися, так добросовестно передают факты. Наконец, есть вещи, которые не случались на самом деле и не являются плодом больного воображения, но о которых, однако, некоторые повествуют, чтобы сделать свою историю более поразительной и удовлетворить свое тщеславие, - мотив, столь могущественный у всех людей и столь часто заставляющий их предпочитать постыдные химеры более прочным благам.

XXXVI. К разряду вещей совершенно реальных, которые являются делом колдунов, следует отнести убийства людей, потому что можно быть убийцей, не будучи колдуном, употребляя смертоносные соки растений, порошки, мази, жидкости или другие вещества. Когда воображение совершившего преступление вновь обретает обычное спокойствие, возможно, он начинает думать, будто использовал дьявольские приемы в своих самых

Untitled

естественных действиях, и эта мысль овладевает его умом.

XXXVII. Второй род явлений, вменяемых в преступление колдунам и не выходящих за пределы естественного порядка вещей, - путешествия по воздуху для прибытия на ночные сборища и подробности относительно того, что там происходит. Автор напоминает, что Андреа Лагуна, врач папы Юлия III, говорит в четвертой главе 96-й книги своего Комментария на Диоскорида [129] по поводу корня одного вида соланума [130], драхма коего в отваре с вином возбуждает в воображении самые приятные представления. Он прибавляет, что в 1545 году, когда он лечил во Франции герцога Гиза Франсуа Лотарингского, там арестовали, как колдунов, мужа с женой, живших в сельском доме в окрестностях города Нанси. У них нашли горшок с зеленой мазью. Лагуна выяснил, что мазь составлена из разных экстрактов цикуты [131], соланума, белены [132], мандрагоры [133] и других наркотических и усыпляющих растений. Он предписал употребление этой мази для жены палача, которая была поражена бешенством и не могла уснуть. Когда намазали этой мазью тело женщины, она проспала тридцать шесть часов, и сон ее длился бы дольше, если бы не решили ее разбудить, употребляя очень сильные средства, между прочим банки. Она горько жаловалась, что ее вырвали из рук молодого человека, любезного и сильного.

XXXVIII. Мифология рисует нам Ореста [134], видящего при своем пробуждении фурий [135], преследующих его, чтобы покарать за убийство матери. Женщины в Греции, посвящавшие себя культу Реи [136], матери богов,

Untitled

утверждали, что беспрестанно слышат гул барабанов и других музыкальных инструментов и видят пляски фавнов [137], сатиров [138] и других призраков. Чтобы более полно наслаждаться этим зрелищем, они добирались до гор и лесов, где, по их уверению, можно ощутить верх наслаждений. Так же говорят и колдуны о своих ночных собраниях.

XXXIX. Свидетели в делах о колдовстве не должны внушать большого доверия, как бы ни были они многочисленны и важны. Мы знаем: когда римские императоры преследовали христиан, многие свидетели согласно показывали, что христиане убивают детей, собираются по ночам, чтобы их есть, и в потемках совершают ужасные гнусности. В числе этих свидетелей находились люди, которые могли знать истину, так как были христианами и присутствовали на их собраниях до своего отступничества; были рабы христиан, которые видели их поведение и знали, что они исповедуют христианство. Однако в действительности ничто не было достоверно, хотя судебная улика кажется нам полной и совершенной, потому что отступники, которым была обещана награда, если они разыщут христиан, пользовались клеветой без боязни понести кару. С своей стороны, рабы доносили на своих господ, чтобы избежать смерти, которая угрожала им, если бы они объявили себя христианами.

XL. Мнение, что дьявол представляет иногда колдуна, принимая его вид, приводит к большим затруднениям. Или надо предположить, что дьявол завладевает ложем супруга, или надо согласиться, что муж его занимает, а

Untitled

дьявол отправился играть роль колдуна на собраниях или в другом месте. Первый случай влечет двойное невольное преступление плотского общения, так как дьявол может быть инкубом и суккубом без ведома жены или мужа.

Второй случай делает невозможным доказательство преступления. В самом деле, как бы многочисленны ни были факты, выставленные против обвиняемого, последний может сказать: "У меня нет большего врага, чем дьявол. Он принял мой вид, чтобы я прослыл виновным; потому что я был у себя дома, и докажу свое алиби" [139].
Никогда запирающийся обвиняемый не мог быть осужден на законном основании, как были осуждены в Логроньо пять человек, выданные в руки светской власти.

ХLI. Педро де Валенсия закончил свою докладную записку словами: нет ни одного процесса, который требовал бы больше критики и рассудительности, чем процессы, возбужденные против колдунов и ведьм; для этих случаев следовало бы составить особую инструкцию для инквизиторов; он не считает разумным присуждать к релаксации запирающихся обвиняемых, какие бы улики ни были собраны для доказательства их преступления, потому что все они крайне недостоверны; при сомнении лучше пощадить виновного, чем покарать невинного, или наказать его суровее, чем он заслуживает.

ХLII. Кардинал представил дело колдунов Логроньо в совет инквизиции, где оно долго обсуждалось. Вскоре совет послал инструкцию провинциальным инквизиторам, рекомендуя действовать согласно этой инструкции и точно следовать ее духу в процессах этого рода, которыми им придется заниматься впредь. Он указывал большое число

Untitled

предосторожностей, которые нужно принимать при допросе свидетелей и при признаниях и показаниях обвиняемых. Эти меры не были безуспешны, так как я не думаю, чтобы с этого времени справлялось хоть одно общее аутодафе вроде аутодафе 1610 года. Другим результатом этой счастливой перемены было ослабление пыла, который прилагали к доносам на колдунов, и падение вкуса к колдовству. С этой эпохи просвещение увеличилось и число колдунов сократилось вместе с числом простофиль, веривших в их чудеса. Если бы Педро де Валенсия жил в наши дни, он радовался бы своему заявлению о том, что колдовство представляет феномены достоверные, но чисто естественные, действия воображаемые, но рассматриваемые как реальные, и другие, имеющие основанием обман.

XLIII. Я писал в другом месте о многих процессах инквизиции, разбиравшихся в царствование Филиппа III. Я ограничусь здесь только упоминанием о процессе дона Антонио Манрике, графа де Мораты, сына дона Педро, обвиненного в 1603 году за то, что он высказал еретические тезисы. Он произнес отречение, не подвергаясь позору аутодафе. Я видел его процесс в Сарагосе в 1812 году вместе с процессом множества лиц из высшего дворянства. Часть их я назвал. Среди других отмечу дона Хуана де Гуреа, сеньора д'Аргавьесо, обвиненного в 1559 году; Хуана Переса д'Оливана, члена совета инквизиции, судимого в 1559 году; дона Хуана де Каласансы, сеньора де Кларава-лье, арестованного в 1564 году; Дениса де Реус, сеньора де Ма-лехана и де Лусеника, оговоренного в 1581 году; дона Франсиско де Палафокса,

Untitled

сеньора и первого маркиза де Арисы, оговоренного в 1586 году, и господина Габриэля де Хуана, регента Майорки, дело которого относится к 1534 году,

Глава XXXVIII Самые известные процессы и аутодафе в царствование Филиппа IV

I. Филипп IV вступил на престол 31 марта 1621 года и умер 17 сентября 1665 года. За сорок четыре года его царствования Испания последовательно имела главными инквизиторами: 1) в 1621 году дома Андреа Пачеко [140], который наследовал дому Луису де Алиаге, подавшему в отставку 23 апреля под давлением короля; 2) в 1626 году, по смерти Пачеко, кардинала дома Антонио де Сепата-и-Мендоса; 3) в 1632 году, когда он оставил свою должность, дома Антонио де Сотомайора, архиепископа и королевского духовника; 4) в 1643 году дома Диего де Арсе-и-Рейносо [141], епископа Туи, Авилы и Пласенсии, после того как его предшественник также отказался от должности. Дом Диего умер в один день с испанским королем Филиппом IV.

II. Многие события должны были дать почувствовать мудрому правительству необходимость уничтожения трибунала инквизиции, как неполитического, покушающегося на чужие права и противного судебному порядку и общественному спокойствию, или если не полного устранения, то, по крайней мере, ограничения его власти одними процессами по делам несомненной ереси, о чем неоднократно просили кортесы королевства, и подчинения формам, установленным для светских судов, чтобы в корне уничтожить безмерные злоупотребления тайного судопроизводства. Но вялость Филиппа IV не

Untitled

позволила произвести столь полезную реформу. Этот государь, наоборот, разрешил инквизиторам в 1627 году расследовать дела о контрабанде, относящиеся к вывозу медной монеты, и распоряжаться четвертой долей того, что попадет в их руки. Эта мера не менее скандальна, чем принятая против переправки лошадей из Испании во Францию.

III. В числе самых известных аутодафе эпохи Филиппа IV есть некоторые, история которых лежит у меня перед глазами; я передам их как наиболее важные.

IV. 21 июня 1621 года инквизиция, желая отпраздновать на свой лад восшествие Филиппа IV на престол, предложила в виде зрелища для народного увеселения аутодафе Марии де ла Консепсион, святоши и известной лицемерки предшествующего царствования. Она сначала обманула много народа своими мнимыми откровениями, притворной святостью, частыми приобщениями и многочисленными экстазами; наконец, она впала в самое разнузданное распутство с духовниками и другими священниками. Ее обвинили в заключении договора с дьяволом, а также в том, что она впала в заблуждения Ария, Нестория [142], Эльвидия, Магомета, Лютера, Кальвина, материалистов и в безбожие. Ей велели появиться на аутодафе в полном санбенито, с митрой на голове и кляпом во рту. Она получила двести ударов кнутом и была приговорена к пожизненному заключению в тюрьме. Признаюсь: если бы я мог одобрить существование такого трибунала, как инквизиция, то разве лишь для того, чтобы он мог карать виновных, вроде Марии де ла Консепсион и других ханжей и лицемеров, приносящих больше зла католической

Untitled

религии, чем скрытые еретики, которые не придают никакого значения тому, чтобы найти себе прозелитов.

V. 30 ноября 1630 года севильская инквизиция справила общее аутодафе из пятидесяти осужденных. Из них шесть были сожжены фигурально (в изображении) и восемь живьем, как виновные в принятии ереси иллюминатов; тридцать человек примирены, а шесть получили условное (с предупреждением) отпущение или епитимью, как сильно заподозренные.

VI. 21 декабря 1627 года в Кордове было общее аутодафе из восьмидесяти одного осужденного. Четверо иудействующих были сожжены живьем. Одиннадцать фигурально: были сожжены их вырытые из земли кости; там же были статуи двух других иудействующих еретиков в одежде примиренных, потому что они умерли, получив эту милость. Пятьдесят восемь других осужденных были примирены по тому же мотиву. Затем было два богохульника, один многоженец и три колдуньи. В числе последних была Анна де Ходар из Изнаторафе, которая жила в Вальянуэва-дель-Арсобиспо. Она "портила" людей, призывая имена Вараввы [143] и Вельзевула [144]. Вторая ведьма - донья Мария де Падилья, знаменитая толедская женщина, вдова командовавшего коммунами, которые восстали против фламандцев, управлявших Испанией при Карле V, - смешивала пепел от печатных изображений канонизованных святых с серой, агатовым порошком, мужскими и женскими волосами, восковыми фигурами людей и другими подобными вещами, чтобы вызвать любовь. К подобным нелепостям порочные люди не прибегали бы, если бы не было такого множества

Untitled

легковерных. Третьей ведьмой была Мария де Сан-Леон-и-Эспехо, поселившаяся в Кордове. Она предавалась тому же суеверию и занималась им по ночам, наблюдая созвездия, в особенности одно, которому приписывала больше влияния, чем другим. Мария говорила ему: "Звезда, пробегающая от одного полюса до другого, я заклинаю тебя именем ангела-волка привести меня в то место, где находится такой-то; приведи его ко мне, где бы он ни был, и устрой так, чтобы я была в его сердце, куда бы он ни пошел; звезда, я заклинаю тебя, приведи его ко мне больным, но не смертельно, и я тебя проткну изо всей силы". При этих словах ведьма втыкала нож в землю до черенка, обратив глаза к звезде. Альфонсо Лопес де Акунья, уроженец Пенья-де-Франсиа, португалец по происхождению, иудействующий, был релаксирован фигурально. Он удавился в тюрьме веревкой, сплетенной из листьев пальмовой щетки и суконных нитей своих штанов, ссученных с помощью инструмента для растиранья, который он успел достать.

VII. В 1632 году в Мадриде состоялось общее аутодафе, на котором присутствовал король с королевской фамилией. Было пятьдесят три осужденных, из коих семь были сожжены живьем, четверо фигурально и сорок два помиренены. Почти все они были иудействующие португальцы и дети португальских родителей. Одно обстоятельство делает это аутодафе очень примечательным. Мигуэль Родригес и его жена Изабелла Мартинес Альбарес были владельцами дома, где осужденные собирались, как в синагогу, для отправления обрядов иудейского культа. Их обвинили в том, что они

Untitled

бичевали плетью изображение Иисуса Христа, распинали его и всячески издевались над ним, как бы мстя за все зло, которое христиане заставляли переносить их единоверцев. Трибунал инквизиции велел скрыть этот дом и поставил на пустыре надпись для увековечения воспоминания. Он был расположен на улице Принцесс, где потом был выстроен дом капуцинов, который называли монастырем Терпения, в память оскорблений, которые Спаситель мира претерпел в своем чтимом образе. Тогда пустили слух, что распятие трижды взывало к евреям, но они не поколебались его сжечь. Этот последний факт не так достоверен, как та тщательность, которую приложили в Мадриде и в других городах королевства к служению торжественных месс в искупление совершенного кощунства. Все осужденные были португальцы или уроженцы Португалии.

VIII. 22 июня 1636 года в Вальядолиде было другое общее аутодафе из двадцати восьми осужденных. Из них было десять иудействующих, восемь плутов, которые были названы колдунами, три двоеженца, три богохульника, одна женщина-лицемерка, один бродяга, выдававший себя за слугителя инквизиции, и две статуи. Наказание, которому подвергли евреев, мне кажется совершенно новым, и я ничего подобного не встречал ни в одном другом процессе. Им пригвоздили по -одной руке к поперечной балке деревянного креста; в таком состоянии они выслушали среди аутодафе отчет о своем процессе и приговор, осуждавший их на пожизненное тюремное заключение в санбенито за то, что они волочили образа Иисуса и Марии, которых осыпали богохульствами.

Святоша, появившаяся на том же аутодафе, известная под

Untitled

именем Лоренсы, была из города Симанкаса. Ее преступление не отличалось от многих подобных. Она выдумывала видения дьявола, Иисуса Христа, Марии и бесчисленные количества откровений. Но в сущности она была женщиной, предавшейся распутству и не помышлявшей, что она оскорбляет Бога своими разнузданными наклонностями.

IX. Я укажу, как на еще более прославившуюся, в вальядолидском трибунале святошу, монахиню из обители Св. Клары в Каррион-де-лос-Кондес, по имени Луиса де ла Ассенсион. Г-н Лавалле в своей Истории инквизиции, напечатанной в Париже в 1809 году, говорил о кусках креста, принадлежавшего этой женщине. Этот автор (прибавивший только некоторые новые ошибки к тому, что опубликовали по этому поводу за два последних столетия Марсолье [145] и другие писатели) утверждает, что этот крест был одним из тех, которые инквизиторы возлагали на шею осужденных. Автор ошибается: такой обычай никогда не был известен инквизиции. Крест, о котором идет речь, принадлежал монахине. Что касается надписи на нем, г-н Лавалле плохо истолковал фрагменты. Я видел один из этих крестов целиком. На верхней части стоят буквы I.N.R.I. - инициалы слов Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum (Иисус Назарей Царь Иудейский); у подножия - другие слова, которые я перевожу: "Иисус, Пресвятая Мария, зачатая без первородного греха. Сестра Луиса де ла Ассенсион, недостойная раба сладчайшего Иисуса". Эта монахиня раздавала подобные кресты всем поверившим в ее святость и приходившим поручить себя ее молитвам в своих духовных или телесных нуждах. Таким способом она

Untitled

удовлетворяла желание людей, которые ее посещали, и хотели унести с собой какую-нибудь принадлежавшую ей вещь. Надпись на кресте была помещена случайно и без всякого особенного намерения. Принужденная несколько раз отдать крест, она соглашалась на это, но непременно делала другой для собственного употребления под предлогом, что надпись беспрестанно напоминает ей обеты преуспевания в совершенстве и постоянства в послушании Иисусу Христу. Раз она дала такой крест, у нее стали просить еще, и она их раздавала в большом числе. Желание получить от нее крест стало настолько всеобщим, что решили их делать очень много; это и послужило поводом и предметом процесса. Инквизиция велела отобрать все кресты, какие можно было отыскать; несколько таких крестов было в Вальядолиде и Мадриде. Х. Не надо, однако, путать сестру Луису де ла Ассенсион с такими лицемерками и ханжами, как Мария де ла Консенс-он в Мадриде, сестра Лоренса из Симанкаса, Магдалина де ла Крус в Кордове и подобные им. С большим основанием можно сравнить ее со святошей из Пиедранты и с несколькими другими, жизнь коих была чиста, невинна, религиозна и нелицемерна, и рассматривать возникшие на ее счет подозрения как результат ее иллюзий или ее чистосердечия в духовной жизни. Известная добродетель Луисы (кроме ее тщеславия) была признана монахинями Св. Клары в Каррионе и не только жителями этого города, но и жителями округ?. Слава погубила ее: люди расположены скорее подозревать притворство и лицемерие, чем верить в святость. Есть памятные записки, которые вопреки

Untitled

процессу вальядолидской инквизиции против Луисы де ла Ассенсион уверяют, что эта монахиня была образцом святости и стала жертвою чрезмерного усердия одних и недостатка рассудительности других. Если предположить, что ее иллюзия была реальна, ее нельзя упрекать ни в недобросовестности, ни в преступном намерении.

XI. 23 января 1639 года в Лиме, столице Перу, на общем аутодафе было семьдесят два осужденных. Из них трое были осуждены за то, что облегчали узникам средства сообщения друг с другом и с посторонними лицами; один двоеженец; пять по делу о колдовстве и шестьдесят три обвиненных в иудаизме. Они были португальцы или дети евреев этой страны. Одиннадцать были выданы в руки светской власти и сожжены живьем, как нераскаянные; один был сожжен фигурально, потому что повесился в тюрьме. На этом аутодафе появились с почетом, сидя на возвышении с пальмами кавалера, шесть человек, которые были арестованы вследствие показаний лжесвидетелей и успели доказать, что их несправедливо обвинили и что они постоянно были настоящими католиками. Среди упорствующих евреев был один, очень сведущий в Священном Писании, он просил, чтобы ему дали возможность поспорить с богословами, и привел в замешательство многих, которые были только невежественными схоластами. Другие, однако, доказали ему истинный смысл пророчеств, приводя их в связь с событиями, совершившимися после эпохи пророков.

XII. В Толедо было справлено аутодафе 30 ноября 1661 года. Оно состояло из тринадцати человек. В их числе были: один колдун, один богохульник, один мошенник,

Untitled

мнимый служитель инквизиции и восемь иудействующих португальцев или лиц португальского происхождения. Двенадцать были примирены. Тринадцатый - богохульник - был выдан королевскому судье Даймиэля, получив условное отпущение церковных наказаний: он был уже осужден на повешение за убийство своего тестя.

XIII. В Куэнсе инквизиция устроила 29 июня 1654 года общее аутодафе из пятидесяти семи осужденных. Десять из них были сожжены, остальные примирены. Они были иудействующие, за исключением одного лютеранина; почти все они прибыли из Португалии. Сожженные были испанцы, с детства воспитанные евреями в законе Моисеевом. История некоторых из этих осужденных интересна по особым обстоятельствам их процесса.

Таковы: 1) доктор Андреа де Фонсека, адвокат королевских советов, уроженец Миранды в Португалии, поселившийся в Мадриде, где он был одним из знаменитейших защитников своего времени. Он был уже примирен вальядолидской инквизицией, отрекшись в 1624 году как сильно заподозренный; однако он так талантливо и удачно сумел защитить себя в этом случае, что удовольствовались тем, что его объявили легко заподозренным и изгнали из Мадрида и Куэнсы на десять лет, заставив заплатить штраф в пятьсот дукатов. 2) Донья Изабелла Энрикес, его жена, уроженка Сан-Феличес-де-лос-Гальегос близ Сьюдад-Родриго, уже примиренная в Мадриде в 1623 году, разделила участь своего мужа и заплатила штраф в триста дукатов. Ее крепкое телосложение помогло ей вынести без последствий пытку, во время которой она упорно все отрицала. Она поженила юношу и девушку, детей

Untitled

португальских евреев, и была у них посаженной матерью. Хваля эту чету, она сказала: "Эти молодые люди - счастливики: они соблюдают закон Божий". Из показаний нескольких осужденных вытекало, что это был пароль и лозунг евреев, чтобы узнавать друг друга, когда они видятся впервые. 3) Симон Нуньес Кардосо из Лам его в Португалии, житель Пастраны, доктор медицины в университете Саламанки, штатный врач в Сифуэнтесе, примиренный инквизицией Коимбры. Он отрицал приписываемый ему рецидив иудаизма и противостоял мучениям пытки. Единственное его показание состояло в том, что его ложно обвинили в заключении договора с дьяволом и что поводом к этой молве послужило то, что в ухо к нему залетел большой слепень, который беспрестанно твердил: "Не говори о религии". Нуньес произнес отречение, как легко заподозренный, и был присужден к штрафу в триста дукатов и некоторым епитимьям. 4) Бальдассар Лопес, уроженец Вальядолида, сын португальских родителей, шорник королевских конюшен. В юности он ездил в Байонну, чтобы свободнее следовать Моисеевой религии. В 1645 году он вернулся в Испанию и привлек к иудаизму одного из своих родственников, приводя ему в доказательство того, что Мессия еще не приходил, октаву из поэмы Араукана Алонсо д'Эрсильи [146], которая кончается следующим стихом: "До времени, когда Бог позволит ему появиться". XIV. Он был задушен и сожжен по смерти. Обладая веселым характером, он шутил, даже когда шел на казнь. Один из сопровождавших его монахов увещевал его воздать благодарность Богу за то, что он войдет в рай

Untitled

бесплатно. "Что вы говорите, отец! Разве конфискация не забирает у меня двести тысяч дукатов, причем я даже не уверен, что сделка состоится?" Стоя на костре, он увидал, что палач плохо справился с удушением двух осужденных, и сказал ему: "Педро, если ты удушишь меня так же плохо, как этих бедняков, лучше тебе сжечь меня живьем". Когда его поставили перед столбом, палач хотел связать ему ноги. "Клянусь Богом, - сказал в раздражении Бальдассар, - если ты меня привяжешь, я не верю больше в Иисуса Христа. Возьми это распятие", - и с этими словами Бальдассар бросил его на землю. Монах вернул его к более христианским чувствам, и осужденный попросил тогда прощения у Иисуса Христа за нанесенное оскорбление и выразил раскаяние. Когда палач начал его душить, духовник, давший ему отпущение, спросил его, действительно ли он скорбит о своих грехах. Несмотря на то что Бальдассару было трудно говорить, он с живостью ответил палачу: "Разве, отец, вы думаете, что теперь время для шуток?" Отпущение было ему дано, его удушили, и он был сожжен. Если святой трибунал не достигает более искренних обращений, я не сомневаюсь, что он получает их во множестве из-за внушаемого им страха.

XV. 6 декабря 1654 года инквизиция Гранады справила аутодафе из двенадцати человек, наказанных за иудаизм. На нем была также статуя женщины, уже присужденной к епитимье кордовской инквизицией, изгнанной на десять лет из этого города, из Гранады и Мадрида и удалившейся в Малагу. Она была арестована вторично, потому что ее заподозрили в возвращении к прежней ереси. Она умерла

Untitled

внезапно в секретной тюрьме. Трибунал постановил вынести на аутодафе ее статую с санбенито примиренных. Я не читал ничего, что указывало бы, чтобы этот род изображения появлялся на казнях инквизиции до царствования Филиппа III. Процессы этого рода оканчивались вместе с жизнью обвиняемых, и этот обычай был даже основан на одном распоряжении верховного совета, декретированном 22 января 1582 года по случаю процесса Мигуэля Санчеса, умершего в тюрьме после осуждения. Правда, прокурор мог возбудить дело против памяти, погребения и имущества умершего, но в этом случае он был обязан вызвать родственников умершего, которые имели право его защищать. Когда это средство не употреблялось, дело не шло дальше. Изображения примиренных есть изобретение, оскорбительное для чести семейств; его виновники имели целью увеличение количества жертв. Этот результат может подтвердить общее мнение о духе, который не перестает вдохновлять руководителей инквизиции.

XVI. 13 апреля 1660 года инквизиция Севильи справила общее аутодафе из сотни осужденных. Здесь были: два двоеженца, три колдуна, один лжекомиссар инквизиции и девяносто четыре еврея. Из последних трое были сожжены живьем как нераскаившиеся, четверо задушены и тридцать три казнены фигурально; примирено было сорок шесть, семеро произнесли отречение, как сильно заподозренные, была также принесена статуя умершего примиренным.

XVII. Кроме публичных аутодафе и процесса, о котором я упоминал в главах XXIV, XXV и XXVI, при Филиппе IV было несколько частных дел, которые заслуживают стать

Untitled

известными из-за имени и ранга участвовавших в них лиц. Дон Родриго Кальдерой, маркиз де Сиете-Иглесиас (Семь церквей), секретарь Филиппа III, был привлечен к суду инквизицией, которая не успела его осудить, потому что он был обезглавлен в Мадриде в 1621 году в силу приговора королевских судей. Инквизиторы обвиняли его в употреблении колдовства и наваждения для возвращения королевского благоволения. Этот пункт был воспроизведен в обвинении прокурора мадридского трибунала, но судьи не придали ему никакого значения; они поступили совершенно правильно, так как маркиз, желая доказать, что он не употреблял никакого дьявольского приема, или если и употреблял его, то без результата, умолял короля из своей тюрьмы объявить некоторые факты, которые могли служить к его защите. Но монарх, без сомнения, не испытанный никаким влиянием колдовства, сказал меньше, чем желал обвиняемый. Известно, что маркиз был жертвой придворной интриги и что граф-герцог Оливарес [147] нанес непоправимый ущерб своей чести, хладнокровно глядя на казнь человека, который во время своего фавора оказал ему большие услуги.

XVIII. Дом Луис Алиага, архимандрит Сицилии, духовник Филиппа III и главный инквизитор, отказался от последней должности в 1621 году по приказу Филиппа IV. Вскоре после того как его преемником стал кардинал Сапата, он был привлечен к суду мадридской инквизицией за некоторые приписанные ему тезисы, заподозренные в лютеранстве и материализме. Алиага умер в 1626 году, и его процесс не пошел далее предварительного следствия. Можно думать, что при продолжении дела Алиага доказал

Untitled

бы, что стал жертвой интриганов, обманывавших короля, как было это в 1620 году при Филиппе III, когда маркиз де Сиете-Иглесиас был обвинен в отравлении Алиаги. Это обвинение судьи отвергли как не основанное ни на каких доказательствах. Если справиться с мемуарами того времени, этот монах заслужил свою опалу. Креатура герцога Лермы [148], он стал по своей низости и вероломству причиной падения этого вельможи и, вследствие этого, маркиза де Сиете-Иглесиаса, который был наказан за свои и чужие интриги преследованием, предпринятым против него этим презренным человеком. XIX. В 1645 году состоялся процесс дона Гаспара де Гусмана, графа-герцога Оливареса, фаворита и первого министра Филиппа IV. Он был привлечен к суду мадридской инквизицией при главном инквизиторе доме Диего де Арсе, который ему был обязан епископствами Туи, Авилы и Пласенсии. Дом Диего не забыл своего благодетеля; его мудрости герцог обязан благоприятным исходом дела, которое в других руках могло бы иметь самые губительные последствия. Герцог Оливарес впал в немилость в 1643 году. Вскоре к королю посыпались докладные записки с жалобами против бывшего министра, в которых он был обвинен в величайших преступлениях, что доказывает испанскую пословицу: "Каждый ломает ветку с упавшего дерева". В то же время предпринято было преследование герцога трибуналом, который принял все ложные донесения. Он был оговорен как верящий в гадательную астрологию, потому что советовался с несколькими лицами, слывшими за искусных в разгадывании будущего по положению созвездий. Его

Untitled

представили также врагом католической Церкви, несмотря на все его старания спрятать под лицемерным покровом свои истинные чувства. Это пытались доказать, уверяя, что он хотел отравить папу Урбана VIII. Называли даже аптекаря во Флоренции, который изготовил яд, и итальянского монаха, который взял на себя исполнение этого гнусного заговора. Наконец, предлагали представить доказательства всех злодеяний, в которых его обвиняли. Инквизиция велела начать предварительное следствие. Но дело шло медленно и появилась необходимость достать показания свидетелей из Италии, что затянуло первые формальности процесса, который еще не позволял выпустить приказ об аресте, когда герцог-граф умер.

XX. Сочинения иезуита Хуана Баутиста Поза были предметом занятий испанской и даже римской инквизиции почти все царствование Филиппа IV, в частности с 1629 по 1636 год. Я говорил в XXV главе этой Истории, в статье Бальвоа, о мемуаре, представленном университетом Саламанки против иезуитов. Целью его было помешать помещению в университете императорской мадридской коллегии, руководимой этими отцами.

Поза написал в защиту претензий своих собратьев. Его раскритиковали. На его ответ последовало возражение. Иезуит опубликовал новые доклады и, наконец, том этих статей - по-латыни - для Рима и по-кастильски - для Испании. Все эти сочинения были осуждены декретом римской инквизиции от 9 сентября 1632 года. Враги иезуитов желали, чтобы испанская инквизиция предприняла подобную же меру. Она давно отказывалась из боязни не угодить графу-герцогу Оливаресу, который

Untitled

пользовался тогда большим весом и духовник коего был иезуит. В это время Франсиско Роалес, уроженец Вальдеморо, доктор университета Саламанки, податель милостыни и советник короля, профессор математики и преподаватель кардинала инфанта дона Фернандо, опубликовал 5 октября 1633 года сочинение, наделавшее много шуму. Автор докладывает католической Церкви вообще и каждому ее члену, в частности верховному первосвященнику, другим епископам, трибуналам инквизиции и всем католическим государям, что сочинения Позы еретические и запятнаны атеизмом. Он рассказывает, что решил доказать истинность этого приговора самому Позе в частных беседах, а затем в присутствии семи иезуитов, назначенных их начальниками для присутствия при этой дискуссии по приказу короля, при герцогах Лерме и де Ихар, графах де Салинас и де Салданья и многих других грандах Испании. Он доказал на их глазах ложность ссылок и авторитетов, на которые опирается иезуит Поза. Этого выступления оказалось недостаточно, и он донес публично, под свою ответственность, испанской инквизиции на его учение как на еретическое, а автора и иезуитов, его защитников, заподозрили в ереси. Последние прибегли к преступным средствам для искажения истины; поэтому он считает необходимым опубликовать это сочинение и обвинить Позу и его защитников в формальной ереси и уклонении от суда. Он готов доказать это перед папой, королем, епископами, инквизиторами и согласен подвергнуться каре по закону возмездия, если вводил кого-либо в заблуждение, как только обвиняемые захотят явиться сами и вызвать его в суд перед каким бы

Untitled

то ни было трибуналом и в каком угодно месте. Он заявляет: если они откажутся от этой дискуссии, он будет продолжать оповещать на латинском языке весь католический мир, что Хуан Баутиста Поза - реформатор, фальсификатор, явный еретик, пропагандист и ересуарг. Он берется обнаружить это и доказать, что в отношении к своим апологиям Поза злонамеренно, а не по неведению защищал и продолжает защищать еретические тезисы, истинность которых он пытается доказать в глазах невежд, уродуя и искажая тексты Священного Писания, соборов и Отцов Церкви. Он берется также доказать, что руководители иезуитов и ученые ордена не только одобряют учение Позы, но еще назначили его учителем для публичного наставления в их императорской мадридской коллегии и что они стараются дискредитировать перед королем и советами Его Величества декреты конгрегации кардиналов главной римской инквизиции, чтобы принизить их значение. Наконец, в таком щекотливом деле он не может не обвинить их как подозреваемых в ереси в высшей степени.

XXI. Узнав об этом, Урбан VIII решил было объявить Позу еретиком. Но он не сделал этого из боязни не угодить мадридскому двору, первый министр коего был явным покровителем иезуитов. Он только лишил Посу звания профессора и потребовал, чтобы он был отправлен в иезуитский монастырь какого-нибудь городка Кастилии с запрещением проповедовать, учить и писать. Хотя иезуиты, произнося свой четвертый обет, обещают повиноваться папе без оговорки и, говоря вообще,

Untitled

являются чрезмерными сторонниками его неограниченной власти, они, однако, отказались повиноваться Урбану VIII, потому что видели поддержку в мадридском дворе. Вне Испании был незамедлительно опубликован труд Альфонсо де Варгаса, о котором я говорил в XXV главе этой

Истории и в котором автор раскрыл перед всеми изощренную хитрость, политическое вероломство и порочность учения иезуитов, генерал которых, стараясь извинить в Риме непослушание двух монахов, ссылаясь на невозможность исполнить приказания Его Святейшества ввиду запрета испанского короля. Таково было положение вещей, когда герцог Оливарес впал в немилость. Тогда запретили в Испании, так же, как давно уже сделали в Риме, произведения Позы. Сам он был приговорен к отречению от ересей, к которым, по-видимому, приводили некоторые его тезисы. Они, однако, не так часто встречались и не так подталкивали к опасным выводам, как утверждали его враги. Но последние были вдохновлены чрезмерной заботой о чести школы Св. Фомы и думали, что она уронит свое значение, если иезуиты добьются принятия для императорской мадридской коллегии предположенного ими учебного плана. Обе стороны неистово отстаивали свои интересы, католическая же религия была только предлогом этих скандальных выступлений. Слишком обыкновенный результат всех дискуссий, возникающих среди школьных богословов. XXII. Процесс другого иезуита, известного безнравственностью своих произведений, окончился гораздо удачнее. Я имею в виду Джованни Никколо де

Untitled

Диану, уроженца города Кальяри в Сардинии. Он был привлечен к суду инквизиторами этого острова за проповедь, произнесенную им в день праздника св. Люцифера [149], архиепископа Кальяри, пришедшийся в этот год на Троицкое воскресенье. Данное обстоятельство в связи с историей этого святого и отношением, которое он имел к арианской ереси, привело проповедника к тому, что он высказал несколько тезисов, сочтенных еретическими. Инквизиционный трибунал Сардинии повелел взять их назад. Но иезуит опубликовал свое оправдание и покинул остров, чтобы явиться в Испанию. Он предстал перед главным инквизитором и потребовал суда верховного совета. Тот, выслушав нескольких квалификаторов, аннулировал 19 декабря 1653 года приговор, произнесенный в Сардинии, и, не довольствуясь оправданием иезуита, избрал его одним из своих квалификаторов.

XXIII. В Сицилии был другой процесс, более щекотливого свойства - Али Арраэса Феррареса, прозванного ренегатом. Это был тунисский мавр, уважаемый монархом этой страны, командир. Его взяли в плен и отвезли в Палермо, но он был выкуплен и вернулся в Тунис [150]. Христианские рабы, жившие в этом городе, узнав о его прибытии, были удивлены тем, что с отступника взяли выкуп, а не отправили его в тюрьму святого трибунала. Трибунал, узнав о разговорах этих рабов-христиан, заявил, что ему было неизвестно, будто Али Арраэс Феррарес был христианином до исповедания магометанства и что он носил прозвище ренегата, которое могло родить подозрение. Али был захвачен вторично в 1624 году; хотя

Untitled

не было другого доказательства его отступничества, кроме молвы, он был заключен в тюрьму сицилийской инквизиции. Для установления улик его преступления выслушали множество свидетелей - сицилийских, генуэзских и других, которые знали его лично и выдали в Тунисе и других местах. Все единодушно показали, что Али имел прозвище ренегата, а некоторые добавили, что они по слухам знают, что он был христианином. Али отрицал этот факт. Однако трибунал признал его изобличенным и присудил к релаксации. Верховный совет решил, что преступление доказано не полностью, уничтожил приговор и приказал подвергнуть подсудимого пытке для получения новых улик и вынесения нового приговора. Али вытерпел мучения пытки и по-прежнему упорно все отрицал. Он нашел способ уведомить тунисского властителя о своем положении. Мавританский монарх получил его письмо в то время, как к нему привели пленников - брата Фернандо де Рейна, брата Бартоломео Хименеса, брата Диего де ла Торре и трех других кармелитов, которых захватили, когда они направлялись в Рим, чтобы дать отчет генералу их ордена по делам монастырей в провинции Андалусия. Тунисский монарх велел им написать сицилийским инквизиторам, чтобы те выпустили Али на свободу и получили выкуп, и объявить им, что в случае отказа он заключит в тесные тюрьмы и подвергнет пытке всех христианских рабов, находящихся в его власти. Монахи извинились, говоря, что они не знают инквизиторов, и выставляя другие доводы. Дело на этом и замерло. Между тем сицилийские инквизиторы задумали перевести своего узника в тюрьму, называемую Викария, но верховный совет

Untitled

приказал посадить его в застенки и заковать. В августе 1628 года Али воспользовался новым случаем написать туниисскому государю и сообщил ему, что он заключен вместе с христианским капитаном в темную и вонючую тюремную камеру, где им приходится удовлетворять свои естественные нужды; они терпят самое дурное обращение и почти умирают от голода. Когда письмо Али дошло до африканского монарха, испанские монахи вступили в переговоры о выкупе. Государь призвал их и, держа в руках письмо Арраэса (согласно тому, что писали они, с его разрешения, 2 сентября того же года сицилийским инквизиторам), сказал им: "Зачем хотят мучениями заставить этого ренегата стать христианином? Если не уничтожат инквизицию или, по крайней мере, если инквизиторы не пошлют этого человека вскоре на галеры с другими рабами, я велю сжечь всех христиан, которые находятся у меня в плену. Напишите им об этом от меня". Три монаха исполнили это приказание и добавили в своем письме: если правосудие и религия требуют смерти узника, инквизиция не должна бояться угроз, потому что они готовы, хотя бы в оковах, скорее претерпеть мученичество, если это нужно, чем одобрить дело, противное правосудию и религии. Туниисский монарх затем согласился на выкуп шести монахов. Однако Али Арраэс был еще в тюрьме в 1640 году, упорно отрицая, что он был крещен; к концу шестнадцати лет его заточения инквизиторы не получили больше доказательств, чем в первые дни. Туниисский государь предложил обмен Али на пленного священника. Сицилийская инквизиция отказалась принять это условие, говоря, что выкуп священника лежит на обязанности его

Untitled

родственников, а выпустить нераскаявшегося ренегата на свободу значило бы принять прямое и активное участие в его твердости в магометанстве и в его вечном осуждении. Инквизиторам представили, что их отказ может иметь самые пагубные последствия для всех христианских рабов в Тунисе. Это соображение было бесплодно и не тронуло их, как будто шестнадцатилетнего заключения не было достаточно, чтобы доказать инквизиторам, что Али умрет магометанином в их застенке. С другой стороны, разве не являлась великим беззаконием отсрочка суда над ним после такого продолжительного времени под предлогом, будто они ожидают новых обвинений, вопреки тому, что формально требует устав святого трибунала?

XXIV. Дело совершенно иного характера, наделавшее много шума в свете, занимало тогда в Мадриде верховный совет. В этом городе находился новый монастырь бенедиктинок во имя Св. Плакиды, в околотке прихода Св. Мартина. Первым духовником монастыря был брат Франсиско Гарсия, монах того же ордена, который в среде своей братии считался человеком умным и святым. Донья Тереза де Сильва (которая принимала активное участие в основании монастыря и в течение четырех предыдущих лет ничего не предпринимала без советов брата Франсиско) была назначена его настоятельницей, хотя ей исполнилось тогда только двадцать шесть лет. Это отличие было как бы наградой за ее хлопоты по учреждению монастыря, который своим возникновением был обязан щедрости ее семьи и протонотария Арагона, основавшего монастырь для нее. Община состояла из тридцати монахинь, которые, по-видимому, были добродетельны и

Untitled

избрали монашескую жизнь по собственному желанию, без всякой уступки тем семейным соображениям, которые приводят в монастырь других. В то время как новый монастырь пользовался хорошей репутацией, поступки и слова одной монахини заставили думать, что она находится в сверхъестественном состоянии. Брат Франсиско Гарсия прибег к заклинаниям бесов. 8 сентября 1608 года, в день Рождества Богородицы, объявили, что она одержима. Вскоре некоторые другие монахини оказались в таком же состоянии. В день ожидания родов Пресвятой Девы {Праздник ожидания родов Пресвятой Девы был установлен королем Рекисвинтом IX [151]. В Толедо, как и во всех церквах Испании, этот день торжественно празднуется 18 декабря.} настоятельница монастыря донья Тереза впала в него сама. То же почти тотчас же приключилось с четырьмя или пятью другими монахинями. Наконец, из тридцати монахинь двадцать пять были охвачены этой заразой. Можно судить о необычайных вещах, происходивших в общине тридцати женщин, заключенных в одном доме с двадцатью пятью бесами, настоящими или мнимыми, завладевшими их телом. Один из них по имени Перегрино был их главою, остальные ему повиновались. Относительно состояния девиц шли совещания между учеными и уважаемыми за добродетели людьми. Все думали, что монахини были действительно одержимы. Их духовник ежедневно повторял заклинания. Так как необыкновенные припадки участились и внушали иногда опасения, духовник не только приходил в монастырь, но и проводил там ночи и дни для возобновления заклинаний. Наконец он решил принести из

Untitled

дарохранительницы Святые Дары и выставить их в зале, где община собиралась для работы; перед ними молились в продолжение сорока часов. Эта исключительная сцена повторялась неизменно в течение трех лет. Было бы трудно сказать, когда бы это прекратилось, если бы не вмешалась проведавшая об этом инквизиция. В 1631 году она велела посадить в секретную тюрьму города Толедо духовника, настоятельницу и нескольких монахинь, которых вскоре разослали по разным монастырям. Брат Франсиско был оговорен как еретик-иллюминат; к этому прибавили, что монахини, которых он развратил, хотели скрыть свое состояние, прикинувшись одержимыми. После отвода, который выставили против главного инквизитора и некоторых членов верховного совета, и после нескольких жалоб королю, расследованных министрами, дело разбиралось в 1633 году. Духовник и монахини были объявлены заподозренными в ереси иллюминатов. На монаха падало сильное подозрение, на монахинь легкое. Их подвергли разным епитимьям и распределили по другим монастырям. Настоятельница была сослана, лишена права совещания в течение четырех лет и права голоса на двойной срок. По истечении его она вернулась в монастырь Св. Плакиды. Так как видели, что она ежедневно совершенствуется в добродетели, ее начальники приказали ей, под страхом наказания за непослушание, обратиться в верховный совет с просьбой о пересмотре процесса. Несмотря на свое смирение, настоятельница повиновалась, сказав, что она делает это не в защиту собственной чести, но ради чести всех монахинь и монастырей бенедиктинского ордена.

Untitled

Предприятие представляло большие затруднения; однако их преодолели благодаря сильному весу протонотария Арагона и графа-герцога Оливареса, который значил еще больше. Прошение доньи Терезы дышит чистосердечием и смирением. Рискуешь впасть в заблуждение в вопросах этого свойства, когда читаешь подобные писания. Тереза жалуется не на осудивших ее, но на брата Альфонсо де Леона, бенедиктинского монаха, который после долгой дружбы с братом Франсиско Гарсией стал его врагом и использовал этот случай для мести ему; на дома Диего Серрано, которому верховный совет поручил допросить монахинь и который, следуя советам брата Альфонсо, заставлял монахинь писать и подписывать то, что из-за спешки и страха они не отличили от своих действительных показаний, благодаря коварству Серрано, который утверждал, что это одно и то же; при допросе монахини заявляли, что брат Альфонсо обманывал их. Наконец, Тереза жалуется на трех монахинь, которые по частным причинам были недовольны ею и ее подругами. Когда был разобран вынесенный приговор, стало очевидно, что можно войти в обсуждение процесса с тем большей уверенностью, что, как бы ни судить о факте одержимости, ясно и бесспорно одно: здесь не только не было ни ереси, ни вредного учения, ни какого-либо повода подозревать его, но не замечалось даже малейшей непристойности или чего-либо не подходящего к характеру монахинь; всякое действие этого рода было невозможно, потому что брат Франсиско нигде и никогда не оставался наедине ни с одной из них, кроме исповедальни, и что, наоборот, ужас и скорбь монахинь были так велики, что, когда брат

Untitled

Франсиско бывал в монастыре, двадцать пять одержимых постоянно желали быть вместе на его глазах и действительно почти все находились с ним. Верховный совет признал в 1642 году полную невинность монахинь, но не брата Франсиско, потому что этот монах имел неосторожность - для удовлетворения своей любознательности о других вещах - вступать в сношения с бесами прежде их изгнания из тела монахинь. По вопросу о том, были ли они действительно одержимы или только прикидывались такими, Тереза сказала, что она может говорить только о том, что касается ее. Рассказав, что случилось с тремя из ее товарок, она присовокупила: "Находясь в этом состоянии и испытывая внутри столь необыкновенные движения, я подумала, что их причина не может быть естественной. Я прочитывала много молитв, прося Бога избавить меня от такого ужасного страдания. Видя, что мое состояние не изменяется, я неоднократно просила приора меня отчитать. Однако он не желал этого делать; он старался меня уговорить, что все рассказанное мною есть плод моего воображения. Я делала все, что от меня зависело, чтобы поверить его словам, но страдание заставляло меня ощущать обратное. Наконец, в день Богородицы "О" {Днем Богородицы "О" называют в Испании праздник девы Марии 18 декабря, о котором я говорил выше, потому что подготовительные перед праздником Рождества Христова антифоны начинаются в этот день с буквы О.} приор надел епитрахиль, много помолившись в этот день и попросив у Бога, чтобы он указал мне, находится ли бес в моем теле, обнаружил его или заставил перестать причинять страдания и боль,

Untitled

которые я испытывала внутри себя. Долго спустя после заклинаний, когда я чувствовала себя счастливой от ощущения свободы, потому что не испытывала более ничего, я вдруг впала в своего рода подавленность и бред, делая и говоря то, мысль о чем никогда не приходила мне в голову. Я начала испытывать это состояние, когда я положила на голову древо креста (*lignum crucis*). Оно, казалось, давит меня, как башня. Так продолжалось в течение трех месяцев, и я редко бывала в своем естественном состоянии. Природа дала мне такой спокойный характер, что даже в детстве я не была бойка и не любила ни игр, ни резвости, ни подвижности, обычных этому возрасту. Поэтому нельзя было не смотреть как на сверхъестественное дело, что, дойдя до двадцатishестилетнего возраста и став монахиней и даже настоятельницей, я стала делать сумасбродства, на которые никогда не была способна... Иногда случалось, что бес Перегрино, который играл роль старшего, находился в спальне второго этажа, когда я была в приемной, и он говорил: "Донья Тереза находится с посетителями? Скоро я заставлю ее прийти". Я не слыхала этих слов. Я тем более не видала Перегрино. Но я испытывала внутри невыразимую тревогу и быстро прощалась с посетителями. Я делала это, ничего не соображая. Я чувствовала присутствие беса, который был в моем теле. Без размышления я бросалась бежать, бормоча: "Господин Перегрино меня зовет". Я шла туда, где был бес. Еще не дойдя туда, я уже говорила о предмете, о котором там разговаривали и о котором я не имела раньше никакого понятия. Некоторые люди говорили, что мы из тщеславия

Untitled

притворялись, что находимся в таком состоянии, я якобы делаю это с целью привязать к себе монахинь. Но для того, чтобы убедиться, что не это чувство заставляло нас так поступать, достаточно знать, что из тридцати монахинь двадцать пять были в этом состоянии, а из пяти других три были моими лучшими подругами. Что касается посторонних лиц, мы более заставляли их бояться нас и бежать от нас, чем любить и добиваться... Были ли мои действия и мои слова свободны, один Бог может ответить за мое сердце. Он знает, как мало я заслужила, чтобы меня обвиняли. В это дело вложили столько злобы, что хотя каждое выражение и каждый факт были верны, если их разобрать отдельно и независимо друг от друга, вместе они образовали такую лживую и опасную совокупность, что я была не в силах рассказать откровенно все произошедшее, для доказательства невинности моей души. Таким образом, я чистосердечно давала оружие против самой себя, позволяя делать лживые и коварные выводы из моих слов. Однажды дом Диего Серрано, допрашивая меня, сильно оскорблял брата Франсиско и сказал мне: "Хотя вы считаете его человеком хорошим и святым, вы сослужите большую службу Богу, если расскажете, что знаете о нем, потому что слово или действие в связи с другим действием помогает открыть истину". Для удовлетворения его желания я постаралась припомнить, что могло быть принято в дурном смысле. Я вспомнила, что до принятия монашества я ему однажды сказала, что училась математике из повиновения воле родителей, на что он возразил: "Я очень рад этому; через эти познания ты вскоре приобретешь сведения о многих вещах,

Untitled

относящихся к натуральной философии". Он указал некоторые из этих вещей и прибавил: "Как можешь ты думать, что естественно, чтобы голая женщина меньше стыдилась показаться перед мужчиной, чем перед другой женщиной и наоборот?" Серрано велел секретарю записать эти слова и следующие как относящиеся ко мне: подсудимая выслушала и сочла это за верное и истинное учение. Я ему отвечала: "Я не принимала этого за учение, я только выслушала как тайну природы. Я не поверила этому и не придавала никакого значения, только это и следует записать". Дом Диего, выслушав меня, сказал: "Это все равно". На это я ничего не ответила. Когда мне предложили подтвердить мои слова, я была в приемной с двумя доминиканцами. Мне стало так стыдно, что я потеряла голос и была не в состоянии видеть или слышать то, что мне читали; я ничего не отвечала. Когда затем меня перевезли в Толедо, я убедилась, что моим словам не желают поверить. С этой мыслью я решила говорить только чистую правду; я так и поступила. Если мне возражали, я всегда отвечала: "Пусть пишут, что хотят, потому что я не знаю, что говорю". Это была правда, потому что мой ум был сильно подавлен. Сам дьявол не мог бы более превратно истолковывать некоторые факты. Однажды, когда я была на исповеди, я хотела посоветоваться с духовником о некоторых моих сомнениях; стыд удерживал меня и сковывал уста. Брат Франсиско побуждал меня объясниться. Я отвечала ему, что не могу говорить, потому что краснею от того, что хотела сказать. "Чего ты краснеешь, - сказал он мне, - имеющий в сердце любовь не смущается и не стыдится признания, каково бы

Untitled

оно ни было". Это была истина, выраженная наивно. Однако ее превратили в преступление, извлекая из нее положение: когда любят, не стыдятся. Оно содержало уже недобрый смысл. Таким же образом злоупотребили выражением "мягкость в обращении, единение" и другими подобными, чтобы обвинить меня в постыдных делах, которых никогда не было".

XXV. Этот рассказ подтверждает слова достопочтенного Палафокса, которые я постоянно вспоминаю в этой истории: "Чтобы создать процесс, далекий от истинных событий, как бы ни было похвально намерение тех, кому это поручено (особенно если речь идет о женщинах), достаточно немного дурного настроения со стороны того, кто допрашивает, немного желания доказать то, что хотят, со стороны секретаря и немного боязни со стороны того, кто отвечает. Из этих трех малых элементов вскоре вырастают чудовищное дело и клевета". Доказательство этого мы найдем в истории процесса, возбужденного против покровителя монахинь Св. Плакиды.

XXVI. Дон Херонимо де Вильянуэва, протонотарий Арагона, то есть государственный секретарь короля по делам этого королевства, в юности был секретарем инквизиции. Он был привлечен к суду этим трибуналом в эпоху опалы графа-герцога Оливареса, как его креатура и главный наперсник. Его обвинили в еретических тезисах, что послужило мотивом к его аресту в 1645 году. Он был посажен в секретную тюрьму и присужден к отречению. Приговор был исполнен 18 июня 1647 года. Как только он получил свободу, которую ему вернули, потому что он выполнил свою епитимью, он апеллировал к папе

Untitled

Иннокентию X, жалуясь на несправедливое обращение и на лишение средств защиты и заявляя, что он подчинился вынесенному против него приговору с целью удовлетворить пламенное желание выставить свои права перед беспристрастным трибуналом. Поэтому он просил пересмотра своего процесса судьями, назначенными Его Святейшеством. Дон Педро Наварро, богатый дворянин, друг Вильянуэвы, предпринял путешествие в Рим из сочувствия к нему, чтобы обеспечить успех дела. Хотя Филипп требовал от папы через своего посла высылки Наварро из Рима, Его Святейшество не только отказался исполнить это требование, но не захотел даже позволить, чтобы он был арестован и передан в распоряжение испанского посла. Он послал бреве с поручением епископам Калаоры, Сеговии и Куэнсы, уполномочивая всех вместе и каждого отдельно потребовать под угрозой отлучения документы процесса, расследовать их и судить Вильянуэву, подтвердив или отменив в целом или частично приговор, вынесенный против него толедскими инквизиторами и утвержденный верховным советом. До произнесения приговора они должны выслушать прокурора и обвиняемого и принять показания и улики, которые могут быть представлены с обеих сторон. Король, узнав об этой папской резолюции, уступил внушениям главного инквизитора дома Диего де Арсе и запретил епископам 3 сентября 1647 года принимать апостолическое поручение, если оно им послано, потому что оно противоречит правам его короны. У меня перед глазами ответ, посланный королю епископом Калаоры 8 сентября с обещанием точно исполнить его волю. Другие епископы дали такое же

Untitled

обещание. Это побудило папу перенести дело в Рим и приказать, чтобы туда были посланы материалы дела. 7 февраля 1648 года верховный совет сделал представление о том, что не надо обращать никакого внимания на посланный из Рима приказ, потому что он угрожает независимости испанской инквизиции, признанной и подтвержденной буллами различных пап. Король велел представить все это папе, но безуспешно, так как второе брeve подтвердило распоряжения первого. Верховный совет 17 июля 1649 года сделал королю новые представления. Он говорил об опасности того, что требуемые бумаги могут затеряться в пути, и выставил другие подобные доводы. Филипп IV велел послать папе все эти соображения, и Его Святейшество ответил, приказав изготовить буквальную копию со всех документов процесса и послать ее в Рим. Главный инквизитор продолжал упорствовать в своем противодействии папским приказам. Король назначил его председателем совета Кастилии в надежде, что, после того как он откажется от обязанностей главного инквизитора, будет легче выполнить без обиды для него требование папы. Но Дом Диэго де Арсе предпочел уступить этим претензиям, чем отказаться от своей должности. Процесс был послан в Рим, где Вильянуэва был оправдан. Противодействие и несправедливости, на которые папа натолкнулся в связи с этим процессом, побудили его послать второе брeve т 24 июня 1653 года, в котором он заявлял, что обнаружил большое количество нарушений в судопроизводстве по делу Вильянуэвы и обязывает главного инквизитора впредь наблюдать, чтобы правила точно соблюдались и

Untitled

чтобы в приговоре по процессам было больше справедливости, серьезности и осмотрительности. Несмотря на это последнее папское предостережение, вскоре возникли новые споры между римской курией и мадридским двором. Для достижения соглашения папа отправил в Мадрид нунция Франческо Манчини. Тот не мог добиться аудиенции у короля и был принужден обратиться 16 августа 1654 года от имени Его Святейшества к главному инквизитору. Последний взялся доказать, что своими действиями папа оскорбил короля, а относительно протонотария Арагона утверждал, что судопроизводство испанской инквизиции было исправно, окончательный приговор был продиктован правосудием, что признал сам папа. Но если это обстоятельство верно, надо думать, что папа выразил такое мнение до ознакомления с процессом, то есть до 1650 года. Когда судопроизводство очутилось в руках римского трибунала, то скоро открыли нарушения и беззакония. Здесь нечего удивляться, если припомнить случившееся с процессом Каррансы. Процесс Вильянуэвы без труда доказывает: дух инквизиции при Филиппе IV был тот же, что и при Филиппе II, трибунал веры являлся орудием в руках придворных интриганов; он постоянно пребывал в страхе, как бы процессы не попали в руки посторонних судей; наконец, это показывает, что инквизиторы не потеряли привычки подделывать или искажать подлинные документы, когда эти ухищрения служили их целям, несмотря на нелогичность, которая могла отсюда произойти, как это было видно в процессах Каррансы и Вильянуэвы.

XXVII. В это царствование было несколько других

Untitled

процессов, которые заслуживают упоминания только по имени обвиняемых. Это были: в 1629 году процесс донна Хуана Санса де Латраса, графа д'Атареса; в 1660 году процесс донна Хаиме Фернандеса де Ихары, герцога Ихары. Оба разбирались сарагосской инквизицией. Эти вельможи были обвинены в произнесении еретических тезисов; но улики, несомненно, были недостаточны, так как даже не было постановления о заключении в тюрьму оговоренных. Третий процесс - донна Педро д'Арруэго, сеньора де Лартоса, - относится к 1634 году. Этот испанец был оговорен как склонный к суевериям и лжебесноватый. Четвертый процесс был возбужден против Мигуэля Човера, который убил дома Хуана де Лесаэта, сарагосского инквизитора, имевшего близкую связь с его женой. Это событие относится к 1647 году. Обвиняемому пришлось много вытерпеть в тюрьме. Он избежал виселицы, отрицая факт, в котором его обвиняли, даже под пыткой, которой он подвергался несколько раз. Я видел в Сарагосе эти четыре процесса и множество других, о которых я не счел нужным говорить, чтобы не выйти из границ моего труда.

Глава XXXIX Об инквизиции в царствование Карла II

Статья первая Процесс королевского духовника

I. Карл II наследовал своему отцу 17 сентября 1665 года, в четырехлетнем возрасте, под опекой и регентством своей матери Марии-Анны Австрийской. Этот государь умер 1 ноября 1700 года после тридцатипятилетнего царствования. Главным инквизитором в это царствование после дома Диэго де Арсе был кардинал дом Паскаль Арагонский, архиепископ города Толедо, которого назначила королева; но он недолго занимал эту должность,

Untitled

потому что королева отставила его, доверив его полномочия своему духовнику, отцу Иоганну Эбергарду Нитгарду, немецкому иезуиту. Он вступил в должность в 1666 году и покинул службу через три года по приказу регентши. Он был замещен домом Диего де Сармиенто де Вальядаресом, епископом Овиедо и Пласенсии, который управлял инквизицией до своей смерти, происшедшей 23 января 1695 года. В том же году его заместил дом Хуан Томас де Рокаберти, архиепископ Валенсии и генерал ордена доминиканцев. Он умер 13 июня 1699 года. Королева поставила во главе инквизиции кардинала дома Альфонсо Фернандеса де Кордова-и-Агиляра, не отправлявшего обязанностей, к которым был призван, ввиду смерти вскоре после назначения. Обязанности главного инквизитора были поручены дому Бальдассару де Мендоса-и-Сандобалу, епископу Сеговии, который вступил в должность 3 декабря 1699 года.

II. Младенчество короля Карла II, честолюбие его брата дона Хуана Австрийского, надменный характер королевы-матери Марии-Анны Австрийской и макиавеллизм иезуита Нитгарда (который впоследствии был архиепископом Эдессы и кардиналом) послужили причиной многих скандальных происшествий этого царствования. Особенно следует отметить систему тайных средств, по-прежнему соблюдаемую инквизицией и благоприятствующую распространению клеветы. Она внушила Нитгарду смелость в злоупотреблении правами службы, дошедшую до преследования в качестве еретика королевского брата без всякого другого повода, кроме желания отомстить за некоторые личные оскорбления,

Untitled

допущенные этим принцем и заслуженные иезуитом. В XXVII главе я дал сведения об этом процессе, который мог иметь очень серьезные последствия, если бы Нитгард пробыл дольше в должности главного инквизитора. Слабость правительства сделала заносчивым поведение инквизиторов Кордовы, Гранады, Валенсии, Лимы и Картахены Американской и способствовала Множеству подобных покушений, в которых они были виновны и о которых я умалчиваю как о менее важных, чтобы не переступать границ моего труда.

III. Когда Карл II женился в 1680 году на Марии-Луизе Бурбон, дочери герцога Орлеанского и племяннице Людовика XIV, жестокость инквизиторов была так велика, а чувства народа так низменны, что думали угодить новой королеве и оказать ей достойную ее почесть, приурочив к брачным торжествам зрелище большого аутодафе из ста восемнадцати жертв, значительное число коих должно было погибнуть в огне и осветить последние моменты торжеств. К сожалению, в истории Испании уже были подобные примеры. В 1560 году в городе Толедо был дан подобный праздничный спектакль королеве Елизавете Валуа, а в 1632 году в столице Испании аналогичное торжество происходило по поводу рождения принца, сына королевы Елизаветы Бурбон [152]. По-видимому, для удовольствия французских принцесс не находили ничего лучшего, как представление им этих ужасных зрелищ, о которых говорили, что они внушаются ревностью к вере. Но я не верю, чтобы эти царственные француженки с удовольствием присутствовали при казнях, которые должны были возмущать их чувствительность,

Untitled

неспособную переносить то, что с давнего времени соответствовало испанским нравам.

IV. Из ста восемнадцати осужденных, появившихся на аутодафе, десять произнесли отречение от ереси как находящиеся в легком подозрении; в том числе были: два лицемера, которые под покровом напускной порядочности совершили очень серьезные проступки, две колдуньи, четыре двоеженца, женатый священник и один человек, который, не будучи священником, служил обедни. Другой осужденный произнес отречение от ереси в качестве сильно подозреваемого. Было там пятьдесят два иудействующих еретика, все португальцы или дети португальцев. Девятнадцать человек были выданы в руки светской власти: из них восемнадцать иудействующих, нераскаянных или рецидивистов, и один отступник, принявший магометанство. На этом аутодафе сожгли тридцать четыре изображения. Из них два с санбенито примиренных, потому что осужденные, раскаявшись, умерли в тюрьме. Из остальных тридцати двух было восемь изображений евреев, одно - лютеранина, одно - иллюмината и двадцать два - бежавших евреев. Лютеранин и иллюминат умерли в тюрьме нераскаянными.

V. Среди этих жертв я не встречаю ни одной, достойной быть отмеченной по своему рангу или положению в обществе. Я должен сказать то же самое о жертвах другого, частного аутодафе, проведенного в церкви королевского женского монастыря Св. Доминика 28 октября того же года. На нем появилось пятнадцать человек иудействующих примиренных, двое были

Untitled

присуждены к выдаче в руки светской власти, в силу окончательных приговоров, произнесенных перед общим аутодафе, но их казнь была отложена, потому что в ночь на 29-е они пожелали принести покаяние и просили о примирении. Некоторые рукописные заметки указывают, что многие другие осужденные избежали своей участи посредством подкупа второстепенных служителей трибунала. Я убежден, что это утверждение не имеет никакого основания, потому что служащие, о которых идет речь, имеют очень мало возможностей противодействовать окончательному приговору после ареста подсудимых.

VI. Самым знаменитым процессом, возбужденным инквизицией в царствование Карла II, был процесс духовника этого государя, брата Фроилана Диаса, доминиканского монаха, избранного епископом города Авилы. Обычная слабость здоровья государя и отсутствие детей, несмотря на желание их иметь, разделяемое королевой Марией-Анной Нейбургской [153], второй супругой короля, и всем народом, родили подозрение, что Карл II болен и страдает половым бессилием, вследствие сверхъестественного действия колдовства. Кардинал Портокарреро, главный инквизитор Рокаберти и духовник сочли такое положение дел результатом колдовства и, убедив в этом короля, просили его разрешить им отчитать его по церковному требнику. Карл согласился на это предложение и подвергся экзорцизмам своего духовника. Новизна этого средства подала повод ко множеству толков во всей Испанской монархии; Фроилан узнал, что другой доминиканский монах заклинал в городе Кангас де Тинео (в Астурии) монахиню с целью освободить ее от демонов,

Untitled

которыми она считала себя одержимую. Королевский духовник, по соглашению с главным инквизитором, поручил экзорцисту бесноватой при помощи обрядовых формул приказать демону объявить, правда ли, что Карл II околдован, и в случае утвердительного ответа заставить его открыть сущность этого колдовства: пожизненно ли оно или связано с тем, что король ел или пил, с изображениями и другими предметами, где можно их отыскать и, наконец, нет ли какого-либо средства для уничтожения его действия. Духовник прибавил еще несколько других вопросов и предписал экзорцисту повторять заклинания извести их со всей настойчивостью и энергией, которых требуют интересы короля и благо государства.

VII. Доминиканец города Кангас сначала отказался спрашивать демона, ссылаясь на то, что это запрещено Церковью; однако, получив уверение главного инквизитора, что это Действие не будет преступно в данных обстоятельствах, экзорцист точно выполнил все, что от него требовалось. После великого множества отговорок демон открыл (как говорят) через посредство одержимой, какого рода была порча, напущенная на короля поименованным лицом; прибавляли, что это разоблачение сопровождалось множеством крайне щекотливых подробностей. Согласно тайным заметкам того времени виновным оказывался агент венского двора; но кардинал Портокарреро и духовник Диас были сторонниками Франции в деле наследования испанского престола.

VIII. Королевский духовник был сильно встревожен и

Untitled

решил усилить заклинания, чтобы выяснить средства для уничтожения мнимого колдовства. Эта новая процедура еще не закончилась, как Рокаберти заболел и умер. Его преемником стал дом Бальдассар де Мендоса, епископ Сеговии, сторонник австрийского дома, который дал понять королю, что все происшедшее являлось единственно делом неразумного усердия его духовника, которого необходимо удалить. Король последовал этому совету и назначил Фроилана на епархию города Авилы. Но новый инквизитор, не довольствуясь задержкой в изготовлении буллы, велел привлечь Диаса к суду, как заподозренного в ереси за его суеверие и как виновного в следовании учению, осужденному Церковью, так как он допускал доверие к демонам и пользовался ими для обнаружения сокровенного. Мендоса руководил этим обвинением рука об руку с новым королевским духовником Торресом Пальм-осом, уроженцем Германии, противником Фроилана Диаса в управлении делами доминиканского ордена. Торрес, который не менее Мендосы желал гибели Фроилана, передал Мендосе письма, полученные из города Кангас во время процедуры с заклинаниями и найденные в бумагах Диаса.

IX. Мендоса велел заслушать свидетелей и, соединив важную часть их показаний с краткой сводкой из писем экзорциста и допросом обвиняемого, решил воспользоваться всем этим для доказательства виновности Диаса. Он собрал пятерых преданных ему богословов и дал им в председатели дома Хуана Арсеменди, члена совета инквизиции, а секретарем сделал дома Доминго де ла Кантелью, чиновника секретариата верховного совета.

Untitled

Однако, несмотря на интриги главного инквизитора, пять квалификаторов заявили единодушно, что процесс не представляет ни одного тезиса и ни одного факта, который заслуживал бы богословского осуждения.

X. Этот результат очень не понравился Мендосе, но, сильно рассчитывая на свое влияние в совете, он предложил все-таки арестовать Диаса. Эта попытка не удалась, как и первая: члены совета отказались одобрить эту меру как несправедливую и противную законам инквизиции, долженствующей действовать согласно решению пяти квалификаторов. Это сопротивление разозлило главного инквизитора, который решился написать приказ, подписал его и отправил в совет, распорядившись зарегистрировать его по обычной форме. Члены совета ответили, что они не могут исполнить эту формальность, которая кажется им незаконной, так как резолюция не была принята большинством голосов.

Произошел конфликт между советом и его начальником.

XI. Между тем Диас, боясь за свою жизнь, решил бежать в Рим. Мендоса, рассчитывая на влияние королевского духовника, через его посредство убедил государя, что бегство Диаса является новым покушением на права его короны, ввиду того что всякое обращение к папе против испанской инквизиции запрещено его подданным.

Благодаря этой интриге Мендоса добился письма от Карла II к его посланнику в Риме, герцогу Уседе, которому было поручено задержать Диаса и переправить его под усиленной охраной до порта Картахены.

XII. Анонимный автор анекдотов римской курии утверждает, что Диас ездил в Рим для того, чтобы показать папе

Untitled

завещание Карла I, которым этот государь передавал испанскую корону Филиппу Бурбону [154], и что его возвращение на полуостров в качестве пленника явилось следствием придворной интриги. Ничто не доказывает, чтобы утверждение автора было верно, и я предпочитаю думать, что аноним ошибся. Главный инквизитор велел заключить Фроилана Диаса в инквизиционную тюрьму Мурсии и отдал приказ инквизиторам привлечь его к суду. Инквизиторы назначили квалификаторами девять самых ученых богословов епархии, которые единогласно голосовали, подобно квалификаторам верховного совета; вследствие этого решили, что не было повода к приказу об аресте Диаса. Главный инквизитор, раздосадованный более чем когда-либо, отправил в Мурсию множество чиновников инквизиции, которые доставили пленника под военной охраной в Мадрид, где он был заключен в келью доминиканского монастыря Св. Фомы.

XIII. Мендоса перенес дело в высшую инстанцию и приказал прокурору совета инквизиции дону Хуану Фернандо де Фриасу Саласару обвинить Диаса как еретика и даже учащего ересиарха за то, что он утверждал, будто позволительно иметь сношение с демоном, чтобы научиться искусству исцеления больных, и доверял могуществу этого отца лжи [155], убеждая людей подчиняться его ответам и исполнять его предписания.

XIV. Между тем Карл II умер, и прошло много времени, пока Филипп V получил возможность внимательно заняться раскрытием всех хитростей и интриг главного инквизитора; этому препятствовала война, которую он принужден был вести против австрийского эрцгерцога Карла, впоследствии

Untitled

императора германского [156].

XV. Наконец, послушав нескольких своих близких советников, 24 декабря 1703 года, он передал дело кастильскому совету. 24 января следующего года члены совета доложили королю, что приказ об аресте Диаса состоялся вопреки закону и обычаю, вопреки уставу и правилам святого трибунала, по деспотическому злоупотреблению властью, и просили Его Величество обуздать это насилие, объявив недействительным все сделанное после суждения квалификаторов. Они прибавили, что процесс должен рассматриваться как находящийся на той стадии, на которой его оставила квалификация, и продолжаться согласно закону, причем следует потребовать под страхом самого сурового наказания, чтобы главный инквизитор передал в совет инквизиции все документы судопроизводства в Мурсии и Мадриде. Согласно этому решению был изготовлен королевский указ, и верховный совет определил, чтобы Фроилан получил свободу и был освобожден от суда.

XVI. При всем этом процесс представляет несколько анекдотов, достойных замечания. Демон, владевший бесноватую города Кангас, "утверждал, что Бог допустил околдование особы короля и не позволяет теперь снять его, потому что святейшее таинство евхаристии происходило в церкви без свечей и лампад, потому что монашеские братства умирали с голоду, потому что госпитали были закрыты и потому что души в чистилище страдали с тех пор, как не служили больше заупокойных литургий о них, и потому что король не отправлял правосудия в пользу Распятого, который этого требовал".

Untitled

Демон другой бесноватой, заклинаемый в Мадриде, предлагал сказать правду относительно виновника околдования в часовне Богородицы доминиканского монастыря в Аточе; он прибавлял, что это послужит к увеличению поклонения иконе Богородицы в этой церкви, которая тогда не пользовалась известностью. Третий демон был спрошен в Германии. Но, кажется, три бедняги черта были между собой согласны только в покровительстве церквам и братствам доминиканских монахов - может быть, потому, что главный инквизитор Рокаберти, королевский духовник Диас и три экзорциста были доминиканцами. Один из трех демонов внушал, что королева сама принимала участие в колдовстве; но надо думать, что это обстоятельство не помешало бы королю восстановить возможность иметь детей. Процесс состоит из четырех документов более чем в тысячу листов; если бы его напечатать, он навел бы на многие размышления. Статья вторая ОБСУЖДЕНИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНКВИЗИТОРАМИ

I. В царствование этого же государя была созвана великая хунта, составленная из двух членов государственного совета, двух членов от каждого из советов Кастилии, Арагона, Италии, Индии, военного и финансового управления, королевского секретаря и помощника секретаря канцелярии северного государства.

Министр-секретарь короля выразился следующим образом: "Пререкания, происходящие в делах всякого рода между инквизиторами и светскими королевскими судьями по вопросам юрисдикции и привилегий, настолько умножились, что возникли значительные затруднения,

Untitled

которые тревожат спокойствие народов и препятствуют отправлению правосудия, как это заметно в некоторых провинциях, вследствие постоянных протестов, к которым прибегают их власти, действуя одна против другой. Эти мотивы побуждают короля поручить собранию выработать точное, ясное и определенное правило для предупреждения подобных злоупотреблений, правило, способное обеспечить трибуналу инквизиции должное уважение и в то же время послужить преградой для инквизиторов, которые пожелали бы вмешаться в дела, посторонние установлению святого трибунала". Король приказал, чтобы шесть советов, которые послали каждый по два человека для образования хунты, сообщили ей все бумаги по предмету, предложенному королем для их обсуждения.

II. 21 мая 1696 года великая хунта сделала доклад, в котором говорилось следующее: "Хунта из разбора доставленных ей бумаг убедилась в давности и общности для всех владении Вашего Величества, где учреждена инквизиция, беспорядка, царящего в различных юрисдикциях вследствие неутомимого старания инквизиторов постоянно расширять свою власть с таким произволом и с такой несдержанностью в отношении обычая, обстоятельств и лиц, что они почти ничего не оставляют для светской юрисдикции, захватывая власть тех, кто должен отправлять правосудие. Нет такого рода дел (как бы ни были они чужды учреждению и их прерогативам), расследования которых они не присвоили бы себе под каким-либо более или менее призрачным предлогом. Нет ни одного человека (как бы он ни был

Untitled

независим от их власти), с которым они не обходились бы так, как если бы он был им непосредственно подчинен, принуждая его повиноваться их декретам, приговаривая его к церковным наказаниям, штрафам, тюрьме и (что еще более пагубно) покрывая его имя бесчестием, неразрывно связанным с этими карами.

III. Ничтожнейшее оскорбление, малейшая несправедливость по отношению к их слугам порождают месть, и они сыплют наказания, как будто бы было налицо преступление против религии, не соблюдая ни правил, ни меры. Они не только распространяют свою юрисдикцию на собственных чиновников и зависящих от них лиц, но с подобной же суровостью применяют ее к делам, относящимся к их рабам. Для них недостаточно избавления от всякой повинности и налога личности и имущества их должностных лиц, как бы ни были велики привилегии, дарованные тем и другим. Они претендуют еще на то, чтобы их дома пользовались правом убежища, чтобы ни один преступник не мог быть там задержан, даже в силу приказания суда. Если, вопреки их притязаниям, светская власть захочет воспользоваться своим правом, повелевая схватить преступников, они дерзают жаловаться на это, как на церковное святотатство.

IV. Они обнаруживают в ведении дел и в стиле официальной переписки намерение ослабить в умах народа должное уважение к светским королевским судьям и даже заставить презирать власть высших магистратов. Они заслуживают порицания не только по отношению к вопросам спорным и касающимся правосудия; они присваивают себе какую-то независимую манеру

Untitled

рассуждать о вопросах управления и государственного хозяйства, заставляющую их не признавать прав государя. V. Действие стольких злоупотреблений породило жалобы со стороны подданных, распри среди министров, уныние в судах и необходимость тягостных забот, которые Ваше Величество часто возлагало на себя для решения споров и взаимных претензий. Такое положение уже в начале деятельности инквизиции показалось настолько невыносимым императору Карлу V, что в 1535 году он счел необходимым приостановить пользование светской юрисдикцией, которую король Фердинанд, его дед, даровал инквизиторам. Эта приостановка длилась десять лет в королевствах Испании и Сицилии, до той поры, когда принц дон Филипп, управлявший монархией в отсутствие своего отца, восстановил святой трибунал в его правах, хотя с ограничительными мероприятиями, которые, впрочем, плохо соблюдались впоследствии. Крайняя умеренность, проявляемая в обращении с инквизиторами, внушила им смелость кичиться этой терпимостью и настолько забыть о благодеяниях, полученных от благочестивой щедрости наших королей, что они с чрезвычайным упорством осмеливаются утверждать, будто юрисдикция, которой они пользуются по отношению к делам и личностям их служителей, должностных лиц, чиновников и слуг, есть апостолическая, церковная, независимая ни от какой светской власти, как бы могущественна она ни была. Эту претензию трибуналы инквизиции предъявляют для расширения своих привилегий и власти над личностями, предметами и вопросами, которые от них не зависят; поэтому они обычно

Untitled

применяют церковные наказания в делах, не относящихся к церковной дисциплине, чтобы обходить королевские резолюции, законы и приказы.

VI. Однако, государь, вся юрисдикция, используемая судами инквизиции над мирянами в делах, не касающихся ни нашей святой католической веры, ни христианской религии, принадлежит Вашему Величеству. Она только ваша уступка, чисто временная и подчиненная ограничениям, изменениям и отменам, которые Ваше Величество может внести в силу своей независимой и суверенной воли. Эта истина настолько ясна и очевидна, что она может казаться темной только тому, кто закрывает глаза, чтобы не видеть света.

VII. Неблагодарные, они не признают особенной милости, полученной ими; они отрицают свою зависимость от Вашего Величества, от которой только вы можете их освободить. Отказываясь подчиняться каноническим законам, которые они знают, апостолическим буллам, которые они видели, и королевским приказам, имеющимся в их архивах, они выдумывают доводы и вздорные предлоги, не имеющие никакого основания для оправдания своих посягательств и покушений.

VIII. Хунта, принимая во внимание, насколько предпринятые до сих пор меры оказались недейственными... не колеблется ни на одно мгновение предложить как последнее средство отмену прав, которые святой трибунал получил от предшественников Вашего Величества... {Эта мера предлагалась неоднократно, но всегда бесполезно. См. гл. XXVI.} Но, придерживаясь того, что более в ваших намерениях, она предлагает Вашему

Untitled

Величеству на первый раз приказать, чтобы в вопросах и делах, не догматических, не церковных и не имеющих своим предметом веры... инквизиторы не могли действовать путем отлучения и церковных кар, а только согласно форме и порядкам, известным и соблюдаемым королевскими судьями... Когда пользование светской юрисдикцией в трибуналах инквизиции будет подчинено правилам, очень важно предписать, чтобы все лица, которые будут арестованы по распоряжению инквизиции (по поводам, посторонним вере и вопросам, к этому относящимся), были помещаемы в королевских тюрьмах в качестве узников святого трибунала и чтобы с ними обращались установленным инквизиторами образом сообразно сущности дел и обстоятельств. Благодаря этому средству подданные избегнут непоправимого ущерба, причиняемого им, когда по гражданскому или уголовному делу, не зависящему от предметов веры, их заключают в тюрьмы святого трибунала. Ибо от быстрого распространения слухов, что они арестованы по приказу инквизиции и находятся в ее тюрьме, без возможности судить о поводе и секретности заключения, проистекают для них и их семейств потеря доверия и большие затруднения при желании получить должности и почести {Это предложение не было исполнено, и инквизиторы продолжали, как и прежде, заключать подсудимых в свои секретные тюрьмы.}.

IX. Ужас, внушаемый всем одной только мыслью о тюрьмах святого трибунала, так велик, что в 1682 году, когда служители этого трибунала прибыли к одной женщине в Гранаде с намерением ее арестовать за то, что она вела

Untitled

некоторые маловажные разговоры с женой секретаря инквизиции, она настолько испугалась, что во избежание ареста кинулась из окна и сломала себе обе ноги: смерть ей казалась менее ужасной, чем несчастье попасть в руки святого трибунала. Хотя верно, что некоторыми распоряжениями инквизиция обязывалась иметь двойного рода тюрьмы: одни, предназначенные для заключенных по делу ереси, а другие для обвиняемых в различных проступках, тем не менее известно, что инквизиция не сообразовалась с данными ей предписаниями; вместо того чтобы обращать внимание на важность дел, инквизиторы руководствовались только чувством злопамятства и личной ненависти, часто ввергая в свои самые ужасные тюрьмы людей, которые не совершили иного проступка, кроме обиды или неуважения к некоторым близким инквизиции лицам.

X. Все лица, арестованные в силу резолюций советов Вашего Величества и государственного совета или по вашему личному приказу, заключаются в королевские тюрьмы. Нет повода иначе обращаться с лицами, которых арестовывают инквизиторы, когда идет речь о делах чисто гражданских, и терпеть гибельные последствия, испытываемые множеством уважаемых фамилий.

Противоположное поведение, которого придерживаются инквизиторы, не имеет другого повода, кроме поддержания (даже при этих обстоятельствах) совершенной независимости, которую они всюду демонстрируют.

XI. Другой пункт, не менее существенный, состоит в том, чтобы Ваше Величество соблаговолили приказать, чтобы в случаях, когда инквизиторы... употребят путь церковных

Untitled

наказаний, заинтересованные лица могли жаловаться на это как на злоупотребление... и чтобы по требованию прокурора Вашего Величества трибуналы королевских судебных палат приняли на себя расследование этих апелляций и выносили приговор, сообразуясь с обычаем и с формами, принятыми при жалобах на церковных судей, выходящих из границ их юрисдикции... Судам Вашего Величества необходимо поручить расследование апелляций против злоупотреблений не только когда речь идет об ограничении юрисдикции инквизиторов (это хунта предлагает сейчас) в обстоятельствах, когда они превысят свои полномочия, употребляя церковные наказания в делах чисто гражданских, но и во всех случаях, когда эта мера нужна в отношении церковных судей. Совет Кастилии, проникнутый важностью этого мероприятия, несколько раз уже предлагал это на ваше благоусмотрение {См. гл. XXVI. Эта попытка не имела успеха, как и все, что придумывали раньше.}.

XII. Третий пункт, необходимый для пресечения постоянных пререканий между инквизиторами и судами Вашего Величества, состоит в определении точным образом, какие лица имеют право пользоваться привилегиями инквизиции, и в установлении практики этого пользования, чтобы устранить беспорядок и злоупотребления в этом деле. Для этого нужно разделить всех лиц на три класса. Первый должен состоять из родственников, слуг и сотрапезников инквизиторов, второй - из чиновников святой инквизиции, третий - из должностных лиц, штатных служителей и служащих в трибунале по найму.

XIII. Что касается первых, хунта должна обратить внимание

Untitled

Вашего Величества на то, что, согласно имеющимся у нее документам, наиболее частые и наиболее сильные пререкания между трибуналами инквизиции и королевскими судами возникают из-за лиц, близких к инквизиторам и воображающих без всякой разумной причины, что они, подобно самим инквизиторам, должны пользоваться всеми активными и пассивными привилегиями инквизиции. Таким образом, если кто-нибудь позволит себе по какому бы то ни было поводу нанести самое легкое оскорбление кучеру или лакею инквизитора; если рассыльный или служанка инквизитора ходят на рынок за покупками и им не дают товаров лучшего сорта; если прислугу заставляют дожидаться или говорят с ней менее вежливо, чем с другими, - во всех этих случаях инквизиторы немедленно начинают говорить об арестах, заключениях в тюрьму и церковных карах. Так как суды Вашего Величества не могут отказаться от защиты своих прав и терпеть, чтобы ваши подданные, переносящие такие нападки и преследования, подвергались другому суду, то часто вытекают отсюда споры, послужившие поводом для величайших соблазнов в государствах Вашего Величества...

XIV. Эта привилегия не может иметь никакого полезного последствия для авторитета инквизиции и не может сделать службу в ней более выгодной. Она была и теперь еще является причиной самых плачевных сцен, когда инквизиторы позволяют себе поступки, весьма далекие от осмотрительности, с какою они должны себя вести, и даже от приличия, которое им никак не позволительно забывать. Поэтому следовало бы устранить опасность, которой они

Untitled

подвергают себя и которая так часто компрометировала их репутацию; следовало бы уничтожить во всех государствах Вашего Величества злоупотребление, являющееся причиной того, что ливрея лакея инквизитора дает отличие и вводит во владение привилегиями, которые ставятся выше страха и уважения к судам Вашего Величества; необходимо положить конец тому, что различные юрисдикции вовлекаются в непрерывную борьбу из-за права вмешательства, которого не существует в наших законах и которое причиняет столько раздоров при отправлении правосудия...

XV. Государь, хунта признает, что посягательства, которые позволяют себе трибуналы инквизиции, делают необходимыми самые энергичные мероприятия. Ваше Величество, вы помните доклады, доставленные вам уже давно; вы ежедневно получаете сообщения насчет новшеств, которые инквизиторы стремятся ввести и действительно устанавливают во всех владениях монархии, и насчет беспокойства, в котором они держат контрагентов вашей власти... Сколько несчастий могло бы возникнуть как последствие того, что произошло в Картахене Американской, в Мексике, в Пуэбло, а также в окрестностях Барселоны и Сарагосы, если бы неутомимое внимание Вашего Величества не устранило их самыми действенными мерами. Однако инквизиторы упорствуют в своей системе, потому что они уже привыкли все позволять себе и считают повинование необязательным.

XVI. Судам, которые являются свидетелями этих незаконностей, надлежит обратить внимание Вашего Величества на то, что лучше всего согласуется со службой

Untitled

вам. Что касается хунты, то она полагает относительно предмета, предложенного Вашим Величеством на ее обсуждение, что она исполнит возложенную на нее обязанность, если предложит четыре следующих главных пункта: 1) чтобы инквизиция в гражданских делах не могла употреблять церковных наказаний; 2) чтобы в случае, если она их применит, суды Вашего Величества были уполномочены воспротивиться этому находящимися в их власти средствами; 3) чтобы привилегии инквизиционной юрисдикции были введены в тесные границы по отношению к служителям и чиновникам инквизиции и к родственникам инквизиторов; 4) чтобы были установлены приемы для быстрого производства дел о подсудности и о взаимных претензиях".

XVII. Граф Фригильяна, член государственного совета, присовокупил, что следовало бы обязать инквизиторов вести отчетность сумм, принадлежащих святому трибуналу. Будучи наместником королевства Валенсия и желая применить эту меру к инквизиторам своей области, он не мог ничего добиться; как будто имущества, конфискованные ими, не принадлежали королю по тому же праву, по какому принадлежали ему поступившие в государственную казну в силу решений других трибуналов. Эти замечания и проект, представленный чрезвычайной хунтой, остались без последствий, потому что главный инквизитор Рокаберти сумел при помощи интриг, поддержанных королевским духовником Фроиланом Диасом, который был подчинен ему как монах, получить благосклонность короля. Что произошло бы, если бы хунта добилась исполнения суровых мер, которые считала

Untitled

необходимыми?

XVIII. Это совещание, которое, по-видимому, было устроено для возвращения порядка ведения дел к истинным правоосновам, само допускает несколько ошибок в юриспруденции. Так, например, оно утверждает: если узурпации инквизиторов, которые они себе позволяют в отношении светских судов, одобрены буллами, то их позволительно совершать. Но это не должно удивлять, ибо эпоха, о которой я говорю, была временем господства крайне ультрамонтанских мнений в канонической юриспруденции. Следует гораздо более изумляться тому, что все вышеизложенное могло быть высказано среди стольких заблуждений и что нашлись достаточно сведущие люди для поддержки принципов, которые очень немногие из испанских юрисконсультов того века осмелились бы защищать.

Статья третья Проповедь, сказанная инквизиторам Сарагосы

I. В 1693 году позволили напечатать указ главного инквизитора, запрещающий чтение произведений Баркляя как содержащих несколько еретических тезисов, между прочим тот, который утверждает, что папа не имеет права низлагать королей и освобождать подданных от присяги в верности, и другой, который ставит верховного первосвященника ниже Вселенского собора. Таково было расстройство, царившее в сфере идей и в состоянии знаний в несчастное царствование Карла II. В подтверждение сказанного я приведу проповедь этой эпохи, которая была сочтена достойной чести напечатания. Она была произнесена братом Мануэлем

Untitled

Геррой Рибейрой, матуринским монахом, доктором богословия, профессором Саламанкского университета, королевским проповедником, синодальным экзаменатором Толедской архиепископии и трибунала апостолической нунциатуры. Он произнес эту проповедь в церкви францисканского монастыря в Сарагосе перед арагонскими инквизиторами 1 марта 1671 года, в воскресенье Великого поста, в день чтения ежегодного указа о доносах. Основой проповеди он избрал положенное на этот день место из Евангелия, которое повествует об изгнании Иисусом немого демона и о негодовании фарисеев, утверждавших, что он делает это именем и силою Вельзевула, князя бесовского. Вся его речь была рядом аллегорий, составленных в похвалу святого трибунала и соединенных с возмутительной непристойностью и с нелепым искажением слов Евангелия.

II. Пусть судят об этом по следующим выдержкам. Вступление гласит так: "В первый день марта Моисей открыл скинию, Аарон облачился в первосвященнические одежды, и старейшины колен обещали повиноваться его законам, потому что в первый день марта надлежало открыть церковь Св. Франциска Ассизского в Сарагосе для обнародования апостолических декретов, повелевающих доносить на еретиков инквизиторам, заместникам верховного первосвященника; первые жители города должны были дать здесь обещания верно исполнять эти приказы. Аарон был инквизитором закона, и ныне его представляют инквизиторы Арагона. Иисус Христос был обвинен в суеверии - это преступление инквизиторов. Итак,

Untitled

я сведу свою речь к двум пунктам: первый - обязанность доносить; второй - святость службы судьи-инквизитора...

III. Первый пункт. Религия есть войско; каждый солдат должен извещать своего начальника, если он знает, где находятся враги; если он этого не делает, он заслуживает наказания как изменник. Христианин - воин; если он не доносит на еретиков, он изменяет; по справедливости он будет наказан инквизиторами. Св. Стефан просил Бога, когда его били камнями, не вменять его гонителям их греха. Но эти люди совершили два греха: они согрешили против него, избивая его камнями, и против инквизиции, противясь Духу Святому. Он просит милости у Бога к своим врагам за преступление его умерщвления, и он может это делать. Но он не старается получить для них прощения за другой грех, потому что он видит инквизицию и грех уже объявлен самому Богу. Иаков покидает дом своего тестя Лавана с Рахилью, не прощаясь с ним. Почему он не оказывает уважения, приличествующего зятю? Потому что Лаван - идолопоклонник. Когда идет речь о вере, надо предпочесть религию человеческим соображениям; следовательно, сын должен донести инквизиции на отца, если тот оказался еретиком. Моисей стал инквизитором против своего деда по усыновлению фараона, утопив его в море, потому что он был идолопоклонником, и против своего собственного брата Аарона, упрекая его за согласие на литье золотого тельца; итак, когда существует проступок против инквизиции, не следует принимать во внимание родство. Иисус Навин стал инквизитором против Ахана, повелев его сжечь за то, что он похитил часть добычи из Иерихона, которая должна была быть сожжена; итак,

Untitled

справедливо, что еретики умирают в огне. Ахан был начальником колена Иудина; тем не менее на него был сделан донос; итак, на всякого еретика следует доносить, хотя бы это был принц королевской крови...

IV. Второй пункт. Петр был инквизитором против Симона-волхва; [157] итак, уполномоченные и заместители наместника Петра должны карать волхвов. Давид стал инквизитором против Голиафа и против Саула; он был суровым инквизитором по отношению к первому, потому что Голиаф своевольно издевался над религией; он был снисходителен ко второму, потому что Саул действовал не вполне свободно, так как был одержим злым духом; инквизитор Давид смягчил суровость своего правосудия, услаждая приятными звуками арфы слух Саула; итак, камень и арфа означают меч и оливу службы инквизитора. Книга Апокалипсиса запечатана семью печатями, потому что она изображает судопроизводство инквизиции, которое ведется так тайно, что кажется запечатанным семью тысячами печатей, только лев может их открыть, и он становится затем агнцем. Можно ли видеть более поразительный образ инквизитора? Для открытия преступлений - это лев поражающий; по открытии их - это агнец, который обходился со всеми преступниками, занесенными в книгу, с добротой, кротостью и состраданием. Старцы предстоят со склянками, а не с бутылками, и эти склянки имеют узкое горлышко; итак, инквизиторы и служители должны говорить немного. Эти запахи приятны: св. Иоанн говорит, что они изображают молитвы святых; это не кто другой, как инквизиторы, которые молятся перед произнесением приговоров. Текст

Untitled

гласит, что служители носят шпинеты; [158] почему бы им не быть лютнями и гитарами? Потому что это им не подходило бы; струны этих двух музыкальных инструментов выделываются из шкур животных, а инквизиторы ни с кого не сдирают кожи. Шпинеты имеют металлические струны; поэтому инквизиторы обязаны употреблять железо и применять его сообразно обстоятельствам и нуждам виновных. Гитары касаются рукою - символом деспотической власти; шпинет приводится в действие пером - символом знания; так и должно быть, потому что инквизиторы руководствуются знанием, а не деспотизмом. Рука зависит от тела и от его влияний; перо есть предмет, который нельзя разнять и который независим от влияний; итак, подобает, чтобы это был шпинет, а не гитара, потому что приговор, выносимый инквизитором, не продиктован никаким посторонним влиянием".

V. Я не продолжу дальше этих выдержек, вдохновленных безумием и появившихся под титулом евангельских проповедей. Я надеюсь, что меня извинят за представление их образчика, если поймут, что они дают понятие состояние просвещения и вкус, господствовавший в литературе в царствование Карла II. Не стоит удивляться, видя инквизиторов, взявших на себя столько скандальных посягательств, поскольку очевидно, что они до известной степени были могущественнее монарха, как это доказывают распри, о которых я говорил в главе XXVI.

VI. Среди частных процессов, с которыми я ознакомился в Сарагосе, я нашел только три замечательных. Один относится к 1680 году; он был возбужден против дома

Untitled

Мигуэля де Сетины, каноника митрополичьей церкви и саноуника-казначей собора города Тарасовы. Другой процесс был возбужден в 1688 году против дома Мигуэля д'Эстеуана, регента митрополичьей церкви Спасителя в Сарагосе. Наконец, третий, в 1700 году, был направлен против дона Хуана Фернадеса д'Эредиа, брата графа де Фуэнтеса. Ни один из этих процессов не сопровождался приговором, потому что еретические тезисы, приписанные им доносчиками, не были доказаны при расследовании.

Глава XL Об инквизиции в царствование Филиппа V

Статья первая Аутодафе и число жертв

I. Карл II Австрийский умер бездетным, и корона Испании перешла 1 ноября 1700 года его племяннику Филиппу V Бурбону, внуку его сестры Марии-Терезы и Людовика XIV, короля Франции. Хотя Филипп V отрекся от престола 20 января 1724 года, но в том же году он снова принял бразды правления по смерти своего сына Луиса I, происшедшей 31 августа, и продолжал царствовать до конца жизни, то есть до 9 июля 1746 года.

II. Главными инквизиторами в эту эпоху были: дом Бальдассар де Мендоса-и-Сандобал, епископ Сеговии, который отказался от должности в начале 1705 года по приказу Филиппа V, назначившего его преемником дома Видаля Марине, епископа Сеуты. По его смерти 10 марта 1709 года его преемником стал дом Антонио Иваньес де ла Рива-Эррера, архиепископ Сарагосы. Он умер 3 сентября 1710 года, и должность главного инквизитора была поручена кардиналу дому Франческо Джудиче, который принужден был отказаться от нее в 1716 году. Преемником его стал дом Хосе де Молинес, аудитор церковного суда в

Untitled

Риме. Это обстоятельство явилось причиной того, что он не мог вступить в должность потому, что австрийцы задержали его в Милане как военнопленного, и он умер в этом городе. В 1720 году преемником его стал дом Диего д'Асторга-и-Сеспедес, епископ Барселоны. Был назначен дом Хуан де Арсаменди, но он умер до вступления в должность. В том же году место освободилось вследствие отставки дома Диего, который был назначен архиепископом Толедо. Его преемник дом Хуан де Камарго, епископ Памплоны, стоял во главе инквизиции до самой смерти 24 мая 1733 года. На его место был назначен дом Андреа де Орбе-и-Ларреатеги, архиепископ Валенсии. По смерти его 4 августа 1740 года начальником инквизиции стал дом Мануэль Исидор Манрике де Лара, который был раньше епископом Хаэна, а в то время занимал кафедру архиепископа Сант-Яго. Он умер 1 февраля 1745 года; его заместил дом Франсиско Перес де Прадо-и-Куэста, епископ Теруэля, который состоял еще в должности в то время, когда Филипп V перестал царствовать.

III. Двор всегда так благосклонно относился к инквизиции, что инквизиторы думали угодить новому королю, отпраздновав его восшествие на престол торжественным аутодафе, которое произошло в 1701 году. Но Филипп не захотел последовать примеру своих четырех предшественников, которые опозорили себя фанатизмом, и отказался присутствовать при варварской сцене, которая могла нравиться только людям, вкус которых был испорчен слушанием проповедей или чтением книг, изданных еще при Филиппе II и совершенно противоречивших тому, чему верили при Фердинанде V и Карле I и даже в первую

Untitled

половину царствования Филиппа II.

IV. Однако Филипп V не перестал покровительствовать святому трибуналу и остался верен правилу, вбитому ему в голову дедом Людовиком XIV. Этот государь (который в последние двадцать лет своей жизни был одним из самых фана*-тичных людей среди святош) советовал испанскому монарху защищать инквизицию как средство для поддержания спокойствия в государстве.

V. Эта система приобрела особую важность в глазах государя вследствие указа, обнародованного в 1707 году главным инквизитором Видалем Марине. Этот указ обязывал всех испанцев под страхом смертного греха и отлучения, разрешаемого только епископом, доносить на тех, кто утверждает, что позволительно нарушить присягу на верность, данную королю Филиппу V; он обязывал всех духовников удостоверяться у кающихся при таинстве исповеди, сообразуются ли они с тем, что им предписано на этот счет, и не разрешать их от грехов раньше, чем они послушаются или согласятся, чтобы их духовники сами донесли на преступников, которых узнают. Это предположение не заставило ожидать последствий. Я прочел в Сарагосе несколько процессов, возбужденных инквизицией по делу клятвопреступления. Ни один, однако, не сопровождался окончательным приговором, потому что общее мнение среди арагонцев было против этой меры и инквизиторы ввиду этого не осмелились дать дальнейший ход этим делам. Послание инквизиции Мурсии от 27 июля 1709 года гласит, что там только что привлекли к суду брата Урбана Мальте, францисканского монаха из монастыря Эль-ды, который наставлял своих

Untitled

исповедников, что присяга на верность, данная королю Филиппу V, не обязательна и что позволительно восстать против этого государя.

VI. В царствование Филиппа V почти совсем угас иудейский культ в Испании, где он весьма распространился (хотя тайно) вторично со времени присоединения Португалии к этой монархии. Однако вплоть до смерти государя все трибуналы ежегодно торжественно справляли публичные аутодафе; некоторые устраивали их дважды в год; в 1722 году в Севилье и в 1723 году в Гранаде было даже по три аутодафе в один год. Таким образом, не говоря о казнях, происшедших в Америке, Сицилии и Сардинии, в это царствование насчитывается 782 аутодафе в трибуналах Мадрида, Барселоны, Канарских островов, Кордовы, Куэнсы, Гранады, Хаэна, Льерены, Логроньо, Майорки, Мурсии, Сант-Яго, Севильи, Толедо, Валенсии, Вальядолида и Сарагосы.

VII. У меня находятся перед глазами записи о пятидесяти четырех церемониях, результаты коих таковы: семьдесят девять человек сожженных живьем, семьдесят три сожженных фигурально и восемьсот двадцать девять наказанных церковными епитимьями; в общем число жертв равно девятистам восьмидесяти одному. На этом основании можно установить для каждого года подсчет в три сожженных жертвы (из коих две живьем и одна фигурально) и в пятнадцать других, которые подверглись епитимьям в каждом трибунале испанской инквизиции в царствование Филиппа V.

VIII. Итог жертв для всех трибуналов ежегодно доходил до тридцати четырех сожженных живьем, семнадцати

Untitled

сожженных фигурально и двухсот пятидесяти пяти епитимийцев, так что число лиц, караемых инквизицией ежегодно, доходило до трехсот шести.

IX. Стало быть, в сорок шесть лет царствования Филиппа V было жертв инквизиции: тысяча пятьсот шестьдесят четыре первого разряда, семьсот восемьдесят две второго разряда, одиннадцать тысяч семьсот тридцать третьего разряда, а всего четырнадцать тысяч шестьдесят шесть.

X. Стало довольно обычным мнение, будто инквизиция начала с меньшей суровостью свирепствовать против еретиков, когда на трон Испании взошли принцы из дома Бурбо-нов. Я не разделяю этого взгляда, потому что мне кажется бесспорным, что другие причины содействовали в царствование этой династии уменьшению числа жертв, которое было, однако, значительно и в эпоху Филиппа V. Я буду говорить об этом в следующих главах.

XI. Почти все лица, сожженные живьем инквизицией, и девять десятых из епитимийцев были осуждены по делу об иудаизме; другие были богохульники, двоеженцы, суеверы и мнимые колдуны. Среди последних встречаем Хуана Переса де Эспехо, который был наказан в Мадриде в 1743 году как лицемер-богохульник и колдун. Этот испанец заслуживает упоминания, потому что, приняв имя Хуан де Сан-Эспириту (Иоанн Святодуховский), он стал основателем Конгрегации братьев милосердия имени божественного пастыря, которая существует доныне. Он был присужден к двумстам ударам кнута и к десятилетнему заключению в крепости.

Статья вторая

СЕКТА МОЛИНОСА

Untitled

I. Среди осужденных имеется несколько молиносистов, потому что Молинос до своего переселения в Рим собрал в Испании несколько учеников, которые распространили там его учение. Видимость духовного совершенства, соединенная с системой, которая допускала свободный полет душевной страсти, привлекла людей, которые не отдались бы заблуждению, если бы не престиж, которым окружил его основатель этой теории. За это вредное учение доминго Хосе Фернандес де Торо, епископ города Овиедо, был арестован, препровожден в Рим, там заключен в замке Св. Ангела и присужден к низложению в 1721 году. За принятие этих же взглядов инквизиция Логроньо сожгла дома Хуана де Каусадаса, священника-пребендаря города Туделы, ближайшего ученика Молиноса, проповедовавшего с великим усердием и энтузиазмом догматы его мистицизма. После Хуана де Каусадаса заблуждения Молиноса поддерживал его племянник Хуан де Лонгас, белец из монастыря босых кармелитов, известный поныне под именем брата Ивана в областях Наварры, Риохи, Бургоса и Корин, где он посеял много зла.

II. Его вредное учение не замедлило распространиться и имело успех в нескольких других частях Испании. Инквизиторы Логроньо в 1729 году подвергли его наказанию двумястами ударами кнута и послали на десять лет на галеры, откуда он должен был выйти лишь для пожизненного заключения в тюрьме. К сожалению, несколько монахов его ордена приняли его убеждения и передали их многим монахиням монастырей в Лерме и в Корелье, что произвело сильное волнение в инквизициях

Untitled

Вальядолида и Логроньо.

III. Процессы трибунала Логроньо, читанные на разных малых аутодафе с 20 октября по 22 ноября 1743 года, подали повод к появлению нескольких рукописных реляций, которые циркулируют в Испании и возлагают на меня как на историка обязанность беспристрастно напомнить факты. Я начну с женщины, которая по преимуществу фигурирует в этой ужасной трагедии. Она звалась донья Агуэда де Луна и была уроженкой города Корельи в Наварре. Ее родители принадлежали к аристократии этого города. Она поступила монахиней в кармелитский монастырь в Лерме в 1712 году с такой непорочной репутацией, что на нее смотрели как на святую. В 1713 году она приняла учение Молиноса и следовала догматам ереси со всей преданностью самой решительной сектантки. Она провела более двадцати лет в монастыре, и слава ее увеличилась рассказами о ее экстазах и чудесах, искусно распространяемыми братом Хуаном де Лонгасом, приором монастыря в Лерме, провинциалом и другими монахами высокого ранга, которые все были соучастниками надувательства матери Агуэды и заинтересованы в усилении молвы о ее святости.

IV. Возник вопрос об основании монастыря на ее родине, и монастырские власти назначили ее основательницей и настоятельницей. Она продолжала там свою порочную жизнь, не теряя хорошей репутации, которой она пользовалась, но еще более увеличивая ее изо дня в день. Со всех сторон по соседству стекались к ней, ища ее покровительства перед Богом, жаждущие божественной помощи в своих нуждах. Так как местечко

Untitled

Ринкон-дель-Сотто (моя родина) находится в двух с половиной милях от города Корельи, мои родители решили отправиться к ней с целью поручить ее заботам больного ребенка, которого она и обещала исцелить прикладыванием к нему одного из своих камней и с помощью некоторых других средств. Но действительность доказала тщетность ее обещания, так как ребенок вскоре умер.

V. Одним из фальшивых чудес матери Агуэды, которое возбуждало крайнее удивление и которое рассматривали как причину множества других чудес, была способность этой мнимой святой выделять камни. Одна из ее соучастниц делала их из истолченного в порошок кирпича с примесью некоторых ароматических веществ; на одной стороне камня был виден отпечаток креста, а на другой - звезды, то и другое цвета крови. В народе шла молва, будто Бог, желая вознаградить удивительную добродетель матери Агуэды, даровал ей исключительную милость, в силу которой она могла выделять камни, чудотворные при исцелении больных, через мочевого канал, испытывая при этом боли, похожие на боли рожениц. Эти боли действительно не были неизвестны донье Агуэде, которая переживала их неоднократно то в Лерме, то в Корелье; боли происходили от абортных, которые она себе делала, или от естественных родов, причем за ней ухаживали ее соучастники-монахи и соблазненные ею монахини.

VI. Как одна бездна влечет обыкновенно в другую бездну, так и мать Агуэда (которая сильно желала новых чудес, чтобы сделать свою репутацию более блестящей) вызвала демона. Если верить сообщениям, сделанным во время

Untitled

процесса, она заключила с ним договор, отдавая ему свою душу формальным актом, писанным ее рукой, почитая его своим господином, истинным, всемогущим богом и отрекаясь от Иисуса Христа, его религии и его учения.

VII. Наконец, когда жизнь матери Агуэды наполнилась тысячью тайных неправд, прикрытых покровом поста и других внешних знаков святости, на нее поступил донос в инквизицию Логроньо, которая велела заключить ее в свою секретную тюрьму. Она умерла там от последствий пыток прежде, чем ее процесс был подготовлен для приговора. Она созналась среди мучений, которым ее подвергли, что ее мнимая святость была обманом, раскаялась в последние минуты, исповедалась и получила отпущение грехов.

VIII. Брат Хуан де ла Вега, родившийся в Льерганесе в горах Сантандера, провинциал босых кармелитов, появился на малом аутодафе 3 октября 1743 года. С 1715 года, когда ему было тридцать пять лет, он был духовником и одним из соучастников матери Агуэды. Согласно уликам его процесса, он имел от нее пять детей. Его беседы развратили других монахинь, он уверил их в том, что его советы ведут к истинной добродетели. Он написал биографию своей главной ученицы, в которой говорил о ней как об истинном образце святости; он рассказывал множество чудес и все, что могло служить его целям. Он сам приобрел такую репутацию, что его называли восторженным. Монахи, его соучастники, повсюду разглашали, что со времени св. Иоанна Крестного не было в Испании большего монаха-подвижника, чем он. Он велел нарисовать портрет матери Агуэды, который был

Untitled

выставлен в алтарной части церкви; под ним было помещено двусмысленное четверостишие, сущность коего такова:

"Иисусе, пусть твоя рука посадит в моем сердце цветок;
Плод придет в свое время, ибо почва очень хороша".

I.. Многие соучастницы из невинных монахинь и другие лица заявили, что брат Хуан де ла Вега также заключил договор с демоном; но обвиняемый упорно отрицал этот факт, даже под пыткой, которую он вынес мужественно, несмотря на свой преклонный возраст. Он сознался только, что в качестве провинциала он получил деньги за одиннадцать тысяч восемьсот неотслуженных обеден. Он был объявлен заподозренным в высшей степени и отправлен в пустынный монастырь в Дуруэло, где вскоре умер.

X. Провинциал и тогдашний секретарь, как и два монаха, занимавшие эти должности в ордене в предыдущие три года, отрицали факты. Они были впутаны в показания, арестованы, подвергнуты пытке и разосланы по монастырям своего ордена на Майорку, в Бильбао, Вальядолид и Осму. Летописец ордена, однако, признал преступление и за это был избавлен от ношения санбенито на аутодафе.

XI. Донья Висента де Лойя, племянница матери Агуэды, была принята в девятилетнем возрасте в монастырь города Корельи, когда ее тетка стала там настоятельницей. Она передала племяннице свое вредное учение при содействии провинциала брата Хуана де ла Веги. Эти уроки имели такой успех, что она собственными руками держала свою племянницу, когда провинциал лишал ее

Untitled

девственности, чтобы (как говорила она) это дело имело более заслуг в очах Божиих. Как только донья Висента была взята, она созналась без пытки во всех своих прегрешениях и объявила грехи лиц, которых она считала виновными. Она уверяла только, что никогда не допускала в свою душу никакого еретического заблуждения, которое она признавала осужденным Церковью, хотя считала позволительным все, что делала, потому что в этом убеждали ее духовники и тетка, а она имела самое высокое представление о добродетели этих лиц, а особенно тетки, которая слыла за святую. Откровенность доньи Висенты заслужила ей милость: она появилась на аутодафе без санбенито, в которое были облечены четыре другие монахини, которые даже под пыткой отрицали совершение преступлений, и лишь одна призналась, что узнала вредное учение в детстве от брата Хуана де Лонгаса.

XII. Я не стану останавливаться на передаче всех подробностей, которые я нахожу в моих заметках о процессах, повод к которым дало это дело; они не подкреплены ничем, кроме показаний невинных монахинь этого монастыря, которые образовывали враждебную партию и, следовательно, были расположены верить множеству неправдоподобных, даже невероятных вещей.

XIII. Тем не менее нельзя подвергать сомнению историю камней, которыми будто бы разрешалась от бремени мать Агуэда, так как инквизиция набрала их великое множество. Я должен об этом сказать, как и о ее родах, потому что донья Висента де Лойя указала место, где младенцы были умерщвлены и погребены тотчас после рождения.

Untitled

Произвели розыски, и открытие нескольких скелетов доказало истинность заявления. XIV. Монахини, признанные виновными, были разосланы по нескольким монастырям, и состав общины был обновлен по приказанию святого трибунала, настоятельницей стала игуменья монастыря в Оканье, и из разных монастырей ордена были вызваны другие монахини. Следовало бы пожелать, чтобы для предупреждения подобных сцен главный инквизитор поставил этот монастырь под наблюдение епархиального благочинного, как было поступлено по менее серьезному поводу в отношении монастыря босых кармелиток Св. Иоакима в Тарасоне, когда туда перевели нескольких монахинь из монастыря Св. Анны, чтобы поддержать порядок и мир в общине. Раз инквизиция вмешивается в то, что происходит в монастырях, изумительно, что после стольких беспорядков в этом роде (сведениями о коих полны архивы, а их непристойность не позволяет мне приводить здесь повествование о них) она не пришла к решению отнять у монахов управление женскими монастырями. Иезуиты были всегда достаточно предусмотрительны в своей политике, боялись этого управления и избегали отягощать себя им.

Статья третья Процесс главного инквизитора и последствия процесса, возбужденного против Маканаса I. Не менее шума наделал, хотя по другому поводу, процесс, возбужденный против дома Бальдассара де Мендоса-и-Сандобала, епископа Сеговии и главного инквизитора. Таков результат ослепления, которое иногда поражает поддавшихся страстям людей, что путь, на

Untitled

который они вступают для удовлетворения этих страстей, приводит их к гибели. В предыдущей главе мы видели несправедливое поведение этого прелата в отношении дома Фроилана Диаса, избранного в епископы города Авилы и духовника короля Карла П. Так как верховный совет отказался - вполне справедливо и столь же энергично - санкционировать огромное злоупотребление властью главного инквизитора, которое хотел совершить Мендоса, то последний приказал арестовать трех наиболее оппозиционных членов совета. Он посредством лживого доклада потребовал от короля увольнения дома Антонио Самбраны, дома Хуана Ар-самени и дома Хуана Мигуэлеса и отослал последнего в оковах в Сант-Яго, в Галисию. Он придумал безрассудный план отнять у совета инквизиции право вмешательства в процессы, приговор которых выносился на его решение, а у членов совета - право голосования окончательного приговора.

II. Невозможно было, чтобы этот деспотический переворот не послужил предметом королевской резолюции. Филипп V благоразумно полагал, что следует узнать мнение совета Кастилии, и 24 декабря отправил это дело на рассмотрение членов совета. Приговор, вынесенный собранием 21 января 1704 года, замечателен своей мудростью. Совет предлагал как необходимую меру восстановление верховного совета в правах, которыми он пользовался со времени учреждения инквизиции, и вызов трех членов совета, которые были уволены со службы. Король приказал исполнить решение совета Кастилии и выразил желание, чтобы Мендоса отказался от своей должности и выехал из Мадрида.

Untitled

III. Следует, я думаю, помнить, что этот прелат перед смертью Карла II был более расположен к австрийскому дому, чем к династии французских Бурбонов. Упорство епископа Сеговии, поддержанное апостолическим нунцием, с которым он был в дружбе, довело его до жалобы, обращенной к папе, который написал королю через посредство своего нунция письмо, где жаловался на характер обращения с одним из его уполномоченных высокого ранга. Нунций, желая содействовать папе со своей стороны, довел до сведения Филиппа свой протест, продиктованный ультрамонтанским духом, самым несовместимым с правами верховной власти. Король твердо держался принятого решения и настоял на том, чтобы главный инквизитор подал в отставку и удалился в свою епархию. Мендоса вынужден был повиноваться; его дело закончилось более удачно, чем он заслуживал, так как наказание почти нисколько не было соразмерно с злоупотреблением властью, которое он совершил, преследуя Диаса и членов верховного совета. Если бы светский судья позволил себе так поступать со своими подчиненными, гражданская власть не поколебалась бы предъявить свои права и подвергнуть его крайне суровому наказанию. Из всех бедствий человеческой жизни едва ли хоть одно может сравниться с несчастьем видеть обеспеченную безнаказанность могущественных преступников в то время, когда гонение падает на голову слабого человека, лишенного защиты.

IV. Король вскоре дал новое доказательство твердости в защите прав короны своим поведением с главным инквизитором Джудиче в деле дона Мельхиора де

Untitled

Маканаса, о котором я говорил в XXVI главе. Преступление этого прокурора состояло в том, что он осмелился мужественно защищать власть своего государя против невыносимых притязаний римской курии по многим пунктам юрисдикции и против притязаний испанского духовенства относительно личных и судебных привилегий. Он не только был судим и осужден за жалобы и представления, которые делал королю против папских посягательств, но и вынужден был добровольно уйти в изгнание, чтобы избежать секретной тюрьмы святого трибунала, которую главный инквизитор по соглашению со своим советом предназначил для него.

V. Правда, Филипп V не обнаружил в этом случае столько энергии, как в деле Мендосы, потому что интриги имели другой объект и направление их переменилось. Иезуит Добантон, заместивший Робинэ в должности королевского духовника, и новая королева Изабелла Фарнезе, которая действовала через кардинала Альберони, дружившего тогда с Джудиче, изменили положение политических дел, так что поведение Маканаса, который держал себя как подданный, полный усердия и верности своему господину, представлялось теперь преступным.

VI. Римская курия не преминула содействовать этой интриге, горячо жалуясь через своего нунция и третируя Маканаса как подозреваемого в исповедании ошибочных взглядов Марка Антония де Доминиса и протестантов. Эта тактика не нова: она была в употреблении со времени Филиппа III против каждого испанского юрисконсульта, который отваживался выступать против папских захватов и против злоупотребления властью.

Untitled

VII. Маканас был жертвой слабости испанского правительства до тех пор, пока после смерти Филиппа V Фердинанд VI не вызвал его в Испанию и не запретил главному инквизитору Пересу де Прадо беспокоить его по поводу его процесса с инквизицией. Вскоре он назначил Маканаса своим чрезвычайным посланником на Ахенский конгресс.

VIII. Удивительнее всего было видеть, как Филипп V получил от совета инквизиции оскорбление, за которое не отомстил, несмотря на то, что оно было так нестерпимо. Этот государь пожаловался на декрет, подписанный кардиналом Джудиче в Марли (близ Парижа) в 1714 году и запрещающий чтение произведений Маканаса. Члены верховного совета имели дерзость ответить королю, что король властен упразднить инквизицию, если считает это необходимым; пока же она существует, Его Величество не имеет права препятствовать ее действиям, сообразным с апостолическими буллами.

IX. Ответ был удобен в применении к запрещению книг, данному инквизиторам в силу одного указа Филиппа II. Но взгляды изменились. Самые ревностные защитники прав короны не знали в ту эпоху в точности, о чем было договорено; между тем уверенный тон, принятый ультрамонтанами, убеждал, что право, которое присваивали себе инквизиторы, было существенно и присуще первосвященнической власти.

X. Тем не менее совет Кастилии, прежние рассуждения которого предоставляли достаточно данных для открытия истины, предложил королю 3 ноября 1714 года решительные доводы в пользу декрета об упразднении

Untitled

святого трибунала. Указ о его уничтожении был заготовлен, и удар был бы нанесен, если бы не было интриг, о которых я говорил и которые велись королевой, иезуитом Добантоном и кардиналом Альберони. Они напомнили монарху правило, рекомендованное его дедом Людовиком XIV, и вскоре он издал новый указ, который аннулировал распоряжения первого. Этот документ датирован 28 марта 1715 года. В нем государь признает, что он слишком много уделял внимания зловещим советам вероломных министров, одобряет запрещение инквизицией произведений Маканаса (которые благоприятствуют прерогативам его короны), восстанавливает отставленных членов верховного совета и хвалит поведение кардинала Джудиче.

XI. Указ инквизиции против сочинения Маканаса охватывал тем же запрещением и труды Баркляя и Талона [159], потому что они защищают права государя против притязаний римской курии, и Филипп V имел слабость позволить и это в ущерб своему авторитету.

XII. Такое скандальное поведение не позволяет удивляться тому, что инквизиторы занялись в то время квалицированием как достойного осуждения письма достопочтенного Палафокса к папе Иннокентию X (я его нашел в Сарагосе), чтобы подготовить его запрещение. Нечего удивляться и тому, что в 1732 году они обнародовали другой декрет, который в труде епископа Мельхиора Серо под заглавием О богословских местах вычеркивает тезис, по которому возможны случаи, когда братское исправление позволительно без доноса на еретика.

Untitled

XIII. Подобное решение позволяет думать, что евангельское учение не имеет никакого веса в делах религии, несмотря на всеобщее значение заповеди, данной Иисусом Христом.

XIV. Святой трибунал недолго медлил с продолжением своих несправедливых действий. 6 февраля 1744 года он запретил чтение напечатанного в трех томах в лист труда Николаса де Хесу Беландо под заглавием Гражданская история Испании, посвященного королю Филиппу V. Автор потребовал, чтобы его выслушали на суде, но это требование привело только к его аресту инквизицией. Дом Хосе Кирос принял на себя его защиту и вскоре разделил его участь. О них можно справиться в статьях Беландо и Кироса в главе XXV.

XV. Эта суровость поражает тем более, что видишь, как в то же время инквизиторы действуют крайне умеренно, когда идет речь о наказании чудовищного множества детоубийств, совершенных монахами и монахинями города Корельи и доказанных юридически. Если свидетели говорили правду, там было более двадцати абортот и более тридцати убийств, совершенных над новорожденными, большинство которых, по показаниям свидетелей, не были крещены. Другие суды не преминули бы послать на эшафот всех сознавшихся в таких ужасных проступках, чтобы устрашить новых возможных преступников. И однако, при этом обстоятельстве, достойном быть отмеченным как единственное в истории инквизиторов, они обнаружили благость и милосердие, так часто восхваляемые в их постановлениях, тогда как за единственный пункт юрисдикции, который дом Хосе Кирос

Untitled

осмелился защищать против их правил, они ввергли этого несчастного в подземную тюрьму, сырую, способную в три месяца погубить самого здорового человека. Они поражают Маканаса изгнанием на тридцать лет и лишают других должностных лиц их должностей, отличий, имуществ и их семейств.

XVI. Среди процессов, с которыми я ознакомился в Сарагосе, я открыл один, очень похожий на процесс Корельи. Он был возбужден в 1727 году против монахинь из местности Касбас и против брата Мануэля де Валя, францисканского монаха. Однако в этом процессе мы не встречаем таких преступлений, как детоубийство, договоры с дьяволом и вообще ничего такого, что могло бы внушить ужас. Это только результаты слабости, сопровождаемые попытками скрыть их от людей.

XVII. Среди осужденных в эту эпоху мы находим: дома Мануэля Мареса, каноника-дудовника в Сарагосе, в 1716 году, дома Франсиско де Миранду, каноника в городе Тарасоне, в 1719 году, дома Франсиско де Хименеса, священника-настоятеля в Ансаниго, в 1736 году.

Обвинения против них явились скорее средством невежества и фанатизма доносчиков, чем результатом вредного учения обвиняемых, которым вменили в вину только еретические положения о прелюбодеянии.

Глава XLI Об инквизиции в царствование Фердинанда VI
Статья первая Счастливые перемены во взглядах и идеях
I. Умирая, Филипп V оставил корону Фердинанду VI, своему сыну от первого брака с Габриэллой Савойской. Этот государь царствовал с 9 июля 1746 года до 10 августа 1759 года, когда он умер бездетным. Преемником его был Карл

Untitled

III, король Неаполя, сын Филиппа V и Изабеллы Фарнезе, его второй жены. Когда Фердинанд вступил на престол, инквизиция королевства имела своим главой дома Франсиско Переса дель Прадо, епископа города Теруэля. По смерти этого прелата в должности главного инквизитора выступил дом Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсала, который оставался на этом посту до смерти Фердинанда VI.

II. Хороший вкус в литературе в Испанском королевстве, подготовленный при Филиппе V, особенно распространяется с царствования Фердинанда VI. На этом основании установился взгляд, что восшествие Бурбонов на престол Испании произвело переворот в системе святого трибунала. Однако эти государи не издали никакого нового закона об инквизиции; они не внесли никаких изменений в ее старинный кодекс и, следовательно, не препятствовали жертвоприношениям многочисленных аутодафе, которые имели место в их царствование. Но Филипп V создал в Мадриде королевские академии испанской истории и испанского языка по образцу парижских и покровительствовал дружеским и литературным сношениям нескольких испанских ученых, известных хорошим вкусом, с теми, которыми обладала Франция со времени возрождения наук и искусств в царствование Людовика XIV.

III. Дон Хуан де Феррерас, дон Хуан де Сантандер, дон Хуан д'Ириарте, дон Франсиско Перес Байер - главные библиотекари короля; дон Грегорио Майянс, дон Луис де Саласар, дон Бенито Фейхоо, дон Феликс Масонес де Лима, герцог Сотомайор, посол в Лиссабоне, а затем

Untitled

председатель королевского совета военных орденов, его брат дон Хаиме, граф де Монтальво, посол в Париже, главный директор инженерной части и многие другие великие люди, которые блистали, покровительствуемые Фердинандом VI, получили образование при его предшественнике Филиппе V. Майянс и Фейхоо наметили путь хорошего вкуса, который другие должны были расширить, выравнять и осветить; на их примере сформировалось великое множество ученых критиков, которые сделали честь царствованию Карла III.

IV. Конкордат, подписанный в 1737 году с римской курией относительно контрибуций, наложенных на имущество духовенства, и относительно некоторых пунктов дисциплины, сделал более редкими случаи обращения в Рим. Стали считаться разумными очень многие мысли, которые невежество и суеверие, с одной стороны, и недоброжелательство - с другой, представляли до сих пор как мало религиозные и благоприятствующие неверию. Учреждение еженедельных листков познакомило с иностранными трудами, прежде никому не известными, а также с решениями многих католических государей по вопросам, относящимся к духовенству, которые несколько раньше народ счел бы за покушение против религии и ее служителей, как мы видели это, когда говорили о случае с произведениями Маканаса, Баркляя и Талона. Публикация периодического издания, известного под названием Дневника литераторов ("Diario de los literates") и редактируемого доном Хуаном Мартинесом де Салафранкой и двумя другими учеными в царствование Филиппа V, открыла глаза великому множеству людей,

Untitled

которые до этой счастливой эпохи не имели никакой возможности ознакомиться с хорошими книгами и обладать достойными руководствами для суждения о подобных книгах.

V. Все эти обстоятельства, а равно и другие причины, имевшие место в царствование Филиппа V, подготовили интересный переворот, совершившийся в испанской литературе при Фердинанде VI. Как хорошо растущее дерево, хотя еще слабое, она на глазах у всех выросла, приобрела силы, расширилась и расправила свои ветви с 1753 года, с эпохи, когда новый конкордат с римской курией особенно ослабил принцип юридических уступок в пользу церковной власти, предоставляя монарху распоряжение всеми церковными доходами. Благодаря этому многие юрисконсульты усвоили учение, противоположное ультрамонтанским принципам и благоприятствующее правам монарха, учение, которое сто лет тому назад не поколебались бы назвать еретическим. Тогда увидели, что в Риме поддерживается мнение Галилея [160], преданное вместе с его автором анафеме инквизицией столетием раньше, подобно тому, как теперь можно увидеть, что сам св. Августин допускает существование антиподов [161] со времени открытия Америки без боязни нарушить уважение к Священному Писанию.

VI. Эти счастливые перемены были великим благом для человечества, потому что инквизиторы, а следовательно, и все второстепенные служащие святого трибунала начали замечать, что чрезмерная ревность к чистоте католической религии рискует принять ошибочные мнения за истинные.

Untitled

Уже учение Маканаса перестало быть предметом соблазна для умов; уже спокойно выслушивали все написанное по поводу жалоб на насилие, без опасения анафемы, ежегодно выпускаемой папою в булле На вечераи Господней ("In соена Domini"); уже не устрашали толки о том, что скоро в Испании будут пользоваться правом апелляции против злоупотреблений, правом, которое, как было известно, действовало во Франции, потому что оно почти не отличалось от того права, которым пользовались испанцы против насилия посредством действия от имени церковных судей. Этот быстрый поворот, запечатлевшийся во взглядах, не замедлил показать, как несправедливо и жестоко было осуждение Мура, Сесо Себальоса, Сальгадо, Рамоса дель Мансано и стольких других испанских юрисконсультов прошлого столетия, и внушил больше осмотрительности инквизиторам в подобных случаях, если бы таковые представились; они заставляли бы их опасаться немилости двора, который назначал пребенды и бенефиции. Я признаюсь, однако, что, несмотря на все это, на дона Бенито де Фейхоо поступил донос в святой трибунал как на подозреваемого в неверии, как я рассказывал об этом в главе XXV, в статье об этом знаменитом испанце.

VII. Действие новых идей и совершившихся перемен в мнениях особенно дает себя знать в уменьшении числа процессов по делу об иудаизме и, следовательно, числа аутодафе, так как во все царствование Фердинанда VI не только не было ни одного общего аутодафе, но и частные казни этого рода стали очень редки. Большое количество евреев, которые были переданы в руки светской власти

Untitled

или подверглись епитимьям при Филиппе V, после казней, совершенных над представителями этой нации в царствования Филиппа III, Филиппа IV, Карла II и Филиппа V, явилось причиной того, что впоследствии не было открыто почти ни одного иудея. На протяжении пяти или шести лет едва справляли одно публичное аутодафе, да и на нем появлялись только богохульники, двоеженцы и мнимые чародеи.

VIII. Факты, о которых я только что говорил, совершившийся переворот в идеях, который постепенно приобрел новые силы, знания, накопившиеся вследствие указанных обстоятельств людьми, призванными к должности инквизиторов, имели столь любопытный результат, что число жертв при Фердинанде VI несколько не соразмерно с числом людей, осужденных в течение предшествующего царствования. Я не думаю, чтобы при этом государе было более тридцати четырех аутодафе, более десяти сожженных живьем и более ста семидесяти епитимийцев. Первые принадлежали к иудействующим рецидивистам, а остальные были подвергнуты епитимьям за проступки того свойства, о которых я говорил несколько выше; среди этих жертв я не нахожу ни одной, история которой могла бы заинтересовать читателя.

IX. Янсенизм и франкмасонство занимали инквизиторов в царствование Фердинанда VI, иезуиты обозначили именем янсенистов тех, которые не следовали мнению Молины относительно благодати и свободной воли, и даже канонистов, которые ставили каноны и соборы первых восьми веков Церкви выше папских булл. Между тем их противники дали им и их приверженцам имя пелагиан.

Untitled

Ненависть, которую питали друг к другу обе эти партии, доводила их до взаимного обвинения в защите тезисов ошибочных, ложных, неприличных, ведущих к заблуждению, благоприятствующих ереси и даже еретических. Но иезуитская партия торжествовала в Испании, потому что духовниками Филиппа V и Фердинанда VI были иезуиты и доверие к ним было очень велико у этих двух монархов. Немногие испанцы осмелились бы принять учение, противное учению господствующей партии, потому что пришлось бы отказаться от всякой общественной должности и от церковных санов. Это сделало доносы на молинистов крайне редкими, тогда как их противников было легко преследовать. Однако малое число последних и их безупречное поведение устранили преследование. Естественно, что иезуиты заставили осудить все книги, учение коих было противно учению Молины. Отсюда те скандальные происшествия, которые возникли в 1748 году и в следующих годах между доминиканцами и верховным советом. Речь шла: 1) о включении, которое иезуиты Карраско и Касани сделали украдкой и собственной властью, нескольких католических трудов (как отмеченных янсенизмом) в Индекс, опубликованный главным инквизитором Прадо в 1747 году; они притом злоупотребляли поручением, которое было им дано, а именно - редактировать каталог книг, запрещенных предыдущими указами; 2) о запрещении трудов кардинала Нориса, на которое августинские монахи жаловались папе Бенедикту XIV (последствия этого выступления см. в главе XIII); 3) о такой же мере, употребленной против сочинений

Untitled

достопочтенного Палафокса, которую инквизиторы принуждены были отменить, когда папа объявил, что они - католические и не должны служить препятствием к канонизации их автора.

Статья вторая О франкмасонстве

I. Франкмасонство явилось объектом совершенно новым для инквизиции. Папа Климент XII [162] издал в 4-е календы мая, то есть 28 апреля 1738 года, буллу В высоком, в которой он отлучал франкмасонов. Вследствие этой меры Филипп V велел обнародовать в 1740 году королевский указ против франкмасонов, довольно большое число которых было арестовано и приговорено к галерам. Инквизиторы воспользовались этим примером для такого же сурового обращения с членами ложи, открытой в Мадриде. Несомненно, это страшная кара - служить в оковах на галерах, исправлять там службу гребцов безо всякого вознаграждения, употреблять самую плохую пищу, часто получать палочные удары и другие столь же суровые наказания. Однако это положение менее страшно, чем смертная казнь, которая была декретирована указом 1739 года кардиналом, наместником Рима от имени первосвященника Бога мира и милосердия. Бенедикт XIV возобновил буллу Климента XII в 5-е число июньских календ (18 мая) 1751 года, дополнив ее другою, которая начиналась словами: Заботы римских первосвященников. Брат Хосе Торрувиа, занимавшийся разбором книг для святого трибунала, донес о существовании франкмасонов. Король Фердинанд VI велел обнародовать против них новый указ 2 июля того же года. В нем было сказано, что все, кто не сообразуется с его распоряжениями, будут

Untitled

наказаны как важнейшие государственные преступники. Брат этого государя Карл III Испанский, тогда король Неаполя, в тот же день запретил масонские собрания, называя их опасными и подозрительными. Я дам сведения об одном процессе этого рода, разбиравшемся в Мадриде в 1757 году.

II. Господин Турнон, француз, родившийся в Париже, поселился в Мадриде. Он был приглашен в Испанию правительством и награжден пенсией. Ему было поручено организовать фабрику медных пряжек и научить их производству испанских рабочих. В 1757 году на него поступил в святой трибунал донос как на подозреваемого в ереси от одного из его учеников, который в этом случае только повиновался обязательству, наложенному на него его духовником во время пасхального причащения.

III. Донос, сделанный 30 апреля, гласил: 1) г. Турнон призывал своих учеников вступать в общество франкмасонов, обещая, что парижский Великий Восток пришлет ему полномочие для принятия их в число братьев ордена, если они пожелают подчиниться испытаниям, которые он на них наложит, чтобы удостовериться в мужестве и спокойствии их души; дипломы об их приеме будут высланы из Парижа; 2) некоторые из этих молодых рабочих изъявили свое согласие вступить в число франкмасонов, но только после того, как г. Турнон ознакомит их с целью этой организации; для удовлетворения их желаний г. Турнон беседовал с ними о многих сверхъестественных явлениях и показал им рисунок, изображавший архитектурные и астрономические инструменты; они вообразили, что эти фигуры имеют

Untitled

отношение к магии; в этой мысли утвердили их слова г. Турнона о проклятиях, сопровождающих клятву, которую они должны будут дать в том, что сохранят в глубочайшей тайне все увиденное или услышанное в ложах их братьев, франкмасонов.

IV. Вследствие тайной информации были получены показания трех свидетелей о том, что г. Турнон - франкмасон. 20 мая он был заключен в секретную тюрьму. В протоколе первого из трех увещательных заседаний, которое происходило в самый момент заключения подсудимого, мы находим следующий небезынттересный диалог.

Инквизитор. Клянётесь ли вы Богом и этим святым крестом говорить правду?

Г. Турнон. Да, я клянусь.

Инквизитор. Как вас зовут?

Турнон. Пьер Турнон.

Вопрос. Откуда вы приехали?

Ответ. Из Парижа.

В. По какому поводу вы прибыли в Испанию?

О. Я приехал сюда для устройства фабрики медных пряжек.

В. С какого времени вы живете в Мадриде?

О. Я живу уже три года.

В. Знаете ли вы, почему вы арестованы и препровождены в тюрьму святого трибунала?

О. Нет, но предполагаю: это произошло потому, что сказали, будто я франкмасон.

В. Почему вы это предполагаете?

О. Потому что я говорил своим ученикам, что я

Untitled

франкмасон, и опасаясь, что они на меня донесли. С некоторого времени я заметил в их разговорах со мной какую-то таинственность, и их вопросы заставляют меня думать, что они смотрят на меня как на еретика.

В. Вы сказали им правду?

О. Да.

В. Итак, вы франкмасон?

О. Да.

В. С каких пор?

О. С двадцати лет.

В. Присутствовали вы на собраниях франкмасонов?

О. Да, когда жил в Париже.

В. Вы встречались с ними в Испании?

О. Нет, я даже не знаю, есть ли здесь ложи франкмасонов.

В. Если бы они были, вы присутствовали бы на них?

О. Да.

В. Вы христианин, римский католик?

О. Да. Я был крещен в церкви Св. Павла в Париже, в приходе моих отца и матери.

В. Каким образом, являясь христианином, дерзаете вы находиться в масонских собраниях, когда вы знаете или должны знать, что они противны религии?

О. Я никогда этого не знал. Я даже теперь не знаю, так ли это, потому что я там не слышал и не видел ничего противного религии.

В. Как вы можете это отрицать, раз вы знаете, что франкмасонство исповедует безразличие в деле религии, которое противоречит члену веры, научающему нас, что люди могут спастись, лишь исповедуя католическую, апостольскую и римскую религию?

Untitled

О. Среди франкмасонов вовсе не исповедуют этого безразличия. Правда лишь то, что для приема в число франкмасонов безразлично, является ли принимаемый католиком.

В. Итак, франкмасонство есть антирелигиозная корпорация?

О. Это тем более не так. Цель его учреждения состоит не в оспаривании или отрицании необходимости и пользы религии, но в практике благотворения относительно несчастного ближнего, к какой бы религии он ни принадлежал, а особенно если он - член общества.

В. Доказательство, что индифферентизм составляет религиозный характер франкмасонства, заключается в том, что франкмасоны не исповедуют Святую Троицу, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, три отличные лица Единого Истинного Бога, но признают только одного Бога, которого они называют Великим Зодчим вселенной. Это все равно, что сказать вместе с еретическими философами-натуралистами, что нет другой истинной религии, кроме естественной религии, в которой верят в существование одного Бога Творца, как создателя природы, смотря на все остальное, как на чисто человеческую выдумку. Так как г. Турнон заявил, что он исповедует католическую религию, то мы требуем, во имя почтения, которое он должен иметь к господу нашему Иисусу Христу, истинному Богочеловеку, и к Его Святейшей матери, Деве Марии, Богородице, сказать и объявить истину, согласно обещанию, которое он дал под присягой. Таким образом, он очистит свою совесть, и будет позволительно употребить по отношению к нему

Untitled

милосердие и сострадание, которое всегда проявляет святой трибунал к грешникам, раскаивающимся в своих прегрешениях; в противном случае, при заперательстве, с ним будет поступлено по всей строгости правосудия, сообразно со святыми канонами и законами королевства. О. В масонских ложах не занимаются ни утверждением, ни оспариванием тайны Святой Троицы, ни одобрением или опровержением религиозной системы философов-натуралистов. Бог обозначается там под именем Великого Зодчего вселенной по одной из тех многочисленных аллегорий, которые представляют масонские названия и которые имеют отношение к архитектуре. Таким образом, для исполнения данного мною обещания говорить правду я не могу сделать ничего лучшего, как повторить, что в ложах не поднимают вопроса ни о какой религиозной системе, благоприятной или противной членам католической веры, что там рассуждают о предметах, посторонних всем религиям, под аллегориями архитектурных работ.

В. Верите ли вы, как католик, что смешивать святыне и религиозные вещи с мирскими предметами значит совершать грех суеверия?

О. Я недостаточно осведомлен обо всех частностях, которые запрещены как противные чистоте христианской религии, но я до сих пор думал, что тот, кто по пренебрежению или по суетному верованию смешивал бы одно с другим, чтобы произвести из этой смеси сверхъестественные результаты, стал бы виновным в грехе суеверия.

В. Правда ли, что на церемониях, сопровождающих прием

Untitled

нового масона, показывают изображение Господа нашего Иисуса Христа, распятого вместе с человеческим трупом, мертвой головой и другими оскверняющими предметами в том же роде?

О. Генеральные статуты франкмасонства не предписывают ничего подобного; если иногда эти предметы употребляются, то, несомненно, это происходит вследствие какого-либо частного обычая, принятого при этом случае, или какого-либо произвольного распоряжения членов корпорации, которым поручено приготовить все для принятия кандидатов, ибо каждая ложа имеет свои обычаи и свои особенные церемонии.

В. Вас спрашивают не об этом. Отвечайте, правда ли, что все это наблюдается в масонских ложах?

О. Да и нет, сообразно распоряжениям, сделанным теми, кому поручены церемонии посвящения.

В. Дело происходило так, когда вы были приняты?

О. Нет.

В. Какую клятву надо давать, чтобы быть принятым во франкмасонство?

О. Клянутся хранить тайну.

В. Относительно чего?

О. Относительно вещей, обнародование которых могло бы иметь неприятные последствия.

В. Эта клятва сопровождается заклятиями?

О. Да.

В. В чем они состоят?

О. Соглашаются терпеть все бедствия и все страдания, могущие удручить тело и душу, если нарушат обещание, данное под присягой.

Untitled

В. Какое значение может иметь это обещание, раз считают возможным и приличным давать столь страшное заветие?

О. Соблюдение добротпорядочности в обществе.

В. Что происходит в этих ложах такого, что обнаружение этого может произвести неприятные последствия, если бы оно случилось?

О. Ничего, если смотреть без предвзятости и без предрассудков. Но так как обыкновенно заблуждаются относительно этого, то следует избегать давать повод к превратным толкованиям. В это злоупотребление впадет тот, кто будет рассказывать, что происходит в ложах в дни собраний братьев.

В. Что делают в ложах с распятием, если принятие франкмасона не рассматривается как религиозный акт?

О. Его предлагают для того, чтобы душа прониклась самым глубоким уважением в момент, когда ученик (novice) будет произносить клятву.

В. Зачем приносят мертвую голову?

О. Чтобы мысль о смерти внушила больше ужаса клятвоступнику.

В. С какой целью там показывают человеческий труп?

О. Чтобы представить полнее аллегория о Хираме, строителе Иерусалимского храма, убитом, как говорят, предателями, и чтобы внушить большее отвращение к убийству и к другим порокам, губительным для ближнего, для которого мы должны быть братьями-благотворителями.

В. Правда ли, что в ложах празднуют день св. Иоанна и что масоны избрали этого святого своим патроном?

Untitled

О. Да.

В. Какое поклонение оказывают ему в день его праздника?

О. Никакого, чтобы не смешивать его с чисто мирскими развлечениями. Торжество ограничивается братской трапезой, после которой читается речь, чтобы склонить сотрапезников к практике благотворения в отношении к их ближним, в честь Бога, Великого Зодчего, творца и блюстителя вселенной.

В. Правда ли, что в ложах почитают солнце, луну и звезды?

О. Нет.

В. Правда ли, что там выставляются их изображения или символы?

О. Да.

В. Зачем?

О. Чтобы сделать более ощутимыми аллегории великого, постоянного и истинного просвещения, которое люди получают от Великого Зодчего мира, и потому, что эти изображения наставляют братьев и побуждают их к благотворительности.

В. Г. Турнону замечают, что все данные им объяснения фактов и церемоний, происходящих в ложах, ложны и отличаются от того, что он неоднократно говорил добровольно в присутствии лиц, достойных доверия. Его призывают снова, из почтения к Богу и Святой Деве, сказать правду и исповедаться в ереси индифферентизма и суеверных заблуждениях, которые заставили его смешивать святое со скверной, а также в заблуждении идолопоклонства, приведшем к почитанию звезд. Эта исповедь нужна для очищения его совести и для блага его

Untitled

души. Если он исполнит ее с раскаянием в совершении этих преступлений и покажет свое отвращение к ним, смиренно прося прощения (прежде чем прокурор обвинит его как преступника в этих ужасных грехах), святому трибуналу позволительно будет выказать в отношении его сострадание и милосердие, которые он обычно проявляет к преступникам, кающимся и признающим во всех своих прегрешениях. Если он подаст повод к судебному обвинению, нельзя будет избавить его от преследования по всей строгости, которую предписывают святые каноны, апостолические буллы и законы королевства против еретиков и врагов нашей святой католической религии. О. Я говорил правду во всех моих ответах; если есть свидетели, которые показали противное, они ошиблись в толковании моих слов. Я никогда не рассуждал о предмете, о котором меня допрашивают, ни с кем, кроме рабочих моей фабрики, и никогда в другом смысле, чем тот, который я изложил сейчас.

В. Не довольствуясь тем, что вы сами франкмасон, вы убеждали других лиц вступать в орден и принять заблуждения, еретические, суеверные и языческие, в которые вы впали?

О. Правда, что я побуждал этих людей стать франкмасонами, потому что думал, что им будет очень полезно, если они, отправившись в иностранные земли, встретят там братьев, готовых прийти им на помощь в непредвиденных и трудных обстоятельствах. Но ложь, будто я пытался их вовлечь в заблуждения, противные католической вере, принимая во внимание, что ни одно заблуждение не проникло во франкмасонство, так как там

Untitled

никогда не занимаются догматическими вопросами. В. Было уже доказано, что существование этих заблуждений не химерично. Поэтому пусть г. Турнон примет во внимание, что он был учащий еретик и что ему важно в этом сознаться, смиренно признать это и просить прощения и отпущения церковных наказаний, которые он навлек на себя. Если же он будет продолжать упорствовать, то сам послужит причиной своего бедствия вследствие гибели тела и души. Так как ему сейчас дана первая увещательная аудиенция, ему советуют старательно поразмыслить о своем положении, чтобы подготовиться к двум другим аудиенциям, предоставленным ему по состраданию и милосердию, которые святой трибунал всегда проявляет к обвиняемым. V. Г. Турнон был отведен в тюрьму. Он упорствовал в своих ответах на первой и на второй аудиенциях. Прокурор представил свой обвинительный акт, который, согласно обыкновению трибунала, был разделен на статьи, сообразованные с показаниями свидетелей. Обвиняемый признал факты, которые он истолковал и объяснил, как делал это раньше. Ему предложили избрать адвоката, если он желает защищаться, установить свои доказательства или отвести лиц, о которых он думает, что они показали против него по ненависти, из выгоды или вследствие какого-либо другого частного побуждения. Г. Турнон отвечал, что причиной его несчастий является дурной смысл, приданный происшедшему; что испанские адвокаты незнакомы с масонскими ложами; они разделяют относительно их предрассудки публики и не сумеют защитить его дела. Это соображение заставляет его

Untitled

вернуться к самому себе и к последствиям, которые может иметь его теперешнее положение. Он полагает, что самое разумное решение, которое он может принять, это признать свою виновность, свое неведение или опасный дух статуты и обычаев франкмасонства. По этому побуждению он подтвердит свои показания, поскольку он никогда не думал, что в том, что он делал в качестве франкмасона, было что-либо противное католической вере. Так как он мог ошибаться вследствие незнакомства с некоторыми частными догматами, он готов проклясть все ереси, в которые он, может быть, впал, и просит отпущения церковных наказаний, предлагая исполнить назначенную ему епитимью. Он надеется, что это наказание будет умерено в уважение к обнаруженной им добросовестности, которую он сумел сохранить, видя, как в ложах постоянно рекомендуется и практикуется благоговение без отрицания или оспариваний какого-либо члена католической веры.

VI. Прокурор согласился с просьбой обвиняемого. Приговор был произнесен и предъявлен г. Турнону в декабре 1757 года. Он гласил:

VII. 1) Г. Турнон находится в легком подозрении, что он впал в еретические заблуждения индифферентизма, следуя в своем поведении среди франкмасонов заблуждениям натурализма; в заблуждения суеверия, противные чистоте святой католической религии, мешая мирские вещи со священными предметами и религиозные почитания святых и икон с веселыми банкетами, заклятиями и масонскими церемониями; наконец, в языческие заблуждения, почитая изображения светил.

Untitled

VIII. 2) Подсудимый стал виновным во многих очень важных преступлениях, соглашаясь и давая свое одобрение нечестивому обычаю приносить человеческие трупы на церемонии лож и безрассудному взгляду на страшные заклęcia, сопровождающие масонскую присягу как на якобы дозволенные, в особенности стараясь представить эти заблуждения догматами и советуя хорошим католикам принять их, становясь франкмасонами.

IX. 3) Святые каноны и апостолические буллы поражают отлучением, разрешаемым только епископами, и многими другими очень строгими церковными карами, а испанские законы - разными гражданскими наказаниями, между прочим тем наказанием, которое предназначено для людей, ставших важнейшими государственными преступниками, например, образующих тайные сообщества без разрешения и соизволения короля.

X. 4) Г. Турнон заслужил строжайшее наказание за совершение этих проступков, а особенно за попытку совратить испанских католиков. Тем не менее, принимая во внимание, что означенный преступник родился не в Испании, сознал заблуждение, которое может быть извинено его неведением, и смиренно просил прощения и милости быть примиренным с Церковью путем епитимьи, он присуждается вследствие сострадания и милосердия святого трибунала только к годичному заключению в тюрьме, занимаемой им теперь; по окончании же этого срока - к отправке под охраной слугителей святого трибунала до французской границы и к изгнанию из Испании навсегда с подтверждением, что он будет строго

Untitled

наказан, если когда-либо вернется в Испанское королевство без разрешения короля и святого трибунала.

XI. 5) Если у г. Турнона нет денег, то будет продана часть его секвестрированных вещей, чтобы оплатить издержки, которые он уже сделал или сделает, а также и расходы по его путешествию до границ королевства.

XII. 6) В первый месяц своего тюремного заключения он совершит духовные упражнения и общую исповедь перед священником, духовником, который будет ему назначен инквизитором-деканом; для лучшего исполнения возложенного на него обязательства он будет употреблять ежедневно полчаса утром на чтение размышлений в книге св. Игнатия Лойолы О духовных упражнениях [163] и полчаса вечером на чтение рассуждений отца Иоганна Евсевия Ниремберга в его книге О различии между временным и вечным.

XIII. 7) Пусть г. Турнон ежедневно проходит хоть часть четок с молитвой к Богородице Деве Марии и часто повторяет молитвенные воззвания веры, надежды, любви и сокрушения.

XIV. 8) Пусть он потрудится выучить наизусть катехизис отца Астете и приготовится к получению отпущения грехов в праздники Рождества, Пасхи и Пятидесятницы (он хорошо поступит, если это обыкновение сохранит на всю жизнь).

XV. 9) Для того чтобы г. Турнон был извещен об этом приговоре и всех его распоряжениях, будет устроено частное аутодафе в залах суда, при открытых дверях, в присутствии секретарей тайного следствия, служащих святого трибунала и лиц, которым инквизитор-декан

Untitled

позволит присутствовать.

XVI. 10) Г. Турнон появится на аутодафе без санбенито и дроковой веревки и выслушает стоя чтение своего приговора и своих прегрешений; он получит предостережение от инквизитора-декана; затем на коленях он произнесет отречение от всех ересей, в частности от заблуждений, в которых он признан легко подозреваемым; он прочтет и подпишет свое отречение, а также свое исповедание веры, согласное с верой католической, апостольской и римской, с обещанием никогда не присутствовать на собраниях франкмасонов, не представляться и не вести себя, как брат ордена; он - согласится, в случае если он будет снова арестован святым трибуналом, на то, что будет рассматриваться как рецидивист и будет подвергнут наказаниям, предназначенным для тех, кто вторично впадает в то же преступление.

XVII. Все распоряжения этого приговора были выполнены. Я считаю бесполезным приводить какие-либо соображения об этом акте, о мотивировавших его взглядах и о других обстоятельствах процесса. Не найдется ни одного читателя (будет ли он приверженец или противник франкмасонства), который по только что прочитанным подробностям процесса не мог бы составить себе мнение о здравом смысле инквизиторов и об обширности их познаний. Г. Турнон вернулся во Францию и, кажется, не возвращался в Испанию, так как случившееся с ним несчастье не могло внушить ему мысли о вторичном путешествии туда.

XVIII. Франкмасонским обществом занимались ученые, начиная с половины семнадцатого столетия, и огромное

Untitled

множество басен, опубликованных относительно его цели и его действий, запутало этот вопрос и принесло много зла. Каковы бы ни были его происхождение и первые работы, известно, что его таинственные посвящения впервые отмечены в Англии в царствование Карла I [164], который погиб на эшафоте в 1649 году. Враги Кромвеля [165] и республиканской системы установили тогда степень великого мастера английских лож, чтобы подготовить умы франкмасонов к восстановлению монархии. Это предприятие они довели до благополучного конца, возведя на престол Карла II [166], сына обезглавленного монарха. Король Вильгельм III [167] был франкмасоном. Несмотря на перемену династии, происшедшую при Георге I [168], франкмасонство нисколько не казалось подозрительным в Англии. В 1723 году оно проникло во Францию. В 1728 году шотландский кавалер Рамзай [169] учредил в Лондоне особую ложу и объявил, что общество было основано в 1099 году Готфридом Бульонским, королем Иерусалима; [170] оно было сохранено тамплиерами и перенесено в Эдинбург, столицу Шотландии, где оно было узаконено королем Робертом I [171] при жизни нескольких тамплиеров, избежавших преследования французского короля. В 1729 году оно проникло в Ирландию. Голландская республика приняла его в 1731 году. В этом же году оно открыло первые ложи в России. В 1733 году оно появилось в Бостоне (в Северной Америке) и во многих других городах этой части света, подчиненной тогда Англии. В этом же году оно было учреждено во многих городах Италии, а два года спустя франкмасоны появились в Лиссабоне.

Untitled

XIX. Я полагаю, что первая мера строгости, употребленная против франкмасонов в Европе, была декретирована 14 сентября 1732 года полицейской камерой Шатле [172] в Париже. Она запретила собрания франкмасонов и присудила г. Шапло к тысяче ливров штрафа за то, что он допустил масонские собрания в своем жилище на Рапе; дверь его дома была замурована на шесть месяцев.

Людовик XV [173] приказал лишить права приезда ко двору пэров Франции и других дворян, если доказано, что они были членами масонской ложи. Лорд Арнаустер, великий мастер парижских лож, принужден был покинуть Францию; он созвал собрание франкмасонов для выбора своего преемника. Людовик XV, осведомленный об этом, сказал: если выбор падет на француза, он пошлет его в Бастилию [174]. Несмотря на это намерение короля, был избран герцог д'Антэна, и он принял этот орденский сан. Угроза Людовика XV не только не имела последствий, но в 1743 году, по смерти герцога д'Антэна, его преемником стал Луи Бурбон, принц де Конти [175]. В 1771 году другой принц крови Луи Бурбон, герцог Шартрский [176], был избран главой Великого Востока.

XX. В том же 1737 году правительство Голландии в виде предупредительной меры запретило собрания франкмасонов, заявив, что эта мера не вызвана никаким преступным посягательством с их стороны. Несмотря на это распоряжение, члены одной ложи собрались; они были арестованы и преданы суду. Они защищались с такой энергией и успехом, что правительство велело их освободить, отменило принятые меры и даже даровало свое покровительство франкмасонству.

Untitled

XXI. В это же время курфюрст Рейнского Пфальца [177] запретил франкмасонство в своих владениях. Встреченное им сопротивление заставило арестовать всех франкмасонов, собравшихся в Мангейме.

XXII. Джованни Гастоне, великий герцог Тосканы [178], последний отпрыск дома Медичи, в том же году велел опубликовать декрет об упразднении масонских лож. Этот государь умер вскоре после этого, и масонские собрания возобновились. На них поступил донос папе Клименту XII. Этот первосвященник назначил во Флоренции инквизитора, который посадил в тюрьму нескольких членов общества. Франц Лотарингский [179], ставший великим герцогом, выпустил их на свободу; он даже объявил себя покровителем ордена и основал несколько лож во Флоренции и в некоторых других городах своего государства.

XXIII. Кажется, это обстоятельство побудило Климента XII прекратить преследование масонских обществ, так как было неправдоподобно, чтобы великий герцог Тосканы, государь католический, притом заботящийся о том, чтобы мир царил в его государстве, согласился покровительствовать франкмасонам, если бы они действительно предлагали уставы или предпринимали действия суеверные либо разрушительные для общественного порядка. Однако мы видели, что 28 апреля 1738 года папа велел опубликовать запретительную буллу против франкмасонов, и кардинал-наместник даже запретил под страхом смерти масонские собрания в столице христианского мира.

XXIV. Какой причине, если не действиям инквизиции,

Untitled

следует приписать подобные меры? Инквизитор прибыл во Флоренцию и, несомненно, нашел здесь людей, способных дать ложные показания, которые взращиваются и процветают под сенью тайных процессов. Это случилось с инквизиторами Римской империи, когда они возбудили преследование христиан. Свидетели этой эпохи заявляли, что называвшие себя учениками Иисуса вкушали мясо ребенка на своих ночных сборищах; они клеветали на христиан и рассказывали нелепые вещи, лживость коих засвидетельствовал еще некогда Плиний [180] в докладе, адресованном императору Траяну [181]. Запрещения, сделанные постепенно папами и королями, были естественным результатом отчетов инквизитора Флоренции, которым папа имел слабость поверить и которые были распространены невежественными священниками и монахами, полными предрассудков и фанатизма, число которых всегда было очень велико во всех частях света.

XXV. Может быть, подумают, читая эту часть моей Истории, что я сам адепт франкмасонства и что я защищаю здесь свое собственное дело. Я заявляю, что это предположение будет заблуждением. Я не состою членом ни одной ложи; я даже никогда не имел претензии быть туда допущенным. Не потому, что это общество казалось мне противным католической религии, которую я исповедую, или мудрой политике, которую - монархическое правительство должно поставить себе целью (так как я не думаю, что масонство противоречит той и другой), а лишь потому, что я не хотел бы принадлежать ни к какому обществу, о котором я не могу свободно писать или говорить с другими людьми. Это

Untitled

ограничение, налагаемое на франкмасонов, не нравится мне; однако я никогда не был и никогда не буду ни врагом, ни чрезмерным критиком установления, основание которого покоится на принципе филантропии, хотя меня неприятно поражают некоторые из обычаев и церемоний франкмасонов. Если бы я был членом общества, я употребил бы все усилия, чтобы устранить поводы для мыслей и разговоров инквизиторов и других духовных лиц, будто священное и мирское смешиваются в масонской деятельности, в частности те предметы, которые я назову и которые упоминаются в печатных трудах.

XXVI. В шестой степени, именно доверенного секретаря, обозначаемого также именем английского мастера по любознательности, для масонских аллегорий заимствуется из 9-й главы Третьей Книги Царств история Хирама, царя Тирского, и употребляется также и слово Ягве [182], неизреченное имя Божие, для священного пароля франкмасонства. Этот обычай встречается с легкими изменениями во многих других степенях.

XXVII. В восемнадцатой степени, называемой розенкрейцеры [183] Герадома из Кильвининга [184], встречаем изображение колонн с надписями; верхняя гласит: Во имя Святой и неразделимой Троицы; средняя: Пусть спасение наше будет вечно в Боге; нижняя: Мы имеем счастье быть в мирном единении со священными числами. К этому относят рассказ из 2-й главы первой книги и из 19-й главы второй книги Ездры. Паролем между двумя масонами той же степени избрали I.N.R.I, что некоторые принимают за надпись: Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum (Иисус Назарей, Царь Иудейский). Этот обычай

Untitled

имеется во многих других степенях. Прибавляют также к этому условное слово для узнавания друг друга - Эммануэль, означающее - с нами Бог. Подтверждение находят в тексте 1-й главы Евангелия от Матфея. XXVIII. Степень розенкрейцеров (братьев розового креста) во франкмасонстве шотландского обряда охватывает все совершенство ордена; этот смысл развертывается в пятнадцати секциях. В пятой пользуются священными аллегориями гор спасения; они заимствуются от названия гор Мориа и Голгофа. Первая используется из-за жертвоприношений Авраама, Давида и Соломона; вторая - из-за жертвы Иисуса из Назарета. Другие аллегории относятся к Святому Духу, обозначаемому именем "Божие величество", который сошел на скинию и на храм в момент его освящения. В двенадцатой секции показывают святую гору, на которой стоит большая церковь в форме креста, простираясь от востока до запада, в соседстве с большим городом, образом небесного Иерусалима. В тринадцатой - три великих светила, символы закона естественного, закона Моисеева и закона Иисуса Христа, и кабинет мудрости, обозначаемый названием хлева быков, где находится верный рыцарь со своей святой женой, и священные имена Иосифа, Марии и Иисуса. В четырнадцатой секции есть намек на сошествие Иисуса Христа в ад после смерти, причиненной позорной казнью на кресте, в тридцатитрехлетнем возрасте, на его Воскресение и на его Вознесение на небо, чтобы умолять за нас Отца вместе со Святым Духом. Наконец, пятнадцатая секция провозглашает слово "совершишася", которое Иисус произнес на кресте. Все эти аллегории

Untitled

имеют своим объектом изъяснение или смысл степеней ученика, товарища, обыкновенного мастера, шотландского совершенного мастера и рыцаря Востока.

XXIX. В двадцать седьмой степени великого командора храма делают крестное знамение на челе брата большим пальцем правой руки [185], священный пароль - I. N. R. I.; перевязь имеет четыре креста командора; диск, золотой треугольник с еврейскими буквами неизреченного имени Божия Ягве.

XXX. В двадцать восьмой степени рыцаря солнца семь франкмасонов называются херувимами; они представляют семь ангелов, начальствующих над семью планетами и называющихся: Михаил, Гавриил, Уриил, Зерахиил, Крамалиил, Рафаил и Цафиил. Священный пароль - Адонаи [186].

XXXI. Для двадцать девятой степени великого шотландца св. Андрея Шотландии, известного также под наименованиями патриарха крестовых походов и великого мастера света, украшают ложу, помещая в каждом из четырех углов крест св. Андрея. Священные пароли: Ардарель - ангел огня, Касмаран - ангел воздуха, Таллиуд - ангел воды, Фурлак - ангел земли.

XXXII. В тридцатой степени великого надзирателя (которого некоторые именуют великим избранником, другие - рыцарем Кадошем [187] или также рыцарем белого и черного орла) декорация ложи составляется из всех иероглифов смерти Жака де Моле [188], гроссмейстера ордена тамплиеров (храмовников), казненного 11 марта 1314 года, и проекта мести за его смерть, что новый член общества должен представить розовым крестом и

Untitled

кинжалом. Пароль этой степени состоит в том, что извлекают кинжал из ножен и делают вид, что кого-то им поражают. При приеме в эту степень происходит следующая сцена.

Вопрос. В котором часу начинается уголовное совещание?

Ответ. В начале ночи.

В. Каких лиц вы знаете?

О. Двух, которые отвратительны.

В. Как их зовут?

О. Филипп Красивый [189] и Бертран де Го, который принял, ставши папой, имя Климента V.

XXXIII. Печать ордена имеет в числе девизов своего гербового щита крест, ковчег завета, пылающую свечу на подсвечнике с каждой стороны и наверху надпись: "Laus Deo" (хвала Богу).

XXXIV. Все эти черты и много других, которые намекают на священную историю Иерусалимского храма, выстроенного Соломоном, восстановленного Эздрой, возобновленного христианами, защищаемого рыцарями-тамплиерами, представляют опасность смешения, удобного для толкования, подобного тому, которое дали свидетели флорентийской информации, бывшей первою из апостолических осуждений, возобновленных при папе Пие VII в указе, опубликованном в Риме кардиналом Консальви [190] 13 августа 1814 года.

XXXV. Франкмасоны (которые не могли не знать, что все тайные общества подозрительны и запрещаются, начиная со времени римлян) должны были бы понять, что единственным средством сохранения их общества было его упрощение и освобождение от всего противоречащего

Untitled

уважению, которое должны иметь христиане к Священному Писанию, чтобы отнять у духовных лиц и у монахов всякий предлог понимать в дурном смысле и доносить как на опасное на то, что имело своею целью благо в намерении франкмасонов.

XXXVI. Также неуместно было устанавливать присягу с заклятием в хранении пресловутого масонского секрета, так как критики не могли открыть его содержания, помимо того, которое уже более не существует, что можно видеть из следующего факта. Джованни Марко Ларменио (тайный преемник великого магистра ордена тамплиеров, по словесному назначению несчастного Жака де Моле, который просил его принять этот сан) создал, в согласии с другими рыцарями, избегшими гонения, различные символы (слова или действия) для взаимного опознавания и для тайного принятия новых членов ордена по степеням ученичества и первого произнесения обетов. Эти степени были совершенно не связаны со всеми тайными целями, которые имело в виду общество (и которые состояли в сохранении ордена, в восстановлении его в прежнем славном положении и в мести за смерть его великого магистра и рыцарей, погибших вместе с ним), до той поры, когда уже хорошо узнали качества нового члена и считали возможным доверить ему, под самой страшной клятвой при втором произнесении обетов, - великий секрет, столь важную тайну ордена.

XXXVII. Тайные знаки, служившие рыцарям для их распознавания, были изобретены непосредственным преемником великого магистра Моле. Эта предосторожность была необходима, чтобы не допустить в

Untitled

число братьев тех тамплиеров, которые образовали раскол во время гонения, удалились в Шотландию и отказались признать великим магистром Джованни Марко Ларменио, заявляя притязание на то, что они сами восстановят орден тамплиеров. Эта претензия была отвергнута капитулом законных рыцарей; вследствие этой меры новый тайный глава выпустил грамоту 13 февраля 1324 года, и его преемники последовали его примеру, доходя до тайного сана великого магистра ордена тамплиеров во Франции. Каталог великих магистров до 1776 года был напечатан. В 1705 году Филипп Бурбон, герцог Орлеанский [191], регент королевства, был облечен этим саном; в 1724 году - Луи-Огюст Бурбон, герцог Мэнский; [192] его преемником в 1737 году был Луи-Анри Бурбон-Кондэ [193]. В 1745 году этот сан получил Луи-Франсуа Бурбон-Конти; в 1776 году - Луи-Анри-Тимолеон де Коссэ-Бриссак [194], а в 1814 году - Бернар Раймон Фабр.

XXXVIII. Тамплиеры, удалившиеся в Шотландию, основали там в 1314 году особое учреждение под покровительством короля Роберта Брюса. Цель и средства их были те же самые; они скрывались под аллегорией и наименованием строителей (архитекторов). Таково было истинное начало той филиации, которая впоследствии приняла имя франкмасонства. Она не замедлила (как и тайное общество, которое сохранило имя ордена тамплиеров) забыть самую преступную часть заклинательной присяги, которую она заставляла давать своих членов, так как смерть Климента V, Филиппа Красивого, обвинителей и врагов Жака Моле и других осужденных рыцарей, заставила оставить первоначально составленный план

Untitled

мести, и целью ее стало восстановление чести ордена Эта новая идея вскоре испытала участь первой, и не прошло еще века, как ее упустили из виду по смерти ее провозвестников и их первых учеников. Новые рыцари в цели ордена видели только аллегии, естественным результатом коих явилось внушение неумеренного вкуса к использованию текстов Священного Писания. Из всего этого вытекает, что заклиная-тельная присяга в масонских ложах в настоящее время не имеет ни основания, ни смысла, ни цели.

Глава XLII Об испанской инквизиции в царствование Карла III

I. Карл III наследовал своему брату Фердинанду VI на испанском престоле 10 августа 1759 года и умер 17 ноября 1788 года. Главными инквизиторами в это царствование были: дом Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсала; дом Филипе Бертран, епископ Саламанки, и дом Агостино Рубин де Севальос, епископ Хаэна. Характер этих трех человек был гуманный, сострадательный и склонный к благожелательству. Эти качества сильно содействовали уменьшению числа публичных аутодафе, так что если сравнить царствование Карла III с царствованием его отца Филиппа V, то покажется, что они отделены промежутком в несколько столетий. Прогресс просвещения шел быстрыми шагами в этот период, и даже провинциальные инквизиторы, хотя и не наступило никакого обновления в законах инквизиции, усвоили принципы умеренности, незнакомые им при владычестве государей из австрийского дома. Правда, время от времени проявлялась некоторая суровость по

Untitled

незначительным поводам. Но я прочел процессы этого царствования, которые было приказано приостановить, хотя улики в них были более убедительны, чем те, которых в царствование Филиппа V было бы достаточно, чтобы присудить обвиняемых к сожжению.

II. Надо, однако, признать, что, несмотря на эту систему умеренности, число процессов было еще огромно.

Принимались все доносы, а затем, не теряя времени, приступали к разбору показаний свидетелей предварительного следствия, чтобы видеть, не получится ли отсюда какого-либо обвинения такого свойства, которое предрассудки века считали важным. Если бы на сто начатых процессов было только десять приговоров, то число епитимийцев превзошло бы численность их при Фердинанде V; но трибунал был не тот. Почти все процессы были приостановлены к моменту декретирования ареста людей, на которых поступили доносы. События научили инквизиторов действовать с мудрой медленностью, и они очень часто ограничивались заслушанием улик - метод, неизвестный во времена Торквемады и его первых преемников. Пользовались всегда умеренными средствами, чтобы тот, на кого поступил донос, отправился в местопребывание трибунала под предлогом какого-либо дела. Его тайно вводили в залу заседаний святого трибунала; ему показывали улики, констатированные предварительным следствием; он отвечал на них и возвращался к себе, дав обещание появиться на суде вторично, когда он будет уведомлен. Иногда сокращали судопроизводство и заканчивали его приговором, налагавшим на осужденного тайную

Untitled

епитимью, которую он исполнял так, что никто, кроме комиссара трибунала, об этом не знал, и без утраты уважения, которым он мог пользоваться в свете. Нельзя удержаться от одобрения этой меры, которая спасала честь личностей и их семейств; следует сожалеть, во имя блага человечества, что она не стала всеобщей.

III. Несколько процессов, начатых против видных лиц, не пошли далее предварительного следствия. К ним принадлежали процессы маркиза де Роды, государственного секретаря, министра помилований и юстиции; графа д'Аранды, председателя совета Кастилии и наместника Новой Кастилии, который затем был послом в Париже и, наконец, первым министром государства; графа де Флорида-Бланки, в то время прокурора совета Кастилии по гражданским делам, а потом преемника маркиза де Роды и первого министра государства; графа де Кампоманеса, прокурора по уголовным делам, а затем управляющего тем же советом; архиепископов Бургоса и Сарагосы и епископов Тарасовы, Альбарасина и Ориуэлы, которые состояли в чрезвычайном совете 1767 года и двух следующих лет по делу об изгнании иезуитов [195].

Процессы всех этих выдающихся личностей имели одно и то же происхождение.

IV. Епископ Куэнсы дом Исидор де Карбахал-и-Ланкастер, уважаемый за свою принадлежность к фамилии герцогов д'Абрантес, за свой сан и безупречное поведение, за свое милосердие к бедным, был менее сведущ в истинных принципах канонического права, чем ревностен в поддержке церковных привилегий. Руководясь этим побуждением, он имел неделикатность сделать

Untitled

представление королю о том, что Церковь гонима в своих правах, в своих имуществвах и в своих служителях, причем правительство Карла III в его изображении походило на правительство императора Юлиана [196]. Король поручил совету Кастилии исследовать, не подали ли повода к справедливым жалобам меры, принятые относительно духовенства, и предложить совету средства для исправления ущерба, который они могли нанести. Два прокурора совета дали очень умные ответы, в которых были ярко обнаружены невежество епископа и неприличие его чрезмерного усердия. Эти два доклада были напечатаны по приказанию короля вместе с представлением епископа и извлечением из документов, собранных в делопроизводстве совета Кастилии. Хотя их критика могла заслужить только похвалу и хотя они получили всеобщее одобрение, нашлись монахи и священники, проникнутые прежними мнениями, которые, сожалея о непомерном господстве священства, теперь погибшем, донесли на некоторые положения этих двух трудов как на лютеранские, кальвинистские или защищаемые другими партиями, враждебными римской Церкви. Меры, принятые относительно катехизиса Мезангюи, опубликованного в Неаполе; протесты, которые произвело бреше, выпущенное римской курией против владетельного герцога Пармы; изгнание иезуитов и декларация правительства о том, что расследование процессов по делу о двоеженстве входит в компетенцию светского суда и что, следовательно, они должны быть разбираемы этим судом, - все эти события дали повод маркизу де Роде и графам д'Аранде, Флорида-Бланке и

Untitled

Кампоманесу доказать, что они были выше предрассудков, и широко распространить просвещение, в то время как невежество рисовало их современными философами и атеистами.

V. Два архиепископа и три епископа, члены чрезвычайного совета, которые голосовали за то, чтобы потребовать от папы уничтожения общества иезуитов, также стали предметом доноса как заподозренные в исповедании нечестивого учения философов, принятого ими будто бы из макиавеллизма и из желания понравиться двору. Получив поручение расследовать некоторые дела, относящиеся к иезуитам, они по этому случаю заговорили об инквизиции и выдвинули принципы, противоположные ее системе.

Инквизиторы, не исключая главного инквизитора Кинтано, были все преданы иезуитской партии как ставленники этого общества; поэтому нельзя изумляться тому, что святой трибунал получил такое множество доносов.

Исключительное право римской курии судить епископов никогда не препятствовало инквизиторам тайно допрашивать свидетелей против них, потому что эта процедура служила им предлогом, чтобы писать папе и просить разрешения на ее продолжение. Хотя обычно святой престол переносит процессы епископов на свой суд и вызывает в Рим лиц, ставших объектом доносов, верховный совет испанской инквизиции всегда выдвигает и заставляет действовать своего прокурора, чтобы оправдать свое поведение, когда он сам желает преследовать епископов, как мы это видели в процессе Каррансы.

VI. Доносы, направленные против прелатов чрезвычайного

Untitled

совета, не имели того действия, на которое рассчитывали их враги, потому что в них не нашли ни одного отдельного и независимого тезиса, который противопоставлялся бы догмату, а только разрозненные и общие части, которые, будучи сведены в целое учение, были представлены как язык философского ума, близкого к неверию и благоприятствующего врагам Церкви. В менее просвещенный век эти нападки предали бы пять прелатов инквизиции, которая не преминула бы их умертвить, но при тогдашних обстоятельствах ей казалось опасным показать свою суровость, потому что двор научился энергично опровергать все прежние учения, которые благоприятствовали претензиям духовенства в ущерб королевской власти. Это и случалось при последних процессах, в которых постоянно руководствовались истинными принципами власти и независимости государей, что можно видеть из дела по поводу некоторых выводов из канонического права, напечатанных прежде защиты их домом Мигуэлем Очоа в университете города Алькала-де-Энарес. Среди этих выводов не было ни одного, который не был бы благоприятен для папы и для церковной юрисдикции в смысле декреталий папы Григория IX и его преемников. Эти тезисы были доложены совету Кастилии, который решил, по требованию двух своих прокуроров, чтобы Очоа был принужден поддерживать тезисы, противоположные напечатанным, под страхом сурового наказания, а для предупреждения возврата к подобным попыткам было постановлено в каждом университете королевства иметь королевского цензора, без одобрения коего ни один тезис не мог быть

Untitled

напечатан или поддержан публично.

VII. Энергия и настойчивость, которые правительство вложило в поддержку своего нового плана действий, сделали так, что инквизиторы не осмелились судить епископов чрезвычайного совета. Однако последние, встревоженные намерениями монахов, священников и даже мирян из партии иезуитов, сочли нужным отвести грозу и обратились к дому Хоакину де Элете, королевскому духовнику, который потом стал епископом Осмы. Это был невежественный францисканец, суеверный и известный своим слепым уважением к римской курии. Они сказали ему, что осуждают некоторые тезисы, выставленные двумя прокурорами в их труде, озаглавленном Беспристрастное суждение о пармском послании, написанном по королевскому приказу, потому что они считают их выдвинутыми с целью нанести удар правам Церкви. Сделав это заявление, они все привели в движение, чтобы духовник убедил Карла III, что не следует обнародовать напечатанные экземпляры и что надо перепечатать этот труд, изъяв из него некоторые тезисы.

Главный инквизитор и верховный совет были об этом уведомлены, дело изменило вид, и партия иезуитов успокоилась.

VIII. События, о которых я только что говорил, подвергли большой опасности человека, добровольно ввязавшегося в них, не подозревая этого: г. Клеман, французский священник, казначей собора в городе Оксере, впоследствии епископ Версальский, прибыл в Мадрид в 1768 году, в момент, когда вышеизложенные вопросы занимали всех. Он имел несколько разговоров по этому

Untitled

поводу с министром де Родой, прокурорами совета Кастилии и епископами Тарасоны и Альбарасина {В 1802 году был напечатан в Париже в трех томах в восьмушку труд г. Клемана под заглавием Журнал переписок и путешествий для мира Церкви. Том второй занят его путешествием в Испанию.}.

Ревность этого богослова к чистоте учения во всех пунктах дисциплины, связанных с догматом, заставила его сказать, что следовало бы воспользоваться добрым расположением, в котором, по-видимому, находится мадридский двор. Для осуществления надежды, которую позволительно было питать, он предлагал три средства. Первое состояло в том, чтобы поставить инквизицию в зависимость от епархиального епископа, который был бы ее главою с решающим голосом, и присоединить к нему двух инквизиторов с совещательным голосом. Второе - в том, чтобы обязать всех монахов и монахинь признавать своим главою епархиального епископа и повиноваться ему, причем следовало отказаться от всех привилегий, противных этому распоряжению. Третье - не допускать никакого различия в богословских школах, какими бы наименованиями они ни прикрывались - томистов, скоттистов, суаристов [197] или другими; все университеты и семинарии должны были пользоваться одной и той же системой богословия, основанной на принципах св. Августина и св. Фомы.

IX. Достаточно знать Испанию и положение монахов в эту эпоху, чтобы предвидеть, что автор этого проекта сразу окажется под угрозой; ведь он вооружил бы против себя две такие могущественные корпорации, как инквизиторы и

Untitled

монахи, если бы предложенный им проект стал известен. Трудно было допустить, что проект останется неизвестным, после того как он был сообщен епископам Тарасовы и Альбарасина, прокурорам Флорида-Бланке и Кампоманесу, министру де Роде, председатели) д'Аранде и несколькими другим лицам. Королевский духовник и главный инквизитор были об этом уведомлены своими политическими шпионами, и многие монахи донесли на г. Клемана святому трибуналу как на еретика-лютеранина, кальвиниста, врага всех монашеских орденов. Оговоренный заподозрил интригу, слыша толки доминиканца, с которым он находился в частных сношениях.

Х. Инквизиторы, видя г. Клемана принятым при дворе, не осмеливались его арестовать; они довольствовались тем, что поручили своему главе потребовать, чтобы его обязали покинуть королевство. Казначей Оксера сообщил о своих опасениях графу д'Аранде и маркизу де Роде. Маркиз де Рода, связи которого при дворе позволяли ему знать все происходившее там, оставил г. Клемана в неведении относительно того, что ему было бесполезно знать, но посоветовал ему лучше удалиться от двора. Г. Клеман, как человек благоразумный, воспользовался советом министра; хотя он имел намерение переехать в Португалию, он предпочел быстро вернуться во Францию, чтобы избежать сборов инквизиции, которые могли бы его арестовать по его возвращении из Лиссабона, если бы система двора переменилась. Действительно, после его отъезда умножились доносы на него, но без большой огласки; описывая свои путешествия, он не знал об имевшихся против него намерениях.

Untitled

XI. Дело г. Клемана и все касающиеся его обстоятельства были тайной для публики. Не так обстояло дело с тем, что произошло по случаю апостолического бреве, которое запрещало чтение катехизиса Мезангюи, ибо Карл III, еще будучи королем Неаполя, приказал пользоваться им при религиозном воспитании Карла IV. Открыто и справедливо жаловались на то, что главный инквизитор не подождал согласия короля на обнародование папского бреве и на запрещение в Испании чтения этого произведения. Принятая инквизиторами мера привела к ссылке главного инквизитора и ко всем событиям, рассказанным мною в девятой главе. Опала должна была бы сделать его более благоразумным; однако в марте 1769 года, отвечая королю по поводу некоторых мер чрезвычайного совета пяти епископов, он выдал за истинные некоторые положения, лживость или недостоверность которых могла бы быть доказана самими реестрами верховного совета, если бы маркиз де Рода навел в них справки. Кинтано осмелился сказать королю: "С тех пор как в королевстве был учрежден трибунал инквизиции, он постоянно испытывал сопротивление; оно кажется свойственным святости этого учреждения {Он не испытал бы их, если бы его процессы были публичны и если бы он держал себя, как обыкновенные епархиальные трибуналы, у которых совсем некстати отняли расследование преступления ереси.}. Даже в настоящее время самым жестоким образом злоумышляют против святого трибунала {Этот мнимый заговор сводился к желанию преобразовать трибунал по системе, предложенной г. Клеманом, которая была лучшей, или к стремлению реформировать его каким угодно

Untitled

образом, лишь бы прекратить жалобы.}. Кроме тайных процессов, которые возбуждают сильное противодействие и не могут закончиться, потому что всеобщий враг не перестает сеять плевелы, чтобы заглушить, если возможно, чистейшее зерно Веры в королевстве... все другие процессы, уголовные или гражданские, ведутся и разбираются публично {Кинтано обманывал короля, ибо уголовные дела не ведутся публично и никому не разрешается входить в залы трибунала. Он употребляет термин "публичный", потому что в уголовных делах по обыкновенным проступкам, совершенным должностными лицами святого трибунала, подлинный процесс передается прокурору и адвокату обвиняемого, - но не об этом шла речь. Постоянные жалобы основывались на том, что в процессах чисто уголовных старались разыскать или открыть ересь или подозрение в ней, чтобы применить тайное судопроизводство.}. Совет все делает открыто, кроме процессов по делу ереси, в которых он пользуется строжайшей тайной, которой он не мог доверить никому. Но ничто не скрыто от Вашего Величества, неограниченного властителя, короля и покровителя святого трибунала. Вам дадут отчет о положении обвиняемых. Когда дело идет об аресте какого-либо выдающегося подданного, члена министерства или всякого другого лица, состоящего на службе Вашего Величества, как только окончится предварительное следствие и из него выяснится состав преступления, Вашему Величеству об этом сообщают... {Как это делается? Этот документ редактируется таким образом, что король не считает возможным отказать в своем одобрении сделанному. Мы

Untitled

это видели в процессе толедского архиепископа Каррансы и многих других. Если бы главный инквизитор посылал королю подлинный процесс, он был бы рассмотрен одним или несколькими членами совета королевской судебной палаты, привыкшими к пересмотру дел уголовного суда; они применили бы к нему меру здоровой критики, чтобы увериться, доставили ли свидетели предварительного следствия достаточные улики. Нельзя сомневаться, что свидетели им показались бы странными и противоречащими один другому в своих показаниях.} Когда главный инквизитор велит справить какое-нибудь публичное аутодафе, он представляет Вашему Величеству и передает в ваши королевские руки экстракт приговоров... {То, что называется здесь экстрактом, есть не что иное, как обозначение проступков, виновным в коих предполагают подсудимого согласно результату процесса, без упоминания о свойстве и числе улик. Иногда случается, что указывают число допрошенных свидетелей, когда оно значительно, чтобы доказать, что при таком количестве показаний обвиняемый не может быть невиновным. Если бы передавали подлинный процесс, то нередко было бы видно, что относительно одного и того же факта не было двух свидетелей, согласных во времени, месте и содержании речей, как можно в этом убедиться из истории процесса Каррансы и некоторых других.} Во всяком случае, так как неведением этого почтительного образа действий по отношению к государю страдает множество людей, злонамеренность коих мешает им об этом осведомиться, то с целью рассеять этот туман, которым они стараются испортить репутацию святого трибунала, распространяя

Untitled

чрезмерные слухи, что в нем все совершается в секрете {Это не преувеличение, а бесспорная истина. Слово все прилагается к делам, ведущимся в святом трибунале, и к процессам по обвинению в ереси. Но все это происходит в секрете или только в присутствии лиц, которым приказано ничего не разглашать из виденного и слышанного ими. Есть даже вещи, которые от них скрывают, как, например, все устные распоряжения - вещь очень обыкновенная в административных делах.} и с полной независимостью {Также правда, что инквизиторы действуют с полной независимостью, ибо секрет делает их сильными, и их поведение носит характер подчиненности, лишь когда они боятся, что дела дойдут до сведения короля.}, - мне кажется, государь, что, если бы Вашему Величеству было благоугодно, вы могли бы назначить духовное лицо своим секретарем для ежедневного присутствия в совете и для доклада о том, что вы пожелаете узнать".

XII. Это предложение было лукаво; можно отметить также неопределенность вступительных фраз. Нельзя найти довода для оправдания нужды короля в отыскании среди священников секретаря, которого ему предлагают посылать на тайные заседания трибунала, тогда как в канцеляриях трибунала служат секретари, которым разрешается видеть процессы, потому что они присягой обязаны хранить тайну, и даже два члена совета Кастилии являются членами совета инквизиции. Однако и священнический и мирской сан бессильны против мошенничества. То же можно сказать о принятом решении послать двух мирян из совета Кастилии присутствовать при обсуждениях верховного совета, потому что в делах, в

Untitled

которых замешана интрига, как, например, когда есть конфликт юрисдикции, или в других подобных обстоятельствах члены совета собираются в доме у главного инквизитора и условливаются, что их глава скрепит своей частной печатью все, в чем достигнуто соглашение в данном деле.

XIII. Самое решительное доказательство полной независимости, которой сумела добиться инквизиция при помощи тайны, существует в двух законах короля Карла III относительно двоеженства и запрещения книг. Я говорил о них в главах IX, XXV и XXVI. Их было недостаточно, чтобы заставить инквизиторов не выходить за пределы их юрисдикции. Они продолжали преследовать и арестовывать людей, оговоренных в многоженстве, если они не были уже в руках светского правосудия. Они продолжали запрещать книги, не выслушивая их авторов, когда те были живы, и не назначая защитника, когда те отсутствовали или умерли. То же злоупотребление проявлялось в применении инквизицией церковных наказаний, когда она старалась поддержать права юрисдикции, считавшиеся ею затронутыми, особенно в важном пункте об аресте, постановлять который ей определенно запретил Карл III, даже в процессах по делам веры, "без очевидной улики в существовании преступления. Мотивом этого мудрого распоряжения явилось то, что король не мог позволить подвергать своих подданных опасности быть опозоренными, кроме удостоверенного случая ереси.

XIV. Несмотря на эти злоупотребления, я не боюсь сказать, что инквизиторы, современные царствованиям Карла III и

Untitled

Карла IV, обнаружили крайнюю осмотрительность и чрезвычайную сдержанность, если их сравнить с инквизиторами Филиппа V, а особенно предшествующих царствований. Я сам получил очевидное доказательство этой истины из множества процессов, которые я сравнил и которые заключали в себе те же тезисы, факты и улики, но дали совершенно различные результаты в смысле окончательного приговора инквизиции. Это подтверждается очень небольшим числом аутодафе, справленных в эти два царствования, с осужденными разных разрядов, общее количество коих не превышает десяти. Из этого числа четверо были сожжены; было пятьдесят шесть епитимийцев, хотя период этих двух правлений продолжался двадцать девять лет [198]. Все другие процессы заканчивались единичными аутодафе: осужденного одного приводили в церковь для чтения приговора, утвержденного верховным советом, не дожидаясь большего числа приговоренных для устройства частного аутодафе. Некоторые процессы заканчивались малым аутодафе в зале заседаний трибунала. Таких было большинство. Бесспорно, позор благодаря этому роду кары был менее публичным (хотя присутствовало много свидетелей), чем при каком-либо ином наказании, особенно если малое аутодафе происходило при закрытых дверях и тайно и имело свидетелями только служащих святого трибунала и ограниченное число лиц, приглашенных присутствовать. Другой, еще более мягкий способ наказания осужденных состоял в отправлении аутодафе в присутствии только секретарей инквизиции; снисхождение не могло идти дальше.

Untitled

XV. Единичное аутодафе было декретировано в двух знаменитых процессах царствования Карла III. Первый процесс - дона Пабло Олавиде, городского судьи Севильи; второй - дома Франсиско де Леон-и-Луны, священника и кавалера военного ордена Сант-Яго. В XXVI главе я рассказал историю Олавиде {Олавиде умер в Басе в 1804 году, семидесяти пяти лет от роду согласно доставленным мне сведениям.}. Леон был осужден как сильно заподозренный в иллюминатской ереси Молиноса и как виновный в оболъщении нескольких женщин, в причащении большим числом гостей по суеверному мотиву и в проповеди ложной мистики монахиням и другим женщинам, которые были одурачены его заблуждением и своей собственной бесхарактерностью. Он был заключен на три года в монастырь; ему было приказано удалиться из Мадрида на семь лет по отбытии первой епитимьи и отказаться навсегда от обязанностей духовника. Совет орденов просил короля лишить Леона креста и звания кавалера ордена Сант-Яго, согласно статутам, предписывающим эту меру для тех его членов, которые становятся виновными в проступке, влекущем за собою бесчестие. Но совет должен был знать, что для подведения под эту кару Леон должен был бы быть объявленным виновным в ереси и что подозрения в этом преступлении не имелось, так как трибунал удостоверяет, по просьбе осужденных этого рода, что приговор не препятствует получению должностей и почетных званий.

XVI. В Сарагосе маркиз д'Авилес, управляющий Арагона, был обвинен перед инквизицией в чтении запрещенных книг. Эта попытка не имела никакого последствия. Епископ

Untitled

Барселоны дом Хосе де Клементе был оговорен перед мадридской инквизицией как янсенист. Трибунал предал забвению этот донос и принял подобное решение по нескольким другим делам того же рода.

Глава XLIII Об испанской инквизиции в царствование Карла IV

Статья первая Состояние просвещения в Испании.
некоторые процессы

I. Карл IV вступил на престол 17 ноября 1788 года. Он отрекся от короны 19 марта 1808 года вследствие волнений, происшедших в Аранхуэсе, процарствовав в Испании двадцать лет. Он думал сохранить свою жизнь, жизнь своей жены-королевы и Князя мира отречением от своих державных прав в пользу своего старшего сына Фердинанда, принца Астурийского, которого представители нации признали возможным наследником монархии.

II. Главными инквизиторами в царствование Карла IV были: дом Агостино Рубин де Севальос, епископ Хаэна, умерший в 1792 году; дом Мануэль де Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Силиврии, бывший епископ Асторги, который по приказанию двора принужден был подать в отставку; кардинал-архиепископ Толедо дом Франсиско де Лоренсана [199], отказавшийся от своих обязанностей в 1797 году; дом Рамон Хосе де Арсе [200], сначала архиепископ Бургоса, а затем архиепископ Сарагосы и патриарх Индии.

III. Просвещение начало проникать в Испанию в царствование Филиппа V; оно сделало некоторые успехи при Фердинанде VI и Карле III и значительно усилилось в правление Карла IV. Два препятствия, мешавшие до сих

Untitled

пор его распространению, не существовали более со времени реформы шести больших коллегий Кастилии и изгнания иезуитов. До этого переворота должности каноников кафедральных соборов и судебные магистратуры давались только членам или преподавателям этих коллегий, и в то же время огромное влияние иезуитов отстраняло от должностей и почестей тех, кто не был их учениками или светскими иезуитами (*jesuites de robe courte*). Эти два разряда составляли как бы третье сословие Общества Иисуса. Маркиз де Рода был главным виновником этой двойной политической меры, которая навлекла на него ненависть членов коллегий и учеников св. Игнатия. Но имя этого министра заслужило почетное место в истории, потому что, давая всем классам награду по заслугам, он возбудил общее соревнование, результатом чего явилось распространение просвещения и интереса к наукам. Это позволяет сказать, что возрождение испанской литературы было делом маркиза де Роды, который произвел эту удачную перемену в 1770 году применением мер, урегулировавших состояние и способ преподавания в университетах и коллегиях, когда народное просвещение в королевстве вышло из-под власти иезуитов. Я думаю, однако, что можно отнести с большей точностью начало настоящей литературы в Испании ко времени Филиппа V, ибо в это царствование на полуострове показались ростки просвещения, которые произвели вскоре таких людей, как Рода, Кампоманес, Флорида-Бланка и многие другие не менее просвещенные испанцы.

IV. В течение двадцати лет, предшествовавших

Untitled

восшествию на престол Карла IV, сформировалось множество выдающихся людей, действовавших в царствование этого государя, и их усилия, бесспорно, привели бы Испанию к соперничеству с Францией в хорошем вкусе и совершенстве литературных трудов, если бы одно из самых бедственных событий истории не остановило импульса, данного этими великими людьми. Французская революция породила массу произведений о правах человека, гражданина, народа и наций; эти принципы не могли не встревожить короля Карла IV и его министров. Испанцы с жадностью читали эти произведения, порожденные духом свободы, и новые идеи быстро распространились по всем провинциям.

Министерство боялось заражения новым политическим учением; желая остановить его, оно заставило отступить назад человеческий дух. Оно поручило главному инквизитору запретить и арестовать все французские книги, листки и журналы, относящиеся к революции, и рекомендовало всем своим агентам тщательно наблюдать, чтобы воспрепятствовать тайному ввозу их в королевство. Вторая мера, употребленная правительством, состояла в упразднении в университетах и других учебных заведениях кафедр естественного и международного права.

V. Граф Флорида-Бланка был тогда первым министром и государственным секретарем. Это поведение окончательно погубило его в мнении народа. Его упрекали, что он только новичок в административном деле, что он не знает действительных средств к предохранению Испании от революции и умеет употреблять только меры, способные отсрочить зло, но не воспрепятствовать ему, так как,

Untitled

говорили, запрещение не только усиливает любопытство, но и делает более беспокойным и более горячим желание удовлетворить его.

VI. Инструкции, данные правительством инквизиторам, послужили к тому, что комиссары святого трибунала получили формальный приказ противодействовать ввозу книг, составленных приверженцами новой философии как противных государственной власти, причем в опубликованных указах было сказано, что они осуждаются Священным Писанием, в частности св. Петром и св. Павлом, и было велено доносить на лиц, о которых знают, что они сочувствуют принципам восстания.

VII. Было бы трудно сосчитать число доносов, последовавших за меру, которую предприняло правительство Карла IV. Большинство оговоренных были молодые студенты Саламанки и Вальядолида; их было много и в других городах и университетах королевства. Кто любил сочинения о революции, опубликованные во Франции, презирал запрещение инквизиторов и употреблял все средства, чтобы добыть их. Поэтому естественное и международное право тогда изучалось более, чем в эпоху, когда не была упразднена эта часть преподавания. Результатом административной строгости явилось возникновение почти бесчисленного множества процессов против оговоренных, и предварительное следствие по этим делам напрасно отнимало время у комиссаров и нотариусов святого трибунала, потому что процессы приостанавливались за неимением улик, если только не увеличивалось число доносов и свидетелей какого-нибудь разговора, заслуживающего богословской

Untitled

критики.

VIII. Многие испанцы знатного происхождения или выдающихся познаний явились предметом тайных следствий как подозреваемые в безбожии и философствовании, в частности дон Николас д'Асара, посол в Риме; дон Антонио Ри-кардос, главнокомандующий

каталонской

армии;

граф

де Труильяси-Торрепальма; дон Бенито Байльс, профессор математики в Мадриде; дон Луис Каньюэло, адвокат королевских советов; дон Хосе Клавихо Фахардо, директор кабинета естественной истории; дон Томас Ириарте, начальник архива первого секретариата государственного министерства; дон Феликс Мария де Саманьего, барон и сеньор д'Аррайя; дон Грегорио де Висенте, доктор и экстраординарный профессор Вальядолидского университета; дон Рамон де Салас, профессор Саламанкского университета. В главах XXV и XXVI я рассказал историю их процессов.

IX. Происходили также дознания и тайные опросы свидетелей против множества других испанцев, которые были не менее достойны уважения нации по своему рангу, должностям, талантам и добродетелям и которые были оговорены как янсенисты. В числе жертв этого смешного обвинения отметим дома Антонио Тавиру, бывшего последовательно епископом Канарских островов, Осмы и Саламанки; дома Антонио Палафокса, епископа Куэнсы; донью Марию Франсиску де Портокарреро, графиню де

Untitled

Монтихо, грандессу Испании; дона Хосе де Йереги, наставника инфантов дона Габриэля и дона Антонио дома Хосе де Линасеро, толедского каноника, воспитателя кардинала Бурбона; дома Антонио Куэсту, архидиакона Авилы; дома Херонимо Куэсту, его брата, каноника-пенитенциария той же церкви; дома Хуана Антонио Родригальвареса, архидиакона Куэнсы, брата Мануэля Сентено, августинца, человека выдающихся заслуг. Историю преследования этих знаменитых испанцев читатель найдет в указанных главах.

X. Процесс марсельца Мишеля Мафра де Рье также относится к царствованию Карла IV. Сюда же принадлежат процессы мадридского хромого, который выдавал себя за чародея, человека, отрицавшего существование демонов (о нем я говорил в главах V и XI), - белого священника, который оказался виновным благодаря своему чересчур нежному, почти любовному разговору во время исповеди невежественных и легковверных монахинь; капуцина, притязавшего на сверхъестественные откровения, о котором я говорил в главе XXI. Было еще много других. Но так как я решил не описывать всех процессов, разбиравшихся в это царствование, я ограничусь теми, которые кажутся наиболее интересными.

XI. Дон Бернардо Мария де Кальсада, пехотный полковник, шурина маркиза де Манка, привлек мое внимание своим несчастьем, когда он был арестован герцогом де Мединасели, главным судьей святого трибунала. Я сопровождал его в качестве секретаря, так как секретарь секвестра заболел. У дона Бернарде было много детей, доведенных до нищеты, и я страдал, видя печальное

Untitled

положение их матери. Я предполагаю, что эта дама не забыла того, как я держал себя в эту грустную ночь и при вторичном посещении на другой день. Несчастный Кальсада, которому его жалованья чиновника в военном министерстве не хватало для содержания многочисленной семьи, занялся переводом некоторых французских произведений и составил один труд сатирического характера, доставивший ему врагов в среде фанатиков и монахов, которые под видом горячего усердия к самой строгой морали обнаружили свою нетерпимость ко всему, что не согласно с их мыслями. Они погубили своими доносами эту семью, глава которой, проведя несколько времени в тюрьме святого трибунала, подвергся отречению в легкой степени, которое почти равнялось отпущению, за проступки, касающиеся веры, и был затем изгнан из Мадрида, отказавшись от своей должности и от надежды на повышение.

XII. Придворная инквизиция проявила большую снисходительность к маркизу де Нарросу. Хотя многие свидетели показали, что слышали, как он поддерживал еретические тезисы Вольтера и Руссо, которых, судя по его словам, он читал, а также Монтескье, Мирабо, барона Гольбаха [201] и других философов той же школы, его избавили от позора тюрьмы и публичного покаяния. Нашли более приличным попросить графа де Флорида-Бланку, бывшего тогда первым министром и государственным секретарем, послать ему через обыкновенного курьера провинции Гипускоа, где он тогда жил, извещение, что король приказал ему явиться в Мадрид по правительственным делам. Маркиз поспешил отправиться

Untitled

ко двору, тем более удовлетворенный получением приказа, что он надеялся на назначение помощником гувернера принца Астурийского, нынешнего Фердинанда VII. Об этом он говорил своему родственнику герцогу де Гранаде, у которого остановился по прибытии в столицу. На другой день он получил приказ о невыезде из Мадрида и о явке, когда получит извещение, в зал заседаний инквизиции. Вскоре он сознался в предъявленных ему обвинениях и даже добавил несколько признаний, заявляя, однако, что не переставал быть настоящим католиком и что желание прослыть за самого образованного человека в стране было единственным мотивом, заставившим его высказать эти тезисы. Он произнес отречение как слегка заподозренный; на него наложили тайную епитимью, и его дело было известно только очень небольшому числу лиц. Если бы трибунал всегда следовал этому правилу, ни один выдающийся человек не опасался бы, что будет опозорен, ибо все явились бы перед судьями, заявляя, как маркиз де Наррос, о чистоте своих намерений. Личного интереса было бы достаточно для избежания диффамации; тогда в числе узников увидали бы только людей из простонародья, которым нечего терять через побег и которые поэтому не решались уезжать из Испании вместо явки в трибунал для ответа на обвинения.

XIII. Инквизиторы Валенсии привлекли к суду брата Агостино Кавадеса, начальника монастыря ордена милосердия, профессора богословия в университете Валенсии. Он вышел из тюрьмы святого трибунала и произнес отречение. Когда он очутился на свободе, то потребовал пересмотра приговора, и верховный совет

Untitled

признал справедливость его апелляции. Брат Агостино был реабилитирован в своей чести и должности, и вынесенный против него приговор был объявлен недействительным и не имеющим последствий в будущем. Досадно видеть, что совет, следуя духу своего века и прогрессу просвещения, в большинстве процессов не имел мужества предложить королю, чтобы каждый подозреваемый, ответив на обвинение прокурора, освобождался под свое клятвенное ручательство. Нельзя сомневаться, что множество обвиняемых доказало бы свою невиновность и с пользой для себя отвело бы свидетелей предварительного следствия.

Статья вторая Процесс, возбужденный против дона Мариано Луиса де Уркихо, первого министра и государственного секретаря

I. Дон Мариано Луис де Уркихо, первый министр и государственный секретарь Карла IV, был также предметом преследования святого трибунала. При врожденной необычайной силе духа тщательное образование помогло ему усвоить познания своего века и возвысило его над заблуждениями эпохи. С ранней юности он получил известность благодаря переводу Смерти Цезаря (трагедии Вольтера), опубликованному им вслед за Предварительным рассуждением о возникновении испанского театра и его влиянии на нравы. Это произведение, обнаруживавшее только благородное желание славы и пламенную гениальность его автора, возбудило внимание святого трибунала. Тайные розыски были направлены относительно религиозных убеждений кавалера Уркихо, в глазах которого одна внешняя практика

Untitled

не заменяла добродетели. Трибунал удостоверился, что он обнаруживает большую независимость мыслей и, имея решительную склонность к философии, всецело предается изучению этой науки, которую инквизиция квалифицировала как учение неверующих. Вследствие этого намеревались заключить его в тюрьму, когда граф д'Аранда, первый министр и государственный секретарь, убедившись в его способностях и заметив его имя в списке выдающихся молодых людей, предназначенных к дипломатии графом Флорида-Бланкой, его предшественником, предложил королю приобщить его к государственным делам. Карл IV назначил его в 1792 году чиновником первого государственного секретариата.

II. Инквизиторы изменили ход ведения дела, видя возвышение человека, которого они наметили своей жертвой. Их политика в эту эпоху внушала им к министерству уважение, которого они не имели в предшествующие века. Постановление о заключении в тюрьму они обратили в другое, названное слушанием улики, по которому кавалер Уркихо должен был тайно являться в трибунал придворной инквизиции по каждому вызову. Приговор свелся к объявлению его слегка заподозренным в разделении заблуждений новых неверующих философов. Он был условно освобожден от церковных наказаний, и на него наложили некоторые духовные епитимьи, которые он мог отбыть тайно. Трибунал потребовал его согласия на запрещение переведенной им трагедии и составленного им предварительного рассуждения. Как на замечательное свидетельство уважения, надо указать на то, что он не был назван в указе ни как автор, ни как переводчик. Не

Untitled

захотели довести о нем до сведения толпы, которая вообще мало сохраняет почтения к заслуженным людям, чьи произведения запрещены святым трибуналом.

III. Если сличить процесс кавалера Уркихо с процессом архиепископа Каррансы, не без удивления устанавливаешь политическую осмотрительность новых инквизиторов и суеверную варварскую тиранию, которую прежние инквизиторы развили против достопочтенного примаса испанской Церкви. Правда, инквизиторы нашего времени редко обнаруживают такую сдержанность, какую они проявили в 1792 году, и надо сознаться, что боязнь оскорбить графа д'Аранду (который ненавидел инквизицию) была тайным мотивом их поступков в этом случае.

IV. Достойный ученик графа д'Аранды, кавалер Уркихо в царствование Карла IV дошел постепенно до звания первого министра в тридцатилетнем возрасте. Одаренный искусством оценивать эпоху и распознавать людей, полный достоинства и властности, способный повелевать людьми, он приложил все усилия к искоренению всякого рода злоупотреблений и к уничтожению заблуждений, противодействующих прогрессу просвещения и благополучию родины. Гордый, деятельный, непреклонный в отстаивании прав своего народа, он проявлял неустанную заботу о внутреннем порядке: злоупотреблениям некуда было укрыться. Везде он поощрял промышленность и искусство. Мир обязан ему бессмертным трудом барона Гумбольдта [202]. Наперекор всем испанским обычаям, он открыл этому знаменитому путешественнику в 1799 году доступ в Америку и дал ему

Untitled

могущественную поддержку первого министра, увлекающегося науками и искусством. С помощью своего друга адмирала Масарредо он поднял флот. Он первый в Европе составил проект уничтожения рабства. Он ввел в обычай - принцип обмена военнопленных с маврами действующим поныне трактатом, заключенным между королем Испании и султаном Марокко. В 1800 году, когда, по-видимому, судьба покровительствовала французским армиям и французское правительство преследовало династию Бурбонов, он устроил королевский престол в Этрурии [203] для принца этой знаменитой фамилии, женатого на дочери Карла IV, и подписал в Сан-Ильдефонсе трактат с генералом Бертье [204], который после стал принцем Ваграмским.

V. Смерть папы Пия VI послужила для него благоприятным случаем ослабить в некоторой степени зависимость Испании от Ватикана. Благодаря ему король подписал 5 сентября 1799 года декрет, возвращавший епископам пользование правами, узурпированными римской курией вопреки канонам. Этот декрет освобождал испанский народ от ежегодной траты многих миллионов на получение брачных льгот в близких степенях родства и других булл и бреве.

VI. Этот смелый шаг должен был привести к преобразованию инквизиции, этого бича человечества, которая своим устарелым и чудовищным устройством противоречила духу Евангелия и принципам Церкви и противодействовала государственному благу и благополучию народа. Министр хотел было упразднить ее совершенно и ее имущество отдать на учреждения

Untitled

благотворительности и общественной пользы. Он заготовил декрет и представил его к подписи Карла IV. Если это великое дело и не было тогда совершено, то министру, по крайней мере, удалось убедить монарха в необходимости урегулировать власть святого трибунала по принципам, более согласным с правосудием, запретив этому трибуналу арестовывать кого бы то ни было без королевского соизволения и разрешив узникам после судебного допроса получать всякое сообщение и предъявление всех документов их процесса и свидетельских показаний, как это бывает в других судах.

VII. В числе многочисленных мудрых решений, внушаемых кавалером Уркихо королю, есть одно, которое нельзя опустить в этой Истории. Это решение было опубликовано 11 октября 1799 года в форме указа о свободе и независимости всех книг, бумаг и вещей иностранных консулов, поселившихся в приморских портах и торговых городах испанских владений. Указ был издан по случаю опрометчивого обыска, произведенного комиссарами инквизиции Аликанте в доме Леонгарда Стука, покойного голландского консула, и в Барселоне у французского консула.

VIII. Эти счастливые мероприятия испанского двора прервались с падением министра, который был их инициатором. Жертва интриги, он испытал судьбу, выпадающую на долю великих людей, которым не удалось уничтожить заблуждения и предрассудки, против которых они боролись. Своекорыстие, тщеславие, низкие страсти, задетые разоблачением и подавлением злоупотреблений, ничего не прощают тому, кто поднял завесу, а еще менее

Untitled

тому, кто, никогда не произнося слов предательства или лжи, встречает их ухищрения с откровенностью и мужеством безупречной души. Кавалер Уркихо был заключен и постоянно содержался в строжайшей тайне в сыром застенке Памплонской крепости. Лишенный всего, не имея возможности добыть книги, чернила, бумагу, огонь, свет, он претерпел в долгом заточении незаконное обращение.

IX. Фердинанд VII при своем вступлении на престол объявил несправедливым и незаконным все сделанное относительно его в минувшее царствование. Кавалер Уркихо, забыв ужасы восьмилетнего гонения, благословил в Фердинанде государя, который желал необходимых реформ и добровольным актом положил предел испытанному им ужасному обращению. Он отправился в Витторию, когда государь, направляясь в Байонну, остановился в этом городе. Он все пустил в ход, чтобы отвратить короля от этого гибельного путешествия.

Письма, написанные им по этому поводу его другу генералу Куэсте от 13 апреля, 8 мая и 5 июня 1808 года (вечный памятник пронизательности и глубины взглядов этого действительно государственного человека), содержат точное предсказание всех несчастий, постигших Испанию, и указывают средства, которые могли бы их предупредить {Эти письма находятся во втором томе Мемуаров по истории испанской революции дона Хуана Нельерто, под э 34, 59 и 67. (Под Нельерто следует разуметь того же Льоренте. - Ред.)}. Личные советники Фердинанда отвергли эти мудрые предостережения, предохранившие бы монархию от бедствий, которые навлек этот неосторожный

Untitled

шаг.

X. Полный привязанности к испанской королевской фамилии, кавалер Уркихо отказался явиться в Байонну, вопреки троекратному приказу Наполеона, пока не появились акты отречения Карла IV, Фердинанда VII и принцев его семьи.

Только после того, как все эти королевские особы покинули этот город, он прибыл туда. Он любил свою родину; он ничего не упустил, чтобы убедить Наполеона не приводить в исполнение его планов в отношении Испании, но его энергичная логика не имела успеха.

XI. Избранный секретарем хунты испанских нотаблей, собравшихся в Байонне, и вслед за тем назначенный министром и государственным секретарем, Уркихо принял эту должность. На его благородных намерениях незачем долго останавливаться: они известны всем. Он видел, что монархия низвергнута и погружена в анархию. Тогда, уступая насилию, воспламеняясь надеждой с пользой послужить нации, он отдал ей свое просвещение и пожертвовал своим покоем. Он всячески старался отвратить бедствия, которые готовы были обрушиться на нее. Он хотел предупредить народные восстания, осквернение храмов, разрушение городов, пожары домов, разорение семей - одним словом, вырвать страну из бедствия гражданской и международной войн, удержать целостность ее границ и сохранить за ней то высокое положение, которого требовала национальная честь.

XII. Находясь на этом высоком посту, в каждом несчастном он видел своего брата, и среди бед, каких Испания не испытывала никогда, этот министр (в чьем характере было

Untitled

чувство презрения ко всему бесчестному и неразумному и в котором серьезное отношение к своим обязанностям и любовь к общественному благу горит пожирающим пламенем, подавляющим другие страсти или соединяющим их в одно чувство) стал не менее известен своими дарованиями, которые развил размышлением и трудом, чем своей прежней крайней филантропией. Наконец, он имел счастье видеть во время своего министерства появление декрета, упразднявшего страшный трибунал святой инквизиции и объявлявшего его посягающим на государственную власть.

XIII. Похвала этому великому человеку только что сделана энергичным и откровенным пером. Публика прочтет ее с удовольствием и интересом. Я ограничусь тем, что скажу, что в течение четырех лет кавалер Уркихо жил в Париже среди знаменитых друзей, которых он очаровал, судя по их сожалениям в связи с его смертью. Смерть прервала его жизненную карьеру после шестидневной болезни. Он умер, как жил, полный мужества и необыкновенной безмятежности, философии и глубокого чувства добродетели, которые свойственны честному и мудрому человеку. Его тело было похоронено 4 мая 1817 года на восточном кладбище Пер-Лашез, где поставили из белого каррарского мрамора великолепный памятник в виде круглого храма, украшенного восемью колоннами. В центре над могилой стоит кенотафий [205] со следующими надписями.

На южном фасаде главная надпись по-французски:

"Ici repose

Marianno Louis de Urquijo,

Untitled

Ancien ministre
Et premier secretaire d'Etat
D'Espagne,
Decede a Paris le 3 Mai 1817,
Age de quarante neuf ans,.
Vrai philosophe chretien;
Modeste dans la prosperite,
Fort dans l'adversite,
Politique eclaire,
Savant,
Protecteur des sciences et des arts,
Bon fils,
Fidele a l'amitie
Compatissant pour les malheureux.
Ses amis,
La famille desolee,
L'humanite entiere,
Particulierement l'Espagne,
Sa bien-aimee patrie,
Le regretteront toujours.
Terre, sois lui legere".
Ha северном фасаде та же надпись по-испански:
"Aqui Descansa
Don Marianno Luis de Urquijo,
Antiguo ministro
Y Primer secretario de estate
De Espana.
Fallecio en Paris as 3 de mayo 1817,
De e dad de 49 anos.
Verdadero filosofo cristiano;

Untitled

Modesto en la prosperidad,
Tuerte en la adversidad,
Politico ilustrado,
Sabio, Protector de ciencias y artes,
Buen hijo,
Fiel a la amistad,
Compasivo con los infelices.
Sus amigos,
Su familia descon solada,
La humanidad entera,
Particularmente Espana,
Su mui amada patria,
Sentiran siempre su falta.
I tierra, sele ligera!"

То есть: "Здесь покоится Мариано Луис де Уркихо, бывший министр и первый государственный секретарь Испании, умерший в Париже 3 мая 1817 года, сорока девяти лет от роду. Истинный христианский философ; скромный в благополучии, твердый в злополучии, просвещенный политик, ученый, покровитель наук и искусств, добрый сын, верный друг, сострадательный к несчастным. Его друзья, его безутешная семья, все человечество, особенно Испания, его любимая родина, будут всегда сожалеть о нем. Да будет ему легка земля".

На восточном фасаде:

"A la memoire

Du chevalier de Urquijo",

то есть: "Памяти кавалера Уркихо".

На западном фасаде:

"Il fallait un temple a la vertu, un asile a la douleur",

Untitled

то есть: "Нужен был храм для добродетели, убежище для скорби".

На карнизе:

"Concession a perpetuite,
XVI Metres, l'an MDCCCXVII",

то есть: "Уступленное навеки место, 16 метров, 1817 год".

Статья третья Процессы, возбужденные против князя мира и других лиц

I. В 1792 году сарагосские инквизиторы получили донос и заслушали свидетелей против дома Агостино Абад-и-ла-Сьерры, епископа Барбастро. Он был оговорен как исповедующий янсенизм и одобряющий принципы, послужившие основанием для гражданской конституции французского духовенства во время Учредительного собрания [206]. Пока это дело находилось в руках сарагосских инквизиторов, брат епископа дом Мануэль де Абад-и-ла-Сьерра был назначен главным инквизитором. Сарагосские судьи не осмелились продолжать следствие и оставили процесс под сукном. Когда дом Мануэль был отставлен от должности главного инквизитора, он сам был оговорен как янсенист, лжефилософ и макиавеллист. Однако против него не было затеяно процесса.

II. Епископ Мурсии и Картахены дом Викторин Лопес Гонсало был также оговорен в 1800 году перед инквизицией как подозреваемый в янсенизме и некоторых других ересьях за то, что одобрил и разрешил защищать в своей семинарии тезисы о приложении святого таинства литургии и некоторые другие аналогичные богословские пункты. Процесс епископа не пошел далее сокращенного дознания, потому что, узнав об интригах некоторых

Untitled

схоластических докторов иезуитской партии, он защитил себя перед главным инквизитором с такой энергией и ученой эрудицией, что остановил движение, которое совет хотел дать его делу. Торжество епископа было, однако, непродолжительно, так как члены верховного совета велели продолжать процесс против тезисов, когда заметили, что они благоприятствуют другим выводам о чудесах, защищавшимся 1 и 2 июля 1801 года в семинарии, против коих высказались почти все квалификаторы.

III. Дело янсенизма возбудило необычайное брожение в королевстве. Иезуиты, вернувшись в Испанию в силу разрешения, данного им в 1798 году, вскоре приобрели для своей партии множество друзей, обзывая янсенистами тех, кто не принимал их мнений и ультрамонтанских правил. Присутствие их нарушило спокойствие, в котором находилась страна со времени изгнания иезуитов. Их поведение было так неполитично, что их принуждены были вторично изгнать из королевства. За короткое время, которое они провели в Испании между одним изгнанием и другим, их интриги посеяли раздор на целое столетие и наполнили святой трибунал доносами. Они были виновниками преследования, направленного против графини де Монтихо, епископов Саламанки, Куэнсы и Мурсии, каноников Родригальвареса, Линасеро и других вышеназванных лиц. Епископ Куэнсы дом Антонио Палафокс в 1801 году нанес удар их интригам. Родригальварес и Посадас, каноники Св. Исидора в Мадриде, в том же году возмутились поведением своего собрата дома Бальдассара Кальво, который имел наглость

Untitled

донести в церкви на мнимое собрание янсенистов и местом их собрания назвать дом графини де Монтихо, который нельзя было не распознать по обозначенным им признакам. Действия брата Антонио Герреро, настоятеля монастыря Четок в Мадриде, были почти так же дерзки. К сожалению, Пий VII, плохо осведомленный своим нунцием Кассони, послал братьям Кальво и Герреро бреве, в котором хвалил их усердие к католической религии, радовался их преданности святому престолу и убеждал быть стойкими в своих усилиях на пользу доброго дела. Гордые этим свидетельством, которое ложные донесения вырвали у верховного первосвященника, они увеличили свою активность до такой степени, что трудно сказать, насколько бы разгорелся зажженный ими пожар, если бы Князь мира не принял мер, помешавших продолжению беспорядка.

IV. Обвинение в янсенизме братьев дома Антонио и дома Херонимо де ла Куэста, которых приговорили к заключению в тюрьму и о которых я писал в главе XXV, повлекло за собой предание суду инквизиции дома Рафаэля де Мускиса, архиепископа Сант-Яго, духовника королевы Луизы, жены Карла IV.

V. Когда этот прелат был епископом Авилы, он показал себя отъявленным врагом обоих Куэста и стал преследовать этих двух безукоризненных людей при содействии дома Висенте де Сото Вальнарселя, каноника и инспектора школ Авилы, бывшего потом епископом Вальядолида {По ошибке в главе XXV я назвал его домом Антонио Валькарселем и каноником-преподавателем. По ошибке я тоже сказал, что дом Антонио де ла Куэсты был

Untitled

членом коллегии в Саламанке; он был членом коллегии в Вальядолиде.}. Энергичная защита дома Херонимо де ла Куэсты вынудила Мускиса отвечать на обвинения в клевете. Он сделал представления, которые ухудшили его дело, так как он оскорбил инквизиторов Вальядолида и даже главного инквизитора, обвиняя их в пристрастии и в сговоре с Куэстой. Это безрассудство подвергло его опасности быть арестованным инквизицией, как навлекшего на себя церковные наказания и кары буллы св. Пия V, назначенные для тех, кто оскорбляет инквизиторов при исполнении их обязанностей. Сан архиепископа предохранил его от насилия со стороны святого трибунала, но он был присужден к уплате штрафа в восемь тысяч дукатов, а епископ Вальядолида к штрафу в четыре тысячи дукатов. Мускис был бы наказан суровее, если бы не воспользовался покровительством одной особы, добившейся содействия Князя мира, который помог замять это дело. В Мадриде публично говорили, что это стоило Мускису миллион реалов мелкой монетой, данных даме, оказавшей ему услугу. Я не знаю, верен ли факт или он принадлежит к числу сплетен, обычных при дворе.

VI. То же обвинение в янсенизме подало повод к преследованию в 1799 году инквизицией дона Хосе Эспиги, подателя милостыни при короле и члена трибунала нунциатуры. Доносчики выставили его виновником декрета 5 сентября этого года, который по смерти Пия VI запрещал обращаться в Рим за получением брачных льгот, обязывал епископов разрешать их, пользуясь своим естественным правом, и регулировать остальные пункты церковной дисциплины до избрания нового папы. Эспига был тогда

Untitled

самым близким другом министра Уркихо. Но тот не допускал ничьего влияния в делах, касающихся его должности. Нунций Кассони делал королю тщетные представления относительно декрета. Однако он до известной степени добился желаемого при помощи политических интриг. Хотя все епископы обещали исполнять королевский указ, большинство из них избегало разрешать просимые льготы, а других приверженцы римской курии отметили, как преданных делу янсенизма. Инквизиторы, хотя и продались нунцию и иезуитам, опасались скомпрометировать себя приемом доносов этого рода. Поэтому дело Эспиги не пошло далее тайного следствия, и он продолжал спокойно пользоваться своей свободой до тех пор, пока его покровитель и друг дон Мариано Луис де Уркихо не перестал быть первым министром и государственным секретарем. Тогда он был принужден покинуть Мадрид и поселиться при кафедральном соборе Лериды, коего он был сановником. Я замечу, что правительство, по-видимому, само решило опалу Эспиги, но инквизиция получила большую выгоду от этой меры в том смысле, что ей теперь не надо было действовать исподтишка, чтобы сделать его гибель неминуемой.

VII. 1796 год отмечается процессом, возбужденным против Князя мира, кузена короля и королевы по его жене донье Марии-Терезе Бурбон, дочери инфанта дона Луиса. Понятно, что немало надо было ловкости и интриг, чтобы напасть на лицо, пользовавшееся таким прочным фавором. Три доноса были представлены в святой трибунал против этого первого министра, фаворита короля

Untitled

и королевы. Он был выставлен подозреваемым в атеизме, потому что в течение восьми лет не исполнял долга исповеди и пасхального причащения; был связан браком одновременно с двумя женщинами и вел со многими другими такую жизнь, которая давала повод к большим скандалам. Три доносчика были монахами, и есть основание предполагать, что ими командовали руководители обширной дворцовой интриги, целью которых было довести князя до опалы, ссылки и потери огромного доверия, которым он пользовался в лоне королевской семьи.

VIII. Главою инквизиции был тогда кардинал Лоренсана, архиепископ Толедский, человек простой и легко поддающийся обману, но слишком робкий и настороженный против всего, что могло не понравиться королю и королеве. Хотя доносы были представлены ему, он не осмелился допрашивать ни свидетелей, ни даже доносчиков. Дом Антонио Деспуиг, архиепископ Сеговии (потом кардинал), и Дом Рафаэль де Мускис, духовник королевы, тогда бывший епископом Авилы, стояли во главе этой интриги и не пренебрегали никакими средствами, чтобы побудить Лоренсану назначить тайное следствие, вынести постановление об аресте князя с согласия верховного совета и добиться одобрения короля; они были уверены, что получат это одобрение, если они докажут ему, будто его фаворит исповедует атеизм. Эта попытка не согласовалась с характером Лоренсаны. Двое заговорщиков, заметив это, условились, что Деспуиг побудит кардинала Винченти, своего друга, бывшего нунцием в Мадриде, известного интригана, склонить Пия VI

Untitled

написать Лоренсане, упрекнув его в равнодушии, с которым он смотрит на соблазн, столь вредный для чистоты религии, которую исповедует испанская нация. Винченти получил от папы просимое письмо, так как, по-видимому, Лоренсана обещал исполнить их требование, если папа решит, что эта мера обязательна. Наполеон Бонапарт, тогда генерал Французской республики, перехватил в Генуе итальянского курьера. Среди его депеш нашли письмо, которое кардинал Винченти писал Деспуигу и в котором было вложено письмо папы к архиепископу Толедскому. Бонапарт счел полезным для добрых отношений, установившихся между Французской республикой и испанским правительством, уведомить Князя мира об этой интриге и поручил генералу Периньону [207] (теперь маршал Франции), тогдашнему послу в Мадриде, передать эту корреспонденцию Князю мира. Можно судить о значении, которое придавал фаворит этому разоблачению. Предотвратив другую интригу своих врагов, он успел разрушить их планы и добился удаления из Испании Лоренсаны, Деспуига и Мускиса, которые были отправлены в Рим, чтобы выразить папе от имени их государя соболезнование по поводу вступления французской армии в Папскую область. Их поручение относится к 14 марта 1797 года.

IX. В эту эпоху инквизиция подверглась неминуемой опасности лишиться права ареста кого-либо без разрешения короля, как это должно было бы произойти в результате процесса дона Рамона де Саласа, история коего изложена в главе XXV этого труда.

X. Дон Гаспар Мельхиор де Ховельянос, министр и

Untitled

государственный секретарь, взялся преобразовать приемы судопроизводства святого трибунала, особенно в части запрещения книг. Этот просвещенный человек перестал быть министром в 1798 году. Так как достаточно впасть в немилость, чтобы пробудить ненависть врагов, то нашлись люди, которые оговорили его как лжефилософа, врага чистоты католической религии и трибунала, наблюдающего за сохранением ее. В секретном следствии не встречается никакого особенного тезиса, способного мотивировать богословское осуждение, и процесс не имел продолжения. Однако Ховельянос остался отмеченным как заподозренный. Если трибунал потерпел неудачу в попытке наказать его за питаемое им отвращение, он достиг этого другим способом. Интриги инквизиции привели к его изгнанию из двора, и в 1801 году он был сослан на остров Майорка, куда унес с собой сожаление и уважение всех честных испанцев. Его опала длилась несколько лет.

XI. В 1799 году вальядолидские инквизиторы присудили с одобрения совета дона Мариано и дона Раймондо де Сантандера, книгопродавцев этого города, к двум месяцам заключения в монастыре, к приостановке их торговли на два года и к изгнанию с запрещением приближаться на восемь миль к Вальядолиду, Мадриду и другим королевским резиденциям. Осужденные должны были оплатить судебные издержки инквизиции. После долгого содержания в секретной тюрьме дон Мариано никак не мог добиться перевода в другое помещение, хотя испытывал частые приступы эпилепсии. Их преступление состояло в том, что они получили и продали несколько запрещенных

Untitled

книг. Хотя фанатичные и злонамеренные люди оговорили их как еретиков, в действительности нельзя было доказать этот донос. 10 ноября дон Мариано и дон Раймондо ходатайствовали перед главным инквизитором о позволении остаться в Вальядолиде, указывая, что в случае отказа им в этой милости их семьи подвергнутся опасности умереть в нищете, и предлагали заменить изгнание другим наказанием - штрафом. Я не вижу здесь никакой соразмерности кары с проступком, в особенности сравнивая обращение, которому подверглись осужденные, с тем обращением, какое выпадает на долю виновных в лицемерии. Как бы ни были велики число и важность нравственных преступлений, совершенных лицемерами в силу своего порока, они сохраняют репутацию несравненной святости, хотя постоянно обманывают людское простосердечие.

Статья четвертая Процессы, делающие честь святому трибуналу

I. Дело святоши из Куэнсы наделало много шума. Святоша была женой земледельца из местечка Вильяр де л'Агила. Среди других историй, которые она придумала для приобретения себе репутации святоши, она рассказывала, будто Иисус Христос открыл ей, что он освятил ее тело, изменив ее плоть и кровь в субстанцию своего тела, чтобы ближе соединиться в любви с нею. Бред этой женщины возбудил горячие богословские споры между священниками и монахами. Одни утверждали, что это невозможно согласно обычному образу действий Божиих, так как надо было бы предполагать в святоше более превосходные качества, чем в Деве Марии, и это

Untitled

изменение доказывало бы, что хлеб и вино не единственное вещество таинства евхаристии. Другие силились доказать, что это возможно, если вспомнить безграничность могущества Божиего. Однако они не дерзали верить в это великое чудо, так как доказательства не удовлетворяли их вполне. Некоторые верили всему, полагаясь на святость этой женщины, и удивлялись, что находились не верящие этому. Они утверждали, что не знали ничего более устойчивого, чем добродетель этой избранницы, которая не могла иметь, по их мнению, никакого интереса в обмане. Наконец, были свидетели жизни этой женщины, сообщники ее мошенничества с самого начала или одураченные из-за доверчивости и легковерия, которые продолжали верить, по крайней мере внешне, в ее сверхъестественное состояние, так как они слишком далеко зашли, чтобы отступить не краснея. Они дошли до безумного обожания этой женщины и до поклонения ей как божеству. Они в торжественной процессии водили ее по улицам и в церковь с зажженными свечами; они кадили ее ладаном, как освященную гостию на престоле. Наконец, простирались перед нею ниц и проделывали множество других не менее кощунственных вещей. Этого было вполне достаточно, чтобы инквизиция взяла на себя последнюю сцену этой скандальной драмы. Она велела заключить в секретную тюрьму эту мнимую святую и некоторых людей, отмеченных в качестве ее сообщников. Святоша окончила там свою жизнь. Одна из статей приговора повелевала отвезти ее статую на аутодафе на санях и затем сжечь. Приходский священник Вильяра и два монаха, виновные в сообщничестве,

Untitled

должны были следовать босиком за статуей, одетые в короткие туники, с дроковой веревкой на шее. Они должны быть лишены сана и сосланы навсегда на Филиппинские острова. Приходский священник из Касасимарро был отрешен от должности на шесть лет. Два человека из народа, обожествлявшие эту женщину, получили каждый по двести ударов кнутом и были заключены навсегда в одну из каторжных тюрем (presidio). Ее прислуга была послана в дом одиночного заключения (recogida) на десять лет. Я не знаю более справедливого приговора инквизиции, чем этот.

II. Эта история не послужила уроком для мадридской святоши Клары. Ее бред не заходил так далеко, как у предыдущей, но ее чудеса и святость наделали больше шуму. Она уверяла, что паралична и ей нельзя сходить с постели. Когда об этом узнали, ее начали посещать в ее комнате. Самые знатные дамы Мадрида отправлялись к ней и считали себя счастливыми, когда их допускали видеть ее, слышать, говорить с нею. Ее просили обратиться к Богу, чтобы исцелиться от болезни, избавиться от бесплодия в браке, вразумить судей - накануне важного решения, получить помощь в других жизненных бедствиях. Клара в высокопарном стиле отвечала на все как вдохновенная, прорицающая будущее. Она объявила, что по особенному призванию Святого Духа предназначена быть монахиней-капуцинкой, но испытывает чрезвычайную скорбь оттого, что не имеет ни силы, ни здоровья, необходимых для жизни в общине и в монастыре. Она так хорошо убедила слушавших ее простофиль, что папа Пий VII особым бреве разрешил ей

Untitled

произнести обеты монахинь-капуцинок перед домом Атанасио де Пуйялем, епископом-коадьютором Толедской епархии в Мадриде (в настоящее время он епископ Калаоры), и даровал ей освобождение от монастырской жизни и упражнений общины. С этого времени в свете только и говорили о чудесах и героической добродетели сестры Клары. Епископ, принявший ее обеты, получил от папы и от архиепископа Толедского разрешение устроить престол в комнате этой мнимой больной напротив ее ложа. Здесь ежедневно служили несколько обеден, и даже Святые Дары были выставлены в дарохранильнице. Клара приобщалась ежедневно и уверяла своих посетителей, что питалась только евхаристическим хлебом причастия. Обман продолжался несколько лет. Но в 1802 году она была заключена в тюрьму мадридской инквизицией. Арестовали также ее мать и монаха, ее духовника. Их обвинили в пособничестве монахине в ее обманах для получения значительных сумм, которые самые богатые и знатные мадридские дамы и другие набожные лица с полным доверием передавали в ее руки, чтобы она раздавала их в виде милостыни, кому захочет. Когда уверились в ее мошенничестве, в ее мнимой болезни и в других обстоятельствах ее жизни, присудили Клару, ее мать и духовника к заключению в тюрьме и к другим карам, гораздо меньшим, чем они заслужили.

III. Этого второго примера справедливой строгости было недостаточно для прекращения проступков этого рода. Вскоре объявилась новая святая, подобная предыдущим. Мария Бермехо, двадцати двух лет от роду, подверженная падучей болезни, поступила в 1803 году в главный

Untitled

мадридский госпиталь для лечения от эпилепсии. Дон Хосе Себриан, помощник директора этого заведения, и дом Иньиго Асеро, капеллан его, стали обращаться с ней крайне внимательно, заметив ее сверхъестественное, по их мнению, состояние. Вскоре они стали ее сообщниками и получили от мадридской инквизиции заслуженную кару. Для установления репутации святости Марии Бермехо они придумали бесчисленное множество лживых доводов, служивших для прикрытия их постыдных сношений с нею. IV. Инквизиция более не думала, по примеру прежних лет, обречь на сожжение людей, которых ей приходилось судить. Доказательство этой похвальной перемены в ее системе стало очевидным, когда был привлечен к суду дом Мигуэль Солано, приходский священник местечка Эско в Арагоне {Дом Мигуэльт Хуан Антонио Солано родился в Вердуне, городке Урагона, в епархии Хаки. Он изучал латинскую грамматику, философию Аристотеля и схоластическое богословие. Представ соискателем при распределении приходов в епархии Хаки, он получил приход в местечке Эско. Природа одарила его талантом изобретателя, проницательным умом, склонным к прикладной математике. Ради развлечения он занялся столярным ремеслом. Он изобрел плуг, годный для обработки земли без помощи быков или лошадей. Он подарил свою машину правительству для общей пользы земледелия, но ею не воспользовались. Желая стать полезным для своих прихожан, Солано взялся удобрить землю оврага, лежащего между двух скал, и вполне преуспел в этом. Он спустил в этот овраг воды источника, удаленного от этого места более чем на четверть

Untitled

испанской мили.

Жестокая и длительная болезнь сделала его хромым и почти не владеющим своими членами. Во время своего выздоровления он отыскал средство для выхода из дома, изобретя стул, при помощи коего он мог доходить до своего сада. Когда возраст привел его к размышлениям другого рода и так как у него было немного книг, он особенно занялся изучением Библии. Он обрел в ней, без всякой посторонней помощи, свою религиозную систему, почти не отличающуюся от той, коей следуют реформаты, наиболее привязанные к дисциплине первых веков церкви, потому что он был убежден, что все, что не выражено в Новом Завете или противоречит буквальному смыслу Священного Писания, было выдуманно людьми и, следовательно, должно рассматриваться как доступное заблуждению.

Он письменно изложил свои убеждения и послал этот труд своему епископу, прося разъяснений и оценки своего образа мыслей. Епископ Лопес Гиль обещал ответить. Но так как ответ не приходил, Солано сообщил свои мнения профессорам богословия в университете Сарагосы и некоторым соседним приходским священникам. За это на него поступил донос в сарагосскую инквизицию, которая велела приступить к тайному следствию и арестовать подсудимого.

Один из этих священников, называвших себя его друзьями, получил поручение арестовать его, когда несчастный Солано, больной и параличный, нуждался в полной свободе для своего выздоровления. Несмотря на бдительность комиссара инквизиции, Солано нашел

Untitled

способ переправиться в Олерон, первый французский город по ту сторону границы. Но вскоре, сильной правотой своих намерений, он осмелился надеяться, что инквизиторы уважат его невиновность и просветят его, указав заблуждение, в которое он мог впасть. Он вернулся в Испанию и написал инквизиторам, что готов подчиниться всему, чтобы узнать истину и уверовать в нее. Его поведение доказывает, что он не знал трибунала инквизиции.}

Было доказано показаниями свидетелей, что он высказал несколько тезисов, осужденных Церковью. Он был посажен в секретную тюрьму сарагосского трибунала. Он во всем признался, но привел в свое оправдание, что, долговременно размышляя с самым искренним желанием отыскать истину относительно христианской религии, опираясь только на Библию, он пришел к убеждению, что истина - только то, что содержится в Священном Писании; все остальное может быть ошибочно, даже если многие Отцы Церкви утверждают это, потому что они люди и, следовательно, подвержены ошибкам. Он считает ложным все, что римская Церковь установила вопреки тексту Писания и что не согласуется с его буквальным смыслом, поскольку можно впасть в заблуждение, принимая то, что ни прямо, ни косвенно не вытекает из священного текста. Он считает вероятным, что идея чистилища и лимбов является человеческим предположением и, так как Христос говорит только о двух местопребываниях души - рае и аде, грешно получать деньги за служение обедни, хотя бы они были даны в виде милостыни и для поддержания служащего; священники и другие служители религии

Untitled

должны получать жалованье от правительства за свои труды, по примеру судей и других чиновников. Введение и учреждение десятины было, по его мнению, обманом священников, а способ истолкования церковной заповеди в том смысле, что десятину надо платить без вычета обсеменения и расходов по сбору, есть недостойная кража, противная интересам общества и земледельцев; не следует, говорил он, считаться с тем, что папе угодно объявить или повелеть, потому что в Риме не почитают другого бога, кроме корыстолюбия, и все меры этого правительства клонятся только к собиранию денег с народа под предлогом религии. Таким образом, он отказывал папе в праве декретировать каноническое снятие сана, запрещения брака, снятия этих запрещений посредством льгот и во множестве других пунктов, составлявших силу папства. Священник Солано создал целую систему из этих положений и изложил свое учение в книге, которую доверил епископу и другим богословам, как будто этот шаг не имел для него никакой опасности.

V. Сарагосские инквизиторы при помощи уважаемых богословов взялись побудить Солано отказаться от его мнений. Священники убеждали его признать заблуждения и раскаяться в них; они старались устрашить его смертью на костре, предназначенной для упорных и нераскаявшихся еретиков. Дом Мигуэль отвечал им, что ему хорошо известна опасность, которой он подвергается, но если бы этот мотив побудил его отказаться от истины, содержащейся в Евангелии, он будет осужден на суде Божиим, и эта опасность заставляет его забыть обо всех других, напоминая, что все случившееся с ним было

Untitled

предвидено и возведено в Евангелии; если он заблуждается, Бог видит его чистосердечие и соблаговолит просветить его или простить ему. Ему поставили на вид непогрешимость Церкви, которая должна заставить его осудить как безрассудное предположение предпочтение им своих собственных убеждений мнениям стольких святых и великих людей, которыми гордится религия и которые, собравшись во имя Иисуса Христа и призвав помощь, обещанную им в Евангелии, высказались после зрелого обсуждения относительно истинного смысла темных мест Писания и признали истины, которые он покинул. Но этим нельзя было смутить священника Солано. Он отвечал, что на всех этих собраниях интересы римской курии примешивались к спорам о богословских предметах и сделали тщетными добрые намерения нескольких уважаемых людей.

VI. Когда процесс дошел до приговора, инквизиторы высказались за релаксацию; надо согласиться, что они не могли поступить иначе по кодексу инквизиции. Но верховный совет, желавший избавить Испанию от зрелища аутодафе, прибег к чрезвычайному средству допросить некоторых лиц, которые были названы свидетелями, но не были допрошены; в то же время совет поручил инквизиторам употребить новые усилия для того, чтобы обратить осужденного. Эти два средства не произвели удовлетворительного результата. Процесс несколько не изменился, и, хотя судьи хорошо поняли мотивы, заставившие совет голосовать против их решения в этом деле, они не дерзнули обойти закон. Они вторично произнесли релаксацию, и совет, не желавший ее,

Untitled

воспользовался как предлогом показаниями одного свидетеля для организации служебного опроса приходских священников и врачей в Эско и по соседству, чтобы выяснить, не страдал ли обвиняемый какой-нибудь болезнью, ослабившей или затемнившей его разум. Результаты этой информации должны были быть сообщены совету, а в ожидании этого дело было приостановлено. Инквизиторы исполнили приказ верховного совета. Врач из Эско, подозревавший, чего хотели добиться, заявил, что священник Солано за несколько лет до своего ареста был серьезно болен, и неудивительно поэтому, если его разум ослабел: именно с этого времени он стал чаще говорить о своих религиозных убеждениях, которые не совпадали с точкой зрения испанских католиков, духовных лиц и местных жителей. Совет, получив это заявление, приказал, не высказываясь окончательно по этому делу, возобновить настояния для обращения обвиняемого. Между тем Солано опасно заболел. Инквизиторы поручили самым искусным богословам Сарагосы привести его к вере и даже просили дома Мигуэля Суареса де Сантандера, епископа-коадьютора Сарагосской епархии и апостолического миссионера (теперь он бежал во Францию, подобно мне), увещевать его с мягкостью и благостью евангельского служителя, столь свойственными этому прелату. Священник оказался чувствительным ко всему, что для него делали, но сказал, что не может отказаться от своих убеждений, боясь оскорбить Бога изменой истине. На двадцатый день его болезни врач объявил ему, что он при смерти, и побуждал его

Untitled

воспользоваться последними минутами. "Я в руках Божиих, - возразил Солано, - мне больше нечего делать". Так умер в 1805 году приходский священник из Эско. Ему было отказано в церковном погребении. Он был тайно похоронен в ограде зданий инквизиции, близ фальшивой двери дома трибунала, со стороны Эбро. Инквизиторы дали во всем отчет верховному совету, который одобрил это и запретил продолжать процесс против мертвеца, чтобы воспрепятствовать его фигуральному сожжению.

VII. Такое поведение совета явно доказывает, что теперь изменился образ мыслей по сравнению с более ранними временами. Главный инквизитор Арсе может справедливо гордиться, что он первый нашел честное средство обойти органические законы святого трибунала в пользу человечности. Надо только пожалеть, что он не предложил королю уничтожение казни сожжением, так как даже если будут продолжать сурово обращаться с нераскаявшимися еретиками, было бы все-таки менее жестоко ссылать их на Филиппинские острова - мера наказания, к которой были присуждены священники, сообщники святоши из Куэнсы (хотя это слишком суровая кара за простое заблуждение); это наказание выгодно в смысле воспрепятствования распространению ереси.

Статья пятая Ограничение власти святого трибунала

I. Через два года после интриги, затеянной для гибели Князя мира, в Аликанте случилось другое происшествие, которое было бы достаточным для мотивирования преобразования и даже, может быть, уничтожения инквизиции. Леонгард Стук, консул Батавской республики [208], умер в Аликанте, и его душеприказчик, французский

Untitled

вице-консул, наложил печати на дом покойного до тех пор, пока будут выполнены все формальности, предписанные законами. Комиссар инквизиции объявил губернатору города, чтобы он снял печати и передал ему ключи от дома для регистрации книг и гравюр, которые там найдутся, потому что в числе их были запрещенные. Губернатор отсрочил исполнение этого требования до получения ответа на свой запрос от министра Его Величества. Комиссар, недовольный этим промедлением, пришел ночью со своими альгвасилами, сломал печати, открыл двери и составил опись, которая была поручена ему святым трибуналом; покончив с этим, он как умел наложил печати на прежние места. Посол Батавской республики пожаловался правительству на нарушение международного права, и 11 октября 1799 года король велел своему министру дону Мариано Луису Уркихо написать главному инквизитору, что "инквизиция впредь должна избегать подобных правонарушений и ограничить свое служение наблюдением, чтобы по смерти посла, консула, вице-консула и всякого другого агента иностранной державы не было продано ни книг, ни какого-либо другого предмета, запрещенного испанцам и натурализовавшимся иностранцам, не компрометируя подобными актами правительства Его Величества перед другими державами... Ввиду того (говорил министр от имени короля), что это происшествие и другие вещи, не менее противоречащие общественному порядку, поддерживают и усиливают отвращение, питаемое к святому трибуналу, и его дурную репутацию у других народов, трибунал не должен был никоим образом

Untitled

проникать в дом, над которым у него не было никакой юрисдикции, вопреки привилегиям и обычаям всех народов. Его Величество не может смотреть равнодушно на слишком частые злоупотребления властью, которые позволяет себе трибунал; хотя эти эксцессы, несомненно, противоречат его взгляду, истинно христианским принципам, политике и общему интересу, он видит, однако, что они повторяются досадным и предосудительным образом". Почти то же приключилось в Барселоне с французским консулом, бумаги и книги которого хотели задержать.

II. Иностранные державы и народы будут благодарны памяти министра Уркихо, желавшего заставить уважать их независимость, упраздняя трибунал, который он считал противным духу Евангелия, благополучию - его родины, распространению просвещения и даже государственной власти королей.

III. Инквизиция неоднократно подвергалась опасности быть упраздненной или подчиненной общим формам публичных судов. Мне казалось полезным напомнить здесь эти случаи, потому что попытки реформ чаще встречались в царствование Карла IV.

IV. 1) В 1506 году Филипп I Австрийский вступил на престол Испании и узнал о покушениях, совершенных инквизитором Лусеро и многими другими. Смерть короля спасла инквизицию, и ее основатель Фердинанд V принял бразды правления, так как сумасшествие королевы Хуанны, дочери короля, сделало невозможным ее царствование.

V. 2) В 1517 и 1518 годах, в начале царствования Карла I

Untitled

Австрийского (императора Карла V), национальные собрания кортесов Кастилии, Арагона и Каталонии требовали реформы, значившей в глазах настоящих католиков упразднение инквизиции. Король обещал такую реформу, но кардинал Адриан (впоследствии папа) отговорил его от исполнения обещания, пока был главным инквизитором. Последующие собрания генеральных кортесов королевства неоднократно возобновляли ту же попытку в царствование этого государя, а также при Филиппе II и Филиппе III. Государственный совет Кастилии и некоторые чрезвычайные советы, собранные для какого-либо поручения, делали то же при Филиппе IV и Карле II. Но протесты, требования и просьбы были безрезультатны, потому что главные инквизиторы, римские нунции и иезуиты всегда успевали обмануть королей.

VI. 3) В царствование Филиппа V Бурбона была сделана такая же попытка. Кардинал Джудиче, главный инквизитор, и совет инквизиции осудили учение дона Мельхиора де Меканаса, королевского прокурора при верховном совете Кастилии, защищавшее власть светских государей против захватов римской курии и других церковных трибуналов. Но декрет об упразднении не был исполнен, потому что кардинал Альберони при поддержке королевы Елизаветы Фарнезе склонил короля оставить это намерение.

VII. 4) В царствование Карла III повторилось нечто подобное, когда чрезвычайный совет и графы Аранда, Кампоманес и Флорида-Бланка представили государю картину злоупотреблений, постоянно совершаемых святым трибуналом. Но Карл III счел долгом ограничиться частными приказами для предотвращения впредь

Untitled

посягательств на королевскую юрисдикцию, произвольного запрещения книг и несправедливых и позорящих арестов, не имеющих своим мотивом ереси.

Главный инквизитор, папский нунций и королевский духовник объединились тогда с некоторыми грандами Испании, более набожными, чем просвещенными, и успели спасти инквизицию. Указы Карла III не соблюдались в тайном судопроизводстве инквизиции, которая продолжала действовать независимо.

VIII. 5) В царствование Карла IV в 1794 году - тогда именно доном Мануэль Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Силиврии и главный инквизитор, решил преобразовать судопроизводство трибунала, главою коего он был. Для этой цели он велел мне написать труд под заглавием Рассуждение о судопроизводстве святого трибунала, в котором я указывал недостатки действующей практики и средства к их уничтожению, даже в том случае, если бы судопроизводство по-прежнему осталось тайным в процессах по делу ереси. Но при помощи интриг добились от Карла IV указа об удалении архиепископа из Мадрида и об отставке его от должности главного инквизитора.

IX. 6) В 1797 году королю были сделаны представления против трибунала в пользу дона Раймундо де Саласа, профессора в Саламанке, и Князь мира раскрыл преследование, готовившееся против его личности, хотя он был тогда первым министром и государственным секретарем. Но королевский декрет, составленный от имени короля доном Еухенио Льягуно, министром департамента помилования и юстиции, не был, однако, подписан Его Величеством, потому что Князь мира стал

Untitled

жертвой другой интриги, виновник коей дом Филипе Вальехо, архиепископ Сант-Яго, правитель совета Кастилии, был личным врагом доктора Саласа. Король ограничился изгнанием из королевства кардинала Лоренсаны, архиепископа Толедского, главного инквизитора, и послал его в Рим к папе Пию VI с чрезвычайным поручением, о котором упоминается в письме, адресованном князем кардиналу от 14 марта 1797 года.

X. 7) В следующем, 1798 году, дон Гаспар Мельхиор де Ховельянос стал преемником министра Льягуно, а дон Франсиско де Сааведра - Князя мира. Ховельянос хотел воспользоваться трудом, составленным мною по желанию архиепископа Силиврии, копию которого я ему передал; но он не мог исполнить своего намерения: Карл IV, плохо осведомленный и обманутый интриганами, приказал этому министру удалиться к себе в Тихон, в Астурии.

XI. 8) В 1799 году дон Мариано Луис де Уркихо, заменявший Сааведру во время его болезни, хотел убедить Карла IV уничтожить трибунал инквизиции. Эта попытка не имела других результатов, кроме указов, благоприятных для иностранцев по случаю происшествий в Аликанте с батавским консулом и в Барселоне с французским консулом.

XII 9) В 1808 году Наполеон Бонапарт постановил в Чамартине (близ Мадрида) 4 декабря упразднить святой трибунал, мотивируя свой декрет тем, что трибунал покушается на государственную власть.

XIII. 10) В 1813 году 22 февраля чрезвычайные генеральные кортесы королевства Испания приняли ту же

Untitled

меру, заявив, что существование привилегированного трибунала инквизиции несовместимо с политической конституцией монархии, которую они декретировали и опубликовали и которую приняла вся нация.

XIV. Несмотря на два последних постановления об упразднении, трибунал существует еще теперь, потому что большинство людей, окружающих престол, всегда были и всегда будут сторонниками невежества, ультрамонтанских мнений и идей, господствовавших в христианском мире до изобретения книгопечатания, - идей, воспроизведенных и энергично поддержанных иезуитами, которые недавно были возвращены в Испанию Фердинандом VII. Я не сомневаюсь, что Его Величество пользовался в этом деле плохой информацией и еще худшими советами. Надо думать, что он не допустил бы иезуитский орден в свое государство, если бы знал, что произошло, когда Карл IV разрешил им вернуться в Испанию, ибо они не замедлили взбудоражить монархию гнусными интригами, раскрытие которых привело к вторичному изгнанию иезуитского ордена. Иезуиты тайно напечатали небольшое анонимное письмо, адресованное епископам, в котором пародировали Апокалипсис. Я видел экземпляр, пришедший по почте к калаорскому епископу. Я дам копию с него, потому что этот курьезный документ достоин истории и, вероятно, не был напечатан. Вот перевод с латинского подлинника, который лучше всего докажет злоупотребление текстами Священного Писания, которое допускала иезуитская шайка:

"Ангелу Калаоры. Мы обретаемся в весьма тяжелые времена, близкие к концу света. В них будет изобиловать

Untitled

неправда и охладает любовь многих в этом королевстве, издревле вполне католическом, мы видим многое, что не замечалось ни в какую эпоху, даже в ту, когда Бог допустил нашествие маврских полчищ. Зло растет, а пастыри молчат, ибо ныне многие холодны, почти все ленивы, многие алчны, некоторые достигли тягостного предела старости, о котором говорит св. Петр, а также св. Иуда в своем совершенно удивительном соборном послании, описывающем наилучшим образом сей век. Итак, что же, ангел Церкви? Где твоя ревность, о коей Давид сказал: "Ревность по доме твоём снедает меня". Где ревность о спасении остатков католиков в Испании? Ты думаешь, что все твои обязанности исполнены охранением вверенной тебе паствы? Никоим образом этого нет, когда уныние овладело испанской Церковью. Ты позволяешь Иезавели, женщине, которая называет себя пророчицей, учить и обольщать рабов моих (говорит Господь), чтобы они прелюбодействовали и ели от идоложертвенного. Поэтому он прибавляет: если все епископы Испании, собравшись о Духе Святом, не воззовут вместе к обманутому королю о жертвоприношении и жертве, они все будут стерты из книги живота, потому что недостаточна перед Богом в епископе безупречность личной жизни, ибо при расхищении стада нужно жизнь свою полагать за спасение овец. Да воспламенит тебя Бог Отец, да воспламенит тебя Бог Сын, да воспламенит тебя Бог Дух Святой, который даст тебе слова и мудрость, коим не смогут противостоять противники его. Утверди остальных братьев твоих. Если ты не исполнишь того, что я предписываю, я приду к тебе, яко тать, и ты не узнаешь часа, когда приду к тебе. Крик

Untitled

епископов будет спасением стада".

XV. Я не стану останавливаться на истолковании этого гнусного и мятежного письма. Каждый без труда раскроет отвратительную цель этой махинации. Но так как я вижу восстановление иезуитов в моем отечестве, я не колеблюсь предсказать, что они помогут всем своим усердием и всеми своими интригами влиянию апостолического нунция для удержания инквизиции.

XVI. Конечно, в министерстве есть люди, прекрасно это понимающие, как, например, Писарро, первый министр и государственный секретарь, и Гаррай, министр финансов. Мадридская Всеобщая газета от 3 мая 1814 года извещает, что Писарро (бывший тогда резидентом в Берлине) написал, что недавно перевели на английский и немецкий языки Разоблаченную инквизицию {По-видимому, речь идет о книге А. Пуибгланча. Нам удалось видеть лишь более позднее немецкое издание. Оно озаглавлено: Die entlarvte Inquisition, ein hristoisch-philosophisches Gemalde dieses schrecklichen Gerichts. Nach dem spanischen Originale des Don Antonio Puigblanch und der englischen Uebersetzung von William Walton im Anzuge bearbeitet Weimar 1877. (Примеч. ред.)} и что это доставило ему большое удовольствие.

Глава XLIV Об инквизиции в царствование Фердинанда VII I. Фердинанд VII вступил на престол 19 марта 1808 года, но поездка в Байонну помешала ему приступить к исполнению своих монарших обязанностей. Продолжалось нашествие французов, в течение которого в Испании не было инквизиционного трибунала, ибо Наполеон Бонапарт, считая себя завоевателем всего государства, издал указ о его упразднении. Наполеон поставил королем своего брата

Untitled

Жозефа, и тот открыл мне доступ к архивам верховного совета {Супремы. (Примеч. перев.)} инквизиции и ее отдела расследований, распорядившись также, чтобы трибуналы провинций высылали на мое имя все документы, о которых бы я ни попросил.

II. С его согласия я велел сжечь все уголовные дела, оставив лишь те, в которых описываются самые важные и известные процессы, и те, в которых участвуют титулованные особы, в частности дела семейств Карранса, Маканас, Фроилан Диас и некоторых других, ибо все это принадлежит истории. Я также распорядился оставить нетронутыми книги постановлений совета, королевские указы, буллы и бреве из Рима, имущественные дела; впрочем, как и все сведения о родословных служителей инквизиции, ибо эти данные часто бывают полезны для доказательства родственных связей в тяжбах о майоратах, субституциях, попечительских делах, капелланствах, завещаниях, богоугодных делах и пожертвованиях.

III. В одном труде, озаглавленном Acta Latomorum {Деяния каменщиков (лат.)}, я прочел, что в доме инквизиции Мадрида в октябре месяце 1809 года обосновалась крупная ложа испанских франкмасонов. Мне это заявление представляется ложным, ибо ключи от дома были вверены подчиненному мне лицу, неспособному уступить их для этой цели. Предполагаю, что это происшествие было выдуманно, дабы представить читателям контраст между двумя столь противоположными назначениями одного и того же здания.

IV. Там сказано также, что 3 ноября того же года в Мадриде был создан верховный трибунал или капитул 31-й ступени

Untitled

древнего обряда франкмасонства. Это более похоже на правду, так как все знают, что в Мадриде существовала одна ложа, заседания которой происходили в доме на улице Трех Крестов.

V. К этому также добавляется, что г-н граф де Грасса-Тилли основал 4 июля 1811 года верховный совет 33-й ступени утвержденного древнего обряда. Не знаю, кем мог быть этот граф. Я знаю одного французского генерала графа де Тилли, но тот жил не в Мадриде, а в Сеговии и, думаю, никогда не был франкмасоном.

VI. В продолжении говорится о том, что во французском лагере в Оренсе (королевство Галисия) 28 декабря 1808 года образовался франкмасонский орден рыцарей и дам под названием Филокорейтас, что значит Любители танца, в подтверждение чего автор ссылается на Историю основания великой французской ложи {Historia de lafundadyn del Gran Oriente de Francia.}.

VII. Знакомство с указанными документами и книгами из архивов подвигнуло меня на написание для Королевской Академии истории научного рассуждения (одобренного впоследствии этим столь уважаемым ученым собранием) под названием Памятная записка о мнении испанского народа относительно установления инквизиции.

Королевская Академия истории опубликовала этот плод моих стараний в серии своих Памятных записок и отдельно, в одном томе испанского четырехтомника.

VIII. Эти же самые документы, хранящиеся у меня с 1789 года и присланные впоследствии из Вальядолида и других городов, позволили мне опубликовать позднее, в 1812 и 1813 годах, два тома из испанского восьмитомника под

Untitled

общим названием Анналы инквизиции с точной хронологией событий начиная от 1477 года, в котором родилась идея о создании инквизиции в Кастилии, и до 1530 года включительно. Я не опубликовал продолжения, так как был вынужден покинуть Испанию.

IX. В том же самом 1812 году, 22 февраля, всеобщие кортесы со своей стороны отменили трибунал святой инквизиции, возвращая тем самым управление церковными судами в руки епископов, а управление светскими королевскими судами - мирским судьям. Так что отныне судебные разбирательства против еретиков должны были вестись согласно правилам доинквизиционного суда и другим законам, принятым по этому случаю. Для лучшего понимания и более легкого принятия этой меры они пустили в хождение по королевству некий Манифест, в котором отчасти объясняли населению мотивы своих действий.

X. Этой отмене предшествовали пространные обсуждения с трибун, произносилось много пышных и глубокомысленных речей, а свобода печати позволила опубликовать документы как за, так и против инквизиции. Ее сторонники не пренебрегали никакими средствами: за недостатком веских доводов они использовали оскорбления, сатиру, иронию, сарказм, насмешку, издевку, клевету и так далее - все, чтобы опорочить тех, кто старался вывести народ из заблуждения.

XI. Зная, что значило в Испании назвать человека новомодным философом, неверующим, еретиком или плохим католиком, они вооружились и этим черным оружием, порицаемым как клевета в законе Божиим,

Untitled

ревнителями которого они себя выставляли. Так, они называли неблагочестивыми, безбожниками и врагами Церкви многих мужей, известных чистотой своей веры и благочестием в помыслах и деяниях.

XII. Они измышляли факты, противоречащие исторической истине и никогда не имевшие место в истории инквизиции, пытаясь доказать, что якобы сама инквизиция и ее судьи многое сделали на пользу несчастных архиепископов Талаверы, Каррансы и Палафокса, св. Игнасио и св. Терезы, досточтимого Хуана де Авилы и других безвинно преследуемых. Они называли противников инквизиции виновниками всех грядущих на Испанию бедствий и видели их источник в отсутствии трибунала, преследующего еретиков.

XIII. Они пытались убедить, что современная философия безбожников, несмотря на радение епископов и их викариев, затмит веру, ибо все французские книги писались в соблазнительной манере, увлекающей многих невежд и людей, мало сведущих в богословии. В этих книгах непомерно возвеличивался природный ум человека, велись рассуждения о способностях его восприятия, астрономических и физических наблюдениях, - обо всем том, что противно духу безропотной покорности текстам Священного Писания, догмам католической Церкви, толкованиям святых отцов и поучениям великих теологов христианства всех времен и народов.

XIV. Наконец, сколько бы ни рассуждали о пользе инквизиции (в Кадисе даже была опубликована полемика по этому вопросу, с которой можно ознакомиться), разум все-таки восторжествовал; и не потому, что большинство

Untitled

решающих голосов в собрании принадлежало безбожникам или якобинцам [209] (как впоследствии несправедливо были названы многие весьма религиозные лица, сторонники общественного порядка и конституционной монархии), а потому, что были сильны доводы против трибунала, который столь пагубно влиял на процветание нации в течение более трех веков.

XV. Кортесы получали в большом количестве письма и послания со словами благодарности за благо, которое они сделали для всего народа, их поздравляли с победой над фанатизмом, невежеством, суевериями и предрассудками. Среди этих писем были некоторые, подписанные и служащими инквизиции, как, например, с Пальма-де-Майорки [210]. Из Мадрида же писали: "Радостно видеть, что пал трибунал, который превращал в тигров тех, кто называл себя служителями Бога мира, и удалял от Испании науки, литературу и нормы морали". Итак, кажется, мнение испанского народа по этому поводу было весьма определенным.

XVI. Мне приятно сознавать, что победе немало содействовали события, о которых пойдет речь позднее, и те документы, что я опубликовал в Мадриде уже в 1812 году, в Памятной записке о мнении испанского народа, изданной Королевской Академией истории и в первом томе Анналов испанской инквизиции. В подтверждение моей причастности к этому могу привести строки из Манифеста, направленного кортесами к испанскому народу, где сообщается, что их представители видели соответствующие папские буллы, жалобы и протесты преследуемых. Все это можно было увидеть в Кадисе

Untitled

только в моих публикациях, однако прямой ссылки на них нет, ибо политическая обстановка того времени предписывала хранить молчание об истинном авторе этих заметок.

XVII. Но все меры по отмене инквизиции скоро стали бесполезны. Фердинанд вернулся в Испанию в марте 1814 года и в скором времени в Валенсии оказался в окружении людей, одержимых (за исключением небольшой группы лиц) средневековыми идеями и предрассудками веков рыцарства, людей бездарных и отставших от своего времени. Не в состоянии насытить собственное честолюбие ни в Мадриде, ни в Кадисе, они создали третью партию, которая со дня своего основания управляла королевством. Пользуясь обстановкой, они удалили от трона почти всех просвещенных людей королевства, преграждая въезд на территорию Испании всем остальным, и ссылая в замки, на острова и в тюрьмы новых узников. Одним из первых результатов их правления стал королевский указ о восстановлении инквизиции, изданный в Мадриде 21 июля 1814 года.

XVIII. В нем говорилось, что Фердинанд VII делал это, дабы исправить зло, причиненное католической вере армией инакомыслящих, дабы впредь предотвратить распространение еретических взглядов, увлекших многих испанцев, и дабы оградить Испанию от внутренних раздоров и сохранить ее мир и спокойствие, как об этом просили некоторые ученые, добродетельные прелаты и многие важные люди и значительные корпорации, как церковные, так и светские. Они напомнили ему о том, что в XVI веке инквизиция спасла Испанию от еретической

Untitled

заразы и от заблуждений, которые затронули другие европейские государства, в то время как в Испании под покровительством людей безупречных в принципах веры процветали науки и разные жанры литературы. Поэтому, дабы посеять раздор, столь выгодный французам, Бонапарт не придумал ничего лучше, чем распустить инквизиционный трибунал под предлогом его отсталости в свете достижений нашего века. В указе также говорилось, что хунта, присвоив себе впоследствии название внеочередных всеобщих кортесов, продолжила это дело. По ее мнению, существование трибунала противоречило кадисской конституции, которая, как было написано, родилась во времена смуты и вызывала недовольство всей нации. К этому добавлялось, что, так как в иные времена были приняты законы о пресечении злоупотреблений властью и сокращении привилегий, Его Величество изъявил желание удостовериться в выполнении оных и за сим назначить двух представителей из совета Кастилии и двух из инквизиции, дабы они, в результате совместного совещания, предложили соответствующие поправки к методам судопроизводства как в делах частных лиц, так и в делах о запрете книг.

XIX. Кажется, избранными представителями стали советники Кастилии дон Мануэль де Лардисабаль Урибе и дон Себастьян де Торрес и советники инквизиции дон Хосе Амариля и дон Антонио Галарса. Вчетвером они были способны провести реформу, которая если и не избавила бы от всех зол, то многих помогла бы избежать. Лардисабаль и Торрес были членами собрания испанских нотаблей в Байонне в 1808 году. Они сами и их коллеги,

Untitled

дон Хосе Хоакин Колон де Ларреатеги и дон Игнасио Мартинес де Вильела, поддержали заявление советника инквизиции дона Раймундо Этенарда Салинаса, где он просил, чтобы трибунал инквизиции не был отменен, но выражал общее мнение, что трибуналу надлежало в методах судопроизводства следовать примеру епископов и церковных судов доинквизиционного периода. По своей натуре инквизиторы Амарилья и Галарса были людьми добродушными и человеколюбивыми, их коллеги Этенард и Эвиа-Норьегга были образованны и имели большой жизненный опыт. Если ими владело искреннее желание помочь своими познаниями в этом деле, не было разногласия между тем, что они постановили в Мадриде и соглашением в Байонне.

XX. Между тем господин дон Франсиско Хавьер-де-Мьер-и-Кампильо, великий инквизитор и епископ Альмерии, обнародовал в Мадриде 5 апреля 1815 года эдикт, гласящий следующее: "Все с ужасом наблюдали быстрые успехи неверия и пугающее падение нравов, заразившее испанскую землю. Как устыдились бы благочестивые и ревнующие о вере отцы наши, видя, что заблуждения и новые опасные учения, столь бесславно погубившие большую часть Европы, заражают их милую родину... но для ее исцеления, да не будет [инквизитор] как апостолы, которые в порыве усердия просили Иисуса Христа послать с неба дождь огненный на Самарию, но пусть следует мягкости Учителя и кротости духа его. Эти качества, конечно, неведомы желающим видеть, что великий инквизитор начнет исполнение своих обязанностей с огнем и мечом в руках, извергая проклятья

Untitled

и анафемы как единственное средство, чтобы сохранить в чистоте сокровище веры и задушить семена дурного. Эти семена принесла толпа безнравственных евреев и сектантов, которые обильно рассыпали их по земле нашей и тем осквернили ее, вкуче с губительной свободой писать, распространять и печатать разного рода заблуждения. Вследствие этого пусть все признающие за собой вину перед инквизицией добровольно сознаются до конца этого года и получают тайное прощение без какого-либо наказания. Кроме этого, приказывается доносить на лиц, замеченных в догматических заблуждениях, и пусть исповедники призовут кающихся к тому же, всеми средствами убеждая их в полезности такого деяния, ибо только так можно избежать опасности обличения и преследования со стороны трибунала веры".

XXI. Вот эдикт, который, взятый отдельно, сделал бы честь его авторам, если бы с самого возникновения инквизиции опыт не показывал, что за такими ласковыми и безобидными речами следуют страшные клеветнические доносы, рожденные ненавистью, злым умыслом, обидой, местью, завистью и другими человеческими страстями.

XXII. Эдикт господина великого инквизитора заслуживает внимания в той его части, где в нем говорится, что Испанию наводнили новые опасные учения, от которых бесславно погибла большая часть Европы. В этой фразе, очевидно, имеется в виду основное стремление всех цивилизованных народов, которые хотели, хотят (и совершенно справедливо будут хотеть, ибо просвещение не идет вспять) отменить все формы деспотического правления и установить конституционную монархию, где

Untitled

права человека, гражданина, короля и его народа будут провозглашены и гарантированы и общественный порядок будет основан на законности, где монарх будет почитаем всеми как защитник прав и свобод личности, покровительствующий (не на словах, а на деле, и хорошими постановлениями) наукам и ремеслам, промышленности и мануфактурам, искусствам, сельскому хозяйству и торговле. Эдикт не иначе как ссылается на политические учения, породившие это всеобщее желание, по-другому, признаюсь, я его не понимаю, однако не вижу причин называть их новыми и опасными. Если же мои предположения верны, испанцам, желающим блага своей родине, горестно видеть, как инквизиция, едва возродившись, уже берется (под видом следования духу Иисуса Христа) судить, не имея на это никакого права, чуждые ее полномочиям политические учения, смешивая их с религиозными и желая таким образом все держать под своим контролем. Безотрадно видеть, как готовятся новые ловушки для тех, кто может опрометчиво высказать нормальное желание иметь конституцию. Такой человек будет судим как ярый еретик за догматическое заблуждение, осужденное якобы еще в апостольских посланиях Петра и Павла. Святые апостолы завещали подчиняться любому кесарю, даже и недоброму, не из-за боязни наказания, а по долгу совести: но разве осуждали они законное желание жить под управлением и на основах хорошей конституции?

XXIII. Также примечателен тот факт, что, единожды определив их как новые и опасные учения, которые заразили Испанию в последнее время, господин великий

Untitled

инквизитор осудил только те грехи, которые приписываются французской армии, а вовсе не те, которые на самом деле были любимы и практиковались некоторыми испанскими священниками, участниками войны. Хотя последние напрямую подлежат его осуждению как противоречащие букве и еще более - духу учения Христова. Мне кажется излишним упоминать их здесь, чтобы уверить моих читателей в том, что инквизиция после реставрации ничем не отличалась от инквизиции до упразднения. Так, если та инквизиция разрешала хождение сочинений, допускающих цареубийство, признающих за папой косвенные, а также и прямые полномочия лишать престола королей и распорядиться в их государствах, в то же время запрещая и осуждая книги, поддерживающие идею приоритета королевской и мирской судебной власти над внешней церковной властью в имущественных делах, касающихся Церкви, клириков и их судов, то новая инквизиция начала с осуждения теории, в которой говорится, что подданные - это не рабы и не стадо животных для продажи, но граждане, составляющие тело нации, глава которой - король. Сама же она распространяла следующие вредоносные идеи:

XXIV. Первое. Любого француза, находящегося в Испании, будь то солдат или гражданское лицо, разрешено убить независимо от обстоятельств и любым способом, ибо все они враги родины, защита которой должна быть превыше всех соображений.

Второе. Следуя тому же принципу, разрешено убить любого испанца, принадлежащего партии подчинения власти захватчиков, клейменного прозвищем

Untitled

офранцузенный.

Третье. Также дозволено отбирать у таких испанцев деньги, имущество, плоды их земли и даже поджигать их хлеба, виноградники, оливковые и другие деревья.

Четвертое. Разрешается нарушать клятву верности, данную в присутствии Святых Даров безо всяких мысленных оговорок, а лишь по внутреннему убеждению, что это единственное средство убересть Испанию от раздробления на отдельные государства, от поджогов селений, грабежей домов и разорения семей, что ожидало ее в случае, если власть захватчиков выполнит свои угрозы согласно всеобщим законам военного времени.

Пятое. Клирики и монахи могли на законных основаниях забывать о кротости, подобающей их сословию, и вступать в армию с целью убивать французов и подчиняющихся им испанцев. Эта идея имела наибольшее число последователей, хотя опыт показал, что такие клирики и монахи становились главарями воровских шаяк и, к всеобщему стыду, всюду водили с собой сожигательниц, облагая к тому же разные селения налогами, незаконными как по размеру, так и по методам их сбора.

Шестое. Война против Франции - война религиозная, поэтому все погибшие в ней должны почитаться как святые мученики. Этот пункт учения имел столько доверчивых последователей, что все погибшие в Мадриде 2 мая 1808 года были записаны как святые мученики в церковном служебнике епископата Куэнки за 1811 год, я видел это собственными глазами, и там было указание, что во время общих служб в память святых мучеников римской католической Церкви следовало праздновать память и этих

Untitled

новомучеников вместе со святыми, предначинательная молитва к которым начиналась со слова Intret, а в порядке богослужения предписывалось придерживаться Communi plurimorum martirum, в breviарии. Можно ли измерить тот ущерб, который нанесли подобное учение и пример почитанию памяти древних святых мучеников нашей Церкви!

Седьмое. Исповедникам разрешено (и даже похвально) не давать отпущения грехов кающемуся, который на вопрос о своей политической принадлежности отвечал, что он сторонник партии высшей силы, если только он не давал обещания выйти из нее и способствовать, по мере сил и возможностей ее падению.

Восьмое. Лучше было, или, по крайней мере, не так плохо, есть мясо по пятницам и в другие дни, когда предписывается воздержание, безо всякого на то разрешения, чем получать его от главного папского представителя Сайта-Крусасы {Santa Cruzada (святой крестовый поход) - папская булла, дающая многие послабления в следовании предписаниям Церкви. Называется так потому, что подобные послабления и привилегии раздавались в эпоху средневековья участникам крестовых походов. (Примеч. перев.)} в Мадриде.

Девятое. Испанцы, служащие высшей силе по политическому убеждению, справедливо заслуживают вечной ненависти и непреклонной суровости. Это убеждение господствовало не только в течение войны, но и в мирное время, ибо его распространяли и пропагандировали в листовках постыдного и

Untitled

антихристианского содержания Аталая и ему подобные варвары, недостойные жить даже среди караибов [211], но, несмотря на это, ободренные безнаказанностью своих деяний и даже в каком-то смысле поощряемые властью. Сравнятся ли эти идеи с теми, о которых говорится: новые и опасные учения, заразившие Испанию, причина гибели, как необоснованно считается, большей части Европы. Разве когда-либо найдется нечто более противное христианству, Евангелию и духу Иисуса Христа, чем девять указанных принципов? Пусть судьями будут христиане всех наций.

XXV. Эдикт содержит одну статью, которая, кажется, осуждает непреклонность, с которой апостолы просили дождя огненного на самарян, ибо те не приняли Иисуса, заметив, что он шел поклониться Богу в Иерусалимский храм, а не в самарянский. Конечно, любой добрый христианин также осудил бы чрезмерное рвение апостолов, зная, что Иисус в Евангелии не только отклонил это предложение, но и, обращаясь к ним, строго сказал: Не знаете, какого вы духа. Не знаю и я, достаточно ли поразмыслил великий инквизитор, прежде чем включить в эдикт эту статью, потому что если вчитаться глубже в текст Евангелия св. Луки (в котором об этом повествуется), станет ясно, что это одна из самых убедительных его глав, доказывающая, что инквизиционный трибунал противен самому духу учения Иисуса Христа. В особенности противны ему законы испанского трибунала, не только разрешающие, но и приказывающие доносить. По этим законам доносчику обещаются награды, а оклеветанный жестоко наказывается, будучи лишен всех средств защиты,

Untitled

хотя во всем мире и менее развитые народы не отнимали у осужденного этого естественного права. Оклеветанного помещают в тюрьму и держат в заключении без какого-либо общения, не только до предъявления обвинения и начала допросов, но и до тех пор, пока не будет вынесен и не приведен в исполнение определенный приговор. В этом суде обвиняемому невозможно узнать, кто против него свидетельствует, от него скрывают подлинные показания, чтобы он не мог их как-нибудь сопоставить и найти доводы в свою пользу; и, наконец, в этом суде отвергают всеобщие нормы права и скрупулезно следуют нелепому и несправедливому уставу, придуманному монахами, ничего не смыслящими в юриспруденции.

XXVI. Кто были те самаряне, о которых повествует св. Лука? Не более чем отошедшие от иудейской Церкви израильтяне, приверженцы того же закона Моисеева, что и их собратья из Иерусалима.

XXVII. В чем состоял их раскол? Суть его была ни много ни мало в том, что самаряне, отказываясь признать единство израильской Церкви и иерусалимского первосвященника как ее главу, сочли себя вправе построить в своей столице, Самарии, другой храм, для возношения даров Богу по истинному своему закону и независимо от иерусалимского синедриона [212].

XXVIII. Чем же согрешили эти люди, по мнению апостолов Иакова и Иоанна? Да тем, что они не только отделились от Иерусалима, но и косвенно преследовали правоверных иудеев, отказывая в приюте тем, кто, по их мнению, нес дары Богу в Храм, стоящий на месте Соломонова, минуя

Untitled

построенный ими на горе Гаризим [213].

XXIX. Какую роль тогда взяли на себя апостолы? Роль доносчиков и прокуроров инквизиции.

Что просили они для самарян? Кары огнем, как и в инквизиции, где, только не произнося этих слов, обвиняемого передают светскому судье, который, без сомнения, вынесет смертный приговор, боясь, как бы его самого не уличили в ереси или нарушении папских булл, предписывающих оказывать инквизиции всяческое содействие.

XXX. Какой же урок преподнес тогда Иисус Христос? Он показал, что желание обвинителей было противно духу мира, любви, кротости, доброты, терпения, незлобивости и увещевания, который он непрестанно старался внушить апостолам своими поучениями и личным примером; тем более оно противоречило тому духу, который они получают позднее, когда он уже будет на небе, и снизойдет на них Дух Святой, сделав их новыми людьми.

XXXI. Мне кажется, не имеет смысла тратить время на конкретные примеры. Любой непредубежденный читатель поймет, что Иисус Христос открыто осуждал доносы, обвинения и наказание огнем еретиков и других заблудших овец мистического стада римской католической Церкви, независимо от наличия у них своих храмов и своих служителей, преемники они апостола Петра или нет.

XXXII. Если бы во время цитирования в эдикте этого отрывка великий инквизитор произвел подобные размышления, то, думаю, он воздержался бы от привлечения такого внимания к текстам, наводящим верующих на мысль упразднить это ведомство, пророчески

Untitled

осужденное самим основателем нашей святой апостольской римской католической Церкви, который хотел видеть в ней не лицемерие, порожденное страхом перед инквизицией, но искреннюю любовь к Богу как следствие глубокого убеждения.

XXXIII. Однако, как было бы хорошо (раз уж редактору пришел на ум этот евангельский текст), если бы он внушил тому, кто его должен был подписать, достойное христианина намерение сказать королю Фердинанду VII следующее: "Государь, раз уж случай распорядился так, что по Вашем возвращении в Испании не оказалось иных судей веры, кроме епископов, так воспользуйтесь, Ваше Величество, этой возможностью, чтобы вернуть им ту судебную власть, которая была в их руках до XIII века. Иисус Христос им вверил управление своею Церковью, как сказал апостол Павел: Иисус Христос даровал им от себя в этом всякую власть, поставив их единственными исполнителями его воли именем апостола Петра. Это единовластие впоследствии, через тысячу двести лет, было утеряно, но не потому, что этого пожелал Христос, ни по соглашению двенадцати апостолов, единственных епископов двух Иерусалимских соборов, ни по личному желанию апостола Петра, когда он один управлял всей Церковью, но по воле одного из его преемников, о полномочиях которого (касательно нашего дела) можно поспорить: кто был этот преемник? Он был не из тех, кто только судил других людей, отлучая упорствующих еретиков после множества увещаний, доводов и доказательств их заблуждений; а также не из тех, кто (будучи под покровительством христианских императоров и

Untitled

королей) осмеливался судить епископов способом, неизвестным доселе их предшественникам, и тем более не из тех, кто (считая себя уж слишком могущественным) дерзал посылать королям и императорам указы об их свержении с трона. Нет, этот преемник, свидетель укрепления вековых владений столь беспредельной власти, был одним из самых сведущих правоведов своего времени, тонкий политик, с которым не сравнятся многие умы и XIX века, более искусный в интригах, чем сам основатель инквизиции Кастилии. Это, наконец, был Иннокентий III {Иннокентий III (Innocentius; 1160 или 1161 - 1216) - Римский Папа с 1198 г. Боролся за верховенство пап над светской властью; заставил английского короля и некоторых других монархов признать себя его вассалами. Инициатор 4-го крестового похода и похода против альбигойцев. (Примеч. перев.)}, который угадал последнюю возможность подчинить себе напрямую не только императоров, королей и епископов, но и всех простых католиков, и дело веры стало отныне зависеть от папского престола: доносы, обличения, наказания не щадили никого, теперь все становились его рабами, не прекословящими, даже когда он посягал на права государей. Такое влияние папы могло по меньшей мере способствовать еще большему обогащению папского двора, потому что все естественно предпочитали приносить свои деньги тому, кто обладал большим могуществом, внушал большой страх и, соответственно, мог предоставить большие милости.

XXXIV. Так не сочтите за труд, Ваше Величество, распорядиться, чтобы между епископами распространили

Untitled

уведомление, предписывающее ревностно блюсти чистоту веры. А если же станет известно, что кто-то из верующих епархии впал в заблуждение, вере противное, то прикажите увещевать его в первый, и во второй, и в третий раз, убедительно доказывая ему истинность католической веры и оставляя некоторые промежутки времени между тремя внушениями. Но если даже и так не удастся обратить еретика, то прикажите отлучить его от Церкви как язычника и мытаря, согласно Евангелию, и более ничего не делать, а только взывать к милости Божией со слезами и молитвами, дабы он просветил несчастного, поскольку это единственное, что Церковь может для него сделать, ее последнее оружие, как говорил Блаженный Августин. Если же заблудший начнет повсюду распространять свое ложное вероучение (с чем нельзя примириться в Испании), Ваше Величество сможет выслать его из страны, дабы он не вводил в соблазн соотечественников. Так Вы будете править в духе Святого Евангелия, как это делалось в первые века Церкви, когда было наибольшее количество святых и отмечалось самое ревностное стремление к вере. Звание католического короля не накладывает на Ваше Величество иных обязательств. Этот титул носил сам великий Рекаредо, позволивший евреям и ариям жить в Испании. Св. Фердинанд также проявлял терпимость к евреям и магометанам. Даже папа согласен видеть евреев среди населения своей вотчины. Ваше Величество, терпимость принесет вам счастье, а вашему государству - благополучие, которое есть прямая дорога к вечному блаженству, ибо сам Иисус Христос проявлял терпимость к отколовшимся самарянам, материалистам саддукеям [214]

Untitled

и суеверным фарисеям. И, будучи главным инквизитором, я говорю вам об этом, Ваше Величество, говорю вам прямо, дабы показать, что занимаемая должность не лишила меня слова истины".

XXXV. Если бы г-н Мьер Кампильо сказал так королю Испании Фердинанду VII, то его имя было бы увековечено в истории. Со мною не согласятся ни инквизиторы вообще, ни, в особенности, озабоченные тем, что большая часть Европы погублена новыми и опасными учениями, заразившими Испанию; однако я и не ищу их одобрения, но надеюсь заручиться поддержкой добрых просвещенных католиков, которые в состоянии отличить истину от заблуждения, веру от фанатизма, осуществление полномочий от злоупотребления ими.

XXXVI. Однако я вовсе не настаиваю на том, что епископ Альмерии и другие инквизиторы, исполняющие свои обязанности в настоящее время, злоупотребляют своими полномочиями. В целом эдикт вызывает желание предпочесть мягкие принципы - жестким, и сдается мне, что на сегодня они на этом не остановились, поэтому я не слишком поверил некоторым рассказам, слышанным мною в Париже, и сведениям, опубликованным в *Acta latomorum* в 1815 году. Сообщая о восстановлении инквизиции Фердинандом VII, автор добавляет, что король запретил масонские ложи под страхом высшей меры наказания как за государственное преступление первого порядка. Среди прочих фактов, имевших место в 1814 году, читаем следующее: "25 сентября в Мадриде было арестовано 25 человек по подозрению во франкмасонстве и за приверженность Кортесам; в их числе были маркиз де

Untitled

Толоса; каноник Марина, выдающийся ученый и член академии; доктор Луке, придворный врач, и некоторые иностранцы: французы, итальянцы и немцы, проживающие в Испании. А отважный генерал Алава (которого герцог Веллингтон [215] за боевые заслуги назначил своим адъютантом) был заключен в тайные тюрьмы инквизиции как франкмасон". Я считаю вымыслом все эти рассказы, так как из достоверных источников и даже из правительственных газет стало известно, что король приказал генералу Алаве удалиться из Мадрида, но что очень скоро Его Величество отозвал этот указ, сославшись на ложные сведения, полученные ранее; и совершенно точно, что впоследствии Фердинанд VII назначил его своим послом при дворе голландского короля. А что касается господина Марины, известно, - что он был судим за книгу Теория кортесов; но также доподлинно известно, что он живет у себя дома и при случае сумеет за себя постоять, ибо истина на его стороне и он знает как это доказать.

XXXVII. Более правдоподобно выглядит история, опубликованная мадридским правительственным вестником от 14 мая 1816 года, рассказывающая об одном аутодафе, проведенном инквизицией Мехико 27 декабря 1815 года, с жертвой в лице священника дона Хосе Марии Морельоса. Этот несчастный встал во главе нескольких своих соотечественников, которые задумали освободить страну от владычества испанской короны. Святая инквизиция начала разбирательство по делу веры, а одновременно с этим вице-король, исполняя свои обязанности, предъявил ему обвинение как зачинщику мятежа. Было отдано предпочтение тайным тюрьмам

Untitled

инквизиции, и даже нашлись свидетели событий, в достаточной мере доказывающих (по мнению мексиканских судей), что он безбожник, материалист и еретик. Одним из доказательств, мои читатели оценят его по достоинству, было то, что Морельос имел двоих детей. В конце концов он произнес отречение и был освобожден от цензур на аутодафе, процедура которого может сравниться только с процессами эпохи Филиппа II. Но все было продумано, ибо вице-король уготовил ему смерть через повешение, для чего сначала на торжественной мессе епископ Антекеры в Америке по церковному уставу лишил его священнического сана. Месса несколько раз прерывалась, в первый раз зачитывался процесс веры, произносилось отречение и освобождение от цензур, в другой раз мессу прервали для снятия духовного сана. В прежние века эти церемонии еще могли нагнать религиозного страха на простых неученых католиков, но сейчас они производят совсем противоположное действие, ибо исторические и философские науки ушли далеко вперед, и мы знаем, где на самом деле берут начало эти обряды, которые уже не в силах поразить воображение своей внешней помпезностью.

XXXVIII. Что касается Пиренейского полуострова, не скажу наверняка, производились ли у нас аутодафе после реставрации каким-либо из инквизиционных трибуналов. Но отмечу, что если судьи инквизиции желают более приблизиться к духу Евангелия, они должны воздержаться от их проведения и учиться умеренности у своего главы, святейшего отца Пия VII {Пий VII (1740 - 1823) - Римский Папа с 1800 года. Короновал Наполеона Бонапарта (1804);

Untitled

после присоединения Папской области к Франции (1809) был до 1814 года во французском плену. (Примеч. перев.)). Газеты писали о предложенных им изменениях, принесших ему славу, нам же в Испании следует применять их повсеместно.

XXXIX. Письмо из Рима от 31 марта 1816 года гласит, что Его Святейшество запретил в инквизиционных трибуналах пытки и приказал уведомить об этом решение послов Испании и Португалии {Gazette de France, от 14 апреля 1816 г., N 105.}.

XL. Другое письмо, от 17 апреля, было не столь кратким, но тем не менее заслуживает, чтобы его здесь процитировали: "Реформа инквизиционных трибуналов с успехом продолжается и будет распространяться на все страны, где есть инквизиция. Все ее судопроизводство уподобится судопроизводству других судов. Будут приниматься только свидетельства, основанные на конкретных фактах. Никто не будет судим лишь по подозрению в неверном следовании пунктам вероучения. В качестве свидетелей против обвиняемого не будут допускаться лица, публично уличенные в бесчестных делах или ранее судимые светским судом. В качестве свидетелей в пользу обвиняемого будут приняты любые лица, которые захотят выступить в его защиту, даже если они не являются чадами римской католической Церкви. Родственники и домашние подозреваемого не могут свидетельствовать ни за, ни против него. Любое голословное обвинение будет отвергнуто.

Слушание всех дел будет публичным, как и в других судах". Одной из центральных фигур, благодаря которым стало

Untitled

возможным установление этих принципов, был кардинал Фонтана, оказавший этим огромную услугу как делу веры, так и человечеству вообще. Ходили слухи, что как только новый кодекс будет составлен, его разошлют по всем дворам и повсюду введут в обращение. Собранию, занимающемуся этим делом, папа направил бреве, где писал следующее: "Помните же, что единственный способ усилить положение христианской религии во всех странах - это показать, что она от Бога и, лишь будучи таковой, дает утешение и одаривает милостями. Божественный учитель наш Иисус Христос заповедал нам любить друг друга, и эта заповедь должна стать законом во всем мире" {Gazette de France и Journal du soir от 1 мая 1816г.}.

XLI. Другое письмо, от 9 мая, гласит, что инквизиционный трибунал Рима отменил приговор трибунала Равенны [216]. Этот приговор был вынесен Соломону Моисею Вивиани, который, перейдя из иудейской религии в христианство, впоследствии вернулся к исповеданию закона Моисеева. Святейший папа Пий VII, одобряя отмену приговора, сказал так: "Закон Божий не одной природы с законами человеческими, ибо он есть закон кротости и увещевания. Преследования, гонения и тюрьмы суть методы лжепророков и лжеучителей. Посочувствуем же человеку, не видящему света истины, и тому, кто и не силится увидеть его; но ведь и сама причина слепоты может послужить великому замыслу божественного Провидения". Впоследствии, возглавляя одно из заседаний святого трибунала, он приказал, чтобы дело по обвинению в ереси начиналось не иначе как с обязательной явки в суд самого доносчика, который должен выступить перед

Untitled

судьями в присутствии обвиняемого. Он также выразил желание, чтобы подобные процессы велись и завершались без кровопролития. По этим распоряжениям легко догадаться, какое негодование вызывала инквизиция, несмотря на то, что в Риме она проявляла наибольшую терпимость {Gazette de France, от 22 мая 1816 г., N 41.}. XLII. Последнее суждение общеизвестно. В моем труде вы найдете тому наглядные подтверждения на примере многих испанцев, которые, пытаясь уйти от преследования на родине, находили убежище в Риме, или же в свидетельствах узников инквизиционных тюрем, побывавших там в течение последних трех веков. Все это заставило меня отметить ту редкостную непоследовательность, с которой все папы, столь милостивые у себя в государстве, одобряли жесткие меры испанской инквизиции, особенно в XVI веке, по отношению к лютеранам и кальвинистам (а они были не закоренелыми грешниками), и неудивительно, что эта дикая жестокость породила в них вечную ненависть к Риму и инквизиции. Возможно, чиновники римской курии установили принципы умеренности и терпимости, дабы весть об этом распространилась и умножила их богатства, которые они тратили в соответствии с их количеством и попечение о которых нераздельно владело их мыслями и определяло их поведение.

XLIII. Еще одно письмо из Рима, от 11 января 1817 года, гласит: "Появились слухи, что в инквизиции в этом году будет проведена реформа. Кажется, свои обязанности она теперь будет исполнять подобно светским судам.

Правительство сочло опасным поддерживать эту

Untitled

беспользую корпорацию, всегда находящуюся в оппозиции к прогрессу и человеческому разуму. Можно считать, что инквизиция более не существует" {Gazette de France, от 3 января 1817 г., э 31.}. А немногим ранее в другом письме из Рима, от 19 марта 1816 года, сообщалось, что

посол

Португалии

передал

государственному секретарю-кардиналу Его Святейшества дипломатическую ноту с просьбой осудить книгу инквизитора Луиса де Парамо и формально упразднить инквизицию как орган юстиции, с восстановлением полновластия епископов в вопросах веры, как это и было в прежние времена {Gazette de France, от 3 апреля 1816 г., э 94.}.

XLIV. В конце концов, справедливые и полезные методы, предложенные папой, должны были служить законом и путеводной звездой для судей восстановленной инквизиции; и если бы они согласились на публичное ведение процессов, если бы отказались от тайных тюрем и отпускали бы на свободу под поручительство или залог после объявления статьи обвинения в короткой формулировке испанского закона, я сам не побоялся бы предстать перед таким судом; вот все, кажется, что я могу сказать по данному вопросу.

Глава XLV Писания святых отцов подтверждают, что дух и методы действий инквизиции противоречат духу евангелия и христианской религии

I. Я доказал путем простого изложением исторических

Untitled

фактов и неизбежно проистекающих из них размышлений, что учреждение трибунала святой инквизиции, методы воздействия и наказания, которые он обычно применял к еретикам и к лицам, подозреваемым в ереси, противоречат духу кротости, терпимости и доброты, которые божественный основатель христианства хотел сообщить своей Церкви. Одной этой причины должно было хватить для отмены трибунала, даже если бы он не посягал на суверенитет королей и на управление правосудием, вверенное другим судам.

II. Но все-таки есть лица, которые не согласны со мной, то ли потому, что способ ведения дел инквизицией им мало известен, то ли потому, что их рвение о католической вере не совпадает с истинным учением апостола Павла, а порождается ненавистью, которую они испытывают к еретикам, а также к католикам, которые, подобно мне, являются поборниками терпимости.

III. Когда я опубликовал Проспект этого труда, о нем заговорили, но некоторые суждения были ошибочны (и несправедливы по отношению к автору), чего, по-видимому, было не избежать, так как, не зная Критической истории, публика не могла судить о моем труде беспристрастно и дать ему ясную и справедливую оценку. Некоторые сочли необходимым по этому поводу посылать мне анонимные письма, тон которых явно изобличал отсутствие у их авторов того духа христианской любви, о котором нам непрестанно толкует Евангелие. Автор одного из этих писем, от 19 августа 1817 года, после яростного клеветнического выпада добавляет: "Искренне признайтесь, что желание критиковать инквизицию не

Untitled

принадлежит Вам лично, ибо от инквизиции осталось одно только название. Все удары, которыми, как Вам кажется, Вы ее осыпаете, по сути, являются нападками на саму религию: когда Вы осуждаете заблуждения некоторых церковнослужителей, рука Ваша дерзко посягает на сам священный ковчег: вот в чем Ваше безумное чаяние". Мой труд уже опубликован. Пусть читатели вынесут ему свой приговор. Я же от всего сердца прощаю этому человеку нанесенные мне оскорбления.

IV. Тем не менее ввиду того, что есть лица (во всем остальном достойные всяческого уважения), которых некое подобие предрассудка заставляет рассматривать инквизицию Кик оплот римской католической апостольской веры, имеет смысл показать их заблуждения, ибо невероятно, чтобы Бог настолько изменил свой замысел и средства, используемые в настоящее время для поддержания веры, противоречат учению и примеру Христа, апостолов и первых Отцов Церкви.

V. Итак, я предлагаю дословно привести здесь несколько достойных внимания текстов, взятых из множества им подобных, которые выявляют истинный дух христианской религии и Церкви до появления революционных идей, изложенных в первых главах этой Истории. Конечно, нет смысла проделывать эту работу для людей образованных, но лица менее сведущие в этих вопросах, возможно, будут мне за нее благодарны и с удовольствием прочтут некоторые цитаты из творений святых отцов и других заступников Церкви и из священных текстов, которые, будучи собранными вместе, несомненно просветят всякую благочестивую, искреннюю и правдолюбивую душу.

Untitled

VI. Святой евангелист Матфей, в главе IV своего Евангелия, пишет так: "Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; И говорит им: идите за Мною и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцем их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним. И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. И прошел о Нем слух по всей Сирии: и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их. И следовало за Ним множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима и Иудеи и из-за Иордана". - Иисус Христос для того, чтобы обратить людей, не прибегает к угрозам. Он довольствуется тем, что предлагает им приятные вещи, совершая добро и оказывая милости.

VII. Тот же евангелист в главе V повествует: "Увидев народ, Он взошел на гору; и когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо

Untitled

они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное". Здесь нетрудно заметить, что Иисус называет блаженными не тех, кто проявляет досадное рвение, дабы обратить людей в свою веру или наказывает их, когда они покидают Церковь, а дает это имя тем, кто милостив, кроток, миролюбив, и тем, у кого чистое сердце.

VIII. Св. Матфей, глава X: "Сих двенадцать {Апостолов. (Примеч. перев.)} послал Иисус и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите и в город самарянский не входите; А идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; Ходя же проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное... А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или города того, отрясите прах от ног ваших. Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому. Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков". Заметим, что Иисус, говоря о заблудших овцах дома Израилева, не приказывает апостолам наказывать их, напротив, откладывает до дня Страшного Суда наказание тех, кто не признает его учения. Почти то же самое читаем в Евангелии от Марка и от Луки, главы IX и X.

IX. Св. Матфей, в главе XIII, пишет: "Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; Когда взошла зелень, появился плод, тогда явились и плевелы; Пришедши же, рабы

Untitled

домовладыки сказали ему: господин! Не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? Откуда же на нём плевелы? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдём, выберем их? Но он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы; Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою... тогда Иисус, отпустив народ, вошёл в дом. И приступивши к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; Поле есть мир; доброе семя, это - сыны Царствия, а плевелы - сыны лукавого; Враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: Пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие. И ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов".

X. Эта притча показывает, что Иисус не желал, чтобы еретики наказывались при жизни, даже и те, кто сеет плевела, то есть их иерархи, устанавливающие догмы; но велит ждать, когда Бог сам сделает это в день своего Суда, отдавая не людям, но ангелам власть наказывать их, да и то только в последние времена.

XI. Святой Матфей, глава XVIII: "Сказал Иисус апостолам: Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто

Untitled

девять и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих. Если же согрешит против тебя брат твой, пойдя и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; Если же он не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь. Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе. Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них. Тогда Петр приступил к нему и сказал: Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе "до семи", но до семидесяти раз". Здесь очевидно следующее: 1. Иисус одобряет обращение заблудших овец только мягкими методами, внушаемыми любовью и добротой; 2. Само отлучение еретика свершается только после трех увещаний, произведенных при указанных Иисусом обстоятельствах; 3. Распоряжение инквизитора предать дело огласке до этого времени категорически противоречит учению Иисуса Христа. Посмотрите эту же главу в Евангелии св. Луки, глава XV.

Untitled

XII. Святой Матфей, глава XXVIII, после повествования о воскресении Христа, добавляет, что тот сказал апостолам: "Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам". Это доказывает, что апостолы, их последователи, и все священники, посвятившие себя служению Церкви, должны следовать учению божественного Учителя, и никто не властен отойти от него, суживать смысл или своевольно его толковать, и, конечно же, никто не может пренебрегать этим учением или забывать о нем, как, например, было, когда инквизиторы заставляли доносить на любого человека, не упредив его заблаговременно трижды, хотя именно об этом прямо говорит Евангелие.

XIII. Евангелист Лука так пишет в IX главе своего Евангелия: "Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим, и послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самаритянское, чтобы приготовить для Него; но там не приняли Его, потому что он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его Иаков и Иоанн сказали: Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете какого вы духа; Ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать. И пошли они в другое селение". Этот прекрасный текст явственно доказывает, что Иисус не хотел, чтобы применялись какие-либо меры против отколовшихся от иудейской Церкви самаритян. Кажется, я достаточно ясно объяснил истинный смысл этого отрывка в предыдущей главе.

Untitled

XIV. Тот же евангелист пишет в X главе: "И вот один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал: в законе что написано? Как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний? На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду и изранили его и ушли, оставивши его едва живым. По случаю один священник шел той дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился, и подошел перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай также". Этот эпизод подтверждает уже сказанное об отношении к еретикам и схизматикам. Он показывает, что раскольник самарянин более приятен Богу, чем правоверные священники и левиты, что он более соответствует образцу добродетели и что все, что мы читаем о вере, подчиняется этому закону милосердия и

Untitled

любви, ибо (как сказано в Святом Писании в другом месте): Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь есть исполнение закона. Любовь покрывает множество грехов.

XV. Читаем у евангелиста Луки в главе XIII: "И сказал сию притчу: некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! Оставь ее на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом: Не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее". Эта притча подтверждает, что нельзя объявлять кого-либо еретиком, не уведомив его, по меньшей мере, три раза в течение трех лет, и советует также и по истечении этого срока воздержаться от гонений и попробовать убедить его обратиться к истинной вере.

XVI. Евангелие от Луки, глава XVI: "Сказал же и к ученикам Своим: один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его; И призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять". Согласно этой притче, инквизиционный трибунал должен не сажать виновного в тюрьму, но придерживаться процессуального порядка и выполнить сначала пункт, называемый предъявление обвинения, на который указывает, на примере этого богатого человека, само Евангелие.

XVII. Евангелие от Иоанна, глава VII, повествует о женщине, взятой в прелюбодеянии, которую книжники и

Untitled

фарисей привели к Иисусу и спрашивали Его, что с ней делать, ибо по закону Моисееву надлежало казнить ее. Но Иисус принялся писать что-то на земле. И когда ушли ее обвинители, Иисус, поднявшись, сказал ей: "Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя. Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши". Из этого повествования можем сделать вывод, что инквизиторам не следовало бы никогда приговаривать впервые уличенного еретика к какой-либо казни, ни даже к бесчестию, неизбежному для тех, кто бывает принародно опозорен инквизицией. Инквизиторы должны были сказать в первый раз еретику: "Иди и впредь не греши".

XVIII. В XX главе Деяний Апостолов читаем, что сказал св. Петр епископам церкви Эфеса и других городов Азии: "Итак, внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою. Посему бодрствуйте". Этот завет апостола Павла доказывает, что власть, данная епископам для наблюдения за чистотой вероучения, исходит от Святого Духа. И ни у кого нет права лишать их духовной власти над еретическими учениями, тем более ограничивать ее. Все посягательства некоего отдельного трибунала на власть епископов носят характер, противный учению св. Павла.

XIX. В главе XXI Деяний Апостолов евангелист Лука повествует нам о том, что по прибытии св. Павла в

Untitled

Иерусалим пришел он к апостолу Иакову младшему, и тот сказал ему: "Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они - ревнители закона; А о тебе слышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтоб не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям. Итак, что же? Верно, соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет; взяв их, очистишься с ними и возьми на себя издержки на жертву за них, чтоб остригли тебе голову, - и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон. А об уверовавших язычниках мы писали, положивши, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда. Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошел в храм и объявил окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них приношение". Вот истинный образец того, как должны поступить инквизиторы, предложив себя вместо любого католика, на которого по злому навету иным образом пало подозрение в ереси. Св. Павел был объявлен вероотступником. Епископ Иерусалима прямо сообщает ему о наговоре, выслушивает его ответы и говорит, как ему должно поступить, чтобы опровергнуть эти лживые слухи. Св. Павел повинуется, и дело о вероотступничестве закрывается. Если бы архиепископ Севильи, Вальдес, великий инквизитор, во время ведения процесса против своего примаса Каррансы хотя бы отчасти последовал примеру апостола Иакова по

Untitled

отношении к св. Петру, то истина явилась бы незамедлительно. Те же методы, которыми пользуются инквизиторы при ведении дел, противоречат поучениям и примеру апостолов.

XX. В той же главе XXI и в последующих главах святой евангелист Лука описывает гонения иудеев Азии на св. Петра сначала в Иерусалиме и затем в Кесарии Палестинской. Он был схвачен в Иерусалиме, и тогда Клавдий Лисий, римский трибун, желая достоверно узнать, "в чем обвиняют его иудеи, освободил его от оков и повелел обратиться первосвященникам и всему синедриону, и, выведши Павла, поставил его перед ними". Он выслушал обвинителей и обвиняемого, открыл заговор против жизни его, и под конвоем послал его в Кесарию, где жил Феликс, правитель Иудеи и преемник Пилата, который сказал Петру: "Я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители". И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории. Через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, которые жаловались правителю на Павла. Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его в том, что он сделался представителем Назорейской ереси, то есть вероотступником и предводителем еретиков. Павел ответил ему на это. Феликс отсрочил дело до прибытия тысяченачальника. Позднее на место Феликса поступил Порций Фест. Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим, тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобой на Павла и убеждали его, прося, чтобы он сделал милость и вызвал его в Иерусалим; но Фест отвечал, что

Untitled

Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда. "Итак, - сказал он, - которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его". Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла. Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима иудеи, возводя на Павла многие и тяжкие обвинения, к которым у них не было доказательств. Павел же, кроме прочего, сказал: "Обвинители мои были некоторые ассийские иудеи, которым надлежало бы предстать пред тобой и обвинить меня, если что имеют против меня; или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедреоном".

Правитель хорошо знал, что Павел невиновен, но, желая доставить удовольствие Иудеям, отсрочил дело и распорядился послать Павла в Рим, чтобы кесарь сам сделал с ним, что сочтет нужным. Царь Ирод Агриппа через несколько дней навестил Феста, который, обсуждая с ним дело, рассказал, как Павел отвечал Иудеям, что: "у римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде, нежели будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения".

Эта история развивает мысль о том, что сокрытие истинных заявлений доносчиков, свидетелей и их имен и, тем более, подлоги, изъятие и исправления подлинных документов противоречат закону, принятому и соблюдаемому среди иудеев, христиан и идолопоклонников, а также учению, которое проповедует апостол Павел; он сам требовал исполнения этого закона

Untitled

на себе, желая, чтобы иудеи ассийские предстали перед правителем, ибо они были его первыми обвинителями. Так же очевидно, что свидетели должны говорить в присутствии обвиняемого, ибо апостол Павел просит выступающих перед судьей объявить, что дурного они нашли в его поведении. Заслуживает внимания тот факт, что дело против Павла было начато по обвинению в ереси, вероотступничестве, догматических заблуждениях. Итак, из всего этого становится ясно, что методы судопроизводства инквизиторов не согласуются с учением и примером апостолов.

XXI. Св. Павел в Послании к Римлянам, глава XII, пишет: "Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего". Из этого текста можно заключить, что губительное усердие святого трибунала противно вере и неразумно. Да и как оно может быть таковым, если только страхом им удается обратить в веру? Люди, которых склоняют на свою сторону таким образом, становятся лицемерами, не более того.

XXII. Св. Павел в том же Послании к Римлянам, глава XVI, пишет: "Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них". Вот что советует св. Павел по отношению к еретикам: он предписывает остерегаться их и быть осторожными, избегая общения с ними, но не доносить на них в уголовный суд и, тем более, не сажать еретиков в тюрьмы и наказывать, предавая их семьи бесчестию и поруганию. Хотя именно этого косвенно требует инквизиционный трибунал в своем эдикте о

Untitled

доносах, и именно такое отношение он предписывает к лицам оговоренным.

XXIII. Св. Павел в Первом Послании к Коринфянам, глава V, говорит: "Я писал вам в послании - не сообщаться с блудниками; впрочем, не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего; но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе". Это поучение вторит тому, что апостол Павел проповедовал римлянам. Идолопоклонство относится к преступлениям против веры и Церкви, и тем не менее апостол не исключает его из общего правила. Он довольствуется предписанием не есть вместе с идолопоклонниками и избегать их общества.

XXIV. Тот же апостол в Послании к Галатам, глава II, пишет: "Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраниваться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники; однако же, узнавши, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы

Untitled

уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть. Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, - то неужели Христос есть слуга греха? Никак! Ибо, если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу". Это повествование подтверждает, что установление инквизиционного трибунала враждебно духу христианской религии, и методы его действий по отношению как к истинным католикам, так и к подозреваемым в ереси с полным правом вызывают порицание. Апостол Петр не поступал по истине Евангельской потому, что, отделяясь от обращенных в христианство необрезанных язычников, давал понять, что грешно было общаться с ними и смотреть как на братьев на тех, кто не подчинялся закону Моисееву. Св. Павел понял, что такое отношение могло лишь уменьшить количество христиан, ибо язычники отказались бы принять христианство, если одновременно им пришлось бы подчиниться закону Моисееву. Тогда он взял на себя публичное объяснение, дабы доходчиво, простым языком и вескими, неоспоримыми доводами прояснить суть этого вопроса. Вот что должен был делать епископ, узнав, что кто-то подозревается в ереси и, проповедуя ее открыто, находит новых приверженцев. Примечательно, что все это относилось к св. Павлу. Можно надеяться, что если бы его преемники всегда об этом помнили, они не претендовали бы на собственную непогрешимость, особенно при создании инквизиционного трибунала или установлении

Untitled

правил, которым нужно было следовать в обращении с теми, кто не прямо поступал по истине Евангельской.

XXV. Св. Павел во Втором Послании к Фессалоникийцам, глава III, пишет: "Если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его; но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата". Апостол проповедует учение, которое было уже отчасти растолковано: ни в коем случае не хочет он, чтобы методы выходили за рамки дозволенного.

XXVI. Тот же апостол в послании к Титу, глава III, пишет: "Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся". Вот то, что дух христианской религии позволяет церковным судьям. Тюрьмы, пытки, релаксация в виде передачи еретика в руки светского суда, где ему вынесут смертный приговор, - все это превышает меры, дозволенные Евангелием и учением апостолов. Ни папа, ни епископы, ни инквизиторы не имеют права отменить то, что Христос и апостолы постановили по этому вопросу. Если в века, предшествующие изобретению книгопечатания, безграмотность и невежество могли благоприятствовать и тем самым служить извинением для распространения других вероучений, то на сегодня они лишены почвы и поддержки, ибо все христиане знают закон, права и обязанности. Пришло время вернуться к истине, воплощенной в учении первых веков Церкви.

XXVII. Св. Петр в своем первом апостольском послании, глава V, пишет: "Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник во славе, которая должна открыться: Пасите Божие стадо, какое у

Untitled

нас, надзирая за ним непринужденно, охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия. И не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду". Вот в каком духе епископы (и инквизиторы, до тех пор пока они будут) должны использовать данную им власть по отношению к людям, подозреваемым в догматических ошибках, если хотят делать свое дело не по принуждению, а из искренней любви к Богу, не из постыдной жажды богатства (конфискации), а из бескорыстного милосердия, не господствуя, но подавая пример стаду. В этом случае они отдадут предпочтение тайному увещанию в первый, во второй и в третий раз, а не тюрьмам и не поношению. И тогда среди просвещенных католиков не будет противников инквизиции.

XXVIII. Апостол и евангелист Иоанн Богослов в своем втором соборном послании пишет следующее: "Всякий, престапующий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца, и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его; Ибо приветствующий его участвует в злых делах его". Это наставление Иоанна Богослова согласуется с поучениями других апостолов: избегать общения с еретиками, не предпринимая ничего другого.

XXIX. Св. апостол Иуда в своем соборном послании (где он говорит, что были нечестивые грешники, произносящие хулу на Бога, и ропотники, поступающие по своим нечестивым похотям), пишет: "А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая

Untitled

милости от Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни. И одни пусть вам будут как уже приговоренные грешники; спасайте их, исторгая из огня; и будьте милостивы к другим, страшась и гнушась одежды, которая осквернена и всегда принадлежит плоти" {Перевод дословный по цитате автора; синодальный перевод: "И к одним будете милостивы, с рассмотрением; а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушась даже одеждою, которая осквернена плотию ". (Примеч. перев.)}. Св. Иуда соглашается с остальными апостолами, призывая быть милосердными даже с теми, кто уже кажется приговорен, но по сравнению с другими апостолами, в качестве наказания, он просто советует всем добрым христианам удалиться от общения с ними.

XXX. Св. Игнатий, епископ и патриарх Антиохии, ученик апостолов, в своем Послании к Ефесянам проповедует то же учение: "Есть, - пишет он, - люди лживые, которые недостойно украшаются именем христианина и совершают богомерзкие дела; вы должны бежать от них как от разъяренных животных. Лицемерные и фальшивые, они, как бешеные псы, кусают, когда этого меньше всего ожидаешь; будьте с этим осторожны, ибо их укусы трудноизлечимы, а доверить лечение должно одному лишь врачу, Господу нашему Иисусу Христу... Мне стало известно, что этому врачеванию подверглись некоторые сторонники вредного учения, которому вы не позволили распространиться и закрыли уши, боясь, что осквернится ваш слух; мне стало известно, что вера - ваш проводник, а любовь - путь, который ведет вас к Богу... Молитесь также о

Untitled

тех, кто все еще не может освободиться от гнета идолопоклонства, но нужно надеяться, что постепенно они сбросят его и всем сердцем прилепятся к Богу. Скорбите о том, что они живут среди вас, и старайтесь поучать их хотя бы делами вашими". Из этого отрывка видно, что ученики апостолов говорят, как и их учителя. Обратите внимание, какую терпимость предписывает св. Игнатий по отношению к идолопоклонникам, хотя он был их пленником и едва не принял мученическую смерть от их рук.

XXXI. Тот же святой, в своем послании к христианам Трал-леса, пишет: "Заклинаю вас, не ради меня, но ради любви Иисуса Христа, вкушайте лишь христианскую пищу и отвергайте плоды, отравленные ересью. Те, кто ею заражен, ухищряются прикрывать именем Христа свои заблуждения, легко входят в доверие и бывают в почете среди народа. Они обманывают подобно тем, кто дает отраву под видом сладкого и приятного напитка, заставляя с упоением выпить то, что должно принести смерть. Остерегайтесь этих опасных учителей и знайте, что единственное средство избежать их уловок - никогда не впадать в гордыню, а жить нераздельно с Богом, Иисусом Христом, вашим епископом и апостольским учением". Здесь св. Игнатий дает наставление быть как можно ближе к епископу, чтобы, вопреки всем нападкам еретиков, достичь единомыслия с ним в вопросах веры, но он не советует применять какие-либо жестокие меры к инакомыслящим.

XXXII. В послании к христианам Смирны тот же святой говорит о еретиках, которые хотели всем внушить, что Иисус Христос имел не материальную плоть, а ее видимый

Untitled

образ, вследствие чего он не родился, не умер и не воскрес в реальности, а была только видимость этого. После опровержения этих идей он добавляет: "Говорю вам это, возлюбленные братья мои не потому, что сомневаюсь в вашей вере, но затем, чтобы предупредить вас, дабы вы были осторожны с этими жестокими бестиями, у которых от человека остался только внешний облик. Вы должны не только не пускать их в ваш дом, но и бежать от них, избегать встречи с ними, если возможно; ваше дело - лишь молиться за них, хоть и очень трудно обратить их в истинную веру и заставить покаяться, но все во власти Иисуса Христа, подателя истинной жизни". Вот все учение, которое проповедовала первая Церковь по отношению к еретикам, в наиболее понятном изложении. Никаких карательных мер, молитвы об -их обращении и, во избежание опасности заражения, наставления отцов верующим.

XXXIII. Тот же ученик апостолов, в своем послании к Поликарпу, епископу Смирны, пишет: "Я заклинаю вас, ради благодати Божией, которая с вами, идите далее в вашем делании и наставляйте всех верующих на путь спасения: не бегайте ни телесных трудов, ни душевных забот, дабы до конца исполнить вашу великую миссию; прежде всего, радейте о том, чтобы сохранить единство, величайшее благо из всех; Принимайте всех остальных, как Господь принимает вас, и будьте к ним терпимы из милости, как вы это делаете сейчас... Помогайте друг другу с любовью, если хотите, чтобы Бог помогал вам".

Вот терпимость, которую проповедует ученик апостолов. И ее очень легко примирить с доктриной об отлучении. Если

Untitled

еретику не удастся соблазнить никого из католиков и если он не нарушает общественный порядок, то пусть к нему относятся терпимо, в обратном случае он может быть отлучен, но только внутрицерковно: от участия в таинствах. К этому только добавится предписание избегать всякого общения с отлученным еретиком, насколько это возможно в гражданском обществе. Но даже и это предписание не должно выполняться, если люди, отлученные от католической Церкви, ведут себя благопристойно и мирно и не думают соблазнять верующих.

XXXIV. Тертулиан, в своей речи в защиту христиан, которую он направил императору Северу, с целью прекратить гонения на них, пишет в XXIV главе:

"Остерегайтесь покровительствовать неверию, когда вы лишаете свободы в выборе божества, запрещая мне служить Богу, которого я почитаю, и заставляя возжигать благовония Богу, которого я не люблю: ни Бог [ни даже сам человек] не принимает благосклонно принужденное поклонение". Эти идеи не противоречат учению апостола Павла, который уверяет, что наше поклонение должно быть осмысленным, то есть результатом нашего убеждения. Когда мы сделаем все, что в нашей власти, дабы обратить еретика, и это не принесет плода, нам останется только избегать с ним общения, ибо если мы будем упорствовать и попытаемся обратить его страхом, то получим лишь лицемера: таков печальный результат, которого добивается инквизиция. И если нам говорят, что отход от католической веры - это преступление, которое должно быть наказано, то св. Павел и Тертулиан учат нас, что, если какой-то человек, по недомыслию, полагает, что нашел истину в

Untitled

какой-то доктрине противоречащей учению Церкви, он не преступник перед людьми, ибо поступил так, желая себе вечного спасения; и если его принуждают следовать прежней вере, он будет поклоняться Богу без усердия, ибо тогда он будет не свободен и не волен в своих желаниях.

XXXV. В главе XXVIII он пишет: "Но, кажется, несправедливо заставлять свободных людей совершать жертвоприношение, ибо, согласно предписанию, оно требует истинной набожности, и совершенно неразумно принуждать поклоняться богам, ибо это следует делать только по доброй воле". Это рассуждение Тертулиана подтверждает уже сказанное в предыдущем параграфе. Сам же Тертулиан в книге к Скапуле, главе II, изъясняется следующим образом: "Свобода следовать избранному вероисповеданию - это привилегия, основанная на естественном праве и на людском законе, ибо нет нужды кого-то заставлять верить: необходимо, чтобы вера была добровольной, а не навязанной силой.

Жертвоприношение, по своей природе, дело добровольное. Если вы нас заставляете приносить жертвы, вы тем самым не угождаете вашим богам: ведь они не смогут принять принужденную жертву, если только ранее она не была оспорена, но это не пристало божеству". По этому учению, инквизиторы нарушают естественное право и людской закон, наказывая тех, кто следует доктринам Лютера, Кальвина, закону Моисееву, учению Магомета и других, полагающих, что истина на их стороне. И пусть они продолжают заблуждаться, они-то считают, что не обманываются. Их вера основывается на свободомыслии, опираясь на естественное право и людские законы.

Untitled

XXXVI. Св. Киприан, епископ Карфагена, примас африканской Церкви, пишет в 51-м послании к священнику отцу Максиму, говоря об отошедших от католической веры: "Пусть даже и есть плевела в нашей Церкви, это не должно помешать нашей вере и любви сохранить ее единство. Об одном мы должны радеть: стать пшеницей, дабы попасть в житницу Господа во время жатвы. Апостол пишет к нам в своем послании: в богатом доме есть посуда не только из золота и серебра, но также из дерева и глины; той подобает честь, а эта заслуживает бесчестия; мы же должны делать все, чтобы стать сосудами из золота или, по меньшей мере, из серебра, однако только Господь имеет власть разбивать глиняные сосуды, ибо в его руках железная палица. Раб не может быть выше своего господина; ни у кого нет власти, которую отец дал только сыну: держать посох, очищать воздух и отделять плевелы от пшеницы, судя человеков" {S. Cipr. ep. 55 ad Maximum presbiterum.}. Это поучение св. Киприана на евангельскую притчу о плевелах избавляет нас от всех сомнений, которые могли бы возникнуть на эту тему. Как говорит этот святой епископ, людям не дана власть казнить еретиков по той же причине, что не было позволено им выбирать плевелы от пшеницы в притче, и мы видели, как Господь поручает ангелам отложить это разделение до жатвы, то есть до Божьего суда.

XXXVII. Тот же св. Киприан в 55-м послании св. Корнелию пишет: "Не должно удивляться, если один совершенный слуга покинут некоторыми другими слугами, ибо Господь был также покинут своими учениками, несмотря на великие чудеса и деяния, через которые им была явлена сила Бога

Untitled

Отца. Однако необходимо отметить, что Господь не корил их за это и не угрожал им, но повернулся к апостолам и сказал: Хотите идти за мной? Так он не нарушил закон, дающий человеку свободу следовать по пути жизни или смерти... Что же касается нас, мой возлюбленный брат, единственное, что в нашей власти, - это всеми силами стараться не допустить, чтобы кто-то погиб по нашей вине. Ибо если кто погибнет по доброй воле, из-за своих преступлений, не желая возвратиться в лоно Церкви и покаяться, то мы не ответственны за его гибель в день Страшного суда, ибо мы сделали все, что могли для его спасения; наказаны же будут те, кто не послушал наших наставлений". Так, согласно св. Киприану, должно всячески увещевать еретика, не желающего вернуться в лоно Церкви, и только в крайнем случае отлучать его; миссия Церкви на этом заканчивается, ибо он свободен следовать по пути жизни или смерти; а что касается епископа, он сделал достаточно, если дал виновному добрые наставления, которые предписывает христианское милосердие.

XXXVIII. В послании 62 к Помпонию, говоря об отлучении согрешивших, он пишет следующее: "Бог когда-то установил смертную казнь для тех, кто не повиновался священникам и судьям, и они гибли от реального меча, когда еще существовало телесное наказание. Но теперь появилось церковное наказание для тех верных рабов Господа, кто страдает от гордыни и упрямства, и они гибнут от меча духовного, ибо отвергаются Церковью".

XXXIX. Св. Киприан рассуждает здесь так же, как и в предыдущем тексте. Ничего о телесной смерти: Церковь не

Untitled

желает, чтобы даже косвенно готовилась передача еретика в руки светского судьи.

XL. Лактации в своем трактате Божественные установления, книга V, глава XX, пишет: "Не следует применять ни силу, ни поношения, ибо вера не может быть внушена насилием. Рассуждением, а не наказанием должно склонять на свою сторону. Пусть враги ваши применяют свои способности. Если правда на их стороне, пусть покажут ее, мы готовы их выслушать. Но мы не верим тем, кто молчит, и не отступим перед теми, кто преследует. Они должны следовать за нами или объяснить нам причины своего несогласия. Мы не увлекаем лживыми обещаниями, что бы об этом ни говорили наши враги, мы довольствуемся тем, что поучаем, доказываем и показываем. Так, мы никого не лишаем свободной воли, ибо тот, кто не имеет веры и любви к Богу, не нужен Ему. Однако никто из наших не покинул нас, ибо истина всех удерживает в лоне Церкви... Чтобы показать вам, какова разница между истиной и ложью, достаточно заметить, что наши враги не способны никого убедить своим красноречием, а тем временем меж нами этим занимаются люди грубые и необразованные, ведь истинная природа вещей глаголет сама за себя. Почему же тогда враги наши гонят нас, еще более впадая в безумие, когда считают, что уже отказались от него? Убийство и благочестие суть вещи диаметрально противоположные, и истина так же не совместима с силой, как правосудие с жестокостью... Мы знаем, что в мире нет ничего более полезного, чем христианская религия, и что необходимо защищать ее всеми возможными средствами, однако враги наши

Untitled

заблуждаются относительно способа защиты, который ей подобаает. Она должна защищаться, не убивая, но умирая, не жестокостью, но терпением, не поруганием, но верой. Из этих вещей одни хороши, а другие дурны, в религии же должно быть доброе, а не дурное. Если отстаивать ее ценой крови, пыток и казней, она не будет защищена, а, напротив, осквернена и поругана. Ибо нет дела более добровольного, чем вера: ее незамедлительно теряет всякий жертвователю, лишенный свободы воли. Отсюда следует, что разум велит нам отстаивать религию своим терпением и смертью, в них хранится вера, что благоприятно Богу, на вере же возрастает влияние религии" {Lactatius. Instit. divinae. Lib. 5, cap. 20.}. Поучение Лактация не нуждается в комментариях применительно к нашей теме. Яснее нельзя выразить, что обращения еретиков, произведенные инквизицией, не имеют смысла и противоречат сути и духу христианской религии.

XLI. Св. Афанасий, епископ и патриарх Александрии, в одном своем послании {S. Athanasius in epistola ad solitariam vitam a gentes.} выступает против ариан, преследующих католиков, и упрекает их в неуважении принципов, на которых покоится христианская религия, а именно: принципов свободы и убеждения, и, между прочим, пишет следующее: "Если постыдно, что некоторые католические епископы, охваченные страхом пред арианами, поменяли свои убеждения, то как еще более постыдно для этих последних, действовать методами, подобающими лишь людям, не уверенным в правоте своего дела! Так, диавол, на стороне которого никогда не было правды, идет в бой, вооружившись топором и

Untitled

секирой, и взламывает двери души, дабы войти в нее. Спаситель, по мягкости своей, поступает совершенно иным образом: "...если кто, - говорит он, - хочет идти за Мною и стать Моим учеником..." и т.д. И учит нас, что, когда Он ищет кого, не войдет в дом силою, но, подойдя к двери, постучит и скажет: Сестра моя, супруга моя, открой мне. И если откроют Ему - войдет, а если не захотят открыть Ему, уходит. Действительно, истина жаждет провозглашения не мечом и дротиками или каким-то иным оружием, а путем убеждения и наставления. Но откуда возьмется свобода, необходимая для уверения, если господствует страх перед императором? И какая польза от наставлений, если несогласные изгоняются или предаются смерти?"

XLII. "Не достаточно назвать ариан язычниками, ибо они еще дальше отстоят от христианства, чем последние. Их обычаи более присущи диким зверям, нежели людям, в их поведении больше жестокости, чем у палачей. Они гораздо хуже других еретиков и не заслуживают даже сравнения с язычниками, которых они оставили далеко позади в этом отношении. Я слышал, что некоторые Отцы Церкви вспоминали по этому поводу правление Максимилиана, деда императора Константина, эпоху больших гонений на христиан, когда язычники, спасая, часто укрывали их, и предпочитали даже заплатить значительный штраф или пойти в тюрьму, но не выдать, где скрываются доверившиеся им гонимые христиане. Невзирая на опасность для собственной жизни, они делали для христиан все, что сделали бы и себе. Ныне же вызывающие восхищение авторы новой ереси (известные лишь своим искусством готовить западни) ведут себя

Untitled

совсем иначе. Палачи по доброй воле, они смотрят как на врага не только на католика, скрывающегося от них, но и на того, кто дает ему убежище. Таковы они: жестокие по природе, человекоубийцы, преемники иудина бесчестия... Эта новая и ненавистная ересь, до сих пор еще не павшая под давлением разума и стыдящаяся узреть истину, будет и дальше обращать в свою веру силой, сажать в тюрьмы и наказывать тех, кого не может увлечь идеями, подтверждая этим, что ей чужды преданность и любовь к Богу. Ведь сам строй религии предполагает убеждение, а не понуждение (как уже было сказано ранее), ибо каждому была дана свобода самим Господом нашим, который, никого не понуждая, часто говорил всем так: Если кто хочет идти за Мной, и т.д. И своим ученикам: Хотите и вы тоже идти за Мной? Что могла сделать подобная ересь, как не явно противное вере, суть которой - любовь к Богу? Ересь эта, изменив Богу, приписывает свои жестокости Константину, называя его Антихристом" {S. Athanasius in epistola ad solitariam vitam a gentes.}. Хваля поведение язычников, которые не только не выдавали христиан, несмотря на императорские эдикты, но и скрывали их у себя от преследований, св. Афанасий тем самым порицает учение инквизиции, обязывающее доносить, а также обычай наказывать людей, укрывающих преследуемых. Он также осуждает применение силы и запугивание, как не прямые методы воздействия на еретиков, враждебные духу христианской религии, которыми надеются добиться их обращения в веру.

XLIII. В своей первой книге св. Иларий, епископ Пуатье, так пишет к императору Константину, последователю

Untitled

арианской ереси, с целью убедить его прекратить гонения на христиан: "Бог явил себя более в учении, нежели в силе. И своими заповедями, явленными в небесных откровениях, Он показал нежелание того, чтобы какой-либо закон принуждал к исповеданию Его как Бога. Если бы закон силы был принят как способный породить истинную веру, этому скоро воспротивилось бы учение епископов о том, что Бог есть господин над всякой вещью и потому не нуждается в поклонении, совершаемом против воли. От нас Он ожидает исповедания не по принуждению; должно стремиться не обмануть Его, но ублажить посредством добрых дел. Богу следует поклоняться не потому, что Он в этом нуждается, но потому, что это полезно нам самим. Так, я могу считать христианином только того, кто называется так по собственной воле, слушать учение лишь того, кто молит быть услышанным и исправленным, осенять крестным знамением того, кто исповедует веру. Мы должны искать Бога в простоте нашего сердца, познать, исповедуя Его, любить из одного только чувства любви, славить со страхом и быть Ему верными, ибо таково наше прямое желание" {S. Hilarius. lib. I; ad Const antinum.}. Св. Иларий соглашается с другими Отцами Церкви и осуждает методы принуждения, когда речь идет об обращении отошедшего от истинной веры.

XLIV. Св. Амвросий, епископ Миланский, пишет в своем толковании на Евангелие от Луки, книга VII, глава 10, следующее: "Св. Матфей учит нас, что Спаситель наказал апостолам ходить без посоха, когда они пойдут проповедовать Евангелие. А что понимается под этим инструментом, если не символ высшей духовной власти и

Untitled

орудие наказания, причиняющее боль? Так, апостолы смиренно исполняли заповедь своего Учителя, который показал образец смирения, сам отдав себя на суд.

Посылая их проповедовать, Он наказал им учить без насилия и провозглашать учение о смирении, не используя своей власти... Более того, когда апостолы просили дождя огненного на самарян, которые не хотели принять в своем городе Господа Иисуса, Он осудил их: Не знаете, какого вы духа, ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасти" {S. Ambrosius, comment. in Lucam. lib. 7. Cap. 10.}.

XLV. Св. Григорий, епископ Назианзенский, заметив, что некоторые люди медленно, мало-помалу переходили от идолопоклонства к ветхозаветной вере Святого Писания, а затем к христианству, дает этому обоснование: "Почему так? Бог попустил это, дабы показать нам, что мы не силой, а убеждением обращаемся в веру, поскольку то, что делается не по доброй воле, не может длиться долго, как нельзя удержать волну или заставить растение развиваться в направлении, противном его природе. То, что делается с желанием, не только длится дольше, но и еще бывает и прочнее. Этому последнему благу и должно быть отдано предпочтение, все прочее принадлежит тем, кто опирается на силу; воистину, методы ненасильственного убеждения согласуются с Божьим правосудием, насилие же свойственно тиранической власти.

Вот, кстати, почему Бог рассудил сделать благо не тем, кто отказывался принять Его, а тем кто желал этого" {S. Gregorius Nazianzenus. Sermons 5.}. Это учение св.

Untitled

Григория не нуждается в комментариях, оно, в частности, подтверждает уже сказанное о методах обращения, принятых в святом трибунале.

XLVI. Оптат, епископ Милевитанский в Африке, живший в эпоху правления Валентиниана и Валента, в своем трактате против Пармениана, епископа секты донатистов, признает, что насилие противоречит духу христианской религии, как и все, что противно свободе. Ибо, как пишет Пармениан, "нельзя назвать Церковью ту, которая стоит на крови, питается кровью и жиреет на плоти человеческой". Оптат признает правоту этой фразы и только не согласен с тем, что она может быть применена к католической Церкви. "Церковь (пишет он) состоит из очень разных членов, а именно: из епископов, пресвитеров, диаконов, служителей, общины верующих. Скажите, на какой из этих категорий, по вашему мнению, лежит ответственность за Церковь?

Укажите служителя, назовите диакона или священника; покажите, что хоть один епископ согласился с тем, что вы говорите; докажите, что кто-то из нас ставил среди вас западни. Где вы найдете человека, который бы вас преследовал? Как вы сможете доказать, что мы преследовали хоть одного из ваших?" {S. Optatis Milevitanus. lib. 2 contra Parmenianum et donatistas.}

Очевидно, что Оптат открыто соглашается со своим противником, осуждая жажду крови в церковнослужителях, но делает это для того, чтобы восхвалить свою партию, отбрасывая факты, которые Пармениан вменяет ему в вину.

XLVII. Св. Иоанн Златоуст в проповеди об анафеме устанавливает тот же принцип и глубоко осуждает

Untitled

преследователей еретиков, выдающих неверных судьям, и почти в конце проповеди добавляет: "Необходимо отбросить и запретить нечестивые учения, которые пытаются распространять еретики, но также необходимо прощать людям их ошибки и молить Бога об их спасении".

Мне кажется невозможным примирить это учение с методами действий инквизиционного трибунала.

XLVIII. Блаженный Иероним, пресвитер и учитель Церкви, сделав наблюдение, что во времена императора Константина ариане сильно преследовали католиков, и многие из последних перешли в ересь, дабы избежать гонений, признал необходимость душировать вредные учения всеми возможными методами, даже наказывать разносчиков ереси, но не предавая их смерти, а трудясь над их обращением к вере. В 62-м послании к Теофилию на Иоанна Иерусалимского пишет: "Церковь Иисуса Христа утвердилась его кровью и муками, но никого не проклиная; возросла в гонениях, мученики составили ее славу". В толковании на XIII главу Евангелия от Матфея (где разъясняется притча о плевелах) блаженный Иероним пишет: "Тот, кто правит Церковью, должен быть бдителен, чтобы враг, воспользовавшись нерадением главного пастыря, не посеял плевелы, то есть ереси. Однако слова: "...чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы", - поучают нас, что прежде чем отлучать нашего брата, надо открыть ему двери покаяния; ибо тот, кто сегодня соблазнился вредными принципами, может завтра раскаяться и стать поборником истины" {Idem S. Hieronimus in Evang. sec. Math. Cap.13.}. В совокупности тексты блаженного Иеронима подтверждают, что в Церкви

Untitled

должен господствовать дух терпения, незлобивости, доброты; а жестокость и насилие суть методы недозволенные для защиты и распространения веры. XLIX. Блаженный Августин придерживался двух разных мнений в разные периоды жизни. До сильной смуты, поднятой в Церкви донатистами (о которой можно прочесть в Истории Церкви), этот святой учитель считал, что еретиков нужно привлекать на свою сторону уговорами, наказывая их только отлучением от Церкви, и то, если они упорствовали. Впоследствии, увидев, как лоно Церкви раздирается еретиками, он одобрил указы императора против них и посчитал полезным их наказывать, но так, чтобы суровость наказания не доходила до смертной казни; хотя смертная казнь за ересь была установлена Диоклетианом в 296 году, затем возобновлена против манихейцев в 382 году Теодосием и позднее другими императорами против тех же еретиков. Этим последним Блаженный Августин говорил: "Как жестоки с вами те, кто не знает, как трудно найти истину и избежать заблуждения! Как трудно пожертвовать чувственными иллюзиями ради одного мгновения благочестивого умиротворения! Скольких усилий стоит вылечить духовные очи человека, для того, чтобы он увидел солнце, которое должно просветить его; это не вещественное солнце, которым вы восторгаетесь (несмотря на то, что светит оно одинаково и людям и животным), но то, о котором Пророк сказал: Солнце правды возшло для меня; то солнце, о котором нам говорит Евангелие, когда мы в нем читаем, что один истинный свет просвещает всякого человека проходящего в этот мир. Как жестоки с вами те, кто не знает, скольких

Untitled

вздохов и слез стоит познание Бога, даже если оно дается легко, и как суровы, наконец, все те, кто никогда не впадал в заблуждения, которыми соблазнились вы! О себе скажу, что мне понадобилось столько усилий и времени, чтобы познать Божественную сущность в ее простоте, без примеси излишних домыслов, что я не могу относиться к вам со всей строгостью; мне должно относиться к вам так мягко, проявить по отношению к вам такую терпимость, какую проявляли мои соседи, когда я был одним из самых ярых и слепых приверженцев ваших догматов".

L. В вопросах к Евангелию от Матфея тот же святой пишет: "Спаситель, говоря со своими учениками, не сказал им: Я вас пошлю выбирать плевелы, когда придет время жатвы, но пошлю жнецов. Это наблюдение подтверждает мысль о том, что выбирать плевелы для того, чтобы их сжечь, - это совершенно отдельное служение, и что ни один сын Церкви не сможет считать себя вправе этим заниматься".

Чуть позднее тот же самый учитель говорит в своих "Отречениях": "Я написал две книги под заглавием Против донатистов. В первой книге я объявил, что не одобряю насилие или страх перед наказаниями светской власти как методы возвращения схизматиков в лоно Церкви. Эти способы мне были тогда неприятны, потому что я еще не знал из опыта, какой вред может принести их безнаказанность и как полезно, когда суровость правительства вынуждает их переходить на нашу сторону".

LI. Изменения, произошедшие во взглядах Блаженного Августина, не помешали ему написать Донату, проконсулу Африки, следующее: "Наблюдая, сколь жестоки судьи и

Untitled

законы к донатистам, желаем, чтобы еретиков наказывали с целью исправить их и помочь им избежать вечных мук; но не хотим, чтобы к ним применялась смертная казнь. Мы одобряем строгое к ним отношение, но пусть суровость ваша не доходит до смертной казни, хотя они ее и заслуживают; наказывайте грехи, но дайте жить грешникам, чтобы они раскаялись... Вы, должно быть, уже заметили, по вашему благоразумию, что церковники единственные, кто свидетельствует об отступничестве донатистов, и, если вы прикажете их убивать, мы перестанем их вам указывать, чтобы нельзя было сказать, что многие из них потеряли жизнь из-за наших доносов; и тогда еретики удвоят свою дерзость, чтобы погубить нас, и по собственной воле мы должны будем принять смерть из их рук, потому что не участвовали в их падении, выдавая их вашему трибуналу" {Idem, th.127, ad Donatum proconsulem Africae.}.

Вот непрекаемый авторитет, который можно решительно противопоставить методам действий инквизиции, ибо это Блаженный Августин, автор, с такой любовью цитируемый защитниками трибунала в подтверждение того, что наказание еретиков не противоречит духу кротости, присущему христианской религии. В своей теории они должны признать, что бесчестно заставлять доносить на еретиков, и это противоречит учению Блаженного Августина, ибо доносчики не знают, вдруг осужденный будет приговорен к релаксации и, как следствие этого, к смертной казни; они находятся в ситуации, предусмотренной епископом Гиппоны, в которой предпочтительно умереть, но не донести. С другой

Untitled

стороны, легко заметить, что первое суждение святого учителя совпадало со взглядами других Отцов Церкви, и если он изменил его, то только из-за известных событий, когда увидел, что донатисты выступают как возмутители общественного спокойствия и гонители правоверных христиан; это заставляет думать, что Блаженный Августин никогда не расстался бы со своим первым убеждением без указанных здесь выше обстоятельств, но даже если предположить, что он от него и отказался, он предписал бы наказывать еретиков лишь обычным отлучением от Церкви, не предавая дело широкой огласке.

LII. Национальным советом Испании, созданным в г. Эльвире (Андалусия) в 303 году, были явлены одновременно терпимость к христианам, впавшим в догматические заблуждения, и неприязнь к доносчикам. Правило 22 гласит: "Если какой-либо католик принял ересь, а затем вновь вернулся в Церковь, необходимо его принять, ибо он признал свой грех; пусть кается в течение десяти лет и после этого будет допущен к причастию. Если кто попал к еретикам в детском возрасте, принять его в лоно Церкви без наложения епитимьи". В правиле 46 читаем: "Если какой-либо католик (после того, как он отошел от Церкви и много лет ее не посещает) возвращается, не быв идолопоклонником, он будет принят для покаяния в течение десяти лет и затем допущен к причастию". Правило 73 гласит: "Если какой-либо католик стал осведомителем и кто-то был казнен или изгнан в результате его доноса, отказать ему в причастии даже на смертном одре; если же его ошибка не имела столь грозных последствий, наложить на него епитимью на пять

Untitled

лет. В том же случае, если доносчик только оглашенный, крестить его не ранее чем через пять лет" {Cosilium Eliberaitammi. Can. 22,46,73.}. Не знаю, как примирили инквизиторы это последнее правило с их указом, понуждающим христиан доносить друг на друга под страхом наложения цензур. Когда Блаженный Августин поменял свое мнение относительно способа обращения с еретиками, он счел возможным, несмотря на постановления совета в Эльвире, доносить на до-натистов, ибо, преследуя католиков, они возмущали спокойствие государства, однако инквизиторы не ограничивают действие своего указа только такими обстоятельствами. Они настолько далеки от принятия подобного ограничения, что издают указы, заставляют их проповедовать и притязают на то, чтобы, подчиняясь закону, отец, дети, супруги, братья и сестры - все доносили друг на друга. LIII. Я мог бы привести еще примеры из писаний Отцов Церкви, рассказать о не менее ученых и святых подвижниках той прекрасной для религии эпохи, старавшихся избавиться от преследований или, по крайней мере, вырвать из рук палачей многих еретиков. Но мне показалось излишним умножать авторитетные свидетельства такого рода. Те, кто читает эту Историю без предубеждения, уже удостоверились на основе мною сказанного, что методы инквизиции чисто формально противоречат приведенным текстам. Что касается лиц, выступающих за гражданскую нетерпимость, вряд ли даже все, что я мог бы еще добавить, изменит их мнение. Ограничусь лишь тем, что предложу им следующие вопросы.

Untitled

LIV. Если бы вы жили в первые века христианства, в таком месте Римской империи, где христианство находилось бы в оппозиции к государственной религии, вы бы одобрили закон, приказывающий язычникам доносить на христиан проконсулу провинции? Вы стали бы приветствовать применение против них пыток, тюрем и множества других жестоких мер с целью добиться признания в том, что они хотели бы скрыть? Сочли бы вы справедливым их арест и самое суровое одиночное заключение; запрет видеть отца, мать, супруга, супругу, братьев, сестер и детей; общаться с прокурором, адвокатом, консультантом и любым другим лицом? Было бы, по-вашему, хорошо, если бы делали тайну из материалов следствия, скрывали бы имена и связи доносчиков и свидетелей, утаивали бы документы, письма и другие свидетельства, способные частично оправдать их в предполагаемых преступлениях? Вы бы тогда рассуждали, как и Отцы Церкви, мнение которых вы уже знаете.

LV. Возможно, люди, о которых я говорю, заметят огромную разницу между приведенными ситуациями и скажут: христианская католическая апостольская римская Церковь исповедует истинную веру, поэтому она не может идти на уступки другим, вследствие чего она не должна проявлять терпимость, дабы не одобрить вероотступничество. Но кто так подумает, пусть вспомнит, что было только что сказано о Блаженном Августине и манихейцах, и, кроме того, прочтет, что пишет об арианах Сальвиано де Марселья [217] в своем великолепном трактате Божественное управление. "Они еретики, - говорит он, - но так про себя не думают, они еретики в нашем понимании, а не в их

Untitled

собственных глазах. Они считают себя настолько правоверными, что нам прилепляют постыдное прозвище еретиков; так что мы для них то же, что и они для нас. Мы считаем, что они оскорбляют Сына своим утверждением, что Он ниже Бога Отца; они же считают, что это мы принижаем Отца, полагая, что Бог Отец равен Сыну. Истина в нас, но они думают, что она на их стороне. Меж собой мы славим Бога, среди них славить Божество - это проповедовать свое верование. Они не делают того, что предписывает Церковь, но продолжают быть верными своему учению, в их глазах, это значит - выполнять те же обязательства, которые религия накладывает на нас. Они нечестивы, но считают, что обладают истинным благочестием, они заблуждаются, но намерения их чисты, ибо они далеки от того, чтобы ненавидеть Господа, и думают, что своими делами прославляют Его и выказывают свою любовь к Нему. И хотя у них нет истинной веры, они считают, что в их религиозном чувстве пребывает совершенная Божественная любовь. Один только Бог знает, какая кара ожидает их на Страшном Суде за те заблуждения, в которые они впали. Но до этого момента Бог предписывает проявлять терпимость по отношению к ним, ибо видит, что если эти люди и запутались в вере, то только из-за своего религиозного чувства" {Salvianus; presbyter Massiliensis, de Gubernatione Dei. lib.5.}. Учение Сальвиано должно открыть глаза всем апологетам инквизиции. И если произойдет подобная перемена в их взглядах, они не забудут в своих поступках руководствоваться заповедью Иисуса Христа, вытекающей из естественного закона: Не делай другому того, чего сам

Untitled

себе не пожелаешь {Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки (Ее. от Матфея, гл. 7). (Примеч. перев.)}.

Глава XLVI Исчисление жертв инквизиции и хронологический список великих инквизиторов, в правление коих происходили казни

После того как я в предыдущей главе доказал, насколько учреждение святого трибунала противоречит духу Иисуса Христа, его Евангелия и религии, мне показалось уместным подтвердить эту доктрину и предложить моим читателям поистине печальную картину; она будет крайне полезной по тем мыслям, на которые наведет христианских философов.

Сосчитать число жертв инквизиции значит установить материально одну из самых могущественных и самых действительных причин уменьшения народонаселения Испании. В самом деле, если к нескольким миллионам жителей, которых инквизиторская система изъяла из королевства путем поголовного изгнания евреев, покоренных мавров и крещеных морисков, прибавить около полумиллиона семейств, совершенно уничтоженных казнями святого трибунала, то отсюда последует бесспорный вывод, что без существования этого трибунала и влияния его принципов в Испании насчитывалось бы на двенадцать миллионов человек больше против теперешнего населения, которое исчисляют в одиннадцать миллионов.

Известно, что территория Франции не обширнее полуострова, почва которого, однако, более плодородна и

Untitled

климат более благоприятен для земледелия, как это доказывает качество и обилие вин, масел и фруктов Испании. Отсюда можно заключить, что эта страна могла прокормить двадцать восемь миллионов жителей (число, равное населению Франции), которые действительно существовали в Испании, когда ее территория была разделена на шесть христианских государств (Кастилия, Леон, Галисия, Португалия, Арагон и Наварра) и на восемь магометанских государств (Толедо, Севилья, Кордова, Хаэн, Гранада, Мурсия, Валенсия и Бадахос).

Было бы невозможно определить точно и достоверно число жертв, которые святой трибунал погубил в первые годы со времени его учреждения. Его костры начали пылать в 1481 году; но верховный совет был создан только в 1483 году. Реестры его архивов и архивов подчиненных трибуналов относятся к еще менее древней эпохе. Так как главный инквизитор следовал за двором, который до царствования Филиппа II не имел постоянной резиденции, то множество процессов должно было затеряться во время этих переездов. Таким образом, только через некоторое время мог установиться порядок. Эти обстоятельства, взятые вместе, обязывают меня основать мой расчет на комбинации данных, которые я нахожу в реестрах и других бумагах святого трибунала.

Мариана в своей Истории Испании сообщает нам, что в 1481 году инквизиторы Севильи присудили к релаксации, то есть к сожжению, живьем, две тысячи человек; столько же умерших или бежавших было сожжено фигурально; число примиренных с Церковью равнялось семнадцати тысячам. Доказано, что присуждение последних

Untitled

сопровождалось крайне суровыми епитимьями и наказаниями, позором, более или менее продолжительным заключением в тюрьме и почти всегда в эту эпоху полной конфискацией имущества осужденных.

Аутодафе этого времени в Сарагосе и в Толедо, как я заметил, заставляют меня думать, что каждый трибунал инквизиции справлял их, по крайней мере, четыре раза в год, потому что при невероятном увеличении числа оговоренных судьи были принуждены быстро заканчивать процессы, чтобы принимать новых узников, которых во множестве приводили в их тюрьмы, и сделать надзор за ними и питание их более удобными и менее обременительными.

Провинциальные трибуналы организовались постепенно. Трибунал Севильи был основан первым. В 1483 году основались трибуналы Кордовы, Хаэна и Толедо. В 1485 году инквизиция была учреждена в Эстремадуре, Вальядолиде, Калаоре, Мурсии, Куэнсе, Сарагосе и Валенсии. Она проникла в 1487 году в Барселону и на Майорку, в Гранаду при Карле V и при Филиппе II. Она была принята в Мадриде при Филиппе V, хотя в этом городе давно уже был инквизитор из толедского трибунала. Я не говорю здесь о трибуналах Мексики, Лимы, Картахены Американской, Сицилии и Сардинии, потому что, хотя они были подчинены главному инквизитору Испании и верховному совету инквизиции, я в состоянии установить расчет только для трибуналов полуострова и мало удаленных от него островов.

Андреа Бернальдес, историк, современный этим событиям и очень пристрастный к новому учреждению, в качестве

Untitled

раз-даятеля милостыни при главном инквизиторе, сообщает в своей неизданной истории католических королей, что с 1482 по 1489 год включительно в Севилье было сожжено более семисот человек и более пяти тысяч подверглось разным епитимийным наказаниям. Он не говорит об осужденных, изображения коих были преданы пламени. В 1481 году их число равнялось числу сожженных. Однако я предположу только половину их, чтобы заслужить больше доверия, избегая всякого преувеличения, хотя их число обыкновенно бывало гораздо значительнее. Итак, я могу удостоверить, что в этот период ежегодно в Севилье было восемьдесят восемь человек сожжено живьем, сорок четыре в изображении и шестьсот двадцать пять было присуждено к епитимьям, что составляет итог в семисот пятьдесят семь жертв. Можно приложить тот же расчет к каждому из основанных уже провинциальных трибуналов.

В замке Триана в Севилье, отданном инквизиционному трибуналу, помещена была в 1524 году надпись, которая доказывает, что с 1492 года (со времени изгнания евреев из Испанского королевства) до этого года трибуналом было сожжено около тысячи человек и более. двадцати тысяч подвергнуто епитимьям. Я предположу, что только тысяча человек была сожжена живьем, а пятьсот фигурально. На этом основании расчет для каждого года тридцатидвухлетнего периода, обозначенного в надписи, даст тридцать два человека в год сожженных живьем, шестнадцать в изображении и шестьсот двадцать пять подвергшихся епитимьям; в итоге - шестьсот семьдесят три жертвы. Я мог бы с полным основанием допустить

Untitled

подобный результат для всех других инквизиций королевства, но я предпочитаю ограничиться половиной этой итоговой цифры, так как можно предположить, что активная торговля, которая велась тогда в Севильском королевстве, привлекла в эту местность большое число семейств еврейского происхождения.

По отношению к трем годам - 1490, 1491 и 1492, - которые протекли между теми, о которых говорит Бернальдес, и периодом трианской надписи, я мог бы вести расчет согласно восьми годам, описанным этим автором. Я предпочитаю, однако, взять за основание расчет тридцати двух лет, за которыми следовала надпись, единственно потому, что этот результат представляет меньше жертв. Таковы основания, по которым я произведу исчисление лиц, осужденных инквизицией в первые восемнадцать лет со времени ее учреждения. Я буду рассматривать этот период как целиком принадлежащий к управлению первого главного инквизитора Торквемады. Хотя эта должность была создана только в 1483 году, можно присоединить этот год и два предыдущих к той же эпохе, потому что до своего назначения Торквемада был одним из инквизиторов, назначенных папою. Однако я постараюсь различить годы до времени, когда подчиненные инквизиции трибуналы открыли свои действия, потому что в первый год погибло значительно больше людей: обвиняемые были гораздо менее, чем следовало, осторожны как в своих речах, так и в поступках.

1481 год

Тогда во всем королевстве Кастилии был только один трибунал, а именно - в Севилье. По отчету Марианы,

Untitled

севильский трибунал сжег более двух тысяч человек живьем, столько же в изображениях вместо умерших или бежавших и семнадцать тысяч подверг разным епитимьям. В итоге это дает двадцать одну тысячу жертв в этот первый год. Я не говорю о тех, которые погибли в Арагоне, где была в полном ходу старая инквизиция.

1482 год

По установленным мною данным, в Севилье было осуждено восемьдесят восемь человек первого разряда, сорок четыре второго и шестьсот двадцать пять третьего, всего семьсот пятьдесят семь человек. В Кастилии был только один этот трибунал, ибо трибуналы Арагона, Каталонии, Валенсии и Майорки принадлежали к старой инквизиции.

1483 год

В Севилье то же число жертв, что и в 1482 году, то есть восемьдесят восемь, сорок четыре и шестьсот двадцать пять, а всего семьсот пятьдесят семь.

Инквизиция начала действовать в Кордове в этом году. Вероятно, она осудила столько же человек, как и севильский трибунал в первый год своего существования. Однако я уменьшу это число в десять раз, чтобы не удаляться от принятой мною системы умеренности. Таким образом, для трибунала Кордовы я считаю, что он осудил двести человек сожженных живьем, двести человек фигурально и тысячу семьсот человек подверг епитимьям. В итоге две тысячи сто жертв.

С этого года приступила к работе инквизиция Хаэна. Я предполагаю, что число осужденных было то же, что и в кордовском трибунале. Толедская инквизиция была

Untitled

основана в ту же эпоху. Она поместилась в провинции Ла-Манча, в городе, тогда называвшемся Вилья-Реаль, а теперь Сьюдад-Реаль. Число ее жертв должно равняться числу таковых в Кордове и Хаэне. В общей сложности четыре инквизиции Кастилии в 1483 году сожгли живьем шестьсот восемьдесят восемь человек и шестьсот сорок четыре фигурально; подвергнутых епитимьям было пять тысяч семьсот двадцать семь; в итоге семь тысяч пятьдесят семь.

1484 год

В Севилье за этот год я нахожу восемьдесят восемь, сорок четыре и шестьсот двадцать пять, а всего семьсот пятьдесят семь жертв.

Я ограничусь половиной этого числа для трибунала Кордовы, то есть буду считать сорок четыре, двадцать два и триста двенадцать, а всего триста семьдесят восемь человек. Для Хаэна и Толедо тот же итог.

Четыре трибунала вместе осудили в этот год двести двадцать человек первого разряда, сто десять второго и тысячу пятьсот шестьдесят одного третьего разряда, а всего тысячу восемьсот девяносто одного человека.

1485 год

То же число жертв в Севилье, то есть восемьдесят восемь, сорок четыре и шестьсот двадцать пять, а всего семьсот пятьдесят семь человек.

По подсчету, установленному мной для Кордовы, Хаэна и Толедо, в каждом из этих трех городов было в этом году сорок четыре, двадцать два и триста двенадцать, а всего триста семьдесят восемь жертв.

В этом году были основаны и организованы трибуналы

Untitled

Вальядолида, Эстремадуры, Мурсии, Калаоры, Сарагосы и Валенсии. Я считаю для каждого двести осужденных первого разряда, двести второго и тысячу семьсот третьего, а всего две тысячи сто.

Число жертв в десяти трибуналах равняется в этом году тысяче четыремстам двадцати человекам сожженным живьем, тысяче тремстам десяти фигурально и десяти тысячам двумстам подвергнутых епитимьям, а всего четырнадцать тысячам четыремстам девяноста одному.

1486 год

В Севилье было восемьдесят восемь, сорок четыре и шестьсот двадцать пять, а всего семьсот пятьдесят семь жертв. В Кордове, Хаэне и Толедо я считаю сорок четыре, двадцать два и триста двенадцать, а всего триста семьдесят восемь жертв на каждый трибунал.

В Вальядолиде, Мерено, Мурсии, Логроньо, Сарагосе и Валенсии то же число, что в Кордове, Хаэне и Толедо. Для десяти трибуналов я нахожу четыреста восемьдесят четыре осужденных первого разряда, двести сорок два второго и три тысячи четыреста тридцать три третьего, а всего четыре тысячи сто пятьдесят девять осужденных.

1487 год

В Севилье и девяти других инквизициях было, как в предыдущем году, четыреста восемьдесят четыре жертвы первого разряда, двести сорок два второго, три тысячи четыреста тридцать три третьего, а всего четыре тысячи сто пятьдесят девять человек.

Инквизиции Барселоны и Майорки были основаны в этом году. Я считаю для каждой двести жертв первого разряда, двести второго и тысячу семьсот третьего, а всего две

Untitled

тысячи сто человек. Для двенадцати трибуналов восемьсот восемьдесят четыре осужденных первого разряда, шестьсот сорок два второго, шесть тысяч восемьсот тридцать три третьего, а всего восемь тысяч триста пятьдесят девять.

1488 год

В Севилье я нахожу восемьдесят восемь, сорок четыре и шестьсот двадцать пять, а всего семьсот пятьдесят семь человек.

В одиннадцати других инквизициях сорок четыре, двадцать два и триста двенадцать, а всего триста семьдесят восемь человек для каждой.

В общей сложности для двенадцати трибуналов пятьсот семьдесят два человека сожженных живьем, двести восемьдесят шесть фигурально, четыре тысячи пятьдесят семь подвергнутых епитимьям, а всего четыре тысячи девятьсот пятнадцать жертв.

1489 год

Количество жертв в двенадцати трибуналах то же, что и в предыдущем году. Здесь кончаются выводы, доставленные мне современником Бернальдесом и историком Мариано.

1490 год

По расчету, основанному на надписи в замке Триана, Севилья сожгла в этот год тридцать два человека живьем и шестнадцать фигурально; шестьсот двадцать пять человек были подвергнуто епитимьям; в итоге шестьсот семьдесят три жертвы. Я мог бы продолжать этот труд по данным Бер-нальдеса, так как согласно буквальному тексту надписи вывод, предлагаемый ею, начинается лишь с 1493 года, ибо изгнание евреев произошло в 1492 году. Однако я

Untitled

предпочитаю этот вывод тому, который мог бы мне представить текст Бернальдеса за три года, протекшие между двумя эпохами, потому что это дает меньше жертв и меня нельзя будет обвинить в преувеличении, если я буду ему следовать.

Та же система заставляет меня уменьшить наполовину число жертв трибунала Севильи и других одиннадцати трибуналов, то есть говорить о шестнадцати, восьми и трехстах двенадцати для каждой инквизиции.

В двенадцати трибуналах в этот год было двести восемь осужденных первого разряда, сто четыре второго и четыре тысячи пятьдесят семь третьего; в итоге четыре тысячи триста шестьдесят девять жертв.

С 1491 по 1498 год

Верный своей системе сокращения, я сочту для восьми последних лет служения Торквемады тысячу шестьсот шестьдесят четыре человека сожженных живьем, восемьсот тридцать два фигурально и тридцать две тысячи четыреста пятьдесят шесть подвергнутых епитимьям; всего тридцать четыре тысячи девятьсот пятьдесят две жертвы (34 952).

Сводка

Из соединения всех частичных произведений вытекает, что испанская инквизиция в течение первых восемнадцати лет своего существования под управлением Торквемады умертвила восемь тысяч восемьсот человек живьем в пламени костров, сожгла шесть тысяч пятьсот фигурально после их смерти или бегства и примирила с Церковью путем разных епитимий девять тысяч четыре человека; таким образом, итог жертв доходит до ста пяти тысяч

Untitled

трехсот четырех человек (105 304).

В 1-м томе, в главе XIII, в статье четвертой этой Истории и в письме к г. Клозелю де Кусерге я увеличил число несчастных, осужденных инквизицией, потому что я поместил инквизицию Куэнсы в число уже существовавших; с моей стороны это была ошибка, так как этот трибунал был выделен из трибунала Мурсии только в 1513 году. Несмотря на это, я мог бы оставить в силе мое утверждение, не удаляясь от истины, ввиду того что число жертв было не меньше, пока епархия Куэнсы зависела от мурсийского трибунала. Но я хотел считать по трибуналам в произведенном мною исчислении и уменьшить, насколько позволяют обстоятельства, число несчастных, которые были осуждены.

Если бы я взял за основание моего подсчета казни в Толедо и Сарагосе, он представил бы в три раза больше жертв, так как в течение восьми лет шесть тысяч триста сорок один человек были осуждены толедскими инквизиторами. Это доводит ежегодное число до семисот девяносто двух, не считая множества погибших на других аутодафе, указанных только в архивных бумагах, с которыми я познакомился. Сарагоса представляет почти такие же данные. Если мы допустим, что такие же условия были и в других трибуналах, надо будет предположить число осужденных на две трети больше, чем я ввел в этот подсчет. Я надеюсь, что после этого замечания меня не обвинят в желании преувеличить зло.

1499 год

Второй главный инквизитор - дом Диего Деса,
доминиканец, наставник принца Астурийского дона Хуана,

Untitled

бывший последовательно епископом Саморы, Саламанки, Хаэна и Паленсии, наконец, архиепископом Севильи. Он стоял во главе инквизиции с начала 1499 года до конца 1506 года, когда приказ короля Фердинанда V, регента королевства Кастилии, принудил его отказаться от обязанностей. Во время его управления инквизиция имела в Испании двенадцать трибуналов, как при его предшественнике. Эта причина заставляет меня считать в каждом году двести восемь человек сожженных живьем, сто четыре фигурально и четыре тысячи пятьдесят семь подвергнутых епитимьям; в итоге четыре тысячи триста шестьдесят девять жертв. Это число, умноженное на восемь, по числу лет его управления, даст тысячу шестьсот шестьдесят четыре человека первого разряда, восемьсот тридцать два второго и тридцать две тысячи четыреста пятьдесят шесть третьего; а всего тридцать четыре тысячи девятьсот пятьдесят два осужденных (34 952). В 1-м томе этой Истории я увеличил эти выводы, потому что руководствовался другими принципами подсчета. Я думаю, что прежние цифры более приближаются к истине, чем теперешние. Но я счел долгом ограничиться более умеренным числом.

1507 год

Третий главный инквизитор - кардинал, архиепископ Толедский, дом Франсиско Хименес де Сиснерос, францисканец. Он исполнял свои обязанности с 1507 года по 8 ноября 1517 года, когда он умер. Во время его службы должность главного инквизитора королевства Арагона была отделена от главного управления. Ее занимали: дом Хуан Энгера, доминиканец, бывший последовательно

Untitled

епископом Вика, Лериды и Тортосы и умерший в 1513 году; дом Луис Меркадер, картезианец, умерший 1 июня 1516 года; после него был назначен кардинал Адриан, бывший тогда деканом Лувенской церкви и наставником Карла V; позже он стал епископом Тортосы и папой. Кардинал Хименес де Сиснерос в 1513 году установил трибунал инквизиции для епархии Куэнсы и зависящих от нее округов, отделив ее территорию от Мурсии. В 1516 году он создал два новых трибунала: в Орране, в Африке и на Кубе, в Новом Свете. Я не ввел в свой подсчет ни этих двух трибуналов, ни двух других в Кальяри (Сардиния) и в Палермо (Сицилия).

Двенадцать прежних инквизиций полуострова присуждали ежегодно, по основаниям, заимствованным из надписи в Севилье, и по допущенному мною сокращению, двести восемь человек к сожжению живьем, сто четыре к сожжению в изображении и четыре тысячи пятьдесят семь к епитимьям. Это дает для 1507 - 1513 годов включительно тысячу четыреста пятьдесят шесть человек первого разряда, семьсот двадцать восемь второго и двадцать восемь тысяч триста девяносто девять третьего.

В 1514 году инквизиция существовала уже в Куэнсе. Следуя принятой мною системе, я считаю для этого трибунала двести жертв первого разряда, двести второго и тысячу семьсот третьего. Если к итогу в две тысячи сто прибавим двести восемь, сто четыре и четыре тысячи пятьдесят семь, мы получим для этого года цифру в четыреста восемь жертв сожженных живьем, триста четыре фигурально и пять тысяч семьсот пятьдесят семь подвергнутых епитимьям.

Untitled

В 1515 году инквизиция Куэнсы представляет тот же результат, что и другие, более старые трибуналы, то есть шестнадцать, восемь и триста двенадцать. В итоге общая цифра жертв вместе с другими инквизициями в этот год восходит до двухсот двадцати четырех человек первого разряда, ста двенадцати второго и четырех тысяч трехсот шестидесяти девятого третьего.

Число осужденных было одинаково в 1516 и 1517 годах. Таким образом, если мы соединим все частичные произведения одиннадцати лет служения Хименеса де Сиснерос, мы получим две тысячи пятьсот тридцать шесть человек сожженных живьем, тысячу триста шестьдесят восемь фигурально и сорок семь тысяч двести шестьдесят три присужденных к епитимьям; в итоге пятьдесят одну тысячу сто шестьдесят семь (51 167).

В первом томе названо большее, чем здесь, число жертв, сожженных в эту эпоху. Эта разница происходит оттого, что я в этом случае не различал эпохи учреждения инквизиции Куэнсы. Верный принципу, который заставляет меня предпочитать более умеренный подсчет, я прошу читателя полагаться на последний.

1518 год

Четвертый главный инквизитор - кардинал Адриан, епископ Тортосы. Его назначение состоялось в первые дни марта 1516 года; он получил кафедру Св. Петра 9 января 1522 года. Вместо того чтобы назначить преемника в должности главы инквизиции, он продолжал исполнять эту обязанность до конца 1523 года. Он послал буллы своему преемнику 10 сентября 1523 года, за две недели до своей смерти. Это обстоятельство заставляет меня считать

Untitled

время его служения в шесть лет. При этом инквизиторе число трибуналов на полуострове не было увеличено; но в 1519 году он учредил трибунал в Порто-Рико [218] для океанских островов. По подсчету надписи замка Триана ежегодно в тринадцати трибуналах полуострова было двести двадцать четыре человека сожженных живьем, сто двенадцать фигурально и четыре тысячи триста шестьдесят девять подвергнутых епитимьям. За шесть лет это дает итог в тысячу триста сорок четыре жертвы первого разряда, шестьсот семьдесят две второго и двадцать шесть тысяч двести четырнадцать третьего; всего двадцать восемь тысяч двести тридцать осужденных (28 230).

1524 год

Пятый главный инквизитор - кардинал Альфонсо Манрике, который был последовательно епископом Бадахосы и Кордовы и архиепископом Севильи. Он был преемником кардинала Адриана в должности главного инквизитора. Его буллы были посланы из Рима 10 сентября 1523 года. Он приказал поместить в замке Триана надпись, которую я взял за основание подсчета жертв инквизиции в предыдущие годы. В этом самом году начала преследования еретиков инквизиция Гранады, декретированная уже год тому назад. Хотя число осужденных за иудаизм было тогда значительно меньше прежнего, однако этот трибунал вынес много приговоров, потому что принялся преследовать морисков, впавших в магометанство, лютеран и даже содомитов, суд над которыми папою Климентом VII был предоставлен инквизиторам. Манрике умер 28 сентября 1538 года. Он

Untitled

учредил инквизицию на Канарских островах, присоединил к трибуналу Гранады трибунал Хаэна, который вскоре был опять отделен, и постановил, чтобы в Америке было два трибунала: один для материка, а другой для океанских островов. Я считаю на каждый год служения этого главного инквизитора десять человек сожженных живьем, пять фигурально и пятьдесят подвергнутых епитимьям, а всего шестьдесят пять жертв. На полуострове было тринадцать трибуналов и два на близлежащих островах. Умножив эти цифры на пятнадцать лет служения Манрике, мы получим две тысячи двести пятьдесят человек сожженных живьем, тысячу сто двадцать пять фигурально и одиннадцать тысяч двести пятьдесят подвергнутых разным епитимьям; в итоге четырнадцать тысяч шестьсот двадцать пять осужденных (14 625).

1539 год

Шестой главный инквизитор - дон Хуан Пардо де Тавера, кардинал, архиепископ Толедский. Он получил свои буллы в сентябре 1539 года, а умер 1 августа 1545 года. Я считаю, однако, что его служение продолжалось семь лет, включая месяцы, которые протекли со времени смерти его предшественника до дня вступления его в должность. Число осужденных ежегодно в каждом из пятнадцати трибуналов полуострова, не считая находившихся в Америке, - восемь, четыре и сорок, всего пятьдесят два. Для пятнадцати трибуналов это дает цифры: сто двадцать человек первого разряда, шестьдесят второго и шестьсот третьего. В общем итоге за семь лет получится: восемьсот сорок, четыреста двадцать и четыре тысячи двести, а всего пять тысяч четыреста шестьдесят (5460). Для того чтобы

Untitled

не было ни малейшего повода оспаривать мое вычисление, я предпочитаю этот подсчет тому, который я поместил в другом месте этой Истории и в письме к г. Клозелю де Кусерге.

Седьмой главный инквизитор - кардинал дом Гарсия де Лоайса, который был последовательно генералом ордена доминиканцев, духовником Карла V, членом верховного совета, епископом Осмы и Сигуэнсы, главным апостолическим комиссаром святого крестового похода в Испании и архиепископом Севильи. Буллы были посланы 18 февраля 1546 года, а умер он 22 апреля того же года. Я предполагаю, однако, что он исполнял свои обязанности в течение двенадцати месяцев, и число жертв определяю в восемь, четыре и сорок. Для пятнадцати трибуналов полуострова и прилежащих островов - сто двадцать человек первого разряда, шестьдесят второго и шестьсот третьего; всего семьсот восемьдесят (780).

Восьмой главный инквизитор - дом Фернандо Вальдес. Он был епископом Эльны, Оренсе, Овьедо, Леона и Сигуэнсы, архиепископом Севильи, членом государственного совета, председателем королевского апелляционного суда в Вальядолиде. Буллы о его назначении были отправлены из Рима 20 января 1547 года; покинул он свою должность по приказу папы св. Пия V в 1566 году и умер 2 декабря 1568 года. Мы находим в каждом трибунале восемь, четыре и сорок жертв ежегодно. Я мог бы неоспоримо увеличить этот подсчет указанием на то, что аутодафе Вальядолида, Севильи, Мурсии, Толедо и некоторых других трибуналов, справленные против лютеран, были крайне многочисленны и состояли из большого числа

Untitled

осужденных. Этот мотив не воспрепятствует мне, однако, ограничиться принятыми мною умеренными основаниями расчета. Двадцать лет служения Вальдеса представляют нам для пятнадцати трибуналов инквизиции две тысячи четыреста жертв сожженных живьем, тысячу двести фигурально и двенадцать тысяч подвергнутых епитимьям, а в итоге пятнадцать тысяч шестьсот осужденных (15 600).

Девятый главный инквизитор - кардинал дом Диего Эспиноса, председатель советов Кастилии и Италии, епископ Сигуэнсы и член государственного совета. Его буллы относятся к сентябрю 1566 года. Он умер 11 сентября 1572 года, после шестилетнего служения. Число жертв, по расчету восьми, четырех и сорока ежегодно в каждом трибунале, было для всех инквизиций: семьсот двадцать человек первого разряда, триста шестьдесят второго и три тысячи шестьсот третьего, а всего четыре тысячи шестьсот восемьдесят осужденных (4680).

Десятый главный инквизитор - дом Педро де Кордова Понсе де Леон. Он был епископом Сьюдад-Ридриго и Бадахоса. Его буллы были отправлены 29 декабря 1572 года. Он не успел вступить в должность: его смерть последовала 17 января 1573 года.

Одиннадцатый главный инквизитор - кардинал дом Гаспар де Кирога, архиепископ Толедо, член государственного совета и председатель совета Индий. Папа подтвердил его назначение 20 апреля 1573 года, и он исполнял свои обязанности до смерти, последовавшей 20 ноября 1594 года. Его предшественник Эспиноса учредил трибунал в Сант-Яго, в Галисии, первые казни коего относятся к 1573 году. Я мог, следовательно, принять число сожженных

Untitled

живьем в двести человек, сожженных фигурально в двести и подвергнутых епитимьям в тысячу семьсот. Однако я ограничусь предположением, как и в старых трибуналах, чисел восьми, четырех и сорока, потому что вследствие эмиграции королевство Галисия потеряло в предыдущие годы евреев и крещеных мавров. Шестнадцать трибуналов в течение двадцати двух лет служения кардинала Кируги дают две тысячи восемьсот шестнадцать жертв первого разряда, тысячу четыреста восемь второго и четырнадцать тысяч восемьдесят третьего, а всего восемнадцать тысяч триста четыре (18 304).

Двенадцатый главный инквизитор - дом Херонимо Манрике де Лара, епископ Картахены и Авилы. Он был утвержден папой 10 февраля 1595 года и умер 22 сентября того же года. Год, который я целиком отношу к этому инквизитору, представляет для шестнадцати трибуналов сто двадцать восемь человек сожженных живьем, шестьдесят четыре фигурально и шестьсот сорок подвергнутых епитимьям, а всего восемьсот тридцать две жертвы (832).

Тринадцатый главный инквизитор - дом Педро де Портокарреро. Он был последовательно главным апостолическим комиссаром святого крестового похода в Испании, епископом Калаоры, Кордовы и Куэнсы. Он был утвержден в своей должности 1 января 1596 года. Он покинул ее, получив приказ короля Филиппа III в начале 1599 года, и умер 20 сентября того же года. Он стоял во главе инквизиции в течение трех лет. Шестнадцать трибуналов за это время осудили сто восемьдесят четыре жертвы первого разряда, девяносто две второго и тысячу девятьсот двадцать третьего, а всего две тысячи сто

Untitled

девяносто шесть (2196).

Четырнадцатый главный инквизитор - кардинал доминго Фернандо Ниньо де Гевара (он же Гевара), член государственного совета. Его буллы были подписаны в Риме 11 августа 1599 года. В начале 1602 года королевский указ принудил его подать в отставку. Он умер 1 января 1609 года. Я предполагаю, что его служение продолжалось три года и что в каждом из шестнадцати трибуналов было ежегодно пять, два и тридцать шесть осужденных. В итоге будет двести сорок первого разряда, девяносто шесть второго и тысяча семьсот двадцать восемь третьего, а всего две тысячи шестьдесят четыре жертвы (2064).

Пятнадцатый главный инквизитор - доминго Хуан де Суньига, главный апостолический комиссар святого крестового похода в Испании, епископ Картахены. Папа подписал его буллы 29 июля 1602 года. Суньига умер 20 декабря того же года. Я считаю для шестнадцати инквизиций восемьдесят, тридцать два и пятьсот семьдесят шесть осужденных в этот год, а всего шестьсот восемьдесят восемь (688).

Шестнадцатый главный инквизитор - доминго Хуан Баутиста д'Асеведо, архиепископ в стране неверных (*in partibus inndelium*), правитель совета Кастилии, патриарх Индий, главный апостолический комиссар святого крестового похода в Испании. Он был утвержден папой в должности 20 января 1603 года и умер 8 июля 1607 года. Его служение продолжалось пять лет. Шестнадцать инквизиций за это время сожгли живьем четыреста человек, сто шестьдесят фигурально и две тысячи восемьсот восемьдесят присудили к епитимьям. Итог равняется трем тысячам четыреста сорока осужденным (3440).

Untitled

Семнадцатый главный инквизитор - дом Бернарде де Сандобал-и-Рохас, кардинал римской Церкви, архиепископ Толедо, член государственного совета. Он был утвержден в должности 12 сентября 1608 года и умер 7 декабря 1618 года. Инквизиция осудила за эти одиннадцать лет восемьсот восемьдесят человек первого разряда, триста пятьдесят два второго и шесть тысяч триста тридцать шесть третьего, а всего семь тысяч пятьсот шестьдесят восемь человек (7568,).

Восемнадцатый главный инквизитор - дом Луис де Алиа-га, доминиканец, духовник короля Филиппа III, архимандрит Сицилии. Папа утвердил его назначение 4 января 1619 года. Он отказался от своих обязанностей в 1621 году, по приказу Филиппа IV, и умер 3 декабря 1626 года.

Осужденных при его служении было: двести сорок, девяносто шесть и тысяча семьсот двадцать восемь; в итоге две тысячи шестьдесят четыре (2064).

Девятнадцатый главный инквизитор - дом Андреа Пачеко, архиепископ, член государственного совета. Буллы были ему посланы 12 февраля 1622 года, а умер он 7 апреля 1626 года. Он был главою инквизиции в течение четырех лет. Число жертв шестнадцати трибуналов, из расчета четырех человек первого разряда, двух второго и двадцати третьего, за четыре года дает двести пятьдесят шесть человек сожженных живьем, сто двадцать восемь фигурально и тысячу двести восемьдесят подвергнутых епитимьям, а всего тысячу шестьсот шестьдесят четыре жертвы (1664).

Двадцатый главный инквизитор - дом Антонио де Сапата-и-Мендоса, кардинал, архиепископ Бургоса,

Untitled

патриарх Индий, член государственного совета. Он был утвержден в должности 30 января 1627 года. Он подал в отставку в 1632 году, по приказу Филиппа IV, и умер 23 апреля 1639 года. Я предполагаю, что его служение продолжалось шесть лет. По основаниям, которые мне послужили для определения числа жертв при Пачеко, надо за шесть лет его правления учесть триста восемьдесят четыре жертвы первого разряда, сто девяносто две второго и тысячу девятьсот двадцать третьего, а всего две тысячи четыреста девяносто шесть осужденных (2496).

Двадцать первый главный инквизитор - дом Антонио де Сотомайор, доминиканец, духовник Филиппа IV, архиепископ в стране неверных, член государственного совета и главный апостолический комиссар святого крестового похода в Испании. Папа подписал его буллы 17 июля 1632 года. Он подал в отставку по приказу короля в 1643 году и умер в 1648 году. Его служение продолжалось одиннадцать лет. Полагая на каждый из шестнадцати трибуналов четыре, два и двадцать осужденных ежегодно, мы получим за время управления Сотомайора инквизицией семьсот четыре жертвы первого разряда, триста пятьдесят две второго и три тысячи пятьсот двадцать третьего, а всего четыре тысячи пятьсот семьдесят шесть осужденных (4576).

Двадцать второй главный инквизитор - дом Диего де Арсе-и-Рейносо, епископ Туи, Авилы и Пласенсии, член государственного совета. Его назначение было утверждено папой 8 сентября 1643 года. Он умер 17 сентября 1665 года, в один день с Филиппом IV. Я предполагаю, что его служение продолжалось двадцать три года. Шестнадцать

Untitled

инквизиций полуострова и прилежащих островов сжигали ежегодно четырех человек живьем, двух фигурально и двадцать присуждали к разным епитимьям. Во время этого долгого периода число жертв первого разряда доходит до тысячи четырехсот семидесяти двух, второго до семисот тридцати шести и третьего до семи тысяч трехсот шестидесяти. Итог равен девяти тысячам пятистам шестидесяти восьми (9568).

Двадцать третий главный инквизитор - дом Паскаль д'Арагон, кардинал, архиепископ Толедо. Он был назначен вдовствующей королевой, регентшей, матерью Карла II. Он подал в отставку по ее приказу, еще не успев приступить к исполнению своих обязанностей.

Двадцать четвертый главный инквизитор - Иоганн Эбергард Нитгард, немецкий иезуит, духовник королевы-матери. Его буллы датированы 15 октября 1666 года. Впоследствии он был архиепископом Эдессы и кардиналом римской Церкви. Он отказался от должности по приказу королевы в 1668 году и умер в 1681 году. Он управлял инквизицией в течение трех лет. Ежегодно было три, один и двенадцать осужденных. Это дает за три года сто сорок четыре, сорок восемь и пятьсот семьдесят шесть жертв всех разрядов, а всего семьсот шестьдесят восемь (768).

Двадцать пятый главный инквизитор - дом Диего Сармиенто де Вальядарес, член государственного совета, правитель совета Кастилии, архиепископ, был утвержден папой 15 сентября 1669 года и умер 29 января 1695 года. Он занимал должность в течение двадцати шести лет. Считая три, одну и двенадцать жертв, ежегодно в каждом

Untitled

трибунале, или сорок восемь, шестнадцать и сто девяносто две для шестнадцати трибуналов, мы получаем тысячу двести сорок восемь, четыреста шестнадцать и четыре тысячи девятьсот девяносто два осужденных; в итоге шесть тысяч шестьсот пятьдесят шесть (6656).

Двадцать шестой главный инквизитор - дом Хуан Томас де Рокаберти, доминиканец, генерал доминиканского ордена, архиепископ Валенсии, утвержденный папой 18 июня 1695 года. Он был главным инквизитором в течение пяти лет.

Число жертв: двести сорок, восемьдесят и девятьсот шестьдесят; всего тысяча двести восемьдесят (1280).

Двадцать седьмой главный инквизитор - дом Альфонсо Фернандес де Кордова-и-Агилар, член государственного совета, кардинал, архиепископ. Римская курия выдала ему утвердительные буллы, но он умер до вступления в свою должность 19 сентября 1699 года.

Двадцать восьмой главный инквизитор - дом Бальдассар де Мендоса-и-Сандобал, епископ Сеговии, был утвержден папой 31 октября 1699 года. Он вступил в должность 3 декабря и отказался от должности, по приказу Филиппа V, в начале 1705 года. Он умер 4 ноября 1725 года. Его служение продолжалось пять лет, как и его предшественника Рокаберти. Число жертв было одинаково (1280).

Двадцать девятый главный инквизитор - дом Видаль Марино, епископ Сеуты, утвержденный папой 24 марта 1705 года и умерший 10 марта 1709 года. Он исполнял свои обязанности в течение четырех лет. Тогда было семнадцать трибуналов, так как была учреждена придворная инквизиция через разделение округа толедской

Untitled

инквизиции, хотя со времени Филиппа IV в Мадриде был инквизитор и трибунал, зависевший от Толедо. Каждый трибунал в эту эпоху осуждал ежегодно двух, одного и двенадцать человек. Во всех трибуналах было осуждено тридцать четыре, семнадцать и двести четыре человека, а в течение четырех лет сто тридцать шесть, шестьдесят восемь и восемьсот шестнадцать; в итоге тысяча двадцать жертв (1020).

Тридцатый главный инквизитор - дон Антонио Ибаньес де ла Рива-Эррера, архиепископ Сарагосы, назначенный на кафедру Толедо, правитель Кастилии. Он был утвержден папою 5 апреля 1709 года и умер 3 сентября 1710 года. Он был главным инквизитором два года. При нем инквизиция сожгла живьем шестьдесят восемь человек, фигурально тридцать четыре и присудила к епитимьям четыреста восемь; в итоге пятьсот десять жертв (510).

Тридцать первый главный инквизитор - Франческо Джудиче, итальянец, кардинал римской Церкви, член государственного совета. Он был назначен Филиппом V, утвержден папой 2 июня 1711 года, подал в отставку в 1716 году и умер 17 октября 1725 года. Шесть лет продолжалось его служение, во время коих семнадцать трибуналов полуострова и прилежащих островов (Майорки и Канарских) осудили двести четыре, сто два и тысячу двести двадцать четыре человека, а всего тысячу пятьсот тридцать жертв, из расчета двух, одного и двенадцати ежегодно (1530).

Тридцать второй главный инквизитор - дон Хосе де Молинес, аудитор Роты в Риме. Он был назначен Филиппом V и утвержден папой в 1717 году. Он умер до

Untitled

своего вступления в должность, попавшись в руки австрийцев во время войны за испанское наследство. Однако я предполагаю, что он управлял инквизицией в течение двух лет, так как он пользовался своим титулом. Число осужденных было: шестьдесят восемь первого разряда, тридцать четыре второго и четыреста восемь третьего, а всего пятьсот десять жертв (510).

Тридцать третий главный инквизитор - дом Хуан де Арсаменди, назначенный Филиппом V. Он был членом совета инквизиции и умер, не успев вступить в свою новую должность. По этой причине его имя не находится в списке главных инквизиторов.

Тридцать четвертый главный инквизитор - дом Диего д'Асторга-и-Сеспедес, епископ Барселоны. Он был назначен Филиппом V и утвержден папой 26 марта 1720 года. Он отказался от этой должности в том же году, будучи призван на архиепископство в Толедо. Затем он был кардиналом римской Церкви и умер 9 февраля 1724 года. Несмотря на это, я считаю два года его служения и предполагаю, что инквизиторы осудили за это время шестьдесят восемь, тридцать четыре и четыреста восемь человек, а всего пятьсот десять (510).

Тридцать пятый главный инквизитор - дом Хуан де Камарго, член совета инквизиции, главный апостолический комиссар святого крестового похода в Испании, епископ Памплоны. Он был назначен Филиппом V, утвержден 18 июля 1720 года и умер 24 мая 1733 года. Его служение продолжалось тринадцать лет. Ежегодно осуждалось в каждом из семнадцати трибуналов два, один и двенадцать человек. Это дает цифры: четыреста сорок две жертвы

Untitled

первого разряда, двести двадцать одна второго и две тысячи шестьсот пятьдесят две третьего, а всего три тысячи триста пятнадцать (3315).

Тридцать шестой главный инквизитор - дом Андреа де Орбе-и-Ларреатеги, епископ Барселоны, архиепископ Валенсии, правитель совета Кастилии, вступил в должность 28 июля 1733 года и умер 4 августа 1740 года. Число осужденных было: двести тридцать восемь, сто девятнадцать и тысяча четыреста двадцать восемь, а всего тысяча семьсот восемьдесят пять (1785).

Тридцать седьмой главный инквизитор - дом Мануэль Исидор Манрике де Пара, епископ Хаэна, архиепископ Сант-Яго, член государственного совета. Его утвердительные буллы датированы 24 января 1742 года; он умер 1 февраля 1745 года. Его служение, в которое я включаю предшествующий его назначению год, продолжалось четыре года. В семнадцати трибуналах было осуждено сто тридцать шесть, шестьдесят восемь и восемьсот шестнадцать, а всего тысяча двадцать человек (1020).

Тридцать восьмой главный инквизитор - дом Франсиско Перес де Прадо-и-Куэста, главный апостолический комиссар святого крестового похода в Испании, епископ Теруэля. Он был утвержден папой 22 августа 1746 года. Я не знаю точного срока его служения {Мой отъезд из Мадрида в Валенсию произошел 10 августа 1812 года. С этого времени я жил вдали от столицы, и это обстоятельство не позволило мне уточнить последние данные моего списка. Однако я гарантирую точность моего текста в существенном.}. Я думаю, однако, что могу

Untitled

определить его концом 1757 года, до смерти Фердинанда VI, который назначил его преемника. Я считаю во время его служения в семнадцати трибуналах десять человек сожженных живьем, пять фигурально и сто семь подвергнутых епитимьям; в итоге сто двадцать два осужденных (122).

Тридцать девятый главный инквизитор - дом Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсала, духовник короля Фердинанда VI, который назначил его главным инквизитора около 1758 года. Его служение окончилось в 1774 году. Из моих заметок вытекает, что при Кинтано два человека было сожжено живьем, десять человек подверглось публичному покаянию и множество тайным в залах трибуналов.

Сороковой главный инквизитор - дом Филипе Бельтрандо, епископ Саламанки. Он наследовал инквизитору Кинтано в 1775 году и исполнял свои обязанности до своей смерти в 1783 году. Число жертв при этом инквизиторе было ежегодно: две осужденные на сожжение живьем, шесть подвергавшихся публичному покаянию и очень большое число других, которые понесли наказание тайно, не лишаясь ни своего имущества, ни чести {Последней жертвой, погибшей в пламени, была святоша. Ее сожгли в Севилье 7 ноября 1781 года как заключившую договор и вступившую в плотское сношение с дьяволом; она все отрицала и осталась нераскаявшейся. Она могла бы избежать смерти, если бы признала себя виновной в преступлении, в котором ее обвиняли.}.

Сорок первый главный инквизитор - дом Агостино Рубин де Севальос, епископ Хаэна, кавалер большого креста -

Untitled

королевского ордена Карла III. Он непосредственно заместил инквизитора Бельтрандо и умер в 1792 году. Этот главный инквизитор не сжег никого, даже фигурально. Было только четырнадцать человек приговорено к публичному покаянию. Но число понесших епитимьи секретно, было очень значительно.

Сорок второй главный инквизитор - дом Мануэль де Абад-и-ла-Сьерра, епископ Асторги, архиепископ Силиврии. Он был назначен в 1792 году и подал в отставку в 1794 году; получив на это приказ Карла IV. При нем шестнадцать человек было приговорено к публичному покаянию, большее число подверглось тайным епитимьям, но никто не погиб в огне.

Сорок третий главный инквизитор - дом Франсиско Ан-тонио де Лоренсана, кардинал, архиепископ Толедо, был назначен в 1794 году. Он отказался от своей должности по приказу Карла IV в 1797 году. За три года его служения инквизиция приговорила очень большое число лиц к тайным епитимьям и только четырнадцать человек к публичному покаянию. Никто не был сожжен. Предана огню была только одна статуя в Куэнсе.

Сорок четвертый главный инквизитор - дом Рамон Хосе д'Арсе, архиепископ Бургоса, а потом Сарагосы, патриарх Индий, член государственного совета, главный директор королевского института в Мадриде, кавалер большого креста ордена Карла III. Он стоял во главе инквизиции с 1798 по 1808 год. Во время его служения двадцать человек было приговорено к публичному покаянию и значительное число понесло епитимью тайно, в залах трибуналов, без опозорения и лишения имущества. Никто не был сожжен,

Untitled

ибо, хотя подобная кара была определена в приговоре по делу приходского священника в Эсно, исполнение не состоялось, потому что приговор не был одобрен ни главным инквизитором, ни членами верховного совета, что делает им много чести.

Сводка подсчета

Если сравнить этот результат с 343 522 жертвами, каковое число я проставил в моем письме от 31 марта 1817 года к г. Клозелю де Кусерге, депутату департамента Двейрона в палате депутатов французской нации, можно заметить, что я уменьшил это число на две тысячи пятьсот один, из которых две тысячи четыреста семьдесят принадлежат к первому разряду осужденных, а тридцать один ко второму. Эта разница происходит оттого, что я поставил себе за правило при составлении этой Истории произвести самый умеренный подсчет, какой только мне позволят обстоятельства. Я могу уверить, что совершенно бессмысленно искать в каком-нибудь документе доказательство того, что мои расчеты преувеличены; наоборот, я убежден, что с 1481 года, когда начались казни, до конца царствования Филиппа II число жертв было гораздо более значительно, судя по заметкам, которые мне доставили трибуналы Толедо и Сарагосы, где число осужденных почти совпадает с числом жертв в других трибуналах.

Если бы я присоединил к числу жертв инквизиции полуострова всех несчастных, которые были осуждены трибуналами Мексики, Лимы и Картахены Американской, Сицилии, Орана, Мальты и морских галер, количество их было бы поистине неисчислимо. Было бы совсем другое

Untitled

дело, если бы мы считали жертвами святого трибунала (на что мы имели бы право) все души, обреченные на бедствия вследствие насильственных попыток ввести инквизицию в Неаполе, Милане и Фландрии, так как все эти страны были подчинены испанскому господству и, следовательно, влиянию испанских аутодафе. Сколько можно бы еще счесть жертв, умерших от болезней, причиненных несчастьем позора, которым были клейменены их родственники! Невозможно определить меру стольких несчастий и бед.

Глава XLVII Краткий хронологический перечень наиболее замечательных фактов, изложенных в этой истории

Почти бесконечное число деталей, содержащихся в этом труде, заставляет меня опасаться, что от этого произойдет какая-то путаница в уме моих читателей. Я сначала предполагал держаться хронологического порядка в расположении материала - и в общем я был верен этому первому плану. Однако для большей пользы от моего труда мне приходилось несколько раз при изложении истории первых времен инквизиции вводить рассказ о некоторых процессах, принадлежащих более поздним эпохам, чтобы лучше обрисовать положение или цель, которую я имел в виду; точно так же, передавая процессы нашего времени, я цитировал или припоминал более ранние. То же случилось при указании на римские буллы или брeve, законы королевства и грамоты главных инквизиторов или верховного совета.

Лица, имеющие привычку собирать многочисленные коллекции фактических документов, предназначенных для облечения в форму исторического исследования, не

Untitled

удивятся, что составление вполне оригинального труда, материалы коего рассеяны во множестве различных неизданных документов, ставило иногда автора в необходимость удаляться от плана. Достаточно окинуть взором список рукописей, в которых я почерпал свои материалы, чтобы признать правоту моих слов.

Но если особенный характер этой Истории, то есть множество лиц, процессов, городов, трибуналов и указов, о которых мне приходилось говорить, обязывал меня сливать одни эпохи с другими, то тот же мотив дал мне почувствовать необходимость краткого хронологического перечня, основанного на последовательном изложении и пригодного не только для запоминания читателями наиболее существенных фактов, содержащихся в четырех томах, но и для представления их в таком выгодном освещении, чтобы каждый, окончив целиком их чтение, составил себе о них совершенно ясное представление. Наконец, этот краткий хронологический перечень предоставит для всех моих читателей легкое и удобное средство найти отдельный факт этой Истории, который обратит на себя его исключительное внимание или возбудит его любопытство.

Годы

31 В этот год и два следующих Иисус Христос показывает притчами, деяниями и весьма ясно выраженным учением, что кара за грех ереси не является делом людей; что она предоставляется Богу в день общего Суда; в частности, что сожжение противоположно духу христианской религии.

32 Апостолы просили, чтобы раскольники Самарии были наказаны огнем, потому что они не желали принять Иисуса

Untitled

Христа в свой город. Господь показал им, что это противоречит духу Евангелия.

34 В этот год и в следующие апостолы и другие ученики Иисуса Христа проповедуют то же учение и поступают согласно его принципам, ограничивая суд над еретиками отлучением после двукратного или троекратного увещания.

52 Св. Петр вел себя относительно христиан, обращенных из идолопоклонников, противореча истине евангельской, по выражению св. Павла. Тот укорил его за это, но не отлучил.

56 Св. Павел ославлен как еретик среди иерусалимских христиан, обращенных из иудеев, и апостолы своим примером показывают, как должно обращаться с оговоренными в качестве заподозренных, мирно расспрашивая св. Павла и указывая ему, что надо сделать.

57 Тот же апостол пишет своему ученику Титу, епископу Крита, что он должен увещевать еретиков дважды до их отлучения.

60 Св. Павел, преданный суду как враг религии, требует, чтобы доносчики и свидетели лично явились перед ним для удостоверения фактов, в которых он обвиняется.

107 Св. Игнатий, епископ и патриарх Антиохии, пишет о том, как надо поступать с еретиками. - См. главу I.

120 Кастор Агриппа учит, каково должно быть поведение Церкви относительно еретиков. - См. главу I.

145 Беседы Родона с Апеллесом, еретиком и учеником Маркиона, для его убеждения.

160 Св. Иринеи, епископ Лиона, пишет о том, как следует обращаться с еретиками.

Untitled

186 Беседы православных богословов с ересиархом Феодо-том Византийским для убеждения его, без мысли о его наказании.

190 Около этого года греческая Библия, переведенная еретиком Феодотионом Эфесским, принята правоверными епископами.

190 Св. Климент, епископ, патриарх Александрии [219], пишет о способе поведения в отношении еретиков.

200 В эту пору Тертулиан, священник африканской Церкви, заявляет, что принудительные средства для принятия религии противоречат воле Божией. До этого года св. Дионисий, епископ Коринфа, наметил поведение, которого следует держаться с еретиками.

207 Тертулиан пишет о способе поведения с еретиками.

231 Ориген рассуждает об этом же предмете. Он беседует с ересиархом Бериллом, епископом Бокары, для его убеждения. Другая беседа с арабами-материалистами.

235 Еретик Аммоний обращен после нескольких бесед на Александрийском соборе.

250 Около этого года св. Киприан, епископ Карфагена, примас Африки, изъясняет евангельскую притчу о плевелах, показывая, что Бог предоставил себе наказание греха ереси и что люди противоречат воле Божией, наказывая мирных еретиков.

Около этого времени еретики Василид, епископ Асторги, и Марциал, епископ Мериды, примирены с Церковью, только лишившись своих кафедр.

260 Св. Юстин, философ [220], пишет о способе поведения в отношении еретиков. Он беседует с ересиархом Трифоном для его убеждения.

Untitled

266 Павел Самосатский, епископ, патриарх Антиохии, отрекается от ереси на соборе.

272 Он оговорен на другом соборе как еретик-рецидивист. Павел не желал покинуть епископского дома; восточные епископы обратились к императору Аврелиану [221]. Тот заявил, что он повелит то, что будет предложено епископом Рима. Папа св. Феликс I подтверждает решение собора, и император велит его исполнить.

280 Беседы Архелая, епископа Каскары [222], в Месопотамии, с Манесом, главою еретиков-манихеев, для его убеждения.

295 Беседа папы св. Кая с Проклом в Риме для обращения этого еретика.

296 Диоклетиан и Максимилиан опубликовывают закон, присуждающий вождей манихеев к сожжению, а других сектантов к разным казням.

300 Перед этим годом православные, писавшие апологии для прекращения гонений, поддерживают учение, что несправедливо карать по делу религии, если инакомыслящие не возмущали общественного порядка. - См. главу I, статью 1.

303 Эльвирский собор декретирует, что кающиеся еретики будут примирены только через каноническое покаяние, и присуждает доносчиков к отлучению, не оставляя надежды на причастие, даже при смерти.

313 После этого года, со времени обращения императора Константина и смут донатистов и ариан, правоверные епископы стараются убедить этого государя и его преемников, что полезно установить карательные законы против еретиков и обращаться с ними, как с врагами

Untitled

порядка и общественного блага.

320 Лактанций утверждает в своем труде Божественные установления, что принудительные средства для принятия религиозной доктрины противоречат самому характеру религии, которая теряет свое свойство, переставая быть добровольной.

332 Император Феодосии [223] публикует против манихеев закон, карающий их смертной казнью и конфискацией их имущества и обязывающий префектов претории учредить инквизиторов и доносчиков для открытия тех, которые будут скрываться.

342 С этого года св. Афанасий, епископ Александрии, преподает то же учение, что и Лактанций, и показывает, что Иисус Христос желал обращать людей только убеждением и что всякое другое средство наносит ущерб самой религии.

360 После этого года св. Иларий, епископ Пуатье, излагает и защищает то же учение, что Лактанций и св. Афанасий, в послании к императору Констанцию.

370 Около этого времени св. Опат, епископ Милаха в Африке, писавший против донатистов, признает, что суровое судопроизводство против еретиков противоречит духу истинной Христианской Церкви.

380 Св. Амвросий, епископ Милана, держится того же учения, что Лактанций, св. Афанасий и св. Иларий, о способе обхождения с теми, кто не следует государственной религии.

381 Св. Григорий Богослов, или Назианзин, осуждает в своих сочинениях учение о принудительных средствах для обращения людей и называет их тираническими.

Untitled

383 Св. Мартин, архиепископ Тура, умоляет императора не присуждать к смертной казни еретика Присциллиана.

Максим обещает это, но потом нарушает данное слово.

383 Со времени закона Феодосия и в царствование его преемников еретики увещеваются и допускаются на собрания и собеседования до предания их суду. - См. гл. I, ст. 2.

384 При римских императорах, ставших христианами, префекты, губернаторы провинций и светские магистраты уполномочиваются судить еретиков без вмешательства со стороны церковной власти, кроме простого заявления, что подсудимый еретик или не еретик.

401 Св. Иоанн Златоуст пишет, что с ересями надо бороться, но нужно прощать еретиков.

408 Император Гонорий повелевает наказывать смертью донатистов. Св. Августин вступается за них.

410 Св. Иероним пишет, что христианская религия лучше поддерживается терпением и кротостью, чем строгостью и злопамятством.

415 Около этого года и несколько времени спустя св. Августин пишет несколько раз об обхождении с еретиками; хотя он видоизменяет свое мнение согласно обстоятельствам, он постоянно держится того убеждения, что их не следует казнить.

430 Сальвиан, священник из Марселя, прозванный французским Иеремией, говоря об управлении Бога вселенной, показывает, что один Бог может знать, заслуживают ли наказания чистосердечные еретики, потому что они думают, что следуют истине.

589 Третий Толедский собор, в согласии с королем

Untitled

Испании Рекаредом I, декретирует, что возвращающиеся от христианства к идолопоклонству будут строго наказаны, однако не смертной казнью.

633 Четвертый Толедский собор, в согласии с королем Испании, декретирует, что у иудействующих еретиков будут в наказание только отняты их дети и рабы, чтобы предохранить их от заражения.

655 Девятый Толедский собор постановляет карать христиан, виновных в ереси, наказанием кнутом или воздержанием, сообразно возрасту каждого из них.

663 Несколько позже король Испании Рекисвинт публикует закон, которым он присуждает нераскаявшихся еретиков к лишению почестей, должностей и имущества, если они священники, и даже к изгнанию, если они миряне.

681 Двенадцатый Толедский собор, в согласии с королем Испании Эрвихом, повелевает изгонять еретика, если он благородный, и наказывать кнутом, если он раб.

693 Шестнадцатый Толедский собор, в согласии с королем Испании Эгикой, декретирует, что те, кто станет противодействовать стараниям епископов и судей в деле уничтожения идолопоклонства, уплатят, если они благородные, штраф в три фунта золотом; если они принадлежат к простонародью, то подвергнутся ста ударам кнута и конфискации половины своего имущества.

726 После того как римляне выгнали своего последнего герцога Василия, папа Григорий II завладевает гражданским управлением Рима, и его преемники сохраняют его за собою, при покровительстве французских государей и вопреки притязаниям лангобардских королей.

С этой поры стараются уверить, что законы, относящиеся к

Untitled

наказанию еретиков, должны исходить только от верховных первосвященников.

731 Григорий III предоставляет Карлу Мартеллу сан римского патриция.

741 Захария, будучи избран папой, ведет себя, как светский государь Рима, в трактатах, заключенных с лангобардским королем. Он держит себя как имеющий власть располагать королевствами в своем ответе на запрос Пипина о титуле французского короля и высказывается против Хильдерика III, занимавшего престол.

752 До этого года появляется булла папы Захарии, относящаяся к тем, кто удерживает за собою угоды церковного владения.

Стефан II, будучи избран папой, отправляется во Францию, там коронуется Пипина и пользуется данной им помощью для сохранения светской власти над Римом вопреки притязаниям лангобардского короля.

754 Стефан II коронуется Пипина, короля Франкского государства, в аббатстве Сен-Дени, и освобождает французов от присяги на верность, принесенной ими Хильдерiku III, законному владельцу престола.

755 Около этого времени появляется мнение, что всякий отлученный лишен чести и что с ним нельзя вступать в общение, не разделяя его позора. Источник этого находится в законах древних друидов Галлии и дает возможность папам считать себя полномочными свергать королей с престола, отлучая их и запрещая подданным иметь с ними общение.

792 Еретик Феликс, епископ Урхеля, отрекается от своей ереси в первый раз на соборе в Регенсбурге и сохраняет за

Untitled

собою свою епархию.

794 Тот же епископ отрекается от ереси вторично на Франкфуртском соборе; хотя он рецидивист, его не лишают сана.

799 Римским собором Феликс объявлен рецидивистом. Однако папа Лев III грозит ему отлучением только в том случае, если он не захочет навсегда отречься от своей ереси. Феликс отрекается на Ахенском соборе после нескольких собеседований и подвергается только ссылке.

800 Лев III провозглашает и коронует Карла Великого первым западным императором.

811 Михаил, восточный император, публикует закон, присуждающий манихеев к смертной казни. Никифор, патриарх Константинопольский, решается убедить его, что лучше обращать еретиков кротостью, и преуспевает в этом.

849 Готескальк, бенедиктинец и священник, присужден как еретик, стоящий на позиции предопределения к наказанию кнутом и заключению в тюрьме. Он наказывается в присутствии Карла Лысого, западного императора и короля Франции, на соборе в Кьерси-сюр-Уаз.

869 На седьмом Вселенском соборе в Константинополе Феодор Кринит, глава иконоборцев, отрекается от своей ереси и примиряется с Церковью без епитимьи. Император Василий Македонянин дает ему лобзание мира.

882 Перед этим годом папа Иоанн VIII заявляет, что умершие в сражении с неверными получают полное отпущение своих грехов.

999 Сильвестр II обращает ко всем христианам послание, побуждая их взяться за оружие в защиту Иисуса Христа

Untitled

против неверных.

1022 Стефан, духовник Констанции, жены короля Роберта, на Орлеанском соборе в присутствии государей приговорен к сожжению в числе других как еретик-манихей после тщетных усилий обратить их.

1073 Перед этим годом св. Петр Дамиан [224] укоряет папу Александра II в применении отлучения против всякого рода проступков. Александр II призывает императора Генриха IV явиться в Рим для суда на соборе.

1074 Григорий VII отлучает императора Генриха IV, освобождает его подданных от присяги на верность и заставляет их избрать государем Рудольфа, герцога Швабского.

1074 Григорий VII желает устроить крестовый поход против турок в пользу Михаила, восточного императора. Смерть мешает ему в этом.

1095 Урбан II велит обнародовать крестовый поход против турок.

1099 Войско крестоносцев овладевает Иерусалимом.

1178 Петр, епископ Мо, легат Александра III, заставляет Раймонда V, графа тулузского, клятвенно обещать не покровительствовать в своем государстве восставшим еретикам.

1179 Отцы третьего Латеранского собора решают: хотя Церковь осуждает смерть еретиков, она принимает помощь христианских государей для их наказания.

1181 Перед этим годом Александр III отлучает еретиков буллою и объявляет свободными от обязательств по отношению к ним всех вступивших с ними в сделки. Анри, епископ Альбы, легат Александра III против альбигойцев,

Untitled

овладевает замком Лавор и обязывает Рожера, графа Безье, отречься от ереси.

1184 Веронский собор состоялся под председательством императора Фридриха I и был созван Луцием III. На нем решают, что все, кто будет объявлен еретиком и не сознается в своем преступлении, будут выданы светскому правосудию. Собор этот Флери считает колыбелью инквизиции.

1191 Немного позже этого года Грегорио де Сант-Анджело, легат Целестина III в Испании, созывает собор в Лери-де. Он вынуждает Альфонса II, короля Арагона, опубликовать в своем государстве указ Веронского собора против еретиков.

1194 Альфонс II, король Арагона, изгоняет из своего государства вальденсов, лионских нищих и других еретиков.

1197 Педро II, король Арагона, созывает синод в Героне и издает против еретиков указ, подобный указу его предшественника Альфонса II.

1198 Иннокентий III увеличивает без перерыва наследие св. Петра, светскую власть пап над королевствами и их духовный авторитет над епископами. Он посылает комиссаров в Нарбоннскую Галлию против еретиков-альбигойцев.

1203 Иннокентий III избирает Пьера де Кастельно и Рауля, монахов Нарбоннской Галлии, для проповеди против еретиков. Пьер убит ими. Его канонизируют как мученика.

1204 11 марта. Особый акт жителей Тулузы; на него дали свое согласие Пьер и Рауль лишь при условии, что жители Тулузы будут бороться с ересью. 19 мая. Иннокентий III

Untitled

назначает трех апостолических легатов для Нарбоннской Галлии и велит им принять необходимые меры для преследования еретиков и выдачи их в руки светской власти. Он пишет Филиппу II, чтобы склонить его к конфискации имущества еретических сеньоров.

1205 26 января. Иннокентий III не принимает отставки Пьера, его легата в Нарбоннской Галлии, и укоряет в письме Филиппа II за его равнодушие в отношении еретиков.

1207 30 декабря. Умер в Осме Диего Асевес, епископ этого города, который присоединился к легатам Иннокентия III для проповеди против альбигойцев. 9 марта.

Беатификация Пьера де Кастельно, легата Иннокентия III, убитого альбигойцами. Папа назначает на его место епископа Кузеранского и пишет всем местным сеньорам, чтобы склонить к соединению сил против еретиков.

1208 Начало инквизиции во Франции. Арно проповедует крестовый поход против Раймонда VI и альбигойцев.

Индульгенции даруются тем, кто примет в нем участие. Симон, граф де Монфор, командует крестоносцами.

1209 Примирение еретика Понса Роже св. Домиником де Гусманом, действующим в качестве делегата Арно.

1212 Арно, аббат цистерцианцев, назначается архиепископом Нарбонны.

1214 Иннокентий III посылает во Францию в качестве легата Пиетро из Беневента, кардинала, с приказом архиепископам и их викариям повиноваться ему.

1215 Легат Пиетро возвращается в Рим в июле этого года. Четвертый Латеранский собор. На нем определяются новые наказания еретикам-альбигойцам. Не доказано,

Untitled

будто Иннокентий III дал в этом году св. Доминику де Гусману титул главного апостолического инквизитора.

1216 16 июля. Смерть Иннокентия III.

22 декабря. Гонорий III одобряет основанный св. Домиником де Гусманом орден против еретиков. Возникновение ордена братьев-проповедников, прозванных доминиканцами.

1217 26 января. Гонорий III пишет Доминику де Гусману, восхваляя его усердие и поощряя его к постоянству.

Гонорий III посылает в Нарбоннскую Галлию, в звании легата, кардинала Бертрана.

1219 8 декабря. Брeve Гонория III ко всем епископам христианского мира, рекомендующее им орден братьев-проповедников.

Учреждение св. Домиником де Гусманом третьего ордена покаяния, называемого также милицией Христа.

1221 Основание рыцарского ордена, называемого милицией Христа, отличного от ордена св. Доминика. Эти два ордена вскоре сливаются, и члены их называются чиновниками (familiales) святого трибунала инквизиции.

Гонорий III посылает в Нарбоннскую Галлию, в качестве легата, Конрада, епископа Порто. 22 ноября. Гонорий III коронует императора Фридриха II, который признает орден братьев-проповедников и обещает им свое покровительство при преследовании еретиков.

1224 22 февраля. Инквизиция существует в эту эпоху в Италии под управлением доминиканцев. Фридрих II публикует в Падуе законы против еретиков.

1225 Гонорий III посылает в Нарбоннскую Галлию, в качестве легата, кардинала Романа. Он побуждает

Untitled

Людовика VIII встать во главе крестоносцев.

1226 18 марта. Смерть Гонория III.

1228 Собор в Нарбонне под председательством архиепископа. Раймонд VII, граф Тулузский, примиряется со св. Людовиком и с Церковью. Он обещает изгнать еретиков из своего государства.

1229 Собор в Тулузе. На нем приняты новые меры против еретиков.

1231 Булла Григория IX, определяющая отлучение еретиков, повеление выдавать нераскаявшихся светской власти и лишение чести их пособников и приверженцев.

1232 26 мая. Брeve Григория IX Эспараго, архиепископу Таррагоны, призывающее его к борьбе с ересью. Около этого года Григорий IX посылает в качестве легата в Нарбоннскую Галлию Вальтера, епископа Турне.

2233 20 мая. Григорий IX посылает приору доминиканцев Ломбардии брeve с поручением его монахам исполнить буллы против еретиков.

1233 Собор в Мелене, созванный Вальтером, епископом Турне. На нем приняты меры против еретиков. Собор в Безье под председательством Вальтера. Установлены новые правила против еретиков. Около этого года ересь альбигойцев проникает в Рим. Составлены муниципальные законы против еретиков сенатором Аннибалом и другими. Григорий IX посылает их архиепископу Миланскому для исполнения в его епархии. Фридрих II посылает в Неаполь и в Сицилию кардинала Регина для преследования еретиков. Он возобновляет свой указ 1224 года.

Испания разделена в эту эпоху на четыре христианских королевства: Кастилию, Наварру, Арагон и Португалию;

Untitled

кроме этого в ней были магометанские государства. Архиепископ Таррагоны посылает буллу Григория IX против еретиков провинциалу доминиканцев и епископу Лериды, где учреждена первая испанская инквизиция.

1235 30 апреля. Ответ Григория IX новому архиепископу Таррагоны относительно толкования его буллы. Он посылает ему устав, составленный св. Раймондо де Пенья-форте, его епитимийным судьей.

8 ноября. Григорий IX возобновляет свою буллу 1232 года против еретиков и обобщает ее для всего христианского мира.

Педро де Планедис, инквизитор, доминиканец, почитаемый за святого в Урхеле, убит в борьбе с еретиками. Гильерме Монгриу, архиепископ Таррагоны, овладевает крепостью Кагельбон.

1236 Брeve Григория IX, относящееся к введению инквизиции в Кастилии.

1238 23 апреля. Введение инквизиции в Наварре. Настоятель францисканцев Памплоны назначен инквизитором.

1241 Инквизиция учреждена в епархии Барселоны.

1242 Устав, составленный Таррагонским собором, для определения способа обращения инквизиторов с еретиками.

Собор в Таррагоне под председательством архиепископа Альбалате. На нем приняты меры против еретиков.

1246 9 июня. Брeve Иннокентия IV генералу доминиканцев, дарующее ордену привилегию - ему и его преемникам быть делегатами святого престола для действий против еретиков.

Untitled

1248 20 октября. Бреве Иннокентия IV провинциалу доминиканцев, уполномочивающее его посылать в испанскую часть Нарбоннской Галлии инквизиторов из его ордена.

1253 21 июня. Бреве Иннокентия IV, дарующее доминиканцам, инквизиторам Ломбардии, привилегию толковать права городов, лишать должностей тех, кого они сочтут нужным, и вести процессы, не сообщая обвиняемым имен свидетелей.

1254 9 марта. Бреве Иннокентия IV, дарующее доминиканцам привилегию быть единственными инквизиторами Испании.

7 апреля. Бреве Иннокентия IV доминиканцам Лериды, Барселоны и Перпиньяна с поручением снабдить инквизиторами короля Арагона.

1257 11 января. Приговор инквизиторов, заклеивший память Раймонда, графа де Форкалькье и повелевавший вырыть его из земли. Его жена и его сын примирены.

1262 1 августа. Бреве Урбана IV, дарующее провинциалам доминиканцев право назначать и отставлять инквизиторов.

4 августа. Бреве Урбана IV, дарующее доминиканцам-инквизиторам привилегию быть отлученными только папой.

1263 20 июля. Собеседование в Барселоне между Пабло Кристиане, доминиканцем, и раввином Моисеем, евреем из Героны, в присутствии короля Хаиме Арагонского.

1265 12 апреля. Собеседования Пабло Кристиано, доминиканца, с другим евреем в присутствии епископа Барселоны.

Untitled

2 октября. Климент IV возобновляет оба бреве Урбана IV, касающиеся доминиканцев-инквизиторов.

1267 27 января. Климент IV утверждает за провинциалом доминиканцев Испании право назначать инквизиторов.

1269 2 ноября. Приговор барселонской инквизиции, присуждающий к лишению чести память Арно, виконта Кастельбона, и его дочери Эрмензинды, графини де Фуа, и повелевающий вырыть их тела из земли.

1277 Еретики

избивают

камнями

Педро

де

Кадирету, доминиканца-инквизитора. Его почитают мучеником в Ур-хеле.

1292 22 апреля. Указ Хаиме II, короля Арагонского, изгоняющий еретиков из его государства.

1301 Разделение Испании на две провинции - Кастильскую и Арагонскую - касательно инквизиции.

1301 Около этого года провинциал доминиканцев Кастилии один имеет право назначать провинциальных инквизиторов, в качестве провинциала Испании.

1302 Бернардо, главный инквизитор провинции Арагона, справляет несколько аутодафе.

1304 Доминго Перегрине, инквизитор Арагона, справляет одно аутодафе.

1308 31 июля. Климент V велит арестовать в Кастилии всех тамплиеров.

3 декабря. Лотеро, инквизитор Арагона, велит собрать всех тамплиеров в монастыре Валенсии для испытания их

Untitled

веры.

30 декабря. Климент V велит арестовать всех тамплиеров в Португалии.

Климент V повелевает королю арагонскому арестовать тамплиеров и завладеть их имуществом.

1314 Тайное введение ордена тамплиеров в Шотландии, явившееся последствием раскола в ордене, тайно сохраняющемся во Франции по смерти великого магистра Жака Моле. Появившийся в Шотландии орден позже стал называться орденом франкмасонов. - См. гл. XLI, ст. 2.

Новые еретики открыты и преследуются в Арагоне.

1325 12 июля. Еретик Педро Дурандо де Бальдах сожжен как рецидивист по приговору арагонской инквизиции.

1334 Еретик Бонато сожжен как рецидивист по приговору арагонской инквизиции.

1350 Еретики, именуемые бегардами, в Арагоне примирены. Их вождь Хаиме Хуст присужден к пожизненному заключению в тюрьме. Инквизитор Росельи справляет аутодафе.

1351 10 апреля. Бресте Климента VI, обеспечивающее за инквизитором Арагона все права главного инквизитора этой провинции.

1352 Еретики открыты и казнены в Каталонии.

1357 Еретики казнены в Арагоне и в Валенсии.

30 мая. Никколо, священник, еретик из Калабрии, сожжен как рецидивист арагонской инквизицией.

1359 Еретик Бартоломео, генуэзец, возвещавший пришествие антихриста на 1360 год, примирен арагонским инквизитором Николаем Эймериком.

1360 Аутодафе в Валенсии, справленное инквизитором

Untitled

Бернарде Эрменголом.

1371 10 апреля. Брeve Григория XI, повелевающее епископу Лериды передать в руки инквизиторов еретика Астручо де Пиера.

1372 1 января. Астручо де Пиера, иудействующий еретик, примирен с Церковью инквизитором Эймериком в Барселоне.

1376 17 января. Брeve Григория XI епископу Лиссабона, доставляющее ему средства пополнить дефицит главного инквизитора.

1378 27 марта. Смерть Григория XI.

1389 13 октября. Смерть Урбана VI.

1391 Более пяти тысяч евреев убито испанцами {Так называемая севильская резня, которая из Севильи распространилась по многим городам Испании; эту кровавую расправу историки XIX века называют Священной войной против евреев (Guerra sagrada contra los Judíos). Одним из главнейших ее вдохновителей был монах Висенте Феррер; его ближайшим соратником был архидиакон Фернанд Мартинес, который еще до своей смерти (1404) почитался как святой. (Примеч. ред.)}.

1394 4 ноября. Бонифаций IX назначает инквизитором Португалии Родриго де Сиитра, францисканца. 2 декабря. Бонифаций IX назначает инквизитором Португалии Висенте Лиссабонского, доминиканца. Около этого года Бенедикт XIII создает отдельную инквизицию для Балеарских островов. 14 июля. Бонифаций IX назначает главным инквизитором Испании Висенте Лиссабонского, уже инквизитора Португалии.

1402 1 февраля. Бонифаций IX поручает провинциалам

Untitled

испанских доминиканцев обязанности главных инквизиторов.

1406 Процесс одного еврея из Сеговии, обвиняемого в краже освященной гостии.

1412 1 июня. Бреше Иоанна XXIII, который назначает инквизитором Португалии Альфонсо д'Афраона, францисканца.

1413 Беседы обращенного еврея Иеронимо де Санта-Фе {До крещения назывался Иошуа бен Иосиф из Лорки (Мурсия); он себя называл также Ибн-Вивес Аллорки, врач и видный талмудист, в год севильской резни принявший католицизм. (Примеч. ред.)} с раввинами в Тортосе, в присутствии антипапы Бенедикта XIII {Речь идет о знаменитом диспуте, начавшемся по инициативе антипапы Бенедикта XIII и крестившегося Ибн-Вивеса в феврале 1413 года и закончившемся в ноябре 1414 года.

Председательствовал сам папа, окруженный кардиналами и должностными лицами церкви. Вероотступник Иошуа из Лорки (Иеронимо де Санта-Фе) должен был доказать на основании Талмуда, что Иисус Христос был мессией, а двадцати двум наиболее выдающимся раввинам и ученым евреям королевства Арагона был предоставлен выбор опровергнуть его аргументы или - что было целью папы, озабоченного укрепить свое влияние в христианском мире обращением испанских евреев, - присоединиться к христианству. Со стороны евреев выступал поэт-сатирик Соломон бен Реубин Бонфед, прекрасный знаток латинского, арабского и еврейского языков. Льоренте (как впоследствии и Грец) ошибочно называет его раввином: Бонфед нередко даже высмеивал талмудические

Untitled

строгости, никогда не был раввином и писал преимущественно лирические стихи. 69 заседаний диспута в Тортосе прошли без результата: ни лесть, ни угрозы папы, ни резкие выпады против Талмуда со стороны Лорки не заставили евреев принять католическую веру. Папская булла (май 1415), запретившая изучать Талмуд и наложившая ряд унижений на евреев, обнаружила мотивы, которыми был вызван диспут. (Примеч. ред.)}

1417 11 ноября. Избрание Мартина V на Констанцском соборе.

7420 5 февраля. Мартин V разделяет доминиканцев Испании на три провинции: Испании в Кастилии, Сант-Яго в Галисии и Португалии.

1434 27 марта. Мартин V учреждает отдельную инквизицию в Валенсии.

1442 Смерть дона Энрико Арагонского, маркиза де Вильена, сочтенного за некроманта. Его книги сожжены по приказу Хуана II, короля Кастилии.

1445 Бегарды преследуются в Бискайе. Вождь их Альфонсо Мелья бежит и умирает у мавров. Большинство бегардов сожжены.

1452 Заговор, как говорят, организованный в Толедо евреями. Они должны были взорвать подкоп во время процессии тела Христова.

1454 Предполагают, что в Вальядолиде дети были распяты евреями. Арнольдо Койро, инквизитор Валенсии, примиряет иудействующих еретиков.

1468 Альфонсо Эспина, францисканец, составляет Утверждение веры ("Fortalicium fidei"), доказывающее, что тогда не было уполномоченных инквизиторов в Кастилии.

Untitled

Он предлагает самого себя для розыска еретиков.

1478 2 сентября. Путешествие в Севилью Филиппа де Барбериса, инквизитора Сицилии. Он советует Фердинанду V, королю Кастилии, учредить инквизицию в его государствах. Изабелла, жена Фердинанда, сначала отвергает это предложение.

1 ноября. Булла Сикста IV, уполномочивающая Фердинанда и Изабеллу учредить инквизицию в их государствах. Исполнение этой буллы приостановлено.

1478 Катехизис, опубликованный кардиналом Мендосою, архиепископом Севильи, по поводу еретиков.

1479 Педро из Осмы осужден за свои заблуждения архиепископом Толедским Альфонсо Карильо. В этом деле инквизиторы не появляются.

1480 17 сентября. Назначение двух первых инквизиторов новой инквизиции: Мигуэля Морильо и Хуана де Сан-Мартина, доминиканцев.

9 октября. Губернаторам провинций предписано доставлять инквизиторам все, в чем они будут иметь нужду.

27 декабря. Фердинанд велит властям Севильи помогать утверждению инквизиции. Новохристиане эмигрируют. Собрание кортесов Кастилии. Меры, принятые против евреев, без явного участия инквизиции. Труд, опубликованный одним евреем против Фердинанда и христианской религии. Брат Фернандо де Тала-вера опровергает его.

1481 2 января. Первый акт, исходящий от севильской инквизиции, приказывающий арестовывать беглых новохристиан. Она угрожает герцогам, маркизам, графам,

Untitled

баронам и сеньорам лишением титулов, почестей и владений, если они будут пренебрегать исполнением инквизиторского указа.

6 января. Аутодафе в Севилье. Шестеро осужденных погибают на костре.

26 марта. Аутодафе в Севилье. Семнадцать осужденных сожжены; еще один через месяц.

4 ноября. В эту пору уже насчитывали двести девяносто восемь сожженных. Бесчисленное количество новохристиан эмигрирует.

Льготный указ, опубликованный севильской инквизицией в пользу кающихся отступников. Другой указ - о доносах на еретиков.

29 января. Письмо Сикста IV к Фердинанду с жалобой на чрезмерную строгость севильской инквизиции. 11 февраля. Брeve Сикста IV, который назначает новых инквизиторов, избранных из доминиканцев.

1482 В течение этого года сжигают в Севилье две тысячи человек и подвергают епитимиям семнадцать тысяч.

1483 23 февраля. Письмо Сикста IV к Изабелле в ответ на ее просьбу дать инквизиции устойчивую форму. 25 мая.

Брeve Сикста IV архиепископу Севильи касательно одобрения королем отставки Гальвеса вместе с другими распоряжениями, относящимися к инквизиции.

1483 2 августа. Булла Сикста IV, поручающая аудиторам апостолического дворца разбирать апелляции осужденных испанской инквизицией. Эта булла отменена 13 августа того же года.

17 октября. Брeve Сикста IV, который назначает Томаса де Торквемаду главным инквизитором Арагона. Он занимал

Untitled

уже эту должность в Кастилии. Бреше Сикста IV архиепископам Толедо и Сант-Яго с повелением, чтобы епископы, происходящие от еврейских предков, воздерживались от участия в суде в процессах по делам веры.

Бреше Сикста IV, который назначает дома Иньиго Манрике, архиепископа Севильи, апостолическим судьей по апелляциям для Испании и отставляет Галь-веса, инквизитора Валенсии.

1484 апрель. Собрание кортесов Арагона. Учреждение инквизиции декретировано королем в Тарасоне. 29 октября. Обнародование первого устава инквизиции в Севилье. Создание совета инквизиции.

1485 15 июля. Бреше Иннокентия VIII, дающее инквизиторам власть примирить тайно.

15 сентября. Убийство Педро Арбуеса д'Эпилы, сарагосского инквизитора, в митрополичьей церкви. Мятеж старинных христиан этого города.

1486 Мятеж в Теруэле против учреждения инквизиции.

Мятежи в Лериде, Валенсии и Барселоне по тому же поводу. Дон Хаиме Наваррский, племянник Фердинанда V, подвергнут инквизицией епитимье за то, что дал приют беглецам.

11 февраля. Пятидесяти еретикам дано тайное отпущение в присутствии Фердинанда и Изабеллы, в силу папской буллы.

11 февраля. Бреше Иннокентия VIII, подтверждающее назначение Томаса де Торквемады на должность главного инквизитора Испании.

12 февраля. Аутодафе с семьями пятьюдесятью

Untitled

осужденными в Вилья-Реале, теперь Сьюдад-Реаль. 2 апреля. Аутодафе с девятьюстами осужденными в Вилья-Реале.

7 мая. Аутодафе с семьюстами пятьюдесятью осужденными в Вилья-Реале.

1486 16 августа. Аутодафе с двадцатью семью сожженными в Вилья-Реале.

10 декабря. Аутодафе с девятьюстами пятьюдесятью осужденными в Вилья-Реале.

1487 6 февраля. Брeve Иннокентия VIII, расширяющее юрисдикцию Торквемады.

3 апреля. Булла Иннокентия VIII, который повелевает всем государям арестовывать евреев, бежавших из Испании.

Никто не обращает на нее внимания. 18 августа. Отнятие Малаги у мавров. Страшная казнь двенадцати иудействующих.

27 ноября.. Брeve Иннокентия VIII, приостанавливающее буллы о привилегиях, дарованные некоторым лицам, от юрисдикции инквизиторов.

1488 17 мая. Брeve Иннокентия VIII, предписывающее меры, которые должны быть приняты получившими буллы о привилегиях.

28 августа. Брeve Иннокентия VIII, который переносит в

Рим процесс Альфонсо де ла Кавальериа. 27 октября. Указ верховного совета, предписывающий оплачивать королевские боны после уплаты издержек трибунала.

Джованни Пико де ла Мирандола подвергнут епитимье инквизицией в Риме как еретик; ему угрожает кара в Испании.

Командующий войсками, губернатор Валенсии, принужден

Untitled

унизиться перед инквизицией за освобождение одного человека, арестованного святым трибуналом.

Оскорбление, нанесенное, как говорят, евреями кресту в епархии Сории.

1490 Дополнительные акты к уставу инквизиции, составленные Торквемадой.

1491 Торквемада велит сжечь еврейские Библии и еще более шести тысяч томов как содержащие еретические толкования.

Процесс в Риме дома Хуана Ариоса д'Авилы, епископа Сеговии. Он оправдывает память своего отца и умирает в Риме в 1497 году.

1492 Учреждение инквизиции на острове Майорка. Жители противятся ей.

27 мая. Королевский указ, воспрещающий тревожить собственников угодий, проданных до 1479 года. 31 марта. Некрещеные евреи изгоняются из Испании и должны удалиться из нее до 31 мая под угрозой смерти.

Восемьсот тысяч покидают отечество.

1493 Учреждение инквизиции на острове Сардиния. Жители противятся ей.

12 августа. Брeve Александра VI, аннулирующее отпущения, дарованные Сикстом IV, и предписывающее инквизиторам возобновить процессы против обвиняемых.

15 августа. Брeve Александра VI, отнимающее у инквизиторов расследование процесса Гонсало Алонсо, отца дома Педро д'Аранды, епископа Калаоры, и передающее его на разбор епископу Кордовы и приору бенедиктинцев в Вальядолиде.

23 июня. Брeve Александра VI, который ввиду преклонного

Untitled

возраста Торквемады дает ему помощников. 18 февраля. Брeve Александра VI, который запрещает инквизиторам располагать по своей прихоти доходами святого трибунала.

29 марта. Брeve Александра VI, который поручает архиепископу Толедскому вернуть в королевскую казну суммы, которыми завладели инквизиторы.

1497 23 августа. Брeve Александра VI, который аннулирует все отпущения, полученные не обыкновенным порядком, в силу булл его и его предшественников.

1498 22 августа. Фердинанд V разрешает инквизиторам братья за расследование преступления содомии. 25 мая. Новые дополнительные установления о судопроизводстве трибунала инквизиции. 29 июля. Аутодафе в Риме с двумястами тридцатью иудействующими испанцами.

2 августа. Указ Фердинанда и Изабеллы, воспрещающий испанцам, бежавшим в Рим, возвращаться в Испанию под страхом смерти.

14 сентября. Суд в Риме над домом Педро д'Арандой, епископом Калаоры. Он лишен сана, низведен в состояние мирянина и заключен в монастырь.

16 сентября. Смерть Торквемады.

17 сентября. Брeve Александра VI, отменяющее все буллы о привилегиях, дарованных до сих пор об изъятии от судопроизводства инквизиторов. 17 сентября. Брeve Александра VI, который дарует главному инквизитору право реабилитировать осужденных.

1 декабря. Брeve Александра VI, который назначает епископа дома Диего Десу, доминиканца, только инквизитором Кастилии. Деса отказывается до тех пор,

Untitled

пока папа распространит его юрисдикцию на Арагон.

1498 Указ инквизиции, разрешающий взимать денежные штрафы с примиренных для поддержки казны.

1499 1 сентября. Бреше Александра VI, который распространяет на королевство Арагон юрисдикцию Десы. Тот принимает.

5 сентября. Указ Фердинанда V, распространяющий на евреев, недавно прибывших в Испанию, меру изгнания, уже принятую против других евреев. 31 октября. Указ Фердинанда V, возвращающий свободу рабам-маврам, которые примут крещение. Конфликт юрисдикции между инквизицией и муниципалитетом Валенсии.

Аутодафе Хуана Вивеса, иудействующего, в Валенсии. Его дом снесен.

1500 17 июня. Новый устав Десы для трибунала инквизиции.

27 июля. Указ Фердинанда V об учреждении инквизиции в Сицилии. Жители противятся ей. Конфликт юрисдикции между инквизицией и судьями Кордовы.

Граф де Беналькасар отлучен инквизиторами Эстремадуры за защиту прав светской власти от посягательств святого трибунала.

1501 23 мая. Указ Фердинанда V, приказывающий устроить городскую площадь на месте дома Хуана Вивеса. Там выстроена часовня.

20 июля. Указ Фердинанда V, запрещающий маврам въезд в королевство Гранаду.

24 ноября. Булла Александра VI, дарующая инквизиции пребенду каноника в каждом кафедральном соборе королевства.

Untitled

25 ноября. Брeve Александра VI, дарующее инквизитору Десе те же права, какими пользовался Торквемада.

1502 Коррехидор Кордовы преследуется инквизицией.

11 февраля. Указ Фердинанда V, изгоняющий из Испании мавров в возрасте свыше двенадцати и четырнадцати лет.

10 апреля. Указ Фердинанда V, дарующий доносчикам четверть имущества обвиняемых.

15 мая. Брeve Александра VI, предоставляющее главному инквизитору расследование всех мотивов отвода, предъявленных обвиняемыми.

1502 8 июля. Указ Фердинанда, назначающий комиссию для рассмотрения книг.

31 августа. Брeve Александра VI, дарующее инквизитору Десе власть передоверять свои полномочия. 31 августа.

Брeve Александра VI, уполномочивающее главного инквизитора разбирать все дела по апелляциям при помощи уполномоченных по его выбору, чтобы избежать отсылки документов процессов в Рим.

1503 17 сентября. Указ Фердинанда V, запрещающий новохристианам, жителям Кастилии, продавать имущество в течение двух лет.

10 июня. Указ Фердинанда V, предписывающий властям Сицилии оказывать вооруженную помощь инквизиции.

1504 30 июня. Указ Фердинанда V об учреждении инквизиции в Неаполе. Жители успешно противятся ей.

1505 14 января. Фердинанд V получает от папы освобождение от присяги, принесенной в соблюдении фуэрос Арагона, и дарует инквизиторам право расследования дел о ростовщичестве.

14 ноября. Фердинанд V пишет Юлию II, чтобы склонить

Untitled

его не принимать апелляций на приговоры инквизиции.
15 ноября. Указ Десы относительно конфискованных имуществ.

1506 Суровые меры Диего Родригеса де Лусеро, инквизитора Кордовы, по отношению к обвиняемым. Он велит арестовать такое большое количество людей, что Кордова готова возмутиться.

В этом году родился в Миранде-де-Арге Бартоломее де Карранса архиепископ Толедский.

6 октября. Восстание в Кордове. Народ открывает тюрьмы инквизиции. Деса удаляется в свою епархию. Филипп I, король Кастилии, велит Десе подать в отставку и передоверить свои полномочия дому Диего Рамиресу де Гусману, епископу Катаны. Филипп умирает в этом же году, и Деса собственной властью восстанавливает свои права и обязанности.

1507 [225] Филипп I, узнав о покушениях инквизитора Лусеро, думает упразднить святой трибунал. Суд в Барселоне над одним евреем, выдававшим себя за Бога. Тридцать женщин сожжены в Калаоре как ведьмы. Кардинал дом Франсиско Хименес де Сиснерос, архиепископ Толедский, третий главный инквизитор до 1517 года.

1507 Дом Хуан Энгера, епископ Вика, назначен главным инквизитором Арагона.

Чезаре Борджиа, герцог Валентинский, заключенный в замок в Медина-дель-Кампо, совершает побег и укрывается в Наварре. В 1507 году его преследует инквизиция; его смерть, случившаяся в том же году, кладет конец его процессу.

Untitled

1508 Фернандо де Талавера, первый архиепископ Гранады, преследуемый инквизицией, оправдан в Риме.

1509 Собрание хунты, названной католической конгрегацией, для рассмотрения кордовского дела. Свидетели обвинения отведены. Узники выпущены на свободу. 28 июля. Юлий II утверждает Сиснероса во всех правах.

1510 31 августа. Указ Фердинанда V, запрещающий инквизиторам обнародовать любую папскую буллу до предъявления ее королю.

1511 Собрание кортесов в Монсоне. На нем предъявляют претензии к инквизиторам.

1512 Процесс святоши из Пиедраиты, утверждающий, что у нее были видения.

Другое собрание кортесов Арагона. Новые меры, принятые для сужения юрисдикции инквизиторов.

1513 Новохристиане предлагают Фердинанду V шестьсот тысяч золотых дукатов, чтобы добиться публичности судопроизводства инквизиции. Фердинанд отказывается от них.

3 апреля. Бреве Льва X, который освобождает Фердинанда V от присяги, принесенной перед кортесами Арагона в приведении в исполнение мер, принятых для сужения власти инквизиции. Фердинанд затем принужден отказаться от этой буллы и сдержать свою клятву.

1515 2 декабря. Указ главного инквизитора Сиснероса против освобождений от епитимий.

Дом Луис Меркадер, картезианец, назначен главным инквизитором Арагона и Наварры. Папа дает ему помощника.

Untitled

Инквизиция введена в Куэнсе. 10 июля. Изменение крестов на санбенито.

1516 7 мая. Инквизиция учреждена в Америке. Индейцы ею устрашены.

12 мая. Булла Льва X, отменяющая освобождение от присяги, выданное в 1513 году, и подтверждающая резолюцию кортесов Арагона. Инквизиция учреждена в Оране.

1516 Сицилийцы восстают и выпускают на свободу узников инквизиции.

Командор Барриентос, коррехидор Логроньо, принужден просить прощения у инквизиции за отказ в вооруженной помощи святому трибуналу. Он подвергнут епитимье. 8 ноября. Смерть инквизитора Сиснероса. Адриан де Флоренсио назначен епископом Тортосы и главным инквизитором Арагона. Он наследует Сиснеросу и сохраняет за собой эту должность до 1523 года, в течение двадцати месяцев после избрания папою. Процесс Франсиско Бедерена, обвиняемого в убийстве. Он обращается к папе, который направляет его процесс к главному инквизитору.

Новохристиане предлагают Карлу V восемьсот тысяч золотых экю, чтобы добиться публичности судопроизводства инквизиции.

Процесс Хуана де Коварубиаса, судимого дважды после его смерти, оправданного в первый раз. Процесс отправлен Льву X, который поручает главному инквизитору закончить его безапелляционно.

1517 Процесс против памяти Хуана Энрикеса де Медины. Он осужден. Его наследники апеллируют к папе Льву X,

Untitled

который угрожает инквизиторам отлучением. Комиссары папы оправдывают память обвиняемого. Процесс августинцев. Споры их генерала с инквизицией.

Обращение к папе, который передает расследование процесса их генералу.

1518 Февраль. Собрание кортесов Кастилии. Они заявляют протест королю Карлу V и предлагают ему подарок, чтобы добиться реформы судопроизводства. Карл обещает ее.

Изготавливают закон. Но Карл изменяет свое мнение, выслушав кардинала Адриана. Май. Собрание кортесов Арагона. Депутаты требуют закона о реформе судопроизводства святого трибунала, чтобы прекратить эксцессы инквизиторов. Процесс Бланкины Руис, восьмидесятилетней жительницы Валенсии. Он перенесен в Рим, но разбирался инквизиторами до получения папской буллы, чтобы сделать призрачным это перенесение.

1519 Процесс Диего де Варгаса из города Талавера-де-ла-Рейны. Этот процесс перенесен в Рим. Карл V противится этому перенесению.

1519 5 мая. Арест инквизиторами Прата, секретаря кортесов Арагона. Протест кортесов. Созыв третьего сословия. Кортесы отказывают в сборе налога. Их обращение в Рим. Отговорки папы.

Процесс Бернардино Диаса, убившего своего доносчика. Он бежит в Рим. Инквизиторы преследуют его, невзирая на то, что расследование этого дела папа взял на себя. Они отлучены. Бернардино выпущен на свободу. Собрание кортесов Каталонии. Они представляют королю протест против злоупотреблений инквизиции. Реформа дарована.

1520 1 декабря. Булла Льва X, подтверждающая

Untitled

резолуции, принятые собранием кортесов Арагона относительно инквизиции.

Процесс Диего де лас Касаса и его братьев. Он перенесен в Рим. Споры с инквизиторами. Обвиняемые объявлены заподозренными в самой малой степени. Процесс Франсиско де Кармоны из Севильи. Споры по этому поводу.

Процесс Луиса Альвареса де Сан-Педро из Гвадалахары, не владеющего своими членами. Его дважды преследуют инквизиторы. Он апеллирует в Рим. Он оправдан.

Дом Антонио Акунья, епископ Саморы, становится во главе восставших кастильских войск. Карл V требует у папы, чтобы епископ был предан суду трибуналом инквизиции.

Папа на это не соглашается.

1521 Луис де ла Кадена, ученый филолог, преследуется инквизицией.

21 января. Указ Карла V о возвращении свободы секретарю кортесов Арагона.

20 марта. Брeve Льва X, запрещающее ввоз в Кастилию лютеранских произведений.

1 декабря. Смерть Льва X. Ему наследует Адриан VI.

Мятеж на Майорке. Заговор против прокурора инквизиции.

1522 Карл V назначает инквизитором Фландрии Франца Ван-Гульты, члена совета Брабанта.

1523 20 июля. Булла Адриана VI против колдунов.

Кардинал Дом Альфонсо Манрике, архиепископ Севильи, пятый главный инквизитор. Гражданская война в Валенсии.

Эмиграция мавров.

1524 22 марта. Булла Климента VII касательно изгнания некрещеных мавров.

Untitled

1524 4 апреля. Указ Карла V, закрывающий мечети мавров.

16 июня. Бреше Климента VII, уполномочивающее главного инквизитора давать морискам-отступникам безусловное отпущение.

21 октября. Указ Карла V, воспрещающий морискам продажу золота и серебра.

Указ инквизитора Манрике, благоприятствующий морискам.

Инквизиция учреждена в Гранаде. Указ Карла V об изгнании испанских мавров, поселившихся в городах королевства Арагона, до 31 января 1526 года.

1525 3 апреля. Бреше Климента VII, уполномочивающее главного инквизитора расследовать лютеранскую ересь, в которую впали некоторые францисканские монахи.

Процесс Мартина де ла Куадры из Мединасели, богохульника. Он умирает в тюрьме. Восстание мавров королевства Валенсии.

1526 8 мая. Бреше Климента VII, уполномочивающее генерала францисканцев давать отпущение монахам, принявшим ересь Лютера. Уступки, дарованные маврам, которые примут крещение. Процесс Констансии Ортис из Вальядолида, после ее смерти, по обвинению ее в иудействе. Ее память оправдана.

1527 Св. Игнатий де Лойола, оговоренный, трижды арестованный - в Саламанке, в Париже и в Венеции, оправдан в Риме.

Процесс Хуана де Саласа, врача. Он подвергся пытке и аутодафе в 1528 году в вальядолидской инквизиции.

Процесс колдуний (jurguinias) Наварры. Полтораэта из них

Untitled

подвергнуты епитимьям.

1528 14 марта. Указ верховного совета относительно показаний обвиняемых.

7 декабря. Меры, принятые по поводу мавров Гранады. Процесс мориска Хуана Медины, котельщика, которому грозила пытка. Он держится твердо и оправдан, но оштрафован.

Процесс Еухенио Торальбы, врача, известного некроманта. На него наложена епитимья 6 марта 1531 года. Собрание кортесов Арагона. На нем вынесены жалобы против инквизиции. Аутодафе в Гранаде для устрашения мавров.

1529 12 января. Указ Карла V о том, чтобы мавры Гранады оставили свои отдельные кварталы и жили в центре городов.

1529 Трактат Мартина де Кастаньяги, францисканца, о чародействе.

Около этого года процесс приходского священника из Барготы, упражнявшегося, как говорят, в магии.

1530 16 марта. Указ совета инквизиции относительно распоряжения показаниями свидетелей защиты. 13 мая. Циркуляр верховного совета с приказанием допрашивать даже отведенных свидетелей. 11 августа. Указ верховного совета относительно розыска лютеранских книг.

5 сентября. Королевский указ относительно книг, предназначенных для Америки.

1 декабря. Брат Бартоломео Карранса, который потом стал архиепископом Толедским, примасом Испании, оговорен перед святым трибуналом.

2 декабря. Бreve Климента XII, дарующее инквизиторам необходимые полномочия для тайного отпущения

Untitled

преступлений ереси и отступничества. Педро де Лерма, богослов из Алькалы, преследуется инквизицией, бежит в Париж и становится там профессором Сорбонны.

1531 17 апреля. Указ верховного совета, отлучающий владельцев запрещенных книг.

10 мая. Указ верховного совета о неисполнении булл с освобождением от епитимьи.

16 июня. Указ верховного совета относительно отвода свидетелей обвиняемым.

11 июля. Циркуляр верховного совета с предписанием провинциальным инквизиторам посылать в совет все приговоры, вынесенные не единогласно. 15 июля. Бреве Климента VII, повелевающее освободить морисков Арагона от возложенных на них обременительных сборов.

15 июля. Булла Климента VII, уполномочивающая главного инквизитора вести процессы против сеньоров в пользу морисков, которых они отягощают налогами, что заставляет их ненавидеть христианскую религию. 15 сентября. Главный инквизитор запрещает некоторые библии, как неправовверные.

1532 7 декабря. Указ верховного совета, предписывающий провинциальным инквизиторам констатировать число осужденных с возникновения их трибунала. 13 декабря. Бреве Климента VII, повелевающее сооружение церквей в местностях, где живут мавры.

1532 Процесс Антонио Наполеса, сицилийца. Он приговорен к пожизненному заключению в тюрьме. Его имущество конфисковано.

1533 Указ верховного совета с запрещением провинциальным инквизиторам сообщать обвиняемому

Untitled

экстракт оглашения свидетельских показаний до подтверждения им своего показания.

12 января. Указ Карла V, воспрещающий инквизиторам Валенсии конфисковать имущество морисков. Инквизитор Альбертино публикует книгу О еретиках. Процесс Альфонсо Вируеса, бенедиктинца, ученого богослова. Карл V вступается, ссылает инквизитора Манрике и издает указ относительно ареста монахов. Вируес подвергнут епитимье в 1537 году. Несмотря на это, Карл V назначает его епископом Канарских островов.

1535 4 марта. Указ верховного совета с приказанием требовать от свидетелей заявления, что между ними и обвиняемым нет неприязни.

15 июля. Указ инквизиции, запрещающий чтение "Colloquia" ("Беседы") Эразма.

20 июля. Указ верховного совета с приказом помещать в экстракте оглашения свидетельских показаний день и час дачи показаний.

Указ верховного совета, запрещающий присуждать морисков к релаксации.

Карл V отнимает у святого трибунала королевскую юрисдикцию. Это лишение продолжается до 1545 года.

Процесс Педро де Кардоны, наместника и губернатора Каталонии. Он подвергнут епитимье за то, что хотел помешать захватам инквизиторов.

4 марта. Указ верховного совета о взимании денежных штрафов с осужденных, пользующихся в своем обиходе золотом, драгоценностями и тонкими тканями.

1536 23 марта. Булла Павла III об учреждении инквизиции в Португалии.

Untitled

22 декабря. Указ верховного совета относительно судопроизводства об умерших. Аутодафе колдунов в трибунале Сарагосы. Королевский указ относительно произведений, рассматривающих американские события.
1537 13 июня. Указ верховного совета относительно богохульников.

30 августа. Указ верховного совета о помещении в экстракте оглашения улики времени и места событий.
1538 28 сентября. Смерть инквизитора Манрике. Его замещает кардинал Пардо де Тавера архиепископ Толедский.

1538 15 октября. Указ Карла V, запрещающий инквизиторам Америки привлекать к суду индейцев. Указ инквизиции, запрещающий произведения Эразма.

1539 Карранса едет в Рим для присутствия в генеральном капитуле своего ордена.

1540 27 сентября. Булла Павла III об учреждении Общества Иисуса.

1541 8 марта. Булла Павла III, дающая отпущение преступления отступничества Родриго д'Ороско, францисканцу.

18 июля. Указ инквизиции, избавляющий от релаксации осужденного, который раскается. Публикация в Вормсе полемики против лютеран. Процесс Хуана Переса де Сааведры, лженунция Португалии. Он был присужден к галерам на десять лет и потом возвратился ко двору.

1543 Процесс маркиза де Террановы, вице-короля, наместника и губернатора Сицилии. Он подвергнут епитимье за то, что хотел пресечь эксцессы инквизиторов.

1544 Процесс Магдалины де ла Крус, монахини из

Untitled

Кордовы. Она подвергнута епитимье в 1545 году и осуждена на пожизненное заключение.

Указ португальской инквизиции, устанавливающий способ поддерживать ее переписку с испанской.

1545 1 апреля. Основание папой в Риме конгрегации святого трибунала инквизиции.

8 июля. Рождение дона Карлоса Австрийского, сына Филиппа II и Марии Португальской. 1 августа. Смерть инквизитора Таверы. Его замещает кардинал дом Гарсиа де Лоайса.

29 сентября. Королевский указ, воспрещающий печатание и чтение романов. Карранса едет на Тридентский собор.

1546 2 апреля. Рождение Изабеллы, дочери Генриха II, короля Франции, обещанной сначала дону Карлосу и вышедшей затем замуж за его отца Филиппа II. 22 апреля. Смерть кардинала дома Гарсиа де Лоайсы, архиепископа Севильи, седьмого главного инквизитора.

Дом Фернандо Вальдес, архиепископ Севильи, восьмой главный инквизитор. 2 августа. Бреше Павла III, объявляющее всех мавров Гранады правоспособными к занятию гражданских должностей и церковных бенефиций.

1546 Индекс запрещенных книг, составленный Лувенским университетом и опубликованный по приказу испанского короля Филиппа II.

Карл V желает учредить инквизицию в Неаполе. Жители восстают. Аутодафе в Палермо.

1548 Карранса назначен духовником Филиппа II.

Специальный закон для морисков.

1549 18 октября. Указ Карла V - подтверждение указа от 15

Untitled

октября 1538 года в пользу обращенных американцев. Указ инквизиции относительно запрещенных книг.

1550 Второй Индекс Лувенского университета.

Педро де Мерида, каноник Паленсии, подвергнут инквизицией епитимье.

Хуан Альфонсо Вальдес, личный секретарь Карла V, преследуется инквизицией.

1551 Карранса возвращается на Тридентский собор.

1552 Процесс Марии Бургонской, восьмидесяти пяти лет от роду; она подверглась пытке и умерла. Тело ее сожжено. Аутодафе в Севилье.

Бартоломео де лас Касас, епископ Чиапы в Америке, преследуется инквизицией. Он умер в 1566 году.

1553 14 октября. Королевский указ относительно индейцев. Процесс Хуана де Вергара, толедского каноника, и Бернардино де Товара, его брата. Они подвергнуты епитимье.

Процесс Хуана д'Авилы, прозванного апостолом Андалусии, по обвинению в лютеранстве. Он оправдан.

Искиердо, алькальд города Арнедо, отлучен за то, что хотел преследовать чиновника инквизиции, совершившего убийство.

1554 Франсиско Санчес де лас Бросас, прозванный Бросовским (el Brosense), гуманист, преследуется инквизицией.

1555 Процесс Карла V, начатый Павлом IV.

1556 16 января. Отречение Карла V в пользу своего сына Филиппа П.

18 января. Брeve Павла IV с приказом инквизиторам преследовать духовников, развратителей женщин. 23

Untitled

июня. Бреше Павла IV, уполномочивающее духовников давать тайное отпущение маврам. Сентябрь. Герцог Альба овладевает государством святого престола. Павел IV добивается перемирия. Филипп II заключает мир на невыгодных условиях.

1556 Процесс Хуана де Реглы, иеронимита, духовника короля Карла V, начатый сарагосской инквизицией.

7557 25 февраля. Указ Филиппа II, обещающий доносчикам четверть имущества обвиняемого, если он будет осужден.

31 мая. Карранса назначен архиепископом Толедским. 7 июня. Аутодафе в Мурсии. Карранса велит сжечь во Фландрии лютеранские книги.

1558 15 апреля. Заявление Антонио Мелья о Каррансе.

7 сентября. Указ Филиппа, устанавливающий смертную казнь продавцам, покупателям и читателям запрещенных книг.

21 сентября. Карранса соглашается на включение его толкования в Индекс. 21 сентября. Смерть Карла V.

21 сентября. Булла Павла IV относительно запрещенных книг.

Инструкция инквизиции о запрещенных книгах.

Прибавление к указу о доносах против лютеран. Аутодафе в Куэнсе.

Фернандо де Бариоверо, толедский каноник, преследуется инквизицией.

1559 4 января. Бреше Павла IV, уполномочивающее инквизитора Вальдеса выдавать в руки светской власти лютеран-нерецидивистов, даже раскаявшихся, если они были учащими.

5 января. Булла Павла IV, отменяющая все разрешения на

Untitled

чтение запрещенных книг.

6 января. Булла Павла IV о запрещенных книгах.

7 января. Булла Павла IV, дарующая инквизиции доход по должности каноника в каждом кафедральном соборе. Она наталкивается на сопротивление.

8 апреля. Мир между Испанией и Францией. 11 апреля.

Показание Доминго де Рохаса против Каррансы.

4 мая. Показание Педро де Касальи против Каррансы. 12

мая. Показание Барбона де Бехеги в пользу Каррансы. 21

мая. Аутодафе в Вальядолиде.

2 июня. Показание Франсиски де Суньиги против Каррансы.

17 августа. Индекс инквизитора Вальдеса.

18 августа. Смерть Павла IV. В Риме мятеж народа, который выпускает на свободу всех узников инквизиции и сжигает архивы.

1559 1 сентября. Карранса отводит главного инквизитора и протестует против всего судопроизводства. 24 сентября.

Аутодафе в Севилье.

27 сентября. Показание св. Хуана де Риберы в деле Каррансы.

8 октября. Второе аутодафе в Вальядолиде, в присутствии Филиппа II.

Процесс Герреро, архиепископа Гранады; Бланке, епископа Малаги; Дельгадо, епископа Хаэна; Куэсты, епископа Леона; Готионеро, епископа Альмерии, - за одобрение катехизиса Каррансы.

Процесс Мельхиора Кано, епископа Канарских островов.

Его поведение относительно Каррансы. Процесс

Франсиско Бланке, новохристианина, бывшего

Untitled

магометанина. Он сожжен за впадение в ересь. Хуан де Вильяграсия, доминиканец, подвергнут епитимье инквизицией.

Процесс Хуана де Луденьи, приора доминиканцев в Вальядолиде.

Процесс доктора Диего Собаньоса, ректора университета в Алькала-де-Энаресе.

Процесс доньи Элеоноры де Виберо; Агостино Касальи, каноника Саламанки, ее сына; Франсиско Виберо Касальи, брата Агостино; доньи Беатрисы Виберо Касалья, сестры их; Альфонсо Переса, священника из Паленсии;

Кристобала де Окампо из Севильи; Кристобала де Па-дильи, жителя Саморы; Антонио Эресуэло, адвоката из Торо. Он сожжен как лютеранин и обнаружил величайшую твердость. Лучник вонзил ему копье в бок. Луис де ла Крус, доминиканец, преследуется инквизицией как еретик.

Процесс Хуана Гарсии, ювелира из Вальядолида. Он оговорен своей женой и сожжен как лютеранин. Процесс Переса де Эрреры, судьи контрабандистов в Логроньо. Он сожжен как лютеранин. Процесс Каталины де Ортега из Вальядолида. Она сожжена как лютеранка.

Процесс Педро Сармиенте де Рохаса из Паленсии. Он подвергнут епитимье по обвинению в лютеранстве.

Процесс Луиса де Рохаса, племянника предыдущего. Он подвергнут епитимье по обвинению в лютеранстве.

Процесс доньи Менсии де Фигероа, придворной дамы испанской королевы. Она подвергнута епитимье как лютеранка.

1559 Процесс доньи Анны Энрикес де Рохас, дочери маркиза д'Альканисеса, подвергнутой епитимье по

Untitled

обвинению в лютеранстве. Ей было двадцать четыре года; она знала в совершенстве латинский язык. Процесс доньи Марии де Рохас, монахини из Вальядолида. Она подвергнута епитимье, как лютеранка. Процесс Хуана де Ульоа де Перейры из Торо. Он подвергнут епитимье как лютеранин.

Процесс Хуана Вибера де Касальи. Он подвергнут епитимье как лютеранин.

Процесс Хуанны Сильва де Рибера из Вальядолида. Она подвергнута епитимье как лютеранка. Процесс Кон-станции де Вибера Касалья, матери тринадцати детей. Она подвергнута епитимье как лютеранка. Процесс Элеоноры де Сиснерос из Вальядолида. Она подвергнута епитимье как лютеранка. Муж бранит ее с эшафота за то, что она не удостоилась сожжения. Процесс Франсиски де Суньига де Баеса из Вальядолида; Марианы де Сааведры, уроженки Саморы; Антонио Мингеса де Педросы; Антонио Уасора, англичанина; Даниэля де ла Куадры де Педроса. Все они подвергнуты епитимье в Вальядолиде как лютеране.

Процесс Карлоса де Сесо де Вероны; Педро де Касальи; Доминго Санчеса, священника из Вильямедиана; Хосе Санчеса; Доминго де Рохаса, доминиканца, ученика Каррансы; Марины де Гвевара, монахини из Вальядолида; Эуфросины Риос, монахини из Вальядолида; Маргариты де Сан-Эстебан, монахини ордена св. Клары; Каталины де Рейносо, монахини из Вальядолида; Педро де Сотело, уроженца Альдеа-дель-Пало. Все они сожжены в Вальядолиде как лютеране. Хуанна Санчес, святоша из Вальядолида, перерезала себе горло, узнав о своем осуждении. Ее тело сожжено. Процесс Изабеллы и

Untitled

Каталины Кастильских. Они подвергнуты епитимье по обвинению в лютеранстве. Процесс Франсиски де Суньига-и-Рейносо, Филиппины де Эредиа и Катерины д'Алькарас, монахинь из Вальядолида, подвергнутых епитимье как еретички. Процесс Антонио Санчеса из Саламанки, он подвергнут епитимье как лжесвидетель. Процесс Педро д'Агилара из Тордесильяса, он подвергнут епитимье как лжеалгуасил.

Процесс Франсиско Сафры из Севильи, священника, он сожжен фигурально как лютеранин.

1599 Процесс Изабеллы Базна, богатой дамы из Севильи, она сожжена как лютеранка. Ее дом снесен. Процесс Хуана Понсе де Леона, сына графа де Байлена, он сожжен как лютеранин.

Процесс Хуана Гонсалеса, священника из Севильи, он сожжен как еретик.

Процесс Гарсии де Ариаса, прозванного Белым доктором, иеронимита из Севильи, он сожжен как лютеранин.

Процесс Кристобала д'Арельона, иеронимита из Севильи, он сожжен как лютеранин.

Процесс Хуана де Леона, монаха из обители Св. Исидора в Севилье, он сожжен как лютеранин. Ужасы его казни.

Процесс Кристобала де Лосада, врача из Севильи, лютеранина по любви. Он сожжен живьем. Процесс Фернандо де Сан-Хуана и Морсильо, монаха из Севильи, они сожжены как лютеране. Процесс Марии де Вируссе, Марии Корнель и Марии де Бооркес из Севильи, они сожжены как лютеранки. Две последние явились сюжетом одного романа. Процесс слуги-мулата, подвергнутого епитимье за ложный донос против своего господина.

Untitled

Мансио де Корпус Христа, доминиканец, преследуется инквизицией по делу Каррансы. Много других лиц испытывают ту же участь.

Булла Павла IV, делящего Нидерланды на три провинции по отношению к инквизиции. Фернандо де Кастильо, ученый доминиканец, преследуется инквизицией как лютеранин.

Хуан Фернандес, богослов, преследуется инквизицией как лютеранин.

Клементе Санчес дель Берсиаль, богослов, преследуется инквизицией как лютеранин.

Процесс против памяти Хуана Хиля, прозванного Эгидием. Его тело сожжено, имущество конфисковано. 2 февраля.

Брак Филиппа II и Изабеллы в Толедо. 4 февраля.

Аутодафе в Мурсии.

23 февраля. Пий IV подтверждает полномочия Вальдеса для суда над Каррансой и для назначения своих делегатов.

Аутодафе в Толедо для чествования новой королевы Елизаветы Валуа, дочери Генриха II, короля Франции. 8 сентября. Аутодафе в Мурсии.

17 декабря. Доминго де Сото, доминиканец, преследуемый инквизицией, умирает.

1559 22 декабря. Аутодафе в Севилье.

Луис де Леон, августинец, преследуется инквизицией.

Процесс Хуанна Наварро Алькатите, пастуха, он подвергнут епитимье как троеженец.

Пабло де Сеспедес, проживающий в Риме. Его процесс в вальядолидской инквизиции.

Процесс Константина Понсе де ла Фуэнте как лютеранина.

Untitled

Он умирает в тюрьме; его тело сожжено. Процесс Хуана Переса де Переда, он сожжен в изображении как лютеранин.

Процесс Хулиана Эрнандеса, прозванного Малым, уроженца Вальядолида, он сожжен как лютеранин.

Процесс Франсиски Чавес, монахини из Вальядолида, она сожжена как лютеранка.

Процесс Николая Буртона, англичанина, он сожжен как лютеранин.

Процесс Анны де Рибера, она сожжена как лютеранка.

Процесс Джона Франтона, англичанина. Инквизиция подвергает его епитимье, чтобы иметь право овладеть грузом его корабля.

Процесс Гильельмо Франке, подвергнутого епитимье за жалобу на ухаживание священника за его женою. Процесс Бернарде Франа в Кадиксе, он примирен как лютеранин.

Процесс Диего де Вирусеса, присяжного города Севильи, он подвергнут епитимье как лютеранин. Процесс Хуанны Бооркес, сестры Марии. Она оправдана.

Процесс Диего Лайнеса, генерала иезуитов. Луис Гранадский трижды преследуется инквизицией. Мориск, умерший в тюрьме инквизиции, сожжен фигурально.

2 сентября. Указ Вальдеса, содержащий органические законы судопроизводства инквизиции. 6 ноября. Бреве Пия IV, подтверждающее бреве Павла IV от 1556 года относительно морисков. Аутодафе в Толедо.

1560 15 марта. Аутодафе в Мурсии.

9 мая. Серьезные ушибы дона Карлоса, принца Астурийского.

Революция в Голландии.

Untitled

1562 Восстание в Палермо по поводу учреждения инквизиции. Монахиня в Авиле тайно примирена своим духовником.

1562 Отцы Тридентского собора требуют от папы выдачи Каррансы. Они одобряют его катехизис.

1563 20 марта. Аутодафе в Мурсии мориска Хуана Уртадо. 20 мая. Аутодафе в Мурсии.

28 сентября. Жанна д'Альбре, королева Наварры, отлучена буллой Пия IV. Папа повелевает ей явиться через шесть месяцев на суд. Главный инквизитор составляет проект ее захвата. Этот план открыт. Учреждение инквизиции в Миланской области. Соппротивление жителей. Учреждение ее приостановлено. Аутодафе в Гранаде.

Процесс Филиппа Арагонского, сына марокканского султана, подвергнутого епитимье как Магометанствующий. Процесс Антонио де Вильены, подвергнутого епитимье за то, что дурно отзывался об инквизиции. Процесс Луиса д'Ангуло, священника, подвергнутого епитимье по подозрению в ереси.

1563 Процесс Пьера де Монтальбана и Франсуа Салаяра, французских священников. Оба подвергнуты епитимье как лютеране.

Процесс Хуана де Сотомайора, еврея, подвергнутого епитимье.

Процесс Диего де Лары, он сожжен как иудействующий.

Процесс Франсиско Гильена, купца. Его многочисленные показания.

Процесс Мельхиора Эрнандеса, купца, несколько раз осужденного и наконец релаксированного. Педро де Сото, доминиканец, преследуемый инквизицией, умирает до

Untitled

своего ареста.

Дон Карлос собирается уехать во Фландрию без ведома своего отца.

1564 24 марта. Индекс Тридентского собора, опубликованный Пием IV.

Август. Католическая лига, образовавшаяся во Франции против протестантов. Аутодафе в Мурсии. Процесс одного мориска, он примирен как чародей. Процесс Паскуала Переса, бельца, подвергнутого епитимье за то, что женился.

Филипп II требует от папы, чтобы процесс Каррансы разбирался в Испании. Пий IV соглашается на это и назначает комиссию, которая должна отправиться его судить. Легат отказывается допустить в нее инквизиторов.

1565 4 апреля. Королевский указ относительно американских индейцев. 17 июня. Аутодафе в Толедо. 9 декабря. Аутодафе в Мурсии. Арест Папской истории Гонсало Ильескаса.

1566 5 декабря. Карранса выходит из тюрьмы после семилетнего заключения для того, чтобы быть отвезенным в Рим.

Вальдес перестает быть главным инквизитором. Его преемником назначается кардинал Диего Эспиноса, который умирает, впадши в немилость Филиппа II, 11 сентября 1572 года.

Св. Франсиско Борха преследуется инквизицией как иллюминат.

Пий V подтверждает распоряжения Пия IV относительно процесса Каррансы. Затем он отрекается от них по совету Буонкомпаньи. Он приказывает доставить Каррансу в Рим

Untitled

и отставляет Вальдеса.

1567 29 апреля. Карранса прибывает в Рим.

8 июня. Аутодафе в Мурсии.

9 октября. Арест произведений Джованни Феро. Раймондо Гонсалес де Монтес публикует под именем Регинальда Гонсальвия Монтануса книгу об Инквизиции {Личность Монтануса не установлена, и утверждение Льоренте, что под именем Монтануса скрывается некто Монтес, является предположением, пока ничем не доказанным. (Примеч. ред.)}.

Инквизиторы Мурсии отлучают капитул и муниципалитет этого города.

Дон Карлос, принц Астурийский, составляет проект лишить своего отца жизни.

1568 Январь. Дон Карлос предполагает отправиться во Фландрию.

18 января. Арест дона Карлоса.

18 февраля. Письмо муниципалитета Мурсии к королю по поводу заключения дона Карлоса. 7 июня. Аутодафе в Мурсии.

15 июня. Декрет верховного совета относительно запрещенных книг.

20 июля. Дон Карлос принимает таинства и составляет завещание.

Процесс Хинеса де Лорки, новохристианина. Он подвергнут епитимье.

1568 Королевский указ, предписывающий исполнить так называемое соглашение Эспиносы. Труд Пабло Гарсии, секретаря инквизиции, о судопроизводстве, опубликованный по приказанию верховного совета.

Untitled

1569 25 января. Королевский указ для упрочения инквизиции в Америке. Аутодафе в Палермо.

Барселонская инквизиция отлучает двух магистратов города.

1570 15 мая. Малый служебник Иеронимо Олеастро запрещен, потому что на фронтисписе читаются следующие слова: In hoc Signo (!) vinces (т. е. напечатано С вместо S). 18 августа. Королевский указ, устанавливающий в Мексике трибунал американской инквизиции. Франсиско де Вильальба, иеронимит, преследуется инквизицией как лютеранин. Аутодафе в Логроньо.

Геронимо Грасиан, кармелит, преследуется инквизицией. Мануэль Сантос Берноса, автор Опыта о римских театрах, преследуется инквизицией.

1570 Св. Хуан де Рибера, патриарх Антиохии, преследуется инквизицией Валенсии, когда занимает кафедру этого города.

1571 19 января. Арест испанской Библии, напечатанной в Базеле. 4 июня. Аутодафе в Толедо.

27 июля. Учреждение походного трибунала инквизиции для кораблей.

28 декабря. Королевский указ об учреждении трех постоянных трибуналов в Америке.

Некоторые картины оговорены перед святым трибуналом как внушающие ересь.

Сарагосская инквизиция отлучает депутацию Арагона.

Процесс Сигизмондо Аркеля, он релаксирован как лютеранин. Лучники пронзают его ударами копья.

1572 29 декабря. Дом Педро Понсе де Леон, епископ Пласенсии, назначен главным инквизитором. Почти сейчас

Untitled

же он умирает.

1573 27 февраля. Указ верховного совета относительно духовников, развратителей женщин. Кардинал Дом Гаспар де Кирога, архиепископ Толедский, одиннадцатый главный инквизитор.

1573 Процесс Педро дель Фраго, епископа Хаки, как подозреваемого в ереси.

1574 18 февраля. Аутодафе в Валенсии.

30 марта. Архиепископ Гранады Герреро берет назад одобрение, данное им трудам Каррансы. 29 апреля.

Епископ Малаги Бланке берет назад одобрение, данное им катехизису Каррансы. 8 июня. Епископ Хаэна Дельгадо берет назад одобрение, данное им трудам Каррансы.

6 августа. Булла Григория XIII относительно тех, кто, не будучи священниками, исполняет священнические обязанности.

6 августа. Брeve Григория XIII, благосклонное к морискам.

15 сентября. Учреждение инквизиции в Галисии. Херонимо Рипальда, иезуит, подвергнут епитимье инквизицией как иллюминат. Первое аутодафе в Мексике.

1575 29 октября. Указ верховного совета относительно женщин, носящих у себя дома одежду монахинь. Аутодафе мориски Марии, сожженной после того, как ей было дано отпущение.

Св. Тереза Иисусова, преобразовательница кармелиток, оговорена перед инквизицией.

Конфликт юрисдикции между сицилийской инквизицией и великим магистром Мальтийского ордена. Процесс Диего Наварро, обвиняемого в двоеженстве. Процесс Франсиско Минуты, он подвергнут епитимье как двоеженец. Он

Untitled

ускользает от галер, обращается в Рим, но тщетно. Его брат претерпевает ту же участь.

1576 14 апреля. Папа заставляет Каррансу отречься от некоторых тезисов, в которых его объявляют заподозренным. 2 мая. Смерть Каррансы. Его завещание, его исповедание веры; его похороны; эпитафия, составленная Григорием XIII.

Процесс Педро Луиса де Борхи, великого магистра ордена Монтесы, обвиняемого в содомии. Он оправдан. Процесс одного иподиакона, подвергнутого епитимье за исполнение обязанностей священника. Аутодафе в Логроньо.

Указ инквизиции относительно медалей, представляющих предметы или имеющих надписи, способные ввести в заблуждение.

Процесс Ариаса Монтануса, издателя Антверпенской многоязычной Библии. Он едет в Рим.

1578 1 мая. Мигуэль де Медина, францисканец, преследуемый инквизицией, умирает до приговора.

Аутодафе в Сарагосе.

1579 Гиль Гонсалес, иезуит, преследуется инквизицией.

1580 Св. Хуан де ла Крус преследуется инквизицией, как иллюминат.

Херонимо Роман, августинец из Логроньо, ученый-филолог, преследуется инквизицией за свой труд о республиках мира.

1582 Григорий XIII велит выставить напоказ в Калаоре декрет, которым он отлучает епископа этого города. Индекс толедского архиепископа Кируги.

1584 Толедская инквизиция отлучает алкальда Гудиэля, который преследовал секретаря инквизиции.

Untitled

1588 Принц Алессандро Фарнезе, герцог Пармский, оговорен перед инквизицией.

1589 1 августа. Смертный приговор, вынесенный Антонио Пересу, министру Филиппа II. Он укрывается в Арагоне. Филипп дает приказ арестовать его. Он отводится в сарагосскую тюрьму.

1590 25 августа. Смерть Сикста V. Подозревают, что он был отравлен по поручению Филиппа II. Испанская инквизиция подвергает цензуре итальянский перевод Библии, объявленный в булле этого папы.

1591 19 декабря. Граф д'Аранда арестован. Он умирает в тюрьме.

Процесс Диего Фернандеса де Эредиа, обвиняемого в магии и в переправке лошадей во Францию. Распри между сарагосской инквизицией и верховным судьей Арагона. Инквизиция завладевает делом Переса. Перес и Майорини, его друг, пытаются устроить побег. Их заговор открыт. Сарагосская инквизиция велит перевести Переса в инквизиционную тюрьму. Народный мятеж. Перес возвращен в королевскую тюрьму.

Второй мятеж в Сарагоссе по тому же поводу. Народ выпускает Переса на свободу. Он бежит вместе с Майорини, прибывает во Францию и просит приюта у Маргариты Бурбон. Она принимает его, и он описывает свои приключения.

Генерал Альфонсо де Варгас входит во главе войск в Сарагосу.

Верховному судье Арагона отрубили голову за его образ действий в сарагосских смутах.

1591 Герцог де Вильяэрмоса присужден к смертной казни

Untitled

за сарагосские смуты.

13 августа. Инквизиция приговаривает Переса к сожжению фигурально.

1592 9 октября. Барону де Барболесу отрублена голова за участие в сарагосских смутах.

Ноябрь. Граф де Мората преследуется инквизицией за сарагосские смуты. Король назначает его вице-королем Арагона.

24 декабря. Король дарует общее прощение мятежникам Сарагоссы после ужасной резни, произведенной в городе палачами по его приказу.

Барону де Бьескасу отрубили голову за участие в сарагосских смутах.

Процесс Хуана де Басанте, лжедруга Переса, которому он изменил. Его загадка о короле.

Герцог Альба воспрещает королевским чиновникам пользоваться прерогативами членов конгрегации Святого трибунала в Неаполе.

Король назначает графа де Фуэнтеса губернатором Нидерландов.

Барону де Пурой отрубили голову за участие в сарагосском мятеже.

2593 27 мая. Аутодафе в Гранаде.

14 ноября. Аутодафе в Логроньо.

1594 20 ноября. Смерть главного инквизитора Кироги.

1595 Хосе де Сигуэнса, иеронимит, преследуется инквизицией.

Дом Херонимо Манрике де Лара, епископ Авилы, двенадцатый главный инквизитор.

1596 Св. Хосе де Каласанс преследуется инквизицией.

Untitled

Дом Педро де Портокарреро, епископ Куэнсы, тринадцатый главный инквизитор.

1598 13 сентября. Смерть Филиппа II, короля Испании. Ему наследует его сын, Филипп III. Распри между севильскими инквизиторами и королевской судебной палатой этого города. Королевский указ о том, что инквизиторы будут иметь первенство только в решении вопросов об аутодафе.

1599 Кардинал дом Фернандо Ниньо де Гевара (Гевара), четырнадцатый главный инквизитор.

1502 Распри между иезуитами, инквизиторами и папою Климентом VIII относительно осуждения трудов Молины.

1602 Дом Хуан де Суньига, епископ Картахены, пятнадцатый главный инквизитор.

1603 Дом Хуан Баптиста д'Асеведо, патриарх Индий, шестнадцатый главный инквизитор.

1608 Кардинал дом Бернардо де Сандобал-и-Рохас, архиепископ Толедский, семнадцатый главный инквизитор.

1609 Хуан де Мариана, иезуит, преследуется инквизицией за труд о перемене монеты.

Изгнание морисков из Испании. Миллион жителей эмигрирует.

1610 23 февраля. Учреждение инквизиции в Картахене Американской,

7 ноября. Аутодафе в Логроньо, большей частью против колдунов.

1611 5 ноября. Смерть в Париже Антонио Переса, бывшего министра испанского короля.

1612 21 февраля. Дети Переса требуют пересмотра процесса их отца.

Untitled

1613 Херонимо де Севальос, юрисконсульт, профессор университета в Саламанке, преследуется инквизицией за свои произведения.

1616 7 апреля. Верховный совет кассирует приговор Антонио Переса и оправдывает его память.

1619 Дом Луис де Алиага, архимандрит Сицилии, восемнадцатый главный инквизитор.

2620 Процесс мавра Феррареса, прозванного ренегатом, начатый сицилийской инквизицией.

1621 21 июня. Аутодафе в Мадриде Марии де ла Консепсьон, лжесвятоши. Она осуждена как еретичка.

1622 Недостойное поведение инквизиторов Мурсии по отношению к властям Лорки из-за одного чиновника святого трибунала, отказавшегося быть сборщиком налога на торговые сделки.

Луис де Алиага, архимандрит Сицилии, бывший главный инквизитор и духовник короля Филиппа III, привлечен к суду мадридской инквизицией. Толедская инквизиция отлучает помощника префекта этого города за арест мясника, пользовавшегося при торговле фальшивыми весами.

Дом Андреа Пачеко, девятнадцатый главный инквизитор.

7623 Гранадская инквизиция отлучает двух магистратов королевской судебной палаты этого города и осуждает их произведения.

508

1624 Около этого года Франсиско Рамоль дель Мансона, воспитатель Карла I, преследуется инквизицией.

1627 21 декабря. Аутодафе в Кордове.

Хуан де Бальвоа, каноник, преследуется инквизицией.

Untitled

Кардинал дом Антонио Сапата, архиепископ Бургоса, двадцатый главный инквизитор.

1628 Процесс доньи Терезы де Сильва и других монахинь обители Св. Плакиды в Мадриде.

1629 Процесс иезуита Хуана Баутисты Позы. Его сочинения, клонящиеся к оправданию притязаний его ордена, запрещены.

1630 30 ноября. Аутодафе в Севилье. Индекс кардинала Сапаты.

Распри между инквизиторами и епископом Вальядолида из-за права первенства. Это происшествие влечет за собой так называемое соглашение Сапаты. Пруденте де Монтемайор, иезуит, преследуется инквизицией как пелагианец.

Хосе де Сесе, председатель апелляционного суда Арагона, преследуется. Его книга включена в Индекс. Франсиско де Сальгадо, член совета Кастилии, преследуется. Его произведения запрещены в Риме.

1632 Аутодафе в Мадриде, на котором присутствует король. Дом Антонио де Сотомайор, архиепископ Фарсала, двадцать первый главный инквизитор.

1634 Распри между инквизиторами и муниципалитетом Толедо по поводу взимания податей.

1636 22 июня. Аутодафе в Вальядолиде.

1637 Распри между инквизиторами и королевским прокурором Севильи по делу подсудности. Инквизиторы запрещают юридический манифест этого магистрата.

1639 23 января. Аутодафе в Лиме.

Инквизиторы Льерены отлучают члена совета Кастилии за неосвобождение от легкого налога служителей и

Untitled

чиновников святого трибунала.

1640 Распри между инквизиторами и епископом

Вальядолида относительно юрисдикции трибунала.

Около этого года возникновение франкмасонства в Англии.

1643 Дом Диего де Арсе-и-Рейносо, епископ Пласенсии,

двадцать второй главный инквизитор. 1645 Процесс

графа-герцога Оливареса, фаворита Филиппа

IV, вскоре после его опалы. Граф умирает до ареста.

Процесс Геронимо де Вильянуэвы, протонотария Арагона.

Он апеллирует к папе и, после больших затруднений, оправдан.

1648 Королевский приказ, объявляющий

недействительными для Испании решения конгрегации индекса в Риме.

1650 Хуан де Солорсано, член совета Индий, преследуется инквизицией. Его произведения осуждены в Риме.

1654 29 июня. Аутодафе в Куэнсе. 6 декабря. Аутодафе в Гранаде.

1660 13 апреля. Аутодафе в Севилье.

Распри между инквизиторами и помощником префекта

Кордовы относительно мавра, раба члена совета

инквизиции.

Педро Гонсалес де Сальседо, королевский прокурор при

совете Кастилии, преследуется инквизицией. Его

произведения запрещены в Риме.

1661 30 ноября. Аутодафе в Толедо.

Толедский инквизитор отлучает дворцового судью за отказ передать ему судопроизводство по делу одного сбира, лучника инквизиции.

Untitled

1664 17 апреля. Беатификация Александром VII Педро д'Арбуеса, сарагосского инквизитора, убитого в 1485 году. Инквизиторы Кордовы отлучают помощника префекта Эсихи за отказ передать в их распоряжение человека, обвиняемого в двоеженстве.

1665 17 сентября. Карл II наследует своему отцу в четырехлетнем возрасте. Мария-Анна Австрийская - его мать и опекунша.

Кардинал дом Паскаль д'Арагон, толедский архиепископ, двадцать третий главный инквизитор. Он отказывается от должности до вступления в нее.

1666 Кардинал Иоганн Эбергард Нитгард, архиепископ Эдесы, двадцать четвертый главный инквизитор. 1669 Дом Диего Сармиенто де Вальядарес, архиепископ, двадцать пятый главный инквизитор.

Начинается процесс против дона Хуана Австрийского, брата Карла III.

1671 1 марта. Проповедь, произнесенная в Сарагосе одним матуринцем в похвалу святого трибунала. 1680 18 октября. Аутодафе в Мадриде.

Аутодафе для чествования бракосочетания Карла II с Марией-Луизой Бурбон, племянницей Людовика XIV.

1682 Одна женщина в Гранаде выбрасывается из окна из страха быть посаженной в тюрьму святого трибунала.

1686 Распри между инквизиторами и епископом Картахены Американской. Они отлучают епископа, арестуют его и сажают в секретную тюрьму. Папа вмешивается в это дело и оправдывает епископа.

1688 Процесс Мигуэля д'Эстебана, регента церкви Спасителя в Сарагосе.

Untitled

1693 Указ инквизиции с запрещением чтения произведений Баркляя.

1695 29 января. Смерть дома Диего Сармиенто де Вальядареса, главного инквизитора.

Дом Хуан Томас де Рокаберти, архиепископ Валенсии, двадцать шестой главный инквизитор.

1696 Собрание великой хунты для установления принципа в спорах между инквизиторами и королевскими судьями. Король ничего не решает вследствие интриг главного инквизитора.

1699 13 июня. Смерть дома Хуана Томаса де Рокабертиа, главного инквизитора.

Кардинал Дом Альфонсо Фернандес де Кордова-и-Агилар, архиепископ, двадцать седьмой главный инквизитор. Он умирает, не вступив в должность. Дом Бальдассар де Мендоса-и-Сандобал, епископ Сеговии, двадцать восьмой главный инквизитор.

1700 1 сентября. Смерть Карла II, короля Испании.

1 ноября. Восшествие Филиппа V, внука Людовика XIV, на престол Испании.

Процесс Хуана Фернандеса де Эредиа, брата графа де Фуэнтеса.

1701 Аутодафе в Мадриде для чествования восшествия на престол Филиппа V. Государь отказывается на нем присутствовать.

1703 Процесс Фроилана Диаса, духовника Карла II, который осведомлялся у беса, действительно ли околдован король.

Филипп V воспрещает Мендосе Сандобалу исполнение его обязанностей и удаляет его из Мадрида.

Untitled

1705 Дом Видаль Марино, епископ Сеуты, двадцать девятый главный инквизитор.

1707 Индекс главных инквизиторов Сармиенто и Видаля Марино.

Указ главного инквизитора о необходимости доносить на тех, кто не сочтет обязательной для себя присягу на верность Филиппу V.

1709 10 марта. Смерть Видаля Марино, епископа Сеуты, главного инквизитора. Антонио Ибаньес де да Рива-Эррера, архиепископ Сарагосы, наследует ему.

1709 Урбан Мольто, францисканец из Эльды, внушает исповедующимся, что присяга на верность Филиппу V не обязательна.

1710 3 сентября. Смерть Антонио Ибаньеса де ла Рива-Эррера, архиепископа Сарагосы, главного инквизитора.

1711 Кардинал Франческо Джудиче, тридцать первый главный инквизитор.

Дом Хосе Фернандес де Торо, епископ Овiedo, отрешен от должности римской инквизицией.

1713 Великий инквизитор запрещает книгу, опубликованную по приказу короля и составленную Маканасом.

1714 Указ главного инквизитора с запрещением чтения произведений Маканаса. Король жалуется на это и хочет декретировать упразднение святого трибунала.

Придворные интриги разрушают этот план.

1715 28 марта. Королевский указ, одобряющий постановление инквизиции против произведений Маканаса.

Untitled

1716 Кардинал Франческо Джудиче, главный инквизитор, покидает свою должность.

1717 Дом Хосе де Молинес, аудитор Роты, тридцать второй главный инквизитор. Он не появляется в Испании, потому что захвачен в плен австрийской армией.

1719 Процесс дома Франсиско де Миранды, каноника из Тарасовы.

1720 Дом Хуан де Арсаменди, член верховного совета инквизиции, тридцать третий главный инквизитор. Он умирает, не вступив в свою должность. Кардинал, толедский архиепископ, дом Диего де Астор-га-и-Сеспедес, тридцать четвертый главный инквизитор. Он отказывается от должности.

1721 Дом Хуан де Камарго, епископ Памплоны, тридцать пятый главный инквизитор.

1723 Возникновение франкмасонства во Франции.

1724 20 января. Отречение Филиппа V в пользу своего сына Луиса I.

31 августа. Смерть Луиса I. Филипп V вновь берет бразды правления.

1727 Процесс монахинь обители Касбас в Сарагосе.

1729 Инквизиция Логроньо присуждает к галерам Хуана де Лонгаса, бельца из монастыря босых кармелитов, как молиносиста.

1731 Введение франкмасонства в Голландии и России.

1732 14 сентября. Приговор полиции Шатле в Париже против франкмасонов.

1733 24 мая. Смерть Хуана Камарго, епископа Памплоны, главного инквизитора.

Дом Андреа де Орбе-и-Ларреатеги, архиепископ

Untitled

Валенсии, тридцать шестой главный инквизитор. Введение франкмасонства в Америке.

1736 Процесс дома Франсиско де Хименеса, приходского священника из Ансаниго, в Сарагосе.

1738 28 апреля. Булла Климента XII против франкмасонства.

1739 Сицилийская инквизиция становится независимой от испанской.

1740 4 августа. Смерть дома Андреа де Орбе-и-Ларреатеги, архиепископа Валенсии, главного инквизитора. Около этого года заключена в тюрьму инквизиции в Логроньо донья Агеда де Луна, настоятельница кармелитского монастыря, ханжа, творившая, как говорили, чудеса и заключившая договор с дьяволом. Хосе Кирос, священник, преследуется инквизицией. Указ Филиппа V против франкмасонства.

1742 Дом Мануэль Исидор Манрике де Лара, архиепископ Сант-Яго, тридцать седьмой главный инквизитор.

1743 31 октября. Аутодафе Хуана де ла Беги, провинциала босых кармелитов, одного из сообщников доньи Агеды де Луна. Ее племянница донья Висента де Лойя подвергнута епитимье.

Осуждение Хуана де Эспехо, прозванного Хуаном де Санто-Эспириту, основателя ордена братьев милосердия божественного пастыря, как лицемера и колдуна.

1744 6 февраля. Указ инквизиции, запрещающий чтение Гражданской истории Испании, составленной Бельяндо {Часто произносится - Белляндо. (Примеч. ред.)}.

6 декабря. Николай Иисусов Бельяндо, историк Испании, подвергнут епитимье инквизицией.

Untitled

1745 1 февраля. Смерть Мануэля Исидора Манрике де Лары, архиепископа Сант-Яго, главного инквизитора.

1746 Дом Франсиско Перес де Прадо-и-Куэста, епископ Теруэля, тридцать восьмой главный инквизитор. 9 июля. Смерть Филиппа V. Ему наследует его сын Фердинанд VI.

1747 Индекс главного инквизитора Переса де Прадо.

1748 Бреве Бенедикта XIV, исключаящее из испанского индекса произведения кардинала Нориса.

1751 18 мая. Булла Бенедикта XIV против франкмасонов. 2 июля. Указ Фердинанда VI против франкмасонов.

1753 Второй конкордат между папой и испанским королем.

1757 Процесс Турнона, француза-фабриканта, как франкмасона.

1758 Дом Мануэль Кинтано Бонифас, архиепископ Фарсала, тридцать девятый главный инквизитор. При нем в течение шестнадцати лет два человека сожжены живьем и десять подвергнуты епитимьям.

1759 10 августа. Смерть Фердинанда VI. Ему наследует его брат Карл III.

1767 Главный инквизитор публикует папское бреве вопреки запрещению короля. Он сослан.

1767 16 апреля. Папское бреве относительно иезуитов.

1768 30 января. Папское бреве относительно дел пармского герцога.

Совет, собранный Карлом III для обсуждения дел иезуитов.

Маркиз де Рода, министр и государственный секретарь, преследуется как янсенист.

Граф Кампоманес, ученый-литератор, преследуется инквизицией как философ.

Untitled

Хосе Родригес де Авельяно, архиепископ Бургоса, преследуется как янсенист.

Граф Флорида-Бланка, министр и государственный секретарь, преследуется инквизицией за свои патриотические стремления.

1770 Граф д'Аранда, посол во Франции, преследуется инквизицией как философ.

1775 Дом Фелипе Бельтрандо, епископ Саламанки, сороковой главный инквизитор до 1783 года. При нем два человека сожжены, последний, в Севилье в 1781 году.

Шестнадцать человек подвергнуты публичной епитимье и множество лиц тайной.

1776 Пабло Олавиде, префект Севильи, подвергнут епитимье инквизицией как философ.

1778 Граф де Рикла, военный министр, преследуется инквизицией как философ.

И. Д. Филипп де Саманьего, архидиакон Памплоны, преследуется инквизицией.

1780 Инквизиторы Лимы отлучают королевского судью за нескромные разговоры.

1780 Хосе де Клавихо-и-Фахардо, ученый-натуралист, преследуется инквизицией как философ.

1784 Дом Агостино Рубин де Севальос, епископ Хаэна, сорок первый главный инквизитор. При нем не было сожжено ни одного человека ни живьем, ни фигурально.

Четырнадцать человек были подвергнуты публичной епитимье и несколько человек - тайной.

2785 Процесс Хуана Переса, ремесленника, отрицавшего существование дьявола. Он подвергнут епитимье.

1786 Бенедито Байль, математик, подвергнут епитимье

Untitled

инквизицией как философ.

Томас Ирйарте, литератор, начальник архива первого министерства, подвергнут епитимье инквизицией.

1788 17 сентября. Смерть Карла III, испанского короля.

17 ноября. Карл IV вступает на испанский престол. Луис Каньюэло, адвокат, преследуется инквизицией.

1789 Революционные идеи Франции считаются преступлением ереси.

1790 Герцог Альмодовар, посол в Вене, преследуется инквизицией.

Педро Сентено, ученый-августинец, преследуется инквизицией.

Исключительный процесс одного капуцина из Картахены Американской, развратителя женщин.

1791 Скандальный процесс Мишеля Мафра де Рье, марсельца. На него надевают безобразное санбенито. Он впадает в бешенство. Он вешается в своей тюрьме.

1792 Индекс главного инквизитора дома Агостино Рубина де Севальоса.

Хосе де Иереги, священник, наставник королевских инфантов Испании, преследуется инквизицией как янсенист.

Дом Агостино де Абад-и-ла-Сьерра, епископ Барбастро, оговорен перед святым трибуналом как янсенист.

Назначение его брата на должность главного инквизитора прекращает его процесс.

Дом Мариано Луис де Уркихо, бывший потом магистром и государственным секретарем, подвергнут епитимье мадридской инквизицией.

Хосе Николас д'Асара, посол во Франции, преследуется

Untitled

инквизицией. Смерть главного инквизитора Агостино Рубина де Севальоса. Дом Мануэль де Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Силиврии, бывший епископ Асторги, сорок второй главный инквизитор. Он отказывается в 1794 году от своих обязанностей. При нем шестнадцать человек были подвергнуты публичной епитимье и многие - тайной.

1793 Дон Хуан Антонио Льоренте составляет, по приказанию главного инквизитора, Рассуждение о судопроизводстве святого трибунала, в котором предлагает многочисленные преобразования.

Дом Мануэль де Абад-и-ла-Сьерра, архиепископ Силиврии, главный инквизитор, впавший в немилость в 1794 году, оговорен как янсенист.

1794 Кардинал, толедский архиепископ, дом Франсиско Антонио де Лоренсана, сорок третий главный инквизитор. Он подает в отставку в 1797 году. При нем четырнадцать человек подвергнуты публичной епитимье и многие - тайной.

1796 Князь мира, первый министр Испании, оговорен перед инквизицией как заподозренный в атеизме. Бонапарт перехватывает в Генуе курьера, везущего депеши, относящиеся к этому делу, и посылает их Князю мира, который удаляет из Испании своих преследователей.

1797 Мелендес Вальдес, испанский Анакреон, преследуется инквизицией.

Фелис Мария де Саманьего, сеньор д'Аррайя, литератор, преследуется инквизицией.

Раймондо де Салас, литератор, преследуется инквизицией как философ.

1798 Дом Рамон Хосе де Арсе, бывший последовательно

Untitled

архиепископом Бургоса и Сарагосы, патриарх Индий, член государственного совета, кавалер первой степени королевского ордена Карла III, сорок четвертый главный инквизитор до 1808 года. При нем сожжена одна статуя, двадцать человек подвергнуты публичной епитимье и многие - тайной.

Дон Гаспар Мельхиор де Ховельянос, министр, государственный секретарь, впал в немилость и оговорен перед инквизицией как лжефилософ. Он сослан в 1801 году на остров Майорку.

1799 5 сентября. Королевский указ, запрещающий обращаться в Рим по делам о брачных разрешениях и возвращающий испанским епископам пользование правами, захваченными у них римской курией. 11 октября. Указ Карла IV, объявляющий свободными и не подлежащими рассмотрению книги, бумаги и другие вещи, принадлежащие иностранным консулам.

1799 Антонио Тавира, епископ Саламанки, преследуется инквизицией.

Дом Хосе Эспига, раздаватель милостыни при короле, оговорен перед инквизицией как янсенист. Вальядолидская инквизиция присуждает к разным епитимьям двух книгопродавцев этого города за продажу запрещенных книг.

1800 Процесс одной святоши из Куэнсы, утверждавшей, что Иисус Христос освятил ее тело. Ей воздавали почитание. Она умерла в тюрьме. Ее статуя сожжена. Дом Виторин Лопес Гонсало, епископ Мурсии, оговорен перед инквизицией как янсенист. Хуан Антонио Родригальварес, мадридский каноник, преследуется инквизицией.

Untitled

Антонио де Палафокс, епископ Куэнсы, преследуется инквизицией как янсенист.

1801 Грегорио де Висенте, профессор философии, подвергнут епитимье инквизицией.

Антонио де ла Куэста, литератор, архидиакон Авилы, преследуется инквизицией. Он удаляется во Францию.

Через пять лет он объявлен невиновным. Херонимо де ла Куэста, каноник, епитимийный судья Авилы, преследуется инквизицией. Он заключен в тюрьму в Вальядолиде. После его пятилетнего заключения король Карл IV переносит к себе этот процесс и процесс его брата Антонио и объявляет обоих невиновными.

Мария Франсиска Портокарреро, графиня де Монтихо, ученая, преследуется инквизицией.

Дом Антонио Палафокс, епископ Куэнсы, делает энергичную вылазку против иезуитов.

Родригальварес и Посада, каноники церкви Св. Исидора в Мадриде, резко возражают своему собрату Бальдассару Кальво, донесшему на мнимое сборище янсенистов.

Процесс Клары, мадридской святоши, которая, притворяясь параличной, не сходила с постели, причащалась ежедневно и получила от папы разрешение произнести обеты монахинь капуцинского ордена без обязательства вести монастырскую жизнь.

1803 Мария Бермахо, припадочная, в мадридском госпитале пытается выдавать себя за святую. Она подвергнута епитимье инквизицией.

1805 Смерть Мигуэля Солано, приходского священника из Эско, в тюрьме сарагосской инквизиции.

1806 Рафаэль де Мускис, архиепископ Сант-Яго, подвергся

Untitled

выговору и штрафу.

1808 19 марта. Карл IV, король Испании, отрекается от престола. Ему наследует его сын Фердинанд VII. Карл протестует против своего отречения, династия Бурбонов перестает царствовать в Испании. Ему наследует Иосиф (Жозеф) Бонапарт.

4 декабря. Наполеон Бонапарт упраздняет трибунал инквизиции в Испании как покушающийся на государственную власть.

1813 12 февраля. Трибунал инквизиции упразднен генеральными чрезвычайными кортесами Испании как несовместимый с новой политической конституцией монархии.

11 декабря. Фердинанд VII вступает на испанский престол в силу трактата в Валянсе [226].

1814 Март. Фердинанд VII возвращается в Испанию.

21 июля. Указ Фердинанда VII, восстанавливающий в Испании трибунал инквизиции.

13 августа. Булла Пия VII против франкмасонов. Дом Франсиско Миер-и-Кампильо, епископ Альмерии, сорок пятый главный инквизитор, назначенный Фердинандом VII для восстановления трибунала инквизиции.

1815 3 мая. Указ нового инквизитора, в котором встречаются принципы, противоречащие истинным интересам государства.

27 декабря. Аутодафе в Мексике над священником Хосе Мария Морельсом по делу ереси. Он составил проект освобождения своей страны от испанского владычества. Ему дано отпущение от церковных наказаний, затем он повешен по приказу вице-короля.

Untitled

1816 Папа уничтожает пытку во всех трибуналах инквизиции. Сверх того, он вводит полезные преобразования в судопроизводство святого трибунала.

Приложение

Оправдательные документы

Согласно желанию некоторых французских ученых, мнение коих я бесконечно уважаю, я решил опубликовать здесь несколько оправдательных документов, касающихся рассказанного мною о делах испанской инквизиции.

Сначала я думал напечатать буквальные и полные копии первых органических законов этого учреждения с разными дополнительными актами, декретированными в более близкие к нам эпохи, а также законопроект преобразований, подготовленный Карлом V для удовлетворения требований кортесов, собранных в Вальядолиде. Но я убежден, что читатели достаточно ознакомились с этой стороной дела, прочтя краткий обзор данных документов в тексте Истории {Первые органические законы, установленные в 1484 году, находятся в 1-м томе, глава VI; дополнительные акты - в 1-м томе, глава VII, статья 2, и глава XXII. О законопроекте преобразований я говорил в 1-м томе, глава XI, статья 1.}. Я полагаю, что более подобает оказать предпочтение напечатанию булл и других бумаг, детали коих я не представил ни в изложении предмета, ни в подтверждение моего текста.

Эти документы вместе с теми, с которыми я познакомил в извлечениях или выборках, составят самое полное доказательство того, что общее мнение испанцев относительно инквизиции всегда было одинаковым, то есть

Untitled

определенно отрицающим тайное судопроизводство инквизиции, так как оно нарушает священные законы естественного права, божественного и человеческого. Они покажут, что инквизиторы с самого возникновения их трибунала старались завладеть королевской светской юрисдикцией, стремясь стать независимыми от верховной власти, управляющей государством. Для успеха в этом намерении они ссылались на апостолические буллы, к которым сами относились, однако, с пренебрежением, когда такая политика была им удобна; им в этом отношении помогали дальность расстояния от главы Церкви и тайна их резолюций.

Если бы этот том не был уже так обширен, мне было бы нетрудно присоединить к нему большее число оправдательных документов, которые все имеются на испанском языке и которыми, следовательно, немногие сумеют пользоваться. Я могу даже сказать без преувеличения, что у меня их достаточно, чтобы прибавить два или три тома к этой Истории. Но подобный мотив не должен заставить меня забыть свои обещания публике, что обязывает меня на этом завершить мой труд.

|
Бреве папы Сикста IV от 29 января 1481 года королям испанским Фердинанду V и Изабелле. Его Святейшество указывает обоим государям, что множество испанцев обращается к святому престолу с жалобой на них и на первых инквизиторов Севильи, поставленных ими, говоря, что преследуются многие люди, несмотря на искренность их католичества; их сажают, вопреки всякой справедливости, в тюрьмы, жестоко мучают, объявляют

Untitled

еретиками и завладевают их имуществом, умертвив их; что такой образ действий вынудил массу других лиц искать спасения в бегстве. Его Святейшество присовокупляет, что инквизиторы Морильо и Сан-Мартин заслуживают отставки; он не лишает их должности только из уважения к обоим монархам; но пусть они не назначают других ввиду того, что генерал доминиканцев облечен привилегией избирать в инквизиторы тех, которые покажутся ему более достойными исполнять эту обязанность.

(Перевод с латинского)

"Возлюбленнейшим во Христе чадам нашим, Фердинанду, королю, и Елизавете, королеве Кастилии, Леона и Арагона, светлейшим: Сикст, папа четвертый.

Возлюбленнейшие во Христе чада наши! [Посылаем вам] приветствие и апостольское благословение. Мы никогда не сомневались, что, пылая ревностью к католической вере, вы будете умолять нас о чем-либо другом, кроме избрания инквизиторов еретической испорченности в королевстве Кастилия и Леон, чтобы их старательным трудом приведены были к познанию истинного пути те, которые уверяли, что исповедуют христианскую веру, но не страшились соблюдать предписания иудейского суеверия и закона. Мы, горя желанием и ревностью к вере, велели изготовить послание об этом избрании. Благодаря [неумению] того, кто тогда ходатайствовал от вашего имени об отправке этого послания, случилось, что оно было изготовлено вопреки декретам святых отцов и предшественников наших и общему к ним почтению, так как относительно содержания послания он говорил нам неполно и неточно, но частично и спутанно. Вследствие

Untitled

этого возникли многочисленные жалобы и сетования, как на нас за это послание, так и на Ваши Величества, и на возлюбленных чад Мигуэля де Морильо, магистра, и Хуана де Сан-Мартина, бакалавра богословия, монахов ордена [братьев] проповедников, которых вы, пользуясь вышеозначенным посланием, назначили инквизиторами в вашем городе Севилье. [Жалуются] на то, что, [как уверяют] они, необдуманно и без соблюдения правового порядка ведя дела, многих несправедливо заключили в тюрьму, подвергли жестоким мучениям, несправедливо объявили еретиками и лишили имущества тех, кто был предан смертной казни. Поэтому очень многие в справедливом опасении за себя обратились в бегство и рассеялись. Некоторые из них, считая себя христианами и настоящими католиками, прибегли к славному престолу, безопаснейшему прибежищу всех гонимых, чтобы избавиться от угнетений. Они представили нам апелляции, содержащие жалобы и рассказывающие о насилиях, творимых вышеозначенными инквизиторами. Проливая обильные слезы, они смиренно просили предпринять разбор этих апелляций и установить их невиновность. Мы же, после зрелого обсуждения этих [обстоятельств] вместе с достопочтенными братьями нашими, кардиналами святой римской Церкви, по их совету решили для воспрепятствования впредь подобным жалобам нашим посланием подтвердить, что в этом деле следует инквизиторам и местным благочинным совместно действовать по правовой норме. И хотя, по мнению многих, ввиду вышеназванных жалоб, на службу инквизиции должны бы быть избраны другие, а не вышеназванные

Untitled

Мигуэль и Хуан (о которых поступило столько [неблагоприятных отзывов]), тем не менее вместо того, чтобы отвергнуть Мигуэля и Хуана как неспособных, неискусных и неподходящих и, следовательно, осудить их назначение, сделанное вами, мы, полагаясь на донесение об их честности и бескорыстии, сделанное вашим представителем от вашего имени, решили оставить вышеназванных Мигуэля и Хуана инквизиторами. Мы полагаем, если они впредь, [руководствуясь] другими [мотивами], а не ревностью к вере и спасению душ, будут вести себя в отправлении своих обязанностей вместе с благочинными менее справедливо, чем подобает, в посрамление удалить их и избрать на эту должность других и, по указанию правосудия, обратиться к разбору дел по обоснованным апелляциям и вышеназванным жалобам. По этой причине мы не соизволяем удовлетворить просьбу об избрании инквизиторов для других королевств и владений ваших, так как там вы имеете уже инквизиторов, назначенных, по обычаю римской Церкви, генералами ордена братьев проповедников, и другие не могут быть избраны без бесчестия и оскорбления этих прелатов и без нарушения привилегий означенного ордена. Мы предостерегли их, чтобы они старались действовать совместно с благочинными во встречающихся им делах, отбросив всякое небрежение. Итак, мы увещеваем ваши светлости, довольствуясь этими нашими распоряжениями, оказывать нужную помощь и расположение вышеозначенным инквизиторам и благочинным в отправлении их обязанностей, как приличествует католическим королям, коими вы всегда были, чтобы таким

Untitled

образом заслужить прославление у Бога и людей. Дано в Риме, у Св. Петра под перстнем рыбака, 29 января 1481 года, папства нашего в одиннадцатый год". Здесь штемпель.

Примечание. Подлинник этого бреве находится в Мадриде, в собрании булл и бреве, сохраняемом в архиве верховного совета главной инквизиции. Другие документы, следующие непосредственно за этим, хранятся там же.

<> II <>

Бреве папы Сикста IV от 10 октября 1482 года, адресованное королям Фердинанду V и Изабелле. Верховный первосвященник говорит, что после подписания бреве от 17 апреля того же года с предложением инквизиторам Арагона, Каталонии, Валенсии и Майорки образа действий по отношению к лицам, заподозренным в ереси, кардинал Борджиа представил ему, что раздается много жалоб на судопроизводство этого рода и что короли желают по этой причине упразднения его. Его Святейшество хочет, чтобы инквизиторы строго держались норм уголовного права, пока не получат другого приказа.

(Перевод с латинского)

"Возлюбленнейшему во Христе сыну нашему Фердинанду, светлейшему королю Кастилии, Леона и Арагона. Сикст, папа четвертый. Возлюбленнейший во Христе сын наш! [Посылаем тебе] приветствие и апостольское благословение. Достопочтенный брат наш Родриго, епископ Порто (Опорто), святой римской Церкви вице-канцлер и кардинал Валентинский, доложил нам относительно известного послания нашего, касающегося

Untitled

предмета инквизиции еретической испорченности, отправленного нами в пятнадцатые календы мая, папства нашего в одиннадцатый год, и начинающегося словами: "Господнего стада, вверенного нашей охране божественной промыслительной милостью". Этим [посланием] мы приказывали благочинным и инквизиторам, избранным в королевствах Арагон, Валенсия и Майорка и в княжестве Каталония, вести дела против виновных в этом преступлении по указанным способу и форме и разбирать их. [Кардинал доложил нам], что там возникли, не без неприятности для тебя, разные протесты и жалобы и что поэтому Твое Величество сильно желает, чтобы вышеозначенное послание было нами исправлено и изменено. Мы же так и ответили вице-канцлеру, хотя издали это послание по совету нескольких достопочтенных братьев наших, святой римской Церкви кардиналов, свыше избранных через нас; однако, желая, насколько возможно с Божией помощью, угодить Твоему Величеству и предотвратить подобные жалобы, решили, как только означенные кардиналы, удалившиеся вследствие опасности чумы, вернутся в город, поручить им пересмотреть дело и снова внимательно разобрать его, чтобы, все приняв в соображение и зрело обдумав, если потребуется в означенном послании что-либо исправить, переменить или видоизменить, тем же собранием было исправлено, переменено или видоизменено. А пока, чтобы из-за этого послания не замедлялось столь святое и необходимое дело, мы приостанавливаем действие вышеозначенного послания во всем его объеме, так как существуют противоречия и несоответствия с уголовным

Untitled

правом. Тем не менее мы приказываем вышеназванным инквизиторам, чтобы, не встречая препятствия в означенном послании, они продолжали [исполнять] свои обязанности против виновных в этом преступлении; как в ведении дела, так и в разборе его они должны строго держаться решений святых отцов и нормы уголовного права в отношении этого преступления, пока не последует от нас иного приказа на этот счет, которое мы через другое наше послание, присоединенное к настоящему, даем тем же инквизиторам. Дано в Риме, у Св. Петра под перстнем рыбака, 10 октября 1482 года, папства нашего в двенадцатый год". Здесь штампель.

Примечание. Если бы распоряжения этого бреве соблюдались, не было бы повода ни к малейшей жалобе, потому что доносчики и свидетели были бы известны; процесс против обвиняемых был бы публичным; узники могли бы сообщаться свободно со всеми, ответив сначала на допросе, и все происходило бы, как в церковных судах епархиальных благочинных. Но это бреве не имело никакого результата, потому что, когда органические законы инквизиторского судопроизводства были отредактированы в Севилье в 1484 году инквизиторами, которые поместили в них много статей, противоречащих уголовному праву, Фердинанд и Изабелла допустили их применение без всякого рассмотрения. Бреве, о котором говорится здесь как об адресованном инквизиторам находится в собрании Лумбреры, кн. 1, раздел 7, э 1, лист 128. Но там нет бреве, упоминающегося как посланное 17 апреля того же года и подавшего повод к жалобам, о которых здесь говорится. Его содержание совершенно

Untitled

неизвестно. Однако текст второго бреве достаточно ясно обнаруживает, что распоряжения его противоречили уголовному праву. Мы не лучше осведомлены о результате совещаний папы с кардиналами, когда они вернулись в Рим. Но случившееся не доказывает, чтобы решено было что-либо благоприятное, так как самое бреве, о котором здесь идет речь и которое приказывает тщательно сообразоваться с уголовным правом, не соблюдалось 6 продолжение многих лет, а Фердинанд постановил в 1485 году, чтобы севильские инструкции, составленные в 1484 году, были приняты к исполнению как в Арагоне, так и в Кастилии.

<> III <>

Бреве папы Сикста IV от 23 февраля 1483 года. Его Святейшество уведомляет королеву Изабеллу о некоторых делах, о которых она писала ему: 1) об управлении архиепископством Толедским; 2) об управлении епископством Осмы; 3) о желании государыни, чтобы дела новохристиан были поручены исключительно инквизиторам; папа признает в этом документе, что он сильно желает учреждения привилегированного трибунала инквизиции; 4) о препятствиях, чинимых в Сицилии для исполнения некоторых апостолических булл и бреве; он убеждает королеву обязать министров короля, ее супруга, прекратить их; 5) о сомнениях, испытанных королевой, когда она узнала, что среди ее подданных ходят слухи, будто она учредила инквизицию более по своекорыстным побуждениям, чем из любви к религии; папа в своем ответе старается успокоить совесть и сердце королевы; 6) о нарушении церковных иммунитетов, вследствие чего Его

Untitled

Святейшество жалуется, что министры королевы несколько раз присваивали себе не принадлежащую им власть, вмешиваясь в церковные дела, вопреки запрещающим это им буллам и бреве; 7) что касается дел инквизиции, папа обещает рассмотреть их в конгрегации назначенных для этой цели кардиналов.

(Перевод с латинского)

"Сикст, епископ, раб рабов божиих [227], возлюбленнойшей во Христе дщери нашей Елизавете, светлейшей королеве Кастилии, Леона и Арагона, [шлет] приветствие и апостольское благословение.

Достопочтенный брат Родриго, епископ Порто (Опорто), кардинал Валентинский, святой римской Церкви вице-канцлер, уже давно представил нам письмо, писанное твоей рукой. На него мы не отвечали до сих пор, потому что, ввиду недомогания в эти дни, мы решили прочесть его в другое, более удобное время, а пока оно хранилось у самого вице-канцлера. Вернувшись к нам, он все старательно прочел нам. Мы приняли все благосклонно.

Мы очень довольны, что в управлении толедской Церковью угодили Твоему Высочеству, на что мы, согласно общему желанию, насколько возможно с Божией помощью, не откажемся согласиться.

Мы уже знаем из других твоих писем, что будет приятно твоей светлости и возлюбленнейшему во Христе сыну нашему, королю, светлейшему супругу твоему, управление Церковью Осмы возлюбленным сыном нашим Рафаэлем, кардиналом-диаконом церкви Св. Георгия на Велабре (*ad velum aureum*), о чем ты пишешь теперь. Мы не

Untitled

сомневаемся, что это управление, как для нас, так и для самого кардинала, будет впредь еще приятнее вследствие его особенного почтения к вашим светло-стям. О

Франсиске Ортисе, которого ты хочешь оттуда удалить, знай, что мы никогда не думали, чтобы кто-либо, вашей светлости противный или подозрительный, пребывал там. Поэтому, чтобы угодить твоему желанию, мы вызываем его к себе, как просишь, другим нашим бреве, приложенным к настоящему (копию коего, сюда вложенную, мы посылаем тебе).

Что касается до дела новохристиан (neophitorum), которое ты хочешь поручить только назначенным инквизиторам, мы рассмотрели все, что ты писала об этом предмете по порядку, точно и благоразумно. Самое письмо полно благочестия и особенного благоговения к Богу. Мы весьма рады, возлюбленнейшая дочь по сердцу нашему, что в этом деле, столь желанном нам, Твое Высочество прилагает столько старания и усердия. Мы всегда пытались, жалея об их безумии, употреблять нужные средства против этого пагубного недуга.

Замечая, что подобная зараза приобрела силу в Сицилии, мы уже давно приняли меры посредством разных булл, посланных туда, против этого вероломного и преступного рода людей. Но королевские магистраты оказывают противодействие, о чем мы считаем [нужным] поставить тебя в известность, и поэтому все, сверх нашего ожидания, затруднено. Наши распоряжения не могли, как следовало, возыметь никакого действия, что нам было, конечно, весьма тяжело. А теперь, когда стало хорошо известно твое задушевное и благосклонное желание, нам весьма

Untitled

приятно, что ты в своих королевствах, отомстив за оскорбление Божиего величества, с таким усердием и благочестием удовлетворишь желание наше. В самом деле, возлюбленнейшая дочь, зная, что твоя особа по божественной милости отмечена многими царственными добродетелями, мы более всего восхваляем твое благоговение к Богу, привязанность к истинной вере и твердость; поэтому, одобряя и благословляя твое святое намерение, настоятельно увещеваем и просим твою светлость: умножи усердие к этому делу, чтобы порча не разрасталась дальше в твоих королевствах. После наших распоряжений, ранее изданных и имеющих быть изданными, к которым требуется твое особенное расположение, с любовью восприми дело Бога, которому ты ничем иным не можешь более угодить.

Ты, кажется, боишься, что мы, может быть, думаем (когда ты стараешься сурово обращаться с теми вероломными [людьми], которые, оболгав христианское звание, Христа хулят, иудейским вероломством распинают и не хотят вернуться к единению), что [ты так поступаешь] более из жадности к земным благам, чем по ревности к вере и к католической истине и по страху Божию, то будь вполне убеждена, что у нас никогда не было никакого подозрения на этот счет. Если и бывало, что некоторые для прикрытия этих преступлений многое [нам] нашептывали, однако, ничто неблагоприятное о благочестии твоём или светлейшего супруга твоего, славного и возлюбленнейшего сына нашего, не могло убедить нас. Известна нам искренность и благочестие ваше и благоговение к Богу. Мы не веруем всякому духу. Посторонним жалобам мы

Untitled

подставляем уши, но не душу.

А что ты просишь относительно инквизиторов, так это дело очень важное и нужно заблаговременно удовлетворить твоему желанию; мы привлечем нескольких из достопочтенных братьев наших, святой римской Церкви кардиналов, которым поручим это дело для внимательного рассмотрения; по их совету мы с Божией помощью попытаемся все исполнить. А пока, возлюбленная дочь, пребывай в добром расположении и продолжай это благочестивое дело, Богу и нам угоднейшее, с привычной набожностью и усердием. Твердо знай, что Твоему Высочеству не будет отказа ни в чем, что подобающим образом может быть нами исполнено.

Не без изумления, однако, мы узнаем из достоверного донесения (что, как мы полагаем, произошло не по намерению твоему или славного возлюбленного сына нашего, но [по мысли] ваших министров, которые, позабыв страх Божий, запускают серп в чужую жатву), что церковные вольности и иммунитеты нарушаются в означенных королевствах разными новшествами; что исполнение наших распоряжений и апостольских повелений затрудняется или замедляется некими королевскими указами без всякого опасения церковных кар. Об этом мы сочли нужным написать твоей светлости (так как это нам очень тяжело и не соответствует ни вашему обыкновению и обычаю, ни вашему к нам и апостольскому престолу почтению и справедливому отношению). Поэтому мы увещеваем и ставим на вид, что следует избегать этих кар, угрожающих каждому верному, как приличествует вашему благочестию. Да не допустится

Untitled

нанесение оскорбления нам и этому святому престолу. Позаботься, чтобы вольности и права апостольские, которые достойные предки твои с большой для них славою старались охранять и расширять, во время [правления] Твоего Высочества не были нарушены или сужены. Господь, власти коего подчинены сами короли, при содействии благодати апостольского престола, да направит желания твои и даст благополучие потомству и делам твоим; и все будет успешно для Твоего Высочества, шествующего правым путем. Дано в Риме, у Св. Петра, в год от воплощения Господня 1483-й, в седьмые календы марта, папства нашего в двенадцатый год".

Примечание. В этом бреве замечательно, что папа признается, что сильно желает учреждения инквизиции в Кастилии, а кастильский народ приписывает это стремление жадности своих государей и соображению о конфискации; римская курия мягко и любезно ведет себя с королевой, чтобы успеть распространить папскую власть на Кастилию и Сицилию.

<> IV <>

Булла Сикста IV от 2 августа 1483 года. Папа вспоминает о жалобах жителей Севильской епархии на инквизиторов и говорит, что, хотя он назначил архиепископа Севильского апелляционным судьей, эта мера не прекратила зла, что многие лица, обратившиеся к Его Святейшеству, получили отпущение при наложении тайной епитимьи и что в пользу их был издан указ, приостанавливавший начатые инквизиторами процессы, восстановивший в правах владения тех, кто был лишен имущества, и вернувший им право на получение почестей, даже в том случае, когда их

Untitled

статуи были сожжены и они были осуждены за отсутствие, бегство или упорство; инквизиторы не считались ни с этим указом, ни с тайным отпущением, дарованным обвиняемым, вследствие чего бедствия растут ежедневно. Поэтому Его Святейшество повелевает: 1) чтобы все процессы, возбужденные против апеллировавших на действия инквизиторов, были посланы в Рим для разбора трибуналом аудиторов апостолической камеры; 2) чтобы архиепископ или епископ, к которому явятся кающиеся еретики с просьбой об отпущении греха ереси, даровал им эту милость, наложив на них тайную епитимью; 3) чтобы еретики, получившие это отпущение, не были более тревожимы инквизиторами, которые должны будут оставить свои процессы в том положении, в каком они очутятся ко времени получения настоящей буллы; чтобы отнятое у них имущество было им возвращено и сами они были избавлены от клейма позора; 4) Его Святейшество просит королей Фердинанда и Изабеллу позволить этим подданным жить спокойно в Испании на их угодьях, с почестями, которыми они пользовались прежде. История должна сохранить вечное воспоминание о побуждении Сикста IV указать пользу тайных отпущений, которые, по его мысли, следует давать обвиняемым по делу религии. "Позор публичного покаяния, - говорит этот первосвященник, - приводит иногда грешников к ужасному отчаянию; таким образом, они предпочитают умереть в грехе, чем жить в бесчестии. Поэтому мы решили, что здесь следует поступать благоразумно и согласоваться с евангельским примером, возвращая в овчарню, посредством милости, этих заблудших овец".

Untitled

(Перевод с латинского)

"Сикст, епископ, раб рабов Божиих, для памяти впредь о деле.

Хотя намерение римского первосвященника, заведующего по божественному назначению служением священного апостольства, преимущественно клонится к тому, чтобы соблюдались постановления церковных законов и чтобы согласно их смыслу регулировались отдельные случаи, - однако часто наступают времена, нужды и дела, в коих подобает умерять суровость милостью привычной благосклонности. Сами постановления свидетельствуют, что правила святых отцов предаются по настоятельной нужде сообразно времени, месту, лицам и делам. Поэтому надлежит отказаться от порицания, если сам первосвященник, в связи с разнообразием событий, лиц, дел и времен, руководствуясь [сознанием] необходимости более, чем благочестием, [пользуясь] полнотою переданной ему чрез блаженного Петра власти, умерит строгость закона мягкостью апостольской кротости, ибо, будучи служителем милосердия Божия, он привык приходить на помощь падшим, чтобы надежда на вечную жизнь подкреплялась не только благодатью крещения, но и врачеванием покаяния, и чтобы те, кто осквернил дары крещения, осудив себя собственным судом, удостоились достичь отпущения своих преступлений.

Уже давно мы узнали из донесения возлюбленного во Христе сына нашего короля Фердинанда и возлюбленной во Христе дочери нашей королевы Елизаветы, светлейших [государей] Кастилии и Леона, что в разных городах, землях и местечках означенных

Untitled

королевств находятся люди, которые, по внешности ведя себя, как христиане, не убоились и не боятся соблюдать обряды и обычаи евреев и постановления и правила иудейского суеверия и вероломства, отступая по неверию от истины католической религии, ее богослужения и членов веры. Со дня на день так возрастала неверность этих иудействующих, что последователи ее не страшились других обращать в иудейство и привлекать к разным заблуждениям относительно католической веры.

Тогда мы даровали вышеназванным королю и королеве через наши послания право назначать инквизиторов (согласно местной надобности) против этих отступников, уклоняющихся от веры. Они назначили инквизиторами в городе Севилье и его епархии возлюбленных чад Мигуэля де Морильо, магистра, и Хуана де Сан-Мартина, бакалавра богословия, монахов ордена братьев проповедников.

Затем тех же Мигуэля и Хуана, которые до тех пор в городе Севилье и его епархии трудились на службе инквизиции против иудействующих, мы, по совету братии наших, по соизволению нашему и апостольского престола, апостольской властью избрали инквизиторами в королевствах Кастилия и Леон для преследования сторонников иудейского суеверия и других лиц, оскверненных пагубой какой-либо еретической испорченности. [Мы даровали им] полную власть возобновлять и доводить до конца начатые ими раньше процессы, которые они вели по закону и праву, вместе с местными благочинными и судьями, вести их согласно формам, установленным законом, и предпринимать и вести другие дела против виновных в какой-либо

Untitled

еретической испорченности и их пособников. [Мы разрешили им] также действовать согласно постановлениям священных канонов, приказывать и исполнять все вообще и в частности, что относится к службе инквизиции еретической испорченности. Мы решили, что, если инквизиторы и вышеозначенные благочинные и судьи окажутся небрежными или халатными в исполнении своих обязанностей, они навлекут на себя определенные церковные кары, а также лишение управления и заведования своими церквами, как мы определили и постановили в другом нашем послании. Постепенно мы также узнали, что некоторые, против коих вышеназванные инквизиторы вели процессы, подали апелляции к апостольскому престолу на причиненные им, как они утверждали, в этих процессах притеснения, и добивались разбора этих апелляций в римской курии, и часто достигали этого; [добивались] через комиссаров [приказаний] вышеназванным инквизиторам воздерживаться от ведения процессов этого рода, так как против них возникали апелляции; тех же самых инквизиторов и инициаторов этих дел или попечителей веры, в этих землях уполномоченных, старались привлечь как свидетелей к расследованию апелляционных дел и привлекали, чем замедлялась упомянутая служба инквизиции. Тогда мы апостольской властью устроили, постановили и уполномочили, по соизволению нашему и апостольского престола, достопочтенного брата нашего Иньиго, архиепископа Севильского, избранным судьей всех вообще и в частности апелляционных дел, как представленных апостольскому престолу, так и тех,

Untitled

которые впредь могут быть представлены кем-либо и когда-либо по делу инквизиции еретической испорченности в вышеназванных королевствах. [Мы даровали ему] полную власть расследовать нашим именем и заканчивать только должным образом все дела по апелляциям, как уже представленным, так и тем, которые будут представлены, ему самому или кому другому, как ему будет угодно, чтобы без особого поручения всякие дела по апелляциям, представленные и поступившие к аудиторам суда апостольского дворца, или другим судьям, уполномоченным в римской курии или вне ее, свободно и законно имел силу (в глазах как апеллянтов, так и попечителей католической веры на местах и инициаторов уголовных дел в церковных судах) должным образом принять и вести дальше и те, которые будут вновь представлены, самолично или через другого, как было сказано, выслушивать, расследовать и определять им должное окончание. Их состояние и содержание, а также имена и фамилии аудиторов и судей, расследующих эти дела, и светских и духовных лиц, которых это касалось, их сан и отличия церковные и мирские, которыми они пользовались, нам были точно известны, и мы по собственному побуждению из нашей любознательности их вытребовали.

Что касается возможности апеллировать на самого архиепископа Иньиго (и на тех, кому он в апелляционных делах передал свои полномочия для выслушания и расследования их) до или после произнесенного архиепископом Иньиго приговора в этих апелляционных делах (как и на нас, кого замещал архиепископ Иньиго и

Untitled

его уполномоченные, представлявшие нашу особу), то мы апостольской властью постановили, что на окончательный приговор, произнесенный по делу о ереси, апелляция невозможна.

Чтобы в процессах и делах о ереси против жителей города Севильи и его епархии апеллянты в дозволенных законом случаях, под предлогом, что означенный архиепископ Иньиго вступается напоследок как церковный судья, не лишились судьи, который выслушал бы эти апелляционные дела, мы решили, что означенный архиепископ Иньиго в делах инквизиции еретической испорченности против подчиненных его церковной юрисдикции может применять свою юрисдикцию сколько раз придется вместе с вышеназванными инквизиторами не сам лично, а через своего церковного судью.

Апелляционные дела, которые этому церковному судье случится представить в дозволенных законом случаях, он, как апостольский уполномоченный, может выслушивать, расследовать и должным образом заканчивать, в силу нашего послания, пока он призван им к этому делу инквизиции.

Сверх того мы отменили все вообще и в частности привилегии, дарованные нами и апостольским престолом крещеным евреям или происходящим от еврейских предков касательно примирений и отречений от ереси, произведенных не по законной форме. Это полнее изложено в особом вышеозначенном послании нашем, смысл коего мы точно передаем в настоящем.

Когда же до нашего сведения дошли серьезные опасения граждан и жителей города Севильи и его епархии, как бы в

Untitled

задержанных и порученных делах этого рода строгость не перешла границ закона, и ввиду этого не безопасен доступ к ведению этих дел; что, хотя очень многие из граждан обоого пола из города Севильи и его епархии (которые и были найдены виновными в преступлении ереси и отступничества, и ославлены), искренне обратившись, получили разные послания отпустительные, оправдательные, восстановительные и содержащие нечто другое, необходимое в этих обстоятельствах, выданные либо нашим епитимийным судом, либо с нашего особого и специального одобрения, причем некоторые из них были выпрошены как подлежащие исполнению в римской курии и вне ее, а некоторые остаются еще нерешенными. Однако, несмотря на это, инквизиторами и благочинным или его уполномоченными против лиц, получивших отпущение или в силу этих посланий могущих и долженствующих получить отпущение и восстановление в правах, тянется до сих пор процесс, и он ведется ежедневно, к позору получивших отпущение или долженствующих получить его и кающихся, причем несколько статуй с их именами было сожжено светским судом. Итак, принимая во внимание, что, при содействии божественной благодати, как и раньше, так особенно в настоящее время, в римской курии находится очень много людей, искусных во всех науках, а особенно в богословии, каноническом праве и других областях знаний, преимущественно апостольского дворца, которые могут благоразумно, точно, осторожно и проницательно все понять, рассмотреть, разобрать, справедливо и беспристрастно регулировать, мудро обсудить, решить и

Untitled

умело определить, и уврачуют нашу совесть, так как нашу душу волнуют как эти дела, так и некоторые другие, - мы, по собственному побуждению (*motu proprio*), (не по просьбе, принесенной гражданами или кем другим, но по нашей исключительно воле), желая примешать к строгости милость, получив точное извещение, апостольской властью по смыслу настоящего послания снова поручаем все вообще и в частности дела по апелляциям на притеснения, поступившие в означенную курию относительно образа действия инквизиции еретической испорченности, жалобы на ее судей, нами отклоненные, в том состоянии, в каком дела находились у них или у судей по этим отклоненным жалобам, - снова поручаем для ведения, выслушания, решения и окончания должным образом. При этом все, что этими судьями в означенных делах было решено, сделано и проведено судебным порядком, хотя бы они дошли до окончательного приговора или подошли к решению и определению, мы по собственному побуждению и своей властью подтверждаем и одобряем, так как они по справедливости постановлены, восполняя все недостатки права и факта, если таковые встретятся. Также по собственному побуждению, ведению и власти мы постановляем, решаем и объявляем и равным образом подтверждаем, что послания епитимийного суда по делам ереси и отступничества, до сих пор выданные и которые будут выданы впредь, никоим образом не подлежат и не должны подлежать отмене; что они и все их последствия имеют силу и должны во всем пользоваться полнотою силы в равной степени, как если бы они были выданы за нашей печатью.

Untitled

Иногда позор публичного покаяния доводит заблуждающихся до полного отчаяния, так что они предпочитают умереть в грехе, чем вести жизнь в бесчестии, мы сочли нужным прийти к ним на помощь и согласно евангельской заповеди вернуть погибающих овец в стадо истинного пастыря Господа нашего Иисуса Христа милостью апостольского престола.

По этой причине мы по собственному побуждению, ведению и власти повелеваем архиепископу Севильскому и другим достопочтенным братьям нашим архиепископам и епископам, как в римской курии, так и вне ее, в вышеозначенных и других государствах находящимся, под страхом запрещения в священнослужении в силу принесенной нам и апостольскому престолу присяги на верность и послушание, чтобы они допускали к тайному отречению [от ереси] всех вообще и в частности граждан города Севильи и его епархии, жителей обоего пола, прибегающих к кому-нибудь из них смиренно и с сердечным сокрушением и желающих тайно исповедать свои заблуждения, тайно отречься от них и от всякого рода ереси и отступничества и жить, как подобает католикам, хотя бы они были исповеданы, изобличены, публично или тайно обвинены, опозорены, заподозрены, увещеваемы, преданы суду или арестованы, или исполняли иудейские обряды и церемонии, или не указали виновных в этом преступлении, или побеждены испытаниями, или по признаниям некоторых лиц отмечены таковыми и заклеены позором, или вышеозначенными инквизиторами, ассистентом и благочинным или кем-либо другим объявлены еретиками и отступниками, или по

Untitled

произнесении окончательного приговора и по представлении светскому суду ввиду их отсутствия с подобающей торжественностью были сожжены их статуи, или иначе против них было строго поступлено, или остаются еще нерешенными их процессы, из которых очевидно явствуют их заблуждения. Пусть священники позаботятся об их спасительном и тайном покаянии и о благодеянии отпущения, и о содержании посланий великого пенитенциарного судьи (*majoris poenitentiarum*), дарованных или имеющих быть дарованными по особому повелению нашему, согласно форме и содержанию их и смыслу настоящего послания (в этом отношении мы даруем им полное право). Пусть они содействуют помощью действительной защиты получившим таковое отпущение, не допуская, чтобы кем-либо и чьей-либо властью по случаю прежних дел им причинялись неприятности, обуздывая противодействующих самолично или через других церковным наказанием или другим законным средством, не обращая внимания на апелляцию, призвав, если понадобится, на помощь светскую власть; пусть они подобающим способом позаботятся о самих получивших отпущение, как они найдут возможным похлопотать о них с помощью Божией для спасения душ и тел падших. Мы же для успеха этого отпущения и восстановления, которые будут получены в силу вышеназванного или настоящего [распоряжения] или уже получены как по теперешним, так и по прежним [повелениям], зачеркиваем, кассируем, аннулируем и повелеваем считать недействительными и небывшими все приговоры и процессы, вышеназванными инквизиторами, ассистентом и благочинным

Untitled

произнесенные и проведенные, и приказания об их исполнении, данные и долженствуемые быть данными светским судьям.

Строжайше воспрещаем под страхом законного наказания церковным особам, благочинному, ассистенту и инквизиторам и всяким другим судьям церковным и светским вступаться, оспаривать и истолковывать нерешенные дела по вышеназванным апелляциям, остающиеся в нашей курии, прямо или косвенно в ущерб нерешенной тяжбы, а также силу посланий великого пенитенциарного судьи, его власть и компетенцию, каким бы то ни было образом, под каким бы то ни было изобретенным предлогом. Мы объявляем недействительным и тщетным все иное, на что кто-либо вздумает покуситься вопреки этим приказаниям относительно вышесказанного при помощи какой-либо власти, сознательно или неумышленно, или угнетать их публично или тайно, прямо или косвенно; но пусть они считают их за настоящих католиков.

Сверх того, так как согласно мнению святых канонов во всех [нас] человеческое существо побеждается божественной природой, ибо только одно милосердие, как являет само человеческое естество, уподобляет нас Богу, именем Господа нашего Иисуса Христа просим и увещеваем короля и королеву, чтобы, подражая тому, кому всегда естественно миловать и щадить, они благоволили пощадить местных граждан города Севильи и его епархии, сознающих свое заблуждение и умоляющих о милосердии. Если в дальнейшем, как они обещают, они, пожелают проводить жизнь согласно истинной и правой вере, пусть

Untitled

последует им прощение, подобно полученному от Бога, и от Их Величества, чтобы они могли свободно по повелению Их Величества как в Севильи, так и в других городах и епархиях, королевствах и владениях короля и королевы с своим имуществом и - семьями пребывать, жить, проводить дни и ночи невредимо и безопасно, без всякого затруднения имущественного или личного, пока будут живы, как могли [всем этим пользоваться] до тех пор, как были подвергнуты бесчестию за преступление ереси и отступничество.

Этому не противоречат прежние послания и постановления и распоряжения апостольские, а особенно блаженной памяти Бонифация VIII, предшественника нашего, которыми предусматривается, чтобы никто не вызывался на суд вне своего города и епархии, кроме некоторых исключительных случаев, и в этих случаях не свыше расстояния одного дня пути от границ своей епархии; чтобы судьи, уполномоченные апостольским престолом, не думали вести процессов против кого-либо или иначе исполнять свои обязанности вне города и епархии, куда они назначены; и о двухдневном расстоянии пути, объявленном на Вселенском соборе, и о том, что, если кому-нибудь вообще или раздельно было прощено апостольским престолом, они не могут подлежать интердикту, или запрещению, или отлучению через посредство апостольских посланий, не заключающих полного и точного упоминания, слово в слово, об этом прощении.

Так как затруднительно доставлять это послание в отдельные места, в которых ему должно быть оказано

Untitled

доверие, апостольской властью определяем, чтобы этому документу, по скопировании его рукою какого угодно апостолического публичного нотариа и по снабжении печатью какого-либо епископа или главы церковного суда, оказывалось полное доверие, как подлинному, и оно имело бы силу, как будто подлинное послание было предъявлено и показано.

Итак, никому совершенно не дозволяется нарушать или с дерзновенной смелостью преступать эту страницу нашего поручения, подтверждения, одобрения, восполнения, устава, постановления, объявления, повеления, кассации, аннулирования, воспрещения, увещания, соизволения и решения. Если же кто вздумает на это покуситься, да будет ему ведомо, что он навлечет на себя неудовольствие всемогущего Бога и блаженных апостолов Петра и Павла. Дано в Риме, у Св. Петра, в год от воплощения господня 1483-й, в четвертый день августовских нон, папства нашего в двенадцатый год".

Примечание. Эта булла стала бесцельной почти в момент своего издания. Папа вскоре узнал, что Фердинанд V ею недоволен, и приостановил ее исполнение своим бреве от 13 августа 1483 года. См. том 1, глава V, статья 4.

<> V <>

Указ, опубликованный по приказанию Томаса Торквемады, первого главного инквизитора, 8 февраля 1492 года. Он заявляет, что узнал, будто некоторые лица, отмеченные как покинувшие христианскую религию и принявшие ересь евреев или Магомета, бежали в Гранадское королевство, чтобы жить там среди мавров или переехать в Африку, из-за страха, внушаемого им судопроизводством трибунала

Untitled

инквизиции. Поэтому он увещевает всех, кто пожелает вернуться в лоно католической Церкви, явиться лично к нему или его уполномоченным и добровольно признаться в совершенном ими грехе ереси или отступничества. Он обещает, что им будет даровано отпущение и тайное примирение, несмотря на возбужденные против них процессы и невзирая на все вынесенные приговоры, которые останутся без результата.

(Перевод с испанского)

"Мы, брат Томас Торквемада, [монах] ордена [братьев] проповедников, приор монастыря Святого Креста в Сеговии, духовник короля и королевы, наших государей, и главный инквизитор во всех их королевствах и владениях против еретической испорченности, назначенный и уполномоченный святым апостольским престолом. Мы узнали, что некоторые христиане, мужчины и женщины, из королевств и владений Их Высочеств переехали по причине инквизиции в Гранадское королевство, по наущению дьявола и некоторых злонамеренных лиц, пребывая в грехах и заблуждениях ереси и отступничества, в которых они живут и которые совершили, и опасаясь притеснений и наказаний от нас и от инквизиторов, нами уполномоченных. По этим причинам одни из вышеназванных лиц поскорее уехали, а другие намереваются уехать, жить и пребывать в своих заблуждениях и ослеплении. Мы извещены, что означенные лица или некоторые из них пришли бы исповедать свои заблуждения и ослепление, примириться с матерью святой Церковью, если бы могли быть освобождены от наказаний и начатых или угрожающих им

Untitled

процессов; наше желание всегда было и есть - собрать души ближних, которые, согрешив, пребывают в грехе и погибают и отделяются от нашей святой католической веры, - сообразуясь с нашей матерью, святой Церковью, которая всегда держит свое лоно открытым, готовая принять тех, кто желает ей подчиниться и приходит, исповедуя свои вины с сокрушением и раскаянием, прося у нее прощения и исполняя епитимью с намерением исправиться и не возвращаться к прежним заблуждениям, - и применять к таковым милосердие, а не строгость, - мы настоящим [указом] гарантируем всем лицам, которые, как сказано, совершили преступления и проступки ереси и отступничества и по этой причине переехали в Гранадское королевство или в другие местности, или намереваются туда переехать, или превратились в мавров или евреев, или ренегатов нашей святой веры по дьявольскому наущению, не боясь ни Бога, ни опасности для своих душ, к великому соблазну для верных христиан и унижению нашей католической веры, - что они могут прийти и пусть приходят свободно и не опасаясь к нам или к лицу и лицам, которых уполномочиваем, исповедаться в своих заблуждениях и примириться с матерью святой Церковью, удостоверяя их, что, если они придут, мы примем их с тайным примирением их преступлений и проступков, благосклонно и сострадательно, налагая на них такие епитимьи, которые будут спасительны для их душ, применяя к ним всю кротость, какая у нас есть и может быть, не ставя препятствием возбужденные против них процессы, последовавшие приговоры или возложенные на них наказания. В свидетельство этого, так как мы не

Untitled

находимся в таком состоянии здоровья, которое позволяло бы настоящий [указ] подтвердить нашим именем, мы просим членов совета, которые занимаются делами, касающимися святой инквизиции, подтвердить его их подписью и закрепить печатью святой инквизиции. Мы поручаем нижеписавшему нотарию, секретарю нашему, контрассигнировать его, чтобы удостоверить. Дано в городе Санта-Фе, 8 февраля, в год от Рождества Спаса нашего Иисуса Христа 1492-й. Франсиско, доктор, декан толедский. Фелипе, доктор. По приказанию Его Преподобия, Хуан де Ревенга, апостолический нотариус и секретарь.

Имеется малая печать, на которой [изображен] четверо-конечный крест в таком виде: +. Первая четверть не содержит никакого знака; на второй (правой) находится буква P, а на нижних две буквы S и C. Кругом [идет надпись] готическими буквами, гласящая: "Вымыслы человеческие ненавижу, а закон твой люблю" ["Iniquos odio habui, et legem tuam dilexi"], из псалма CXVII, стих 113-й".
Примечание. Этот указ был выпущен в Санта-Фе, городе, соседнем с Гранадой, королевство коей было покорено за несколько дней до даты этого указа. В Гранаде было найдено бесчисленное множество новохристиан, бежавших из королевств Севилья, Кордова и Хаэн, переменявших свое жительство из страха перед инквизицией.

Предполагали, что после перехода королевства Гранада во власть Фердинанда и Изабеллы, все бежавшие туда семейства переправятся в Африку. Это соображение и явилось мотивом опубликования указа. Однако вопреки обещанию прощения многие лица через несколько

Untitled

времени подверглись казни и конфискации имущества как снова впавшие в заблуждения, от которых они отреклись по опубликованию указа.

Я замечу по этому случаю, что на печати был вырезан четвероконечный крест с буквами P, S, C, которые служат инициалами слов: приор Святого Креста (Prior Sanctae Crucis), потому что Торквемада был приором доминиканского монастыря Св. Креста в городе Авиле.

Печать инквизиции, придуманная гораздо позднее, представляет собой зеленый продолговатый крест, меч, масличную ветвь и надпись: "Воскресни, Господи, и суди Твое дело" ("Exurge Domine, et judica causam tuam").

Инквизиторы воображают, что они действуют во имя Бога, когда они разбирают процессы по делу ереси, даже когда они присуждают к релаксации, за которой всегда следует сожжение вопреки диаметрально противоположной воле Иисуса Христа.

<> VI <>

Письмо королей Фердинанда и Изабеллы от 12 сентября 1492 года к Родриго дель Меркадо, комиссару, посланному в округ епархии Толедо, чтобы вступить во владение имуществом евреев, изгнанных из этой части королевства. Государи пишут ему, что им стало известно, будто некоторые лица переправили из королевства золото, серебро, чеканенную монету и другие предметы, принадлежавшие евреям, изгнанным из Испании, и что другие держат их у себя для той же цели. Они приказывают ему не пренебрегать никакими средствами, чтобы всем завладеть и вчинить иск к виновным.

(Перевод с испанского)

Untitled

"Король и королева - Родриго де Меркадо, нашему рехидору города Медина-дель-Кампо, мы вам посылаем письмо, которым повелеваем, чтобы в архиепископии Толедской вы произвели розыск о лицах, которые, вопреки запрету, вывезли из королевств богатства, золото, серебро, монету и другие запрещенные предметы, принадлежавшие евреям, изгнанным по приказу нашему из названных королевств, или хранят их при себе для вывоза. Вы должны вчинить иск против виновных по известной форме и секвестровать всякое имущество означенны?: евреев, которое найдете, согласно всему объему приказания нашего, которое вам посылаем. И так как имеет большое значение для нашей службы, чтобы это немедленно было приведено в исполнение, мы повелеваем: как только вы получите [это письмо], отправляйтесь на дело, действуйте и со всем усердием приводите в исполнение наше распоряжение. Мы доверяем вам, вы окажете нам большую услугу. И немедленно известите нас о том, что вы сделаете. Из Сарагосы, 12 сентября [14] 92 года. Я король. Я королева. По приказу короля и королевы Фернандо Альварес".

Примечание. Это письмо скопировано с подлинника, хранящегося в Мадриде в королевской библиотеке, полка Н 3, стр. 362 тома, содержащего несколько неизданных писем.

Здесь открываются отчасти мотивы, побудившие этих государей декретировать изгнание евреев, о чем говорится во введении к этому труду.

Королевский указ, выпущенный 2 августа 1498 года. В нем короли Фердинанд и Изабелла объявляют, что до их

Untitled

сведения дошло, что некоторые лица, приняв крещение, вернулись к Моисеевой религии; инквизиторы привлекли их к суду и осудили по всей справедливости как еретиков; но виновные, бежав из королевства, получили отпущение или разрешение на разбор судебного дела другими судьями, неинквизиторами. Короли полагают, что все случившееся способствует утверждению виновных в их заблуждениях. Они не должны терпеть этого как противного благу и интересу католической религии. Вследствие этого Фердинанд и Изабелла запрещают виновным навсегда возвращение в Испанию под страхом смерти и конфискации их имущества. Для того чтобы их воля была точнее исполнена, они даруют треть имущества, которое будет конфисковано, доносчику и другую треть судье, который постановит окончательный приговор, оставляя для государственной казны только одну треть. Они настаивают на быстром исполнении этих двух мер даже в том случае, если бы лица, вернувшиеся в Испанию и арестованные, представили удостоверение в отпущении и примирении, изъятия из юрисдикции инквизиторов, охранные грамоты и другие документы, какого бы свойства они ни были. При этом они повелевают, чтобы судьи, не исполнившие этого указа со всей строгостью, подвергались тем же наказаниям, а равно и те, кто будет стараться укрыть виновных или покровительствовать им вместо того, чтобы доносить на них.

(Перевод с испанского)

"Фердинанд и Изабелла, милостию Божией король и королева Кастилии, Леона, Арагона, Сицилии, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Кордовы,

Untitled

Корсеги, Мурсии, Хаена, Альгарвии, Альгесираса, Гибралтара, Канарских островов, граф и графиня Барселоны, государи Бискайи и Молины, герцоги Афин и Неопатрии, графы Руссильона и Серданьи, маркизы Ористан и Госиано, - членам нашего совета и аудиторам наших судов, алькальдам, альгвасилам уголовного суда, судебной палаты и апелляционного суда и всем коррехидорам, городским судьям, алькальдам, альгвасилам и другим судьям всех городов, городков и местечек наших королевств и владений, и каждому из вас в ваших местностях и судебных округах, кому будет предъявлен этот наш указ или его копия, подписанная публичным писцом, - привет и милость. Знайте, что инквизиторы еретической испорченности, назначенные и уполномоченные нашим святейшим отцом и получившие от них полномочия по передоверию (subdelegados), в наших королевствах и владениях, отправляя службу инквизиции, увидели, что многие лица, откинув страх Божий, имея звание христиан, получив воду Святого Духа, переменились и вернулись к исполнению обрядов и церемоний евреев, соблюдая Моисеев закон и его обряды и церемонии, веруя в спасительность его, и совершили другие проступки и грехи против нашей святой католической веры, за что эти лица означенными инквизиторами законно и правильно объявлены и осуждены как еретики-отступники, отклонившиеся от нашей святой католической веры, причем они были переданы в руки светского правосудия и должны получить наказание, которого заслуживают своими серьезными проступками. Вследствие этого некоторые из них

Untitled

удалились и бежали, удаляются и бегут из наших королевств и владений, так что нельзя было и теперь нельзя привести в исполнение приговор уголовного суда о них, и они отбыли и отбывают в другие страны, где при помощи лживых и подозрительных рассказов и других недозволительных форм и средств получили и получают тайно изъятия, отпущения, разрешения, охранные грамоты и другие привилегии с целью избежать наказаний, которые они навлекли на себя, и пребывать, как пребывают, в тех же самых заблуждениях, и покушаются опять вернуться в наши королевства и владения, чтобы жить и пребывать в них, отчего (если бы это произошло) последовали бы плохая служба Богу и соблазн душ верных христиан. Поэтому, желая искоренить это большое зло из наших королевств и владений по долгу к нашему Господу Богу и нашей святой католической вере, мы повелеваем означенным лицам, осужденным инквизиторами или имеющим быть осужденными, и каждому из них в отдельности не возвращаться в наши королевства и владения никаким путем и никоим образом, ни по какому делу или поводу, под страхом смертной казни и потери имущества. Мы желаем, чтобы они за это деяние подверглись указанному наказанию и чтобы третья часть их имущества шла в пользу их обвинителя, третья часть судье, а остальная третья часть поступала в нашу казну. Поэтому мы повелеваем вам, нашим судьям, и каждому из вас в ваших местностях и судебных округах, чтобы всякий раз, как узнаете, что какое-либо из вышеозначенных лиц находится в какой-нибудь местности нашей юрисдикции, не дожидаясь другого извещения, вы отправились туда, где

Untitled

пребывает это лицо, арестовали его и сейчас же без промедления привели в исполнение относительно его личности и имущества наложенные нами наказания, по сказанному, несмотря ни на какие изъятия, примирения, охранные грамоты и другие привилегии, которые они принесут: все эти бумаги в данном случае не могут им помочь [избавиться от] означенных наказаний. И это мы повелеваем вам сделать и исполнить под страхом потери и конфискации всего вашего имущества, и тому же наказанию подвергнутся все другие лица, которые примут или скроют преступников или будут знать, где они находятся, и не сообщат вам, нашим судьям. Мы повелеваем принцам, герцогам, маркизам, графам, прелатам, дворянам, магистрам орденов, приорам, командорам и помощникам командоров, начальникам замков и крепостей и всем членам городских советов, судьям, рехидорам, рыцарям, оруженосцам, чиновникам инквизиции, третейским судьям всех городов и городков наших королевств и владений и всем другим лицам всякого звания, состояния, положения, ранга и сана, и каждому из них, чтобы, если для означенного действия, совершения и исполнения вы будете нуждаться в помощи и покровительстве, они вам оказали всяческую помощь и покровительство, которых будете просить и в которых будете нуждаться, без отказа и промедления, под страхом наказаний, которые вы от нашего имени на них наложите и которые мы настоящим указом налагаем и считаем наложенными. Для действия, совершения и исполнения сказанного во всем объеме и в каждой части его мы даем вам полную власть со всеми следствиями, зависимостями,

Untitled

случайностями, побочными правами и обстоятельствами. Чтобы все вышесказанное было публично и общеизвестно, мы повелеваем, чтобы этот наш указ (carta) был провозглашен на площадях и рынках и других людных местах городов, городков и местечек наших королевств и владений голосом герольда и в присутствии публичного писца, чтобы он дошел до сведения всех и никто, ни один человек не мог бы сослаться на неведение его и никто не делал этого. Дано в городе Сарагосе, 2 августа, в год от Рождества Спаса нашего Иисуса Христа 1498-й. Я король. Я королева. Я Мигуэль Перес де Альма-сан, секретарь короля и королевы, наших государей, написал это по их приказу".

Примечание. Этот указ скопирован с первого тома писем совета инквизиции, стр. 31. Я говорил о нем в первом томе. Отпущения, изъятия и прочее, о чем идет речь, были дарованы папой, но его имя старательно обойдено молчанием, и даже город Рим не упомянут. Какие следствия можно из этого извлечь? Донос не только терпим, но вознаграждается и даже повелевается под угрозой смертной казни и конфискации.

Самим судьям угрожают те же наказания, если они будут повиноваться папе в делах инквизиции, когда Его Святейшество своими буллами встанет в оппозицию испанским инквизиторам.

<> VIII <>

Письмо Хуана де Лусены, члена королевского совета Арагона, к королю Фердинанду V, писанное 26 декабря 1503 года. Он докладывает монарху о противоречии между законами и поведением сарагосского инквизитора

Untitled

(Фернандо де Монтемайора, архидиакона Альмасана, бывшего потом членом верховного совета инквизиции) по поводу процесса брата автора этого письма. Он указывает монарху, что этот инквизитор позволяет себе руководствоваться самыми гнусными страстями. Он не сомневается, что процесс имеет причиной лжесвидетельства, доставленные сторонниками евреев с целью повредить его брату, для изгнания коих он много сделал, как и для секвестра их имуществ и взыскания скрытых или обманным образом отчужденных. Он сообщает королю, что Монтемайор пренебрегает буллами, выпущенными папой в пользу обвиняемого для изъятия его дела из юрисдикции инквизитора и для приведения в исполнение окончательного приговора, который при прежнем инквизиторе освобождал его от суда. Он напоминает об услугах, оказанных им и его семейством Его Величеству, и говорит об этом достаточно, чтобы дать понять, что было бы ужасной неблагодарностью позволить инквизитору злоупотреблять своим служением для преследования безупречных людей, которые наилучшим образом служили религии и государю. Он касается также дела конфискации имущества осужденных.

(Перевод с испанского)

"Высочайший и могущественный государь, король и господин! Этот инквизитор {Фернандо де Монтемайор, архидиакон Альмасана, бывший потом членом совета инквизиции.} после того, как арестовал моего брата, держал и держит его до сих пор заключенным в такой тесной тюрьме, что не бывает теснее. Он не позволяет ни мне, ни моим сыновьям, ни какому-нибудь другому

Untitled

родственнику или постороннему лицу [посещать] даже в его присутствии; он даже не согласился разрешить мне лично явиться к нему для ведения этого дела. Эта суровость как нельзя более далека от всякого закона. Я, государь, видя пристрастие этого судьи и зная, что он всегда был недоброжелателен ко мне безо всякой причины, разве той, что я жил вне его юрисдикции, когда он желал иметь меня и моих близких под своей властью, - в присутствии его произвел следующее: принимая во внимание, что (как Ваше Высочество знает) по вашей воле и декрету я вместе с братьями и сестрами изъят из юрисдикции его и всякого другого инквизитора, и видя, что до сих пор этот инквизитор ни разу мне не объяснил, какою властью он ведет дело против моего брата и взял в свои руки этот процесс, я представил ему буллы об изъятии и потребовал освобождения моего брата из тюрьмы и отмены инвентаризации его имущества (так как он этого не мог знать). Он согласился на апелляцию моего брата к нашему святейшему отцу, Я решил апеллировать к епископу {Этим епископом был дом Диего Деса, главный инквизитор, тогда епископ Паленсии, а потом архиепископ Севильи.}, если он не против изъятия. Он ответил на апелляцию (то, что должен был раньше ответить на ходатайства, поданные моим братом), что, как апостолический комиссар, он знает и понимает, как следует вести процесс, поручив продолжать его дело. В таком положении находится дело моего брата. Я, государь, полагаю, что никаким апостолическим поручением означенное изъятие не отменимо. Я считаю это его поручение вводящим в заблуждение, принимая во

Untitled

внимание оговорки означенного изъятия и его форму. Поэтому я счел нужным защищать его и настаивать на нем, испросив у папы разрешения на эту апелляцию. По этой причине я умоляю Ваше Высочество милостиво пожаловать мне письмо к вашему послу и к папе, чтобы он обеспечил то, что будет законно, мне и моему брату; папа с большим удовольствием постарается сделать это для Вашего Высочества. Если бы инквизитор согласился сообщить мне свое поручение и стало бы очевидно, что через него отменено изъятие, тотчас без пререканий, мой брат и я оставили бы изъятие и не заботились бы о нем. Этот человек поступает так осторожно, так чрезмерно тайно и секретно, в процессе и суде ведет себя не так, как следует вести, и со мной и моими близкими обходится по рутине, а не с усердием. Он поступает более открыто, чем необходимо и нужно, для расстройств всего сделанного в инквизиции, даже обдуманного и постановленного приговором. Отсюда следует, что он думает, будто я усердно занимаюсь этим делом более из-за мирского интереса, чем по духовной причине. Однако я не удивляюсь, что этот ассессор - друг Кинтанильи по причинам, которые небезызвестны Вашему Высочеству, так как вы слышали о них неоднократно и от разных лиц. Не удивляйтесь также, Ваше Высочество, если они противятся этому изъятию: в чем оно неудовлетворительно, и, если неудовлетворительно и Вашему Высочеству неужгодно пользование им, помогите другими средствами избежать его суда. Поэтому я умоляю Ваше Высочество не досадовать на пожалование мне означенных писем; или, если вы на это не согласитесь, умоляю Ваше Высочество,

Untitled

устройте, как только епископ отменит поручение, уже данное инквизитору, дело мое и моего брата, и поручите их архиепископу {Дон Альфонсо Арагонский, внебрачный сын короля.}, или его судье, господину Тиенде, или другому лицу с хорошей репутацией и опытом, так как этим способом правосудие будет отправлено с усердием и как должно, а не по рутине, как было бы в том случае, если бы исполнялось вышеназванными лицами.

Секретарь моего процесса никак не мог добиться от инквизитора копии приговора, чтобы послать его Вашему Высочеству, и только при помощи хитрости снял копию, которую посылаю Вашему Высочеству, удостоверенную и утвержденную всеми адвокатами относительно содержания, чтобы вы знали, как этот приговор произведен, и что он не отсрочен апелляцией и вступил в силу. Я умоляю, Ваше Высочество, в деле моего брата устройте, чтобы епископ предписал инквизитору освободить его под поручительство [aplaceria {Aplaceria - освобождение под поручительство.}] из Алхаферии или внутри ее так, чтобы мог с ним говорить я, мои дети и мои зятья, хотя бы это было в присутствии инквизитора или кого он захочет. Я полагаю, что он пришлет документы процесса Вашему Высочеству или епископу.

Я уверяю Ваше Высочество, что невозможно, чтобы даны были показания [против моего брата] кем-либо другим, кроме евреев. Со стороны евреев это меня не удивляет: они, как наши враги, сделали это из-за изгнания их, которое приписывали мне, и из-за того, что мой брат был одним из комиссаров, уполномоченных Вашим Высочеством для завладения их имуществом, вследствие

Untitled

чего у них возникла сильная вражда со мною и с моим братом, и они задумали выдвинуть против нас лжесвидетельство, что доказано и известно всем в городе. При таком положении дела я заявляю и умоляю Ваше Высочество приказать написать магистру Мартину Гарсии {Каноник Сарагосы, затем бывший епископом Барселоны и послом в Риме}, магистру Креспо и магистру Росу, чтобы они сообщили Вам, что им известно о вышесказанном. В этом городе некоторые ходатайствовали пред уполномоченными касательно изъятия имущества умерших обвиняемых, несмотря на соглашение Вашего Высочества с их сыновьями. Ропот на это был очень велик, и обвиняли Ваше Высочество. Советом были созваны адвокаты, и я был туда позван. Все единогласно решили, отрицая изъятие, совершаемое вопреки означенному соглашению. Меня просили высказаться по этому поводу. Я сказал, что Ваше Высочество насильственно вынуждены [делать] то, что делалось, потому что по закону было вполне ясно, что конфискованное имущество не должно возвращаться ни тем, у кого оно конфисковано, ни их сыновьям, ни другим, которые предполагали вернуть его себе и которые до осуждения не могли им пользоваться. Все согласились с моим мнением, более в силу закона, чем по своей воле. На другой день меня не пригласили туда, хотя это дало мне повод к совершению полезных дел, так как другими я не мог заниматься. Правда, мне посылали сказать об известном письме, адресованном Вашему Высочеству, и оно мне не понравилось, кроме одного пункта, что, если Ваше Высочество желает, чтобы это дело прошло, нельзя этого достичь иным путем, кроме получения от папы

Untitled

разрешения поступить в данном случае против закона. Я говорю это Вашему Высочеству для вашего сведения, уверяя, что от них защитили инквизицию, а я все остаюсь в одинаковом положении. Это сделано по любви к вере и по службе Вашему Высочеству. Дай Бог, чтобы от него я получил за это награду и о Вашем Высочестве (если не прикажете исправить и возместить) не говорили то, что говорят в этом королевстве: за добрую службу плохая награда, по привилегии Арагона (*a buen servicio mal galardón, según fuero de Aragón*). Господь наш да сохранит и увеличит здравие и королевскую власть Вашего Высочества на долгие годы для служения ему. Из Сарагосы, 26 декабря 503 года.

Приписка. Я не премину высказать Вашему Высочеству удивление, вызываемое в городе тем, что делается со мною и моим братом, отчасти по вашему приказанию, - имея в виду наше звание и положение, репутацию католиков и истинных христиан, которую имели наши предки и имеем мы, и то, какими слугами мы были и ныне продолжаем быть. Без сомнения, государь, когда мне говорят об этом и докучают (так как я вижу, что они делают это, чтобы злословить против меня и Вашего Высочества, - против меня, чтобы уничтожить мои услуги, а против вас, чтобы не помнили о них), я говорю им, что Ваше Высочество при вашем усердии к вере, ни с кем не вступает в переговоры. С этим ответом я их отсылаю, и они уходят удовлетворенными. Только, Ваше Высочество, этим ответом не кончайте с вашим верным слугой, и, несомненно, вы так со мной не покончите. Я не говорю, что еретика (каким считают вашего слугу) вы потерпите в его

Untitled

ереси.

Храни меня Бог сказать это. Но я осмеливаюсь напомнить Вашему Высочеству, что с теми, кто вам известен и находится на вашей службе (так как они, несомненно, пользуются репутацией настоящих христиан), должно иметь иной разговор, чем с другими: подобает не допускать ареста таковых, пока Ваше Высочество сначала не потребует к себе процесса и не расследует, кто - свидетели, какой они репутации и общественного положения; то же самое относительно обвиняемого. Как только Ваше Высочество будет иметь эти сведения, вы тотчас распознаете ложь и правду. И если вам не удастся узнать этого лично, пошлите за инквизитором и узнайте от него, что он знает и что он думает; если и этого будет недостаточно, прикажите ему, чтобы прежде, чем приступить к аресту данного лица, он осведомился о репутации и общественном положении свидетелей и обвиняемого, христианин он или нет, и все вместе вернул бы Вашему Высочеству, и с ним или с кем-нибудь другим вы постановили бы то, что следует постановить. Как только Ваше Высочество убедится, что у свидетелей плохая репутация, а у оговоренного хорошая, и заметит неприязнь или ненависть или другие причины, побуждающие свидетелей более, чем рвение [к вере], ясно, что вы не позволите приступить к аресту. Так говорит об этом декреталия, которая является главной инструкцией по этому вопросу для инквизитора и которая начинается словами "В пользу веры" ("In fidei favorem"), в шестом разделе О еретиках ("De haereticis"). Я охотно ссылаюсь на нее, так как там лучше разобрано все, о чем я говорю.

Untitled

И пусть не удивляется Ваше Высочество, когда я напоминаю о том, что Вашему Высочеству в одном случае надо проявлять иную заботу, чем в другом, - так учит право. Папа в декреталии, начинающейся словами "Кроме" ("Nisi"), в разделе об обязанности легата (de officio legati) не постеснялся сказать о наказании одного человека, совершившего преступление: так как провинившийся - его друг, он не желает наказать его по заслугам. Таким образом, государь, не следует обращаться с одним слугой, как с другим, даже по справедливости, так как можно проявлять к одному обвиняемому больше внимания, чем к другому, чтобы его невиновность не была скрыта, дав ему судей, которые без нарушения правосудия могут быть назначены. Поэтому особенно король Энрике, что было не нужно королю Педро, повелел, чтобы его слуг не судил никто, кроме его самого. С большим основанием я умоляю Ваше Высочество постановить в деле моем и моего брата, как я прошу, потому что все это следует по справедливости, и, не нарушая ее, вы можете приказать. Таким образом разрешения, о которых я говорю, касаются судей и правосудия. Я не знаю, как Ваше Высочество может отказать в них вашему слуге. Вашего Высочества нижайший раб, целующий ваши королевские руки, Хуан де Лусена".

Примечание. Это письмо находится в королевской библиотеке, полка 5, сборник 54, и доказывает злоупотребления, которые позволяли себе инквизиторы прежней эпохи, а еще более личную цель Фердинанда V при учреждении святого трибунала. Конституция Арагонского королевства не допускала конфискации

Untitled

имущества. Король поклялся соблюдать органические законы королевства, называемые фуэросами (fueros). Депутаты, представлявшие королевство, протестовали против инквизиторского обычая, предписывавшего секвестр имущества. Фердинанд решил вернуть конфискованные имущества живым осужденным, но удержал имущества, принадлежавшие умершим. Это побудило его советника Хуана де Лусена сказать в письме, что никто не одобряет образа действий Его Величества и что действительно он не думает, будто его можно считать законным, если папа не освободил Его Величество от данной присяги. Но принадлежало ли папе право освобождать короля от данного королевству обещания соблюдать его органические законы?

<> IX <>

Письмо первого архиепископа Гранады дома Фернандо де Талаверы, адресованное в 1506 году католическому королю Фердинанду V. Он сильно жалуется на инквизиторов Кордовы за их обращение с ним, его родственниками и многими другими лицами, которые, не будучи никогда опозоренными, терпят страшные страдания в застенках святого трибунала. Он склоняет короля отрешить инквизиторов от должности, посетить лично трибунал, повелеть представить ему подлинные процессы и приказать, чтобы свидетели были допрошены вторично в присутствии Его Величества. Если этот поступок невозможен, он просит поручить исполнение этого какому-либо епископу по соглашению с главным инквизитором Диего Десой. Он показывает, что инквизиторы нарушают божественное и человеческое

Untitled

право, заключая оговоренных в тюрьмы без предварительного констатирования преступления, скрывая имена свидетелей, отказывая обвиняемым в праве самим свободно избрать своих защитников, дурно обращаясь с ними для получения признания в собственных преступлениях, которых они может быть не совершили, или в преступлениях посторонних лиц, которые им неизвестны. Наконец, он утверждает, что существуют серьезные мотивы для создания комиссии, которая должна бы посетить трибунал инквизиции и учредить следствие против судопроизводства инквизиторов.

(Перевод с испанского)

"Архиепископ Гранады говорит, что не знает, кому жаловаться и кому поведать свои скорби, чтобы доставить себе утешение и помощь в них, кроме единственно Вашего Высочества, которого -касаются его дела, главным образом потому, что в этом городе и королевстве и среди недавно обращенных растут соблазн, ущерб и пререкания, а также потому, что это создание и дело Вашего Высочества. Известно Вашему Высочеству и всем, которые слышали, о сделанном с его родственниками, слугами, приближенными и чиновниками, что это не могло произойти без великого позора и бесчестия. Это является большим ущербом для новообращенных к святой вере в нашем королевстве. Из этого проистекает великая обида нашему Господу, потому что не видано, чтобы главный и уважаемый прелат подвергнулся такому дурному обращению и был так опозорен и обесчещен, тогда как его слава, честь и репутация необходимы и полезны, как хороший образец для народа и королевства, ставших недавно

Untitled

христианскими.

Знают они [инквизиторы] и все, с какой заботой, трудом и бдительностью стало возможно исправить то, что нужно было исправить, и научить словом и примером, чтобы более не впадали в грех, - и захотели его опозорить и обесчестить, не только взяв его родственников и приближенных, но служащих в его епархии (которые помогали ему хорошо управлять народом), считавшихся лучшими христианами и не подвергавшихся раньше никакому позору, причем ни один из них не был ославлен как еретик. В этом ясно обнаруживается имевшееся у них желание очернить его и их репутацию и запятнать ее, - потому что (помимо самого факта ареста), арестовывая и уводя их, инквизиторы сделали все, что только могли, чтобы произвести это с большим позором, гласностью и оскорблением, беря приближенных в его присутствии и поджидая того момента, когда он был с большей свитой и в общественных местах, прилагая обращение и слова, оскорбительные как для них, так и для архиепископа. Только в том проявлено было немного вежливости по отношению к его родственникам, что при вступлении в Кордову их поместили более секретно, чем других, однако огласив народу их прибытие больше, чем других, по делам, производившимся в отдельности. Эти дела шли так медленно и их было так много, что архиепископ не говорит о них, чтобы не досаждают Вашему Высочеству и чтобы не испытывать страдания при воспоминании о каждом деле в отдельности. Из всего этого проистекает оскорбление Бога и ущерб для всего королевства Гранады, происходит соблазн для обращенных и для всех других христиан в

Untitled

Испании и вне ее.

Архиепископу кажется, что в деле, имеющем такое важное значение, действительным врачеванием было бы, чтобы Ваше Высочество сами (если удобно, можно это сделать и приехать в эту местность) пожелали видеть самолично, насколько это необходимо для усиления нашей святой католической веры и служения Господу в привлечении неверных. Если это невозможно исполнить самолично, в назначенное время прикажите сделать это одному или нескольким епископам, которые увидят истинную картину следствий, по которым эти люди арестованы, явившись сами и исследовав персонально личность свидетелей, чтобы знать, насколько можно верить каждому из них, как требуется поступать по закону. В таком случае станет ясно, поступали ли инквизиторы в делах архиепископа, его родственников и приближенных, как люди, которые имеют свою целью правосудие и только усердие к нему, или они руководились сильной неприязнью к ним как к смертельным врагам.

Это положение показывает мне в настоящее время, что Ваше Высочество обязаны для Бога нашего Господа и святой веры за великие благодеяния, полученные от него, и по долгу соблюдать все, касающееся христианской религии, самолично (если возможно) отправиться туда, чтобы видеть (на месте). Не стоит удивляться, что Ваше Высочество не сделали этого из-за некоторых препятствий; гораздо более удивительно, что Ваше Высочество были так беззаботны, что не замечали происходящего там. Слово в слово и свидетеля за свидетелем расследуя шаги их, можно убедиться в том, что все происходит от кордовского

Untitled

[инквизитора], и, если это так, видимо, это может быть взято за некоторое основание для проверки тамошних дел. Если вашей королевской особе нельзя этого исполнить (что было бы более нужно и полезно, потому что при Вашем Высочестве подсудимые осмелились бы сказать правду и имели бы более возможности и свободы для высказывания и обнаружения своих обид), и если Ваше Высочество не можете прибыть (чего нельзя оправдать без основательной причины), архиепископ умоляет, чтобы кто-нибудь прибыл и здраво рассмотрел дело, а прежде всего просит устранить инквизиторов.

И если отправится архиепископ Севильи, пусть Ваше Высочество прикажет, чтобы вместе с ним отправился какой-нибудь епископ из Авилы, Паленсии, Бадахоса или любой, какой Вашему Высочеству будет угодно, и другие лица с ними, хорошо знакомые с этим, чтобы они действовали во всем согласно закону, допытываясь о бесчестии, как вообще, так и специально о каждом лице. Если улики будут достаточны, пусть арестуют их, как требуется по закону, пусть содержат их в тюрьме, пока не узнают правды. Только не [надо] стеснять их и отводить им узкую и очень мучительную камеру, а [следует] лишь обеспечить невозможность побега, обращаться с ними кротко на словах и на деле, дать адвокатов по их желанию, не таскать их из провинции в суд, предъявить имена свидетелей за исключением могущественных, потому что таков закон, указать день, месяц, год и место и дать возможность апеллировать против судей, ведущих процесс, для их отвода, и все другое, что законы повелевают и устанавливают предоставлять обвиняемому,

Untitled

так как без этого он не может защищаться, а защита вытекает из божественного и человеческого права. И пусть происшедшему будет указано справедливое основание, или, лучше сказать, пусть инквизиторы дадут полный отчет, так как из него Ваше Высочество лучше и правдивее все узнаете. Между прочим встретится одно подозрительное дело, о котором они неоднократно оповещали, будто некоторые из узников примирены, когда этого не было, - кажется, они не были примирены, так как после этого им предъявляются требования и следуют их процессы в порядке судопроизводства; а других мучили, заставляя их разными недозволенными законом способами, ранее запрещенными, показывать и признавать то, чего они не делали, - отсюда вытекает сильное подозрение против тех, кто так поступает, и большой ущерб для узников, и великий позор для их родственников. Архиепископ дает понять Вашему Высочеству, что ничего из того, что он просил, не сделалось и не прекратило судопроизводства [инквизиторов]. Он умоляет Ваше Высочество приказать, чтобы все делалось по правде, и не давать повода осужденным кем-либо из них или всеми думать, что они осуждены несправедливо".

Примечание. Это письмо находится в Мадриде в собрании бумаг, относящихся к инквизиции, о котором я говорил (том 1, список рукописей). Частные заметки указывают, что переписанный здесь текст есть копия экстракта, который сделал из письма архиепископа Мигуэль Перес де Альмасан, государственный секретарь короля Фердинанда V, чтобы подготовить декрет, который, как он надеялся, подпишет государь.

Untitled

<> X <>

Отрывок испанского неизданного произведения, озаглавленного О правлении государей ("Del regimento de principes") и написанного около 1516 года для посвящения Карлу Австрийскому, тогда принцу Астурийскому, затем ставшему испанским королем и германским императором под именем Карл V. Автор (который остается анонимным) предполагает существование царства правды, король коего называется Пруденциан (Prudentianus). Он рассказывает, что этот монарх созвал однажды членов всех советов, изложил им недостатки, которые опыт помог открыть в управлении монархией, и предложил поразмыслить об этом и обсудить затем средства к устранению их. В двенадцатой книге он говорит о трибунале святой инквизиции. Король Пруденциан знакомит с злоупотреблениями, о которых ему донесли; с бесполезностью средств, употребленных до сих пор для их прекращения, а также с тем, что он считает наиболее способным пресечь их досадные последствия. Этот отрывок драгоценен, и знающие испанский язык без сомнения с удовольствием прочтут оригинал, потому что он придает новую силу доказательствам, констатирующим распространившееся в Испании народное мнение против судопроизводства инквизиторов. Вот текст всех глав, в которых говорится об этом.

(Перевод с испанского)

"Я желаю вам рассказать об одном важном деле, имеющем большое значение: как идут дела инквизиции против еретиков, как велись они раньше до сих пор и как ведутся теперь {Автор говорит от лица Пруденциана, монарха

Untitled

царства правды (el reino de la verdad).}. Вы знаете, что в этом царстве было много еретиков из числа тех, которые происходят от поколения евреев, и многие соблюдали еврейские обряды, практиковавшие их предками. Вообще среди них много богатых и влиятельных людей, весьма уважаемых за крупные состояния и за очень большие способности в делах, которыми они занимались. Поэтому вначале я очень боялся, что тех, кто откроет их заблуждения перед инквизиторами, если они станут известны по тому или иному поводу, схватят и лишат жизни, так как ведущие свое происхождение от евреев - люди богатые и влиятельные. Вследствие этого я распорядился, чтобы давшие показания против них оставались неизвестны; затем, когда будут вести процесс против оговоренных, чтобы не обозначали имен свидетелей. В таком виде вели судопроизводство против еретиков в течение многих лет. Наконец большинство главных из них сожгли, других примирили, и таким образом почти не осталось значительных лиц; оставшиеся, потеряв свое имущество, обеднели, лишились влияния и стали малозначащими. При увеличении злобы плохих христиан и при желании отомстить тому, на кого они были сердиты, и погубить их честь, жизнь и имущество, они соединялись по трое и по четверо и пускали клевету в ереси против того, кому желали зла, хотя бы он был дворянин (hidalgo) или старинный христианин; так как никто не знал, кто дал показания, то нельзя было и защитить себя; всякий говорил наобум, - и по этой причине многие умерли безвинно. Было известно, что дети сожженных за ересь, опозоренных и лишенных имущества погибали и исчезали

Untitled

в бесчестии и бедности. Правда стала известной через некоторых, перед смертью сознававшихся, что они оклеветали такого-то, сожженного из-за их показания, и называли других, которые вместе с ними лжесвидетельствовали. Другие, чтобы не попадать в свидетели, предлагали деньги иным лицам, чтобы те давали показания, и советовали им не обнаруживать своей личности в показаниях, чтобы не узнали, что они лжесвидетельствуют, так как это обойдется им недешево. Когда становилось известным, что все или большинство свидетелей умерли, нельзя было изобличить ложь, как потому, что ее не знали дети осужденного, так и потому, что если они даже и знали ее, то они были так бедны и унижены, что им нечего было есть, и поэтому не могли они возбудить и вести процесс в инквизиции и против инквизиторов; по-видимому, они упрекают инквизиторов как несправедливых и жестоких, поскольку они осуждали человека без вины с его стороны, хотя в осуждении по показаниям свидетелей они действовали согласно закону, сообразно с показаниями свидетелей, которые, как они полагали, говорили правду. В результате люди получали ущерб, бесчестие и потерю имущества. Некоторые (лица уважаемые и богатые), занимавшиеся своими делами, удостоверили, что их отцы, предки и родственники пострадали безвинно, и восстановили репутацию умершего, сожженного за ересь, и его опозоренных детей и внуков, и другие последствия, проистекавшие из осуждения потерпевшего. Весь этот ущерб и разные бедствия происходят от незнания свидетелей: если бы были известны приносящие ложную присягу и те, кто дал

Untitled

ложное показание, то можно было бы исследовать истину до мельчайшего пункта и наказать бы лжесвидетелей.

Тогда не стали бы рисковать, совершая такую подлость; если бы даже не боялись Бога и осуждения своих душ, то, по крайней мере, устрашились бы телесного наказания, которому они могли подвергнуться при обнаружении правды, при этом им простились бы - и простятся впредь - многие оскорбления Бога, и многие смертные грехи и клятвопреступления, и осуждения многих, которые пострадали безвинно из-за лжесвидетельства, и прекратили бы говорить плохие христиане: благословен Бог за то, что дал нам способ отомстить евреям и нашим врагам так, что это остается неизвестным и не может быть узнано.

Было еще очень большое неудобство в том, что многие служившие в инквизиции считали себя земными богами и творили что хотели, так как не было никого, кто бы им препятствовал или отважился бы выступить против них. Если кто скажет, что, по его мнению, они нехорошо ведут дела святой инквизиции, они заявят, что он дурно отзывался об инквизиции, и возбудят против него процесс, как против еретика (говорит король Пруденциан), и судят его за то, что он утверждал, будто они ведут дела инквизиции не так, как должно согласно закону, и наказывают его по своему произволу. Отсюда возникал страх и у слабых и у сильных, так что не было никого, кто, видя какую-либо ошибку инквизиторов или их чиновников, как бы они ни были велики, осмелился бы сказать это, хотя многие это думали, чтобы не сочли их за еретиков и не взяли бы в инквизицию, и не начали бы против них

Untitled

процесса. Так как все велось секретно, из тысячи несправедливостей нельзя было знать десятка. Хотя совет инквизиции намеревался устранить их, он мало преуспел в этом, так как, не зная того, что делается секретно, нельзя знать и нанесенных обид, пока не применят средств с целью прекратить жалобы на дела, так как неизвестен ущерб и его причина, а многие, хотя знают и видят свои беды, не рискуют жаловаться, чтобы не потерпеть горшего. Конечно, если инквизитор захочет кому-либо повредить, он может погубить его, так что об этом и не узнают, пока не применено особое средство, и, когда дело попадет в руки какого-либо инквизитора, который не принадлежит к настоящим христианам, будет нанесен великий ущерб духовный и материальный. Самое ужасное, что заключенный инквизицией в течение двух или трех лет своего заключения не слышит обедни, и никто не приходит к нему посоветовать, что надо сделать для его спасения, - сказать, что можно счесть еретиком или плохим христианином лишь того, кого Бог не поддержит своей рукою по своему бесконечному милосердию, чтобы он не отчаивался в темной и мрачной тюрьме. Они не довольствуются тюрьмой, повергающей в отчаяние заключенного, но еще усиливают обстоятельства, от которых он становится более безутешным. О многом другом осведомил меня один инквизитор, тайно умоляя, чтобы я - устранил это; он говорил мне об этом для облегчения своей совести, чувствуя удовлетворение, так как он не может делать более, чем приказано любовью Божией.

Ввиду рассказа этого инквизитора (сказал король

Untitled

Пруденциан) я почувствовал сильное сострадание к обиженным и отсутствие взаимной любви у нас, называющихся христианами, закон коих состоит в любви к Богу и ближнему. Однако, так как дело показалось мне имеющим большую важность, я пожелал посвятить его Богу и, умилившись, заняться им с состраданием и усердием. Я приглашал поодиночке некоторых инквизиторов, которые пользуются хорошей репутацией, потому что думал, что они скажут мне всю правду. Я приглашал их в комнату, показывая им свое расположение и давая понять, что желаю знать правду о происходящем в делах инквизиции, чтобы устранить то, что не делается для угождения нашему Господу и согласно божественному и человеческому праву. Все, с кем я говорил, подтвердили мне: "Все, что сообщили Вашему Высочеству, есть правда" и рассказали о многом другом, что следует устранить. Если земледелец или малосведущий человек приходит сообщить что-либо о своем соседе (говорит инквизитор королю) или о ком-нибудь из местного населения, который не есть еретик и большей частью не совершил ни смертного, ни простительного греха, а доносчик думает, что он еретик, то принимают его показание, записывают и отсылают его домой. Так как ему ничего не сказали, он думает, что тот, на кого он донес, еретик, и считает ересью все, что он сказал или сделал, между тем как нет ни ереси, ни большей частью смертного греха. Таким образом среди малосведущих людей рождаются заблуждения, потому что им не объявляют правды те, которые поставлены Вашим Высочеством для исправления заблуждений. Это происходит потому, что инквизиторы не богословы. Если во

Untitled

многих случаях судьи не знают, ересь это или нет, как могут они научить этому других? Многие поступают ошибочно, потому что не сведущи в этом те, кто назначен для уничтожения заблуждений относительно нашей святой католической веры. Если бы инквизитор был богословом, он мог бы определить, является ли ересью то, что показывает доносчик, он объяснил бы, чтобы избавить его от заблуждения, что хотя это и грех, но не ересь, и, исповедав его своему духовнику, как и прочие грехи, он получит прощение от Бога, и это не является предметом инквизиции; если это не грех, он сказал бы доносчику: "Знай, брат, что сказанное тобою не грех". Таким образом они были бы вразумлены и избавлены от заблуждений. Некоторые ведут себя крайне недостойно. Они многократно лгут обвиняемым или узникам и обещают им, что, если они сознаются в том, в чем их обвиняют, их с незначительной епитимьей отпустят свободно домой. Многие, думая, что те не обманывают, приходят в отчаяние и говорят сами себе: "Хотя я не совершал того, в чем меня обвиняют, я скажу, что сделал это, чтобы выйти отсюда". Они сознавались в том, чего не делали, и затем их осуждали на основании их признания и надевали на них санбенито, конфисковали их имущество и говорили, что можно лгать им, чтобы они сознались в том, в чем их обвиняют. Чиновники инквизиции поддерживают тех, кто так лукавит, чтобы заставить узников сознаться в том, в чем их обвиняют, потерять имущество и погубить души, вынуждая их стать клятвопреступниками и предъявлять лжесвидетельства, тогда как им не следовало присягать в уголовном деле, чтобы не нарушить клятвы и не

Untitled

подвергнуться опасности совершения смертного греха, отрицая правду, чтобы защититься от земной кары. Мне сказал один инквизитор (говорит король Пруденциан): "Некоторые из нас чувствуют это и плачут у себя дома, но не решаются об этом говорить, потому что такого снимут с должности и будут считать подозрительным в делах инквизиции. Те, кто так думает и добросовестны, покидают должность, если имеют средства на пропитание; другие остаются на службе, потому что не могут иначе жить, хотя мучаются совестью, что исполняют службу так, как это делается теперь. Другие говорят, что для них это безразлично, что так поступали их предшественники, хотя бы это было против божественного и человеческого права. Иные так враждебно относятся к обращенным, что полагают, будто сослужат великую службу Богу, если всех их сожгут и конфискуют их имущества без всякого колебания. Придерживающиеся такого мнения не имеют другого намерения, кроме того, чтобы любыми способами заставить их сознаться в том, в чем их обвиняют. Умоляю Ваше Высочество (говорит инквизитор королю), устраните это из любви к Богу, но не открывайте, что это сообщил вам я, потому что сейчас же добьются моей отставки, и мне нечем будет существовать; такого сейчас же отрешат от должности, так как мне кажется, что теперешний образ действия и обращения не вяжется с чистой совестью, хотя, пока все это будет приведено в порядок, я стану поступать как можно лучше".

После осведомления от некоторых лиц в отдельности я призвал (говорит король) великого инквизитора и всех инквизиторов царства, многих адвокатов, каноников,

Untitled

богословов, честных людей и больших ученых, чтобы сообща заняться устранением этих недостатков и постановить на будущее время, чтобы поступали иначе и лучше служили нашему Господу, невинным давали свободу, лжесвидетелей осуждали и наказывали по закону возмездия (talion), а виновных обращали и исправляли таким образом, чтобы все мы спасались; для полного удовлетворения я пожелал постоянно бывать на совещании ради того, чтоб все делалось наилучшим образом.

На совещании было высказано (говорит король Пруденциан) следующее: лучше бы обвиняемым инквизицией не сообщались имена свидетелей, чтобы они не знали их и не видели их присяги. Некоторые говорили, что так повелось раньше в делах инквизиции. Я сказал: "Вас спрашивают не о том, как делалось и что мы все знаем, а о том, делалось ли это хорошо и согласно с божественным и человеческим правом". Один ответил (он пользовался большим авторитетом среди всех) следующим образом: "Государь, вот что обыкновенно практикуется и согласно с законом: одна из сторон знает свидетелей, выставленных другой стороной, она видит, как они присягают, и ее вызывают для этого в суд; а если сторона не была позвана, чтобы видеть присягу свидетелей и узнать их, то не доверяют их показанию, потому что их присяга принята в отсутствие другой стороны или, по крайней мере, она вызывается, чтобы присутствовать, если желает, при своем обвинении. Только в том случае, когда предполагается, что существует опасность смерти для свидетеля или возможен другой большой ущерб, если он

Untitled

будет известен стороне, против которой он сделал показание, допускается не говорить имени свидетеля стороне, против которой он дал показание. Вначале, когда зародилась инквизиция, таково должно было быть намерение учредителей, потому что в числе тогдашних обращенных было много людей богатых, влиятельных и сильных, так что мог быть нанесен вред для свидетелей, если бы узнали, кто давал показания против обвиняемых в таком тяжком преступлении, когда вопрос касался жизни, чести их и их детей и всего имущества. С того времени остался в инквизиции этот обычай. Однако теперь обращенные унижены и не имеют влияния, в особенности если кто-либо из их предков был наказан инквизицией; неизвестно поэтому, как может сохраняться по праву и по чистой совести этот обычай: ведь противно божественному и человеческому закону лишать защиты обвиняемого, тем более что в процессах, касающихся герцогов, графов и других важных лиц, а также в делах уголовных и гражданских известны имена свидетелей, показывающих против них, все видят, как они присягают, и знают, кто они. Ведь они не боятся этих важных господ, хотя свидетельствуют против них в уголовных делах! Как же можно опасаться вреда для свидетелей, если они показывают против разбитых и униженных, которым нечего есть, или против кого бы то ни было, кто обвинен инквизицией, когда, узнав только, что он обвинен, все покидают его, избегают иметь с ним дело и желают, чтобы никто не знал, что они были его друзьями и знакомыми?" Все члены совещания, богословы, канонисты и правоведы, говорили, что все сказанное - правда, Ваше Высочество

Untitled

может видеть, как поступали раньше. Я отвечаю (говорит король Пруденциан), что мы раскаиваемся в причиненном зле, которое не устранили раньше: я в том, что не позаботился узнать о нем, а вы в том, что не осведомили меня о нем. Впредь, когда кого-либо заберет инквизиция, пусть его процесс ведется публично и обвиняемый и его поверенный пусть присутствуют при присяге и знают свидетелей и их имена; пусть процессы ведутся, как в других судах. Только когда донесут на кого-либо, это должно быть тайным, пока соберется достаточная информация, чтобы можно было его арестовать и предъявить обвинение, а процесс должен вестись публично, чтобы все видели и знали, как ведутся дела инквизиции.

Я выразил сомнение, поскольку в инквизиции привыкли допускать к защите и принимать бумаги только от известных адвокатов, назначаемых инквизиторами. На этот вопрос отвечали, что нет основания лишать обвиняемого адвоката или адвокатов, пожелавших заняться его делами, что по закону не воспрещено; пусть прокурор и инквизиторы принимают адвокатов, каких пожелают, и защитники обвиняемых пусть будут по желанию обвиняемых, только бы они были старинные или обращенные христиане, которым не было бы запрещено законом выступать защитниками в суде, потому что они могут отказаться от защиты, если не позволят им выбирать адвоката по своему желанию.

Третий вопрос, возникший на совещании короля Пруденциана, касался того, можно ли не позволять узнику инквизиции говорить и советоваться с его поверенным,

Untitled

родственниками и друзьями, чтобы они не подали ему совета. Все ответили, что не знают, по какому праву это может происходить, так как ясно, что этим отрицается его свободная защита, а никому нельзя отказывать в ней по божественному и человеческому закону. Отсюда заключили, что с узниками инквизиции следует поступать так же, как с другими преступниками, когда они арестованы, так как другой образ действий (не говоря уже о том, что он противозаконен) бесчеловечно усиливает мучения угнетенного до его осуждения; поэтому было решено исправить это на будущее и поступать с ними, как с другими узниками.

Четвертый вопрос, вставший перед совещанием, заключался в том, хорошо ли, что они не слушают обедни и не исповедуются, пока находятся в заключении инквизиции, так как вошло в обычай, что, хотя бы заключение продолжалось три или четыре года, они никогда не слушают обедни и не исповедуются. На это все ответили, что нельзя так поступать по чистой совести, так как Бог повелел нам, чтобы мы освящали праздники, и святая римская Церковь объявляет, что освящать праздники главным образом значит слушать обедню. Поэтому не допускать их к слушанию обедни значит препятствовать им соблюдать третью заповедь закона Божия и повиноваться повелению римской Церкви, которая повелевает слушать обедню каждое воскресенье и соблюдать праздники, при этом исповедоваться и причащаться, в чем заключается божественный закон. Нет основания отказывать им в этом, так как Господь наш сказал: если не будете есть плоти Моей и пить крови Моей,

Untitled

не будете иметь жизни. И Церковь объявляет то же, говоря, чтобы это делалось, по крайней мере, в праздник Пасхи и в смертной опасности. В первобытной церкви причащались каждое воскресенье. Поэтому мы не знаем, чем можно оправдать занимающихся делами инквизиции, в том, что они не позволяют заключенным слушать обедню по воскресеньям и праздникам и не заботятся, чтобы они исповедовались у честных и ученых священников, которые могли бы наставить их в нашей святой католической вере, по крайней мере в Великий пост, и причащались в праздник Пасхи и каждый раз, как попросят. Один инквизитор ответил: пусть будет так по отношению к настоящим христианам, а не к еретикам. Большинство из присутствовавших на совещании возразило, что нет основания для этого, так как, хотя они обвиняются в ереси, однако, пока не осуждены, они принадлежат к христианам и могут пользоваться таинствами церкви и другими благодеяниями ее; и даже после осуждения (признают ли они или отрекутся от ереси, в которой их обвинили), если они раскаются в ней и пожелают стать настоящими христианами. Если они отрекутся, говоря, что не впадали в ересь, и пожелают исповедаться и причаститься, нельзя отказывать им в исповеди и причастии, хотя бы их присудили к сожжению, так как Бог знает правду, и никому нельзя отказывать в средствах к спасению, а особенно в исповеди и причастии, так как возможно, причащаясь, очутиться на Небе, а не причащаясь - в аду, как говорят многие богословы. Итак, чем мы искупим то, что вследствие недопущения кого-либо к причастию он пойдет в ад, тогда как каждый из нас обязан любить своего

Untitled

ближнего, как самого себя, под страхом вечной смерти? А любовь состоит главным образом в заботе о спасении. Господь наш Иисус Христос говорит, что тот наш ближний (мужчина или женщина), кто нуждается в благодеянии, которое мы можем ему оказать. В силу этого ни одному осужденному на смерть нельзя отказывать в святейшем таинстве тела Господа нашего Иисуса Христа, хотя бы он был осужден за ересь инквизицией. Поэтому приказано, чтобы впредь во всех тюрьмах инквизиции имелась капелла, где служилась бы ежедневно обедня; чтобы заключенные слушали обедню, по крайней мере, по воскресеньям и праздникам и ежедневно, когда пожелают; и чтобы они исповедовались и причащались Великим постом и в праздник Пасхи у ученых священников, и каждый раз, как пожелают, потому что, если они хорошие христиане, они станут лучше и, если имеют некоторые заблуждения, избавятся от них и исправятся. Главной целью содержания в тюрьме святой инквизиции является [желание] из плохих христиан сделать хороших, а из хороших - лучших; так как служителям инквизиции более желательно спасать, чем осуждать. Хуже осудить невинного, чем оправдать виновного; так как, хотя невинный страдает, терпя [кару] безвинно, не остаются без наказания ни в этой жизни, ни в вечной виновники его осуждения и те, которые могли его спасти и из-за отсутствия любви не спасли, но скорее постарались осудить его, чтобы он потерял имущество, или из-за других целей, которые ведает Бог. Все ясно узрится в день Суда, когда откроются пред миром добрые и злые дела и добрые и злые помышления и намерения, побуждавшие к тем или

Untitled

иным поступкам, так что никто не сможет утаиться или солгать, поскольку совесть каждого все засвидетельствует при выходе души из тела и даже раньше выхода, и каждый увидит, возможно ли его помилование, когда нельзя будет исправиться и уврачеваться, и всем воздается за хорошие и дурные дела наши. Теперь, пока живем, мы имеем время до смертного часа, который неведомо когда наступит, так как никто не знает определенного срока. Оправдание виновного по закону не опасно, если не было достаточных улик или по другим обстоятельствам, встретившимся в процессе, так как оправдавший сделал то, что было должно, стремясь иметь основание считаться хорошим христианином, да и законы этого желают, склоняясь более к оправданию, чем к осуждению.

Хороший судья должен желать, чтобы обвиняемый не совершил проступка или проступков, в которых его обвиняют, и беспристрастно стремиться узнать правду. При сомнении он должен скорее оправдать, и по милости Божией может статься, что обвиняемый, хотя являлся плохим христианином, но, будучи оправдан за недоказанностью его проступка, станет потом очень хорошим христианином. Если же он будет плохим, он не преминет заплатить за свое злодеяние в этой жизни или в будущей, где его ждет более сильная кара, и поэтому преступник не останется без наказания, хотя бы не было доказано совершение им проступка. Однако, когда судья констатирует, что кто-либо совершил злодеяние, и не накажет его, он грешит смертно, и в этом случае происходят оскорбление Бога, гибель душ и большой ущерб для государства, так как наказанием преступника

Untitled

многие вразумляются. Поэтому большая жестокость в том, чтобы под предлогом милосердия не наказывать преступника строго, но человеколюбиво, так как это становится причиной многих бедствий. Об этом возникла на совещании продолжительная беседа. Мне было радостно присутствовать при этом (сказал король Пруденциан), так как я надеюсь с помощью Божией иметь успех во многом, а особенно в том, что касается инквизиции, если судить по тому, что произошло на этом совещании, на мой взгляд очень полезном для душ инквизиторов и узников, а также для моей, с помощью Божией.

Пятый возникший вопрос состоял в следующем: необходимо определить, что такое ересь, чтобы знать, за что осуждать, так как многие из инквизиторов, хотя судили еретиков, не знают этого, потому что обычно они - канонисты. Рассуждение об этом вопросе принадлежит богословам, которые рассмотрят, что надо делать. Не было намерением ни папы, ни короля, чтобы исполнение этой службы сводилось к осуждению за ересь тех, кто не был еретиком; в их намерение входило через вразумление несведущих способствовать тому, чтобы они не впадали в ересь. Если встретятся упорствующие в своих заблуждениях, желающие отступить, и, будучи вразумляемы, не удалятся от заблуждений, пусть они будут осуждены и наказаны по всей строгости закона и со всей решительностью, как сказал король Пруденциан. Мне понравилось, что почти все инквизиторы, присутствовавшие на совещании, изменились и дали понять этим изменением, что они раньше поступали так

Untitled

только по принятым на себя обязанностям. Тогда я сказал им (говорит король Пруденциан): пусть прошлое исправится наилучшим образом, хотя во многом нет уже средства для исправления; пусть отныне действуют с большим человеколюбием и осмотрительностью - для славы Божией и для спасения душ, потому что теперь после того, как нам стало все известно, на нас ляжет большая вина, и надо опасаться наказания от Бога в этой жизни и в будущей, наказания вечными муками тех, кто не исправится, пока есть время.

Шестой вопрос на этом совещании был: канонистом или богословом должен быть инквизитор? Все согласно решили, что из двух инквизиторов один должен быть канонистом, а другой богословом; из трех - двое богословами, а один канонистом, - так как для того, чтобы определить, является ли проступок ересью, нужен богослов, а канонист необходим для устройства процесса. Только пусть донос принимается в присутствии богослова, так как он увидит, ересь ли то, что донесено, или нет. Если это ересь, пусть принимают показание; если же нет, пусть не заботятся об этом и сообщат доносчику правду, что показанное им о ком-либо не есть ересь. Если нет и греха, надо растолковать: то, что они желают сообщить, не только не ересь, но и не грех. Если есть грех, пусть им скажут, что это грех, а не ересь, и по исповеди духовнику он (как и прочие грехи) будет прощен Богом. Когда будут принимать признание обвиняемого в ереси, пусть это происходит в присутствии богослова, потому что он сумеет расспросить, чтобы узнать правду, еретик ли он или нет, а канонист этого не сумеет, так как это не его специальность. Когда

Untitled

понадобится осмотреть землю его округа, пусть едет богослов, так как он сумеет в посещаемых местностях определить, содержат ли заблуждения, на которые поступил донос, ересь или нет, и сможет приложить необходимые силы для избавления малосведущих людей от заблуждений и ложных мнений. Если в отсутствие инквизитора-богослова придут какие-нибудь доносчики, пусть позовут богослова и при нем примут показания доносчиков, и он поступит так, как поступил бы инквизитор-богослов. Побеседовав немного с богословом, инквизитор-канонист будет осведомлен, что такое ересь и что такое грех. Затем канонист будет в состоянии действовать так же, как богослов, если только не встретится что-либо необычное. Решили, что в инквизиции больше нужны богословы, чем канонисты, чтобы знать разницу между ересью и грехом; пока этого нет, для вынесения приговора в процессах пусть их рассматривают не только инквизиторы, но и несколько адвокатов, чтобы избежать ошибки канонистов.

Поднят был седьмой вопрос: допустимо ли чувствовать неприязнь к обращенным и лишать их должностей и санов, потому что они происходят от поколения евреев? В этом вопросе было много разногласий, так как некоторые из присутствовавших не желали разговаривать об этом предмете, потому что, по-видимому, были враждебно настроены по отношению к людям этого происхождения. Но в моем присутствии (сказал король Пруденциан) не осмелились высказать словами свое настроение, и богословы взялись за установление истины. Один из старейших сказал: есть правило не только у богословов, но

Untitled

и у философов, что в тех вещах, которые не зависят от человека, не допускается ни похвала, ни порицание, например, красив ли кто и ловок или уродлив и неповоротлив, здоров ли всем существом или имеет какие-либо недостатки, имеет ли он то или другое происхождение, дворянин, крестьянин, новообращенный. Если бы зависело от человека выбирать по своей воле, каждый выбрал бы то, что более в чести у людей, и поэтому, если бы случилась ошибка или беда, он был бы виноват, поскольку мог поступить иначе, но не сделал этого. Но так сотворил Бог, который не может ошибаться, имея беспредельную мудрость, и не может делать зла, потому что обладает величайшей благостью, и не сделал иначе не по бессилию, так как он всемогущ. Поэтому нет вины в том, что один имеет одно происхождение, а другой другое. Зачем же мы виним или имеем неприязнь к созданиям Божиим за то, что Бог действовал в них по своей воле, мало ценим их, унижаем и бесчестим? Это грех для христианина не судить хорошо о делах Божиих, и, как говорит св. Павел, у Бога нет различия между иудеем и эллином, откуда бы они ни произошли, если они хорошие христиане. Раньше мы любили и почитали обращенных в нашу святую веру, от кого бы они ни произошли, и хорошо обращались с ними, потому что они отошли от своих заблуждений к истине нашей веры, чтобы они радовались и воодушевлялись быть лучше и не раскисали бы в своем обращении, видя дурное обращение. Другие перестали обращаться, говоря: "Если я обращаюсь в христианство, меня будут так же называть евреем или мавром, как и раньше; я предпочитаю оставаться среди

Untitled

тех, которые меня почитают, чем среди тех, которые дурно обходятся со мной за то, что я вошел в их общество". Отсюда произошел большой вред для Церкви Божией. Поэтому на вопрос ответили, что обратившиеся к нашей вере, какого бы они ни были происхождения, не должны ни быть в унижении, если они добродетельны, ни лишаться должностей и санов, если только не будут отрешены по закону. То же самое сказано было о детях и внуках осужденных за преступление ереси, потому что они исключены, хотя происходят от старинных христиан, от дворян и рыцарей, так как закон всех равняет. Канонисты ответили, что мнение богословов согласно с каноническим правом; что на этот случай имеется много текстов, которые дают то же решение, что и богословы. Поэтому во всех делах те и другие равны, если они добродетельны и хорошие христиане.

Возник восьмой вопрос: нужно ли вводить новшества в дела инквизиции? Некоторые ответили отрицательно, потому что это показало бы, что в прошлом вели дела нехорошо. Другие возразили, что следует иметь больше усердия и больше уважения к служению Богу и спасению душ и к лучшему управлению делами инквизиции, чем к мирской чести; если в чем-либо и когда-нибудь возможно лучшее решение, то будет признаком мудрости оставить привычное ради более полезного, лучшего и выгодного - тем более когда обнаруживается в прошлом ущерб и надежда возлагается на перемену. В одеждах, в приготовлении пищи, в приемах еды без всякого смущения и стыда мы оставляем прежние обычаи и употребляем кажущиеся нам лучшими, тем более что сообразно

Untitled

различию эпох следует изменять и человеческие законы. Возможно, что в прошедшие времена то, что делалось, было полезно, а теперь не подходит. При замещении инквизиторов богословами можно распорядиться так, чтобы они не отрешались от исполняемых обязанностей, а при освобождении какой-либо должности инквизитора назначать богословов, а пока они будут назначены в каждый трибунал инквизиции, один будет богослов, а другой канонист. Где оба будут канонистами, для принятия показаний доносчиков и признания обвиняемого пусть берут в товарищи богослова, который научит их, как следует поступать. Мало-помалу все устроится, и Господу нашему будет лучшее служение, и души спасутся, и будут покинуты заблуждения христианства, и инквизиторы станут поступать, как должно. После этих определений я сказал (говорит король Пруденциан) великому инквизитору и всем бывшим на собрании: я желаю, чтобы все живущие в моем царстве избавились от греха и стали хорошими христианами, чтобы спастись и служить Богу, а не быть осужденными на потерю чести и имущества. Так как дела инквизиции велись очень сурово, я думаю, что многие не рискнули обнаружить заблуждения, в которые они впали; поэтому, мне кажется, было бы хорошо многим очиститься от лежащего на них греха в три срока по шестьдесят дней, как делалось вначале, когда появилась инквизиция. Всех, кто добровольно объявит свою вину, пусть разрешат от ересей и заблуждений, как бы они ни были велики и тяжки, наложив на них тайную епитимью за их проступки так, чтобы они не были унижены и не лишились ничего из своего имущества. Денежный штраф с них не должен

Untitled

превышать одного дуката. А бедные и малоимущие должны быть отпущены с одной епитимьей, которую они отбудут или у себя дома, или тайно в присутствии только секретаря и инквизиторов в зале заседания трибунала. Таким образом, все совершившие проступки ереси объявят свою вину, получат отпущение и будут в состоянии служить Богу и спасти свои души. Великий инквизитор и все бывшие на совещании отвечали, что это дело моего великого человеколюбия, очень полезное для всего царства, благодаря чему искоренятся все обнаруженные ереси и заблуждения. Каждому из кающихся предлагалось целительное средство для спасения. Так делалось во всем царстве, и вследствие этого мое царство стало чисто от ересей, заблуждений и суеверий.

С тех пор все делалось согласно постановлению совещания: во всех тюрьмах устроены были капеллы, и в них ежедневно служили обедни, исповедовали и причащали в Светлую седмицу, когда передавали осужденных в руки светской власти, и, когда они пожелают, не говоря об этом, начальник тюрьмы призывал их к духовнику. Узникам инквизиции открывали имена свидетелей, они знали их и видели, как они присягали; обвиняемых и их поверенных вызывали в суд, где их допрашивали с большой внимательностью, совершили ли они проступки, в которых их обвиняют, зная, что они противны нашей святой вере; их не осуждали за ереси, только налагали на них некоторую епитимью и выпускали на свободу к себе домой. Со времени совещания впредь все делалось в инквизиции, как было определено на совещании великого инквизитора и всех инквизиторов и

Untitled

многих других ученых богословов, канонистов и правоведов, находившихся на собрании. При таком порядке исчезли все заблуждения в царстве, так как каждый был рад объявить свою вину, зная, что с легкой епитимьей, без позора и без потери имущества и чести, его разрешат от грехов. Все видели, с какой любовью и милосердием обращались с ними и наставляли их истине относительно их заблуждений; все шли, утешенные и довольные инквизиторами, и знали, что те бескорыстно заботятся только о спасении их душ и об уничтожении заблуждений. Все они служат Богу, и это для них самая большая награда или, лучше сказать, все богатства земли и неба вместе, поскольку Бог сам попечется, пока мы живем, о всем необходимом в этой жизни, а затем на Небе прославит нас, так что здесь и там нам нечего больше желать. По прошествии нескольких дней почти нечего было делать во всех трибуналах инквизиции, хотя постоянно имелись инквизиторы для устрашения дурных людей, которые ничего не дерзали ни говорить, ни делать против нашей святой веры. Таким образом дурные исправлялись страхом наказания, а хорошие становились лучше, так как прилагали больше старания, видя наказание преступников {Если бы не было инквизиторов, епископы исполняли бы их обязанности, как в прежние века.}.

Я приказал также (говорит король Пруденциан), чтобы впредь инквизиторы занимали должность до трех лет и чтобы они не возвращались к этой деятельности там, где служили раньше, даже если были очень честны, пока не пройдет двенадцать лет. Но если случится, что их назначат на службу в другие города или городки, в этом не будет для

Untitled

них обиды, так как они могут быть переведены из одного города в другой. Это кажется мне хорошим распоряжением, так как судьи и инквизиторы будут настороже, видя, что принимают во внимание, как они исполняют свою службу, и никто на службе не станет просить их сделать что-либо дурное, зная, что они не вернутся к той же должности в этот город или городок. Негоцианты будут иметь смелость просить их о своих делах, зная, что они больше не судьи их. При всем этом я не беспечен и верю, что, если понадобится приложить больше заботы, Бог научит меня для своей славы и для спасения заблудших душ, чтобы мне исполнить свои обязанности по служению ему. Меня известили об одной вещи, от которой получается большой вред и происходят пререкания в народе всего царства: когда конфискуется имущество какого-либо осужденного, требуют [вернуть] приданое, которое он дал своим дочерям, и переделают наследство, отданное им при жизни. Так как мужья видят, что у них отобрано приданое, они в отчаянии, что им нечем поддерживать существование, особенно лица почтенные, скрываются и покидают жен и разоренных детей или дурно обращаются с ними, видя, что потеряли имущество, которое получили вместе с ними. Отсюда рождается много других бедствий. Мне показалось, что лучше не разлучать вступивших в брак, чем сочетать браком сирот, и лучше не делать нищими имеющих средства к жизни, чем подавать милостыню неимущим. Также нет причины, чтобы те, кто вступил в торговые сделки с осужденными, считая их принадлежащими к хорошим христианам, потерпели ущерб, так как за ними нет никакой вины. Я приказал,

Untitled

чтобы, когда конфискуется имущество осужденного за ересь, отчуждалась только та часть, которой он владел в момент ареста, и чтобы из этого имущества были погашены все долги его и уплачено приданое, обещанное им его сыновьям и дочерям, потому что в то время, как другие лица вступали с ним в договоры, они не могли этого знать. Поэтому я приказал, чтобы после осуждения виновного были исполнены все договоры и соглашения так, как они были бы исполнены, если бы он не был осужден; чтобы не требовали обратно приданого и подарков, данных им своим дочерям и сыновьям; чтобы все договоры и дарения имели законную силу, как будто он не был осужден. Я известил всех инквизиторов, чтобы в случае какой-либо конфискации имущества они ничего не предпринимали бы, не уведомив меня сначала о размере его имущества, о числе сыновей и дочерей и о их положении, и о том, хорошие ли они христиане. Если дети порядочны и добродетельны, они неповинны в проступках, совершенных отцом или матерью, и нуждаются для своего существования в имуществе; мне кажется, что будет великой милостью оставить им имущество для поддержания существования, и почти всегда, когда имеются дети, я их награждаю имуществом их отцов. Если имущество очень значительно, а их немного, я делю его им, и они остаются довольны. Видя, что я ищу не временных выгод, а пользы духовной и телесной, они питают ко мне любовь и, что бы ни делали, стараются мне угодить и делают все по моему желанию; таким образом, они и я, мы живем довольные друг другом, и Бог оказывает нам свое щедрое милосердие.

Untitled

В инквизиции произошли серьезные изменения (говорит король Пруденциан) из-за невозможности дурных поступков или подозрения в них. Инквизиторы и чиновники инквизиции получали жалование с конфискованного имущества или со штрафов, налагаемых на виновных; поэтому многие подозревали, что они назначали денежные штрафы в большом количестве, чтобы поддержать свои доходы и не лишиться пенсий и жалований. Для уничтожения этого подозрения я испросил папское брeve, которым в каждом кафедральном соборе две должности каноников, как только они освободятся, будут отданы двум инквизиторам, а два прихода в епархии - секретарям, причем инквизиторы и секретари, имеющие каноникаты и приходы, будут пользоваться ежедневными раздачами, пребывая в инквизиции в будни, а по воскресеньям и праздникам они обязаны служить обедню и пребывать в своей церкви, как и другие каноники и священники. Если они не будут делать этого, они потеряют раздачу, обычно получаемые в эти дни. Лучшие из этих каноникатов будут отданы инквизиторам совета инквизиции, а лучшие приходы - его секретарям. Когда двор находится в городе, они будут обязаны служить обедню и пребывать там по воскресеньям и праздникам. Но если двор не будет в том городе, где у них каноникаты и приходы, они получат доход, хотя бы не были там в эти дни. Однако, во всяком случае, они обязаны служить обедню в праздник Пасхи и в Святую неделю и пребывать эти дни в своей церкви; а если их не будет там, они потеряют права на получение дохода, раздаваемого в эти дни. Уничтожение повода говорить или делать дурное принесло большую пользу, и

Untitled

благodeяния церкви распространились на лиц, которые ей полезны, уничтожая заблуждения и научая истине нашей святой католической веры".

Примечание. Эта копия снята с рукописного подлинника, который хранится в научной библиотеке королевского дома св. Исидора в Мадриде, некогда бывшего императорской коллегией иезуитов. Согласно заметке на полях этот том принадлежал иезуиту по имени Энрикес. Нетрудно узнать, что не он составил этот труд, потому что он написал на полях двенадцатой книги следующие слова: "Автор этого произведения кажется подозрительным, если поразмыслить о мнениях, которые он исповедует и предлагает относительно инквизиции". Я предполагаю, что кардинал Хименес де Сиснерос, когда он был только еще архиепископом Толедо, велел написать его по смерти королевы Изабеллы и до своего назначения на должность главного инквизитора, потому что до тех пор он не любил святого трибунала. Он переменял мнение, когда стал его главой.

<> XI <>

Указ инквизиторов, известный под именем указа о доносах. Его прочитывают ежегодно после Евангелия за торжественной литургией в третье воскресенье Великого поста, в одной из церквей города, где пребывает трибунал святой инквизиции. Эта публикация оповещается накануне. На другой день инквизиторы приходят в Церковь с большой торжественностью, в сопровождении приспешников инквизиции. После литургии они возвращаются в дом инквизиции. Я говорил о содержании этого указа в местах, указанных под строкой {В томах 1, 2

Untitled

на разных страницах.}. Однако мне показалось удобным познакомить читателей с этим документом в целом виде, чтобы все могли лучше убедиться в причудливости и жестокости судопроизводства в то время, когда почти невозможно или, по крайней мере, очень редко можно было встретить уроженца Испании, который был бы евреем, мавром, лютеранином, иллиминатом или последователем одного из тех учений, которые в прежнюю эпоху послужили мотивом или причиной подобных указов. (Перевод с испанского)

"Мы, инквизиторы еретической испорченности и отступничества в королевстве, архиепископстве Валенсии и епископствах Тортосы, Сегорбе, Альбарасина и Теруэля, назначенные и уполномоченные апостольской властью и проч. Всем гражданам и жителям, находящимся и пребывающим во всех городах, городках и местечках нашего округа, какого бы состояния, положения, ранга и сана они ни были, свободным и несвободным, каждому в отдельности и кому бы то ни было из вас, до чьего сведения дошло бы содержание этого нашего указа каким бы то ни было образом, [посылаем] приветствие о Господе нашем Иисусе Христе, который есть истинное спасение, и нашим заповедям, которые поистине именуются апостольскими, [повелеваем] повиноваться, соблюдать их и исполнять. Мы оповещаем, что прокурор-фискал святой инквизиции представил нам и доложил, чтобы нам было известно, что с некоторых пор во многих городах, городках и местечках нами не производилось инквизиции и общей ревизии, вследствие чего до нашего сведения не дошли некоторые проступки, совершенные и учиненные против

Untitled

нашей святой католической веры, и остались без наказания и кары; отсюда проистекли большой ущерб в служении нашему Господу и вред для христианской религии, поэтому нам следует приказать и произвести инквизицию и общую ревизию, прочтя об этом публичный указ и наказав виновных; чтобы наша святая католическая вера возвеличилась и расширилась. Мы, сочтя эту петицию справедливой, желая приложить усилия к тому, что подобает служению нашему Господу Богу, повелеваем издать и издаем настоящий указ вам и каждому из вас с тем расчетом, чтобы вы сказали и объявили нам, если узнаете, или услышите, или увидите, или поймете из разговора, что какой-нибудь человек или какие-нибудь люди, живые, пребывающие здесь, отсутствующие, умершие, исполняли, говорили или верили в некоторые убеждения или слова еретические, подозрительные, ошибочные, безрассудные, непристойные, соблазнительные или богохульные против нашего Господа Бога и его святой католической веры и против того, что содержит, проповедует и чему учит наша святая мать римская Церковь.

Следует доложить, если вы знаете или слышали, что какое-либо лицо или лица соблюдали субботы для почитания, соблюдения и послушания закону Моисееву, одеваясь в чистую одежду или лучшие праздничные платья, постилая на кровать чистые простыни для почитания означенной субботы; не зажигая огня и не делая ничего другого, остерегаясь этого, пока длится пятница. Или кто вымыл и очистил от сала мясо, приготовленное для пищи, кладя его в воду, чтобы обескровить. Или кто

Untitled

вынул железы из задней части бараньей ноги или из мяса другого животного. Или кто зарезал животных или птиц для приготовления пищи, произнося известные слова, пробуя сначала нож ногтем, чтобы видеть, не имеет ли он зазубрин, прикрывая кровь землей. Кто ел мясо Великим постом и в другие запрещенные святой матерью-Церковью дни без нужды в этом, считая и думая, что он может его есть без греха. Или кто соблюдал Великий пост, называемый постом прощения, ходя в эти дни босиком. Или если они произносили молитвы евреев и ночью просили взаимно прощения, причем отцы возлагали на головы детей руки, не крестя их, ничего не говоря или произнося: будьте благословенны Богом и мною, как повелевает закон Моисеев и требует его обрядность. Если они постились в пост царицы Эсфири или в пост ребиам {Такого слова нет в еврейском языке; разрушение храма отмечается постом в девятый день месяца аба (тише бе-аб)}. В память двукратного падения Иерусалима и разрушения храма (в первый раз халдеями в 586 году до нашей эры, второй раз римлянами в 70 году нашей эры) установлен день для поста и траура. "Пять бедствий обрушились на наших предков в девятое аба: произнесен был божественный приговор над выходцами из Египта, чтобы они погибли все в пустыне и не вступили в обетованную землю; разрушены были первый храм и второй; взята была римлянами крепость Бетар (Бар-Кохбы) и вспахан был, как поле, святой град". (Так говорится в Талмуде об этом еврейском национально-траурном дне.) К этим пяти бедствиям позднейшая мартирология евреев прибавила шестое: изгнание евреев из Испании,

Untitled

совершившееся в 1492 году также в день девятого аба. Естественно, что воспоминание об этом дне пустило глубокие корни среди евреев, принимающих на веру точную дату всех шести бедствий; отсюда обычай, сохранившийся в Польше, России, Румынии до самых последних дней, отмечать этот день разными траурными признаками, между прочим, не носить обуви и ходить босиком в течение всего дня. Этим объясняется русское название девятого аба - "босины", слово, неверно истолкованное В. И. Далем, а потом и академическим словарем русского языка, как еврейский праздник, обряд омовения ног. (Примеч. ред.)}, который называется постом разрушения святого храма, или соблюдали другие посты евреев среди недели, в понедельник и в четверг, не принимая пищи в эти дни, пока ночью не выступят звезды, и с ночи не вкушая мяса, моясь накануне дней этих постов, остригая ногти и кончики волос на голове, сберегая или сжигая их, произнося еврейские молитвы, поднимая и опуская голову, обернувшись лицом к стене, перед произнесением их моя руки водой или песком, одеваясь в костюмы из саржи, этамина или полотна, с нитями, висящими по концам с узлами. Или они праздновали Пасху опресноков, начиная есть в эти дни латук, сельдерей и другие овощи. Или праздновали праздник кущей, расстилая зеленые ветви и украшения, вкушая и прощая друг друга. Или соблюдали праздник светильников, зажигая свечи одну за другой до десяти часов вечера, а затем принимаясь их гасить, произнося еврейские молитвы в эти дни. Или если благословляли стол, по обычаю евреев, и пили кошерное вино. Или делали бараху, беря в

Untitled

руку сосуд с вином, произнося над ним известные слова и давая выпить каждому по глотку. Или если ели мясо, зарезанное рукой евреев, и ели его за столом с ними и с их пищей. Или если читали псалмы Давида без малого славословия. Или если ждали Мессию. Или говорили, что Мессия, обещанный в законе Моисея, не пришел, но придет, и надеялись, что он избавит их от пленения, в котором они, по их словам, находятся, и приведет их в обетованную землю. Или если какая-нибудь женщина остерегалась в течение сорока дней после родов ходить в храм, по обряду Моисеева закона. Или по рождении младенцев обрезали их, или давали еврейские имена и так звали их. Или стирали миро или мыли крещеным те места, которые были помазаны елеем и миром. Или на седьмую ночь по рождении младенца ставили сосуд с водой, клали в него золото, серебро, жемчуг, пшеницу, ячмень и другие предметы, и купали младенца в этой воде, произнося известные слова. Или если некоторые вступали в брак по еврейскому обряду. Или если делали руайя (ruaya) {Такого слова в еврейском языке нет; вообще ряд описываемых здесь еврейских обычаев является по-видимому плодом фантазии инквизиторов. (Примеч. ред.)}, что бывает, когда кто-либо отправляется в дорогу. Или если они носили еврейские ладанки. Или если, меся тесто, берут комок теста и сжигают его в виде жертвы. Или если, когда умирающего поворачивают к стене, а мертвого обмывают теплой водой, бреют бороду, подмышки и другие части тела, надевая на него новое белье, кальсоны и сорочку, кладя сверху сложенный плащ, под голову подушку с неспаханной землей или в рот монету или другую

Untitled

драгоценную вещь. Или причитают над ним, или разливают воду из кувшинов и кружек в доме покойного и в соседних домах по еврейскому обряду, вкушая на земле за дверями рыбу и маслины, а не мясо для выражения печали по умершему, не выходя из дому в течение года, по правилам Моисеева закона. Или если они хоронят их в невспаханной земле или на еврейском кладбище. Или если кто-либо обратился в еврейство. Или если кто-нибудь сказал, что закон Моисеев так же хорош, как закон нашего искупителя Иисуса Христа.

Или если знаете или слышали, что некоторые лица говорили и утверждали, что вера Магомета хороша; что нет другой для вступления в рай; что Иисус Христос не Бог, а пророк; что он не родился от нашей Владычицы, которая до рождества и в рождестве и по рождестве пребывала девой. Или что они исполняли некоторые обряды и церемонии магометанской религии, соблюдая ее правила. Если, например, они чтили пятницы, как праздники, вкушая в них мясо, или в другие запрещенные святою матерью-Церковью дни, говоря, что это не грех, одеваясь в эти пятницы в чистые сорочки и другие праздничные платья. Или резали птиц, скот или что другое, всаживая нож, оставляя острие в голове, повертывая лицо кибле {Кибла (по-русски чаще - кыбла) значит встречное направление, а отсюда - место, к которому мусульмане обращаются лицом во время молитвы (к Мекке). (Примеч. ред.)}, то есть к востоку, говоря Vizmelea {По-видимому, следует читать "bism Allah", так называется у мусульман бенедикция при резке скота. Значат эти слова - "во имя Аллаха". (Примеч. ред.)} и связывая ноги животным. Или

Untitled

что они не едят никаких птиц, зарезанных рукою женщины, не желая, чтобы их убивали женщины, так как это запрещено религией Магомета. Или что они обрезали своих детей, давая им мавританские имена и называя их так. Или что они называли себя именами мавров; или что они довольны, если их так зовут. Или они сказали, что нет Бога, кроме Бога, и Магомет Пророк Его. Или они клялись кыблой, или произносили "Alaymincula" {Графически это слово следует изображать так: "alayman kullana" и значит оно - "клятвами всеми". Долгое а здесь передается через 'i, а k через c, а конечные три буквы изображены одной буквой a. (Примеч. ред.)}, что значит - всеми клятвами. Или они постились в пост romada {Следует писать "Romadan" - месяц поста. (Примеч. ред.)}, соблюдая свою Пасху, подавая бедным милостыню, не принимая пищи и питья во весь день, пока ночью взойдет el sahor {"El sahor" следует писать "as-sahr" - заря, рассвет, еда перед рассветом в месяц рамазан. (Примеч. ред.)}, вкушая тогда мясо или что пожелает. Или они устраивали пирушку, поднимаясь по утрам до принятия пищи и после еды моя рот и ложась в постель. Или они делали el Guados {Следует писать "el wudu", то есть омовение (ритуальное); здесь w передано через gu; непонятна буква c в конце слова "диадос". (Примеч. ред.)}, моя руки от ладони до локтя, лицо, рот, ноздри, уши, ноги и детородные части. Или творили el Cala {По-видимому, речь идет о пятикратном ежедневном совершении мусульманского богослужения as-Salah, по-русски иногда передается через "залат". (Примеч. ред.)}, повернув лицо к кыбле, ставши на циновку или на ковер, поднимая и опуская голову, произнося известные слова

Untitled

по-арабски, читая молитву андулилей {Нужно писать не "andululey", а "audu billahi" - "прибегаю к Аллаху (ищу защиты от сатаны)" - молитвенная формула. (Примеч. ред.)}, колуа, лагуахат {Следует писать не "colhua, у languhat", а "kulhuwa-llahu ahad" - "скажи - он Аллах единый", - начало 112-й суры Корана, часто читаемой как молитва. Здесь ошибочно слова одной фразы разбиты запятой и союзом. (Примеч. ред.)} и другие молитвы мавров. Или совершали празднество барана, представляя его умершим, сделав сначала гвадок. Или они вступали в брак по обряду и обычаю мавров. Или пели песни мавров, устраивали танцы и празднества с запрещенными инструментами. Или соблюдали пять заповедей {Пять заповедей (пунктов) таковы: 1) признание единого Бога и Магомета его посланником; 2) ритуал богослужения (залат); 3) милостыня (цакат); 4) пост; 5) паломничество к гробу Господню (Кааба в Мекке). (Примеч. ред.)} Магомета. Или возлагали на себя, на своих детей или на других лиц хансу {Ханса - нужно hamsa, пятерня (изображение руки Фатимы, дочери Магомета, которому придается значение талисмана). (Примеч. ред.)}, то есть руку, в воспоминание о пяти заповедях. Или обмывали умерших, надевали на них новое белье, хоронили их в невспаханной земле, в рыхлых могилах, кладя их боком, с камнем в головах, ставя в могилу зеленые ветви, мед, молоко и другие яства. Или взывали и призывали Магомета для своих нужд, называя его Пророком и посланником Божиим. Или говорили, что первым храмом Божиим является храм в Мекке, где, по их словам, погребен Магомет. Или говорили, что они крестились, не приняв нашу святую католическую веру.

Untitled

Или говорили, что блаженство получили их отцы и предки, умершие маврами или евреями. Или говорили, что мавр спасается своей религией и еврей своим законом. Или если кто-нибудь отправился в варварские владения и отрекся от нашей святой католической веры, или отбыл в другие страны и места из этих "королевств, чтобы вернуться к магометанству или иудаизму. Или совершали другие обряды и церемонии мавров.

Или если вы знаете или слышали, что кто-либо говорил, утверждал и думал, что лживая и вредная секта Мартина Лютера и его последователей хороша. Или считали верными и одобряли некоторые его мнения, говоря, что не нужно исповеди перед священником, что достаточно исповедаться одному Богу. Что ни папа, ни священники не имеют власти отпускать грехи. Что в освященной гостии нет истинного тела Господа нашего Иисуса Христа. Что не надо молиться святым. Что не надо иметь икон в церквях. Что нет чистилища. Что не надо молиться за усопших. Что не нужно [добрых] дел, достаточно для спасения веры и крещения. Что каждый может исповедовать и причащать друг друга хлебом и вином. Что папа не имеет власти раздавать индульгенции, отпущения, буллы. Что клирики, монахи и монахини могут вступать в брак. Что не надо ни монахов, ни монахинь, ни монастырей и следует оставить монашеские обряды. Что Бог не устраивал и не устанавливал монашества. Что брак есть лучшее и более совершенное состояние, чем монашество клириков. Что нет других праздников, кроме воскресных дней. Что не грех есть мясо по пятницам, в Великий пост и в дни воздержания, потому что нет ни одного запретного дня.

Untitled

Или что они поддерживали и считали верным то или другое мнение Мартина Лютера и его последователей. Или выехали из этих королевств, чтобы стать лютеранами. Или если вы знаете или слышали, что какие-либо лица, живые или умершие, говорили и утверждали, что хороша секта иллюминатов или квиетистов. В частности, что духовная молитва есть божественное предписание и что в ней заключается все остальное. Что молитва есть таинство внешнее. Что духовная молитва имеет ценность. Что устная молитва мало значит. Что рабы Божий не должны работать и заниматься мирскими делами. Что не следует повиноваться ни епископу, ни священнику, ни настоятелю, если он прикажет такое, что мешает часам духовной молитвы и созерцания. Или плохо отзывались о таинстве брака. Что никто не может знать тайны добродетели, если он не будет учиться у проповедующих эту вредную теорию. Что никто не может спастись без молитвы, которую творят эти учителя, не исповедуясь им вообще. Что состояние возбуждения, дрожь и обмороки, случающиеся с ними, суть знамения любви Божией и что через них познается, что они в благодати и получили Духа Святого. Что совершенные не имеют нужды в творении добрых дел. Что можно видеть в этом состоянии сущность Божию и тайну Троицы, если достигнуть известной степени совершенства. Что Дух Святой непосредственно управляет теми, кто так живет. Что только надо следовать внутреннему движению или вдохновению, чтобы начать или перестать действовать. Что во время возношения святейшего таинства по обряду и необходимой церемонии следует закрывать глаза. Что кто-либо говорил и утверждал, что достигшие известной

Untitled

степени совершенства не могут видеть святых икон, слушать проповедей и слова Божия, и поддерживали другие пункты этого вредного учения.

Или если вы знаете или слышали о каких-либо других ересь, в особенности что нет ни рая для прославления добрых, ни ада для злых. Что есть только рождение и смерть. Или некоторые еретические богохульства, как, например, не верю, не доверяю, отрицаю - против нашего Господа Бога, девства и чистоты Владычицы нашей Девы Марии или против святых мужей и жен, прославленных на небе. Или что имеют или имели приближенных духов, взывали к бесам и чертили круги; или спрашивали их и надеялись получить от них ответ. Или были колдунами и колдуньями; или заключили тайный или явный договор с дьяволом, смешивая для этого священные вещи с мирскими, приписывая созданию то, что принадлежит одному Создателю. Или что кто-нибудь, будучи клириком или посвященным или постриженным монахом, женился. Или что кто-либо, не имея степени священства, служил обедню и совершал какие-либо из таинств нашей святой матери-Церкви. Или что какой-либо духовник или духовники, клирики, монахи, какого бы ни были они состояния, сана и положения, при таинстве исповеди, или раньше, или непосредственно после нее, по случаю исповеди, под предлогом и видимостью ее, хотя бы в действительности не производили исповеди, или хотя бы вне случая исповеди, но находясь в исповедальне или в каком-либо другом месте, где происходит исповедь и которое предназначено и указано для этого, - обманув и давши понять, что они будут исповеданы, или слушая

Untitled

исповедь, побуждали или покушались побуждать некоторых особ, подстрекая и вызывая их на постыдные и бесчестные поступки, как с духовником, так и с другими, или имели с исповедницами неприличные и бесчестные разговоры. Мы увещеваем и повелеваем всем духовникам, чтобы они внушали исповедницам, о которых знают, что они были совращаемы таким образом, обязанность доносить святой инквизиции на совратителей, которая в частности ведает расследованием этого проступка. Или если кто-либо вступил в брак вторично или многократно при живой жене или живом муже. Или что кто-либо говорил и утверждал, что простой блуд или ростовщичество, или лихоимство, или клятвопреступление не есть грех. Или что лучше жить во внебрачном сожителстве, чем в браке. Или что хулили и бросали святые иконы и кресты. Или что кто-либо не верил в члены веры или в чем-либо сомневался относительно их. Или в течение года и больше оставался без причастия, или кто презирал и считал за ничто кары святой матери-Церкви, делая или говоря что-либо противное ей. Или если вы знаете или слышали, что кто-либо под предлогом астрологии и чтобы узнать по звездам и их расположению, по чертам и линиям рук или другим каким способом, образом, искусством или иными средствами, отмечает и возвещает будущее, зависящее от свободы и свободной воли человека, или неожиданные случаи, которые должны произойти, или исполнившееся и совершившееся в прошлом тайно и свободно, говоря, утверждая и давая понять, что существуют правила, искусство, наука для познания подобных вещей. Или что они берутся за вопросы и советы, тогда как все в этих

Untitled

делах лживо, тщетно и суеверно, и тем наносят ущерб нашей религии и вносят смущение в христианский мир. Или если вы знаете или слышали, что некоторые лица имели у себя книги секты Мартина Лютера и других еретиков, или Коран и другие книги религии Магомета, или Библии на кастильском языке или другие книги, осужденные и запрещенные цензурой и каталогами святого трибунала инквизиции. Или что некоторые лица, не исполнив своего обязательства, стали говорить и объявлять, что знают. Или слышали, или говорили, или убеждали других, чтобы они не объявляли. Или подкупали свидетелей для ложного опорочения тех, кто дал показания святому трибуналу. Или что кто-либо дал ложные показания против других лиц, чтобы причинить им зло и вред и запятнать их честь. Или что они укрывали, принимали и покровительствовали еретикам, оказывая им поддержку и помощь, пряча и скрывая их и их имущество. Или что чинили те или иные препятствия свободному и правильному действию святой инквизиции, ее чиновников и служащих. Или сняли и заставили снять некоторые санбенито с тех мест, где они были помещены святым трибуналом, или поместили другие. Или что примиренные и подвергшиеся епитимьям со стороны инквизиции не соблюли и не исполнили наложенных на них штрафов и епитимий. Или если перестали носить публично платье примиренных поверх своей одежды. Или что некоторые примиренные или понесшие епитимью говорили, что то, в чем они признались в святой инквизиции, как относительно себя, так и относительно других лиц, неправда, и они этого не совершали и не делали, и что они говорили это из

Untitled

страха или по другим причинам. Или что они раскрыли тайну, которая была им поручена в святом трибунале. Или что кто-либо говорил, что релаксированные инквизицией были осуждены безвинно и умерли мучениками. Или что кто-либо из примиренных или детей и внуков осужденных за проступок и преступление ереси пользовался и пользуется общественной службой и почетом, хотя это воспрещено уголовным правом, законами и постановлениями этих королевств или инструкциями святого трибунала. Или что сделались клириками. Или что имеют какой-либо церковный или светский сан и его отличия. Или носили запрещенные предметы, как, например, оружие, шелк, золото, серебро, кораллы, жемчуг, камлот, тонкое сукно, или ездили верхом на лошади.

Или если вы знаете или слышали, что кто-нибудь дал, продал, подарил или собирается дать, продать, подарить лошадей, оружие, военные припасы и провиант неверным, еретикам или лютеранам, или что через их посредство они приобрели это каким-либо образом; или что для этой цели они переправили или помогли переправить или хотят переправить лошадей, военные припасы и провиант через проходы и порты в Беарн, Францию, Гасконь и другие страны; или продавали и покупали их, или продадут или купят их впредь; или способствуют и помогают этому, Против их и тех, кто это знал и не объявил, будет вестись процесс согласно опубликованным указам святого трибунала, по всей строгости закона, как против пособников еретиков.

Или если вы знаете или слышали, что кто-либо носил с

Untitled

собой освященные дары, тайно украв их или взяв их силой, думая, что при ношении их он не может получить вреда ни от кого или умереть насильственной смертью, совершая благодаря этому обстоятельству и отваге тяжкие и ужасные проступки. Или если какой-либо священник или другое лицо дал эти святые дары, чтобы он носил их с собой и для других дел.

Или если вы узнаете, или увидите, или услышите о ком-либо, что он совершил гнусное преступление содомии.

Или если вы знаете, что во владении какого-либо писца или секретаря, или другого лица находятся некоторые процессы, акты, доносы, информации, улики, касающиеся преступлений, отмеченных в этом нашем указе. И если вы увидите или услышите, что кто-либо удерживает или владеет некоторым имуществом, конфискованным инквизицией, или каким-либо образом имеет отношение к нему.

Поэтому настоящим указом мы убеждаем, увещеваем и просим, в силу святого послушания и в силу верховного отлучения от Церкви в полном объеме, после трех канонических увещаний (*latae sententiae, trina canonica monitione praemisa*), повелеваем всем и каждому из вас, если узнаете или предположите, или увидите, или услышите, что кто-либо сделал, сказал, поддерживал или утверждал что-нибудь из вышесказанного и объявленного или что-либо другое против нашей святой католической веры и того, что содержит, проповедует и чему учит наша святая мать-Церковь римская, как о живых, пребывающих или отсутствующих, так и о умерших, не сообщая об этом

Untitled

никому (потому что так подобает), лично приходить и являться к нам, чтобы сказать и заявить, в течение первых следующих шести дней после того, как этот наш указ будет прочтен и опубликован, или как только узнаете о нем каким-либо образом. Мы предупреждаем вас, что по прошествии означенного срока, если вы не исполните этого, вы навлечете на себя вышеназванные кары и церковные наказания, и мы будем вести процесс против мятежников и ослушников, против лиц, которые злонамеренно умалчивают и скрывают эти вещи и дурно думают о делах нашей святой католической веры и о наказаниях церковных. И так как разрешение преступления и проступка ереси исключительно предоставлено нам, мы повелеваем, под страхом той же кары, всем и каждому духовникам, клирикам и монахам, не разрешать никого, кто окажется в этом виновным, не сказав и не заявив святому трибуналу того, что от него узнают или услышат, прежде чем отошлют его к нам, чтобы была узнана и удостоверена истина, злые были наказаны, добрые и верные христиане были известны и почтены, и наша святая католическая вера усилилась и возвеличилась. Чтобы все вышесказанное дошло до сведения всех и никто не мог отговариваться незнанием, ныне повелевается опубликовать этот указ. Дан в...".

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Виана - город в испанской провинции Наварре, с главным городом Памплоной. Принц королевства Наварры носил титул принца Вианы (или инфанта Вианы).

2 Пико де ла Мирандола Джованни - итальянский философ, теолог и каббалист эпохи Возрождения, родился

Untitled

в Модене в 1463 г., умер во Флоренции в 1494 г. Изучил арабский, халдейский и еврейский языки; особенно много занимался каббалой и поставил себе задачу примирить каббалу с христианством. В 1486 г. Пико де ла Мирандола издал в Риме свое знаменитое произведение "Conclusiones philosophicae, cabalisticae et theologicae" ("Философские, каббалистические и теологические выводы"), в котором выставил 900 тезисов "Обо всем" ("De omnire scribili"). Он приглашал ученых всего католического мира оспаривать их правильность, но папа Иннокентий VIII объявил 13 тезисов еретическими и запретил публичную защиту. Пико де ла Мирандола даже вынужден был бежать на короткое время во Францию. В 1489 г. он опубликовал апологию осужденных тезисов под названием "Apoloogia J. P. Mirandolae". В 1493 г. Александр VI Борджиа снял запрещение с тезисов Мирандолы. На диспуте перед Александром VI Пико доказывал, что каббала может служить полным подтверждением христианства, благодаря чему были спасены от сожжения еврейские книги. Из других работ Пико де ла Мирандолы следует упомянуть: 1) "Беседы против гадательной астрологии" ("Disputationes adversus astrologiam divinatricem"), где признается значение только за древней астрологией; 2) "Непtaplus" (мистический комментарий к Библии); 3) "Письма" ("Epistolae", Париж, 1499), блестящие остроумием и разносторонними знаниями. Избранные сочинения Пико де ла Мирандолы вышли в 1905 г. на немецком языке.

3 Каббала - еврейское мистическое учение, зародившееся во II - III вв. под влиянием учений персидской магии, египетской и греческой теософии. Слово "каббала"

Untitled

происходит от древнееврейского слова и означает "полученное по преданию учение". Каббала делится на теоретическую и практическую; первая содержит учение о Боге, об исходящем от него путем эманации множестве миров, о таинственном смысле цифр и букв, о перевоплощении душ. Практическая каббала содержит формулы, посредством которых можно будто бы угадывать сокровенное, предсказывать будущее и творить чудесное. Связь между теоретической и практической каббалой - общее обеим признание мистического смысла букв и имен библейских; относясь к Библии, как к шифрованному тексту, и применяя различные цифры (подставление числового значения букв, перестановка букв и т.п.), можно из одних слов получать другие и в последних будто бы видеть указания на будущее и сокровенное. С философской точки зрения на каббале видно влияние неоплатоников и гностиков.

4 Герцогство Валентинское (Valentinois) - старинная провинция королевской Франции (в Нижнем Дофине), ныне - часть французского департамента Дромы. Центр его - город Баланс на левом берегу Роны. До 1419 г. оно было графством, с 1446 г. принадлежит Франции. Четыре раза оно становилось герцогством; в первый раз в 1498 г. для Чезаре Борджиа, сына папы Александра VI.

5 Чезаре Борджиа - внебрачный сын кардинала Родриго Борхи, испанца, впоследствии папы Александра VI (1492 - 1503), известного под итальянизированной фамилией Борджиа; Чезаре Борджиа прославился своими преступлениями и вероломством. Он был убит при осаде Вианы в 1507 г.

Untitled

6 Леренские острова - на Средиземном море, у берега французского департамента Вар. Их два: Св. Маргариты и Св. Гонората.

7 Роза Ваноща - любовница папы Александра VI, от которого у нее было пятеро детей, в том числе Чезаре Борджиа и Лукреция.

8 Людовик XII - король французский (1498 - 1515).

9 Пэр Франции. - Сан пэра (pair) во Франции существовал с X в., был почетным званием вельмож королевской Франции, дававшим право членства в королевском совете и в особом суде пэров (cour de pairs), составлявшем часть тогдашнего парламента как высшей судебной инстанции страны. "Pair" от лат. "par", значит "равный". Пэры считались равными между собой. В 1789 г. пэрство было упразднено; в 1814 г. восстановлено и существовало до революции 1848 г.

10 Маргарита Бурбон. - Описка автора, называющего ее во французском оригинале Катериной, надо читать Маргарита; в дальнейшем Льоренте пишет то "Маргарита", то "Катерина".

11 Антуан Бурбон (1518 - 1562) - сын Шарля Бурбона, герцога Вандомского; в 1548 г. женился на Жанне д'Альбрэ, наследнице королевства Наваррского, и стал королем Наварры (1555 - 1562 гг.). Во главе католической армии Франции он боролся против гугенотов, которыми командовал его родной брат Луи Бурбон, принц Конде.

12 Герцогство Вандом - в теперешнем французском департаменте Луара-и-Шер. С IX в. оно было графством, с 1515 г. сделалось герцогством; первым герцогом был Шарль Бурбон, отец Антуана, короля Наваррского.

Untitled

13 Бар-ле-Дюк - город во французском департаменте Меза. Был столицей владетельного герцога Барского.

14 Мериндада (merindad) - судебный округ.

15 Катерина Медичи (1519 - 1589) - дочь Лоренцо II Медичи, правителя Тосканы, герцога Урбинского; родилась во Флоренции; в 1533 г. вышла замуж за Генриха II, короля французского. Трое из ее сыновей - Франциск II, Карл IX и Генрих III - были королями Франции. Она поддерживала во Франции гражданскую войну между католиками и гугенотами и была одной из главных виновниц известной Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) - резни гугенотов в Париже.

16 Карл IX - король французский (1560 - 1574). Во все время его царствования длилась гражданская война во Франции между католиками и гугенотами; при нем 24 августа 1572 г. произошла Варфоломеевская резня протестантов. Карл IX был бесхарактерным и слабым человеком; находился под влиянием своей матери Катерины Медичи (см. примеч. 15).

17 Мария Стюарт - дочь Якова V, короля Шотландии; родилась в 1542 г. и была объявлена королевой Шотландии в год своего рождения ввиду смерти своего отца. В 1558 г. вышла замуж за Франциска II, короля Франции. Овдовев, вернулась в Шотландию. Здесь вышла замуж за своего кузена Генри Дарнле, от которого имела сына, впоследствии Якова VI, короля Шотландии (1567 - 1603), а затем и Англии (под именем Якова I; 1603 - 1625). В 1568 г. была вынуждена отречься от престола; восставшие шотландцы после принятия протестантства заставили ее бежать; в Англии была задержана

Untitled

Елизаветой, королевой английской. Мария претендовала на английскую корону, стала центром феодально-католической реакции и, как заподозренная в участии в заговоре, была по распоряжению Елизаветы заключена в тюрьму; просидела в тюрьме восемнадцать лет; в 1587 г. казнена.

18 Анри Бурбон, принц Конде - не брат, а племянник Антуана Бурбона, сын Луи Конде. Он родился в 1552 г., в 1572 г. спасся от Варфоломеевской ночи лишь отречением от кальвинизма, но затем вскоре вновь вернулся к нему и в союзе с Генрихом IV выступил против католиков. Умер в 1588 г.

19 Елизавета - королева Англии (1558 - 1603), дочь короля Генриха VIII и его третьей жены Анны Болейн. Восстановила в Англии протестантство, введенное в 1531 г. ее отцом и упраздненное в пятилетнее правление ее сестры Марии (1553 - 1558), первой жены Филиппа II, короля испанского. В 1562 г. в целях укрепления в Англии протестантизма был обнародован акт о единообразии и билль 39 статей; основные положения билля и теперь еще в силе и составляют конституцию Англиканской Церкви. Англиканская Церковь - протестантская епископальная; покровителем ее (protector) считается царствующий государь. Эта религия находится в соответствии с интересами крупной торговой буржуазии. Елизавета постоянно защищала принцип государственной Церкви. В религиозном отношении, кроме иерархии, унаследованной от католичества, Англиканская Церковь сходна с кальвинизмом. Под предлогом мести за казнь католички Марии Стюарт, преследуя интересы католицизма и

Untitled

стремясь подорвать могущество Англии, становившейся серьезной соперницей Испании и помогавшей восставшим нидерландцам, Филипп II отправил против Елизаветы свою Непобедимую армаду, уничтоженную в 1588 г. у берегов Англии бурей. Елизавета управляла страной деспотически и редко созывала парламент (всего 13 раз за 45 лет своего царствования). Елизавета была по характеру груба, вспыльчива, тщеславна, властна. Она была образована в духе времени, гуманистическое образование получила под руководством Эшема, владела пятью языками, покровительствовала мореплаванию, торговле и искусствам. В ее царствование страна переживала сильный экономический подъем; торговля и промышленность делали быстрые успехи, и Англия превратилась в сильную морскую державу. При Елизавете велась активная колониальная политика и были заложены основы будущей колониальной империи. В царствование Елизаветы на литературном поприще выступала целая плеяда выдающихся писателей с Шекспиром и Бэконом во главе. Со смертью Елизаветы прекратилась династия Тюдоров.

20 Елизавета Валуа - дочь короля французского Генриха II и Катерины Медичи, третья жена Филиппа II, короля испанского, с 1559 г. Она родилась в 1545 г. и умерла в 1568 г. В тексте она нередко именуется Изабелла - это одно и то же имя; вторая форма - излюбленная в Испании.

21 Антуан Варильяс (Varillas; 1624 - 1696) - французский историк. Его сочинения: 1) "История Франции от Людовика XI до Генриха IV" ("Histoire de France de Louis XI a Henri IV"), Париж, 1683, 14 томов;

Untitled

2) "Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи" ("Anecdotes de Florence ou histoire secrete de la maison de Medicis"), 1685;

3) "История религиозных революций в Европе" ("Histoire des revolutions dans l'Europe en matiere de religion"), 1686 - 1696, 6 томов.

22 Николай де Невилль, сеньор де Вильруа (1542 - 1617) - государственный секретарь Франции с 1567 г. до смерти. После него остались "Мемуары" (1567 - 1604), напечатанные в 1622 г.

23 Братья Гизы. - Гизы (Guises) - знаменитая французская дворянская фамилия. В XVI в. жили шесть братьев, представители этой фамилии: 1) Франсуа, герцог де Гиз (1519 - 1563); 2) Шарль, кардинал Лотарингский; 3) Луи, кардинал Рейнский; 4) Клод, герцог Омальский; 5) Рене, герцог Эльбеф; 6) Анри, герцог де Гиз. Все они принимали активное участие в политической и религиозной жизни Франции XVI в.

24 Луи Бурбон, принц Конде (1530 - 1569) - глава кальвинистов во Франции, сын Шарля Бурбона, герцога Вандомского, и брат короля Антуана Наваррского (см. выше, примеч. 11).

25 Адмирал Шатильон, или Гаспар Колиньи, сеньор де Шатильон (1517-1572) - гугенот, принявший кальвинизм в зрелых годах и погибший в Варфоломеевскую ночь; прославился в 1557 г. геройской обороной Сен-Кантена против Испании; стоял за помощь нидерландцам против Филиппа II, за что и стал ненавистен воинствующему католицизму.

26 Аббат Сезар Вишар де Сен-Реаль (1639 - 1692) -

Untitled

французский историк. От него остались: 1) "История заговора испанцев против Венеции" ("Histoire de la conjuration des espagnols contre Venise"); 2) "Заговор Гракхов" ("Conjuration des Gracques"); 3) "Пользование историей" ("Usage de l'histoire").

27 Барон Блез де Монлюк (1502 - 1577) - губернатор провинции Гийены, ярый противник кальвинистов, за свою жестокость в войне с ними прозванный королевским мясником (boucher royaliste).

28 Анри д'Апремон, виконт д'Ортез (d'Orthez) - губернатор Байонны, жестоко расправлявшийся с протестантами.

29 Замок А (На) - крепость в Бордо, ныне не существующая.

30 Клод дел'Обеспин (Aubespine), барон де Шатонеф из Бургундии - государственный секретарь Франции, высказывавшийся постоянно в благоприятном для протестантов духе, противник Испании, дипломат. Умер в 1567г.

31 Анри Монморанси, герцог (1544 - 1614). - В 1566 г. был назначен губернатором Лангедока и маршалом, а в 1595 г. стал коннетаблем, уже при короле Генрихе IV. Он не умел писать. Анри (Генрих) Монморанси принадлежал к умеренной партии (les politiques), которая стремилась примирить католиков с протестантами. Эта умеренность и вызвала против него гнев Гизов и всей реакционной партии.

32 Оффициал - церковный судья по назначению епархиального епископа.

33 Фарнезе Алессандро, герцог Пармский - выдающийся генерал, участник битвы при Ленанто в 1571 г., губернатор

Untitled

Нидерландов, выступал против французского короля Генриха IV и был в 1592 г. убит под Кодебеком (ныне во французском департаменте Нижняя Сена).

34 Соборный индекс - индекс запрещенных книг, составленный особой комиссией по поручению отцов Тридентского собора после 1563 г.

35 Дон Хуан Австрийский - испанский генерал, побочный сын испанского короля Филиппа IV (1629 - 1679). Подавил восстание Неаполя и нанес поражение восставшей против Испании Барселоне, стремившейся соединиться с Францией. После смерти Филиппа IV впал в опалу, но при Карле II короткое время был первым министром и вызвал общее недовольство. Не следует путать с доном Хуаном Австрийским, побочным сыном императора Карла V.

36 Иоганн Эбергард Нитгард (Nithard) (1607 - 1681) - австрийский иезуит, двадцать четвертый главный инквизитор Испании (1666 - 1668); в малолетство Карла II был также правителем Испании. Получил отставку в 1669 г., сделался кардиналом в 1672 г.

37 Эдеса, ныне Урфа, или Руга - город в Месопотамии. С III в. нашей эры Эдеса переходила от римлян к византийцам, персам и арабам. С 1097 по 1146 г. принадлежала крестоносцам-латинянам, сделавшим ее феодальным графством, подчиненным Иерусалимскому королевству. С 1146 г. в руках мусульман.

38 Либерии - папа (352 - 355; 358 - 366), римлянин, Марцеллин Феликс Либерии. Он был выслан из Рима императором Констанцием II (337 - 361) во Фракию за то, что не хотел осудить Афанасия Александрийского в споре православных с арианами (император был арианин). В

Untitled

ссылке Либерии согласился подписать формулу первого Сирмийского собора, благоприятствовавшую арианам, что вернуло ему римский престол.

39 Гонорий I - папа (625 - 638), итальянец, уроженец Кампаньи. В письме к константинопольскому патриарху Сергию он выразил сочувствие монофелитам, за что посмертно был осужден на шестом Вселенском соборе 680 г. Монофелиты (единовольники) - еретики восточной Церкви. Признавали в Христе одну божественную волю и отрицали естество. Были распространены преимущественно в Сирии и Месопотамии; впоследствии слились с монофизитами, учившими, что Христос хотя рожден из двух природ (естеств), но не в двух пребывает.

40 Григорий XV - папа (1621 - 1623), итальянец, уроженец Болоньи, Александре Людовизи (1554 - 1623). Он возвел епархию Парижскую в архиепископство, основал в Риме коллегия распространения веры (de propaganda fide), канонизовал Игнатия Лойолу, основателя ордена иезуитов, помогал католическим армиям в борьбе с протестантами (в начавшейся Тридцатилетней войне).

41 Шестая заповедь. - У православных она седьмая ("Не прелюбодействуй").

42 Сусанна (еврейское слово, значит "лилия"). - Книга, рассказывающая о ней, ныне считается протестантами апокрифической; католики же считают ее канонической.

43 Бернардинский орден - цистерцианский орден, реформированный св. Бернардом (1091 - 1153), аббатом монастыря в Клерво.

44 Премонстранты - орден, реформированный из каноников - монахов св. Августина - св. Норбертом (1092 -

Untitled

1134) в 1126 г. Премонстранты носили белую сутану и белый нарамник.

45 Базилиане - древнейший из монашеских орденов, получил свое имя от св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, в Малой Азии, который основал в 357 г. в Понте, на берегу реки Ирис, монастырь со своим уставом. На Западе базилианский орден появился около 1057 г. в Южной Италии. Папа Григорий XIII реформировал его в 1579 г. К этому ордену принадлежат украинские монахи-униаты в Галиции (в теперешней Польше) со времени Брестской унии 1596 г.

46 Умирующие (agonisants) - трапписты. Орден их произошел от цистерцианцев. Он был основан в 1140 г. в 12 км от города Мортань (в теперешнем департаменте Орны) и реформирован в 1662 г. аббатом де Ране. Трапписты по уставу должны хранить абсолютное молчание, нарушаемое только при встрече с братьями в коридорах монастыря взаимным приветствием: "Помни о смерти" ("Memento mori"). В настоящее время заняты весьма прибыльной коммерческой деятельностью. Вот что пишет по этому поводу Лафарг: "Трапписты после того, как заменили свой лозунг "Брат, нужно умирать" лозунгом "Брат, нужно действовать", занялись также фабрикацией фарфоровых изделий". В этом же памфлете можно найти более подробные сведения о характере хозяйственной деятельности "умирающих".

47 Театинцы - орден, основанный в 1524 г. в Риме папой Павлом IV Карафтой, когда он был епископом города Кисти (в древности большой укрепленный город Theate). Отсюда они и получили название театинцев. Орден носил

Untitled

аристократический характер.

48 Ораториане - орден, основанный в 1550 г. в Риме св. Филиппом Нери (1515 - 1595) с целью сначала помощи паломникам, приходящим в Рим, а затем воспитания юношества в католическом духе.

49 Каноники - монахи св. Гроба, были установлены в Иерусалиме Готфридом Бульонским; потом они распространились по Европе.

50 Матуринцы, иначе тринитарии, или монахи Св. Троицы. - Орден был основан в 1199 году св. Иоанном Матою (1160 - 1213). Народ их иронически звал ослиными братьями, так как они ездили на ослах. Название матуринцев они получили оттого, что с 1226 г. в их ведении находилась в Париже церковь Св. Матурина (Mathurin). В эпоху Реформации этот орден был уничтожен в Германии, а во Франции упразднен в 1790г.

51 Минины - отрасль ордена францисканцев, или миноритов, учрежденная в 1455 г. св. Франциском из Паолы (1416 - 1507).

52 Пресидио (presidio) - каторжная тюрьма в Испании.

53 Санта-Фе-де-Богота - столица Колумбии в Южной Америке. Основана испанцами в 1538 г.

54 Пятая заповедь - в православной церкви шестая ("Не убий").

55 Авраам. - О жертвоприношении Исаака рассказывает Книга Бытия.

56 Седьмая заповедь - в православной Церкви восьмая ("Не укради").

57 Примас - глава местной церкви (первосвятитель).

Таковым в Испании является архиепископ города Толедо,

Untitled

древней столицы Испании.

58 Херес-де-лос-Кабальерос - город в испанской провинции Эстрамадуре. Имя получил от тамплиеров, или рыцарей (cabaleros) храма, которым он принадлежал.

59 Комплутенская (комплутензийская) Библия - Полиглотта, то есть многоязычная Библия, изданная кардиналом Хименесом в 1502 - 1517 гг. в испанском городе Алькала-де-Энаресе, который по-латыни называется Комплю(у)тум (Complutum).

60 Альфонса Сальмерон (1515 - 1585) - уроженец Толедо, один из основателей ордена иезуитов. Оставил "Толкования на Новый Завет", напечатанные в Мадриде в 1547 - 1602 гг. в восьми томах.

61 Гностики - мистическая христианская секта, возникшая в конце первого в. нашей эры, распространившаяся сначала в Сирии и Египте и вскоре проникшая в Византию, Северную Африку и Рим. Разбуженный христианством интеллектуальный интерес не мог успокоиться до превращения новой религии в метафизику, то есть в законченную систему миропонимания, и гностики - это те христиане, которые стремились, с одной стороны, приступом завоевать эллинскую культуру для христианства, а с другой - привить эллинской культуре христианские идеи. При известной близости между христианством и гностицизмом было одно коренное расхождение по центральному вопросу, а именно по вопросу о происхождении зла. Страх признать Бога творцом зла заставлял гностиков допускать совечную ему материю. Раз материя источает зло, гносис не мог допустить, чтобы творцом мира был Бог: появление мира

Untitled

оказывается оплошностью; отсюда безнадежный пессимизм гностиков. Мир - творение рук ангелов, демиурга, а не Бога. Душа и тело - темница для духа; их упразднение - главная цель усилий человека. Это презрение к плоти влекло гностиков к признанию призрачности явления Христа на земле (докетизм).

"Христос страдал не сам, но некто Симон Киринейский, который нес за него крест; этот Симон был по невежеству распят, сам же Христос только смеялся над распинавшими". Для раннего христианства докетизм был самым ярким признаком гностиков; они зачислялись в антихристы, потому что не исповедовали Христа пришедшим во плоти. Системы Тертулиана, Иринейя и Оригена вытеснили дуализм гностиков, но вопросы, которые ими были выдвинуты, еще долго вызывали движения дуалистического характера, как, например, манихейство, павликианство, богомилство, альбигойство, а также неоплатонизм с его могучим влиянием на все средневековое мирозерцание.

62 Эскуриал - дворец и монастырь в 35 км от Мадрида, выстроенный Филиппом II в 1557 г. в виде решетки, на которой, по преданию, погиб св. Лаврентий, в память победы, одержанной Филиппом II при Сен-Кантене над французами в день св. Лаврентия (10 августа 1567 г.). В Эскуриале погребены Карл V и Филипп II. Там находится картинная галерея и библиотека, богатая арабскими рукописями.

63 Мануэль Абад-и-ла-Сьерра - сорок второй главный инквизитор Испании (1792 - 1794).

64 В стране неверных (*in partibus infidelium*) - техническое

Untitled

выражение римской курии для титулования католических епископов по имени городов, которые некогда были епископскими, а затем оказались либо во власти мусульман, либо резиденциями епископов восточной Церкви (греческой, болгарской, сербской, русской).

65 Бальдассар де Мендоса-и-Сандобал - двадцать восьмой главный инквизитор Испании (1699 - 1705).

66 Кармелитки - женский монашеский орден, основанный в 1452 г. и реформированный св. Терезой в 1562 г.

67 Св. Иоанн Крестный (1542 - 1591) - основатель ордена босых кармелитов, признанных папой в 1580 г. Его прозвали Крестным потому, что в келье он имел только грубое ложе и большой крест из тростника. Он оставил после себя несколько мистических сочинений, напечатанных в 1619 г. (по-испански).

68 Стигматы - кровавые следы от ран, напоминавшие пять ран Христовых и выступавшие на теле некоторых католических мистиков. В большинстве случаев они воспроизводились искусственно с целью обмана. В других случаях следует предположить, что прилив крови к этим местам вызывался психофизической причиной.

69 Граф Ламораль Эгмонт (1522 - 1568) - нидерландский деятель, сначала был на службе Филиппа II в качестве генерала. Вместе с Горном он представлял оппозиционно настроенную аристократию Нидерландов, этой исключительно для того времени развитой в хозяйственном отношении страны. Со времени восстания Нидерландов решил содействовать освобождению своей родины от испанского гнета и вступил в сношения с восставшими против Испании. Схваченный герцогом

Untitled

Альбой, был обезглавлен.

70 Филипп де Монморанси-Нивель, маркиз Горн (1522 - 1568) - нидерландский деятель. Находился на службе у Карла V и Филиппа II. Однако в 1567 г. был арестован герцогом Альбой по обвинению в сношениях с Вильгельмом, принцем Оранским, главой восставших Нидерландов; был обезглавлен вместе с графом Эгмонтом, своим родственником.

71 Орден Золотого руна был учрежден в Брюгге (Бельгия) в 1429 г. Филиппом, герцогом Бургундским; в XVI в. гроссмейстером ордена стал Карл V, который передал этот сан своим преемникам, испанским королям.

72 Жак Огюст де Ту - (1553 - 1617) - президент парижского парламента, историк. Оставил после себя громадный труд: "История моего времени" ("Historia mei temporis"), обнимающий 1543 - 1607 г., в 138 книгах. При жизни он напечатал в 1604 г. только первую часть. В полном виде, с приложением его "Мемуаров" (1553 - 1601), "История" появилась в 1733 г. в семи томах.

73 Максимилиан II - император германский (1564 - 1576), сын императора Фердинанда I (1556 - 1564), брата Карла V; император Максимилиан II был и королем Чехии с 1556 г.

74 Чехия (или Богемия) была самостоятельным государством с половины VII в., королевством - с 1061 г. С 1526 г. перешла во владение Австрии. После войны 1914 - 1918 гг. стала самостоятельной республикой.

75 Вильгельм, принц Оранский (1533 - 1584) - вождь восставших против испанского владычества Нидерландов. Это восстание следует рассматривать как раннюю форму буржуазной революции, протекавшей под религиозными

Untitled

лозунгами. В 1567 г. Вильгельм Оранский объявил себя протестантом и встал во главе восстания; в 1574 г. был признан повстанцами графом Голландии и Зеландии, в 1579 г. содействовал организации Утрехтской унии, объединившей в одно государство северные провинции Нидерландов, составляющие ныне Голландию.

76 Маргарита Австрийская - внебрачная дочь императора Карла V, была замужем сначала за Алессандро Медичи, герцогом Флоренции (1530 - 1537), потом, с 1538 г., за Оттавио Фарнезе, герцогом Парм-ским (1547 - 1586).

Филипп II назначил ее правительницей Нидерландов (1558 - 1567). Умерла в Италии в 1586 г.

77 Юбилей (лат. *jubilaeum* от евр. *jobel* - козлиный рог) у евреев был каждый пятидесятый год. В католическом мире обычай празднования юбилеев ввел папа Бонифаций VIII в 1300 г. Сначала они были через 100 лет, потом через 50, через 33 года, а со времени папы Павла II (1464 - 1471) через 25 лет. В этот год давалось с известными церемониями полное отпущение грехов. Это был богатый источник доходов для римской курии.

78 Людовик XI - король французский (1461 - 1483), сын Карла VII; в 1456 г. он восстал против отца и бежал ко двору Филиппа, герцога Бургундского, где и прожил пять лет до своего вступления на престол.

79 Филипп, герцог Бургундский (1419 - 1467). - В 1429 г. учредил орден Золотого руна. Основал во Фландрии первую фабрику для выработки ковров.

80 Публий Овидий Назон (43 до н. э. - 17 н. э.) - римский поэт, современник императора Августа. В 9 г. он был сослан Августом в дикую страну гетов и сарматов в город

Untitled

Томы (ныне Констанца в Румынии). Его сочинения: 1) "Метаморфозы" ("Превращения"); 2) "Фасты" (календарь); 3) "Любовные элегии"; 4) "Наука любви"; 5) "Героиды"; 6) "Скорбные элегии"; 7) "Понтийские письма". Приведенная в тексте Льоренте строка - это стих: "Сын против жизни отца замышляет до срока".

81 Луи де Фуа - французский архитектор, который в 1558 г. построил дворец Эскуриал (см. примеч. 62). В 1584 г. он построил близ устья Жиронды на скале маяк, известный под именем Кордовской башни (Tour de Cordouan).

82 Анна Австрийская - дочь императора Максимилиана II, четвертая жена Филиппа II, мать Филиппа III, короля испанского.

83 Св. Иероним (Eusebiius Hieronymus) - учитель римской Церкви, родился около 340 года, умер в 420 г. После него осталось много сочинений и писем. Главным его трудом является перевод Библии на латинский язык, известный под именем Вульгаты.

84 Автор четвертого Евангелия (от Иоанна) и автор Откровения св. Иоанна Богослова, по суждению библейской критики, не идентичны. Апокалипсис, по мнению Гарнака, написан в 93 г. палестинским иудео-христианским писателем; он носит на себе отпечаток иудейских апокалипсисов II - I вв. до н. э. Четвертое Евангелие писано несколько позже. В нем заметны следы учения александрийского философа иудея Филона (род. около 30 г. до н. э.). Время написания определяется 110 г. И четвертое Евангелие, и Апокалипсис известны в Христианской Церкви со II в. н. э.

85 Томас Кранмер (1489 - 1556) - архиепископ

Untitled

Кентерберийский, примас Англии. Помог Генриху VIII ввести протестантство в Англии; при сыне Генриха VIII Эдуарде VI он установил новый чин литургии; при королеве Марии Кровавой Кранмер был арестован, осужден как еретик и сожжен на костре в 1556 г.

86 Мартин Босер (1491 - 1551) - сторонник реформации. Двадцать лет прожил в Страсбурге в качестве служителя культа, проповедника и профессора. С 1545 г. до смерти был профессором богословия в Кембридже. Постоянно колебался между учением Лютера и Цвингли. В Англии стоял за церковную иерархию. Главным его сочинением является "Толкование на псалмы", изданное в Страсбурге в 1529 г.

87 Читать мессу (исп. *decir la misa*, фр. *dire la messe*) - служить обедню. Католические обедни (литургии, мессы) могут совершаться двояким способом: 1) с участием хора певчих, и тогда она называется великая, или петая, обедня (*grand messe, messe chantee*), и 2) одним священником с мальчиком-аколитом, причем все молитвы и песнопения читаются, и тогда она называется тихая обедня (*messe basse*).

88 Св. Кирилл, патриарх Александрийский (412 - 444) - фанатичный борец против ересей. В числе его произведений есть "Сокровище, направленное против ариан".

89 Св. Епифаний Кипрский, епископ Саламинский (367 - 403) - известный ересиолог, в молодости из иудейства перешел в христианство. Владел пятью языками: еврейским, сирийским, коптским, латинским и греческим. Считал Оригена отцом всех ересей, особенно арианства.

Untitled

Из его сочинений дошли до нас: 1) "Панарий, или противоядие против ересей", и 2) "Якорь" (Анкорат).

90 Цилицип (cilicium) - широкий волосяной колючий пояс, который носят католические монашествующие миряне на голом теле для умерщвления плоти. Название произошло от шерстяной грубой материи, вырабатывавшейся некогда в Киликии (в Малой Азии) из козьей шерсти.

91 Аделантамиенто (adelantamiento) - округ, управляемый аделантадо, губернатором пограничной территории.

92 Брешиа - город в Ломбардии, в Северной Италии, в 80 км от Милана. Родина Арнольдо Брешианского (1100 - 1155), церковного реформатора и еретика, политического деятеля, десять лет стоявшего во главе Римской республики (1144 - 1154) и сожженного в 1155 г. Высшим духовенством был особенно ненавидим за то, что выступал против мирских богатств его.

93 Литании - длинные молитвы, которые состоят из обращений или воззваний ко Христу, Богородице и святым; они поются антифонно, то есть попеременно двумя половинами хора или хором и богомольцами во время католических молебнов.

94 Избави нас - взято из заключительных слов молитвы.

95 "Прииди, Создатель" ("Veni, Creator") - старинный гимн, употребляемый при католическом богослужении.

96 Суд присяжных основывается на том, что обсуждение дела и постановление приговора должны быть произведены незаинтересованной стороной. Обвинитель и защитник участвуют в состязательной части процесса.

Коронные судьи подводят утвердительный (да, виновен) или отрицательный (нет, не виновен) приговор присяжных

Untitled

под статьи действующего уголовного кодекса.

97 Кефалония - самый большой из Ионических островов, принадлежит Греции с 1863 г.

98 Прага - столица Чехии на реке Влтаве. Она основана около 759 г. потомками Пшемисла, основателя первой династии чешских королей.

99 Конгрегация индекса - постоянная комиссия из кардиналов, занимающаяся просмотром книг, выделением из них еретических или подозрительных и составлением списка запрещенных книг (так называемого Индекса, или каталога); основана папой Павлом IV (1555 - 1559).

100 Этьенн Балюз (1630 - 1718) - историограф, профессор канонического права в Париже. Его главные труды: 1) "Капитулярии франкских королей" ("Regum francorum capitularia"), 1677, 2 тома; 2) "Новый сборник соборов" ("Conciliorum nova collectio"), 1683, 1 том; 3) "Жизнь авиньонских пап" ("Historia paparum Aveniensem"), 1693, 2 тома; 4) "Смесь" ("Miscellanea"), изд. в 1674 - 1715 гг., 7 томов. Он особенно известен критическим изданием документов по церковной истории и каноническому праву.

101 Герцог Тосканский - в эти годы герцогом был Козимо I Медичи (1537 - 1574).

102 Марко Антонио Колонна, герцог Паллиано - итальянский деятель, один из представителей княжеской фамилии Колонна. В битве при Лепанто в 1571 г. командовал папскими галерами; после битвы состоял на службе у Филиппа II и был вице-королем Сицилии; умер в 1584г.

103 Урбан VII - папа (1590), итальянец, уроженец Рима, Джамбатиста Кастанья, прожил лишь 12 дней после своего

Untitled

избрания.

104 Авиньон - город во французском департаменте Воклюзе, на левом берегу реки Роны. С 1309 по 1377 г. был резиденцией пап. Находился во владении римских пап с 1348 по 1791 г., когда перешел к Франции.

105 Пиза - город в Тоскане, в Средней Италии на реке Арно, один из крупнейших центров средневековой торговли.

106 Патриарх Константинопольский. - Со времени завоевания Константинополя патицами католики учредили в нем свое патриаршество.

107 Сабина - название провинции Папской области, заключавшей в себе большую часть древней области сабинян. Отсюда получила имя епархия.

108 Сигнатура (ит. *segnatura*) - зал заседаний верховного суда в Ватиканском дворце папы, расписан фресками Рафаэля и его учеников; отсюда получил свое название папский суд, который нередко называется сигнатурой.

109 Эта строчка взята из поэмы Лукреция "О природе вещей" ("*De natura rerum*"). Тит Лукреций Кар - римский поэт (95 - 51 до н. э.). Философ-эпикурец. Его поэма проникнута принципами материализма и атеизма. Имеется русский перевод.

110 Миля - мера длины. Французская миля равна 4 км, испанская - 7 км.

111 Роберт Дедлеп, граф Лейстер (также Лейчестер) (Leicester; 1531 - 1588), любимец королевы Елизаветы Английской (см. выше, примеч. 19), канцлер Оксфордского университета, первый министр и наместник королевства.

112 Один из псалмов.

Untitled

113 Целестинцы - монашеский орден, основанный в 1254 г. итальянским подвижником-бенедектинцем Пиетро де Мороне. В 1294 г. он был избран папой под именем Целестина V, но отрекся спустя пять месяцев. Орден целестинцев был упразднен в 1778 г.

114 Золотой шпоры орден - учрежден папой Павлом III в 1534 г.

115 Борха - город в испанской провинции Арагоне.

116 Мартин - король Арагона (1395 - 1412), брат короля Хуана I.

117 Фердинанд I - король Арагона (1412 - 1416), племянник короля Хуана I.

118 Перу - республика в Южной Америке. С XII по XVI в. Перу была громадная империя инков, охватывавшая кроме Перу современную Боливию, Эквадор и часть Колумбии, Венесуэлы и Бразилии. Покорение Перу испанцами начато было Писарро в 1526 г., при Карле V.

119 Гримуар - сборник магических формул и заклинаний.

120 Педро Порто-Карреро - тринадцатый главный инквизитор Испании (1596 - 1599).

121 Фернандо Ниньо де Гвевара - четырнадцатый инквизитор Испании (11 августа 1599-1602).

122 Хуан де Суньига - пятнадцатый главный инквизитор Испании (с 29 июля по 20 декабря 1602).

123 Хуан Батиста де Асеведо - шестнадцатый главный инквизитор Испании (20 января 1603 - 8 июля 1607).

124 Луис де Алиага - восемнадцатый главный инквизитор Испании (4 января 1619-1621).

125 Жизнь подтвердила опасения испанских дворян. Изгнание морисков уменьшило доходность имений в

Untitled

округах Валенсии, Сарагосы и Таррагоны больше чем наполовину; в течение следующих двух веков ни разу доходность дворянских земель не поднималась до уровня конца XVI в. В герцогстве Гандиа, насчитывавшем свыше 60 тысяч морисков, доход четырех сеньорий упал с 53 153 ливров до 15 349; в десяти деревнях близ сеньории Гандиа пустовало свыше четырехсот домов, исчезли пять деревень, а четыре были совершенно безлюдны. В мемуарах, представленных Филиппом IV в 1634 г. папе Урбану VIII, указывалось, что церковный доход во многих приходах Испании вследствие уменьшения народонаселения и его обнищания упал на две трети по сравнению со второй половиной XVI в. Валенсия пыталась покрыть убыль населения путем набора крестьян на острове Майорка, но власти Майорки протестовали против этого, опасаясь, что на острове не будет достаточного количества рабочих рук; валенсийские помещики стали уменьшать крестьянские оброки с целью привлечь на свои земли крестьян; вместо половины или трети урожая, взимавшейся с крестьян-морисков, взималась теперь пятая или шестая часть; вследствие этого с Пиренеев спустилось до 8 тысяч человек; прибыло также около 7 тысяч крестьян из Каталонии. Разумеется, это не могло заменить 100 тысяч морисков, изгнанных из одной лишь Валенсии. Обнищавшее дворянство стало искать компенсации в щедротах королевского двора, и Испания широко использовала путь облагодетельствования пострадавшей земельной аристократии. Так, граф де Кастельяр получал ежегодно 2000 дукатов. Дон Хуан Ропла - 400, донья Беатрис Борха - 600, маркиз де Квира - 600,

Untitled

герцог Гандиа - 8000 и т. д. Английский посол Френсис Коттинг-тон писал лорду Солсбери в мае 1610 г., что комиссары, прибывшие на места, откуда были изгнаны мориски, чтобы продать дома и земли изгнанников, с досадою должны были констатировать, что значительная часть имущества была уже расхищена различными королевскими фаворитами. Так, Лерма получил 250 тысяч дукатов, его сын - 100 тысяч, его дочь - 50 тысяч и т. д. Официальный отчет от 7 января 1613 г. говорит, что в Арагоне было конфисковано у морисков земли на 471 533 ливра; из них инквизиции дано на 49 188 ливров; на 84 949 ливров же дано было крестьянам, которые платили ежегодно высокий процент, а также внесли натурой определенную часть урожая; часть денег была предоставлена городам для восполнения убыли городского населения и т. д. Характерно, что король Филипп III, подписавший акт об изгнании морисков, уже в 1611 г. в ответ кортесам на их просьбу об оказании помощи высшим сословиям государства должен был заявить, что из-за ухода из страны морисков казначейство испытывает такие большие затруднения, что о помощи народу нельзя даже и думать. Французский историк, говоря об Испании XVII в., не может обойти молчанием "это столь печальное событие" и пишет: "На карте Испании в тысяче мест надписано это постыдное слово "despoblado" (не населено); в тысяче мест дикая природа заменила пашни. Заметьте направление пустырей и справьтесь с реестрами комиссаров изгнания - вы увидите почти всегда, что семейства морисков населяли эти пустыни. Покинутая ими земля их предков сделалась достоянием воров, которые

Untitled

нагло распространялись по всей Испании, так что разбои образовали здесь нечто вроде обычного промысла".

126 Ланды - местность, изобилующая дюнами. Она составляла часть провинции Гасконь, - а теперь составляет часть французского департамента Ланды.

127 Акеларре (aqueelarre) - шабаш (ведьм).

128 Инкубы и суккубы - бесы или демоны, которые, по утверждению веровавших в них, принимали вид мужчин или женщин для половых сношений с ведьмами и колдунами.

129 Педаний Диоскорид - греческий врач, родом из Аназарва в Киликии, живший в I в. н. э. От него дошли до нас шесть книг "О медицине", в которых собраны сведения древних по ботанике.

130 Соланум (*solanum nigrum*) - растение паслен. К роду пасленовых растений относятся: белладонна, картофель, американская красная камедь, золотушник, или зобная трава, сердечник.

131 Цикута (*cicuta*), или бешеница - ядовитое растение; его разновидность - болиголов.

132 Белена - наркотическое растение.

133 Мандрагора (*mandragora officinalis*), или адамова голова - растение, имеющее усыпляющее свойство.

134 Орест - герой греческой мифологии, сын Агамемнона и Клитемнестры, лишивший жизни свою мать за то, что она убила его отца. Его преследовали фурии. Ареопаг оправдал его, он получил сакрально очищение и вернулся на родину в Аргос, где и царствовал до конца жизни. Его похождения были драматически оформлены в трагедиях Эсхила, Софокла и Эврипида.

Untitled

135 Фурии (по-гречески эринии) - богини-мстительницы древнегреческой мифологии.

136 Рея, мать богов, или Кибела. - Под этими, впоследствии идентичными названиями слиты воедино три религиозных представления, принадлежащие разным эпохам и разным народам. Рея - жена Кроноса, отца Зевса в греческой мифологии; первоначальное место ее почитания - остров Крит. Кибела - азиатская богиня-мать. Родина ее - Каппадокия. Из Каппадокии культ азиатской богини-матери перешел во Фригию. Здесь объектом ее почитания был черный камень в пещерном храме горы Диндима. В V в. культ азиатско-греческой матери богов был распространен по всей Греции. Великая мать богов из Азии через Грецию перекочевала в Рим: в 135 г. до н. э. римляне потребовали от Аттала III, царя пергамского (138 - 133), овладевшего к тому времени Фригией, передать им черный камень Кибелы, который и был перевезен в Рим.

137 Фавны - низшие божества римской мифологии, получившие имя от бога Фавна, покровителя скотоводства и земледелия, соответствующего греческому Пану. Они изображались с козлиными рогами и ногами.

138 Сатиры - низшие божества греческой мифологии, спутники Вакха. Они изображались курносыми, с козлиными рогами, ушами, ногами и хвостами, играющими на флейте или кимвалах, или с чашей вина в одной руке и с тирсом (палкой, обвитой плющом) в другой. Они соответствуют римским силванам.

139 Алиби (в переводе с лат. означает "в другом месте") - в уголовном процессе способ защиты обвиняемого посредством доказательства, что во время

Untitled

инкриминируемого деяния он находился не в том месте, где преступление было совершено.

140 Андреа Пачеко - девятнадцатый главный инквизитор Испании (12 февраля 1622 - 7 апреля 1626).

141 Диего де Арсе-и-Рейносо - двадцать второй главный инквизитор Испании (8 сентября 1643 - 17 сентября 1665).

142 Несторий - патриарх Константинопольский (428 - 431), низложенный за ересь на третьем Вселенском соборе в Эфесе. Он считал Христа Богом по усыновлению и человеком по природе, почему и называл Марию не Богородицей, а Христородицей. Его последователи - несториане - распространились по Персии, Месопотамии, Туркестану и Северо-Западному Китаю. В Сирии несторианство было движением протеста крестьян против крупного землевладения.

143 Варавва - иудейский узник, освобожденный, согласно Евангелию, от смертной казни прокуратором Понтием Пилатом.

144 Вельзевул, или Вельзебуб - измененное название акронского бога Ваал-Зебуб, что значит "владыка мук".

145 Жак Марсолье (Marsollier; 1647 - 1724) - каноник церкви Св. Женевьевы в Париже. Из его трудов отметим: 1) "История происхождения десяти и других светских доходов церкви" ("Histoire des dimes et autres biens temporels de l'eglise"), 1689; 2) "История инквизиции и ее происхождения" ("Histoire de l'inquisition et de son origine"), 1693.

146 Алонсо д'Эрсилья (1533 - 1596) - испанский поэт, уроженец Мадрида. Его поэма "Араукана", написанная по личным впечатлениям, воспекает борьбу испанцев с

Untitled

арауканцами, туземцами Южной Америки, южными соседями Чили. Его поэма состоит из трех частей, напечатанных в 1569, 1578 и 1590 г.

147 Гаспар Гусман граф Оливарес, герцог Сан-Лукар (1587 - 1643) - первый министр и фаворит испанского короля Филиппа IV с 1621 по 1643г.

148 Франсиско де Рохас-и-Сандобал, герцог Лерма - первый министр и фаворит испанского короля Филиппа III с 1598 по 1618 г. Умер в 1625 г.

149 Св. Люцифер - епископ города Кальяри, на острове Сардинии; в 354 г. участвовал в Миланском соборе, где защищал Афанасия Александрийского, за что был сослан арианином-императором Констанцием II.

Возвращенный из ссылки императором Юлианом, он направился в Антиохию, где вмешался в споры между евстафианами и мелетианами, принял сторону первых и таким образом впал в раскол. Он умер в своей епархии в 370 г. Его ученики - люцифериане - поддерживали этот раскол в Сардинии после его смерти. Его сочинения были напечатаны в Париже в 1568 г.

150 Тунис - страна в Северной Африке, между Алжиром и Триполи, соответствующая центральной части древней Карфагенской республики (город Тунис построен близ древнего Карфагена). Население состоит из берберов, мавров (арабов Магриба), турок, евреев. С 1535 по 1573 г. Тунис был под протекторатом Испании. С 1573 по 1881-й номинально был под властью турецкого султана, но управлялся беем - выборным вождем местного гарнизона. С 1881 г. фактически под властью Франции.

151 Рекисвинт - вестготский король Испании (667 - 672).

Untitled

Вестготы из ариан стали католиками еще в 589 г.; при Рекисвинте духовенство управляло государством.

152 Елизавета Бурбон - королева Испании, дочь Генриха IV, французского короля, и Марии Медичи (1602 - 1644), в 1616 г. вышла замуж за Филиппа IV Испанского; на ее дочери от этого брака Марии-Терезе женился Людовик XIV.

153 Нейбург - город в Баварии, на Дунае. В 1614 - 1742 г. Нейбург с округом составлял независимое графство.

Мария-Анна была принцессой Нейбургской.

154 Филипп Бурбон - внук Людовика XIV, король испанский с 1700 по 1746 г., царствовавший под именем Филиппа V.

155 Отец лжи - обычный евангельский синоним дьявола.

156 Эрцгерцог Карл Австрийский - сын германского императора Леопольда I (1658 - 1705); был германским императором под именем Карл VI с 1711 по 1740 г. Одно время был соперником Филиппа V в борьбе за испанскую корону, известной под именем войны за испанское наследство. В 1714 г. по Раштатскому миру отрекся от своих притязаний и получил во владение королевство Неаполитанское, герцогства Милан и Мантуя, Сардинию и Нидерланды. Он известен так называемой прагматической санкцией (в 1713 г.). В силу этого документа его дочь Мария-Тереза стала наследницей его прав в австрийских владениях.

157 Симон волхв, или маг, родом из Гиттона в Самарии, ранний гностик. Он стремился вывести религиозную мысль христиан из пределов современного им ортодоксального иудейства. По мнению древних христианских писателей, Симон долгое время жил в Риме, между прочим в

Untitled

царствование Нерона (54 - 68). Библейская критическая школа считает Симона легендарной личностью.

158 Шпинет (spinetta) - старинный итальянский музыкальный однострунный инструмент.

159 Денис Талон (1628 - 1698) - президент парижского парламента, юрист, защищавший права короны против покушений папской власти. После него остались судебные речи и юридические трактаты.

160 Галилее Галилей (1564 - 1642) - уроженец Пизы, великий основатель механики как науки о движении. Все мировоззрение Галилея направлено против схоластики и догматики средневековья и выражает наиболее прогрессивные тенденции эпохи Возрождения. При папе Урбане VIII Галилей добивался отмены декрета, осуждавшего учение Коперника, но безуспешно. В 1632 г. он опубликовал на итальянском языке знаменитое сочинение "Диалоги о системах мира Птолемея и Коперника", в которых он говорил о движении Земли и неподвижности Солнца. Противники идей Галилея убедили Урбана VIII, что под Симплицио (одно из трех лиц "Диалогов") разумеется сам папа, и Галилей предстал перед чрезвычайной комиссией по обвинению в противоречии с Библией. В следующем году он, по приговору инквизиции, был принужден отречься от своего учения и от "ереси" Коперника и был лишен свободы. Но, несмотря на папский интердикт, в протестантских странах сочинения Галилея издавались.

161 Антиподы - люди, обитающие на двух диаметрально противоположных пунктах Земли. Отцы Церкви видели в представлении об антиподах противоречие с Библией, и

Untitled

всякий, кто разделял учение об антиподах, подвергался отлучению от Церкви.

162 Климент XII - Папа Римский (1730 - 1740), итальянец, уроженец Рима, Лоренцо Корсини.

163 Книга Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, "Духовные упражнения" была издана в Риме на латинском языке при жизни Лойолы, в 1548 г.

164 Карл I король Англии (1625 - 1649), сын Якова I Стюарта. Желая управлять государством деспотически, он несколько раз распускал парламент. Попыткой ввести некоторые новшества в протестантскую религию Англии он возбудил против себя пресвитериан, представителей крупной торговой буржуазии, которые были одной из фракций пуританства, объявлявшего себя противником католической Церкви и сторонником чистоты вероисповедания. Ряд крупных столкновений с парламентом привел к революции. Во время гражданской войны Карл был разбит войсками Кромвеля, и парламент приговорил его к смертной казни как тирана. Казнь была совершена в 1649 г.

165 Оливер Кромвель (1599 - 1658) - лорд-протектор Англии, был депутатом в Долгом парламенте. Быстро выдвинулся своими речами против католиков и королевской власти. В гражданской войне применял классовое комплектование парламентской армии из йоменов, ремесленников и торговцев. Когда была провозглашена республика, Кромвель, как вождь могущественной партии индепендентов, одной из фракций пуританства, представлявшей интересы среднего землевладения, встал во главе республики с титулом

Untitled

лорда-протектора. Властный и нетерпимый пуританин, он стал править страной, как диктатор. Кромвель особенно сурово преследовал католиков, в которых видел и религиозных и политических врагов. При нем жестоко пострадала Ирландия. Он регламентировал церковное управление Англии и предоставил равные права трем главным религиозным группам (пресвитерианам, баптистам и индепендентам). Диктатура Кромвеля была диктатурой крупного купечества и джентри. Его внешняя политика обеспечила за Англией первенство на морях и возможность широкой колониальной политики.

166 Карл II - король Англии (1660 - 1685), сын Карла I, представитель реакции; при нем Англиканская Церковь была восстановлена в своих правах и был издан ряд постановлений против нонконформистов.

167 Вильгельм III - король Англии (1689 - 1702), сын принца Оранского и Генриетты-Марии, дочери английского короля Карла I, штатгальтер Голландии с 1672 г., муж Марии, дочери английского короля Якова II. Стал королем Англии после так называемой "славной революции" в 1689 г.

Вильгельм стоял во главе коалиции

государств,

боровшихся

против

Франции;

подавил реакционно-католические элементы внутри Англии и уничтожил сторонников Якова Стюарта.

168 Георг I - курфюрст ганноверский с 1698 г. и король Англии (1714-1727); сын Эрнеста-Августа, курфюрста ганноверского, и Софии, внучки Якова I, короля Англии.

Untitled

169 Кавалер Рамзай (1686 - 1743) - шотландец, пресвитерианин, писатель, в 1709 г. обращен Фенелоном в католичество. Он оставил после себя сочинения на французском языке, из которых назовем напечатанное по его смерти в 1749 г.: "Философские принципы естественной и откровенной религии" ("Principes philosophiques de la religion naturelle et revelee").

170 Готфрид IV Бульонский, герцог Нижней Лотарингии - один из вождей первого крестового похода, первый король Иерусалима по завоеванию его крестоносцами в 1099 г.; носил титул "защитника гроба Господня". Умер в 1100 г. Итальянский поэт Торквато Тассо (1544 - 1595) изобразил его в своей поэме "Освобожденный Иерусалим" (есть русский перевод). Созданный в ней романтический образ совершенно не соответствует исторической действительности.

171 Роберт I Брюс - король Шотландии (1306 - 1329).

172 Шатле (Ghatelet) - крепость в Париже; с XVI в. была тюрьмой и местом главного полицейского управления Парижа. Она разрушена в 1802 г.; на ее месте находится площадь Шатле.

173 Людовик XV - король Франции (1715 - 1774), правнук Людовика XIV. При нем из Франции были изгнаны иезуиты в 1762 г.; мера эта связана с именем министра герцога Шуазеля. При нем достигло высокого уровня то разложение "старого порядка", которое впоследствии привело к буржуазной революции во Франции.

174 Бастилия - крепость и государственная тюрьма в Париже. Она была выстроена в 1369 - 1383 гг. В XVII и XVIII вв. в нее заключали не только государственных

Untitled

преступников, но по придворным интригам всякого рода людей, не угодивших королевскому двору; аресты производились с помощью так называемых *lettres de cachet*, то есть приказов за подписью и печатью короля, без указания имени подлежащего аресту лица. Бастилия была разрушена революционным народом 14 июля 1789 г. Этот день ныне является национальным праздником Французской республики.

175 Луи-Франсуа Бурбон, принц Конти (1717 - 1776) - был полководцем при Людовике XV.

176 Луи-Филипп Бурбон-Орлеан, герцог Шартрский (1725 - 1785) - дед Людовика-Филиппа, короля Франции (1830 - 1848).

177 Рейнский Пфальц - область Германии на Верхнем Рейне; столицей ее были Гейдельберг, затем Мангейм и Франкенталь. Владетель его назывался курфюрстом и был одним из семи владетельных германских князей, обладавших правом избрания германского императора.

178 Джованни Гастоне Медичи - великий герцог тосканский (1723 - 1737), последний из рода Медичи, владевшего Флоренцией с 1421 года.

179 Франц Лотарингский - был великим герцогом Тосканы под именем Франческо II (1737 - 1765) и германским императором под именем Франца I (1745 - 1765).

180 Цецилий Плиний Секунд (62 - 115), известный под именем Плиния Младшего, - племянник Плиния Старшего, римского натуралиста, погибшего при извержении Везувия в 79 г. н. э.; во время гонения при императоре Траяне был проконсулом в Вифинии, в Малой Азии. В письмах Плиния к Траяну имеется богатый материал для истории

Untitled

христианства и между прочим сообщается о богослужбных собраниях христиан, которые происходили ранним утром и открывались молитвой к богу восходящего светила (великое славословие, составляющее ныне во многих местах часть утрени).

181 Марк Ульями Траян - римский император (98 - 117), родился в Италии (ныне деревня Севилья-ла-Вьеха, близ Севильи), сын римского солдата, первый правитель Рима неитальянского происхождения.

182 Ягве (lahve) - гипотетическое произношение имени библейского Бога. Оно предлагается учеными взамен неверного произношения "Иегова" на основании того, что самаряне произносили это слово как "Ягве". Некоторые ученые производят слово "Ягве" от глагола "дуть" (по-еврейски) и считают его богом ветра и бури; другие усматривают в нем форму от глагола "быть" и переводят "Ягве" словами: "творец; тот, кто производит бытие".

183 Розенкрейцеры (братья розового креста, то есть креста с розой в середине, на перекрестье) - тайное общество адептов магии и алхимии, искателей и обладателей философского камня. Оно было распространено в Германии и Нидерландах с начала XVII в. и имело своим главой Иоганна-Валентина Андреэ (около 1614 г.), который в 1615 г. опубликовал изложение их учения в книге под заглавием "Исповедание розового креста" ("Confessio Roseae Crucis"), Во франкмасонстве название розенкрейцеров (чаще новые розенкрейцеры) обозначает одну из высших степеней.

184 Кильвининг (Killwinning) - город в Шотландии, где, по преданию, была основана первая шотландская масонская

Untitled

ложа.

185 Большим пальцем правой руки совершают крестное знамение яковиты (иакобиты), христианские еретики, появившиеся в Сирии, Армении и Месопотамии в VI в., исповедовавшие учение монофизитов и продолжающие существовать доселе.

186 Адонаи - значит: Господь мой (в Библиях переводится по-гречески Kurinz, по-латыни Dominus). Будучи первоначально обозначением Бога, слово "адонаи" явилось заместителем имени Ягве, когда последнее было признано слишком священным для обычного употребления.

187 Кадош - по-еврейски означает святой.

188 Жак де Моле - гроссмейстер ордена тамплиеров; был арестован в Париже по приказу короля Филиппа Красивого, судим, подвергнут пытке и сожжен живым 18 марта 1314 г. в Париже.

189 Филипп IV Красивый - король Франции (1285 - 1314).

190 Эрколе Консальви (1757 - 1824) - уроженец Рима, кардинал, министр папы Пия VII по иностранным делам, принимал деятельное участие в Венском конгрессе 1815 г.

191 Филипп Бурбон, герцог Орлеанский (1674 - 1723) - регент Франции во время малолетства Людовика XV (1715 - 1723).

192 Луи-Огюст Бурбон, герцог Мэнский (1670 - 1736) - сын Людовика XIV и его фаворитки Монтеспан.

193 Луи-Анри Бурбон, принц Конде (1692 - 1740) - первый министр Людовика XV по смерти регента.

194 Луи-Эркуль, герцог де Коссе-Бриссак (1734 - 1792) - губернатор Парижа при Людовике XVI, командир

Untitled

швейцарской дворцовой гвардии, был убит в Версале во время сентябрьских дней.

195 Изгнания иезуитов из разных стран происходили несколько раз в XVI - XVIII вв. Иезуиты были изгнаны из Англии в 1581 и 1601 гг., из Франции в 1594 и 1762-м, из Португалии в 1598 и 1759-м, из России в 1717-м, из Китая в 1753-м, из Испании и Сицилии в 1767 г. Орден был уничтожен в 1713 г. папой Климентом XIV, но иезуиты нашли убежище в России и Пруссии. В 1814 г. папа Пий VII торжественно восстановил иезуитский орден, и иезуиты стали почти везде играть огромную роль.

196 Флавий Клавдий Юлиан II - выдающийся римский император (361 - 363), называемый христианами историками Апостатом, то есть Отступником; в детстве был крещен; по воцарении отрекся от христианства, пытался восстановить языческий культ. От него дошло до нас несколько сочинений полемического характера (против христиан), политических речей, "История двенадцати цезарей" и письма.

197 Томисты, скоттисты и суаристы - последователи трех богословских школ, получили свое название от основателей их: св. Фомы (Томас) Аквината (1227 - 1274), Иоанна Дунса Скотта (1275 - 1308) и Франсиско Суареса, испанского иезуита (1548 - 1617).

198 Надо читать: сорок девять лет, ибо Карл III правил двадцать девять лет (1759 - 1788) и Карл IV - двадцать лет (1788 - 1808).

199 Франсиско Антонио де Лоренсана - сорок третий главный инквизитор Испании (1794 - 1797).

200 Рамон Хосе де Арсе - сорок четвертый главный

Untitled

инквизитор Испании (1798 -1808).

201 Гольбах Поль (1723 - 1789) - знаменитый французский философ-материалист, представитель революционных устремлений буржуазии накануне буржуазной революции во Франции. Главнейшие его антирелигиозные произведения: 1) "Разоблаченное христианство" ("Le christianisme devoile"), 1767; 2) "Священная зараза" ("Contagion sacree"), 1767; 3) "Карманное богословие" ("Theologie portative"), 1768; 4) "Опыт о предрассудках" ("Essai sur les preuges"); 5) "Система природы" ("Systeme de la nature"), 1770 (это его главнейшее произведение, получившее название "библии материализма"); 6) "Здравый смысл кюре Мелье" ("Bon sens du cure Meslier"), 1772; 7) "Всеобщая мораль" ("Morale universelle"), 1776; 8) "Элементы всеобщей морали" ("Elements de la morale universelle"), 1790. Некоторые произведения Гольбаха переведены на русский язык.

202 Александр Гумбольдт (1769 - 1859) - известный немецкий естествоиспытатель, основоположник научного страноведения. С 1799 по 1804 г. вместе с французским натуралистом Эмэ Бонпланом совершил путешествие на Кубу, в Мексику и Южную Америку. Его труд под заглавием "Путешествие в равноденственные области нового материка" ("Voyage aux regions equinoxiales du nouveau continent"), в шести частях, печатался двадцать лет (1805 - 1825). В 1828 г. он путешествовал по России и Центральной Азии. В 1847 - 1851 гг. появился его труд на немецком языке под заглавием "Космос, или Физическое описание мира". Кроме того, он много писал по вопросам физики, ботаники, физиологии, геологии и географии.

203 Этрурия - северо-западная область древней Италии; с

Untitled

III в. н. э. это название вытесняется сначала именем Тусции, а потом Тосканы. Королевство Этрурия было образовано из великого герцогства Тосканского в 1801 г. Наполеоном Бонапартом и просуществовало до 1807 г., когда оно было присоединено к Франции и образовало три департамента. В 1809 г. было отдано сестре Наполеона I Элизе Баччики в качестве великого герцогства. С 1814 по 1860 г. оно управлялось великими герцогами из австрийского дома. В 1860 г. вошло в состав Итальянского государства.

204 Александр Бертье (1753 - 1815) - французский генерал, в 1789 г. командир национальной гвардии в Версале, с 1796 г. генерал на службе республики; сопровождал Наполеона Бонапарта в Египет, участвовал во всех военных кампаниях Наполеона. С 1804 г. маршал Империи, с 1806 г. князь Невшателя, с 1809 г. принц Ваграмский. При падении Империи перешел на сторону Бурбонов.

205 Кенотафий - пустая гробница в память умершего, поставленная на кладбище (где погребен мертвый), в церкви, в сквере, на площади.

206 Конституанта - так переименовало себя 17 июня 1789 г. собрание Генеральных штатов Франции, созванное 5 мая того же года. 27 ноября 1790 г. конституанта (то есть учредительное собрание) декретировала в Париже (куда она перешла 12 октября 1789 г. из Версаля) принятие духовенством присяги на верность конституции (отсюда епископы и священники, принесшие эту присягу, стали называться *assermentes*, присяжными; они получили право свободно отправлять культ). Конституанта 30 сентября 1791 г. уступила место законодательному собранию.

Untitled

207 Доминик Катрин, маркиз де Периньон (1756 - 1818) - депутат Законодательного собрания в 1791 г., главнокомандующий армии в Восточных Пиренеях в 1794 г., посол в Мадриде, командир армии в Италии в 1799 г., сенатор и маршал Империи в 1804 г. В 1814 г. он присоединился к Бурбонам и в 1815 г. был сделан пэром и маркизом.

208 Батавская республика - так называлась Голландия в период буржуазной революции во Франции, между 1795 - 1806 гг.

209 Якобинцы (jacobins). - Первоначально это имя было дано в Париже доминиканцам, монастырь коих был основан в 1219 г. на улице Св. Иакова. В их владении был еще другой монастырь в Париже - на улице Сент-Оноре. В 1789 г. в Версале депутаты Бретани составили общество, известное под именем бретонского клуба (Club breton). Когда учредительное собрание перешло в Париж, клуб переместился туда же и назвался Обществом друзей конституции (Societe des amis de la constitution). Вскоре его прозвали клубом якобинцев (Club des jacobins), потому что он поместился в бывшем монастыре якобинцев на улице Сент-Оноре. В него вошли левые депутаты-конституанты. Постепенно клуб все больше радикализировался. Вскоре отделения его появились в других городах Франции, благодаря чему усилилось его влияние на общественное мнение. Робеспьер долгое время был его главою. Его членами наполнился состав Парижской коммуны. Якобинцы были наиболее последовательными мелкобуржуазными революционерами. Падение Робеспьера положило конец их господству в

Untitled

правительстве, и клуб был закрыт 11 ноября 1794 г.; конвент постановил сломать яacobинский монастырь и устроить на его месте "Рынок 9 термидора".

210 Пальма-де-Майорт - столица Балеарских островов, портовый город на острове Майорка.

211 Караибы - жители Антильских островов и северной полосы Южной Америки. Среди них господствовали полигамия и людоедство. Их называли и называют иногда каннибалами. Имя их стало нарицательным для обозначения человеческой жестокости.

212 Синедрион (греческое слово, еврейское - sanhedrim) - верховный совет в Иерусалиме. Он состоял из семидесяти старцев (сенаторов); в президиуме было три лица: князь (наси - председатель), его заместитель и "мудрец".

Заседания его происходили в круглом зале, наполовину входившем в состав храма, наполовину выступавшем за его пределы.

213 Гаризим (или Геризим) - гора в Палестине. Ныне Гаризим носит название Dschabal al Tur.

214 Саддукеи получили название от своего основателя Цадока; иудейская религиозно-политическая партия, проявлявшая особую деятельность в эпоху Маккавеев (около 150 г. до н. э.) вплоть до разрушения Иерусалима (70 г. н. э.). Саддукеи придерживались текста закона, отвергали толкования и предания старцев; отрицали бытие добрых и злых ангелов, бессмертие души, воскресение мертвых и принимали служение Богу лишь в целях достижения земных благ. Саддукеи - священнические богатые аристократические роды, консерваторы; они боролись против более демократической партии,

Untitled

известной под названием фарисеев, считавших необходимым приспособляться к новым требованиям жизни.

215 Веллингтон, сэр Артур Веллеслей (1768 - 1852) - знаменитый английский полководец, победитель Наполеона I. В 1809 г. был назначен главнокомандующим английской армии в Португалии и заставил французов очистить эту страну. Вскоре он нанес поражение испанскому королю Иосифу (Жозефу Бонапарту) и вступил в Мадрид. В 1813 г. был назначен главнокомандующим испанской армии, которую он присоединил к английской, одержал в том же году решительную победу над французами при Виттории, за что получил звание маршала и титул герцога; перешел через Пиренеи и в начале 1814 г. проник во Францию. При возвращении Наполеона с острова Эльба Веллингтон был назначен генералиссимусом европейских коалиционных армий и вместе с Блюхером одержал победу при Ватерлоо. В 1828 г. был премьером консервативного кабинета, но под давлением либерального движения должен был в 1830 г. подать в отставку; затем два раза входил в качестве министра в состав кабинета Пиля и отстаивал интересы крупного землевладения. По отношению к солдатам был жесток, называл их подонками общества и применял к ним телесное наказание.

216 Равенна - город в северо-восточной части Италии, на берегу Адриатического моря; основан в глубокой древности; им владели этруски, галлы; к римлянам перешел в 234 г. до н. э. В 404 г. н. э. император Гонорий сделал Равенну столицей Западной Римской империи; в

Untitled

конце V в. она была резиденцией остготских королей. С 568 по 752 г. - столица греческого экзархата, зависимого от Византийской империи; затем короткое время принадлежала лангобардам, а в 754 г. франкский король Пипин Короткий отдал ее Папе Римскому. В средние века она была подвластна то Болонье, то Венеции. С 1509 г. вновь стала частью Папской области до 1860 г., когда вошла в состав Итальянского королевства.

217 Сальвиано (390 - 484) - марсельский священник. Из его многочисленных сочинений дошли до нас немногие: его трактат "Об управлении Божиим" ("De gubernatione Dei"), книга "Об алчности". ("De avaritia") и письма.

218 Порто-Рико - самый восточный из Больших Антильских островов. Колумб открыл его в 1493 г.

219 Климент Александрийский не был епископом. Это ошибка автора.

220 Юстин - философ (103 - 168). Он писатель II, а не III в. Здесь ошибка автора.

221 Люций Домиций Аврелиан - римский император (270 - 275), уроженец Дакии (современной Румынии).

222 Каскара - город в Месопотамии, на границе с Аравией. Беседа Архелая с Манесом не могла происходить в 280 г., так как уже в 274 г. с Манеса была содрана кожа.

223 Ошибка: Феодосий I, автор упоминаемого закона, правил Восточной Римской империей с 379 по 395 г. Надо читать: 382 г.

224 Петр Дамиан (988 - 1072) - уроженец Равенны, кардинал, епископ Остии. Друг Григория VII Гильденбранда, один из вождей Ключийского движения. За десять лет до смерти отказался от своих обязанностей и

Untitled

удалился в монастырь. Дамиани принимал участие в борьбе за реформу Церкви и, не щадя красок, бичевал "падших" священников, николаитов (допускавших брак духовных лиц) и симониаков, продававших и покупавших духовные места. Официально не канонизованный, Дамиани почитается в католической церкви как святой.

225 Указание на год неверно, так как Филипп I умер в 1506 г. Стало быть, это известие относится к 1506 г.

226 Валянсэ (Valencau) - город во французском департаменте Эндрэ. Здесь Фердинанд VII прожил с 1808 по 1814 г.; здесь же в 1813 г. был подписан трактат, вернувший ему престол (не смешивать его с Valence, названием нескольких французских городов).

227 Раб рабов Божиих (Servus servorum Dei) - эта папская титулатура в буллах установилась в обиходе римской курии со времени папы Григория VII (1073-1085).